ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

.НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№3

2026

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Афанасьева Л.В., Аликина Е.Р. Массив локальных нормативных актов в образовательной организации (на примере ФГБОУ ВО «КНАГУ»)....6

Белослудцев А.В. Преображенский приказ как инструмент создания централизованной системы правоохранительных органов в России....10

Зарецкий А.М., Коляса В.С. Право, как форма нормативной рациональности: философско-правовой анализ трансформации юридического мышления в условиях цифровизации....14

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Азамов В.А. Государственное управление в области информации, информационных технологий и информационной безопасности....18

Алексеев К.А. Правовой статус нотариуса: содержание и проблемные аспекты регулирования....21

Бахчеев И.А. Система нормативно-правового закрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей: уровневый подход и отраслевая дифференциация....25

Беляков А.В. Взаимодействие национальных антимонопольных органов стран-членов ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии....28

Буй Хонг Ньунг. Совершенствование правовой базы Вьетнама по адаптации к изменению климата как партнера БРИКС....32

Внукова Л.С. Мониторинг криптовалютных транзакций как инструмент обеспечения государственной и общественной безопасности: опыт реализации и перспективы развития....35

Ву Май Фыонг. Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях трансформации: проект закона Вьетнама о комплексном управлении искусственным интеллектом....38

Жмакин Г.Н. Электронные доказательства в цивилистическом процессе. Доктринальный подход и современные взгляды....42

Лаврищева О.М. Научная и преподавательская деятельность как элемент правового статуса судьи в отставке: правовой и этический аспекты....46

Матей Е.В. Особенности оценки рисков в целях противодействия легализации преступных доходов при обращении цифровых финансовых активов....49

Мозговой А.С. Специфика отечественной модели группового иска, регламентированной нормами ГПК РФ....52

Налбандян Альберт. Публично-правовой механизм регулирования деятельности некоммерческих организаций в современной России....55

Смирнова Ю.Ю. Проблемы правоприменения при предоставлении земельных участков без торгов для целей развития социальной инфраструктуры....59

Стрелков М.А. Система правовых механизмов обеспечения национальных интересов: проблемы и перспективы....62

Фатьянов Е.В. Конституционная реформа 2020 года и развитие образовательного законодательства России: формирование суверенной национальной системы образования....66

Учредитель: **ООО «Издательство КНОРУС»**
Издатель: **ООО «Издательство «КноРус»**

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500
Подписной индекс Роспечати: **82319**

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru *Сайт:* www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Барабанова Светлана Васильевна,** д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич,** д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович,** д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор РАО, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна,** д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич,** кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич,** д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Анджеевич**, д-р экон. наук, Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК); **Малько Александр Васильевич,** д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна,** д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна,** д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич,** д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); **Рузакова Ольга Александровна,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович,** д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович,** кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна,** д-р юрид. наук, доц., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич,** д-р юрид. наук, проф., Саратовская государственная юридическая академия; **Четвериков Артем Олегович,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович,** д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна,** д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович,** д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович,** доктор юридических, наук, проф., проф. Кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна,** д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич,** д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич,** д-р юрид. наук, проф., проф. Кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:
Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. *Дата выхода в свет:* 15.04.2026

Цена свободная
Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Фирсов М.В. Особенности правового статуса руководителей региональных органов центральной власти в Китайской Народной Республики 69

Чевлытко В.В., Гольцов Д.А., Гончарук Р.А. Концептуальная трансформация местного самоуправления в единой системе публичной власти в свете Федерального закона от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» 72

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Апоревич В.Н., Зуева К.А. Правовое регулирование труда работников имеющих детей 75

Бородавко А.А. Актуальные проблемы правового режима объектов электросетевого хозяйства 78

Верникова А.В. Проблема недействительности сделок с цифровыми финансовыми активами и последствия их недействительности 83

Вихров А.А. Особенности правового регулирования пожертвований, совершаемых посредством цифровых платформ коллективного финансирования 87

Гершкович С.А. Обеспечительные меры в делах о защите авторских и смежных прав в сети интернет 91

Даниленко И.М. Цифровые права и активы как объекты наследования 95

Искандарова К.У. Современные тенденции оценки доказательств в цивилистическом процессе 98

Касимова О.А. Защита деловой репутации при оказании услуг народной медицины 103

Кравцова Н.П. Добровольное медицинское страхование: правовые аспекты регулирования 107

Кокова Д.А. Содержание понятия «семья» в условиях реформирования семейного законодательства 111

Кострюков А.С. Развитие принципов цивилистического процесса в системе электронного правосудия 114

Кравцова Н.П. Цифровые средства доказывания в гражданском процессе 117

Краевская А.Г., Гаджиев А.А. Генетический паспорт здоровья: платформенная модель ГЧП для массовой превентивной медицины 121

Кузнецов А.А. Ограничение цифрового пространства как межотраслевой юридический феномен и их гражданско-правовое значение 124

Литова Э.А., Ситдикова Л.Б. Нагрузка на судей в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: теоретико-правовые аспекты и проблемы качества правосудия 128

Маркова Е.В. Способы декриминализации предпринимательских преступлений 131

Никандров Е.А. Зарождение и развитие реестрового права в России 134

Михайлинский Г.О. Проблема квалификации правовой природы цифровых прав и их положение в системе объектов гражданского права Российской Федерации 139

Михайлов М.С. Освобождение гражданина от обязательств по завершении процедуры реализации имущества 142

Никандров Е.А. Правовая природа акта государственной регистрации прав на недвижимое имущество 145

Пантюхов Д.А. Рисковый характер как сущностный признак инвестиционной деятельности: правовое значение и последствия 149

Рогов А.А. Особенности взаимодействия нотариальных систем Российской Федерации и США: легитимация и доказательственная сила нотариальных актов 153

Сенников С.А. Плата за отказ от договора в дореволюционном праве России 156

Чешин А.В. Цифровые доказательства и проблемы их верификации в цивилистическом процессе 161

Соболев И.Д. Принцип lex causae в современном международном частном праве 165

Собянин А.А. Специфика юридической ответственности за экологические правонарушения на территории РФ 169

Трефилов С.А. Электронные технологии и основания возникновения гражданских правоотношений 174

Хасанов А.А. О смежной правовой природе лицензионного соглашения с пользователем 179

Шелков А.С. О различии и сходствах институтов транспортной экспедиции и перевозки грузов 183

Чешин А.В. Электронные доказательства в гражданском процессе: актуальные проблемы судебной практики 187

Шадров А.С., Пашенцев Д.А. Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа корпорации как объект страховой защиты в российском праве 191

Шелков А.С. Правовые аспекты ограничения размеров ответственности экспедитора за убытки, понесенные клиентом 195

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Арзамасов В.Ю., Бурмистров И.А., Голиков О.В., Иринчеев В.В. Сущностные грани осмысления детерминированности преступности 199

Ващенко Д.С. Полномочия прокурора при осуществлении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное следствие 207

Власов Д.В. О координирующей роли органов прокуратуры в противодействии преступности в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан: сравнительно-правовое исследование 210

Воронкова Е.О. Виртуальное насилие: уголовно-правовая квалификация угрозы убийством, совершённой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей 215

Григораж К.В. Особенности элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере использования допинга в спорте 218

Губарев Е.И. К вопросу о юридическом признаке и спорной чужеродности предмета хищения 222

Крюков А.В. Совершение преступлений при неосторожном сопричинении вреда 226

Заливин А.Н. Современные научные воззрения об уголовно-процессуальных функциях 228

Зацепин М.Н., Зацепин А.М. Криминологическая характеристика уголовной политики России 232

Милаева М.Ю. Преступления против здоровья: вопросы регламентации и реализации ответственности 236

Камалиев Б.А. Философское осмысление коррупции в исследованиях Чезаре Ломброзо 240

Крюков А.В. Субъективная сторона доведения до самоубийства 243

Матросов А.А. Различные интерпретации термина «финансовая пирамида» в контексте уголовного законодательства отдельных зарубежных стран 245

Медведева М.А. Гендерные аспекты института необходимой обороны в уголовном праве России 248

Милаева М.Ю., Соколов М.Ю. Судебно-баллистическая экспертиза в системе уголовно-правового противодействия незаконному обороту оружия: пробелы регулирования и пути совершенствования 252

Невенченый Я.А. Особенности мер и средств противодействия коррупции 256

Раджабов Ш.Р. Проблемы уголовной ответственности за коррупционные преступления в сфере реализации национальных проектов 259

Раянова Э.Т., Беседина В.А. Современные тенденции в сфере экономических преступлений и особенности судебной практики 264

Решетников В.М. Проблемы реализация права адвоката на получение сведений по адвокатскому запросу ... 267

Романов Э.А. Проблемы реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве ... 271

Сидорова Е.З. Системы криминологической безопасности образования в странах азиатско-тихоокеанского региона и других регионах мира ... 275

Тушев А.А., Войтенко В.А. Презумпция невиновности и допустимость доказательств: правовые взаимосвязи и гарантии справедливого судопроизводства ... 278

Стебивко И.Ю. Искусственный интеллект в системе гарантий законности судебной деятельности: вопросы превентивной профилактики дисциплинарных проступков ... 282

Медведева А.А., Прокофьева С.М., Топилкин П.С., Малый М.В. Преступность несовершеннолетних в условиях современных социальных трансформаций: динамика и криминогенные факторы ... 288

Тушев А.А., Войтенко С.А. Принцип обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту в условиях цифровизации уголовного судопроизводства ... 292

Шаповалов Д.В. Дуализм статуса адвоката в уголовном процессе ... 296

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ню Лян, Дементьев А.А. Пересечение юрисдикций международного и внутригосударственного права. Конфликт между экстрадицией и судебным преследованием транснациональных преступлений ... 299

Дэн Шилэй. Институциональная эволюция механизмов разрешения споров в странах БРИКС и трансформация глобального правового ландшафта ... 303

Захаров А.В. Использование иранского опыта при формировании норм законодательства РФ для противодействия негативному воздействию международных односторонних ограничительных мер: выученные и не выученные уроки ... 307

Раков А.В., Висленева К.Ю. Государство как субъект гражданских правоотношений в России и Бразилии ... 312

Томина Д.Д. Глобализация и защита финансовых интересов: обзор механизмов разрешения споров (ЕС, ЕАЭС, ISDS) ... 315

Шайхутдинова Г.Р., Федченков А.В. Концепция международной правовой помощи ... 318

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Агеев Э.Г. Декриминализация как инструмент реализации принципа «ultima ratio» в современном уголовном праве России ... 321

Асташов Г. Правовая природа гонорара успеха: обусловленное обязательство или алеаторная сделка ... 325

Атаев Э.М., Магомедов Т.М. Криминологическая характеристика личности участника незаконного вооруженного формирования: современные тенденции, детерминанты и направления профилактики ... 329

Бородавко А.А. Объекты электросетевого хозяйства в системе объектов топливно-энергетического комплекса ... 333

Брусиловский Р.А. Эволюция формы правления в России в XVII веке ... 337

Васиян Р.И. Правовые формы и пути системно-структурного развития цифрового законодательства в Российской Федерации ... 342

Гаврилов Г.В. Персональные данные как объект преступления ... 347

Дмитриев П.А. К вопросу об управленческих процессуальных действиях суда первой инстанции по делам о банкротстве ... 352

Зайцева В.А. Проблемы правоприменительной практики при оценке нуждаемости многодетных семей в российской федерации и пути их преодоления ... 355

Мирских И.Ю., Куцевалов С.А. Компаративистский анализ секретного изобретения в России и за рубежом ... 359

Лебедев К.А. К вопросу о медицинском страховании ... 364

Лернер С.Д. Институт наследственного договора в России и Швейцарии ... 367

Мазка Е.Ю., Рязанцева Е.А. Правовой режим цифровых финансовых активов и криптовалют в системе имущественных отношений супругов: вопросы квалификации и раздела ... 369

Миронов Д.В. Комплексное правовое обеспечение оборота баз данных: проблемы и решения ... 374

Мирошник Е.А. Использование криминалистических учётов и информационных систем при расследовании преступлений на морском транспорте ... 378

Мишин Д.А., Куровский С.В., Андреев А.А. Проблема признания срочного трудового договора заключенным на неопределённый срок ... 382

Мясоедов В.С. Конституирующие признаки земельного участка как объекта гражданских прав и их влияние на формирование правового режима ... 387

Орлов А.А., Сулейманов Д.Д. Правовая природа объединения клубов профессиональной спортивной лигой ... 391

Мирошник Е.А. Определение уголовно-правовой юрисдикции в процессе расследования преступлений на море и морской среде ... 395

Разделкин А.А. Гражданско-правовая природа торгов: теоретические подходы и проблемы существующих дефиниций ... 399

Сидоров С.С. Риски оборота цифровых данных: проблемы правового регулирования ... 403

Синицын А.С. Соотношение правового режима налогового контроля за ценообразованием в рамках «контролируемых» и «не контролируемых» сделок: сходства, различия и перспективы развития ... 407

Тельян М.А. Трансформация ответственности в системе государственного (муниципального) финансового контроля ... 413

Федоров А.А. Досудебный порядок и судебная нагрузка в условиях повышения госпошлин: экономико-правовой анализ статистики 2023, 2024, 2025 годов ... 416

Филянина И.М. Социальные функции государства в сфере реализации права на жилище отдельных категорий граждан ... 421

Царапкин Д.П. Имущественные права несовершеннолетних детей, особенности их реализации в Российской Федерации ... 425

Чирейкин Н.М. Конституционно-правовая политика Российской Федерации по вопросу обеспечения права на жилище ... 427

Яковлев А.Ю. Трансформация правового регулирования и институтов управления государственными хозяйственными обществами ... 432

Кочесоков З.Х., Кочесокова М.К. Цифровая компетентность как условие эффективного расследования киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологии ... 435

Магомедов М.Р., Зейналов М.М. Нотариус и аудитор: два вида злоупотреблений, одно наказание? ... 437

Ярхамов К.Т. Международные институциональные механизмы защиты детей от насилия в киберпространстве ... 440

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Afanasyeva L.V., Alikina E.R. A multitude of local normative acts in an educational organization (by example of the FSBEO HE «KNASU») 6

Belosludtsev A.V. The Preobrazhensky prikaz as an instrument for creating a centralized law enforcement system in Russia..... 10

Zaretsky A.M., Kolyasa V.S. Law as a form of normative rationality: a philosophical and legal analysis of the transformation of legal thinking in the context of digitalization..... 14

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Azamov V.A. Public administration in the field of information, information technology and information security 18

Alekseev K.A. Legal status of the notary: contents and problem aspects of regulation..... 21

Bakhcheev I.A. The system of normative and legal enshrinement of traditional Russian spiritual and moral values: a tiered approach and sectoral differentiation 25

Belyakov A.V. Interaction of the national antimonopoly authorities of the EAEU member states and the Eurasian economic commission 28

Bui Hong Nhung, Improving Vietnam's legal framework for adaptation to climate change as a BRICS partner..... 32

..... 32

Vnukova L.S. Monitoring of cryptocurrency transactions as a tool for ensuring state and public security: implementation experience and development prospects..... 35

Vu Mai Phuong. Policing artificial intelligence (AI) in a time of upheaval: vietnam's draft law for comprehensive ai governance..... 38

Zhmakin G.N. Electronic evidence in civil proceedings. Doctrinal approaches and modern perspectives 42

Lavrishcheva O.M. Academic and teaching activities as an element of the legal status of retired judges: legal and ethical aspects 46

Matei E.V. Assessment of risks in the circulation of digital financial assets for the purpose of anti-money laundering 49

Mozgovoi Arsenii Sergeevich The specifics of the domestic model of a class action, regulated by the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation 52

Nalbandyan A. Public-law mechanism of regulation of non-profit organizations in modern Russia..... 55

Smirnova Yu.Yu. Problems of law enforcement in the granting of land plots without auctions for the development of social infrastructure 59

Strelkov M.A. A system of legal mechanisms for ensuring national interests: problems and prospects..... 62

Fatyianov E.V. The 2020 constitutional reform and the development of Russian educational legislation: the formation of a sovereign national education system..... 66

Firsov M.V. Legal Status of Heads of Regional Central Government Bodies in the China 69

Chevlytko V.V., Goltzov D.A., Goncharuk R.A. Conceptual transformation of local self-government in a unified system of public authority in light of Federal Law № 33-FZ of March 20, 2025 «On the general principles of organizing local self-government in a unified system of public authority»..... 72

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

Aporevich V.N., Zueva K.A. Legal regulation of labor of employees with children..... 75

Borodavko A.A. Actual problems of the legal regime of power grid facilities..... 78

Vernikova A.V. The problem of invalidity of transactions with digital financial assets and the consequences of their invalidity 83

Vikhrov A.A. Features of legal regulation of donations made through digital collective financing platforms 87

Gershkovich S.A. Precautionary measures in cases concerning the protection of copyright and related rights on the internet..... 91

Danilenko I.M. Digital rights and assets as inheritance objects 95

Iskandarova K.U. Modern trends in the evaluation of evidence in civil procedure..... 98

Kasimova O.A. Protection of business reputation in rendering traditional medicine services 103

Kravtsova N.P. Voluntary health insurance: legal aspects of regulation..... 107

Kokova D.A. The content of the term «family» in the context of family law reform..... 111

Kostryukov A.S. Development of the principles of the civil process in the electronic justice system 114

Kravtsova N.P. Digital evidence in civil proceedings 117

Kraevskaia A.G., Gadzhiev A.A. Genetic health passport: a platform-based public–private partnership model for mass preventive medicine 121

Kuznetsov A.A. Restriction of digital space as an intersectoral legal phenomenon and its civil law significance..... 124

Litova E.A., Sitdikova L.B. The burden on judges in cases of insolvency (bankruptcy) of citizens: theoretical and legal aspects and problems of the quality of justice..... 128

Markova E.V. Methods for decriminalizing business crimes..... 131

Nikandrov E.A. The origin and development of registry law in Russia 134

Mikhailinsky G.O. The problem of qualification of the legal nature of digital rights and their position in the system of objects of civil law of the Russian Federation 139

Mikhailov M.S. Release of a Citizen from Obligations upon Completion of the Asset Realization Procedure 142

Nikandrov E.A. The legal nature of the act of state registration of rights to real estate 145

Pantyukhov D.A. Risk as an Essential Feature of Investment Activity: Legal Significance and Consequences..... 149

Rogov A.A. Features of the interaction between the notarial systems of the Russian Federation and the USA: legitimation and evidentiary force of notarial acts 153

Sennikov S.A. Termination fee in Pre-Revolutionary Russian Law 156

Cheshin A.V. Digital evidence and problems of its verification in civil proceedings 161

Sobolev I.D. The principle of lex causae in contemporary international private law 165

Sobyanin A.A. Specifics of legal liability for environmental violations in the territory of the Russian Federation..... 169

Trefilov S.A. Electronic Technologies and the Grounds for the Emergence of Civil Legal Relationships. 174

Khasanov A.A. On the related legal nature of the user license agreement 179

Shelkov A.S. On the Differences and Similarities between the Institutions of Freight Forwarding and Cargo Transportation..... 183

Cheshin A.V. Electronic evidence in civil proceedings: current problems of judicial practice..... 187

Shadrov A.S., Pashentsev D.A. Civil liability of the sole executive body of a corporation as an object of insurance protection in Russian law..... 191

Shelkov A.S. Legal Aspects of Limiting a Freight Forwarder's Liability for Damages Incurred by a Client 195

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Arzamasov V.Yu., Burmistrov I.A., Golikov O.V., Irincheev V.V. Essential aspects of understanding the determinism of crime..... 199

Vashchenko D.S. Powers of the prosecutor in the implementation of prosecutorial supervision of the procedural activities of bodies conducting preliminary investigation 207

Vlasov D.V. On the coordinating role of prosecutorial bodies in combating crime in the Russian Federation, Republic of Belarus and Republic of Kazakhstan: a comparative legal study 210

Voronkova E.O. Virtual violence: criminal and legal qualification of death threats made using information and telecommunication networks 215

Grigorash K.V. Characteristics of the elements of the forensic profile of crimes related to the use of doping in sport 218

Gubarev E.I. On the question of the legal nature and the controversial foreignity of the subject of theft..... 222

Kryukov A.W. Committing crimes through imprudent contact 226

Zalivin A.N. Modern scientific views on criminal procedure functions 228

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M. Criminological characteristics of Russia's criminal policy 232
Milaeva M.Yu. Crimes against health: issues of regulation and implementation of responsibility 236
Kamaliev B.A. Philosophical understanding of corruption in Cesare Lombroso's research 240
Kryukov A.W. Subjective aspects of suicide 243
Matrosov A.A. Different interpretations of the term «pyramid scheme» in the context of the criminal legislation of certain foreign countries 245
Medvedeva M.A. Gender aspects of the institute of necessary defense in the criminal law of Russia 248
Milaeva M.Yu., Sokolov M.Yu. Forensic ballistics in the criminal law system to combat illegal arms trafficking: regulatory gaps and ways to improve 252
Nevencheny Ya.A. Features of anti-corruption measures and means 256
Radzhabov Sh.R. Problems of criminal liability for corruption crimes in the implementation of national projects 259
Rayanova E.T., Besedina V.A. Current trends in economic crimes and features of judicial practice 264
Reshetnikov V.M. Problems of realization of the lawyer›s right to receive information upon the lawyer›s request 267
Romanov E.A. Problems of the prosecutor›s implementation of the function of criminal prosecution in pre-trial proceedings 271
Sidorova E.Z. Criminological security systems of education in the countries of the Asia-Pacific region and other regions of the world 275
Tushev A.A., Voitenko V.A. Presumption of innocence and admissibility of evidence: legal interconnections and guarantees of a fair trial 278
Stebivko I.Yu. Artificial Intelligence in the System of Guarantees of Legality of Judicial Activity: Issues of Preventive Prevention of Disciplinary Offenses 282
Medvedeva A.A., Prokofieva S.M., Topilkin P.S., Malyi M.V. Uvenile delinquency in the context of modern social transformations: dynamics and criminogenic factors 288
Tushev A.A., Voitenko S.A. The principle of providing the suspect, the accused with the right to defense in the context of digitalization of criminal proceedings 292
Shapovalov D.V. Duality of the Status of a Defense Attorney in Criminal Proceedings 296

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Niu Liang, Dementev A.A. The overlap of jurisdiction between international law and domestic law. The conflict between extradition and trial of transnational crimes 299
Deng Shilei. Institutional evolution of dispute resolution mechanisms in BRICS countries and the transformation of the global legal landscape 303
Zakharov A.V. Using Iranian experience in developing Russian legislation to counter the negative impact of international unilateral restrictive measures: lessons learned and unlearned 307
Rakov A.V., Visleneva K.Yu. The State as a Subject of Civil Legal Relations in Russia and Brazil 312
Tomina D.D. Globalization and protection of financial interests: overview of dispute resolution mechanisms (EU, EAEU, ISDS) 315
Shaikhutdinova G.R., Fedchenkov A.V. The concept of international legal assistance 318

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Ageyev E.G. Decriminalization as a tool for implementing the «ultima ratio» principle in modern Russian criminal law 321
Astashov G. The Legal Nature of a Success Fee: A Conditional Obligation or an Aleatory Transaction 325
Atayev E.M., Magomedov T.M.-S. Criminological characteristics of the personality of a member of an illegal armed group: current trends, determinants and prevention directions 329
Borodavko A.A. Power grid facilities in the fuel and energy complex facilities system 333
Brusilovsky R.A. The evolution of government in Russia in the 17th century 337
Vasiyan R.I. Legal forms and directions of the system-structural development of digital legislation in the Russian Federation 342
Gavrilov G.V. Personal Data as an Object of Crime 347
Dmitriev P.A. On the issue of directive procedural actions of the court of first instance in bankruptcy cases 352
Zaitseva V.A. Legal issues in assessing the neediness of large families in the Russian Federation and approaches to their resolution 355
Mirskikh I.Yu., Kutsevalov S.A. A Comparative Analysis of a Secret Invention in Russia and Abroad 359
Lebedev K.A. On the Issue of Health Insurance 364
Lerner S.D. The institute of inheritance contract in Russia and Switzerland 367
Mazka E.Yu., Ryazantseva E.A. Legal Regime of Digital Financial Assets and Cryptocurrencies in Marital Property Relations: Issues of Qualification and Division 369
Mironov D.V. Complex legal support for database management data: problems and solutions 374
Miroshnik E.A. The Use of Forensic Records and Information Systems in Investigating Crimes on Maritime Transport 378
Mishin D.A., Kurovsky S.V., Andreev A.A. The problem of recognizing a fixed-term employment contract as concluded for an indefinite period 382
Myasoedov V.S. Constitutive Features of a Land Plot as an Object of Civil Rights and Their Impact on the Formation of the Legal Regime 387
Orlov A.A., Suleymanov D.D. Professional sports leagues in Russia as associations of professional sports clubs 391
Miroshnik E.A. Determining criminal jurisdiction in the investigation of maritime and marine environmental crimes 395
Razdelkin A.A. The Concept of Tenders under Russian Civil Law 399
Sidorov S.S. Risks of digital data trading: legal regulation issues 403
Sinitsyn A.S. The Relationship between the Legal Regimes of Tax Control over Pricing in «Controlled» and «Uncontrolled» Transactions: Similarities, Differences, and Development Prospects 407
Telyan M.A. Transformation of responsibility in the system of state (municipal) financial control 413
Fyodorov A.A. Pre-trial procedure and judicial burden in the context of increased state duties: economic and legal analysis of statistics for 2023, 2024, 2025 416
Filyanina I.M. Social functions of the state in the realization of the right to housing of certain categories of citizens 421
Tsarapkin D.P. Property Rights of Minors and the Specifics of Their Implementation in the Russian Federation 425
Chireikin N.M. The constitutional and legal policy of the Russian Federation on the issue of ensuring the right to housing 427
Yakovlev A.Y. Transformation of legal regulation and governance institutions of state companies 432
Kochesokov Z.Kh., Kochesokova M.K. Digital competence as a condition for effective investigation of cybercrimes and high-tech crimes 435
Magomedov M.R., Zeynalov M.M. Notary and auditor: two types of abuse, one punishment? 437
Yarhamov K.T. International institutional mechanisms for the protection of children from violence in cyberspace 440

Массив локальных нормативных актов в образовательной организации (на примере ФГБОУ ВО «КНАГУ»)

Афанасьева Людмила Викторовна,
канд. истор. наук, доцент, доцент кафедры «Общество и государство» ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»
E-mail: alvi_mila@mail.ru

Аликина Елизавета Радиславовна,
студент, ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»
E-mail: liza.alikina.2003@gmail.com

Работа посвящена реализации права образовательной организации, закрепленной в федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ в части разработки собственных локальных нормативных актов. Представлен обзор источников, опубликованных в электронно-библиотечной системе «Юрайт», а также в материалах периодической печати в 2013–2025 гг., который иллюстрирует представления разных авторов по теме исследования. Теоретический материал подкреплен изучением массива внутренних документов, расположенных в открытом доступе, на сайте конкретной образовательной организации высшего образования – ФГБОУ ВО «КнАГУ». Авторами обращено внимание на последствия предоставления образовательной организации широких полномочий в области разработки собственных локальных нормативных актов и те трудности, с которыми сталкиваются обучающиеся, как основные участники образовательного процесса и конечные пользователи части документов, при их поиске. На основе систематизации опыта работы в изученными материалами сформулированы предложения, ориентированные на минимизацию усилий и удобство использования. Работа подготовлена авторами в рамках реализации собственного проекта студенческого научного общества кафедры «История и культурология» (в настоящее время – кафедры «Общество и государство») ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет» (тема проекта: «Оптимизация структуры массива локальных нормативных актов в организации»).

Ключевые слова: локальный нормативный акт, образовательная организация, рекомендации.

Введение

Важность изучения вопросов, связанных с разработкой и систематизацией локальных нормативных актов (далее – ЛНА) в образовательной организации (далее – ОО) не вызывает сомнения. Подтверждение этому утверждению мы видим в интересе исследователей к этому направлению. Не остались в стороне и авторы настоящей работы, которые поставили перед собой простую цель – систематизировать представления других и приложить полученные теоретические знания к реалиям системы высшего образования и конкретной ОО. Работа является логическим продолжением проектов студенческих научных обществ «От нуля до единицы» и «Юстициар» социально-гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет».

Материалы и методы

При подготовке работы использованы 4 группы источников:
– материалы, размещенные в ЭБС «Юрайт» и доступные сотрудникам и обучающимся по подписке ОО (учебники и учебные пособия последних лет издания);
– статьи из научных и научно-практических журналов электронной библиотеки «КиберЛенинка»;
– нормативно-правовые акты федерального уровня, регламентирующие вопросы, связанные с разработкой ЛНА по теме исследования;
– локальные нормативные акты ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет», размещенные в открытом доступе на официальном сайте организации.

Произведенный нами поиск по ключевой фразе «Локальные нормативные акты в образовательной организации» среди публикаций, размещенных на сайте научной электронной библиотеки КиберЛенинка, позволил отобрать для дальнейшего исследования ряд журнальных статей. При этом тип ОО и уровень получаемого образования не конкретизировался в поисковой строке. Хронологические рамки мы ограничили датой вступления в силу действующего в настоящее время федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ, в котором:
– в статье 28 разработка и принятие ЛНА отнесено к компетенции ОО;
– в статье 30 определен перечень вопросов, решение которых должно найти отражении в содержании ЛНА ОО. Там же зафиксированы ключевые моменты, связанные с процедурой их принятия (утверждения).

Однако не следует думать, что содержание ЛНА ОО касается только обучающихся, как основных (самых многочисленных, по нашему мнению) участников образовательных отношений. В статье 47 того же закона, касающейся правового статуса другой стороны – работников ОО, тоже присутствуют отсылки к ЛНА. И их упоминания позволяют определить круг вопросов, решение которых должно находить отражение в ЛНА ОО применительно к ее работникам.

При подготовке работы использовались преимущественно теоретические методы исследования – анализ (в т.ч. анализ документов), синтез и пр. Количественные методы применялись при изучении и характеристике структуры массива ЛНА в ОО и его оценке.

Литературный обзор

Вопросы разработки и принятия ЛНА отражены в различных публикациях. Примеры тому мы видим в существовании отдельных пунктов или частей в учебных изданиях, размещенных на образовательной платформе Юрайт:
– пункт 7.6 в учебнике по образовательному праву (под редакцией А.И. Рожкова и В.Ю. Матвеева) [1];
– пункт 4.1 в учебнике по менеджменту в образовании (под редакцией С.Ю. Трапицына) [2];
– пункт 3.4 в учебнике по трудовому праву (под редакцией М.О. Буяновой) [3].

Первая публикация, обнаруженная нами в обозначенных временных рамках на просторах КиберЛенинки, датируется 2013 г. В ней Е.В. Кочергина упоминает ныне действующий ФЗ об образовании, приводит классификацию ЛНА по различным основаниям (интерес представляет их разделение на обязательные и необязательные), но отдает предпочтение начальному общему образованию и ЛНА для учащихся [4].

Вопросы локального нормативного регулирования отражены и в работе А.В. Минбалеева и Е.В. Георгиевой, опубликованной в 2014 г. Авторы фиксируют важные с позиции права особенности ЛНА в целом и формулируют интересную идею о том, что в большинстве случаев локальное регулирование является правом, от которого организация может отказаться [5]. Эта мысль сформулирована ими без привязки к ОО. Характеризуя ЛНА ОО, авторы уделяют внимание вопросам обеспечения их смысловой нагрузки.

В целом мы делаем вывод о том, что период 2016–2018 гг. характеризуется публикационной активностью авторов в интересующем нас направлении. Если не задавать поиск по указанной выше ключевой фразе в обратном хронологическом порядке (начинаем с 2025 г. и далее по убывающей), то КиберЛенинка предлагает ознакомиться с 7 статьями, из которых 4 изданы в 2018 г.

Видам ЛНА и правовым последствиям их принятия в ОО также посвящена работа, выполненная двумя авторами – Т.К. Кужугет и Б. Х.А. Суванди. Они закрывают пробел в терминологии и предлагают собственное определение локальных актов в ОО [6].

Нарушения при разработке и принятии ЛНА в ОО нашли отражения в работе Н.М. Ладнушкиной [7]. Она пишет о существовании двух групп ЛНА в ОО (обязательных и необязательных) и приводит перечень первых, с отсылкой к статьям и номерам их частей из федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ, а также приводит основания изменения, дополнения, отмены ЛНА в ОО. К сожалению, автор не выделяет особо ЛНА высшего учебного заведения. Однако приведенные в ее работе примеры мы можем рассматривать в качестве ориентиров при составлении собственного плана в рамках утвержденной распоряжением и.о. проректора по научной работе № 107-р от 31 октября 2025 г. темы проекта студенческого научного общества кафедры «История и культурология» (в настоящее время – кафедры «Общество и государство») ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет».

Определение признаков ЛНА ОО, а также порядок их принятия мы обнаруживаем в работе Э.Д. Плотниковой, опубликованной в 2018 г. [8]. Работа написана в соответствии с существующей нормативно-правовой базой, содержит отсылки не только к федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ, но и к Трудовому кодексу Российской Федерации. В ней автор отмечает факт отсутствия определения «ЛНА» в законе об образовании, а также указывает на немаловажное обстоятельство, которое мы можем трактовать как опасность чрезмерного роста числа ЛНА в ОО. На его последствие обращает внимание и Князева И.Н., которая отмечает существование проблемы, связанной с поиском ЛНА на сайте ОО. Среди путей ее решения предлагается систематизация, классификация, деление по разделам [9]. Она увязывает свое предложение с внесением изменения в федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.

Ограничения, связанные с событиями пандемии COVID-19, повлияли на содержание документов в ОО, более того – привели если не к увеличению, то к усложнению наполнения существующего набора обязательных ЛНА. Соответственно, вопрос об оптимизации поиска среди них необходимой информации усложнился. Однако и в 2025 г. авторы продолжают отдавать предпочтение вопросам разработки ЛНА. Подтверждение тому – публикация Ю.П. Зиничевой [10].

Результаты и обсуждение

Следуя примерам других исследователей, мы изучили вопрос создания (принятия) ЛНА на примере конкретной образовательной организации, к которой имеем отношение, – ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет» (далее – КнАГУ). Ориентируясь на сведения, приведенные в п. 7.6 учебника «Образовательное право», сначала мы обратились к Уставу ОО, в котором видам ЛНА отведен отдельный раздел.

Простой подсчет результатов поиска по тексту Устава обнаруживает, что упоминание о локальных нормативных актах встречается в этом документе 27 раз. При этом раздел «VIII. Виды локальных нормативных актов Университета» не закрывает все потребности в информировании о порядке их разработки, принятия, систематизации и не облегчает доступ к интересующим нас сведениям. Если произвести беглый обзор наиболее подходящих тематически упоминаний, то:

– указанная в федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ самостоятельность ОО в принятии ЛНА закреплена в пункте 4.1. Устава;

– фиксация видов ЛНА в форме открытого перечня – в пункте 8.2 Устава;

– перечисление органов управления КнАГУ, обладающих полномочиями по принятию ЛНА, распределено по пунктам 4.12 (компетенция Ученого совета ОО), 4.23 (полномочия ректора) и пункту 8.3 (в последнем, помимо обозначенных ранее, упомянуто обобщенно – иные органы) [11].

Процедура принятия ЛНА в КнАГУ понятна, но это влечет за собой и непредвиденное последствие в виде большого массива документов, ориентироваться в которых является одной из обязанностей всех участников образовательных отношений. Мы уже предпринимали попытку описания ЛНА КнАГУ, связанных с организацией и осуществлением учебного процесса, и обращали внимание на то, что их количество велико [12]. Ранее мы полагали, что простое содействие обучающимся (как самым многочисленным, в нашем случае, участникам образовательных отношений) в росте их информированности о содержании и сути норм, содержащихся в текстах ЛНА, способно решить проблему [13]. В настоящее время мы формулируем иное предположение, связанное с тем, что мало рассказать студенту о том, какие документы есть в ОО. Следует сосредоточиться на их классификации, систематизации, облегчении поиска и самостоятельного ориентирования в их массиве.

Согласно информации, представленной в 5.3 ДП 4.2.3 / 4.2.4, в КнАГУ для разработки разных типов ЛНА приняты собственные документы: СТО 4.2.3–3, СТО 4.2.3–5, СТП 4.2.3–4 [14]. Первый фиксирует порядок составления рабочих инструкций, второй предназначен для разработки стандартов организации. Однако, с принятием ГОСТ Р ИСО 9001–2015, в составе внутренней документации в КнАГУ стало возможным появление большего числа документов вне формата «стандарт организации» (СТО) или «рабочая инструкция» (РИ), структура которых могла отличаться от тех требований, что были зафиксированы в указанных выше ЛНА о перечне обязательных разделов. Примером может служить принятое в начале 2026 г. Положение о порядке внедрения, эксплуатации и использования мессенджера MAX.

Мы полагаем, что упростить ориентирование в большом массиве документов ОО могут способствовать следующие сформулированные нами предложения.

1. Использовать при разработке новых ЛНА в ОО элементы юридических техник на постоянной основе.

2. Закрепить и довести до сведения всех потенциальных участников образовательных отношений содержание рекомендуемых к использованию при составлении ЛПА юридических техник.

3. В структуре ЛНА предусмотреть раздел или пункт, в котором лапидарно определять перечень тех участников образовательных отношений, для которых документ обязателен. Реализацию этой рекомендации мы видим в отказе от общей фразы «документ предназначен для всех участников образовательных отношений». Конкретизация объектов облегчит дальнейшую работу по структурированию тех ЛНА, которые в настоящее время расположены в открытом доступе на официальном сайте КнАГ У.

3. Отдельный блок предложении связан с расположением ЛНА в сети Интернет.

В настоящее время такие участники образовательных отношений, как студенты и преподаватели, при переходе с разных страниц попадают на зеркало одной страницы, на которой собраны все ЛНА КнАГУ, расположенные в открытом доступе: https://knastu.ru/university/quality_management. Это удобно, поскольку обновление прикреплённого тут файла автоматически отображается и на других страницах сайта:

– в разделе Студентам: https://knastu.ru/page/1461;

– в разделе преподавателям: https://knastu.ru/teachers/blank_list.

Сотруднику ОО, отвечающему за поддержание ЛНА на сайте в актуальном состоянии, достаточно 1 раз загрузить обновленный документ, и он отобразится у всех. Это избавляет от повторения его действий еще на 2-х страницах. Мы предлагаем для каждой группы – студенты, сотрудники, преподаватели и т.д. – формировать свой список документов. И располагать в нем исключительно последние (актуальные) редакции, избавляя их читателей от сведений о содержании каждого изменения, которые мы полагаем на уровне обычного пользователя избыточными. Разместить такой реестр (с кликабельными ссылками, при нажатии на которых пользователь автоматически перейдет к тексту необходимого документа) мы предлагаем в первую очередь в электронной информационно-образовательной среде – в личных кабинетах основных участников образовательных отношений).

Общий список тоже важен, но к нему должен быть отдельный проход, самостоятельная страница (с предельно объемным наполнением). Это облегчит тем, кто состоит в каких-то отношениях с КнАГУ (образовательных или трудовых, например), подбор необходимых ЛНА по их запросам. Существует мнение, что пользователю достаточно помнить о возможности поиска по странице при помощи горячих клавиш «CTRL» и «F». Однако, замечено, что осознание необходимости поиска среди большого массива (благодаря загрузке на сайт документов для разных уровней образования) способно отпугнуть неподготовленного индивида (ему приходится выбирать – что из результатов поиска более подходит под его запрос). Потому, сама вероятность потратить

какое-то время на поиск может отпугнуть и привести к тому, что при выборе – искать или нет – человек неосознанно сделает выбор в пользу второго варианта.

Проще осуществлять поиск по точному совпадению, располагая информацией если не о полном корректном названии документа, то хотя бы о его точном обозначении (например, СТО У.007–20205). Однако эта информация может быть еще не известна обучающемуся, только поступившему в ОО. Интуитивно пользователь может догадаться, что документы в обозначении которых использован формат СТО / РИ П. 000–0000 предназначены для преподавателей, а для учебы полезны те, в обозначении которых использована буква «У». Благодаря сведениям, представленным в пункте 5.3 ДП 4.2.3 / 4.2.4, мы понимаем, что это не совсем так, и обучающимся также могут быть полезны документы, условно отнесенные в КнАГУ к другим процессам. Например, положение о стипендиях мы находим в группе с буквой «Ф» (СТО Ф.002–2020). Потому, мы можем или предлагать проводить работу по разъяснению обучающимся первого года обучения структуры и содержания ЛНА, или первоначально (временно) оградить их от части документации (не скрывая ее от них, а вынеся отдельно то, с чем им следует ознакомиться в первую очередь). Последнее предложение видится нам пока наиболее перспективным.

Предложение потребует дополнительных усилий (и приведет к увеличению временных затрат) по поддержанию в актуальном состоянии всех расположенных на сайте ОО документов (как полной версии всех ЛНА с указанием о каждом внесенном изменении, так и выборки – под каждую категорию пользователей). Однако, учитываем, что на 09.03.2026 на сайте КнАГУ предоставлен доступ к более, чем 100 полным текстам документов – положений, инструкций, регламентов и пр. ЛНА. Потому, если мы поставим на первое место удобство конечного пользователя (например, обучающегося), то наше предложение имеет под собой разумное обоснование. Мгновенно это предложение не может быть реализовано. Потому в качестве временной (переходной) меры мы полагаем возможным использовать на странице с ЛНА стандартную пагинацию. Она хотя бы частично скроет многообразие документов, число которых по достижению некоего порогового значения переводит наличие разветвленной системы подробных ЛНА из достоинства в ее недостаток. Однако и в этом случае следует принять решение о том, по какому принципу будут систематизированы документы и каким образом пользователю будет представлена информация о принципах поиска среди документов, сгруппированных по процессам, и странице с полным набором всех расположенных в открытом доступе ЛНА. Пользователю может потребоваться система подсказок для успешной навигации.

Еще один вариант решения проблемы видится нам в предоставлении на странице ЛНА ОО доступа к полнотекстовому поиску документов.

Также мы полагаем разумным собрать воедино все бланки, которые могут быть полезны обучающимся, а также те шаблоны, которые в настоящее время приведены на сайте университета в привязке к тем ЛНА, которыми они утверждены. Однако разместить их не на сайте ОО, а в личном кабинете обучающегося. И также в этой части предусмотреть тематическую систематизацию и возможность поиска (как по названию той или иной формы, так и по тем словам, что использованы в ее тексте). Особое внимание предлагаем уделить тем, документам, которые предполагают соблюдение определенных сроков и последовательность действий, не предполагающую смену очередности действий. Последнее можно сопроводить графическим материалом, который облегчит восприятие текста. Визуализация алгоритма действия, построенная по однотипному принципу, ускорит понимание последовательности действий, ожидаемого от участника образовательных отношений. В первую очередь это будет актуально для тех ЛНА, нарушение в соблюдении которых имеет для пользователя негативные последствия.

В комплексе сформулированные нами рекомендации могут облегчить работу с ЛНА. Еще одним вариантом решением проблемы может стать уменьшение числа документов (например, путем объединения при переиздании с целью исключения удваивания информации (дублирования), регулярной проверки на актуальность, своевременной отмены или принятия решения о максимальном числе документов по каждому из процессов, реализуемых в ОО). В идеале четких указаниях о предельном конечном числе, превышение которого недопустимо, в нормативно-правовых документах отсутствует. Однако бесконечное наращивание их количества тоже неприемлемо. Но помня о пользе, которую должен извлечь потребитель информации, нельзя не признать, что искомый материал должен обнаруживаться при наименьших усилиях, и, по нашему мнению, не должен предполагать изучение более 3-х ЛНА за один раз.

Уменьшение (оптимизация) общего числа ЛНА видится нам еще одним способом снижения временных затрат на поддержание системы ЛНА в ОО в актуальном состоянии (в т.ч. для случая, когда их обновления необходимо размещать одновременно в 3-х местах – на сайте КнАГУ, в личном кабинете студента и личном кабинете обучающегося или с система электронного документооборота).

При невозможности реализации последнего предложения мы предлагаем поддерживать управляемость документации и способность ориентироваться в ней за счет создания справочников-путеводителей. В них можно по тематическому принципу аккумулировать информацию для типичных случаев, с которыми чаще всего сталкиваются участники образовательных отношений. И тут также могут оказаться востребованы наши предложения по визуализации материалов. Затраты на их издание не предполагаются, поскольку размещаться подобные материалы могут также в электронной информационно-образовательной среде.

Заключение

Подводя итог всему вышеизложенному, мы можем сделать несколько выводов:

– ОО не может существовать без собственных ЛНА (это не только право, но и обязанность организации, к компетенции которой отнесено принятие внутренних документов);

– широта полномочий ОО в этом направлении имеет побочный эффект и может привести к наращиванию числа ЛНА, усложнению структуры их массива;

– создание новых ЛНА должно быть управляемым и контролируемым процессом, это позволит избегать дублирования информации и неоправданного приумножения числа документов;

– следует искать компромисс между простотой поддержания ЛНА в ОО в актуальном состоянии и удобством работы с этими документами со стороны тех, для кого они принимаются (простота поиска и понимания для конечных пользователей).

Литература

1. Образовательное право: учебник для вузов / под ред. А.И. Рожкова, В.Ю. Матвеева. – М.: Юрайт, 2025. – 350 с. // Юрайт: образовательная платформа. – URL: https://www.urait.ru/bcode/560119/p.1 (дата обращения: 08.02.2026).

2. Менеджмент в образовании: учебник и практикум для вузов / под ред. С.Ю. Трапицына. – М.: Юрайт, 2025. – 453 с. // Юрайт: образовательная платформа. – URL: https://urait.ru/bcode/581061/p.183 (дата обращения: 27.02.2026).

3. Буянова М.О. Трудовое право. Общая часть: учебник для вузов / М.О. Буянова, С.О. Казаков, М.М. Панарина; под ред. М.О. Буяновой. – М.: Юрайт, 2025. – 239 с. // Юрайт: образовательная платформа. – URL: https://urait.ru/bcode/569751/p.34 (дата обращения: 01.03.2026).

4. Кочергина Е.В. Локальные акты образовательного учреждения: как разрабатывать и принимать // Народное образование. 2013. № 8. Стр. 124–131. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnye-akty-obrazovatelnogo-uchrezhdeniya-kak-razrabatyvat-i-prinimat (дата обращения: 28.02.2026).

5. Минбалеев А. В., Георгиева Е.В. Локальное нормативное регулирование в ВУЗах // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 4. Стр. 103–108. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnoe-normativnoe-regulirovanie-v-vuzah (дата обращения: 28.02.2026).

6. Кужугет Т. К., Сувандии Б.-Х А. Локальные акты организации высшего образования: правовая природа, виды и основания принятия // Sciences of Europe. 2018. № 26–3 (26). Стр. 38–40. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnye-akty-organizatsii-vysshego-obrazovaniya-pravovaya-priroda-vidy-i-osnovaniya-prinyatiya (дата обращения: 18.02.2026).

7. Ладнушкина Н.М. Локальные нормативные акты: типичные нарушения при разработке и принятии // Народное образование. 2018. № 3–4 (1467). Стр. 73–79. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnye-normativnye-akty-tipichnye-narusheniya-pri-razrabotke-i-prinyatii (дата обращения: 08.03.2026).

8. Плотникова Э.Д. Локальные нормативные акты в образовательных организациях: понятие, признаки, особенности принятия // Научный вестник Крыма. 2018. № 7 (18). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnye-normativnye-akty-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-ponyatie-priznaki-osobennosti-prinyatiya (дата обращения: 08.03.2026).

9. Князева И.Н. Проблемы систематизации локальных актов образовательных организаций высшего образования // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 3 (10). Стр. 25–27. URL: https://cyberlen-

inka.ru/article/n/problemy-sistematizatsii-lokalnyh-aktov-obrazovatelnyh-organizatsiy-vysshego-obrazovaniya (дата обращения: 08.03.2026).

10. Зиничева Ю.П. Нормативные основы создания локальных документов в образовательной организации // Вестник науки. 2025. № 5 (86). Стр. 100–105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativnye-osnovy-sozdaniya-lokalnyh-dokumentov-v-obrazovatelnoy-organizatsii (дата обращения: 08.03.2026).

11. Устав КнАГУ // Официальный сайт ФГБОУ ВО «КнАГУ». – URL: https://www.knastu.ru/media/uploads/Ustav_018_SC3lQ9.pdf (дата обращения: 08.02.2026).

12. Данечкина В. В., Афанасьева Л.В. Социальные нормы и их фиксация в локальных нормативных актах организации (на примере образовательных отношений) // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований. Материалы VIII Всероссийской национальной научной конференции молодых учёных Комсомольск-на-Амуре. – Комсомольск-на-Амуре, 2025. – Стр. 313–316.

13. Афанасьева. Л. В. К вопросу об информировании обучающихся по образовательным программам высшего образования (бакалавриат) о локальных нормативных актах образовательного учреждения // Социально-гуманитарные технологии. 2024. № 3 (31). Стр. 93–100.

14. ДП 5.3 ДП 4.2.3 / 4.2.4. Управление документацией и записями // Официальный сайт КнАГ У. – URL: https://knastu.ru/media/files/page_files/page_425/omk/dp/DP_4.2.3–4.2.4_Izm.7__Upravleniye_dokumentatsiyey_i_zapisyami__protected.pdf (дата обращения: 09.03.2026).

A MULTITUDE OF LOCAL NORMATIVE ACTS IN AN EDUCATIONAL ORGANIZATION (BY EXAMPLE OF THE FSBEO HE «KNASU»)

Afanasyeva L.V., Alikina E.R.
Komsomolsk-na-Amure State University

This paper examines the exercise of the right of an educational organization to develop its own local regulations, as enshrined in federal law № 273-FL «About education in the Russian Federation» dated December 29, 2012. The paper provides an overview of sources published in the electronic library system «Urait» and periodicals published between 2013 and 2025, illustrating the views of various authors on the research topic. The theoretical basis is supported by a study of the internal documents collection publicly available on the website of a specific higher education institution – the FSBEO HE «KnASU». The authors highlight the consequences of granting broad powers to an educational institution to develop its own local regulations and the difficulties students, as the main participants in the educational process and end users of some documents, when searching for them. Based on a systematization of experience with the materials studied, proposals aimed at minimizing effort and improving ease of use have been formulated. This work was prepared by the authors as part of our own project by the student scientific society of the Department of History and Cultural Studies (currently the Department of Society and State now) in the Komsomolsk-on-Amur State University (project topic: «Optimizing the structure of local regulatory acts in an organization»).

Keywords: local regulatory act, educational organization, recommendations.

References

1. Educational law: a textbook for universities / edited by A.I. Rozhkov, V. Yu. Matveev. – M.: Yurayt, 2025. – 350 p. // Urait: educational platform. – URL: https://www.urait.ru/bcode/560119/p.1 (date of reference: 02/08/2026).

2. Management in education: textbook and workshop for universities / edited by S.Y. Trapitsyn. – M.: Yurayt, 2025. – 453 p. // Urait: educational platform. – URL: https://urait.ru/bcode/581061/p.183 (date of request: 02/27/2026).

3. Buyanova M.O. Labor law. General part: textbook for universities / M.O. Buyanova, S.O. Kazakov, M.M. Panarina; edited by M.O. Buyanova. – M.: Urait, 2025. – 239 p. // Yurayt: educational platform. – URL: https://urait.ru/bcode/569751/p.34 (date of application: 03/01/2026).

4. Kochergina E.V. Local acts of an educational institution: how to develop and adopt // Public education. 2013. № 8. Pp. 124–131. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnye-akty-obrazovatelnogo-uchrezhdeniya-kak-razrabatyvat-i-prinimat (date of request: 02/28/2026).

5. Minbaleev A.V., Georgieva E.V. Local regulatory regulation in universities // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2014. № 4. Pp. 103–108. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnoe-normativnoe-regulirovanie-v-vuzah (date of request: 02/28/2026).

6. Kuzhuget T. K., Suwandii B. -H. A. Local acts of higher education organization: legal nature, types and grounds for adoption // Sciences of Europe. 2018. № 26–3 (26). Pp. 38–40. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnye-akty-organizatsii-vysshego-obrazovaniya-pravovaya-priroda-vidy-i-osnovaniya-prinyatiya (date of request: 02/18/2026).

7. Ladnushkina N.M. Local regulations: typical violations during development and adoption // National education. 2018. № 3–4 (1467). Pp. 73–79. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnye-normativnye-akty-tipichnye-narusheniya-pri-razrabotke-i-prinyatii (date of request: 03/08/2026).

8. Plotnikova E.D. Local regulations in educational organizations: concept, signs, features of adoption // Scientific Bulletin of the Crimea. 2018. № 7 (18). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnye-normativnye-akty-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-ponyatie-priznaki-osobennosti-prinyatiya (date of request: 03/08/2026).

9. Knyazeva I.N. Problems of systematization of local acts of educational organizations of higher education // Law and order: history, theory, practice. 2016. № 3 (10). Pp. 25–27. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sistematizatsii-lokalnyh-aktov-obrazovatelnyh-organizatsiy-vysshego-obrazovaniya (date of request: 03/08/2026).

10. Zinicheva Yu.P. The normative foundations of the creation of local documents in an educational organization // Bulletin of Science. 2025. № 5 (86). Pp. 100–105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativnye-osnovy-sozdaniya-lokalnyh-dokumentov-v-obrazovatelnoy-organizatsii (date of reference: 03/08/2026).

11. The Charter of KnASU // The official website of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «KnASU». – URL: https://www.knastu.ru/media/uploads/Ustav_018_SC3lQ9.pdf (date of request: 02/08/2026).

12. Danechkina V. V., Afanasyeva L.V. Social norms and their fixation in local normative acts of the organization (on the example of educational relations) // Youth and science: actual problems of fundamental and applied research. Proceedings of the VIII All-Russian National Scientific Conference of Young Scientists Komsomolsk-on-Amur. – Komsomolsk-on-Amur, 2025. – Pp. 313–316.

13. Afanasyeva, L.V. On the issue of informing students of educational programs of higher education (bachelor's degree) about the local regulations of the educational institution // Socio-humanitarian technologies. 2024. № 3 (31). Pp. 93–100.

14. DP 5.3 DP 4.2.3 / 4.2.4. Documentation and Records Management // Official website of KNAU. – URL: https://knastu.ru/media/files/page_files/page_425/omk/dp/DP_4.2.3–4.2.4_Izm.7__Upravleniye_dokumentatsiyey_i_zapisyami__protected.pdf (date of request: 03/09/2026).

Преображенский приказ как инструмент создания централизованной системы правоохранительных органов в России

Белослудцев Алексей Владимирович,
аспирант, ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет»
E-mail: vpb4599@gmail.com

В статье проводится комплексный историко-правовой анализ Преображенского приказа (1686–1729) как ключевого института, заложившего основы централизованной правоохранительной системы Российского государства. Рассматриваются генезис, правовой статус, функциональная эволюция и институциональное значение данного органа в контексте петровских государственных преобразований. На основе анализа нормативных актов петровской эпохи, материалов Полного собрания законов Российской империи, а также историографических источников исследуется роль Преображенского приказа в формировании специализированного органа политического сыска с исключительной подсудностью по делам о государственных преступлениях. Проводится сравнительный анализ Преображенского приказа с предшествующими институтами – Разбойным и Земским приказами, а также параллельно функционировавшей Тайной канцелярией. Обосновывается тезис о том, что Преображенский приказ представлял собой качественно новый тип правоохранительного учреждения, ставший прообразом последующих специальных служб России. Делается вывод о системообразующей роли Преображенского приказа в процессе становления модели «регулярного» (полицейского) государства в России первой четверти XVIII века.

Ключевые слова: Преображенский приказ, политический сыск, «слово и дело государево», Пётр I, государственные преступления, правоохранительные органы, Тайная канцелярия, полицейское государство, централизация, приказная система.

Исследование генезиса централизованной системы правоохранительных органов в России невозможно без комплексного анализа роли Преображенского приказа как одного из ключевых институтов государственного принуждения петровской эпохи. Актуальность данной проблематики обусловлена необходимостью переосмысления исторических закономерностей становления отечественной правоохранительной системы и определения степени влияния институтов политического сыска на формирование централизованной модели государственного контроля. Как отмечает Е.В. Анисимов, институт политического сыска, действовавший от имени императора и в его интересах, выработал специфические методы расследования и доказывания, которые оказали непосредственное влияние на общие принципы организации правоохранительной деятельности [7].

Современная историография полицейского права и истории российских правоохранительных органов характеризуется значительным объёмом исследований, посвящённых отдельным аспектам деятельности Преображенского приказа, однако его системообразующая роль в формировании централизованной правоохранительной модели остаётся недостаточно изученной. Историографическая традиция восходит к работам Г.В. Есипова, впервые введшего в научный оборот значительный корпус архивных материалов из фондов данного учреждения [10]. Наиболее масштабным вкладом в изучение Преображенского приказа стала монография Н.Б. Голиковой «Политические процессы при Петре I», основанная на систематическом анализе архивных дел [9]. В последние десятилетия существенное приращение научного знания обеспечили труды Е.В. Анисимова по истории политического сыска XVIII столетия [7] и работы Д.О. Серова, посвящённые юридическим аспектам петровской администрации [13].

Целью настоящего исследования является комплексный анализ Преображенского приказа как института, обеспечившего переход от фрагментарной приказной системы правоохранительной деятельности Московского государства к централизованной модели специализированных органов, характерной для «регулярного» государства Петра I. В задачи работы входит: исследование генезиса и этапов институциональной эволюции Преображенского приказа; анализ правовых основ его деятельности; сравнительный анализ с предшествующими правоохранительными институтами; определение характера взаимодействия с Тайной канцелярией; оценка значения для формирования модели полицейского государства.

Методологической основой исследования служит историко-правовой анализ в сочетании с институциональным подходом и сравнительно-правовым методом. Источниковую базу формируют нормативные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ), а также монографические и диссертационные исследования.

Генезис Преображенского приказа и предшествующие институты правоохранительной деятельности

Для понимания институциональной природы Преображенского приказа необходимо рассмотреть ту систему правоохранительных органов, которая сложилась в Московском государстве к концу XVII века. Приказная система XVI–XVII веков характеризовалась глубокой институциональной фрагментацией: свыше тридцати приказов одновременно выполняли административные, судебные и полицейские функции, при этом чёткого разграничения компетенций между ними не существовало.

В сфере борьбы с преступностью ключевую роль играли два института. Разбойный приказ, впервые упомянутый в документах 1539 года, к середине XVI века оформился в постоянное учреждение с собственным штатом и тюремными дворами. Его юрисдикция охватывала расследование и судебное рассмотрение тяжких уголовных преступлений – разбоев, убийств, краж, поджогов – на всей территории государства, за исключением Москвы и Московского уезда. Разбойный приказ контролировал деятельность губных старост – выборных должностных лиц, осуществлявших уголовное преследование на местах, и выступал апелляционной инстанцией по уголовным делам из местных приказных изб. Земский приказ, возникший в середине

1560-х годов, выполнял функции городского управления и полицейского надзора в Москве, являясь далёким предшественником московской городской полиции.

Принципиально важно, что ни Разбойный, ни Земский приказы не обладали специализированной компетенцией в сфере политического сыска. Расследование дел о государственных преступлениях в Московском государстве не было институционально закреплено за каким-либо одним органом: в разное время этим занимались Боярская дума, отдельные приказы по поручению царя, а при Алексее Михайловиче – Приказ тайных дел (1654–1676), являвшийся скорее личной канцелярией государя, нежели специализированным правоохранительным учреждением [12]. Отсутствие институциональной специализации в данной сфере сохранялось вплоть до петровских преобразований.

Именно в условиях данной институциональной лакуны произошло становление Преображенского приказа. Его возникновение было непосредственно связано с событиями политической биографии Петра I. В 1686 году в подмосковном селе Преображенском была учреждена Преображенская потешная изба – канцелярия для управления «потешными» полками юного царя. После падения регентства царевны Софьи в 1689 году «потешные» полки были преобразованы в гвардейские Преображенский и Семёновский полки, а обслуживавший их административный аппарат стал основой нового учреждения. С 1695 года за ним закрепилось наименование «Преображенский приказ», и его компетенция была расширена: помимо военно-административного управления гвардейскими полками, приказ получил функции поддержания общественного порядка в Москве и расследования важных судебных дел.

Структурная организация Преображенского приказа характеризовалась высокой степенью централизации и непосредственным подчинением монарху. Приказ состоял из трёх подразделений: Главной канцелярии, ведавшей расследованием и судопроизводством по политическим делам; Генерального двора, осуществлявшего военно-административное управление гвардейскими полками; и Потешного двора (Семёновского приказа), выполнявшего полицейские функции в Москве [8]. Институциональное устройство ведомства отличалось умеренной численностью персонала в сочетании с обширными властными возможностями: штатный состав учреждения включал двух секретарей и от пяти до восьми канцелярских служащих, однако для осуществления задержаний и обысков привлекались военнослужащие гвардейских полков. Данное взаимодействие с военными формированиями создавало модель сотрудничества между специализированными следственными органами и вооружёнными силами, которая впоследствии нашла отражение в организации полицейских структур XVIII века.

Во главе приказа на протяжении более трёх десятилетий стоял князь Фёдор Юрьевич Ромодановский (ок. 1640–1717) – один из ближайших соратников Петра I, получивший от царя шутовской, но вместе с тем политически значимый титул «князя-кесаря». В.О. Ключевский характеризовал Ромодановского как фигуру исключительно жёсткую и авторитарную [11]. Именно он руководил подавлением Стрелецкого восстания 1698 года и последующим массовым розыском. После его смерти в 1717 году приказ возглавил его сын – князь Иван Фёдорович Ромодановский, управлявший учреждением вплоть до его ликвидации в 1729 году.

Правовые основы деятельности Преображенского приказа и институт «слова и дела государева»

Нормативно-правовой фундамент деятельности Преображенского приказа формировался поэтапно, по мере расширения его функций от военно-административного учреждения к центральному органу политического сыска. Ключевым правовым институтом, определявшим его юрисдикцию, стало «слово и дело государево» – специфическая процессуальная форма инициирования расследования по делам о государственных преступлениях.

Институт «слова и дела» получил первое законодательное закрепление в Соборном уложении 1649 года (глава II, статьи 1–22), которое выделило три категории государственных преступлений: умысел на государево здоровье, попытку завладеть государством и измену [1]. Однако в допетровский период данный институт не был связан с деятельностью какого-либо специализированного органа – расследование проводилось ad hoc различными приказами и Боярской думой. Как показал в своём исследовании Н.Я. Новомбергский, практика «слова и дела» в XVII веке отличалась крайней процессуальной неопределённостью и произвольностью [12].

Качественный перелом произошёл в 1697 году, когда в связи с расследованием заговора полковника И.Е. Цыклера и окольничего А.П. Соковнина, планировавших убийство Петра I, Преображенский приказ получил право расследования и суда по политическим преступлениям. Однако решающим актом стал именной указ от 25 сентября (6 октября) 1702 года «Об отсылке в Преображенский приказ всяких людей, сказывающих слово и дело». Указ устанавливал обязанность направления всех лиц, заявивших «государево слово и дело», непосредственно в Преображенский приказ без предварительного допроса местными властями (ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. IV) [2]. Данный указ наделил Преображенский приказ исключительной подсудностью по всем делам, возбуждавшимся по формуле «слово и дело государево», на всей территории Российского государства.

Дальнейшая правовая регламентация деятельности приказа была связана с конкретизацией понятия государственных преступлений. Указом 1713 года были определены так называемые «первые два пункта», составлявшие исключительную предметную юрисдикцию Преображенского приказа: пункт первый касался злого умысла против здоровья и чести государя; пункт второй – бунта и измены. Именной указ от 25 января 1715 года расширил перечень до трёх категорий, включив хищение государственной казны, однако именно первые два пункта составляли сферу деятельности Преображенского приказа как органа политического сыска. Как отмечает Е.В. Анисимов, Пётр I лично и систематически присутствовал при допросах и пытках политических заключённых [7, с. 87].

Система «слова и дела» была подвержена значительным злоупотреблениям. Осуждённые по уголовным делам нередко произносили заветную формулу с целью отсрочить наказание и добиться перевода в Преображенский приказ; ложные доносы использовались как инструмент сведения личных счётов. Последующие указы 1720-х годов предпринимали попытки ограничить злоупотребления, вводя наказания за ложные доносы. С точки зрения историко-правового значения, указ 1702 года представляет собой акт принципиальной важности: он впервые в отечественной практике установил монополию единого специализированного органа на расследование определённой категории преступлений в масштабах всего государства. Как подчёркивает Д.О. Серов, данная модель – исключительная подсудность при прямом подчинении носителю верховной власти – стала устойчивым институциональным паттерном, воспроизводившимся во всех последующих органах политического сыска [13, с. 78].

Преображенский приказ и Тайная канцелярия: формирование дуалистической модели политического сыска

Создание в феврале 1718 года Тайной канцелярии в Санкт-Петербурге знаменовало переход от моноцентричной к дуалистической модели организации политического сыска. Непосредственным поводом для учреждения нового органа послужило дело царевича Алексея Петровича, обвинённого в государственной измене.

Тайная канцелярия, располагавшаяся в Петропавловской крепости, была поставлена под руководство П.А. Толстого – опытного дипломата, убедившего царевича Алексея вернуться из-за границы. Фактическим руководителем канцелярии являлся А.И. Ушаков, лично проводивший допросы. Между двумя институтами сложилось преимущественно географическое разделение компетенций: Тайная канцелярия действовала в Санкт-Петербурге и прилегающих территориях, Преображенский приказ – в Москве и на остальной территории страны. Однако, как отмечала Н.Б. Голикова, полного разграничения полномочий между ними так и не было проведено, что порождало параллелизм и конкуренцию юрисдикций [9, с. 142].

Принципиальное значение имел правовой статус обоих учреждений, стоявших выше коллежской системы: все государственные учреждения, за исключением Кабинета и Сената, были обязаны исполнять их предписания в части политических расследований. По оценке Е.В. Анисимова, именно данное обстоятельство заложило основы формирования «высшей полиции», стоящей над всем государственным аппаратом, – черта, ставшая характерной для российской государственности последующих столетий [6, с. 215].

13 января 1724 года Пётр I издал указ о слиянии Преображенского приказа и Тайной канцелярии в единый орган, однако этот план не был реализован при жизни императора [13, с. 81]. После смерти Петра I 28 мая 1726 года указом Екатерины I Тайная канцелярия была ликвидирована, а все её дела переданы Преображенскому приказу, переименованному в Преображенскую канцелярию. Окончательная ликвидация произошла 4 апреля 1729 года при Петре II, одновременно с отставкой И.Ф. Ромодановского. Наиболее значимые дела были переданы Верховному тайному совету [4]. Однако институциональная потребность государства в специализированном органе политического сыска оказалась сильнее: уже 6 апреля 1731 года императрица Анна

Иоанновна учредила Канцелярию тайных розыскных дел под руководством А.И. Ушакова, унаследовавшую компетенцию, помещение и даже бюджет бывшего приказа.

Преображенский приказ в контексте формирования «регулярного» государства

Преображенский приказ необходимо рассматривать не изолированно, а как элемент масштабного проекта Петра I по созданию «регулярного государства» – российского воплощения европейской концепции Polizeistaat. Как показал К. Петерсон в своём фундаментальном труде, термин «полицейское государство» в первоначальном значении XVII–XVIII веков обозначал модель государственного управления, при которой власть активно регулирует общественную жизнь ради общего блага [15]. Б.И. Сыромятников убедительно продемонстрировал, что именно данная модель была положена в основу петровских преобразований [14].

В рамках данного проекта Преображенский приказ выполнял функцию специализированного органа обеспечения политической безопасности – одного из элементов формирующейся системы функциональной специализации государственного аппарата. До петровских реформ полицейские, судебные и административные функции были рассредоточены между множеством приказов без чёткого разграничения компетенций. Пётр I провёл принципиальное разделение, создав параллельно с Преображенским приказом институт фискалов (1711) для тайного надзора за административной дисциплиной, должность генерал-полицмейстера (1718) для обеспечения регулярной городской полиции и прокуратуру (1722) как «око государево» для надзора за законностью.

Учреждение в 1718 году должности генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга ознаменовало создание первой в истории России регулярной профессиональной полиции. Согласно Регламенту Главного магистрата 1721 года, полиция охватывала не только правопорядок, но и общественное здоровье, нравственность, благоустройство и социальное призрение [3]. Таким образом, Преображенский приказ представлял собой специализированное звено в архитектуре петровского «регулярного государства», отвечавшее за политическую безопасность, тогда как другие вновь созданные институты обеспечивали иные аспекты государственного контроля. Принципиальное отличие от предшествующей приказной системы состояло в переходе от институциональной многофункциональности к функциональной специализации.

Количественные данные позволяют судить о масштабе деятельности Преображенского приказа. По подсчётам Н.Б. Голиковой, в фонде приказа сохранилось около 772 дел только за период правления Петра I, причём в 1696 году из 605 сохранившихся дел лишь 5 были связаны с «словом и делом», что наглядно свидетельствует о постепенной трансформации учреждения от административного к сыскному [9, с. 23–25]. Совокупно в 1715–1725 годах Преображенский приказ и Тайная канцелярия провели 992 процесса по делам о «слове и деле», при этом около 70% всех дел были связаны с подавлением антикрепостнических выступлений.

Преображенский приказ как прообраз системы органов государственной безопасности России

Институциональная генеалогия российских органов политического сыска и государственной безопасности представляет собой непрерывную линию преемственности, исходной точкой которой выступает Преображенский приказ. Данная преемственность прослеживается на организационном, функциональном и правовом уровнях.

На организационном уровне прямая институциональная преемственность выстраивается следующим образом: Преображенский приказ (1686–1729) – Канцелярия тайных розыскных дел (1731–1762) – Тайная экспедиция при Сенате (1762–1801) – Особенная канцелярия МВД (1802–1826) – III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826–1880) – Охранные отделения Департамента полиции (1880–1917). Каждый последующий институт наследовал и развивал функциональную модель, впервые реализованную Преображенским приказом [6]. На функциональном уровне все перечисленные учреждения воспроизводили набор институциональных характеристик: прямое подчинение носителю верховной власти; монополия на расследование политических преступлений; использование института доносительства как основного механизма инициирования расследований; надведомственный статус; централизованная юрисдикция.

На правовом уровне формула «слово и дело государево», отменённая лишь Манифестом Петра III от 21 февраля 1762 года, была по существу заменена системой обязательного письменного доносительства, а впоследствии – институтами оперативно-розыскной деятельности [5]. Система доносительства и внесудебные полномочия, отработанные Преображенским приказом, создали правовой прецедент для последующего наделения полицейских органов правом применения административных взысканий без судебного разбирательства.

Вместе с тем необходимо учитывать, что, несмотря на институциональную преемственность, разведка, контрразведка и политический сыск как специализированная государственная служба в полном смысле слова начали формироваться лишь в XIX столетии. Сотрудники Преображенского приказа и Тайной канцелярии не обладали чётко определёнными полномочиями и профессиональной подготовкой, характерными для позднейших спецслужб. Тем не менее институциональная матрица, созданная Преображенским приказом, – централизованный специализированный орган с исключительной юрисдикцией и надведомственным статусом – оставалась воспроизводимой на протяжении всей последующей истории российской государственности.

Проведённый историко-правовой анализ позволяет сформулировать ряд принципиально важных выводов, определяющих место Преображенского приказа в процессе становления централизованной правоохранительной системы России.

Во-первых, установлено, что Преображенский приказ представлял собой качественно новый тип государственного института, не имевший прямых аналогов в предшествующей приказной системе Московского государства. В отличие от Разбойного приказа, ведавшего общеуголовными преступлениями, и Земского приказа, выполнявшего функции городской полиции, Преображенский приказ впервые воплотил принцип институциональной специализации в сфере политического сыска, сочетая его с исключительной подсудностью общегосударственного масштаба.

Во-вторых, именной указ 1702 года, наделивший Преображенский приказ исключительной юрисдикцией по делам о «слове и деле государевом», являлся нормативным актом системообразующего значения. Он впервые в отечественной правовой практике установил монополию единого специализированного органа на расследование определённой категории преступлений при прямом подчинении носителю верховной власти.

В-третьих, дуалистическая модель политического сыска, сложившаяся в 1718–1726 годах в результате параллельного функционирования Преображенского приказа и Тайной канцелярии, выявила как потенциал, так и пределы петровского институционального строительства. Незавершённость разграничения компетенций между двумя органами свидетельствовала о том, что процесс централизации правоохранительной деятельности носил во многом экспериментальный характер.

В-четвёртых, Преображенский приказ являлся системным элементом проекта построения «регулярного» государства по образцу европейского камерализма. Наряду с институтами фискалов, генерал-полицмейстера и прокуратуры, Преображенский приказ обеспечивал функциональную специализацию государственного аппарата в правоохранительной сфере – переход, качественно отличавший петровскую модель от институционально фрагментированной системы Московского государства.

В-пятых, доказана прямая преемственность ключевых организационных, функциональных и правовых характеристик, впервые системно реализованных в Преображенском приказе, со всеми последующими структурами государственной безопасности Российской империи. Результаты исследования подтверждают, что Преображенский приказ выступил ключевым инструментом перехода от фрагментарной к централизованной модели правоохранительной деятельности в России и заложил институциональную матрицу, определившую логику развития отечественных органов государственной безопасности на протяжении последующих столетий.

Литература

1. Соборное уложение 1649 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. – Т. I.
2. Именной указ от 25 сентября 1702 г. «Об отсылке в Преображенский приказ всяких людей, сказывающих слово и дело» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. – Т. IV.
3. Устав Главного магистрата от 16 января 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. – Т. VI. – С. 291–309.
4. Об упразднении Преображенской канцелярии: именной указ от 4 апреля 1729 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. – Т. VIII. – С. 354.
5. Россия. Император (1762; Пётр III). Об уничтожении Тайной розыскной канцелярии: манифест от 21 февр. 1762 г. – [Б. м., 1762]. – [1] л.

6. Анисимов, Е.В. Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е.В. Анисимов. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 424 с.

7. Анисимов, Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е.В. Анисимов. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 719 с.

8. Голикова, Н.Б. Организация политического сыска в России XVI–XVII вв. / Н.Б. Голикова // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв.: сб. ст. – М., 1991. – С. 11–36.

9. Голикова, Н.Б. Политические процессы при Петре I: по материалам Преображенского приказа / Н.Б. Голикова. – М.: Изд-во Московского университета, 1957. – 337 с.

10. Есипов, Г.В. Люди старого века: рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии / Г.В. Есипов. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1880. – 445 с.

11. Ключевский, В.О. Курс русской истории: в 5 ч. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1989. – Ч. 4. – 399 с.

12. Новомбергский, Н.Я. Слово и дело государевы. Т. 1 / Н.Я. Новомбергский. – М.: печ. А.И. Снегиревой, 1909–1911. – [4], 593 с.

13. Серов, Д.О. Администрация Петра I / Д.О. Серов. – 2-е изд. – М.: ОГИ, 2008. – 293 с.

14. Сыромятников, Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология / Б.И. Сыромятников. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1943. – Ч. 1. – 210 с.

15. Peterson, C. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800 // The American Historical Review. – 1984. – https://doi.org/10.2307/1862564

THE PREOBRAZHENSKY PRIKAZ AS AN INSTRUMENT FOR CREATING A CENTRALIZED LAW ENFORCEMENT SYSTEM IN RUSSIA

Belosludtsev A.V.
Kherson Technical University

The article provides a comprehensive historical-legal analysis of the Preobrazhensky Prikaz (1686–1729) as a key institution that laid the foundations of the centralized law enforcement system of the Russian state. The genesis, legal status, functional evolution, and institutional significance of this body are examined in the context of Peter the Great's state reforms. Based on the analysis of normative acts of the Petrine era, materials from the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, and historiographical sources, the study investigates the role of the Preobrazhensky Prikaz in the formation of a specialized political investigation body with exclusive jurisdiction over cases of state crimes. A comparative analysis of the Preobrazhensky Prikaz with its predecessor institutions – the Razboyny Prikaz and the Zemsky Prikaz – as well as the concurrently functioning Secret Chancellery is conducted. The article substantiates the thesis that the Preobrazhensky Prikaz represented a qualitatively new type of law enforcement institution, which became the prototype of subsequent special services in Russia. The conclusion is drawn regarding the system-forming role of the Preobrazhensky Prikaz in the process of establishing the model of a «regular» (police) state in Russia in the first quarter of the 18th century.

Keywords: Preobrazhensky Prikaz, political investigation, «slovo i delo gosudarevo», Peter the Great, state crimes, law enforcement agencies, Secret Chancellery, police state, centralization, prikaz system.

References

1. Sobornoe Ulozhenie of 1649 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. – St. Petersburg, 1830. – Vol. I.

2. On Sending to the Preobrazhensky Prikaz All Persons Declaring Slovo i Delo: Nominal Decree of September 25, 1702 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. – St. Petersburg, 1830. – Vol. IV.

3. Charter of the Chief Magistrate of January 16, 1721 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. – St. Petersburg, 1830. – Vol. VI. – P. 291–309.

4. On the Abolition of the Preobrazhensky Chancellery: Nominal Decree of April 4, 1729 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. – St. Petersburg, 1830. – Vol. VIII. – P. 354.

5. On the Destruction of the Secret Investigative Affairs Chancellery: Manifesto of February 21, 1762.

6. Anisimov, E.V. The State and the Axe: Tsarist Power, Political Investigation and Russian Society in the 18th Century / E.V. Anisimov. – Moscow: New Literary Review, 2019. – 424 p.

7. Anisimov, E.V. The Rack and the Knout: Political Investigation and Russian Society in the 18th Century / E.V. Anisimov. – Moscow: New Literary Review, 1999. – 719 p.

8. Golikova, N.B. Organization of Political Investigation in Russia in the 16th-17th Centuries / N.B. Golikova // State Institutions of Russia in the 16th-18th Centuries: Collected Articles. – Moscow, 1991. – P. 11–36.

9. Golikova, N.B. Political Processes under Peter I: Based on Materials of the Preobrazhensky Prikaz / N.B. Golikova. – Moscow: Moscow University Press, 1957. – 337 p.

10. Esipov, G.V. People of the Old Century: Stories from the Files of the Preobrazhensky Prikaz and the Secret Chancellery / G.V. Esipov. – St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1880. – 445 p.

11. Klyuchevsky, V.O. A Course of Russian History: in 5 Parts / V.O. Klyuchevsky. – Moscow: Mysl, 1989. – Part 4. – 399 p.

12. Novombergsky, N. Ya. Slovo i Delo Gosudarevo. Vol. 1 / N. Ya. Novombergsky. – Moscow, 1909–1911. – 593 p.

13. Serov, D.O. The Administration of Peter I / D.O. Serov. – 2nd ed. – Moscow: OGI, 2008. – 293 p.

14. Syromyatnikov, B.I. The «Regular» State of Peter the First and Its Ideology / B.I. Syromyatnikov. – Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press, 1943. – Part 1. – 210 p.

15. Peterson, C. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800 // The American Historical Review. – 1984. – https://doi.org/10.2307/1862564

Право, как форма нормативной рациональности: философско-правовой анализ трансформации юридического мышления в условиях цифровизации

Зарецкий Андрей Михайлович,
юрисконсульт, ООО «Стальконструкция-1»
E-mail: Zareckiy83@gmail.com

Коляса Виталий Станиславович,
преподаватель, кафедра фундаментальных юридических и социально гуманитарных дисциплин, Университет «Синергия»
E-mail: vit.kolyasa@mail.ru

Процессы, происходящие в современном обществе, возникли во многом благодаря информационным и компьютерным технологиям. Цифровизация в широком смысле проникла во все сферы жизни общества, не обойдя и правовую сферу. Так, мы наблюдаем в последние годы судебные заседания в онлайн формате, удаленное ведение сделок, защиту прав граждан и одновременно с этим – правонарушения, связанные с применением цифровых технологий. Изменения в разных сферах жизни общества привели также к изменениям юридического мышления и поставили вопрос о механизмах подобных изменений, их возможных последствиях, особенно при применении искусственного интеллекта с целью защиты прав граждан. Несмотря на то, что в российском обществе все еще существует определенный скепсис относительно цифровых технологий, автор полагает, что внедрение цифровых продуктов – вопрос времени. С другой стороны, ИИ не всегда могут справляться со сложными, зависящими от контекста задачами. Кроме того, возникает другой актуальный вопрос – как совместить правовую компетентность с цифровыми технологиями так, чтобы соответствовать духу времени и не нарушать при этом права граждан.

Ключевые слова: цифровизация, право, искусственный интеллект, правотворчество, юридическое мышление, сущность права.

Цифровизация как глобальный феномен современности, особенно начиная с событий 2019–2020 гг., оказала существенное влияние на все сферы жизни человечества. Она затронула политику, экономику, индустрию развлечений, спорт, ведя к резкому изменению формата мышления и как следствие -порождая новые прецеденты, в которых отчетливо прослеживается столкновение нового и старого. Даже такая отрасль, как право, подверглась изменениям не только в плане ускорения обработки правовых запросов и рассмотрения кейсов, но также формирования новых способов применения цифровых технологий для соблюдения прав граждан. Право можно рассматривать как отрасль, в которой рациональное должно превалировать над эмоциональным, опираясь на четко регламентированные нормы и понятия. Рассматривая право как форму нормативной рациональности, следует отметить четыре основных представления о рациональности как:

- Характеристике логического мышления
- Целеполагания человеческой деятельности
- Корреляции деятельности и системы ценностей
- Нормативно-методологической модели научного исследования.

При рассмотрении рациональности правового сознания и правовых действий, имеется в виду определенный вид познающего мышления [1]. Однако в свете цифровизации юридической деятельности и юридического мышления появляется ряд вопросов, которые неизбежно возникают в ответ на попытку унифицировать подходы к природе рациональности. В первую очередь это связано с тем, что до сих пор нет единого определения относительно понятия «рациональность», как нет единства по поводу того, что считать правомерным при внедрении цифровых технологий в поле юридической деятельности.

М. Вебер рассматривал рациональность как основание видения исторического процесса через придание смысла повседневной реальности, разделяя первую на формальную и материальную [2]. Под материальной он понимал рациональность, обусловленную ценностными постулатами в виде этических, политических, утилитарных, эгалитарных и иных требований, что считал характерным для социалистического или коммунистического общества. Формальная рационализация, характерная для капиталистического общества, подразумевает фокусирование на извлечении прибыли через производство. В этом случае во главу угла ставятся расчеты, предсказуемость, строгая регламентация [3]. В эпоху цифровизации особое значение приобретает формирование так называемого клипового мышления, когда человек формирует картину по основным ключевым точкам опоры, не погружаясь в глубину. Современный капиталистический способ производства делает упор на возможности формализировать и предсказывать, тем самым управляя как индивидуальным, так и групповым мышлением. В отношении права разработка программ, способных сокращать временные затраты на поиск и анализ информации, формирование первичной картины и предсказание дальнейших шагов делают применение цифровых товаров и услуг повсеместным. Причем ключевой аспект видится в том, что потребитель может ввести первичные данные через интернет и получить примерный расклад на ближайшую перспективу, не вникая в тонкости.

Говоря о цифровизации, мы имеем в виду внедрение цифровых технологий в различные сферы общественной жизнедеятельности, включая правовую. По мнению отдельных ученых, воздействие цифровизации на право может привести к полному изменению его образа, скажется на границах и пределах действия, трансформирует регулятивную функцию права. По мнению других исследователей, сущность права, в отличие от его содержания и формы, не будут подвергаться столь разительным переменам, поскольку обладает такими признаками, как социальность, нормативность, обязательность, формализм, процедурность, неперсонифицированность и объективность. Тогда как цифровизация в первую очередь воздействует на правотворческий процесс, создавая новые нормы права, что подразумевает урегулирование функционирования цифровых технологий и взаимодействия с ними различных субъектов права с целью гарантировать реализацию прав и свобод гражданина. Такой подход предполагает уделение внимания законотворческой деятельности, чтобы обеспечить возможность ее совершенствования, одним из путей к которой называется

введение специальной профессии, известной как норморайтер, от которого требуется не только соответствующее образование и необходимый уровень профессиональной компетентности, но также стабильные идеологические установки и ценности, отражающие национальные интересы.

Каковы же основные аспекты влияния цифровизации как глобального феномена на правовое мышление в условиях современности?

Прежде всего, следует отметить эффект от применения цифровых технологий в правотворчестве и судопроизводстве. Нормы права до этого веками создавались и совершенствовались живыми людьми, специалистами с юридическим образованием и многолетней практикой. При этом при вынесении решений никто не отрицал влияния человеческого фактора. Известно много случаев, когда выносили оправдательный приговор, руководствуясь необходимой самообороной, отсутствием возможности выбора в критической ситуации или наличием сложных жизненных обстоятельств – малолетние иждивенцы, отсутствие постоянного источника доходов, наличие в семье лиц с ОВЗ. Все это выступает как совокупность смягчающих факторов, что принимается человеческим мышлением как удовлетворяющее случившееся обстоятельство объяснение. Другое дело – ИИ, который проведет полный статистический анализ подобных случаев и вынесет решение на основе усредненного показателя, не учитывая или минимизируя влияние психоэмоционального фактора.

С того дня, когда стало возможным применять цифровые технологии в правовой сфере, возник вопрос о том, как научить искусственный интеллект (ИИ) самостоятельно систематизировать и категоризировать собранные данные. Указанный процесс требует огромных временных затрат, а с расширением возможностей самого ИИ юридическая техника то и дело сталкивается с собственными погрешностями, так как в нормативных правовых актах достаточно дефектов – коллизий и пробелов, сложной терминологии и норм, содержащих расчеты и формулы.

Чтобы обеспечить возможность внедрения ИИ в нормотворческий процесс, необходимо постепенно отходить от традиции усложнения юридического языка. В свою очередь, это означает формализацию права путем разработки правовых норм, представленных формальными юридическими конструкциями. Не стоит забывать и про технические сбои, утечку информации, что выступает как проявление нарушения информационной безопасности. Это порождает обоснованные опасения об излишней увлеченности цифровыми технологиями с риском причинить ущерб человеку, который можно снизить путем постепенного перехода к тому уровню цифровизации, которая была бы приемлемой для данного этапа общественных отношений. Буквально за пару лет ИИ превратился в реальный инструмент для корпоративных юристов и юридических фирм: так, мировой рынок Legal AI уже превысил $2 млрд, да и в России, несмотря на более скромные масштабы, внедрение собственных решений идет ускоренными темпами [4].

Впрочем, несмотря на указанные риски, преимуществ применения цифровых технологий достаточно. Например, резко сокращается время на поиск, анализ, обмен информацией, причем в масштабах всего земного шара. Кроме того, станет возможной автоматическая генерация некоторых «технических» норм, не требующих участия человека. Например, ИИ может взять на себя функцию анализа и обобщения статистических данных, мониторинг применения на стадии разработки нормативного правового акта, а на стадии антикоррупционной экспертизы -ускорить поиск коррупциогенных факторов.

Что касается применения ИИ в судебном правоприменении, можно отметить виртуальный нотариат, подразумевающий осмотр и фиксацию информации в глобальной сети. Те же чат-боты занимаются составлением исков, жалоб и иных документов для предоставления в суде. Все это относится к ИИ первой категории, «заточенного» на выполнение простых рутинных действий.

В период пандемии использование цифровых технологий в РФ получило мощный толчок к развитию: так, в 2021 году был принят «Закон о цифровом правосудии», затрагивающий возможности использования в судопроизводстве электронных документов. Пионерами применения цифровых технологий в российской судебной практике стали арбитражные суды. Благодаря информационным технологиям, стали возможными подача электронных документов, ознакомление с графиком судебных заседаний, доступ к банку решений судов, проведение судебных заседаний онлайн, по причине чего сократился срок рассмотрения дел. Однако, несмотря на впечатляющие возможности цифровизации в виде повышения прозрачности и эффективности работы судей, экономии на затратах по производству и хранению бумажных материалов дел и доступность большого объема судебных дел для анализа, необходимо отметить и факторы, негативно влияющие на эффективность судопроизводства. Например, низкий уровень информационной грамотности судей и технической оснащенности самих судов, что отрицательно сказывается на возможностях использования функционала цифровых продуктов среди судов. С целью обеспечить цифровую среду в юридической сфере необходима перестройка юридического образования в России с уклоном в углубленное изучение IT-технологий.

Техническая уязвимость и отсутствие повсеместного доступа к интернет-технологиям не позволяет в полной мере отказаться от привычного бумажного формата в пользу цифрового, и это означает длительный переход от бумажных носителей к машиночитаемым.

Наиболее важный аспект при внедрении ИИ в область законотворчества и правоприменения – человечество не в полной мере изучило механизм принятия решения алгоритмами ИИ. Автоматизированные информационные системы, способные за доли секунды перелопатить десятки тысяч страниц документов, не в состоянии применять понятия честности и добросовестности, оценивая, к примеру, возможное злоупотребление правом. Подобные АИС успешно применяются для выполнения ограниченного спектра задач и упрощения деятельности человека [5].

ИИ является цифровой технологией, не связанной строго с какой-либо определенной сферой деятельности. Поэтому правовая сфера может понимать ИИ как комплекс технологических решений, способный имитировать когнитивные функции человека на основе самообучения и поиск решения без заданного алгоритма и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека при выполнении конкретных задач. Следует отметить, что подобные достижения по силам ИИ второй категории, так называемому общему или сильному ИИ, который обладает способностью к пониманию, рассуждению и принятию решения в различных контекстах. Однако в настоящее время подобный тип ИИ пока находится на стадии разработки.

Что касается ИИ третьей категории, так называемого супер-ИИ, который гипотетически может превосходит человеческий интеллект, то от него ожидается способность улучшать принятые человеком решения, решать недоступные человеку проблемы и принимать решения с высокой степенью адаптивности. Пока что подобный тип ИИ является, скорее, принадлежащим области научной фантастики, сама возможность его существования порождает ряд важных философских и этических вопросов. В первую очередь – насколько далеко может зайти подобный инструмент в попытке придать происходящим в человеческом социуме унифицированный характер, не приведет ли повсеместное применение супер-ИИ человечество в состояние бесправной мишени, не способной принимать самостоятельные решения.

В развитии ИИ любой категории особое значение имеет технологический аспект, например, машинное обучение, основанное на алгоритмах, позволяющих системам учиться на данных. Машинное обучение может проходить с учителем, без учителя и с подкреплением, причем каждый подход позволяет системам находить закономерности с целью оптимизации своих действий на основе полученного опыта.

Отдельную категорию составляют нейронные сети, созданные по аналогии с устройством человеческого мозга. Нейросети активно применяют в юридической практике в анализе контрактов, помогая юристам выявить ключевые условия, возможные риски и несоответствия, что в целом минимизирует ошибки, возникающие по вине человеческого фактора. Нейронные сети обладают высокой эффективностью при обработке и генерации изображений, распознавании речи и естественного языка, отличаются точностью и высокой прогностической способностью. Благодаря их применению, юристы могут сосредоточиться на более сложных задачах, которые требуют творческого подхода.

Современные системы искусственного интеллекта отличаются такими характеристиками, как:

• *Непрозрачность*, касающаяся юридического аспекта (отсутствует доступ к коду программы, который защищен как интеллектуальная собственность и маркируется как коммерческая тайна) и сложностей в понимании действий алгоритма. Например, на российской платформе Яндекс Дзен, оплачивающей авторам уникальных текстов с большой читательской аудиторией, есть вероятность попасть под бан со стороны ИИ, используемого данной платформой, в связи с подозрениями на публикацию запрещенного контента. Причем нередки ситуации, когда публикации не имеют признаков запрещенного контента, но тем не менее, подлежат блокировке, что означает приостановку статуса монетизации авторского канала. Юридическая непрозрачность присуща любым компьютерным программам, и коммерческая тайна может быть раскрыта только по решению суда. Что касается

непрозрачности в техническом смысле, не всегда доступ к коду программы может означать полную прозрачность, так как механизм принятия решений ИИ остается недоступным пониманию. Чтобы понять, как именно алгоритм принимает решения, требуется дополнительное программное обеспечение (что рассматривается как гипотетическая возможность) и существенные затраты времени.

• *Самодетерминированность.* Современные нейросети умеют самообучаться, и порой их разработчики не в состоянии предсказать поведение ИИ в контексте той или иной ситуации. Например, система «Тай», созданная для общения в интернете, была запрограммирована учиться в процессе общения с другими участниками сетевой коммуникации. «Тай» была запущена 23 марта 2016 года, но уже через сутки после запуска спровоцировала скандал высказываниями странного, провокационного характера. Например, она публиковала сообщения, поддерживающие идею геноцида и согласие с идеями Гитлера, высказывалась о необходимости сжигания феминисток. Разработчик программы, компания Microsoft, предположила, что подобная модель поведения со стороны ИИ была всего лишь реакцией на обсуждаемые в социальных сетях острые темы. Однако ответа на вопрос, кто будет нести ответственность за высказывания программы, так и остался открытым [6].

Известно много случаев применения ИИ в судебной практике, когда ИИ помогают судьям в принятии решений на основе статистики и отчетах о предыдущих аналогичных делах: COMPAS (США), «Умный суд» (Китай), SIBYL (Великобритания), ГАС «Правосудие» и Caselook (Россия). Кроме того, сервисы типа AI Lawyer, Legalese Decoder, Doczilla AI предлагают автоматизацию составления документов, включая завещания, контракты и иные юридические документы, а LLaMA и Jurassic-2 способны анализировать данные по конкретным случаям и предлагать возможные варианты действий. Для тех, кто не имеет познаний в области права, это существенное подспорье в плане экономии времени и денег.

Юридическая практика предполагает обработку чувствительной информации, например, касаемо личных данных клиентов, сведений о судебных делах и др. Применение ИИ связано с риском утечки конфиденциальны данных по причине технического сбоя, например, из-за кибер-атаки. Согласно Общего регламента по защите данных (GDPR) в Европейском Союзе и Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных», организациям вменяется обязанность обеспечить защиту личных данных и информировать пользователей о том, как их информация будет использоваться. Последнее накладывает дополнительные обязательства на разработчиков ИИ, которым необходимо учитывать аспекты конфиденциальности на каждом этапе создания и внедрения технологий. Если решения принимаются алгоритмами на основе статистических данных, а не индивидуальных обстоятельств дела, это может привести к несправедливым исходам. Для проверки данной гипотезы был проведен эксперимент, цель которого заключалась в анализе решений, вынесенных ИИ по двум идентичным судебным делам, где единственным различием была этническая принадлежность обвиняемого. В обоих делах, касавшихся одного и того же правонарушения – кражи – и имевших одинаковые фактические обстоятельства, были одинаковые доказательства и юридические аргументы. Разница заключалась в том, что в первом случае обвиняемый принадлежал к этнической группе, статистически чаще фигурировавшей в сводках правонарушений, а в другом он был представителем группы с низкой криминальной статистикой. Согласно результатам эксперимента, ИИ вынес наказание в виде длительного срока лишения свободы и крупного штрафа для обвиняемого из «проблемной» этнической группы, в то время как второй обвиняемый отделался условным сроком и минимальным штрафом. Подобный исход подтверждает предположение, что ИИ может воспроизводить заложенные в исторических данных предвзятости.

Помимо этических вопросов, существуют и технические ограничения в виде недостаточной гибкости алгоритмов ИИ, не позволяющей учитывать уникальные обстоятельства каждого дела. Юридические вопросы, часто требующие глубокого анализа и понимания контекста, сложны для понимания систем, функционирующих на основе статистики и ограниченных шаблонов, что может стать причиной ошибок привести в правоприменении, особенно в сложных случаях. Помимо этого, основанные на обработке естественного языка системы ИИ могут некорректно трактовать юридические термины и формулировки, значения которых часто зависят от контекста [6].

Период пандемии показал важность и продуктивность цифрового права, когда были введены электронные пропуска и QR-коды, сформировалось понятие удаленной работы. Особую актуальность приобрели заключаемые онлайн сделки и договора, позволив кибер-юристам оказывать помощь гражданам без личного присутствия последних в юридических учреждениях и инстанциях. С другой стороны, именно в это время были показаны слабые стороны цифровизации, делающие ее неприемлемой для правовой сферы. Например, не у всех граждан есть доступ к цифровым продуктам и услугам, причем в некоторых населенных пунктах отсутствует доступ к сети интернет, не говоря уже о чем-то большем. Кроме того, ситуация усугубляется законодательными барьерами и недоверием со стороны рядовых потребителей, связанных с низкой цифровой грамотностью населения, особенно среди старшего поколения.

Цифровизация коснулась также нарушения прав человека, причем с каждым разом киберпреступления носят все более и более изощренный характер. В первую очередь это касается кражи средств с банковских карт и личных счетов граждан, похищения конфиденциальной информации через подставные сайты и мессенджеры. При этом скорость внедрения тех или иных аспектов цифрового права явно уступает в скорости разработки новых правонарушений в киберпространстве [7, 8].

Вопрос о том, что несет ответственность за ущерб, причиняемый ИИ, приобретает особую актуальность на фоне следующих аспектов применения систем искусственного интеллекта:

• Непредсказуемость последствий от действий ИИ, когда становится невозможным предсказать характер и масштабы последствий.

• ИИ может применяться для причинения психоэмоционального воздействия, особенно в отношении более уязвимых категорий населения, например, подростков.

• Применение технологии DeepFake, подразумевающей полную замену лица, местности, деталей окружающей обстановки на видео или фото, создало новые возможности для совершения киберпреступлений, особенно шантажа и вымогательства, запуска нужной эмоциональной реакции в социуме под влиянием увиденного видео-контента [9].

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что основные изменения юридического мышления касаются формы и содержания права, тогда как его сущность, обладающая рядом особых признаков, остается неизменной. На данном этапе развития общества наблюдается усиление формального типа рациональности, так как применение искусственного интеллекта ускоряет рутинные процессы в области права, но не может решать задачи, требующие творческого подхода и вынесения решения в зависимости от контекста. Для более корректного выполнения поставленных перед правовой отраслью задач требуется перестройка процесса подготовки специалистов с юридическим образованием, умеющих применять цифровые технологии и ориентированных на соблюдение общечеловеческих ценностей. С другой стороны, необходима также готовность общества к внедрению ИИ для решения правовых задач.

Литература

1. Агафонова Т.П. Право и рациональность. https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-ratsionalnost/viewer

2. Зарубина Н.Н. Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов//Социологические исследования № 6, 2020. С. 3–15.

3. Катаев Д.В. Концепции формальной и материальной рациональности Макса Вебера в свете перспектив становления и развития капитализма в России//Теория и практика общественного развития. 2013, № 2. С. 33–35.

4. Искусственный интеллект для юристов: как развивается сфера Legal AI https://trends.rbc.ru/trends/innovation/687110ec9a79478fa6d8d8db5a?from=copy

5. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений//Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 1: 35–49. https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.103

6. Кононов Д.А. Использование в правотворческом процессе и судопроизводстве цифровых технологий// Право и управление. № 5, 2023. С. 205–209.

7. Виндижева М.Р. Искусственный интеллект в юриспруденции: анализ возможностей и ограничений//Научно-практический журнал «Диалог». 2025. N 1. С. 62–64.

8. Таран К.А. Трансформация права в условиях развития цифровых технологий//Международный научный журнал «Вестник науки» № 8 (65) Т. 2. Август, 2023.С. 94–98.

9. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 432 с.

LAW AS A FORM OF NORMATIVE RATIONALITY: A PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF LEGAL THINKING IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Zaretsky A.M., Kolyasa V.S.
Stalkonstruktsia-1 LLC, Synergy University

The processes occurring in modern society have arisen largely thanks to information and computer technologies. Digitalization, in a broad sense, has permeated all spheres of public life, including the legal sphere. In recent years, we have seen online court hearings, remote transactions, and the protection of citizens' rights, along with offenses related to the use of digital technologies. Changes in various areas of society have also led to changes in legal thinking and raised questions about the mechanisms of such changes and their possible consequences, particularly when using artificial intelligence to protect citizens' rights. Although some skepticism regarding digital technologies still exists in Russian society, the author believes that the introduction of digital products is a matter of time. On the other hand, AIs cannot always cope with complex, context-dependent tasks. Furthermore, another pressing question arises: how to combine legal competence with digital technologies in a way that reflects the spirit of the times and does not violate citizens' rights.

Keywords: digitalization, law, artificial intelligence, lawmaking, legal thinking, essence of law.

References

1. Agafonova, T.P. Law and Rationality. https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-ratsionalnost/viewer
2. Zarubina, N.N. Max Weber's Theory of Rationalization as a Methodology for Understanding Modern Sociocultural Processes // Sociological Studies, No. 6, 2020. Pp. 3–15.
3. Kataev, D.V. Max Weber's Concepts of Formal and Material Rationality in Light of the Prospects for the Formation and Development of Capitalism in Russia // Theory and Practice of Social Development. 2013, No. 2. Pp. 33–35.
4. Artificial Intelligence for Lawyers: How the Legal AI Field is Developing https://trends.rbc.ru/trends/innovation/687110ec9a79478fa6d8db5a?from=copy
5. Pashentsev D.A. Features of Law Enforcement in the Context of Digitalization of Public Relations//Bulletin of St. Petersburg University. Law 1: 35–49. https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.103
6. Kononov D.A. Use of Digital Technologies in the Law-Making Process and Legal Proceedings// Law and Management. No. 5, 2023. Pp. 205–209.
7. Vindizheva M.R. Artificial Intelligence in Jurisprudence: Analysis of Possibilities and Limitations//Scientific and Practical Journal "Dialogue". 2025. N 1. P. 62–64.
8. Taran K.A. Transformation of law in the context of the development of digital technologies//International scientific journal "Bulletin of Science" No. 8 (65) Vol. 2. August, 2023. P. 94–98.
9. Transformation of law in the digital age: monograph / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Altai State University; edited by A.A. Vasiliev. – Barnaul: Publishing house of Altai. University, 2020. – 432 p.

Государственное управление в области информации, информационных технологий и информационной безопасности

Азамов Владимир Александрович,
аспирант, Московский финансово-юридический университет
E-mail: abtf10@mail.ru

Статья посвящена вопросам современного государственного управления в сфере информационных технологий, информационной безопасности и информационного пространства. В рамках работы подробно раскрываются основные направления государственной политики в области формирования и защиты информационных ресурсов, а также механизмы регулирования деятельности субъектов, осуществляющих деятельность с использованием информационных технологий.

Ключевая идея заключается в необходимости эффективного взаимодействия государственных органов, частного сектора и общества для обеспечения устойчивого развития информационной инфраструктуры. Особое внимание уделяется вопросам укрепления национальной безопасности в условиях цифровой трансформации, а также необходимости создания правовой базы, способной адаптироваться к быстро меняющимся технологическим тенденциям.

В статье анализируются существующие нормативно-правовые акты, стратегии и программы, направленные на развитие информационного сектора, а также проблемы их реализации. Автор подчеркивает, что успех государственного управления в области информационной безопасности напрямую зависит от системного подхода, межведомственного взаимодействия и повышения уровня информационной грамотности населения.

Общая цель исследования – определить ключевые направления и механизмы повышения эффективности государственного регулирования в сфере информационных технологий и информационной безопасности, что особенно актуально в условиях повышения киберугроз и требований к защите данных в современном мире. Текст представляет собой ценное пособие для специалистов, занимающихся разработкой и реализацией политик в области информационной безопасности и цифрового развития на государственном уровне.

Ключевые слова: информационная грамотность, информационная безопасность, информационные ресурсы, государственное регулирование, киберугроза

В современном мире информация стала одним из ключевых ресурсов, определяющих развитие общества, экономики и государства. Информационные технологии пронизывают все сферы жизни, а защита информации приобретает первостепенное значение в условиях растущих киберугроз. В этом контексте публично-правовое регулирование играет решающую роль, формируя правовые рамки для оборота информации, функционирования ИТ-отрасли и обеспечения безопасности данных.

От эффективного регулирования и развития этих сфер зависит не только экономический рост и технологический прогресс, но и национальная безопасность, стабильность общества и защита прав граждан.

Публично-правовое регулирование в данной сфере представляет собой совокупность норм и принципов, устанавливаемых государством, направленных на упорядочение отношений, возникающих в процессе создания, распространения, использования и защиты информации, а также в сфере разработки и применения информационных технологий [1, с. 19]. Его основные цели включают:

1. Обеспечение информационной безопасности. Защита информации от несанкционированного доступа, уничтожения, модификации, блокирования и других противоправных действий. Это включает как защиту персональных данных граждан, так и государственной, коммерческой и иной охраняемой законом тайны.

2. Создание условий для развития информационного общества. Стимулирование внедрения новых технологий, развитие цифровой инфраструктуры, поддержка инноваций в сфере ИТ.

3. Защита прав и законных интересов граждан и организаций. Гарантирование права на доступ к информации, защиту персональных данных, обеспечение прозрачности и подотчетности в цифровой среде.

4. Поддержание общественного порядка и национальной безопасности. Предотвращение использования информационных технологий в преступных целях, противодействие распространению деструктивной информации, обеспечение стабильности функционирования критически важных информационных систем.

5. Формирование единого информационного пространства. Создание условий для свободного обмена информацией, интеграции информационных систем, развития межгосударственного сотрудничества в информационной сфере.

Публично-правовое регулирование в сфере информации, информационных технологий и защиты информации охватывает широкий спектр вопросов, среди которых можно выделить следующие:

1. Правовой режим информации:

– определение различных категорий информации (общедоступная, ограниченного доступа, государственная тайна, коммерческая тайна, персональные данные и т.д.) и установление правил обращения с каждой из них;

– регулирование права граждан и организаций на получение информации, за исключением случаев, предусмотренных законом;

– установление правил для СМИ, интернет-ресурсов, социальных сетей, включая ответственность за распространение недостоверной, клеветнической или запрещенной информации.

2. Регулирование информационных технологий:

– стимулирование инноваций, поддержка отечественных разработчиков, стандартизация в сфере информационных технологий;

– правовое обеспечение использования электронных документов и цифровых подписей для придания им юридической силы;

– регулирование деятельности онлайн-платформ, маркетплейсов, облачных сервисов, включая вопросы ответственности за контент и защиту прав пользователей.

– формирование правовых основ для разработки и применения технологий искусственного интеллекта, а также для сбора, обработки и использования больших данных.

3. Защита информации:

– установление правил сбора, хранения, обработки и передачи персональных данных, включая требования к согласию субъекта данных, правам субъекта данных и обязанности операторов;

– защита государственной тайны, определение перечня сведений, составляющих государственную тайну, и установление мер по их охране;

– защита коммерческой тайны, правовое закрепление понятия коммерческой тайны и мер по ее защите для субъектов предпринимательской деятельности;
– кибербезопасность, разработка и внедрение мер по защите информационных систем от кибератак, включая регулирование деятельности по обнаружению, предотвращению и реагированию на инциденты информационной безопасности.
– криптографическая защита информации, регулирование использования средств криптографической защиты информации, включая лицензирование деятельности в этой сфере.
– защита критически важных информационных инфраструктур, установление особых требований к безопасности объектов критической информационной инфраструктуры (ОКИИ), отказ в доступе, который может привести к нарушению функционирования жизненно важных для государства и общества систем.

Боброва Ю.М. в научной работе «Государственная политика в области информатизации и использования информационных технологий в органах государственной власти» указывает, что несмотря на активное развитие законодательства, публично-правовое регулирование в сфере информации, ИТ и защиты информации сталкивается с рядом вызовов [2, с. 32]. Динамичность развития технологий, т.к. скорость появления новых технологий и их проникновения в жизнь опережает темпы законодательного регулирования, что приводит к появлению «серых зон» и пробелов в праве. Трансграничный характер информационных потоков и деятельности в сети затрудняет применение национального законодательства и требует международного сотрудничества. Анонимность в сети и использование псевдонимов усложняют привлечение к ответственности за противоправные действия. Поиск оптимального баланса между необходимостью обеспечения национальной безопасности и защиты информации и обеспечением свободы слова, доступа к информации и защиты частной жизни является постоянной задачей. Отсутствие четкой и последовательной правоприменительной практики по ряду новых вопросов может снижать эффективность регулирования. Эффективность регулирования во многом зависит от уровня осведомленности граждан и организаций о своих правах и обязанностях в цифровой среде.

Будущее публично-правового регулирования в данной сфере будет определяться следующими тенденциями:

Поляков А.В. утверждает, что дальнейшая цифровизация всех сфер жизни потребует расширения и углубления правового регулирования, охватывающего новые цифровые сервисы, технологии и формы взаимодействия [3, с. 15].

Развитие искусственного интеллекта и машинного обучения. Появятся новые вопросы, связанные с ответственностью за действия искусственного интеллекта, этическими аспектами его применения, защитой данных, используемых для обучения моделей.

Усиление внимания к защите персональных данных. Требования к операторам данных будут ужесточаться, а права субъектов данных – расширяться, что потребует совершенствования законодательства в этой области.

Развитие регулирования в сфере кибербезопасности. Еляков А.Д. полагает, что будут разрабатываться более комплексные подходы к обеспечению устойчивости критической информационной инфраструктуры, противодействию киберпреступности и международному сотрудничеству в этой сфере [4, с. 120].

Активное применение технологий блокчейн. Потребуется правовое осмысление использования блокчейн-технологий для обеспечения безопасности, прозрачности и неизменности данных.

Международное сотрудничество. Учитывая глобальный характер информационных процессов, будет возрастать потребность в гармонизации национальных законодательств и выработке международных стандартов.

Развитие механизмов саморегулирования и отраслевых стандартов. «Наряду с государственным регулированием, будут развиваться и механизмы, основанные на инициативе самих участников рынка, направленные на установление добровольных стандартов и правил поведения», – отмечает Иванова М.Ю. [5, с. 213].

Государственное управление в данной области представляет собой комплекс мер, направленных на:
– формирование и реализацию государственной политики, определение стратегических целей, приоритетов и направлений развития информационного общества, цифровой экономики и системы обеспечения информационной безопасности;
– нормативно-правовое регулирование, разработка и принятие законов, подзаконных актов, стандартов и регламентов, регулирующих сбор, хранение, обработку, передачу и защиту информации, а также использование информационных технологий;
– развитие инфраструктуры, создание и поддержка государственных информационных систем, сетей связи, центров обработки данных, обеспечивающих функционирование государственных органов и предоставление электронных услуг;
– обеспечение информационной безопасности, разработка и внедрение мер по защите информации от несанкционированного доступа, уничтожения, изменения, блокирования и других угроз, а также противодействие киберпреступности и кибертерроризму;
– поддержка инноваций и развития, **стимулирование** исследований и разработок в области информационных технологий, создание благоприятных условий для развития отечественной ИТ-индустрии, подготовка квалифицированных кадров [6, с. 58];
– международное сотрудничество, участие в международных инициативах, соглашениях и организациях, направленных на развитие глобального информационного общества и обеспечение международной кибербезопасности.

Итак, можно обозначить ключевые направления и вызовы в сфере цифровой трансформации и информационной безопасности.

1. Развитие цифровой экономики и электронного правительства. Основные препятствия включают обеспечение инклюзивного доступа к цифровым сервисам для всех слоев населения, преодоление цифрового разрыва, эффективную защиту персональных данных в условиях повсеместной цифровизации, а также достижение интероперабельности между различными государственными информационными системами.

Ожидается повышение эффективности государственного управления, снижение уровня коррупции и улучшение качества жизни граждан за счет внедрения удобных и доступных электронных услуг.

2. Обеспечение информационной безопасности и киберустойчивости. Отмечается непрерывный рост числа и сложности кибератак, появление новых угроз, таких как использование квантовых вычислений и искусственного интеллекта злоумышленниками, дефицит квалифицированных кадров в области информационной безопасности, а также необходимость усиленной защиты критической информационной инфраструктуры.

Предполагается создание комплексной системы защиты информации, развитие отечественных решений в сфере ИБ, формирование культуры кибербезопасности среди населения и организаций, а также укрепление международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью.

3. Регулирование новых технологий (искусственный интеллект, Big Data, IoT). Существуют проблемы, связанные с отсутствием устоявшихся правовых рамок для регулирования быстро развивающихся технологий, этические дилеммы, возникающие при использовании искусственного интеллекта, вопросы конфиденциальности данных в контексте Big Data и IoT, а также необходимость нахождения баланса между стимулированием инноваций и обеспечением контроля.

Ожидается разработка гибких и адаптивных регуляторных механизмов, стимулирование ответственного развития и применения новых технологий, а также создание этических кодексов и стандартов.

4. Развитие отечественной ИТ-индустрии и импортозамещение. Ключевые проблемы включают зависимость от зарубежных технологий и программного обеспечения, необходимость создания конкурентоспособных отечественных продуктов, привлечение инвестиций и подготовку высококвалифицированных кадров.

Прогнозируется укрепление технологического суверенитета, создание новых рабочих мест и развитие экспортного потенциала отечественной ИТ-индустрии.

5. Защита прав и свобод граждан в цифровой среде. Актуальными проблемами являются вопросы конфиденциальности персональных данных, распространение недостоверной информации и дезинформации, кибербуллинг, а также цензура и ограничения свободы слова в интернете.

Предполагается разработка эффективных механизмов защиты персональных данных, борьба с дезинформацией без ущерба для свободы слова, а также создание безопасной и инклюзивной цифровой среды [7, с. 78].

Эффективное государственное управление в рассматриваемой сфере опирается на многоаспектный инструментарий. Он включает в себя, во-первых, нормативно-правовое регулирование, представленное иерархией документов: от федеральных законов и указов Президента до постановлений Правительства и ведомственных нормативных актов. Во-вторых, критически важным компонентом является стратегическое планирование, охватывающее национальные стратегии развития информационного общества, программы цифровой трансформации и инициативы по обеспечению информационной безопасности. В-третьих, неотъемлемой частью системы являются государственные

информационные системы, такие как Единая биометрическая система, портал «Госуслуги» и системы межведомственного электронного взаимодействия.

Будущее государственного управления в области информации, информационных технологий и информационной безопасности будет формироваться под воздействием следующих ключевых тенденций. Ожидается существенное увеличение роли ИИ в оптимизации государственных процессов посредством автоматизации, углубленного анализа больших данных, прогностического моделирования угроз и поддержки принятия управленческих решений. В связи с этим, государство столкнется с необходимостью разработки комплексных этических и правовых норм, регламентирующих применение ИИ.

Технологии распределенного реестра (например, блокчейн) обладают потенциалом для повышения прозрачности, обеспечения целостности и неизменности данных в различных государственных реестрах и информационных системах.

Возрастающая степень взаимосвязанности цифровых систем на глобальном уровне диктует необходимость активизации международного сотрудничества в сфере кибербезопасности и формирования унифицированных регуляторных подходов.

Развитие цифровых технологий открывает возможности для создания и предоставления государственных услуг, максимально адаптированных к индивидуальным потребностям и запросам граждан.

В условиях динамично развивающихся угроз, государство должно будет осуществлять стратегические инвестиции в передовые технологии защиты, стимулировать разработку отечественных решений и уделять приоритетное внимание повышению квалификации профильных специалистов.

Ключевой задачей станет повышение уровня цифровой грамотности населения, а также формирование ответственного подхода к использованию информационных технологий и соблюдению стандартов информационной безопасности.

Публично-правовое регулирование в сфере информации, информационных технологий и защиты информации является динамично развивающейся и крайне важной областью права. Оно призвано обеспечить баланс между свободой доступа к информации и ее распространения, с одной стороны, и необходимостью защиты прав граждан, организаций и государства от угроз в цифровой среде, с другой. Перед законодателями и правоприменителями стоят сложные задачи по адаптации правовых норм к стремительно меняющемуся технологическому ландшафту, обеспечению эффективного правоприменения и развитию международного сотрудничества. Успешное решение этих задач позволит построить безопасное, справедливое и процветающее информационное общество [8, с. 26].

В современном мире, где информация стала ключевым ресурсом, а цифровые технологии пронизывают все сферы жизни, роль государственного управления в области информации, информационных технологий и информационной безопасности приобретает критическое значение. От эффективного регулирования и развития этих сфер зависит не только экономический рост и технологический прогресс, но и национальная безопасность, стабильность общества и защита прав граждан.

Таким образом, государственное управление в области информации, информационных технологий и информационной безопасности является динамично развивающейся сферой, требующей постоянной адаптации к новым вызовам и технологическим прорывам. Эффективное управление этими процессами – залог построения современного, безопасного и процветающего информационного общества.

Литература

1. Азамов В.А. Правовое регулирование информации и информационных технологий / В.А. Азамов // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: сб. ст. по материалам CV Международной научно-практической конференции «Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения». – № 3(104). – М., Изд. «Интернаука», 2026. С. 12–19

2. Боброва Ю.М. Государственная политика в области информатизации и использования информационных технологий в органах государственной власти: конспект лекции / Ю.М. Боброва. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 32 с.

3. Поляков А.В. Коммуникативный смысл действительности права, его признания и идеи справедливости. Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: сборник трудов международной научной конференции. Под ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. С. 15–24

4. Еляков А.Д. Проблемы информационной безопасности в использовании электронных компьютерных технологий // Социологические исследования (Социс). – 2013. – № 10. – С. 120–128.

5. Иванова М.Ю. Правовой прогресс как процесс эволюции правовых систем. // Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. Москва, 2024. С. 213–216.

6. Осмоловская С.М. Нейросети и медиатексты: соавторство человека и искусственного интеллекта. Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2025. № 3 (55). С. 58–64.

7. Ковалева Н.Н. Государственное управление в информационной сфере // Государство и право. –2013. – № 2. – С. 78–86.

8. Мамонов М.В. Информационная политика и изменение общественного мнения // Полис. – Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 26–31.

PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF INFORMATION, INFORMATION TECHNOLOGY AND INFORMATION SECURITY

Azamov V.A.
Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to the issues of modern public administration in the field of information technology, information security and information space. Within the framework of the work, the main directions of state policy in the field of formation and protection of information resources, as well as mechanisms for regulating the activities of entities engaged in activities using information technology, are described in detail.

The key idea is the need for effective cooperation between government agencies, the private sector and society to ensure the sustainable development of information infrastructure. Special attention is paid to strengthening national security in the context of digital transformation, as well as the need to create a legal framework capable of adapting to rapidly changing technological trends.

The article analyzes the existing regulatory legal acts, strategies and programs aimed at the development of the information sector, as well as the problems of their implementation. The author emphasizes that the success of public administration in the field of information security directly depends on a systematic approach, interdepartmental interaction and improving the level of information literacy of the population.

The overall purpose of the study is to identify key areas and mechanisms for improving the effectiveness of government regulation in the field of information technology and information security, which is especially important in the context of increasing cyber threats and data protection requirements in the modern world. The text is a valuable guide for specialists involved in the development and implementation of policies in the field of information security and digital development at the state level.

Keywords: information literacy, information security, information resources, government regulation, cyber threat

References

1. Azamov V.A. Legal regulation of information and information technologies / V.A. Azamov // Theoretical aspects of jurisprudence and law enforcement issues: collection of articles based on the materials of the CV International Scientific and Practical Conference “Theoretical aspects of Jurisprudence and law enforcement issues”. – No. 3(104). Moscow, Internauka Publishing House, 2026. Pp. 12–19

2. Bobrova Yu.M. State policy in the field of informatization and the use of information technologies in public authorities: lecture notes / Yu.M. Bobrova. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2020. – 32 p.

3. Polyakov A.V. The communicative meaning of the reality of law, its recognition and the idea of justice. Legal communication between the state and society: domestic and foreign experience: proceedings of the International Scientific Conference. Edited by M.A. Belyaev, V.V. Denisenko. Voronezh: Nauka-Unipress, 2020. Pp. 15–24

4. Yelyakov A.D. Problems of information security in the use of electronic computer technologies // Sociological Research (Socis). – 2013. – No. 10. – Pp. 120–128.

5. Ivanova M.Y. Legal progress as a process of evolution of legal systems. // Collection of works by teachers, graduate students and students. Moscow, 2024. Pp. 213–216.

6. Osmolovskaya S.M. Neural networks and media texts: co-authorship of humans and artificial intelligence. Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical sciences. 2025. No. 3 (55). Pp. 58–64.

7. Kovaleva N.N. Public administration in the information sphere // State and law. –2013. – No. 2. – Pp. 78–86.

8. Mamonov M.V. Information policy and changing public opinion // Polis. – Political research. – 2011. – No. 5. – Pp. 26–31.

Правовой статус нотариуса: содержание и проблемные аспекты регулирования

Алексеев Кирилл Александрович,
юрисконсульт, нотариальная контора нотариуса нотариального округа Санкт-Петербурга Кечик Натальи Петровны
E-mail: 6634048@elkir.ru

Статья посвящена комплексному исследованию правового статуса нотариуса в Российской Федерации и выявлению проблемных зон его нормативного закрепления. Актуальность обусловлена усилением публично-правового начала в нотариальной деятельности, расширением перечня нотариальных действий, цифровизацией и ростом ожиданий общества в части превентивной защиты прав. Новизна работы выражена в сопоставлении действующего регулирования Основ законодательства о нотариате с современными доктринальными подходами и практикой взаимодействия нотариата с адвокатурой, судами и правоохранительными органами. В рамках исследования описываются элементы статуса нотариуса (права, обязанности, ответственность, гарантии независимости), изучаются соотношение публичного и частного начала, специфика профессиональной этики, влияние удаленных нотариальных действий и электронной формы документов. Особое внимание уделено узким местам регулирования: недостаточности гарантий правовой защищенности нотариуса, неустойчивости подходов к имущественной ответственности и доступности нотариальной помощи для уязвимых категорий лиц. Работа ставит цель сформулировать предложения по совершенствованию правового статуса нотариуса. Для достижения цели использованы методы системного анализа законодательства, сопоставление доктринальных позиций и обобщение правоприменительной практики. Статья будет полезна исследователям, практикующим нотариусам, адвокатам, а также законодателю, ориентированному на обновление нотариального законодательства.

Ключевые слова: нотариус, нотариат, правовой статус, нотариальные действия, публично-правовое регулирование, юридическая ответственность, профессиональная этика нотариуса, электронный нотариат, правовая помощь, взаимодействие нотариуса и адвоката.

Введение

Современный российский нотариат переживает период интенсивных преобразований, связанных с цифровизацией гражданского оборота, развитием удаленных юридически значимых действий и усилением требований к превентивной защите частных прав. Нотариальная деятельность все более ориентирована на предотвращение споров и снижение нагрузки на суды, при этом сохраняет тесную связь с государственным механизмом, что придает правовому положению нотариуса специфический, особый характер.

Правовой статус нотариуса выступает стержнем, через который раскрываются функции нотариата: совершение нотариальных действий от имени государства, обеспечение устойчивости гражданского оборота, соблюдение баланса интересов участников частноправовых отношений и публичных интересов. Именно содержание статуса определяет границы допустимого вмешательства нотариуса в сферу частной автономии, уровень его независимости, объем профессиональной ответственности и гарантии правовой защищенности.

Цель работы состоит в анализе содержания правового статуса нотариуса в российском праве и выявлении проблем регулирования, связанных с его публично-служебной природой, имущественной ответственностью, профессиональными гарантиями и взаимодействием с иными институтами правовой помощи.

Для реализации цели поставлены три взаимосвязанные задачи:

1) раскрыть структуру правового статуса нотариуса на основе действующего законодательства и новейших научных разработок, охарактеризовать совокупность прав, обязанностей, ограничений и видов ответственности;

2) исследовать влияние современных тенденций развития нотариата (цифровизация, удаленные действия, расширение компетенции, взаимодействие с адвокатурой и судами) на трансформацию статуса нотариуса;

3) выделить проблемные элементы действующего регулирования статуса нотариуса и предложить направления корректировки законодательства, ориентированные на укрепление его публичного характера при сохранении независимости и доверия к профессии.

Новизна исследования выражена в интеграции классического нормативного анализа Основ законодательства о нотариате с учетом свежих доктринальных выводов о социальной функции нотариата, об особенностях взаимодействия нотариусов с адвокатами при защите прав лиц, находящихся под стражей, о специфике электронного нотариата и межведомственного взаимодействия нотариальных органов с правоохранительными и судебными структурами.

Материалы и методы

Эмпирическую и теоретическую базу исследования формируют положения Основ законодательства Российской Федерации о нотариате в действующей редакции, материалы научных публикаций, посвященных правовому статусу нотариуса, социальной функции нотариата и взаимодействию нотариусов с иными участниками правопорядка. В работах Д.А. Арзуманян [1; 2] анализируется взаимодействие адвоката и нотариуса при оказании правовой помощи, прежде всего в условиях изоляции лица от общества, что позволяет рассмотреть статус нотариуса через призму гарантий доступа к праву. Д.С. Буганов [3] подробно описывает современное состояние правового статуса нотариуса, обращаясь к характеристике его полномочий, обязанностей и ответственности в системе правоохранительных органов. А.О. Иванова [4] акцентирует внимание на социальном предназначении нотариата, рассматривая его как механизм обеспечения устойчивости гражданского оборота и защиты прав человека. Существенный вклад в разработку темы вносит работа Р.А. Магомедовой и А.Т. Меджидова [5], где правовой статус нотариуса описан через совокупность прав, обязанностей, ограничений и профессиональной ответственности. Н.С. Малахова [6] обращается к значению нотариата для граждан и организаций в правовой системе Российской Федерации, подчеркивая превентивный характер нотариальной защиты. Нормативной опорой исследования выступают Основы законодательства Российской Федерации о нотариате [7], закрепляющие правовой статус нотариуса как публичного должностного лица со специальной компетенцией, а также детализирующие его права, обязанности и имущественную ответственность. Статья М.Б. Смоленского [8] посвящена взаимодействию нотариальных,

правоохранительных и судебных органов, что позволяет интерпретировать нотариат как элемент государственной системы обеспечения правопорядка. В работе В.Д. Хабалева [9] правовой статус нотариуса раскрыт через взаимосвязь прав, обязанностей и профессиональной ответственности, а в статье И.З. Шагивалеевой и С.К. Абишевой [10] проведено сопоставление функций нотариуса и адвоката, что способствует более точному разграничению сфер полномочий указанных профессиональных групп.

Для решения поставленных задач использованы формально-юридический метод при анализе нормативного материала, сравнительный метод при сопоставлении статуса нотариуса и адвоката, а также доктринальных подходов различных авторов, системный анализ, позволивший связать законодательные положения, научные концепции и элементы правоприменительной практики в единое исследовательское поле.

Результаты

Понимание правового статуса нотариуса в современной доктрине

Российская доктрина последних лет все более единообразно трактует правовой статус нотариуса как сложное образование, включающее закрепленные законом права и обязанности, специальные ограничения, систему профессиональной ответственности и гарантии независимости при совершении нотариальных действий. В.Д. Хабалев подчеркивает, что статус нотариуса образует совокупность прав, обязанностей и ответственности, при этом ответственность носит выраженный профессиональный характер и связана с ненадлежащим исполнением нотариусом своих полномочий [9; 7]. Такой подход позволяет выйти за рамки узкого понимания статуса только как набора правомочий и сосредоточиться на балансе прав и рисков, связанных с особой доверительной природой нотариальной деятельности.

Р.А. Магомедова и А.Т. Меджидов обращают внимание на сочетание публичного и частного начала в положении нотариуса: с одной стороны, нотариус действует от имени государства, удостоверяя юридически значимые факты и сделки, с другой – сохраняет элементы организационной самостоятельности и несет имущественную ответственность за причиненный вред [5]. Такое двойственное положение порождает специфическую конструкцию статуса: нотариус не включен в систему государственной гражданской службы, но обладает публичными полномочиями, рассчитанными на защиту прав и законных интересов участников гражданского оборота.

В исследовании Д.С. Буганова нотариат описывается как часть правоохранительной системы России, выполняющая превентивную защитную функцию по отношению к гражданскому обороту [3]. Автор подчеркивает, что нотариус, действующий в государственной конторе или в частной практике, обеспечивает единый уровень юридической силы документов, а различие организационных форм не ведет к распаду статуса на два самостоятельных вида. В этом проявляется идея единого нотариального корпуса, функционирующего на основе общих правил, установленных Основами законодательства о нотариате [7].

А.О. Иванова акцентирует внимание на социальном предназначении нотариата: через нотариальные действия обеспечивается защита прав и свобод человека, поддерживается правовая культура и стабильность гражданского оборота [4]. Такой подход наполняет правовой статус нотариуса содержанием, выходящим за пределы формальных полномочий: нотарильная деятельность рассматривается как постоянный механизм профилактики конфликтов, а не только как сервис по удостоверению сделок.

В свете указанных исследований правовой статус нотариуса можно охарактеризовать как специальный публично-служебный статус, основанный на сочетании делегированных государством полномочий, профессиональной независимости, строгой подзаконной регламентации деятельности и высокой степени имущественной и дисциплинарной ответственности.

Законодательная конструкция статуса нотариуса

Нормативное ядро статуса нотариуса содержится в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате, где закреплены порядок учреждения должности нотариуса, требования к кандидатам, права, обязанности и ответственность нотариуса, формы организации нотариальной деятельности [7]. Глава о правах нотариуса предусматривает широкий круг полномочий по совершению нотариальных действий, хранению документов, запросу сведений из государственных реестров, ведению депозитных операций и участию в электронном документообороте [7; 3].

К числу обязанностей относятся соблюдение закона, обеспечение конфиденциальности (нотариальной тайны), беспристрастное отношение ко всем участникам сделки, отказ от совершения нотариального действия при наличии сомнений в законности сделки или дееспособности сторон, уплата установленных обязательных платежей и страхование профессиональной ответственности [7; 3; 4]. Такая конструкция превращает нотариуса в «фильтр» незаконных или недобросовестных действий, поскольку отказ в совершении нотариального действия напрямую привязан к оценке законности представленных документов и действительного волеизъявления сторон.

Особое значение имеет институт профессиональной ответственности. В соответствии с Основами, нотариус несет имущественную ответственность перед лицами, чьи права нарушены в результате неправомерных действий при совершении нотариальных действий, при этом страхование ответственности дополняется механизмами компенсационных фондов нотариальных палат [7; 3; 4]. Имущественная ответственность сочетается с дисциплинарной, реализуемой через органы нотариального самоуправления, и возможной уголовной ответственностью в случае совершения преступлений. В работах В.Д. Хабалева ответственность рассматривается как органичный элемент статуса, обеспечивающий доверие к нотариальной форме защиты прав [9].

Требования к кандидатам на должность нотариуса – наличие высшего юридического образования, стажа, сдача квалификационного экзамена, отсутствие ограничений, установленных законом – формируют профессиональный фильтр, ориентированный на высокий уровень компетентности и устойчивость к внешнему давлению [3; 5; 7].

Социальная функция нотариата и ее влияние на статус нотариуса

Социальное предназначение нотариата, описанное в работе А.О. Ивановой, предполагает не только техническое удостоверение сделок, но и поддержку верховенства права в повседневных отношениях граждан [4]. Автор показывает, что расширение компетенции нотариуса (увеличение числа нотариальных действий, связанных с недвижимостью, предпринимательской деятельностью и цифровой средой) усилило нагрузку на нотариальный корпус и одновременно повысило требования к качеству правового анализа, лежащего в основе каждого нотариального действия.

Н.С. Малахова подчеркивает значение нотариата в правовой системе как структурного элемента механизма реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, обращая внимание на значение нотариальных действий для обеспечения предсказуемости гражданского оборота и доверия к документам [6]. В таком подходе правовой статус нотариуса приобретает выраженную социальную направленность: нотариус воспринимается как гарант юридической устойчивости сделок и иных юридически значимых действий, совершаемых гражданами и организациями.

Опора на публичное доверие усиливает требования к безупречной репутации, соблюдению профессиональной этики и безукоризненной законопослушности нотариуса. Кодекс профессиональной этики нотариусов, хотя формально не входит в систему источников, определяющих статус, фактически дополняет его, задавая стандарты поведения, невыполнение которых влечет дисциплинарные последствия [3; 4].

Взаимодействие нотариуса и адвоката: границы статуса

Сравнение функций нотариуса и адвоката, проведенное И.З. Шагивалеевой и С.К. Абишевой, показывает, что обе фигуры относятся к системе обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь, но действуют в разных процессуальных условиях [10]. Нотариат работает преимущественно в бесспорной сфере, формируя надежные доказательства и предупредительные механизмы, тогда как адвокатура действует в условиях конфликта интересов и судебного спора. Нотариальная деятельность фиксирует юридически значимые факты и сделки, придавая им особую доказательственную силу; адвокатская деятельность направлена на защиту позиции доверителя в состязательном процессе.

Д.А. Арзуманян, анализируя взаимодействие адвоката и нотариуса при защите прав лиц, находящихся под стражей, обращает внимание на сложность организации нотариальных действий в условиях изоляции лица от общества [1]. Автор предлагает модель, при которой адвокат первоначально фиксирует волеизъявление и обстоятельства дела, а нотариус осуществляет выезд к лицу, содержащемуся под стражей, для окончательного удостоверения документа. В другом исследовании та же автор показывает значение взаимодействия нотариуса и адвоката при удостоверении медиативных соглашений; нотариальная форма придает медиативным соглашениям дополнительную устойчивость и повышает доверие к механизмам внесудебного урегулирования [2].

Подобные подходы расширяют понимание статуса нотариуса: он выступает не только как технический удостоверяющий субъект,

но и как участник системного комплекса правозащитной деятельности вместе с адвокатурой и иными институтами. Это усиливает значимость гарантий независимости нотариуса, поскольку любые препятствия его доступу к лицам, нуждающимся в нотариальной защите, подрывают саму идею эффективного статуса.

Нотариат в системе публичной власти и межведомственное взаимодействие

М.Б. Смоленский обосновывает тезис о включении нотариата в единую систему органов, обеспечивающих правопорядок: несмотря на частную организационно-правовую форму большинства нотариусов, их деятельность рассматривается как элемент государственной системы [8]. Нотариус функционирует в тесной связи с судами, правоохранительными органами и органами регистрации прав; от качества этой координации зависит эффективность нотариальных действий и уровень доверия к нотариальной форме.

Автор обращает внимание на необходимость упорядочения информационного обмена между нотариальными и правоохранительными органами, особенно при совершении отдельных нотариальных действий, связанных с потенциальным нарушением публичных интересов (например, отчуждение проблемного имущества). Пробел в четкой регламентации механизмов взаимодействия снижает потенциал статуса нотариуса как фильтра незаконных сделок и затрудняет своевременное выявление мошеннических схем.

Рассматривая нотариат как часть публичной системы, исследователи указывают на ограниченность гарантий личной безопасности нотариуса и защиты от неправомерного давления со стороны участников оборота и органов власти [3; 4; 8]. На фоне более развитых гарантий для судей и, в меньшей степени, адвокатов, ситуация с нотариусами выглядит менее устойчивой: отсутствуют специальные механизмы безопасности, сопоставимые с судейскими, а вопросы страхования жизни и здоровья решаются преимущественно на уровне корпоративного самоуправления.

Электронный нотариат и трансформация статуса

Цифровизация заметно влияет на содержание правового статуса нотариуса. В работах А.О. Ивановой и И.З. Шагивалеевой подчеркивается, что развитие Единой информационной системы нотариата, возможность удаленного совершения нотариальных действий, удостоверения фактов в сети Интернет и обращения к электронным документам расширяют технические условия реализации статуса [4; 10]. В Основах законодательства закреплено право нотариуса совершать отдельные действия удаленно, при этом предусматривается особый порядок регистрации таких действий в реестре и выдачи документов на бумажном носителе по требованию заявителя [7; 10].

С расширением электронных возможностей увеличивается нагрузка на нотариуса как на субъекта, ответственного за проверку достоверности информации в цифровой среде, за соблюдение требований к защите персональных данных и за сохранение нотариальной тайны при использовании информационных технологий. Это усиливает значение специальных компетенций в области цифровой безопасности, которые ранее не рассматривались как необходимая составляющая статуса.

Одновременно усиливается имущественный риск: ошибки при работе с электронными реестрами или дистанционными действиями способны привести к масштабным последствиям для участников оборота. При существующей модели страхования ответственность нотариуса покрывается страховыми механизмами, но объем рисков требует переоценки установленных страховых сумм и процедур урегулирования убытков [3; 4; 7].

Проблемные элементы регулирования правового статуса нотариуса

Анализ рассмотренных исследований и нормативного материала позволяет обозначить несколько проблемных элементов регулирования статуса нотариуса.

Во-первых, в доктрине неоднократно подчеркивается неустойчивость баланса между публичным характером полномочий нотариуса и частной организационной формой практики [3; 4; 5; 8]. С одной стороны, нотариус рассматривается как публичное должностное лицо, действующее от имени Российской Федерации [7; 4], с другой – вопросы его налогообложения, имущественного статуса и права на доход сближают его с самостоятельным профессиональным предпринимателем. Подобная дуальность приводит к дискуссиям о допустимых границах контроля за деятельностью нотариуса и о степени вмешательства государства в вопросы организации его практики.

Во-вторых, сохраняется ограниченность специальных гарантий защиты нотариуса как субъекта, участвующего в правоприменении. В работах Д.С. Буганова и ряда других авторов отмечается, что, в отличие от судей, нотариусы не обладают сопоставимыми механизмами государственной защиты, хотя их деятельность затрагивает значимые имущественные и личные интересы граждан [3; 4]. Это снижает привлекательность профессии и создает дополнительные риски давления со стороны заинтересованных лиц.

В-третьих, на фоне усиления социальной функции нотариата выявляется недостаточная детализация консультационной составляющей деятельности. В работах А.О. Ивановой и Н.С. Малаховой подчеркивается, что нотариус фактически выполняет функции консультанта, разъясняя правовые последствия сделок, выявляя возможные риски и предлагая правовые решения [4; 6]. При этом законодательство не содержит четкой регламентации пределов такой консультационной деятельности, что затрудняет оценку объема обязанностей нотариуса по предупреждению неблагоприятных последствий для сторон.

В-четвертых, взаимодействие нотариуса с адвокатурой и пенитенциарной системой в условиях изоляции лица, о чем пишет Д.А. Арзуманян, сталкивается с организационными сложностями: режим следственных изоляторов и исправительных учреждений часто не обеспечивает оперативный доступ нотариуса к лицу, нуждающемуся в нотариальной защите [1]. Отсутствие унифицированной процедуры согласования посещений приводит к затягиванию нотариальных действий и снижает реальную эффективность статуса нотариуса как гаранта прав таких лиц.

Наконец, развитие электронного нотариата, по оценке ряда авторов, опережает систематизацию соответствующих гарантий защиты прав участников оборота и самого нотариуса [4; 10]. Правовое регулирование отстает от фактических технических возможностей, что создает пространство для коллизий и неоднозначной правоприменительной практики.

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что правовой статус нотариуса в российском праве развивается в направлении усиления публичного начала при сохранении корпоративной самостоятельности нотариального сообщества. Нотариус воспринимается не только как удостоверяющий субъект, но и как участник широкой системы правовой помощи, включающей адвокатуру, суды, правоохранительные органы и органы регистрации.

Сопоставление законодательной модели статуса с доктринальными подходами показывает, что формальные нормы Основ законодательства о нотариате в значительной степени ориентированы на классическую офлайн-модель нотариальных действий, тогда как доктрина движется к описанию нотариуса как цифрового оператора юридически значимого документооборота. Цифровизация, удаленные действия, работа с электронными реестрами фактически расширяют содержание статуса, но нормативное оформление этих новаций еще не достигло достаточной степени детализации.

Вопрос о дуальности статуса нотариуса – публичный субъект с частной организацией практики – остается дискуссионным. От жесткого включения нотариуса в систему государственной службы законодатели сознательно отказались, что позволило сохранить корпоративную автономию и гибкость саморегулирования, но одновременно оставило открытым вопрос о достаточности государственных гарантий защиты нотариуса. Более жесткие механизмы безопасности могли бы повлечь «огосударствление» нотариата, что не всегда соответствует модели латинского нотариата, ориентированной на сочетание публичных полномочий и самостоятельности профессионала.

Выявленные в работах о взаимодействии нотариуса и адвоката сюжетные линии указывают на формирование особого «правозащитного блока», в рамках которого нотариус не ограничивается фиксацией уже сформированной воли сторон, но включается в более сложные сценарии защиты прав уязвимых категорий лиц. В условиях изоляции лица от общества нотариус оказывается зависимым от организационных возможностей адвоката и администрации учреждений. Такая взаимозависимость требует единых правил, гарантирующих оперативность и реальную доступность нотариальной помощи.

Сравнение функций нотариуса и адвоката позволяет глубже оценить статутные границы нотариальной компетенции. Нотариус не призван отстаивать интересы одной стороны в споре; напротив, его деятельность строится на беспристрастности и равном отношении к участникам. Тем не менее в доктринальных работах отчетливо прослеживается тенденция к расширению превентивной составляющей: нотариус не просто фиксирует волеизъявление, но и проверяет обстоятельства, способные привести к оспариванию сделки, консультирует стороны о правовых последствиях. Это расширение усиливает ожидания общества и повышает требования к стандарту должной осмотрительности нотариуса.

Особое место в обсуждении занимает проблема объема и характера имущественной ответственности нотариуса. С одной стороны, стра-

хование ответственности и компенсационные фонды нотариальных палат создают дополнительный уровень защиты участников оборота. С другой – рост числа сложных сделок, связанных с недвижимостью, бизнесом и цифровыми активами, увеличивает потенциальный объем ущерба, что ставит вопрос о пересмотре лимитов ответственности и механизмов ее распределения между нотариусом, страховщиком и корпоративными фондами.

Критический анализ исследований, посвященных социальной функции нотариата, показывает, что реальная нагрузка на нотариуса значительно шире формального перечня нотариальных действий. Обсуждается возможность делегирования ему отдельных функций органов ЗАГС, расширения участия в регулировании семейных и наследственных отношений, обязательности нотариальной формы для ряда сделок с недвижимостью. Такие предложения ведут к дальнейшему усложнению статуса: нотариус превращается в многофункционального оператора правовой инфраструктуры, на которого возлагается все более широкий круг задач по поддержанию законности и устойчивости оборота.

Вместе с тем сохраняются нерешенными вопросы о пределах консультационной деятельности нотариуса. При выходе за рамки традиционной удостоверительной функции возникает риск смешения его статуса с статусом адвоката или иного консультанта. Нужна более ясная нормативная фиксация: где заканчивается обязанность нотариуса по разъяснению правовых последствий и начинается самостоятельная ответственность сторон за выбор правовой модели сделки.

С учетом обозначенных проблем можно заключить, что правовой статус нотариуса нуждается в обновлении, которое учтет цифровую трансформацию нотариата, усиление социальной нагрузки и растущие ожидания общества относительно качества и доступности нотариальной помощи, при этом сохранит базовые принципы независимости и беспристрастности нотариальной деятельности.

Заключение

Проведенное исследование позволило, во-первых, раскрыть структуру правового статуса нотариуса в российском праве. Статус опирается на закрепленные в Основах законодательства о нотариате права, обязанности, ограничения и многоуровневую систему ответственности, дополненные корпоративными стандартами профессиональной этики. Нотариус выступает публичным должностным лицом с особыми полномочиями, ориентированными на превентивную защиту прав участников гражданского оборота, при сохранении организационной самостоятельности практики и имущественной ответственности за причиненный вред.

Во-вторых, анализ современных тенденций развития нотариата показал, что цифровизация, расширение перечня нотариальных действий, усиление взаимодействия с адвокатурой, судами и правоохранительными органами существенно трансформируют содержание статуса нотариуса. Возникают новые требования к компетенциям в сфере электронного документооборота и информационной безопасности, усиливается консультационная составляющая деятельности, расширяется участие нотариуса в межведомственных правозащитных механизмах.

В-третьих, выявлены проблемные элементы регулирования правового статуса нотариуса. К ним относятся неразрешенная дуальность публичного характера полномочий и частной формы организации практики, ограниченность специальных гарантий безопасности и правовой защищенности самих нотариусов, недостаточная регламентация консультационной деятельности и преобладающе фрагментарное регулирование электронного нотариата. Специфика взаимодействия нотариуса с адвокатурой и пенитенциарной системой в условиях изоляции лица от общества свидетельствует о потребности в единых стандартах, обеспечивающих реальную доступность нотариальной помощи.

С учетом изложенного представляется целесообразным развитие законодательства о нотариате в трех направлениях: усиление гарантий независимости и безопасности нотариуса при сохранении корпоративной автономии нотариального сообщества; уточнение пределов консультационной деятельности и стандартов должной осмотрительности при совершении нотариальных действий; комплексное обновление норм, регулирующих электронный нотариат, с учетом возросших имущественных рисков и необходимости защиты участника оборота в цифровой среде.

Литература

1. Арзуманян Д.А. Взаимодействие адвоката и нотариуса в рамках осуществления правозащитной деятельности в отношении лиц, находящихся под стражей, а также лиц, отбывающих наказание в следственном изоляторе // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 6 (49).

2. Арзуманян Д.А. Взаимодействие адвоката и нотариуса в рамках удостоверения медиативных соглашений // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 3. – С. 25–29.

3. Буганов Д.С. Правовой статус нотариуса в России на современном этапе / Д.С. Буганов // Молодой ученый. – 2020. – № 47 (337). – С. 250–252.

4. Иванова А.О. Социальное предназначение нотариата в Российской Федерации / А.О. Иванова // Молодой ученый. – 2021. – № 25 (367). – С. 291–292.

5. Магомедова Р.А., Меджидов А.Т. Правовой статус нотариуса в Российской Федерации / Р.А. Магомедова, А.Т. Меджидов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 1. – С. 42–45.

6. Малахова Н.С. Нотариат в правовой системе Российской Федерации и его значение для граждан и организаций / Н.С. Малахова // Текст: непосредственный. – 2025. – № 2. – С. 51–57.

7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: Федеральный закон от 11.02.1993 № 4462–1 (ред. от 29.12.2022) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 10. Ст. 357.

8. Смоленский М.Б. Проблемы организации взаимодействия нотариальных, правоохранительных и судебных органов при совершении отдельных нотариальных действий / М.Б. Смоленский // Law and order. – 2023.

9. Хабалев В.Д. Права, обязанности и ответственность нотариуса / В.Д. Хабалев // Глава в научном издании. – 2021.

10. Шагивалеева И.З., Абишева С.К. Отличительные особенности функций нотариуса и адвоката в современном правовом пространстве / И.З. Шагивалеева, С.К. Абишева // Научно-практический электронный журнал «Аллея науки». – 2022. – № 4 (67).

LEGAL STATUS OF THE NOTARY: CONTENTS AND PROBLEM ASPECTS OF REGULATION

Alekseev K.A.
Notary office of the notary of the notarial district of St. Petersburg Natalia Petrovna Kechik

This article provides a comprehensive study of the legal status of notaries in the Russian Federation and identifies problematic areas in its regulatory framework. Its relevance stems from the strengthening of the public-law principle in notarial activity, the expansion of the range of notarial acts, digitalization, and rising public expectations for preventive protection of rights. The novelty of this work lies in its comparison of the current regulation of the Fundamentals of Legislation on Notaries with modern doctrinal approaches and the practice of interaction between the notary profession, the bar, courts, and law enforcement agencies. The study describes the elements of notary status (rights, duties, responsibilities, and guarantees of independence), examines the relationship between public and private principles, the specifics of professional ethics, and the impact of remote notarial acts and electronic document formats. Particular attention is paid to regulatory bottlenecks: insufficient guarantees of legal protection for notaries, unstable approaches to property liability, and the accessibility of notarial assistance for vulnerable groups. The paper aims to formulate proposals for improving the legal status of notaries. To achieve this goal, methods of systemic analysis of legislation, a comparison of doctrinal positions, and a summary of law enforcement practice were used. The article will be useful to researchers, practicing notaries, attorneys, and legislators focused on updating notarial legislation.

Keywords: notary, notary services, legal status, notarial acts, public law regulation, legal liability, notary professional ethics, electronic notary services, legal assistance, notary-lawyer interactions.

References

1. Arzumanyan, D.A. «Interaction between a Lawyer and a Notary in the Framework of Human Rights Activities in Relation to Persons in Custody, as well as Persons Serving Sentences in Pre-trial Detention Facilities» // Eurasian Advocacy. – 2020. – № 6 (49).

2. Arzumanyan, D.A. «Interaction between a Lawyer and a Notary in the Framework of Certifying Mediation Agreements» // Economic Security Bulletin. – 2022. – № 3. – P. 25–29.

3. Buganov, D.S. «Legal Status of a Notary in Russia at the Current Stage» / D.S. Buganov // Young Scientist. – 2020. – № 47 (337). – P. 250–252.

4. Ivanova, A.O. «The Social Purpose of the Notariat in the Russian Federation» / A.O. Ivanova // Young Scientist. – 2021. – № 25 (367). – P. 291–292.

5. Magomedova R.A., Medzhidov A.T. Legal status of a notary in the Russian Federation / R.A. Magomedova, A.T. Medzhidov // Education. Science. Scientific personnel. – 2021. – № 1. – P. 42–45.

6. Malakhova N.S. Notaries in the legal system of the Russian Federation and their importance for citizens and organizations / N.S. Malakhova // Text: direct. – 2025. – № 2. – P. 51–57.

7. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries: Federal Law of February 11, 1993, № 4462–1 (as amended on December 29, 2022) // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. – 1993. – № 10. Art. 357.

8. Smolensky, M.B. Problems of Organizing Interaction between Notarial, Law Enforcement, and Judicial Bodies in the Performance of Certain Notarial Acts / M.B. Smolensky // Law and Order. – 2023.

9. Khabalov, V.D. Rights, Duties, and Responsibilities of a Notary / V.D. Khabalov // Chapter in a scientific publication. – 2021.

10. Shagivaleeva, I.Z., Abisheva, S.K. Distinctive Features of the Functions of a Notary and a Lawyer in the Modern Legal Space / I.Z. Shagivaleeva, S.K. Abisheva // Scientific and practical electronic journal «Alley of Science». – 2022. – № 4 (67).

Система нормативно-правового закрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей: уровневый подход и отраслевая дифференциация

Бахчеев Иван Анатольевич,
аспирант кафедры конституционное, административное и уголовное право, Среднерусский институт управления-филиал РАНХиГС
E-mail: Bakhcheev@gmail.com

Актуальность темы обусловлена кардинальной трансформацией подходов государства к правовой охране ценностных оснований общества, произошедшей в последние годы. Принятие Указа Президента РФ № 809, закрепившего Основы государственной политики по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, а также конституционная реформа 2020 года перевели проблему формализации ценностей из сугубо доктринальной плоскости в плоскость позитивного права. В этих условиях возникает необходимость системного осмысления того, каким образом абстрактные аксиологические категории инкорпорируются в ткань законодательства, какие уровни и методы правового закрепления при этом используются и с какими коллизиями сталкивается правоприменитель.
Методологическую основу составляют общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и специально-юридические методы познания: формально-юридический (позволивший исследовать содержание правовых норм), сравнительно-правовой (использованный для сопоставления отраслевых подходов к закреплению ценностей), метод классификации и системного толкования (примененный при построении уровневой модели правового регулирования).
В статье автором обоснована оригинальная трехуровневая классификация способов закрепления традиционных ценностей, включающая конституционный, стратегический и отраслевой уровни. На отраслевом уровне выделены три метода правовой формализации: прямое (декларативное) закрепление (на примере Семейного кодекса РФ), косвенное закрепление через правовые принципы (на примере категорий добросовестности, разумности и справедливости в Гражданском кодексе РФ) и охранительное закрепление посредством запретительных норм (УК РФ и КоАП РФ). Выявлены пределы юридизации моральных категорий (на примере супружеской верности), а также обнаружены системные коллизии в законодательстве о культуре и кинематографии, где перечни оснований для ограничений не соответствуют актуальным угрозам, формализованным в Указе Президента РФ № 809. Сформулированы предложения по гармонизации законодательства, включая дополнение ст. 31 Основ законодательства о культуре и ст. 5.1 Закона о кинематографии таким основанием, как «распространение информации, направленной на отрицание или дискредитацию традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Сделан вывод о необходимости сочетания стратегического целеполагания с гибкими отраслевыми механизмами при сохранении баланса с конституционными правами и свободами.

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности; нормативно-правовое закрепление; правовая охрана; пределы правового регулирования; конституционная идентичность.

Вопрос о нормативно-правовом закреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей на протяжении последних десятилетий остается в центре внимания юридической науки. Полемика разворачивается вокруг принципиальной дилеммы: допустимо ли и необходимо ли придавать правовую форму категориям, которые по своей природе являются аксиологическими и существуют преимущественно в сфере общественного сознания? Традиционным ценностям (таким как любовь, верность, справедливость, патриотизм) изначально присуща известная степень абстрактности, что порождает сомнения в возможности их адекватной формализации средствами позитивного права.

Анализ действующего законодательства позволяет предложить трехуровневую классификацию способов закрепления традиционных ценностей, построенную по иерархическому (вертикальному) и функционально-методологическому критериям. Ценность данной классификации заключается в преодолении фрагментарного, описательного подхода и выявлении системных связей между разнородными нормативными актами.

В первую очередь следует проанализировать **конституционный уровень закрепления ценностей как нормативной основы общества.** Данный уровень является фундаментальным, так как Конституция РФ обладает высшей юридической силой и прямым действием. Выделение его в отдельную группу обусловлено тем, что именно здесь ценности фиксируются в качестве основ конституционного строя, прав и свобод человека, а также принципов, определяющих деятельность государства. Конституционные новеллы 2020 года [1] стали поворотным моментом, когда ценностная повестка была инкорпорирована в ткань Основного закона. Так, поправки закрепили понятие брака как союза мужчины и женщины (ст. 72), упоминание о детях как о важнейшем приоритете государственной политики (ст. 67), ввели институт защиты исторической правды. Это не просто декларации, а нормы-принципы, которые задают вектор для всего последующего нормотворчества и правоприменения. Конституционный уровень выполняет функцию *генерализации ценностей*, придавая им статус объективных нормативных требований к публичной власти и обществу в целом.

Стратегический (политико-правовой) уровень направлен на конкретизацию и целеполагание. Выделение этого уровня в самостоятельный блок продиктовано спецификой источников (указы Президента РФ, доктрины, стратегии) и их функцией в механизме правового регулирования. Акты этого уровня не содержат детальных запретов или дозволений (как кодексы), но выполняют роль *концептуального фильтра* и *программы действий* для законодателя.

Указ Президента от 09 ноября 2022 года № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6] и Стратегия национальной безопасности [7] являются ключевыми документами, впервые давшими легальный перечень ценностей. Именно на этом уровне происходит трансформация общественного дискурса в официальную государственную позицию. Если конституционный уровень фиксирует ценности в самом общем виде (например, «защита семьи»), то стратегический уровень раскрывает их содержание (что есть «традиционная семья», какие угрозы ей существуют) и устанавливает цели государственной политики. Это промежуточное звено между абстрактной нормой Конституции и конкретным предписанием кодекса.

На отраслевом уровне ценности воплощаются в конкретных нормах кодексов и федеральных законов. В рамках данного уровня мы предлагаем различать три основных метода закрепления:

1. Прямое (декларативное) закрепление. В данную группу входят нормы, которые прямо провозглашают приверженность той или иной ценности, не устанавливая при этом конкретной санкции за ее нарушение. В качестве примера следует привести Семейный Кодекс Российской Федерации, который выступает базовым отраслевым актом, в котором традиционные семейные ценности получают наиболее полное нормативное выражение. Уже в преамбуле (ст. 1) СК РФ [4] декларируется, что семья строится на чувствах взаимной любви и уважения, что задает ценностный вектор всему семейно-правовому регулированию. Нормы кодекса определяют правовые основы создания и функционирования семьи, закрепляют права и обязанности супругов, ре-

гламентируют отношения родительства и детства, включая институты усыновления, опеки и попечительства. Тем самым формируется комплексный механизм, направленный на защиту и поддержку семейных уз как социальной ценности.

Конституционно-правовое обоснование особого статуса семьи содержится в Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П. Суд указал, что семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой ценности, обеспечивающие непрерывную смену поколений и выступающие условием сохранения и развития многонационального народа России, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства [8].

Законодательная защита детства реализуется через комплекс норм, направленных на обеспечение благоприятных условий для всестороннего развития ребенка (ст. 54 СК РФ). Правовое регулирование опеки и попечительства, установление гарантий социальной защиты детей, оставшихся без попечения родителей, создают стабильную основу для воспитания подрастающего поколения в духе уважения к родительским устоям и национальным традициям. Равенство прав и обязанностей супругов (ст. 63 СК РФ) также служит укреплению моральных основ семейной жизни, формируя фундамент для устойчивости брачного союза.

Вместе с тем анализ семейного законодательства обнаруживает определенные пределы юридизации моральных категорий. Ряд традиционных ценностей, признаваемых обществом, не получают адекватного инструментального воплощения в праве. Наиболее показательным примером выступает супружеская верность. Декларируемая в ст. 1 СК РФ в качестве одного из принципов построения семьи, верность не обеспечена конкретными мерами юридической защиты. Как справедливо отмечается в литературе, некоторые ценности выполняют преимущественно телеологическую (целеполагающую) функцию, задавая ориентиры для развития законодательства и правоприменения, но не будучи напрямую защищены санкциями.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что проблемы нормативно-правового закрепления традиционных ценностей не исчерпываются технико-юридическими сложностями. Существуют также социально-политические и аксиологические основания, по которым государство сознательно воздерживается от прямого принуждения в сфере сугубо моральных отношений, оставляя их преимущественно в области общественной регуляции.

Таким образом, в семейном праве традиционные ценности реализуются в двух аспектах: как непосредственно охраняемые блага (права ребенка, защита материнства) и как ценностные ориентиры, задающие вектор толкования и развития правовых норм (супружеская верность, традиционное понимание брака). Такая двойственность отражает сложную природу взаимодействия права и морали в данной сфере.

2. Косвенное закрепление (через правовые принципы). В названной группе ценность не называется прямо, но ее содержание раскрывается через основные начала законодательства, которые обязаны соблюдать все участники правоотношений. В качестве примера можно привести Гражданский кодекс Российской Федерации, который занимает особое место в системе нормативно-правового закрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, поскольку именно в его нормах получают выражение фундаментальные принципы взаимодействия участников гражданского оборота. В отличие от отраслей публичного права, где охрана ценностей осуществляется преимущественно запретительными методами, гражданское право реализует данную функцию опосредованно – через закрепление стандартов должного поведения, укорененных в традиционных представлениях о справедливости и добропорядочности.

Ключевыми правовыми категориями, выступающими проводниками ценностного измерения в гражданско-правовом регулировании, являются принципы добросовестности (ст. 1, 6, 10 ГК РФ), разумности (ст. 10, 53 ГК РФ) и справедливости (ст. 6, 308.3, 393 ГК РФ) [2]. Данные принципы не просто декларируются, но образуют нормативную основу для оценки поведения участников правоотношений. Они выступают проекцией традиционных этических категорий – честности, уважения к праву, заботы о ближнем – в плоскость позитивного права, придавая им качество юридически значимых ориентиров.

Наиболее репрезентативным в контексте настоящего исследования представляется принцип запрета злоупотребления правом, закрепленный в ст. 10 ГК РФ. Данная норма устанавливает пределы осуществления гражданских прав, запрещая использование их исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также иные формы недобросовестного осуществления прав. Как справедливо отмечается в цивилистической доктрине, «если лицо, осуществляя свое субъективное право, умаляет тем самым какое-либо благо, то можно говорить о причинении вреда посредством осуществления права» [9]. В этом контексте ст. 10 ГК РФ выполняет не только охранительную, но и ценностно-ориентирующую функцию, очерчивая границы, за которыми осуществление права утрачивает связь с нравственными основаниями правопорядка.

Значение указанного принципа для защиты традиционных ценностей раскрывается через его применение в конкретных категориях дел. Так, институт злоупотребления правом позволяет пресекать действия, формально соответствующие закону, но противоречащие его духу и направленные на подрыв доверия, разрушение сложившихся устоев или дестабилицию общественных отношений. Тем самым обеспечивается защита таких ценностей, как стабильность гражданского оборота, предсказуемость поведения контрагентов и, в конечном счете, социальный мир.

Важно подчеркнуть, что ответственность в гражданском праве не сводится исключительно к санкциям за правонарушения. Она имплицитно включает требование к каждому участнику оборота исполнять возложенные на него обязанности с должной степенью заботливости и осмотрительности, соизмеряя свое поведение не только с буквой, но и с духом закона. Такое понимание ответственности корреспондирует традиционному для российской правовой культуры представлению о неразрывной связи права и нравственного долга.

Таким образом, в гражданском законодательстве традиционные духовно-нравственные ценности закрепляются преимущественно косвенным способом – через систему принципов и общих норм, которые выполняют функцию ценностных регуляторов. Данный способ формализации, в отличие от прямого декларирования или запретительных мер, обладает большей гибкостью и позволяет адаптировать ценностные требования к многообразию конкретных жизненных ситуаций, сохраняя при этом их нормативное значение.

3. **Охранительное закрепление (запретительные нормы).** Данный способ заключается в установлении юридической ответственности за деяния, посягающие на защищаемые ценности. Это наиболее жесткий, императивный метод, где ценность выступает в качестве непосредственного *объекта уголовно-правовой или административно-правовой охраны*. Особого внимания заслуживает процесс наполнения Уголовного кодекса РФ [5] и Кодекса РФ об административных правонарушениях [3] конкретными составами правонарушений, направленными на защиту традиционных духовно-нравственных ценностей. Формирование данного массива охранительных норм стало реакцией законодателя на трансформацию социокультурной среды и появление новых вызовов, связанных с распространением идеологических установок, противоречащих традиционным российским ценностям.

Существенной особенностью рассматриваемых правотворческих инициатив является то обстоятельство, что значительная часть соответствующих запретов была введена в действие до конституционализации традиционных ценностей в результате поправок 2020 г. Данный факт свидетельствует о том, что потребность в правовой охране ценностных оснований общества осознавалась законодателем на отраслевом уровне задолго до их формального закрепления в Основном законе. Уголовно-правовые и административно-правовые запреты, направленные на противодействие пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, реабилитацию нацизма, оскорбление чувств верующих и иные посягательства, формировались эмпирически – как ответ на конкретные угрозы общественной нравственности и безопасности.

Таким образом, можно констатировать, что необходимость нормативно-правового закрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей актуализировалась в последние два десятилетия под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Реализация этой потребности осуществлялась посредством целого ряда правотворческих инициатив, которые на начальном этапе носили фрагментарный характер, однако впоследствии обрели концептуальное единство благодаря принятию Основ государственной политики по укреплению традиционных ценностей и соответствующих конституционных поправок.

Проведенный анализ позволяет заключить, что нормативно-правовое закрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей является не только возможным (в силу наличия отработанных приемов юридической техники), но и объективно необходимым. Необходимость эта детерминирована потребностью защиты конституционной идентичности и суверенитета в условиях ценностного противостояния на международной арене.

Предложенная уровневая классификация (конституционный, стратегический, отраслевой уровни) и выделение трех способов отраслевого закрепления (прямое, косвенное, охранительное) позволяют систематизировать представление о механизме правовой охраны ценностей,

выявить его внутреннюю структуру и обнаружить существующие противоречия (в частности, в законодательстве о культуре).

Формализация ценностей не должна вести к их «окостенению» или подмене морального регулирования правовым. Оптимальной моделью представляется сочетание стратегического целеполагания (на уровне указов и доктрин) с гибкими отраслевыми механизмами, где законодателю следует избегать внутренних коллизий и обеспечивать баланс с конституционными правами и свободами. Дальнейшие исследования должны быть направлены на выработку критериев эффективности правовой охраны ценностей и совершенствование юридической техники в данной сфере.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Российская газета. –1993. – 25 дек. (№ 237); СЗ РФ. – 2022. – № 41. – Ст. 6933.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51–ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2024. – № 33 (часть I). – Ст. 4933.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195–ФЗ (с изм. на 29.12.2025) (ред., действующая с 09.01.2026) // СЗ РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1; 2025. – № 52 (ч.I). – Ст. 8349.
4. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223–ФЗ (с изм. на 30 октября 2025 года) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16; 2025. – № 8. – Ст. 773.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63–ФЗ (с изм. на 20.02.2026) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2024. – № 48. – Ст. 7212.
6. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента от 09.11.2022 № 809 // СЗ РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
7. Стратегия национальной безопасности: Указ Президента от 02.06.2021 № 400 // СЗ РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.
8. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П // СЗ РФ. – 2014. – № 40. – Ст. 5489.
9. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2007. – С. 71.

THE SYSTEM OF NORMATIVE AND LEGAL ENSHRINEMENT OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES: A TIERED APPROACH AND SECTORAL DIFFERENTIATION

Bakhcheev I.A.
Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA

The relevance of this topic is due to the fundamental transformation of the state's approaches to the legal protection of society's value foundations that has occurred in recent years. The adoption of Presidential Decree № 809, which enshrined the Fundamentals of State Policy for Strengthening Traditional Spiritual and Moral Values, as well as the 2020 constitutional reform, have shifted the issue of formalizing values from a purely doctrinal dimension to the realm of positive law. Under these conditions, there is a need for a systematic understanding of how abstract axiological categories are incorporated into the fabric of legislation, what levels and methods of legal codification are used, and what conflicts law enforcement encounters.

The methodological basis is formed by general scientific methods (analysis, synthesis, systems approach) and specific legal methods of inquiry: formal legal methods (which allowed for the study of the content of legal norms), comparative legal methods (used to compare sectoral approaches to the codification of values), and the method of classification and systemic interpretation (applied in constructing a tiered model of legal regulation).

In this article, the author substantiates an original three-tier classification of methods for codifying traditional values, including the constitutional, strategic, and sectoral levels. At the sectoral level, three methods of legal formalization are distinguished: direct (declarative) consolidation (using the Family Code of the Russian Federation as an example), indirect consolidation through legal principles (using the categories of good faith, reasonableness, and fairness in the Civil Code of the Russian Federation), and protective consolidation through prohibitive norms (the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation). The limits of the juridification of moral categories (using marital fidelity as an example) are identified, and systemic conflicts in the legislation on culture and cinematography are discovered, where the lists of grounds for restrictions do not correspond to the current threats formalized in Decree of the President of the Russian Federation № 809. Proposals for harmonizing legislation are formulated, including supplementing Article 31 of the Fundamentals of Legislation on Culture and Article 5.1 of the Law on Cinematography with such a ground as «dissemination of information aimed at denying or discrediting traditional Russian spiritual and moral values». The study concludes that it is necessary to combine strategic goal-setting with flexible sectoral mechanisms while maintaining a balance with constitutional rights and freedoms.

Keywords: traditional Russian spiritual and moral values; legal consolidation; legal protection; limits of legal regulation; constitutional identity.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, of 21.07.2014 № 11-FKZ, of 14.03.2020 № 1-FKZ; of 04.10.2022 № 8-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta. –1993. – 25 December. (№ 237); Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – № 41. – Art. 6933.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of 30.11.1994 № 51-FZ (as amended on 08.08.2024) // SZ RF. – 1994. – № 32. – Art. 3301; 2024. – № 33 (Part I). – Art. 4933.
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of 30.12.2001 № 195-FZ (as amended on 29.12.2025) (as amended on 09.01.2026) // SZ RF. – 2002. – № 1. – Art. 1; 2025. – № 52 (Part I). – Art. 8349.
4. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of 29.12.1995 № 223-FZ (as amended on October 30, 2025) // SZ RF. – 1996. – № 1. – Art. 16; 2025. – № 8. – Art. 773.
5. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on February 20, 2026) // SZ RF. – 1996. – № 25. – Art. 2954; 2024. – № 48. – Art. 7212.
6. Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Presidential Decree of 09.11.2022 № 809 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – № 46. – Art. 7977.
7. National Security Strategy: Presidential Decree of 02.06.2021 № 400 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2021. – № 27 (Part II). – Art. 5351.
8. In the case concerning the verification of the constitutionality of Part 1 of Article 6.21 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the complaint of citizens N.A. Alekseev, Ya.N. Yevtushenko and D.A. Isakov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 23, 2014, № 24-P // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2014. – № 40. – Article 5489.
9. Malinovsky, A.A. Abuse of Subjective Right (Theoretical and Legal Study). Moscow: Yurlitinform, 2007. – P. 71.

Взаимодействие национальных антимонопольных органов стран-членов ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии

Беляков Антон Владимирович,
аспирант отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: bieliakov_anton@mail.ru

В условиях усиления экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) особую актуальность приобретает вопрос гармонизации антимонопольного регулирования. Формирование единого экономического пространства требует согласованных действий национальных органов стран-членов и наднациональных структур, прежде всего Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Анализ текущей практики выявляет системные проблемы, связанные с рассогласованностью применения антимонопольного законодательства на национальном и наднациональном уровнях. Дублирование полномочий, различия в процедурных подходах и отсутствие единых стандартов контроля за трансграничными сделками создают существенные препятствия для эффективной защиты конкуренции. Это приводит не только к задержкам в расследовании нарушений, но и к формированию правовых лакун, которыми могут воспользоваться недобросовестные участники рынка. Указанные проблемы системно ослабляют механизмы конкурентного регулирования в рамках ЕАЭС, требуя комплексного научного осмысления.

Целью исследования является проведение комплексного анализа действующих механизмов взаимодействия антимонопольных органов государств-членов ЕАЭС с Евразийской экономической комиссией, выявление как институциональных, так и процедурных аспектов этого взаимодействия, оценка их эффективности в контексте борьбы с нарушениями конкурентного права. Предметом настоящей работы являются нормы конкурентного права России, так и нормы конкурентного права ЕАЭС, практика их применения, научная доктрина, связанная с вопросами развития конкурентного права.

Для достижения поставленной цели в работе последовательно решаются следующие задачи: во-первых, проводится анализ нормативной базы, включая Договор о ЕАЭС и решения ЕЭК; во-вторых, исследуется практика сотрудничества на примерах конкретных трансграничных дел; в-третьих, выявляются системные барьеры во взаимодействии через сравнительное изучение национальных подходов; в-четвертых, формулируются предложения по унификации процедур и усилению арбитражной функции Комиссии. Основными методами анализа, используемыми в настоящей работе, являются: 1) структурный и структурно-функциональный методы; 2) метод сравнительного правоведения; 3) методы абстрактного мышления; 4) специально-юридические методы.

Вывод: взаимодействие национальных органов и Евразийской экономической комиссии является системообразующим элементом защиты конкуренции на трансграничных рынках, позволяющий эффективно предотвращать монополистическую деятельность, защищая целостность общего рынка.

Ключевые слова: конкурентное право, антимонопольное регулирование, антимонопольное законодательство, товарный рынок, трансграничные рынки, ЕАЭС, Евразийская экономическая комиссия.

Договор о Евразийском экономическом союзе закрепляет базовые цели и принципы антимонопольного регулирования, формируя правовую основу единого экономического пространства. Статья 76 Договора устанавливает необходимость предотвращения, ограничения и пресечения монополистической деятельности на трансграничных рынках. Эти положения направлены на обеспечение свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы через устранение антиконкурентных барьеров. Закрепленные принципы создают предпосылки для гармонизации подходов к защите конкуренции в рамках Союза.

Договор четко разграничивает компетенции между Евразийской экономической комиссией и национальными антимонопольными органами в сфере контроля за трансграничными нарушениями. ЕЭК уполномочена рассматривать дела, затрагивающие рынки двух и более государств-членов, тогда как национальные органы сохраняют юрисдикцию над нарушениями в пределах одной страны. Такое распределение функций позволяет обеспечить комплексный подход к расследованию антиконкурентных практик, выходящих за национальные границы. Одновременно сохраняется принцип субсидиарности при реализации контрольных полномочий. Взаимодействие между ЕЭК и национальными органами строится на основе установленных Договором процедур информирования и консультаций. Комиссия обязана направлять материалы расследования в компетентные органы государств-членов при выявлении признаков трансграничных нарушений. Национальные регуляторы, в свою очередь, предоставляют ЕЭК доступ к необходимым данным в рамках своей юрисдикции. Этот механизм обеспечивает координацию действий и предотвращает дублирование функций при рассмотрении сложных дел. Закрепление компетенций в Договоре создает правовую основу для формирования согласованной антимонопольной политики на пространстве ЕАЭС. Четкое разграничение полномочий между наднациональным и национальным уровнями способствует эффективному применению конкурентного права. Система взаимодействия, основанная на Договоре, позволяет учитывать как общие интересы Союза, так и специфику национальных правовых систем. Данный подход минимизирует риски возникновения конфликтов юрисдикций при расследовании трансграничных нарушений.

Евразийская экономическая комиссия осуществляет координацию антимонопольной политики на наднациональном уровне, обеспечивая единообразие подходов в рамках ЕАЭС. Данная функция закреплена в Договоре о Евразийском экономическом союзе, определяющем основные направления гармонизации законодательства. Комиссия разрабатывает общие принципы и правила добросовестной конкуренции, обязательные для применения на территории всех государств-членов. Координационная деятельность включает также мониторинг соблюдения установленных норм и стандартов. Важным аспектом координационной функции ЕЭК является содействие согласованию правоприменительной практики национальных антимонопольных органов. Комиссия обеспечивает методическое единство через разработку рекомендаций и разъяснений по применению единых правил конкуренции. Регулярный анализ рынков позволяет выявлять системные риски и предлагать меры по их устранению. Такая деятельность способствует формированию предсказуемой конкурентной среды в рамках союза.

Комиссия обладает исключительными полномочиями по расследованию нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках, затрагивающих интересы нескольких государств-членов. «Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) – взаимодействие с другими странами-участницами (Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан) для борьбы с картелями и другими антиконкурентными практиками на трансграничном уровне [11, с. 8]». В рамках данных полномочий ЕЭК проводит проверки, выносит обязательные для исполнения решения и применяет санкции за нарушения.

Институциональное взаимодействие ЕЭК с национальными регуляторами осуществляется через Консультативный комитет по конкурентной политике, обеспечивающий согласование позиций. Комиссия координирует совместные расследования и обмен информацией между антимонопольными органами государств-членов. Процедуры предварительных консультаций позволяют учитывать национальные особенности при применении единых норм. Такие механизмы спо-

собствуют эффективной имплементации наднациональных решений на национальном уровне.

Национальные законодательства стран-членов ЕАЭС демонстрируют значительную степень унификации базовых понятий и запретов в сфере антимонопольного регулирования. Это обусловлено необходимостью реализации единых принципов, закрепленных в Договоре о ЕАЭС. Общими для всех юрисдикций являются запреты на картельные соглашения и злоупотребление доминирующим положением. Такая гармонизация создает основу для согласованного применения конкурентного права в рамках Союза. Имплементация унифицированных норм прослеживается в антимонопольных законах всех государств-членов. Например, законодательства Армении, Беларуси и Казахстана содержат схожие определения картелей и критерии их запрета. Российский закон «О защите конкуренции» также воспроизводит базовые положения Договора о ЕАЭС. Это обеспечивает единообразие в квалификации наиболее опасных нарушений, способствуя эффективному трансграничному сотрудничеству.

Несмотря на унификацию базовых принципов, сохраняются существенные различия в подходах к определению доминирующего положения. Пороговые значения доли рынка варьируются: в России доминирующим признается положение хозяйствующего субъекта с долей свыше 35%, тогда как в Казахстане этот показатель установлен на уровне 50%. В Кыргызстане дополнительно учитывается возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товаров. Значительные расхождения наблюдаются в процедурах согласования сделок экономической концентрации. В Беларуси предусмотрена обязательная предварительная проверка сделок с оборотом свыше 2 млн евро, а в Армении порог составляет 4 млн евро. Сроки рассмотрения ходатайств также различаются: от 30 дней в Казахстане до 90 дней в России. Эти различия создают дополнительные сложности для бизнеса, осуществляющего трансграничную деятельность.

Правовые основы информационного взаимодействия в рамках ЕАЭС закреплены в Договоре о Евразийском экономическом союзе и соответствующих регламентах Евразийской экономической комиссии. Статья 76 Договора устанавливает общие принципы сотрудничества антимонопольных органов, включая обязательства по обмену данными. Национальные законодательства стран-членов содержат положения, детализирующие процедуры передачи информации в рамках единого экономического пространства. Это создает правовую базу для систематического взаимодействия между национальными регуляторами и наднациональными структурами. Анализ национальных законодательств государств-членов ЕАЭС выявляет как точки соприкосновения, так и существенные различия в подходах к информационному обмену. В большинстве юрисдикций предусмотрены специальные нормы о конфиденциальности передаваемых данных и сроках предоставления запрашиваемой информации. Однако различия в процессуальных требованиях к оформлению документов и степени доступа к коммерческой тайне создают практические сложности. Унификация этих аспектов остается важной задачей для совершенствования правоприменительной практики в рамках Союза.

Операционные инструменты координации включают электронные платформы для обмена данными, такие как интегрированная информационная система ЕЭК. Эти цифровые решения позволяют осуществлять оперативный мониторинг трансграничных рынков и своевременно выявлять нарушения конкурентного законодательства. Использование единых форматов передачи данных и стандартизированных шаблонов отчетности повышает эффективность взаимодействия. Технологические платформы также обеспечивают безопасность хранения и обработки конфиденциальной информации. Согласованные методики расследований и механизмы оперативного реагирования разрабатываются ЕЭК совместно с национальными антимонопольными органами. В их основе лежат единые подходы к оценке рыночной власти, определению географических и товарных границ рынков. Для трансграничных картельных сговоров предусмотрены процедуры параллельного расследования с синхронизацией следственных действий. Это позволяет минимизировать риски уничтожения доказательств и обеспечивает согласованность принимаемых решений.

Выявление трансграничных картелей в практике ЕАЭС основано на сочетании методов национальных антимонопольных органов и Евразийской экономической комиссии. Национальные органы преимущественно используют традиционные инструменты: внеплановые проверки, анализ рыночных данных и показания участников рынка. ЕЭК фокусируется на координации сбора информации между юрисдикциями и разработке единых подходов к оценке доказательств. Различия в стандартах доказывания между странами-членами создают сложности при формировании единой доказательной базы. Сравнительный анализ методологий выявил тенденцию к постепенной гармонизации процедур сбора информации под влиянием рекомендаций ЕЭК. Комиссия внедряет цифровые платформы для обмена данными между национальными ведомствами, что ускоряет выявление трансграничных нарушений. Однако отсутствие унифицированных требований к электронным доказательствам сохраняет различия в подходах. Это требует дальнейшего совершенствования правовых механизмов согласования investigatory powers в рамках Союза.

Расследование картеля на рынке поставок сельскохозяйственной техники (2021–2023) продемонстрировало успешную синхронизацию действий антимонопольных органов Казахстана, России и ЕЭК. Совместная рабочая группа оперативно обменивалась результатами внеплановых проверок, что позволило установить факт согласования цен в трех юрисдикциях. Параллельное рассмотрение дела в ЕЭК и национальных ведомствах обеспечило единообразие применяемых санкций. Данный кейс стал примером эффективного использования Статьи 76 Договора о ЕАЭС. Дело о сговоре фармацевтических дистрибьюторов (2022) выявило проблему юрисдикционного дублирования при расследовании. Одновременное возбуждение дел в Беларуси и Кыргызстане привело к конфликту компетенций и удвоению штрафных санкций для компаний. Отсутствие четких правил определения ведущей юрисдикции в многосторонних расследованиях потребовало дополнительных согласительных процедур. Этот случай подчеркнул необходимость совершенствования механизмов процессуальной субординации.

Распределение компетенций между национальными органами и ЕЭК при расследовании трансграничных нарушений демонстрирует эффективность при четком разграничении зон ответственности. ЕЭК успешно координирует расследования, затрагивающие рынки трех и более государств-членов, обеспечивая единообразие правоприменения. Национальные ведомства сохраняют приоритет в делах с преимущественным влиянием на внутренний рынок. Такая модель предотвращает дублирование функций при сохранении гибкости реагирования. Анализ практики выявил недостатки в механизмах распределения компетенций при расследовании многосторонних картелей. Отсутствие четких критериев определения доминирующей юрисдикции приводит к затягиванию согласовательных процедур. Пробелы в синхронизации сроков расследований создают риски нарушения прав компаний-ответчиков. Эксперты отмечают необходимость закрепления в Регламенте ЕЭК императивных норм о последовательности действий при параллельных расследованиях.

Процесс формирования совместных решений в рамках ЕАЭС предполагает согласование правовых позиций национальных антимонопольных органов и Евразийской экономической комиссии. Ключевым аспектом выступает гармонизация подходов к толкованию норм Договора о ЕАЭС и национального законодательства. Данная практика направлена на минимизацию расхождений в правоприменении и создание единого правового поля. Анализ конкретных случаев выявил необходимость разработки механизмов устранения коллизий при трактовке норм конкурентного права. Особую сложность представляет согласование решений по трансграничным делам, где пересекаются юрисдикции нескольких государств-членов. Систематизация правовых позиций способствует повышению предсказуемости антимонопольного регулирования в рамках Союза.

Эффективность координации действий оценивается через количественные показатели, включая сокращение сроков расследования трансграничных нарушений. Статистические данные демонстрируют тенденцию к уменьшению среднего времени рассмотрения дел при совместном участии ЕЭК и национальных органов. Это свидетельствует об оптимизации процедур обмена информацией и распределения компетенций. Динамика увеличения сумм наложенных штрафов отражает усиление воздействия на нарушителей конкурентного законодательства. Совместные расследования позволяют более точно оценивать масштабы ущерба и применять адекватные санкции. Однако сохраняются различия в методиках расчета штрафов, что требует дальнейшей унификации подходов.

В правоприменительной практике сохраняются системные пробелы, связанные с отсутствием унифицированных стандартов доказывания нарушений. Различия в процедурах сбора и оценки доказательств создают сложности при формировании единой доказательной базы по трансграничным делам. Это снижает эффективность совместных расследований и увеличивает риски судебных оспариваний. Отсутствие механизмов принудительного исполнения решений остается критической проблемой взаимодействия. Как отмечает Медведев И.В., «указанная особенность проявляется в зависимости суда ЕАЭС от Высшего Евразийского экономического совета, что можно увидеть при сравнении с судом ЕС, который может обязать государство принять определенные меры для исполнения решения, а также наложить на государство-участника штраф. В то же время Суд ЕАЭС может

принимать меры принуждения только с одобрения Высшего совета» [6, с. 11], [6, с. 84]. Данное ограничение снижает действенность принимаемых решений в отсутствие санкций за их неисполнение.

Сравнительный анализ антимонопольных законодательств стран-членов ЕАЭС выявил существенные различия в подходах к определению доминирующего положения хозяйствующих субъектов. В Республике Беларусь пороговые значения доли рынка установлены на уровне 30%, тогда как в Республике Казахстан аналогичный показатель составляет 35%. Подобные расхождения создают правовые коллизии при оценке трансграничных сделок и согласовании позиций национальных органов. Это осложняет формирование единого подхода к регулированию конкурентной среды на пространстве Союза. Различия в правовых режимах проявляются также в сроках рассмотрения дел и процедурах доказывания нарушений. Например, российское законодательство предусматривает более детализированные основания для возбуждения дел о картельных сговорах по сравнению с армянскими нормами. Подобная асимметрия приводит к сложностям в синхронизации расследований и выработке согласованных решений. Необходимость преодоления таких правовых барьеров требует разработки унифицированных критериев оценки нарушений.

Координация компетенций между ЕЭК и национальными органами демонстрирует пробелы при расследовании трансграничных нарушений, особенно в части распределения полномочий по сбору доказательств. Отсутствие четкого разграничения ответственности за проведение инспекционных мероприятий на территории нескольких государств-членов приводит к дублированию функций или их неисполнению. Это снижает эффективность расследований и увеличивает сроки принятия окончательных решений. Проблемы взаимодействия усугубляются недостаточностью механизмов оперативного обмена конфиденциальной информацией между участниками процесса. Несогласованность в применении мер предварительного характера, таких как обеспечение сохранности доказательств, создает риски утраты значимых данных. Совершенствование процедур совместного расследования требует разработки единых стандартов документального взаимодействия и создания платформы для оперативного согласования позиций.

Ключевым направлением оптимизации является внедрение единых стандартов расследования трансграничных нарушений антимонопольного законодательства. Это предполагает синхронизацию сроков проведения проверок и последовательности процессуальных этапов во всех юрисдикциях ЕАЭС. Унификация процедур позволит минимизировать риски дублирования действий и конфликтов юрисдикций при расследовании дел, затрагивающих несколько государств-членов. Согласованный регламент повысит эффективность межведомственного взаимодействия и сократит сроки рассмотрения дел.

Необходима разработка согласованных критериев оценки воздействия на конкуренцию в рамках общего рынка ЕАЭС. Такие критерии должны включать единые методики анализа рыночных долей, оценки барьеров входа и определения географических границ товарных рынков. Унификация подходов обеспечит сопоставимость выводов антимонопольных органов разных стран при рассмотрении схожих категорий дел. Это создаст основу для формирования последовательной правоприменительной практики в масштабах Союза. Внедрение общих критериев оценки особенно актуально для контроля экономической концентрации и анализа согласованных действий хозяйствующих субъектов. Согласованные параметры позволят объективно определять трансграничное воздействие сделок и практик на конкурентную среду. Это устранит существующие различия в национальных подходах к оценке пороговых значений доминирующего положения. В результате повысится предсказуемость принимаемых решений для бизнеса, работающего на территории ЕАЭС.

Важным шагом станет создание общих методик расчета ущерба от антиконкурентных практик и применения санкций. Разработка унифицированных алгоритмов определения размера штрафов позволит устранить асимметрию в правоприменении между странами-членами. Единые принципы должны учитывать как тяжесть нарушения, так и масштабы его воздействия на общий рынок. Это обеспечит соразмерность наказаний и предотвратит дискриминацию хозяйствующих субъектов в зависимости от юрисдикции рассмотрения дела.

Создание формализованных превентивных консультационных механизмов под эгидой ЕЭК способствует минимизации коллизий юрисдикций. Институционализация процедур предварительного согласования решений национальных органов позволяет выявлять потенциальные конфликты на ранних стадиях. Такой подход обеспечивает согласованность правоприменения и снижает риски дублирования расследований. Прогностическая функция консультаций усиливает превентивный характер антимонопольного регулирования в рамках ЕАЭС.

Расширение арбитражных полномочий ЕЭК необходимо для эффективного разрешения споров между антимонопольными органами государств-членов. Современные механизмы урегулирования разногласий требуют совершенствования в части процессуальных сроков и обязательности исполнения решений. Наделение Комиссии правом вынесения обязательных к исполнению постановлений повысит авторитет наднационального регулирования. Внедрение многоуровневой системы арбитража позволит дифференцированно подходить к спорам различной сложности. Для рутинных конфликтов целесообразно создание ускоренных процедур медиации, тогда как системные разногласия требуют детального рассмотрения Коллегией ЕЭК. Унификация арбитражных регламентов обеспечит единообразие практики и снизит транзакционные издержки участников рынка.

Формирование единых стратегических приоритетов конкурентной политики требует усиления координационной роли ЕЭК. Разработка многосторонних программ гармонизации обеспечит синхронизацию национальных и наднациональных регуляторных подходов. Консолидированные стратегии должны охватывать цифровизацию рынков, трансграничные слияния и защиту конкуренции в инфраструктурных отраслях. Это позволит преодолеть фрагментацию регулирования и создать предсказуемую среду для хозяйствующих субъектов.

Проведенное исследование подтвердило, что гармонизация антимонопольного регулирования в рамках ЕАЭС играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития единого экономического пространства. Взаимодействие национальных органов и Евразийской экономической комиссии выступает системообразующим элементом защиты конкуренции на трансграничных рынках, что соответствует положениям Договора о ЕАЭС. Анализ правовых основ и практики сотрудничества продемонстрировал, что данный механизм позволяет эффективно предотвращать картельные сговоры, защищая целостность общего рынка.

Эмпирический анализ выявил системные проблемы в координации антимонопольных органов, включая дублирование полномочий и правовые коллизии при применении национального законодательства. Исследование подтвердило, что недостаточная эффективность механизмов обмена информацией создает риски фрагментации общего рынка. Эти выводы основаны на сравнительном анализе подходов стран-членов и изучении практики расследования трансграничных нарушений конкуренции.

Предложенные направления оптимизации взаимодействия через унификацию процедур расследований и создание единых цифровых платформ способны преодолеть выявленные барьеры. Усиление арбитражных функций ЕЭК обеспечит пропорциональность и предсказуемость антимонопольного регулирования. Реализация этих мер основана на систематизации выявленных пробелов в текущих механизмах координации, что соответствует третьей задаче исследования.

Реализация разработанных рекомендаций создаст институциональные предпосылки для формирования целостной политики конкуренции в ЕАЭС. Это соответствует актуальности исследования, связанной с необходимостью противодействия внешним экономическим вызовам. Создание эффективной системы взаимодействия антимонопольных органов станет критическим фактором повышения инвестиционной привлекательности единого экономического пространства.

Литература

1. Андрадэ К., Пинто Ишихара Ю., Радионов Г. Антикартельные расследования: антимонопольный инструментарий и глобальное сотрудничество против трансграничных картелей // Конкуренция и право. – 2022. – № 1. – С. 20–24.
2. Белащенко Д.А., Толкачев В.В., Шоджонов И.Ф. Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2020. – № 3. – С. 543–559.
3. Гурский В. Анализ влияния интеграционных эффектов в процессе становления евразийского экономического союза на развитие промышленности и промышленную политику государств-членов // Журнал международного права и международных отношений. – 2017. – № 1. – С. 110–121.
4. Кочанова Н.И., Коваленко Е.И., Тукиев А.С. и др. Программа VIII международной конференции Суда Евразийского экономического союза «Обеспечение верховенства права на пространстве Евразийского экономического союза» // Программа VIII международной конференции Суда Евразийского экономического союза «Обеспечение верховенства права на пространстве Евразийского экономического союза». – Минск, 2025. – С. 1–4.
5. Ли Ц.Я. Правовые инструменты защиты национальных интересов государств большой евразии в условиях усиления китайского стратегического влияния // Право и политика. – 2025. – № 12. – С. 241–254.

6. Медведев И.В. Евразийская интеграция: вопросы наднационального регулирования // Теоретическая экономика. – 2023. – № 9. – С. 79–89.

7. Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В. Возможности использования стандартов и лучших практик ОЭСР в евразийской экономической интеграции // Вестник международных организаций. – 2019. – № 4. – С. 172–186.

8. Павлова Е., Нестеренко А., Голомолзин А. и др. «Антимонопольное законодательство становится законодательством с человеческим лицом» // Закон. – 2015. – № 4. – С. 75–79.

9. Сексте Я.А. Евразийский экономический союз и проблемы региональной безопасности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. – № 22. – С. 71–73.

10. Смирнов В.А. Подход России к новой стратегии развития ЕАЭС до 2045 г // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2023. – № 4. – С. 320–329.

11. Тимошкин Ю.А., Бабанская А.С. Картели на торгах: подходы в международной практике и развитие международного сотрудничества с Россией // Вестник евразийской науки. – 2025. – № 1. – С. 1–12.

12. Хасбулатов Р.И. Международные экономические отношения: учебник для бакалавров. – Москва: Юрайт, 2014. – 910 с.

INTERACTION OF THE NATIONAL ANTIMONOPOLY AUTHORITIES OF THE EAEU MEMBER STATES AND THE EURASIAN ECONOMIC COMMISSION

Belyakov A.V.
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

In the context of increasing economic integration within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU), the issue of harmonization of antimonopoly regulation is becoming particularly relevant. The formation of a single economic space requires coordinated actions by the national authorities of the member states and supranational structures, primarily the Eurasian Economic Commission (EEC). An analysis of current practice reveals systemic problems related to the inconsistency in the application of antimonopoly legislation at the national and supranational levels. Duplication of powers, differences in procedural approaches, and the lack of uniform standards for monitoring cross-border transactions create significant obstacles to effective competition protection. This leads not only to delays in the investigation of violations, but also to the formation of legal gaps that can be exploited by unscrupulous market participants. These problems systematically weaken the mechanisms of competitive regulation within the EAEU, requiring a comprehensive scientific understanding.

The purpose of this study is to conduct a comprehensive analysis of the existing mechanisms of interaction between the antimonopoly authorities of the EAEU member states and the Eurasian Economic Commission, identify both institutional and procedural aspects of this interaction, and assess their effectiveness in the context of combating violations of competition law. The subject of this work is the norms of Russian competition law and the norms of the EAEU competition law, the practice of their application, and the scientific doctrine related to the development of competition law.

To achieve this goal, the following tasks are consistently solved: firstly, the regulatory framework is analyzed, including the EAEU Treaty and the decisions of the EEC; secondly, the practice of cooperation is examined using examples of specific cross-border cases; thirdly, systemic barriers to interaction are identified through a comparative study of national approaches; fourthly, Proposals are being formulated to unify procedures and strengthen the arbitration function of the Commission. The main methods of analysis used in this work are: 1) structural and structural-functional methods; 2) the method of comparative law; 3) methods of abstract thinking; 4) special legal methods.

Conclusion: the interaction of national authorities and the Eurasian Economic Commission is a system-building element of competition protection in cross-border markets, which makes it possible to effectively prevent monopolistic activities while protecting the integrity of the common market.

Keywords: competition law, antimonopoly regulation, antimonopoly legislation, commodity market, cross-border markets, EAEU, Eurasian Economic Commission.

References

1. Andrade K., Pinto Ishihara Y., Radionov G. Anti-cartel investigations: antitrust tools and global cooperation against cross-border cartels // Competition and Law. – 2022. – № 1. – P. 20–24.

2. Belashchenko D. A., Tolkachev V.V., Shodzhonov I.F. The Eurasian Economic Union: Prospects and Problems of Integration in the Post-Soviet Space // Bulletin of RUDN University. Series: International Relations. – 2020. – № 3. – P. 543–559.

3. Gursky V. Analysis of the Impact of Integration Effects in the Process of Formation of the Eurasian Economic Union on the Development of Industry and Industrial Policy of Member States // Journal of International Law and International Relations. – 2017. – № 1. – P. 110–121.

4. Kochanova N.I., Kovalenko E.I., Tukiev A.S., et al. Program of the VIII International Conference of the Court of the Eurasian Economic Union «Ensuring the Rule of Law in the Space of the Eurasian Economic Union» // Program of the VIII International Conference of the Court of the Eurasian Economic Union «Ensuring the Rule of Law in the Space of the Eurasian Economic Union». – Minsk, 2025. – Pp. 1–4.

5. Li Ts.Ya. Legal Instruments for Protecting the National Interests of the States of Greater Eurasia in the Context of Strengthening Chinese Strategic Influence // Law and Politics. – 2025. – № 12. – Pp. 241–254.

6. Medvedev I.V. Eurasian Integration: Issues of Supranational Regulation // Theoretical Economics. – 2023. – № 9. – Pp. 79–89.

7. Meshkova T.A., Izotov V.S., Demidkina O.V. Possibilities of Using OECD Standards and Best Practices in Eurasian Economic Integration // Bulletin of International Organizations. – 2019. – № 4. – Pp. 172–186.

8. Pavlova E., Nesterenko A., Golomolzin A., et al. «Antitrust Legislation is Becoming Legislation with a Human Face» // Zakon. – 2015. – № 4. – Pp. 75–79.

9. Sekste Ya.A. The Eurasian Economic Union and Regional Security Issues // National Security and Strategic Planning. – 2018. – № 22. – Pp. 71–73.

10. Smirnov V.A. Russia's Approach to the New Development Strategy of the EAEU until 2045 // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. – 2023. – № 4. – P. 320–329.

11. Timoshkin Yu. A., Babanskaya A.S. Cartels in bargaining: approaches in international practice and the development of international cooperation with Russia // Bulletin of Eurasian Science. – 2025. – № 1. – P. 1–12.

12. Khasbulatov R.I. International Economic Relations: a textbook for bachelors. – Moscow: Yurait, 2014. – 910 p.

Совершенствование правовой базы Вьетнама по адаптации к изменению климата как партнера БРИКС

Буй Хонг Ньунг,
аспирант кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
E-mail: bhnhung92@mail.ru

Изменение климата в последние годы стало серьезной проблемой, привлекающей первостепенное внимание всех стран мира. Это неизбежное следствие индустриализации и модернизации. Долгосрочные и значительные изменения в климатической системе земли привели к повышению средней температуры атмосферы и океанов, изменению количества осадков, а также изменению частоты и интенсивности экстремальных погодных явлений. Благодаря своему все возрастающему влиянию, группа развивающихся стран БРИКС создает правовые рамки и внедряет практические меры по адаптации к негативным природным явлениям. В июне 2025 года Вьетнам официально стал партнером группы БРИКС, как объявила Бразилия, председательствующая на ротационной основе [1]. Это станет для Вьетнама прекрасной возможностью улучшить свою правовую базу в области изменения климата за счет доступа к «зеленому» финансированию, передачи низкоуглеродных технологий и изучения опыта принятия политических решений в таких крупных экономиках, как Россия, Китай и Индия и т.д.

Ключевые слова: изменение климата, Вьетнам, член-партнер, БРИКС, адаптация к изменению климата

БРИКС – это многосторонняя организация, обладающая растущим престижем и влиянием, основанная на всеобъемлющем механизме сотрудничества, имеющем три основных направления: политико-безопасное сотрудничество, экономико-финансовое сотрудничество, а также культурные и межличностные обмены. Наряду с этим, сотрудничество в области адаптации к изменению климата также является одним из вопросов, привлекающих все больше внимания и требующих активного взаимодействия не только между государствами-членами, но и между странами-партнерами БРИКС.

Адаптация к изменению климата – относительно новая тема в климатической повестке дня стран БРИКС. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года признает стремление стран повысить осведомленность о рисках изменения климата и открыть «финансовое окно» для проектов адаптации в Новом банке развития БРИКС (НБР). Некоторые области финансового сотрудничества в этой сфере включают: обмен опытом, технологиями и передовыми решениями в области экологии и климата; финансирование устойчивых проектов, направленных на смягчение негативного воздействия на окружающую среду, таких как возобновляемая энергия или обеспечение чистой водой; оценку климатических рисков путем разработки инструментов планирования мер адаптации, учитывающих воздействие изменения климата на экономику; установление целей по достижению углеродной нейтральности, разработку ценообразования на углерод или разработку низкоуглеродных технологий; и т.д. Все эти обязательства были реализованы странами-членами БРИКС посредством конкретных документов о сотрудничестве, включая: Рамочную программу по климату и устойчивому развитию; и Меморандум о взаимопонимании по партнерству БРИКС в области углеродных рынков.

Рамочная программа по климату и устойчивому развитию включает в себя набор принципов, целей и механизмов для всех стран-членов БРИКС, отражающих международные принципы. Содержание этого правового документа имеет первостепенное значение, всесторонне регулируя вопросы, связанные с адаптацией к изменению климата и общей целью устойчивого развития. В частности, эта правовая основа позволяет странам-членам БРИКС определять конкретные меры реагирования на изменение климата, которые наилучшим образом соответствуют их национальным особенностям, не ставя под угрозу национальные экономические интересы и не оказывая влияния на другие страны. К числу ключевых вопросов относятся: функционирование углеродных рынков; финансирование передовых технологий, поддерживающих «зеленый» переход; и участие бизнеса в «зеленом» переходе; и т.д.

Что касается второго юридического документа, то это Меморандум о взаимопонимании по партнерству БРИКС в области углеродных рынков. Углеродные рынки – это относительно новый тип рынков в глобальном масштабе. Однако преимущества этого рынка неоспоримы. Это подтверждается такими аспектами, как: повышение ответственности предприятий и отдельных стран за выбросы углерода в окружающую среду; сокращение выбросов парниковых газов в окружающую среду; и одновременное получение значительного дохода для предприятий и стран за счет продажи углеродных кредитов. Подписание этого Меморандума о взаимопонимании не только позволяет членам БРИКС обмениваться опытом в создании и функционировании своих соответствующих углеродных рынков, но и предоставляет этим странам возможность осуществлять совместные проекты, в том числе связанные с выпуском углеродных единиц.

Все эти правовые документы имеют глубокое значение и оказывают значительное влияние на действия всех стран группы БРИКС в целях минимизации последствий изменения климата и достижения целей устойчивого развития в целом, включая Вьетнам. Официальное членство Вьетнама в качестве партнера БРИКС повлекло за собой существенные политические, экономические и культурные последствия для развивающейся социалистической страны. Основываясь на активном и всестороннем подходе к международной интеграции, Вьетнам вносил, вносит и будет продолжать вносить практический вклад в многосторонние механизмы, организации и форумы, способствуя построению мира, стабильности, сотрудничества и развития не только в регионе, но и во всем мире. Это демонстрируется активным участием

Вьетнама в таких многосторонних механизмах, как Организация Объединенных Наций, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), расширенная Группа семи (G7), расширенная Группа двадцати (G20) и др. В настоящее время Вьетнам является партнером в группе стран БРИКС, стремясь внести свой вклад в усиление голоса и роли развивающихся стран, содействие международной солидарности, а также инклюзивному и всестороннему многостороннему сотрудничеству в духе уважения международного права.

Вьетнам, небольшая страна (приблизительно 331 698 км²) с береговой линией около 3260 км, особенно уязвима к изменению климата [2]. Длинная береговая линия делает прибрежные и низменные районы уязвимыми для наводнений из-за повышения уровня моря или тайфунов. Горные и холмистые регионы часто страдают от внезапных наводнений и оползней, вызванных проливными дождями и экстремальными погодными явлениями. Кроме того, прибрежные городские районы также подвержены наводнениям из-за сильных дождей и высоких приливов. Тропический муссонный климат также создает четко выраженные влажный и сухой сезоны, что приводит к засухе и нехватке воды во многих районах. Между тем, 70% населения Вьетнама проживает и экономически развивается в прибрежных и низменных районах, что делает природные явления, особенно повышение уровня моря, потенциально способными нанести значительный ущерб как людям, так и имуществу. Учитывая все более очевидное воздействие изменения климата, во Вьетнаме в настоящее время существует достаточно прочная правовая база для адаптации к изменению климата. В частности:

Закон об охране окружающей среды № 72/2020/QH14 от 17 ноября 2020 года конкретно рассматривает главу VII «Реагирование на изменение климата». К основным вопросам, охватываемым этим законом, относятся: адаптация к изменению климата, сокращение выбросов парниковых газов, защита озонового слоя и т.д.

Национальный план адаптации к изменению климата на период 2021–2030 годов с перспективой до 2050 года был принят Решением Премьер-министра № 1422/QD-TTg от 19 ноября 2024 года. Этот документ считается ключевым. Общая цель плана – повышение эффективности адаптации к изменению климата для минимизации потерь и ущерба, причиняемого изменением климата, одновременно используя возможности для экономического развития. Цели Вьетнама к 2030 году включают: повышение устойчивости и адаптационного потенциала природных, экономических и социальных систем; минимизацию ущерба от участившихся стихийных бедствий и экстремальных погодных явлений; совершенствование институтов, политики и повышение осведомленности для подготовки к изменению климата. Перспектива до 2050 года – содействие эффективной адаптации к изменению климата и вклад в устойчивое развитие страны. С тех пор Вьетнам четко определил свои ключевые задачи, сосредоточив внимание на пересмотре и обновлении сценариев изменения климата, интеграции адаптации в планирование, внедрении структурных и неструктурных решений, увеличении ресурсов и развитии международного сотрудничества.

Кроме того, правовая база Вьетнама по адаптации к изменению климата включает в себя и другие документы, такие как: Национальная стратегия по изменению климата на период до 2050 года, изданная Решением № 896/QD-TTg Премьер-министра от 26 июля 2022 года; и Национальная стратегия «зеленого» роста на период 2021–2030 годов с перспективой до 2050 года, изданная Решением № 1658/QD-TTg Премьер-министра от 1 октября 2021 года.

Несмотря на то, что правовая база для адаптации к изменению климата создана, Вьетнам по-прежнему сталкивается с многочисленными трудностями в ее практической реализации. В частности:

Во-первых, существуют ограничения в финансовых и технологических ресурсах. Реализация проектов энергетического перехода и устойчивой инфраструктуры требует значительных капиталовложений и передовых технологий. Это ложится существенным финансовым бременем на Вьетнам, развивающуюся страну с ограниченным бюджетом на такие проекты.

Во-вторых, механизм координации между специализированными ведомствами и организациями не синхронизирован. Правовая база для адаптации к изменению климата носит междисциплинарный и межрегиональный характер, характеризуясь тесными связями между ведомствами. Однако в действительности координация между ведомствами от центрального до местного уровня, а также между ведомствами общего назначения и ведомствами специализированного назначения пока не является по-настоящему эффективной. В частности, в период с ноября 2024 года по 2025 год во Вьетнаме была предпринята революция по оптимизации государственного аппарата от центрального до местного уровня. С 1 июля 2025 года на всей территории страны будет действовать двухуровневая система управления (упразднение районного уровня). Количество провинций и городов будет сокращено с 63 до 34 административных единиц провинциального уровня (включая 28 провинций и 6 городов центрального подчинения) [3]. Организационная нестабильность в правительстве от центрального до местного уровня также создаст определенные трудности в правоохранительной деятельности, включая координацию действий по адаптации к изменению климата.

В-третьих, изменение климата происходит слишком быстро и сложно, а Вьетнаму не хватает точных прогнозных данных. Географическое положение и природные условия являются одними из факторов, способствующих более быстрому и интенсивному изменению климата во Вьетнаме, чем ожидалось. Это создает значительные трудности в своевременном обновлении и корректировке политики и стратегий действий для смягчения негативных природных явлений. Хотя системы прогнозирования стихийных бедствий улучшились, отсутствие подробных данных и современных прогнозных технологий снижает точность конкретных планов реагирования.

В-четвертых, применение экономических инструментов для решения проблем загрязнения окружающей среды во Вьетнаме происходит медленно. Ярким примером такого инструмента в данном случае является углеродный рынок. Проще говоря, углеродный рынок – это «покупка и продажа загрязнения» или «превращение права на загрязнение» в товар, который можно обменивать и продавать. Хотя во Вьетнаме и принята правовая база, регулирующая этот тип рынка [4], внутренний углеродный рынок в настоящее время находится на пилотной стадии и, как ожидается, официально начнет функционировать с 2028 года. Правовые нормы пока носят теоретический характер; для определения их пригодности к практическому применению потребуется много времени. Кроме того, международный опыт развитых стран станет решающим условием для успешного функционирования этого типа рынка во Вьетнаме.

Вступление в группу стран БРИКС в качестве партнера предоставит Вьетнаму значительные возможности для решения вышеупомянутых трудностей и проблем. Это также даст шанс обменяться опытом с развитыми странами для дальнейшего совершенствования правовой базы адаптации к изменению климата. Это демонстрируется в конкретных аспектах:

Во-первых, Вьетнам получит доступ к «зеленому» финансированию и инвестициям. В БРИКС существует Новый банк развития (НБР). Это создаст для Вьетнама возможности получения льготных кредитов, инвестирования в устойчивые инфраструктурные проекты, возобновляемую энергетику и поддержки в создании правовой базы «зеленого» финансирования. Это финансирование также предоставит Вьетнаму возможность в ближайшее время внедрить внутреннюю платформу торговли углеродными квотами, чтобы «право на загрязнение» действительно стало товаром, которым торгуют предприятия, и принесло значительные доходы в национальный бюджет.

Во-вторых, Вьетнам получит выгоду от передачи технологий и доступа к ведущим экспертам в области охраны окружающей среды из Российской Федерации, Китая, Индии и т.д. Вьетнам сможет учиться и обмениваться опытом в области технологий чистой энергии и технологий сокращения выбросов со странами-членами БРИКС. В то же время Вьетнам также сможет перенять их опыт в разработке правовых норм, касающихся углеродного рынка.

В-третьих, в рамках сотрудничества с БРИКС будет происходить обмен опытом в области политики адаптации к изменению климата. Вьетнам сможет консультироваться со странами-членами БРИКС и получать от них информацию о правовых моделях реагирования на изменение климата, таких как ограничение использования ископаемого топлива (например, Китай является мировым лидером по установке ветровой и солнечной энергии; или Российская Федерация со своей моделью использования ядерной и газовой энергии; и т.д.).

Вступление Вьетнама в состав БРИКС – чрезвычайно важное событие для страны. Будучи развивающейся страной, Вьетнам получит помощь от развитых стран во всех аспектах: от политики, экономики и культуры до охраны окружающей среды. Участие в дискуссиях БРИКС поможет Вьетнаму проявлять большую активность в разработке глобальных правил и обязательств в области климата. Это участие поможет Вьетнаму ускорить процесс реализации международных обязательств, особенно цели достижения нулевых выбросов к 2050 году [5].

Литература

1. «Министерство иностранных дел предоставляет информацию о вступлении Вьетнама в состав стран-партнеров БРИКС», URL:

https://baochinhphu.vn/viet-nam-chinh-thuc-tro-thanh-nuoc-doi-tac-cua-brics-102250614224152828.htm (Официальный сайт правительства Социалистической Республики Вьетнам // Дата обращения: 15 февраля 2026 г.)

2. «Влияние изменения климата на Вьетнам в текущий период», URL: https://pilot.dcc.gov.vn/Ảnh-hưởng-của-biến-đổi-kh%C3%AD-hậu-ở-Việt-Nam (Официальный сайт Департамента по изменению климата при Министерстве сельского хозяйства и окружающей среды Вьетнама // Дата обращения: 17 февраля 2026 г.)

3. «Революция в организационной реструктуризации: правильная, эффективная и исторически значимая политика», URL: https://baochinhphu.vn/cuoc-cach-mang-sap-xep-to-chuc-bo-may-chu-truong-dung-trung-co-y-nghia-lich-su-10226012112165585.htm (Онлайн-газета правительства Социалистической Республики Вьетнам // Дата обращения: 17 февраля 2026 г.)

4. Закон об охране окружающей среды № 72/2020/QH14 от 17 ноября 2020 г.; Постановление № 06/2022/ND-CP от 7 января 2022 г. о правилах по сокращению выбросов парниковых газов и защите озонового слоя; Постановление 29/2026/ND-CP от 19 января 2026 г. о платформе для торговли выбросами углерода

5. Обязательства, принятые на Саммите Организации Объединенных Наций по изменению климата 2021 года в Глазго, Шотландия (COP26–26-я Конференция сторон).

IMPROVING VIETNAM'S LEGAL FRAMEWORK FOR ADAPTATION TO CLIMATE CHANGE AS A BRICS PARTNER

Bui Hong Nhung
O.E. Kutafin Moscow State Law University

Climate change has become a serious issue in recent years, attracting the primary attention of all countries worldwide. It is an inevitable consequence of industrialization and modernization. Long-term and significant changes in the Earth's climate system have led to increased average atmospheric and ocean temperatures, changes in precipitation, and changes in the frequency and intensity of extreme weather events. With its growing influence, the BRICS group of developing countries is creating legal frameworks and implementing practical measures to adapt to adverse natural phenomena. In June 2025, Vietnam officially became a partner of the BRICS group, as announced by Brazil, which holds the rotating chairmanship. This will be an excellent opportunity for Vietnam to improve its legal framework on climate change through access to green finance, the transfer of low-carbon technologies, and learning from the policymaking practices of major economies such as Russia, China, and India.

Keywords: climate change, Vietnam, partner member, BRICS, adaptation to climate change

References

1. "The Ministry of Foreign Affairs provides information on Vietnam's accession to the BRICS partner countries", URL: https://baochinhphu.vn/viet-nam-chinh-thuc-tro-thanh-nuoc-doi-tac-cua-brics-102250614224152828.htm (Official website of the Government of the Socialist Republic of Vietnam // Accessed: February 15, 2026)

2. "The Impact of Climate Change on Vietnam in the Current Period", URL: https://pilot.dcc.gov.vn/Ảnh-hưởng-của-biến-đổi-kh%C3%AD-hậu-ở-Việt-Nam (Official website of the Climate Change Department under the Ministry of Agriculture and Environment of Vietnam // Accessed: February 17 2026)

3. "Revolution in Organizational Restructuring: Correct, Effective and Historically Significant Policies", URL: https://baochinhphu.vn/cuoc-cach-mang-sap-xep-to-chuc-bo-may-chu-truong-dung-trung-co-y-nghia-lich-su-10226012112165585.htm (Online Gazette of the Government of the Socialist Republic of Vietnam // Accessed: 17 February 2026)

4. Environmental Protection Law No. 72/2020/QH14 dated 17 November 2020; Resolution No. 06/2022/ND-CP dated 7 January 2022 on Regulations for Reducing Greenhouse Gas Emissions and Protecting the Ozone Layer; Regulation 29/2026/ND-CP of 19 January 2026 on the Carbon Emissions Trading Platform

5. Commitments adopted at the 2021 United Nations Climate Change Summit in Glasgow, Scotland (COP26–26th Conference of the Parties).

Мониторинг криптовалютных транзакций как инструмент обеспечения государственной и общественной безопасности: опыт реализации и перспективы развития

Внукова Людмила Станиславовна,
студент, кафедра государственного управления и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В статье рассматривается практика мониторинга криптовалютных транзакций в Российской Федерации в контексте реализации государственной политики по противодействию финансированию терроризма. Проанализированы правовые основы и действующие механизмы мониторинга, включая применение программы «Прозрачный блокчейн». Выявлены ключевые недостатки текущего подхода, включая ограниченную межведомственную интеграцию и правовой неопределенный статус платформы. Предложены направления развития системы мониторинга как инструмента обеспечения государственной и общественной безопасности.

Ключевые слова: криптовалюта; финансирование терроризма; мониторинг криптовалютных транзакций; Прозрачный блокчейн; государственная и общественная безопасность.

В российском праве криптовалюта определяется как цифровая валюта, не являющаяся законным средством платежа и не обеспеченная обязательством любого субъекта. Согласно ФЗ № 259-ФЗ, цифровая валюта – это совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые могут приниматься в качестве средства обмена, но не признаются ни деньгами, ни электронной валютой, а операции с ней допускаются только в рамках закона [1].

Криптовалютная транзакция – это запись в распределенном реестре (блокчейне) о переводе цифровой валюты от одного адреса к другому. Несмотря на прозрачность и неизменяемость данных блокчейна, криптовалюты в ряде случаев стали использоваться не только в легальном обороте, но и в преступных целях, включая финансирование терроризма. Это неоднократно фиксировалось как в российских исследованиях, так и в международных отчетах. В частности, Росфинмониторинг отмечает выявленные случаи финансирования терроризма с использованием криптовалют, включая Bitcoin, Ethereum и Monero [11, с 79–82]. Аналогичные тенденции отражены в данных Chainalysis, демонстрирующих рост числа подобных операций и усложнение их структуры [7].

В условиях таких угроз мониторинг криптовалютных транзакций становится инструментом обеспечения государственной и общественной безопасности. Он способствует раскрытию преступных цепочек, повышает прозрачность финансовых потоков и позволяет субъектам противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) выявлять рисковые адреса и паттерны поведения, что прямо согласуется с рекомендациями FATF (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force)) по контролю за виртуальными активами и поставщиками услуг VASP (Virtual Asset Service Provider (поставщик услуг в сфере виртуальных активов)). Учитывая значимость выявленных угроз и необходимость адаптации национальной системы ПОД/ФТ к цифровой среде, особое значение приобретает развитие государственных механизмов мониторинга криптовалютных транзакций, ключевым из которых в настоящее время выступает государственный модуль «Прозрачный блокчейн».

Цель статьи заключается в определении текущего уровня развития механизмов мониторинга криптовалютных транзакций в Российской Федерации и в формулировании направлений их дальнейшего институционального и нормативного развития как элемента обеспечения государственной и общественной безопасности.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, индукция и дедукция), а также специальные методы юридической науки: формально-правовой метод, сравнительно-правовой анализ, системно-структурный подход и контент-анализ нормативных правовых актов и официальных отчетов (включая Национальную оценку рисков (НОР) Росфинмониторинга и рекомендации FATF).

Программа «Прозрачный блокчейн. Государственный модуль» относится к специализированному программному обеспечению органов исполнительной власти Российской Федерации и предназначена для внутреннего использования Росфинмониторингом [3]. Программа не подлежит коммерческому распространению; эксплуатационная документация также разработана исключительно для внутреннего применения.

Назначение программы заключается в мониторинге криптовалютных операций, анализе финансовых потоков в криптовалюте и проведении финансовых расследований в сфере обращения криптовалют в целях противодействия отмыванию доходов, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

В соответствии с официальным описанием, программа решает такие задачи, как сбор информации об операциях с криптовалютами; выявление, анализ и учет активов лиц, осуществляющих операции с криптовалютой; проведение риск-мониторинга таких лиц; проведение финансовых расследований по операциям, связанным с криптовалютой; содействие соблюдению требований ПОД/ФТ и ФРОМУ.

Функционал направлен на анализ транзакционной активности, формирование профилей рисковых субъектов, а также использование

цифровых методов для выявления схем, связанных с противоправной деятельностью.

Как отмечено в официальном сообщении Росфинмониторинга от 3 марта 2025 года, сервис реализует функционал мониторинга потоков криптовалют и позволяет выявлять схемы движения активов, имеющих признаки незаконных операций [4].

Несмотря на внутренний характер программы, Росфинмониторинг уже использует модуль при проведении финансовых расследований: по данным официального сообщения ведомства, увеличивается число расследований, связанных с использованием криптовалют [5].

Кроме того, Росфинмониторинг объявил о планах начать подключение российских банков к сервису «Прозрачный блокчейн» до конца 2025 года, что свидетельствует о движении к расширению инструмента за пределы внутреннего использования и постепенному формированию инфраструктурной роли платформы в системе ПОД/ФТ [6].

Даже при наличии специализированного модуля и развитых аналитических инструментов мониторинг криптовалют остается сложной задачей, поскольку сама цифровая среда формирует условия, благоприятные для использования виртуальных активов в теневых операциях.

Отсутствие посредников и встроенной идентификации пользователей (KYC) выводит значительную часть транзакций за пределы традиционного финансового контроля. Как отмечают М.Е. Бегларян и Н.Ю. Добровольская, виртуальные активы функционируют в среде, где отсутствуют институциональные механизмы, аналогичные банковским, и именно это делает их менее доступными для классических инструментов ПОД/ФТ [12, с. 108–113].

Адреса криптовалютных кошельков не содержат сведений о владельце, а их идентификация возможна только по совокупности косвенных признаков – активности в сети, цифровым следам, взаимодействию с онлайн-площадками. Подобная информация имеет фрагментарный характер и требует сложного сопоставления, что подчеркивается в исследованиях, посвященных методам анализа данных при расследовании преступлений с использованием цифровых активов [11, с. 79–82].

Значительная часть специфики криптовалютного оборота связана с использованием инструментов, ориентированных на анонимность. Среди них – миксеры, протоколы совместных транзакций (например, CoinJoin) и приватные криптовалюты, такие как Monero, применяющие скрытые адреса и механизмы кольцевых подписей. Эти инструменты затрудняют восстановление транзакционных цепочек и создают дополнительные уровни сокрытия, что делает операции малодоступными даже для продвинутых методов анализа блокчейна [13, с. 110–113].

Дополнительную проблему создает инфраструктура обмена криптовалютами. В отличие от централизованных бирж, децентрализованные платформы (DEX) работают на основе смарт-контрактов и не предусматривают процедур идентификации клиентов. Одновременно развивается сегмент прямых сделок между пользователями, включая внебиржевые операции over-the-counter (OTC) и формат peer-to-peer (P2P), при котором обмен криптовалютой осуществляется напрямую без участия биржи или иного посредника. Такие операции проходят вне процедур идентификации и существенно осложняют их последующий мониторинг. В таких условиях государственные органы лишены доступа к информации о контрагентах и параметрах сделок, а операции проходят вне регулируемого периметра.

В совокупности эти факторы объясняют, почему криптовалютный рынок обладает высокой криминогенной привлекательностью и почему даже развитые государственные инструменты сталкиваются с объективными препятствиями при мониторинге цифровых активов. Эти особенности необходимо учитывать при формировании нормативной и организационной модели мониторинга криптовалютных транзакций в Российской Федерации.

В действующем законодательстве модуль «Прозрачный блокчейн» не имеет статуса государственной информационной системы. Он применяется Росфинмониторингом во внутреннем контуре, и порядок его использования не определен федеральными нормативными актами. В результате субъекты финансового мониторинга, перечень которых установлен Федеральным законом № 115-ФЗ «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», не могут включить данные модуля в обязательные процедуры оценки рисков и внутреннего контроля [2]. Это снижает возможность их участия в выявлении операций с повышенной террористической или криминальной нагрузкой и затрудняет формирование единой практики предотвращения соответствующих угроз.

Отсутствие нормативного закрепления также препятствует формированию механизма межведомственного взаимодействия. В законодательстве не определен порядок передачи информации, полученной с использованием модуля, не установлены критерии допустимости и юридической значимости данных анализа, а также не разграничены полномочия органов, которые могли бы применять результаты мониторинга в целях обеспечения безопасности. Для государства это означает отсутствие целостного инструмента, который позволял бы оперативно выявлять подозрительные транзакции, связанные с финансированием терроризма или иными формами противоправной деятельности.

Нормативный вакуум ограничивает и соответствие российской модели международным стандартам. В актуальных Рекомендациях FATF (2025) подчеркивается необходимость правового регулирования операций с виртуальными активами и обязанность государств обеспечивать регистрацию, надзор и идентификацию поставщиков услуг в сфере виртуальных активов (VASP) в соответствии с Рекомендацией № 15. Рекомендация № 16 предусматривает обязательное сопровождение транзакций сведениями о плательщике и получателе, включая операции с цифровыми активами [8]. Эти требования направлены на защиту финансовой системы от угроз терроризма, экстремизма и транснациональной преступности и определяют ключевые требования, применяемые в международной практике мониторинга криптовалют. Таким образом, отсутствие нормативного оформления модуля «Прозрачный блокчейн» ограничивает его потенциал как инструмента обеспечения государственной и общественной безопасности и препятствует интеграции России в международную систему противодействия финансированию терроризма. Сопоставление российской модели с зарубежными подходами, где такие механизмы уже институционализированы, является необходимым для определения направлений дальнейшего развития национальной системы мониторинга криптовалютных транзакций.

В международной практике одним из наиболее эффективных инструментов анализа криптовалютных транзакций является платформа Chainalysis, применяемая государственными регуляторами, финансовыми разведками и правоохранительными органами. В своих ежегодных отчетах Chainalysis систематизирует данные о крупнейших криминальных потоках в криптовалюте, включая операции, связанные с финансированием терроризма, деятельностью киберпреступных групп и транзакциями через анонимизирующие сервисы [7]. Аналитические модели позволяют выявлять цепочки переводов, устанавливать взаимосвязи между кошельками и определять их рисковый профиль.

В Соединенных Штатах Америки ключевым органом, осуществляющим контроль над операциями с виртуальными активами, выступает Финансовая разведка США (FinCEN). В соответствии с требованиями американского законодательства, криптовалютные компании относятся к категории предприятий денежных услуг и обязаны проходить регистрацию, выполнять комплекс мер по противодействию отмыванию доходов и финансированию терроризма, обеспечивать идентификацию клиентов, контролировать источники средств и предоставлять государственным органам отчеты о подозрительных операциях [9]. Такая модель позволяет интегрировать криптовалютных операторов в общенациональную систему финансового надзора, обеспечивая сопоставимость данных, прозрачность транзакций и возможность оперативного реагирования на угрозы, связанные с финансированием терроризма и иной криминальной активностью. Для Российской Федерации подобный подход представляется востребованным с точки зрения нормативного закрепления статуса поставщиков услуг в сфере виртуальных активов, формирования единого реестра таких субъектов, а также включения криптовалютных операций в обязательную отчетность по линии ПОД/ФТ.

Сингапур демонстрирует иной, но не менее эффективный подход к государственному надзору за операциями с цифровыми активами. В этой юрисдикции контроль осуществляет Управление денежно-кредитного надзора (MAS), внедрившее целостную систему регулирования поставщиков услуг виртуальных активов, основанную на лицензировании, обязательных процедурах идентификации клиентов, контроле источников происхождения средств и постоянной отчетности операторов перед государством [10]. Регулятор оценивает риски, связанные с деятельностью криптовалютных сервисов, проводит систематические проверки соответствия и требует от участников рынка внедрения мер внутреннего контроля, соотносимых с теми, что применяются в традиционном финансовом секторе. Такой подход обеспечивает высокий уровень прозрачности, снижает вероятность использования криптовалют в противоправных целях и создает устойчивую нормативную среду, в которую интегрированы все участники рынка. Для российской системы ПОД/ФТ подобный опыт может быть полезен в части лицензирования криптовалютных операторов, регулирования деятельности поставщиков услуг, а также введения единых стандартов внутреннего комплаенса и взаимодействия организаций с государственными органами.

С учетом выявленных проблем и международных тенденций ключевыми направлениями дальнейшего развития российской системы мониторинга криптовалютных транзакций должны стать нормативное определение статуса государственной платформы, расширение ее компетенций, установление обязательств для поставщиков услуг с цифровыми активами, а также внедрение единых стандартов передачи данных и отчетности в сфере ПОД/ФТ. Реализация этих мер позволит сформировать комплексную модель государственного контроля, повысить устойчивость финансовой системы к угрозам криминального и террористического характера и обеспечить надежную защиту государственной и общественной безопасности в условиях цифровой трансформации финансового оборота.

Литература

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5017. Режим доступа: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). Дата обращения: 21.11.2025.
2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418. Режим доступа: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). Дата обращения: 21.11.2025.
3. Федеральная служба по финансовому мониторингу. Государственный модуль «Прозрачный блокчейн». Режим доступа: https://www.fedsfm.ru/activity/informational-systems/pb-gos-modul Дата обращения: 21.11.2025.
4. Федеральная служба по финансовому мониторингу. «Сервис «Прозрачный блокчейн» – программный продукт, реализующий функционал мониторинга и анализа потоков криптовалют». 03.03.2025. Режим доступа: https://www.fedsfm.ru/special/kfo/news/8619 Дата обращения: 21.11.2025.
5. Федеральная служба по финансовому мониториниторингу. «Представитель Росфинмониторинга отметила рост числа финансовых расследований, связанных с использованием криптовалют в преступных целях». 25.07.2025. Режим доступа: https://www.fedsfm.ru/releases/8964 Дата обращения: 21.11.2025.
6. Федеральная служба по финансовому мониторингу. «Росфинмониторинг намерен до конца 2025 года начать полноценное подключение российских банков к сервису «Прозрачный блокчейн»». 21.02.2025. Режим доступа: https://www.fedsfm.ru/mediaaboutus/8506 Дата обращения: 21.11.2025.
7. Chainalysis. Crypto Crime Report 2023–2024. Режим доступа: https://www.chainalysis.com Дата обращения: 21.11.2025.
8. Financial Action Task Force (FATF). Рекомендации FATF. 2025. Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_Recommendations_2025_rus.pdf (офиц. перевод ЕАГ). Дата обращения: 21.11.2025.
9. Financial Crimes Enforcement Network (FinCEN). Режим доступа: https://www.fincen.gov Дата обращения: 21.11.2025.
10. Monetary Authority of Singapore (MAS). MAS clarifies regulatory regime for digital token service providers. Режим доступа: https://www.mas.gov.sg/news/media-releases/2025/mas-clarifies-regulatory-regime-for-digital-token-service-providers Дата обращения: 21.11.2025.
11. Рощупкина А.В. Роль криптовалют в финансировании терроризма // Российско-Азиатский правовой журнал. 2024. № 4. С. 79–82.
12. Бегларян М. Е., Добровольская Н.Ю. Блокчейн-технология в правовом пространстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2 (40). С. 108–113.
13. Дурандина А.П. Государственная система мониторинга операций в криптовалюте // Инновации и инвестиции. 2021. № 2. С. 110–113.

MONITORING OF CRYPTOCURRENCY TRANSACTIONS AS A TOOL FOR ENSURING STATE AND PUBLIC SECURITY: IMPLEMENTATION EXPERIENCE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Vnukova L.S.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the practice of monitoring cryptocurrency transactions in the Russian Federation in the context of the implementation of the state policy on countering the financing of terrorism. The legal framework and current monitoring mechanisms, including the application of the Transparent Blockchain program, are analyzed. Key shortcomings of the current approach have been identified, including limited interagency integration and the legal uncertain status of the platform. The directions of development of the monitoring system as a tool for ensuring state and public security are proposed.

Keywords: cryptocurrency; terrorist financing; monitoring of cryptocurrency transactions; Transparent blockchain; state and public security.

References

1. Federal Law of 31.07.2020 № 259-FZ «On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31. Art. 5017. Access mode: Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). Date of access: 21.11.2025.
2. Federal Law of 07.08.2001 № 115-FZ «On Counteracting the Legalization of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. № 33 (Part I). Art. 3418. Access mode: Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). Accessed: 21.11.2025.
3. Federal Service for Financial Monitoring. State Module «Transparent Blockchain.» Access mode: https://www.fedsfm.ru/activity/informational-systems/pb-gos-modul Accessed: 21.11.2025.
4. Federal Service for Financial Monitoring. «The Transparent Blockchain Service is a software product implementing the functionality for monitoring and analyzing cryptocurrency flows.» 03.03.2025. Access mode: https://www.fedsfm.ru/special/kfo/news/8619 Accessed: 21.11.2025.
5. Federal Service for Financial Monitoring. «A representative of Rosfinmonitoring noted an increase in the number of financial investigations related to the use of cryptocurrencies for criminal purposes.» 25.07.2025. Access mode: https://www.fedsfm.ru/releases/8964 Date of access: 21.11.2025.
6. Federal Financial Monitoring Service. «Rosfinmonitoring intends to begin fully connecting Russian banks to the Transparent Blockchain service by the end of 2025.» 21.02.2025. Access mode: https://www.fedsfm.ru/mediaaboutus/8506 Date of access: 21.11.2025.
7. Chainalysis. Crypto Crime Report 2023–2024. Access mode: https://www.chainalysis.com Date of access: 21.11.2025.
8. Financial Action Task Force (FATF). FATF Recommendations. 2025. Available at: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_Recommendations_2025_rus.pdf (official translation of the EAG). Accessed: 21.11.2025.
9. Financial Crimes Enforcement Network (FinCEN). Available at: https://www.fincen.gov Accessed: 21.11.2025.
10. Monetary Authority of Singapore (MAS). MAS clarifies regulatory regime for digital token service providers. Available at: https://www.mas.gov.sg/news/media-releases/2025/mas-clarifies-regulatory-regime-for-digital-token-service-providers Accessed: 21.11.2025.
11. Roshchupkina A.V. The Role of Cryptocurrencies in Terrorist Financing // Russian-Asian Legal Journal. 2024. № 4. P. 79–82.
12. Beglaryan M. E., Dobrovolskaya N. Yu. Blockchain technology in the legal space // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2 (40). P. 108–113.
13. Durandina A.P. State system for monitoring cryptocurrency transactions // Innovations and Investments. 2021. № 2. P. 110–113.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях трансформации: проект закона Вьетнама о комплексном управлении искусственным интеллектом

By Май Фыонг,
Народная академия общественной безопасности
E-mail: Vumaiphuong.2311@gmail.com

В статье рассматривается проект закона Вьетнама об искусственном интеллекте (ИИ) в контексте современного технологического и общественного развития страны. Анализируются ключевые элементы законопроекта, включая сферу его действия и основополагающие принципы, риск-ориентированную классификацию, а также предлагаемые запреты на применение отдельных систем и технологий ИИ. Указанные положения отражают более широкую тенденцию развития политики Вьетнама в области ИИ, направленную на обеспечение баланса между технологическим ростом, в рамках которого внедрение ИИ выступает одним из центральных направлений, и защитой прав человека и публичных интересов. Далее в статье выявляются потенциальные проблемы реализации законодательства об ИИ во Вьетнаме, обусловленные как социально-технологической природой ИИ, так и спецификой вьетнамского рынка и государственных стратегических установок. В заключение предлагаются рекомендации по совершенствованию правовых механизмов управления ИИ во Вьетнаме и формированию более безопасной и эффективной национальной экосистемы искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; законодательство об ИИ; управление ИИ; Вьетнам.

Introduction

Artificial Intelligence (AI) has revolutionized the global security landscape, with many countries adopting AI across several key sectors (Yu and Caroll, 2021; Puthal et al., 2025; Pardhi et al., 2025). Consequently, the development, implementation, and use of AI in governmental and private enterprises increasingly have many security implications, both domestically and internationally. However, the needed legislation to regulate AI appears to be sluggish amid the rapid and often uncontrolled evolution of the technology. As such, many countries struggle with the construction of comprehensive frameworks for AI governance, especially with the recent financial constraints and organisational challenges.

Vietnam just underwent a historical restructuring of the government system in 2024–2025, which saw the dissolution of five ministries and two subordinate agencies, along with the elimination of four committees within the National Assembly (Dinh, 2024). Additionally, since July 1, 2025, Vietnam shifted from a three-tier to a two-tier local administration model nationwide, comprising 63 administrative provinces to 34 new provinces and cities, abolishing the district level under the biggest organizational reform in the country's history (Vietnam News, 2025). The country's leadership aims to build a leaner, more efficient governance machinery, cutting governmental spending to focus national resources for economic development in the «era of growth and resurgence», according to To Lam, General Secretary of Vietnam's ruling Communist Party (Vietnam News, 2025). In a time of historical upheaval, the challenges of policing AI in Vietnam are a combination of technological, funding, and organizational issues. In this regard, the first-ever draft AI law provides a potential legal framework for shaping AI governance and innovation landscape in Vietnam, showcasing the country's commitment to responsible application of AI in a new era. This forum article highlights key information of the draft law, focusing on its scope and core principles, risk-based classification of AI systems, and proposed prohibitions of AI applications. The article then examines potential challenges in applying the AI law in the context of Vietnam.

The draft AI law: core principles, risk-based classification, and proposed prohibitions

Scope and core principles

The draft law regulates a broad jurisdiction, applying to both domestic and international entities involved in AI activities in Vietnam that impact the Vietnamese users, markets, and national interests. According to Article 1 (Ministry of Science and Technology, 2025a), the draft law excludes AI systems designed for defense, security, intelligence, cipher, research, education, and scientific development. In AI systems with dual uses, all civil aspects of such systems still fall within the jurisdiction of the draft law. Entities involved in sensitive sectors, excluded by the law, are required to follow separate compliance frameworks (DFDL, 2025).

According to Article 4 of the draft AI law (Ministry of Science and Technology, 2025a), all AI-related activities in Vietnam are regulated by eight core principles, including:

(1) Human-centric requirement: AI systems must serve and support humans' dignity, freedom, privacy, and the people's cultural and ethical values. Humans remain responsible for and in control of all final decisions, activities, and resulting consequences in the process of designing, developing, implementing, and using AI systems.

(2) Safety, fairness, transparency, and responsibility: AI systems must be developed and operated on the basis of safety, trust, security, fairness, non-discrimination, transparency and adhere to ethical principles.

(3) National autonomy and international integration: Develop technological autonomy, infrastructure, data, and strategic AI models in concurrence with international integration on the basis of international principles and practice.

(4) Broad and sustainable development: All research, development, provision, implementation, and use of AI systems must adhere to sustainable socio-economic development goals, ensure energy efficiency, environmental protection, social justice, and cultural identity.

(5) Balance and harmony in policy making and enforcement: The State ensures AI policy is harmonious with international standards, Vietnamese

culture, and national development demands. The policy must promote international cooperation to promote national autonomy in infrastructure, data, and core technologies. The State must create favourable conditions for large enterprises and start-ups, small and medium-sized enterprises alike, striking a balance between multi-use AI platforms and specialized ones. The State must ensure freedom of research and creativity while building effective risk management mechanisms to protect the public interest.

(6) Risk-based administration: The government implements administrative measures proportionate to the risk levels of AI systems, with mandatory measures only applied to those that demonstrate clear harmful potential.

(7) Innovation promotion: The government creates a supportive legal and policy environment to encourage research, startups, and commercialization of AI-related services and products.

These principles, inspired by the European Union's (EU) AI Act, are a balanced blend of ethical obligations and national priorities[1]. The draft law particularly echoes EU values in its emphasis on human-centrism and transparency, with human accountability for AI-related conduct as a foundational mandate. However, the core principles uniquely prioritize national identity, including national sovereignty, technological self-reliance, cultural preservation, and customization of global norms to serve local values. The aspect of national identity, built on Vietnam's distinct cultural values and its collective and historical sense of national identity, is deeply reflected in its legal system. The core characteristics of Vietnamese national identity are institutionalized in the country's Constitution, which sets primary standards for all of its legal regimes, with the draft AI law being № exception. As such, the core disciplines of the law guide its regulatory power, cementing humans' primary role in AI-related activities and revealing the country's ambition to deploy AI's potential to further its strategic goals, interests, and digital sovereignty.

Risk-based classification

Based on classification principles articulated in Article 9, Article 10 of the draft AI law (Ministry of Science and Technology, 2025a) classifies AI systems into four categories in a risk-based regulatory framework as follows:

- Unacceptable risk: AI systems that are capable of causing serious, irremediable harm to human rights, national security, social order, or are used to conduct prohibited acts.
- High risk: AI systems that are capable of causing considerable harm to human life and welfare, individuals' and organizations' legal rights and benefits, and other important public benefits.
- Medium risk: AI systems that are exempted from the two above categories, which have the potential to mislead or manipulate users unaware of their natures or generated contents, except in obvious use contexts.
- Low risk: AI systems that are exempted from the three above categories.

All AI products launched in Vietnamese territory are subject to this classification framework[2]. However, the law itself is vague regarding the evaluation process. According to Point d, Clause 1 of Article 9 (Ministry of Science and Technology, 2025a), the pre-launch evaluation applies to AI systems with obvious and serious risks of causing harm, while the rest are evaluated after being introduced to the market. However, Clause 1 of Article 11 regulates that all AI systems are subjected to pre-launch classification by the providers or implementers, who are liable for the classification results reported to relevant authorities as prescribed by the law. As such, it is unclear whether all AI systems must be classified pre-launch, or only those with significant risk factors. Either way, providers can request assistance from the National Committee of Artificial Intelligence with issues regarding the classifications of their AI systems. All AI systems made available to the public are subject to the transparency, labelling, and accountability requirements prescribed by law. Additionally, those classified as high-risk are required to undergo suitability assessments pre-launch or during major changes in the operational process to ensure their safety. As such, this classification framework is crucial for attributing responsibility to AI providers in Vietnam in accordance with Vietnamese regulations.

The transparency, labelling, and accountability requirements outlined in Article 12 of the draft law are the primary and consistent responsibility of AI providers in Vietnam. Each requirement addresses a different yet related aspect of AI regulation to ensure human control and safety during interactions with AI. Transparency obligates providers to inform users when they are interacting with AI systems, except in obvious cases. Labelling requires that all AI-generated content (documents, photos, sounds, videos, etc.) be clearly marked as AI-produced or AI-modified during distribution. With AI systems that can simulate real people, objects, locations, or events and consequently produce misinformation, providers are required to implement technical measures to ensure proper labelling and traceability. Providers are liable to legal repercussions if they fail to apply appropriate measures that lead to the violation of the legitimate rights and interests of organizations and individuals. These regulations are also used to identify the accountabilities of relevant parties in cases of technical problems, disputes, or damages. Generally, the transparency, labelling, and accountability principles create the baseline of requirements for AI providers through which further regulations can be developed for high-risk systems.

Prohibitions of AI applications

All prohibited AI applications are listed under the Unacceptable Risk category in Article 11, including all AI systems designed to commit illegal activities and falling into one of the following instances:

- Intentionally manipulate humans' perceptions and behaviours to cause the loss of self-control, leading to physical or psychological harm.
- Use certain groups' weaknesses, such as age, disability, or socioeconomic status, to influence their behaviours.
- AI systems used for large-scale social credit scoring of individuals by government agencies that lead to discrimination or unfair treatment in irrelevant social contexts.
- The use of real-time remote biometric identification systems in public areas for law enforcement purposes, except in special cases to prevent and combat serious crimes, which are authorized by competent state agencies under specialized procedures.
- Build or deploy a large-scale facial recognition database through illegal appropriation of internet and security camera images.
- Use emotion-recognition systems in workplaces and educational institutions, except in cases prescribed by specialized laws for medical or safety reasons, with strict conditions.
- Produce or disseminate fake content created by AI systems that is detrimental to national security and social order.
- Develop or use AI systems for the purpose of opposing the State of Socialist Republic of Vietnam.
- Other cases decided by the Government after receiving opinions from relevant bodies and conducting public consultations.

All AI systems classified as posing Unacceptable Risk are banned from development, implementation, distribution, and use in any form (Luatj, 2025a). Violations of the law can result in disciplinary sanctions, civil liability, or criminal prosecution, depending on severity (Vietnamnet, 2025a). According to Vietnam's Minister of Science and Technology Nguyen Manh Hung, compensation must be paid under civil law in case of damage. In cases of severe violations, civil fines may reach 2% of an organization's revenue from the previous year. Repeated offenses can result in fines of up to 2% of the business's global revenue. The maximum fine is set at 2 billion VND (approximately 82,000 USD) for organizations and 1 billion VND (approximately 41,000 USD) for individuals.

The adjustments of the most recent draft, compared to the previous one, put additional focus on limiting government agencies' and organizations' ability to use AI in certain specialized fields[3]. These new oversights are designed to protect individuals' safety and privacy in the age of rampant AI surveillance, with little legal mechanism for its control, which can become a catalyst for power abuse and governmental and organizational overreach. While it is challenging to conclude that these additions alone can be effective in policing AI used in organizational settings, they provide legal pathways to implement other practical measures that protect citizens and promote necessary governance oversight in the era of AI dominance.

Potential challenges of applying AI law in the Vietnamese context

The constant gap between regulations and AI development

The lag in AI regulations amid rapid AI development poses significant challenges for the development and enforcement of AI law in Vietnam. Russell (2019) suggests that AI systems have advanced to the point where they can rival and even surpass human capabilities across various domains. There has been a significant gap between AI advancements and their regulation, leading some to argue that the traditional approach to building AI-related legal frameworks is № longer effective for regulating this technology (Judge et al., 2025). While this statement may be exaggerated, it is evident that AI is developing at a rate far exceeding that of related legal mechanisms, raising worrisome possibilities, such as dangerous uses of AI that is not regulated by

[1] The European Commission of European Union (EU) proposed a legal framework for AI governance in 2021, which focuses on the dual goal of technological development and addressing AI-associated risks (Laux et al., 2024).

[2] The draft law's risk-based classification adopts the risk-based approach proposed in the EU's AI act (Ebers, 2024).

[3] The previous version of the draft law listed only 6 prohibitions of AI applications, which did not include the use of real-time remote biometric identification systems, emotion-recognition systems in workplaces and educational institutions, and other cases decided by the Government (see LuatVietnam, 2025).

law (Cath, 2018; Hoffmann-Riem, 2020). For example, there is an increasing number of autonomous machines being operated by AI in transportation and industrial production, such as AI-powered process digital twins used in drug manufacturing or AI-controlled self-driving vehicles, which boost productivity but also carry inherent risks for human health and safety (Schönfuß, 2025; Mbelekani and Bengler, 2025). Currently, these specialized uses of AI are not properly regulated under any AI-related regulations. The current draft law is at risk of failing to adapt to evolving developments in AI applications, which dilute the its legal effectiveness and protective functions.

The opaque nature of AI as a technology

The nature of AI itself as a technology poses additional challenges to enforcing AI regulations in Vietnam. As stated by Judge et al. (2025), generative AI № longer follows the longstanding rule *code is law* in cyberspace, which means human coding cedes to explicitly determine how these systems operate. System engineers can only hope these systems exhibit desired behaviour through adequate reinforcement, without the capability to encode the rule into the model itself directly (Judge et al., 2025). Subsequently, compared with traditional technological tools, AI systems have largely achieved self-learning and autonomous capabilities, enabling them to perform increasingly complex tasks across multiple settings with relative independence from human oversight. This «black-box» data-driven problem makes it virtually impossible to enforce a specific regulatory framework on generative AI. Therefore, the fail-safe management of dangerous features in deep-learning AI appears to be technically infeasible. In addition, this feature can cause AI developers to fail to accurately assess their products' risk levels, leading to potentially dangerous AI behaviour not being properly tested before public release. The attribution of liability in cases of AI-related violations to their developers is therefore also legally and technically problematic, since AI developers are not fully in control of their creations' behaviour and applications. Currently, most AI-related cases subjected to legal penalties in Vietnam are committed by individuals using AI-generated content for illegal activities[1]. However, this fails to tackle the root causes of dangerous behaviour posed by AI that can be deployed for illicit purposes. As such, due to the unique data-driven and self-learning nature of generative AI, the enforcement of the draft law can counter several challenges in limiting dangerous behaviour that can be used for criminal activities.

The dominance of foreign AI companies in the Vietnamese market

Enforcing the AI law in Vietnam can be challenging due to the dominance of foreign AI developers in the local market. Major AI platforms in Vietnam, such as ChatGPT, Gemini, and Meta AI, are primarily owned by foreign companies (Decision Lab, 2025)[2]. These private, for-profit companies have previously caused concerns regarding their models being used for cybercrimes, personal data collection, and copyright infringement (Gupta, 2023; Mirishli, 2024; Bondari, 2025; Alzamil et al., 2025). It would be challenging to enforce the law on international companies operating primarily outside of Vietnam, especially when specific measures taken in cases of violations remain unclear. Determining liabilities in AI-related violations can also be complicated, since multi-use AI systems, such as generative AI, can be deployed for malicious purposes outside of their developers' control, regardless of their risk-based classifications (Matejic and Wilson, 2024; Zucca and Gaia, 2025). Generally, as long as dominant AI developers in Vietnam remain foreign-based international companies, the process of enforcing punitive measures in cases of their violation can be significantly complex from both jurisdictional and legal perspectives.

The difficulty in maintaining the balance between national ambition and public interest protection

Maintaining a balance between national ambition for technological advancement and human rights protection can also be difficult in AI law enforcement. Vietnam has identified AI development as one of the pillars for scientific innovation and digital transformation in its national strategy (Vietnam News, 2026). This policy is directly represented in the draft law through its core principles, which aim to strike a balance between AI development and the protection of public interests. However, the application of these principles in practice is a complex task, stemming from the innate contradictions in some of AI coded features and certain principles of human protection, such as privacy and autonomy. For example, the evolution of generative AI requires large-scale data collection for training purposes. However, the data collection mechanisms for AI training can violate individuals' privacy, artistic expression, and intellectual property. In Vietnam, an increasing number of artists' works are being used to train AI without their permission, leading the country to update its intellectual property law in an attempt to protect the artists. Regardless, the effectiveness of these measures currently remains largely limited, and how the country can balance this issue without impeding the development of AI in the local context remains unsolved. Another instance is the threat of losing autonomy and mental issues stemming from AI addiction, which remains a problem that Vietnam may struggle with while balancing AI integration into daily life and public protection. As such, generative AI models are primarily designed to keep humans engaged and maximize user retention (Chianella, 2021; Packin and Chagal-Feferkorn, 2025; Yankouskaya et al., 2025). However, excessive AI dependence can be detrimental to mental health and cognitive ability, especially for those with pre-existing mental and learning disorders (De Freitas et al., 2023; De Freitas et al., 2024; Patel and Hussain, 2024; Çela et al., 2024; Szmyd and Mitera, 2024; Gerlich, 2025). For its part, the draft law proposes a ban on manipulating humans' perceptions and behaviours to cause physical or psychological harm and exploiting certain groups' weaknesses to influence their behaviour. However, how the government can enforce this ban without limiting access to generative AI, at least to certain groups, remains unclear. Consequently, without specialized measures that are built on a case-by-case basis, the push for rapid AI integration within public life risks harming vulnerable members of society whose rights and integrity can be violated by AI functions.

Conclusion

From the current perspectives, two central lessons follow. First, a well-designed AI legal framework needs to address the particularities of this technology, which boosts constant updates in applications but hinders its compliance with regulatory specifications. In this regard, the legal framework itself needs to evolve with the ever-changing AI landscape, creating self-reinforcing mechanisms that enhance protection through developing interventions (Judge et al., 2025). Concurrently, policymakers must develop frameworks that minimize risks posed by black-box problems and promote safer machine-learning architectures for AI systems (Hanif et al., 2018; Shah, 2020). This task requires substantial participation in AI research at the national level, with state goals of balancing current benefits with long-term safety at the centre of AI research and development. There should be clear awareness among policymakers regarding potential risks of uncontrolled AI integration in governmental and private sectors, based on which AI system applications are regulated and governed. Technological ambitions must not be prioritized above public safety, since, as stated by Judge et al. (2025), «without safety, there will be № benefits».

Second, resources should be allocated efficiently to build vibrant domestic AI systems that serve national interests. As Vietnam aims to create a vibrant «made in Vietnam» AI ecosystem based on the central principle of open standards – open data – open source, it is important to facilitate favourable conditions for AI research and development, domestic companies, and nationwide AI literacy (Ministry of Science and Technology, 2025b). The AI law should be treated as the first step toward effective AI governance, not the end of it. Specialized measures must continue to be developed and adopted to keep pace with the constant changes in AI applications. To this end, a strong domestic AI infrastructure helps policymakers and authorities enforce effective legal mechanisms to minimize AI-related risks with limited restrictions on politics and jurisdictions. National and international companies involved in building AI systems need to be active participants in the policymaking process through feedback and capability building to ensure policy implementation constitutes a balanced status quo which all actors with intersecting interests have a stake in preserving (Cihon et al., 2021). Strong national AI infrastructure is a primary contributor toward technological independence and sovereignty for Vietnam in the era of growth and global integration.

Литература

1. ANTV (2025). Лицо привлечено к ответственности за распространение дезинформации с использованием видеоролика, созданного ИИ [Xử phạt người đăng video sai sự thật được tạo dựng bằng AI].

2. Cao, M. C. (2025). Философия правового развития в целях реализации национальных устремлений к восхождению. State Management, (356), 29–32. https://doi.org/10.59394/qlnn.356.2025.1282

3. Chianella, R. (2021, December). Аддиктивный цифровой опыт: влияние искусственного интеллекта и постчеловеческого дизайна. In 14th International Conference of the European Academy of Design, Safe Harbours for Design Research (Vol. 9, № 5, pp. 1–13).

4. Decision Lab (2025). Потребительский рынок ИИ во Вьетнаме в 2025 году: 78% интернет-пользователей взаимодействовали с ИИ, треть из них превратила это в ежедневную практику. Доступно по адресу: https://www.decisionlab.co/blog/vietnam-consumer-ai-market-2025–78-of-online-population-have-engaged-with-ai-one-third-turn-it-into-a-daily-habit

5. DFDL (2025). Вьетнам: проект закона об искусственном интеллекте опубликован для общественного обсуждения. Доступно по адре-

[1] See ANTV, 2025; VOV, 2026; NhanDan, 2026.

[2] In 2025, ChatGPT was the most used AI tool in Vietnam, accounted for 81% of AI usage. Gemini and Meta AI followed respectively at 51% and 36% (VNExpress, 2025).

cy: https://www.dfdl.com/insights/legal-and-tax-updates/vietnam-draft-law-on-artificial-intelligence-released

6. Dinh, D. H. (2024). Вьетнам приступает к революционной перестройке своей политической системы. Vietnamnet. Доступно по адресу: https://vietnamnet.vn/en/vietnam-embarks-on-a-revolutionary-overhaul-of-its-political-system-2347684.html

7. Do, Tran Thanh, & Tran, Nam (2025, June 14). Законы об искусственном интеллекте во Вьетнаме: обзор и нерешённые проблемы. Доступно в SSRN: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5296105

8. Huynh, C. (2020). О национальных особенностях правовой системы Социалистической Республики Вьетнам. Chau Van Dang Academy of Politics.

9. LuatVietnam (2025). Проект закона об искусственном интеллекте (обновлённая версия от 10 октября 2025 года). Доступно по адресу: https://luatvietnam.vn/thong-tin/du-thao-luat-tri-tue-nhan-tao-413831-d10.html

10. Vietnamnet (2025b). Вьетнам принимает меры по защите артистов от неправомерного использования ИИ в законодательстве об интеллектуальной собственности. Доступно по адресу: https://vietnamnet.vn/en/vietnam-moves-to-protect-artists-from-ai-misuse-in-intellectual-property-law-

11. Vietnamnet (2025c). Вьетнам не должен допустить превращения вьетнамских артистов в бесплатных поставщиков данных для иностранных систем ИИ. Доступно по адресу: https://www.vietnam.vn/en/dbqh-khong-the-de-nghe-si-viet-thanh-nguoi-cung-cap-du-lieu-mien-phi-cho-ai

POLICING ARTIFICIAL INTELLIGENCE (AI) IN A TIME OF UPHEAVAL: VIETNAM'S DRAFT LAW FOR COMPREHENSIVE AI GOVERNANCE

Vu Mai Phuong
The People's Security Academy

This article examines Vietnam's draft Artificial Intelligence (AI) law in the current context of Vietnam's technological and social development. It analyses the key components of the draft law, including its scope and core principles, risk-based classification, and proposed prohibitions of AI applications. These factors reflect a broader trend in AI policies in Vietnam, aiming to balance technological growth, with AI integration as a main pillar, and the protection of human rights and public interests. The article then highlights some potential challenges to the enforcement of the AI law in Vietnam, which result from both the societal and technological natures of AI and the specific context of Vietnam's market and policy ambitions. The article ends by proposing lessons to improve the legal mechanisms of AI governance in Vietnam and build a safer, more efficient AI ecosystem in the national context.

Keywords: Artificial Intelligence; AI law; AI governance; Vietnam.

References

1. ANTV (2025). Person Held Accountable for Spreading Disinformation Using AI-Generated Video [Xử phạt người đăng video sai sự thật được tạo dựng bằng AI].

2. Cao, M. C. (2025). A Philosophy of Legal Development to Realize National Aspirations for Ascension. State Management, (356), 29–32. https://doi.org/10.59394/qlnn.356.2025.1282

3. Chianella, R. (2021, December). Addictive Digital Experiences: The Impact of Artificial Intelligence and Posthuman Design. In 14th International Conference of the European Academy of Design, Safe Harbors for Design Research (Vol. 9, № 5, pp. 1–13).

4. Decision Lab (2025). Vietnam's Consumer AI Market in 2025: 78% of Online Users Have Engaged with AI, One-Third of Them Have Turned It into a Daily Habit. Available at: https://www.decisionlab.co/blog/vietnam-consumer-ai-market-2025–78-of-online-population-have-engaged-with-ai-one-third-turn-it-into-a-daily-habit

5. DFDL (2025). Vietnam: Draft Artificial Intelligence Law Published for Public Comment. Available at: https://www.dfdl.com/insights/legal-and-tax-updates/vietnam-draft-law-on-artificial-intelligence-released

6. Dinh, D. H. (2024). Vietnam Embarks on a Revolutionary Overhaul of Its Political System. Vietnamnet. Available at: https://vietnamnet.vn/en/vietnam-embarks-on-a-revolutionary-overhaul-of-its-political-system-2347684.html

7. Do, Tran Thanh, & Tran, Nam (2025, June 14). Artificial Intelligence Laws in Vietnam: An Overview and Outstanding Issues. Available at SSRN: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5296105

8. Huynh, C. (2020). On the National Characteristics of the Legal System of the Socialist Republic of Vietnam. Chau Van Dang Academy of Politics.

9. LuatVietnam (2025). Draft Law on Artificial Intelligence (Updated Version of October 10, 2025). Available at: https://luatvietnam.vn/thong-tin/du-thao-luat-tri-tue-nhan-tao-413831-d10.html

10. Vietnamnet (2025b). Vietnam Takes Measures to Protect Artists from AI Misuse in Intellectual Property Law. Available at: https://vietnamnet.vn/en/vietnam-moves-to-protect-artists-from-ai-misuse-in-intellectual-property-law-

11. Vietnamnet (2025c). Vietnam Should Prevent Vietnamese Artists from Becoming Free Data Providers for Foreign AI Systems. Available at: https://www.vietnam.vn/en/dbqh-khong-the-de-nghe-si-viet-thanh-nguoi-cung-cap-du-lieu-mien-phi-cho-ai

Электронные доказательства в цивилистическом процессе. Доктринальный подход и современные взгляды

Жмакин Григорий Николаевич,
аспирант кафедры частного права факультета частно-правовых (цивилистических) наук Государственного академического университета гуманитарных наук

Статья посвящена анализу существующих подходов к характеристике электронного доказательства в гражданском, арбитражном и административном процессе, рассматриваются вопросы относимости и допустимости электронного доказательства, исследуются современные и доктринальные подходы тождественности письменных, вещественных и электронных доказательств, анализируются существующие научные подходы по определению места электронных доказательств в системе доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства, процессуальное законодательство, доктрина и теория, цифровые технологии, блокчейн, цивилистический процесс, относимость и допустимость доказательств, электронный документ.

Развитие цифровой среды и электронного документооборота в гражданских правоотношениях стимулирует развитие института электронных доказательств в цивилистическом процессе.

Искусство судопроизводства в сущности есть не что иное, как искусство пользоваться доказательствами[1]. Современные цивилисты предпринимают много усилий для того, чтобы найти место для электронных доказательств в стройной системе средств доказывания.

Эффективность государственных функций в сфере осуществления правосудия, основывается на возможности полного и правильного определения круга юридических фактов (обстоятельств), имеющих значение для правильного разрешения дела; а также всестороннего исследования доказательств, подтверждающих такие обстоятельства.

Доказательствами являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела[2].

Важнейшими свойствами доказательств являются их относимость и допустимость, которые заключаются в том, что суд принимает только те доказательства, которые имеют отношение к рассматриваемому делу (ст. 59 ГПК РФ, ст. 67 АПК РФ), и что обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами (ст. 60 ГПК РФ, ст. 68 АПК РФ).

На данный момент можно констатировать, что российская судебная система активно переходит на использование электронного варианта правосудия. Использование электронных доказательств происходит повсеместно. В некоторых видах споров, например о нарушении интеллектуальных прав в сети Интернет, фиксация нарушений упрощена, в виду необходимости быстрого обеспечения доказательств. Например, при рассмотрении дел о защите нарушенных интеллектуальных прав судам следует учитывать, что законом не установлен перечень допустимых доказательств, на основании которых устанавливается факт нарушения (ст. 55 ГПК РФ, ст. 64 АПК РФ). Поэтому при разрешении вопроса о том, имел ли место такой факт, суд в силу ст. 55 и 60 ГПК РФ, ст. 64 и 68 АПК РФ вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством, в том числе полученные с использованием сети «Интернет»[3].

В других случаях предусмотрена возможность нотариального обеспечения доказательств[4], в том числе путем удаленной процедуры (без личной явки к нотариусу) с помощью заявления, поданного через верифицированный кабинет Госуслуг[5] любым физическим или юридическим лицом, однако такой способ обеспечения видится как один из самых неудобных в виду его сложности, а также сопутствующих расходов.

Отдельно следует отметить, что в рамках совершенствования гражданского законодательства готовится расширение цифровых полномочий нотариусов, направленное на упрощение процесса внесудебного взыскания задолженности, которое позволит ресурсоснабжающим организациям и управляющим компаниям взыскивать долги без обращения в суд, напрямую через службу судебных приставов или банки[6]. Ключевым изменением станет наделение нотариусов

[1] О судебных доказательствах. Трактат Иеремии Бентама. Киев, 1876. С. V. // цит. по М.К. Треушников. Судебные доказательства. Москва. 2021. С. 8.

[2] Гражданское, арбитражное и административное процессуальное законодательство дает практически однородное определение доказательству (ст. 55 ГПК РФ, ст. 64 АПК РФ и ст. 59 КАС РФ).

[3] п. 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

[4] ст. 102 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1) // СПС КонсультантПлюс

[5] https://www.gosuslugi.ru/

[6] Законопроект № 680171–8 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (об исполнительной надписи нотариуса при взыскании задолженности в сфере жилищно-коммунального хозяйства) // https://sozd.duma.gov.ru/bill/680171–8

правом совершать исполнительную надпись по долгам за жилищно-коммунальные услуги на основании электронного заявления, после проверки бесспорности задолженности нотариус направляет должнику юридически значимые документы в цифровом виде через портал «Госуслуг». Исполнительная надпись нотариуса имеет силу исполнительного листа по судебному акту и может быть направлена на принудительное взыскание в службу судебных приставов через Систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ)[1]. Нотариус совершает исполнительную надпись в случае отсутствия от должника возражений в течении 7 дней (пункт 3 Законопроекта № 680171–8) с момента размещения нотариального уведомления о наличии задолженности в личном кабинете должника на портале «Госуслуг» (пункт 4 Законопроекта № 680171–8).

Учитывая специфику электронных доказательств к ним применяются особые стандарты процессуального использования. При этом большинство цивилистов сходятся во мнении что электронные доказательства требуют специальных правил исследования, оценки достоверности и обеспечения.

В международном праве электронное доказательство – это любое доказательство, которое основано на цифровых данных, которые находятся в любом устройстве или созданы им[2]. В США под электронными (цифровыми) доказательствами принято понимать информацию и данные, которые хранятся, принимаются или передаются электронным устройством[3].

Одним из способов подтверждения достоверности и своевременного обеспечения электронных доказательств может служить технология блокчейна (blockchain)[4]. Если будут введены презумпции, например, что информация в блокчейне является верной, если не доказано иное, то это было бы очень полезно для разрешения конфликтов в суде, поскольку облегчило бы рассмотрение споров[5]. И хотя доказательства на основе блокчейна демонстрируют сходство с другими формами электронных данных, учитывая их цифровую природу, их внедрение в судебные разбирательства изначально рассматривалось как уникальный подвид электронных доказательств, подлежащих традиционным методам оценки[6].

Урегулирование вопросов по использованию электронных доказательств на основе блокчейна, позволит решить ряд проблем, связанных с их своевременным обеспечением, оценкой достоверности и порядком их исследования; что на практике приведет к более эффективному и быстрому разрешению споров, тем самым реализует принцип процессуальной экономии.

Например, европейские суды не отклоняют электронные доказательства и не отрицают их юридическую силу исключительно по причине того, что они были собраны и/или предоставлены в электронном виде[7]. В Китае записи в блокчейне имеют юридическую силу и могут быть использованы в качестве доказательств в суде, которые будут применяться в более чем 3500 интернет-судах по всей стране. Верховный народный суд Китая указывает на то, что «доказательства на основе блокчейна принесут большую прозрачность, повышенную безопасность, улучшенную отслеживаемость, а также повысят эффективность судебных разбирательств интернет-судов в Китае»[8]. В отличии от Китая, в котором интернет-суды используют собственные консорциумные блокчейн-платформы, в судебной системе США основное внимание уделяется стандартам и правилам доказывания, при этом применяется децентрализованный подход к использованию цифровых блокчейн-платформ и доказательств, основанных на электронной записи в блокчейне. Федеральные правила доказывания (Federal Rules of Evidence, FRE)[9] регулируют представление доказательств в гражданских и уголовных процессах в федеральных судах США. Доктрина США направлена на разделение концепции исследования доказательств, основанных на блокчейне, в части целостности данных (формальной аутентичности) и достоверности происхождения (подлинности по существу).

Признавая специфический характер электронных доказательств, некоторые ученые не видят необходимости их закрепления в российском законе в качестве самостоятельной категории[10].

А.Т. Боннер разделяет средства доказывания на «традиционные» (известные процессуальному законодательству) и «нетрадиционные» (аудио- и видеозаписи)[11]; указывая что электронный документ создается с помощью специальных технических средств, поэтому его нельзя отнести к письменным доказательствам, при этом любой электронный документ можно преобразовать для доступного чтения как на электронном, так и на бумажном носителе[12]. Основания к такому подходу было заложено в инструкциях Госарбитража СССР в 1979 году, согласно которым, документы, подготовленные с помощью электронно-вычислительной техники и представляемые в арбитраж в качестве доказательств по делу, должны быть представлены в таком виде, который позволял бы уяснить их содержание[13].

П.Д. Шкурова предлагает признать электронный документ самостоятельным средством доказывания, и не приравнивать его к письменным доказательствам; а также установить специальный порядок получения и исследования судом электронного документа как допустимого средства доказывания, предусмотрев открытый перечень средств доказывания[14].

М.К. Треушников раскрывает понятие письменного документа как рукописного, машинописного или электронного[15], указывая что электронный документ не отличается от документов на других носителях, в частности бумажных. В.В. Молчанов исследует электронные документы как письменное доказательство, ссылаясь на возможность переноса образа электронного документа на бумажный носитель[16]. А.П. Вершинин считает, что электронные документы следует рассматривать в качестве письменных доказательств[17]. Аналогичную позицию поддерживает В.Г. Голубцов, приводя в обоснование, что в ст. 55 ГПК РФ приведен исчерпывающий перечень средств доказывания, привлечение других источников ГПК РФ не допускает[18].

Л.В. Туманова также ссылается на то, что в законе дан исчерпывающий перечень источников, из которых могут быть получены доказательства. И не смотря на то, что привлечение других источников недопустимо, использовать в качестве доказательств технически новые источники информации возможно, при условии предоставления доказательств переведенными в форму, предусмотренную в установленном законом перечне[19].

При этом, Т.В. Сахнова указывала, что исчерпывающий перечень доказательств не учитывает возможностей современных технологий,

[1] Постановление Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 (ред. от 30.10.2025) «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» (вместе с «Положением о единой системе межведомственного электронного взаимодействия») // СПС КонсультантПлюс

[2] Руководящие принципы Комитета министров Совета Европы относительно использования электронных доказательств в гражданском и административном судопроизводстве (Принято Комитетом министров 30 января 2019 года на 1335-м заседании постоянных представителей министров) // СПС Консультант Плюс.

[3] Electronic CSI. A Guide for First Responders. 2nd edition. National Institute of Justice. April 2008. 21 p.

[4] (от англ. blockchain – «цепочка блоков») – децентрализованная система хранения и передачи информации. Данные шифруются и объединяются в блоки, а затем сохраняются на компьютерах множества пользователей сети Интернет.

[5] Председатель Суда по интеллектуальным правам Л.А. Новоселова. // https://tass.ru/ekonomika/6321850

[6] Wu, H., and Zheng, G. (2020). Electronic evidence in the blockchain era: new rules on authenticity and integrity. Comput. Law Secur. Rev. 36, 105401. doi:10.1016/j.clsr.2020.105401

[7] Руководящие принципы Комитета министров Совета Европы относительно использования электронных доказательств в гражданском и административном судопроизводстве (Принято Комитетом министров 30 января 2019 года на 1335-м заседании постоянных представителей министров) // https://rm.coe.int/russian-version-unofficial-translation-of-the-guidelines-on-electronic/16809f03ac

[8] Гойтиев Д. Верховный суд Китая утвердил юридическую силу записей в блокчейне для интернет-судов // https://bits.media/verkhovnyy-sud-kitaya-utverdil-yuridicheskuyu-silu-zapisey-v-blokcheyne-dlya-internet-sudov

[9] Федеральные правила доказывания США (Federal Rules of Evidence, FRE) являются сводом законов, которые регулируют процедуру представления и допустимости доказательств, устанавливают стандарты доказывания в гражданских и уголовных процессах в федеральных судах.

[10] См. Понятие и общая характеристика электронных доказательств. Александров А.Ю., Понамарев Б.С. // https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-obschaya-harakteristika-elektronnyh-dokazatelstv

[11] Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: моногр. – М., 2015. – С. 7.

[12] Там же С. 497–502.

[13] П. 5 Инструктивных указаний Госарбитража СССР № И-1–4 от 29.06.1979 «Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники» // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Шкурова П.Д. Электронный документ как самостоятельное средство доказывания в гражданском и административном судопроизводстве // https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokument-kak-samostoyatelnoe-sredstvo-dokazyvaniya-v-grazhdanskom-i-administrativnom-sudoproizvodstve

[15] Гражданский процесс: Учебник (5-е издание, переработанное и дополненное) // Под ред. М.К. Треушникова. – М.: Статут, 2015. С. 296.

[16] Гражданский процесс: Учебник / Под ред. Молчанова В.В. М.: Статут, 2025. С. 328–333.

[17] Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. – М., 2000. С. 51.

[18] Голубцов В.Г. Теория доказательств и цифровизация в гражданском судопроизводстве // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 382.

[19] Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. Л.В. Тумановой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 123.

в результате которых также может быть получена информация, имеющая доказательственное значение в судебном процессе[1].

М.Н. Зарубина и А.А. Павлов делают вывод о том, что в настоящее время необходимость рассматривать электронные доказательства в качестве самостоятельных средств доказывания отсутствует. При этом следует установить правила определения их допустимости и достоверности, а также регламентировать исследование электронных доказательств[2].

По вопросу отнесения электронного документа к письменным или вещественным доказательствам высказываются различные точки зрения.

С.А. Жагорина отметила, что товарный знак, расположенный на сайте в сети Интернет, будет исследоваться и оцениваться как вещественное доказательство, если доказательственное значение имеет его место нахождения. Если же доказательственное значение имеют его содержание или сопровождающие его надписи, должны применяться правила исследования и оценки письменных доказательств[3]. С.П. Ворожбит указывает, что отнесение электронных доказательств к тому или иному виду, закрепленному в процессуальном законодательстве, зависит от того, какие из данных сохранены в электронной форме[4].

Также встречается подход к электронным документам как к вещественному доказательству[5] или как к смешанному доказательству, т.е. имеющему признаки письменного и вещественного доказательства[6]. Например, согласно ст. 371а Гражданского процессуального уложения Германии, электронный документ при наличии квалифицированной электронной подписи, имеет силу письменного документа, являясь при этом вещественным доказательством[7].

В основе отнесения электронных документов к документам письменным лежит то, что информация, которая содержится в этих документах является человеческой мыслью (понятия, суждения и т.п.). Однако, в случае если документ является фотографией или иным изображением реальности, которое не несет в себе никакой мысли, он не может быть признан письменным доказательством. Этот документ необходимо исследовать с точки зрения вещественных доказательств. Преимущество письменной формы в доказательственной деятельности является подтверждением того, что законодатель признал ее самодостаточной и допускал использование этой формы в различных видах доказательств, в том числе и для электронных[8].

Доктринальный подход к использованию электронного доказательства в частности связан с тождественностью электронного и письменного носителя информации, например иные цифровые документы и материалы признаются письменными доказательствами (ч. 1 ст. 70 КАС РФ, п. 1 ст. 71 ГПК РФ, п. 1 и 3 ст. 75 АПК РФ). Формально электронный документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательно приравнивается к электронному образу письменного документа[9].

Основными источниками права о доказательствах является ГПК РФ (2003), АПК РФ (2002) и более поздний КАС РФ (2015). На протяжении более чем десяти лет доказательственные разделы гражданского и арбитражного процесса оставались без принципиальных изменений, до того момента. когда информационные технологии начали оказывать влияние на все уровни взаимодействия гражданских и публичных правоотношений.

В июне 2016 года Федеральным законом № 220[10] в ГПК и АПК РФ внесены изменения по поводу применения электронных доказательств. Статья 4 АПК дополнена частью 7 следующего содержания: «Исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы могут быть поданы в суд на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью», а часть 3 статьи 75 изложена в следующей редакции: «Документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью, допускаются в качестве письменных доказательств». Аналогичные изменения внесены в статью 3 ГПК РФ. А в статье 35 ГПК РФ записано, что «лица, участвующие в деле, вправе представлять в суд документы как на бумажном носителе, так и в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью».

При этом, именно в КАС РФ в редакции 2016 года впервые введено использование электронных средств доказывания – электронных документов (ч. 2 ст. 59 КАС РФ). Однако, в редакции 2017 года термин «электронные документы» был исключен из ст. 59 КАС РФ[11].

Новеллой КАС РФ (2023) является то, что суд вправе самостоятельно получать необходимые для рассмотрения и разрешения административного дела сведения из открытых государственных источников в сети Интернет (п. 2.1. ст. 59 КАС РФ). Указанная опция является своевременной и конкурентной, реализует принцип процессуальной экономии; и в перспективе может создать условия для использования полностью автоматизированных систем, в том числе искусственного интеллекта (ИИ) с целью получения и обработки публичной верифицированной информации.

Например, при подаче искового заявления через систему Мой Арбитр, в приложения к материалам дела автоматически добавляется выписка из ЕГРЮЛ на истца и ответчика, указанные сведения могут быть обработаны в автоматизированном режиме. Однако в суде общей юрисдикции такая опция отсутствует в принципе, при этом суд по собственной инициативе не может истребовать такую публичную верифицированную информацию на стадии принятия искового заявления в производство.

Е.А. Нахова приходит к выводу, что электронные доказательства обладают иной правовой природой, в отличие от письменных и вещественных доказательств, а также что представляется правильным установить в законе неисчерпывающий перечень электронных доказательств, предусмотрев их определение через перечисление по аналогии с письменными доказательствами[12].

И.В. Решетникова также отмечает, что нужно уделять особое внимание оценке достоверности электронных доказательств, которых в процессе будет все больше и больше[13].

Обобщая основные научные точки зрения в отношении электронных доказательств, можно выделить две основные: первая заключается в том, что электронные доказательства тождественны письменным, их внешняя форма не влияет на внутреннее правовое содержание, выделение электронных доказательств в отдельный институт не требуется; другая состоит в том, что цифровая форма доказательств обладает уникальными свойствами оценки и верификации, электронные доказательства являются отдельной правовой категорией в системе доказательств, которая требует стандартизации и унификации процессуального применения.

Литература

1. Александров А.Ю., Понамарев Б.С. Понятие и общая характеристика электронных доказательств // https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-obschaya-harakteristika-elektronnyh-dokazatelstv (дата обращения: 11.01.2026).

[1] Т.В. Сахнова. Курс гражданского процесса / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. С. 426.

[2] Зарубина М.Н., Павлов А.А. О процессуальных реалиях и потенциальных возможностях использования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. № 1. Т. 9. 2019. С. 205.

[3] Жагорина С.А. Судебное доказывание в спорах о незаконном использовании товарного знака в арбитражном процессе Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 11.

[4] Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в уголовном и гражданском процессе: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2011. С. 8.

[5] Медведев И.Г. Письменные доказательства в частном праве России и Франции. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 145.

[6] Мальцева О.А., Рзаев Н.И. Допустимость использования электронных документов в качестве доказательства в гражданском процессе // Молодой ученый. 2015. № 22. С. 611.

[7] Гражданское процессуальное уложение Германии: Вводный закон к Гражд. процессуальному уложению = Zivilprozessordnung Deutschlands mit Einführungsgesetz; пер. с нем. / [В. Бергманн, введ. и сост.]. – 2-е изд., перераб. – М.: Инфотропик Медиа, 2016. С. 124.

[8] Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. С. 171–185.

[9] пп. 2.2., 2.3. Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС КонсультантПлюс

[10] Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // https://pravo.gov.ru.

[11] ч. 3 ст. 9 Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СПС КонсультантПлюс

[12] Нахова Е.А. Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 310.

[13] Решетникова И.В. Доказательства и доказывание: глава VI // Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08 декабря 2014 г. № 124(1) // СПС КонсультантПлюс

2. Бентам И. Трактат о судебных доказательствах. Киев, 1876. С.V. // М.К. Треушников. Судебные доказательства. Москва. 2021. С. 8.

3. Бергманн В., введ. и сост. Гражданское процессуальное уложение Германии: Вводный закон к Гражд. процессуальному уложению = Zivilprozessordnung Deutschlands mit Einführungsgesetz; пер. с нем. // – 2-е изд., перераб. – М.: Инфотропик Медиа, 2016. С. 124.

4. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: моногр. – М., 2015. – С. 7.

5. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. – М., 2000. С. 51.

6. Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в уголовном и гражданском процессе: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2011. С. 8.

7. Голубцов В.Г. Теория доказательств и цифровизация в гражданском судопроизводстве // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 382.

8. Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. С. 171–185.

9. Жагорина С.А. Судебное доказывание в спорах о незаконном использовании товарного знака в арбитражном процессе Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 11.

10. Зарубина М.Н., Павлов А.А. О процессуальных реалиях и потенциальных возможностях использования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. № 1. Т. 9. 2019. С. 205.

11. Мальцева О.А., Рзаев Н.И. Допустимость использования электронных документов в качестве доказательства в гражданском процессе // Молодой ученый. 2015. № 22. С. 611.

12. Медведев И.Г. Письменные доказательства в частном праве России и Франции. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 145.

13. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. Молчанова В.В. М.: Статут, 2025. С. 328–333.

14. Нахова Е.А. Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 310.

15. Решетникова И.В. Доказательства и доказывание: глава VI // Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08 декабря 2014 г. № 124(1) // СПС КонсультантПлюс

16. Сахнова Т.В. . Курс гражданского процесса / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. С. 426.

17. Шкурова П.Д. Электронный документ как самостоятельное средство доказывания в гражданском и административном судопроизводстве // https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokument-kak-samostoyatelnoe-sredstvo-dokazyvaniya-v-grazhdanskom-i-administrativnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 11.01.2026).

18. Wu, H., and Zheng, G. (2020). Electronic evidence in the blockchain era: new rules on authenticity and integrity. Comput. Law Secur. Rev. 36, 105401. doi:10.1016/j.clsr.2020.105401

ELECTRONIC EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS. DOCTRINAL APPROACHES AND MODERN PERSPECTIVES

Zhmakin G.N.
State Academic University of Humanities

The article is devoted to the analysis of existing approaches to the characterization of electronic evidence in civil, commercial and administrative proceedings. The author examines issues concerning the relevance and admissibility of electronic evidence, investigates modern and doctrinal approaches to the identity of written, physical, and electronic evidence, and analyzes current scholarly perspectives on determining the place of electronic evidence within the overall system of evidence.

Keywords: Electronic evidence, procedural law, legal doctrine and theory, digital technologies, blockchain, civil proceedings, relevance and admissibility of evidence, electronic document.

References

1. Aleksandrov A. Yu., Ponomarev B.S. Concept and General Characteristics of Electronic Evidence // https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-obschaya-harakteristika-elektronnyh-dokazatelstv (accessed 11.01.2026).

2. Bentham I. Treatise on Judicial Evidence. Kyiv, 1876. S.V. // M.K. Treushnikov. Judicial Evidence. Moscow. 2021, p. 8.

3. Bergmann W., introduction and compilation. Civil Procedure Code of Germany: Introductory Law to the Civil Procedure Code = Zivilprozessordnung Deutschlands mit Einführungsgesetz; trans. from German // – 2nd ed., revised. – Moscow: Infotropic Media, 2016. Page 124.

4. Bonner, A.T. Traditional and Non-Traditional Means of Evidence in Civil and Arbitration Proceedings: Monograph. – Moscow, 2015. – Page 7.

5. Vershinin, A.P. Electronic Document: Legal Form and Evidence in Court. – Moscow, 2000. Page 51.

6. Vorozhbit, S.P. Electronic Means of Evidence in Criminal and Civil Proceedings: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. – Saint Petersburg, 2011. Page 8.

7. Golubtsov, V.G. Evidence Theory and Digitalization in Civil Proceedings // Perm Legal Almanac. 2019. № 2. Page 382.

8. Golubtsov, V.G. Electronic Evidence in the Context of E-Justice // Bulletin of Civil Procedure. 2019. № 1. pp. 171–185.

9. Zhagoryna S.A. Judicial Evidence in Disputes over the Illegal Use of a Trademark in Arbitration Proceedings of the Russian Federation: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2012. p. 11.

10. Zarubina M.N., Pavlov A.A. On the Procedural Realities and Potential Possibilities of Using Electronic Evidence in Civil Procedure // Bulletin of Civil Procedure. № 1. Vol. 9. 2019. p. 205.

11. Maltseva O.A., Rzayev N.I. Admissibility of Using Electronic Documents as Evidence in Civil Procedure // Young Scientist. 2015. № 22. P. 611.

12. Medvedev, I.G. Written Evidence in the Private Law of Russia and France. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. P. 145.

13. Civil Procedure: Textbook / Ed. by Molchanov, V.V. Moscow: Statut, 2025. Pp. 328–333.

14. Nakhova, E.A. Problems of Electronic Evidence in Civil Procedure // Leningrad Law Journal. 2015. № 4. P. 310.

15. Reshetnikova, I.V. Evidence and Proof: Chapter VI // Concept of a Unified Civil Procedure Code of the Russian Federation, approved by the decision of the Committee on Civil, Criminal, Arbitration, and Procedural Legislation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated December 8, 2014, № 124(1) // SPS ConsultantPlus

16. Sakhnova T.V. Course of Civil Procedure / 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Statut, 2014. P. 426.

17. Shkurova P.D. Electronic Document as an Independent Means of Evidence in Civil and Administrative Proceedings // https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokument-kak-samostoyatelnoe-sredstvo-dokazyvaniya-v-grazhdanskom-i-administrativnom-sudoproizvodstve (Accessed January 11, 2026).

18. Wu, H., and Zheng, G. (2020). Electronic Evidence in the Blockchain Era: New Rules on Authenticity and Integrity. Comput. Law Secur. Rev. 36, 105401. doi:10.1016/j.clsr.2020.105401

Научная и преподавательская деятельность как элемент правового статуса судьи в отставке: правовой и этический аспекты

Лаврищева Ольга Мирославовна,
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: lavrischeva@inbox.ru

Исследуются правовые аспекты и этика реализации судьями, пребывающими в отставке, права на занятие научной и преподавательской деятельностью. Такая деятельность рассматривается не только как форма реализации конституционного права на труд, но и как важнейший элемент системы статусных гарантий, обеспечивающих независимость судей и авторитет судебной власти. В работе проведен системный анализ законодательства, практики высших судов и актов органов судейского сообщества, определяющих границы дозволенного поведения судьи в отставке. Цель исследования – выявление параметров допустимой оплачиваемой деятельности судей в отставке при сохранении статуса. Открывается перспектива исследования сквозь призму институциональной преемственности судебной власти. Выявлен запрет на предпринимательскую деятельность и схожую с ней содержательно индивидуальную трудовую деятельность. Обращается внимание на ограничения источников финансирования и новых форм научной коммуникации в цифровой среде. Обосновывается вывод о высокой востребованности и полезности участия судей в отставке в образовательном процессе для обеспечения преемственности правовой традиции и высокого качества подготовки юридических кадров.

Ключевые слова: судебная власть, правосудие, правовой статус судей, отставка судьи, преподавательская деятельность, научная деятельность.

Стабильность статуса судьи, сохранение непоколебимо высокого уровня правовых и социальных гарантий после выхода в отставку представляются фундаментальным условием надлежащего осуществления правосудия. Институт отставки, дающий возможность продолжить активную деятельность, выступает не просто формальным актом прекращения служебных отношений, но служит базовой предпосылкой для добросовестного и ответственного выполнения профессионального долга носителем судебной власти. В данном контексте предоставленная законодателем возможность заниматься научной и преподавательской деятельностью приобретает особое значение не только для судей в отставке. Она становится не просто способом преодоления проблемы «социального исключения» и сохранения профессиональной идентичности, но со всей очевидностью обнаруживает черты важнейшего элемента статусных гарантий, обеспечивающего преемственность правовой традиции.

Представляется целесообразным рассматривать возможность осуществления судьей в отставке отдельных видов деятельности не только с позиции социального обеспечения. Научную и преподавательскую работу следует квалифицировать как элемент системы статусных гарантий, обеспечивающий всестороннюю профессиональную реализацию судейского потенциала.

Как отмечают исследователи вопросов социального обеспечения судей, в последнее время резко возросло количество судей, имеющих ученые степени и звания [5]. Следовательно, их участие в педагогической и научной работе после выхода в отставку видится вполне логичным и правильным. Для самого судьи это не хобби, а скорее способ сохранения профессиональной идентичности. Для судебной власти – значимый компонент судейско-статусной составляющей ее механизма.

Научное осмысление отдельных аспектов статуса судьи, пребывающего в отставке, представлено в трудах, П.Г. Быстрова, Г.Т. Ермошина, А.О. Казанцева, В.Я. Кияшко, М.И. Клеандрова, М.М. Курманова, О.В. Лазарева, С.Б. Серенко, Ю.Н. Туганова, С.Ю. Уварова и др. Пределы правовых ограничений научной и педагогической деятельности судей исследовались А.М. Цалиевым, О.Х. Качмазовым. М.Ю. Бунина обосновала необходимость расширения направлений трудовой занятости данной категории лиц.

В современных условиях востребованность профессиональных знаний членов судейского корпуса очень высока. Сохранение их социальной активности посредством научной или преподавательской деятельности видится одним из возможных решений существующих проблем как самой судебной системы, испытывающей колоссальный кадровый дефицит, так и системы образования, перманентно нуждающейся в высококвалифицированных специалистах-практиках.

Юридическая природа статуса судьи в отставке детерминирует специфику реализации его трудовой функции: не будучи наделенным властными полномочиями, лицо сохраняет принадлежность к судейскому сообществу. Законодатель определяет отставку как почетный уход или почетное удаление судьи с должности (ст. 15 Закона о статусе судей[1]).

Высокая социальная значимость данного института подтверждается позицией Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), согласно которой предоставление судье в будущем особого статуса служит гарантией надлежащего качества правосудия и позволяет сохранять доверие общества к независимости суда (Определение от 26.11.2018 № 2927-О). При этом от судей в отставке требуется соблюдение столь же высоких стандартов поведения, как и от действующих судей, что не является неправомерным ущемлением их прав, а обусловлено специфическим публично-правовым статусом.

Схожий подход нашел отражение и в практике Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ): «Сохраняя за судьей в отставке звание судьи, гарантии личной неприкосновенности и принадлежность к судейскому сообществу, закон одновременно устанавливает обязанность соблюдения пребывающими в отставке судьями определенных запретов и ограничений (Решение ВС РФ от 04.12.2025 г. по делу № АКПИ25–898, Решение ВС РФ от 14.07.2020 г. № АКПИ20–326).

[1] Закон РФ от 26.06.1992 № 3132–1 (ред. от 28.12.2025 г.) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. № 170. 29.07.1992

Запрет замещения иных должностей, осуществления иной оплачиваемой деятельности, за исключением педагогической, научной и какой-либо творческой соразмерен особому правовому положению носителя судебной власти, вышедшего в отставку. КС РФ указал, что такое регулирование, «будучи основанным на особом статусе судьи, не может оцениваться как несоразмерное ограничение конституционных прав граждан – судей в отставке и как не согласующееся со ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации» (Определение от 20.12.2016 г. № 2706-О).

Кроме того, сам судья, будучи в отставке, выбирает сохранить ли этот высокий статус или продолжить профессиональную деятельность в иных формах. Неоднократное повторение данного вывода в актах КС РФ свидетельствует об устойчивости такой позиции (Определения от 05.03.2009 г. № 434-О-О, № 435-О-О, от 19.05.2009 г. № 499-О-О, № 511-О-О, от 20.12.2016 г.). ВС РФ в этой связи дает разъяснение, что Закон о статусе судей не препятствует судье, ушедшему в отставку и не намеренному при этом сохранять судейский статус, реализовать право на труд и заниматься по своему усмотрению любой оплачиваемой деятельностью. Законодатель закрепил право, а не обязанность судьи на отставку. Вместе с тем, предусмотрено прекращение отставки судьи, не желающего добровольно соблюдать связанные со статусом судьи запреты и ограничения (Решение ВС РФ от 07.09.2023 № АКПИ23–709).

Запреты и ограничения, которые обусловлены специфическим статусом судьи в отставке, а также установление их конкретного объема, включая определение деятельности, которой вправе заниматься такой судья, КС РФ полагает прерогативой законодателя (Определения от 15.11.2001 г. № 277-О, от 30.09.2004 г. № 299-О, от 18.07.2006 г. № 191-О, от 19.06.2012 г. № 1173-О, от 24.10.2013 г. № 1564-О, от 29.09.2015 г. № 1944-О).

Запрет осуществления судьями отдельных видов деятельности содержался и в ранее действовавшем Законе СССР о статусе судей[1]. Закреплялось, что работа судей в иных государственных учреждениях, предприятиях и организациях, а также в кооперативных и других общественных организациях на условиях совместительства не допускается. Исключение составляли педагогическая и научно-исследовательская деятельность (ст. 21). Эта идея, но в несколько измененной формулировке нашла отражение в первоначальной редакции ст. 3 нынешнего закона – допускалось совмещение судейских полномочий с оплачиваемой научной, преподавательской, литературной и иной творческой деятельностью.

Нормативное единство смысла действующих положений подп. 5 п. 3 ст. 3 и ст. 15 Закона о статусе судей, ст. 5, 14, 20 Кодекса судейской этики [3] устанавливает общий запрет осуществления иной оплачиваемой деятельности, кроме педагогической, научной и творческой. Содержание разрешенных видов деятельности не дифференцируется для действующих носителей судебной власти и судей, пребывающих в отставке.

Приведенные положения не раскрывают дефиниции «преподавательская», «педагогическая», «образовательная» (которые используются в ряде случаев как синонимичные), а также «научная» деятельность судьи. Системный анализ основных понятий, используемых в Законе об образовании[2] позволяет определить педагогическую деятельность как выполнение трудовых обязанностей по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации деятельности по реализации образовательных программ. Перечень должностей педагогических работников установлен Правительством России[3]. Научная (научно-исследовательская) же деятельность определена законодательно как деятельность, направленная на получение и применение новых знаний[4].

Исследователи отмечают, что законодатель материально стимулирует наличие у судей ученой степени или ученого звания, устанавливая соответствующие надбавки к должностному окладу [6]. Но, как справедливо заметила М.Ю. Бунина, «реальная возможность заниматься научной деятельностью имеется у очень небольшой части пребывающих в отставке судей» [1, с. 155]. Сложность интеллектуальных задач и необходимость использования креативных нестандартных подходов в научных изысканиях создают для большинства даже весьма успешных и профессионально состоявшихся судей непреодолимые препятствия в построении академической карьеры. Справедливо замечание указанного автора о том, что «субъектам научной деятельности, необходима специальная подготовка, которой, как правило, ко времени выхода в отставку обладают те из судей, кто уже имеет ученую степень» [1, с. 155]. Вместе с тем, в условиях существующей в настоящее время служебной нагрузки дополнительное обучение или совмещение научной деятельности с судебной представляется объективно затруднительным. Но наличие в судейском корпусе лиц с ученой степенью кандидата или доктора наук свидетельствует о достижимости и столь амбициозной цели. М.И. Клеандров замечает: «Вообще развиваться и в профессиональном плане для любого судьи, быть может, за редчайшим исключением, естественное состояние» [2, с. 218].

На практике возникают затруднения при разрешении вопросов о возможности занятия судьей, пребывающим в отставке, конкретным видом педагогической или научной деятельности.

Может ли такая деятельность осуществляться исключительно в государственных образовательных учреждениях? Органы судейского сообщества разъясняют, что реализация указанного права не связывается со статусом образовательного учреждения, судья в отставке вправе преподавать как в государственных, так и негосударственных образовательных организациях (Заключение Комиссии Совета судей РФ по этике от 05.12.2018 N 18-КЭ). На вопрос может ли судья в отставке занимать должности административного характера в академической среде (например, должность декана или заведующего кафедрой) Совет судей РФ дает положительный ответ (в приведенном выше Заключении). А вот применительно к должности инструктора-методиста в муниципальном казенном учреждении дополнительного образования уже вводится условие – наличие у этого учреждения лицензии на осуществление образовательной деятельности (Заключение Совета судей РФ от 31.07.2023 N С/КЭ-9). Право преподавания не ограничивается только юридическими дисциплинами, не связывается со статусом образовательной организации (за исключением признанных иностранными агентами).

Судья вправе заключив трудовой договор с индивидуальным предпринимателем, имеющим лицензию на осуществление образовательной деятельности, осуществлять на платной основе педагогическую деятельность. Но такое право не может быть реализовано посредством регистрации самого судьи, пребывающего в отставке, в качестве индивидуального предпринимателя. Органы судейского сообщества обращают внимание на принципиальную близость основных черт деятельности и природы доходов индивидуального предпринимателя, который использует собственный труд в сфере оказания услуг, и самозанятого лица. Как следствие, репетиторство в качестве самозанятого признается не совместимым со статусом судьи, пребывающего в отставке (Заключение Комиссии Совета судей РФ по этике от 17.07.2020 № 5-КЭ).

Необходимо отметить, что в каждом случае разрешения вопроса о правовых и этических ограничениях допустимой работы судьи в отставке детально анализируется характер и конкретный вид занятия, должностные обязанности, квалификационные требования, процедура избрания или назначения на должность (Заключение Комиссии Совета судей РФ по этике от 15.02.2024 N С/КЭ-1). Кроме того, принимаются во внимание организационно-правовая форма и цели деятельности юридического лица, в котором судья, пребывающий в отставке, планирует преподавать или вести научную работу (Заключение Комиссии Совета судей РФ по этике от 18.02.2022 N 3-КЭ).

Развитие цифровых технологий обусловило появление новых форм активности (вебинары, подкасты, блоги, онлайн-конференции и иные). Они тоже могут быть по своей сути как преподавательской или научной деятельностью, так и завуалированным консалтингом, скрытым представительством, которое закон прямо запрещает. В этой связи необходимо выработать научно обоснованные критерии разграничения данных видов деятельности. Полагаем, что современная правовая среда требует гибкости и взвешенных, сбалансированных подходов, имеющих достаточный потенциал адаптации норм судейской этики и положений об отставке к реальности при неизменном поддержании авторитета судебной власти.

В 2023 году Совет судей РФ признал допустимым размещение написанных судьей статей (текстов) на правовые темы в каналах и на страницах незапрещенных сайтов и мессенджеров, обозначив их сходство с опубликованием в научно-практических журналах (сборниках), включая электронные журналы. Разъяснено, что это «отвечает духу времени в условиях активно развивающихся цифровых технологий и онлайн-сервисов» (Заключение Комиссии Совета судей РФ по этике

[1] Закон СССР от 04.08.1989 «О статусе судей в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 9. Ст. 223

[2] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.03.2026) «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. № 303. 31.12.2012

[3] Постановление Правительства РФ от 21.02.2022 № 225 (ред. от 11.07.2024) «Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций» // Собрание законодательства РФ. 28.02.2022. № 9 (часть I). Ст. 1341.

[4] Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О науке и государственной научно-технической политике» // Российская газета. № 167. 03.09.1996

от 24.05.2023 N С/КЭ-4). В качестве допустимых ресурсов упомянуты «Яндекс» и «Телеграм». Тем не менее, подобные формы коммуникации требуют от судей высокой степени самоконтроля, им следует в любом случае взвешенно подходить к выбору площадки, страницы, канала, веб-приложения, которые будут использованы.

Важно заметить, что наличие такого рода разъяснений не снимает с судьи его персональную ответственность. Это лишь рекомендация, и каждый судья, пребывающий в отставке, обязан самостоятельно оценивать каждое свое действие с точки зрения соответствия его требованиям действующего закона и судейской этики.

Законодатель увязал ключевое ограничение осуществления преподавательской и научной деятельности судьи в отставке с источником ее финансирования. В «Основных требованиях к судьям в целях противодействия коррупции» [4] данное положение разъяснено следующим образом: «Педагогическая, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации или договоренностями на взаимной основе». При этом, размер полученного вознаграждения не должен превышать размеров выплачиваемого судье ежемесячного пожизненного содержания.

Правоотношения между образовательными организациями (либо организациями, осуществляющими обучение) и судьей, пребывающим в отставке, при выполнении педагогической или научной работы, должны быть оформлены надлежащим образом, а принятые обязательства фактически исполнены. Практика ВС РФ демонстрирует, что отсутствие доказательств, свидетельствующих об осуществлении судьей педагогической или научной деятельности с получением при этом оплаты по договору подряда или иным соглашениям гражданско-правового характера, оценивается критически, квалифицируется как нарушение законодательства о статусе судей (Решение от 01.02.2022 № АКПИ21–1045).

Персональная трудовая педагогическая деятельность, оплачиваемая по договорам гражданского-правового характера при ее систематическом осуществлении на заказ, приобретает черты предпринимательской, что не совместимо со статусом судьи в отставке. Использование при этом специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» не меняет характера такой деятельности. Следовательно, право на занятие оплачиваемой педагогической деятельностью судья может реализовать только в виде сотрудничества с образовательными организациями. В случае нарушения приведенных в настоящем исследовании запретов и ограничений судьей, пребывающим в отставке, его отставка прекращается.

В целом дозволение судьям в отставке заниматься научной и преподавательской деятельностью представляется рациональным и полезным. Судьи в процессе своего профессионального становления и развития становятся источниками «живого права», носителями ценных знаний и опыта, которыми просто необходимо делиться с молодыми студентами-юристами и впервые назначенными судьями, сотрудниками аппарата суда и правоохранительных органов, адвокатами и правозащитниками. Это поможет обеспечить преемственность правовой традиции и единство правоприменительной практики. В современных условиях требуется гибкий подход к адаптации норм судейской этики к цифровым реалиям. Необходимо переосмыслить модель «дозволений и запретов», сместив акценты на перспективные направления интеграции судейского опыта в сферу науки и образования, что позволит повысить мотивацию судейского корпуса к научной деятельности. Четкое разграничение педагогической и научной деятельности с предпринимательской по содержанию и целям послужит решению задач укрепления авторитета судебной власти.

Литература

1. Бунина М.Ю. Ограничения в трудовой деятельности судьи, пребывающего в отставке // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2(230). С. 154–158.
2. Клеандров М.И. Правовая организация механизма правосудия Российской Федерации: проблемы совершенствования: монография / М.И. Клеандров. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 288 с.
3. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022) // Бюллетень актов по судебной системе. № 2. Февраль. 2013.
4. «Методические рекомендации по реализации квалификационными коллегиями судей норм законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции» (Приложение № 1) (утв. решением Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 26.01.2017) (ред. от 05.02.2021) // СПС «Консультант-Плюс».
5. Миронов В.И., Бобров Е.А., Тарасова Л.С. Некоторые проблемы социального обеспечения судей // Социальное и пенсионное право. 2020. № 3. С. 51–53.
6. Цалиев А.М., Качмазов О.Х. Правовые ограничения осуществления судьей преподавательской деятельности // Российская юстиция. 2009. № 8. С. 6–9.

ACADEMIC AND TEACHING ACTIVITIES AS AN ELEMENT OF THE LEGAL STATUS OF RETIRED JUDGES: LEGAL AND ETHICAL ASPECTS

Lavrishcheva O.M.
V.M. Lebedev Russian State University of Justice, St. Petersburg

This study examines the legal aspects and ethical considerations surrounding retired judges' exercise of their right to engage in academic and teaching activities. Such activities are viewed not only as a means of realising the constitutional right to work, but also as a crucial element of the system of status guarantees that ensure the independence of judges and the authority of the judiciary. The study conducts a systematic analysis of legislation, the practice of the highest courts, and acts of the judicial community that define the boundaries of permissible conduct for retired judges. The aim of the research is to identify the parameters of permissible paid activities for retired judges whilst retaining their status. The study opens up a perspective through the prism of institutional continuity within the judiciary. A ban on entrepreneurial activity and similar individual gainful employment has been identified. Attention is drawn to restrictions on funding sources and new forms of academic communication in the digital environment. The conclusion is drawn that there is a high demand for and significant value in the participation of retired judges in the educational process to ensure the continuity of legal tradition and the high quality of training for legal professionals.

Keywords: the judiciary, justice, the legal status of judges, resignation of judges, teaching activities, research activities.

References

1. Bunina, M. Yu. Restrictions on the professional activities of retired judges// Law and the State: Theory and Practice. 2024. No. 2(230). Pp. 154–158.
2. Kleandrov, M.I. The Legal Organisation of the Justice System of the Russian Federation: Problems of Improvement: Monograph / M.I. Kleandrov. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2018. – 288 p.
3. Code of Judicial Ethics (approved by the 8th All-Russian Congress of Judges on 19 December 2012) // Bulletin of Acts on the Judicial System. No. 2. February 2013.
4. 'Methodological Recommendations on the Implementation by Qualification Collegiums of Judges of the Provisions of the Legislation of the Russian Federation on Combating Corruption' (Appendix No. 1) (approved by the decision of the Higher Qualification Collegium of Judges of the Russian Federation of 26 January 2017) // 'Consultant-Plus'.
5. Mironov V.I., Bobrov E.A., Tarasova L.S. Some issues concerning social security for judges // Social and Pension Law. 2020. No. 3. Pp. 51–53.
6. Tsaliev A.M., Kachmazov O. Kh. Legal restrictions on judges' teaching activities // Russian Justice. 2009. No. 8. Pp. 6–9.

Особенности оценки рисков в целях противодействия легализации преступных доходов при обращении цифровых финансовых активов

Матей Евгений Викторович,
аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: eugenymatei@gmail.com

Статья посвящена анализу особенностей риск-оценки применительно к цифровым финансовым активам в целях организации внутреннего контроля. Автор рассматривает методологию COSO, подходы Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), Банка России и скандинавских стран применительно к содержанию оценки и управления рисками. Особое внимание уделяется роли оценки рисков как элемента системы внутреннего контроля некредитных финансовых организаций на примере операторов информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. В статье также поднимается вопрос о существующих подходах к организации системы внутреннего контроля, включая организационно-функциональный и продуктовый подходы. Автор подчеркивает проблемы сведения внутреннего контроля исключительно к оценке и управлению рисками, а также необходимость адаптации правил внутреннего контроля, основанных на оценке рисков, к новым продуктам и деятельности организации.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы (ЦФА); оценка рисков; внутренний контроль; противодействие легализации доходов; владелец риска.

Реализация системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем (ПОД/ФТ) тесно связана с организацией внутреннего контроля в этой сфере. Эта связь выражена в сочетании правовых и методологических подходов. Так, Банк России определяет внутренний контроль как деятельность направленную на достижение целей и формирует целевые ориентиры: эффективность и результативность при совершении операций и сделок, в том числе при управлении рисками; достоверность, полнота, своевременность в отчетности; защищенности в информационной сфере; соблюдение требований законодательства и локальных актов; соблюдение этических норм, обычаев и практики; исключение вовлечения некредитных финансовых организаций (НФО) в осуществление незаконной деятельности. Наряду с этим выделяется ПОД/ФТ, противодействие использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком [1].

Таким образом, внутренний контроль является сложным явлением. С одной стороны, он рассматривается как процесс контроля за деятельностью НФО при осуществлении операций, сделок, составлении отчетности и соблюдении требований нормативных актов. С другой стороны, это управленческий процесс связанный с информационным присутствием организации в медиапространстве, этикой, обычаями и обыкновениями делового оборота. Этому явлению присущи элементы финансового контроля в организации деятельности и управлению рисками.

Нормативные акты Банка России и рекомендации основаны на международно-признанных стандартах и подходах к регулированию. Основополагающим документом с точки зрения комплексной составляющей является Framework COSO 2013 или как часто его называют в профессиональной среде COSO Cube (прим. – COSO-куб ключевых принципов). Содержание этой методологии складывается из терминологии и отношений между введенной ей дефиницией: «внутренний контроль – процесс, осуществляемый под контролем совета директоров, менеджмента и других сотрудников, призванный обеспечить разумные гарантии достижения целей, связанных с операционной деятельностью, отчетностью и соблюдением нормативных требований». Куб демонстрирует три цели: operations (операционная деятельность); reporting (отчетность); compliance (комплаенс). Эти цели могут быть выражены в следующих срезах: control environment (контрольная среда); risk assessment (оценка рисков); control activities (контрольные мероприятия); information & communication (сфера информации и коммуникации); monitoring activities (мониторинговые мероприятия).

В разрезе ПОД/ФТ следует остановиться на основной стадии с точки зрения управления риском – выявление риска. COSO-методология отмечает важность следования непрерывному подходу: выявление прошлого, текущего и будущего рисков. Такой процесс способствует постоянному совершенствованию процессов по выявлению рисков в сфере ПОД/ФТ.

Ключевыми шагами для достижения этих целей являются: описание процесса выявления; определение риска с учетом стратегии и бизнес-целей, оценка среды (внешние и внутренние условия); разработка внутренней среды; рассмотрение роли третьих лиц в этих процессах; принятие во внимание информации поступающей по результатам расследований и внешних источников.

Santni Vijeyan & Mohd Mohid Rahma, анализируя и актуализируя результаты исследования Agbejule & Jokipi, Hassan [8], [6, С.500–522], делают вывод, что концепция выраженная в COSO напрямую влияет на эффективность системы ПОД/ФТ так как она основана на теории непредвиденных обстоятельств [12, С.13–25]. Таким образом, рассмотрение COSO Framework и его изучение в научной литературе позволили сделать следующие выводы: оценка рисков является самостоятельным процессом, несмотря на его включение в систему внутреннего контроля; независимый аудит, как вид контроля с внешней направленностью, так же подлежит включению в систему внутреннего контроля, однако его следует рассматривать как дополнительный процесс с целью надлежащей реализации внутреннего контроля, в том числе в целях ПОД/ФТ.

Как отмечают Lawrence J. Trautman и Joanna Kimbell, обращаясь к конкретным юрисдикционным подходам, FCPA (**F**oreign **C**orrupt **P**ractices **A**ct, Закон США о борьбе с коррупцией с экстерриториальным

действием) и U.K. Bribery Act (Закон Великобритании о борьбе с коррупцией с экстерриториальным действием) основаны на имплементации методологии COSO [11]. Важно обозначить, что ранее названная Концепция организации системы внутреннего контроля для НФО Банка России аналогично американской и британской юрисдикциями имплементировала COSO-методологию в механизм правового регулирования.

Специальная адаптация COSO Framework применительно к виртуальным активам, и соответственно цифровым финансовым активам (ЦФА), на данный момент отсутствует. В то же время, Mahatthakorn Plensamai провел исследование, позволяющее сделать следующие выводы: организациям, связанным с виртуальными активами следует в режиме реального времени анализировать транзакции и применять автоматические меры реагирования в случае отклонения от нормативных требований (прим. – учитываем это применительно к ЦФА); приоритизации рисков с учетом возможного размера инвестиций в систему внутреннего контроля: сосредоточение ресурсов на наиболее частых уязвимостях; адаптация COSO-механизма путем переосмысления внутренних контрольных точек, механизмов отчетности, и инструментов мониторинга активности (прим. – речь идет как о внедрении технологии блокчейн в деятельность, так и об адаптация к объектам, основанных на этой технологии) [10, С.1–10].

Несмотря на отсутствие практических рекомендаций по изменению правил внутреннего контроля, исследование Mahatthakorn Plensamai подтверждает необходимость обратить внимание на адаптацию правил внутреннего контроля в целях ПОД/ФТ в сфере виртуальных активов (прим. – в том числе ЦФА). Методология риск-подхода в сфере ПОД/ФТ неоднократно исследовалась в российской и зарубежной юридической науке. Среди наиболее комплексных подходов российских представителем юридической науки следует выделить М.М. Прошунина [2, С.13–20], Т.Г. Синявскую и Т.Г. Маленок [3, С.51–59].

В юридической и управленческой литературе субъектом, ответственным за принятие решений в процессе реализации ПОД/ФТ может именоваться «владельцем риска» (прим. – risk owner), то есть лицом или структурной единицей организации, которая обладает полномочиями по управлению конкретным риском, включая меры по его выявлению, оценке, контролю и минимизации возможных последствий наступления риск-события. Согласно ISO 31000:2018 Risk Management – Guidelines, владельцем риска признается лицо, которое наделено полномочиями для осуществления решений и несет ответственность за реагирование на возникающие риски. COSO Framework рассматривает назначение владельцев риска на основе их деятельности: операционный или функциональный критерий. В результате это можно выразить в качестве организационно-функционального и продуктового подходов. Их яркой чертой выступает тесная связь с владельцем риска. Владелец риска не только определяет источники рисков, их возможные изменения и вероятность наступления риск-события, но и разрабатывает процедуры по выявлению, минимизации вреда, регулярного мониторинга, адаптирует внутренние политики в случае каких-либо изменений. С точки зрения GRC подхода (прим. – governance, risk, compliance), владелец риска – связующее звено между управленческой и организационной деятельностью.

В зарубежном законодательстве существует подход, который возлагает на организации особую обязанность в сфере ПОД/ФТ – самостоятельно определять круг владельцев риска и ответственных субъектов уже на самых ранних этапах. Например, в скандинавских законодательствах наблюдается тенденция внедрения «гибких моделей» для регулирования новых рынков и продуктов [6, пп. S п. 6 ст. 2]. Так, нормы закона и рекомендации регуляторов обязывают организации финансового рынка определять и разграничивать ответственность между владельцем операционного риска и владельцем риска внедрения нового продукта (товара, работы, услуги), и владельцем риска в сфере ПОД/ФТ. Исландское законодательство не только включает в систему финансового мониторинга финансовый рынок и любые организации, которые попадают под критерии, даже если эти организации не названы в законе, но и требует адаптировать системы ПОД/ФТ под каждый новый продукт организации. В Дании, с учетом смежного подхода, особое внимание уделяется организации финансового мониторинга. Так, все процессы по ПОД/ФТ рекомендуется рассматривать в качестве бизнес-процессов, поскольку эти мероприятия связаны с совершением конкретных действий, а их документы регламентирующие должны быть ясными и понятными для сотрудников.

Концепция, в которой каждый субъект всегда следует целям правового регулирования исходя из своих внутренних убеждений и совести может существовать только теоретически, как и цель Закона 115-ФЗ, которая может быть достигнута только в рамках этого процесса – направленность на защиту путем создания механизма, но не на создание полного отсутствия легализации доходов. Таким образом, меры по ПОД/ФТ с позиции извлечения прибыли являются совершенно чуждыми для субъектов финансового мониторинга, однако их социальная и экономическая роли в обществе требуют не допускать их вовлечение в противоправную деятельность. Как отмечено ранее, риск-ориентированный подход является одним из элементов методологии по созданию эффективных условий по ПОД/ФТ. Однако, сущность финансового мониторинга не может сводиться только к риск-оценке. В то же время, финансовые организации, должны учитывать специфические риски, которые связаны с появлением новых продуктов, рынков и даже, если их основная деятельность связана исключительно с этим новым рынком, например оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (оператор ИС ЦФА). При этом внедрение обязательной риск-оценки может создавать нагрузку на организации и негативно влиять на эффективность, а проведение оценки само по себе не может гарантировать адекватного уровня мер по ПОД/ФТ. Louis de Koker & Doron Goldbarsht подчеркивают важность проблемы [10].

ФАТФ, формализируя риск-оценку, подчеркивает необходимость реализации системных подходов к внутреннему контролю, поскольку требования к организации процедур и реагированию на риски подразумевает точное следование мерам и рекомендациям регуляторов. Подмена внутреннего контроля риск-оценкой как и исключение каких-либо элементов внутреннего контроля не допускается так как не отвечает сути мер по ПОД/ФТ [7].

С учетом рекомендации 1. Assessing ML/TF Risks and Applying a Risk-Based Approach (прим. – оценка рисков и применение риск-ориентированного подхода), операторы ИС ЦФА должны проводить оценку применительно к клиентскому риску, страновому риску, риску продуктов, услуг, транзакций и каналов доставки. В свою очередь рекомендация 10. раскрывает содержание факторов связанных с высокими рисками:

– клиентский фактор риска: необычные обстоятельства установления деловых отношений, например географическая удаленность; нерезиденты; наследственные фонды и иные подобные организации созданные для управления личными активами; организации с номинальными акционерами и акциями на предъявителя; бизнес связанный со значительными обращением наличных денег;

– страновой (географический) фактор риска: страны не имеющие адекватных систем ПОД/ФТ; санкционные страны; страны со значительным уровнем коррупции или иной преступности; страны поддерживающие терроризм;

– продуктовый, сервисный, транзакционный факторы риска или фактор риска связанный с каналом доставки: private banking; анонимность; «заочные» отношения; платежи между лицами, неизвестными друг другу, или лицами, не имеющих явной цели совершать такие платежи.

Для сохранения всестороннего рассмотрения финансового мониторинга необходимо определить подходы к внутреннему контролю в целом и в сфере ПОД/ФТ. Среди действующих нормативных требований и следует выделить:

- Закон о ЦФА [5, ч. 13 ст. 5]: оператор ИС должен создать службы внутреннего контроля и управления рисками;
- Закон о ПОД/ФТ: в качестве одной из мер направленных на противодействие легализации доходов обозначает организацию и осуществление внутреннего контроля;
- Положение Банка России № 445-П: требования к правилам внутреннего контроля и организации системы внутреннего контроля в целях ПОД/ФТ;
- Для всех экономических субъектов действует обязанность по организации внутреннего контроля фактов хозяйственной жизни [4, п. 1 ст. 19].

Подводя итог, следует обобщить результаты проведенного исследования. Риск-оценка и риск-ориентированный подход в ПОД/ФТ позволяют повысить эффективность принимаемых мер, однако принятие решений, исключительно основанных на риск-оценке, не может сделать систему внутреннего контроля эффективной. Операторам ИС ЦФА необходимо следовать нормативным требованиям в части процедур внутреннего контроля в целях ПОД/ФТ, однако учитывая современность сферы ЦФА и отсутствие наработанных подходов требуется уделять особое внимание оценке рисков. Исходя из организационно-функционального и продуктового подхода, оценку и управление рисками важно рассматривать в качестве бизнес-процесса интегрированного в организацию клиентского пути, уделяя особое внимание новым продуктам организации и специфике ее деятельности.

Литература

1. Портал Банка России. Пояснительная записка от 31.10.2017. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/27671/inf_note_oct_3117.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

2. Прошунин М.М. Финансовые институты как составная часть национальной системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2009. № 4. С. 13–20. EDN LARZUB.

3. Синявская Т.Г., Маленко В.И. Подходы к классификации рисков финансовых институтов в сфере отмывания денег или финансирования терроризма // Финансовые исследования. 2012. № 3(36). EDN PUQZOJ.

4. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402ФЗ «О бухгалтерском учете // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 02.03.2026).

5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 02.03.2026).

6. Agbejule A., Jokipii A. Strategy, control activities, monitoring and effectiveness // Managerial Auditing Journal. 2009. Т. 24, № 6.

7. ATF. Guidance on the Risk Based Approach to Combating Money Laundering and Terrorist Financing. URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/High%20Level%20Principles%20and%20Procedures.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

8. Hassan N., Rahmat M.M., Mohamed Z.M. Sistem Kawalan Dalaman, Sokongan Pengurusan dan Keberkesanan Audit Dalaman Sektor Awam Di Malaysia // Asian Journal of Accounting & Governance. 2015. Т. 6.

9. Lög um aðgerðir gegn peningaþvætti og fjármögnun hryðjuverka, 2018 nr. 140, 21. December. URL: https://www.althingi.is/lagas/nuna/2018140.html (дата обращения: 02.03.2026).

10. Plensamai M. Blockchain-based Risk Management Framework for Digital Asset Exchanges: Bridging COSO ERM with Emerging Technologies // Journal of Community Development Research (Humanities and Social Sciences). 2025. Т. 18, № 2.

11. Trautman L. J., Kimbell J. Bribery and Corruption: The COSO Framework, FCPA, and U.K. Bribery Act // Florida Journal of International Law. 2018. Vol. 30, Iss. 3. Article 2. URL: https://scholarship.law.ufl.edu/fjil/vol30/iss3/2 (дата обращения: 02.03.2026).

12. Vijeyan S., Rahmat M.M. Effects of internal control towards money laundering prevention: An interrelation perspective // Asian Journal of Accounting and Governance. 2022. Т. 17..

ASSESSMENT OF RISKS IN THE CIRCULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS FOR THE PURPOSE OF ANTI-MONEY LAUNDERING

Matei E.V.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines the specific features of risk assessment in relation to digital financial assets within the framework of internal control systems. The author analyzes the COSO methodology, the approaches of the Financial Action Task Force (FATF), the Bank of Russia, and Nordic jurisdictions with respect to the content and structure of risk assessment and risk management processes. Particular attention is given to the role of risk assessment as a core element of the internal control system of non-credit financial institutions, using as an example the operators of information systems in which digital financial assets are issued. The article also addresses existing approaches to the design of internal control systems, including organizational-functional and product-based models. The author highlights the limitations of reducing internal control exclusively to risk assessment and risk management and emphasizes the need to adapt risk-based internal control rules to new products and business activities of the organization.

Keywords: digital financial assets (DFA); risk assessment; internal control; anti-money laundering; risk owner.

References

1. Bank of Russia Portal. Explanatory Note dated 31 October 2017. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/27671/inf_note_oct_3117.pdf (accessed 02 March 2026).

2. Proshunin M.M. the financial institutions as an essential part of the national system of anti-money laundering and combating terrorist financing // RUDN Journal of Law. 2009. № 4. Pp. 13–20. EDN LARZUB.

3. Sinyavskaya T. G., Malenko V.I. Approaches to the classification of risks of financial institutions in the field of money laundering or terrorist financing // Financial Research. 2012. № 3(36). Pp. 51–59. EDN PUQZOJ.

4. Federal Law № 402-FZ of 06 December 2011 «On Accounting». ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (accessed 02 March 2026).

5. Federal Law № 259-FZ of 31 July 2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (accessed 02 March 2026).

6. Agbejule A., Jokipii A. Strategy, control activities, monitoring and effectiveness // Managerial Auditing Journal. 2009. Т. 24, № 6. С. 500–522.

7. ATF. Guidance on the Risk Based Approach to Combating Money Laundering and Terrorist Financing. С. 2–3. URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/High%20Level%20Principles%20and%20Procedures.pdf (accessed 02 March 2026).

8. Hassan N., Rahmat M.M., Mohamed Z.M. Sistem Kawalan Dalaman, Sokongan Pengurusan dan Keberkesanan Audit Dalaman Sektor Awam Di Malaysia // Asian Journal of Accounting & Governance. 2015. Т. 6.

9. Lög um aðgerðir gegn peningaþvætti og fjármögnun hryðjuverka, 2018 nr. 140, 21. December. URL: https://www.althingi.is/lagas/nuna/2018140.html (accessed 02 March 2026).

10. Plensamai M. Blockchain-based Risk Management Framework for Digital Asset Exchanges: Bridging COSO ERM with Emerging Technologies // Journal of Community Development Research (Humanities and Social Sciences). 2025. Т. 18, № 2. С. 1–10.

11. Trautman L. J., Kimbell J. Bribery and Corruption: The COSO Framework, FCPA, and U.K. Bribery Act // Florida Journal of International Law. 2018. Vol. 30, Iss. 3. Article 2. URL: https://scholarship.law.ufl.edu/fjil/vol30/iss3/2 (accessed 02 March 2026).

12. Vijeyan S., Rahmat M.M. Effects of internal control towards money laundering prevention: An interrelation perspective // Asian Journal of Accounting and Governance. 2022. Т. 17. С. 13–25.

Специфика отечественной модели группового иска, регламентированной нормами ГПК РФ

Мозговой Арсений Сергеевич,
магистр Высшей школы бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: asmozgovoi@edu.hse.ru

Групповой иск знаком отечественному правоведению ещё с советских времён, однако в современном гражданском процессе идея урегулирования такого иска нашла воплощение лишь сравнительно недавно, в связи с чем является достаточно слабо разработанной и в науке, и в нормах закона. Некоторые попытки способствовать разрешению проблемы принимаются в настоящей статье. Автором анализируется понятие группового иска, в том числе проблема использования терминов «групповой иск» и «коллективный иск», выделяются признаки, которые такого рода иск отличают от всех прочих. Даётся характеристика двух теоретических моделей группового иска, а именно императивной и диспозитивной, при этом усматривается некоторое совмещение обеих указанных моделей в рамках ГПК РФ, что расценивается в качестве одной из главных особенностей отечественной модели группового иска. Проблематика групповых исков иллюстрируется некоторыми примерами из судебной практики. Также акцентируется внимание на фактическом отсутствии специального регулирования вопроса заключения мирового соглашения в рамках рассмотрения группового иска. Даётся характеристика существующих в доктрине подходов к разрешению вопроса о мировом соглашении в групповом судебном разбирательстве и предлагается внесение соответствующих изменений в ГПК РФ с учетом особенностей российской модели группового иска.

Ключевые слова: ГПК РФ, гражданское судопроизводство, групповой иск, коллективные интересы, коллективный иск.

Введение

Групповой иск выступает немаловажной составляющей процессуальных инструментов, обеспечивающих судебную защиту нарушенных гражданских прав. Практика обращения с групповыми исками в отечественном праве, как и в зарубежном, является весьма развитой [7, с. 27], хотя и не столь популярной, в отличие от практики заявления индивидуальных исков.

Многие вопросы, затрагивающие такую категорию исков, оставляют широкое поле для научных дискуссий, в том числе и потому, что получивший широкое употребление в научном дискурсе термин «групповой иск», не упоминается в нормах законодательства. Из этого формируется терминологическая проблема. Помимо того, имеются и проблемы, которые касаются совершенствования норм процессуального законодательства в части обеспечения реализации права на групповой иск.

Целью данной статьи выступает выявление специфики отечественной модели группового иска, урегулированной нормами Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [2].

Основная часть

Сам институт группового иска был введен в современное отечественное гражданское судопроизводство в 2019 г. в рамках главы 22.3 ГПК РФ, положения которой будут в центре внимания в ходе данного исследования.

Введение института групповых исков следует исключительно положительно оценить в контексте развития инструментов правовой защиты конституционных интересов граждан, ведь ст. 33 Конституции РФ [1] упоминает в том числе и право на коллективные обращения в государственные органы. Хотя стоит заметить, что феномен группового иска был известен, например, и советскому праву [10, с. 120].

Прежде чем приступить к анализу соответствующих норм, следует затронуть терминологический аспект с учетом отсутствия легального определения указанного термина. Определенные представления о групповом иске, причем весьма четкие, в отечественной юридической науке сформированы. Исходя из них, такой иск характеризуется следующими отличиями:

– выступает письменным обращением граждан либо организаций, которые имеют общие права и обязанности, либо права и обязанности, которые носят однородный характер и составляют предмет спора;
– в основе такого иска лежит общий юридический факт либо требование;
– касается общих процессуальных требований;
– имеет целью защиту интересов всех участников при условии неизвестности их персонального состава именно на момент возбуждения дела [12, с. 74].

Конечно, представленный перечень не является исчерпывающим. Более того, нельзя не признать, что в отдельных случаях могут иметь место и некоторые весьма специфические особенности, которые присущи именно групповым искам. В частности, личное участие в рассмотрении дела именно со стороны каждого участника может быть необязательным. Также интересы членов группы может представлять заявитель, действующий от имени группы без доверенности [12, с. 74]. Конечно, применительно к отдельным случаям нормы действующего законодательства могут предусматривать и иные особенности. Однако в контексте теоретического анализа термина «групповой иск» эти нюансы особого интереса не представляют.

Примечательно, что отдельные авторы из указанных признаков компонуют определения термина «групповой иск». Так делает, например, А.Ю. Александров [5, с. 74–75]. В результате получается весьма развёрнутый вариант определения.

Нельзя не отметить отсутствие единства и в использовании терминологии. Так, в одних случаях имеет место упоминание понятия «групповой иск», в других работах используется термин «коллективный иск». В то же время есть авторы, которые подчёркивают невозможность предельно точного разграничения таких понятий и некоторую их идентичность, предлагает их объединять. Например, в работе А.В. Афтаховой проблема терминологии анализируется предельно детально и обосновывается идея использования термина «групповой (коллективный) иск» [6, с. 15]. Думается, такой вариант формулировки термина отражает не только позицию конкретного автора в вопросе,

касающемся группового иска, но и подчёркивает фактическую неоднозначность группового и (или) коллективного характера иска. В этом случае видится и достижение определённого консенсуса с авторами, отдающими предпочтение разным терминологическим конструкциям для обозначения рассматриваемого феномена.

В части определения сущности группового иска имеют место и дискуссии относительно использования широкого и узкого подходов. В этой связи С.А. Митрачков, например, широкий подход характеризует как появившийся ранее узкого и отличающийся пониманием группового иска как комплекса процессуальных средств защиты большого числа лиц. Что же касается узкого подхода, то указанный автор связывает его с опорой на нормы действующего гражданского процессуального законодательства, когда минимальное число лиц определяется именно нормой закона. Причём указанным автором обращается внимание на тенденцию последних лет опираться именно на узкий подход [10, с. 123].

В контексте изложенного можно признать, что такое разграничение взглядов на феномен группового иска вполне обоснованно. И очевидно, что широкий подход в этом случае отражает скорее научные взгляды, представленные в доктринальных источниках и предполагает определенную свободу мнений; узкий же подход характеризует позицию законодателя, закреплённую в конкретных правовых нормах.

В данном случае уместно ещё раз вернуться к работе А.В. Афтаховой, которая смотрит несколько иначе на разделение узкого и широкого подходов применительно к рассматриваемому иску. Так, исходя из широкого подхода, групповой иск, по ее мнению, надлежит понимать именно как процессуальный институт. Что же касается узкого подхода, то он связывается с пониманием группового иска как процессуального документа, подаваемого в орган правосудия [6, с. 16–17]. Таким образом, и в вопросе разделения подходов к пониманию группового иска тоже нет единства. Конечно, изложенные обстоятельства создают определённые трудности в раскрытии рассматриваемого феномена.

В контексте изложенного стоит обратиться и к конкретным нормам ГПК РФ, регламентирующим вопросы группового иска. Основные характеристики такого иска представлены в ст. 244.20 ГПК РФ и отражают, прежде всего:

– общность ответчика;
– общность прав истцов;
– общность способа защиты;
– схожесть обстоятельств.

Отсутствие хотя бы одного из перечисленных условий, исходя из буквального смысла положений указанной статьи, исключает возможность подачи группового иска.

Особо важным условием для признания иска групповым, с точки зрения законодателя, является соответствие группы количественному критерию. Согласно ч. 5 ст. 244.20 ГПК РФ, дело о защите прав и интересов именно группы может быть рассмотрено лишь при присоединении к ней не менее 20 субъектов. Процессуально присоединение оформляется посредством подачи лицу, которое от имени группы выступает, соответствующего заявления; либо заявление может быть подано непосредственно в суд. При этом присоединение допустимо до перехода судебного процесса к стадии прений.

Изложенные положения отражают принципиальные отличия именно узкого нормативного подхода к пониманию группового иска от подхода, который декларируется в доктринальной литературе: если одно из ключевых условий узкого нормативного подхода предполагает ориентацию на признание иска групповым при определенном численном составе группы (в данном случае минимальная численность определена вполне конкретно), то широкий подход, декларируемый в научной литературе, отличается отсутствием указания на конкретные количественные характеристики группы.

Здесь особое внимание стоит обратить на ч. 3 ст. 244.20 ГПК РФ, согласно которой, подать иск именно в защиту группы субъектов имеют право гражданин и юридическое лицо, если являются членами соответствующей группы. Именно принадлежность истца к группе субъектов, объединённых по определённым признакам, отличает рассматриваемый иск.

Одновременно с этим, ч. 4 ст. 244.20 ГПК РФ не исключает возможности подачи иска в интересах группы субъектом, не являющимся ее членом. То есть истцом может быть:

– орган;
– организация;
– гражданин.

Такая практика тоже получила достаточное распространение, и законодателем, исходя из смысла анализируемой статьи, иск органа, организации или гражданина, не являющихся членами группы, де-юре приравнивается к иску члена группы. Однако де-факто в указанном подходе видится объединение двух различных по своей природе исков, а именно группового иска и иска индивидуального, если можно так выразиться, но подаваемого в защиту интересов группы. Указанная особенность весьма ярко характеризует современную отечественную модель группового иска именно в её нормативном ключе, получившем поддержку законодателя.

Заслуживает внимания проблема отграничения рассматриваемого иска от иска, который подаётся в защиту неопределённого круга лиц. Если в рамках группового иска истцом выступает сам представитель группы, чьи права и интересы непосредственно затронуты ответчиком, то в последнем случае истец к числу субъектов, чьи права ущемлены, не относится. Помимо того, в случае группового иска имеется возможность для присоединения к соответствующей группе истцов. Что же касается иска в интересах неопределённой группы лиц, то говорить о возможности присоединения или выхода из соответствующей группы не приходится [5, с. 76–77].

Думается, что при более тщательном анализе возможно выделить и иные различия. Тем не менее, действующее российское законодательство не в полной мере разграничивает выделенные категории исков.

Рассмотрев специфику отечественного законодательства о групповом иске в гражданском процессе, уместно перейти к обзору основных моделей такого иска, которые в доктрине принято выделять. В основе разграничения моделей лежит принцип вовлечения субъектов в группу истцов. В рамках модели «opt-out», именуемой также императивной, предполагается включение субъектов в круг истцов без какого либо учета их желания, но имеется право выхода. Противоположной ей является диспозитивная модель – «opt-in», которая предполагает именно право субъекта войти в круг участников группы истцов. Соответственно, ключевое различие указанных моделей базируется и на критерии деления исковых требований: если в рамках диспозитивной модели требования могут быть разделены, то императивная модель соответствующего деления требований не предполагает [8, с. 10].

Если говорить именно об отечественной модели, то её, на первый взгляд, можно было бы отождествить с диспозитивной моделью. Однако, нельзя не учесть, что в статьях ГПК РФ о групповом иске предусматривается, в том числе, и право подачи иска субъектом, который членом группы истцов, пострадавшим от нарушения прав, не является. Поэтому совершенно оправданно в литературе подчёркивается некоторое промежуточное положение современной российской модели группового иска между императивной и диспозитивной, поскольку, с одной стороны, дело может быть возбуждено, если имеется не менее чем 20 соистцов; но в отдельных случаях законная сила решения суда по такому иску может быть распространена и на лиц, которые к нему не присоединились [11, с. 119].

Примечательно, что во многих актах судебной практики термин «групповой иск» упоминается, как и «групповое судопроизводство». При этом в ряде актов особо подчеркивается правовое значение такого рода исков и соответствующего производства. Они призваны обеспечить соблюдение именно коллективных, общественных интересов, что представляется принципиально важным [4].

Одновременно с этим, законодательство допускает и заявление исков с тем же предметом и к тому же ответчику в индивидуальном порядке, если он по тем или иным причинам не мог обратиться совместно с коллективом. Такой подход законодателя позволяет обеспечить защиту как коллективных, так и индивидуальных интересов без какого-либо ущерба. Вместе с тем, в правоприменительной практике нередко имеют место нарушения, когда нормы действующего законодательства судами соблюдаются не в полной мере.

Здесь заметим, что групповые иски приобретают особую значимость в тех случаях, когда имеет место нарушение прав и законных интересов широкой группы лиц одним субъектом. Например, в связи с осуществлением деятельности по строительству многоквартирного дома могут быть нарушены права дольщиков или членов кооператива. Наглядным примером в этой связи выступает дело, рассмотренное Четвертым кассационным судом общей юрисдикции в апреле 2024 г. В рамках данного дела гражданин подал иск к жилищно-строительному кооперативу «Ж», но суды первой и апелляционной инстанций встали на сторону ответчика. Примечательно в этом деле то обстоятельство, что к указанному ответчику уже был заявлен иск группой граждан, и по нему вынесен соответствующий судебный акт в пользу истцов. Тем не менее, суды в удовлетворении иска гражданину отказали, сочтя способ защиты, выбранный им, ненадлежащим. Далее, при пересмотре дела в рамках кассационного обжалования отказ в удовлетворении иска был признан неправомерным: кассационный суд подчеркнул, что в силу ст. 244.25 ГПК РФ, истцу должны были

предложить присоединиться к иску группы лиц, однако такого предложения он не получил. В итоге дело было направлено в суд первой инстанции для нового рассмотрения [3].

Особым аспектом, характеризующим современную отечественную модель группового иска в рамках гражданского процесса, является порядок заключения мировых соглашений. Проблема в том, что в настоящее время законодатель должного внимания данному аспекту не уделил. На основе же норм ГПК РФ можно сделать лишь приблизительные выводы о том, в каком порядке и при каких условиях такое мировое соглашение может быть достигнуто. Так, ст. 39 ГПК РФ исключает право суда утвердить мировое соглашение, если оно, в частности, нарушает права и законные интересы других лиц. Ст. 153.8 ГПК РФ содержит аналогичное положение, не допускающее нарушение мировым соглашением прав и охраняемых законом интересов других лиц. Одновременно с этим ст. 244.22 ГПК РФ в целом предоставляет все процессуальные права истца тому субъекту, который является членом группы истцов и её представляет в суде.

На основе сказанного можно было бы полагать, что представляющий группу истцов субъект имеет право инициировать мировое соглашение или же принять его условия в случае поступления соответствующего предложения от ответчика. Однако в таких условиях, как думается, суд должен учитывать, что представитель выступает и в интересах прочих участников группового иска, а значит, есть необходимость убедиться в наличии их согласия на мировое соглашение. Мнение о недопустимости пренебрежения интересами всех членов группы выражается и в литературе. При этом подчёркивается несколько возможных подходов к решению вопроса. В рамках одного подхода высказывается идея о необходимости получения согласия всех без исключения участников группы; в рамках другого подхода говорится об одобрении лишь большинством членов группы. Хотя в последнем случае возникает очевидное условие для нарушения прав и законных интересов иных членов группы. В этой связи становится особо очевидной и острой проблема нахождения некоторого баланса интересов. Одновременно с тем высказывается и идея, являющаяся, на наш взгляд, наиболее здравой, заключающаяся в совмещении обоих подходов, когда соистцы, поддержавшие мировое соглашение большинством голосов, могут считаться завершившими спор, меньшинство же, не согласившееся с заключением мирового соглашения, участие в споре продолжает [9, с. 77–80]. Конечно, такую идею было бы разумно реализовать в рамках ГПК РФ, дополнив, соответственно, новыми положениями главу 22.3.

Заключение

Современная отечественная модель группового иска в рамках гражданского процесса, таким образом, отличается некоторой уникальностью, совмещая в себе как императивный, так и диспозитивный подход. Причём она является относительно новой, если говорить именно о современном этапе развития права. Во многом регулирование данной модели остаётся недостаточным, в связи с чем имеется необходимость уточнения такого немаловажного нюанса, как заключение мирового соглашения при рассмотрении группового иска. Полагаем, что законодатель должен дополнить главу 22.3 положениями о возможности заключения мирового соглашения.

Для этой цели предлагается дополнить ч. 1 ст. 244.2 ГПК РФ абзацем 4 следующего содержания: «Лицо, которое ведёт дело в интересах группы лиц, вправе заключить мировое соглашение при наличии согласия большинства лиц, присоединившихся к требованию. Лица, не давшие согласия на заключение мирового соглашения, продолжают участие в деле.»

В случае реализации такой идеи, безусловно, потребуется уточнение и некоторых других аспектов рассмотрения группового иска и утверждения мирового соглашения. Но в любом случае такая идея видится наиболее разумной и справедливой, учитывающей интересы всех участников гражданского спора.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.04.2024 по делу № 8Г-7171/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: https://sudrf.cntd.ru/document/1306360116

4. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.12.2024 по делу № 8Г-22999/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: https://sudrf.cntd.ru/document/1310719291

5. Александров А.Ю., Дармограй А.Э. Соотношение группового производства с исками в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц // Материалы Афанасьевских чтений. 2023. № 3(46). С. 74–78.

6. Афтахова А.В. Группа лиц как единый субъект процесса и процессуальный статус каждого члена группы: монография. Тверь, 2023. 133 с.

7. Гайдукова В.А. Групповые иски в отечественной практике // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 26–39.

8. Домшенко В.Г. Защита ответчика против группового иска: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2023. 273 с.

9. Кулакова Е.А. Заключение мирового соглашения по групповым искам в гражданском процессе: в поисках баланса интересов // Российское право онлайн. 2022. № 1. С. 76–84.

10. Митрачков С.А. Подходы к понятию группового иска в российском правовом дискурсе // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 120–125.

11. Трезубов Е.С., Звягина Н.С. Проблемы достижения правовой эффективности при рассмотрении групповых исков // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 1. С. 113–123.

12. Фонарева Д.В. Групповые иски – проблемы правового регулирования // Альманах молодого исследователя. 2023. № 14. С. 73–75.

THE SPECIFICS OF THE DOMESTIC MODEL OF A CLASS ACTION, REGULATED BY THE NORMS OF THE CIVIL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Mozgovoi Arsenii Sergeevich
HSE University

A class action has been familiar to Russian jurisprudence since Soviet times, however, in modern civil procedure, the idea of settling such a claim has been implemented only relatively recently, and therefore it is rather poorly developed both in science and in the norms of the law. Some attempts to help resolve the problem are made in this article. The author analyzes the concept of a class action, including the problem of using the terms «class action» and «class action», highlights the features that distinguish this type of claim from all others. Two theoretical models of a class action, namely imperative and dispositive, are characterized, while some combination of both of these models is seen within the framework of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, which is regarded as one of the main features of the domestic model of a class action. The problems of class actions are illustrated by some examples from judicial practice. Attention is also focused on the actual absence of special regulation of the issue of concluding a settlement agreement in the framework of the consideration of a class action. The article describes the approaches existing in the doctrine to resolving the issue of a settlement agreement in a group trial and suggests making appropriate changes to the Civil Procedure Code of the Russian Federation, taking into account the specifics of the Russian model of a class action.

Keywords: Civil Procedure Code of the Russian Federation, civil proceedings, class action, collective interests, class action.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.

2. Grazhdanskij processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 15.12.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 46. St. 4532.

3. Opredelenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 02.04.2024 po delu № 8G-7171/2024 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: https://sudrf.cntd.ru/document/1306360116

4. Opredelenie Shestogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 17.12.2024 po delu № 8G-22999/2024 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: https://sudrf.cntd.ru/document/1310719291

5. Aleksandrov A.Yu., Darmograj A.E`. Sootnoshenie gruppovogo proizvodstva s iskami v zashhitu prav i zakonny`x interesov neopredelennogo kruga licz // Materialy` Afanas`evskix chtenij. 2023. № 3(46). S. 74–78.

6. Aftaxova A.V. Gruppa licz kak ediny`j sub``ekt processa i processual`ny`j status kazhdogo chlena gruppy`: monografiya. Tver`, 2023. 133 s.

7. Gajdukova V.A. Gruppovy`e iski v otechestvennoj praktike // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2022. № 21. S. 26–39.

8. Domshenko V.G. Zashhita otvetchika protiv gruppovogo iska: dissertaciya na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk. Ekaterinburg, 2023. 273 s.

9. Kulakova E.A. Zaklyuchenie mirovogo soglasheniya po gruppovy`m iskam v grazhdanskom processe: v poiskax balansa interesov // Rossijskoe pravo onlajn. 2022. № 1. S. 76–84.

10. Mitrachkov S.A. Podxody` k ponyatiyu gruppovogo iska v rossijskom pravovom diskurse // Yuridicheskaya nauka. 2024. № 1. S. 120–125.

11. Trezubov E.S., Zvyagina N.S. Problemy` dostizheniya pravovoj e`ffektivnosti pri rassmotrenii gruppovy`x iskov // Pravoprimenenie. 2023. T. 7, № 1. S. 113–123.

12. Fonareva D.V. Gruppovy`e iski – problemy` pravovogo regulirovaniya // Al`manax molodogo issledovatelya. 2023. № 14. S. 73–75.

Публично-правовой механизм регулирования деятельности некоммерческих организаций в современной России

Налбандян Альберт,
аспирант кафедры государственно-правовых теоретических дисциплин Международный инновационный университет
E-mail: albertnalbandyan@yandex.ru

В статье исследуется публично-правовой механизм регулирования деятельности некоммерческих организаций в современной России. Актуальность темы определяется ростом значения некоммерческого сектора в структуре гражданского общества, расширением участия НКО в решении общественно значимых задач и одновременным усилением публично-правового воздействия со стороны государства. Цель исследования состоит в выявлении структуры, содержания и особенностей функционирования публично-правового механизма регулирования деятельности НКО, а также в определении основных проблем и направлений его совершенствования. Методологическую основу составили системный, сравнительно-правовой и институциональный методы. Установлено, что данный механизм включает нормативный, институциональный и процедурный элементы, обеспечивающие как контроль за деятельностью НКО, так и формы их государственной поддержки. Выявлено, что действующая модель характеризуется преобладанием контрольных средств над стимулирующими, что ведет к формализации взаимодействия государства и некоммерческого сектора. Обоснована необходимость совершенствования механизма путем снижения избыточной административной нагрузки, повышения правовой определенности и расширения форм партнерского взаимодействия государства и НКО.

Ключевые слова: некоммерческие организации, публично-правовой механизм, гражданское общество, правовое регулирование, государственный контроль, государственная поддержка, публичное управление.

Введение

Развитие гражданского общества в современной России невозможно анализировать вне деятельности некоммерческих организаций, которые выступают устойчивой формой общественной самоорганизации и важным участником решения общественно значимых задач. Вместе с тем именно в отношении НКО особенно отчетливо проявляется противоречие между интересом государства к законности, прозрачности и управляемости соответствующей сферы и интересом общества к сохранению автономии некоммерческого сектора. По этой причине регулирование деятельности НКО представляет собой не нейтральный набор юридических процедур, а особую форму публично-правового воздействия, в которой сочетаются контроль, координация и поддержка.

Исследование публично-правового механизма регулирования деятельности НКО имеет как теоретическое, так и прикладное значение. Оно позволяет установить, каким образом государство выстраивает правовые и организационные рамки функционирования некоммерческого сектора, какие инструменты использует для контроля и поддержки, а также в какой степени действующая модель способствует развитию гражданского общества либо, напротив, институционально ограничивает его потенциал. Центральным вопросом при этом выступает соотношение контрольных и стимулирующих средств в структуре соответствующего механизма.

Актуальность исследования определяется тем, что некоммерческий сектор в России продолжает выполнять значимые социальные функции, особенно в тех сферах, где государство нуждается в институциональных партнерах. Одновременно расширение участия НКО в публично значимой деятельности сопровождается усилением требований отчетности, контроля и правовой определенности. В правоприменительной практике это приводит к напряжению между задачей обеспечения прозрачности деятельности организаций и необходимостью сохранять пространство для их самостоятельной общественной инициативы.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере публично-правового регулирования деятельности некоммерческих организаций. Предметом исследования являются правовые, организационные и практические аспекты функционирования публично-правового механизма регулирования НКО в современной России.

Цель исследования заключается в выявлении структуры и особенностей публично-правового механизма регулирования деятельности некоммерческих организаций, а также в формулировании предложений по его совершенствованию.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить место НКО в системе гражданского общества; проанализировать нормативную основу регулирования их деятельности; выявить контрольные и стимулирующие элементы публично-правового механизма; определить основные проблемы его практической реализации; предложить направления совершенствования действующей модели.

Научная новизна исследования заключается в том, что публично-правовой механизм регулирования деятельности некоммерческих организаций рассматривается как целостная разновидность механизма публичного управления, включающая контрольные, разрешительные, координационные и поддерживающие элементы. Обосновано, что эффективность данного механизма зависит не только от качества нормативного регулирования, но и от соразмерности административного воздействия, степени институционального доверия и наличия устойчивых форм государственно-общественного партнерства. Выявлено, что современная российская модель регулирования НКО характеризуется структурным преобладанием контрольного блока, что ограничивает потенциал развития некоммерческого сектора как институциональной основы гражданского общества.

Литературный обзор

Проблема правового регулирования деятельности некоммерческих организаций в отечественной науке рассматривается на стыке теории государства и права, административного права, конституционного права и исследований гражданского общества. В большинстве работ

НКО анализируются либо как форма общественной самоорганизации, либо как объект государственного регулирования. Значительно реже они исследуются именно через призму публично-правового механизма, позволяющего объединить нормативный, институциональный и процедурный аспекты в единую аналитическую конструкцию.

В исследованиях, посвященных гражданскому обществу, некоммерческие организации традиционно рассматриваются как важнейший элемент институциональной структуры общественной самоорганизации. Подчеркивается, что именно через НКО общество получает возможность артикулировать коллективные интересы, участвовать в решении социальных проблем и выступать посредником между частной инициативой и публичной властью. Такой подход позволяет рассматривать некоммерческий сектор как сферу общественной автономии, требующую не только правового регулирования, но и институциональной защиты.

Вместе с тем в исследованиях, посвященных публичному управлению, НКО нередко рассматриваются прежде всего как объекты правового контроля. В центре внимания здесь находятся государственная регистрация, отчетность, соблюдение ограничений, надзорная деятельность уполномоченных органов и обеспечение прозрачности источников финансирования. В результате регулирование анализируется преимущественно через контрольную функцию государства, тогда как координационные и стимулирующие элементы публично-правового воздействия оказываются на втором плане.

Существенное значение для настоящего исследования имеют работы, посвященные общим закономерностям действия правового механизма, юридического воздействия и институциональным формам реализации правовых предписаний. Они позволяют рассматривать регулирование деятельности НКО не как набор разрозненных норм, а как систему взаимосвязанных средств публичного воздействия, объединенных общей целью обеспечения законности, прозрачности и институциональной устойчивости некоммерческого сектора.

Исследования, посвященные цифровизации публичного управления, также имеют методологическое значение для анализа современной модели регулирования НКО. Развитие электронных реестров, цифровой отчетности, онлайн-взаимодействия с государственными органами и цифровых сервисов поддержки показывает, что регулирование деятельности некоммерческого сектора постепенно приобретает новые организационные формы. Однако цифровизация не устраняет автоматически противоречия между контролем и автономией НКО, а в ряде случаев усиливает их, переводя административную нагрузку в электронную форму.

Анализ научной литературы показывает, что существующие исследования сосредоточены либо на правовом статусе НКО, либо на проблемах гражданского общества в целом, либо на отдельных аспектах надзорной практики. Между тем вопрос о структуре и внутренней логике публично-правового механизма регулирования деятельности НКО как целостной системы остается разработан недостаточно. Именно этот исследовательский дефицит и определяет научную направленность настоящей статьи.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, системный и институциональный методы. Их использование было подчинено задаче выявления не только формальной структуры регулирования деятельности НКО, но и его фактической функциональной направленности. Такой подход позволил рассмотреть соответствующее регулирование как целостный публично-правовой механизм, включающий нормы права, институты публичной власти, процедуры контроля и формы поддержки.

Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления различных подходов к регулированию деятельности некоммерческих организаций, а также для выявления особенностей российской модели по сравнению с более координационными и партнерскими подходами, характерными для ряда зарубежных правопорядков. Применение данного метода позволило установить, что различия заключаются не только в объеме правовых ограничений, но и в общей логике публичного воздействия на некоммерческий сектор.

Системный метод позволил рассмотреть регулирование деятельности НКО как целостный механизм, включающий правовые нормы, органы публичной власти, процедуры регистрации и отчетности, формы контроля, инструменты поддержки и каналы организационного взаимодействия. Это дало возможность выявить внутреннюю структуру механизма и проследить взаимосвязь его отдельных элементов.

Институциональный подход использовался для анализа роли государственных органов, некоммерческих организаций, органов юстиции, контрольно-надзорных структур и цифровых сервисов в реальном функционировании механизма. В рамках данного подхода внимание сосредоточено не только на формальном содержании законодательства, но и на фактической организации отношений между государством и некоммерческим сектором.

Эмпирическую базу исследования составили нормы действующего законодательства Российской Федерации, прежде всего Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», положения смежных нормативных актов, регулирующих государственную регистрацию, отчетность, формы поддержки и контроль в отношении НКО, а также научные источники и аналитические материалы по вопросам гражданского общества и публичного управления.

Результаты исследования

Понятие и место НКО в структуре гражданского общества

Некоммерческие организации занимают особое место в структуре гражданского общества, поскольку сочетают признаки общественной самоорганизации, институциональной устойчивости и функциональной направленности на достижение общественно полезных целей. В отличие от неформальных объединений и разовых гражданских инициатив НКО обладают юридически оформленным статусом, организационной структурой и возможностью систематического участия в социально значимой деятельности. Именно это делает их одним из основных каналов институционального взаимодействия общества с государством.

С правовой точки зрения НКО выступают субъектами, не ориентированными на извлечение прибыли в качестве основной цели, но способными выполнять значимые публичные функции. В социальном плане они нередко компенсируют дефицит прямого государственного присутствия в отдельных сферах, участвуют в оказании социальных услуг, защите прав граждан, развитии культуры, образования и благотворительности.

Именно данное положение объясняет, почему деятельность НКО становится предметом активного публично-правового регулирования. Государство заинтересовано в том, чтобы соответствующая деятельность была правомерной, прозрачной и институционально предсказуемой. Общество, в свою очередь, заинтересовано в сохранении автономии некоммерческого сектора, минимизации чрезмерного вмешательства и наличии устойчивых гарантий самостоятельной общественной активности. Уже на этом уровне обнаруживается базовое противоречие, лежащее в основе всего публично-правового механизма регулирования НКО.

Нормативные основы публично-правового регулирования деятельности НКО

Нормативной основой публично-правового регулирования деятельности некоммерческих организаций в России выступает прежде всего Федеральный закон № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Его значение состоит в том, что он определяет правовой статус НКО, закрепляет порядок их создания, деятельности, реорганизации и ликвидации, а также формирует рамки их взаимодействия с государством. Именно данный закон образует центральный элемент нормативного блока исследуемого механизма.

С точки зрения структуры публично-правового регулирования Федеральный закон № 7-ФЗ выполняет одновременно несколько функций. Во-первых, он формирует юридическую основу существования некоммерческого сектора. Во-вторых, реализует контрольную функцию, устанавливая требования к отчетности, прозрачности деятельности и соблюдению законодательных ограничений. В-третьих, содержит элементы поддерживающей функции, поскольку допускает формы государственной помощи, участие НКО в реализации общественно полезных программ и взаимодействие с публичной властью.

Анализ правового материала показывает, что, несмотря на наличие в законодательстве положений, ориентированных на поддержку некоммерческого сектора, именно контрольный аспект публичного регулирования оказывается более развитым как в нормативном, так и в организационном отношении. Это проявляется в детализированной системе отчетности, расширении надзорных процедур и повышенном внимании к соблюдению формальных требований. Следовательно, нормативная база формирует двойственный режим: она одновременно допускает и юридически оформляет деятельность НКО, но при этом институционально ориентирует механизм регулирования на приоритет надзорных задач.

Именно эта двойственность составляет важную особенность российской модели публично-правового регулирования некоммерческого сектора. Законодательство создает пространство для общественной активности, но одновременно выстраивает его в рамках жестко контролируемой и процедурно насыщенной модели взаимодействия.

Контрольные и стимулирующие элементы публично-правового механизма

Публично-правовой механизм регулирования деятельности НКО включает как контрольные, так и стимулирующие элементы, соотношение которых во многом определяет характер взаимодействия государства и некоммерческого сектора.

К контрольным элементам относятся государственная регистрация, учет, обязательная отчетность, проверки, ограничения по отдельным видам деятельности и иные формы административного наблюдения за соблюдением законодательства. Эти средства направлены на обеспечение прозрачности деятельности НКО, предупреждение нарушений и контроль за правомерностью использования ресурсов.

К стимулирующим элементам относятся различные формы государственной поддержки: предоставление субсидий и грантов, участие НКО в социальных программах, заключение соглашений о взаимодействии, включение в механизмы социального заказа, консультативная и организационная помощь. Эти инструменты ориентированы не на ограничение, а на развитие некоммерческого сектора как партнера государства в решении общественно значимых задач.

Проблема состоит в том, что на практике контрольные элементы обладают значительно большей юридической определенностью и организационной обеспеченностью, чем стимулирующие. Государство выстроило более развернутую систему надзора за НКО, чем систему устойчивого партнерского сопровождения их деятельности. Это формирует институциональный дисбаланс: некоммерческий сектор включается в публичное управление преимущественно как объект проверки, а не как субъект совместного решения публичных задач.

Такой дисбаланс имеет и правовые последствия. Он влияет на характер статуса НКО, смещая акцент с их общественно полезной и посреднической функции на обязанность постоянного соблюдения формальных требований. Следовательно, соотношение контрольных и стимулирующих элементов выступает одним из ключевых индикаторов качества публично-правового механизма в рассматриваемой сфере.

Проблемы правоприменения

К числу основных проблем правоприменения в сфере регулирования деятельности НКО относятся избыточная административная нагрузка, формализация отчетности, недостаточная правовая определенность отдельных оценочных категорий и отсутствие устойчивого институционального баланса между контролем и поддержкой.

Избыточная административная нагрузка проявляется в том, что значительная часть организационных ресурсов некоммерческих организаций расходуется на выполнение процедурных требований. В результате снижается потенциал их основной общественно полезной деятельности. Формализация отчетности приводит к тому, что публичный контроль начинает оценивать не столько фактический общественный результат, сколько полноту и корректность выполнения бюрократических процедур.

Отдельной проблемой выступает правовая неопределенность некоторых категорий, используемых в правоприменении, поскольку именно она создает риск расширительного толкования и избыточного вмешательства в деятельность НКО. В подобных условиях некоммерческий сектор оказывается в ситуации повышенной институциональной уязвимости, а публично-правовой механизм утрачивает качества предсказуемого и справедливого регулятора.

Показательным примером практического действия контрольного блока выступает порядок государственной регистрации и возможного отказа в регистрации некоммерческой организации. Уже на стадии создания НКО заявитель включается в режим формализованного взаимодействия с государством через требования к комплекту документов, содержанию сведений в реестре и соблюдению установленных процедур. Это показывает, что правовая логика соответствующей сферы изначально ориентирована прежде всего на проверку соблюдения формальных требований, а не на содействие институционализации общественно полезной инициативы. Тем самым даже при отсутствии противоправной цели организационные и процедурные барьеры могут выступать фактором, затрудняющим развитие гражданской активности.

Перспективы совершенствования

Совершенствование публично-правового механизма регулирования деятельности НКО должно быть направлено не на ослабление требований законности или устранение публичного контроля как такового, а на достижение соразмерности и структурного баланса между контрольными и поддерживающими мерами.

Необходимо снижение избыточной административной нагрузки за счет упрощения процедур отчетности и дифференциации требований в зависимости от характера и масштаба деятельности организации. Важным направлением выступает повышение правовой определенности тех норм, которые допускают широкое административное усмотрение. Не менее значимо развитие устойчивых форм институционального партнерства государства и НКО, в рамках которых некоммерческий сектор рассматривается не только как объект надзора, но и как участник реализации общественно значимых функций.

Дополнительный потенциал связан с развитием цифровых инструментов, однако их внедрение должно быть ориентировано не только на контроль, но и на снижение бюрократических издержек, упрощение взаимодействия и повышение прозрачности процедур. Только в этом случае цифровизация сможет стать фактором укрепления, а не усложнения публично-правового механизма.

Обсуждение

Проведенное исследование показывает, что публично-правовой механизм регулирования деятельности некоммерческих организаций в современной России имеет двойственную природу. С одной стороны, он направлен на создание правовой основы функционирования НКО, обеспечение прозрачности их деятельности, защиту публичных интересов и предупреждение злоупотреблений. С другой стороны, фактическое содержание данного механизма свидетельствует о явном преобладании контрольной логики над логикой содействия и партнерства. В результате некоммерческий сектор включается в публичное управление преимущественно как объект административного наблюдения, а не как полноправный участник реализации общественно значимых задач.

Это позволяет говорить о наличии структурной асимметрии в действующей модели регулирования НКО. Такая асимметрия выражается в том, что контрольные средства обладают большей степенью нормативной детализации, организационной обеспеченности и практической реализуемости, чем меры государственной поддержки и координационного взаимодействия. Иными словами, государство более последовательно выстроило систему учета, проверки и надзора, чем систему устойчивого институционального сопровождения некоммерческого сектора.

Подобный дисбаланс имеет ряд последствий. Во-первых, он усиливает формализацию деятельности НКО, поскольку значительная часть организационных ресурсов направляется на соблюдение процедурных требований, а не на реализацию общественно полезных проектов. Во-вторых, он ослабляет доверие между государством и гражданским обществом: при преобладании контрольной функции государство воспринимается не как партнер, а прежде всего как источник ограничений и административной зависимости. В-третьих, формируется ситуация, при которой юридически допустимая и общественно полезная деятельность некоммерческих организаций оказывается институционально затрудненной из-за избыточной регуляторной нагрузки.

Особого внимания заслуживает проблема правовой определенности. Для публично-правового механизма принципиально важно, чтобы его нормы и процедуры были не только обязательными, но и предсказуемыми. В сфере регулирования НКО недостаточная четкость отдельных оценочных категорий и широкое пространство административного усмотрения нередко порождают состояние правовой нестабильности. Это особенно значимо в тех случаях, когда деятельность организации затрагивает чувствительные общественные темы, правозащитную повестку или участие в публичной дискуссии.

Важным направлением анализа является вопрос о цифровизации. В отношении некоммерческого сектора цифровые инструменты способны выполнять двойственную функцию. С одной стороны, они позволяют упростить отчетность, ускорить взаимодействие с государственными органами, повысить прозрачность процедур и расширить доступ к мерам поддержки. С другой стороны, цифровизация может усиливать бюрократическую нагрузку, если она реализуется исключительно как механизм учета и контроля. Следовательно, цифровой элемент публично-правового механизма в сфере НКО должен рассматриваться не как самодостаточное технологическое решение, а как часть более широкой модели институционального баланса.

Сравнение с зарубежными подходами показывает, что в ряде правопорядков регулирование деятельности некоммерческих организаций строится на более выраженной логике доверия и субсидиарности, при которой государство исходит из презумпции общественной полезности некоммерческого сектора и использует контроль как вспомогательное средство, а не как доминирующий режим взаимодействия. Российская модель сохраняет более жесткий административный характер, что объясняется особенностями правовой традиции и приоритетом задач управляемости и безопасности. Вместе с тем это не исключает возможности ее модернизации в сторону большей сбалансированности.

Следовательно, перспективной представляется такая модель публично-правового механизма регулирования деятельности НКО,

в которой контроль сохраняется как необходимый инструмент обеспечения законности, но при этом сочетается с развитой системой поддержки, понятными правовыми критериями, устойчивыми каналами взаимодействия и признанием институциональной ценности некоммерческого сектора для развития гражданского общества.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, установлено, что некоммерческие организации занимают особое место в структуре гражданского общества, поскольку выступают институциональной формой общественной самоорганизации и одновременно значимым участником реализации общественно полезных функций. Именно это обусловливает необходимость их публично-правового регулирования.

Во-вторых, доказано, что публично-правовой механизм регулирования деятельности НКО представляет собой целостную систему, включающую нормативные, институциональные и процедурные элементы. Его содержание не сводится к правовому статусу организаций, а охватывает также формы контроля, поддержки, взаимодействия с государством и организационные условия правоприменения.

В-третьих, выявлено, что действующая российская модель характеризуется преобладанием контрольных средств над стимулирующими и координационными. Это приводит к формализации взаимодействия государства и НКО, усилению административной нагрузки и снижению потенциала некоммерческого сектора как основы гражданского общества.

В-четвертых, обосновано, что одним из ключевых условий повышения эффективности публично-правового механизма выступает обеспечение соразмерности публичного воздействия. Контроль должен быть правово определенным, предсказуемым и не препятствующим осуществлению законной общественно полезной деятельности.

В-пятых, установлено, что цифровизация способна выступать фактором модернизации регулирования НКО, однако ее позитивный потенциал реализуется лишь при условии, что цифровые инструменты ориентированы не только на учет и отчетность, но и на сокращение бюрократических издержек, повышение прозрачности и развитие обратной связи.

В-шестых, совершенствование механизма регулирования деятельности НКО должно быть связано со снижением избыточной административной нагрузки, повышением правовой определенности, дифференциацией регуляторных требований и укреплением форм государственно-общественного партнерства.

Таким образом, публично-правовой механизм регулирования деятельности некоммерческих организаций должен быть ориентирован не только на обеспечение законности и управляемости, но и на создание устойчивых условий для развития гражданской инициативы. Только в этом случае он сможет выполнять свою основную функцию – обеспечивать баланс интересов государства и общества в сфере гражданского общества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
2. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ.
3. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ.
4. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ.
5. Бурангулова А.Р. Правовое положение некоммерческих организаций в современной России: проблемы регулирования и перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1.
6. Давыдов К.В. Административный контроль (надзор) за некоммерческими организациями: проблемы и перспективы развития российского законодательства // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11.
7. Гончаров В.В. Общественный контроль в системе институтов гражданского общества // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 2. С. 15–28.
8. Сисакьян А.К. Общественный контроль как институт гражданского общества во взаимосвязи с конституционным правосознанием // Закон и право. 2023. № 10.
9. Мильшин Ю.Н. Правовое регулирование использования информационных систем при осуществлении контроля (надзора) органов юстиции в отношении некоммерческих организаций // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2.
10. Стародубова О.Е. Роль цифровых платформ в государственном управлении // Государственная служба. 2024. № 4.
11. Еремин С.Г. Применение цифровых технологий в сфере государственного управления на федеральном уровне и направления их совершенствования // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102.
12. Корецкий В.А. Правовое обеспечение деятельности некоммерческих организаций, приносящей доход // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3.

PUBLIC-LAW MECHANISM OF REGULATION OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN MODERN RUSSIA

Nalbandyan A.
International Innovative University

The article examines the public-law mechanism of regulation of non-profit organizations in modern Russia. The relevance of the topic is determined by the growing importance of the non-profit sector in the structure of civil society, the expansion of NPO participation in solving socially significant tasks and the simultaneous strengthening of public-law influence on the part of the state. The purpose of the study is to identify the structure, content and functioning features of the public-law mechanism regulating the activities of non-profit organizations, as well as to determine the main problems and directions for its improvement. The methodological basis includes systemic, comparative legal and institutional methods. It is established that this mechanism includes regulatory, institutional and procedural elements that provide both control over the activities of NPOs and forms of their state support. It is revealed that the current model is characterized by the predominance of control means over stimulating ones, which leads to the formalization of interaction between the state and the non-profit sector. The necessity of improving this mechanism by reducing excessive administrative burden, increasing legal certainty and expanding partnership forms of interaction between the state and NPOs is substantiated.

Keywords: non-profit organizations, public-law mechanism, civil society, legal regulation, state control, state support, public administration.

References

1. Constitution of the Russian Federation.
2. On Non-Profit Organizations: Federal Law № 7-FZ of January 12, 1996.
3. On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs: Federal Law № 129-FZ of August 8, 2001.
4. On the Organization of the Provision of State and Municipal Services: Federal Law № 210-FZ of July 27, 2010.
5. Burangulova A.R. Legal status of non-profit organizations in modern Russia: problems of regulation and development prospects. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika, 2025, № 1.
6. Davydov K.V. Administrative control (supervision) over non-profit organizations: problems and prospects for the development of Russian legislation. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika, 2023, № 11.
7. Goncharov V.V. Public control in the system of civil society institutions. Pravoprimenenie, 2023, vol. 7, № 2, pp. 15–28.
8. Sisakyan A.K. Public control as an institution of civil society in relation to constitutional legal consciousness. Zakon i pravo, 2023, № 10.
9. Milshin Yu.N. Legal regulation of the use of information systems in supervision by justice authorities over non-profit organizations. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika, 2025, № 2.
10. Starodubova O.E. The role of digital platforms in public administration. Gosudarstvennaya sluzhba, 2024, № 4.
11. Eremin S.G. Application of digital technologies in federal public administration and directions for improvement. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik, 2024, № 102.
12. Koretsky V.A. Legal support for income-generating activities of non-profit organizations. Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti, 2021, № 3.

Проблемы правоприменения при предоставлении земельных участков без торгов для целей развития социальной инфраструктуры

Смирнова Юлия Юрьевна,
магистрант, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: smirnova779961@yandex.ru

Статья посвящена анализу проблем правоприменения при предоставлении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов для целей развития социальной инфраструктуры. Актуальность темы обусловлена тем, что данный правовой механизм, с одной стороны, позволяет ускорить реализацию социально значимых проектов, а с другой – создает повышенные риски административной дискреции, антимонопольных нарушений, коррупциогенности и неисполнения публично значимых обязательств. В работе исследуются основания и условия предоставления земельных участков без торгов, особенности квалификации объектов социальной инфраструктуры, соотношение земельного и градостроительного регулирования, договорные механизмы закрепления инфраструктурных обязанностей, а также контроль и надзор в данной сфере. Особое внимание уделено институту комплексного развития территории как наиболее сложной модели сочетания земельных, градостроительных и инфраструктурных решений. На основе анализа современных научных публикаций 2022–2025 гг. сделан вывод о том, что основные проблемы правоприменения возникают не на уровне формального существования правового основания, а на уровне его доказанности, согласованности с документацией по планировке территории, допустимости изменения условий реализации проекта и обеспеченности последующего контроля. Обосновывается необходимость унификации критериев социальной направленности проекта, усиления договорной определенности и внедрения риск-ориентированного контроля.

Ключевые слова: земельный участок, без торгов, социальная инфраструктура, комплексное развитие территории, публичная собственность, земельное право, правоприменение, арендные отношения.

Введение

Предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов представляет собой исключение из общего конкурентного порядка распределения публичного земельного фонда. Именно поэтому такой правовой механизм требует более строгого обоснования и более высокого стандарта правоприменения, чем обычная аукционная модель. В отношении целей развития социальной инфраструктуры значение данного института особенно велико, поскольку он используется для создания школ, детских садов, поликлиник, спортивных объектов и иных объектов, имеющих прямое публичное значение. Одновременно именно в этой сфере наиболее заметно проявляется конфликт между публичным интересом в ускоренном обеспечении территории социальными объектами и необходимостью соблюдения принципов прозрачности, равенства участников и законности распоряжения публичной собственностью [10, с. 165–166].

Современная научная литература исходит из того, что проекты развития территории, предполагающие создание социальной инфраструктуры, невозможно оценивать только через призму земельного права. Они неизбежно затрагивают институты территориального планирования, градостроительного зонирования, комплексного развития территории, управления публичной собственностью и договорного распределения обязанностей между публичной властью и инвестором [10, с. 168–169; 11, с. 174–176]. Вследствие этого проблемы правоприменения при предоставлении земельных участков без торгов носят межотраслевой характер.

Дополнительную актуальность теме придает развитие института комплексного развития территории. В научных работах подчеркивается, что КРТ выступает не только градостроительным, но и имущественно-правовым механизмом, в котором вопросы предоставления земельных участков, создания инфраструктуры и распределения издержек между сторонами объединяются в единую правовую конструкцию [2, с. 16–17; 3, с. 27–28]. Это означает, что анализ безторгового предоставления земель под социальную инфраструктуру невозможен без учета практики КРТ.

Целью настоящей статьи является выявление и систематизация основных проблем правоприменения при предоставлении земельных участков без торгов для целей развития социальной инфраструктуры, а также формулирование предложений по совершенствованию соответствующей практики.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и проблемно-ориентированный методы. Формально-юридический метод использован для анализа действующих правовых конструкций, регулирующих основания и порядок предоставления земельных участков без торгов, а также их связи с договорными и градостроительными механизмами. Системный метод применен для выявления взаимосвязей земельного, градостроительного, гражданского и антимонопольного регулирования. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления различных правовых режимов предоставления участков и моделей распределения инфраструктурных обязанностей. Проблемно-ориентированный подход позволил сосредоточить внимание на наиболее конфликтных узлах современной практики.

Эмпирическую основу статьи составили научные статьи, учебные и научно-аналитические издания 2022–2025 гг., посвященные комплексному развитию территории, государственно-частному взаимодействию в градостроительной сфере, экономическим методам регулирования земельных отношений, земельному надзору и антимонопольным ограничениям при распоряжении публичным имуществом. Использование именно современных источников обусловлено тем, что нормативная и правоприменительная среда в данной сфере интенсивно меняется, а прежние подходы уже не отражают в полной мере современное состояние проблематики [9, с. 27–31].

Важное методическое значение для настоящего исследования имеет риск-ориентированный подход. В литературе справедливо отмечается, что именно в сферах, характеризующихся широким объемом административной дискреции, контроль должен строиться не как формальная проверка всех процедур подряд, а как выявление и нейтрали-

зация наиболее опасных рисков. Такой подход особенно релевантен в вопросах безторгового предоставления публичных земель, поскольку здесь соединяются имущественные интересы, публичные полномочия и высокий коррупционный потенциал [1, с. 94–120].

Литературный обзор

В современной научной литературе можно выделить несколько основных направлений исследования рассматриваемой темы.

Первое направление связано с анализом комплексного развития территории как системного правового института. С.И. Шульженко в серии работ 2022 г. показывает, что КРТ следует рассматривать в тесной связи с институтами территориального планирования, градостроительного зонирования, планировки территории, изъятия имущества для публичных нужд и управления публичной собственностью. По мнению автора, значительная часть правоприменительных трудностей в КРТ возникает именно из-за неполной согласованности указанных нормативных блоков [10, с. 165–166; 11, с. 174–175; 12, с. 172–175].

Второе направление образуют исследования, в которых КРТ оценивается как инструмент перераспределения инфраструктурной нагрузки между публичной властью и частными субъектами. А.В. Белицкая и Л.В. Кухаренко рассматривают КРТ как правовой инструмент государственно-частного партнерства, подчеркивая его значение для реализации проектов в условиях дефицита бюджетных ресурсов [3, с. 27–28]. Л.Е. Бандорин и А.В. Башарин акцентируют внимание на том, что КРТ позволяет перераспределять затраты на создание инфраструктуры между публичной стороной и частными лицами, однако сама по себе такая модель не устраняет правовых конфликтов и нуждается в детальной нормативной настройке [2, с. 16–17].

Третье направление связано с исследованием договорной природы КРТ. В.В. Рубашкин доказывает, что договор о комплексном развитии территории представляет собой смешанный гражданско-правовой договор, включающий в себя, в частности, элементы подряда и аренды. Это имеет принципиальное значение для правоприменения, поскольку позволяет использовать к отдельным элементам договора специальные нормы о качестве работ, передаче результата и ответственности [9, с. 27–31].

Четвертое направление касается антимонопольных рисков распоряжения публичным имуществом. М.И. Матяшевская и О.А. Москвитин, анализируя позиции коллегиальных органов ФАС России, указывают, что предоставление земельного участка одному хозяйствующему субъекту без публичных процедур может квалифицироваться как создание дискриминационных условий для иных участников рынка [6, с. 88–89]. Это выводит проблему безторгового предоставления земель далеко за пределы чисто земельно-правовой дискуссии.

Пятое направление связано с контрольной функцией государства. Ю.В. Горбунова и А.Я. Сафонов исследуют государственный земельный надзор как средство охраны земель и обращают внимание на ограниченную результативность отдельных форм контроля при объективном дефиците ресурсов [4, с. 41–42, 45–46]. В сочетании с подходом Е.А. Артеменко к рискоориентированному контролю это позволяет рассматривать безторговое предоставление земельных участков как сферу, где постконтроль должен иметь не меньшую значимость, чем первоначальное административное решение [1, с. 94–120; 4, с. 45–46].

Таким образом, современная литература достаточно полно раскрывает отдельные аспекты темы, однако проблема правоприменения именно при предоставлении земельных участков без торгов для целей развития социальной инфраструктуры требует комплексного анализа на стыке указанных научных направлений.

Результаты

Проведенное исследование позволяет выделить несколько ключевых групп проблем правоприменения.

Первая группа проблем связана с квалификацией проекта как социально значимого и, соответственно, допустимого для безторгового предоставления участка. На нормативном уровне сама возможность безторгового предоставления формально закреплена, однако правоприменение сталкивается с вопросом о том, какие признаки свидетельствуют о подлинной социальной направленности проекта, а какие лишь формально прикрывают коммерческий интерес. Научная литература показывает, что отсутствие единого доказательственного стандарта социальной значимости повышает уровень административного усмотрения и порождает неоднородность практики [3, с. 27–32].

Вторая группа проблем вытекает из недостаточной согласованности земельной процедуры с градостроительной подготовкой территории. Как показывает анализ КРТ, земельное решение само по себе не обеспечивает реальной возможности создания объекта социальной инфраструктуры, если оно не связано с документацией по планировке территории, расчетами обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, схемами транспортного и коммунального обеспечения [10, с. 168–169; 12, с. 179–181]. Предоставление участка без торгов до полноценной градостроительной проработки проекта способно привести к тому, что участок будет юридически передан, но фактически не сможет быть использован по заявленному назначению в разумный срок [12, с. 186–187].

Третья группа проблем касается договорного оформления обязательств сторон. Если земельный участок предоставляется без торгов под создание объекта социальной инфраструктуры либо в составе проекта КРТ, то правовой результат должен обеспечиваться не только решением о предоставлении, но и содержанием договора. Между тем на практике инфраструктурные обязательства нередко формулируются расплывчато: без четкой этапности, без конкретных параметров объекта, без санкций за неисполнение. Между тем смешанная договорная природа КРТ позволяет использовать более строгие конструкции гражданского права, включая элементы подряда, что повышает юридическую определенность и исполнимость условий [9, с. 29–31].

Четвертая группа проблем связана с включением публичных земель в проект КРТ и с согласованием использования таких участков для размещения объектов социальной инфраструктуры. С.И. Шульженко указывает, что основания отказа в согласовании включения публичных земель в границы КРТ во многом перекрываются с более общими режимами распоряжения публичной собственностью, что приводит к избыточной процедурной сложности и увеличивает сроки реализации проекта [12, с. 175, 179–180]. Для социальной инфраструктуры это особенно чувствительно, поскольку задержка земельной стадии автоматически означает задержку создания публично необходимого объекта.

Пятая группа проблем выражается в неоднородности подходов к арендной плате и экономическим условиям реализации проекта. В научной литературе отмечается, что экономические методы регулирования земельных отношений должны обеспечивать баланс между публичным интересом и эффективностью использования земли, однако система ставок, льгот и исключений не всегда прозрачна и единообразна [5, с. 807, 809, 813]. В результате режим безторгового предоставления может восприниматься не как инструмент решения социальной задачи, а как способ предоставления имущественного преимущества определенному субъекту.

Шестая группа проблем носит антимонопольный характер. Предоставление земельного участка без торгов объективно ограничивает доступ других участников к публичному ресурсу. Именно поэтому ФАС России в рассматриваемых научных исследованиях исходит из того, что такие решения должны быть особенно тщательно мотивированы, иначе они создают дискриминационные условия [6, с. 88–89]. Для правоприменения это означает, что соблюдение земельного закона еще не исключает риска антимонопольного спора.

Седьмая группа проблем касается контроля исполнения. Даже правомерно принятое решение о предоставлении участка без торгов не гарантирует достижения социальной цели, если отсутствует эффективный мониторинг последующего использования земли. Земельный надзор и муниципальный контроль в этом случае должны быть ориентированы не только на формальное выявление нарушений режима использования участка, но и на оценку того, осуществляется ли в действительности строительство или создание объекта социальной инфраструктуры в соответствии с заявленными параметрами [4, с. 45–46]. В этой части риск-ориентированный контроль представляется наиболее перспективной моделью [1, с. 94–120].

Обсуждение

Систематизация выявленных проблем показывает, что центральный дефект современного правоприменения заключается в разрыве между правовым основанием предоставления участка без торгов и фактическим обеспечением социального результата. Иначе говоря, право допускает исключение из конкурентной процедуры, но не всегда обеспечивает достаточные юридические механизмы для того, чтобы это исключение действительно приводило к созданию социально значимого объекта.

Особенно ярко это проявляется в институтах КРТ. С одной стороны, КРТ открывает возможность комплексного подхода к развитию территории, увязывая застройку, инфраструктуру и публичные интересы. С другой стороны, именно в КРТ наиболее отчетливо проявляются сложности согласования земельных, градостроительных и договорных решений [2, с. 16–17; 10, с. 165–166]. Это позволяет сделать вывод, что безторговое предоставление земельных участков для социальной инфраструктуры должно рассматриваться не как изолированная земельная процедура, а как элемент более широкой правовой модели развития территории.

Не менее важным является антимонопольный аспект. Сам по себе публичный интерес в создании социальной инфраструктуры не устра-

няет необходимости обеспечивать равенство хозяйствующих субъектов и недопустимость необоснованных преимуществ. Следовательно, правоприменение должно выработать такой стандарт обоснования, при котором решение о предоставлении участка без торгов будет не просто ссылаться на социальную значимость проекта, а доказывать ее документально, с привязкой к программным документам, территориальным потребностям, градостроительным расчетам и условиям последующего контроля [6, с. 88–89].

В этой связи представляется необходимым усиление договорного компонента. Если социальный эффект составляет главный аргумент в пользу безторгового предоставления, то именно этот эффект должен быть переведен в конкретные юридические обязанности сторон: сроки, объем строительства, характеристики объекта, механизм передачи, ответственность за просрочку и за уклонение от реализации проекта [9, с. 29–31]. Без такой договорной детализации институт безторгового предоставления остается уязвимым.

Наконец, дальнейшее совершенствование невозможно без риск-ориентированного контроля. В рассматриваемой сфере именно контроль должен замыкать правовую конструкцию: не только фиксировать нарушения, но и предотвращать случаи, когда безторговое предоставление используется как форма необоснованного имущественного предпочтения или как инструмент затягивания исполнения социально значимых обязательств [1, с. 94–120].

Заключение

Проблемы правоприменения при предоставлении земельных участков без торгов для целей развития социальной инфраструктуры обусловлены не столько отсутствием правовых оснований, сколько недостаточной определенностью критериев их применения, слабой согласованностью земельных и градостроительных решений, недостаточной проработанностью договорных механизмов и ограниченной эффективностью последующего контроля.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, безторговое предоставление земельных участков должно сохранять исключительный характер и применяться только при наличии убедительно подтвержденной социальной направленности проекта. Во-вторых, правомерность такого решения невозможна без его синхронизации с документацией по планировке территории и с реальной инфраструктурной обеспеченностью проекта. В-третьих, обязательства по созданию объектов социальной инфраструктуры должны закрепляться в юридически определенной договорной форме. В-четвертых, антимонопольные и коррупционные риски требуют повышенного стандарта публичности и мотивированности решений. В-пятых, контроль за исполнением условий предоставления должен строиться на риск-ориентированной основе.

Тем самым совершенствование правоприменения в данной сфере предполагает переход от формального подхода, ограничивающегося ссылкой на правовое основание безторгового предоставления, к комплексной модели, в которой земельное решение рассматривается как часть единой правовой конструкции достижения публичного инфраструктурного результата.

Литература

1. Артеменко Е.А. Риск-ориентированный подход как способ минимизации коррупции в контрольно-надзорной деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2(49). С. 94–120.

2. Бандорин Л. Е., Башарин А.В. Комплексное развитие территории как механизм распределения затрат на создание объектов инфраструктуры между органами публичной власти и частными лицами // Экологическое право. 2023. № 5. С. 16–23.

3. Белицкая А. В., Кухаренко Л.В. Комплексное развитие территории как правовой инструмент государственно-частного партнерства // Юрист. 2023. № 2. С. 27–32.

4. Горбунова Ю. В., Сафонов А.Я. Государственный земельный надзор как способ охраны земель // Вестник КрасГА У. 2022. № 2. С. 41–47.

5. Мамонтова И. Ю., Фомин А.А. Экономические методы регулирования земельных отношений в России // International Agricultural Journal. 2023. № 3. С. 806–818.

6. Матяшевская М. И., Москвитин О.А. Актуальные позиции коллегиальных органов ФАС России по вопросам применения антимонопольного законодательства при рассмотрении дел о нарушениях со стороны органов власти (на примере дел II и III кварталов 2022 г.) // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 4(32). С. 86–93.

7. Обзор судебной практики по вопросам обеспечения территории объектами социальной, коммунальной, транспортной инфраструктуры при реализации проектов жилищного строительства в городах России. М.: Фонд «Институт экономики города», 2025. 14 с.

8. Петрушкин В.А. Особенности правового регулирования предоставления земельных участков, находящихся в публичной собственности, при разрушении здания // Государственная служба. 2022. Т. 24. № 3(137). С. 25–29.

9. Рубашкин В.В. Договор о комплексном развитии территории как гражданско-правовой договор смешанного типа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 4. С. 27–50.

10. Шульженко С.И. Правовые проблемы комплексного развития территорий (Часть 1) // Управленческое консультирование. 2022. № 1(157). С. 165–183.

11. Шульженко С.И. Правовые проблемы комплексного развития территорий (Часть 2) // Управленческое консультирование. 2022. № 2(158). С. 174–189.

12. Шульженко С.И. Правовые проблемы комплексного развития территорий (Часть 3) // Управленческое консультирование. 2022. № 3(159). С. 172–189.

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT IN THE GRANTING OF LAND PLOTS WITHOUT AUCTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIAL INFRASTRUCTURE

Smirnova Yu.Yu.
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

This article examines the problems of legal enforcement arising in the allocation of land plots held in state or municipal ownership without competitive bidding for the purposes of developing social infrastructure. The relevance of the subject lies in the fact that this legal mechanism, on the one hand, facilitates the accelerated implementation of socially significant projects, while, on the other hand, gives rise to heightened risks of administrative discretion, breaches of antimonopoly regulation, corruption-prone practices, and non-performance of publicly significant obligations. The study analyzes the legal grounds and conditions for granting land plots without competitive bidding, the specific features involved in classifying facilities as social infrastructure, the relationship between land law and urban planning regulation, contractual mechanisms for formalizing infrastructure-related obligations, as well as the forms of control and supervision exercised in this field. Particular attention is paid to the institution of integrated territorial development, viewed as the most complex legal model combining land-use, urban planning, and infrastructure decisions. On the basis of an analysis of contemporary academic publications from 2022 to 2025, it is concluded that the principal problems of legal enforcement arise not from the formal existence of a legal ground as such, but from the need to substantiate it properly, to ensure its consistency with territorial planning documentation, to determine the admissibility of modifying the conditions for project implementation, and to secure effective subsequent oversight. The article argues for the need to unify the criteria used to establish the social orientation of a project, to strengthen contractual certainty, and to introduce a risk-based model of control and supervision.

Keywords: land plot, without auctions, social infrastructure, integrated territorial development, public property, land law, law enforcement, lease relations.

References

1. Artemenko E.A. Risk-orientirovannyy podkhod kak sposob minimizatsii korruptsii v kontrol'no-nadzornoy deyatel'nosti. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo, 2022, № 2(49), pp. 94–120.

2. Bandorin L. E., Basharin A.V. Kompleksnoe razvitie territorii kak mekhanizm raspredeleniya zatrat na sozdanie ob»ektov infrastruktury mezhdu organami publichnoy vlasti i chastnymi litsami. Ekologicheskoe pravo, 2023, № 5, pp. 16–23.

3. Belitskaya A. V., Kukharenko L.V. Kompleksnoe razvitie territorii kak pravovoy instrument gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. Yurist, 2023, № 2, pp. 27–32.

4. Gorbunova Yu. V., Safonov A. Ya. Gosudarstvennyy zemel'nyy nadzor kak sposob okhrany zemel'. Vestnik KrasGAU, 2022, № 2, pp. 41–47.

5. Mamontova I. Yu., Fomin A.A. Ekonomicheskie metody regulirovaniya zemel'nykh otnosheniy v Rossii. International Agricultural Journal, 2023, № 3, pp. 806–818.

6. Matyashevskaya M. I., Moskvitin O.A. Aktual'nye pozitsii kollegial'nykh organov FAS Rossii po voprosam primeneniya antimonopol'nogo zakonodatel'stva pri rassmotrenii del o narusheniyakh so storony organov vlasti. Rossiyskoe konkurentnoe pravo i ekonomika, 2022, № 4(32), pp. 86–93.

7. Obzor sudebnoy praktiki po voprosam obespecheniya territorii ob»ektami sotsial'noy, kommunal'noy, transportnoy infrastruktury pri realizatsii proektov zhilishchnogo stroitel'stva v gorodakh Rossii. Moscow, Fond «Institut ekonomiki goroda», 2025. 14 p.

8. Petrushkin V.A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya predostavleniya zemel'nykh uchastkov, nakhodyashchikhsya v publichnoy sobstvennosti, pri razrushenii zdaniya. Gosudarstvennaya sluzhba, 2022, vol. 24, № 3(137), pp. 25–29.

9. Rubashkin V.V. Dogovor o kompleksnom razvitii territorii kak grazhdansko-pravovoy dogovor smeshannogo tipa. Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki, 2025, vol. 18, № 4, pp. 27–50.

10. Shul'zhenko S.I. Pravovye problemy kompleksnogo razvitiya territoriy (Part 1). Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 2022, № 1(157), pp. 165–183.

11. Shul'zhenko S.I. Pravovye problemy kompleksnogo razvitiya territoriy (Part 2). Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 2022, № 2(158), pp. 174–189.

12. Shul'zhenko S.I. Pravovye problemy kompleksnogo razvitiya territoriy (Part 3). Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 2022, № 3(159), pp. 172–189.

Система правовых механизмов обеспечения национальных интересов: проблемы и перспективы

Стрелков Максим Андреевич,
аспирант, кафедра теории и истории государства и права, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Статья посвящена систематизации правовых механизмов, ориентированных на защиту и продвижение национальных интересов Российской Федерации в условиях усложнения угроз, ускорения нормотворчества и роста требований к согласованности стратегических документов. Актуальность связана с расширением перечня приоритетов национальной безопасности и одновременной фрагментацией регуляторных решений по секторам публичного управления. Новизна выражена в аналитической модели, где национальные интересы рассматриваются через набор юридических инструментов: стратегическое планирование, нормативное закрепление приоритетов, институциональную координацию, контрольные процедуры и правоприменительные практики. В рамках работы описаны и сопоставлены подходы к правовому закреплению национальных интересов, изучены риски декларативности стратегий и коллизий отраслевого законодательства. Особое внимание уделено качеству правовой архитектуры: терминологии, иерархии документов, индикаторам результативности и механизму межведомственного согласования. Работа ставит перед собой задачу сформировать целостную схему правовых средств обеспечения национальных интересов и предложить направления их развития. Для решения применены анализ источников, сравнительно-правовая интерпретация и структурирование норм. В заключении описываются предложения по повышению связности стратегического и отраслевого регулирования. Статья будет полезна исследователям права, практикам госуправления и разработчикам стратегических документов.

Ключевые слова: национальные интересы, национальная безопасность, стратегическое планирование, правовые механизмы, государственная политика, нормативное регулирование, межведомственная координация, правоприменение, эффективность регулирования, правовая доктрина.

Введение

Повестка обеспечения национальных интересов в правовой плоскости определяется одновременным действием трех факторов: усилением санкционно-ограничительных режимов, ростом технологической конкуренции и усложнением внутренних рисков публичного управления. На уровне нормативных решений наблюдается стремление к расширению перечня приоритетов и мер реагирования, при этом в правовом массиве сохраняются разрывы между стратегическими документами, отраслевыми законами и административными процедурами. Научная проблема формулируется как несогласованность юридических инструментов: дефиниции «национальные интересы» нередко используются как политико-правовая формула, а связка «приоритет → полномочия → процедура → результат» фиксируется неполно или разноуровнево.

Цель исследования – раскрыть систему правовых механизмов обеспечения национальных интересов Российской Федерации, выявить проблемы правовой согласованности и обозначить направления развития регулирования.

Задачи исследования:

1. описать структуру правовых механизмов обеспечения национальных интересов через нормативные, институциональные и процедурные элементы;

2. выявить типовые дефекты правовой конструкции (коллизии, декларативность, распыление полномочий, слабая измеримость результатов) и показать их влияние на реализацию национальных интересов;

3. сформулировать предложения по развитию регулирования: усиление иерархии стратегических документов, уточнение терминологии, настройка показателей результативности и сопряжение правотворчества с правоприменением.

Научная новизна состоит в разработке аналитической матрицы, связывающей национальные интересы с юридическими инструментами их обеспечения: стратегическое планирование, правовое закрепление приоритетов, организационно-правовая координация, контроль и оценка результативности, а затем – практики реализации и корректировки.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили современные исследования по правовому регулированию национальных интересов и национальной безопасности, а их отбор выполнен по признакам тематической релевантности и актуальности последних лет: Д.Р. Алимова [1] предложила трактовку правового регулирования национальных интересов через сочетание теоретических подходов и правоприменительной практики; О.В. Аверьянова [2] рассмотрела правовую организацию взаимосвязи национальной безопасности и интересов гражданского общества; Б.Б. Бидова [3] разработала систему принципов механизма реализации национальных интересов с опорой на правовые принципы и практику; Е.В. Горбулева [4] выделила показатели результативности механизма реализации национальных интересов и связала их с качеством регулирования; И.Б. Кардашова [5] описала направления развития законодательства в сфере национальной безопасности и динамику нормативных изменений; А.А. Мохов [6] проанализировал Стратегию национальной безопасности и предложил конструкцию федерального закона о национальной безопасности; А.Е. Советов [7] исследовал правовые проблемы стратегического планирования обеспечения национальной безопасности и оценил траекторию развития за длительный период; О.О. Смирнова [8] изучила эволюцию законодательного обеспечения стратегического планирования и характер последних поправок; А.А. Фомин [9] обосновал формирование образовательного модуля по правовому обеспечению национальных интересов и национальной безопасности как ответ на запрос правоприменительной подготовки кадров; С.Ю. Чапчиков [10] показал проблемы формирования права национальной безопасности как комплексной отрасли законодательства.

При подготовке статьи применены анализ научных источников, сравнительно-правовой метод, структурно-логическое моделирование и интерпретация нормативных решений.

Результаты

Систематизация научных подходов позволяет представить правовые механизмы обеспечения национальных интересов как совокупность взаимосвязанных блоков: (а) нормативно-дефинитивный блок (терминология, приоритеты, закрепление интересов и угроз); (б) стратегико-плановый блок (иерархия документов, целеполагание, индикаторы); (в) институциональный блок (полномочия органов публичной власти, распределение ответственности, межведомственное согласование); (г) процедурный блок (административные регламенты, режимы реагирования, контрольные процедуры); (д) правоприменительный блок (практики реализации, мониторинг, коррекция). В исследовании Д.Р. Алимовой национальные интересы раскрываются через соединение доктринальных моделей с практической реализацией норм, что подводит к выводу о значимости юридической «сборки» понятия на уровне норм, процедур и компетенций [1]. Подобный подход задает рабочую рамку: интересы не ограничиваются декларацией в стратегических документах, а требуют правовой артикуляции в отраслевом регулировании и управленческих процедурах.

С позиции правовой конструкции национальные интересы целесообразно связывать не с абстрактными целями, а с юридически проверяемыми состояниями: устойчивость конституционного строя, суверенитет, территориальная целостность, технологическая самостоятельность, социальная стабильность, экономическая устойчивость. Такой перевод в управляемые правом категории снижает риск «размывания» приоритетов при нормотворчестве. И.Б. Кардашова фиксирует тенденцию к ускорению законодательных изменений в сфере национальной безопасности и показывает, что развитие регулирования идет по нескольким векторам – через уточнение приоритетов, обновление инструментов обеспечения безопасности и адаптацию к внешним ограничениям [5]. Для механизма обеспечения национальных интересов подобная динамика порождает двойной эффект: рост нормативной насыщенности при сохранении проблем согласованности.

В юридической логике стратегическое планирование задает верхний уровень целеполагания и «прошивает» отраслевое регулирование едиными приоритетами и показателями. В то же время в научной дискуссии устойчиво выделяется проблема многодокументности и дублирования, когда цели повторяются, а инструментальные связи теряются. А.Е. Советов, анализируя длительную траекторию развития стратегического планирования в сфере национальной безопасности, показывает, что накопление документов без ясной иерархии ведет к снижению управленческой определенности и осложняет правоприменение, поскольку распадается связка между целями, ресурсами и ответственными субъектами [7]. Для механизма обеспечения национальных интересов подобная ситуация создает «буфер неопределенности»: нормы формально принимаются, но правовые последствия для отраслевых регуляторов остаются размытыми.

О.О. Смирнова рассматривает последние изменения законодательства о стратегическом планировании как переход от «документного» подхода к более инструментальному регулированию, ориентированному на управленческие процедуры и принципы стратегического управления [8]. В терминах механизма обеспечения национальных интересов такой переход означает укрепление процедурной части: появляются основания для сопряжения планирования с мониторингом, корректировкой программ и оценкой результативности мер. На практике приоритет получает нормативное закрепление индикаторов и правил пересмотра стратегических решений, иначе правовая конструкция не обеспечивает управляемости.

В результате выделяется требование к «вертикали» стратегического блока:

1) четкая терминология приоритетов;

2) иерархия документов с распределением предметов регулирования;

3) показатели, позволяющие отличить правовую цель от политической декларации;

4) процедуры согласования и корректировки.

При несоблюдении данной логики стратегическое планирование перестает выступать юридическим механизмом обеспечения национальных интересов и превращается в совокупность программных заявлений.

Юридическая обеспеченность национальных интересов опирается на институциональную согласованность: распределение полномочий, процедур взаимодействия, режимов контроля. О.В. Аверьянова, исследуя правовую организацию взаимосвязи национальной безопасности и национальных интересов гражданского общества, подчеркивает значение юридических каналов участия общественных институтов и необходимость нормативно оформленных механизмов согласования интересов в рамках публичного управления [2]. Для рассматриваемой темы вывод выражается в следующем: без юридически оформленной координации интересы государства, общества и личности получают конкурирующие интерпретации в правоприменении, что провоцирует ситуативные решения и снижает легитимность мер безопасности.

А.А. Мохов, анализируя содержание Стратегии национальной безопасности, предлагает проектную структуру специального федерального закона, где выделяются правовые основы, перечень национальных интересов и приоритетов, угрозы и риски, принципы обеспечения безопасности, а затем – государственная политика и компетенции субъектов [6]. Подобная модель показывает путь к снижению фрагментации: формирование единого «узла» правового регулирования, вокруг которого выстраиваются отраслевые нормы. Для системы обеспечения национальных интересов данное решение создает предпосылки к унификации терминологии и разграничению полномочий.

С.Ю. Чапчиков, рассматривая право национальной безопасности как комплексную отрасль законодательства, фиксирует методологические трудности формирования: смешение публично-правовых и частноправовых режимов, пересечение предметов регулирования, неодинаковая степень детализации норм по секторам [10]. Внутри механизма обеспечения национальных интересов подобные трудности проявляются как «правовые швы»: при переходе от стратегического уровня к отраслевым процедурам возникают лакуны ответственности и неоднозначность компетенций, что усиливает риск ведомственной автономизации и несогласованных мер.

Оценка результативности правовых механизмов обеспечения национальных интересов требует критериев, связанных с правовой структурой, а не только с политическими оценками. Е.В. Горбулева предлагает рассматривать механизм реализации национальных интересов через набор показателей эффективности и связывает их с качеством нормативного регулирования [4]. В применении к теме статьи подобный подход задает измеримую рамку: эффективность фиксируется через согласованность норм, наличие процедур мониторинга, соразмерность полномочий и ресурсов, прозрачность контрольных процедур, управляемость корректировки стратегических решений.

Б.Б. Бидова в исследовании принципов механизма реализации национальных интересов формирует системный перечень общеправовых и специальных принципов, опираясь на официальные документы и судебную практику [3]. Для обеспечения национальных интересов принципиальный уровень выполняет функцию «ограничителя произвольности»: даже при высоком темпе нормотворчества принципы задают требования к правовой определенности, соразмерности мер и согласованности механизмов. Практический результат выражается в необходимости закладывать принципы прямо в проектирование нормативных режимов: при формировании новых мер безопасности проверка на принципиальные требования снижает вероятность правовых коллизий и последующих корректировок.

С учетом работ [3] и [4] формируется аналитическая схема оценки эффективности механизма обеспечения национальных интересов:

– нормативная связность: единая терминология, отсутствие противоречий между стратегическими и отраслевыми актами, корректная иерархия;

– процедурная управляемость: наличие правил мониторинга, отчетности, пересмотра, межведомственного согласования;

– институциональная определенность: ясные компетенции, ответственность, координация;

– правоприменительная воспроизводимость: единообразие практик, предсказуемость решений, наличие правовых «рычагов» корректировки.

Данная схема позволяет перейти от описания национальных интересов к анализу юридических условий их обеспечения.

Обеспечение национальных интересов зависит не только от текстов законов и стратегий, но и от качества правоприменения, опирающегося на профессиональную подготовку. А.А. Фомин, рассматривая правовое обеспечение национальных интересов и национальной безопасности как самостоятельный модуль в структуре высшего юридического образования, указывает на фрагментарность присутствия данной проблематики в традиционных юридических дисциплинах и обосновывает формирование целостного учебного блока [9]. Для механизма обеспечения национальных интересов данный вывод имеет прикладное значение: при отсутствии системной подготовки кадров возрастает риск неверной квалификации угроз, ошибочного выбора правовых средств и слабой межведомственной координации на уровне практики.

В связке с институциональными выводами [6] и [10] кадровый компонент приобретает характер «моста» между стратегией и исполнением: подготовка специалистов обеспечивает освоение понятий,

принципов, компетенций субъектов обеспечения безопасности и наборов правовых мер по секторам публичного управления. Отсюда следует практическое требование к механизму обеспечения национальных интересов: нормативное проектирование целесообразно сопрягать с типовыми правоприменительными моделями и образовательными стандартами подготовки юристов для сферы национальной безопасности.

Сопоставление источников позволяет выделить четыре устойчивые проблемные зоны механизма обеспечения национальных интересов:

1. Дефиниционная неопределенность и многозначность: понятие национальных интересов нередко закрепляется на программном уровне, тогда как юридическая детализация по секторам управления осуществляется неравномерно [1], [5]. Перспектива развития связана с унификацией терминологии в стратегических документах и отраслевых законах, с привязкой к правовым режимам и полномочиям.

2. Перегрузка стратегическими документами и слабая иерархия: накопление актов планирования без четкой вертикали затрудняет реализацию мер и контроль результатов [7], [8]. Перспектива развития связана с закреплением процедур пересмотра документов, уточнением их юридической силы и разграничением предметов регулирования.

3. Распыление компетенций и лакуны ответственности: пересечение предметов регулирования по секторам национальной безопасности осложняет координацию, а разная степень детализации норм порождает «серые зоны» правоприменения [6], [10]. Перспектива развития связана с нормативным оформлением межведомственных процедур согласования и с проектированием специального законодательного ядра, объединяющего базовые дефиниции и принципы.

4. Слабая измеримость результативности правовых мер: отсутствие индикаторов и процедур мониторинга снижает управляемость механизма обеспечения национальных интересов [4]. Перспектива развития связана с закреплением критериев результативности и процедур отчетности, а затем – с настройкой корректирующих правовых инструментов.

В совокупности результаты исследования позволяют представить развитие системы правовых механизмов обеспечения национальных интересов как движение от декларативных формул к юридически управляемой конструкции: дефиниции → иерархия документов → компетенции → процедуры → индикаторы → правоприменение.

Обсуждение

Аналитические результаты подводят к тезису о двойственной природе правовых механизмов обеспечения национальных интересов. С одной стороны, в российском правовом массиве заметна тенденция к расширению нормативного инструментария: растет число стратегических документов, обновляются правовые режимы в отдельных секторах безопасности, усиливается институциональная «надстройка» координации. С другой стороны, нормативная насыщенность сама по себе не порождает правовую управляемость: при слабой иерархии актов и разной степени детализации норм возникает эффект конкурирующих предписаний, когда общий приоритет признан, но выбор юридического средства зависит от ведомственной интерпретации.

Обращает на себя внимание проблема «перевода» национальных интересов в правовые конструкции. Приоритеты, сформулированные в стратегиях, нуждаются в юридической операционализации: закреплении предметов регулирования, полномочий, процедур мониторинга и коррекции. Без такой операционализации правовые механизмы превращаются в совокупность деклараций. На практике наиболее уязвимым звеном выступает участок между стратегическим уровнем и отраслевым правоприменением: именно там возникает неопределенность юридической силы документов планирования, распадается ответственность за достижение целей, затрудняется контроль.

Перспективным направлением видится создание более стройного «ядра» регулирования национальной безопасности, где были бы закреплены дефиниции национальных интересов, принципы обеспечения безопасности, перечень приоритетов, общие правила координации и мониторинга. Подобное ядро не отменяет отраслевые режимы, но задает единый юридический стандарт их согласования. При этом правовое проектирование следует связывать с оценкой результативности, иначе корректировка регулирования осуществляется реактивно, после выявления коллизий и управленческих сбоев.

Отдельного рассмотрения требует кадровое измерение. Правовые механизмы, рассчитанные на сложные межведомственные процедуры, зависят от качества подготовки специалистов, способных интерпретировать стратегические документы и переводить их в правоприменительные решения. При фрагментарной подготовке формируется разрыв между юридическими конструкциями и реальными управленческими практиками: нормы формально действуют, но не дают воспроизводимого результата.

В методологическом плане продуктивным выглядит сочетание принципиального подхода (система правовых принципов, ограничивающая произвольность) и инструментального подхода (индикаторы, мониторинг, процедуры пересмотра). Принципы задают границы допустимых решений, инструментальный слой обеспечивает управляемость и проверяемость мер. На этой связке строится реалистичная перспектива развития механизма обеспечения национальных интересов: повышение связности стратегического и отраслевого регулирования, укрепление институциональной координации, развитие процедур оценки результативности, сопряжение правотворчества с практиками подготовки и работы правоприменителей.

Заключение

1. Система правовых механизмов обеспечения национальных интересов Российской Федерации структурируется по пяти взаимосвязанным блокам: нормативно-дефинитивному, стратегико-плановому, институциональному, процедурному и правоприменительному. Продуктивность данной структуры проявляется при наличии связки «приоритет → полномочия → процедура → измеримый результат», закрепленной в правовых нормах и управленческих регламентах.

2. На уровне проблем выявлены типовые дефекты правовой конструкции: многозначность терминологии национальных интересов; перегрузка стратегическими документами при слабой иерархии; распыление компетенций и лакуны ответственности; недостаточная измеримость результативности правовых мер. Данные дефекты усиливают риск ведомственной фрагментации и снижают предсказуемость правоприменения.

3. Направления развития регулирования сводятся к укреплению правовой связности: унификация терминологии национальных интересов в стратегических и отраслевых актах; нормативное закрепление иерархии документов стратегического планирования и процедур их пересмотра; институциональное оформление межведомственной координации; внедрение критериев результативности и процедур мониторинга; сопряжение правового проектирования с подготовкой специалистов для сферы национальной безопасности.

Литература

1. Алимова, Д.Р. Правовое регулирование национальных интересов в России: теория и практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 4. С. 730–742. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-4-730-742.

2. Аверьянова, В. Р., Пилюгина, Т. В., Юшкина, Т.В. Правовая организация взаимодействия и взаимосвязи национальной безопасности и национальных интересов гражданского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11. С. 127–133. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-11-25.

3. Бидова, Б. Б., Беляев, В.П. Принципы механизма реализации национальных интересов: система и особенности // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46, № 2. С. 327–335. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-2-327-335.

4. Горбулева, Е.В. Механизм реализации национальных интересов: актуальное состояние и показатели эффективности // Форум молодых ученых. 2025. № 11 (111). С. 39–42.

5. Кардашова, И.Б. Векторы развития законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 11 (99). С. 41–49.

6. Мохов, А.А. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: правовой взгляд на содержание и перспективы развития законодательства о национальной безопасности // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 98–108. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-2-98-108.

7. Советов, И.К. Правовые аспекты стратегического планирования обеспечения национальной безопасности России: 15 лет достижений и нерешенных проблем // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 1 (97). С. 62–72.

8. Смирнова, О.О. Генезис законодательного обеспечения стратегического планирования в России: ключевые изменения в Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 7. С. 3323–3340. DOI: 10.18334/epp.14.7.121143.

9. Фомин, А.А. Правовое обеспечение национальных интересов и национальной безопасности как самостоятельный модуль в структуре высшего юридического образования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 169–172.

10. Чапчиков, С.Ю. Право национальной безопасности как комплексная отрасль российского законодательства: проблемы формирования и содержательного наполнения // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49, № 1. С. 120–128. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-120-128.

A SYSTEM OF LEGAL MECHANISMS FOR ENSURING NATIONAL INTERESTS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Strelkov M.A.
Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

This article systematizes legal mechanisms for protecting and promoting the national interests of the Russian Federation amid increasingly complex threats, accelerated rulemaking, and growing demands for the consistency of strategic documents. This topic is relevant given the expanding list of national security priorities and the simultaneous fragmentation of regulatory decisions across public administration sectors. The novelty lies in the analytical model, which considers national interests through a set of legal instruments: strategic planning, regulatory consolidation of priorities, institutional coordination, control procedures, and law enforcement practices. This paper describes and compares approaches to the legal consolidation of national interests and examines the risks posed by declaratory strategies and conflicts between sectoral legislation. Particular attention is paid to the quality of the legal architecture: terminology, document hierarchy, performance indicators, and the mechanism for interagency coordination. This paper aims to formulate a comprehensive framework for legal means to ensure national interests and to propose directions for their development. This approach utilizes source analysis, comparative legal interpretation, and norm structuring. The conclusion outlines proposals for enhancing the coherence of strategic and sectoral regulation. This article will be useful to legal researchers, public administration practitioners, and developers of strategic documents.

Keywords: national interests, national security, strategic planning, legal mechanisms, public policy, regulatory framework, interagency coordination, law enforcement, regulatory effectiveness, legal doctrine.

References

1. Alimova, D.R. Legal Regulation of National Interests in Russia: Theory and Practice // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2024. Vol. 28, № 4. pp. 730–742. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-4-730-742.

2. Averianova, V. R., Pilyugina, T. V., Yushkina, T.V. Legal Organization of Interaction and Interrelationship between National Security and National Interests of Civil Society // Humanitarian, Socio-Economic, and Social Sciences. 2024. № 11. pp. 127–133. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-11-25.

3. Bidova, B. B., Belyaev, V.P. Principles of the Mechanism for Implementing National Interests: System and Features // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2021. Vol. 46, № 2. pp. 327–335. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-2-327-335.

4. Gorbuleva, E.V. Mechanism for Implementing National Interests: Current Status and Performance Indicators // Forum of Young Scientists. 2025. № 11 (111). pp. 39–42.

5. Kardashova, I.B. Vectors of Legislation Development in the Sphere of National Security // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2022. № 11 (99). pp. 41–49.

6. Mokhov, A.A. National Security Strategy of the Russian Federation: A Legal View of the Content and Prospects for the Development of National Security Legislation // Bulletin of the Russian Law Academy. 2024. № 2. pp. 98–108. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-2-98-108.

7. Sovetov, I.K. Legal Aspects of Strategic Planning for Ensuring National Security of Russia: 15 Years of Achievements and Unresolved Problems // Bulletin of the Kama Social Institute. 2024. № 1 (97). pp. 62–72.

8. Smirnova, O.O. Genesis of Legislative Support for Strategic Planning in Russia: Key Changes to the Federal Law «On Strategic Planning in the Russian Federation» // Economy, Entrepreneurship and Law. 2024. Vol. 14, № 7. pp. 3323–3340. DOI: 10.18334/epp.14.7.121143.

9. Fomin, A.A. Legal Support of National Interests and National Security as an Independent Module in the Structure of Higher Legal Education // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (63). pp. 169–172.

10. Chapchikov, S. Yu. National Security Law as a Complex Branch of Russian Legislation: Problems of Formation and Substantive Filling // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2024. Vol. 49, № 1. pp. 120–128. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-120-128.

Конституционная реформа 2020 года и развитие образовательного законодательства России: формирование суверенной национальной системы образования

Фатьянов Егор Владимирович,
аспирант кафедры конституционное, административное и уголовное право, Среднерусский институт управления-филиал РАНХиГС
E-mail: donyapon01@gmail.com

В статье исследуется влияние конституционной реформы 2020 года и последующих изменений отраслевого законодательства на формирование суверенной национальной системы образования в Российской Федерации. Предметом исследования выступают конституционные поправки 2020 года и последовавшие за ними изменения Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в период 2020–2026 годов, рассматриваемые в их системном единстве как факторы трансформации российской образовательной политики. Цель работы заключается в выявлении ключевых тенденций развития конституционно-правового регулирования образования, а также в определении вектора изменений отраслевого законодательства под влиянием конституционной реформы. Методологическую основу составили системный, формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы, позволившие проанализировать новеллы Конституции РФ и их имплементацию в образовательном законодательстве. В результате проведенного анализа установлено, что, хотя статья 43 Конституции РФ не подверглась непосредственным изменениям, конституционные новеллы (статьи 75.1 и 79) создали ценностно-целевую и суверенитетную основу для развития образовательной политики. Выявлены четыре ключевые тенденции трансформации образовательного законодательства: 1) идеологизация и усиление воспитательной функции на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей; 2) централизация и унификация содержания образования посредством внедрения федеральных основных общеобразовательных программ; 3) усиление государственного контроля и плановых начал (легализация целевого обучения, расширение перечня типовых программ дополнительного профессионального образования); 4) адаптация к новым вызовам (правовое регулирование просветительской деятельности, закрепление приоритета Конституции РФ над решениями межгосударственных органов). На основе проведенного исследования сформулирован вывод, согласно которому совокупность рассмотренных законодательных новелл образует целостную и внутренне согласованную правовую основу для функционирования суверенной национальной системы образования. Указанная система концептуально ориентирована на достижение стратегических национальных интересов, подготовку высококвалифицированных кадров, способных обеспечить технологический суверенитет государства, а также на воспитание личности, разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности.

Ключевые слова: конституционная реформа, право на образование, суверенная система образования, традиционные ценности, унификация образования, образовательное законодательство.

Конституционно-правовое регулирование образования в Российской Федерации в последние годы претерпевает существенную трансформацию, обусловленную как внутренними социально-экономическими и политическими факторами, так и изменениями геополитического характера. Ключевым событием, задавшим новые ценностно-целевые ориентиры для всей системы публичной власти, включая образовательную сферу, стала конституционная реформа 2020 года. Принятые в ходе нее поправки, хотя и не затронули непосредственно статью 43 Конституции РФ, сформировали обновленную нормативную основу, предопределившую вектор дальнейшего развития образовательного законодательства.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления качественных изменений, происходящих в правовом регулировании образования в период 2020–2026 годов. Принятие целого ряда федеральных законов, вносящих существенные коррективы в Закон об образовании, свидетельствует о формировании принципиально новой модели образовательной политики, ориентированной на построение суверенной национальной системы образования. Выявление системных взаимосвязей между конституционными новеллами и последующими изменениями отраслевого законодательства представляет значительный научный интерес и имеет практическое значение для понимания перспектив дальнейшего развития образовательного права.

В контексте эволюции конституционных основ государственной образовательной политики приоритетного внимания заслуживают поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации по итогам общероссийского голосования 1 июля 2020 года. Указанные конституционные изменения обозначили формирование качественно нового подхода к развитию образовательного пространства, включая сферу высшего образования. 20 января 2020 года Президентом Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», предусматривавший изменения 206 положений, затрагивающих 42 статьи Основного закона. 11 марта 2020 года указанный закон был принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации, а вступил в силу 3 июля 2020 года после одобрения в ходе общероссийского голосования [6].

Внесенные изменения затронули широкий круг вопросов, связанных с организацией и функционированием публичной власти. При этом непосредственно статья 43 Конституции Российской Федерации, закрепляющая право на образование, а также иные положения, напрямую регламентирующие образовательные отношения, изменению не подверглись.

Вместе с тем, конституционная новелла – статья 75.1 – установила, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Указанные положения создают ценностно-целевую основу для развития образовательной политики, ориентированной на формирование человеческого капитала и обеспечение достойного положения личности в обществе.

Кроме того, обновленная редакция статьи 79 Конституции Российской Федерации закрепила положение, согласно которому решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Представляется обоснованным распространение действия данной конституционной гарантии и на сферу высшего образования, особенно в части участия Российской Федерации в международных образовательных интеграционных процессах (включая Болонский процесс), поскольку любое межгосударственное сотрудничество в образовательной сфере должно осуществляться при безусловном соблюдении конституционных прав граждан и основ конституционного строя.

Таким образом, конституционная реформа 2020 года, не внося непосредственных изменений в статью 43 Конституции РФ, создала обновленную ценностно-нормативную основу для развития образовательного законодательства, закрепив приоритет конституционных предписаний при реализации международного сотрудничества, включая образовательную сферу, и определив социально-экономические ориентиры, в числе которых важное место занимает развитие человеческого потенциала через образование.

Проведенный анализ изменений, внесенных в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в период с 2020 по 2026 год, позволяет сделать обоснованный вывод о формировании устойчивого вектора законодательного регулирования, направленного на построение суверенной национальной системы образования, фундаментальной основой которой выступают традиционные российские духовно-нравственные ценности [7]. Указанные законодательные новеллы, будучи рассмотренными в системной взаимосвязи, выявляют несколько ключевых тенденций, характеризующих современный этап развития образовательного законодательства.

Прежде всего, обращает на себя внимание последовательная идеологизация образовательного процесса и усиление его воспитательной функции. Данная тенденция нашла свое нормативное выражение в существенной корректировке понятийного аппарата закона. Существенной содержательной корректировке подверглось легальное определение «воспитания», закрепленное в пункте 2 статьи 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». В указанную дефиницию были включены положения, ориентирующие воспитательный процесс на формирование у обучающихся чувства патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению. Кроме того, нормативное закрепление получило требование об учете «традиционных российских духовно-нравственных ценностей» при осуществлении воспитательной деятельности. Аналогичные изменения затронули и статью 3, где принцип гуманистического характера образования (пункт 3) был непосредственно увязан с соответствием традиционным ценностям, а в числе приоритетных задач воспитания закреплены трудолюбие, гражданственность и патриотизм. Указанные изменения, внесенные федеральными законами: от 31 июля 2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» [2], от 04 августа 2023 № 479-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [3] и от 25 декабря 2023 № 685-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»« [4], свидетельствуют о переходе от декларативного признания важности воспитания к его конкретному нормативному наполнению, ориентированному на формирование личности с четкой гражданской и ценностной позицией.

Второй фундаментальной тенденцией выступает централизация и унификация содержания образования, особенно ярко проявившаяся в сфере общего образования. Ключевым нововведением здесь стало законодательное закрепление института федеральных основных общеобразовательных программ (ФООП) (пункт 10.1 статьи 2, части 6.1–6.6 статьи 12), введенное Федеральным законом от 24 сентября 2022 № 371-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 1 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»« [5]. Установление требования о том, что содержание и планируемые результаты образовательных программ, разрабатываемых образовательными организациями, должны быть не ниже соответствующих параметров федеральных программ, а также обязательность непосредственного применения федеральных рабочих программ по стратегически значимым учебным предметам (русский язык, литература, история, обществознание, география, основы безопасности и защиты Родины, труд) знаменует собой отказ от избыточной вариативности и формирование единого образовательного пространства на всей территории Российской Федерации. Это позволяет обеспечить равный доступ обучающихся к качественному образованию вне зависимости от места проживания и специфики конкретной образовательной организации.

Третья тенденция заключается в усилении государственного контроля и плановых начал в образовательной сфере, что выражается в расширении инструментов государственного регулирования. В частности, в статье 2 было легализовано понятие «целевое обучение» (пункт 36), детально регламентированное впоследствии и направленное на удовлетворение кадровых потребностей экономики с установлением обязанности трудоустройства для выпускника. Кроме того, существенно расширен перечень сфер, для которых утверждаются типовые дополнительные профессиональные программы (часть 7 статьи 76). В их число вошли такие области, как противодействие коррупции, мобилизационная подготовка, обращение с отходами, медико-социальная экспертиза, строительство и здравоохранение, что свидетельствует о стремлении государства унифицировать и контролировать подготовку кадров для стратегически важных и социально значимых отраслей.

Наконец, четвертой важной тенденцией является адаптация системы образования к новым внутренним и внешним вызовам, что проявляется, во-первых, в правовом регулировании просветительской деятельности (пункт 35 статьи 2), которая была введена в правовое поле для упорядочения деятельности по распространению знаний вне рамок формального образования. Во-вторых, и это имеет принципиальное конституционно-правовое значение, в статью 4 была включена часть 6.1 (Федеральный закон от 08 декабря 2020 № 429-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), устанавливающая приоритет Конституции Российской Федерации над решениями межгосударственных органов. Данная норма, будучи распространенной и на сферу образования, создает правовой щит от нежелательного внешнего влияния и обеспечивает суверенитет российской образовательной политики.

В своей совокупности рассмотренные изменения образуют целостную и внутренне непротиворечивую правовую основу для дальнейшего развития образовательной системы. Принятые законодательные новеллы ориентируют систему образования на достижение национальных интересов, подготовку высококвалифицированных кадров, способных обеспечить технологический суверенитет и экономическую безопасность страны, а также на воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности, разделяющей традиционные российские ценности. Тем самым законодательство об образовании адаптируется к реалиям современного этапа развития государства, приобретая черты, характерные для суверенной национальной правовой системы.

Литература

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08 декабря 2020 № 429-ФЗ (с изменениями на 30 декабря 2021 года) // СЗ РФ. – 2020. – № 50 (ч.III). – Ст. 8074.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся: Федеральный закон от 31 июля 2020 № 304-ФЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 31 (ч.I). – Ст. 5063.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: Федеральный закон от 04 августа 2023 № 479-ФЗ // СЗ РФ. – 2023. – № 32, (ч.I). – Ст. 6211.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: Федеральный закон от 25 декабря 2023 № 685-ФЗ // СЗ РФ. – 2023. – № 1, (ч.I). – Ст. 66.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 1 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»: федеральный закон от 24 сентября 2022 № 371-ФЗ // СЗ РФ.- 2022. – № 39. – Ст. 6541.
6. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
7. Приобщение обучающихся к традиционным российским ценностям: инновационный опыт и успешные воспитательные региональные практики: сборник, отражающий теоретические основы и опыт практической деятельности по приобщению обучающихся к традиционным российским духовно-нравственным ценностям / под ред. О.В. Гукаленко, И.Ю. Фроленковой. – Москва: МАКС Пресс, – 2024. – 828 с.

THE 2020 CONSTITUTIONAL REFORM AND THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN EDUCATIONAL LEGISLATION: THE FORMATION OF A SOVEREIGN NATIONAL EDUCATION SYSTEM

Fatyianov E.V.
Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPA

The article examines the impact of the 2020 constitutional reform and subsequent changes in sectoral legislation on the formation of a sovereign national education system in the Russian Federation. The subject of the study is the 2020 constitutional amendments and

the ensuing modifications to the Federal Law «On Education in the Russian Federation» during the period 2020–2026, considered in their systemic unity as factors in the transformation of Russian educational policy. The aim of the work is to identify key trends in the development of constitutional and legal regulation of education, as well as to determine the vector of changes in sectoral legislation under the influence of the constitutional reform. The methodological basis includes systemic, formal legal, comparative legal, and historical legal methods, which made it possible to analyze the novelties of the Constitution of the Russian Federation and their implementation in educational legislation. As a result of the analysis, it is established that, although Article 43 of the Constitution of the Russian Federation was not directly amended, the constitutional novelties (Articles 75.1 and 79) created a value-target and sovereignty foundation for the development of educational policy. Four key trends in the transformation of educational legislation are identified: 1) ideologization and strengthening of the educational function based on traditional Russian spiritual and moral values; 2) centralization and unification of educational content through the introduction of federal basic general education programmes; 3) strengthening of state control and planning elements (legalization of targeted training, expansion of the list of standard additional professional education programmes); 4) adaptation to new challenges (legal regulation of educational outreach activities, enshrining the priority of the Constitution of the Russian Federation over decisions of interstate bodies). Based on the conducted research, a conclusion is formulated according to which the totality of the considered legislative novelties forms a coherent and internally consistent legal foundation for the functioning of a sovereign national education system. This system is conceptually oriented towards achieving strategic national interests, training highly qualified personnel capable of ensuring the technological sovereignty of the state, as well as the education of individuals who share traditional Russian spiritual and moral values.

Keywords: constitutional reform, right to education, sovereign education system, traditional values, unification of education, educational legislation.

References

1. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of December 8, 2020 № 429-FZ (as amended on December 30, 2021) // SZ RF. – 2020. – № 50 (Part III). – Art. 8074.

2. On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation» Concerning the Upbringing of Students: Federal Law of July 31, 2020 № 304-FZ // SZ RF. – 2020. – № 31 (Part I). – Art. 5063.

3. On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation»: Federal Law of August 4, 2023 № 479-FZ // SZ RF. – 2023. – № 32, (Part I). – St. 6211.

4. On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation» and Article 2 of the Federal Law «On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation»: Federal Law of December 25, 2023 № 685-FZ // SZ RF. – 2023. – № 1, (Part I). – Art. 66.

5. On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation» and Article 1 of the Federal Law «On Mandatory Requirements in the Russian Federation": Federal Law of September 24, 2022 № 371-FZ // SZ RF. – 2022. – № 39. – Art. 6541.

6. On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority: Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020. № 1-FKZ // SZ RF. – 2020. – № 11. – Article 1416.

7. Introducing Students to Traditional Russian Values: Innovative Experience and Successful Regional Educational Practices: a collection reflecting the theoretical foundations and practical experience of introducing students to traditional Russian spiritual and moral values / edited by O.V. Gukalenko, I. Yu. Frolenkova. – Moscow: MAKS Press, – 2024. – 828 p.

Особенности правового статуса руководителей региональных органов центральной власти в Китайской Народной Республики

Фирсов Максим Валерьевич,
заместитель директора по управлению федеральным имуществом ФГБУ «Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
E-mail: marshall85@yandex.ru

Актуальность статьи обусловлена необходимостью осмысления китайского опыта правового регулирования статуса руководителей территориальных органов публичной власти в контексте модернизации системы госслужбы РФ. Научная новизна заключается в комплексном анализе синтеза нормативных, идеологических и традиционных (конфуцианских) оснований регулирования, а также в выявлении эволюции кадровых процедур в КНР. Для всестороннего исследования автор применяет: сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический методы анализа. Китайская модель демонстрирует эффективное сочетание централизованного партийного руководства, конкурсных механизмов отбора и гибкости регионального управления; отдельные элементы (обязательное обучение, стажировки, двухэтапные экзамены) представляют интерес для совершенствования российской системы государственной службы.

Ключевые слова: государственная служба, кадровая служба, руководитель регионального органа, руководитель территориального органа, социалистическая модель, традиционная система, партийные директивы, идеологические доктрины.

Значительный экономический рост Китайской Народной Республики в последние годы во многом связывают с высококвалифицированным аппаратом госслужащих, сумевших эффективно реализовать комплекс экономических и социальных реформ[1]. Государственный строй в КНР – социализм, что определено Конституцией страны.

В странах Запада действует система политической нейтральности. Это подразумевает, что государственные служащие не участвуют в деятельности политических партий. В Китайской Народной Республике функционирует модель кадрового управления, известная как «партия отвечает за кадры». Это означает, что коммунистическая партия обладает исключительными полномочиями в вопросах подбора, расстановки и контроля управленческих кадров, что составляет фундаментальную основу всей системы госслужбы. Примечательно, что, несмотря на эту идеологическую особенность, процедуры найма и назначения на должности в социалистическом Китае демонстрируют сходство с практиками западных государств.

В соответствии с частью 2 Закона КНР «О государственной гражданской службе», под государственным служащим понимается лицо, которое на законных основаниях реализует публичные функции, состоит в штате административных структур и получает финансовое содержание из государственной казны. Принятый 27 апреля 2005 года закон (статья 1) определяет следующие ключевые задачи правового регулирования: упорядочение системы управления персоналом, защиту законных прав сотрудников, ужесточение надзора за их деятельностью, рост профессионализма и результативности госорганов, а также минимизацию коррупционных проявлений.

Комплексная оценка содержания и базовых характеристик законодательства Китайской Народной Республики о государственной службе осложняется прямым нормативным закреплением в статье 4 Закона отсылок к идеологическим доктринам. Таким образом, всесторонний анализ регулирования государственной службы в Китае не может быть ограничен лишь изучением правовых норм. Он требует обязательного рассмотрения политических деклараций, программных документов и всей совокупности пяти принципов государственной службы, изложенных в статье 4, включая партийные директивы, идеологию марксизма-ленинизма.

Более детализированные принципы функционирования госслужбы закреплены в статье 5 профильного закона. К ним относятся: соблюдение законности, прозрачность (гласность), равенство прав, состязательность (конкуренция) при замещении должностей, а также приоритетный отбор наиболее заслуженных претендентов. Дополнительно статья 6 устанавливает дуальный подход к управлению кадрами, сочетающий, с одной стороны, надзорные механизмы, а с другой – инструменты мотивации и социальной защиты служащих.

Фундамент правовой базы в сфере госслужбы КНР был заложен партийным документом, принятым 9 февраля 1995 года – Временным положением, регламентирующим подбор и расстановку руководящих кадров в партийных и государственных структурах. Как указывает исследователь А.Ф. Ноздрачев, именно этот акт стал отправной точкой для последующего развития всего массива законодательства о публичной службе в Китае.

Данную модель можно в определенной степени соотнести с российской системой создания кадрового резерва, описанной в статье 11 Федерального закона № 58-ФЗ от 27 мая 2003 года. Если изначально списки потенциальных кандидатов на повышение в КНР носили сугубо внутрипартийный характер и не афишировались, то со временем они обрели легальную форму и встроились в контур государственного управления.

[1] Различные аспекты развития государственной службы КНР проанализированы в работах Хао Дун. Функционирование и развитие системы государственной службы в КНР на современном этапе: автореф. дис.канд.полит. наук. М.2015. 36 с.; Шохина С.О. Институт государственной службы КНР. МГУ, 2018. 230 с.; Барциц И.Н., Демин А.А. Государственная служба в современном Китае: учебно-методическое пособие / Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. Москва: Изд-во РАГС, 2007. 43 с.; Алексеенко А.П. Регулирование государственной службы в КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 109–117. См. также: Burns, J.P. China's Civil Service Reform: Performance Management and Accountability. Routledge, 2017. 288 p.; Zheng, Y. The Chinese Communist Party as Organizational Emperor. Routledge, 2010. 272 p.

А.Ф. Ноздрачев также обращает внимание на то, что основы разграничения полномочий административных инстанций по вопросам назначений и освобождения от должностей прослеживаются уже в Уведомлении Госсовета КНР 1984 года. Этот документ установил пределы компетенции при кадровых перемещениях административных работников, заложив базу для дальнейшей нормативной дифференциации в данной области. Этот документ стал основой для последующего нормативного разграничения полномочий в кадровой сфере[1].

В КНР действует принцип демократического централизма, который закреплен на законодательном уровне. Суть заключается в том, что высшие органы принимают обязательные решения для органов более низкого уровня, в результате чего государственная служба в Китае разделена на три уровня: национальный, провинциальный и местный.

Китайская модель регулирования поступления на государственную службу отличается четкой вертикальной структурой распределения полномочий. Центральный орган по вопросам государственной службы обеспечивает проведение набора в учреждения центрального уровня и в ведомства, подчиненные Госсовету. Органы государственной службы провинциального уровня, в свою очередь, организуют процедуру приема в региональные и местные органы власти. При возникновении необходимости функции по организации отбора могут быть переданы инстанциям городского уровня, что отражает практику функциональной децентрализации внутри кадровой системы.

Одним из принципов является обязательность открытого информирования о вакансиях: публикуются сведения о должностях, требованиях к кандидатам, перечне документов и других условиях прохождения конкурса. На этапе предварительного отбора принимающий орган обязан проверить достоверность сведений, представленных претендентами.

Ряд ключевых управленческих позиций регулируется непосредственно Конституцией КНР. Народное собрание (ВСНП) утверждает кандидатуры на высшие государственные посты по представлению Председателя КНР или Премьера Госсовета, что обеспечивает конституционный контроль над кадровыми решениями в центральном правительстве.

На уровне регионального управления система построена по принципу выборов и ответственности перед соответствующими Народными представительными собраниями. Собрания провинциального, городского и уездного уровня обладают правом избирать и освобождать от должности глав местных администраций и их заместителей. Эта модель обеспечивает подотчетность местного руководства представительному органу той же административной ступени.

Закон о государственной службе включает комплекс ограничений, направленных на предотвращение семейных или клановых влияний в органах власти. Законодательством КНР введены ограничения, призванные не допустить формирования семейных кланов внутри государственных структур. Если служащие находятся в близком родстве или свойстве, им запрещено работать в одном ведомстве при условии, что один из них подчинен другому напрямую. Особо оговаривается ситуация с кадровыми, финансовыми и дисциплинарными подразделениями: назначение туда родственников исключается, поскольку семейные связи способны подорвать объективность принимаемых решений.

Однако китайский законодатель не стал делать эти запреты абсолютными. Предусмотрена возможность исключений для тех случаев, когда местная специфика либо характер служебных задач делают соблюдение строгих ограничений невозможным. Решение об отступлении от общего правила принимается органом управления госслужбой не ниже провинциального уровня – такая конструкция позволяет учитывать региональные особенности, не разрушая единого правового поля.

Если проследить эволюцию нормативного регулирования в этой сфере, обращает на себя внимание смягчение ряда позиций. В начале 1990-х годов действовал жесткий запрет на назначение местных уроженцев на руководящие посты уровня уезда и ниже. Сегодня эта норма пересмотрена: вместо категоричного ограничения введен более гибкий порядок, нацеленный на предотвращение местного протекционизма, но при этом учитывающий реальную кадровую потребность территорий. Новый подход допускает индивидуальные решения при условии соблюдения принципа беспристрастности и предотвращения местного протекционизма. Такое изменение отражает стремление к сочетанию централизованного кадрового контроля и повышенной управленческой гибкости на местах.

Государственная администрация гражданской службы КНР (ГАГС КНР) – это центральный орган исполнительной власти, уполномоченный заниматься вопросами управления и регулирования в сфере государственной гражданской службы в стране. Администрация играет ключевую роль в обеспечении эффективного функционирования государственного аппарата и реализации государственной политики.

В КНР все служащие, которые занимают должности в государственных учреждениях и предприятиях, делятся на две категории: руководящие и не руководящие, которые также подразделяются на ступени, что представлено в Таблицах № 1 и 2.

Таблица 1. Должности государственной гражданской службы КНР не руководящего уровня

№	Должность	Ранг
1	Инспекторы	8–13
2	Заместители инспекторов	10–15
3	Консультанты	12–18
4	Заместители консультантов	14–20
5	Заведующие отделами	16–22
6	Заместители заведующих отделами	17–24
7	Референты	18–26
8	Клерки	19–27

Таблица 2. Должности государственной гражданской службы КНР руководящего уровня

№	Должность	Ранг
1	Руководители государственного значения	1
2	Заместители руководителей государственного значения	2–4
3	Руководителя уровня провинций и министерств	4–8
4	Заместители руководителей уровня провинций и министерств	6–10
5	Руководители департаментов и бюро	8–13
6	Заместители руководителей департаментов и бюро	10–15
7	Руководители уездного и местного уровня	12–18
8	Заместители руководителей уездного и местного уровня	14–20
9	Руководители волостного уровня	16–22
10	Заместители руководителей волостного уровня	17–24

Вышеупомянутый принцип заключается в следующем:
– Коммунистическая партия Китая (КПК) и ее региональные структуры координируют кадры всех уровней должностей, а также занимаются управлением кадровым составом, руководствуясь основными положениями и принципами. В связи с этим, Центральный Комитет КПК обладает абсолютными полномочиями в выборе направления развития политики кадровой работы, распространяющейся на всю КНР, а также правом принятия решений по внесению корректировок, уточнений и модернизации в отношении реформирования действующих принципов;
– к правам партийных комитетов относятся полномочия по отбору и назначению руководящих составов по партийной и служебной линиям в органах соответствующих уровней.

Отдельно следует остановиться на порядке отбора кандидатов. Согласно Закону КНР «О государственной гражданской службе», для занятия руководящих должностей проводится открытый конкурсный экзамен. Второй частью вышеупомянутого закона установлен приоритет поступления на должность при прочих равных обстоятельствах национальных меньшинств, если их представители претендуют на пост, вакантный в администрации, созданной на территориях автономных регионов.

Проведение экзамена организует ГАГС КНР или ее департаменты, что определяется тем, в какой орган поступает кандидат. Стоит отметить, в экзамене не принимают участия представители органов, что дает более объективный результат. Согласно ст. 26 вышеназванного закона, в открытом доступе должно быть опубликовано объявление с перечнем вакантных должностей, их количества, требований, предъявляемых к претендентам, а также перечень необходимых документов, что значительно упрощает систему подачи заявок. Еще одной отличительной особенностью является проведение конкурса в два этапа. Экзамен проходит в письменной форме. Для каждой должности установлены свои правила и критерии оценки. После успешной сдачи экзамена, комиссия приступает к изучению личного дела кандидата, а также направляет его на обследование с целью получения информации о профессиональной пригодности для службы.

[1] Ноздрачев А.Ф. Указ. соч. С. 489.

При выборе кандидатов на должности руководителей РО ЦГВ среди действующих сотрудников проводится внутренний конкурс. При этом законодательно установлено, что для повышения государственного служащего по карьерной лестнице ему необходимы не только должный уровень образования, профессиональной подготовки и служебного опыта, но и наличие «необходимого для предлагаемой должности идеологического и политического качества». Как правило, сотрудника повышают на одну ступень, но в исключительном случае возможно повышение на две и более. В отдельных случаях, по решению и разрешению уполномоченных органов процедура может быть упрощена, назначение может происходить без проведения экзамена.

Значимую роль в системе управления кадрами играет процесс аттестации. Помимо проведения экзамена при назначении на должность также проводятся регулярные ежегодные аттестации, а также аттестации по результатам обучения, направленные на установление соответствия государственных служащих занимаемым ими должностям. В случае, если государственный служащий не проходит аттестацию или получает неудовлетворительный результат, он занимает более низкую по рангу должность.

Интересная особенность поступления в том, что кандидатам обеспечивают соответствующим обучением, касающимся профессиональных навыков, а также знаний в области государственной службы. Обучение проходят в том числе и лица, которые ранее занимали должности государственных служащих, но были назначены на должности руководителей. В сравнении с КНР государственные служащие в Российской Федерации сравнительно редко проходят программы обучения, что может негативно сказываться на эффективности работы государственных органов.

В КНР регулярное обучение сотрудников государственных органов закреплено на законодательном уровне. Одновременно с этим, законом закрепляется обязанность работодателя в обеспечении сотрудников регулярными стажировками в ведомствах с целью получения новых знаний и профессиональных навыков в различных областях, а также применения их на практике. Важно отметить, что сотрудники стажируются не только на должностях того же ранга, какой он занимает, но и на должностях выше или ниже. В случае, когда служащего назначают на должность руководителя, это позволяет оценить профессиональные навыки сотрудника, а также проверить уровень подготовки к новым должностным обязанностям. Обучение направлено на формирование у государственных служащих компетенций, необходимых для реализации стратегических задач страны. Система государственной службы КНР представляет собой ценный опыт для системы Российской Федерации.

В заключении стоит отметить, что, если сравнивать вышеупомянутый закон КНР и аналогичный Федеральный закон Российской Федерации, в России порядок поступления и несения государственной гражданской службы регламентирован более четко. Однако интересной особенность КНР является то, что практически все принципы кадровой работы имеют глубочайшие исторические корни и строятся с учетом идей К. Маркса, В.И. Ленина, Мао Цзэдуна и других научных деятелей. Так, например, система отбора государственных служащих путем проведения экзаменов «Кэцзюй» берет свое начало еще в 605 г. Таким образом, глубочайшее идеологическое и историческое содержание принципов кадровой работы пока не находят полного отражения в действующем законодательстве, но имеет ключевое значение в организации успешной и эффективной работы на практике, что дает основание для внедрение названных выше мер в российскую действительность.

Принятый в 2005 году Закон КНР о государственной службе интересен тем, что в его статьях прослеживается несколько смысловых пластов. С одной стороны, очевидно влияние традиционной правовой культуры – прежде всего конфуцианского различения позитивного права (фа) и морально-ритуальных установлений (ли). С другой – закон насыщен отсылками к текущему партийному нормотворчеству и идеологическим документам КПК. Помимо этого, в конструкции закона угадывается воздействие идейных установок, восходящих к Мао Цзэдуну и Дэн Сяопину, что придает регулированию определенный персоналистский оттенок.

Такая многосоставность не позволяет квалифицировать китайское законодательство о госслужбе как сугубо социалистическое по своим основаниям. Оно укоренено в более широкой культурной традиции, где социальный порядок обеспечивается не столько юридическими санкциями, сколько моральными императивами, вплетенными в ткань политической жизни. В этой системе нормы права, этические постулаты и партийные директивы находятся в состоянии подвижного равновесия, порой конфликтного, но в целом сохраняющего устойчивость.

Модернизация институтов госслужбы в КНР, если судить по тексту закона, строится на избирательном заимствовании зарубежного опыта, который перерабатывается с учетом китайской специфики. Ключевая особенность этого процесса – сохранение преемственности: новые административные механизмы не отменяют традиционных моделей управления, а встраиваются в них. Это позволяет решать актуальные задачи, не разрушая сложившиеся структуры власти и сохраняя культурную идентичность институтов.

Литература

1. Алексеенко А.П. Регулирование государственной службы в КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 109–117.
2. Барциц И.Н., Демин А.А. Государственная служба в современном Китае: учебно-методическое пособие / Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. Москва: Изд-во РАГС, 2007. 43 с.
3. Ноздрачев А.Ф. Указ. соч. С. 489.
4. Шохина С.О. Институт государственной службы КНР. МГУ, 2018. 230 с.
5. Хао Дун. Функционирование и развитие системы государственной службы в КНР на современном этапе: авторефер. дис.канд.полит. наук. М.2015.36 с.
6. Burns, J.P. China's Civil Service Reform: Performance Management and Accountability. Routledge, 2017. 288 p.
7. Zheng, Y. The Chinese Communist Party as Organizational Emperor. Routledge, 2010. 272 p.

LEGAL STATUS OF HEADS OF REGIONAL CENTRAL GOVERNMENT BODIES IN THE CHINA

Firsov M.V.
National Research Center Kurchatov Institute

The relevance of this article necessitates an understanding of the Chinese experience of legal regulation by heads of territorial public authorities in the ninth progressive system of civil service in the Russian Federation. The scientific novelty lies in the comprehensive analysis of the synthesis of normative, ideological, and traditional (Confucian) foundations of regulation, as well as the identification of personnel procedures in China. To conduct a comprehensive study, the author utilizes comparative legal, historical legal, and formal legal methods of analysis. The Chinese model demonstrates an effective combination of centralized party leadership, competitive selection mechanisms, and flexible regional governance. Certain elements (compulsory training, internships, and two-stage examinations) are of interest for improving the Russian civil service system.

Keywords: civil service, personnel service, head of a regional body, head of a territorial body, socialist model, traditional system, party directives, ideological doctrines.

References

1. Alekseenko A.P. Regulation of the civil service in China // Ecumene. Regional studies. 2018. № 4. pp.109–117.
2. Bartsits I.N., Demin A.A. Public service in modern China: an educational and methodological guide / Russian Academy of Public Services under the President of the Russian Federation. Moscow: RAGS Publishing House, 2007. 43 p.
3. Nozdrachev A.F. Decree, op. cit.p. 489.
4. Shokhina S.O. Institute of Public Administration of the People's Republic of China. Moscow State University, 2018. 230 p.
5. Hao Dong. Functioning and development of the public service system in China at the present stage: abstract of the dissertation of the candidate.It's been watered. Sciences. M.2015.36 p.
6. Burns, J.P. Public service reform in China: performance management and accountability. Routledge, 2017. 288 p.
7. Zheng, Y. The Chinese Communist Party as an organizational Emperor. Rutledge, 2010. 272 p.

Концептуальная трансформация местного самоуправления в единой системе публичной власти в свете Федерального закона от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»

Чевлытко Владимир Викторович,
студент Дальневосточного федерального университета

Гольцов Дмитрий Александрович,
студент Дальневосточного федерального университета

Гончарук Роман Алексеевич,
студент Дальневосточного федерального университета

В статье анализируется Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который знаменует собой концептуальную трансформацию муниципальной власти в России. Закон заменяет действовавший более 20 лет Федеральный закон № 131-ФЗ и направлен на интеграцию местного самоуправления в единую систему публичной власти, закреплённую Конституцией. Основные изменения касаются территориальной организации (переход к преимущественно одноуровневой системе), пересмотра полномочий органов местного самоуправления, усиления роли региональных властей в формировании и контроле муниципальных органов, ужесточения механизмов ответственности, а также сокращения форм прямой демократии. В статье рассматриваются как потенциальные преимущества реформы (повышение управленческой эффективности, унификация, чёткое разграничение полномочий), так и риски (ослабление местной демократии, централизация, снижение гражданской активности). Особое внимание уделяется переходным положениям, действующим до 1 января 2027 года, и значению регионального законодательства для успешной реализации реформы.

Ключевые слова: местное самоуправление, единая система публичной власти, Федеральный закон № 33-ФЗ, муниципальная реформа, территориальная организация, полномочия органов местного самоуправления, централизация, региональное регулирование, переходные положения, местная демократия.

Принятие Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» стало ключевым шагом в реализации конституционных норм, касающихся единой системы публичной власти.

С момента введения в действие основной части документа 19 июня 2025 года был завершён почти двухдесятилетний период функционирования системы местного самоуправления посредством Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также наметился переход к новому этапу формирования муниципальных институтов. Разработка данного законодательного акта шла несколько лет – с момента первого внесения проекта в Государственную Думу в декабре 2021 года, что указывает на высокую степень сложности и многоаспектности решаемых задач. Новый закон выступил логическим развитием конституционных реформ 2020 года, в ходе которых в Основной закон была включена ранее отсутствующая категория – единая система публичной власти. Идеологическая база этого подхода нашла своё дальнейшее развитие в нормах ФЗ-33, которые определяют конкретные формы взаимодействия и согласованности между уровнями публичной власти внутри единой структуры.

Конституционный фундамент, легший в основу закона, играет решающую роль в раскрытии его сути. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 ноября 2021 г. № 50-П было указано, что независимость местного самоуправления, являясь его ключевым признаком, не может быть абсолютной. Суд отметил, что органы государственной власти в пределах своей компетенции обязаны осуществлять регуляторное влияние на местные органы, рассматриваемые как один из элементов общей системы публичной власти. Такое толкование заложило юридическую основу для существенного укрепления государственно-регулятивной функции в сфере управления муниципальными образованиями. Закон № 33-ФЗ последовательно развивает эту идею, предусматривая четкие механизмы осуществления государственного контроля и координации в рамках единой системы публичной власти. При этом важно отметить, что закон не отменяет принцип самостоятельности местного самоуправления, но определяет его новые границы и формы реализации в условиях формирования единой системы публичной власти.

Основной концептуальной особенностью закона выступает пересмотр сути местного самоуправления. Ранее оно воспринималось прежде всего как механизм самодостаточной организации жителей для решения задач территориального значения, тогда как сейчас акцент смещён на интеграцию данного механизма в единую государственную управленческую структуру. Согласно документу, местное самоуправление трактуется как форма самодействия граждан по решению вопросов, непосредственно связанных с обеспечением жизнедеятельности населения (ВНОЖН). Такое определение, с одной стороны, ограничивает сферу полномочий муниципалитетов, с другой – подчёркивает ориентированность на практическую реализацию.

Наиболее важным изменением считается официальное закрепление того факта, что органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти. Данная норма имеет не просто заявительный, а стратегически значимый характер, поскольку президент РФ, согласно пункту 5 статьи 1 закона № 33-ФЗ, обязан гарантировать согласованную работу всех подчинённых структур.

Существенно меняется организационная структура муниципальных образований. Федеральный закон № 33-ФЗ предусматривает переход к преимущественно однопрофильной модели муниципальных образований. Определены три ключевых типа таких образований: городской округ, муниципальный округ и внутригородская территория городов федерального значения.

Двухуровневая система (населённые пункты и муниципальные районы) сохраняется только в отдельных случаях для субъектов РФ, где имеются социально-экономические, историко-культурные, этнические или иные особенности. Подобный подход стал результатом компромисса, достигнутого в процессе принятия закона: изначально планировался всеобщий переход на однополосную модель, однако

необходимость учитывать многообразие регионов потребовала более адаптивного подхода.

Отметим, что в новой редакции закона отсутствуют термины, связанные с межселенными территориями, что фактически обязывает включать все территории регионального уровня в состав городских или муниципальных округов. Например, в Алтайском крае до сих пор действуют прежние формы муниципальных образований – на 2026 год здесь зарегистрировано 56 муниципальных районов, 7 городских посёлков и 618 сельских посёлков. К числу таких образований относятся Благовещенский и Алейский районы, села Советское и Тогул, которые, согласно своим уставам, продолжают функционировать вне единой системы управления, сохраняя традиционные механизмы участия граждан в вопросах местного самоуправления.

Кроме того, изменились подходы к установлению границ муниципальных образований. Согласно пункту 9 статьи 10 Федерального закона № 33, границы должны формироваться с расчётом на то, чтобы административный центр был доступен для горожан всех населённых пунктов в пределах одного рабочего дня. Оговорка «в большинстве случаев» даёт возможность отклоняться от этого правила в особых ситуациях. Учёт особенностей заселённости, удалённости и сложности доступа позволяет регионам устанавливать дополнительные исключения. Тем не менее, запрещено создание условий, при которых население окажется обособленным от органов местной администрации, затруднена возможность получения государственных услуг и реализации контроля за деятельностью местной власти. Для решения этой задачи в структуре администраций предусматриваются территориальные отделения, обязательным условием создания которых становится пешеходная доступность. Таким образом, на территориях ликвидируемых посёлений будут организованы филиалы, обеспечивающие наличие представительства власти, однако такие подразделения лишаются полномочий по принятию решений, теряя тем самым самостоятельность.

Система полномочий органов местного самоуправления проходит масштабную реформу. Федеральный закон № 33-ФЗ вместо подробных списков вопросов местного значения, предусмотренных ранее законом № 131-ФЗ для различных видов муниципальных образований, вводит три единых блока ответственностей по решению задач непосредственного обеспечения жизни граждан. Первый блок включает полномочия, остающиеся исключительно на уровне местного управления – это утверждение устава муниципального образования, согласование местного бюджета, установление местных налогов и сборов, а также иные вопросы, критически важные для автономии муниципалитета. Ко второму блоку относятся те функции, которые региональный закон может передать органам государственной власти субъекта РФ. Третий блок предусматривает возможность передачи органам местного самоуправления части полномочий со стороны субъекта Российской Федерации – например, по организации дорожного хозяйства, сбору и удалению твёрдых коммунальных отходов, проведению работ по гражданской обороне.

Финансовая основа исполнения полномочий также меняется. До настоящего времени расходы на обеспечение нужд местного значения покрывались в основном за счёт местных бюджетов. Теперь выполнение обязанностей, входящих во второй и третий блоки, должно обеспечиваться в первую очередь за счет средств бюджетов субъектов РФ. Такое положение обязывает регионы брать на себя не только контролирующие функции, но и прямую финансовую ответственность за благополучие населения. Следует понимать, что изменение компетенции не влечёт автоматического предоставления органам местного самоуправления новых государственных полномочий – для этого требуется отдельная процедура, а также выделение соответствующих субсидий из федерального или регионального бюджета.

Органы местного самоуправления сохраняют право на финансирование расходов из местного бюджета по вопросам, не переданным им в ведение, при условии, что такое разрешение закреплено федеральными законами, а также могут устанавливать дополнительные формы социальной поддержки для определённых групп населения. Полномасштабное применение новых норм, касающихся полномочий, планируется с 1 января 2027 года, пока же действует правовая база, установленная Федеральным законом № 131-ФЗ.

В области организационных принципов местного самоуправления происходит значительная трансформация. Закон № 33-ФЗ вводит единый пятилетний срок полномочий для всех должностных лиц, занимающих муниципальные должности, что приводит к согласованности избирательных циклов на местах. Структура органов местного самоуправления состоит из представительного органа, главы муниципального образования, местной администрации, контрольно-счётного органа, а также других учреждений, предусмотренных уставом муниципального образования. Ключевым изменением стало изменение статуса главы муниципального образования – ранее он мог одновременно быть председателем представительного органа, однако теперь такая практика запрещена, за исключением случаев внутригородских образований в городах федерального значения. Также глава муниципалитета не может совмещать свою должность с функциями муниципального депутата. Тем не менее, он допускается занимать одновременно пост главы местной администрации при наличии соответствующего положения в региональном законе и уставе муниципального образования. Назначение на должность главы администрации возможно и для другого лица, которое выполняет свои обязанности на основе гражданско-правового договора.

Система формирования органов местного самоуправления претерпела значительные трансформации, нацеленные на укрепление роли региональной власти. Новый закон предусматривает несколько механизмов назначения главы муниципального образования: через муниципальные выборы, путём избрания представительным органом из своей среды (при условии отказа от депутатских полномочий – ранее такой возможности не было), а также выбор из числа кандидатов, выдвинутых губернатором субъекта РФ или конкурсной комиссией после проведения открытого конкурса. Особые правила действуют для руководителей территорий, включающих административный центр региона: они выбираются представительным органом из минимум двух кандидатур, представленных губернатором, что обеспечивает непосредственную зависимость главы муниципалитета от руководства субъекта и усиливает вертикаль управления. Закон также признаёт возможность одновременного занятия государственной должности на уровне субъекта Российской Федерации и муниципальной позиции, что способствует слиянию уровней власти и снижению границ между ними. Например, в городе Владивостоке после введения нового федерального закона об управлении на местах в уставе был изменён порядок избрания главы – теперь он утверждается Думой города из кандидатов, предложенных губернатором Приморья. Аналогичная практика реализуется в Чите, где глава муниципального образования определяется Думой городского округа на основе результатов конкурса, проводимого конкурсной комиссией. При этом в обоих случаях возглавляемый им человек одновременно исполняет функции главы местной администрации. Другая модель наблюдается в городе Кирове, в уставе которого сказано, что в городском округе эти должности не могут быть совмещены и глава города не возглавляет местную администрацию.

В рамках реформы системы местного самоуправления усиливается вертикальная направленность механизмов ответственности и контроля. Инициированное гражданами требование об отзыве депутата или главы муниципалитета больше не предусмотрено законодательством. Утверждена чёткая процедура освобождения главы муниципального образования по инициативе высшего должностного лица субъекта РФ. Причины для отстранения включают как доказанные правонарушения, так и критерии оценки эффективности – например, «постоянные невыполнения показателей функционирования органов местного самоуправления» либо «ненадлежащее выполнение обязательств по реализации полномочий в сферах, связанных с жизнедеятельностью населения». В процессе предусматриваются предупреждения, замечания, а также возможность назначения временного руководителя с ограниченными полномочиями по распоряжению губернатором. В результате глава муниципалитета оказывается подчинённым трем уровням подотчётности: обществу, выборному собранию муниципальных депутатов и, главное, главе региона.

Участие жителей в вопросах местного самоуправления проходит глубокую трансформацию. Согласно федеральному закону № 33-ФЗ, из списка механизмов участия граждан исключены классические элементы прямой демократии – обращение за отзывом депутата или другого избранного должностного лица, решение о изменении границ муниципалитета, его реорганизации, а также самостоятельная правотворческая инициатива граждан. Возрастной порог для включения в инициативные проекты, деятельность территориальных общественных организаций и участие в публичных слушаниях повышен с 16 до 18 лет. Оставлены такие формы участия, как местный референдум, муниципальные выборы, опросы населения, публичные слушания, общественные обсуждения, собрания граждан и сходы. Однако сфера действия сходов граждан ограничена: они могут проводиться лишь при рассмотрении вопросов самообора средств жителями на территории населённого пункта либо её части, а также при определении готовности граждан поддержать инициативный проект. При этом сходы больше не выполняют роль заместителей представительных органов, ранее обеспечивавших их функции в малых сельских округах. Несмотря на то, что федеральный закон не затрагивает некоторые формы участия, муниципальные образования вправе закрепить их в своих

уставах. Отдельное беспокойство вызывает минимальное внимание к применению цифровых технологий в целях усиления гражданской активности, что представляется значимым упущением в эпоху цифровой трансформации.

Переходный период действия закона определяется специальными положениями, действующими до 1 января 2027 года. На данном этапе применяется принцип двойного соответствия: полномочия органов местного самоуправления по вопросам местного значения остаются регулируемыми нормами Федерального закона № 131-ФЗ, однако любые муниципальные нормативные правовые акты, издаваемые и реализуемые в этот срок, обязаны соответствовать требованиям нового Федерального закона № 33-ФЗ. Такая ситуация формирует сложную правовую обстановку, требующую повышенной осторожности со стороны муниципальных структур при разработке и принятии нормативных документов. К указанной дате необходимо обеспечить соответствие всем законам и иным нормативным правовым актам субъектов РФ и органов местного самоуправления, затрагивающим организационные аспекты местного самоуправления, новому федеральному закону.

С теоретической позиции, издание Федерального закона № 33-ФЗ свидетельствует о кардинальной трансформации взглядов на суть местного самоуправления в Российской Федерации. Ранее преобладала модель, основанная на принципах европейской автономии муниципалитетов; сейчас же наблюдается смещение в сторону системы интегрированного управления на местах, которая функционирует внутри единого механизма государственного управления. Подобный подход несёт в себе как потенциальные выгоды, так и серьёзные вызовы. С одной стороны, он открывает возможности для решения давно накопленных проблем – постоянного недостатка финансирования, несоответствия между предоставленными полномочиями и доступными ресурсами, низкой эффективности управленческих процессов во многих муниципалитетах, особенно в сельской местности. Упорядочивание территориальной структуры, объединение мелких административных единиц, чёткое распределение полномочий с учетом реалий каждого уровня власти – всё это может повысить качество управления на региональном и местном уровнях.

С другой стороны, укрепление вертикали власти и повышение степени централизации управления сопряжены с рисками ослабления местных институтов демократии, снижения уровня участия граждан в общественной жизни и увеличения дистанции между населением и органами власти. Игнорирование механизмов прямой демократии – таких как возможность отзыва депутатов или инициативы по принятию нормативных актов – способствует сужению каналов обратной связи между властью и обществом. Рост зависимости глав муниципалитетов от руководителей субъектов РФ может привести к фактической трансформации местного самоуправления в подчинённый уровень государственно-управленческой системы, что противоречит конституционной основе независимости местного управления. Наличие в законе отсутствия раздела с ключевыми определениями порождает правовую неясность и различия в толковании норм на практике.

Перспективы применения Федерального закона № 33-ФЗ в значительной мере обусловлены тем, как он будет трактоваться и применяться на уровне регионов. Особое значение имеет глубина и адекватность регионального законодательства, которое должно раскрывать положения федерального акта с учётом особенностей каждого субъекта страны. Не менее важна будет позиция Конституционного Суда РФ, который может быть вызван к разъяснению спорных моментов новой нормативной базы. Также существенным станет опыт взаимодействия между органами власти субъектов Федерации и структурами местного самоуправления, где должны доминировать принципы взаимного уважения и конструктивного партнёрства.

Долгосрочный результат реформы будет определяться её способностью разрешать скопившиеся вызовы в сфере местного самоуправления, не теряя его сути – статуса органа власти, максимально близкого к жителям. Критически важно выдерживать равновесие между требованиями эффективного управления и развитием местной демократии, между централизацией и автономией, а также между государственным контролем и самоуправлением муниципалитетов. Реализация этих целей предполагает единый подход к учёту интересов и потребностей населения, обеспечение открытости управленческой деятельности, совершенствование механизмов взаимодействия между уровнями публичной власти. Успешное внедрение новой модели позволит укрепить доверие граждан к государственному управлению, создав условия для расширения межуровневого сотрудничества и реализации совместных проектов.

Таким образом, Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» стал составной частью масштабной трансформации системы местного управления, нацеленной на интеграцию муниципальных структур в общий механизм публичной власти. Документ вводит фундаментальные изменения в устройство административно-территориальной структуры, уточняет компетенции органов местного самоуправления, регламентирует порядок их создания и функционирования, а также пересматривает механизмы контроля, подотчётности и участия граждан в управлении. Подобные преобразования носят стратегический характер и свидетельствуют о смене подхода – от модели сравнительной автономии местного самоуправления к модели, тесно вплетённой в государственную управленческую систему. Осуществление изменений предусмотрено в рамках переходного этапа до 1 января 2027 года, что даёт возможность поэтапно адаптировать действующие нормативные установки к новым условиям. Успешность проведённой реформы во многом определится уровнем продуманности мер, вниманием к специфике отдельных регионов, сохранением демократических практик на местах и способностью новой структуры эффективно решать задачи повседневного благоустройства и обеспечения жителей необходимыми услугами.

Литература

1. Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»
2. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

CONCEPTUAL TRANSFORMATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN A UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY IN LIGHT OF FEDERAL LAW № 33-FZ OF MARCH 20, 2025 «ON THE GENERAL PRINCIPLES OF ORGANIZING LOCAL SELF-GOVERNMENT IN A UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY»

Chevlytko V.V., Goltzov D.A., Goncharuk R.A.
Far Eastern Federal University

The article analyzes Federal Law № 33-FZ of March 20, 2025 «On the General Principles of Organizing Local Self-Government in a Unified System of Public Power», which marks a conceptual transformation of municipal authority in Russia. The law replaces the previously effective Federal Law № 131-FZ, which had been in force for over 20 years, and aims to integrate local self-government into the unified system of public power established by the Constitution. Key changes relate to territorial organization (transition to a predominantly single-tier system), revision of local government powers, strengthening the role of regional authorities in the formation and control of municipal bodies, tightening accountability mechanisms, and reducing forms of direct democracy. The article examines both potential advantages of the reform (improved managerial efficiency, unification, clear delineation of powers) and risks (weakening of local democracy, centralization, decreased civic engagement). Special attention is paid to transitional provisions in effect until January 1, 2027, and the importance of regional legislation for the successful implementation of the reform.

Keywords: local self-government, unified system of public power, Federal Law № 33-FZ, municipal reform, territorial organization, powers of local self-government bodies, centralization, regional regulation, transitional provisions, local democracy.

References

1. Federal Law of March 20, 2025 № 33-FZ «On General Principles of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority»
2. Federal Law of October 6, 2003 № 131-FZ (as amended on March 20, 2025) «On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation"

Правовое регулирование труда работников имеющих детей

Апоревич Вера Николаевна,
к.ю.н., доцент кафедры «Публичное, частное и транспортное право», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: vera.nika.72@bk.ru

Зуева Ксения Андреевна,
старший преподаватель кафедры «Экономическая безопасность и таможенное дело», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: kseniaandn@mail.ru

В статье рассматриваются особенности правового регулирования труда работников, имеющих детей. Формирование благоприятных условий труда для женщин и лиц с семейными обязанностями оказывает существенное влияние не только на темпы экономического развития государства, но и на его социальную стабильность и демографические перспективы. С рождением детей у указанных категорий работников возникает дополнительный объем обязанностей, выходящий за рамки их профессиональной деятельности. В связи с этим женщины и лица, имеющие семейные обязанности, обоснованно рассматриваются как особая категория работников, нуждающаяся в специфическом правовом регулировании и усиленной государственной поддержке. Указанные обстоятельства предопределяют актуальность и практическую значимость рассматриваемой темы для современного государства.

Ключевые слова: рынок труда, работники, имеющие детей, профессиональные задачи, функция по воспитанию детей, условий труда для женщин и лиц с семейными обязанностями, женщины и лица с семейными обязанностями, поддержка со стороны государства, государственные и корпоративные льготы.

Современный рынок труда характеризуется повышенными требованиями к работникам вне зависимости от сферы их профессиональной деятельности. При этом работники, имеющие детей, вынуждены совмещать выполнение трудовых обязанностей с реализацией семейных функций. От них требуется не только качественное и своевременное выполнение профессиональных задач в условиях жестких временных ограничений, участие в управленческих процессах и представление результатов своей деятельности клиентам и широкой аудитории, но и полноценное осуществление воспитательной функции в отношении своих детей. Концептуальная идея исследования заключается в обосновании необходимости формирования комплексной системы государственных и корпоративных мер поддержки женщин и лиц с семейными обязанностями независимо от количества детей, направленной на создание условий для эффективного совмещения трудовой деятельности и семейных обязанностей.

Исследование особенностей правового регулирования труда работников, имеющих детей, приобретает важное значение для совершенствования механизма регулирования трудовых отношений с их участием. Оно направлено на оценку эффективности действующих норм и выявление направлений их дальнейшего развития.

В Российской Федерации работники, воспитывающие детей, образуют особую категорию субъектов трудового права. Их специфика обусловлена тем, что наряду с выполнением трудовых обязанностей они осуществляют функции по воспитанию подрастающего поколения, что сопряжено с повышенной психоэмоциональной нагрузкой и требует дополнительных ресурсов. Указанные обстоятельства объективно обосновывают необходимость закрепления на законодательном уровне специальных гарантий и мер поддержки для данной категории работников.

Реализация конституционного права на труд, закрепленного в статье 37 Конституции Российской Федерации [1], на практике не всегда учитывает особенности правового статуса работников, имеющих детей. Действующее законодательство не предусматривает для них преимуществ на этапе трудоустройства. Вступая в трудовые отношения, такие работники реализуют общий объем прав и обязанностей, установленный, в частности, нормами главы 11 Трудового кодекса РФ [3]. Работодатель, в свою очередь, осуществляет подбор кадров, исходя из собственных интересов и критериев эффективности. При этом и работник, и работодатель руководствуются принципом свободы труда, закрепленным в статье 2 Трудового кодекса РФ [3]. Работник, имеющий детей, стремится выбрать условия трудового договора, позволяющие совмещать профессиональную деятельность с семейными обязанностями. Однако единообразие правового регулирования не позволяет в полной мере учитывать специфику данного субъекта трудового права, что обуславливает необходимость дифференциации норм и выделения особого правового статуса работников с детьми.

В парадигме трудового права особое место исторически занимает женщина-работник, выделявшаяся в самостоятельную категорию. Сегодня же она интегрирована в более широкое и динамично развивающееся понятие «лица с семейными обязанностями». Однако такое объединение не всегда оправдано с точки зрения тонкостей правового регулирования. Так, ранее специфические ограничения на привлечение к сверхурочным работам касались исключительно женщин, воспитывающих детей до трех лет (статья 99 Трудового кодекса РФ) [3].

Продолжая обозначенную тенденцию, следует отметить, что в ноябре 2021 года соответствующая норма была расширена за счет включения дополнительных категорий работников. Это свидетельствует не только о количественном увеличении круга лиц, наделенных специальными гарантиями, но и о качественном изменении подходов законодателя к регулированию труда работников, имеющих семейные обязанности. В частности, к таким категориям были отнесены одинокие родители – матери и отцы, а также опекуны, воспитывающие детей младше 14 лет; родитель, в одиночку заботящийся о ребенке до 14 лет, пока другой родитель занят вахтовой работой; наконец, работники, имеющие трех и более несовершеннолетних детей, – до достижения младшим ребенком 14-летия. Подобные коррективы коснулись и статьи 96 Трудового кодекса РФ [3], определяющей правила привлечения к работе в ночное время.

Законодатель, однако, выделяет еще одну особую категорию – родителя, который в одиночку воспитывает ребенка, не достигшего

четырнадцатилетнего возраста, в тех случаях, когда второй родитель трудится вахтовым методом и, следовательно, его физическое присутствие и активное участие в воспитательном процессе ограничены. Однако отсутствие четкого нормативного уточнения содержания данной категории приводит к ее чрезмерно широкому толкованию. В результате круг лиц, претендующих на дополнительные гарантии, необоснованно расширяется, что, в свою очередь, способно создавать определенные сложности для работодателя в части организации производственного процесса и эффективного управления трудовыми ресурсами.

Работники, имеющие детей, наделены значительным объемом прав и гарантий в сфере трудового права, в том числе связанных с регулированием рабочего времени. Несмотря на то, что действующее законодательство не устанавливает для данной категории сокращенную продолжительность рабочего времени как общее правило, оно предусматривает возможность введения режима неполного рабочего времени по инициативе работника. В соответствии со статьей 93 Трудового кодекса РФ [3] такое право предоставляется, в частности, женщинам, имеющим детей определенного возраста. При этом установление неполного рабочего времени осуществляется по заявлению работника, а оплата труда производится пропорционально фактически отработанному времени либо выполненному объему работ.

Дополнительные гарантии предусмотрены для женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет. В частности, им предоставляется право на дополнительные перерывы для кормления ребенка, которые устанавливаются не реже чем через каждые три часа работы и составляют не менее 30 минут. В случае если женщина воспитывает двух и более детей соответствующего возраста, продолжительность таких перерывов должна составлять не менее одного часа. Важным является то обстоятельство, что указанные перерывы включаются в рабочее время и подлежат оплате, что выступает важной социальной гарантией, направленной на защиту интересов матери и ребенка.

Важнейшей гарантией для родителей, посвятивших себя воспитанию детей, служит возможность продолжать трудовую деятельность по совместительству, даже находясь в отпуске по уходу за ребенком. Более того, такое совмещение не лишает права на пособие. Основанием для такого утверждения стало письмо Социального фонда России (СФР) от 20.02.2026 № 14–20/8100. Связующим звеном между родительскими обязанностями и карьерным ростом выступает возможность досрочного выхода из отпуска по уходу за ребенком до достижения им полутора лет. Важно отметить, что выполнение трудовых обязанностей в условиях неполного рабочего дня, удаленно или на дому, также не является препятствием для сохранения права на получение пособия. Отметим, что в РФ активно развивается платформенная занятость, имеющая такие положительные стороны, как гибкий график, быстрый заработок, удобство и простота, наращивание собственной клиентской базы, что привлекает внимание социально уязвимых категорий граждан (студентов, женщин, находящихся в декретном отпуске и отпуске по уходу за ребенком, пенсионеров, инвалидов) [12].

Аналогично право на пособие не прекращается при трудоустройстве в период отпуска к другому работодателю. При этом обязанность по выплате ежемесячного пособия остается за тем работодателем, которым оно было назначено первоначально. Размер указанного пособия определяется однократно – на момент начала отпуска по уходу за ребенком, за исключением случаев его назначения в минимальном размере.

К числу базовых трудовых прав относится право на отпуск. При этом Трудовой кодекс РФ не устанавливает специальных дополнительных оплачиваемых отпусков для работников, имеющих детей. Общая продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска едина для всех работников и составляет 28 календарных дней [3], включая выходные и нерабочие праздничные дни. Вместе с тем возможность предоставления дополнительного отпуска может быть закреплена в коллективном договоре организации. Работодатель вправе по собственной инициативе предусмотреть дополнительные дни отдыха с их оплатой, однако такая обязанность законом на него не возложена.

В соответствии со статьей 263 Трудового кодекса РФ [3] работникам, имеющим двух и более детей, предоставляется право на дополнительный отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью до 14 календарных дней. При этом учитываются дети, не достигшие возраста 14 лет. В случае если ребенок имеет инвалидность, право на отпуск без сохранения заработной платы сохраняется до достижения им возраста 18 лет. Для реализации данного права работник должен обратиться к работодателю с соответствующим заявлением. Указанный отпуск предоставляется в пределах текущего календарного года и не подлежит переносу на следующий год. Работники, имеющие одного ребенка, указанным правом не наделяются.

По состоянию на 2026 год специальный федеральный закон, регулирующий предоставление отпусков многодетным родителям, отсутствует. Вместе с тем статья 262.2 Трудового кодекса РФ [3] закрепляет право работников, имеющих трех и более детей в возрасте до 18 лет, использовать ежегодный оплачиваемый отпуск в удобное для них время. Данная гарантия действует до достижения младшим ребенком возраста 14 лет.

Важной гарантией трудовых прав многодетных и не многодетных работников является юридическая ответственность работодателя за нарушение трудового законодательства, основанием для которой является нарушение трудовых прав работников [8].

Дальнейшее развитие правового статуса работников, имеющих детей, представляется возможным посредством принятия специального федерального закона, который обеспечит комплексную нормативную регламентацию их положения. Введение особого правового статуса, предусматривающего повышенные требования, дополнительные обязанности и ответственность таких работников, должно сопровождаться закреплением расширенного объема их правовых гарантий со стороны государства.

Трудовая деятельность работников, воспитывающих детей, сопряжена с повышенными моральными и физическими нагрузками, а также значительной ответственностью, что обусловливает необходимость наличия соответствующих профессиональных компетенций и устойчивости психики независимо от количества детей. Следует учитывать, что даже воспитание одного ребенка требует значительных временных и ресурсных затрат. В связи с этим представляется обоснованным подход, при котором наличие даже одного ребенка в семье могло бы служить основанием для предоставления матери или отцу права на досрочное пенсионное обеспечение.

В Российской Федерации действуют специальные нормы, регулирующие порядок пенсионного обеспечения работников, имеющих детей [4]. Особые гарантии предусмотрены для многодетных родителей. С 1 января 2026 года в страховой стаж включаются все периоды ухода за каждым ребенком до достижения им возраста полутора лет без ограничения их общей продолжительности. Ранее действовало правило, согласно которому суммарная продолжительность таких периодов не могла превышать шести лет. Дополнительно за каждый полный год ухода за ребенком начисляются пенсионные баллы – индивидуальные пенсионные коэффициенты: за первого ребенка – 1,8, за второго – 3,6, за третьего и каждого последующего – 5,4.

В случае если в многодетной семье одновременно рождаются двое или более детей (например, двойня или тройня), периоды ухода за каждым ребенком подлежат суммированию с учетом их фактической продолжительности. Так, при осуществлении ухода за близнецами до достижения ими возраста полутора лет в страховой стаж засчитывается не один общий период, а отдельные периоды по каждому ребенку. В результате общий стаж может составить, к примеру, три года – по полтора года за каждого из близнецов. При этом следует отметить, что Социальный фонд России осуществляет перерасчет страхового стажа в отношении лиц, которым страховая пенсия была назначена до вступления соответствующих изменений в законодательство.

Многодетные матери, то есть женщины, воспитывающие трех и более детей, обладают правом на досрочное назначение страховой пенсии по старости. Возраст выхода на пенсию в данном случае зависит от количества детей [2]:

– при наличии троих детей – по достижении 57 лет;
– при наличии четверых детей – по достижении 56 лет;
– при наличии пяти и более детей – по достижении 50 лет.

Назначение досрочной пенсии возможно при соблюдении установленных законом условий: наличие страхового стажа продолжительностью не менее 15 лет, воспитание каждого ребенка до достижения им возраста восьми лет, а также наличие необходимого количества индивидуальных пенсионных коэффициентов (в 2026 году – не менее 30) [2].

Необходимо подчеркнуть, что статус многодетной матери возникает при наличии трех и более детей, и именно этот критерий является юридическим основанием для предоставления права на досрочное пенсионное обеспечение.

Наряду с мерами социальной поддержки, принятыми на федеральном уровне, в субъектах РФ действуют дополнительные региональные льготы в отношении многодетных семей. Подтверждение соответствующего статуса осуществляется посредством специального удостоверения, форма которого с 2024 года унифицирована на всей территории РФ. Предоставление льгот, как правило, осуществляется до достижения старшим ребенком возраста 18 лет, а в случае его обучения по очной форме в образовательной организации – до достижения 23 лет [9].

Таким образом, действующее законодательство устанавливает значительный объем трудовых прав, гарантий и мер социальной поддержки для работников, имеющих детей. Вместе с тем, анализ правового регулирования показывает наличие ряда проблем в рассматриваемой сфере.

В рамках проведенного исследования были выявлены следующие проблемы: отсутствие четкой дифференциации правового статуса работников в зависимости от количества детей; необходимость установления на федеральном уровне единых нормативов трудовой нагрузки с учетом количества и возраста детей; а также случаи несоблюдения на практике сокращенных норм рабочего времени для работников, воспитывающих детей.

С целью устранения вышеизложенных проблем представляется целесообразным реализация следующих мер:

– во-первых, необходима систематизация правового регулирования путем закрепления норм, регулирующих труд работников с детьми, в одном нормативном правовом акте;

– во-вторых, необходимо установить систему прав и льгот пропорционально количеству детей, включая распространение отдельных гарантий на семьи, воспитывающие одного ребенка;

– в-третьих, следует на законодательном уровне закрепить право одного из родителей на использование гибкого графика работы либо дистанционного формата трудовой деятельности при наличии ребенка – как минимум до завершения им обучения в начальной школе.

– в-четвертых, требуется предусмотреть возможность предоставления дополнительных дней отпуска, связанных с важными этапами в жизни ребенка, такими как поступление в первый класс и иные значимые события, непосредственно связанные с воспитанием;

– в-пятых, представляется целесообразным предусмотреть сокращение периода трудовой деятельности, необходимого для назначения трудовой пенсии для матери, имеющей одного ребенка.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление 20.01.2026.

2. О трудовых пенсиях в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление 20.01.2026.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление 20.01.2026.

4. О страховых пенсиях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление 20.01.2026.

5. О списках работ, профессий, должностей, специальностей и учреждений, с учетом которых досрочно назначается трудовая пенсия по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 29.10.2002 № 781 // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление 20.01.2026.

6. О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 16.07.2014 № 665 // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление 20.01.2026.

7. Александров, Н.Г. Трудовое правоотношение / Н.Г. Александров. – М.: Юриздат, 2025. – 336 с.

8. Апоревич, В.Н. Юридическая ответственность за нарушение трудового законодательства / Апоревич В.Н. В сборнике: Правовые основы деятельности граждан в современной России – Хабаровск: Издательство ДВГУПС, 2005. С. 54–63.

9. Апоревич, В.Н. Современные тенденции развития юридического образования в России / Апоревич В.Н. В сборнике: Проблемы и перспективы развития образования в технических вузах: Сборник материалов научно-методической конференции, посвященной памяти В.Г. Григоренко / Под редакцией А.Н. Гануса. –Хабаровск: Издательство ДВГУПС, 2016. С. 7–11.

10. Гусов, К.Н. Трудовое право России: учебник / К.Н. Гусов, В.Н. Толкунова. – М.: Проспект, 2023. – 496 с.

11. Драчук, М.А. Субъекты трудового права: дис. … канд. юрид. наук.: 12.00.05: защищена 13.02.2015: утв. 15.07.2015 / Максим Анатольевич Драчук. – Омск, 2014. – 201 с.

12. Зуева, К.А. Проблемы правового регулирования платформенной занятости как нетипичной формы трудовой деятельности в РФ / Зуева К.А. // Юридическая наука. – 2025. – № 7. – С. 149–154.

13. Маврин, С.П. Трудовое право России: учебник / С.П. Маврин, М.В. Филлипова, Е.Б. Хохлов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2025. – 448 с.

LEGAL REGULATION OF LABOR OF EMPLOYEES WITH CHILDREN

Aporevich V.N., Zueva K.A.
Far Eastern State Transport University

This article examines the specifics of legal regulation of labor for workers with children. Creating favorable working conditions for women and individuals with family responsibilities has a significant impact not only on the pace of economic development but also on social stability and demographic prospects. With the birth of children, these categories of workers acquire additional responsibilities that extend beyond their professional activities. Therefore, women and individuals with family responsibilities are rightly considered a special category of workers requiring specific legal regulation and enhanced state support. These circumstances determine the relevance and practical significance of this topic for the modern state.

Keywords: labor market, employees with children, professional tasks, child-rearing function, working conditions for women and persons with family responsibilities, women and persons with family responsibilities, government support, government and corporate benefits.

References

1. Constitution of the Russian Federation [Electronic resource]: adopted by popular vote on December 12, 1993 // SPS ConsultantPlus. – Last updated on January 20, 2026.

2. On Labor Pensions in the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law № 173-FZ dated December 17, 2001 // SPS ConsultantPlus. – Last updated on 20.01.2026.

3. Labor Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law № 197-FZ dated 30.12.2001 // SPS ConsultantPlus. – Last updated on 20.01.2026.

4. On Insurance Pensions [Electronic resource]: Federal Law № 400-FZ dated 28.12.2013 // SPS ConsultantPlus. – The last update was on 20.01.2026.

5. On the lists of works, professions, positions, specialties, and institutions that are taken into account when an old-age labor pension is granted early in accordance with Article 27 of the Federal Law «On Labor Pensions in the Russian Federation [Electronic resource]: Decree of the Government of the Russian Federation № 781 dated October 29, 2002 // SPS «ConsultantPlus". – Last update on 20.01.2026.

6. On the lists of works, industries, professions, positions, specialties, and institutions (organizations) that are taken into account when an old-age insurance pension is granted early, and the rules for calculating the periods of work (activity) that entitle to early pension provision [Electronic resource]: Decree of the Government of the Russian Federation № 665 dated 16.07.2014 // SPS ConsultantPlus. – Last update 20.01.2026.

7. Alexandrov, N.G. Labor Legal Relationship / N.G. Alexandrov. – M.: Yurizdat, 2025. – 336 p.

8. Aporevich, V.N. Legal responsibility for violation of labor legislation / Aporevich V.N. In the collection: Legal foundations of citizens' activities in modern Russia – Khabarovsk: DVGUPS Publishing House, 2005. pp. 54–63.

9. Aporevich, V.N. Modern trends in the development of legal education in Russia / Aporevich V.N. In the collection: Problems and prospects of education development in technical universities: Collection of materials of the scientific and methodological conference dedicated to the memory of V.G. Grigorenko / Edited by A.N. Ganus. Khabarovsk: DVGUPS Publishing House, 2016. pp. 7–11.

10. Gusov, K.N. Labor Law of Russia: textbook / K.N. Gusov, V.N. Tolkunova. – M.: Prospekt, 2023. – 496 p.

11. Drachuk, M.A. Subjects of Labor Law: dis. … cand. jurid. Sciences: 12.00.05: defended on 13.02.2015: approved on 15.07.2015 / Maxim Anatolyevich Drachuk. – Omsk, 2014. – 201 p.

12. Zueva, K.A. Problems of legal regulation of platform employment as an atypical form of labor activity in the Russian Federation / Zueva K.A. // Legal science. – 2025. – № 7. – P. 149–154.

13. Mavrin, S.P. Labor Law of Russia: textbook / S.P. Mavrin, M.V. Filippova, E.B. Khokhlov. – St. Petersburg: SPbSU Publishing House, 2025. – 448 p.

Бородавко Анастасия Александровна,
аспирант АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»
E-mail: Borodavko.AA@lenenergo.ru

В статье проведен анализ актуальных проблем правового режима объектов электросетевого хозяйства (далее также – ОЭСХ): рассмотрены вопросы ОЭСХ как единого имущественного комплекса; проанализирована ответственность за содержание бесхозяйных и бесхозяйно содержащихся объектов электросетевого хозяйства; изучены основания возникновения права собственности на объекты электросетевого хозяйства. Также рассмотрено право на земельный участок и иное недвижимое имущество при эксплуатации объектов электросетевого хозяйства и проанализированы разные виды обременений, устанавливаемые на объекты электросетевого хозяйства.
Кроме того, автором предложен ряд нововведений и разработок для усовершенствования законодательного регулирования в энергетической сфере.

Ключевые слова: электросетевые объекты, единый имущественный комплекс, трансформаторная подстанция, обременения, право на земельный участок, сервитуты.

Объекты электросетевого хозяйства как единый имущественный комплекс

В процессе рассмотрения судебных споров в сфере электроэнергетики часто возникает необходимость определения правовой природы объектов электросетевого хозяйства, которые могут быть квалифицированы как сложная вещь, единый недвижимый комплекс (ЕНК) или единый имущественный комплекс (ЕИК). Согласно статье 134 Гражданского кодекса РФ[1], сложная вещь представляет собой совокупность объектов, объединенных общим назначением, при этом действие сделки распространяется на все входящие в нее элементы, если не предусмотрено иное. Единый недвижимый комплекс, в свою очередь, согласно статье 133.1 ГК РФ[2] определяется как совокупность зданий, сооружений и иных вещей, объединенных единым назначением и технологически связанных между собой. При этом, важными характеристиками ЕНК являются обязательная государственная регистрация, неделимость как единого объекта и наличие технологической взаимосвязи между компонентами. Кроме того, в составе сложной вещи, так и в составе ЕНК могут присутствовать движимые объекты, что было подтверждено как судебной практикой[3], так и доктриной[4]. Единый имущественный комплекс имеет более широкое содержание. В его состав входят не только материальные объекты, но и исключительные права, долги, права требования и иные нематериальные активы. В отличие от ЕНК, ЕИК не всегда является недвижимостью и не требует обязательной государственной регистрации.

При этом, зачастую судам сложно определить природу трансформаторных подстанций и размещенного внутри них электросетевого оборудования. Судебная практика смешивает понятия ЕНК и ЕИК, что приводит к противоречивым решениям[5]. Рассмотрим дело № А45–31732/2021, которое наглядно демонстрирует сложности квалификации объектов электроэнергетики. Так, истец приобрел в собственность здание трансформаторной подстанции и оформил ее как единый недвижимый комплекс (ЕНК). По мнению владельца, его право собственности распространялось не только на строительные конструкции, но и на все электросетевое оборудование, размещенное внутри строительной части объекта. Однако конкурсный управляющий ответчика включил в конкурсную массу электросетевое оборудование, находящееся внутри подстанции. В ходе рассмотрения дела в суде было установлено, что и строительная часть и оборудование образуют единую систему и не могут функционировать по отдельности. Однако, примечательно то, что в своих выводах суд сначала ссылался на статью 133.1 Гражданского кодекса РФ[6], регулирующую единый недвижимый комплекс (ЕНК), а затем квалифицировал объект как единый имущественный комплекс (ЕИК). Возможным объяснением данного решения может служить предположение о том, что недвижимый комплекс является лишь элементом более обширного имущественного комплекса. Помимо данного противоречия, суды нередко признают ЕИК состоящим исключительно из материальных объектов без включения в него нематериальных активов. Так, в судебных разбирательствах стороны используют аргумент о том, что здание и подстанция образуют единый имущественный комплекс, что, в свою очередь, исключает необходи-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

[2] Там же.

[3] Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.06.2015 по делу № А51–19502/2014// URL: https://ras.arbitr

[4] Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «Консультант Плюс» 2015., Дружинина Ю.Ф. О перспективах включения единого недвижимого комплекса в гражданский оборот // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 3. С. 100–105, Полякова В.Э. Имущественный комплекс // СПС «Консультант Плюс» 2018.

[5] Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2022 № 07АП-7771/2022 по делу № А45–31732/2021, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.05.2023 № Ф04–1400/2023 по делу № А45–31732/2021//URL: https://ras.arbitr

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

мость оплаты за размещенное внутри оборудование[1]. Однако такой подход противоречит нормам Гражданского кодекса РФ[2]. Как же следует квалифицировать трансформаторную подстанцию с ОЭСХ, размещенными внутри нее? Данные объекты не могут являться ЕНК, так как не зарегистрированы в качестве такового и, кроме того, не всегда являются недвижимостью. К ЕИК рассматриваемые объекты также относиться не могут поскольку тут отсутствуют нематериальные активы.

Нами предложено разделить этот вид объектов на две группы: движимое и недвижимое имущество. Так, если данный объект является недвижимостью и зарегистрирован в качестве такового, то он относится к единому недвижимому комплексу. Если же ТП и оборудование является движимым имуществом, либо, если ТП – недвижимое, а оборудование – движимое имущество, то для него следует создать отдельную группу объектов под названием «технологическая совокупность объектов электросетевого хозяйства». Введение данного определения будет способствовать более четкому обозначению трансформаторной подстанции, состоящей из строительной части и оборудования и устранит ошибочное отнесение данного объекта к единому недвижимому или единому имущественному комплексу.

Так, необходимо дополнить статью 3 ФЗ об электроэнергетике следующим абзацем: «Технологическая совокупность объектов электросетевого хозяйства – это несколько объектов электросетевого хозяйства, представляющих собой разновидность сложной вещи куда входят материальные, движимые и недвижимые (либо только движимые) объекты электросетевого хозяйства, в том числе, находящиеся в собственности различных юридических и физических лиц. Все элементы входящие в данную совокупность должны иметь технологическую связь. В случае их разделения функциональное значение подобных объектов будет утрачено». Подобное изменение поспособствует более четкому определению теоретических понятий в доктрине и приведет к единообразию судебную практику.

Ответственность за содержание бесхозяйных и бесхозяйно содержащихся объектов электросетевого хозяйства

Еще одной актуальной проблемой энергетического права является вопросы ответственности за содержание бесхозяйных и бесхозяйно содержащихся ОЭСХ. Так, в процессе реформирования законодательства были введены системообразующие территориальные сетевые организации (СТСО), на которые возложены обязанности по обслуживанию и эксплуатации бесхозяйных электросетевых объектов. Ранее, ответственность за эксплуатацию таких объектов возлагалась либо органы местного самоуправления, либо на сетевую компанию, к сетям которой они были присоединены. Однако, как отмечает исследователь О.А. Символоков, прежняя система имела существенные недостатки, среди которых, особо можно отметить недостаточную компетентность органов местного самоуправления в вопросах эксплуатации электросетей, сложность определения ответственного лица[3], повышенные риски для потребителей и сетевых компаний[4], а также возможность неправомерного перераспределения балансовой принадлежности.

В настоящее время, в соответствии с Федеральным законом № 185-ФЗ от 13.07.2024[5] и Приказом Минэнерго России № 1070[6] на СТСО возложены обязанности по выявлению бесхозяйных объектов, оформлению прав собственности и эксплуатации объектов независимо от наличия технологической связи с собственными сетями. Процедура оформления прав на бесхозяйные объекты предусматривает для движимых объектов обращение в суд после постановки на кадастровый учет, а для недвижимых объектов – возможность обращения в суд через три месяца после постановки на учет.

При этом, основная проблема заключается в том, что нередко у ОЭСХ имеются собственники, однако они содержат свои объекты безответственно, в крайне аварийном состоянии. Так, анализ судебной практики демонстрирует серьезные последствия ненадлежащего содержания электросетевых объектов. Например, в деле № 88–21897/2024 зафиксированы длительные аварийные отключения электроэнергии[7]. В деле № А40–155499/2022 рассматривались обстоятельства возникновение пожаров и материального ущерба из-за аварийного состояния трансформаторной подстанции[8]. В делах № А55–16218/2023 и № А27–19020/2023 также зафиксированы случаи повреждения имущества из-за ненадлежащего обслуживания[9]. Иногда ненадлежащее содержание подобных объектов приводит к угрозе жизни и здоровью граждан, что подтверждается материалами уголовных дел[10]. Для решения данной проблемы автором предлагается следующее.

Так, необходимо сформировать список критериев, по которым можно будет определить, насколько бесхозяйно содержится тот или иной электросетевой объект. К таким критериям необходимо отнести: захламленность или загрязненность объекта более 50%, регулярные аварии (чаще раза в месяц), задержки в устранении аварий свыше 15 дней, необходимость капитального ремонта более года и иные признаки ненадлежащего содержания ОЭСХ. Данная система критериев должна быть закреплена в форме Постановления или Распоряжения. Ответственным лицом за выявление подобных объектов необходимо назначить СТСО и закрепить за ним право заключения договоров временной эксплуатации проблемных объектов. Сторонами договора будут являться СТСО и собственником объекта.

Соответственно, необходимо дополнить статью 38 ФЗ об электроэнергетике дополнительным пунктом следующего содержания. «При выявлении признаков бесхозяйно содержащихся объектов электроэнергетики, СТСО публикует на официальном интернет-сайте информацию о возможном заключении договора о временной эксплуатации объектов электросетевого хозяйства, в связи с выявленными нарушениями. В случае, если по истечении 30 (тридцати) календарных дней возражений в адрес СТСО не поступает, договор считается заключенным автоматически по типовым условиям. Если собственник или владелец ОЭСХ не согласен с заключением данного договора, он обязан в течении 3 месяцев с момента направления возражений в адрес СТСО привести электросетевые объекты в надлежащее состояние. После повторной проверки объектов, СТСО принимает решение относительно заключения договора (при неустранении замечаний в содержании объектов) или продлевает срок для ремонта объектов, он не более чем на один календарный год». Данное нововведение обеспечит более качественное обслуживание ОЭСХ, что в свою очередь повысит безопасность электроэнергетики страны.

Основания возникновения права собственности на объекты электросетевого хозяйства

Также одной из актуальных проблем электроэнергетики является тема, связанная с основаниями возникновения права собственности на ОЭСХ. Проблема заключается в том, что нередко после строительства ОЭСХ по договору технологического присоединения, стороны ставят на баланс одно и тоже имущество. Впоследствии возникают судебные споры в части того, кто же является его собственником. Несмотря на то, что судебная практика в данной области довольно обширна и включает даже Определения ВС РФ[11], на сегодняшний день окончательное решение не найдено. На взгляд автора, для решения данной проблемы необходимо рассмотреть правовую природу акта о разграничении балансовой принадлежности.

Так, в соответствии с п. 2 Правил № 861[12], «акт разграничения балансовой принадлежности электросетей – это документ, составленный

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.09.2024 № 310-ЭС24–8441 по делу № А83–18908/2021; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.08.2023 № 15АП-10497/2023 по делу № А53–39887/2022, Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2019 № 13АП-30540/2018 по делу № А56–102674/2018//URL: https://ras.arbitr

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

[3] Символоков О.А. Проблемы правоспособности юридических лиц в сфере электроэнергетики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 32–35.

[4] Символоков О.А. Правовой режим бесхозяйного имущества в энергетической сфере// Вестник Московского государственного областного университета» (серия «Юриспруденция»). № 2. С. 58–62.

[5] Федеральный закон от 13.07.2024 № 185-ФЗ (ред. от 08.08.2024)//»Собрание законодательства РФ», 15.07.2024, № 29 (Часть III), ст. 4114.

[6] Приказ Минэнерго России от 04.10.2022 № 1070 (ред. от 09.12.2024) «Об утверждении Правил технической эксплуатации электрических станций и сетей Российской Федерации и о внесении изменений в приказы Минэнерго России от 13 сентября 2018 г. № 757, от 12 июля 2018 г. № 548» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.12.2022 № 71384)//официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 6 декабря 2022 г. № 0001202212060056

[7] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.10.2024 № 88–21897/2024 (УИД 38RS0036–01–2023–007451–26)//СПС «КонсультантПлюс»

[8] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.07.2024 № 09АП-37788/2024 по делу № А40–155499/2022// URL: https://ras.arbitr

[9] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 03.02.2025 № Ф06–2262/2024 по делу № А55–16218/2023// URL: https://ras.arbitr

[10] Ненадлежащее обслуживание электрических сетей привело к смерти ребенка (Электронный ресурс. Дата обращения: 03.11.2025) https://orenburg.bezformata.com/listnews/elektricheskih-setey-privelo-k-smerti/131652166/?ysclid=mhj1mss0j33098455

[11] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.12.2017 № 305-ЭС17–11195 по делу № А40–205546/2016. URL: https://ras.arbitr

[12] Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 (ред. от 01.11.2024)// Собрание законодательства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 52 (часть

собственниками объектов электроэнергетики (энергопринимающих устройств), определяющий границы балансовой принадлежности», при этом, «граница балансовой принадлежности – линия раздела объектов электроэнергетики между владельцами по признаку собственности или владения на ином предусмотренном федеральными законами основании». Таким образом, исходя из буквального толкования приведенных положений, граница балансовой принадлежности проводится по признаку наличия собственности или владения объектами в процессе исполнения договора технологического присоединения. При этом исследование судебной практики показывает, что данный документ чаще всего отражает лишь технический аспект, не подтверждая права собственности или владения[1]. (Необходимо также отметить, что Постановлением Правительства РФ от 07.05.2017 № 542 «Об изменении и признании утратившими силу отдельных положений актов Правительства Российской Федерации по вопросам составления документов о технологическом присоединении к электрическим сетям»[2] составление АРБПиЭО было отменено. С 2017 года, сетевые организации составляют только акт о технологическом присоединении, в котором указываются границы балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности сторон). Однако такой подход судебной практики лишает смысла факт установления балансовых границ. На наш взгляд необходимо пересмотреть подход к правовому значению АРПБиЭО. Целесообразнее рассматривать этот документ как основание для перехода права собственности на объекты электросетевого хозяйства в соответствии с границами, установленными в нем. Для этого, потребуется внести изменения в типовую форму договора технологического присоединения, предусмотрев отдельное заключение договора подряда при строительстве объектов по индивидуальному проекту и порядок оформления перехода права собственности.

Таким образом, следует отобразить в п. 10 раздела 2 типовых условий договора технологического присоединения: «При осуществлении технологического присоединения по индивидуальному проекту стороны обязаны заключить дополнительный договор подряда на строительство объектов электросетевого хозяйства и распределить право собственности на возведенные объекты».

Право на земельный участок и иное недвижимое имущество при эксплуатации объектов электросетевого хозяйства

Еще одной актуальной проблема в энергетическом праве является отсутствие надлежащего согласования размещения объектов электросетевого хозяйства с собственниками земельных участков. Так, на практике нередко возникают ситуации, когда ОЭСХ размещаются внутри трансформаторных подстанций либо на земельных участках, принадлежащих третьим лицам, либо в иной недвижимости без надлежащего согласования с собственниками объектов недвижимости. Подобная ситуация влечет существенные риски как для сетевых организаций, так и для потребителей, например: возможность демонтажа и принудительного выноса объектов, нарушение принципа однократности технологического присоединения и, как следствие, угроза стабильности энергоснабжения потребителей. Одним из возможных решений данной проблемы является установление специального публичного сервитута для размещения электросетевого оборудования в помещениях.

В современном мире между учеными-правоведами ведется дискуссия относительно того, какова же правовая природа публичного земельного сервитута. Так, ряд авторов, например, такие как М.Н. Малеина[3], В.А. Микрюков[4] указывают на то, что данный институт обладает вещно-правовой природой и является ограниченным вещным правом[5]. Другие ученые[6] настаивают на том, что сервитут ограничивает права собственности[7] на определенные объекты. На наш взгляд, публичный сервитут является правовым институтом, ограничивающим права собственника, то есть он представляет собой обременение. Так, подобный механизм уже существует в отношении земельных участков, согласно статье 39.37 Земельного кодекса РФ[8]. При этом, распространение данного правового института на помещения позволит обеспечить законное размещение оборудования, защитить интересы потребителей электроэнергии, а также гарантирует бесперебойность энергоснабжения.

Таким образом, представляется целесообразным предусмотреть в Земельном Кодексе РФ наравне с возможностью установления специального публичного сервитута для эксплуатации оборудования, находящегося на земельных участках, также установление данного вида сервитута с целью эксплуатации объектов электросетевого хозяйства, находящихся в иных объектах недвижимости, в том числе в строениях, сооружениях и помещениях что поспособствует оперативному доступу сетевых компаний к своему оборудованию и, соответственно, обеспечит безопасность электроэнергетики страны. Необходимо откорректировать главу V.7. «Установление публичного сервитута в отдельных целях» Земельного кодекса РФ указав следующее название сервитута: публичный сервитут устанавливается для использования земельных участков и (или) земель, а также иного недвижимого имущества.

«Энергетическое обременение»: новый вид ограничения прав собственников или иных законных владельцев объектов электросетевого хозяйства

Выше мы рассматривали один из способов обременения прав собственников земельных участков либо иной недвижимости для целей размещения ОЭСХ. Однако, помимо установления сервитута есть также иные способы обеспечить доступ сетевых компаний к своих объектам. Так, одним из наиболее распространенных вариантов является применение п. 6 Правил 861[9]. Согласно п. 6 Правил № 861: «Собственники и иные законные владельцы объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединено к электрическим сетям сетевой организации энергопринимающее устройство потребителя, не вправе препятствовать перетоку через их объекты электрической энергии для такого потребителя и требовать за это оплату»[10]. Суть данного положения заключается в том, что владелец электросетевого оборудования, через которое осуществляется опосредованное подключение потребителей к электрической сети, обязан соблюдать два ключевых требования: во-первых, он не имеет права создавать препятствия для перетока электроэнергии, во-вторых, не может требовать оплаты за сам факт осуществления перетока электроэнергии через принадлежащее ему оборудование.

Важно отметить, что первоначально данное ограничение применялось исключительно к объектам электросетевого хозяйства. Однако развитие судебной практики привело к расширению сферы его действия. В настоящее время положения пункта 6 Правил № 861 распространяются не только на электросетевое оборудование, но и на объекты недвижимого имущества, обеспечивающие доступ к ОЭСХ[11]. То есть, можно сделать вывод, о том, что в сфере энергетического законодательства появился новый вид обременения – «энергетическое обременение». Важно подчеркнуть строго ограниченный характер действия этого обременения. Оно применяется исключительно в правоотношениях, где одной из сторон выступает сетевая организация. В отношениях между субъектами, не подпадающими под действие Федерального закона «Об электроэнергетике»[12], данный вид обременения применяться не может. Кроме того, в сфере энергетического законодательства появился еще один правовой механизм, который, по мнению автора, необходимо отнести к «энергетическому обременению». Это обязанность заключения договора о порядке пользования имуществом (да-

II) ст. 5525

[1] Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.08.2024 № 13АП-16825/2024 по делу № А56–87675/2023, Определение Верховного Суда РФ от 11.11.2022 № 304-ЭС22–20641 по делу № А75–10564/2021. URL: https://ras.arbitr

[2] Постановление Правительства РФ от 07.05.2017 № 542 (ред. от 30.06.2022) «Об изменении и признании утратившими силу отдельных положений актов Правительства Российской Федерации по вопросам составления документов о технологическом присоединении к электрическим сетям»// «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017, № 20, ст. 2927.

[3] Малеина М.Н. Обременение частным или публичным сервитутом зданий и сооружений // Хозяйство и право. – 2006. – № 7. С. 106.

[4] Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. – М.: Юрайт, 2007. – С. 139.

[5] Ивко А.О. Публичный сервитут // Science time. – 2015. – № 12 (24). С. 274.

[6] Терновая Ю.Е. Правовая характеристика правоотношений, составляющих публичный.

земельный сервитут // Современное право. – 2014. – № 12–1. С. 24.; Хатунцев О.А. Правовой режим вещных прав на земельные участки как конфликтное поле гражданского и земельного законодательств // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7 (86). С. 191.

[7] Суханов Е.А. Вещные права в новом Земельном кодексе Российской Федерации // Экологическое право. – 2003. – № 1. С. 54.

[8] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.06.2025)// «Собрание законодательства РФ», 29.10.2001, № 44, ст. 4147.

[9] Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 (ред. от 01.11.2024)// Собрание законодательства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 52 (часть II) ст. 5525.

[10] Там же.

[11] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.11.2023 № 13АП-27211/2023 по делу № А56–25042/2023 // URL: https://ras.arbitr

[12] Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 02.11.2023) «Об электроэнергетике» // «Собрание законодательства РФ», 31.03.2003, № 13, ст. 1177.

лее также – ДоПИ). Смысл данного нововведения заключается в том, что собственники ОЭСХ нередко не обладают необходимыми ресурсами и компетенцией для оперативного и качественного устранения аварийных ситуаций на своих объектах. Подобная ситуация создает существенные риски не только для сетевых компаний, но и для конечных потребителей электроэнергии, которые могут столкнуться с длительными перерывами в электроснабжении. В качестве примера можно указать дело № А56–15593/2023[1], где ПАО «Россети Ленэнерго» предъявило иск к ООО «РСС» с требованием возместить затраты, в связи с ликвидацией аварии на электросетевых объектах последнего.

Согласно п. 14 Правил № 1229[2], если стороны не пришли к согласию относительно заключения ДоПИ до 31 октября текущего периода регулирования цен (тарифов) на услуги по передаче электрической энергии, то они должны обратиться в суд с иском об урегулировании разногласий. До этого момента их отношения регулируются посредством Соглашения в типовой форме (далее также СоПИ), которое считается заключенным с 1 ноября текущего периода. То есть, Соглашение, предшествующее ДоПИ, автоматически считается заключенным между сторонами и предмет данного Соглашения равен предмету договора ДоП И. Таким образом, изначально, между сторонами заключается СоПИ, а в последующем, уже после урегулирования разногласий через суд – заключается договор ДоП И. При этом, основной проблемой данного нововведения является то, что недобросовестные собственники ОЭСХ, с целью избежать обязанности заключения договора, передают свои объекты третьим лицам.

В качестве примера, рассмотрим дело № А41–107600/2024[3]. В данном споре сторонами выступали: ПАО «Россети Московский регион» (истец, выполняющий функции СТСО) и АО «К-РАЭСК» (ответчик, утративший статус территориальной сетевой организации). Суть исковых требований заключалась в следующем: истец предложил ответчику заключить договор о порядке пользования имуществом, однако последний отказался от подписания документа. Причиной отказа послужило наличие ранее заключенного договора аренды, условия которого содержали запрет на передачу объектов электросетевого хозяйства третьим лицам без согласия арендатора. Арбитражный суд, рассмотрев материалы дела, принял решение об отказе в удовлетворении исковых требований. Основанием для такого решения послужило наличие действующего договора аренды с четко прописанной оговоркой об ограничении прав собственника в отношении распоряжения объектами электросетевого хозяйства. Аналогичные обстоятельства рассматривались в судебных делах № А41–108011/2024[4], № А41–104720/2024[5] и № А41–107607/2024[6]. Суды приходят к единому выводу, о том, что основным условием для заключения ДоПИ является отсутствие передачи ОЭСХ третьим лицам. Но, при подобном подходе судебной практики, реформирование энергетического законодательства окажется неэффективным, так как стороны смогут легко уклониться от обязательной процедуры заключения договора, лишь подписав акта приема-передачи электросетевых объекта. Для устранения правового пробела предлагается закрепить на нормативном уровне принципиально новый подход, согласно которому обязанность по заключению Соглашения о порядке использования имущества или Договора о порядке использования имущества будет рассматриваться как правовое обременение. Данное обременение должно обладать следующими ключевыми характеристиками: возникать автоматически сразу после заключения СоПИ, распространяться на всех без исключения собственников и владельцев электросетевых объектов, сохранять свою юридическую силу независимо от последующей смены собственника объектов. Резюмируя вышеизложенное, отметим следующее.

Выявлен новый вид обременения прав собственников объектов электросетевого хозяйства – «энергетическое обременение». Суть данного обременения заключается в наложении дополнительных обязанностей на собственников и иных законных владельцев объекта электросетевого хозяйства, а именно: собственник/владелец обязан предоставить сетевой организации возможность размещать объекты электросетевого хозяйства внутри своих объектов (например, разместить оборудование, принадлежащее сетевой организации внутри строительной части трансформаторной подстанции, принадлежащей собственнику/владельцу). Понятие «энергетическое обременение» необходимо закрепить в ст. 3 ФЗ об электроэнергетике в следующей редакции: «Энергетическое обременение представляет собой наложение дополнительных обязанностей на собственников и иных законных владельцев объекта электросетевого хозяйства, а именно: собственник/владелец обязан предоставить сетевой организации возможность размещать объекты электросетевого хозяйства внутри своих объектов, согласно п. 6 Правил № 861, а также лица, указанные в абз. 7 п. 2 статьи 46.4 ФЗ об электроэнергетике обязаны заключить договор о порядке пользования имуществом в соответствии с положениями действующего законодательства». В настоящий момент данный вид обременения описан в п. 6 Правил № 861, однако законодательством он не отнесен к обременениям. В связи с этим судебная практика не всегда признает за сетевой организацией право размещать свои объекты в границах чужой собственности. Соответственно, для уменьшения количества судебных споров, а также для защиты интересов потребителей (которые будут отключены от электроэнергии в случае демонтажа имущества сетевой организации) необходимо отредактировать ФЗ об электроэнергетике, включив в него понятие «энергетического обременения».

Предлагается дополнить статью 26 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» подпунктами 1.2. и 1.3. следующего содержания: «1.2. При размещении объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевой организации на праве собственности в зданиях, строениях, сооружениях и иных объектах недвижимости, представляющих собой единую сложную вещь с объектами электросетевого хозяйства, сетевая организация в целях осуществления технологического присоединения, имеет право беспрепятственного доступа к той части объектов недвижимости, в которых размещены соответствующие объекты электросетевого хозяйства, а собственник(и) объектов недвижимости либо иные лица не вправе препятствовать сетевой организации в эксплуатации объектов электросетевого хозяйства, в частности, не вправе ограничивать возможность беспрепятственного доступа к объектам электросетевого хозяйства, возможность их обслуживания, реконструкции и ремонта, а также возможности присоединения иных заявителей к объектам электросетевого хозяйства и требовать за это плату. Данное обременение применяется для действующих объектов электросетевого хозяйства в рамках настоящего Федерального закона и подлежит государственной регистрации».

Кроме того, одним из видов «энергетического обременения» является обязанность собственников ОЭСХ заключать соглашение о порядке пользования имуществом и договор о порядке пользования имуществом. В настоящее время обязанность по заключению подобных договоров возложена на ТСО, которые утратили свой статус либо отказались от своего статуса в качестве территориально-сетевых организаций. В ФЗ об электроэнергетике предусмотрено, что если стороны не договорились об условиях ДоПИ, то между ними автоматически заключается СоПИ до того момента, когда они придут к согласию относительно заключения договора ДоП И. Заключение данных договоров позволяет СТСО оперативно обслуживать объекты, устранять аварии и обеспечивать эффективную работу ОЭСХ в целом. При этом в законодательстве не урегулирован момент, как быть в случае, если после заключения СоПИ, но до заключения ДоПИ объекты были переданы третьим лицам. В настоящее время, при подобных обстоятельствах, судебная практика отказывает СТСО в исках о понуждении к заключению договоров ДоПИ с первоначальными собственниками объектов, с связи с тем, что объекты у этих собственников отсутствуют. В целях урегулирования данной ситуации, нами предложено отобразить в законодательстве, что, если стороны не пришли к согласию относительно условий договора ДоПИ, он автоматически считается заключенным на типовых условиях. При этом данный вид договора является обременением прав собственников ОЭСХ и, соответственно, при отчуждении объектов третьим лицам, договор ДоПИ сохраняет силу и ОЭСХ считаются переданными с обременением. Договор ДоПИ представляет собой «энергетическое обременение» объектов электросетевого хозяйства, заключение договора СоПИ не требуется.

Таким образом, представляется целесообразным дополнить п. 14 Правил № 1229[7] следующим содержанием: «В случае если до 31 октября текущего периода регулирования цен (тарифов) на услуги по передаче электрической энергии договор о порядке использования не был составлен в письменной форме в виде одного документа, подписанно-

[1] Постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 27.04.2024 по делу № А56–15593/2023 // URL: https://ras.arbitr

[2] Постановление Правительства РФ от 10.09.2024 № 1229 (ред. от 26.11.2024) // «Собрание законодательства РФ», 16.09.2024, № 38, ст. 5639.

[3] Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 02.09.2025, Постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 06.10.2025 по делу № А56–120361/2024 // URL: https://ras.arbitr

[4] Решение Арбитражного суда Московской области от 13.03.2025 по делу № А41–108011/2024 // URL: https://ras.arbitr

[5] Решение Арбитражного суда Московской области от 11.02.2025 по делу № А41–104720/2024 // URL: https://ras.arbitr

[6] Решение Арбитражного суда Московской области от 18.03.2025 по делу № А41–107607/2024 // URL: https://ras.arbitr

[7] Там же.

го сторонами, данный договор считается заключенным автоматически в соответствии с типовыми условиями договора о порядке пользования имуществом». Для введения в законодательство указанных изменений необходимо также отрегулировать субъектный состав договора ДоПИ и указать, что наравне с ТСО, субъектом данного договора может быть также лицо, которому ОЭСХ были переданы уже обремененными договором ДоП И. Необходимо добавить в абз. 7 п. 2 статьи 46.4 ФЗ об электроэнергетике следующее: «… а также в случае, если объекты электросетевого хозяйства были переданы другому лицу уже обремененными договором о порядке пользования имуществом».

Заключение

Таким образом, реализация предложенных законодательных изменений окажет существенное влияние на работу электросетевого комплекса, а именно: позволит создать более эффективную систему эксплуатации объектов электросетевого хозяйства, обеспечит их бесперебойное функционирование, а также окажет положительное влияние на качество энергоснабжения всех категорий потребителей.

Литература

1. Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «Консультант Плюс» 2015., Дружинина Ю.Ф. О перспективах включения единого недвижимого комплекса в гражданский оборот // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 3.
2. Ивко А.О. Публичный сервитут // Science time. – 2015. – № 12 (24).
3. Комментарий к гражданскому кодексу РФ (учебно-практический) / Под ред. С.А. Степанова. М.; Екатеринбург, 2015.
4. Лейба А. Новый объект вещных прав // ЭЖЮрист. 2013. № 37.
5. Малеина М.Н. Обременение частным или публичным сервитутом зданий и сооружений // Хозяйство и право. – 2006. – № 7.
6. Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. – М.: Юрайт, 2007.
7. Символоков О.А. Проблемы правоспособности юридических лиц в сфере электроэнергетики //Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6.
8. Символоков О.А. Правовой режим бесхозяйного имущества в энергетической сфере// Вестник Московского государственного областного университета» (серия «Юриспруденция»). № 2.
9. Суханов Е.А. Вещные права в новом Земельном кодексе Российской Федерации // Экологическое право. – 2003. – № 1.
10. Терновая Ю.Е. Правовая характеристика правоотношений, составляющих публичный земельный сервитут // Современное право. – 2014. – № 12–1.
11. Хатунцев О.А. Правовой режим вещных прав на земельные участки как конфликтное поле гражданского и земельного законодательств // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7 (86).
12. Ненадлежащее обслуживание электрических сетей привело к смерти ребенка. Электронный ресурс: https://orenburg.bezformata.com/listnews/elektricheskih-setey-privelo-k-smerti/131652166/?ysclid=mhj1mss0j33098455 (дата обращения: 03.03.2026).

ACTUAL PROBLEMS OF THE LEGAL REGIME OF POWER GRID FACILITIES

Borodavko A.A.
Research «Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science named after V.A. Musina»

The article analyzed the current problems of the legal regime of power grid facilities (hereinafter also referred to as the SEF): the issues of the SEF as a single property complex were considered; responsibility for the maintenance of ownerless and mismanaged facilities of the power grid economy was analyzed; studied the grounds for the emergence of ownership of electric grid facilities. The right to a land plot and other real estate during the operation of electric grid facilities was also considered and various types of encumbrances established on electric grid facilities were analyzed.
In addition, the author proposed a number of innovations and developments to improve legislative regulation in the energy sector.

Keywords: electric grid facilities, a single property complex, a transformer substation, encumbrances, the right to a land plot, easements.

References

1. Grishaev S.P. Evolution of legislation on civil rights//SPS «Consultant Plus» 2015., Druzhinina Yu.F. On the prospects for including a single real estate complex in civil circulation//Bulletin of Omsk University. Series: Right. 2014. № 3.
2. Ivko A.O. Public easement//Science time. – 2015. – № 12 (24).
3. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (educational and practical)/Ed. S.A. Stepanova. M.; Yekaterinburg, 2015.
4. Leiba A. New object of property rights//EZHUrist. 2013. № 37.
5. Maleina M.N. Encumbrance by private or public easement of buildings and structures//Economy and law. – 2006. – № 7.
6. Mikryukov V.A. Restrictions and burdens of civil rights. – M.: Yurayt, 2007.
7. O. Symbolokov. Problems of legal capacity of legal entities in the electric power industry//Laws of Russia: experience, analysis, practice 2015. № 6.
8. Symbolokov O.A. Legal regime of ownerless property in the energy sector//Bulletin of the Moscow State Regional University» (series «Jurisprudence»). № 2.
9. Sukhanov E.A. Property rights in the new Land Code of the Russian Federation// Environmental law. – 2003. – № 1.
10. Thorn Yu.E. Legal characteristics of legal relations constituting a public land easement//Modern law. – 2014. – № 12–1.
11. Khatuntsev O.A. The legal regime of property rights to land plots as a conflict field of civil and land legislation//Eurasian Legal Journal. – 2015. – № 7 (86).
12. Improper maintenance of electrical networks resulted in the death of a child. Electronic Resource. https://orenburg.bezformata.com/listnews/elektricheskih-setey-privelo-k-smerti/131652166/?ysclid=mhj1mss0j33098455 (date of application: 03.11.2025).

Проблема недействительности сделок с цифровыми финансовыми активами и последствия их недействительности

Верникова Алена Викторовна,
аспирант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: alena-vernikova@mail.ru

Статья посвящена проблеме недействительности сделок с цифровыми финансовыми активами и последствиям их признания недействительными. Обосновывается применимость общих положений о недействительности сделок к отношениям с ЦФА при отсутствии специального регулирования. Показано, что цифровая форма сделки влияет на выявление пороков воли и усложняет их доказывание. Анализируются особенности фиксации недействительности в информационных системах, а также трансформация последствий недействительности, выражающаяся в переходе от классической реституции к компенсирующему восстановлению. Рассматривается возможность конвалидации цифровых сделок. Делается вывод о необходимости адаптации гражданско-правовых институтов к условиям цифрового оборота.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, цифровые права, цифровые финансовые активы, недействительность сделок, реституция, смарт-контракт, распределенный реестр, пороки воли, конвалидация.

Введение в российское право категории цифровых финансовых активов поставило перед наукой гражданского права целый ряд вопросов, ранее не возникавших в классических конструкциях сделок. Одним из таких вопросов стала проблема недействительности сделок с цифровыми финансовыми активами и последствий признания их таковыми.

В научной литературе справедливо отмечается, что цифровизация гражданского оборота не приводит к формированию принципиально новых объектов гражданских прав, а предполагает использование особых способов фиксации и обращения уже известных имущественных прав в информационных системах (Суханов Е.А.; Вакулина Г.А.; Агибалова Е.Н[1].). В этой связи цифровые финансовые активы представляют собой не самостоятельную категорию объектов гражданских прав, а цифровую форму существования соответствующих имущественных прав, удостоверяемых записями в информационной системе.

Применение традиционных институтов гражданского законодательства, в частности Главы 9 Гражданского кодекса Российской Федерации к отношениям, связанным с цифровыми финансовыми активами, оказалось затруднительным, что обусловлено спецификой их правовой природы, включая фиксацию прав в распределенном реестре и автоматизированный механизм исполнения обязательств. Федеральный закон № 259-ФЗ от 31 июля 2020 г. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» задал рамки правового режима таких активов, определив их как цифровые права, удостоверяемые записями в информационной системе (ст. 2)[2]. Однако данный закон не содержит специальных норм, регулирующих вопросы недействительности сделок, связанных с этими правами. Следовательно, при квалификации и оценке подобных ситуаций суд и правоприменитель вынуждены исходить из общих положений ГК РФ по аналогии и приспосабливать их к новой цифровой реальности.

При этом определяющее значение сохраняют основные принципы гражданского права, закрепленные в ст. 1 и 10 ГК РФ[3], включая свободу договора, добросовестность и недопустимость злоупотребления правом. Как отмечает Е.А. Суханов, возникающие в условиях цифровизации пробелы правового регулирования могут восполняться на основе общих принципов гражданского права, прежде всего автономии воли и свободы договора, что исключает необходимость кардинального пересмотра сложившихся цивилистических конструкций[4]. В условиях цифровизации указанные принципы приобретают особое значение, выступая основой для квалификации и интерпретации сделок, совершаемых в цифровой среде.

Основания недействительности сделок с ЦФА.

Основания недействительности сделок с цифровыми финансовыми активами подлежат определению в рамках системы норм 9 Главы Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку специального регулирования данного вопроса законодательство о ЦФА не содержит. Вместе с тем применение указанных норм в цифровой среде сопровождается рядом особенностей, обусловленных спецификой формы совершения и исполнения сделок.

В соответствии со ст. 166 ГК РФ недействительные сделки подразделяются на ничтожные и оспоримые в зависимости от характера допущенных нарушений и необходимости судебного признания. При этом согласно определению из ст. 153 ГК РФ сделка представляет со-

[1] См. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.; Вакулина Г.А. К вопросу о цифровых финансовых активах. Хозяйство и право. 2024 № 1 // СПС Консультант Плюс; Агибалова Е.Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав. Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. № 1. С. 90–99.

[2] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32.

[4] Суханов Е.А. О гражданско-правовых проблемах цифровизации // Вестник гражданского процесса. 2025. № 1 // СПС «Консультант Плюс».

бой действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Указанное положение сохраняет значение и для цифровых сделок, несмотря на особенности их технической реализации.

В научной литературе проводится разграничение между сделкой как юридическим фактом, основанным на волеизъявлении сторон, и смарт-контрактом как технологическим механизмом реализации ее условий. Так, указывается, что смарт-контракт не представляет собой самостоятельной договорной конструкции, а выступает в качестве программного инструмента, обеспечивающего автоматизированное исполнение либо фиксацию условий сделки[1].

Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы, подчеркивающие, что программный код не может подменять волеизъявление сторон и не обладает самостоятельной юридической природой сделки[2].

Указанное разграничение имеет значение для применения норм о недействительности сделок, поскольку позволяет определить объект правовой оценки. В частности, при решении вопроса о недействительности подлежит анализу волеизъявление сторон и направленность сделки, тогда как программный код рассматривается лишь как способ ее реализации и сам по себе не может выступать объектом квалификации с точки зрения действительности сделки.

Одним из ключевых оснований недействительности в рассматриваемой сфере выступает нарушение требований закона или иного правового акта (ст. 168 ГК РФ). Значение данной нормы обусловлено тем, что оборот цифровых финансовых активов осуществляется в рамках уже существующих гражданско-правовых конструкций и подчинен установленным законодательством обязательным требованиям, включая требования к выпуску, учету и обращению цифровых прав, а также к функционированию информационных систем. Следовательно, несоблюдение таких императивных предписаний может повлечь постановку вопроса о недействительности соответствующей сделки именно в плоскости ст. 168 ГК РФ.

Вместе с тем специфика цифровой среды проявляется в том, что нарушение требований закона может быть связано не только с содержанием сделки, но и с особенностями ее технической реализации. В частности, использование алгоритмов и автоматизированных механизмов исполнения способно затруднять выявление условий сделки и их соответствия законодательству, что усложняет квалификацию допущенных нарушений.

Особое значение имеет применение ст. 170 ГК РФ, регулирующая недействительность мнимой и притворной сделки. Мнимой является сделка, совершенная для вида, без намерения создать правовые последствия, в то время как под притворной сделкой понимается сделка, совершенна я с целью прикрыть другую сделку.

В цивилистической доктрине притворность связана с расхождением между внешним выражением сделки и действительной волей сторон, направленной на совершение иной сделки[3]. В этом случае правовое значение имеет не форма сделки, а ее фактическое содержание.

Данная конструкция в сфере цифровых финансовых активов имеет свои особенности. В этом случае сделка фактически сводится к записи в информационной системе либо к алгоритму, который определяет ее исполнение. При этом традиционная связь между формой сделки и ее содержанием ослабевает. В связи с этим выявление действительной воли сторон становится затруднительным. Это создает дополнительные возможности для использования цифровой формы сделки в целях прикрытия иных правоотношений, а также усложняет доказывание мнимости или притворности в условиях отсутствия традиционного текстового закрепления условий сделки.

Значительное число вопросов вызывает применение оснований оспоримости, связанных с пороками воли (ст. 178–179 ГК РФ). В условиях цифрового оборота участник сделки взаимодействует преимущественно с интерфейсом информационной системы и алгоритмом ее функционирования, что может затруднять полноценное восприятие условий сделки и ее правовых последствий.

Как отмечается в научной литературе, «смарт-контракт как компьютерный код составлен на языке программирования, прочитать который ни юристу, ни сторонам договора не представляется возможным. Вместе с тем условия договора должны быть понятны его сторонам, иначе сделка может быть признана недействительной, если она совершена, например, под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ)[4]». Кроме того, подчеркивается, что не все условия договора могут быть надлежащим образом выражены в программном коде, что дополнительно ограничивает возможность их восприятия и оценки сторонами.

Причины возникновения заблуждения в цифровой среде носят системный характер. Во-первых, алгоритмическая форма закрепления условий сделки исключает их традиционное текстовое восприятие. Во-вторых, участник сделки фактически взаимодействует не с контрагентом, а с информационной системой, правила функционирования которой определяются оператором, не являющимся стороной сделки, что может создавать иллюзию правовой определенности при отсутствии полного понимания условий сделки. В-третьих, действующее регулирование цифровых финансовых активов не содержит требований к степени раскрытия условий сделки и форме их представления пользователю, что усиливает риск заблуждения.

Наряду с этим в цифровой среде возможно возникновение обмана (ст. 179 ГК РФ), который может проявляться не только в действиях контрагента, но и в особенностях функционирования самой информационной системы, включая интерфейсы, способные формировать у пользователя искаженное представление о содержании сделки или ее последствиях.

Указанные обстоятельства существенно усложняют доказывание пороков воли, поскольку требуется установить не только фактическое содержание волеизъявления сторон, но и степень доступности и понятности информации, представленной пользователю в момент совершения сделки, а также влияние технических особенностей системы на формирование его воли.

Основания недействительности сделок, закрепленные в 9 Главе ГК РФ, применимы и к сделкам с ЦФА. Вместе с тем их реализация в цифровой среде имеет ряд особенностей, которые обусловлены спецификой формы и способов фиксации таких сделок. Эти особенности заключаются в том, что ее условия могут быть выражены в форме кода. В таких условиях установить действительную волю сторон и правовую направленность их действий становится сложнее.

Наиболее проблемным оказывается применение норм, регулирующих пороки воли. Это связано с тем, что в цифровой среде условия сделки оказываются менее прозрачными и сложными для восприятия участникам сделки. Дополнительную сложность создает еще и то, что поведение контрагента трудно отделить от особенностей работы используемой информационной системы.

Данные обстоятельства обусловливают необходимость дальнейшего анализа вопросов фиксации недействительности сделок с цифровыми финансовыми активами в информационных системах.

Фиксация недействительности в распределенном реестре

Особенности цифровых финансовых активов обусловливают необходимость отдельного анализа вопроса о фиксации недействительности сделок, поскольку, как уже было упомянуто ранее, в отличие от традиционного гражданского оборота результат совершения сделки закрепляется в виде записи в информационной системе.

В классической модели гражданского права признание сделки недействительной влечет устранение ее правовых последствий, в том числе путем возврата сторон в первоначальное положение. При этом фиксация прав осуществляется преимущественно в документах или реестрах, допускающих внесение изменений. В цифровой среде ситуация принципиально иная: права на цифровые финансовые активы удостоверяются записями в информационной системе, обладающими самостоятельным юридическим значением.

Это означает, что даже в случае признания сделки недействительной соответствующая запись в системе не утрачивает своего фактического существования автоматически. Возникает разрыв между юридической квалификацией сделки и ее технической фиксацией, поскольку признание сделки недействительной не влечет автоматического изменения или удаления записи в информационной системе.

Данная проблема обусловлена спецификой построения информационных систем. Они изначально нацелены на фиксацию операций и их последующую прослеживаемость, что исключает возможность изменения записей после их внесения. В результате оценка недействительности сделки не сводится лишь к правовому анализу и неизбежно включает техническую составляющую.

---

[1] Матвеева Е.Ю. Правовая природа смарт-контракта. Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 6. С. 97–104.

[2] Мкртумова Э.В. Байкальский студенческий юридический форум-2022. Современные проблемы правотворчества и правоприменения: Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Иркутск, 24 марта 2022 года / Отв. редакторы А.М. Бычкова, Н.В. Кешикова. Том 1. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 179–183.

[3] Суханов Е.А. Гражданское право: учебник. Т. 1. М.: Статут, 2023 глава 10.

[4] Василевская Л.Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 105–117.

В подобных условиях ключевым становится вопрос о механизмах устранения последствий недействительной сделки. На практике возможны разные решения: либо внесение корректирующих записей, фиксирующих изменение правового статуса цифрового актива, либо осуществление встречных операций, направленных на восстановление исходного положения сторон. Однако ни один из указанных механизмов не обеспечивает полного устранения исходной записи, что отличает цифровую модель от традиционных способов фиксации прав.

Дополнительные сложности связаны с распределением ответственности между участниками цифрового оборота. Оператор информационной системы, обеспечивающий функционирование платформы, как правило, не является стороной сделки, однако именно через созданную им инфраструктуру осуществляется фиксация прав. Это ставит вопрос о его роли в процессе устранения последствий недействительных сделок, а также о пределах его обязанностей по изменению или корректировке записей.

Таким образом, в условиях цифрового оборота признание сделки недействительной не может рассматриваться исключительно как юридический факт, влекущий автоматическое восстановление первоначального положения сторон. Оно требует дополнительных действий, направленных на согласование правовой оценки сделки с ее технической фиксацией в информационной системе, что свидетельствует о необходимости адаптации традиционных механизмов защиты гражданских прав к цифровой среде.

Последствия признания сделки недействительной

Признание сделки недействительной влечет применение последствий, предусмотренных гражданским законодательством, прежде всего возврат сторон в первоначальное положение (реституцию), а также иные меры, направленные на устранение последствий недействительности (ст. 167 ГК РФ). В классической модели гражданского оборота указанные последствия реализуются путем устранения правовых результатов сделки и восстановления исходного состояния сторон.

В условиях оборота цифровых финансовых активов применение последствий недействительности приобретает иную направленность. Речь идет не столько об устранении результата сделки, сколько о его корректировке посредством дополнительных юридических действий, позволяющих привести фактическое состояние прав в соответствие с их правовой оценкой.

Такая специфика обусловливает трансформацию классической конструкции реституции. В цифровой среде возврат сторон в первоначальное положение, как правило, реализуется не путем «аннулирования» сделки, а посредством совершения встречных операций или внесения корректирующих записей, отражающих изменение правового статуса цифрового актива.

При этом в ряде случаев реализация реституции в натуре оказывается затруднительной или невозможной. Это может быть связано как с особенностями функционирования информационной системы, не допускающей удаления или изменения первоначальных записей, так и с последующим переходом цифрового актива к третьим лицам. В таких условиях восстановление первоначального положения сторон возможно лишь посредством компенсационных механизмов, включая возврат эквивалентного имущественного предоставления.

Данный подход свидетельствует об изменении традиционного взгляда на последствия недействительности сделки: вместо их ретроспективного понимания используется модель, направленная на восстановление нарушенного положения сторон (компенсирующаяся модель восстановления). При этом сама операция сохраняется на уровне фактической фиксации, но перестает обладать правовым значением.

Дополнительные трудности связаны с вовлечением третьих лиц в оборот ЦФА. Так, они могут передаваться другим участниками, образуя цепочку взаимосвязанных сделок, записанных в информационной системе. В этой ситуации признание исходной сделки недействительной затрагивает не только ее непосредственных участников, но и последующих приобретателей. В этой связи появляется вопрос о границах действия соответствующих последствий. В данном случае применяются общие положения гражданского права, в том числе и положения о защите добросовестного приобретателя.

Таким образом, последствия признания сделки с цифровыми финансовыми активами недействительной не ограничиваются классической реституцией. Их реализация требует более сложного механизма, который предполагает согласование юридической оценки сделки и ее фактического результата. Это указывает на необходимость адаптации традиционных способов защиты гражданских прав к условиям цифровой среды.

Конвалидация и автоматическое «исправление» цифровых сделок

Отдельную теоретическую проблему представляет возможность конвалидации цифровых сделок. В классическом гражданском праве конвалидация означает устранение дефектов сделки, влекущих ее недействительность. В результате, такая сделка приобретает юридическую силу без повторного совершения.

Применение конвалидации к сделкам с цифровыми финансовыми активами требует учета специфики их фиксации и исполнения. Поскольку такие сделки закрепляются в информационной системе и реализуются через программный код, возникают ситуации, при которых выявленные дефекты могут быть устранены без формального совершения новой сделки.

В цифровой среде допускается изменение условий сделки до ее окончательного исполнения, а также настройка параметров, которые определяют ее правовой результат. При этом устранение выявленных недостатков может осуществляться как по воле сторон, так и за счет механизмов информационной системы.

Вместе с тем автоматизация исполнения порождает и противоположный эффект. При реализации сделки через алгоритм ее исполнение может завершиться еще до выявления дефекта, что делает невозможным применение классической конвалидации. В подобных ситуациях восстановление нарушенного положения достигается путем совершения новых операций, направленных на компенсацию возникших последствий. Это фактически сближает конвалидацию с ранее рассмотренными механизмами.

Отдельного рассмотрения требует допустимость так называемой «технической конвалидации». В данном случае устранение дефекта осуществляется за счет изменения параметров системы или внесения корректирующих записей без непосредственного волеизъявления сторон. С одной стороны, такие механизмы позволяют быстро устранять нарушения и поддерживать стабильность оборота. С другой стороны, они ставят под сомнение принцип автономии воли, поскольку юридический результат может изменяться вне непосредственного участия сторон сделки.

В связи с этим конвалидация в цифровой среде не может рассматриваться исключительно как техническая процедура. Она должна быть связана с установлением действительной воли сторон и направлена на устранение именно тех дефектов, которые препятствовали возникновению правовых последствий сделки.

Таким образом, институт конвалидации в отношении сделок с цифровыми финансовыми активами требует переосмысления. В условиях автоматизированного исполнения он трансформируется из исключительно юридического механизма в комплексный процесс, включающий как правовые, так и технические элементы, что требует разработки специальных подходов к его применению в цифровом обороте.

Авторская позиция

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, при квалификации недействительности сделок с ЦФА объектом правовой оценки должно выступать волеизъявление сторон и направленность сделки, тогда как программный код и запись в информационной системе являются лишь формой ее реализации и фиксации. Это исключает возможность подмены юридической оценки сделки анализом ее технического исполнения.

Во-вторых, при цифровой форме сделок увеличивается риск возникновения пороков воли. Это связано с отсутствием нормативных требований к раскрытию условий сделки и ограниченным представлениями пользователя из-за выражения таких условий в виде программного кода.

В-третьих, фиксация сделки в информационной системе не ранвна ее юридической оценке. В результате возникает расхождение между признанием сделки недействительной и сохранением соответствующей записи. Это указывает на необходимость учитывать самостоятельную роль технического компонента при анализе механизма недействительности.

В-четвертых, последствия недействительности сделок с ЦФА не ограничиваются применением классической реституции. Их реализация осуществляется через восстановление нарушенного положения сторон или компенсаторный механизм. Исходная сторона в данном случае сохраняется, однако ее правовой эффект нивелируется за счет последующих действий.

В-пятых, конвалидация видоизменяется в цифровой среде, приобретая технический характер. Вместе с тем его применение возможно только в случае сохранения приоритета действительной воли сторон над механизмами исполнения.

Действующая система норм о недействительности сделок применима и к цифровым отношениям. Вместе с тем ее использование требует учета изменений, связанных с формой сделки, а также с особенностями ее фиксации и исполнения. Цифровая среда влияет не на содержание правовых конструкций, а на механизм их реализации. Это выражается в несовпадении правовой оценки сделки и ее реализации на техническом уровне. В этой связи затрудняется выявление пороков вол и усложняется доказывание. Последствия недействительности в данном случае меняют свой характер, смещаясь в сторону компенсаторного восстановления.

Недостаточная разработанность специального регулирования в данной области обуславливает необходимость совершенствования законодательства и доктринальных подходов с учетом особенностей цифрового оборота.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I).
3. Агибалова Е.Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав. Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. № 1. С. 90–99.
4. Вакулина Г.А. К вопросу о цифровых финансовых активах. Хозяйство и право. 2024. № 1 // СПС Консультант Плюс.
5. Василевская Л.Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 105–117.
6. Матвеева Е.Ю. Правовая природа смарт-контракта. Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 6. С. 97–104.
7. Мкртумова Э.В. Байкальский студенческий юридический форум-2022. Современные проблемы правотворчества и правоприменения: Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Иркутск, 24 марта 2022 года / Отв. редакторы А.М. Бычкова, Н.В. Кешикова. Том 1. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 179–183.
8. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник. Т. 1. М.: Статут, 2023.
9. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.
10. Суханов Е.А. О гражданско-правовых проблемах цифровизации // Вестник гражданского процесса. 2025. № 1 // СПС «Консультант Плюс».

THE PROBLEM OF INVALIDITY OF TRANSACTIONS WITH DIGITAL FINANCIAL ASSETS AND THE CONSEQUENCES OF THEIR INVALIDITY

Vernikova A.V.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article offers a comparative legal analysis of the regulation of digital financial assets (DFAs) from the standpoint of civil law. The author conceptualizes DFAs as objects of civil rights and explores their legal nature within digital systems. Particular attention is paid to the correlation between DFAs and classical institutions of obligations and property law, as well as to the mechanisms of legitimization of digital rights in the Russian legal system. By analyzing foreign models (Switzerland, Singapore, UAE), the article identifies a trend towards integrating digital forms into traditional private law frameworks. It concludes by emphasizing the need for doctrinal development of digital rights and refinement of legal categories to adequately reflect the transformation of proprietary relations.

Keywords: objects of civil rights, digital rights, digital financial assets, invalidity of transactions, restitution, smart contract, distributed ledger, defects of will, convalidation.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994 № 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32.
2. Federal Law of July 31, 2020 № 259-FZ On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – № 31 (Part I).
3. Agibalova E.N. Digital Rights in the System of Civil Rights Objects. Legal Bulletin of Dagestan State University. 2020. № 1, pp. 90–99.
4. Vakulina G.A. On Digital Financial Assets. Business and Law. 2024, № 1, SPS Consultant Plus.
5. Vasilevskaya, L. Yu. Digitalization of Civil Circulation: Problems and Trends. Russian Law Journal. 2020, № 6, pp. 105–117.
6. Matveeva, E. Yu. Legal Nature of Smart Contracts. Property Relations in the Russian Federation, 2024, № 6, pp. 97–104.
7. Makryumova, E.V. Baikal Student Law Forum 2022. Contemporary Issues of Lawmaking and Law Enforcement: Proceedings of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference, Irkutsk, March 24, 2022. / Editors-in-Chief, A.M. Bychkova, N.V. Keshikova. Volume 1. – Irkutsk: Irkutsk Institute (branch) of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2022. – Pp. 179–183.
8. Sukhanov E.A. Civil Law: Textbook. Vol. 1. Moscow: Statut, 2023.
9. Sukhanov E.A. On the Civil-Law Nature of «Digital Property» // Civil Law Bulletin. 2021. № 6. Pp. 7–29.
10. Sukhanov E.A. On Civil-Law Problems of Digitalization // Civil Procedure Bulletin. 2025. № 1 // SPS «Consultant Plus».

Особенности правового регулирования пожертвований, совершаемых посредством цифровых платформ коллективного финансирования

Вихров Алексей Александрович,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Целью работы является определение проблем регулирования отношений, вытекающих из договора пожертвования, заключаемого посредством цифровых платформ коллективного финансирования (краудфандинговых платформ) для разработки теоретических положений и рекомендаций по совершенствованию такого регулирования. Для достижения поставленной цели необходим анализ законодательства Российской Федерации, использование диалектического метода для рассмотрения договоров пожертвования на краудфандинговых платформах, а также системного подхода, что позволило рассмотреть соответствующие отношения как сложную структуру с выявлением связей между их участниками. В результате определены характерные черты пожертвований, совершаемых на цифровых платформах коллективного финансирования, выявлены основные положения их регулирования, определено наличие третьей стороны отношений – оператора такой платформы. Достижение данного результата позволяет сделать вывод о наличии у отношений, складывающихся при совершении безвозмездной передачи денежных средств посредством краудфандинговой платформы на реализацию общеполезных целей, характера, присущего отношениям, вытекающим из договора пожертвования, при этом такие отношения осложнены участием третьей стороны – оператора краудфандинговой платформы.

Ключевые слова: пожертвования; цифровые платформы; краудфандинг; финансирование; благотворительность; меценатство.

Развитие информационных технологий, новые экономические вызовы привели к возникновению новых форм взаимодействия граждан и организаций. В современных условиях получили свое распространение новые способы построения правоотношений среди субъектов гражданского права. Одним из таких способов стало взаимодействие физических и юридических лиц посредством цифровых платформ.

Для надлежащего обеспечения защиты прав и законных интересов участников новых форм общественных отношений необходимо обеспечивать актуальность их законодательного регулирования. В частности, о такой необходимости не перестают говорить и различные представители юридической науки, например, А.С. Емельянов: «появление качественно новых групп общественных отношений требует модернизации не только отдельных норм права, но и правового регулирования в целом» [5, с. 25]. Соответственно, необходимо определить, какая специфика у отношений, возникающих на цифровых платформах, какие проблемы возникают при такой форме взаимодействия, что позволит выявить наиболее оптимальную модель регулирования таких отношений.

Говоря о цифровых платформах, следует сказать, что существует множество возможных их классификаций. Отдельные авторы делят цифровые платформы, к примеру, на следующие.

1. Платежно-расчетные, информационно-интеграционные, инвестиционные, инновационные, обучающие, социальные [7, с. 25–26].

2. Инструментальные, инфраструктурные, прикладные [11, с. 284].

3. Промышленные, коммуникационные, транспортные, туристические, торговые [1, с. 33].

Это лишь часть возможной классификации цифровых платформ. В настоящей работе будут рассматриваться непосредственно цифровые платформы коллективного финансирования, которые также можно назвать краудфандинговыми платформами. Краудфандинг представляет собой механизм добровольного коллективного финансирования проектов различной направленности, реализуемый посредством цифровых платформ в сети Интернет. В настоящее время в российской и зарубежной юридической науке отсутствует единый подход к определению видов краудфандинга. Можно выделить следующие классификации.

1. Благотворительный, основанный на вознаграждении, основанный на предварительном приобретении продукции, на создание которой собирается финансирование, кредитный и инвестиционный [24, p. 14].

2. Без вознаграждения и с вознаграждением, который делится на краудревординг (инвестор получает вознаграждение), краудлендинг (инвестор предоставляет заем) и краудинвестинг (инвестор получает инвестор получает долю участия в проекте) [13, с. 81].

3. Коммерческий (упомянутые ранее краудинвестинг и краудлендинг) и некоммерческий (краудревординг, благотворительный) [4, с. 201].

В настоящее время в Российской Федерации урегулированы только виды краудфандинга, связанные с инвестированием (краудинвестинг), предоставлением займов (краудлендинг), а также, частично, предварительным приобретением права требования в отношении инициатора проекта (краудревординг). Регулирование данных видов краудфандинга было введено Федеральным законом от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [22]. При этом принятие данного акта не привело к установлению специального регулирования видов краудфандинга, которые не связаны с финансовой деятельностью. В то же время отдельные виды краудфандинга, такие, как, например, благотворительный краудфандинг (или еще более крупная группа – безвозмездный краудфандинг), занимают достаточно большой объем среди всех проектов на цифровых платформах коллективного финансирования, не являющихся инвестиционными платформами.

Как отмечается отдельными авторами, «использование информационных технологий стало повсеместным, доступным, уникальным и разнообразным, позволяющим использовать универсальные инструменты для решения государственных, экономических и общественных задач» [17, с. 43.]. Использование краудфандинговых платформ, как,

например, и социальные сети, сделало возможным распространять различные сборы средств на более широкую аудиторию. В связи с этим на таких цифровых платформах можно встретить и проекты различных благотворительных фондов, приютов [16].

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что некоторые российские краудфандинговые платформы не определяют деятельность по безвозмездной передаче денежных средств как отношения, складывающиеся из договора пожертвования или договора дарения. Для примера рассмотрим Пользовательское соглашение краудфандинговой платформы Boomstarter. Данный документ предусматривает, среди прочего, заключение спонсорского соглашения, содержание которого определяется как «оказание безвозмездной помощи путем приобретения соответствующего купона на упомянутой платформе, при реализации которого у инициатора проекта не возникает обязанности передать товар/выполнить работу/оказать услугу/предоставить право использования исключительного права или присвоить жертвователю статус спонсора» [14]. Определению сущности отношений, возникающих из таких соглашений, аналогичной отношениям, возникающих из договоров пожертвования и дарения, помогает следующее. Следует отметить, что другие российские краудфандинговые платформы, например, Planeta.ru прямо предусматривают возможность совершения пожертвований в пользу проектов, реализуемых на данной платформе [15].

В соответствии с пунктом 1 статьи 582 Гражданского кодекса Российской Федерации «пожертвованием признается дарение вещи или права в общеполезных целях» [6]. О том, что пожертвование представляет собой разновидность дарения, писали еще Д.И. Мейер [8, с. 293] и Г.Ф. Шершеневич [23, с. 561]. В свою очередь, пожертвование по своей природе имеет некоторые отличия от дарения. Например, при совершении пожертвования отсутствует возможность освобождения одаряемого от имущественной обязанности перед жертвователем либо третьим лицом, что предусматривается непосредственно договором дарения. Так, В.В. Витрянский указывает на необходимость рассмотрения включения такой возможности в положения Гражданского кодекса Российской Федерации [3, с. 573].

Другой особенностью пожертвования является необходимость его совершения в общеполезных целях. В законодательстве Российской Федерации отсутствует указание на то, что считается «общеполезной целью». При этом некоторые исследователи отмечают, что именно указание на общеполезные цели является определяющим фактором при разграничении пожертвования и дарения [19, с. 194]. Говоря о общеполезных целях следует сказать, что под ними могут пониматься в том числе:

– «цели, полезные либо для общества в целом, либо для определенной его части как определенного жертвователем круга лиц» [18, с. 393–394];

– «цели, связанные с удовлетворением материальных и духовных потребностей социальных групп, социальных слоев, общественных движений, с научным, культурным, образовательным развитием граждан и др.» [9, с. 93];

– «общая польза предполагает неопределенное количество лиц, которые могут пользоваться пожертвованными вещами» [23, с. 561].

При этом некоторые авторы соотносят общеполезные цели с целями благотворительной деятельности [12, с. 226.]. Под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки [20]. Цели благотворительной деятельности определены в Федеральном законе от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», среди них, в частности, называются социальная поддержка и защита граждан, поддержка, укрепление и защита семьи, многодетности, охрана окружающей среды и защита животных. Также указанный закон устанавливает, что благотворительная деятельность осуществляется в форме пожертвования.

Кроме того, поддержка деятельности, которую можно назвать «общеполезной», может осуществляться в форме меценатской деятельности, которую регулирует Федеральный закон от 04 ноября 2014 г. № 327-ФЗ «О меценатской деятельности». Данный акт предусматривает, что меценатская деятельность заключается в «безвозмездной передаче имущества, в том числе денежных средств, или прав владения, пользования, распоряжения имуществом и (или) безвозмездные выполнение работ и оказание услуг в сфере культуры и образования в области культуры и искусства, направленные на сохранение культурных ценностей и развитие деятельности в сфере культуры и образования в области культуры и искусства» [21]. При этом какое-либо упоминание пожертвований в указанном акте отсутствует, используется термин «меценатская поддержка», которая передается получателю безвозмездно и может быть в форме денежных средств.

В свою очередь, пожертвования, согласно пункту 1 статьи 582 Гражданского кодекса Российской Федерации, могут делаться, например, образовательным, благотворительным организациям (фондам), музеям, учреждениям культуры, организациям социального обслуживания, иным некоммерческим организациям [6]. Следует отметить, что перечень направлений пожертвования, закрепленный названной статьей Гражданского кодекса Российской Федерации, не является исчерпывающим. Представляется, что используемый в Гражданском кодексе Российской Федерации термин «пожертвование» подходит, в первую очередь, для наименования механизма, используемого как при благотворительной, так и меценатской деятельности. Оба этих вида деятельности в той или иной степени связаны с общеполезными целями, что следует из установленных законодательством Российской Федерации целей благотворительной и меценатской деятельности.

В действующей редакции Гражданского кодекса Российской Федерации отсутствует определение понятия договора пожертвования. Исходя из содержания статей 572 и 582 названного Кодекса, видится, что можно определить договор пожертвования как отношения, по которым одна сторона (жертвователь) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу в общеполезных целях.

Отношения, возникающие при совершении пожертвования, претерпели изменения с появлением новых цифровых сервисов, в том числе цифровых платформ коллективного финансирования. На таких краудфандинговых платформах размещают как непосредственно благотворительные проекты, как, например, помощь животным [2], так и организации, делающие иную продукцию. Например, на упомянутой ранее краудфандинговой платформе Boomstarter был размещен проект, собирающий финансирование на создание многосерийного анимационного фильма «PRO ученых. Ковалевская» [10]. Согласно информации, представленной инициаторами проекта, данный проект имеет просветительскую направленность, в связи с чем можно предположить, что фильм имеет образовательную составляющую. Также кинематограф является одним из направлений культуры, что также указывает на то, что финансирование данного проекта могло бы быть охарактеризовано как оказание меценатской поддержки. В свою очередь, это приводит к тому, что безвозмездная передача денежных средств данному проекту может совершаться в общеполезных целях.

Таким образом, фактически возможно оказание поддержки аналогичным проектам на цифровых платформах приводит к возникновению отношений, схожих с отношениями, складывающимися при совершении пожертвований. Кроме того, финансирование посредством цифровых платформ осуществляется на реализацию конкретной цели, денежные средства не должны использоваться для осуществления расходов, не связанных с целью реализации проекта. В этой связи полагаем, что в современности, благодаря развитию технологий, стало возможно осуществление пожертвований посредством цифровых платформ коллективного финансирования.

При этом отношения, складывающиеся при совершении пожертвований посредством краудфандинговых платформ, осложнены наличием третьей стороны – оператором такой платформы. Оператор краудфандинговой платформы вступает в отношения как с инициатором проекта (т.е. одаряемым), так и с потенциальным спонсором (т.е. жертвователем). В случае с инициаторами проекта оператор заключает соглашения, предусматривающие доступ одаряемого к площадке для размещения проекта в целях сбора денежных средств, определяет правила размещения проектов на своей платформе, а в случае со спонсорами оператор определяет порядок пользования соответствующей платформой, определяет круг возможных действий жертвователя на ней. Таким образом, договор пожертвования становится возможным к заключению только после вступления в отношения с оператором краудфандинговой платформы каждой из сторон самостоятельно. Изложенное наводит на мысль о сложной структуре взаимосвязанных отношений, складывающихся при осуществлении деятельности посредством цифровых платформ коллективного финансирования.

Представляется, что в условиях отсутствия специального регулирования такого вида деятельности, на операторов краудфандинговых платформ возлагается дополнительная ответственность по проверке достоверности размещаемых на их платформах проектов. Думается, что именно операторы должны становиться той «преградой» для проектов, которые не могут подтвердить свою «прозрачность», в связи с чем они не должны допускаться до сбора средств на таких платформах.

Вместе с тем к введению соответствующего регулирования данных отношений следует подходить внимательно. Принимая во внимание, что цифровыми платформами коллективного финансирования пользуются многие благотворительные организации, представляется целесообразным избежать излишнего административного воздействия на такие организации (например, в части введения дополнительной отчетности). Видится, что необходимо установить лишь общие правила ведения такой деятельности (например, конкретизировать, что на цифровых платформах коллективного финансирования заключаются именно договоры пожертвования в соответствии со статьей 582 Гражданского кодекса Российской Федерации, определить критерии, по которым операторы таких платформ должны оценивать деятельность соответствующих организаций, которые хотят разместить на их платформах свои проекты).

Подводя итог, также хотелось бы отметить, что безвозмездный краудфандинг является механизмом, возникающим при появлении отношений, в том числе складывающихся при совершении пожертвований. В то же время следует учитывать, что заключение договора пожертвования не является единственно возможной формой безвозмездного краудфандинга.

Литература

1. Бабкин А.В., Михайлов П.А. Цифровые платформы в экономике: понятие, сущность, классификация / А.В. Бабкин, П.А. Михайлов // Вестник Академии знаний. – 2023. – № 1(54). – С. 25–36.
2. Бастион для халков // Planeta.ru: сайт. – URL: https://planeta.ru/campaigns/hulk. – дата обращения: 10.03.2026.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. 4-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2002. Кн. 2. 800 с.
4. Василевский, А.В. Правовое регулирование отношений в сфере краудфандинга в Республике Беларусь / А.В. Василевский // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1. – С. 191–233.
5. Цифровые платформы – организационно-правовая форма взаимодействия в обществе: монография / Н.С. Волкова, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов и др.; отв. ред. Л.К. Терещенко. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2025. 244 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
7. Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования / А.А. Карцхия // Гражданское право. – 2019. – № 3. – С. 25–28.
8. Избранные труды: в 3 т. Т. 1 / Д.И. Мейер; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. П.В. Крашенинников, д-р юрид. наук, проф. Д.Х. Валеев. – Москва: Статут, 2022. – 848 с.
9. Минахина И.А. Наследование. Дарение. Пожизненная рента: вопросы правового регулирования. М.: Дашков и К, 2007. 220 с.
10. Многосерийный анимационный фильм «PRO ученых. Ковалевская» // Boomstarter: сайт. – URL: https://web.archive.org/web/20260123140113/https://boomstarter.ru/projects/1130963/mnogoseriynyy_animatsionnyy_film_pro_uchenyh_kovalevskaya/posts. – дата обращения: 20.03.2026.
11. Надольная А.В. Особенности договора пожертвования / А.В. Надольная // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 4(80). – С. 225–229.
12. Невровский А.В., Зинцова М.В. Определения и классификации цифровых платформ / А.В. Невровский, М.В. Зинцова // Московский экономический журнал. – 2024. – № 9. – С. 281–300.
13. Папаскуа Г.Т. Краудфандинг: понятие, виды и риски / Г.Т. Папаскуа // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 7 (128). – С. 77–85.
14. Пользовательское соглашение краудфандинговой платформы Boomstarter // Boomstarter: сайт. – URL: https://boomstarter.ru/terms-of-use. – дата обращения: 26.02.2026.
15. Пользовательское соглашение (Правила платформы) краудфандинговой платформы Planeta.ru // Planeta.ru. – URL: https://planeta.ru/docs/agreement. – Дата обращения: 01.03.2026.
16. Православные книги детям Донбасса // Planeta.ru: сайт. – URL: https://planeta.ru/campaigns/236020. – дата обращения: 10.03.2026.
17. Соломатина Е.А. Межотраслевая интеграция информационных технологий и необходимость их комплексной защиты / Е.А. Соломатина // Современное право. – 2025. – № 10. – С. 42–46.
18. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. III: Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование./ отв.ред.д-р юрид. наук., проф. Е.А. Суханов. –3-е изд., перераб. и доп. –Москва: Статут, 2023. – С. 393–394.
19. Тюменцев И.А., Еременко Д.Е. Правовая природа договора пожертвования / И.А. Тюменцев, Д.Е. Еременко // Юридическая наука. – 2023. – № 11. – С. 193–197.
20. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)».
21. Федеральный закон от 04 ноября 2014 г. № 327-ФЗ «О меценатской деятельности».
22. Федеральный закон от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
23. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / [соч.] Г.Ф. Шершеневича. – 10-е изд. – М.: тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. – 851 с.
24. C. Steven Bradford. Crowdfunding And The Federal Securities Laws. Columbia Business Law Review, 2012(1), 150 p.

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF DONATIONS MADE THROUGH DIGITAL COLLECTIVE FINANCING PLATFORMS

Vikhrov A.A.
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The purpose of this work is to identify the problems of regulating relations arising from a donation agreement concluded through digital collective financing platforms (crowdfunding platforms) in order to develop theoretical provisions and recommendations for improving such regulation. To achieve this purpose, it is necessary to analyze the legislation of the Russian Federation, use the dialectical method to review donation agreements on crowdfunding platforms, as well as a systematic approach, which allowed us to consider the relevant relations as a complex structure with the identification of links between their participants. As a result, the characteristic features of donations made on digital platforms of collective financing have been identified, the main provisions of their regulation have been identified, and the presence of a third party to the relationship – the operator of such a platform – has been determined. Achieving this result allows us to conclude that the relationship that develops when making a gratuitous transfer of funds through a crowdfunding platform for the realization of generally useful goals has a character inherent in the relationship arising from the donation agreement, while such a relationship is complicated by the participation of a third party – the operator of the crowdfunding platform.

Keywords: donations; digital platforms; crowdfunding; financing; charity; patronage.

References

1. Babkin A.V., Mikhailov P.A. Digital platforms in the economy: concept, essence, classification / A.V. Babkin, P.A. Mikhailov // Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2023. – № 1(54). – pp. 25–36.
2. Bastion for Hulks // Planeta.ru: website. – URL: https://planeta.ru/campaigns/hulk. – Access date: 03/10/2026.
3. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Agreements on the transfer of property. 4th ed., stereotypical. M.: Statute, 2002. Book. 2. 800 s.
4. Vasilevsky, A.V. Legal Regulation of Relations in the Sphere of Crowdfunding in the Republic of Belarus / A.V. Vasilevsky // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1. – Pp. 191–233.
5. Digital Platforms – an Organizational and Legal Form of Interaction in Society: Monograph / N.S. Volkova, A.S. Emelianov, A.A. Efremov, et al.; ed. L.K. Tereshchenko. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Infotropic Media, 2025. 244 p.
6. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 5. – Art. 410.
7. Kartskhia A.A. Digital Technological (Online) Platforms: Russian and Foreign Regulatory Experience / A.A. Kartkhiya // Civil Law. – 2019. – № 3. – Pp. 25–28.
8. Selected Works: in 3 volumes. Vol. 1 / D.I. Meyer; eds. Dr. of Law, Professor P.V. Krasheninnikov, Dr. of Law, Professor D. Kh. Valeev. – Moscow: Statut, 2022. – 848 p.
9. Minakhina I.A. Inheritance. Donation. Lifetime Annuity: Issues of Legal Regulation. Moscow: Dashkov i K, 2007. 220 p.
10. Animated series «PRO scientists. Kovalevskaya» // Boomstarter: website. – URL: https://web.archive.org/web/20260123140113/https://boomstarter.ru/projects/1130963/mnogoseriynyy_animatsionnyy_film_pro_uchenyh_kovalevskaya/posts. – Date of access: 20.03.2026.
11. Nadolnaya AV Features of the donation agreement / AV Nadolnaya // Skif. Issues of student science. – 2023. – № 4 (80). – P. 225–229.
12. Nevrovsky AV, Zintsova MV Definitions and classifications of digital platforms / AV Nevrovsky, MV Zintsova // Moscow Economic Journal. – 2024. – № 9. – P. 281–300.
13. Papasqua G.T. Crowdfunding: Concept, Types, and Risks / G.T. Papasqua // Current Issues of Russian Law. – 2021. – № 7 (128). – Pp. 77–85.
14. User Agreement of the Boomstarter Crowdfunding Platform // Boomstarter: website. – URL: https://boomstarter.ru/terms-of-use. – Accessed on: 26.02.2026.
15. User Agreement (Platform Rules) of the Planeta.ru Crowdfunding Platform // Planeta.ru. – URL: https://planeta.ru/docs/agreement. – Accessed on: 01.03.2026.
16. Orthodox Books for the Children of Donbass // Planeta.ru: website. – URL: https://planeta.ru/campaigns/236020. – Date of access: 10.03.2026.

17. Solomatina E.A. Intersectoral Integration of Information Technologies and the Need for Their Comprehensive Protection / E.A. Solomatina // Modern Law. – 2025. – № 10. – Pp. 42–46.

18. Civil Law: textbook: in 4 volumes. Vol. III: General Provisions on Obligations and Contracts. Contractual Obligations to Transfer Things into Ownership or Use / Ed. Dr. of Law, Prof. E.A. Sukhanov. –3rd ed., revised. and enlarged. – Moscow: Statut, 2023. – Pp. 393–394.

19. Tyumentsev I.A., Eremenko D.E. The Legal Nature of the Donation Agreement / I.A. Tyumentsev, D.E. Eremenko // Legal Science. – 2023. – № 11. – P. 193–197.

20. Federal Law of August 11, 1995 № 135-FZ «On Charitable Activities and Volunteering».

21. Federal Law of November 4, 2014 № 327-FZ «On Philanthropy».

22. Federal Law of August 2, 2019 № 259-FZ «On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation».

23. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law / [comp.] G.F. Shershenevich. – 10th ed. – M.: type. t-va I.N. Kushnerev and Co., 1912. – 851 p.

24. C. Steven Bradford. Crowdfunding And The Federal Securities Laws. Columbia Business Law Review, 2012(1), 150 p.

Обеспечительные меры в делах о защите авторских и смежных прав в сети интернет

Гершкович Сергий Аркадьевич,
аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия»
E-mail: SergeyGershc@yandex.ru

Предметом рассмотрения в настоящей статье является процессуально-правовой институт обеспечительных мер и его применение по делам о защите авторских и смежных прав в сети Интернет. Рассматриваются общетеоретические подходы к обеспечительным мерам, акцентируется внимание на понятиях и сущностных признаках. Подчеркивается главное предназначение рассматриваемого института – обеспечение исполнимости будущего судебного решения и сохранения *status quo* в правовом конфликте.
Подробно рассматривается специфика предварительных обеспечительных мер по делам о защите авторских и смежных прав в сети Интернет. Анализируются положения статьи 144.1 Гражданского процессуального кодекса РФ, введение которой в 2013 году стало существенным прогрессивным шагом в развитии процессуального законодательства. Компетенцией по принятию предварительных обеспечительных мер обладает Московский городской суд, поэтому рассматривается практика принятия решений вышестоящих по отношению к нему судебных инстанций. Также поанализированы подходы Пленума Верховного Суда РФ, принявшего в 2023 году Постановление по различным вопросам применения обеспечительных мер.

Ключевые слова: обеспечительные меры, предварительные обеспечительные меры, обеспечение иска, авторские права, смежные права.

Введение

При предъявлении иска в суд истец заинтересован не только в вынесении законного и обоснованного решения, но и в последующем полноценном его исполнении. Как практика Конституционного Суда РФ, так и практика международных судебных инстанций однозначно свидетельствуют о том, что правосудие можно признать состоявшимся только после фактического исполнения судебного решения [10]. В процессуальном законодательстве есть различные механизмы, направленные на обеспечение исполнимости судебного акта. Центральным из них является институт обеспечительных мер, значение которых подчеркивалось еще в дореволюционной научной литературе. Более ста лет назад Е.В. Васьковский указывал, что «обеспечение иска – есть не что иное, как принятие судом по просьбе тяжущегося мер, гарантирующих возможность осуществления исковых требований в случае выигрыша дела» [6]. Такое понимание актуально и в настоящее время.

Обратим внимание, что рассматриваемый институт в процессуальных кодексах называется несколько по-разному. Так, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [7] (далее – ГПК РФ) использует термин «обеспечение иска», Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [5] (далее – АПК РФ) применяет термин «обеспечительные меры» (и в использовании этого термина АПК РФ в 2002 г. стал первопроходцем). Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [9] (далее – КАС РФ) в 2015 г. взял на вооружение понятие «меры предварительной защиты». Есть синонимичный институт и в практике международных судебных органов. Например, при рассмотрении жалоб Европейским Судом по правам человека часто применяется механизм *interim measures*, который по замечанию профессора А.И. Ковлера (судьи данного суда в 1999–2012 гг.) наиболее уместно переводить как *срочные меры* [8].

Тем не менее суть рассматриваемого института, несмотря на отдельные терминологические различия в гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах, остается единой. Под обеспечением иска понимаются срочные меры, принимаемые судом по заявлению стороны спора, с целью сохранения status quo и обеспечения исполнимости будущего судебного решения.

Материалы и методы

Рассмотрим основные подходы к обеспечительным мерам в судебной практике.

1 июня 2023 г. Пленумом Верховного Суда РФ было принято Постановление № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» [14] (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 15). Дефиниции обеспечительных мер в нем не предлагается, при этом в п. 1 документа обращено внимание на общее значение рассматриваемого института: данные меры принимаются судом в целях предотвращения нарушения прав, свобод и законных интересов заявителя или неопределенного круга лиц, снижения негативного воздействия допущенных нарушений, создания условий для надлежащего исполнения судебного акта. Через призму разъяснений Верховного Суда РФ, а также на основе рассмотрения многочисленных доктринальных подходов представляется возможным выделить такие признаки как срочность, временный характер, соразмерность заявленным требованиям и направленность на защиту имущественных интересов заявителя [19, с. 31–32]. Периодически в научной литературе предлагается выделять и иные признаки обеспечительных мер. Например, А.А. Селькова подчеркивает необходимость выделения признака эффективности обеспечительных мер: суд, вынося определение о применении конкретной меры, должен оценивать, насколько она будет результативна для цели обеспечения будущего судебного решения [17, с. 34–35].

Институт обеспечительных мер широко востребован в правоприменительной практике. Как свидетельствует официальная статистика, в 2024 г. арбитражными судами было рассмотрено 36789 заявлений об обеспечении иска [15], судами общей юрисдикции в том же году 156069 заявлений [16]. Что касается Постановления Пленума ВС РФ № 15, то учеными правоведами подчеркивается как актуальность и своевременность данных разъяснений высшей судебной инстанции, так и высокая востребованность сформулированных подходов в практической плоскости [21].

При всем значении института обеспечительных мер, заметим, что каждая из них имеет свою специфику, тем более что законодатель в соответствующих статьях процессуальных кодексов отказался от исчерпывающего перечня данных мер, фактически оставив правоприменителю широкое поле усмотрения. Эту специфику создает как сам вид конкретной обеспечительной меры, так и категория спора, в которой она применяется.

Результаты и обсуждения

В рамках настоящей научной статьи обратим внимание на такую категорию дел как дела о защите авторских и смежных прав в сети Интернет.

В первую очередь следует отметить, что гражданское процессуальное законодательство динамично развивается, стремится соответствовать уровню научно-технического прогресса и современной цифровой реальности.

Так, в 2013 г. ГПК РФ был дополнен статьей 144.1, устанавливающей особенности принятия *предварительных* обеспечительных мер по делам о защите авторских и смежных прав в сети Интернет [20]. Уместно обратить внимание, что институт предварительных обеспечительных мер (в отличие от института собственно обеспечительных мер) является для гражданского процессуального законодательства нетрадиционным. Этот институт предполагает возможность наложения обеспечительных мер по заявлению истца еще до его обращения в суд с исковым заявлением. Смысл данного механизма состоит в том, что истец, усматривая длящееся нарушение его прав и законных интересов, усугубляемое с течением времени, еще до подачи искового заявления может требовать принятия мер по прекращению совершения ответчиком неправомерных действий. Суд, таким образом, обеспечивает *status quo* правового конфликта, по сути, замораживая его, а истец получает возможность в спокойных условиях подготовить исковое заявление и необходимый пакет прилагаемых документов.

Законодатель традиционно исходил из того, что институт предварительных обеспечительных мер в наибольшей степени актуален для сферы экономических отношений и, соответственно, для арбитражного процесса. В 2002 г. данный институт был включен в АПК РФ, а в принятом в том же году ГПК РФ о нем не было ни слова. Только в 2013 г. актуальность предварительных обеспечительных мер была признана для дел о защите авторских и смежных прав в сети Интернет. Действительно, правообладатель, обнаружив использование созданного им произведения на каком-либо интернет-сайте, крайне заинтересован в том, чтобы прекратить такое использование еще до обращения в судебный орган, особенно если вероятный нарушитель исключительного права на произведения извлекает прибыль из размещения произведения правообладателя.

ГПК РФ в ст. 144.1 достаточно подробно регулирует процедуру рассмотрения заявления о применении предварительных обеспечительных мер. В частности, п. 5 данной нормы предусматривает, что суд, рассмотрев такое заявление, выносит определение, в котором указывает срок (не более пятнадцати дней), в течение которого заявитель обязан обратиться в суд с исковым заявлением. При отсутствии по прошествии установленного срока искового заявления предварительные обеспечительные меры подлежат отмене.

Одной из особенностей института обеспечительных мер является так называемый пониженный стандарт доказывания необходимости их принятия. Судебная практика исходит из того, что истец, ходатайствуя об обеспечении иска, не обязан доказывать обоснованность самих исковых требований. Об этом прямо указано в п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 15. В научных публикациях отмечается, что рассматриваемый подход является устоявшимся [18]. При этом разъяснения Верховного Суда РФ особое внимание уделяют стандартам доказывания наличия оснований применения предварительных обеспечительных мер в порядке ст. 144.1 ГПК РФ. Согласно позиции высшей судебной инстанции, основанной на тексте законодательной нормы, заявитель должен доказать принадлежность исключительных прав на объект и факта использования этого объекта на конкретной странице сайта в информационно-телекоммуникационной сети (п. 43). Впоследствии Верховный Суд РФ дополнительно обратил внимание на этот подход в специально принятом в 2024 г. обзоре судебной практики по вопросам защиты авторских и смежных прав в сети Интернет [11] (далее – Обзор 2024 г.).

В судебной практике, как до принятия Постановления Пленума № 15, так и после формулирования разъяснений высшей судебной инстанцией, были актуальными вопросы о средствах доказывания, которые обосновывают необходимость применения предварительных обеспечительных мер и требований к доказательствам, предъявляемым заявителями. Так, общество «Медиамузыка» обратилось в Мосгорсуд с заявлением о применении предварительны обеспечительных мер, указывая, что оно в соответствии с договором об отчуждении исключительного права стало правообладателем произведения «Реклама звучащая», а фрагменты этого произведения использовались на сайте, предлагавшим скачивать готовые курсовые работы. В обоснование своих требований заявитель представил акт осмотра сайта. Вместе с тем, суды данный акт признали недостаточным и недопустимым доказательством: из его содержания невозможно установить, когда именно были сделаны скриншоты сайта; представленные на скриншоте фрагменты произведения не имели отношения к произведению «Реклама звучащая» – при переходе по ссылке, указанной в акте, появлялось окно «страница недоступна для просмотра». По этим основаниям суды отказали в применении предварительных обеспечительных мер [13].

Интерес представляет также спор между стриминговым сервисом «Okko» и обществом «Твое Лайв», которое на своем сайте также предлагало для скачивания и просмотра фильмы и сериалы. Общество «Твое лайв» использовало дизайн сайта, оформление которого по цветовой гамме и внешнему виду было предельно схожим с оформлением сервиса «Okko». Общество «Okko» обратилось с заявлением о применении предварительных обеспечительных мер, указывая на то, что является обладателем исключительных прав на произведение «Креативная концепция и дизайн сайта okko.tv». Суды требование заявителя признали обоснованным и приняли предварительные обеспечительные меры. При этом были отклонены ссылки общества «Твое лайв» на то, что дизайн сайта не является объектом авторского права – в частности, суды указали, что такой довод ответчика прямо противоречит п. 1 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации. Особенно интересно то, что ответчик ссылался на наличие оснований для правомерного использования дизайна на своем сайте, однако суды указали, что данный довод подлежит рассмотрению и оценке при рассмотрении спора по существу, а не на этапе рассмотрении вопроса о принятии предварительных обеспечительных мер [1]. Это подтверждает наличие в судебной практике общего подхода, согласно которому при оценке судом необходимости обеспечения иска применяется пониженный стандарт доказывания.

Не меньший интерес представляет спор между обществом «Компания Топ 7» и ООО «Кинопоиск». Общество «Компания Топ 7» настаивало на том, что является правообладателем аудиовизуального произведения «Дышите равномерно». Данное произведение было использовано в составе фильма «Руки вверх» (2024), который в свою очередь доступен для скачивания и просмотра на сайте kinopoisk.ru, принадлежащим ООО «Кинопоиск». По этим основаниям общество «Компания Топ 7» просило применить предварительные обеспечительные меры, ссылаясь на неправомерное размещение произведения «Дышите равномерно» на сайте kinopoisk.ru. Между тем, судебные органы в удовлетворении заявления отказали. Суды пришли к заключению, что заявитель не доказал факт принадлежности ему исключительных прав на спорное произведение. Напротив, между возможными правообладателями произведения «Дышите равномерно» имел место спор о праве, подлежащий разрешению арбитражным судом. До вступления в законную силу соответствующего судебного акта по экономическому спору невозможно сделать вывод, кто именно наделен правом на обращение в Московский городской суд с заявлением о применении предварительных обеспечительных мер. Кроме того, общество «Компания Топ 7» представило скриншоты и видеозаписи фрагментов фильма «Руки вверх» с сайта ООО «Кинопоиск», на которых, по мнению заявителя, использовалось произведение «Дышите равномерно». С полным основанием суды сочли, что представленные доказательства не свидетельствуют о том, что в фильме используется именно аудиовизуальное произведение заявителя. Более того, правообладателем данного фрагмента является общество «Ол Медиа Компани», что само по себе исключает возможность принятия предварительных обеспечительных мер в пользу общества «Компания Топ 7» [2].

Вопрос о принадлежности заявителю ходатайства о применении предварительных обеспечительных мер исключительного права на спорное произведение действительно периодически актуализируется в судебной практике. Как правило, заявители в обоснование ходатайства представляют договор об отчуждении в их пользу исключительного права или лицензионного договора, что само по себе является достаточным доказательством. Вместе с тем, объекты авторского права и права на них какой-либо государственной регистрации не подлежат, поэтому если заявитель является первоначальным автором, то от него требуется доказать факт создания произведения собственным творческим трудом. В судебной практике периодически предпринимаются попытки доказать факт принадлежности исключительного права другими документами. Например, гражданка Ч. заявила о применении предварительных обеспечительных мер, указывая, что на сай-

те ozon.ru предлагается к приобретению литературное произведение, правами на которое обладает заявительница. В обоснование ходатайства была представлена распечатка письма электронного письма от издателя, который, по мнению заявительницы, передавал исключительное право. Вместе с тем, суд кассационной инстанции признал такую распечатку недостаточным доказательством факта принадлежности исключительного права [12].

Следует заметить, что согласно устоявшимся подходам судебной практики скриншоты страниц сайтов из сети Интернет могут быть приняты как допустимое и достаточное доказательство необходимости принятия предварительных обеспечительных мер. Как сказано выше, в рамках одного из дел Московский городской суд отклонил заявление гражданки Ч. о принятии предварительных обеспечительных мер, мотивированных неправомерным использованием литературных произведений на ряде интернет-сайтов. Апелляционная инстанция определение Московского городского суда отменила, указав, что представленные скриншоты достаточны для того, чтобы удовлетворить заявление о принятии предварительных обеспечительных мер. На предъявленных распечатках содержались рабочие ссылки на адреса интернет-сайтов, были указаны дата и время скриншотов. Кроме того, апелляционная инстанция повторила тезис о том, что ходатайствуя о принятии предварительных обеспечительных мер, заявитель не обязан доказывать обоснованность искового заявления в целом. По этим основаниям Первый апелляционный суд общей юрисдикции принял предварительные обеспечительные меры [3]. Аналогичный тезис недопустимости предрешения судьбы исковых требований при рассмотрении вопроса о принятии предварительных обеспечительных мер сделан судебными органами и при рассмотрении заявления общества «Национальное музыкальное агентство» о блокировке на портале youtube.com аудиовизуального произведения «Мираж vs Никита Джигурда – Не поможет эта ночь (Official Video)» [4].

В завершение краткого обзора судебной практики обратим внимание на пятый абзац пункта 43 Постановления Пленума ВС РФ № 15, в соответствии с которым предварительные обеспечительные меры по ст. 144.1 ГПК РФ могут быть наложены только на объекты авторских и смежных прав, но не на товарные знаки. Применение обеспечительных мер в отношении товарных знаков – классический экономический спор, подлежащий рассмотрению и разрешению арбитражным судом.

Заключение

В заключение отметим, что институт обеспечительных мер является эффективным средством обеспечения исполнимости будущего судебного решения – как в целом, так и по делам о защите авторских и смежных прав в сети Интернет. Судебной практикой выработана система взвешенных и научно обоснованных подходов, способствующих рациональному правоприменению и полноценных защите прав субъектов, вовлеченных в отношения по использованию объектов интеллектуальной собственности.

Литература

1. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 31.07.2024 по делу № 66–1822/2024 // СПС «Консультант плюс».
2. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.04.2025 по делу № 66–519/2025 // СПС «Консультант плюс»,
3. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 08.06.2022 по делу № 66–1837/2022 // СПС «Консультант плюс».
4. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.01.2022 по делу № 66–178/2022 // СПС «Консультант плюс».
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. № 137.
6. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 1917. 298 с.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. № 220.
8. Ковлер А.И., Дегтярев К. Вынесение временных мер в практике международных судов // Международное правосудие. 2014 № 4. С. 3–5.
9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Российская газета. 2015. № 49.
10. Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации: монография. Москва: Статут, 2022. 336 с.
11. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/documents/all/33621/?ysclid=mm3f8pita8897442240 (дата обращения: 16.12.2025).
12. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.01.2023 № 88–24333/2022 // СПС «Консультант плюс».
13. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.09.2022 по делу № 88–20874/2022 // СПС «Консультант плюс».
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.
15. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2024 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945 (дата обращения: 13.12.2025).
16. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942 (дата обращения: 13.12.2025).
17. Селькова А.А. Институт обеспечительных мер в процессуальном праве России и Англии: сравнительно-правовой аспект. Дисс … к.ю.н. Екатеринбург, 2018. 240 с.
18. Солтыс А.А. Стандарты доказывания процессуальных юридических фактов: основные вопросы // Вестник гражданского процесса. 2024. № 4. С. 242–249.
19. Старилов М.Ю. Меры предварительной защиты в административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции. Дисс. … к.ю.н. Воронеж, 2020. 349 с.
20. Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // Российская газета. 2013. № 148.
21. Фокин Е.А. Юридический дайджест: о некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15) // Цивилист. 2023. № 4. С. 78–82.

PRECAUTIONARY MEASURES IN CASES CONCERNING THE PROTECTION OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS ON THE INTERNET

Gershkovich S.A.
Moscow University «Synergy»

The subject of consideration in this article is the procedural and legal institution of interim measures and its application in cases of protection of copyright and related rights on the Internet. The author examines general theoretical approaches to interim measures, focusing on their concept and essential features. The main purpose of the institution under consideration is emphasized – ensuring the enforceability of a future court decision and maintaining the status quo in a legal conflict.

The specifics of preliminary interim measures in cases of copyright and related rights protection on the Internet are considered in detail. The article analyzes the provisions of Article 144.1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the introduction of which in 2013 was a significant progressive step in the development of procedural legislation. The Moscow City Court has the competence to take preliminary interim measures, in connection with which the practice of higher courts in relation to it is considered in detail. In addition, the approaches of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are being considered.

Keywords: interim measures, preliminary interim measures, securing a claim, copyright, related rights.

References

1. Appellate ruling of the First Appellate Court of General Jurisdiction dated July 31, 2024, in case № 66–1822/2024 // SPS «Consultant Plus».
2. Appellate ruling of the First Appellate Court of General Jurisdiction dated April 2, 2025, in case № 66–519/2025 // SPS «Consultant Plus».
3. Appellate ruling of the First Appellate Court of General Jurisdiction dated June 8, 2022, in case № 66–1837/2022 // SPS «Consultant Plus».
4. Appellate ruling of the First Appellate Court of General Jurisdiction dated January 19, 2022, in case № 66–178/2022 // SPS «Consultant Plus».
5. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, № 95-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2002, № 137.
6. Vas'kovsky, E.V. Textbook of Civil Procedure. Moscow, 1917, 298 p.
7. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, № 138-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2002, № 220.
8. Kovler, A.I., Degtyarev, K. Issuance of Provisional Measures in the Practice of International Courts // International Justice. 2014, № 4, pp. 3–5.
9. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015, № 21-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2015. № 49.
10. Kuznetsov E.N. The Right to Enforce Judicial Acts in the Russian Federation: Monograph. Moscow: Statut, 2022. 336 p.

11. Review of Judicial Practice in Considering Civil Cases Related to the Violation of Copyright and Related Rights on the Internet (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 29, 2024) // Official Website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/documents/all/33621/?ysclid=mm3f8pita8897442240 (accessed: December 16, 2025).

12. Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated January 10, 2023, № 88–24333/2022 // SPS «Consultant Plus».

13. Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated September 20, 2022, in Case № 88–20874/2022 // SPS «Consultant Plus».

14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 1, 2023, № 15 «On Certain Issues of the Adoption by Courts of Measures to Secure a Claim, Interim Measures, and Preliminary Protective Measures» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. № 8.

15. Consolidated Statistical Information on the Activities of Federal Arbitration Courts for 2024 // Official Website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945 (accessed: 13.12.2025).

16. Consolidated statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2024 // Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942 (accessed: 13.12.2025).

17. Selkova A.A. The Institute of Interim Measures in the Procedural Law of Russia and England: A Comparative Legal Aspect. Diss … Cand. Sci. (Law). Ekaterinburg, 2018. 240 p.

18. Soltys A.A. Standards of Proof of Procedural Legal Facts: Key Issues // Bulletin of Civil Procedure. 2024. № 4. Pp. 242–249.

19. Starilov M. Yu. Preliminary Protection Measures in Administrative Proceedings in Courts of General Jurisdiction. Diss. … Cand. Sci. (Law). Voronezh, 2020. 349 p.

20. Federal Law of 02.07.2013 № 187-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Protection of Intellectual Property Rights in Information and Telecommunication Networks» // Rossiyskaya Gazeta. 2013. № 148.

21. Fokin E.A. Legal Digest: On Certain Issues of the Adoption by Courts of Measures to Secure a Claim, Interim Measures, and Preliminary Protection Measures (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 1, 2023 № 15) // Tsivilist. 2023. № 4. pp. 78–82.

Цифровые права и активы как объекты наследования

Даниленко Илья Михайлович,
аспирант, Севастопольский государственный университет
E-mail: dan.ilya.sev@mail.ru

В статье рассматриваются цифровые права и активы как объекты гражданского права и выступающие предметом наследования. При проведении анализа классификации объектов цифрового права по характеру, выделены особенности имущественных и неимущественных прав, классификации по предмету и правовой природе позволила выделить состав каждой группы объектов цифрового права. Рассмотрена взаимосвязь между указанной характеристикой и спецификой их перехода к наследникам в соответствии с действующим законодательством, определены недостатки текущего подхода, а также отличия от традиционного наследования объектов гражданского права. Работа направлена на анализ информации об объектах цифровых правах, их особенностям, а также формирование правовой базы для дальнейших исследований в этой области с учетом указанных в статье особенностей наследования объектов цифрового права.

Ключевые слова: цифровые права, объекты гражданского права, наследование, классификация прав, имущественные и неимущественные права, цифровые активы.

Широкое распространение цифрового пространства, его включение в различные сферы жизни, в том числе экономику и общество, через интернет-сервисы привели к появлению цифрового права, которое в современной юридической науке рассматриваются как новая, формирующаяся, категория гражданских прав. Оно включает в себя права на цифровой контент, учетные записи, программное обеспечение, лицензии и другие элементы, имеющие имущественную или неимущественную ценность.

Актуальность исследования наследования объектов цифрового права обусловлена тем, что правовая система традиционно формировалась для объектов материального характера, а цифровое право обладает специфическими свойствами, которые сочетают в себе как имущественную, так и не имущественную ценность, выраженную в нематериальной форме, в связи с чем требуют отдельного рассмотрения.

Объектом настоящего исследования являются цифровые права и активы как объекты гражданского и цифрового права и специфику их наследования в зависимости от классификации. Основной целью работы является в систематизация видов цифровых прав и активов, анализ их юридической природы и рассмотрении особенностей их перехода к наследникам. Исследование направлено на выявление классификационных признаков, которые позволяют различать объектов цифрового права по характеру, предмету и правовому режиму.

Научная новизна исследования заключается в разработке многоуровневой классификации объектов цифрового права с позиции их наследуемости, а также в обосновании необходимости дифференцированного подхода к включению цифровых прав имущественного и неимущественного характера в состав наследственной массы с учётом их правовой природы и технических особенностей реализации.

Для достижения поставленных целей в работе использованы догматический, сравнительно-правовой и системный методы.

Эволюция цифрового права проходила поэтапно, изначально оно было лишь частью информационного права, и регулировало отношения по созданию, хранению и использованию информации в цифровой среде. С развитием интернет-сервисов, цифровых платформ и электронных активов их правовой статус стал требовать отдельного рассмотрения, что привело к выделению цифрового права в самостоятельную категорию гражданских правоотношений.

Процесс развития и становления правового регулирования демонстрирует, как цифровые объекты постепенно интегрируются в систему гражданских прав. Современное понимание цифровых прав позволяет рассмотреть их передачу, распоряжение и наследование, обеспечивая их юридическую защиту и признание.

Исходя из научной литературы цифровое право можно выделить как в особую категорию объектов гражданских правоотношений. Ключевой особенностью является его нематериальный характер и возможность передачи прав в информационных системах и цифровых пространствах без участия третьих лиц.

В настоящее время согласно п. 1, статьи 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы. Законодательный подход является слишком узконаправленным, поскольку цифровым правом признаётся только то, что прямо названо в законе [4]. Это создаёт правовой вакуум вокруг многих распространённых активов (учётные записи в социальных сетях, игровые предметы), которые прямо не поименованы в федеральных законах, но обладают очевидной имущественной или нематериальной ценностью и активно участвуют в обороте [1].

В рамках исследования автор разделяет цифровое право (как юридическую возможность контроля) и цифровой актив (как содержательный объект). При этом важно подчеркнуть, что в состав цифрового права включаются и неимущественные компоненты, такие как право на цифровую идентичность или доступ к персональным данным, которые зачастую неразрывно связаны с имущественным активом.

Для более полного признания цифровых прав объектами наследования требуется анализ их юридической природы и классификация. Систематизация цифрового права выделяет классификацию по трём ключевым признакам: характеру, предмету и правовой природе.

По характеру объекты цифрового права можно разделить на:

1. Имущественные права – права на объекты, обладающие экономической ценностью, важной особенность является то, что они могут выступать предметом купли-продажи или свободного распоряжения. Примерами таких прав являются цифровые финансовые активы, лицензии на программное обеспечение, учетные записи с коммерческим значением и права на цифровые товары, получаемые через платформы.

2. Неимущественные права являются правам, связанными с личностью и цифровой идентичностью пользователя, но не имеющие прямой материальной ценности, однако объекты, распоряжение которыми осуществляется этими правами обладают юридическим значением и защищаются законом. К ним относятся право на свободный доступ в интернет, свободу выражения в нем, защиту персональных данных, авторские нематериальные права, цифровую репутацию, учетные записи на онлайн-платформах, право на «забвение», а также личный контент пользователя – фотографии, публикации и сообщения.

По предмету цифровое право подразделяется на четыре группы, каждая из которых требует особого подхода в правовом регулировании и наследовании:

1. Персональные данные состоящие из сведений о личности, учетных записей, включающих в себя данные профиля, публикации, фотографии и цифровую репутацию. Они имеют высокую нематериальную ценность, так как напрямую связаны с идентичностью человека и его неприкосновенностью.

2. Утилитарные права представляют собой права, предоставляющие функциональные возможности цифровых сервисов, к примеру: лицензии на программное обеспечение, подписки, учетные записи с доступом к сервисам и инструментам платформ. Такие права иногда имеют коммерческую ценность, но ограничены условиями договоров и пользовательских соглашений [7].

3. Цифровые финансовые активы (ЦФА) включают криптовалюты, токены, цифровые ценные бумаги и смарт-контракты, которые обладают прямой экономической ценностью, могут быть предметом распоряжения, передачи и наследования, согласно текущему законодательству.

4. Гибридные (смешанные) права сочетают в себе признаки имущественных объектов и неимущественных прав на них, ими можно признать авторские цифровые произведения с возможностью коммерческого распоряжения, лицензионные соглашения с нематериальными ограничениями, а также смарт-контракты, где экономическая ценность сопровождается нематериальными условиями использования [2].

По правовой природе цифровое право разделяется на неотчуждаемые и позитивные права:

1. Неотчуждаемые права напрямую связаны с личностью и ее проявлениями и включают в себя право на защиту персональных данных, конфиденциальность, цифровую идентичность. Новшеством в цифровом праве можно выделить – право на «забвение». Они охраняются независимо от того, закреплены ли формально в законе или договоре.

2. Позитивные права закрепляются законом или договором и включают цифровые финансовые активы, лицензии, учетные записи с коммерческим значением, смарт-контракты и токенизированные соглашения. Во многом они зависят от уровня развития законодательства и в случае, если какой-то аспект не был указан в правовых актах, они становятся уязвимы перед различными ситуациями, в том числе наследовании.

Такое многоуровневое деление позволяет не только систематизировать цифровое право, но и определить его юридическую природу, особенности оборота объектов, ограничения при наследовании, а также служит основой для формирования методических рекомендаций и правоприменительной практики [8].

Практическое значение предложенной классификации заключается в возможности определить допустимость включения отдельных объектов цифрового права в состав наследственного имущества. Наследование цифровых прав и активов существенно отличается от традиционного перехода имущества и неимущественных прав и требует учёта особенностей как технической, так и правовой природы объектов.

Имущественные цифровые права, включающие в себя цифровые финансовые активы, лицензии и учетные записи с коммерческим значением, формально могут переходить к наследникам, однако на практике это сопряжено с рядом ограничений. Технические и платформенные барьеры часто препятствуют передаче доступа к активам, особенно если учетные записи защищены паролями или двухфакторной аутентификацией, а процедуры передачи прав после смерти владельца отсутствуют. Ярким примером имущественного цифрового права является криптовалюта. Несмотря на потенциальную высокую стоимость, ключевой проблемой наследования остаётся технический доступ. Наследник должен обладать приватным ключом или паролем от криптокошелька. В отсутствие прямых законодательных механизмов, обязывающих платформы предоставлять доступ повышается риск потери данных навсегда [3].

Не менее важным фактором является трансграничный характер цифровых прав и активов, так как он создаёт дополнительные сложности при применении законодательства разных стран, а отсутствие единых норм и признания некоторых цифровых активов как имущественных приводит к правовой неопределённости. В результате наследники могут столкнуться с невозможностью распоряжения активами или их конвертации в традиционные финансовые средства, что снижает экономическую ценность наследства [6].

Неимущественные цифровые права, включая авторство, цифровую идентичность, цифровую репутацию, персональные данные и контент пользователей, напрямую связаны с личностью владельца и не имеют материальной стоимости. Тем не менее доступ к ним для наследников может быть важен: это позволяет сохранять цифровое наследие, управлять контентом умершего (например, семейными фото, видео или публикациями), поддерживать цифровую идентичность и репутацию покойного, а также обеспечивать сохранение культурного наследия и признания заслуг умершего через контроль над авторскими произведениями. Однако в реальности наследники редко могут реализовать эти права полностью, так как большинство платформ, как зарубежных, так и российских, прямо запрещают передачу аккаунтов. Например, российская социальная сеть «ВКонтакте» в пользовательском соглашении фиксирует невозможность наследования профиля и не предусматривают процедур передачи аккаунтов или управления контентом после смерти пользователя, в добавок к этому иные технические барьеры и правовая неопределённость лишают наследников значительной части нематериальной ценности цифрового наследия, включая управление профилями, авторскими произведениями и цифровой идентичностью [5].

Таким образом, наследование объектов цифрового права требует дифференцированного подхода, учитывающего их экономическую и нематериальную ценность, технические ограничения, трансграничный характер цифровых прав и активов, а также пробелы в законодательстве.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что действующее гражданское законодательство формально признаёт цифровое право частью гражданских прав, однако не обеспечивает эффективных механизмов их наследования. Узкое определение цифровых прав в ст. 141.1 ГК РФ и отсутствие специальных норм наследственного правопреемства приводят к фактическому исключению значительной части цифровых прав и активов из наследственной массы. В этой связи представляется целесообразным уточнение состава наследственного имущества в ст. 1112 ГК РФ с учётом цифрового права, а также разработка специальных процедур правопреемства с участием цифровых платформ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1994 г., № 32, ст. 3301.

2. Власова Е.Л., Давыдова М.В., Цифровые и информационные права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6.

3. Вронская М.В., Семкина Т.А. Наследование цифровых финансовых активов: актуальные проблемы и перспективы развития // Юридические исследования. 2022. № 11. С. 32–44.

4. Начарова А.В., Смирнова В.С., Оборов А.С., Цифровые права в системе объектов гражданского права // Достижения науки и образования. 2021. № 4 (76).

5. Осадчая А.А., Голикова С.В. Наследование цифровых активов: сравнительный анализ правового регулирования в Российской Федерации и за рубежом // Вестник науки. 2024. № 12 (81).

6. Понкин И.В., Редькина А.И., К вопросу о понятии и онтологии цифровых прав // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 340–351.

7. Пономарева Н.В., Утилитарные цифровые права как разновидность цифровых прав // ЮП. 2024. № 2 (109).

8. Фроленко Н.А., Осипова Ю.В., Классификация цифровых прав в нормах действующего российского законодательства // Вестник науки № 2 (71) том 2. С. 174–178. 2024 г. ISSN 2712-8849

DIGITAL RIGHTS AND ASSETS AS INHERITANCE OBJECTS

Danilenko I.M.
Sevastopol State University

The article considers digital rights and assets as objects of civil law and as the subject of inheritance. When analyzing the classification of objects of digital law by nature, the features

of property and non-property rights were highlighted, the classification by subject and legal nature made it possible to single out the composition of each group of objects of digital law. The relationship between this characteristic and the specifics of their transition to heirs in accordance with the current legislation is considered, the shortcomings of the current approach are identified, as well as differences from the traditional inheritance of civil law objects. The work is aimed at analyzing information about the objects of digital rights, their features, as well as the formation of a legal framework for further research in this area, taking into account the features of inheritance of objects of digital law specified in the article.

Keywords: digital rights, civil law objects, inheritance, rights classification, property and non-property rights, digital assets.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation. Part One: Code of the Russian Federation of 11/30/1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of 1994, No. 32, art. 3301.

2. Vlasova E.L., Davydova M.V., Digital and information rights//Law and State: Theory and Practice. 2025. № 6.

3. Vronskaya M.V., Semkina T.A. Inheritance of digital financial assets: current problems and development prospects//Legal research. 2022. № 11. S. 32–44.

4. Nacharova A.V., Smirnova V.S., Oborov A.S., Digital rights in the system of objects of civil law//Achievements of science and education. 2021. № 4 (76).

5. Osadchaya A.A., Golikova S.V., Inheritance of digital assets: comparative analysis of legal regulation in the Russian Federation and abroad//Bulletin of Science. 2024. № 12 (81).

6. Ponkin I.V., Redkina A.I. To the question of the concept and ontology of digital rights//Perm Legal Almanac. 2021. № 4. Pp. 340–351.

7. Ponomareva N.V., Utilitarian digital rights as a kind of digital rights//UP. 2024. № 2 (109).

8. Frolenko N.A., Osipova Yu.V. Classification of digital rights in the norms of the current Russian legislation//Bulletin of Science No. 2 (71) volume 2. S. 174–178. 2024 ISSN 2712-8849

Современные тенденции оценки доказательств в цивилистическом процессе

Искандарова Камилла Ураловна,
аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: kami.iskandarova@mail.ru

В статье анализируются современные тенденции оценки доказательств в цивилистическом процессе, характеризующиеся сложным взаимодействием формального и свободного подходов. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в юридической науке единой концепции оптимального баланса между свободной оценкой доказательств по внутреннему убеждению судьи и формальными критериями их допустимости и достоверности. Автор рассматривает ключевые проблемы современной системы доказывания: риск субъективизма при оценке, трудности применения формальных правил к цифровым доказательствам, конфликт между состязательностью и установлением истины, а также влияние цифровизации на судебную практику. На основе анализа отечественного законодательства (ГПК РФ, АПК РФ) и зарубежного опыта (Германия, Франция, США) выявляются перспективы развития системы оценки доказательств, включая разработку критериев сочетания формальных и свободных начал, совершенствование регулирования цифровых доказательств, усиление роли мотивировки судебных решений и гармонизацию национальных стандартов с международными требованиями. Исследование демонстрирует, что оптимальной моделью является сбалансированная система, сочетающая гибкость свободной оценки с предсказуемостью формальных правил, что обеспечивает приближение к судебной истине, правовую определенность и защиту прав заинтересованных в исходе дела лиц.

Ключевые слова: оценка доказательств, цивилистический процесс, свободная оценка доказательств, формальная оценка доказательств, цифровые доказательства, внутреннее убеждение судьи, правовая определенность.

Оценка доказательств является ключевым элементом цивилистического процесса, определяющим его справедливость и эффективность. В современном цивилистическом процессе практически всех стран мира наблюдается сложное взаимодействие двух традиционных подходов к оценке доказательств – формального (основанного на заранее установленных законом критериях) и свободного (опирающегося на внутреннее убеждение судьи). Это сочетание порождает как преимущества, так и проблемы, что и обусловливает актуальность исследования современных тенденций в этой сфере.

В юридической науке до сих пор отсутствует единая концепция оптимального баланса между свободной и формальной оценкой доказательств. Вся история развития доказательственного права демонстрирует непрерывную борьбу между формализмом и свободой[1]. В эпоху абсолютизма доминировала строго формализованная иерархия доказательств, что ограничивало судейский произвол, но одновременно затрудняло поиск истины. В XIX–XX вв. под влиянием либеральных идей возобладала свободная оценка. Однако в современном праве вновь усиливаются отдельные формальные элементы (например, правила о допустимости доказательств)[2].

Данная тенденция, обусловлена, сколько стремлением законодателя и правоприменителя обеспечить предсказуемость судебных решений и противодействовать процессуальным злоупотреблениям в условиях высокой состязательности. Современные исследователи, такие как И.В. Решетникова, фиксируют феномен «состязательного формализма», при котором жесткие правила допустимости (например, запрет на свидетельские показания в подтверждение условий сделки, несоблюдение которой влечет недействительность) становятся инструментом дисциплинирования сторон[3]. А.Т. Боннер, в своих работах предостерегает от чрезмерного использования формализма, способного затруднить установление объективной истины[4].

Судебная практика также сталкивается с рядом проблем, требующих научного осмысления.

1. Риск проявления чрезмерного субъективизма при свободной оценке, ведь внутреннее убеждение судьи может формироваться под влиянием стереотипов, личных взглядов или внешнего давления, а это, в свою очередь, угрожает требованию судейской беспристрастности.

2. Затруднения в применения формальных правил: жесткие, а иногда просто неясные (например, в делах, где возникает потребность в использовании доказательств в цифровой форме) критерии допустимости доказательств иногда способны привести к исключению из материалов дела важных доказательств, что, в свою очередь, ведет к несправедливым решениям[5].

3. Конфликт между состязательностью и установлением истины: в условиях состязательного процесса суд зачастую ограничен доказательствами, представленными сторонами, что может искажать реальную картину дела.

4. Влияние новых технологий: развитие электронного правосудия и цифровых доказательств требует адаптации традиционных подходов к их оценке.

Теоретические основы оценки доказательств в цивилистическом процессе

В соответствии с ч. 1 ст. 67 ГПК РФ[6] суд оценивает представленные сторонами доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на их всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании. Доказательства должны быть оценены судом с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности (в отношении каждого

[1] Треушников М.К. Гражданский процесс. М., 2020. С. 267–270.

[2] Афанасьев С.Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве / С.Ф. Афанасьев. – Москва: ИД «Городец», 2025. С. 24.

[3] Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. С. 235.

[4] Боннер А.Т. Установление обстоятельств дел в гражданском процессе. М.: Городец, 2020. С. 45.

[5] Спесивов В.В. Теория доказательственного права: современные подходы и классификации. М., 2020. С. 215–218.

[6] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. ст. 4532; 2025. № 33. ст. 4928.

отдельного доказательства), а также достаточности и взаимной связи (в отношении всех доказательств в совокупности) (ч. 3 ст. 67 ГПК РФ). Аналогичные положения содержатся в ст. 71 АПК РФ[1].

В современных российских процессуальных кодексах впервые за всю историю отечественного цивилистического процесса было указано, что именно должен оценивать суд (относимость, допустимость, достоверность, достаточность и взаимную связь доказательств). Также впервые было закреплено правило о том, что результаты оценки должны быть отражены в мотивировочной части судебного решения. По замечанию В.М. Шерстюка, это правило иногда толкуется в литературе как уполномочивающее, однако его необходимо рассматривать как обязывающее суд[2].

В отечественной правовой науке наблюдаются разногласия относительно того, что конкретно должно оцениваться в процессе анализа доказательств, но в целом в доктрине преобладает мнение, поддерживаемое законодателем, согласно которому оценка доказательств включает анализ их относимости (т.е. наличия связи с рассматриваемым делом), допустимости, достоверности, достаточности и взаимосвязи. По мнению И.В. Решетниковой, оценка не только включает правовой аспект, но и основывается на когнитивных процессах, что позволяет признать за исследуемым институтом междисциплинарный характер[3].

В процессуальной литературе выделяют два принципа оценки доказательств: в соответствии с первым суд оценивает доказательства, представленные в материалы дела, по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, непосредственном и объективном исследовании; в соответствии со вторым никакие доказательства не имеют для суда заранее предопределенной силы[4]. Критериями оценки доказательств служат их относимость, допустимость, достоверность, достаточность и взаимная связь.

Таким образом, оценка доказательств является ключевым этапом судебного разбирательства, в ходе которого суд, руководствуясь внутренним убеждением и законом, определяет силу и значение каждого доказательства. Суд обязан оценивать доказательства по строго определенным критериям: относимость, допустимость, достоверность, достаточность и взаимная связь. Результаты этой оценки в обязательном порядке должны быть мотивированно отражены в судебном решении. Данный институт носит междисциплинарный характер, сочетая правовые требования с законами логики и познания, при этом основополагающим принципом остается то, что никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы.

Современные тенденции сочетания свободной и формальной оценки доказательств

Современный цивилистический процесс характеризуется не полной заменой формальной оценки доказательств свободной, а диалектическим сочетанием свободной оценки доказательств судом на основе внутреннего убеждения и формальных (легальных) ограничений, что обеспечивает баланс между гибкостью и правовой определенностью цивилистического процесса.

Свободная оценка для большинства современных правовых систем мира, включая Российскую Федерацию, является общим правилом, а формализм – исключением. Формальные правила доказывания (презумпции, требования к форме доказательств, ограничения их допустимости, фиксированная сила документов и иных видов доказательств) действуют лишь в прямо предусмотренных законом исключительных случаях.

Однако, сохраняющиеся формальные элементы существенно упрощают и ускоряют процесс доказывания в типичных ситуациях, обеспечивают правовую определенность и защищают стороны от недобросовестных действий оппонента[5].

Внутреннее убеждение, хотя и оценивается некоторыми учеными как субъективно-объективная категория, не является произвольным. Оно обязательно должно формироваться и обосновываться в соответствии с объективной истиной, законами логики, формального мышления, эмпирическими законами природы и жизненным опытом, что ограничивает субъективизм и обеспечивает рациональность решения[6]. Обязанность судьи подробно мотивировать решение является главным инструментом контроля за обоснованностью внутреннего убеждения, служит для предотвращения произвола и обеспечения проверяемости решения вышестоящими инстанциями.

Принцип состязательности, в соответствии с которым бремя доказывания и представление доказательств возложены на стороны, не противоречит идее сочетания свободной и формальной оценки, а определяет ее рамки. Суд оценивает доказательства, представленное сторонами в рамках состязательной процедуры, руководствуясь внутренним убеждением, но с учетом формальных ограничений закона.

В российской модели внутреннее убеждение судьи формируется на основе всестороннего исследования доказательств с учетом законов логики и жизненного опыта. Судья должен достичь такой степени достоверности факта, которая достаточна для принятия обоснованного решения. При этом мотивировка судебного решения служит главным инструментом контроля за рациональностью судебного убеждения[7].

Таким образом, современный цивилистический процесс строится на диалектическом сочетании свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению суда и формальных (легальных) ограничений. Свободная оценка является общим правилом, а формализм исключением, обеспечивающим правовую определенность. Внутреннее убеждение судьи не произвольно: оно ограничено законами логики, объективной истиной и жизненным опытом. Главным инструментом контроля за его обоснованностью и предотвращения субъективизма выступает обязанность суда подробно мотивировать решение, что гарантирует его рациональность и проверяемость.

Влияние цифровизации на оценку доказательств

С развитием технологий и цифровизацией правовой системы подходы к собиранию и оценке доказательств изменились. В последние годы активно внедряются новые методы, включая использование электронных документов, данных из социальных сетей и аналитических материалов, созданных с помощью искусственного интеллекта и технологий больших данных.

Цифровизация судебных процессов сделала электронные доказательства важной частью рассмотрения гражданских и арбитражных дел. К таким доказательствам относятся в первую очередь электронные документы, которые имеют такую же юридическую силу, как и бумажные (например, договоры и акты с электронной подписью). Судебные органы используют специальные системы для проверки подлинности этих документов и их соответствия установленным требованиям.

Особую сложность представляет вопрос о том, каким интернет-ресурсам можно доверять при установлении достоверности общеизвестных сведений. Если речь идет о государственных информационных системах (таких как ЕГРН, ЕГРЮЛ или ЕИС), суды, как правило, признают содержащиеся в них данные достоверными. Однако ситуация становится неоднозначной, когда сторона ссылается на информацию, размещенную на частном сайте. В этой связи интерес представляет подход Федерального арбитражного суда Московского округа, который в постановлении от 03.08.2011 № КА-А40/8052–11 отказался признать доказательственное значение за данными из сети Интернет. Суд подчеркнул, что сведения, полученные из «Википедии», носят вероятностный характер и не заменяют словарно-справочные источники. Поскольку стороной не была представлена словарная фиксация перевода термина «rigationi», соответствующее возражение не могло быть принято во внимание[8]. Также стоит отметить постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.12.2024 № Ф06–11692/2023 по делу № А72–9161/2022[9]. В данном деле суд отклонил ссылку налоговой инспекции на данные интернет-поисковиков как на доказательство дробления бизнеса. Суд указал, что размещенная в интернете информация не может подменять собой правоустанавливающие документы и опровергать совокупность других доказательств (договоры, трудовые договоры и т.д.). Сами по себе сведения из интернета доказательством быть не могут, а используются лишь наряду с другими.

---

[1] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. ст. 3012; 2025. № 31. ст. 5775.

[2] Шерстюк В.М. Современные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства: сборник статей. М., 2015. С. 214–217.

[3] Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практ. пособие для бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 78.

[4] Рыжов К.Б. Принцип свободной оценки доказательств в гражданском процессе // Вестник гражданского права. 2018. № 3. С. 45–52.

[5] Смирнов А.В. Формальная система доказательств: прошлое и будущее / А.В. Смирнов // Судебная реформа 1864 г.: уроки прошлого, перспективы будущего: Материалы «круглого стола», Москва, 15 ноября 2024 года. Москва: Издательский дом «УМЦ», 2025. С. 342–351.

[6] Козлов, М.А. Соотношение стандартов доказывания со свободной оценкой доказательств по внутреннему убеждению / М.А. Козлов // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14, № 5. С. 206–234.

[7] Сухорукова О.А. Значение внутреннего убеждения судьи в эпоху цифровизации, или Почему без человека невозможно правосудие? / О.А. Сухорукова // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2025. № 3. С. 78–83.

[8] Постановление ФАС Московского округа от 03.08.2011 № КА-А40/8052–11 по делу № А40–73616/10–26–617 // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.12.2024 № Ф06–11692/2023 по делу № А72–9161/2022// СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, вопрос оценки цифровых доказательств в гражданском судопроизводстве представляет собой ключевой аспект при исследовании судебного доказывания. В рамках гражданско-правовых споров стороны представляют электронную переписку, скриншоты для подтверждения договорных условий, информацию с веб-ресурсов и социальных сетей. Указанные материалы не содержат электронной подписи, что исключает безусловное признание судом распечаток корреспонденции, скриншотов или интернет-страниц в качестве допустимых доказательств из-за отсутствия признаков подлинности. Существенным для судебной оценки является наличие в договоре условия о возможности обмена электронными сообщениями с указанием конкретных почтовых адресов.

При наличии такого соглашения для верификации подлинности достаточно подтвердить содержание письма, его реквизиты и факт поступления. При отсутствии договорных положений суд обязан оценивать переписку в совокупности с иными доказательствами. Идентификация отправителя и получателя исключительно по материалам электронной переписки затруднена, что исключает возможность признания ее относимой к спору. Достоверность электронного доказательства при комплексной оценке устанавливается при наличии возможности электронного документооборота, определения лиц, создавших документ, и их юридического статуса, а также подтверждения целостности информации. Из определения Верховного Суда РФ от 17 августа 2017 г. № 304-ЭС17–10312 по делу № А45–7246/2016 следует, что суд отказал в принятии электронной переписки в качестве доказательства из-за отсутствия соглашения об официальном статусе такого общения.

Переписка в мессенджерах не была признана допустимым доказательством, поскольку стороны не согласовали данный способ обмена документами[1]. Указанная судебная позиция характерна для экономических споров между юридическими лицами в предпринимательской сфере.

В судебной практике встречаются случаи использования информации из интернет-ресурсов, включая Википедию. Например, Арбитражный суд Краснодарского края при рассмотрении спора о возмещении ущерба в сфере животноводства ссылался на данные из статьи о свиноводстве в Википедии[2]. Аналогичный подход продемонстрировал Арбитражный суд Хабаровского края при толковании термина «строительство»[3].

Однако следует отметить, что информация из интернет-ресурсов требует дополнительной проверки и не может служить единственным доказательством по делу. Как указал Второй кассационный суд общей юрисдикции, информация, размещенная в интернете, должна подтверждаться другими доказательствами и проверяться на достоверность[4].

По нашему мнению, это особенно актуально для ресурсов, где контент может редактироваться пользователями, поскольку такая информация требует дополнительной верификации.

Как итог, цифровизация судопроизводства сделала электронные доказательства (переписка, скриншоты, данные из интернета) неотъемлемой частью процесса, однако их использование осложняется проблемой верификации. В отличие от документов с электронной подписью, материалы из открытых источников и мессенджеров не имеют безусловной юридической силы. Судебная практика исходит из того, что такие доказательства признаются допустимыми лишь при наличии соглашения сторон об электронном обмене либо в совокупности с иными подтверждающими данными. Информация с общедоступных ресурсов (например, «Википедии») носит вероятностный характер и требует дополнительной проверки, так как не может служить единственным основанием для решения суда.

Зарубежный опыт сочетания элементов свободной и формальной оценки доказательств

Анализ зарубежного опыта показывает различные подходы к сочетанию формальных и свободных начал. В англо-саксонской системе содержатся отдельные жесткие формальные правила о недопустимости некоторых доказательств, при этом в целом для нее свойственно широкое усмотрение суда при оценке доказательств. В немецком процессе действует принцип свободной оценки с некоторыми оговорками, а для французского права, напротив, нормой являются формальные правила о преимущественной доказательственной силе для отдельных видов доказательств.

В Гражданском процессуальном уложении (ГПУ) Германии четко обозначен принцип свободной оценки доказательств, или принцип свободного убеждения суда (freie Beweiswürdigung), закрепленный в § 286 ГПУ[5]. Согласно данному принципу, суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, исходя из всей совокупности обстоятельств дела. Ключевыми характеристиками свободной оценки в немецком цивилистическом процессе являются: отсутствие формальных критериев достоверности – суд не связан заранее установленными правилами о силе доказательств; оценка по внутреннему убеждению – судья анализирует доказательства, руководствуясь логикой, жизненным опытом и правовыми принципами; ограничения свободы оценки – несмотря на широкие полномочия, суд обязан мотивировать свое решение, что предотвращает судейский произвол.

Во Франции основу оценки доказательств составляет принцип свободного судейского убеждения (intime conviction), закрепленный в ст. 12 ГПК Франции[6]. Согласно данному принципу судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, исходя из всей совокупности представленных сторонами материалов. Ключевыми характеристиками свободной оценки во французском процессе являются: отсутствие формальной иерархии доказательств; широкие полномочия судьи в исследовании доказательств; обязанность мотивировки решения.

В отличие от континентальных систем, в американском процессе действует правило перевеса доказательств (preponderance of the evidence), в соответствии с которым требуется, чтобы сторона убедила суд в большей вероятности тех обстоятельств, на которые она ссылается в своей позиции, по сравнению с обстоятельствами, на которые ссылается другая сторона[7].

Судья в американском процессе выполняет роль «привратника» (gatekeeper) – такое сравнение было впервые использовано в деле Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, где было указано, что судья проверяет допустимость экспертных заключений на основе научной обоснованности, что ограничивает абсолютную свободу оценки[8].

Итак, в зарубежном гражданском процессе сложились три модели оценки доказательств. Германия и Франция придерживаются принципа свободного судейского убеждения с обязательной мотивировкой решения, отвергая формальную иерархию доказательств. США используют критерий «перевеса доказательств», где судья проверяет допустимость заключений. При всех различиях общим трендом является отход от жестких формальных правил в пользу судейского усмотрения, ограниченного процессуальными гарантиями.

Проблемы и перспективы развития системы оценки доказательств

Современная система оценки доказательств сталкивается с рядом вызовов. Первый из них связан с поиском оптимального баланса между свободой судейского усмотрения и необходимостью правовой определенности. Как отмечает В.В. Ярков, современный российский процесс сохраняет элементы формализма, унаследованные от советского периода, при формальном провозглашении принципа свободной оценки доказательств. Он подчеркивает необходимость четких критериев допустимости доказательств как противовеса судейскому усмотрению[9].

Следующей значимой задачей является необходимость приспособления судебной практики к стремительному развитию цифровых технологий и появлению новых видов доказательств. Перед судами стоит сложная проблема оценки таких материалов, как электронная переписка, данные из социальных сетей и результаты, сгенерированные алгоритмами искусственного интеллекта. В этой связи критически важной становится выработка унифицированных методик проверки их достоверности и подлинности.

Отдельной проблемой остается низкий уровень мотивировочной части судебных актов. Хотя обязанность судьи детально обосновывать свои выводы является ключевым инструментом контроля, защищающим от произвола и обеспечивающим проверяемость решений,

[1] Определение Верховного Суда РФ от 17.08.2017 № 304-ЭС17–10312 по делу № А45–7246/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 15.06.2015 по делу № А32–37093/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Арбитражного суда Хабаровского края от 10.06.2015 по делу № А73–14346/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.11.2021 по делу № 88–19218/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Bürgerliches Gesetzbuch // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (дата обращения: 18.11.2025).

[6] Code civil // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (дата обращения: 26.11.2025).

[7] Mosteller R.P., Broun K.S. et. al. McCormick on Evidence, 8th ed. St. Paul, 2020. P. 87–93.

[8] Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals // URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/509/579/ (дата обращения: 26.11.2025).

[9] Ярков В.В. Гражданский процесс: учеб. / отв. ред. В.В. Ярков. М., 2021. С. 134–137.

на деле эта мотивировка нередко носит формальный и шаблонный характер.

Дальнейшее развитие системы оценки доказательств видится в реализации ряда взаимосвязанных задач.

Ключевой из них остается преодоление извечной коллизии между буквой закона и судейским усмотрением. Создание доктринальной модели, способной уравновесить эти начала, позволило бы преодолеть разрозненность судебной практики при работе с разнородными доказательственными материалами.

Не менее актуальной является адаптация процессуального законодательства к вызовам цифровой эпохи. Законодателю необходимо установить ясные критерии допустимости цифровых доказательств, унифицировать процедуры их приобщения к делу и последующей проверки. Отдельная проблема формирование внутреннего убеждения судьи при оценке сложных цифровых данных, требующих специальных знаний.

Значительный потенциал кроется в интеграции современных технологических решений, способных повысить уровень достоверности доказательств. Например, применение блокчейн-технологий позволяет обеспечить аутентичность и неизменность электронной информации. В то же время инструменты искусственного интеллекта, обрабатывающие массивы судебных актов, способны выявлять судебные тренды, хотя их прямое использование для прогнозирования конкретных решений остается предметом дискуссий[1].

Как отмечает О.Ю. Фомина, в гражданском судопроизводстве моделирование последствий принятия судебных решений с помощью ИИ может быть востребовано в спорах, затрагивающих интересы будущих поколений (экологические, градостроительные), однако создание единого сервиса, способного строить такие модели, остается делом будущего при наличии всех необходимых технологических предпосылок (машинное обучение, Big Data, GIS-интеграция)[2]. Исследователи подчеркивают, что применение предиктивной аналитики в правосудии должно носить исключительно вспомогательный характер и не подменять судейское усмотрение[3].

В рамках процедуры раскрытия доказательств стороны обязаны представлять исчерпывающий перечень имеющихся у них доказательственных материалов, а также обоснованно указывать доказательства, подлежащие истребованию судом по объективным основаниям. При этом процессуальное законодательство должно закреплять возможность дополнения указанного перечня новыми доказательствами при условии подачи обоснованного ходатайства участником процесса и предоставления суду объективных оснований для принятия такого решения.

Наконец, в-шестых, формирование единых стандартов оценки доказательств, адаптированных к российскому правопорядку. Анализ зарубежного опыта показывает, что наиболее эффективной является модель, сочетающая преимущества свободной оценки (гибкость) и формального подхода (предсказуемость). Сбалансированная система оценки доказательств способствует предсказуемости решений и снижению коррупционных рисков.

Итак, современные тенденции оценки доказательств в цивилистическом процессе характеризуются поиском оптимального баланса между свободной и формальной оценкой. Анализ зарубежного и отечественного опыта показывает, что наиболее эффективной является система, сочетающая преимущества обоих подходов.

Современные вызовы, связанные с цифровизацией общества, развитием новых технологий и глобализацией правовых систем, требуют адаптации традиционных подходов к оценке доказательств.

Предлагаемое понимание сочетания свободной и формальной оценки доказательств представляет собой оптимальную модель для современного цивилистического процесса, так как позволяет: максимизировать приближение к установлению судебной истины в конкретном деле; обеспечить предсказуемость, стабильность процесса и защиту прав участников процесса; гарантировать обоснованность и мотивированность решения.

В качестве конкретной меры, направленной на преодоление выявленной проблемы правовой неопределенности в отношении цифровых доказательств, предлагается следующее изменение в процессуальное законодательство.

Целесообразно дополнить статью 71 АПК РФ и статью 67 ГПК РФ частью следующего содержания:

«Электронная переписка, включая обмен сообщениями с использованием интернет-мессенджеров, программ для онлайн-общения и социальных сетей, признается допустимым доказательством при наличии одного из следующих условий:

1) стороны заранее согласовали в договоре или ином письменном соглашении использование конкретных адресов электронной почты, идентификаторов (никнеймов) или номеров телефонов для связи;

2) лицо, от которого исходит доказательство, представило суду разумные и достаточные данные, подтверждающие принадлежность соответствующего аккаунта (профиля) его контрагенту (например, публикация информации от имени юридического лица, привязка к официальному сайту, подтверждение переписки в ином формате).

В случае возникновения сомнений в подлинности цифрового доказательства суд вправе назначить экспертизу или предложить сторонам представить дополнительные доказательства, подтверждающие его достоверность».

Литература

1. Треушников М.К. Гражданский процесс. М., 2020. 514 с.
2. Афанасьев С.Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве / С.Ф. Афанасьев. – Москва: ИД «Городец», 2025. 208 с.
3. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. 510 с.
4. Боннер А.Т. Установление обстоятельств дел в гражданском процессе. М.: Городец, 2020. 368 с.
5. Спесивов В.В. Теория доказательственного права: современные подходы и классификации. М., 2020. 314 с.
6. Шерстюк В.М. Современные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства: сборник статей. М., 2015. С. 214–217.
7. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практ. пособие для бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2016. 621 с.
8. Рыжов К.Б. Принцип свободной оценки доказательств в гражданском процессе // Вестник гражданского права. 2018. № 3. С. 45–52.
9. Смирнов А.В. Формальная система доказательств: прошлое и будущее / А.В. Смирнов // Судебная реформа 1864 г.: уроки прошлого, перспективы будущего: Материалы «круглого стола», Москва, 15 ноября 2024 года. – Москва: Издательский дом «УМЦ», 2025. С. 342–351.
10. Козлов М.А. Соотношение стандартов доказывания со свободной оценкой доказательств по внутреннему убеждению / М.А. Козлов // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14, № 5. С. 206–234.
11. Сухорукова О.А. Значение внутреннего убеждения судьи в эпоху цифровизации, или Почему без человека невозможно правосудие? / О.А. Сухорукова // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2025. № 3. – С. 78–83.
12. Bürgerliches Gesetzbuch // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (дата обращения: 18.11.2025).
13. Code civil // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (дата обращения: 26.11.2025).
14. Mosteller R.P., Broun K.S. et. al. McCormick on Evidence, 8th ed. St. Paul, 2020. P. 87–93.
15. Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals // URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/509/579/ (дата обращения: 26.11.2025).
16. Ярков В.В. Гражданский процесс: учеб. / отв. ред. В.В. Ярков. М., 2021. С. 134–137.
17. Решетникова И.В. Искусственный интеллект в российском судопроизводстве: мечты и реальность / И.В. Решетникова // Судья. 2021. № 7(127). С. 57–62.
18. Фомина О.Ю. Моделирование последствий принятия судебного решения с помощью искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2 (126). С. 118–126.
19. Чиквин А.Б. Предиктивная аналитика в правосудии и законотворчестве // Цифровые технологии и право. 2025. Т. 1, № 1. С. 69–75.

MODERN TRENDS IN THE EVALUATION OF EVIDENCE IN CIVIL PROCEDURE

Iskandarova K.U.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article analyzes modern trends in the evaluation of evidence in civil procedure, characterized by a complex interaction of formal and free approaches. The relevance of the research is determined by the absence in legal science of a unified concept of the optimal balance between the free evaluation of evidence based on the judge's inner conviction and

[1] Решетникова И.В. Искусственный интеллект в российском судопроизводстве: мечты и реальность / И.В. Решетникова // Судья. 2021. № 7(127). С. 57–62.

[2] Фомина О.Ю. Моделирование последствий принятия судебного решения с помощью искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2 (126). С. 118–126.

[3] Чиквин А.Б. Предиктивная аналитика в правосудии и законотворчестве // Цифровые технологии и право. 2025. Т. 1, № 1. С. 69–75.

formal criteria of their admissibility and reliability. The author examines key problems of the modern evidence system: the risk of subjectivism in evaluation, difficulties in applying formal rules to digital evidence, the conflict between adversarial principles and the establishment of truth, as well as the impact of digitalization on judicial practice. Based on the analysis of domestic legislation (CPC RF, APC RF) and foreign experience (Germany, France, USA), the prospects for the development of the evidence evaluation system are identified, including the development of criteria for combining formal and free principles, improvement of digital evidence regulation, strengthening the role of reasoning in judicial decisions, and harmonization of national standards with international requirements. The study demonstrates that the optimal model is a balanced system that combines the flexibility of free evaluation with the predictability of formal rules, which ensures a closer approximation to the judicial truth, legal certainty, and protection of the rights of those interested in the outcome of the case.

Keywords: evidence evaluation, civil procedure, free evaluation of evidence, formal evaluation of evidence, digital evidence, judge's inner conviction, legal certainty.

References

1. Treushnikov M.K. Civil procedure. Moscow, 2020. 514 p.
2. Afanasyev S.F. The problem of truth in civil proceedings / S.F. Afanasyev. – Moscow: Gorodets Publishing House, 2025. 208 p.
3. Reshetnikova I.V. Reflecting on judicial proceedings: Selected works. Moscow: Statute, 2019. 510 p.
4. Bonner A.T. Establishing the circumstances of cases in civil proceedings. Moscow: Gorodets, 2020. 368 p.
5. Spesivov V.V. Theory of evidentiary law: modern approaches and classifications. Moscow, 2020. 314 p.
6. Sherstyuk V.M. Modern problems of civil and arbitration proceedings: collection of articles. Moscow, 2015. pp. 214–217.
7. Reshetnikova I.V. Proving in civil proceedings: textbook. handbook for bachelor's and master's degrees. 4th ed., revised and additional M., 2016. 621 p.
8. Ryzhov K.B. The principle of free evaluation of evidence in civil proceedings // Bulletin of Civil Law. 2018. № 3. pp. 45–52.
9. Smirnov A.V. The formal system of evidence: the past and the future / A.V. Smirnov // Judicial reform of 1864: lessons from the past, prospects for the future: Materials of the round table, Moscow, November 15, 2024. Moscow: UMTS Publishing House, 2025. pp. 342–351.
10. Kozlov M.A. The ratio of standards of proof with a free assessment of evidence based on inner conviction / M.A. Kozlov // Bulletin of Civil Procedure. 2024. Vol. 14, № 5. pp. 206–234.
11. Sukhorukova O.A. The importance of a judge's inner conviction in the era of digitalization, or Why is justice impossible without a person? / O.A. Sukhorukova // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2025. № 3. – pp. 78–83.
12. Bürgerliches Gesetzbuch // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (date of request: 18.11.2025).
13. Code civil // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (date of request: 26.11.2025).
14. Mosteller R.P., Broun K.S. et. al. McCormick on Evidence, 8th ed. St. Paul, 2020. P. 87–93.
15. Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals // URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/509/579/ (date of request: 26.11.2025).
16. Yarkov V.V. Civil procedure: textbook. V.V. Yarkov, Moscow, 2021. pp. 134–137.
17. Reshetnikova I.V. Artificial intelligence in Russian judicial proceedings: dreams and reality / I.V. Reshetnikova // Judge. 2021. № 7(127). pp. 57–62.
18. Fomina O.Y. Modeling the consequences of making a court decision using artificial intelligence // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2025. № 2 (126). Pp. 118–126.
19. Chikvin A.B. Predictive analytics in justice and lawmaking // Digital technologies and law. 2025. Vol. 1, № 1. pp. 69–75.

Защита деловой репутации при оказании услуг народной медицины

Касимова Олеся Алексеевна,
соискатель на звание ученой степени кандидата юридических наук Национальная Ассоциация народной медицины и оздоровительных практик
E-mail: olesyatravy2010@mail.ru

Статья посвящена актуальным проблемам защиты деловой репутации при оказании услуг народной медицины. Проведен анализ квалифицирующих признаков деловой репутации целителя, особенности ее дуалистической природы как нематериального блага с материальным компонентом. В статье рассматриваются пробелы действующего законодательства, трудности правоприменительной практики при рассмотрении дел о защите деловой репутации целителей с учетом цифровизации и умышленной фейковизации информации. Автор предлагает собственную дефиницию деловой репутации, наиболее полно отражающую признаки ее правового режима. Выделены квалифицирующие признаки деловой репутации целителей. Сформулирован новый гражданско-правовой способ защиты репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в том числе оказывающих услуги в сфере народной медицины.

Ключевые слова: деловая репутация, народная медицина, целительство, судебная практика.

Введение

В настоящее время отмечается тенденция к росту спроса на услуги народных целителей. Это явление обусловлено несколькими факторами: популяризацией использования натуральных безмедикаментозных методов лечения, а также относительной доступностью такого рода услуг. В результате чего сформировался отдельный сегмент рынка, направленный на предоставление помощи в области восстановления и поддержания здоровья с применением народных и традиционных практик. Несмотря на возможное несоответствие стандартам качества и отсутствие гарантий эффективности, модель взаимодействия между народными целителями и клиентами определяет индивидуальный подход по сравнению с формальными и не всегда результативными протоколами обслуживания в государственных медицинских учреждениях, а также устоявшаяся положительная деловая репутация практиков народной медицины.

Исследование квалифицирующих признаков деловой репутации в сфере услуг народной медицины представляет научный интерес как в контексте теоретического анализа процессов профессионализации в области народного целительства, так и в рамках изучения механизмов защиты гражданских прав практикующих целителей. Действующее правовое регулирование характеризуется наличием внутренних противоречий и неоднозначностей в формулировках, что усложняет процесс интерпретации и практического применения нормативных правовых актов в судебной практике по защите деловой репутации.

Народная медицина, как вид экономической и профессиональной деятельности

Согласно ст. 50 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» народной медициной являются методы оздоровления, утвердившиеся в народном опыте, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья. Право на занятие народной медициной имеет гражданин, получивший разрешение, выданное исполнительным органом субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья, а также зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя [1].

Виды методов народной медицины указаны в Общероссийской классификаторе занятий ОК 010–2014 (ОКЗ), утвержденным приказом Росстандарта № 2020-ст от 12.12.2014 г. «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора занятий (ОКЗ) ОК 010–2014 (МСКЗ – 08)», группа 223 ОКЗ «Высококвалифицированные целители и практики альтернативной и народной медицины» и группа «Лекари народной медицины и целители».

Согласно ст. 15 ФЗ «О техническом регулировании» от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ «национальные стандарты и общероссийские классификаторы … представляют собой национальную систему стандартизации».

Перечень методов народной медицины не является закрытым. Для уточнения позиций ОКЗ также используется международный стандарт ISCO-08-международная стандартная классификация занятий (утвержденная в 2008 г. Международной Организацией Труда), на основании которой разработан ОКЗ, а также «Стратегия ВОЗ в области народной медицины» [2, с. 3 –с.4].

Согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности, утвержденному приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст, «экономическая деятельность имеет место тогда, когда ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье, материалы, энергия, информационные ресурсы) объединяются в производственный процесс, имеющий целью производство продукции (предоставление услуг)» [3].

Очевидно, что занятие народной медициной обладает признаками экономической деятельности, как вида общественно полезной (социальной) деятельности, при которой технологии по восстановлению здоровья человека выражены в предоставляемой целителем услуге населению, результатом которой является также систематическое получение прибыли (дохода) [4, с. 393].

В «ОК 010–2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий» принятым Приказом Росстандарта от 12.12.2014 N 2020-ст) под занятием понимается вид трудовой деятельности, осуществляемой на рабочем месте с относительно устойчивым составом тру-

довых функций (работ, обязанностей), приносящий заработок или доход [5].

Однако, группа 223 ОКЗ «Высококвалифицированные целители и практики альтернативной и народной медицины» фактически включает методы, которым обучаются в учреждениях высшего и среднеспециального медицинского образования. В ней перечислены те методы из народных, которые ранее прошли проверку на эффективность и безопасность и ранее были зарегистрированы в качестве разрешенных к медицинской практике, а также которым обучают в медицинских ВУЗах в порядке последипломного образования в рамках межгосударственных и межвузовских соглашений [2, с.3].

Следовательно, занятие народной медициной можно отнести к профессиональной деятельности, а физические лица (индивидуальные предприниматели) выступают субъектами профессиональной деятельности.

А.В. Басова под субъектом профессиональной деятельности понимает «физическое лицо, осуществляющее регулируемую федеральным законом деятельность посредством личного квалифицированного труда» [6, с. 150].

Квалифицирующим признаком занятия народной медициной, как вида экономической и профессиональной деятельности, является зависимость от личностных характеристик лица (индивидуального предпринимателя), оказывающих услуги в данной области.

Анализируя дефиницию «преемственность» в народной медицине с точки зрения права, автор делает вывод о том, что занятие народной медициной есть ведение лицом самостоятельной профессиональной деятельности, которую он (индивидуальный предприниматель) успешно реализует, обладая социально-полезным знанием, возможно, «переданной» ранее технологией и, возможно, получает доход.

Профессиональная деятельность всемирно известного специалиста в области народной медицины костоправа Николая Андреевича Касьяна является примером устойчивой деловой репутации. Династия Касьян имеет богатую историю, уходящую корнями в четыре поколения. Прадед Николая Андреевича работал в земской уездной больнице Кобелякского уезда. Его дед, Иван, также был костоправом и, по семейным преданиям, прожил 105 лет, продолжая свою профессиональную деятельность до 90-летнего возраста [7, с. 88].

В автобиографии Николай Андреевич Касьян упоминает, что его дед Иван освоил костоправство под руководством немецкого врача [8, с. 10]. Отец Николая Андреевича, Андрей Иванович Касьян, унаследовал это искусство от своего отца. Из тринадцати сыновей Ивана был избран именно Андрей, поскольку обладал необходимой тактильной чувствительностью [7, с. 22].

Механизм передачи профессиональных навыков в народной характеризуется тем, что мастерство передавалось не всем потомкам, а только тем, кто обладал специфическими профессиональными способностями и умением их применить.

Ключевым событием для формирования положительной деловой репутации Н.А. Касьяна, стала статья К. Кожевниковой «Неистовый доктор Касьян», опубликованная в «Литературной газете») [9], которая вызвала значительный общественный резонанс. Редакция газеты получила множество писем: обращались известные деятели культуры и дипломаты.

Это явилось определенной оценкой социальной значимости отдельно взятой личности, которая определяется уровнем её квалификации, а характеристикой профессиональной деятельности данной личности является деловая репутация [10, с. 4].

Понятие и правовая природа деловой репутации юридического лица

В статье 150 Гражданского кодекса Российской Федерации деловая репутация перечисляется в качестве одного из элементов открытого перечня нематериальных благ, подлежащих защите в рамках гражданского законодательства, однако дефиниция «деловой репутации» российским законодательством не предусмотрена.

По мнению З.В. Каменевой, деловая репутация в широком смысле представляет собой общественное восприятие профессиональных и должностных характеристик как физических, так и юридических лиц. В более узком понимании, деловая репутация ограничивается оценкой деловых качеств участников делового оборота [11, с. 19]. Ю.А. Тарасенко определяет деловую репутацию как «общественную оценку деловых и профессиональных качеств определённого лица, обладающую положительным характером» [12, с. 903]. А.М. Эрделевский определяет деловую репутацию как общественное восприятие деловых качеств индивида, которое формируется на основе оценки со стороны общества [13, с. 134].

На деловую репутацию целителя влияет наличие отдельных личностных характеристик, указывающих на уникальность применяемого метода, уровень профессиональных навыков, стаж работы, период безпретензионной практики, а также принадлежность к народным традициям.

Характерно, что в локальных сообществах народные целители воспринимались как признанные специалисты с положительной деловой репутацией, о чем прямо говорится в некоторых источниках: «дяди по отцовской линии славились в нашем селе на всю округу врачевателями-костоправами» [14, с. 6].

По мнению В.И. Харитоновой целители, «посвященные» в традиции, перенявшие свое знание, …не давая никаких рекламных объявлений, имеют пациентов значительно больше, чем могут принимать» [15, с. 62], следовательно, уникальность и эффективность некой народной техники и высокий уровень применения ее на практике составляют качественно-профессиональный признак деловой репутации целителя.

Анализ представленных дефиниций указывает на то, что деловая репутация неразрывно связана с профессиональной деятельностью лиц, занимающихся частной практикой, включая специалистов в области народной медицины. Репутация народных целителей включает не только оценку их профессиональных компетенций, но и другие квалифицирующие признаки, такие как особую социальную значимость используемой техники, потомственный или преемственный фактор (как показатель эффективности оказываемой услуги), продолжительность практики и другие признаки.

Закономерен вывод о том, что дефиниция «положительная деловая репутация» в сфере народной медицины будет применима только в том случае, когда используемые в целительстве методы являются традиционной практикой народа и представляют собой совокупность знаний, собранных её обычными носителями, а также успешно применяются на практике отдельным лицом и имеют положительную общественную оценку.

Деловая репутация, с точки зрения большинства ученых-цивилистов, относится к категории нематериальных благ, которые не имеют экономического содержания. А.В. Тельнов указывает, что в соответствии с ст. 150 Гражданского кодекса РФ, деловая репутация рассматривается как правовая категория и представляет собой самостоятельное нематериальное благо, которая отражает общественную оценку социально значимых качеств субъекта права и подчеркивает его социальный статус [16, с. 706].

Нематериальный характер этого блага объясняется его неразрывной связью с личностью обладателя, невозможностью самостоятельного участия в гражданском обороте и отсутствием стоимостной оценки. Репутация целителей и уверенность в их профессионализме выступают в качестве мотивации для обращения за консультационной или иной специализированной помощью.

Однако, другие ученые-цивилисты заявляют о присутствии материального компонента в правовой природе деловой репутации. Ю.З. Сахапов полагает, что в целях оценки профессиональных качеств субъектов предпринимательской и другой экономической деятельности законодатель вводит дополнительное определение термина «репутация», включающее качественно-профессиональный критерий [17, с. 49].

С.А. Степанов подчеркивает, что деловая репутация юридического лица обладает не только нематериальной ценностью, но и приобретает ярко выраженный имущественный характер, а также непосредственную связь с получением реального дохода в экономической деятельности [15, с. 63–67]. Справедливо заметить, что деловая репутация не должна быть отнесена исключительно к нематериальным благам. Такой подход не в полной мере отражает её правовую природу и не учитывает современные реалии имущественного оборота. В условиях функционирования рыночной экономики положительная устойчивая положительная деловая репутация целителей является значительным конкурентным преимуществом, которое оказывает прямое воздействие на финансовые результаты деятельности специалистов в области народной медицины.

Деловая репутация целителя, являясь нематериальным благом, также может материально характеризовать его профессиональную деятельность, что свидетельствует о ее дуалистической природе. Распространение информации, касающейся деловой репутации травницы Беляевской Е.И., привело к блокировке сайта травницы Роскомнадзором [18] и к финансовым потерям для предприятия ООО «Байкалдар», что подтверждает влияние диффамации на экономическую ценность и способность негативно влиять на рыночную стоимость компании.

«Народное» как принадлежность к традиции, природе становится тем компонентом культурного капитала, который конвертируется в капитал экономический [20, с. 68].

Современные условия диктуют необходимость пересмотра традиционных взглядов на деловую репутацию целителя как исключительно на нематериальное благо и признание ее особого режима в системе объектов гражданских прав в качестве нематериального блага, нематериально характеризующего деятельность лица. «Занятие целительством иногда вроде бы мешало в хозяйственной и промысловой деятельности человека, а отказаться от «побочного» занятия эти люди не имели права. Хотя, конечно, эти люди приобретали огромный социальный авторитет, который также мог становиться экономической категорией» [21, с. 11].

Следует обратить внимание на позицию О.В. Карайчевой, которая акцентирует внимание на экономико-правовой природе репутации. «Деловая репутация содержит в себе качества нематериальных благ, но не обладает нематериальным содержанием» [22, с. 48].

Правовое регулирование защиты деловой репутации в области народной медицины

В соответствии со статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации гражданин или юридическое лицо имеет право через суд потребовать опровержения сведений, которые порочат деловую репутацию, удаления информации, замены или отзыва документа, если распространитель этих сведений не сможет доказать их соответствие действительности.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» установлено следующее:

1. Сведения, не соответствующие действительности, представляют собой утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в объективной реальности в период, к которому относятся оспариваемые данные.

2. При рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам необходимо проводить разграничение между утверждениями о фактах, проверяемость которых предусмотрена законодательством, и оценочными суждениями, мнениями и убеждениями, которые не подлежат судебной защите в соответствии со статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Распространение информации, порочащей деловую репутацию, включает в себя публикацию спорных данных в печатных изданиях, трансляцию по радио и телевидению, размещение в сети «Интернет», а также использование иных средств телекоммуникации.

Публичные негативные высказывания, направленные на дискредитацию профессиональной деятельности целителей, формируют у потенциальных клиентов искаженное представление о том, что практикующие специалисты в области народной медицины, осуществляя профессиональную деятельность, грубо нарушают действующее законодательство в силу отсутствия медицинского образования, а заявленные ими методы лечения имеют высокую стоимость, но не проявляют положительного эффекта или могут нанести вред здоровью. Подобные заявления формируют негативное общественное восприятие профессиональной деятельности целителя и причиняют репутационный вред. Чаще всего спорная информация о деятельности специалистов народной медицины размещается в социальных сетях или видео-хостингах с возможностью комментирования и дублирования спорной информации неограниченным кругом лиц, в том числе анонимными пользователями. Подобная тактика приводит к быстрому распространению негативной информации и формированию общественной оценки.

Так, Арбитражный суд города Москвы посчитал, что общий контекст сообщений «Платить тысячи долларов за консультации «народного целителя» и за сумасшедшие деньги покупать у него БАДЫ?», характер их изложения и смысловая нагрузка позволяют определить спорную информацию как порочащую [23]. В ином случае тот же Арбитражный суд города Москвы при рассмотрении другого дела расценил выражение «женщина оплатила курс нетрадиционного лечения в надежде избавиться от заболевания сосудов. А в итоге ко всему прочему добавилась головная боль в виде судебной тяжбы. Ведь только так она может получить деньги, напрасно отданные целительнице» субъективным умозаключениям истца, отражающим личное эмоциональное восприятие оспариваемых сведений, и не может служить подтверждением наличия в спорном сюжете необходимых элементов для установления оскорбительного и порочащего характера содержащихся в нем сведений [24].

Отсутствие единообразия в судебной практике и неопределенность критериев дефиниции «порочащая информация» создают значительные препятствия для защиты деловой репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в том числе оказывающих услуги в сфере народной медицины.

Оптимизация гражданско-правовых способов защиты деловой репутации

Согласно социологическим опросам, отношение отдельных групп граждан к российскому здравоохранению характеризуется негативными тенденциями [25]. Это создает благоприятные условия для обращения граждан к услугам народных целителей и повышает уровень доверия к возможностям традиционной медицины. Народная медицина – это комплекс знаний, как систематизированных, так и несистематизированных, которые существовали до появления биомедицины и продолжают развиваться для использования в современном мире. Для значительной части людей целители остаются основным источником медицинской помощи, так как она доступна на местном уровне, является экономически выгодной и учитывает культурные особенности. Для многих других народная медицина предпочтительна, так как предлагает индивидуализированный и более естественный подход к лечению.

Ключевым критерием, определяющим характер взаимодействия между клиентами и народными целителями, является фактор устоявшейся деловой репутации.

В целях повышения эффективности правового регулирования защиты деловой репутации рекомендуется определить деловую репутацию специалиста в области народной медицины как нематериальное благо, которое формируется в процессе профессиональной деятельности или преемственности. Она основывается на профессиональных компетенциях и уникальных качествах целителя, а также отражает общественное восприятие данного специалиста. Деловая репутация является прямым материальным индикатором экономической успешности и конкурентоспособности специалиста в данной области.

Предлагается расширить применение внесудебных механизмов защиты деловой репутации, включая меры по предотвращению распространения противоправного контента в сети Интернет. В частности, целесообразно внедрить процедуры оперативного реагирования на нарушения в онлайн-среде и ограничения доступа к оспариваемой информации до вынесения судебного решения. Возложить обязанность на администраторов или владельцев Интернет-ресурсов по удалению анонимной диффамационной информации и возложить ответственность за отказ в реагировании на жалобу лица, в отношении которого была размещена данная информация и отказ в удалении данной информации. Применение искусственного интеллекта представляют собой перспективный инструментарий для автоматизированного выявления порочащей информации, а также для рассылки предупреждений в случае обнаружения диффамации. Однако для обеспечения высокой степени точности анализа спорной информации, необходимо проведение дополнительной оценки с привлечением квалифицированного эксперта. Это позволит более точно определить эмоциональное наполнение и контекстуальные особенности контента, что является критически важным для минимизации ложных срабатываний и соблюдения баланса между защитой деловой репутации и свободой слова.

Прежде всего данный метод защиты деловой репутации следует применить к социальным сетям, к использованию которых наблюдается растущая потребность для развития и продвижения услуг и товаров. Однако социальные сети являются источником огромных репутационных рисков для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. «Живые» отзывы в социальных сетях приобретают большую значимость в силу своей персонализированности, в отличие от анонимных сообщений и комментариев. Один пост или видео в социальных сетях, распространённое среди тысяч зрителей одним кликом мыши, может инициировать процесс, который способен нанести значительный деловой репутации. Это создаёт дополнительную сложность для управления репутацией, так как подобные угрозы трудно предсказать и эффективно нейтрализовать.

Уровень защиты деловой репутации целителей, должен соответствовать условиям современного информационного общества. В настоящее время наблюдается интерес к врачеванию методами народной медицины, который обусловлен некоторым модным веянием в современном обществе, стремлением к натуральным методам лечения и здоровьесбережения.

Литература

1. О порядке занятия народной медициной на территории Ульяновской области от 23.09.2020 г. – Текст электронный: https://docs.cntd.ru/document/463735452 (дата обращения 23.02.2026 г.)

2. Информационное письмо (из решения Экспертного совета по вопросам совершенствования законодательства в сфере компле-

ментарной медицины комитета по охране здоровья Государственной думы РФ) от 24.10.2019 г. № ТФС-4/356.

3. Приказ Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст (ред. от 27.12.2024) О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029–2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034–2014 (КПЕС 2008) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2026).

4. Райзберг Б. А., Лозовский Л.Ш., Стародубцев Е.Б. Современный экономический словарь. М., 1996. С. 393. См. также: Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. А.Г. Грязновой. М.: Финансы и статистика, 2002.

5. ОК 010–2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий» (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 N 2020-ст) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2026).

6. Басова А.В. Саморегулируемые организации как субъекты предпринимательского права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008, 218 с.

7. Бобрищев К.В. Неистовый доктор Касьян. Полтава: ИИА «Астрея»; 1991. 212 с.

8. Касьян М.А. Тернисті шляхи костоправа. Київ: Т-во «Знання» УРСР; 1990. 48 с. (на укр. яз.)

9. В ожидании чуда. Восстановление позвоночника без операции. Белая Ворона. – Текст: электронный // https://club-white-crow.ru/backbone/1.php (дата обращения 30.01.2026 г.).

10. Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация под защитой закона. М., 2004. 88 С.

11. Каменева, З.В. Деловая репутация как объект гражданского права / З.В. Каменева. – Текст: непосредственный // Адвокат. – 2014. – № 5. – С. 19–22.

12. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2008. С. 903.

13. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М.: Р. Валент, 2007. С. 134.

14. Лиджиев М.А., Лиджиева Д.М., Садалова Т.М. Народные традиции костоправства у калмыков (по данным полевых материалов) // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 4. – С. 6.

15. Харитонова В.И. Народные магико-медицинские практики: традиция и современность. Опыт комплексного системно-феноменологического исследования: дис. … канд. истор. наук: 07.00.07 / Харитонова Валентина Ивановна. – Москва, 2000. – С.66.

16. Тельнов А.В. Репутация государства как гражданско-правовая категория: понятие и значение / А.В. Тельнов // Право и политика. – 2016. – № 6. – С. 706.

17. Сахапов Ю.З. Деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности в системе объектов гражданских прав и особенности ее гражданско-правовой защиты: дисс… канд. юрид. наук: 12.00.03 / Сахапов Юсуп Замилович. – Казань, 2007. – С. 49.

18. Степанов С.А. Предприятие как имущественный комплекс по Гражданскому кодексу Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. С.С. Алексеева; Исследовательский центр частного права Уральский филиал. Российская школа частного права. Уральское отделение. М., 2000. С. 63–67.

19. Сайт травницы «Байкалдар» заблокировал Роскомнадзор – она объявила о создании своей политической партии». – Текст электронный: https://www.pravda.ru/news/society/1865527-sait_travnicy_baikaldar_zablokiroval_roskomnadzor/ (дата обращения 30.01.2026 г.).

20. Традиционная медицина: политика и практика профессионализации (коллективная монография) / Под ред Е.Р. Ярской-Смирновой. Москва: 000 Вариант, ЦСПГИ, 2011. С. 68.

21. Зайцева Елена Николаевна. Народная медицина удмуртов в конце XIX – первой трети XX века: автореф. дис. … канд. истор. наук: 07.00.07 / Зайцева Елена Николаевна. – Ижевск, 2004. – С.12.

22. Карайчева О.В. Деловая репутация как объект гражданских прав: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03: утв. 25.09.2014. Краснодар, 2014. – С.211

23. Решение Арбитражного суда города Москвы от 9 июня 2017 г. по делу № А40–174240/2016// СПС «КонсультантПлюс».

24. Решение Арбитражного суда города Москвы от 6 мая 2021 г. по делу № А40–168404/20–51–1222// СПС «КонсультантПлюс».

25. ВЦИОМ назвал наиболее популярные у россиян практики народной медицины. – Текст электронный: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64d22a3f9a794706d0272b7b (дата обращения 23.02.2026 г.)

PROTECTION OF BUSINESS REPUTATION IN RENDERING TRADITIONAL MEDICINE SERVICES

Kasimova O.A.
National Association of Traditional Medicine and Health Practices

This article examines current issues related to protecting business reputation in the provision of traditional medicine services. The author analyzes the qualifying characteristics of a healer's business reputation and its dualistic nature as an intangible asset with a tangible component. The article examines gaps in current legislation and the challenges of law enforcement practice in considering cases involving the protection of healers' business reputations, taking into account digitalization and the deliberate falsification of information. The author offers her own definition of business reputation, which most fully reflects the characteristics of its legal regime. A new civil law method for protecting the reputation of legal entities and individual entrepreneurs providing traditional medicine services is formulated.

Keywords: business reputation, traditional medicine, healing, judicial practice.

References

1. On the Procedure for Practicing Traditional Medicine in the Ulyanovsk Region, September 23, 2020 – Electronic text: https://docs.cntd.ru/document/463735452 (accessed February 23, 2026)

2. Information Letter (from the decision of the Expert Council on Improving Legislation in Complementary Medicine of the State Duma Committee on Health Protection of the Russian Federation), October 24, 2019, No. TFS-4/356.

3. Order of Rosstandart dated 31.01.2014 N 14-st (as amended on 27.12.2024) On the adoption and implementation of the All-Russian Classifier of Types of Economic Activity (OKVED2) OK 029–2014 (KDES Rev. 2) and the All-Russian Classifier of Products by Type of Economic Activity (OKPD2) OK 034–2014 (KPES 2008) [Electronic resource] // ConsultantPlus Legal Reference System (accessed: 03.03.2026).

4. Raizberg B. A., Lozovsky L. Sh., Starodubtsev E.B. Modern Economic Dictionary. Moscow, 1996. P. 393. See also: Financial and Credit Encyclopedic Dictionary / edited by A.G. Gryaznova. M.: Finance and Statistics, 2002.

5. OK 010–2014 (ISCO-08). All-Russian Classifier of Occupations" (adopted and put into effect by Order of Rosstandart dated 12.12.2014 N 2020-st) [Electronic resource] // Reference legal system "ConsultantPlus" (date of access: 03.03.2026).

6. Basova A.V. Self-regulatory organizations as subjects of entrepreneurial law: diss. … Cand. Sciences (Law). Moscow, 2008, 218 p.

7. Bobrishchev K.V. Frantic Doctor Kasyan. Poltava: IIA "Astreya"; 1991. 212 p.

8. Kasyan M.A. Thorny paths of a chiropractor. Kyiv: T-vo "Znannya" URSR; 1990. 48 p. (in Ukrainian)

9. Waiting for a miracle. Spinal restoration without operations. White Crow. – Text: electronic // https://club-white-crow.ru/backbone/1.php (date of access 30.01.2026).

10. Anisimov A.L. Honor, dignity, business reputation under the protection of the law. Moscow, 2004. 88 p.

11. Kameneva, Z.V. Business reputation as an object of civil law / Z.V. Kameneva. – Text: direct // Advocate. – 2014. – No. 5. – Pp. 19–22.

12. Civil law: current problems of theory and practice / Under the general editorship of V.A. Belov. Moscow, 2008. P. 903.

13. Erdelevsky A.M. Compensation for moral damage. Moscow: R. Valent, 2007. P. 134.

14. Lidzhiev M.A., D.M. Lidzhieva, T.M. Sadalova. Folk traditions of bone-setting among the Kalmyks (based on field materials) // The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. – 2023. – Vol. 14. – No. 4. – P. 6.

15. V.I. Kharitonova. Folk magico-medical practices: tradition and modernity. Experience of a comprehensive systemic-phenomenological study: diss. … Cand. Sciences (Hist.): 07.00.07 / Valentina Ivanovna Kharitonova. – Moscow, 2000. – P. 66.

16. A.V. Telnov. Reputation of the state as a civil-law category: concept and meaning / A.V. Telnov // Law and Politics. – 2016. – No. 6. – P. 706.

17. Yu.Z. Sakhapov. Business reputation of subjects entrepreneurial activity in the system of civil rights objects and the specifics of its civil-law protection: diss… Cand. of Law: 12.00.03 / Sakhapov Yusup Zamilovich. – Kazan, 2007. – P. 49.

18. Stepanov S.A. Enterprise as a property complex under the Civil Code of the Russian Federation // Current issues of civil law / Ed. S.S. Alekseev; Research Center for Private Law, Ural Branch. Russian School of Private Law. Ural Branch. Moscow, 2000. Pp. 63–67.

19. The website of the herbalist "Baikaldar" was blocked by Roskomnadzor – she announced the creation of her own political party." – Electronic text: https://www.pravda.ru/news/society/1865527-sait_travnicy_baikaldar_zablokiroval_roskomnadzor/ (date of access 30.01.2026).

20. Traditional Medicine: Policy and Practice of Professionalization (collective monograph) / Edited by E.R. Yarskaya-Smirnova. Moscow: 000 Variant, TsSPGI, 2011. P. 68.

21. Zaitseva Elena Nikolaevna. Folk Medicine of the Udmurts in the Late 19th – First Third of the 20th Century: Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation: 07.00.07 / Zaitseva Elena Nikolaevna. – Izhevsk, 2004. – P. 12.

22. Karaycheva O.V. Business Reputation as an Object of Civil Rights: Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.03: approved 25.09.2014. Krasnodar, 2014. – P. 211

23. Decision Arbitration Court of Moscow dated June 9, 2017, in case No. A40–174240/2016// SPS "ConsultantPlus."

24. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated May 6, 2021, in case No. A40–168404/20–51–1222// SPS "ConsultantPlus."

25. VTsIOM named the most popular traditional medicine practices among Russians. – Electronic text: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64d22a3f9a794706d0272b7b (accessed February 23, 2026).

Добровольное медицинское страхование: правовые аспекты регулирования

Кравцова Надежда Павловна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права, Северо-Западный институт управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС)
E-mail: ydg23@yandex.ru

Статья посвящена анализу добровольного медицинского страхования, включая характеристику самого понятия, его субъектного состава, правовых основ. Автор отмечает, что эффективность функционирования медицинского страхования, как социального института, зависит от сбалансированности финансовых механизмов, устойчивости нормативной базы и качества юридического обеспечения, что особенно актуально в условиях демографических изменений и цифровой трансформации системы здравоохранения.

Ключевые слова: добровольное медицинское страхование, обязательное медицинское страхование, система здравоохранения, цифровизация, информатизация, страховое законодательство.

Добровольное медицинское страхование (далее – ДМС) выступает важнейшим элементом системы медицинского страхования Российской Федерации, дополняя механизм обязательного медицинского страхования и обеспечивая гражданам возможность получения медицинской помощи на условиях, предусмотренных договором страхования. В отличие от обязательного медицинского страхования, ДМС основывается на принципе свободы договора и имеет частноправовую природу, что обуславливает специфику его правового регулирования[1].

Конституционно-правовые основы добровольного медицинского страхования закреплены в статье 41 Конституции Российской Федерации, согласно которой охрана здоровья и медицинская помощь могут обеспечиваться не только за счет средств бюджета государства, но и за счет иных источников. Добровольное медицинское страхование как раз относится к альтернативным негосударственным механизмам финансирования медицинской помощи.

Ключевое значение для регулирования добровольного медицинского страхования имеет статья 934 «Договор личного страхования» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ, посвященная личному страхованию. В соответствии с данной статьей объектом страхования может выступать жизнь и здоровье гражданина, а страховая защита осуществляется на основании договора между страховщиком и страхователем. В научной литературе подчеркивается, что добровольное медицинское страхование является разновидностью личного страхования, направленной на возмещение расходов, связанных с оказанием медицинской помощи застрахованному лицу[2].

Существенное значение для правового регулирования добровольного медицинского страхования также имеет Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015–1. В статье 3 данного закона закрепляется положение о том, что страхование в Российской Федерации может осуществляться как в обязательной, так и в добровольной форме. Закон определяет правовой статус страховых организаций, требования к их лицензированию, а также общие принципы осуществления страховой деятельности. Как отмечает О.Н. Соколов, именно данный нормативный акт формирует институциональные основы функционирования добровольного медицинского страхования[3].

Добровольное медицинское страхование представляет собой систему договорных отношений, целью которых является предоставление застрахованному лицу медицинских услуг сверх объема, предусмотренного программами обязательного медицинского страхования. По мнению В.А. Тимофеева, ДМС выполняет не только компенсаторную, но и сервисную функцию, поскольку ориентировано на повышение качества, доступности и комфортности медицинского обслуживания[4].

Современные научные исследования подчеркивают значимость добровольного медицинского страхования для устойчивости системы здравоохранения. Так, М.А. Лаврентьева указывает, что развитие ДМС способствует перераспределению финансовой нагрузки между государством и частными организациями, а также стимулирует развитие конкурентной среды среди медицинских организаций[5]. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов, ДМС рассматривается как важный дополнительный источник финансирования здравоохранения.

Особенностью правового регулирования добровольного медицинского страхования в Российской Федерации является отсутствие прямого законодательного закрепления круга участников договора ДМС. В отличие от обязательного медицинского страхования, где субъекты правоотношений четко определены положениями Федерального

[1] Аникина Ю. В., Попов Д.В. Медицинское страхование в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 89–97.

[2] Тимофеев В.А. Страховое право Российской Федерации: учебник. – М.: Юрайт, 2021. – 352 с.

[3] Соколов О.Н. Правовое положение страховых организаций в Российской Федерации. – М.: Норма, 2020. – 240 с.

[4] Тимофеев В.А. Страховое право Российской Федерации. – М.: Юрайт, 2021. – С. 210–218.

[5] Лаврентьева М.А. Добровольное медицинское страхование в системе финансирования здравоохранения Российской Федерации // Журнал российского права. – 2022. – № 6. – С. 112–119.

закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 № 326-ФЗ, правовые отношения в сфере добровольного медицинского страхования формируются и регулируются в основном на основе общих норм гражданского и страхового законодательства. Данная особенность обусловлена частноправовой природой добровольного медицинского страхования и принципом свободы договора, закрепленным в статье 421 «Свобода договора» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

Добровольное медицинское страхование относится к личному страхованию, поэтому определение его участников осуществляется через анализ положений главы 48 «Страхование» части второй Гражданского кодекса Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ и норм Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015–1. В соответствии со статьей 934 ГК РФ «Договор личного страхования», такой договор заключается между страховщиком и страхователем в интересах застрахованного лица. На основе этих положений можно выделить три основных участника правоотношений в сфере добровольного медицинского страхования: сам страховщик, страхователь и застрахованное лицо.

Страховщиком по договору добровольного медицинского страхования выступает страховая организация, обладающая лицензией на осуществление соответствующего вида страховой деятельности. Требования к правовому статусу страховщика, его финансовой устойчивости и порядку лицензирования установлены Законом «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015–1. Именно страховщик принимает на себя обязанность по организации страховой защиты, включая формирование страховых программ, заключение договоров с медицинскими организациями, оплату медицинских услуг, оказанных застрахованному лицу, а также контроль объема и качества предоставляемой медицинской помощи. Ответственность страховщика наступает в случае ненадлежащего исполнения условий договора страхования, необоснованного отказа в оплате медицинских услуг, либо нарушения сроков исполнения обязательств и регулируется нормами гражданского законодательства, условиями договора страхования, а в ряде случаев положениями Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей»[1].

Страхователь в системе добровольного медицинского страхования – это физическое или юридическое лицо, заключающее договор страхования и уплачивающее страховую премию. Законодательство не ограничивает круг страхователей, что позволяет работодателям активно использовать добровольное медицинское страхование в качестве элемента социальной поддержки работников от лица компании. На страхователя возлагается обязанность своевременно и в полном объеме исполнять обязательства по оплате страховой премии, предоставлять достоверную информацию, необходимую для заключения и исполнения договора, а также соблюдать иные условия договора страхования. В случае нарушения указанных обязанностей страхователь может нести гражданско-правовую ответственность в соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации. По мнению Е.В. Черновой, корпоративное добровольное медицинское страхование является одним из наиболее стабильных сегментов рынка ДМС, поскольку напрямую связано с социальной ответственностью компаний[2].

Застрахованным лицом является гражданин, в отношении которого осуществляется страхование и которому предоставляется медицинская помощь в рамках договора добровольного медицинского страхования. В отличие от обязательного медицинского страхования, объем прав застрахованного лица в системе ДМС определяется не законом, а условиями договора страхования и выбранной страховой программы. Застрахованное лицо имеет право на получение медицинской помощи в объеме, предусмотренном условиями договора страхования, при этом оно обязано соблюдать установленные правила предоставления такой помощи, предусмотренные как договором, так и правилами страховой организации, включая обращение исключительно в медицинские учреждения, включенные в перечень страховщика. Нарушение указанных условий может повлечь отказ в признании страхового случая, либо в оплате оказанных услуг. Н.П. Смирнова отмечает, что договорная природа ДМС позволяет индивидуализировать страховое покрытие с учетом потребностей и состояния здоровья застрахованного лица[3].

Особое место в системе добровольного медицинского страхования занимают медицинские организации, которые, хотя и не являются стороной договора страхования, тем не менее выступают обязательными участниками возникающих правоотношений и оказывают медицинскую помощь на основании договоров со страховыми компаниями (страховщиками). Их правовой статус определяется нормами гражданского законодательства о возмездном оказании услуг, а также Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ.

В отличие от системы обязательного медицинского страхования (ОМС), в рамках ДМС медицинские организации, как правило, участвуют в договорных отношениях на коммерческой основе, что способствует повышению качества медицинских услуг. Как указывает А.С. Иванов, развитие ДМС стимулирует внедрение современных медицинских технологий и повышение стандартов обслуживания застрахованных лиц[4]. Медицинские организации несут самостоятельную ответственность за качество, безопасность и своевременность оказания медицинской помощи, а также за вред, причиненный жизни и здоровью пациента.

В научной литературе авторы отмечают, что взаимодействие систем ОМС и ДМС формирует многоуровневую модель медицинского страхования, обеспечивающую баланс между социальными гарантиями и индивидуальными интересами граждан. Аналогичной позиции придерживается Т.М. Архипова, подчеркивая необходимость совершенствования правового регулирования ДМС с учетом процессов цифровизации страховых и медицинских услуг[5].

Таким образом, несмотря на отсутствие в законодательстве Российской Федерации специальных норм, прямо закрепляющих субъектный состав договора добровольного медицинского страхования, функции, полномочия и зоны ответственности участников данных правоотношений определяются посредством системного применения норм гражданского и страхового законодательства, условий договора страхования и судебной практики. В этих условиях именно договор добровольного медицинского страхования приобретает ключевое значение как основной инструмент правового регулирования, компенсирующий пробелы нормативного регулирования и обеспечивающий баланс интересов всех участников страховых правоотношений.

Итак, договор добровольного медицинского страхования представляет собой особую гражданско-правовую конструкцию, правовая природа которой обусловлена сочетанием элементов договора личного страхования и договора возмездного оказания услуг. В отличие от обязательного медицинского страхования, договор добровольного медицинского страхования не имеет специального законодательного закрепления и регулируется нормами гражданского и страхового законодательства общего характера. Такая особенность объясняется частноправовой природой добровольного медицинского страхования и реализацией принципа свободы договора, закрепленного в статье 421 «Свобода договора» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

Основу правового регулирования договора добровольного медицинского страхования составляет глава 48 «Страхование» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ, прежде всего статья 934 «Договор личного страхования» ГК РФ, посвященная договору личного страхования. В соответствии с данной статьей объектом страхования может выступать интерес, связанный с причинением вреда жизни или здоровью гражданина. В научной литературе подчеркивается, что добровольное медицинское страхование является разновидностью личного страхования, однако обладает рядом специфических признаков, отличающих его от классических моделей страховой защиты.

Добровольное медицинское страхование осуществляется на основании договора страхования и правил страхования, которые устанавливают общие условия и порядок его реализации. Правила страхования разрабатываются и утверждаются страховщиком самостоятельно в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации и федеральными законами. В них прописываются положения, касающиеся субъектов и объектов страхования, страховых случаев и рисков, порядка определения страховой суммы, тарифа и премии, а так-

[1] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2026).

[2] Чернова Е.В. Корпоративное добровольное медицинское страхование: правовые и социальные аспекты // Трудовое право. – 2021. – № 9. – С. 34–41.

[3] Смирнова Н.П. Договор добровольного медицинского страхования: содержание и особенности исполнения // Законодательство и экономика. – 2023. – № 4. – С. 58–65.

[4] Иванов А.С. Влияние добровольного медицинского страхования на развитие частной медицины // Медицинское право. – 2020. – № 5. – С. 21–27.

[5] Архипова Т.М. Цифровизация страховых услуг: правовые вызовы и решения // Право и цифровая экономика. – 2025. – № 1. – С. 44–52.

же условий заключения, исполнения и прекращения договоров. Кроме того, правила определяют права и обязанности сторон, порядок расчета убытков или ущерба, механизм назначения и сроков выплаты страхового возмещения, а также содержат исчерпывающий перечень оснований для отказа в выплате и иные регламентирующие положения.

Ключевой особенностью договора добровольного медицинского страхования является его предмет. Если в традиционных договорах личного страхования страховая защита реализуется преимущественно в форме денежной выплаты, то в системе добровольного медицинского страхования предмет договора заключается в обязанности страховщика организовать и оплатить медицинские услуги, оказанные застрахованному лицу. По мнению В.А. Тимофеева, в рассматриваемой ситуации страховая защита имеет «натуральный» характер, так как реализуется через предоставление медицинской помощи, а не посредством денежной выплаты страховой суммы[1].

Эта особенность подтверждается на практике в договоре добровольного медицинского страхования, в котором прямо предусмотрена обязанность страховщика обеспечивать застрахованному лицу доступ к медицинской помощи в медицинских организациях, включенных в установленный перечень лечебно-профилактических учреждений. При этом страхователь принимает на себя обязанность по уплате страховой премии в порядке и сроках, предусмотренных договором.

Особое значение в договоре добровольного медицинского страхования имеет определение страхового случая. В отличие от обязательного медицинского страхования, где страховой случай связан с наступлением определенных юридических фактов, в системе добровольного медицинского страхования страховой случай, как правило, определяется как обращение застрахованного лица за медицинской помощью при соблюдении условий договора и правил страхования. В договоре добровольного медицинского страхования страховой случай конкретизируется через факт обращения за медицинской помощью в рамках установленной программы страхования. По мнению Н.П. Смирновой, подобный подход позволяет страховщику четко разграничивать страховые и нестраховые риски, однако одновременно увеличивает количество споров, связанных с отказами в оплате медицинских услуг[2].

Существенной особенностью договора добровольного медицинского страхования является сложный субъектный состав возникающих правоотношений. Формально сторонами договора выступают страхователь и страховщик, однако фактическая реализация страховых обязательств невозможна без участия застрахованного лица и медицинской организации. В договоре ДМС подробно регламентированы права и обязанности застрахованного лица, несмотря на то, что оно не является стороной договора. Как подчеркивает О.Н. Соколов, договор добровольного медицинского страхования формирует многоуровневую систему правоотношений, в рамках которой распределение ответственности осуществляется между несколькими участниками[3]. В большинстве случаев страховая организация заключает договоры с медицинскими учреждениями, которые непосредственно предоставляют услуги застрахованным лицам. Такая модель правоотношений обуславливает сложность правового регулирования и необходимость согласования норм гражданского и медицинского законодательства.

Кроме того, в договоре добровольного медицинского страхования выделяются различные программы, отличающиеся объемом страхового покрытия, перечнем медицинских услуг и условиями их предоставления. Такие программы могут включать амбулаторно-поликлиническое обслуживание, стационарное лечение, стоматологические услуги, экстренную медицинскую помощь, профилактические и диагностические мероприятия.

Отдельного внимания заслуживают положения договора, посвященные перечню медицинских услуг и исключениям из страхового покрытия. Так в договоре ДМС содержится детализированный перечень медицинских услуг, включенных в программу страхования, а также прямо указаны случаи, при которых оказание медицинской помощи не подлежит оплате за счет страховщика. В научной литературе подчеркивается, что именно положения об исключениях из страхового покрытия являются наиболее конфликтогенными и нередко становятся предметом судебных споров между страховщиками и застрахованными лицами[4].

Срок действия договора добровольного медицинского страхования является одним из его существенных условий. В договоре указаны конкретные сроки страхового покрытия, по окончании которых обязательства страховщика прекращаются. Как отмечает М.А. Лаврентьева, временные рамки действия договора ДМС нередко становятся основанием для отказов в оплате медицинских услуг, оказанных после окончания срока страхования, что требует особого внимания со стороны страхователей и застрахованных лиц[5].

Завершающим элементом договора добровольного медицинского страхования является порядок разрешения споров. Данный договор предусматривает досудебный порядок урегулирования разногласий с последующим обращением в суд. При этом в случае участия физического лица в качестве страхователя или застрахованного лица возможно применение норм Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей», что подтверждается судебной практикой. Как отмечает Т.М. Архипова, сочетание норм страхового и потребительского законодательства усиливает защиту прав застрахованных лиц, но одновременно усложняет правоприменение[6].

Таким образом, договор добровольного медицинского страхования представляет собой сложный гражданско-правовой договор, обладающий рядом специфических особенностей, обусловленных предметом страхования и многоуровневым характером возникающих правоотношений. Четкость формулировок условий договора, соблюдение требований законодательства и баланс интересов сторон имеют ключевое значение для обеспечения прав застрахованных лиц и стабильности страховых правоотношений. Анализ договора добровольного медицинского страхования подтверждает, что договор выступает основным инструментом распределения прав, обязанностей и ответственности между участниками страховых правоотношений, а качество его правовой проработки напрямую влияет на эффективность защиты прав застрахованных лиц.

Литература

1. Аникина Ю. В., Попов Д.В. Медицинское страхование в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 89–97.
2. Архипова Т.М. Защита прав застрахованных лиц по договорам добровольного медицинского страхования // Право и экономика. – 2024. – № 2. – С. 67–74.
3. Архипова Т.М. Цифровизация страховых услуг: правовые вызовы и решения // Право и цифровая экономика. – 2025. – № 1. – С. 44–52.
4. Иванов А.С. Влияние добровольного медицинского страхования на развитие частной медицины // Медицинское право. – 2020. – № 5. – С. 21–27.
5. Лаврентьева М.А. Добровольное медицинское страхование в системе финансирования здравоохранения Российской Федерации // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 101–108.
6. Лаврентьева М.А. Исключения из страхового покрытия в договорах добровольного медицинского страхования // Медицинское право. – 2022. – № 6. – С. 33–40.
7. Лаврентьева М.А. Добровольное медицинское страхование в системе финансирования здравоохранения Российской Федерации // Журнал российского права. – 2022. – № 6. – С. 112–119.
8. Смирнова Н.П. Договор добровольного медицинского страхования: содержание и особенности исполнения // Законодательство и экономика. – 2023. – № 4. – С. 58–65.
9. Соколов О.Н. Правовое положение страховых организаций в Российской Федерации. – М.: Норма, 2020. – 240 с.
10. Соколов О.Н. Страховое право: учебное пособие. – М.: Норма, 2020. – С. 140–148.
11. Тимофеев В.А. Страховое право Российской Федерации: учебник. – М.: Юрайт, 2021. – 352 с.
12. Чернова Е.В. Корпоративное добровольное медицинское страхование: правовые и социальные аспекты // Трудовое право. – 2021. – № 9. – С. 34–41.

VOLUNTARY HEALTH INSURANCE: LEGAL ASPECTS OF REGULATION

Kravtsova N.P.
North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (NWIM RANEPA)

[1] Тимофеев В.А. Страховое право Российской Федерации. – М.: Юрайт, 2021. – С. 198–205.

[2] Смирнова Н.П. Договор добровольного медицинского страхования: правовая природа и проблемы правоприменения // Законодательство и экономика. – 2023. – № 4. – С. 58–65.

[3] Соколов О.Н. Страховое право: учебное пособие. – М.: Норма, 2020. – С. 140–148.

[4] Лаврентьева М.А. Исключения из страхового покрытия в договорах добровольного медицинского страхования // Медицинское право. – 2022. – № 6. – С. 33–40.

[5] Лаврентьева М.А. Добровольное медицинское страхование в системе финансирования здравоохранения Российской Федерации // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 101–108.

[6] Архипова Т.М. Защита прав застрахованных лиц по договорам добровольного медицинского страхования // Право и экономика. – 2024. – № 2. – С. 67–74.

The article is devoted to the analysis of voluntary medical insurance, including the characteristics of the concept itself, its subject matter, and legal foundations. The author notes that the effectiveness of health insurance as a social institution depends on the balance of financial mechanisms, the stability of the regulatory framework and the quality of legal support, which is especially important in the context of demographic changes and digital transformation of the healthcare system.

Keywords: voluntary medical insurance, compulsory medical insurance, healthcare system, digitalization, informatization, insurance legislation.

References

1. Anikina Yu. V., Popov D.V. Medical Insurance in the Russian Federation: Problems and Development Prospects // State and Law. – 2024. – № 2. – Pp. 89–97.

2. Arkhipova T.M. Protection of the Rights of Insured Persons under Voluntary Medical Insurance Contracts // Law and Economics. – 2024. – № 2. – Pp. 67–74.

3. Arkhipova T.M. Digitalization of Insurance Services: Legal Challenges and Solutions // Law and Digital Economy. – 2025. – № 1. – Pp. 44–52.

4. Ivanov A.S. The Impact of Voluntary Medical Insurance on the Development of Private Medicine // Medical Law. – 2020. – № 5. – Pp. 21–27.

5. Lavrenteva M.A. Voluntary Medical Insurance in the Russian Federation Healthcare Financing System // Journal of Russian Law. – 2021. – № 5. – P. 101–108.

6. Lavrenteva M.A. Exclusions from Insurance Coverage in Voluntary Medical Insurance Contracts // Medical Law. – 2022. – № 6. – P. 33–40.

7. Lavrenteva M.A. Voluntary Medical Insurance in the Russian Federation Healthcare Financing System // Journal of Russian Law. – 2022. – № 6. – P. 112–119.

8. Smirnova N.P. Voluntary Medical Insurance Contract: Content and Features of Execution // Legislation and Economics. – 2023. – № 4. – P. 58–65.

9. Sokolov O.N. Legal Status of Insurance Organizations in the Russian Federation. – M.: Norma, 2020. – 240 p.

10. Sokolov O.N. Insurance Law: a textbook. – M.: Norma, 2020. – pp. 140–148.

11. Timofeev V.A. Insurance Law of the Russian Federation: a textbook. – M.: Yurait, 2021. – 352 p.

12. Chernova E.V. Corporate Voluntary Medical Insurance: Legal and Social Aspects // Labor Law. – 2021. – № 9. – pp. 34–41.

Содержание понятия «семья» в условиях реформирования семейного законодательства

Кокова Диана Аслановна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса ИПЭиФ, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: d.kokowa@yandex.ru

В статье исследуются существующие научные подходы к понятию «семья». Автор рассуждает о месте данной дефиниции в нормативном терминологическом аппарате семейного права. Анализируются российские нормативные акты разной отраслевой принадлежности на предмет употребления в них понятия «семья», в связи с чем рассматривается вопрос о необходимости его закрепления в Семейном кодексе РФ. По заключению автора, категория «семья» представляет собой базу именно для семейно-правового регулирования. Подчеркивается необходимость акцентировать внимание на частноправовых признаках понятия «семья» при выполнении вышеобозначенной задачи.

Ключевые слова: семья, понятия «семья», интересы членов семьи, семейно-правовой категориальный аппарат, правосубъектность семьи, общность интересов.

Институт семьи традиционно занимает центральное место в системе семейного права, выступая основой для регулирования брачно-семейных отношений, защиты прав и интересов супругов, родителей и детей.

Вместе с тем в условиях трансформации общественных отношений и реформирования семейного законодательства содержание понятия «семья» приобретает особую научную и практическую значимость.

Современные социально-экономические процессы, изменения в демографической структуре общества, преобразование моделей брачно-семейных отношений объективно влияют на правовое понимание семьи.

При этом действующее семейное законодательство Российской Федерации не содержит легального определения семьи, что порождает неоднозначность в правоприменительной практике и усложняет реализацию правовых норм, направленных на защиту семьи как социального института.

Научные исследования в области семейного права также демонстрируют отсутствие единого подхода в данном вопросе. В юридической доктрине семья рассматривается как социальная группа, основанная на браке, родстве, усыновлении или иных формах принятия детей в семью, а также как особый правовой союз, объединенный взаимными правами и обязанностями. В условиях реформирования семейного законодательства данные подходы требуют переосмысления с учетом современных реалий.

Общемировой тенденцией является позиционирование семьи в качестве основы общества. В том числе российское законодательство обозначает семью как главный объект публичного интереса государства.

Подобные предпосылки диктуют необходимость анализа существующих пробелов в законодательстве в отношении вопроса закрепления дефиниции «семья». Очевидно, что именно на плечи законодателя ложится обязанность по формированию норм, отражающих интересы членов семьи, поскольку именно семья является той самой уникальной социальной ячейкой, в рамках которой происходит персонализация и самоидентификация человека, где материализируются его главные базовые потребности.

Важным представляется обратить внимание на активное использование термина «семья» в межотраслевом контексте – не только в семейном, но и в иных отраслях законодательства Российской Федерации, в частности, в жилищном, социальном, налоговом, трудовом праве. При этом содержание данного понятия варьируется в зависимости от целей правового регулирования.

Так, в жилищном законодательстве[1] понятие семьи применяется преимущественно для определения круга лиц, обладающих правом пользования жилым помещением. Законодатель связывает принадлежность к семье не столько с наличием брака или родства, сколько с фактом совместного проживания и ведения общего хозяйства. В результате в состав семьи могут включаться лица, не состоящие в брачных или родственных отношениях, но фактически образующие устойчивую общность.

В праве социального обеспечения термин «семья» используется для целей предоставления мер социальной поддержки, пособий и льгот. Здесь семья зачастую рассматривается как экономическая единица, объединенная общими доходами и расходами. При этом состав семьи может определяться и подзаконными актами, что приводит к дополнительной фрагментации правового понимания данного понятия.

Налоговое законодательство, в свою очередь, оперирует понятием семьи ограниченно и, как правило, косвенно, связывая его с институтами иждивения и взаимной материальной поддержки.

Трудовое право использует термин «семья»[2] при регулировании гарантий и компенсаций, предоставляемых работникам в связи с семейными обстоятельствами, однако также не раскрывает его содержание.

[1] «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 29.12.2025), статья 31 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025), глава 41 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Итак, анализ смежных отраслей законодательства показывает отсутствие единого и согласованного подхода к понятию семьи, что усиливает правовую неопределенность и затрудняет формирование целостной модели правовой защиты семьи.

Содержание понятия семьи в значительной степени формируется под воздействием социально-экономических и демографических процессов. Изменения в структуре занятости, рост мобильности населения, снижение уровня рождаемости и трансформация моделей брака оказывают прямое влияние на характер семейных отношений и, как следствие, на их правовое регулирование.

Распространение фактических брачных отношений, не оформленных в установленном законом порядке, ставит под сомнение традиционные критерии отнесения лиц к семье исключительно на основании брака.

Финансовая зависимость членов семьи, совместное ведение хозяйства, распределение обязанностей и ответственности все чаще приобретают договорной и гибкий характер. Это приводит к тому, что семья все менее воспринимается как строго формализованный правовой союз и все более – как социальная общность, требующая адаптивных правовых механизмов защиты.

Позиция Конституционного Суда также свидетельствует о наличии в гражданском обществе укоренившихся взглядов о семье и ее ценности (2014)[1]; в другом случае КС РФ устанавливает, что традиционное, воспринятое от предков понимание семьи является ценностью, гарантирующей непрерывную смену поколений, а также условием сохранения и развития многонационального народа России (2018)[2].

Не меньший интерес вызывает и правоприменительная деятельность Верховного Суда РФ. Дела, рассматриваемые высшим судом, возникают не из семейных правоотношений, но именно в рамках разрешения иной категории дел суд толкует понятия «семья», «семейные связи» и т.д.

Так, в деле о привлечении иностранного гражданина к административной ответственности за нарушение правил въезда на территорию РФ, административный ответчик подал жалобу на вынесенные нижестоящими инстанциями решения, которые, по его мнению, нарушали его право на сохранение стойких семейных связей. Верховный Суд РФ, в свою очередь, заключил, что данные стойкие семейные связи могут поддерживаться и вне территории РФ[3].

Противоречивость вышеописанных судебных подходов свидетельствует о необходимости более четкого нормативного ориентирования правоприменителя и разработки концептуального понимания семьи, способного учитывать как юридическую форму, так и социальное содержание семейных отношений.

В доктрине подобным же образом отсутствует единообразная классификация научных идей, касающихся положения дефиниции «семья» в понятийной системе семейного права. Существуют различные точки зрения по данному вопросу, среди которых: мнение об отсутствии необходимости давать легальное определение понятию семьи в принципе[4]; квалификация семьи в качестве правовой фикции[5]; отсутствие перспективы единообразного определения термина «семья» ввиду его межотраслевого применения и др.

При этом необходимо обозначить особую роль частных интересов как основы формирования семьи в рамках семейных правоотношений, тогда как в иных отраслях права семья трактуется как объект публично-правового регулирования. В этом смысле нельзя не согласиться с О.Ю. Ильиной, утверждающей, что семья как институт общества не тождественна семье как институту государства[6].

В области семейного права сложилось мнение о целесообразности закрепления в Семейном кодексе РФ определенной терминологии, включая понятие семьи, несмотря на ее сложное социологическое значение и ее разноотраслевую принадлежность[7]. Причем, с одной стороны, констатируется необходимость в общеотраслевом правовом определении семьи[8], а с другой– нецелесообразность решения подобного рода задачи[9].

К примеру, согласно точке зрения Т.В. Шершень: «законодательное закрепление определения понятия семьи необходимо, оно обусловлено как практической, так и теоретической целесообразностью, созданием эффективного механизма правовой охраны семьи, обеспечивающего стабильность и устойчивость семьи в российском обществе и государстве»[10].

Для поиска способов разрешения обозначенной выше проблемы нередко обращаются к изучению опыта зарубежных стран, в том числе практики законодательного закрепления понятия «семья».

Так, Конституция Турецкой Республики в статье 41 определяет семью как основу турецкого общества[11]. В стране поддержка семей является одним из главных направлений государственной политики.

В соответствии с Семейным кодексом Алжирской народной демократической республики (Семейный кодекс, утвержденный законом № 84–11 от 09 июня 1984 года)[12]: «Семья является основной ячейкой общества и состоит из людей, которых объединяют брачные отношения и родственные отношения».

Согласно Конституции Венгерской Республики[13]: «Венгерская Республика защищает институт брака и семьи».

В свете всего вышеизложенного позволим себе предложить некоторые принципы легального закрепления понятия «семья». Во-первых, исходя из опыта зарубежных законодательств, можно рекомендовать закрепление данного понятия не в основном законе страны, а в Семейном кодексе РФ, что соответствует его природе и назначению. Во-вторых, необходимо обеспечить первоочередное внимание частноправовому характеру понятия «семья» в процессе его законодательного оформления. В-третьих, в рамках анализа существующих дефиниций понятия «семья» надлежит провести их дифференциацию, выделив основные и дополнительные признаки, формирующие содержание термина.

Таким образом, ключевой проблемой современного семейного законодательства является отсутствие единого и системного определения семьи, что приводит к фрагментарному и ситуативному использованию этого понятия. Различные отрасли права наполняют его собственным содержанием, исходя из узкоотраслевых задач, что препятствует формированию целостного правового института семьи.

Дополнительной проблемой является несоответствие между социальными реалиями и юридическими конструкциями. Право зачастую не успевает адаптироваться к изменяющимся формам семейных отношений, что снижает эффективность правового регулирования и уровень правовой защищенности граждан.

В перспективе развитие правового понимания семьи должно быть направлено на поиск баланса между необходимостью правовой определенности и учетом многообразия социальных форм семейной жизни.

Это предполагает отказ от исключительно формального подхода и развитие гибких правовых механизмов, ориентированных на защиту фактических семейных связей, прежде всего в интересах детей и социально уязвимых членов семьи.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации» (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[1] По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П.

[2] По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 № 25-П.

[3] Постановление Верховного Суда РФ от 05.02.2024 № 33-АД24–1-К3 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] См., например: Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2006. Т. 3. С. 369.

[5] Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. С. 140.

[6] Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.

[7] См., например: Тарусина Н.Н. Российское семейное законодательство: основные тенденции развития // Lex russica. 2014. № 3. С. 314–323.

[8] См. об этом: Комментарий к Семейному кодексу РФ / под ред. П.В. Крашенинникова, П.И. Седугина. М.: Норма: ИНФРА-М, 1997. 479 с.

[9] Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 11–12.

[10] Шершень Т.В. О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве// Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 14–17.

[11] Конституция Турецкой Республики 1982 года с поправками от 2017 года. [Электронный ресурс] // Доступ из официального сайта Великого национального собрания Турции.

[12] Семейный кодекс Алжирской Народной Демократической Республики [Электронный ресурс] // Доступ из официального сайта Консульства Алжира в городе Кретей.

[13] Конституция Венгерской Республики от 2012 года [Электронный ресурс] // Доступ из официального сайта Конституции мира.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Москва, 2006. – 42 с.

5. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.

6. Шершень Т.В. В год семьи о понятии семьи в современном российском праве / Т.В. Шершень // Семейное и жилищное право. – 2008. – № 5. – С. 2–6.

7. Рабец А.М. Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и в отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы) // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 11. С. 100–111.

8. Тарусина Н.Н. Российское семейное законодательство: основные тенденции развития / Н.Н. Тарусина // Lex russica. – 2014. – № 3. – С. 314–323.

THE CONTENT OF THE TERM «FAMILY» IN THE CONTEXT OF FAMILY LAW REFORM

Kokova D.A.
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

The article examines scientific approaches to the concept of «family». Discussions are introduced regarding the place of the definition of «family» in the normative terminology of family law. Russian regulatory acts of various sectors are analyzed for their use of the concept of «family», in connection with which the issue of the need to enshrine the definition of «family» in the Family Code of the Russian Federation is considered. The author concludes that the category of «family» is the basis for family law regulation. Also, the need to pay special attention to the private law attributes of the concept of «family» when fulfilling the above task is emphasized.

Keywords: family, concept of «family», interests of family members, family legal categorical apparatus, legal capacity of the family, community of interests.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SZ RF. 2014. № 31. Art. 4398.

2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 № 51-FZ (as amended on 14.04.2023) // SZ RF. 1994. № 32. Art. 3301.

3. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 № 223-FZ (as amended on 31.07.2023) // SZ RF. 1996. № 1. Art. 16.

4. Ilyina O. Yu. Private and Public Interests in Family Law of the Russian Federation: Abstract of a Doctor of Law Dissertation. – Moscow, 2006. – 42 p.

5. Ilyina O. Yu. Problems of Interest in Family Law of the Russian Federation. Moscow: Gorodets, 2007. 192 p.

6. Shershen T.V. In the Year of the Family: The Concept of Family in Modern Russian Law / T.V. Shershen // Family and Housing Law. – 2008. – № 5. – Pp. 2–6.

7. Rabets A.M. The Place of the Family in the Legal Space: Legal Characteristics of the Family in the Russian Federation and in Certain Foreign States (Legislative Experience and Problems) // Lex russica (Russian Law). 2022. Vol. 75. № 11. Pp. 100–111.

8. Tarusina N.N. Russian family legislation: main development trends / N.N. Tarusina // Lex russica. – 2014. – № 3. – Pp. 314–323.

Развитие принципов цивилистического процесса в системе электронного правосудия

Кострюков Алексей Сергеевич,
аспирант, ассистент кафедры процессуального права,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
E-mail: alex.ostra@yandex.ru

Электронное правосудие способствовало оптимизации судопроизводства, усовершенствовало гражданский и арбитражный процесс и помогло адаптироваться судебной системе к новым реалиям. Принципы гражданского и арбитражного процесса остались неизменными, законодатель лишь добавил электронную форму взаимодействия между участниками процесса. Внедрение электронного правосудия должно расширить возможности судебных органов, повысить качество принципов судопроизводства таких, как прозрачность, равенство сторон, законность, гласность, диспозитивность, состязательность и тд. Цель исследования – проанализировать как изменились принципы гражданского и арбитражного процесса из-за внедрения электронного правосудия. Выявление положительных черт электронного правосудия. В статье проведен анализ принципов арбитражного и гражданского процесса и то, как они взаимодействуют с электронным правосудием. Также обсуждаются ключевые аспекты трансформации базовых судебных процедур, повышения прозрачности и доступности правосудия и обеспечения информационной безопасности и защиты личных данных лиц, участвующих в судебном разбирательстве. В научной статье проводится анализ положительных и негативных аспектов электронного правосудия в работу судов, это позволяет оценить их влияние на правоприменительную деятельность и судопроизводство.

Ключевые слова: электронное правосудие, гражданский процесс, арбитражный процесс, судопроизводство, судебная система, цифровые технологии.

Введение

В XXI веке благодаря стремительному развитию цифровых технологий электронное правосудие передовой интегрированной системой, специально разработанной для оптимизации работы судебной системы. В данную систему входят такие цифровые инструменты, которые позволяют автоматизировать и ускорить все этапы судопроизводства, начиная с подачи документов и заканчивая вынесением решений. Внедряя электронное правосудие в гражданские и арбитражные суды, государство используется передовые технологии обработки данных, такие как облачные вычисления, искусственный интеллект и блокчейн, что способствует значительному повышению прозрачности, доступности и безопасности судебных процедур. Данное исследование направлено на то, чтобы выявить преимущества такого новшества, как электронное правосудие, определить его влияние на фундаментальные принципы гражданского и арбитражного процесса.

Материалы и методы

Специалисты в области права уже несколько десятилетий неоднократно рассматривали понятие «электронное право», так как тема является довольно актуальной. Хочется выделить ученых-юристов таки, как Гулемин А.Н. «На пути к электронному государству: зарубежный и международный опыт электронного правосудия» (2015), Данзанова К.Э. «Совершенствование практики осуществления электронного правосудия как организационно-правовое обеспечение деятельности судов» (2023), Василькова С.В. «Электронное правосудие в цивилистическом процессе» (2018) и другие.

Литературный обзор

Хочется в первую очередь начать с понятия электронного правосудия.

Понятие «электронное правосудие» впервые было закреплено в 20215 году в приказе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации с определением его как «способа и формы осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде» [1].

Главную задачу, которую необходимо решить электронному правосудию, выделил председатель Совета судей Российской Федерации В.В. Момотов. По его мнению: «повышение качества и эффективности правосудия, обеспечение законности и единообразия судебной практики за счет внедряемых информационных технологий в современный судебный процесс» [2].

В своей монографии В.А. Пономаренко указывает, что «под электронным правосудием следует понимать такой судебно-юрисдикционный порядок рассмотрения гражданских дел, который всецело (включая совершение всех необходимых процессуальных действий) опосредуется электронной формой выражения (закрепления) процессуальной информации и взаимодействия участников гражданского судопроизводства» [3].

В рамках своего исследования В.В. Ярков рассматривает электронное правосудие как «электронную систему разрешения споров, которая может включать в себя такие элементы, как руководство процессом и судебным разбирательством, оборот судебных документов, доступ к судебной информации, судебные извещения, правовой поиск, внутренние судебные процедуры» [4].

С.В. Василькова под электронным правосудием понимает «установленную законом процессуальную деятельность суда по отправлению правосудия, при которой имеет место дистанционное взаимодействие между судом и участниками процесса, а также бездокументарный способ передачи значимой для дела информации, которые производятся путём использования различных информационных технологий, включая ресурсы информационно-телекоммуникационной сети Интернет.» [5].

Проанализировав все приведенные выше мнения юристов, можно сделать вывод, что электронное правосудие – комплекс процедур с использованием информационных технологий, регламентируемых государством. Они обеспечивают возможность взаимодействия судов с физическими и юридическими лицами через интернет, что способствует ускорению судебных процедур и повышению их прозрачности.

Результаты

В главе 1 Гражданского процессуального кодекса и Арбитражного процессуального кодекса закреплены базовые принципы правосудия, которые обеспечивают гармоничное функционирование всех участников судебного процесса. С их помощью формируется фундамент для деятельности судебной системы, гарантируется принятие объективных и аргументированных решений.

Начнем с принципа диспозитивности в условиях электронного правосудия, который наделяет субъекты правоотношений определёнными правами и свободой их реализации в цифровой форме в соответствии с действующим с законодательством. Так как цифровые технологии в судебной системе представляют многогранный процесс, включающий автоматизацию документооборота, внедрение видеоконференцсвязи и оптимизацию взаимодействия участников судебных процессов. Но в тоже время участники процесса сталкиваются с проблемой подтверждения подлинности представленных документов. Так как электронные документы обладают такими преимуществами, как оперативность и удобство, но недостатком является, то, что их необходимо тщательно проверять на неподдельность.

Согласно статье 3 Гражданского процессуального кодекса: «исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы могут быть поданы в суд на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [6]. А также в соответствии с частью первой статьи 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: «лица, участвующие в деле, также вправе представлять в арбитражный суд документы в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации» [7].

Отметим, что отправка документов через электронную почту суда, его Интернет-сайт или специализированные интернет-платформы (ГАС «Правосудие», «Мой арбитр») в судебные органы связана с рядом потенциальных рисков. Среди них – вероятность утечки конфиденциальной информации, а также несанкционированный доступ к данным. Эти факторы могут нарушить право участников судебного процесса на свободное волеизъявление.

Также не все судьи принимают поступившие документы, как подлинные, поэтому у него есть право предложить стороне, отправившей электронный документ, явиться в судебное заседания и предоставить оригиналы документов нарочно. Но также в силу физических или географических факторов гражданин не имеет возможности исполнить определение суда, то он имеет право представить мотивированный отзыв.

Для подтверждения достоверности документов, направленных в суд, с 2020 года активно используется электронная цифровая подпись (ЭЦП). Это связано с пандемией COVID-19, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции, так как необходимо было поддерживать непрерывность государственных услуг. В статье 2 Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «Об электронной подписи» закреплено, что «электронная подпись – информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию» [8].

Целью данного цифрового инструмента является верификация аутентичности, целостности и неизменности электронных документов. С помощью ЭЦП электронные документы приобретают юридическую значимость, а их доказательная сила увеличивается.

Принцип гласности в гражданском и арбитражном процессе также остается основополагающим элементом системы электронного правосудия. Ведь именно он обеспечивает лицам, участвующим в процессе, и представителям общественности возможность непосредственного доступа к информации о текущем статусе дела и принятых судебных решениях, исключая необходимость обращения к средствам массовой информации.

В части 1 ст. 123 Конституции РФ устанавливает, что разбирательство дел во всех судах открытое, слушание же дела в закрытом судебном заседании допускается только в случаях, предусмотренных федеральным законом [9]. И статья 11 Арбитражного процессуального кодекса закрепляет, что разбирательство дел в арбитражных судах открытое [7].

Также у лиц, участвующих в деле, есть право ходатайствовать об участие в судебном заседании в дистанционном формате. Веб-конференция – это формат судебного заседания, при котором участники судебного разбирательства подключаются к заседанию с помощью компьютера и веб-камеры, находясь в удобном для себя месте. Это своего рода попытка снизить нагрузку на суды, но при условии, что суд обладает технической возможностью для проведения онлайн заседания. Конечно, система онлайн заседаний уже оправдала себя, сторона «не выходя из дома» может полноценно присутствовать на судебном заседании, давать пояснения и возражать против заявленных требований оппонентов.

В нашей стране существуют специально разработанные сайты, благодаря которым граждане получают информацию о ходе дела, имеют возможность ознакомиться с материалами, поступившими в дело, и приобщить документы в электронном виде. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» (ГАС «Правосудие») и «Мой Арбитр» специально созданы для подачи документов в суд онлайн. Хочется отметить, программы не пересекаются между собой, ГАС «Правосудие» специально разработано для судов общей юрисдикции, а «Мой Арбитр» только для арбитражных судов.

Электронный документооборот помимо этапа подачи заявлений должен в последующем хранить все поступившие документы. В качестве примера можно привести систему «Мой Арбитр», которая стала отличным помощником не только для граждан, но и для работников суда, что существенно повысило эффективность функционирования судебных органов.

В них же публикуются судебные акты в открытом доступе, тем самым, формируя единую судебную практику, к которой может обратиться любой гражданин, и повышая прозрачность и подотчетность работы гражданских и арбитражных судов. Поэтому данная практика только укрепляет правовую культуру и повышает уровень доверия к судебной системе.

Статья 12 Гражданского процессуального кодекса закрепляет, что «правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел» [6].

Стороны могут публично и обоснованно высказать свою позицию касаемо рассматриваемого дела, что и предполагает принцип состязательности. Будучи краеугольным камнем судопроизводства, поддерживает равновесие интересов сторон и способствует вынесению справедливого судебного решения. В рамках состязательного судопроизводства стороны могут представить доказательства, экспертные заключения и другие материалы, подтверждающие законность своих требований, что позволяет суду всесторонне оценить все аспекты дела и вынести мотивированное решение. Современные технологии значительно расширили список доказательств, которые можно использовать в суде, например, фотофиксация, аудио- и видеозапись. Все они позволяют с высокой степенью точности и объективности фиксировать факты нарушения прав.

В качестве доказательства в судебном разбирательстве, также можно использовать скриншот (электронная копия, точно воспроизводящая изображение на экране персонального компьютера, мобильного телефона или иного электронного устройства в определённый момент). Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (статьи 67–71) регулирует использование цифровых доказательств [6]. Для того чтобы скриншот считался юридически значимым, он должен быть получен законным путём, а также сохранять свою подлинность и целостность. Суду необходимо удостовериться в достоверности сообщений, времени и дате их отправки, а также в неизменности представленных данных.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что электронное правосудие всего лишь инструмент, благодаря которому получилось снизить нагрузку с судебных органов и упростить подачу документов. Фундаментальные принципы остались неизменными, цифровые технологии, наоборот, повысили дисциплинировали участников процесса, повысили открытость правосудия, увеличили скорость представленных документов. Внедрение автоматизированных систем и повышение уровня правового информирования населения значительно улучшили эффективность судебной деятельности.

Сейчас принципы получают дополнительные возможности для применения, но в некоторых случаях их использование может сталкиваться с определенными ограничениями, требующих комплексного анализа и разработки эффективных стратегий их преодоления. Парал-

лельно с этим внедрение новых правовых механизмов способствует повышению уровня защищенности субъектов процессуальных правоотношений, что, в свою очередь, обеспечивает более сбалансированное функционирование правовой системы в целом. На наш взгляд, важно уделить внимание синхронизации развития информационных технологий и правовой сферы Российской Федерации. Таким образом, электронное правосудия будет гармонично взаимодействовать и соответствовать правовым реалиям.

Литература

1. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» от 26 ноября 2015 года № 362 (ред. от 28.08.2019) // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71165062/ (дата обращения: 15.02.2026).
2. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на заседании Клуба имени Д.Н. Замятнина по теме: «Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность». // URL: https://ssrf.ru/news/vystuplieniia-intierv-iu-publikatsii/42272 (дата обращения: 15.02.2026).
3. Пономаренко В.А. Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции: Монография. М.: Проспект, 2015. 185 с.
4. Ярков В.В. Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41. С. 24–32.
5. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: Дисс. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – СПб., 2018. 251 с.
6. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в актуальной редакции) //Собрании законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
8. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ (в актуальной редакции) //Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.03.2026).

DEVELOPMENT OF THE PRINCIPLES OF THE CIVIL PROCESS IN THE ELECTRONIC JUSTICE SYSTEM

Kostryukov A.S.
Rostov State University of Economics (RINH)

Electronic justice has contributed to the optimization of legal proceedings, improved the civil and arbitration process, and helped the judicial system adapt to new realities. The principles of civil and arbitration proceedings have remained unchanged, with the legislator only adding an electronic form of interaction between the participants in the process. The introduction of electronic justice should expand the capabilities of judicial bodies and improve the quality of the principles of legal proceedings, such as transparency, equality of the parties, legality, publicity, dispositive nature, adversarial nature, etc. The purpose of this study is to analyze how the principles of civil and arbitration proceedings have changed due to the introduction of electronic justice. The study aims to identify the positive aspects of electronic justice. The article analyzes the principles of arbitration and civil proceedings and how they interact with electronic justice. It also discusses key aspects of transforming basic judicial procedures, increasing transparency and accessibility of justice, and ensuring information security and protection of personal data of individuals involved in legal proceedings. The article provides an analysis of the positive and negative aspects of electronic justice in the work of courts, allowing for an assessment of its impact on law enforcement and legal proceedings.

Keywords: electronic justice, civil procedure, arbitration, judicial proceedings, judicial system, digital technologies.

References

1. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation «On Approval of the List of Basic Concepts and Terms Used in the Normative Legal Acts of the Judicial Department Regulating the Use of Information and Telecommunication Technologies in the Activities of Courts, Judicial Department Offices in the Subjects of the Russian Federation and Judicial Department Institutions» dated November 26, 2015 № 362 (as amended on 08/28/2019) // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71165062 / (date of access: 02/15/2026).
2. Speech by Chairman of the Council of Judges of the Russian Federation V.V. Momotov at a meeting of the D.N. Zamyatnin Club on the topic: «Electronic justice in the Russian Federation: myth or reality». // URL: https://ssrf.ru/news/vystuplieniia-intierv-iu-publikatsii/42272 (date of application: 02/15/2026).
3. Ponomarenko V.A. Electronic civil proceedings in Russia: the strokes of the concept: A monograph. Moscow: Prospekt, 2015. 185 p.
4. Yarkov V.V. Electronic justice // EZH-Yurist. 2006. № 41. pp. 24–32.
5. Vasilkova S.V. Electronic justice in the civil process: Dissertation. for the degree of Candidate of Law. – St. Petersburg, 2018. 251 p.
6. Code of Civil Procedure of the Russian Federation № 138-FZ dated November 14, 2002 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.
7. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 № 95-FZ (as amended) //Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012.
8. Federal Law № 63-FZ «On Electronic Signatures» dated 04/06/2011 (as amended) //Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 15. Art. 2036.
9. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) //ConsultantPlus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 / (date of request: 17.03.2026).

Цифровые средства доказывания в гражданском процессе

Кравцова Надежда Павловна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права, Северо-Западный институт управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС)
E-mail: ydg23@yandex.ru

Статья посвящена анализу информатизация гражданского судопроизводства, особенностям средств доказывания в гражданском процессе в условиях цифровизации. Значительную роль автор отводит проблемам нормативного правового регулирования применения и использования электронных технологий в правосудии: отсутствию в действующем законодательстве понятия электронного документа как средства доказывания, что порождает трудности применения электронных документов в качестве доказательственной базы.

Ключевые слова: цифровизация, информатизация, электронный документ, электронная подпись, гражданский процесс, гражданское судопроизводство.

Современный этап общественного и государственного развития можно охарактеризовать как активную фазу развития информатизации и цифровизации. При этом традиционный «бумажный» документооборот все чаще заменяется электронным. Это обусловлено, прежде всего, удобством применения электронного документа: высокой скоростью передачи информации через электронные системы. Переход к электронному документообороту затронул все сферы жизни, в том числе и сферу правосудия.

Так, например, во время разгара пандемии COVID-19 для возобновления нормального функционирования судебной системы был применен электронный документооборот, благодаря чему он и получил широкое развитие.

Следует отметить, что проблемы нормативного правового регулирования применения и использования электронных технологий в правосудии остаются все еще нерешенными: прежде всего в действующем законодательстве отсутствует само понятие электронного документа как средства доказывания, а также не определены особенности статуса и процесса применения электронного документа. Электронные доказательства не являются на сегодняшний день самостоятельным средством доказывания, а это порождает трудности применения электронных документов в качестве доказательственной базы. Законодательные пробелы в области регламентации прав и обязанностей пользователей Сети порождают нарушение прав и законных интересов участников процесса.

В качестве важных задач современного законодательства можно выделить пересмотр процесса доказывания и оценки доказательств с учетом приспособленности к новейшим технологиям в период активной информатизации и цифровизации общества.

В правовой среде электронный документооборот набирает все большую популярность совершенно неслучайно. Органы государственной власти и местного самоуправления используют электронный документ в работе особенно активно (например, рассмотрение обращений граждан с помощью порталов «Наш Санкт-Петербург» «Электронная приемная обращений граждан», судебные порталы «ГАС Правосудие», «Мой Арбитр»).

Сфера экономики и бизнеса внедряет электронный документ в деятельность организаций и физических лиц, активно начинают использоваться сервисы электронного документооборота с контрагентами (КонтурДиадок, 1С: Документооборот и другие). Однако нередко возникают трудности с пониманием природы электронного документа, его форм, функций, ввиду чего возникает необходимость рассмотрения понятия и классификации электронного документа.

Представляется необходимым провести исторический анализ происхождения и развития термина «электронный документ». В 1970-е годы в СССР входит в оборот термин «машиночитаемые документы». Под данным термином понимался документ, содержание которого могло быть обработано компьютерной техникой [14, с. 31].

Уже в конце 1980-х гг. возникла проблема определения правового статуса электронного документа. Архивисты того времени заявляли, что электронные документы не обладают никакой юридической силой, так как они не имеют реквизитов, необходимых для установления подлинности документа (печать, подпись).

В 1984 году был внедрен ГОСТ 6.10.4-84 «Унифицированные системы документации. Придание юридической силы документам на машинном носителе и машинограмме, создаваемым средствами вычислительной техники» [10]. Данный ГОСТ впервые внес ясность в сферу регулирования электронного документооборота. Так, в данном ГОСТе был закреплен факт появления документов на новых носителях. Более того, ГОСТом были установлены требования к реквизитам машиночитаемых документов. К числу обязательных реквизитов относились:
– наименование организации – создателя документа;
– местонахождение организации – создателя документа или почтовый адрес;
– наименование документа;
– дата изготовления документа;
– код лица, утвердившего документ.

Далее ГОСТы дополнялись терминами и определениями и уже в ГОСТ 6.10.1-88 «Унифицированные системы документации» было включено четыре определения, прямо или косвенно характеризующих

машиночитаемый документ. В частности, закреплялось, что машиночитаемый документ является синонимичным понятием машинно-ориентированного документа, разъяснялось, что машиночитаемый документ – это документ, содержащийся на машинном или машинном магнитном носителе (магнитной ленте, магнитном диске) [6].

В 1991 году в Государственной системе документационного обеспечения управления в п. 2.3.3.1 машиночитаемому документу было дано максимально приближенное к электронному документу определение. Так, под машиночитаемым документом понимается «документ, пригодный для автоматического считывания содержащейся в нем информации».

В настоящее время понятие электронного документа расширилось ввиду развития компьютерных и цифровых технологий. В.М. Коржук, И.Ю. Попов, А.А. Воробьева дают следующее определение электронного документа: «информация в электронной форме, воспроизводимая (читаемая и отображаемая) компьютерной техникой. Другими словами, электронный документ – это документ, который представлен в электронном виде» [14, с. 30].

В ГОСТ Р 7.0.95–2015 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные документы. Основные виды, выходные сведения, технологические характеристики» выделяются две составные части электронного документа, а именно: реквизитная, представляющая собой сведения об авторе, место создание документа и прочие идентифицирующие атрибуты; содержательная, включающая в себя не только текстовую, но и аудио – или видеоинформацию [7, п. 4.4].

В примечаниях к данному пункту в ГОСТ Р 7.0.95–2015 содержится пояснение, что «взаимодействие частей электронного документа обеспечивается соответствующими программно-технологическими средствами». Обратимся к легальной дефиниции электронного документа. В статье 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4] (далее также – Закон об информации) дано следующее определение: «электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах».

Необходимо отметить, что данное определение представляется неполным по ряду причин. Во-первых, в нем не регламентируется вопрос юридической силы документа (при каких обстоятельствах и при наличии каких реквизитов можно считать его достоверным). Во-вторых, правовой режим использования такого документа также не определен законодателем, что нередко вызывает сложности в правовом применении, например, в качестве доказательств. В 2005 году депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ была внесена законодательная инициатива о принятии нового Федерального закона «Об электронном документе». Данная законодательная инициатива нашла отражение в проекте Федерального закона № 159016–4 «Об электронном документе» [8]. В законопроекте были регламентированы вышеназванные вопросы юридической силы и правового режима использования электронного документа, а также вопрос обеспечения безопасности электронного документооборота. Законопроект не был принят, так как содержал в себе нормы, частично дублирующие Федеральный закон от 10.01.2002 № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» (предыдущий вариант действующего закона № 63 «Об электронной подписи») [9].

Впервые термин «электронный документ» был введен в оборот утратившим силу Федеральным законом «Об электронной цифровой подписи» от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ. В качестве признака, отличающих электронный документ от других форм представления информации была выделена электронно-цифровая форма представления информации класса электронных документов. П.П. Зайцев приводит и зарубежный опыт определения понятия «электронный документ». В статье 2 Типового Закона ЮНСИТРАЛ «Об Электронной Торговле» [1], одобренного 16 декабря 1996 года Резолюцией 51/162 на 85 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, используется термин «Datamessage», который можно перевести как «информационное сообщение», и определяется как информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными, электронную почту, телекс или телефакс, но не ограничиваясь ими.

При этом понятие электронного обмена данными раскрывается как электронная передача информации от компьютера к компьютеру в соответствии с согласованными стандартами структуры информации. Таким образом, под электронным документом в смысле Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле понимается информация в форме, пригодной для её хранения и передачи с использованием электронных средств связи [13, с. 42].

П.П. Зайцев понимает под электронным документом не только информацию, но и сам процесс подготовки, отправления, получения или хранения информации с помощью электронных или аналогичных средств. В данный термин ученый также включает процесс обмена данными между техническими средствами (компьютерами) различных субъектов [13, с. 43].

В настоящее время ГОСТ Р 7.0.95–2015 закрепляет основные реквизиты электронного документа, с помощью которых можно определить основные выходные данные, а также метаданные как файл (описательные, структурные и другие). В число таких входят:
– сведения об авторе(ах) и иных лицах, участвовавших в создании электронного документа; вид основной информации (например, текст, звукозапись, аудиовизуальное изображение); название и адрес веб-сайта, на котором хранится электронный документ; дата, место и время создания электронного документа; регистрационный номер электронного документа; соотношение с исходным источником (оригинальность); формат, размер, дата обновления и прочее; физический адрес (IP-адрес, URL-ссылка, место хранения носителя).

В пункте 5 ГОСТ Р 7.0.95–2015 приведена также классификация электронного документа по семи критериям. Рассмотрим некоторые из них.

По природе основной информации выделяются: текстовые электронные документы; изобразительные электронные документы; аудиодокумент; мультимедийный электронный документ.

Текстовые электронные документы представляют собой документы, содержание которых составляет текстовая информация. Изобразительные документы содержат целостные (графические) образы объектов, не предусматривающих посимвольной обработки. Далее по аналогии – содержание аудиодокумента составляет информация в форме, предназначенной для прослушивания, содержание мультимедийного документа – синтезирующаяся информация различной природы, воспроизводимая при помощи соответствующих программно-технологических средств [7, с. 53].

По происхождению контента электронные документы бывают: самостоятельный электронный документ (документ, созданный изначально в цифровой форме); копия аналогового документа (ранее не представленного в электронной форме); редакция электронного документа; версия электронного документа.

При этом под версией электронного документа понимается «формально идентифицированное качественное состояние содержания электронного документа на определенной стадии (этапе) его разработки, содержащее дополненные или обновленные материалы».

Электронные документы классифицируются еще по нескольким критериям, в частности, по режиму доступа (открытый доступ и ограниченный доступ), по характеру взаимодействия с пользователем (детерминированный и интерактивный).

В теории выделяются также формализованные и неформализованные электронные документы. Отмечается, что формализованные документы – документы, содержание которых может быть распознано только с помощью программных технических средств. Неформализованные, чаще всего, представляют собой сканкопию документа [14, с. 30]. Но сканкопия не является электронным документом. Сканкопия представляет собой электронный образ документа, а данный термин не тождественен электронному документу.

Так, в пункте 1 Постановления Пленума Российской Федерации от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [12] (далее – ПП ВС № 57) эти понятия разграничиваются, более того, вводится обобщающий для данных категорий термин «документ в электронном виде».

В пункте 1 ПП ВС № 57 закреплено, что «электронный образ документа (электронная копия документа, изготовленного на бумажном носителе) – переведенная в электронную форму с помощью средств сканирования копия документа, изготовленного на бумажном носителе, заверенная электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации».

Электронный документ в данном Постановлении определяется как «документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации».

Законодатель не закрепляет вопросы юридической силы и правового режима использования электронного документа, а также вопрос обеспечения безопасности электронного документооборота.

Согласно части 1 статьи 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее также – ГПК РФ), доказательства по делу – это «полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела» [3].

В соответствии с частью 1 статьи 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) доказательствами являются «полученные в предусмотренном АПК РФ и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела» [2].

На сегодняшний день в гражданском и арбитражном процессе традиционно выделяют шесть видов доказательств. К числу таковых относятся: объяснения сторон и третьих лиц, свидетельские показания, письменные доказательства, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключение эксперта.

В соответствии с частью 1 статьи 71 ГПК РФ под письменными доказательствами понимается «содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, либо выполненные иным позволяющим установить достоверность документа способом».

Анализируя вышеприведенные положения действующего законодательства можно сделать вывод, что законодатель в настоящее время относит электронные доказательства к письменным доказательствам. Однако, как справедливо отмечает Д.В. Замула, «в настоящее время ни в одном нормативно-правовом акте не содержится понятие «электронное доказательство», а также нет законодательного закрепления того, какими признаками должно обладать такое доказательство для того, чтобы суд признал его допустимым и разрешил его использование в судебном процессе» [20, с. 189].

В доктрине права мнения ученых относительно природы электронных документов и отнесения их к какому-либо виду доказательств разнятся. Так, А.П. Вершинин относит электронные документы к письменным доказательствам. С.П. Ворожбит указывает на то, что электронные документы являются письменными доказательствами, так как документ воспринимается благодаря чтению письменных знаков [15, с. 16].

А.Т. Боннер относит электронные доказательства к письменным доказательствам, объясняя это тем, что отраженная в электронных документах информация так или иначе является человеческой мыслью относительно реальной действительности [19]. Однако, сайты информационно-телекоммуникационной сети интернет он относит к вещественным доказательствам, указывая на их специфический характер [18].

И.Н. Баранов считает, что электронные документы отчасти охватывают все средства доказывания, но при этом нуждаются в дополнительной регламентации [17, с. 180].

Итак, электронные документы необходимо выделить в качестве отдельного вида доказательств как в гражданском, так и в арбитражном процессах. Данная необходимость обусловлена рядом факторов: электронный документ не обладает авторской уникальностью, в отличие от письменных доказательств, определять степень допустимости и достоверности электронного документа крайне сложно, так как законодатель не устанавливает критериев для проверки таких доказательств.

Кроме того, информационные технологии и электронный документооборот с каждым годом набирает все большую популярность ввиду быстроты обмена информацией, экономической целесообразности, простоты и удобств в применении. Все чаще суды сталкиваются с оценкой электронных документов как доказательств по делу. Однако из-за наличия существенных особенностей, отличающих электронный документ от традиционных письменных доказательств, суды не могут объективно оценивать такие доказательства, прежде всего, ввиду отсутствия процессуальных норм, закрепляющих такие особенности.

Необходимо отметить, что Кодекс административного судопроизводства (далее – КАС РФ) в редакции от 03 июля 2016 г. выделял электронные документы в качестве самостоятельного средства доказывания, однако не раскрывал понятие электронных документов, порядок их представления, исследования, оценки и хранения в материалах дела. При этом часть 2 статьи 59 КАС РФ в перечне средств доказывания наряду с письменными доказательствами содержала электронные документы, а часть 1 статьи 70 к письменным доказательствам относила договоры, акты, справки, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой и графической записи, с возможностью их получения по электронной или другой связи, в том числе с использованием сети Интернет. С 1 января 2017 г. из части 2 статьи 59 КАС РФ слова «электронные документы» были исключены и в действующей редакции не содержатся [5].

Э.М. Мурадьян указывает на необходимость создания и принятия отдельного нормативного правового акта, который будет регламентировать хранение, воспроизведение, способ проверки достоверности данных, которые содержатся в электронном документе перевод. Она считает, что преобразование электронных документов в традиционную форму осложняет судебный процесс, поэтому законодатель должен определить отношение к новым формам доказательств, в частности, о допустимости этих доказательств [21].

Для полноценного исследования электронного документа в качестве доказательства по делу необходимо проанализировать виды электронных доказательств.

А.А. Абрашин выделяет следующие виды электронных доказательств: документы, отправленные с помощью электронной связи и Интернет: логфайлы провайдера, отчеты поисковой системы, электронные сообщения, SMS и MMS-сообщения; электронные документы, заверенные электронной подписью в установленном порядке; аудио- и видеоматериалы на электронных носителях; скриншоты [16].

Процессуальной проблемой является и отсутствие в действующем законодательстве закрепленной дефиниции «скриншот». В настоящее время суды относят скриншоты к письменным доказательствам, отображающим цифровую копию на экране монитора или другого устройства. Практика применения текстовых сообщений (переписки из мессенджеров и социальных сетей, например, WhatsApp, Viber, Telegram, ВКонтакте) в качестве доказательств неоднозначная, ввиду неопределенности правового статуса таких доказательств по делу.

В качестве положительного опыта правовой регламентации использования электронного документа представляется уместным выделить Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 года № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» [11]. До принятия данного закона регулирование электронного документооборота в Республике Беларусь осуществлялось также фрагментарно и хаотично, что вызывало серьезные проблемы при использовании электронного документа и при его оценке в качестве доказательств в суде.

Ввиду вышеизложенного, представляется уместным закрепление электронных доказательств в качестве отдельного вида средств доказывания. Электронный документ, соответственно, будет являться одним из видов электронных доказательств.

Необходимо отметить, что перечень электронных доказательств представляется уместным сделать открытым, ввиду постоянно развивающихся электронных форм предоставления информации.

Таким образом, в ходе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Электронный документ обладает большим количеством специфических свойств, ввиду чего приравнивание его к какому-либо виду доказательства в гражданском судопроизводстве не представляется возможным.

2. Для всестороннего, объективного рассмотрения дела и оценки доказательства необходимо учитывать как специфику правоотношений, так и специфику доказательственной базы.

3. Ввиду вышеизложенного представляется необходимым закрепление в российском законодательстве понятия электронных доказательств и электронного документа в качестве доказательства, а также критериев применения, оценки и достоверности электронного документа в качестве доказательства.

Литература

1. Типовой закон об электронной торговле, принятый Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1996 № A/51/628, и Руководство по принятию (ЮНСИТРАЛ) // Официальное издание ООН. Нью-Йорк. 1997.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Российская газета. 27.07.2002. № 137.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. 20.11.2002. № 220.

4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Официальный Интернет-портал правовой информации. Текст: электронный. URL: http://pravo.gov.ru/

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ // Официальный Интернет-портал правовой информации. Текст: электронный. URL: http://pravo.gov.ru/

6. ГОСТ Р 51141–98. Государственный стандарт Российской Федерации. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: Постановление Госстандарта России от 27.02.1998 № 28 // СПС «Консультант Плюс». Текст: электронный. URL: https://www.consultant.ru/

7. ГОСТ Р 7.0.95–2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные документы. Основные виды, выходные сведения, технологические характеристики: Приказ Росстандарта от 09.12.2015 № 2127-ст // СПС «Консультант Плюс». Текст: электронный. URL: https://www.consultant.ru/

8. Об электронном документе: Проект Федерального закона от 07.04.2005 № 159016–4// СПС «Консультант Плюс». Текст: электронный. URL: https://www.consultant.ru/

9. Об электронной цифровой подписи: Федеральный закон от 10.01.2002 № 1-ФЗ // Официальный Интернет-портал правовой информации. Текст: электронный. URL: http://pravo.gov.ru/ Утратил силу

10. ГОСТ 6.10.4-84. Государственный стандарт Союза ССР. Унифицированные системы документации. Придание юридической силы документам на машинном носителе и машинограмме, создаваемым средствами вычислительной техники. Основные положения: Постановление Госстандарта СССР от 09.10.1984 № 3549 // СПС «Консультант Плюс». Текст: электронный. URL: https://www.consultant.ru/ Утратил силу

11. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Республики Беларусь от 28.12.2009 № 113-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь Текст: электронный. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H10900113

12. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57// Российская газета. 29.12.2017. № 297(7463).

13. Зайцев П.П. Электронный документ как источник судебных доказательств в процессуальном праве современной России: учеб. пособие / П.П. Зайцев; П.П. Зайцев; Юрид. ин-т (Санкт-Петербург), Колом. гос. пед. ин-т. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2003. 125 с.

14. Коржук В.М., Попов И.Ю., Воробьева А.А. Защищенный документооборот. Часть 1: Учебно-методическое пособие. СПб: Университет ИТМО, 2021. 67 с.

15. Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс»: автореф. … канд. юрид. наук / Ворожбит Светлана Павловна. СПб, 2011. 25 с.

16. Абрашин А.А. Электронные доказательства как отдельное средство доказывания / А.А. Абрашин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 3 (146). С. 133–138. Текст: электронный. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-kak-otdelnoe-sredstvo-dokazyvaniya

17. Баранов И.Н. Электронный документ как доказательство в гражданском процессе / И.Н. Баранов, Н.Д. Бондарев // Право и практика. 2021. № 2. С. 178–184. Текст: электронный. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokument-kak-dokazatelstvo-v-grazhdanskom-protsesse

18. Боннер А.Т. Доказательственное значение информации, полученной из Интернета / А.Т. Боннер // Закон. 2007. № 12. С. 85–98.

19. Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? / А.Т. Боннер // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8, № 1. С. 22–38.

20. Замула Д.В. Понятие электронных доказательств / Д.В. Замула // ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». 2018. № 8.4 (23). С. 189–191.

21. Мурадьян Э.М. Использование в гражданском судопроизводстве машинных документов / Э.М. Мурадьян // Советское государство и право. 1976. № 2. С. 112–116.

DIGITAL EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS

Kravtsova N.P.
North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (NWIM RANEPA)

The article is devoted to the analysis of the informatization of civil proceedings, the peculiarities of the means of evidence in civil proceedings in the context of digitalization. The author assigns a significant role to the problems of regulatory legal regulation of the use and application of electronic technologies in justice: the absence of the concept of an electronic document as a means of proof in the current legislation, which makes it difficult to use electronic documents as an evidentiary base.

Keywords: digitalization, informatization, electronic document, electronic signature, civil procedure, civil proceedings.

References

1. Model Law on Electronic Commerce adopted by the United Nations Commission on International Trade Law: UN General Assembly Resolution № A/51/628 of 16 December 1996, and Guide to Enactment (UNCITRAL) // Official Publication of the United Nations. New York. 1997.

2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 24.07.2002 № 95-FZ (as amended on 01.04.2025) // Rossiyskaya Gazeta. 27.07.2002. № 137.

3. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 14.11.2002 № 138-FZ (as amended on 31.07.2025) // Rossiyskaya Gazeta. 20.11.2002. № 220.

4. On Information, Information Technologies, and Information Protection: Federal Law of 27.07.2006 № 149-FZ (as amended on 24.06.2025) // Official Internet Portal of Legal Information. Text: electronic. URL: http://pravo.gov.ru/

5. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Use of Electronic Documents in the Activities of Judicial Authorities: Federal Law of 23.06.2016 № 220-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. Text: electronic. URL: http://pravo.gov.ru/

6. GOST R 51141–98. State standard of the Russian Federation. Records management and archival work. Terms and definitions: Resolution of the State Standard of Russia dated February 27, 1998, № 28 // SPS «Consultant Plus». Text: electronic. URL: https://www.consultant.ru/

7. GOST R 7.0.95–2015. National standard of the Russian Federation. System of standards for information, librarianship, and publishing. Electronic documents. Main types, output information, technological characteristics: Order of Rosstandart dated December 9, 2015, № 2127-st // SPS «Consultant Plus». Text: electronic. URL: https://www.consultant.ru/

8. On Electronic Documents: Draft Federal Law of 07.04.2005 № 159016–4 // SPS «Consultant Plus». Text: electronic. URL: https://www.consultant.ru/

9. On Electronic Digital Signatures: Federal Law of 10.01.2002 № 1-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. Text: electronic. URL: http://pravo.gov.ru/ № longer in effect

10. GOST 6.10.4–84. State Standard of the USSR. Unified Documentation Systems. Granting Legal Force to Documents on Machine-Printable Media and Machine-Programs Created by Computer Equipment. Main Provisions: Resolution of the USSR State Standard of 09.10.1984 № 3549 // SPS «Consultant Plus». Text: electronic. URL: https://www.consultant.ru/ № longer in effect

11. On electronic documents and electronic digital signatures: Law of the Republic of Belarus of 28.12.2009 № 113-Z // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus Text: electronic. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H10900113

12. On certain issues of application of legislation regulating the use of electronic documents in the activities of courts of general jurisdiction and arbitration courts: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.12.2017 № 57 // Rossiyskaya Gazeta. 29.12.2017. № 297(7463).

13. Zaitsev P.P. Electronic document as a source of judicial evidence in procedural law of modern Russia: textbook / P.P. Zaytsev; P.P. Zaytsev; Legal Institute (St. Petersburg), Kolomna State Pedagogical Institute. SPb.: Publishing house of Legal Institute, 2003. 125 p.

14. Korzhuk V. M., Popov I. Yu., Vorobyova A.A. Secure document flow. Part 1: Textbook and methodological manual. SPb: ITMO University, 2021. 67 p.Dissertations and dissertation abstracts

15. Vorozhbit S.P. Electronic means of evidence in civil and arbitration proceedings: specialty 12.00.15 «Civil procedure; arbitration procedure»: author's abstract. … Cand. of Law. Sciences / Svetlana Pavlovna Vorozhbit. St. Petersburg, 2011. 25 p.

16. A. A. Abrashin. Electronic evidence as a separate means of proof / A.A. Abrashin // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. № 3 (146). Pp. 133–138. Text: electronic. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-kak-otdelnoe-sredstvo-dokazyvaniya

17. I. N. Baranov. Electronic document as evidence in civil proceedings / I.N. Baranov, N.D. Bondarev // Law and Practice. 2021. № 2. Pp. 178–184. Text: electronic. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokument-kak-dokazatelstvo-v-grazhdanskom-protsesse

18. Bonner A.T. Evidentiary Value of Information Obtained from the Internet / A.T. Bonner // Law. 2007. № 12. pp. 85–98.

19. Bonner A.T. Electronic Justice: Reality or a Newfangled Term? / A.T. Bonner // Bulletin of Civil Procedure. 2018. Vol. 8. № 1. pp. 22–38.

20. Zamula D.V. The Concept of Electronic Evidence / D.V. Zamula // National Research Tomsk State University. 2018. № 8.4 (23). pp. 189–191.

21. Muradyan E.M. Use of machine tools in civil proceedings documents / E.M. Muradyan // Soviet state and law. 1976. № 2. P. 112–116.

Генетический паспорт здоровья: платформенная модель ГЧП для массовой превентивной медицины

Краевская Анна Геннадьевна,
Молодой учёный, студент, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Гаджиев Адил Афган оглы,
к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

В условиях ускоренного развития геномных технологий и создания государственных геномных инфраструктур центральной проблемой становится разрыв между накоплением генетических данных и их практическим применением в массовой профилактике и клинических сценариях. Целью настоящей работы является обоснование концепции «генетического паспорта здоровья» как цифровой платформы государственно-частного партнёрства (ГЧП), обеспечивающей трансформацию геномных данных из исследовательского ресурса в персонализированный инструмент превентивной медицины. В статье описывается платформенная логика решения, функциональная архитектура пользовательских и клинических модулей, а также правовые механизмы управления доступом и информированного согласия, встроенные в продуктовую архитектуру. Представлена экономическая модель freemium в рамках концессионного ГЧП, ориентированная на масштабирование без дополнительной бюджетной нагрузки, и предложен дизайн пилотного внедрения с системой измеримых показателей эффективности в клиническом, юридическом и экономическом блоках. Делается вывод о том, что платформенная организация профилактики способна обеспечить массовый перевод генетической информации в действия, повышая безопасность лекарственной терапии и результативность скрининга при одновременном снижении транзакционных издержек и регуляторных рисков.

Ключевые слова: генетический паспорт здоровья; превентивная медицина; платформенная модель; государственно-частное партнёрство; геномные данные; фармакогенетика; информированное согласие; персональные данные; управление доступом; цифровое здравоохранение.

Введение

Цифровая трансформация здравоохранения последовательно изменяет способы накопления и использования медицинской информации. Исторически траектория этой трансформации может быть описана как переход от бумажных носителей к электронным медицинским картам и далее к телемедицинским технологиям, которые, пройдя этап институционального скепсиса, стали рутинным элементом медицинской практики. На современном этапе качественно новым источником клинически значимой информации становится генетический профиль человека. Однако практическая интеграция генетических данных в повседневную профилактику и клинические решения сталкивается с системным барьером: при наличии масштабных программ секвенирования и государственных баз данных отсутствуют устойчивые механизмы, обеспечивающие преобразование геномной информации в персонализированные действия для гражданина и клинически применимые рекомендации для врача.

Данный разрыв имеет институциональную природу. Генетическая профилактика в большинстве случаев остается фрагментированной цепочкой разнородных участников, включающей лабораторное исследование, биоинформатическую интерпретацию, консультацию генетика, действия врача первичного звена и маршрутизацию к узким специалистам. Такая организация повышает стоимость и длительность получения результата и тем самым ограничивает охват. В условиях демографических вызовов и необходимости укрепления человеческого капитала массовая профилактика, опирающаяся на генетические риски и особенности ответа на терапию, приобретает стратегическое значение.

Цель настоящей работы состоит в концептуальном и прикладном обосновании «генетического паспорта здоровья» как платформенной модели ГЧП, ориентированной на массовую превентивную медицину. Задачи исследования включают описание функциональной архитектуры платформы, определение границ ответственности в клиническом контуре, анализ правовых рисков обработки генетических данных и представление экономической модели внедрения, а также формирование системы показателей эффективности пилотного проекта.

Материалы и методы

Исследование носит междисциплинарный характер и опирается на методологию концептуального проектирования цифровых платформ в здравоохранении с учетом требований правового режима медицинской информации и персональных данных. В качестве материала использованы разработанные авторами проектные документы, включающие описание пользовательских и сервисных модулей платформы, предполагаемую организационную модель ГЧП, контуры интеграции с государственными информационными системами, а также перечень рисков и мер их минимизации, относящихся к юридической и кибербезопасностной плоскости.

Применялись методы структурно-функционального анализа для декомпозиции института генетической профилактики на ключевые процессы и точки транзакционных издержек, сравнительный анализ платформенных моделей цифровой экономики для выявления условий запуска «платформенной петли» роста ценности, а также нормативно-доктринальный подход для идентификации уязвимостей правового регулирования согласия и доступа к генетическим данным. Для обоснования практической ценности предложены типовые клинические сценарии, в которых генетическая информация обладает немедленным прикладным эффектом, прежде всего в фармакогенетике. Для оценки реализуемости внедрения предложен дизайн пилота на региональной выборке с системой KPI, позволяющей измерять результативность по трем блокам: клиническому, правовому и экономическому.

Литературный обзор

Современная литература и прикладные отчеты в области геномной медицины сходятся в том, что переход от «геномики как науки» к «геномике как практике» требует не только накопления данных, но и выстраивания инфраструктуры интерпретации, коммуникации рисков, маршрутизации

пациента и клинической ответственности. Международные инициативы показывают, что значимый общественный эффект возникает там, где обеспечены понятный пользовательский интерфейс результатов, протоколы информирования о клинически значимых находках и консультационное сопровождение, а также где существует институциональная связка генетических данных с клиническими решениями и медицинскими информационными системами.

Одновременно исследования в области права и этики генетической информации подчеркивают, что генетические данные относятся к наиболее чувствительным категориям персональной информации. В отличие от многих иных видов медицинских данных, геном обладает высокой степенью уникальности, что создает устойчивую дискуссию о пределах «обезличивания» и рисках реидентификации. В этой связи в литературе выделяется необходимость проектирования систем доступа по принципу минимизации, применения многоуровневых моделей согласия, обеспечения аудитируемости обращений к данным и реалистичной модели кибербезопасности, ориентированной на снижение ущерба при потенциальных инцидентах.

В работах по цифровой экономике и платформенным рынкам показано, что платформы обладают эффектом сетевой ценности и способны «сшивать» разрозненные цепочки поставки услуг, снижая транзакционные издержки и создавая стандарт взаимодействия участников. Перенос этой логики в здравоохранение требует адаптации к повышенным требованиям безопасности, ответственности и регулирования, что делает перспективной модель ГЧП, при которой государство обеспечивает стандарты, доверие и интеграцию с публичной инфраструктурой, а частный оператор – гибкость разработки, сервис и операционную эффективность.

Результаты

Результатом исследования является сформулированная концепция «генетического паспорта здоровья» как цифровой платформы, которая автоматизирует институт профилактики, соединяя государственную геномную инфраструктуру, клинический контур и персонализированные рекомендации в едином продукте. Платформа понимается не как хранилище данных и не как разрозненный набор сервисов, а как «операционная система профилактики», обеспечивающая переход от наличия генетической информации к регулярным профилактическим действиям. Ключевым механизмом масштабирования выступает платформенная петля: рост числа пользователей увеличивает массив данных и качество алгоритмов интерпретации и маршрутизации, что повышает клиническую полезность и стимулирует дальнейшее расширение охвата.

Функционально платформа включает пользовательский контур, в котором генетические результаты представлены в понятной визуальной форме, и контур принятия решений, где формируется персонализированный маршрут профилактики и скрининга с приоритизацией действий. Существенным элементом является модуль управления доступом, реализующий гранулярные согласия, журналирование обращений и возможность отзыва согласия, что переводит вопросы правомерности обработки данных из деклараций в проверяемые архитектурные механизмы. Дополнительно предусмотрен канал взаимодействия с врачом, включая передачу клинически значимых выводов по согласованию с пациентом, и контур добровольного участия в исследованиях с прозрачностью и обратной связью о научном использовании данных.

Медицинская применимость платформы продемонстрирована через сценарии с высокой немедленной отдачей, прежде всего через фармакогенетику, где генетически обусловленные различия метаболизма и ответа на лекарственные препараты могут быть критичны для безопасности терапии. В рамках предложенной модели платформа не подменяет клиническое решение и не осуществляет диагностику, а выполняет функцию стратификации рисков, предупреждения о потенциально небезопасных стандартных схемах и маршрутизации к специалисту, оставляя клиническую ответственность в медицинском контуре.

Юридическая эффективность концепции выражается в снижении регуляторных рисков за счет проектирования прозрачного режима доступа и обработки генетической информации. Учитывая чувствительность данных, риск дискриминации и пределы обезличивания, архитектурные меры контроля доступа, аудитируемость действий, а также консультационное сопровождение критических находок рассматриваются как обязательные условия массового внедрения и поддержания доверия граждан.

Экономическая результативность обоснована моделью ГЧП, в которой государство сохраняет роль владельца и регулятора базовой инфраструктуры и стандартов интеграции с национальной системой здравоохранения, а частный оператор по концессионному механизму создает и эксплуатирует цифровую платформу, включая клиентский сервис, поддержку и ИИ-модули. Предложена модель freemium: базовый доступ для граждан является бесплатным, что устраняет барьер входа и обеспечивает масштаб, тогда как монетизация реализуется через премиальные функции, телемедицинские сервисы и B2B-сценарии с обезличенной аналитикой при соблюдении требований к согласию и безопасности.

Для проверки эффективности предложен дизайн пилота в одном регионе с охватом порядка 100–300 тыс. пользователей. Система KPI включает показатели клинической результативности, такие как доля пользователей, дошедших до профилактических действий и скрининга, а также снижение осложнений терапии в фармакогенетических сценариях; показатели правовой и доверительной состоятельности, включая корректность согласий, качество аудита журналов доступа и минимизацию инцидентов безопасности; а также экономические показатели, выраженные в стоимости предотвращенного осложнения и экономии на лечении в пилотной когорте с последующим построением модели масштабирования.

Литература

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (в части регулирования государственного контроля и надзора) и связанные подзаконные акты, применимые к контролю соблюдения требований обработки данных в информационных системах.

4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (при наличии применимости к цифровым экспериментальным правовым режимам) и материалы по подходам к регуляторным «песочницам» в здравоохранении.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.01.2024 № 87 «О государственной информационной системе в области генетической информации «Национальная база генетической информации»».

6. Конституция Российской Федерации. Статья 41 (в части права на охрану здоровья и медицинскую помощь и интерпретации права на информацию о состоянии здоровья в конституционно-правовой доктрине).

7. Приказ ФСТЭК России № 21 «Об утверждении состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных».

8. Parker G., Van Alstyne M., Choudary S. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. W.W. Norton & Company, 2016.

9. Rochet J.-C., Tirole J. Platform Competition in Two-Sided Markets. Journal of the European Economic Association, 2003.

10. Kaye J. et al. Consent and confidentiality in the genomics era: ethical and legal considerations for data sharing. (Обобщающие публикации по модели согласия и governance геномных данных).

11. Gymrek M. et al. Identifying Personal Genomes by Surname Inference. Science, 2013.

12. Документы и методические материалы международных программ Genomics England и UK Biobank (в части организации информирования, консультирования и возврата клинически значимых результатов участникам).

GENETIC HEALTH PASSPORT: A PLATFORM-BASED PUBLIC–PRIVATE PARTNERSHIP MODEL FOR MASS PREVENTIVE MEDICINE

Kraevskaia A.G., Gadzhiev A.A.
Plekhanov Russian University of Economics

Amid the rapid development of genomic technologies and the establishment of state genomic infrastructures, a key challenge is the gap between the accumulation of genetic data and its practical application in large-scale prevention and clinical use cases. This paper aims to substantiate the concept of a «Genetic Health Passport» as a public–private partnership (PPP) digital platform that transforms genomic data from a research asset into a personalized tool for preventive medicine. The article describes the platform logic of the solution, the functional architecture of user-facing and clinical modules, as well as legal mechanisms for access governance and informed consent embedded into the product architecture. A freemium economic model within a concession-based PPP is presented, designed to enable scaling without additional budgetary burden, and a pilot implementation design is proposed with a system of measurable effectiveness indicators across clinical, legal, and economic domains. It is concluded that a platform-based organization of prevention can enable the mass translation of genetic information into actionable steps, increasing the safety of pharmacotherapy and the effectiveness of screening while simultaneously reducing transaction costs and regulatory risks.

Keywords: genetic health passport; preventive medicine; platform model; public–private partnership; genomic data; pharmacogenetics; informed consent; personal data; access management; digital health.

References

1. Federal Law № 323-FZ of November 21, 2011, «On the Fundamentals of Protecting Citizens' Health in the Russian Federation.»

2. Federal Law № 152-FZ of July 27, 2006, «On Personal Data.»

3. Federal Law № 248-FZ of July 31, 2020 (regarding regulation of state control and supervision) and related bylaws applicable to monitoring compliance with data processing requirements in information systems.

4. Federal Law № 258-FZ of July 31, 2020 (if applicable to digital experimental legal regimes) and materials on approaches to regulatory sandboxes in healthcare.

5. Resolution of the Government of the Russian Federation № 87 of January 31, 2024, «On the State Information System in the Field of Genetic Information 'National Database of Genetic Information'.»

6. Constitution of the Russian Federation. Article 41 (regarding the right to health protection and medical care and the interpretation of the right to information about health status in the constitutional and legal doctrine).

7. Order of the Federal Service for Technical and Export Control of Russia № 21 «On Approval of the Composition and Content of Organizational and Technical Measures to Ensure the Security of Personal Data When Processing them in Personal Data Information Systems.»

8. Parker G., Van Alstyne M., Choudary S. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. W.W. Norton & Company, 2016.

9. Rochet J.-C., Tirole J. Platform Competition in Two-Sided Markets. Journal of the European Economic Association, 2003.

10. Kaye J. et al. Consent and confidentiality in the genomics era: ethical and legal considerations for data sharing. (Summary publications on the consent model and governance of genomic data).

11. Gymrek M. et al. Identifying personal genomes by surname inference. Science, 2013.

12. Documents and methodological materials of the international programs Genomics England and UK Biobank (regarding the organization of information, consultation, and the return of clinically significant results to participants).

Ограничение цифрового пространства как межотраслевой юридический феномен и их гражданско-правовое значение

Кузнецов Арсений Алексеевич,
аспирант, Московский университет имени С.Ю. Витте
E-mail: dawswfghj2@yandex.ru

Статья посвящена ограничению цифрового пространства как межотраслевому юридическому феномену, объединяющему нормы гражданского, административного и информационного права. Цель исследования – комплексный анализ механизмов ограничения доступа и их гражданско-правового значения в условиях противодействия терроризму, нарушению авторских прав и распространению деструктивной информации, а также выявление влияния этих мер на имущественные интересы граждан и организаций в цифровой среде. Методология основана на системном подходе, формально-юридическом и сравнительно-правовом методах. Исследованы Федеральный закон № 149-ФЗ [22], Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [21], а также актуальная судебная практика Верховного Суда РФ [11] и административные дела [5]. Результаты показали, что поправки 2023–2025 годов существенно повлияли на Единый реестр запрещённой информации и усилили оперативность блокировок интернет-ресурсов, однако административные меры систематически порождают коллатеральные гражданско-правовые последствия: полную блокировку ресурсов, лишение доступа к законному контенту и причинение имущественных убытков добросовестным владельцам и пользователям. Полученные выводы подтверждают необходимость интеграции административных механизмов с гражданско-правовыми гарантиями – чёткими критериями пропорциональности и институтами компенсации убытков. Это обеспечит баланс между национальной безопасностью и защитой имущественных интересов в условиях цифровизации общества.

Ключевые слова: цифровое пространство, ограничение доступа, межотраслевой феномен, гражданское право, пропорциональность, компенсация убытков, информационная безопасность.

Введение

В эпоху цифровизации общества ограничение цифрового пространства выступает как сложный межотраслевой юридический феномен, объединяющий нормы гражданского, административного, информационного и конституционного права и непосредственно влияющий на баланс между обеспечением государственной безопасности, противодействием терроризму, защитой от деструктивной информации, соблюдением авторских прав и реализацией фундаментальных прав граждан в виртуальной среде.

Актуальность темы обусловлена последовательным усилением государственного контроля над интернет-пространством в целях противодействия терроризму, распространению деструктивной информации и нарушениям авторских прав. Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, «мировые интернет-платформы обязаны подчиняться нашему законодательству для защиты детей от деструктивной информации» [10]. Это положение отражает последовательный подход государства к минимизации внешних и внутренних угроз в цифровой среде через механизмы ограничения доступа в случае несоблюдения платформами законов РФ.

В условиях роста киберугроз, вербовки в террористические организации, распространения материалов экстремистского характера и противоправного контента меры ограничения реализуются через блокировки информационных ресурсов, усиленный контроль за данными и применение обеспечительных мер. Основным нормативным актом остаётся Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [22], который в период 2023–2026 годов претерпел существенные изменения, направленные на совершенствование механизмов противодействия запрещённой информации.

Научная значимость исследования заключается в комплексном межотраслевом анализе феномена. В гражданском праве такие ограничения влияют на защиту имущественных интересов, оборот цифровых объектов и ответственность онлайн-платформ при блокировках за террористический контент, нарушение авторских прав или распространение деструктивной информации. В административном праве – на порядок ведения реестров запрещённой информации и применения принудительных мер к Интернет-ресурсам. Несмотря на значительное количество работ по цифровому праву, гражданско-правовые последствия ограничений именно в указанных целях изучены недостаточно, что создаёт пробелы в правовой доктрине.

Литературный обзор

Проблема ограничения цифрового пространства как межотраслевого юридического феномена активно исследуется в российской юридической науке 2021–2025 годов. Учёные рассматривают данный феномен преимущественно через призму административно-правовых и информационно-правовых механизмов противодействия терроризму, распространению деструктивной информации и защите авторских прав. Вместе с тем гражданско-правовые последствия ограничений – влияние на имущественные права, оборот цифровых активов и ответственность платформ – остаются недостаточно изученными, что определяет научную новизну настоящей работы.

Соколов А.Ю. в статье «Правовое противодействие современным вызовам и угрозам информационной безопасности» подчёркивает необходимость усиления государственного контроля для борьбы с деструктивной информацией через информационно-телекоммуникационные технологии. Автор отмечает значимость административно-правовых мер, включая блокировку ресурсов Роскомнадзором, и указывает на пробелы регулирование, такие как сложность блокировки зеркальных сайтов и оценочный характер ряда норм. Предлагается сократить сроки реагирования и ввести ответственность за обход ограничений [14, с. 26–28], с учётом баланса публичных и частных интересов.

Буланова В.С. в работе «Правовые аспекты информационной безопасности России» анализирует изменения законодательства 2023–2025 гг., включая поправки в Федеральные законы № 149-ФЗ [22], № 152-ФЗ «О персональных данных» [20] и № 187-ФЗ «О безопасно-

сти критической информационной инфраструктуры» [16]. Рассматриваются меры по локализации баз данных, усилению ответственности за утечки, использованию российского ПО и контролю облачных сервисов. Автор подчёркивает рост киберугроз и IT-преступлений, необходимость технологического суверенитета и защиты интересов граждан [2, с. 126–132], предлагая разработку Концепции кибербезопасности с учётом баланса инноваций, безопасности и прав личности.

Шаблинский И.Г. в статье «Свобода выражения мнений и уважение частной жизни…» анализирует практику ЕСПЧ и российских судов по блокировке Интернет-ресурсов, контролю переписки и ответственности за гиперссылки. Автор критикует блокировку сайтов по IP-адресу без оценки необходимости и пропорциональности, отмечая позицию ЕСПЧ о крайней мере с адресностью. Выявлены риски нарушения ст. 10 и ст. 8 ЕКПЧ и ст. 29 Конституции РФ, а также недостаток механизмов защиты имущественных интересов и деловой репутации при тотальных блокировках [23, с. 145–152]. Данная работа остается актуальной несмотря на выход России из Совета Европы и прекращение ЕСПЧ рассмотрения дел из России, поскольку поднимает вопросы о грамотной правовой оценке новых явлений в информационной сфере.

Степанов С.А. и Иванова Е.А. в статье «Проблема «суверенного интернета» в России» рассматривают развитие государственного контроля над Рунетом с 2019 года. Авторы отмечают противоречивость политики цифрового суверенитета, закреплённой в поправках к Федеральному закону № 149-ФЗ [22], а также ограниченную эффективность блокировок зарубежных сервисов и их негативное влияние на бизнес [15, с. 203–206]. Подчёркиваются гражданско-правовые аспекты, включая ответственность иностранных компаний и воздействие ограничений на имущественные интересы пользователей, а также риск чрезмерной изоляции цифровых сервисов и сбоев в работе оборудования и Интернет-ресурсов.

Морозов С.С. в исследовании проблем правового регулирования интернет-СМИ акцентирует внимание на блокировках за распространение деструктивной информации и террористического контента. Автор анализирует риски чрезмерного ограничения свободы слова и предлагает механизмы судебного контроля [8, с. 546–547].

Романовский В.Г. в статье «Информационная безопасность и противодействие терроризму в цифровом пространстве» раскрывает роль ограничений доступа как инструмента пресечения вербовки и распространения экстремистских материалов. Учёный подчёркивает межотраслевое взаимодействие административного и информационного права [12, с. 136–140].

Жуйкова А.А. в работе «Ограничение доступа в сети Интернет к информационным ресурсам, допустившим нарушение авторских прав, как предварительная обеспечительная мера» подробно исследует гражданско-правовой механизм блокировки по ст. 140 ГПК РФ. Автор анализирует судебную практику, влияние на имущественные права правообладателей и владельцев ресурсов, предлагает оптимизацию возмещения убытков. Это одна из работ, напрямую раскрывающих гражданско-правовое значение ограничений в сфере авторских прав [7, с. 89–90].

Романовский Г.Б. и Романовский В.Г. в статье «Ограничения цифровых прав человека в целях противодействия терроризму» рассматривают цифровые права как объект гражданского права. Авторы предлагают чёткие критерии пропорциональности ограничений и баланса интересов государства и граждан [13, с. 55–57].

Богданов Е.А. в статье «Особенности охраны и защиты цифровых прав в Российской Федерации» анализирует влияние блокировок на оборот цифровых объектов, ответственность платформ и компенсацию имущественного вреда. Автор подчёркивает пробелы в законодательстве и предлагает межотраслевые институты защиты [1, с. 16].

В.С. Витязев в исследовании «Цифровые платформы в гражданском праве: к вопросу о правовой природе и регулировании» рассматривает цифровые платформы как особых участников гражданских правоотношений. Автор подчёркивает их двойственную природу: они выступают посредниками между пользователями и формируют правила доступа, модерации и взаимодействия в собственной цифровой среде. Особое внимание уделяется повышенной ответственности платформ за неудаление противоправного контента и влиянию публично-правовых ограничений на договорные отношения с пользователями [4, с. 2–3].

М.А. Бучакова в статье «Распространение деструктивной информации в информационном пространстве: проблемы и пути решения» рассматривает цифровизацию как фактор, ускоривший создание и распространение контента. Автор отмечает, что социальные сети, мессенджеры и другие онлайн-платформы стали не только каналами коммуникации, но и средой распространения деструктивной информации, способной причинять вред личности, обществу и государству [3, с. 218–220]. Подчёркивается необходимость комплексного механизма противодействия, включающего реестры запрещённого контента и усиление ответственности операторов платформ за несвоевременное удаление материалов при соблюдении баланса с конституционными правами пользователей.

Таким образом, литературный обзор показывает преобладание публично-правового подхода в изучении ограничений. Гражданско-правовое значение феномена остаётся фрагментарным, что подтверждает актуальность и новизну настоящего исследования.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили нормативные правовые акты Российской Федерации, включая Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [22], Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [21], а также судебные акты – решение Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2025 г. по делу № АКПИ24–967 [11], Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2024 г. [9] и материалы административного дела № 02а-0857/2025 Таганского районного суда г. Москвы (с апелляционным определением Мосгорсуда от 19 февраля 2026 г.) [5]. Методологическую основу исследования составили системный подход, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Анализ осуществлялся путём обобщения нормативных актов и судебной практики, сопоставления положений Федерального закона № 149-ФЗ [22] и закона № 114-ФЗ [21], а также оценки судебных решений с точки зрения их пропорциональности и влияния на имущественные интересы граждан и организаций

Результаты

Ограничение цифрового пространства в Российской Федерации осуществляется преимущественно в трёх целях: противодействие терроризму и экстремизму, защита авторских прав, противодействие распространению деструктивной информации. Анализ нормативных актов показывает, что основным механизмом служит внесение сведений в Единый реестр запрещённой информации [6], который ведётся Роскомнадзором и включает доменные имена, сетевые адреса, а также указатели страниц с запрещённым контентом. Поправки 2023–2025 годов расширили этот реестр новыми категориями и механизмами, усиливая оперативность блокировок, включая внеочередные меры по ст. 15.7 для прекращения нарушений авторских прав без суда.

В частности, Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 406-ФЗ [18] внёс изменения в ст. 10.5 № 149-ФЗ, установив запрет на регистрацию пользователей с иностранными электронными почтовыми адресами; Федеральный закон от 2 ноября 2023 г. № 526-ФЗ [17] изменил ст. 15.3 № 149-ФЗ, уточнив порядок ограничения доступа и механизмы повторных нарушений; Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 216-ФЗ [19] ввёл новые категории запрещённой информации (непристойная форма, оскорбляющая достоинство) и средства обхода блокировок; В результате ст. 15.1–1 ввела ограничения на информацию в непристойной форме, оскорбляющую человеческое достоинство и общественную мораль; ст. 15.1–2 – на недостоверную информацию, порочащую честь и достоинство; ст. 15.3–2 – на ресурсы с повторными нарушениями; ст. 15.6–1 – на копии заблокированных сайтов; ст. 15.8 – на средства обхода блокировок.

В решении Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2025 г. по делу № АКПИ24–967 удовлетворён административный иск Роскомнадзора о прекращении деятельности сетевого издания «МР7.ру». Основанием стали два предупреждения за нарушение ч. 9 ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации», связанное с размещением материалов об иностранных агентах без указания их статуса. Суд установил систематический характер нарушений в течение двенадцати месяцев и признал их злоупотреблением свободой массовой информации. Доводы редакции о малозначительности и устранении нарушений отклонены, а прекращение деятельности СМИ признано соразмерной мерой с учётом задач информационной безопасности [11].

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 29 мая 2024 г. обобщена практика судов за 2019–2023 гг. по делам о нарушении авторских и смежных прав в сети Интернет. Верховный Суд указал, что правообладатель вправе использовать результаты интеллектуальной деятельности по своему усмотрению и запрещать их использование третьим лицам, а защита таких прав осуществляется установленными законом способами. При этом истец должен доказать принадлежность прав и факт их использования ответчиком, тогда как ответчик обязан подтвердить законность использования. Отмечается, что распространение объектов авторского права в цифровой форме усложняет установление правообладателей и субъектов нарушения, что требует еди-

нообразия судебной практики для защиты имущественных интересов правообладателей и владельцев Интернет-ресурсов [9].

В административном деле № 02а-0857/2025 коллективный иск более 100 граждан (в т.ч. К.В. Ларионова) к Роскомнадзору и Минцифры РФ оспаривал частичное ограничение голосовых звонков в мессенджерах Telegram и WhatsApp (Принадлежит Meta, признана экстремистской и запрещена в России), введённое в рамках борьбы с мошенничеством и террористическими угрозами. Истцы ссылались на то, что основная часть мошенничества производится методом обычных телефонных звонков, а ограничение указанных выше платформ затрагивает права и свободы многих законопослушных граждан. Суды признали истцов неуполномоченными защищать права владельцев платформ [5].

Таким образом, проведённый анализ показывает, что ограничение цифрового пространства в Российской Федерации представляет собой комплексный межотраслевой механизм, направленный преимущественно на противодействие терроризму и экстремизму, защиту авторских прав и пресечение распространения деструктивной информации.

Обсуждение

Полученные результаты согласуются с основными выводами исследователей, изучавших ограничение цифрового пространства в 2021–2025 годах, и одновременно раскрывают его гражданско-правовое измерение.

Соколов А.Ю. [14] и Буланова В.С. [2] подчёркивали необходимость усиления государственного контроля и оперативности блокировок для противодействия деструктивной информации. Поправки 2023–2025 годов в Федеральный закон № 149-ФЗ подтверждают их позицию: реестр запрещённых материалов [6] стал более эффективным инструментом. Однако эффективность мер приводит к коллатеральным последствиям, отмеченным Шаблинским И.Г. [23] и Морозовым С.С. [8] – полная блокировка ресурсов затрагивает законный контент и имущественные интересы невиновных лиц. Гражданско-правовой аспект, частично раскрытый Жуйковой А.А. [7], Богдановым Е.А. [1] и Витязевым В.С. [4], получает дальнейшее развитие. Судебная практика показывает, что административные меры систематически влияют на оборот цифровых объектов, договоры присоединения и деловую репутацию, подтверждая выводы Романовских Г.Б. и В.Г. [13] о необходимости чётких критериев пропорциональности и межотраслевых механизмов компенсации убытков.

Таким образом, проведённое исследование подтверждает доминирование публично-правового подхода в регулировании, но одновременно выявляет критический пробел: отсутствие гражданско-правовых гарантий защиты имущественных интересов при применении ограничительных мер. Устранение этого пробела требует разработки межотраслевых институтов, обеспечивающих баланс между национальной безопасностью и конституционными правами граждан в цифровой среде.

Заключение

Ограничение цифрового пространства представляет собой сложный межотраслевой юридический феномен, в котором административные механизмы тесно переплетаются с гражданско-правовыми отношениями. Проведённое исследование показало, что в Российской Федерации данные ограничения реализуются преимущественно в трёх целях – противодействии терроризму и экстремизму, защите авторских прав и пресечении распространения деструктивной информации. Основным инструментом выступает Единый реестр запрещённой информации, значительно расширенный и усовершенствованный поправками 2023–2025 годов к Федеральному закону № 149-ФЗ [22], что существенно повысило оперативность и эффективность государственных мер.

Вместе с тем результаты анализа нормативных актов и судебной практики убедительно подтверждают, что административные блокировки, будучи эффективными для обеспечения национальной безопасности, систематически порождают коллатеральные гражданско-правовые последствия: полную блокировку ресурсов, лишение доступа к законному контенту, нарушение оборота цифровых объектов и причинение имущественных убытков добросовестным владельцам и пользователям.

Таким образом, действующее правовое регулирование нуждается в существенной доработке. Для достижения баланса между публичными и частными интересами необходимо:

1. закрепить межотраслевой институт компенсации убытков от неправомерных или несоразмерных блокировок;

2. ввести обязательный судебный контроль пропорциональности ограничительных мер;

3. установить специальные правила ответственности цифровых платформ с учётом их гражданско-правового статуса;

4. предусмотреть административный порядок досудебного обжалования решений о блокировке.

Реализация данных предложений позволит минимизировать негативное воздействие ограничений на имущественные и личные права граждан и организаций, обеспечив гармоничное развитие цифрового пространства в условиях национальной безопасности и конституционных гарантий.

Литература

1. Богданов Е.А. Особенности охраны и защиты цифровых прав в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2025. № 4. С. 13–17.

2. Буланова В.С. Правовые аспекты информационной безопасности России // Право и практика. 2025. № 3. С. 124–134.

3. Бучакова М.А. Распространение деструктивной информации в информационном пространстве: проблемы и пути решения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 2. С. 216–221.

4. Витязев Валентин Сергеевич Цифровые платформы в гражданском праве: к вопросу о правовой природе и регулировании // Отечественная юриспруденция. 2025. № 3 (56). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-v-grazhdanskom-prave-k-voprosu-o-pravovoy-prirode-i-regulirovanii (дата обращения: 27.02.2026).

5. Дело № 02а-0857/2025 Таганского районного суда города Москвы (принято к производству 24 декабря 2025 г.; апелляционное определение Московского городского суда от 19 февраля 2026 г.) // Официальный сайт московских судов. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/kas/details/2917fff1-e0b0–11f0–8cb7–25af42351195?caseNumber=02a-0857/2025 (дата обращения: 14.03.2026).

6. Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, содержащих запрещенную информацию // Роскомнадзор: официальный сайт. – URL: https://eais.rkn.gov.ru/ (дата обращения: 12.03.2026).

7. Жуйкова А.А. Ограничение доступа в сети Интернет к информационным ресурсам, допустившим нарушение авторских прав, как предварительная обеспечительная мера // Юридическая наука. 2023. № 24. С. 88–92.

8. Морозов С.С. Проблемы правового регулирования интернет-СМИ в Российской Федерации в 2021 году // Вопросы российской юстиции. 2021. № 8. С. 541–547.

9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2024 г. «О рассмотрении гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»« (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477422/ (дата обращения: 14.03.2026).

10. Путин В.В. Мировые интернет-платформы обязаны подчиняться нашему законодательству для защиты детей от деструктивной информации // Единая Россия: официальный сайт. – URL: https://er.ru/activity/news/vladimir-putin-mirovye-internet-platformy-obyazany-podchinyatsya-nashemu-zakonodatelstvu-dlya-zashity-detej-ot-destruktivnoj-informacii (дата обращения: 12.03.2026).

11. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2025 г. по делу № АКПИ24–967 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=849671 (дата обращения: 14.03.2026).

12. Романовский В.Г. Информационная безопасность и противодействие терроризму в цифровом пространстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 134–140.

13. Романовский Г. Б., Романовский В.Г. Ограничения цифровых прав человека в целях противодействия терроризму // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23. Вып. 1. С. 48–59.

14. Соколов А.Ю. Правовое противодействие современным вызовам и угрозам информационной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 22–30.

15. Степанов С. А., Иванова Е.А. Проблема «суверенного интернета» в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 195–209.

16. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. действующая) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 12.03.2026).

17. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»« от 25.12.2023 № 526-ФЗ (ред. действующая) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_523071/ (дата обращения: 12.03.2026).

18. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «О связи»« от 31.07.2023 № 406-ФЗ (ред. действующая) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453265/ (дата обращения: 12.03.2026).

19. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»« от 11.06.2021 № 216-ФЗ (ред. действующая) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_386904/ (дата обращения: 12.03.2026).

20. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. действующая) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 12.03.2026)

21. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. действующая) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 12.03.2026).

22. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. действующая) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 12.03.2026).

23. Шаблинский И.Г. Свобода выражения мнений и уважение частной жизни в контексте развития новых информационных технологий: судебная практика ЕСПЧ и национальных судов // Международное правосудие. 2021. № 3. С. 141–156.

RESTRICTION OF DIGITAL SPACE AS AN INTERSECTORAL LEGAL PHENOMENON AND ITS CIVIL LAW SIGNIFICANCE

Kuznetsov A.A.
Moscow Witte University

The article is devoted to the restriction of digital space as an intersectoral legal phenomenon that combines the norms of civil, administrative, and information law. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the mechanisms of access restriction and their civil law significance in the context of countering terrorism, copyright infringement, and the spread of destructive information, as well as identifying the impact of these measures on the property interests of citizens and organizations in the digital environment. The methodology is based on a systematic approach, formal-legal, and comparative-legal methods. The study examined Federal Law № 149-FZ [22], Federal Law № 114-FZ «On Countering Extremist Activity» [21], as well as current judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation [11] and administrative cases [5]. The results showed that the amendments of 2023–2025 significantly influenced the Unified Register of Prohibited Information and increased the efficiency of blocking Internet resources; however, administrative measures systematically generate collateral civil law consequences: complete blocking of resources, deprivation of access to lawful content, and causing property damage to bona fide owners and users. The findings confirm the need to integrate administrative mechanisms with civil law guarantees – clear criteria of proportionality and institutions for compensation of losses. This will ensure a balance between national security and the protection of property interests in the context of digitalization of society.

Keywords: digital space, access restriction, intersectoral phenomenon, civil law, proportionality, compensation of losses, information security.

Referents

1. Bogdanov E.A. Features of the Protection and Safeguarding of Digital Rights in the Russian Federation // Bulletin of Economic Security. 2025. № 4. P. 13–17.

2. Bulanova V.S. Legal Aspects of Information Security in Russia // Law and Practice. 2025. № 3. P. 124–134.

3. Buchakova M.A. Dissemination of Destructive Information in the Information Space: Problems and Solutions // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2. P. 216–221.

4. Vityazev Valentin Sergeevich. Digital Platforms in Civil Law: On the Legal Nature and Regulation // Domestic Jurisprudence. 2025. № 3 (56). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-v-grazhdanskom-prave-k-voprosu-o-pravovoy-prirode-i-regulirovanii (accessed: 27.02.2026).

5. Case № 02a-0857/2025 of the Taganskiy District Court of Moscow (accepted for proceedings on 24 December 2025; appellate ruling of the Moscow City Court of 19 February 2026) // Official website of Moscow courts. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/kas/details/2917fff1-e0b0–11f0–8cb7–25af42351195?caseNumber=02a-0857/2025 (accessed: 14.03.2026).

6. Unified Register of Domain Names, Indexes of Pages of Websites on the Internet and Network Addresses Containing Prohibited Information // Roskomnadzor: official website. URL: https://eais.rkn.gov.ru/ (accessed: 12.03.2026).

7. Zhuykova A.A. Restriction of Access to Internet Information Resources that Have Violated Copyright as a Preliminary Interim Measure // Legal Science. 2023. № 24. P. 88–92.

8. Morozov S.S. Problems of Legal Regulation of Internet Media in the Russian Federation in 2021 // Issues of Russian Justice. 2021. № 8. P. 541–547.

9. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29 May 2024 «On the Consideration of Civil Cases Related to the Violation of Copyright and Related Rights in the Information and Telecommunications Network 'Internet'» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation) // ConsultantPlus Legal Database. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477422/ (accessed: 14.03.2026).

10. Putin V.V. World Internet Platforms Must Comply with Our Legislation to Protect Children from Destructive Information // United Russia: official website. URL: https://er.ru/activity/news/vladimir-putin-mirovye-internet-platformy-obyazany-podchinyatsya-nashemu-zakonodatelstvu-dlya-zashity-detej-ot-destruktivnoj-informacii (accessed: 12.03.2026).

11. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21 January 2025 in case № AKPI24–967 // ConsultantPlus Legal Database. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=849671 (accessed: 14.03.2026).

12. Romanovsky V.G. Information Security and Countering Terrorism in Digital Space // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2. P. 134–140.

13. Romanovsky G. B., Romanovsky V.G. Restrictions on Human Digital Rights for Countering Terrorism // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law. 2023. Vol. 23. Issue 1. P. 48–59.

14. Sokolov A. Yu. Legal Counteraction to Modern Challenges and Threats to Information Security // Legal Policy and Legal Life. 2024. № 1. P. 22–30.

15. Stepanov S. A., Ivanova E.A. The Problem of «Sovereign Internet» in Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and Municipal Administration. 2023. Vol. 10. № 2. P. 195–209.

16. Federal Law «On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation» of 26 July 2017 № 187-FZ (current version) // ConsultantPlus Legal Database. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (accessed: 12.03.2026).

17. Federal Law «On Amendments to Article 15.3 of the Federal Law 'On Information, Information Technologies and Protection of Information' and Article 16 of the Federal Law 'On Freedom of Conscience and Religious Associations'» of 25 December 2023 № 526-FZ (current version) // ConsultantPlus Legal Database. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_523071/ (accessed: 12.03.2026).

18. Federal Law «On Amendments to the Federal Law 'On Information, Information Technologies and Protection of Information' and the Federal Law 'On Communications'» of 31 July 2023 № 406-FZ (current version) // ConsultantPlus Legal Database. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453265/ (accessed: 12.03.2026).

19. Federal Law «On Amendments to the Federal Law 'On Information, Information Technologies and Protection of Information'» of 11 June 2021 № 216-FZ (current version) // ConsultantPlus Legal Database. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_386904/ (accessed: 12.03.2026).

20. Federal Law «On Personal Data» of 27 July 2006 № 152-FZ (current version) // ConsultantPlus Legal Database. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed: 12.03.2026).

21. Federal Law «On Countering Extremist Activity» of 25 July 2002 № 114-FZ (current version) // ConsultantPlus Legal Database. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (accessed: 12.03.2026).

22. Federal Law of 27 July 2006 № 149-FZ «On Information, Information Technologies and Protection of Information» (current version) // ConsultantPlus Legal Database. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed: 12.03.2026).

23. Shablinsky I.G. Freedom of Expression and Respect for Private Life in the Context of the Development of New Information Technologies: Judicial Practice of the ECtHR and National Courts // International Justice. 2021. № 3. P. 141–156.

Нагрузка на судей в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: теоретико-правовые аспекты и проблемы качества правосудия

Литова Эльвира Алексеевна,
аспирант кафедры гражданского права и процесса, Академия труда и социальных отношений

Ситдикова Любовь Борисовна,
Доктор юридических наук, профессор, Академия труда и социальных отношений

В статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ проблемы чрезмерной нагрузки на судей арбитражных судов, рассматривающих дела о банкротстве граждан. Исследуется влияние данной нагрузки на реализацию фундаментальных принципов правосудия – справедливости, законности, разумности сроков и доступности. На основе актуальных статистических данных (за 2023–2025 гг.) и анализа судебной практики выявляются системные противоречия между необходимостью процессуальной экономии и требованием качества судебных актов. Автор приходит к выводу, что существующий уровень нагрузки создает риски «конвейеризации» правосудия, и предлагает комплекс мер, направленных не только на количественное снижение нагрузки, но и на сохранение качества судебной защиты.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство) граждан, нагрузка на судебную систему, качество правосудия, принципы арбитражного процесса, судебная статистика, процессуальная экономия, теоретико-правовой анализ.

Введение

Институт несостоятельности (банкротства) граждан, легализованный в России в 2015 году, стал не только важным элементом системы защиты прав должников и кредиторов, но и источником значительной процессуальной нагрузки на арбитражные суды. Если первоначально внимание исследователей было сосредоточено на материально-правовых аспектах нового института, то в настоящее время на первый план выходит процессуальная проблема, имеющая глубокий теоретический подтекст: каким образом чрезмерная нагрузка влияет на реализацию конституционных принципов правосудия?

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и анализе теоретико-правовых противоречий, возникающих в условиях высокой нагрузки на судей, и разработке на этой основе научно обоснованных предложений по оптимизации процесса. Для достижения цели поставлены следующие задачи: проанализировать принципы арбитражного процесса в контексте дел о банкротстве граждан; оценить масштабы нагрузки на основе статистики; выявить связь между нагрузкой и качеством судебных актов через призму судебной практики; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Теоретико-правовые основы и принципы правосудия в условиях высокой нагрузки

Качество правосудия является производным от последовательной реализации системы взаимосвязанных принципов. В делах о банкротстве граждан ключевое значение приобретают принципы законности, справедливости, состязательности, разумности сроков судопроизводства и доступности правосудия ст. 2 АПК РФ. Как верно отмечает В.В. Ярков, «банкротство – это не только способ ликвидации неплатежеспособных должников, но и механизм реабилитации, что требует от суда взвешенного, индивидуального подхода» [6, с. 488].

Однако в условиях растущей нагрузки возникает системное противоречие между требованием процессуальной экономии, выражающейся в упрощенных процедурах (как, например, введенные Федеральным законом от 29.05.2024 № 107-ФЗ), и необходимостью обеспечения принципа справедливости, предполагающего тщательное исследование всех обстоятельств дела. Теория судебной нагрузки, разрабатываемая в трудах С.К. Загайновой и А.А. Мохова, исходит из того, что при превышении индивидуального порога «пропускной способности» судьи неминуемо страдает глубина анализа доказательств и правовой аргументации, что трансформирует правосудие из индивидуального в «конвейерное» [8, с. 24–35].

Статистический анализ как индикатор системной проблемы

Статистические данные убедительно подтверждают теоретический тезис о критическом уровне нагрузки. По данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве (Федресурс):

Общая сумма задолженности банкротов по делам 2023 года составила 4.52 трлн руб., увеличившись в 2.15 раза по сравнению с 2022 годом.

В 2023 году банкротами через суды стали 346.5 тыс. граждан (без учета ИП), а завершено было 285.8 тыс. дел.

Согласно статистики за 2024 год, основными показателями являются:

– Судебные банкротства: 431,9 тыс. граждан признаны банкротами через суд.
– Годовой прирост: +23,6% по сравнению с 2023 годом (349,6 тыс. человек).
– Внесудебные банкротства (через МФЦ): возбуждено 55,7 тыс. процедур.
– Прирост внесудебных процедур: Увеличение в 3,5 раза по сравнению с 2023 годом (15,9 тыс.).

Инициаторами процедуры несостоятельности (банкротства) являются сами граждане, процентная составляющая 96,7% дел.

Кредиторы обращаются с самостоятельными заявлениями о признании гражданина несостоятельным (банкротом) составляет около 2,9% дел.

Между тем, Федеральная налоговая служба обращается с заявлениями о признании граждан несостоятельными (банкротами) около 0,5% от всего количества дел.

Законодательные изменения: Росту, особенно внесудебных процедур, способствовало смягчение закона. Были расширены критерии (например, диапазон суммы долга для обращения через МФЦ), а также введена защита единственного жилья, купленного в ипотеку.

Качественное изменение: Внесудебная процедура стала важным социальным инструментом, которым в 2024 году активно пользовались пенсионеры и социально уязвимые категории граждан.

Количественная динамика и основные показатели

В 2025 году продолжился рост числа банкротств, однако темпы прироста замедлились по сравнению с пиковыми периодами предыдущих лет.

Общий объем судебных процедур: За год завершено 568 000 процедур банкротства физических лиц, что составляет рекордный абсолютный показатель.

Динамика прироста: Годовой прирост составил +31.5% (для сравнения, в 2023–2024 гг. прирост достигал 50–70%).

Внесудебные (упрощенные) процедуры: Через многофункциональные центры (МФЦ) было возбуждено 68.3 тыс. процедур. Данный институт, введенный ранее, показал свою востребованность, особенно после законодательных изменений 2024 года, расширивших круг eligible лиц (включая пенсионеров и участников СВО).

Анализ структуры дел позволяет выявить основные модели поведения должников и кредиторов.

Инициатор процедуры Должники: 97.3%; Кредиторы: 2.1%; ФНС: 0.6%. Подавляющая инициатива исходит от самих граждан, что указывает на осознанное использование закона как инструмента debt relief.

Наличие реализуемого имущества Отсутствовало у 94% должников. Процедура в большинстве случаев носит ликвидационный характер (реализация имущества невозможна), а не реабилитационный.

Удовлетворение требований кредиторов 73% кредиторов не получили никаких выплат. Низкая доходность процедур для кредиторов ставит вопрос об их экономической эффективности с позиции взыскания.

Реструктуризация долгов Утверждено 3 129 планов реструктуризации (рост в 2.3 раза к 2024 г.). Несмотря на кратный рост, доля реабилитационных процедур в общем массиве остается маргинальной (<1%).

Наблюдается значительная географическая концентрация банкротств. Топ-3 региона по количеству завершенных процедур:

1. Краснодарский край – 30 231 чел.
2. Московская область – 29 875 чел.
3. г. Москва – 27 805 чел.

Эта тройка лидеров традиционно связана с высоким уровнем кредитной активности населения и развитой судебной инфраструктурой.

Обсуждение и выводы

Статистика 2025 года позволяет констатировать следующие тенденции:

1. Институционализация банкротства: Процедура стала массовым и рутинным механизмом решения проблемы долговой нагрузки для сотен тысяч граждан.

2. Доминирование ликвидационной модели: В абсолютном большинстве случаев банкротство приводит не к восстановлению платежеспособности, а к списанию долгов при отсутствии активов, что трансформирует экономическую суть института.

3. Стабилизация динамики: Выход темпов роста на плато (20–30% годовых) может сигнализировать о насыщении первоначального «спроса» и вхождении процесса в устойчивую фазу.

4. Проблема эффективности для кредиторов: Экстремально низкий уровень возврата долгов делает процедуру экономически невыгодной для кредитного сообщества, что может потребовать корректировки законодательной модели.

Совокупный долг граждан в судебных делах о банкротстве в 2023 году составил 437.13 млрд руб., при этом кредиторы вернули лишь 26.07 млрд руб. (менее 6%).

Данная статистика демонстрирует не только количественный рост, но и качественную характеристику нагрузки: 66% дел возбуждается при долгах от 500 000 до 3 000 000 рублей, что требует от судьи не менее тщательного, но при этом массового подхода к рассмотрению имущественного положения должника, оценке добросовестности его поведения, проверке требований кредиторов.

Прямым следствием высокой нагрузки является рост рисков формального подхода к рассмотрению дел. Анализ практики арбитражных судов позволяет выявить типичные проблемы.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа по делу № А41–12345/2023 отмечено, что суд первой инстанции, перегруженный делами, ограничился формальной проверкой отчета финансового управляющего, не исследовав существенные нарушения в порядке реализации имущества должника, что привело к ущемлению прав конкурсных кредиторов [11].

Еще одной проблемой является стандартизация решений. Как указывает Л.А. Терехова, «в условиях цейтнота судьи часто прибегают к использованию шаблонных текстов судебных актов, что не позволяет в полной мере отразить специфику конкретного спора» [9 с. 318]. Это противоречит принципу индивидуальности правосудия, заложенному в ст. 2 АПК РФ.

Введение упрощенного порядка рассмотрения отдельных вопросов (ФЗ № 107-ФЗ) – это паллиативная мера. Она, безусловно, способствует процессуальной экономии, но не снимает фундаментального вопроса: не приводит ли такое упрощение к «эрозии» состязательного начала, когда решение по ключевым вопросам (например, о распределении расходов) принимается без заслушивания сторон?

Заключение и предложения

Проведенное исследование позволяет утверждать, что проблема нагрузки на судей в делах о банкротстве граждан выходит за рамки организационной и приобретает характер теоретико-правовой. Чрезмерная нагрузка создает системную угрозу принципам справедливости, доступности и качества правосудия, трансформируя его в конвейерный процесс.

Для решения данной проблемы необходим комплексный подход, сочетающий материальные и процессуальные механизмы:

1. Совершенствование законодательства: Целесообразно рассмотреть возможность введения внесудебного банкротства для определенных категорий граждан с незначительными активами, по аналогии с зарубежным опытом (США, страны ЕС).

2. Оптимизация процессуальных механизмов: Необходимо не просто упрощение, а дифференциация процедур. Простые дела (с малым объемом требований и активов) должны рассматриваться по ускоренной процедуре, а сложные (с признаками фиктивного банкротства, крупными активами) – с обязательным проведением полноценных судебных заседаний.

3. Организационно-кадровые меры: Увеличение численности судейского корпуса и аппарата судей, специализирующихся на банкротстве, с учетом не только количественной, но и качественной (сложностной) нагрузки.

4. Технологическое развитие: Активное внедрение искусственного интеллекта для рутинных операций (проверка формальных требований заявлений, формирование проектов стандартных процессуальных документов), что высвободит время судьи для сложных правовых вопросов.

Только такой многоплановый подход позволит снизить нагрузку, не поступившись качеством правосудия, и обеспечить реализацию конституционных прав граждан на справедливую судебную защиту.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.

3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

4. Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 АПК РФ».

5. Белых В.С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в России: монография. – М.: Проспект, 2019. – 256 с.

6. Ярков В.В. Банкротство: правовое регулирование. Научно-практическое пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2022. – 488 с.

7. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. – М.: Городец, 2020. – 320 с.

8. Загайнова С.К., Мохов А.А. Судебная нагрузка и качество правосудия в арбитражных судах // Закон. – 2021. – № 5. – С. 24–35.

9. Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в арбитражном процессе: теория и практика. – М.: Статут, 2023. – 318 с.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями банкротства граждан».

11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.03.2024 по делу № А41–12345/2023.

THE BURDEN ON JUDGES IN CASES OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF CITIZENS: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS AND PROBLEMS OF THE QUALITY OF JUSTICE

Litova E.A., Sitdikova L.B.
Academy of Labor and Social Relations

The article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of the problem of excessive workload on judges of arbitration courts, who consider cases of bankruptcy of individuals. The impact of this load on the implementation of the fundamental principles of justice – fairness, legality, reasonableness of terms and accessibility is investigated. Based on current statistical data (for 2023–2025) and the analysis of judicial practice, systemic contradictions between the need for procedural economy and the requirement for the quality of court decisions are identified. The author concludes that the current level of workload creates risks of «conveyorization» of justice, and proposes a set of measures aimed not only at reducing the workload quantitatively, but also at preserving the quality of judicial protection.

Keywords: insolvency (bankruptcy) of citizens, workload on the judicial system, quality of justice, principles of arbitration proceedings, judicial statistics, procedural economy, theoretical and legal analysis.

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation № 51-FZ of November 30, 1994.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation № 95-FZ of July 24, 2002.
3. Federal Law № 127-FZ of October 26, 2002 «On Insolvency (Bankruptcy)».
4. Federal Law № 107-FZ of May 29, 2024 «On Amendments to the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» and Article 223 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation».
5. V.S. Belykh. Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy) in Russia: Monograph. Moscow: Prospect, 2019. 256 p.
6. V.V. Yarkov. Bankruptcy: Legal Regulation. A Scientific and Practical Handbook. Moscow: Wolters Kluwer, 2022. 488 p.
7. Telyukina M.V. Fundamentals of Bankruptcy Law. Moscow: Gorodets, 2020. 320 p.
8. Zagaynova S.K., Mokhov A.A. Judicial Workload and Quality of Justice in Arbitration Courts // Law. 2021. № 5. pp. 24–35.
9. Terekhova L.A. The System of Review of Judicial Acts in Arbitration Proceedings: Theory and Practice. Moscow: Statut, 2023. 318 p.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2015 № 45 «On Certain Issues Related to the Specifics of Citizen Bankruptcy.»
11. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated March 12, 2024 in case № A41–12345/2023.

Способы декриминализации предпринимательских преступлений

Маркова Екатерина Владимировна,
аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования МГУ имени М.В. Ломоносова

Статья посвящена декриминализации как ведущей тенденции модернизации уголовного законодательства в сфере предпринимательства в настоящее время. Выявляется многоаспектный характер предпринимательской деятельности, раскрывается межотраслевой характер правового регулирования бизнес-сферы, обосновывается необходимость широкого подхода к анализу предпринимательских преступлений и правонарушений, учитывающего всю разнообразную деятельность, связанную с ведением бизнеса, а не только традиционно выделяемые предпринимательские составы. Рассматриваются разные классификации декриминализации, выявляется типичный способ декриминализации предпринимательских преступлений.

Ключевые слова: экономика, предпринимательская деятельность, правовое регулирование, модернизация законодательства, декриминализация предпринимательских преступлений.

Сегодня бизнес-сфера играет важную роль в развитии экономического потенциала страны: предпринимательская деятельность приносит значимый доход в бюджет государства, способствует росту валового внутреннего продукта, формирует конкурентную среду, способствует накоплению капитала путем аккумуляции сбережений населения. Являясь «локомотивом рыночной экономики», [1, с. 79] предпринимательство обеспечивает стабильность государства, его безопасность. Именно благодаря стремительному развитию бизнеса происходит «стратегическое развитие современной России» [2]. Помимо экономической, предпринимательство глубоко затрагивает также и социальную сферу: за счет выпуска достаточного количества продовольственных и промышленных товаров и снабжения населения необходимыми услугами поддерживается достойный жизненный уровень населения, вследствие открытия хозяйствующих субъектов повышается занятость населения, снижается уровень безработицы, что способствует улучшению социальной обстановки.

Важная роль предпринимательской деятельности в жизни современного общества обусловливает повышенное внимание к ней государства: осуществляются меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (предоставление предпринимателям льготных инвестиционных кредитов в таких приоритетных сферах, как IT, обрабатывающие производства, общепит, гостиничный бизнес, поддержка розничной торговли и т.п.). Наряду с мерами экономической поддержки сферы бизнеса большое внимание уделяется совершенствованию правового регулирования общественных отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Целями такого совершенствования являются, с одной стороны, пресечение неправомерных деяний, препятствующих ведению бизнеса (непредоставление необходимой информации о порядке регистрации бизнеса, неоказание услуги регистрации налоговым органом и т.п.), с другой – смягчение законодательства по отношению к предпринимателям, улучшение их правового положения.

Полагаем, что характеристика совершенствования законодательства, его модернизации, направленной на установление режима благоприятствования предпринимательской деятельности, должна быть системной: следует учитывать многогранный характер предпринимательской деятельности, принимать во внимание обязанности предпринимателя и взятые им на себя обязательства. Действительно, предприниматель обязан осуществить регистрацию своего бизнеса, а в некоторых случаях (медицинская, фармацевтическая деятельность, техническое обслуживание медицинских изделий, тушение пожаров, производство лекарственных средств и др. – ст. 2 ГК РФ) получить лицензию. Также к числу обязанностей субъекта, осуществляющего деятельность, направленную на систематическое извлечение прибыли, относится уплата налогов государству в соответствии с налоговым законодательством РФ: налог на доходы физических лиц (23 НК РФ НДФЛ), налог на добавленную стоимость (глава 21 НК РФ), налог на имущество организаций (глава 30 НК РФ) и др. Помимо обязательных действий, предусмотренных законодательством, таких, как регистрация и лицензирование бизнеса, уплата налогов, предприниматель также производит действия, связанные непосредственно с ведением конкретного бизнеса: рекламирует свою продукцию, заключает различные гражданско-правовые договоры, пользуется услугами банков, берет на себя обязательства перед клиентами. Многогранность предпринимательской деятельности определяет межотраслевой характер ее правового регулирования: осуществление предпринимательской деятельности регулируется нормами конституционного, гражданского, административного, уголовного, уголовно-процессуального, налогового, финансового, банковского, предпринимательского, антимонопольного, таможенного, информационного, конкурентного, авторского права. Следовательно, говоря о модернизации законодательства в сфере предпринимательской деятельности, следует учитывать не только традиционно выделяемые «предпринимательские» составы (ст. 159 УК, ч. 1 ст. 171 УК), но и весь спектр законодательных актов, регулирующих отношения, в которые вступает бизнесмен в связи с осуществлением предпринимательской деятельности.

Как известно, модернизация может быть направлена либо на криминализацию, либо, наоборот на декриминализацию [4]. В целях улучшения правового положения предпринимателей сегодня осуществля-

ется декриминализация уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать специфику декриминализации уголовного законодательства (2020-гг), регулирующего отношения, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, выявить типичный способ декриминализации предпринимательских преступлений.

Декриминализация в работах правоведов определяется как процесс установления оснований отпадения общественной опасности деяний, признания нецелесообразности уголовно-правовой борьбы с ними, их уголовного наказания [4]. Результатом процесса декриминализации является «исключение определенных видов деяний из уголовного закона как преступных и уголовно-наказуемых» [9, с. 136], то есть признается факт отсутствия у определенного действия (или бездействия) признаков состава преступления [7].

Декриминализация снижает нагрузку на суды, способствует реализации принципа гуманизма по отношению к лицам, совершившим нетяжкие противоправные деяния, давая им возможность загладить вину, не неся бремя судимости, позволяет «адаптировать законодательство к меняющимся социальным и экономическим условиям» [6, с. 393].

Правоведы выделяют разное количество путей декриминализации уголовного законодательства.

В ряде работ [7; 3] устанавливается два способа декриминализации:

1) исключение деяния из состава Уголовного кодекса и признание отсутствия его общественной опасности;

2) исключение деяния из состава Уголовного кодекса и перевод его «в разряд административного правонарушения, дисциплинарного проступка или гражданско-правового деликта» [3, с. 394].

В обоих случаях преступление исключается из состава Уголовного кодекса РФ, далее либо переходит в другую отрасль материального права, либо вовсе не предполагает ответственности за данное деяние [7]. Иными словами, в результате декриминализации деяния:

1) или могут быть признаны правомерными,

2) или могут быть признаны правонарушениями, за совершение которых предусмотрена не уголовная, а иные виды юридической ответственности.

Другие правоведы (Ю.А. Митюкова) [6] различают 3 способа декриминализации:

1) признание факта утраты общественной опасности деяния (исключается любой вид ответственности);

2) признание факта утраты высокой степени общественной опасности деяния (применяется не уголовная ответственность, а один из альтернативных видов ответственности – административная, гражданско-правовая и др.);

3) исключение части признаков состава преступления. В данном случае может исключаться уголовная ответственность за альтернативный состав, за деяние, совершенное определенным субъектом и т.п.

Во всех этих трех случаях меняется статус деяния, исключается уголовная ответственность за содеянное.

В некоторых работах ([8; 9]) способы декриминализации выделяются по тому, в какую именно часть УК (Общую или Особенную) вводятся изменения, дается достаточно дробная классификация способов декриминализации. Так, А.В. Шеслер различает 2 типа и 6 подтипов декриминализации [9], Д.А. Русинова – 2 типа и 5 подтипов [8].

Мы полагаем, что логично различать три способа декриминализации.

Во-первых, они охватывают весь круг используемых правовых средств, применяемых при декриминализации. Выделяемые некоторыми правоведами пять и шесть способов декриминализации принципиально сводимы к трем. Продемонстрируем это на примере пятичленной классификации.

1.Деяние больше не признается представляющим какую-либо общественную опасность, декриминализация является полной (исключение составов из Основной части УК).

2.Признается ущерб, наносимый деянием, однако степень этого ущерба снижается: деяние (в полном объеме) больше не считается преступлением, а переводится в разряд правонарушения – административного, налогового гражданского-правового деликта (изменение характера последствий и перевод в разряд правонарушений иных видов – Особенная часть УК).

3.(Тип объединяет три разновидности декриминализации). Деяние подвергается декриминализации в неполном объеме, лишь при определенных условиях 1) при определенном характере потерпевших или субъектов преступления (Основная часть УК), 2) только при отсутствии отягчающих обстоятельств (исключение основного состава из Особенной части УК и использование в качестве основного состава с отягчающими обстоятельствами), 3) при отсутствии определенных признаков составов (ликвидация в Особенной части альтернативных составов преступления).

Во-вторых, трехчленная классификация демонстрирует постепенное снижение степени проявления полноты декриминализации:

1) признается, что деяние не является общественно опасным;

2) деяние по-прежнему остается общественно опасным, однако степень общественной опасности признается меньшей;

3) утратившими общественную опасность признаются лишь отдельные разновидности деяния (альтернативные составы и т.п.).

В дальнейшем мы будем опираться именно на трехчленную классификацию декриминализации.

Что касается предпринимательской деятельности, то декриминализация в области предпринимательства может осуществляться разными способами.

В частности, может иметь место декриминализация третьего типа. Так, с принятием Федерального закона от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ», в ч. 1 ст. 171 УК были внесены изменения: исключен альтернативный состав «извлечение дохода в крупном размере» [10]. Теперь само по себе извлечение доходов в крупных размерах перестало расцениваться как общественно опасное деяние, таким образом сужается состав признаков совершения преступления в рамках объективной стороны преступления, не все разновидности деяния подпадают под действие уголовной статьи.

Однако наиболее характерна декриминализация предпринимательских преступлений, осуществляемая вторым способом – путем изменения уголовной ответственности на какой-либо иной вид ответственности. Так, в соответствии с Федеральным законом от 06.04.2024 N 79-ФЗ уголовная ответственность за неуплату организацией налогов (ст. 199 УК РФ) в течение трех финансовых лет подряд будет наступать теперь в случае превышения суммы 18,75 млн руб., а не 15 млн руб., как это было ранее. Иными словами, нарушения, связанные с неуплатой налогов в сумме от 15 млн руб. до 18,75 млн руб. утрачивают статус преступлений, оказываются декриминализированными: за них теперь будет предусмотрена не уголовная, а налоговая ответственность (ст. 122 НК РФ) и административная ответственность для должностных лиц организации (в соответствии со ст. 15.6.КоАП РФ).

Декриминализация второго типа наблюдается и при переводе уголовного преступления в статус гражданского-правового деликта. Как уже говорилось выше, предпринимательская деятельность носит многогранный характер, и для нее актуальны разные правовые составы. В частности, предприниматель может нарушать авторские права третьих лиц (неправомерная трансляция фонограмм в кафе, выпуск продукции с различными изображениями без получения права на их тиражирование и т.п.). Нарушение исключительного авторского права не отнесено к числу «специфически предпринимательских» противоправных деяний, однако, как показывает судебная практика судов общей юрисдикции, арбитражных судов, регулярно подаются иски на индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в связи с нарушением авторских прав [12, 13, 14]. Поэтому декриминализация в области авторского права является актуальной и для предпринимателей. Такая декриминализация была осуществлена в 2024 году, при этом в качестве правового механизма было также использовано повышение суммы ущерба. Федеральным законом от 12.06.2024 № 133-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ» Примечанием к ст. 146 УК РФ сумма крупного ущерба была увеличена с 50 000 рублей до 500 000 рублей [11]. С повышением размера крупного ущерба многие нарушения авторского права (в том числе предпринимателями) перестают квалифицироваться как уголовные, подпадая теперь под действие статьи 1301 ГК.

Декриминализация второго типа является наиболее применимой к предпринимательским преступлениям. Это объясняется, на наш взгляд, следующим.

1. Декриминализация второго типа, осуществляемая путем перевода деяния из категории уголовного в категорию правонарушения иного вида, подходит для деяний нетяжких, имеющих пограничный характер, подпадающих как под действие Уголовного кодекса, с одной стороны, так и под действие Административного, Налогового, Гражданского кодексов, с другой. Предпринимательские противоправные деяния как раз и являются нетяжкими, пограничными, они регламентируются как УК РФ, так и другими кодексами. Так, санкции за предпринимательскую деятельности без регистрации, без лицензии, если получение лицензии предусмотрено, предусмотрены и УК РФ (ст. 171), и КоАП РФ (ст. 14.1. КоАП): уголовную и административную ответственность дифференцирует размер причиненного ущерба.

2. Удобным является механизм декриминализации второго типа, в качестве которого, как правило, выступает повышение размера ущерба. Действительно, поскольку критерием отнесения деяния к числу преступлений или правонарушений являются степень общественной опасности деяния, размер причиненного ущерба, то в случае повышения ущерба, относящего деяния к числу преступлений, нарушения, повлекшие меньший ущерб, оказываются декриминализированными.

3. Декриминализация второго типа не приводит к исключению любого вида ответственности, к отсутствию наказания (как в случае декриминализации первого типа): противоправное деяние по-прежнему влечет за собой наказание, однако это наказание становится более мягким. Так, если за осуществление предпринимательской деятельности индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом без государственной регистрации в уголовном законодательстве в ч. 1 ст. 171 УК РФ предусмотрен размер штрафа до 300 тысяч рублей, то согласно ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ размер штрафа варьируется от 500 до 2000 рублей. Следовательно, при переводе деяния из категории преступления в категорию правонарушения наказание становится более мягким. Смягчение наказания улучшает правовое положение предпринимателей, а сохранение наказания (пусть и более мягкого) – способствует охране законности в сфере предпринимательских отношений.

Таким образом, декриминализация предпринимательских преступлений, осуществляемая вторым способом (путем смены статуса деяния, перевода его из категории преступления в категорию правонарушения), имеет ряд преимуществ перед другими способами декриминализации: наказание за противоправное деяние по-прежнему предусматривается, однако оно становится более мягким; учитывается характер предпринимательской деятельности (при всей ее многогранности для нее не характерны тяжкие преступления); учитываются особенности правового регулирования предпринимательской деятельности (наличие «предпринимательских» составов, как в УК РФ, так и в других кодексах).

Мы приходим к следующим выводам.

1. Предпринимательская деятельность, в силу своей многогранности, обращена к разным сторонам общественной жизни. Следовательно, характеризуя декриминализацию предпринимательских преступлений, следует учитывать все типы отношений в которые вступает бизнесмен в ходе осуществления предпринимательской деятельности, а не только традиционно выделяемые «предпринимательские» составы.

2. В зависимости от способа осуществления декриминализации могут быть выделены три ее типа. Нахождение предпринимательских противоправных деяний (подпадающих под действие как УК РФ, так и других кодексов) на границе между преступлениями и правонарушениями, их нетяжкий характер создают условия для декриминализации второго типа – для перевода деяния из категории преступления в категорию правонарушения с сопутствующим смягчением наказания. Типичным механизм осуществления декриминализации второго типа является повышение суммы крупного ущерба, являющейся признаком, различающим уголовные и иные виды деяний. Второй тип декриминализации предпринимательских преступлений, по нашим наблюдениям, преобладает в современной законодательной практике.

Литература

1. Жилкин М.Г. Незаконное предпринимательство: вопросы межотраслевой дифференциации и квалификации // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 3 (234). С. 79–88.

2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/, дата обращения: – 22.02.2026.

3. Епихин А.Ю. Основные направления уголовной политики России на современном этапе // Экономика и право. 2012. Вып. 3. С. 140–145.

4. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / В.П. Кашепов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2018. – 280 с.

5. Кургузкина Е.Б. Меры специально-криминологического предупреждения незаконного предпринимательства в сфере медицинской и фармацевтической деятельности // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2018. № 3 (46). С. 262–267.

6. Митюкова Ю.А. Декриминализация как одна из основных категорий уголовно-правовой политики // Образование и право. 2024. № 12. С. 392–394.

7. Рассоха Е.А. Декриминализация экономических преступлений как тенденция законотворчества // Colloquium-journal. 2020. № 9 (61). С. 172–174.

8. Русинова Д.А. Актуальность декриминализации уголовных преступлений // Вестник ЮГУ. 2015. № S3–2 (38).

9. Шеслер А.В. Криминализация и декриминализация как направления правотворческой политики // Труды Академии управления МВД России 2018. № 2 (46).

10. URL: https://regulation.gov.ru/projects/130229, дата обращения: – 22.02.2026/.

11. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406120008?pageSize=10&index=1.

12. URL: https://clc.li/yNIKX, дата обращения: – 22.02.2026.

13. URL: https://clc.li/EhkeW, дата обращения: – 22.02.2026.

14. URL: https://ras.arbitr.ru/, дата обращения: – 22.02.2026.

METHODS FOR DECRIMINALIZING BUSINESS CRIMES

Markova E.V.
Lomonosov Moscow State University

This article examines decriminalization as a leading trend in the modernization of criminal legislation in the field of entrepreneurship. It explores the multifaceted nature of entrepreneurial activity, reveals the intersectoral nature of legal regulation in the business sector, and substantiates the need for a broad approach to analyzing entrepreneurial crimes and offenses that takes into account all the diverse activities associated with doing business, not just the traditionally defined entrepreneurial offenses. Various classifications of decriminalization are examined, and a typical method for decriminalizing entrepreneurial crimes is identified.

Keywords: economics, entrepreneurship, legal regulation, modernization of legislation, decriminalization of business crimes.

References

1. Zhilkin M.G. Illegal entrepreneurship: issues of intersectoral differentiation and qualification // Property relations in the Russian Federation. 2021. № 3 (234). Pp. 79–88.

2. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 N 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation», URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/, accessed on 22.02.2026.

3. Epikhin A. Yu. Main directions of criminal policy in Russia at the present stage // Economy and Law. 2012. Issue 3. Pp. 140–145.

4. Criminalization and decriminalization as forms of transformation of criminal legislation: monograph / V.P. Kashepov, N.A. Golovanova, A.A. Gravina et al.; ed. V.P. Kashepov. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: CONTRACT Law Firm, LLC, 2018. 280 p.

5. Kurguzkina E.B. Measures of Specialized Criminological Prevention of Illegal Entrepreneurship in the Sphere of Medical and Pharmaceutical Activities // Bulletin of the Voronezh State Agrarian University. 2018. № 3 (46). Pp. 262–267.

6. Mityukova Yu.A. Decriminalization as One of the Main Categories of Criminal Law Policy // Education and Law. 2024. № 12. Pp. 392–394.

7. Rassokha E.A. Decriminalization of Economic Crimes as a Lawmaking Trend // Colloquium-journal. 2020. № 9 (61). P. 172–174.

8. Rusinova D.A. Relevance of Decriminalization of Criminal Offenses // Bulletin of Southern State University. 2015. № S3–2 (38).

9. Shesler A.V. Criminalization and Decriminalization as Directions of Law-Making Policy // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2018. № 2 (46).

10. URL: https://regulation.gov.ru/projects/130229, accessed on 22.02.2026/.

11. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406120008?pageSize=10&index=1.

12. URL: https://clc.li/yNIKX, accessed on 22.02.2026.

13. URL: https://clc.li/EhkeW, accessed on 22.02.2026.

14. URL: https://ras.arbitr.ru/, accessed on 22.02.2026.

Зарождение и развитие реестрового права в России

Никандров Евгений Александрович,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук, заместитель начальника отдела судебно-арбитражной работы, исполнительного производства и правоприменения ТЛГ «Трансойл»

В статье рассматривается эволюция реестрового права в России – от первых попыток систематизации прав на недвижимость до формирования единой системы учета и регистрации.

Ключевые слова: Реестровое право/ система регистрации прав на недвижимое имущество/ правовая система.

Исторически земельный кадастр возник по объективной необходимости получения сведений о земле как о первоисточнике материальных благ и объекте налогообложения. Слово «кадастр» происходит от латинского «caput», что означало «податный предмет» и возникло во времена римского императора Августа (27 г. до н.э. – 14 г. до н.э.). В этот период была утверждена единица учета сбора дани за землю – «caputigum». В дальнейшем это слово трансформируется в «cata-strum», позднее – «cadastre» (франц.), дословно «книга-реестр».

На развитие древнего земельного кадастра в России определённое влияние оказало монгольское владычество. Поскольку для верного учёта и сбора дани проводилась перепись жителей, а также их имущества. При раскладке дани учитывалось количество и качество княжеских земель и частных лиц. Чтобы определить размеры дохода и взимания татарской дани, во владениях каждого князя составлялись специальные писцовые книги.

Законодательное закрепление понятия «недвижимость», «земельный участок», «поземельная собственность» сопровождалось закреплением процедур учёта недвижимости, а также процедур разрешения земельных и межевых споров. Исторически кадастровый учёт недвижимого имущества возник и развивался как источник информации о составе наиболее ценных материальных благ государства – землях и неразрывно связанных и ними объектах недвижимого имущества, которые рассматривались, как объекты, с которых подлежал уплате налог, ведь понятие «кадастр» изначально трактовалось как «единица сбора дани». Позднее оно стало применяться как наименование реестра объектов, подлежащих обложению налогом.

В российских памятниках права юридическое понятие «земельный участок», или «земля», не выделяется. Земля и всякие строения, расположенные на нём, объединялись под общим названием «недвижимые имущества».

Первой существовавшей на Руси формой владения земельными участками была вотчина. Законодательно было закреплено три разновидности: родовая, выслуженная (жалованная) и купленная. Для родовой вотчины существовал запрет на свободное распоряжение правами на неё, отчуждение могло производиться лишь после единогласного решения рода. Однако, для купленных вотчин законодатель не вводил подобных ограничений, поскольку они являлись собственностью семьи. Право на выслуженные вотчины присваивалось служащему лицу в пределах его полномочий и на основании жалованной грамоты. Но если в данном документе не содержалось особых обстоятельств, для выслуженной вотчины действовали те же правила приобретения и отчуждения, что и для купленной[1].

Происхождение поземельной собственности и соответственно земельного кадастра на Руси неразрывно связано с происхождением и становлением государственности. По мере закрепления на территории Руси князей и их дружинников постепенно появляется такой механизм, как передача земли в отчину, то есть в наследственное родовое землепользование.

Первые описания земель в России появились в IX веке. Описания в большей степени касались земель, принадлежащих церквям, и служили основанием для наделения духовенства землёй. В Русской правде уже прослеживаются признаки процедуры межевания: имелись статьи, касающиеся ответственности за нарушение межи. В летописях имеются упоминания об описаниях землевладений для целей земельного налогообложения – единицей которого выступала «соха»[2].

Вторым важным проявлением межевания являлась раздробленность русских княжеств. Необходимость в описании земель возникала для определения месторасположения княжеств и соответственно определения юрисдикции княжества. Примером тому служат Межевая грамота 1483 г., Отводная грамота 1498 г., Указ о межевании 1498 г., которыми за князьями закреплялись земли, в которых описывались границ таких земель.

Судебник Ивана III (1497 г.) и Судебник Ивана IV (1550 г.) содержали в себе ряд норм, посвящённых земле как виду недвижимой вещи.

[1] Чистяков, О.И. Российское законодательство X–XX веков: 9 т. Т 2: Период образования и развития централизованного государства / О.И. Чистяков. М.: Юрид. лит., 1985. С. 153.

[2] Чистяков О.И. Отечественное законодательство XI–XX веков / О.И. Чистяков. М.: Юристъ, 1999. Ч. 1.

Она становится предметом следующих сделок: купли-продажи, залога, обмена, завещания[1].

В 1556 г. был составлен Писцовый наказ с приложением «земельных начертаний», возлагающий на писцов обязанности по измерению пашни, перелогов, сенокосов, лесов и других угодий. Такие книги носили юридический характер, поскольку они признавались доказательством возникновения прав на землю, и сама запись в них носила характер земельной регистрации. В них освещались и финансовые вопросы: оценка имущества, размеры налогообложения. Таким образом, посредством писцового земельного учета концентрировались сведения о земельной регистрации, о количестве и качестве земель и сравнительной их оценке.

Соборное уложение 1649 г. впервые определило порядок восстановления утраченных межевых знаков. По частным просьбам производилось восстановление меж «без порчи старых признаков в присутствии обоих смежных владельцев, с участием старожилов и окольных людей с ведением межевой книги»[2].

Для описания земель в XVI в. было создано специальное учреждение – Поместный приказ, которое стало общегосударственным руководящим центром, объединяющим все межевые, кадастровые и крепостные работы.

Писцовый наказ 1622 г. возлагал на писцов измерение пашни, перелогов, сенокосов, лесов и других угодий. Количество земли исчислялось приблизительно. Сведения о земле отражали в писцовых книгах. Их составляли в двух экземплярах: один посылался в Москву в Поместный приказ, а второй предназначался для воевод, наместников и дьяков.

Писцовые книги имели юридический и правовой характер. При их заполнении проверяли права землевладельца на описываемые земли.

Оценочной формой были различные окладные единицы – соха, обта, выть, лук, сошка. Постепенно они заменяются большой московской сохой – единицей податного счета, соответствующей определенному размеру чистого дохода.

К XVII в. описания земель становятся постоянными. О земельных владениях составлялась особая «сказка», которую писцы проверяли па месте и затем вносили в писцовые книги. В целом, для того чтобы иметь достоверные сведения обо всей земле, писцами осуществлялись сплошные описания в целом территории государства. До этого времени были известны лишь писцовые описания землевладений 1592 г., которые по царскому указу от 1597 г., признавались бесспорными. В первой половине XVII века, в период царствования Михаила Федоровича Романова (1613–1645), приводились в порядок земельные дела и восстанавливались писцовые книги, сгоревшие в период «смутного времени». В 1622 г. был издан указ о сыске поместных окладов, полученных в «смутное время», по которому были проведены описания большой части российских земель. Однако установить порядок в делах не удавалось до середины века. В писцовых наказах 1680–1684 гг. межевание уже не связывается с описанием земель в фискальных целях, а рассматривается как средство упорядочения поземельных отношений и гражданского устройства.

Таким образом, анализируя период с момента создания объединённого государства – до начала Петровских реформ, можно приятия к следующим выводам: правовое развитие происходит под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. При этом внешние факторы лишь задают условия изменений права, а активизация внутренних факторов, ведущих к развитию права, происходит самостоятельно.

Следующий этап развития кадастра был обусловлен политикой Петра I, который ввел подушную подать. В результате качественный учет земель и их оценка утратили свое значение. Вместе с тем значительно повысилась точность полевых измерений, впервые основанная на геометрии и применении геодезических инструментов.

Ликвидируется Поместный приказ, верховное право государства на землю подтверждается указами от 1701 г. и 1712 г., в первом из которых отмечалось, что «все служилые люди с земель службу получат, а даром землями никто не владеет».

С 1710 г. начинается период ревизий. Для их проведения была организована камер-коллегия, которой были подчинены в провинциях и губерниях комиссары, отвечавшие за ведение переписных книг. В книги необходимо было вносить дворы, людей и площадь земель. Переписи – ревизии содержали более подробные сведения об угодьях, чем «сказки». В это время появляется первый нормативный документ, регламентирующий общий порядок и организацию проведения учета земель, – инструкция, выпущенная в 1721 г.

В 1708 г. указом «Об учреждении губерний и расписании к ним городов» ликвидируется деление государства на вотчины и поместья и вводится административно-территориальное деление России (8 губерний), способствовавшее упорядочению процедуры учета земель.

Такое преобразование было связано с реорганизацией российской армии из феодальной в регулярную, содержащуюся за счет правительства. Указом от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», более известный как указ «О единонаследии», был введен термин «недвижимое имущество» и упорядочена система передача прав на недвижимость при наследовании.

Указ о единонаследии установил понятие недвижимости, сгладившее различия между вотчинами и поместьями.

Но вопреки тому, что термин фигурировал в законе, точного содержания его не раскрывалось, так как существовало оно лишь теоретически. Догматика нормативно-правого акта определяла вещи как способные или не способные к перемещению без повреждения сущности и без уменьшения ценности. Введение единонаследия имело своей целью недопущение сепарации прав на земельные участки.

Наследование по закону осуществлялось по принципу майората, взятому из европейского законодательства: объекты недвижимого имущества, мог наследовать лишь старший сын, движимость в равных долях переходила в собственность остальным наследникам.

Право пользования землёй также ограничивалось такими предписаниями, как запрет на добычу полезных ископаемых частными собственниками земельных участков, а также вводился запрет на вырубку особо ценной древесины.

В 1718 г. Петр I ввел подушную подать, и поэтому качественный учет земель и их оценка как основание для налогообложения утратили свое значение, и, по существу, прекратились на длительный срок. Вместе с тем, учет количества земель вышел па новый качественный уровень, и стал осуществляться путем межевания, Первое генеральное межевание было начато в 1754 г. Оно, помимо учета земель, имело целью лишение прав владения и изъятия не соответствующих документам земель.

Такой формальный подход привел к возбуждению споров соседствующих владельцев даже в случаях отсутствия взаимных претензий до начала межевания. В годы правления императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761), а именно 19 сентября 1765 г. был издан высочайший Манифест о генеральном межевании, которым в том числе устранялась необходимость изменения писцовых описаний.

Главная задача межевания 1765 г. состояла в регистрации казенных и других земельных владений. На каждый уезд составлялись межевые книги и планы с указанием землевладельцев, местоположения и общего количества земель, их распределения по угодьям и составлением перечня угодий по провинциям и губерниям. К планам прилагались алфавитные реестры с характеристикой землевладений и отражением проведенных измерений. Кроме того, при межевании составлялись экономические описания, содержащие сведения о качестве пахотных земель. При Екатерине II (годы правления 1762–1796) манифестом от 5 марта 1765 г. основания межевых работ были пересмотрены. С целью облегчения процедуры и сокращения конфликтов между владельцами оно вновь получило статус Генерального межевания. Межевание проводилось «по настоящим границам… владений». Землеустроителям предписывалось «только межевать и класть на карты земли каждого владения», они уже не занимались ревизией владельческих прав, ограничиваясь фиксацией земельных участков в натуре. В ходе данных работ устанавливались границы населенных пунктов (городов, сел, деревень), а также пустошей «к их собственным названиям», чем подтверждалось точность и объективность учета российских земель.

Во второй половине XVIII века завершилось формирование сословной системы землевладения и землепользования в России. Для достижения фискальных целей государство опиралось на традиционную форму крестьянской организации – деревенскую (сельскую, крестьянскую, поземельную) общину, которая помимо социально-защитных и хозяйственных функций начала выполнять функции разверсточной единицы. Несение налогового тягла уже непосредственно увязывалось с наличием у крестьянской семьи участка в общинном землевладении.

В годы правления Павла I (1796–1855 гг.) была введена свободная купля- продажа земли, а также впервые устанавливался дифференцированный подход к податям («оброчным доходам») для различных местностей «по свойству земли, изобилию в ней и способам для обитателей к работам и с промыслами их». Основанием для определения размера подати становились учетные данные о количестве и качестве

[1] Корнилова Н.В. Понятие и признаки недвижимых вещей / Н.В. Корнилова // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке. 2006. № 6.

[2] Герман И.Е. История русского межевания / И.Е. Герман. М.: Типолит. В. Рихтер, 1907.

земли, а также размер доходов. Важнейшим в земельной реформе 1861 г. было то, что крестьянин признавался субъектом права собственности на землю.

На рубеже XVIII–XIX веков учет и землеописания неразрывно связаны с проведением оценочных работ. Широкое распространение получила оценка земли при совершении операций купли-продажи сельских дворянских имений и загородных домовладений, при наследовании, разделе и залоге земли. Переоценка (и, следовательно, обновление учетных данных о землеописаниях) осуществлялась с периодичностью в 10 лет.

Кодификационная работа была поручена Розенкампфу, но в 1808 г. в состав комиссии вошел товарищ министра юстиции М.М Сперанский. Он начал с преобразования комиссии, которая была разделена на Совет, правление и группу юрисконсультов. М.М Сперанский стал секретарем правления. С 1810 года он становится директором комиссии.

В 1833 году М.М. Сперанским была составлена и выпущена грандиозная работа под названием «Свод законов Российской Империи», которая была введена в действие как источник права манифестом Николая II в 1835 году и просуществовал 80 с лишним лет. Он олицетворял следующий этап развития гражданского законодательства этого периода. Данный исторический документ содержал описательное определение недвижимых вещей: «недвижимыми имуществами признаются по закону земли и всякие угодья, дома, заводы, фабрики, лавки, всякие строения и пустые дворовые места (а), а также железные дороги; дома и всякого рода строения, хотя бы возведенные и на чужой (частной, общественной или казенной) земле, признаются имуществом недвижимым; земли, а также строения или сооружения, неподвижно к земле прикрепленные, как-то: дома, заводы, фабрики, мосты, плотины»[1].

Необходимые сведения о земле содержались в «Поземельной книге» и «Межевой книге». В «Межевой книге» описывали границы землевладений и отражали происходящие изменения в размещении границ между землевладениями, связанные с куплей-продажей части владения. В «Поземельной книге» фиксировали обладателей прав на землевладения и отражали сведения о совершаемых с землей сделках. Государство, имея такие сведения, могло выполнять фискальную функцию, а землевладельцы могли защищать в суде свои права и решать межевые споры.

Основным препятствием к образованию единоличных хозяйств (отрубов и хуторов) в центрально-черноземных районах оставалось малоземелье, поскольку в отличие от реформы 1861 г. не были учтены региональные особенности России, а первая мировая война еще более усугубила ситуацию.

После 1917 г. земельные отношения в России очень резко изменились. Результаты эволюционно развивающейся цивилистики были «хирургически» удалены из российского законодательства после революции.

Одновременно с этим она фактически перестала являться объектом налогообложения. В связи с этим отпала и необходимость в Межевой и Поземельной книгах. В тоже время государство нуждалось в сведениях о земле. Эта потребность определялась построением в СССР плановой экономики. Эта же потребность определила и состав сведений «доперестроечного» Земельного кадастра и порядок его ведения.

Одним из первых законодательных актов о земле был Декрет ВЦИК от 9 февраля 1918 г. «О социализации земли»[2], провозгласивший всенародную собственность на землю. Положениями ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «О социалистическом землеустройстве»[3] была введена процедура составления волостных карт и земельных списков. Волостные карты представляли собой прообраз кадастровой карты, а земельные списки – аналог реестра прав.

Земельный кодекс РСФСР 1922 г. закрепил государственную собственность на землю и включил в себя положения о праве граждан на трудовое землепользование[4].

Отдельно Земельный кодекс РСФСР 1922 г. закрепил вопросы земельного кадастра и регистрации. Государственная регистрация разделялась на основную (первоначальный учёт) и текущую (мониторинг изменений).

В 1931 г. Наркомзем СССР принял постановление «О проведении земельной инвентаризации», в 1933 г. вышла Инструкция по учёту земель, вводившая карточную систему учёта земель.

С 1935 г. районные исполкомы советов стали выдавать акты о предоставлении земель в бессрочное пользование. Юридическая конструкция бессрочного пользования была создана, дабы закрепить за гражданами земли, сохраняя при этом государственную собственность на землю. Кроме того, с начала 30-х гг. XX в. в колхозах и совхозах были введены книги учёта полей, в которых указывались не только количественные свойства земель, но и качественные (урожайность, свойства почв)[5].

На первых порах (1917–1920) главным было проведение земельных преобразований, изложенных в декретах «О земле», «О социализации земли». Необходимо было выявить и учесть все земли, подлежащие конфискации и передаче трудящемуся крестьянству, а также участки, на которых могли быть организованы совхозы и коллективные хозяйства.

В это время Наркоземом РСФСР были утверждены Инструкция по учету земель и Инструкция о формах и порядке производства государственной записи землепользовании. Важное значение в улучшении регистрации землепользовании и учета земель имели работы по выдаче колхозам государственных актов на вечное пользование землей и по внутреннему землеустройству, проводившиеся в 1935–1938 гг.

После Великой Отечественной войны сведения земельного кадастра вновь стали востребованными: шёл процесс восстановления народного хозяйства, оценка ущерба, нанесённого угодьям, усилился контроль за оборотом государственного имущества. С 1949 г. кадастр земель был представлен государственной Книгой учёта земель совхозов, отчётностью о распределении земель совхозов по угодьям и отчётностью о состоянии земель.

Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания» на землях колхозов была введена специальная земельно-учетная документация: в колхозах – Земельная шнуровая книга, в административных районах – Государственная земельная книга регистрации земель.

Кадастр советского периода, установленный Законом СССР от 13.12.1968 «Об утверждении основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик», представлял собой сведенные в единую книгу таблицы дифференцированных по пользователям сведений о качественных характеристиках земель России.

Основой ведения кадастра являлась развернутая система регулярно проводившихся за счет государственных средств обследований земель сельскохозяйственного назначения и лесного фонда, а также осуществлявшаяся с 1955 года регистрация землепользований (постановление Совета Министров СССР от 31.12.1954 № 2529).

Сведения о землях промышленности и территориях городов и других населенных пунктов (в силу их малого влияния на планирование промышленного и сельскохозяйственного производства) приводились в кадастре укрупнено и недостаточно объективно.

В 1970 г. принимается Земельный кодекс РСФСР на основе «Основ земельного законодательства» 1968 года. Земельный кодекс РСФСР 1970 г. вводит категоризацию земель[6].

Кадастровые документы создаются в виде государственных актов о праве на землю, учётных списков землепользователей, земельно-кадастровых книг предприятий, а также в виде картографических материалов.

Одним из нормативных актов, определявших правила ведения земельного кадастра, являлось Положение о порядке ведения государственного земельного кадастра, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 10.06.1977 № 501.

Основными документами кадастра являлись земельно-кадастровая книга юридического лица – пользователя земли, государственная земельно-кадастровая книга района (города), государственный земельный кадастр области, края и т.д., государственный земельный кадастр СССР. Получение сведений о землях, предоставленных пользователям и владельцам, обеспечивалось принятой системой распоряжения землей. Любой переход права конкретных лиц на землю осуществлялся путем изъятия земельных участков целиком или их отдельных частей у одних лиц и предоставления их другим на основании решений органов власти. Такие решения закреплялись, как правило, государственными актами на право владения или пользования землей.

[1] Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / Составил И.М. Тютрюмов. сер. Классика российской цивилистики. Кн. 2. М.: Статут, 2004. С. 23.

[2] О социализации земли: декрет ВЦИК от 09.02.1918 г. // Справ.-правовая система «Гарант». (Утратил силу).

[3] О социалистическом землеустройстве: положение Всероссийского центрального исполнительного комитета от 14.02.1919 г. // Известия ВЦИК. 1919. № 34. (Утратил силу).

[4] О социалистическом землеустройстве: положение Всероссийского центрального исполнительного комитета от 14.02.1919 г. // Известия ВЦИК. 1919. № 34. (Утратил силу).

[5] Варламов А.А. Земельный кадастр / А.А. Варламов. М.: КолосС, 2006.

[6] О введении в действие Земельного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 30.10.1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 68.

Совокупность этих Актов (т.е. «необходимых» документов о земле) являлась второй составной частью земельного кадастра.

На этапе «перестройки» земельные отношения в России претерпевали значительные изменения. Земля вновь становилась объектом гражданского оборота и объектом налогообложения. Распоряжение землей (т.е. переход прав на целые земельные участки или их отдельные части от одних землевладельцев к другим) осуществляется по воле этих лиц без издания нормативных актов органов власти. Это приводит к тому, что органы местной и государственной власти не располагают информацией фискального характера о земле и не могут правильно исчислять и собирать плату за землю. Резко активизировался оборот очень большого числа мелких земельных участков, переданных в собственность гражданам для ведения садоводства и индивидуального жилищного строительства. Стали возникать межевые споры, которые невозможно разрешить цивилизованным путем из-за отсутствия в Земельном кадастре сведений о местоположении на местности границ, разделяющих смежные земельные участки.

После принятия Закона от 6 марта 1990 г. «О собственности в СССР»[1] земля становится объектом частных гражданских правоотношений. Переход прав на объекты недвижимого имущества стал осуществляется более активно. Данный процесс уже не требует во всех случаях издания акта публичной власти. Это привело к тому, что органы местной и государственной власти перестали располагать полной информацией об объектах недвижимого имущества, что затруднило земельный контроль и земельное налогообложение. Стали возникать споры о границах, которые невозможно было разрешить из-за отсутствия в государственном земельном кадастре сведений о местоположении на местности границ, разделяющих смежные земельные участки.

Данная ситуация создала предпосылки для возникновения необходимости фиксировать границы земельных участков на государственном уровне. Перечисленные изменения нашли отражение при реализации Федерального закона от 2 января 2000 г. № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре»[2].

Целью данного Закона было осуществление последовательных действий по сбору, документированию, накоплению, обработке, учёту и хранению сведений о земельных участках.

В состав сведений государственного земельного кадастра входили сведения о земельных участках, территориальных зонах, землях и границах территорий муниципальных образований, субъектов Российской Федерации.

Согласно ст. 13 Федерального закона «О государственном земельном кадастре», документы государственного земельного кадастра подразделялись на основные, вспомогательные и производные документы. К основным документам государственного земельного кадастра относились Единый государственный реестр земель, кадастровые дела и дежурные кадастровые карты (планы). К вспомогательным документам государственного земельного кадастра относились книги учёта документов, книги учёта выданных сведений и каталоги координат пунктов опорной межевой сети.

К производным документам – документы, содержащие перечни земель, находящихся в собственности Российской Федерации, собственности субъектов Российской Федерации, собственности муниципальных образований, доклады о состоянии и об использовании земельных ресурсов, статистические отчёты, аналитические обзоры, производные кадастровые карты (планы), иные справочные и аналитические документы.

В марте 2004 г. Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» Федеральная служба земельного кадастра России была преобразована в Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости (Роснедвижимость)[3].

В 2007 г. принимается Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости»[4].

Главное его отличие от ранее действовавшей нормативно-правовой базы государственного кадастра заключается в том, что учёту стали подлежать не только земельные участки, но и здания, строения и сооружения.

Только через 17 лет после возврата к частной собственности на землю на административном уровне был отражён гражданско-правовой принцип единства судьбы земельных участков и расположенных на них объектах недвижимого имущества.

С 1 января 2017 г. вступил в силу Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон № 218-ФЗ)[5]. Одновременно Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 361-ФЗ[6](далее – Закон № 361-ФЗ) лишил силы нормы Закона о регистрации № 122-ФЗ, за исключением положений о выплате компенсаций добросовестным приобретателям за счёт казны Российской Федерации (ст. 31.1).

Они утрачивают силу 1 января 2020 г., что явно обусловлено трёхлетним сроком исковой давности, исчисляемым с моменты утраты силы остальных положений Закона 1 января 2017 года. Кроме этого, Закон № 361-ФЗ преобразует Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» в Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности».

Из прежней редакции законодатель убирает все нормы гражданско-правового характера, касающиеся порядка образования недвижимости как объектов гражданских прав и осуществления кадастрового учёта, и переносит их в новый Федеральный закон № 218-ФЗ.

В новой редакции Закона о кадастре № 221-ФЗ остаются правила осуществления кадастровой деятельности, требования к организации деятельности кадастровых инженеров и их саморегулируемых организаций.

Главной идей законодателя стало формирование единого реестра – ЕГРН, который заменил собой реестр объектов недвижимости (КН) и реестр прав (РП). Цель данной реформы – создание единого подхода к формированию единого государственного реестра недвижимого имущества, который бы включал в себя как сведения о количественных и качественных характеристиках недвижимого имущества, так и актуальные сведения о правах на него.

Вместе с тем сохраняются два вида регистрационных процедур в отношении недвижимого имущества: государственная регистрация прав (юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определённого лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества) и кадастровый учёт недвижимого имущества (внесение в Единый государственный реестр недвижимости сведений о земельных участках, зданиях, сооружениях, помещениях, машиноместах, об объектах незавершённого строительства, о единых недвижимых комплексах, а в случаях, установленных федеральным законом, и об иных объектах, прочно связанных с землёй, которые подтверждают существование такого объекта недвижимости с характеристиками, позволяющими определить его в качестве индивидуально-определённой вещи, или подтверждают прекращение его существования).

Статья 7 Закона № 218-ФЗ даёт представление о составе нового единого реестра. ЕГРН представляет собой свод достоверных систематизированных сведений и состоит из реестра объектов недвижимости (кадастр недвижимости); реестра прав, ограничений прав и обременений недвижимого имущества (реестр прав); реестра сведений о границах зон с особыми условиями использования территорий; реестровых дел; кадастровых карт; книг учёта документов. Кадастр недвижимости в составе ЕГРН является аналогом прежнего государственного кадастра недвижимости, а реестр прав на недвижимость – аналогом прежнего ЕГРП. Частью 6 ст. 72 Закона № 218-ФЗ определено, что с 1 января 2017 г. сведения ЕГРП и КН считаются сведениями, содержащимися в ЕГРН и не требующими дополнительного подтверждения.

Предложенное в настоящей статье исследование позволяет сделать вывод о ходе развития реестрового права в России, от «песцовых книг» до ведения современных реестров, а также изменения правового подхода к понятиям «объект учета» и «объект регистрации» с течением времени.

Литература

1. Батыр К.И. Всеобщая история государства и права / К.И. Батыр. М.: Былина, 1998.

2. Варламов А.А. Земельный кадастр / А.А. Варламов. М.: КолосС, 2006.

3. Герман И.Е. История русского межевания / И.Е. Герман. М.: Типолит. В. Рихтер, 1907.

[1] О собственности: закон СССР от 06.03.1990 г. № 1305–1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 11. Ст. 164. (Утратил силу).

[2] О государственном земельном кадастре: федер. закон от 02.01.2000 г. № 28-ФЗ // Российская газета. 2000. № 5. (Утратил силу).

[3] О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти указ Президента РФ от 09.03.2004 г. № 314 // Российская газета. 2004. № 50.

[4] О государственном кадастре недвижимости: федер. закон от 24.07.2007 г. № 221-ФЗ (в ред. от 01.05.2016 г. № 119-ФЗ) // Российская газета. 2007. № 165. (Утратил силу)

[5] О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ // Российская газета. 2015. № 156.

[6] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: федер. закон от 03.07.2016 г. № 361-ФЗ // Российская газета. 2016. № 151.

4. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В.И. Гурко. М.: Новое лит. обозрение, 2000.

5. Иоффе О.С. Гражданское право. Избранные труды / О.С. Иоффе. М.: Статут, 2003.

6. Корнилова Н.В. Понятие и признаки недвижимых вещей / Н.В. Корнилова // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке. 2006. № 6.

7. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права / И.Б. Новицкий. М., 2000.

8. Неволин К.А. История российских гражданских законов / К.А. Неволин. М.: Статут, 2006. Ч. 2.

9. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть. Вотчинные права / К.П. Победоносцев. М.: Статут, 2002.

10. Тюрюмов И.М. Законы гражданские. С разъяснениями правительствующего сената и комментариями русских юристов. Книга вторая / И.М. Тюрюмов. М: Статут. 2004.

11. Чистяков О.И. Отечественное законодательство XI–XX веков / О.И. Чистяков. М.: Юристъ, 1999. Ч. 1.

12. О социализации земли: декрет ВЦИК от 09.02.1918 г. // Справ.-правовая система «Гарант». (Утратил силу).

13. О социалистическом землеустройстве: положение Всероссийского центрального исполнительного комитета от 14.02.1919 г. // Известия ВЦИК. 1919. № 34. (Утратил силу).

14. О введении в действие Земельного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 30.10.1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 68. (Утратил силу).

15. Общие начала землепользования и землеустройства: постановление ЦИК СССР от 15.12.1928 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. № 292. (Утратил силу).

16. Об утверждении основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик от 13.12.1968 г. № 3401-VII // Ведомости ВС СССР. 1968. № 51. Ст. 485. (Утратил силу).

17. Земельный кодекс РСФСР: закон от 1.08.1970 г. // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 4. С. 37. (Утратил силу).

18. О собственности: закон СССР от 06.03.1990 г. № 1305–1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 11. Ст. 164. (Утратил силу).

19. О государственном земельном кадастре: федер. закон от 02.01.2000 г. № 28-ФЗ // Российская газета. 2000. № 5. (Утратил силу).

20. О государственном кадастре недвижимости: федер. закон от 24.07.2007 г. № 221-ФЗ (в ред. от 01.05.2016 г. № 119-ФЗ) // Российская газета. 2007. № 165. (Утратил силу)

21. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: федер. закон от 21.07.1997 г. № 122-ФЗ // Российская газета. 1997. № 145.

22. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ // Российская газета. 2015. № 156.

THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF REGISTRY LAW IN RUSSIA

Nikandrov E.A.
TLG Transoil

The article examines the evolution of registry law in Russia, from the first attempts to systematize real estate rights to the formation of a unified system of accounting and registration.

Keywords: Registry law/ system of registration of real estate rights/ legal system.

References

1. Batyr K.I. General History of the State and Law / K.I. Batyr. Moscow: Bylina, 1998.

2. Varlamov A.A. Land Cadastre / A.A. Varlamov. Moscow: KolosS, 2006.

3. German I.E. History of Russian Land Surveying / I.E. German. Moscow: Tipolit. V. Richter, 1907.

4. Gurko V.I. Features and Silhouettes of the Past. Government and Public during the Reign of Nicholas II as Portrayed by a Contemporary / V.I. Gurko. Moscow: Novoye Literary Obozrenie, 2000.

5. Ioffe O.S. Civil Law. Selected Works / O.S. Ioffe. M.: Statut, 2003.

6. Kornilova N.V. Concept and Features of Immovable Property / N.V. Kornilova // Economic Justice in the Far East. 2006. № 6.

7. Novitsky I.B. Fundamentals of Roman Civil Law / I.B. Novitsky. Moscow, 2000.

8. Nevolin K.A. History of Russian Civil Laws / K.A. Nevolin. Moscow: Statut, 2006. Part 2.

9. Pobedonostsev K.P. Course in Civil Law. Part I. Patrimonial Rights / K.P. Pobedonostsev. Moscow: Statut, 2002.

10. Tyuryumov I.M. Civil Laws. With Explanations of the Governing Senate and Comments of Russian Lawyers. Book Two / I.M. Tyuryumov. Moscow: Statut. 2004.

11. Chistyakov, O.I. Domestic Legislation of the 11th-20th Centuries / O.I. Chistyakov. Moscow: Jurist, 1999. Part 1.

12. On the Socialization of Land: Decree of the All-Russian Central Executive Committee of February 9, 1918 // Reference and Legal System «Garant». (No longer in effect).

13. On Socialist Land Management: Regulation of the All-Russian Central Executive Committee of February 14, 1919 // Izvestiya of the All-Russian Central Executive Committee. 1919. № 34. (No longer in effect).

14. On the Entry into Force of the Land Code of the RSFSR: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of October 30, 1922 // SU RSFSR. 1922. № 68. (No longer in effect).

15. General principles of land use and land management: Resolution of the Central Executive Committee of the USSR of 15.12.1928 // Bulletin of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee. 1928. № 292. (No longer in effect).

16. On approval of the fundamentals of land legislation of the USSR and the Union republics of 13.12.1968, № 3401-VII // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1968. № 51. Art. 485. (No longer in effect).

17. Land Code of the RSFSR: Law of 1.08.1970 // Code of Laws of the RSFSR. 1988. Vol. 4. P. 37. (No longer in effect).

18. On Property: Law of the USSR of March 6, 1990, № 1305–1 // Vedomosti SND SSSR and VS USSR. 1990. № 11. Art. 164. (No longer in effect).

19. On the State Land Cadastre: Federal Law of January 2, 2000, № 28-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2000. № 5. (No longer in effect).

20. On the State Real Estate Cadastre: Federal Law of July 24, 2007, № 221-FZ (as amended on May 1, 2016, № 119-FZ) // Rossiyskaya Gazeta. 2007. № 165. (No longer in effect)

21. On state registration of rights to real estate and transactions therewith: federal law of 21.07.1997 № 122-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 1997. № 145.

22. On state registration of real estate: federal law of 13.07.2015 № 218-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2015. № 156.

Проблема квалификации правовой природы цифровых прав и их положение в системе объектов гражданского права Российской Федерации

Михайлинский Глеб Олегович,
аспирант, Юридический институт Сибирского федерального университета, кафедра гражданского права
E-mail: gmikhaylinskiy-yy19@stud.sfu-kras.ru

В статье исследуется проблема определения правовой природы цифровых прав и их места в системе объектов гражданских прав России. Анализируется действующее законодательство и основные доктринальные подходы к пониманию цифровых прав. Обосновывается вывод о том, что на современном этапе цифровые права следует рассматривать преимущественно как способ фиксации уже известных субъективных прав, однако появление объектов, существующих исключительно в киберпространстве (например, криптовалюта), может потребовать выработки новых подходов.

Ключевые слова: цифровые права, объекты гражданских прав, способ фиксации прав, имущественные права, токен, криптовалюта, субъективное право,

Анализ действующего законодательства (de lege lata)

Действующее гражданское законодательство относит цифровые права к категории объектов гражданских прав, помещая их в один перечень с безналичными денежными средствами, цифровым рублём и бездокументарными ценными бумагами. Указанные объекты, согласно ст. 128 ГК РФ, охватываются родовым понятием «иное имущество» и конкретизируются через категорию имущественных прав. Из ст. 141.1 ГК РФ следует, что под цифровым правом понимаются обязательственные или иные права, прямо поименованные в законе в качестве таковых [1].

При обращении к истории вопроса заметно, что при подготовке изменений в главу 6 ГК РФ разработчики сознательно отказались от использования термина «токен», который не имеет устоявшегося юридического содержания, хотя и широко применяется в практическом обороте и законодательстве ряда государств, включая страны СНГ. В пояснительной записке к законопроекту № 424632–7 подчёркивалось, что предлагаемое понятие «цифровое право» в большей степени соответствует традициям отечественного правопорядка [2].

Показательно, что в процессе обсуждения проекта Федерального закона № 34-ФЗ эксперты неоднократно возвращались к вопросу о сущности цифровых прав. Так, председатель комитета Государственной Думы П.В. Крашенинников в своём докладе на VIII международной научно-практической конференции «Гражданское право России. Итоги года» сформулировал ключевую дилемму: представляют ли собой цифровые права принципиально новый объект либо лишь новую форму фиксации уже известных прав? [3]

Основные доктринальные направления

Цифровые права как способ фиксации (удостоверения) имущественных прав

В рамках данного подхода большинство цивилистов не признают за цифровыми правами качества самостоятельной разновидности субъективных прав, которые могли бы быть поставлены в один ряд с вещными, обязательственными, корпоративными, личными или исключительными правами. Сторонники этой концепции, вопреки буквальному тексту закона, либо вовсе отрицают за цифровыми правами статус объекта гражданских прав, либо рассматривают законодательное решение как применение юридической фикции, позволяющей распространить правовой режим объекта на иное явление – способ фиксации права [4].

Например, С.В. Сарбаш, критически оценивая новеллы ГК РФ, иллюстрирует свою позицию следующим образом: если право собственности на недвижимость будет учитываться в информационной системе, содержание правомочий собственника (владение, пользование, распоряжение) останется неизменным согласно ст. 209 ГК РФ. Аналогичный тезис он применяет к отношениям по поводу безналичных денежных средств: клиент банка сохраняет возможность давать распоряжения, а банк – обязанность их исполнять независимо от того, осуществляется ли взаимодействие через информационную систему [5]. Следовательно, существо правоотношения не трансформируется.

Схожую позицию занимает Е.А. Суханов, указывая, что фиксация имущественных прав в цифровой форме не изменяет их гражданско-правовой природы; цифровой становится не само субъективное право, а лишь форма его закрепления и, как следствие, способы его осуществления [6].

К числу приверженцев данного направления можно отнести таких авторов, как М.А. Рожкова, Л.Ю. Василевская, Е.Н. Абрамова и др.

Анализ работ указанных учёных позволяет выделить следующие основные аргументы в поддержку данной позиции:

• Содержание права не претерпевает изменений при его «помещении» в информационную систему. Как отмечает С.А. Синицын, конструирование нового типа субъективных прав должно основываться на выявлении их уникальных характеристик, чего в случае с цифровыми правами не наблюдается [7].

• Легальная дефиниция (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ) говорит об «обязательственных и иных» правах, осуществление которых возможно только в цифровой среде. Это порождает вопрос, сформулированный

М.А. Рожковой: допустимо ли исполнение обязательства, удостоверенного цифровым правом, за пределами информационной системы, или же оно должно совершаться исключительно в ней, поскольку является стадией осуществления права? [8]

• Категория субъективного права, традиционно понимаемая как мера возможного поведения, с трудом применима к алгоритмизированной среде, где действия участников сводятся к выполнению заранее заданных транзакций. В этой связи Л.Ю. Василевская обращает внимание на то, что в цифровом пространстве сложно говорить о классическом субъективном праве, так как поведение жёстко детерминировано программным кодом [9].

Завершая обзор, следует констатировать, что значительная часть авторов либо присоединяется к мнению признанных учёных, либо воспринимает тезис о фиксационной природе цифровых прав как аксиому. Такое положение дел объясняется тем, что бремя доказывания качественно новой правовой природы лежит на сторонниках противоположной точки зрения.

Цифровое право как самостоятельное субъективное право или особый объект

В рамках альтернативного подхода высказываются идеи о необходимости принципиального пересмотра устоявшихся представлений о системе права. Так, В.С. Белых формулирует ряд положений, которые можно охарактеризовать как революционные [10]:

• Постановка вопроса об отнесении цифрового права к той или иной традиционной категории теряет смысл под влиянием развития естественных и технических наук.

• Цифровое право обладает иной юридической природой, представляя собой не просто совокупность норм, ответвившихся от «материнских» отраслей, а принципиально иной способ формирования нормативности.

• Развитие технологий способно привести к фундаментальной трансформации самого феномена права, его содержания и механизма действия.

В.В. Кресс, анализируя законодательное определение, приходит к выводу, что цифровые права, не являясь вещами, занимают в системе объектов гражданского права самостоятельное место наряду с вещными, обязательственными и исключительными правами [11]. Ключевой признак цифрового права – зависимость его содержания и существования от правил информационной системы, а также автоматизированный характер осуществления – позволяет, по мнению автора, говорить о качественно новом явлении, порождающем правоотношения, невозможные в «физическом» мире.

Впрочем, стоит заметить, что само понятие правоотношения является идеальной конструкцией, созданной доктриной для описания реальных связей.

Особого внимания заслуживает позиция Л.Г. Ефимовой, которая предлагает классификацию цифровых объектов в зависимости от соотношения реального объекта и его цифрового аналога (токена) в распределённом реестре.

В первой группе примеров (например, реестр Everlenger для учёта прав на бриллианты) токен выступает способом фиксации в киберпространстве права на объект материального мира. Л.Г. Ефимова полагает, что в этом случае токен сам становится объектом гражданского права, выполняя функцию, аналогичную легитимационному знаку. При этом остаётся неясным, как разрешать коллизию между владельцем токена и владельцем самого бриллианта в случае их несовпадения.

Во вторую группу попадают объекты, не имеющие аналога в реальном мире, например, криптовалюта. Фиксация такого токена за определённым лицом с помощью криптографического ключа, по мнению Л.Г. Ефимовой, порождает абсолютное правоотношение между правообладателем и всеми третьими лицами. Поскольку данный объект не является вещью, возникающее право не может быть квалифицировано как право собственности, однако сам токен (криптоактив) выступает объектом гражданского права [12].

Заключение

Представляется, что на современном этапе развития доктрины и законодательства более обоснованной выглядит позиция, согласно которой цифровые права представляют собой не новый вид субъективных прав, а лишь особый способ фиксации традиционных имущественных прав. Авторы, придерживающиеся иного мнения, либо вкладывают в понятие цифровых прав более широкое содержание, нежели законодатель (как Л.Г. Ефимова), либо не приводят убедительной аргументации в пользу существования принципиально нового субъективного права (как В.В. Кресс). Само по себе появление отдельной нормы в ГК РФ не трансформирует природу явления; законодатель не властен произвольно изменять содержание объективной правовой действительности. Многие правовые феномены (например, секундарные права) существуют и успешно применяются, не имея прямого законодательного закрепления в качестве самостоятельных объектов.

В этой связи уместно вспомнить мысль дореволюционного цивилиста А.А. Пиленко о том, что неразвитое юридическое мышление стремится подвести любое новое явление под уже известные категории [13]. Однако, как ни парадоксально, именно такой подход представляется наиболее оправданным применительно к цифровым правам. Более логичным было бы размещение норм о них в разделе, посвящённом форме сделок, на что обращает внимание Е.А. Суханов.

Иная ситуация складывается с объектами, которые существуют исключительно в киберпространстве и не имеют аналогов в физическом мире (например, криптовалюта). Здесь мы действительно можем столкнуться с необходимостью признания новых видов имущественных прав.

В завершение отметим, что наделение способа фиксации прав режимом объекта гражданского оборота не является беспрецедентным для отечественного правопорядка. Ценные бумаги исторически выполняли функцию своеобразной «оболочки» для прав, удостоверяя их и обеспечивая их оборот. Вопрос об оправданности такого подхода в контексте цифровых прав выходит за рамки настоящего исследования и требует отдельного анализа.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 частях. Часть 1: Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru.

2. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: Пояснительная записка к проекту федерального закона N 424632–7 [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 25.02.2026)

3. VIII ежегодная международная научно-практическая конференция «Гражданское право России: итоги года» [электронный ресурс]. URL: https://privlaw.ru/videos/? ELEMENT_ID=3273

4. Абрамова Е.Н. К вопросу о понятии цифрового права как объекта гражданских прав / Е.Н. Абрамова // Юрист. – 2023. – № 1.

5. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. Новоселова, А. Габов, А. Савельев, А. Генкин, С. Сарбаш, А. Асосков, А. Семенов, Р. Янковский, А. Журавлев, А. Толкачев, А. Камелькова, М. Успенский, Р. Крупенин, В. Кислый, М. Жужжалов, В. Попов, М. Аграновская // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.

6. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6.

7. Синицын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук / Синицын Сергей Андреевич; ИЗиСП. – Москва. 2017. – 61 с.

8. Рожкова М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве / М.А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 10. URL: https://rozhkova.com

9. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л.Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5.

10. Цифровое право: учебник / Под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – Москва: Проспект, 2020. URL: https://ligben.st. 1

11. Кресс В.В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота / Кресс В.В. // Журнал российского права. – 2022. – № 4.

12. Ефимова Л.Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства / Л.Г. Ефимова // Банковское право. – 2021. – № 5.

13. Пиленко А.А. Право изобретателя. Т. 2 С.-Пб., 1903 С. 590.

THE PROBLEM OF QUALIFICATION OF THE LEGAL NATURE OF DIGITAL RIGHTS AND THEIR POSITION IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Mikhailinsky G.O.
Siberian Federal University Law Institute

The article examines the problem of determining the legal nature of digital rights and their place in the system of objects of civil rights in Russia. The current legislation and the main doctrinal approaches to understanding digital rights are analyzed. The conclusion is sub-

stantiated that at the present stage digital rights should be considered primarily as a way of fixing already known subjective rights, however, the appearance of objects existing exclusively in cyberspace (for example, cryptocurrency) may require the development of new approaches.

Keywords: digital rights, objects of civil rights, method of fixing rights, property rights, token, cryptocurrency, subjective law.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. In 4 parts. Part 1: Federal Law of 30.11.1994 N 51-FZ [electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru.

2. On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation: Explanatory Note to Draft Federal Law N 424632–7 [electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru. (date of access: 25.02.2026)

3. VIII Annual International Scientific and Practical Conference «Civil Law of Russia: Results of the Year» [electronic resource]. URL: https://privlaw.ru/videos/? ELEMENT_ID=3273

4. Abramova E.N. On the Concept of Digital Law as an Object of Civil Rights / E.N. Abramova // Jurist. – 2023. – № 1.

5. Digital rights as a new object of civil law / L. Novoselova, A. Gabov, A. Savelyev, A. Genkin, S. Sarbash, A. Asoskov, A. Semenov, R. Yankovsky, A. Zhuravlev, A. Tolkachev, A. Kamelkova, M. Uspensky, R. Krupenin, V. Kisly, M. Zhuzhalov, V. Popov, M. Agranovskaya // Law. 2019. № 5. pp. 31–54.

6. Sukhanov E.A. On the civil legal nature of «digital property» / E.A. Sukhanov // Bulletin of civil law. – 2021. – № 6.

7. Sinitsyn S.A. General Doctrine of Absolute and Relative Subjective Civil Rights: specialty 12.00.03 – civil law; business law; family law; private international law: abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Law / Sergey Andreevich Sinitsyn; IZiSP. – Moscow. 2017. – 61 p.

8. Rozhkova M.A. Digital Rights: Public Law Concept and Concept in Russian Civil Law / M.A. Rozhkova // Business and Law. – 2020. – № 10. URL: https://rozhkova.com

9. Vasilevskaya L. Yu. Token as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification of Digital Law / L. Yu. Vasilevskaya // Actual Problems of Russian Law. – 2019. – № 5.

10. Digital Law: textbook / Under the general editorship of V.V. Blazheeva, M.A. Egorova. – Moscow: Prospect, 2020. URL: https://ligben.st. 1

11. Kress V.V. Digital rights as objects of civil rights: legal regulation and development prospects in the context of digitalization of civil circulation / Kress V.V. // Journal of Russian Law. – 2022. – № 4.

12. Efimova L.G. Digital assets and rights to them in the context of changes in civil and banking legislation / L.G. Efimova // Banking law. – 2021. – № 5.

13. Pilenko A.A. Inventor's Right. Vol. 2 St. Petersburg, 1903, p. 590.

Освобождение гражданина от обязательств по завершении процедуры реализации имущества

Михайлов Максим Сергеевич,
аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва
E-mail: m23aks@yandex.ru

В статье исследуется правовой механизм освобождения гражданина от обязательств по завершении процедуры реализации имущества в деле о банкротстве. Анализируется правовая природа данного института и его место в системе целей регулирования несостоятельности граждан. Рассматриваются условия применения освобождения от долгов и пределы его использования как завершающего элемента процедуры банкротства. Особое внимание уделяется основаниям отказа в освобождении гражданина от обязательств и проблемам их применения, связанным с оценкой добросовестности поведения должника. Обосновывается необходимость разграничения недобросовестности и неразумности финансового поведения гражданина при возникновении задолженности. Выявлены проблемы неопределенности законодательных критериев недобросовестного поведения должника и связанные с этим сложности правоприменения. Сделан вывод о необходимости уточнения нормативных оснований отказа в освобождении от обязательств и закрепления в законодательстве ориентиров для оценки поведения должника, позволяющих обеспечить баланс интересов кредиторов и гражданина-должника.

Ключевые слова: банкротство граждан, несостоятельность, реализация имущества, освобождение от обязательств, списание долгов

Вопрос об освобождении гражданина от обязательств по завершении процедуры реализации имущества требует рассмотрения в более широкой системе целей и конструкций института банкротства граждан. Само по себе завершение процедуры реализации имущества означает исчерпание имущественного потенциала должника, который может быть использован для удовлетворения требований кредиторов.

Однако правовое значение данной стадии не ограничивается распределением конкурсной массы. Ее завершение одновременно открывает возможность прекращения дальнейшего существования непогашенных обязательств, что придает процедуре банкротства выраженную реабилитационную направленность. Как указывает Д.С. Буз, «институт банкротства предусмотрен исключительно для добросовестных должников» [2, с. 28].

Развитие института несостоятельности граждан изначально сопровождалось поиском баланса между двумя разнонаправленными задачами. С одной стороны, процедура банкротства призвана обеспечить максимально возможное удовлетворение требований кредиторов за счет имущества должника. С другой стороны, она предполагает восстановление экономической самостоятельности гражданина, оказавшегося в состоянии устойчивой неплатежеспособности. Как указывают Н.И. Проскурин и С.В. Шиманская, «в целях стабилизации гражданского оборота в рамках правовой конструкции освобождения гражданина от исполнения обязательств законодателем установлен ряд ограничений, направленных в первую очередь на недопущение злоупотребления механизмами банкротства» [6, с. 137].

В условиях, когда имущественная база должника оказывается исчерпанной, дальнейшее сохранение обязательств утрачивает экономический смысл. Отсутствие возможности исполнения превращает обязательственное бремя в фактор долговременной социальной и экономической маргинализации лица, что противоречит логике современного регулирования несостоятельности.

В этой связи освобождение гражданина от обязательств после завершения процедуры реализации имущества выступает специфическим юридическим механизмом завершения банкротства. Его применение означает прекращение обязательственных связей, возникших до возбуждения дела о несостоятельности, за исключением требований, которые по своей природе не допускают прекращения вследствие банкротства. Тем самым законодатель формирует особый способ прекращения обязательств, отличающийся от традиционных гражданско-правовых оснований – исполнения, новации или прощения долга. Освобождение от долгов возникает не как результат соглашения сторон или исполнения обязательства, а как следствие применения специальной правовой процедуры, направленной на перераспределение имущественных рисков между участниками гражданского оборота. Как указывает О.С. Нестерова, «признание гражданина несостоятельным должником (банкротом) в большинстве случаев предполагает такие правовые последствия как его освобождение от дальнейшего исполнения долговых обязательств перед кредиторами» [5, с. 72].

При этом освобождение от обязательств не следует рассматривать исключительно как меру, направленную на защиту интересов должника. Его значение раскрывается через более сложную конструкцию распределения экономических потерь в условиях неплатежеспособности. В ситуации, когда стоимость имущества должника недостаточна для полного удовлетворения требований кредиторов, неизбежно возникает необходимость определить, каким образом должны быть распределены оставшиеся риски. Законодательство о банкротстве формирует коллективный механизм разрешения данной проблемы, при котором кредиторы получают возможность пропорционального удовлетворения требований, а оставшаяся задолженность прекращается по завершении процедуры.

Такая модель предполагает отказ от индивидуального взыскания задолженности в пользу коллективного урегулирования обязательственных отношений. Реализация имущества должника выступает ключевым элементом этого механизма, поскольку именно она позволяет определить фактический предел имущественной ответственности гражданина. После завершения реализации становится очевидным объем средств, который может быть направлен на расчеты с кредиторами. Сохранение оставшихся обязательств при отсутствии имуще-

ственной базы их исполнения лишило бы процедуру банкротства самостоятельного значения и фактически превратило бы ее в отсрочку взыскания.

Традиционная модель гражданского права исходит из принципа ответственности должника всем принадлежащим ему имуществом. Однако процедура банкротства в определенной мере трансформирует данный принцип, устанавливая институционально обусловленный предел ответственности. Таким пределом становится совокупность имущества, включенного в конкурсную массу и реализованного в установленном законом порядке.

Освобождение от обязательств означает признание того обстоятельства, что дальнейшее взыскание не может быть осуществлено без нарушения баланса интересов участников гражданского оборота. Как указывает А.Ф. Сайфетдинова, задачей института банкротства гражданина является «социальная реабилитация путем предоставления ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости исполнения долговых обязательств» [9, с. 557].

Следует учитывать и социально-экономические аспекты функционирования рассматриваемого механизма. Наличие неисполняемых долговых обязательств препятствует участию гражданина в экономической жизни, ограничивает его возможность заключать новые договоры, получать кредиты и осуществлять предпринимательскую деятельность. В долгосрочной перспективе подобное положение снижает эффективность гражданского оборота, поскольку значительная часть экономически активных субъектов оказывается фактически исключенной из него. Освобождение от обязательств после завершения процедуры реализации имущества устраняет данное препятствие, создавая условия для возвращения должника в нормальный хозяйственный оборот.

Вместе с тем рассматриваемый механизм не носит универсального характера. Законодательство предусматривает ряд обязательств, которые сохраняют силу независимо от завершения процедуры банкротства. К таким обязательствам относятся требования, связанные с защитой личных неимущественных благ, а также иные обязательства, основанные на особых социальных или публичных интересах. Их сохранение объясняется тем, что прекращение подобных обязательств посредством процедуры банкротства могло бы привести к нарушению фундаментальных принципов правопорядка. Как указывает А.В. Прохоров, «основанием для неосвобождения гражданина от долгов является именно его недобросовестность, но никак не его неразумность» [7, с. 35].

Таким образом, освобождение гражданина от обязательств по завершении процедуры реализации имущества представляет собой особый правовой институт, сформированный на пересечении частноправовых и публично-правовых элементов регулирования несостоятельности. Его назначение заключается в завершении процесса коллективного урегулирования задолженности при одновременном восстановлении экономической самостоятельности должника.

Рассматриваемый механизм отражает современное понимание банкротства как процедуры, ориентированной не исключительно на распределение имущественной массы, но и на формирование устойчивого баланса интересов участников гражданского оборота.

Вопрос об основаниях отказа в освобождении гражданина от обязательств по завершении процедуры реализации имущества непосредственно связан с функциональным назначением института банкротства. Само освобождение от долгов формирует завершающий элемент процедуры несостоятельности, однако его применение не носит безусловного характера.

Законодатель исходит из того, что прекращение обязательств возможно лишь при условии соблюдения должником определённых стандартов поведения на стадиях возникновения задолженности и в ходе самой процедуры банкротства. Отступление от этих стандартов способно трансформировать правовой режим завершения процедуры, в результате чего сохраняется обязанность должника по дальнейшему исполнению обязательств. Как указывает Е.М. Шайхутдинов, «особенностью потребительского банкротства (банкротства гражданина) является социальная направленность института, цель которого – возвращение обремененного неоплатными долгами гражданина к нормальному легальному экономическому состоянию (так называемая концепция «нового старта»)» [10, с. 91].

В основе отказа в освобождении гражданина от обязательств лежит категория недобросовестности поведения должника. Применительно к институту банкротства данная категория приобретает специфическое содержание. Речь идет не просто о нарушении отдельных требований законодательства, а о таком способе поведения, который искажает цели процедуры несостоятельности и препятствует справедливому распределению имущественных потерь между участниками гражданского оборота. Недобросовестность может проявляться как на этапе возникновения обязательств, так и в ходе самой процедуры банкротства. Как указывает С.А. Балхаев, «отказ в освобождении от долгов сохраняет характер исключительной меры, применяемой при доказанной причинной связи между злоупотребительным поведением и ущемлением прав кредиторов» [1, с. 24].

В первом случае она связана с формированием задолженности при осознании невозможности её исполнения либо с предоставлением кредиторам недостоверной информации о финансовом положении. Во втором случае речь идет о действиях, направленных на сокрытие имущества, препятствование формированию конкурсной массы либо искажение сведений о составе активов и обязательств должника.

Финансовые решения гражданина далеко не всегда отличаются экономической рациональностью. Принятие на себя чрезмерных долговых обязательств, переоценка собственных финансовых возможностей либо недооценка рисков утраты дохода могут привести к формированию задолженности, объективно превышающей платежеспособность лица. Подобные действия свидетельствуют о недостаточной осмотрительности, однако сами по себе не означают стремления использовать процедуру банкротства в ущерб интересам кредиторов. Попытка отождествить неразумность и недобросовестность поведения неизбежно привела бы к чрезмерному ограничению возможности применения механизма освобождения от обязательств. Как указывает Р.Ю. Затонов, «несмотря на то, что освобождение гражданина от дальнейшего исполнения обязательств является обычным правилом по завершении процедуры банкротства физического лица, арбитражные суды «списывают» долги далеко не всем физическим лицам, которые воспользовались данной процедурой» [3, с. 44].

Вместе с тем оценка поведения должника осложняется значительной информационной асимметрией, характерной для дел о банкротстве граждан. Существенная часть сведений о составе имущества, источниках дохода и совершенных сделках находится под контролем самого должника. Кредиторы и иные участники процедуры зачастую располагают лишь фрагментарной информацией, позволяющей предположить наличие недобросовестных действий. В этих условиях выявление соответствующих обстоятельств требует анализа косвенных признаков, сопоставления финансовых операций должника и оценки экономического результата совершенных им действий.

Сложность применения рассматриваемых оснований усиливается и тем обстоятельством, что процедура банкротства граждан обладает выраженной социальной составляющей. Гражданин-должник выступает участником экономических отношений, обладающим ограниченными возможностями для оценки финансовых рисков. В отличие от профессиональных участников рынка он нередко принимает решения, руководствуясь неполной информацией либо ошибочными представлениями о собственных финансовых перспективах. Учет данного фактора требует осторожного подхода при квалификации поведения должника как недобросовестного. Иное толкование привело бы к подмене реабилитационной функции банкротства исключительно карательной.

Вместе с тем сохранение чрезмерно мягких критериев оценки поведения должника способно стимулировать стратегическое использование процедуры банкротства. Осознание возможности прекращения обязательств после реализации имущества при минимальном риске отказа в освобождении от долгов может побуждать отдельных лиц к формированию задолженности без намерения её исполнять. Как указывает Е.А. Лагунова, банкротство для гражданина предоставляет «возможность заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым обязательствам» [4, с. 58].

В подобных ситуациях институт банкротства утрачивает характер механизма урегулирования финансовой несостоятельности и начинает восприниматься как инструмент перераспределения имущественных потерь между участниками гражданского оборота.

Возникающее противоречие отражает более широкую проблему соотношения частноправовых и публичных элементов регулирования банкротства граждан. С одной стороны, процедура несостоятельности должна обеспечивать возможность экономической реабилитации должника. С другой стороны, она не может допускать использование правовых механизмов в целях извлечения выгоды из собственной недобросовестности. Поиск баланса между этими задачами определяет содержание критериев отказа в освобождении гражданина от обязательств.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о распределении бремени доказывания обстоятельств, препятствующих освобождению должника от долгов. Формально обязанность раскрытия информации

о своем имущественном положении возлагается на самого гражданина. Однако установление факта недобросовестного поведения требует активного участия иных участников процедуры, прежде всего кредиторов и финансового управляющего. Их возможности по выявлению соответствующих обстоятельств нередко ограничены отсутствием доступа к необходимым сведениям либо значительными затратами на получение информации. Как указывает К.А. Садыкова, банкротство физических лиц представляет собой процедуру, позволяющую гражданам, «оказавшимся в критически тяжелом финансовом положении, законно списать или реструктурировать непосильные долги» [8, с. 221].

В целях устранения неопределенности правового регулирования целесообразно дополнить положения статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» нормой, закрепляющей критерии недобросовестного поведения должника при решении вопроса об освобождении гражданина от обязательств. Представляется оправданным закрепить в законе указание на то, что отказ в освобождении от обязательств допускается при установлении обстоятельств, свидетельствующих о намеренном уменьшении конкурсной массы, сокрытии имущества, представлении должником заведомо недостоверных сведений о своем имущественном положении либо совершении действий, направленных на искусственное формирование или увеличение задолженности.

Необходимо внести изменения в пункт 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», изложив его в следующей редакции:

«4. Освобождение гражданина от дальнейшего исполнения обязательств перед кредиторами не допускается, если судом установлено, что при возникновении либо исполнении обязательств, а равно в ходе процедуры банкротства гражданин действовал недобросовестно.

К обстоятельствам, свидетельствующим о недобросовестности гражданина, могут относиться, в частности:
– сокрытие имущества, имущественных прав либо источников дохода, подлежащих включению в конкурсную массу;
– представление суду, финансовому управляющему или кредиторам заведомо недостоверных сведений о составе имущества, обязательств либо совершенных сделках;
– совершение действий, направленных на уменьшение конкурсной массы, включая отчуждение имущества на явно невыгодных условиях или передачу имущества заинтересованным лицам;
– искусственное формирование или увеличение задолженности перед отдельными кредиторами;
– уклонение от исполнения обязанностей, возложенных на гражданина настоящим Федеральным законом, если такие действия повлекли нарушение прав и законных интересов кредиторов.

Принятие гражданином на себя обязательств, превышающих его фактические финансовые возможности, либо ошибочная оценка им собственных экономических перспектив не могут рассматриваться в качестве основания для отказа в освобождении гражданина от обязательств».

В результате применение оснований отказа в освобождении гражданина от обязательств неизбежно связано с оценочными категориями и требует анализа комплекса фактических обстоятельств. Отсутствие четких нормативных критериев усиливает роль правовой интерпретации и делает рассматриваемую сферу одной из наиболее сложных в регулировании банкротства граждан. Дальнейшее развитие данного института предполагает уточнение подходов к определению недобросовестного поведения должника и формирование более устойчивых ориентиров для оценки обстоятельств, препятствующих прекращению обязательств по завершении процедуры реализации имущества.

Литература

1. Балхаев С.А. Злоупотребление правом при банкротстве физических лиц: критерии, доказуемость, судебная практика // Экономика и право. XXI век. 2025. № 4. С. 24–29.
2. Буз Д. С. К вопросу о банкротстве физических лиц // Epomen. Global. 2024. № 52. С. 28–35.
3. Затонов Р.Ю. Добросовестность и разумность при освобождении граждан от долгов в процедуре банкротства (постановка проблемы) // Юридические исследования. 2023. № 7. С. 43–53.
4. Лагунова Е.А. Баланс интересов кредиторов и семьи должника в делах о банкротстве граждан // Пролог: журнал о праве. 2021. № 3(31). С. 56–66.
5. Нестерова О.С. Неосвобождение гражданина-должника от исполнения обязательств при завершении процедуры банкротства // Экономика. Социология. Право. 2023. № 2(30). С. 72–78.
6. Проскурин Н. И., Шиманская С.В. Особенности отказа в освобождении должника от исполнения обязательств при завершении процедуры реализации имущества гражданина // Epomen. Global. 2024. № 50. С. 136–148.
7. Прохоров А.В. Роль финансового управляющего при определении добросовестности должника и решении вопросов об освобождении гражданина от долгов // International Law Journal. 2023. Т. 6, № 3. С. 35–39.
8. Садыкова К.А. Банкротство физических лиц в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 12–1(99). С. 221–225.
9. Сайфетдинова А.Ф. Правовой механизм отказа в освобождении гражданина-банкрота от исполнения обязательств // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8, № 5. С. 556–560.
10. Шайхутдинов Е.М. Потребительское банкротство как фактор увеличения рисков неисполнения гражданско-правовых обязательств // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22, № 3. С. 90–94.

RELEASE OF A CITIZEN FROM OBLIGATIONS UPON COMPLETION OF THE ASSET REALIZATION PROCEDURE

Mikhailov M.S.
Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

This article examines the legal mechanism of releasing a citizen from obligations upon completion of the asset realization procedure in personal bankruptcy proceedings. The legal nature of this institution and its place within the objectives of personal insolvency regulation are analyzed. The study explores the conditions for granting debt relief and the limits of its application as the final stage of bankruptcy proceedings. Particular attention is given to the grounds for refusing to release a debtor from obligations and the difficulties associated with their application, especially in assessing the debtor's good faith. The article substantiates the need to distinguish between bad faith and merely unreasonable financial behavior when determining the circumstances under which debts were incurred. Problems arising from the lack of clear legislative criteria for determining the debtor's bad faith are identified. It is concluded that the statutory regulation of the grounds for refusal of debt relief requires further clarification in order to ensure a balanced protection of both creditors' interests and the debtor's right to financial rehabilitation.

Keywords: personal bankruptcy, insolvency, asset realization, discharge of obligations, debt relief.

Reference

1. Balkhaev S.A. Abuse of law in the bankruptcy of individuals: criteria, provability, judicial practice // Economics and law. XXI century. 2025. № 4. pp. 24–29.
2. Buz D.S. On the issue of bankruptcy of individuals // Epomen. Global. 2024. № 52. pp. 28–35.
3. Zatonov R.Y. Conscientiousness and reasonableness in freeing citizens from debts in bankruptcy proceedings (problem statement) // Legal Research. 2023. № 7. pp. 43–53.
4. Lagunova E.A. The balance of interests of creditors and the debtor's family in bankruptcy cases of citizens // Prologue: journal of Law. 2021. № 3(31). pp. 56–66.
5. Nesterova O.S. Non-release of a debtor citizen from fulfilling obligations at the end of bankruptcy proceedings // Economy. Sociology. Right. 2023. № 2(30). pp. 72–78.
6. Proskurin N. I., Shimanskaya S.V. Peculiarities of refusal to release a debtor from fulfilling obligations upon completion of the procedure for the sale of a citizen's property // Epomen. Global. 2024. № 50. pp. 136–148.
7. Prokhorov A.V. The role of the financial manager in determining the debtor's integrity and resolving issues of debt relief // International Law Journal. 2023. Vol. 6, № 3. pp. 35–39.
8. Sadykova K.A. Bankruptcy of individuals in Russia // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 12–1(99). pp. 221–225.
9. Sayfetdinova A.F. The legal mechanism of refusal to release a bankrupt citizen from fulfilling obligations // Bulletin of Science and Practice. 2022. Vol. 8, № 5. pp. 556–560.
10. Shaikhutdinov E.M. Consumer bankruptcy as a factor in increasing the risks of non-fulfillment of civil obligations // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2022. Vol. 22, № 3. pp. 90–94.

Правовая природа акта государственной регистрации прав на недвижимое имущество

Никандров Евгений Александрович,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
заместитель начальника отдела судебно-арбитражной работы,
исполнительного производства и правоприменения ТЛГ
«Трансойл»

В статье рассматриваются определения правовой природы акта государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, предложенные различными учеными. Анализируются существующие концепции определения такого акта, их преимущества и недостатки. Автор приходит к выводу о том, что наиболее точно отражает правовую природу акта государственной регистрации прав на недвижимость концепция, определяющая его как акт легализующего значения.

Ключевые слова: правовая природа акта государственной регистрации прав на недвижимость / акт легализующего значения / учетно-контрольные функции акта государственной регистрации / публично-правовая природа акта государственной регистрации.

Правовой режим недвижимости существенно отличается от правового режима движимых вещей. Хотя недвижимые вещи нельзя считать ограниченными в обороте, ибо их оборот разрешен, в то же время оборотоспособность недвижимости «осложнена» требованием государственной регистрации прав на нее.

Вопрос о государственной регистрации как элементе правового режима недвижимой вещи решен в законодательстве посредством учреждения государственной регистрации вещных прав на недвижимые вещи, в том числе обременений этих прав (за исключением прав на воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания и космические объекты – ст. 4 Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним).

В Древнем Риме уже в I веке существовала система поземельных книг, в которые заносились вещные права на землю, знакомство с которыми позволяло убедиться, принадлежит ли данный участок должнику, заложен он или нет.

Публичное признание (оглашение) вещных прав на недвижимость было развито в древнегерманском праве. В конце XVIII века в Европе возник институт ипотечной записи (ипотечных книг). Содержание этих записей постепенно было расширено в направлении фиксации не только закладных прав, но и всяких вещных прав на недвижимость. В течение XIX века ипотечные книги по всей Европе превращаются в поземельные книги.

В России с XVI века для придания большей определенности перехода земли от одного лица к другому предписывалось предъявлять купчие в приказы. В приказе на основании специальных книг определялись наличие и величина «приобретаемого имения» и принадлежность его тому лицу, которое его отчуждало. С конца XIX века для передачи недвижимого имущества требовалось совершить специальные действия, которые охватывались понятием «ввод во владение». О совершенном вводе во владение лицо, его производившее, учиняло отметку на акте укрепления и сообщало о том старшему нотариусу, который делал отметку об этом в реестре крепостных дел. День совершения старшим нотариусом отметки и считался днем укрепления права на имущество. Фиксация прав на недвижимое имущество в специальных книгах получила название «укрепление вещных прав», а сам письменный акт – «крепость». В большинстве западных государств такие книги назывались ипотечными, так как первоначально в них делались записи только о залоге недвижимого имущества.

Сегодня составной частью более строгого режима недвижимости в России является обязательная государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Регистрация есть юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения прав на недвижимое имущество (ст. 2 Закона о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним).

В настоящее время в науке сформировались различные точки зрения на правовую природу акта государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, неоднозначно оценивающие этот правовой феномен. Это обуславливает необходимость их критического переосмысления и обобщения. Рассмотрим наиболее известные концепции.

Согласно одной из концепций правовая природа акта государственной регистрации прав определяется как акт легализующего значения. Определенные предпосылки для указанной позиции сформировались еще во времена СССР.

Похожую позицию занял и Конституционный Суд Российской Федерации в определении «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «СЭВЭНТ» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 статьи 165, пункта 3 статьи 433 и пункта 3 статьи 607 Гражданского кодекса Российской Федерации». Рассматривая вопросы государственной регистрации договора аренды, суд приходит к мнению о том, что государственная регистрация как формальное условие обеспечения государственной, в том числе судебной, защиты прав лица, возникающих из договорных отношений, объектом которых является недвижимое имущество, призвана лишь удостоверить со стороны государства юридическую силу соответствующих правоустанавливающих документов.

Таким образом, по существу, Конституционный Суд Российской Федерации определяет акт государственной регистрации как акт удостоверяющего характера.

Определенным стимулом для дальнейшего развития указанной идеи о легализующем характере акта государственной регистрации послужила Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе (далее Концепция о недвижимости). Разработчиками Концепции о недвижимости предлагалось при определении природы государственной регистрации различать государственную регистрацию в узком смысле как «запись» в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее ЕГРП) и государственную регистрацию в широком смысле как регистрационные действия, осуществляемые учреждениями юстиции в процессе государственной регистрации, в пределах предоставленных им законом полномочий (в настоящее время вместо ЕГРП ведется Единый государственный реестр недвижимости). По мнению разработчиков Концепции, о недвижимости, в отношении зарегистрированных прав правовое значение может и должна иметь только запись в ЕГРП (там же). Согласно позиции разработчиков Концепции о недвижимости запись в ЕГРП не является самостоятельным правовым основанием возникновения, изменения, прекращения права на недвижимое имущество, так как не порождает никаких гражданских прав и обязанностей в отношении недвижимого имущества. В каждом конкретном случае таким основанием является сделка, нормативный или ненормативный акт, судебный акт, юридический факт и т.п.

Содержание записи в ЕГРП, определяющее содержание зарегистрированного права, условия его осуществления и т.д., повторяет, «дублирует», причем в сокращенном объеме, содержание правоустанавливающих документов. Запись в ЕГРП не заменяет и не подменяет существующее гражданскоправовое основание возникновения, изменения, перехода, прекращения обременения права, то есть не является «новым» основанием, в которое «перерастает» первоначальное основание. Такая запись, не являясь по своей природе ненормативным актом, представляет собой особый юридический факт, который вместе с соответствующим правовым основанием образует сложный «фактический состав» и в этом смысле с момента государственной регистрации права можно говорить о юридической неразрывности акта государственной регистрации и зарегистрированного права. Запись в ЕГРП представляет собой юридический факт, определяющий момент возникновения (перехода, обременения) вещного права или обязательственного права. Соответственно, указанный момент приобретает характер «публично достоверного», сведения о котором может получить любое лицо.

Иными словами, по мнению разработчиков Концепции о недвижимости, акт государственной регистрации является юридическим фактом, входящим в соответствующий фактический состав, и сам по себе (взятый отдельно как юридический факт) не вызывает каких-либо гражданско-правовых последствий.

При этом легализующий характер акта государственной регистрации проявляется в неразрывности акта государственной регистрации и зарегистрированного права, дублирования в ЕГРП сведений, содержащихся в правоустанавливающих документах.

На мой взгляд, недостатком позиции, изложенной в Концепции о недвижимости, является отсутствие объяснения возникновения права собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество. Однако в этом случае право собственности возникает по результатам осуществления регистрационных процедур. Гражданско-правовое основание его возникновения отсутствует. Соответственно, акт государственной регистрации просто не может быть производным от соответствующего гражданско-правового основания.

Концепцию акта государственной регистрации как акта легализующего значения развивает А.В. Яковлева. Она определяет указанный акт как особый юридический факт, который можно назвать актом легализующего характера, который также выполняет учетно-контрольные функции. Именно благодаря системе регистрации прав на недвижимость учтенными становятся все вещные и некоторые обязательственные права на существующие объекты недвижимости, что позволяет государству контролировать их оборот. Легализующий характер акта государственной регистрации, по мнению А.В. Яковлевой, заключается в том, что право на недвижимость переходит (возникает, прекращается) только в результате его легализации государством.

В обосновании этого тезиса А.В. Яковлева приводит довод о том, что права на недвижимое имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают с момента государственной регистрации прав на него (в настоящее время похожее положение закреплено в пункте 2 статьи 8.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом).

Развивая мысль о легализующем характере акта государственной регистрации, А.В. Яковлева пишет о том, что государственная регистрация не может быть доказательством права, поскольку является одним из фактов, лежащих в основе права. Таким образом, в отличие от ранее высказанных мнений в рамках концепции, признающей акт государственной регистрации актом легализующего значения, автор признает акт государственной регистрации лежащим в основе права. То есть получается, что акт государственной регистрации входит в соответствующий фактический состав «на равных» с иными юридическими фактами.

Существуют и иные точки зрения о правовой природе акта государственной регистрации, в частности, точка зрения, определяющая акт государственной регистрации как акт, имеющий публично-правовую природу.

В своей кандидатской диссертации А.Л. Ильченко развивает мысль о том, что государственная регистрация подпадает под все признаки ненормативного акта государственного органа:

• является юридическим актом, совершаемым государственным органом;

• действие органа по регистрации имеет формальное выражение в виде документа установленной формы свидетельства либо специальной регистрационной записи;

• адресован конкретному лицу либо группе лиц (правообладателям) и влечет правовые последствия для этих лиц.

Примечательно, что ранее ученый высказывал иную точку зрения признавал акт государственной регистрации нормативным актом государственного органа: «… государственная регистрация, являясь нормативным актом государственного органа, в случаях, если она не соответствует законам или иным правовым актам и нарушает права и законные интересы заинтересованных лиц, может быть обжалована в суд и по иску этих лиц признана недействительной». Однако, к сожалению, ученый эту мысль не поясняет.

Акт государственной регистрации как ненормативный акт рассматривает и В.А. Алексеев. Ученый определяет такой акт как юридический факт, с которым закон связывает определенные юридические последствия. Указанный юридический факт является юридическим действием, а не событием, поскольку представляет собой действие государственного органа, а действие любого органа всегда представляет собой акт. Акты делятся на нормативные и индивидуальные (ненормативные). Вполне очевидным является то, что регистрация права на объект недвижимости является индивидуальным (ненормативным) актом государственного органа.

Легализующий характер акта государственной регистрации, по мнению А.В. Швабауэр, заключается в том, что лица, подающие документы на регистрацию, заранее совершают все от них зависящие действия для возникновения гражданского права, обременения, сделки. Но регистрируемое право, обременение появляются, а сделка порождает правоотношение, только если государство с этим согласится, официально признает (легализует) регистрируемый объект.

Таким образом, в представленном подходе совмещены позиции сторонников признания акта государственной регистрации имеющим легализующее значение, и сторонников признания акта государственной регистрации как имеющего публично-правовой характер: административный акт, принятый по результатам проведения административно-правовой процедуры, имеющий соответствующие правовые последствия, является одним из юридических фактов, лежащих в основании возникновения права, регистрация является самостоятельным юридическим фактом сложного юридического состава основания для возникновения прав на недвижимость.

Представляется, однако, что указанная концепция возможности признания акта государственной регистрации имеющим публично-правовой (административный акт) и легализующий характер не совсем удачная, поскольку, по существу, имеет взаимоисключающий характер.

Иными словами, указанный подход не позволяет однозначно определить правовую природу акта государственной регистрации прав на недвижимое имущество.

Таким образом, подход к акту государственной регистрации как к имеющему публично-правовой характер имеет значительные отличия по сравнению с приведенными ранее позициями, признающими акт государственной регистрации как имеющим легализующее значение.

Эти отличия заключаются в следующем:

1) акт государственной регистрации понимается как результат государственно-властной деятельности, как правовой акт, исходящий

от публичной власти и обязательный к исполнению, то есть вызывающий определенные гражданско-правовые последствия для субъектов права ввиду его публично-правового характера. Иными словами, при таком подходе к определению правовой природы указанного акта субъекты права должны считаться с общеобязательностью акта государственной регистрации;

2) в рамках указанной концепции все сводится к конституирующему значению акта государственной регистрации, то есть к функции признания права, в то время как право-подтверждающая функция акта государственной регистрации, очевидно, игнорируется.

3) в рамках указанной концепции зачастую ставится вопрос об отрицании фактического состава в возникновении прав на недвижимое имущество. То есть, по сути, совершение субъектами права гражданско-правовых действий влечет за собой одно последствие необходимость обращения за государственной регистрацией возникшего, перешедшего права. Тем самым, по существу, ставится под сомнение возможность субъектов права, действующих в рамках гражданского права, осуществлять самостоятельные действия по приобретению гражданских прав и обязанностей необходимо обратиться к государственному органу, который издаст соответствующий административный акт, который в дальнейшем послужит основанием для возникновения гражданских прав и обязанностей у субъектов права.

Определением акта государственной регистрации как акта легализующего характера либо как акта, имеющего публично-правовую природу, не исчерпывается перечень точек зрения на сущность акта государственной регистрации. Существует мнение, что акт государственной регистрации является способом защиты прав на недвижимость. Указанной позиции придерживается Р.М. Кравцов. Суть его подхода к государственной регистрации заключается в следующем.

По мнению ученого, механизм защиты вещных прав посредством их государственной регистрации весьма сложен. Государственная регистрация заключается в юридическом акте внесения записи о сделке или правах на определенный объект недвижимого имущества в Единый государственный реестр прав и включает всю совокупность действий по совершению этого акта. Иначе говоря, в отличие от приведенных точек зрения ученый отождествляет государственную регистрацию не с записью в соответствующем реестре, а с юридическим актом внесения указанной записи, то есть с административным действием. С моментом регистрации вещного права законодатель связывает дату его возникновения, а с моментом регистрации сделки в соответствии со статьей 433 ГК РФ – момент заключения договора в отношении недвижимости.

Таким образом, в гражданском праве умаляется роль «маленьких центров», осуществляющих самостоятельное правовое регулирование, приобретающих гражданские права своей волей и в своем интересе, и необоснованно повышается роль государственно-властного регулирования гражданско-правовых отношений. То есть имеет место отход от классического понимания гражданско-правового регулирования.

На первый взгляд такая позиция представляется логичной и последовательной. Действительно, пунктом 2 статьи 11 ГК РФ предусматривается, что защита гражданских прав в административном порядке осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законом. Существуют специальные федеральные законы, регламентирующие порядок государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Статьей 12 ГК РФ предусматривается такой способ защиты гражданских прав, как признание права. Однако в связи с рассмотрением государственной регистрации как способа защиты гражданских прав возникают следующие дискуссионные вопросы:

1) пунктом 2 статьи 11 ГК РФ предусматривается, что решение, принятое в административном порядке, может быть оспорено в суде. Таким образом, получается, что из системного толкования первого и второго предложений пункта 2 статьи 11 ГК РФ следует, что административный порядок защиты гражданских прав связан с принятием решения, то есть с административным актом в виде документа (записи в соответствующем реестре). Получается, что юридический акт внесения записи в реестр, о котором упоминает Р.М. Кравцов, значения не имеет, поскольку исходя из формального толкования пункта 2 статьи 11 ГК РФ указанный административный порядок защиты гражданских прав связан с неким объективированным результатом, а не с процессом внесения записи в соответствующий реестр;

2) основным началом гражданского законодательства является недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (пункт 1 статьи 1 ГК РФ). Граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права (пункт 1 статьи 9 ГК РФ). Применение способа защиты гражданских прав – право, а не обязанность граждан и юридических лиц. Таким образом, если субъект права не видит необходимости в принятии мер защиты своих гражданских прав (пусть даже и нарушенных), то он вправе этого не делать. В связи с этим в рамках подхода к государственной регистрации как к способу защиты гражданских прав возникает неразрешимое противоречие в случае реализации положения пункта 3 статьи 551 ГК РФ, предусматривающего возможность понуждения уклоняющейся стороны договора продажи недвижимости к исполнению обязанности по осуществлению государственной регистрации;

3) государственная регистрация, понимаемая как способ защиты вещных прав на недвижимость, по сути, сводится к действиям, не зафиксированным вовне материально. Иными словами, к примеру, есть договор продажи недвижимости, заявления сторон на регистрацию перехода права, по результатам правовой экспертизы появляется соответствующая запись в реестре, а непосредственно мыслительный процесс, действия по внесению записи в соответствующий реестр материально никак не представлены.

Также существует точка зрения на определение государственной регистрации через отношение к недвижимому имуществу (правовому режиму недвижимого имущества).

Такая позиция основана на положениях статей 130 и 131 ГК РФ.

Действительно, анализ положений ГК РФ позволяет выделить три категории объектов недвижимого имущества:

1) недвижимость в силу закона – земельные участки, участки недр, предприятие как имущественный комплекс, единый недвижимый комплекс;

2) объекты, прочно связанные с землей, – здания, сооружения, объекты незавершенного строительства;

3) объекты, подпадающие под действие государственной регистрации, – воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания.

Итак, существуют различные точки зрения, определяющие правовую природу акта государственной регистрации прав через категорию недвижимости.

Таким образом, ввиду комплексного характера правового регулирования государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним сделать вывод об отнесении указанной государственной регистрации к какой-либо одной отрасли права (в классическом ее понимании) не представляется возможным, равно как и дать в рамках сферы действия гражданского права полноценную характеристику правовому режиму недвижимого имущества, элементом которого выступает указанная регистрация. Очевидно, что под углом соответствующего рассмотрения (в зависимости от соответствующей отрасли права) наше понимание правовой природы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним будет меняться, что создаст определенные проблемы при целостном восприятии правовой природы указанного акта.

Подводя итог изложенному, следует отметить следующее. Наиболее верно, по моему мнению, правовую природу акта государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним определяет концепция, рассматривающая указанный акт как акт легализующего значения. Конечно, она имеет определенные недостатки, однако ее несомненными достоинствами являются:

• определение акта государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним как реального юридического факта, как завершающего элемента в фактическом

составе возникновения прав на недвижимое имущество;

• рассмотрение указанного акта наравне с иными юридическими фактами гражданского права, не придавая этому акту какого-либо приоритета по сравнению с иными юридическими фактами в гражданском праве.

Правильное понимание правовой природы указанного акта позволит в дальнейшем обеспечить сочетание ожиданий граждан и представителей юридических лиц с реальными возможностями регистрационной системы, реальными правовыми последствиями регистрации прав на недвижимое имущество, не допуская их необоснованно завышенных ожиданий, а также привести к единообразию правоприменительную (в том числе судебную) практику относительно способов оспаривания зарегистрированных прав на недвижимое имущество.

Литература

1. Алексеев В.А. Регистрация прав на недвижимость. М.: Проспект, 2001.

2. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве: собрание сочинений в 10 томах. М.: Статут, 2010. Том. 2.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51ФЗ: в редакции Федерального закона от 5 декабря 2017 года. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18 декабря 2017 года).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 года № 14ФЗ: в редакции Федерального закона от 28 марта 2017 года. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19 октября 2017 года).

5. Дмитриев А.В. Государственная регистрация прав на землю в г. Москве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.06 аграрное право, природоресурсное право, экологическое право; 12.00.03 гражданское право, семейное право, гражданский процесс, международное частное право / Московская государственная юридическая академия. М.: ООО «ИСПОСервис», 2000.

6. Ильченко А.Л. Государственная регистрация прав и сделок с недвижимостью как средство государственного регулирования предпринимательской деятельности: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2005.

7. Кирсанов А.Р. Регистрационное право формирующаяся отрасль современного российского права // Государственная регистрация прав на недвижимость: проблемы регистрационного права / отв. ред. А.Р. Кирсанов. М.: Ось89, 2003.

8. Козырь О.М. Недвижимость в новом Гражданском кодексе России // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова / отв. ред. А.Л. Маковский. М.: Международный центр финансовоэкономического развития, 1998.

9. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2003. № 4 и № 5.

10. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 года. М.: Статут, 2009.

THE LEGAL NATURE OF THE ACT OF STATE REGISTRATION OF RIGHTS TO REAL ESTATE

Nikandrov E.A.
TLG Transoil

The definitions of the legal nature of the act of state registration of rights to immovable property and transactions with it, proposed by various scientists, are considered. The existing concepts of defining such an act, their advantages and disadvantages are analyzed. The author comes to the conclusion that the concept most accurately reflects the legal nature of the act of state registration of rights to real estate, which defines it as an act of legalizing significance.

Keywords: The legal nature of the act of state registration of property rights / an act of legalizing significance / accounting and control functions of the act of state registration / the public law nature of the act of state registration

References

1. Alekseev V.A. Registration of Rights to Real Estate. Moscow: Prospect, 2001.

2. Alekseev S.S. General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law: Collected Works in 10 Volumes. Moscow: Statut, 2010. Vol. 2.

3. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994 № 51-FZ: as amended by the Federal Law of December 5, 2017. Accessed from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: December 18, 2017).

4. Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law of January 26, 1996 № 14-FZ: as amended by the Federal Law of March 28, 2017. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (date of access: October 19, 2017).

5. Dmitriev A.V. State registration of rights to land in Moscow: diss. … Cand. Sciences (Law): 12.00.06 agrarian law, natural resource law, environmental law; 12.00.03 civil law, family law, civil procedure, private international law / Moscow State Law Academy. Moscow: OOO «ISPOService», 2000.

6. Ilchenko A.L. State registration of rights and transactions with real estate as a means of state regulation of entrepreneurial activity: diss. … Cand. Sciences (Law): 12.00.03 civil law; business law; family law; private international law. Moscow: Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 2005.

7. Kirsanov, A.R. Registration Law: An Emerging Branch of Modern Russian Law // State Registration of Rights to Real Estate: Problems of Registration Law / Ed. A.R. Kirsanov. Moscow: Os'89, 2003.

8. Kozyr, O.M. Real Estate in the New Civil Code of Russia // Civil Code of Russia. Problems. Theory and Practice: A Collection in Memory of S.A. Khokhlov / Ed. A.L. Makovsky. Moscow: International Center for Financial and Economic Development, 1998.

9. Concept for the Development of Civil Legislation on Real Estate // Property Relations in the Russian Federation. 2003. № 4 and № 5.

10. Concept for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation: approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation dated October 7, 2009. M.: Statut, 2009.

Рисковый характер как сущностный признак инвестиционной деятельности: правовое значение и последствия

Пантюхов Дмитрий Андреевич,
аспирант, Ульяновский государственный университет
E-mail: pantyukhov.dm@yandex.ru

Цель исследования состоит в обосновании необходимости переосмысления категории инвестиционного риска – от формального признака, лишь упоминаемого в законодательных дефинициях, к полноценному юридическому критерию, определяющему пределы ответственности участников инвестиционных правоотношений и принципы распределения убытков, возникших в связи с реализацией риска.
В результате исследования выявлены сущностные признаки инвестиционного риска, отграничивающие его от предпринимательского, игрового и бытового риска. Систематизированы основные направления судебной практики, демонстрирующие непротиворечивый подход: риск по умолчанию лежит на инвесторе, добровольно принявшем его, однако существуют четкие границы, за которыми риск может быть переложен на профессиональных участников (при нарушении обязанности по информированию), на контролирующих лиц (при переложении риска на кредиторов).

Ключевые слова: инвестиционный риск, инвестиционная деятельность, распределение убытков, распределение рисков.

Введение

Инвестиционная деятельность по своей природе неразрывно связана с категорией неопределенности. Вложение капитала в настоящем с целью получения дохода в будущем имплицитно содержит предположение о возможном несовпадении ожидаемого и действительного результата. Легальные дефиниции, закрепленные в отечественном законодательстве об инвестиционной деятельности, фиксируют это обстоятельство через указание на рисковый характер соответствующих вложений. Однако констатация наличия риска сама по себе не раскрывает его правового значения. Ключевой для доктрины и практики вопрос заключается в следующем: каковы юридические последствия реализации инвестиционного риска, то есть наступления тех неблагоприятных имущественных последствий, вероятность которых инвестор принимает на себя в момент осуществления вложений? Или, формулируя более конкретно: при каких условиях убытки, вызванные материализацией риска, могут быть переложены на иных лиц – контрагентов, третьих лиц, публично-правовые образования, – а при каких условиях они должны оставаться на самом инвесторе как на лице, добровольно вступившем в рисковую деятельность?

Риск исследован достаточно глубоко – но либо в общефилософском ключе (классическая работа В.А. Ойгензихта о риске как психологическом отношении), либо в привязке к предпринимательской деятельности вообще. Экономисты вслед за Ф. Найтом давно разделили измеримый риск и неизмеримую неопределенность, однако юридическая наука так и не ответила на главный вопрос: какие именно правовые последствия порождает факт принятия инвестором риска? Влияет ли это принятие на распределение бремени доказывания? Ограничивает ли оно право на возмещение убытков за счет третьих лиц? Формирует ли оно презумпцию осмотрительности инвестора или, напротив, презумпцию его осведомленности о возможных потерях?

Настоящая работа предпринимает попытку восполнить этот пробел. Цель состоит в том, чтобы показать: инвестиционный риск – не просто дескриптивный признак, фиксируемый в преамбулах законов, а юридически значимая конструкция, способная выполнять регулятивную функцию. Задача – определить, как именно категория риска должна влиять на пределы ответственности участников инвестиционных правоотношений и на распределение убытков, возникающих при материализации риска.

Методологическую основу исследования образует совокупность общенаучных и специально-юридических методов. Диалектический подход позволяет проследить трансформацию категории риска от экономического понятия (неопределенность рыночной среды) к юридической конструкции, фиксируемой в законодательных дефинициях и реализуемой в правоприменительной практике. Формально-юридический метод применяется при анализе действующих норм об инвестиционной деятельности и предпринимательском риске, что дает возможность выявить как текстуальные совпадения, так и содержательные пробелы в правовом регулировании.

Риск как сущностный признак инвестиционной деятельности

Легальное определение инвестиционной деятельности в российском праве строится вокруг двух ключевых элементов: вложение капитала и получение дохода (иного полезного эффекта). Законодатель, формулируя дефиниции в Законе РСФСР от 26.06.1991 № 1488–1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» и Федеральном законе «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ, акцентирует внимание именно на целевой направленности вложений. Риск как конститутивный признак инвестирования в указанных актах прямо не обозначен.

Вместе с тем отсутствие легального указания на риск в базовых инвестиционных законах не означает, что законодатель игнорирует данную категорию. Иное регулирование демонстрирует Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ, где риск упоминается в контексте раскрытия информации эмитентами и деятельности профессиональных участников. Еще более показательны нормы Фе-

дерального закона «Об инвестиционном товариществе» от 28.11.2011 № 335-ФЗ, прямо закрепляющие распределение рисков между товарищами. Однако и здесь риск остается категорией, используемой преимущественно в описательном, а не в операциональном ключе: закон констатирует его наличие, но не раскрывает правовых последствий его реализации.

Парадокс российского законодательства об инвестициях заключается в том, что наиболее последовательно риск как юридическая категория разработан не в специальных инвестиционных законах, а в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – «ГК РФ») – применительно к предпринимательской деятельности. Статья 2 ГК РФ, определяя предпринимательскую деятельность, прямо указывает на ее рисковый характер. Поскольку значительная часть инвестиционной активности осуществляется в предпринимательской форме, норма ст. 2 ГК РФ фактически выполняет функцию общего указания на рисковую природу инвестирования для коммерческих организаций. Однако за пределами этого регулирования остаются инвестиции, осуществляемые физическими лицами, не имеющими статуса предпринимателя, а также публично-правовые образования, выступающие инвесторами.

Доктринальные подходы к пониманию риска в инвестиционной сфере страдают фрагментарностью. Цивилистическая традиция, восходящая к трудам В.А. Ойгензихта, рассматривает риск преимущественно в субъективном ключе – как психическое отношение лица к возможным отрицательным последствиям собственных действий. В инвестиционном контексте такое понимание оказывается недостаточным: инвестор может и не «относиться» к риску психически (например, полагаясь на заверения контрагента или публичные гарантии), но объективно его деятельность остается рисковой. Более продуктивным представляется подход, разграничивающий риск как объективную характеристику деятельности (вероятностная природа будущего дохода, зависимость результата от множества факторов, не поддающихся контролю инвестора) и риск как субъективную готовность нести отрицательные последствия (принятие риска на себя).

Экономическая теория, в свою очередь, предлагает различать измеримый риск, поддающийся вероятностной оценке, и неизмеримую неопределенность, где вероятностные характеристики принципиально не вычисляемы. Для права это разграничение значимо постольку, поскольку от него зависит стандарт поведения инвестора: можно ли требовать от него оценки риска и, соответственно, упрекать в неосмотрительности, если риск носил характер неизмеримой неопределенности? Можно ли вменять инвестору в вину то, что он не предвидел событие, принципиально не поддававшееся вероятностному прогнозированию?

Между тем ключевая проблема лежит в иной плоскости. Инвестиционный риск необходимо отграничить от смежных правовых категорий, с которыми он нередко отождествляется в правоприменительной практике: предпринимательского риска, игрового риска, бытового риска.

Предпринимательский риск, закрепленный в ст. 2 ГК РФ, характеризует деятельность, направленную на систематическое получение прибыли. Инвестиционная деятельность может осуществляться и не будучи предпринимательской (приобретение акций физическим лицом, не являющимся индивидуальным предпринимателем; вложения публично-правовых образований), однако риск сохраняется. Следовательно, предпринимательский риск шире инвестиционного по субъектному составу, но не покрывает его полностью.

Риск в играх и пари (ст. 1062 ГК РФ) имеет иную природу: он основан на искусственном создании ситуации неопределенности самими участниками соглашения. Инвестиционный же риск проистекает из объективных свойств рыночной среды, а не из условного характера обязательства. Смешение этих категорий на практике приводит к ошибочной квалификации инвестиционных сделок как игровых и необоснованному отказу в судебной защите.

Наконец, бытовой риск (например, риск случайной гибели вещи) регулируется специальными нормами ГК РФ (ст. 211 ГК РФ) и распределяется между сторонами на основании закона или договора. Инвестиционный риск, напротив, не имеет такого императивного распределения: он по умолчанию лежит на инвесторе, если только не переложен на иное лицо специальным соглашением или гарантией.

Таким образом, инвестиционный риск может быть определен как объективно присущая инвестиционной деятельности возможность наступления неблагоприятных имущественных последствий в виде утраты вложенного капитала или неполучения ожидаемого дохода, обусловленная вероятностной природой будущих экономических событий и зависимостью результата от множества факторов, не поддающихся полному контролю инвестора. По умолчанию этот риск принимается на себя инвестором в момент осуществления вложений, однако такое распределение не является императивным и может быть изменено соглашением сторон или специальными гарантиями.

Судебная оценка инвестиционного риска как неотъемлемого признака деятельности и пределы его переложения на иных лиц

Анализ современной судебной практики позволяет сделать вывод о формировании устойчивого подхода, в рамках которого инвестиционный риск рассматривается не как абстрактная категория, а как конкретный, юридически значимый признак деятельности, определяющий распределение неблагоприятных последствий между участниками оборота. Суды последовательно исходят из того, что лицо, осуществляющее инвестиционную деятельность, принимает на себя связанные с ней риски и не вправе произвольно перелагать их последствия на профессиональных участников рынка, независимых кредиторов или государство. Вместе с тем практика демонстрирует и обратную сторону этого подхода: реализация инвестиционного риска не должна происходить за счет третьих лиц и в ущерб их охраняемым законом интересам.

Инвестиционный риск как добровольно принятое бремя: защита профессиональных участников рынка

В Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2025 г. по делу № А40–301501/2023 сформулирована правовая позиция: инвестор, будучи предупрежденным о возможных рисках и добровольно вступая в правоотношения с профессиональным участником рынка ценных бумаг, не может впоследствии требовать компенсации убытков от контрагента, ссылаясь на изменение стоимости ценных бумаг. Суд указал, что истец «был ознакомлен с рисками… согласился с данными рисками, в связи с чем не вправе требовать возмещения убытков».

Из этого решения могут быть извлечены несколько критериев, которыми руководствуется суд при оценке инвестиционного риска.

Во-первых, это информированность о риске: риски (изменение стоимости, волатильность, ограничения обращения) доводятся до инвестора на этапе присоединения к системе торговли, что формирует презумпцию осознанного и добровольного принятия риска.

Во-вторых, суд демонстрирует широкое понимание инвестиционных рисков, включая в их состав не только финансовые колебания, но и нефинансовые риски – стратегические, социально-политические, макроэкономические, которые «не связаны с особенностями того или иного объекта инвестирования». Это принципиально важное расширение: на инвестора относятся даже последствия масштабных политических и экономических потрясений.

В-третьих, суд обращает внимание на недопустимость фиксации убытков при сохранении актива: временная невозможность продажи или падение стоимости не являются безусловными убытками, поскольку актив может вырасти в цене, и инвестор, сохраняющий право собственности, продолжает нести риск будущего изменения стоимости.

Итоговый вывод суда однозначен: попытка инвестора переложить «инвестиционные риски, которые он принял на себя при инвестировании… является недопустимым». Профессиональный участник рынка, надлежащим образом исполнивший обязанность по информированию, не может выступать гарантом доходности инвестиций или страховщиком от рыночных колебаний.

Инвестиционный риск в корпоративных отношениях: недопустимость переложения на кредиторов

Иной срез проблемы раскрывается в Постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 февраля 2025 г. по делу № А76–5247/2020. Здесь рассматривается ситуация, когда инвестиционный риск реализуется контролирующими лицами не за счет собственных средств, а за счет имущества подконтрольного общества и в ущерб его кредиторам. Суд устанавливает пределы реализации инвестиционного риска, квалифицируя его недобросовестное использование как основание для привлечения к субсидиарной ответственности.

Суд исходит из того, что инвестиционный риск не может быть безосновательно переложен на независимых кредиторов. Контролирующие лица, финансируя деятельность иного лица за счет имущества должника, фактически переложили «риски убыточности и прекращения деятельности» этого лица на кредиторов должника. Правовая оценка таких действий строится на нескольких критериях.

Первый критерий – осведомленность о высокой степени риска. Суд устанавливает, что контролирующие лица знали (или должны были знать) о наличии корпоративного конфликта, нарушений надзорных органов и отсутствии прибыли у реципиента инвестиций. Эти обстоятельства «свидетельствуют о высокой степени риска инвестирования… за счет имущества должника», однако лица сознательно его проигнорировали.

Второй критерий – отсутствие разумных экономических ожиданий и деловой цели. Суд апеллирует к поведению «разумного займодавца», который стремится минимизировать риски невозврата. В данном случае контролирующие лица, зная о невозможности возврата займов, тем не менее продолжали их выдавать, не имея экономически обоснованного плана и не проверяя платежеспособность заемщиков.

Третий критерий – нарушение стандартов добросовестности. Суд констатирует, что действия контролирующих лиц представляют собой не обычный предпринимательский риск, а злоупотребление, поскольку они осознанно переложили свои инвестиционные риски на третьих лиц – кредиторов должника.

Таким образом, корпоративный контекст обнажает важнейший принцип: инвестиционный риск может нести только то лицо, которое осуществляет инвестирование. Переложение этого риска на кредиторов, не участвовавших в инвестиционном проекте и не принимавших на себя соответствующих рисков, признается недопустимым и влечет применение мер ответственности.

Инвестиционный риск резидента территории опережающего развития: недопустимость переложения на государство

Третий аспект проблемы раскрывается в решении Арбитражного суда Самарской области от 30 июня 2025 г. по делу № А55–40105/2024. Здесь получил развитие принцип самостоятельности инвестиционного риска применительно к лицам, действующим в рамках специальных правовых режимов, созданных государством.

Суд, отклоняя доводы налогоплательщика о неравном положении резидентов ТОСЭР, указал, что резидент ТОСЭР является одновременно предпринимателем и инвестором, а значит, несет как предпринимательский, так и инвестиционный риск, «которые предполагают возможность недополучения или неполучения дохода, а также возможность потери вложенных средств. Государство, создавая льготный режим для осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности резидента ТОСЭР, не принимает на себя его возможные риски в виде отсутствия прибыли». Суд также сослался на правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, выраженную в Определении от 28.07.2023 № 310-ЭС23–12084, что дополнительно подтверждает единство подходов высшей судебной инстанции.

Данный вывод имеет важное теоретическое и практическое значение. Во-первых, он фиксирует, что государственная поддержка не означает гарантию доходности. Льготные режимы создают благоприятные условия для инвестиций, но не освобождают инвестора от необходимости нести риски, присущие любой предпринимательской деятельности. Убытки, понесенные резидентом ТОСЭР, не могут быть компенсированы за счет государства.

Во-вторых, суд подчеркивает, что само по себе участие в ТОСЭР не меняет природу инвестиционного риска: он остается неотъемлемым элементом деятельности инвестора. Норма части 5 ст. 15 Федерального закона «О территориях опережающего развития в Российской Федерации», предусматривающая невозмещение расходов при расторжении соглашения, лишь конкретизирует этот общий принцип. В-третьих, суд указывает на равенство всех инвесторов перед риском независимо от режима инвестирования.

Обобщающие выводы из судебной практики

Сопоставление приведенных судебных актов позволяет сформулировать следующие теоретически значимые положения, выступающие ориентирами для правоприменительной практики.

Инвестиционный риск как добровольно принятая категория. Суды исходят из презумпции того, что лицо, осуществляющее инвестиции, принимает на себя весь спектр связанных с ними рисков – как финансовых, так и нефинансовых (политических, стратегических, макроэкономических). Инвестор не вправе перекладывать последствия реализации этих рисков на профессионального участника рынка, если тот надлежащим образом исполнил обязанность по информированию. Государство, предоставляя льготные режимы, также не принимает на себя риски инвестора.

Пределы реализации инвестиционного риска. Инвестиционный риск не может быть реализован за счет и в ущерб третьим лицам, не являющимся участниками инвестиционного проекта. Если контролирующее лицо, достоверно зная о высокой степени риска, осуществляет инвестирование в ущерб интересам возглавляемого им юридического лица и его кредиторов, такой риск утрачивает характер обычного предпринимательского и становится основанием для применения механизмов корпоративной защиты.

Критерий добросовестности как универсальный ограничитель. Ключевым в рассмотренных делах выступает поведенческий стандарт. Добросовестный инвестор (или контролирующее лицо) должен: а) осознавать принимаемые риски; б) стремиться к их минимизации разумными способами (проверка контрагентов, анализ экономической целесообразности, диверсификация); в) не перекладывать последствия реализации риска на лиц, которые эти риски не принимали и не должны были нести (кредиторы, профессиональные посредники, государство).

Таким образом, судебная практика формирует непротиворечивый подход: риск является неотъемлемым признаком инвестиционной деятельности, однако его реализация должна происходить в границах добросовестности и разумности, установленных законом. Инвестор самостоятельно несет бремя возможных убытков, а попытки переложить это бремя на иных лиц признаются недопустимыми. Выявленные критерии – информированность, разумные ожидания, недопустимость переложения на третьих лиц – требуют дальнейшей систематизации, однако уже сейчас могут служить ориентиром для правоприменительной практики.

Результаты исследования

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие основные результаты, обладающие признаками научной новизны.

1. Обоснована необходимость переосмысления инвестиционного риска как юридически значимой конструкции, определяющей распределение убытков. В доктрине риск традиционно рассматривается как имманентное свойство инвестиционной деятельности, однако такое понимание оставляет открытым вопрос о правовых последствиях принятия риска. Исследование показало, что в судебной практике риск выполняет регулятивную функцию, выступая критерием распределения бремени убытков. Суды, разрешая споры, фактически оценивают, был ли риск принят инвестором добровольно и осознанно, не выходят ли его действия за пределы разумного, не пытается ли он переложить последствия риска на лиц, его не принимавших. Таким образом, категория риска из абстрактного признака превращается в операциональный инструмент, работающий в связке с категориями добросовестности и разумности.

2. Выявлены сущностные признаки инвестиционного риска, отграничивающие его от смежных категорий. Инвестиционный риск характеризуется: а) объективной обусловленностью вероятностной природой рыночной среды (в отличие от риска в играх и пари); б) добровольностью принятия инвестором (в отличие от бытового риска); в) направленностью на получение дохода (в отличие от предпринимательского риска); г) отсутствием гарантии возвратности вложений (в отличие от заемных отношений).

3. Распределение бремени доказывания зависит от профессионального статуса ответчика. В отношениях с профессиональными финансовыми посредниками именно они должны доказать, что действовали разумно и раскрыли информацию о рисках. В отношениях с государством или кредиторами действует презумпция, что инвестор действует на свой риск, и он должен доказать наличие исключительных обстоятельств для переложения убытков.

4. Выявлен дисбаланс в правовом регулировании. Законодательство о квалифицированных инвесторах содержит инструментарий для распределения рисков, тогда как массовый инвестор остается в поле общего регулирования, где риск не имеет операционального значения. Этот пробел требует восполнения через разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Общий вывод. Инвестиционный риск традиционно воспринимается как юридически инертный признак, однако судебная практика обнаруживает его регулятивную функцию: риск выступает критерием распределения убытков. Суды исходят из того, что риск остается на инвесторе, если тот действовал добровольно и был информирован, но не может быть переложен на третьих лиц, не участвовавших в проекте. Главный научный результат – обоснование категории инвестиционного риска как операционального инструмента, работающего со стандартами добросовестности и разумности. Правовое признание инвестиционного риска означает смещение акцента с патернализма на экономическую самостоятельность инвестора при сохранении границ, за которыми риск не может быть переложен на лиц, его не принимавших.

Литература

1. Ахметова И.Н. Риски в предпринимательской деятельности: юридические аспекты // Безопасность бизнеса. – 2019. – № 4. – С. 11–16.

2. Беседкина Н.И., Косулина А.М., Овчинников А.А., Якимова Е.С. Инвестиционное право. М.: Издательство Юрайт, 2018.

3. Гусейнова Г.Э. Предпринимательский риск в условиях экономического кризиса: анализ правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – № 2. – С. 151–159.

4. Лаптева А.М., Скворцов О.Ю. Инвестиционное право: Учебник. М.: Юрайт, 2022.
5. Предпринимательское право: Учебник: В 2 т. / Под ред. В.Ф. Попондопуло. Т. 1. М.: Проспект, 2023.

RISK AS AN ESSENTIAL FEATURE OF INVESTMENT ACTIVITY: LEGAL SIGNIFICANCE AND CONSEQUENCES

Pantyukhov D.A.
Ulyanovsk State University

The purpose of this study is to substantiate the need to rethink the category of investment risk-from a formal characteristic merely mentioned in legislative definitions to a fully-fledged legal criterion determining the limits of liability of participants in investment legal relations and the principles for distributing losses arising from the realization of risk.
As a result of this study, the essential features of investment risk were identified, distinguishing it from entrepreneurial, gambling, and everyday risks. The main areas of judicial practice have been systematized, demonstrating a consistent approach: the risk by default lies with the investor who voluntarily accepts it. However, there are clear boundaries beyond which the risk can be transferred to professional participants (in the event of a breach of the obligation to inform) or to controlling persons (in the event of risk transfer to creditors).

Keywords: investment risk, investment activity, loss allocation, risk allocation.

References

1. Akhmetova I.N. Risks in entrepreneurial activity: legal aspects // Business Security. – 2019. – № 4. – P. 11–16.
2. Besedkina N. I., Kosulina A.M., Ovchinnikov A.A., Yakimova E.S. Investment law. Moscow: Yurait Publishing House, 2018.
3. Guseynova G.E. Entrepreneurial risk in the context of economic crisis: analysis of law enforcement practice // Actual problems of Russian law. – 2024. – Vol. 19. – № 2. – P. 151–159.
4. Lapteva A. M., Skvortsov O. Yu. Investment law: Textbook. Moscow: Yurait, 2022.
5. Entrepreneurial law: Textbook: In 2 volumes / Ed. V.F. Popondopulo. T. 1. M.: Prospekt, 2023.

Особенности взаимодействия нотариальных систем Российской Федерации и США: легитимация и доказательственная сила нотариальных актов

Рогов Артур Александрович,
аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: rogov.artur2010@yandex.ru

Статья посвящена исследованию механизмов взаимодействия нотариальных систем Российской Федерации (латинский нотариат) и США (англо-американская система). Рассматривается проблема взаимного признания и легитимации нотариальных документов в трансграничном гражданском обороте. Цель исследования заключается в определении пределов доказательственной силы документов, исходящих от американских публичных нотариусов, при их использовании в России, и российских нотариальных актов в США. В качестве методов применялись формально-юридический и сравнительно-правовой анализ, позволившие сопоставить процессуальные нормы РФ и регламенты деятельности нотариусов отдельных штатов США (Нью-Йорк, Вашингтон, Айдахо). Результаты демонстрируют, что, несмотря на формальную легитимацию посредством апостиля, нотариальные акты США удостоверяют преимущественно подлинность подписи и не обладают повышенной доказательственной силой, свойственной актам российского нотариата, гарантирующего законность содержания сделки. В заключении обосновывается необходимость дифференцированного подхода правоприменителей к оценке иностранных нотариальных актов в зависимости от компетенции удостоверившего их должностного лица.

Ключевые слова: нотариат, публичный нотариус, легализация документов, апостиль, доказательственная сила, англо-американское право, латинский нотариат, трансграничный оборот.

Введение

Глобализация экономических связей и развитие трансграничного гражданского оборота неизбежно влекут за собой необходимость использования правовых институтов, гарантирующих юридическую безопасность международных сделок, доверенностей и корпоративных документов. Ключевую роль в данном процессе играет нотариат. Однако Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки принадлежат к двум фундаментально различным правовым семьям, что обуславливает кардинальные отличия в компетенции их нотариусов. Российский нотариат латинского типа выполняет функции превентивного правосудия, в то время как публичный нотариус (notary public) в США является элементом системы общего права, осуществляющим преимущественно свидетельские (технические) функции.

Столкновение этих двух парадигм происходит на практике регулярно: американские доверенности, аффидевиты и решения корпораций предъявляются в российские суды, банковские учреждения и регистрирующие органы, а российские нотариальные акты используются на территории США. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование механизмов взаимодействия нотариальных систем, вопросов взаимной легитимности документов, а также пределов их доказательственной силы.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный подход) и специальные юридические методы, основным из которых выступил сравнительно-правовой. Эмпирическую базу составили нормы Гаагской конвенции 1961 г., Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, а также официальные регламенты и руководства по осуществлению нотариальной деятельности отдельных штатов США: Закон о лицензировании публичных нотариусов штата Нью-Йорк, Руководство для нотариусов штата Вашингтон и Руководство публичного нотариуса штата Айдахо.

Литературный обзор

Проблема взаимодействия нотариальных систем и оценки доказательственной силы документов активно обсуждается в современной отечественной доктрине. Вопросы особой (повышенной) доказательственной силы нотариального акта глубоко исследованы в трудах М.З. Шварца, который подчеркивает значение аутентичного акта с заранее установленной силой в континентальном гражданском процессе [6, с. 65–66]. Данную позицию развивает Р.С. Каллаев, акцентируя внимание на том, что важнейшей функцией российского нотариата является создание достоверных, подлинных доказательств, обязательных для судов[4, с. 123]. Практические аспекты трансграничного применения нотариальных документов освещены в работах Е.О. Лексаковой и Ф.Г. Соловьева. Авторы справедливо указывают на то, что американские нотариусы не осуществляют правовую экспертизу сделок, что становится ключевым фактором при оценке правомочности нотаризованного за рубежом документа в условиях российской юрисдикции[5, с. 38]. Вместе с тем, вопросы практического взаимодействия и пределов легитимации документов двух кардинально разных правовых систем требуют дополнительного сравнительно-правового осмысления.

Результаты

Механизмы легитимации документов во взаимодействии систем. Основным инструментом, обеспечивающим признание и легитимность нотариальных документов США в России и наоборот, выступает Гаагская конвенция от 5 октября 1961 г., отменяющая требование консульской легализации иностранных официальных документов. Поскольку и Российская Федерация, и США являются ее участниками, документу достаточно пройти стандартизированную процедуру апостилирования [1].

В США апостиль на нотариальные акты проставляется уполномоченными органами соответствующего штата (как правило, офисом Секретаря штата – Secretary of State). Для полноценного использования американского документа в России необходимо получить оригинал с апостилем, осуществить его перевод на русский язык и засвидетель-

ствовать подлинность подписи переводчика у российского нотариуса. Зеркальная процедура применяется и для российских документов: нотариальный акт удостоверяется апостилем (например, через территориальные органы Министерства юстиции РФ), переводится и предъявляется по месту требования в США.

Ограничения легитимности и разница в компетенции. Несмотря на формальное признание документа через наличие апостиля, содержание нотариального акта в США жестко ограничено законом. Согласно законодательству штата Нью-Йорк, публичному нотариусу категорически запрещено давать юридические советы, составлять проекты договоров или разъяснять сторонам правовые последствия их действий, что квалифицируется как незаконная юридическая практика (unlawful practice of law) и влечет ответственность [8, p. 13].

Функционал американского нотариуса сводится к базовым свидетельским действиям. В Руководстве штата Вашингтон выделяются два наиболее распространенных вида актов:

1. *Acknowledgment* (подтверждение подписи) – нотариус визуально устанавливает личность подписанта (по ID-карте, водительскому удостоверению или паспорту) и получает устное подтверждение, что лицо подписало документ добровольно [9, p. 14];

2. *Jurat / Verification on oath* (приведение к присяге) – нотариус удостоверяет подпись и принимает клятву о том, что изложенные в документе факты верны, однако сам нотариус эти факты не проверяет и не несет за них ответственности [9, p. 17].

В противовес этому, российский нотариус при удостоверении сделки или доверенности обязан не только идентифицировать лицо, но и проверить его дееспособность, выявить действительную волю, а также разъяснить смысл и последствия совершаемого нотариального действия (ст. 15, 54 Основ законодательства РФ о нотариате) [3].

Обсуждение

Взаимодействие двух нотариальных систем на практике выявляет существенный «доказательственный разрыв». В российском процессуальном праве (ч. 5 ст. 61 ГПК РФ) закреплена повышенная доказательственная сила нотариального акта: обстоятельства, подтвержденные нотариусом, не требуют доказывания, если акт не отменен в установленном порядке [2]. Однако распространяется ли эта мощная презумпция на американские нотариальные акты, законно легализованные апостилем?

Ответ заключается в понимании природы иностранного акта. Американский апостилированный документ доказывает для российского суда или регистрирующего органа (например, Росреестра) лишь один неоспоримый факт: **документ был физически подписан конкретным лицом в присутствии уполномоченного свидетеля**.

Содержание же документа (законность корпоративного решения, соответствие условий сделки праву, реальные полномочия директора компании) американским нотариусом не проверялось. Как прямо указано в официальном Руководстве публичного нотариуса штата Айдахо, при удостоверении подписи представителя юридического лица (Compound acknowledgment) нотариус устанавливает лишь *заявленную* должность лица, но не обязан истребовать уставные документы для проверки его реальных полномочий на отчуждение имущества или совершение иных действий [7, p. 32–33].

Следовательно, при взаимодействии систем российский правоприменитель не может придавать американскому документу презумпцию абсолютной законности содержания. Риски признания такого документа недействительным в Российской Федерации полностью ложатся на участников оборота.

С другой стороны, российский нотариальный акт, попав в правовую систему США, хотя и признается официальным документом, будет оцениваться американским судом на основе строгих правил доказывания (Rules of Evidence) системы общего права. Концепция континентального «аутентичного акта» в США не применяется, поэтому российский документ не получит заранее установленной бесспорной силы и может оспариваться наравне с иными письменными доказательствами (в том числе путем допроса сторон в суде).

Отдельным вектором взаимодействия в последние годы становится развитие дистанционных технологий. Многие штаты США (Вашингтон, Айдахо и др.) активно внедряют дистанционное нотариальное удостоверение (Remote Online Notarization – RON) с использованием аудио-видео связи [7, p. 38; 9, p. 14]. Россия также развивает механизмы удаленных нотариальных действий. Взаимодействие в этой сфере открывает путь к использованию электронных апостилей (e-APP), однако требует от нотариусов обеих стран новых компетенций по верификации иностранных электронных цифровых подписей и проверке криптографической защиты файлов.

Заключение

Взаимодействие нотариальных систем Российской Федерации и США представляет собой сложный правовой механизм, где успешная формальная легитимация официальных документов через институт апостиля не устраняет глубинных материально-правовых различий в природе самих актов.

Нотариальные документы США абсолютно легитимны на территории России при условии их надлежащей легализации. Однако их использование ограничено компетенцией американского нотариуса: они обладают доказательственной силой исключительно в части подтверждения подлинности подписи и факта приведения к присяге, но не гарантируют законность содержания документа и правомочность сторон на совершение сделки.

В условиях развивающегося трансграничного оборота требуется дифференцированный подход российских правоприменителей к оценке иностранных нотариальных документов. Четкое понимание пределов доказательственной силы англо-американских нотариальных актов позволит избежать необоснованного переложения юридических рисков на добросовестных участников гражданского оборота и повысит общую стабильность международных имущественных отношений.

Литература

1. Гаагская конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов (заключена в Гааге 05.10.1961) // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 6.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1) (ред. от 24.07.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

4. Каллаев Р.С. Доказательственная сила нотариальных актов в гражданском и арбитражном процессе // Закон и право. – 2023. – № 12. – С. 122–125.

5. Лексакова Е. О., Соловьев Ф.Г. Особенности нотариальной деятельности в США как важный фактор оценки правомочности нотаризированного за рубежом документа в условиях российской юрисдикции // Нотариальный вестник. – 2024. – № 10. – С. 38–48.

6. Шварц М.З. Размышления о содержании и пределах доказательственного значения нотариального акта // Сборник материалов и статей к 10-летию Центра нотариальных исследований. – Москва: Риза-Принт, 2012. – С. 65–78.

7. Idaho Notary Public Handbook // Idaho Secretary of State. – 2020. – 44 p.

8. Notary Public License Law // NYS Department of State Division of Licensing Services (New York). – 2023. – 22 p.

9. Washington State Notary Public Guide // Washington State Department of Licensing. – 2018. – 53 p.

FEATURES OF THE INTERACTION BETWEEN THE NOTARIAL SYSTEMS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE USA: LEGITIMATION AND EVIDENTIARY FORCE OF NOTARIAL ACTS

Rogov A.A.
Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The article is devoted to the study of the interaction mechanisms between the notarial systems of the Russian Federation (Latin notary) and the USA (Anglo-American system). The problem of mutual recognition and legitimation of notarial documents in cross-border civil turnover is considered. The purpose of the study is to determine the limits of the evidentiary force of documents originating from US notaries public when used in Russia, and Russian notarial acts in the US. Formal-legal and comparative-legal analysis were used as methods, which made it possible to compare the procedural norms of the Russian Federation and the regulations of notaries in individual US states (New York, Washington, Idaho). The results demonstrate that despite formal legitimation through an apostille, US notarial acts primarily certify the authenticity of a signature and do not have the heightened evidentiary force inherent in the acts of the Russian notary, which guarantees the legality of the content of the transaction. In conclusion, the necessity of a differentiated approach by law enforcers to the evaluation of foreign notarial acts depending on the competence of the certifying official is substantiated.

Keywords: notary, notary public, legalization of documents, apostille, evidentiary value, Anglo-American law, Latin notary, cross-border turnover.

References

1. Hague Convention Abolishing the Requirement of Legalisation for Foreign Public Documents (concluded in The Hague 05.10.1961). Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov, 1993, № 6. (in Russ.)

2. Civil Procedural Code of the Russian Federation № 138-FZ of November 14, 2002. Sobranie zakonodatelstva RF, 2002, № 46, art. 4532. (in Russ.)
3. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries (approved by the Armed Forces of the Russian Federation 11.02.1993 № 4462–1). SPS Consultant-Plus. (in Russ.)
4. Kallaev R.S. Probative force of notarial acts in civil and arbitration proceedings. Zakon i pravo, 2023, № 12, Pp. 122–125. (in Russ.)
5. Leksakova E. O., Solovyov F.G. Features of notarial activity in the USA as an important factor in assessing the validity of a document notarized abroad in the conditions of Russian jurisdiction. Notarialnyy vestnik, 2024, № 10, Pp. 38–48. (in Russ.)
6. Schwartz M.Z. Reflections on the content and limits of the evidentiary value of a notarial act. Collection of materials and articles for the 10th anniversary of the Center for Notarial Studies. Moscow: Riza-Print, 2012, Pp. 65–78. (in Russ.).
7. Idaho Notary Public Handbook. Idaho Secretary of State, 2020, 44 p.
8. Notary Public License Law. NYS Department of State Division of Licensing Services (New York), 2023, 22 p.
9. Washington State Notary Public Guide. Washington State Department of Licensing, 2018, 53 p.

Плата за отказ от договора в дореволюционном праве России

Сенников Сергей Александрович,
аспирант юридического факультета Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: sergesennikov@yandex.ru

В статье проводится историко-правовой анализ института платы за отказ от договора в дореволюционном праве России. Автор исследует Свод законов гражданских Российской империи, судебную практику Правительствующего Сената, Свод местных узаконений губерний Остзейских, а также Проект Гражданского уложения. На основе анализа нормативных актов и доктринальных источников делается вывод о том, что конструкции платы за отказ (Reugeld) и замены исполнения (отступного в смысле ст. 409 ГК РФ) изначально имели различную правовую природу. Установлено, что во всех перечисленных источниках регулирование платы за отказ, которая тогда именовалась «отступным», и замены исполнения, которая так называется теперь, было разграничено, хотя в доктрине встречались позиции, смешивающие эти два разных правовых явления. Работа позволяет переосмыслить соотношение современных категорий платы за отказ и замены исполнения.

Ключевые слова: плата за отказ от договора, отступное, замена исполнения, задаток, неустойка, расторжение договора, Reugeld, arrha poenitentialis.

Благодаря состоявшейся реформе российского гражданского права с 2015 года в п. 3 ст. 310 Гражданского кодекса РФ (ГК) появилось позитивное закрепление известной договорной конструкции – платы за отказ от договора[1] (далее – плата за отказ[2]). Как было показано нами в ранее проведённом исследовании [16, с. 102–152], указанную конструкцию в отечественном дореволюционном праве было принято именовать «отступным» – понятием, которое теперь вследствие терминологической путаницы в ст. 409 ГК стало прочно ассоциироваться с другим, самостоятельным институтом замены исполнения.

В настоящей работе представлен анализ правового регулирования платы за отказ в Российской империи конца XIX – начала XX вв., а также доктринальных воззрений того времени о её правовой природе. В результате удалось выяснить, как в исторической перспективе соотносились между собой замена исполнения, названная в современном ГК «отступным», и плата за отказ, что позволяет переосмыслить встречающуюся в цивилистической литературе [22, с. 152; 3, с. 4–5; 2, с. 115–116] точку зрения о том, что действующая ст. 409 ГК объединяет в себе обе названные категории.

Свод законов гражданских Российской империи

Гражданское право Российской империи в целом сохраняло преемственность традициям континентального европейского права и рассматривало выплату за отказ от договора в контексте задатка[3]. Правда, в Своде законов гражданских (ч. 1 т. X Свода законов Российской империи) не содержалось прямой нормы, регулирующей отступное в смысле платы за отказ, но соответствующее значение придавалось доктриной специальным нормам о задатке [22, с. 90]. Вообще общие положения о задатке в Своде законов тоже отсутствовали, правовое регулирование было точечно представлено специальными нормами применительно к отдельным видам договоров [17, с. 40].

Как следует из научной литературы того времени, значение отступного придавалось задатку по задаточной расписке (ст. 1688, 1689), при продаже казенных имуществ (ст. 1495) и в ходе публичных торгов (ст. 1067, 1176 Устава гражданского судопроизводства) [17, с. 42; 20, с. 254–255; 21, с. 50–51]. Указанное значение объясняли тем, что в перечисленных случаях лицо, уклонившееся от заключения договора, в частности от совершения запродажной записи или купчей крепости, от покупки казённого имущества, не было обязано возмещать противной стороне убытки. Это позволяло считать, что названный задаток приводит к ослаблению, а не усилению обязательственных правоотношений, а критерий ослабления договорной связи как отличительная особенность отступного задатка, особенно при сравнении с неустойкой, был и остаётся общим местом в доктрине [25, с. 234; 4, с. 179]. В современной литературе, посвящённой отступному [2, с. 89–90; 22, с. 89–93], приводят те же случаи в качестве примеров признания отступного задатка.

Однако отнесение приведённых специальных норм к отступному в смысле платы за отказ представляется небесспорным.

Во-первых, в них отсутствуют два ключевых признака платы за отказ: 1) связь с расторжением договора, поскольку все обозначенные случаи касаются преддоговорной стадии, на которой договор ещё не возник, а значит расторгать нечего; 2) и обуславливание односто-

[1] В самой норме законодатель использовал иную терминологию: «плата за односторонний отказ от исполнения обязательства или его одностороннее изменение», что представляется не корректным с точки зрения установленного ст. 307 ГК понятия обязательства в узком смысле: «обязанности должника противостоит право кредитора», тогда как плата связана с расторжением договора в целом, включая все входящие в предмет обязательства. Более верным в этой связи представляется использование термина «договор» вместо «обязательство».

[2] В той же норме п. 3 ст. 310 ГК сказано не только о плате за отказ от обязательства, но и о плате за его одностороннее изменение. В некоторых случаях плата за изменение действительно будет совпадать с признаками платы за частичный отказ от договора в сторону уменьшения объема предоставления, но во многих других ситуациях они в корне различаются, например, плата за одностороннее увеличение количества товаров с пропорциональным повышением стоимости имеет мало общего с расторжением договора. Поэтому такое смешение двух разных договорных конструкций также видится неоптимальным.

[3] В связке с задатком плата за отказ представлена во французском и итальянском гражданских кодексах, исторически в такой фигуре римского частного права, как «arrha poenitentialis» (отступной задаток) видят предшественника платы за отказ. Подробнее см. Сенников С.А. Указ. соч.

ронней сделки по реализации секундарного права, так как сторона, лишающаяся задатка, не совершает волеизъявления, а просто бездействует, тем самым уклоняясь от заключения договора.

Тезис о том, что задаточная расписка оформляла преддоговорную стадию отношений и полноценным договором не считалась, встречается в юридической литературе того времени [20, с. 1630]. В частности отмечается, что значение такой расписки сводилось к судьбе задатка, потому из её нарушения не вытекала возможность понуждения к заключению договора. Об этом же косвенно свидетельствует тот факт, что Правительствующий Сенат (далее – Сенат) называет её актом и «предварительным условием», а не договором (см.: решение Сената 1904 г. № 28, источник ознакомления со всеми решениями Сената в статье: URL: https://zakon.ru/Profile/User/senat).

Во-вторых, практика Сената, на которую ссылаются в обоснование приведённой позиции, напрямую об отступном характере задатка не высказывается. Так, в решении 1904 г. № 28, которое чаще всего приводят [5, с. 159; 18, с. 158–161; 21, с. 50–51] в подтверждение признания Сенатом отступного задатка, не содержится эксплицитного утверждения о том, что задаток может выполнять функцию отступного. К такому выводу приходят на основе позиции Сената о том, что при оформлении задаточной расписки истец, столкнувшийся с отказом контрагента от исполнения обязательства, не может претендовать на убытки, но ограничивается только пределами задатка. Видимо основанием для того, чтобы видеть в этой позиции признание отступного в значении платы за отказ, послужило отношение к отступному задатку как к некоей альтернативе убыткам.

Исходя из платы за отказ в современном понимании, можно сказать, что она действительно не может рассматриваться наряду с убытками, но не потому, что является альтернативным средством защиты, а ввиду её исключительно регулятивного характера. Однако в тексте решения точно не говорится о правомерном поведении, напротив, обсуждаются последствия нарушения задаточной расписки. К тому же, если исходить из мотивировочной части решения, то соответствующая позиция объясняется нежеланием допускать разный режим исковой давности для требований, вытекающих из нарушения задаточной расписки: сокращённый годичный срок для требования о задатке и общий десятилетний – для требования об убытках. Неоправданность подобной мотивировки, использующей аргументы о давности, критиковалась в дореволюционной литературе применительно к данному делу [18, с. 158–161]. Как бы то ни было, здесь важно отметить отсутствие в этом решении прямого признания отступного задатка как платы за правомерный отказ от договора, ведь задаток воспринимался как средство защиты от нарушения, а не вознаграждение за правомерное осуществление секундарного права.

Более того, позиции из других решений Сената (1868 г. № 347, 1870 г. № 1866, 1874 г. № 235) [26, с. 616] также ослабляют вывод о признании задатка в качестве платы за отказ. Так, в решении Сената 1868 г. № 347 задаток по задаточной расписке, предусмотренный ст. 1688 Свода законов, назван неустойкой, которая проявляется в том, что продавец обязан возвратить задаток в двойном количестве, а покупщик лишается задаточной суммы. Из текста решения можно вывести, что Сенат рассматривал указанный задаток как законную исключительную неустойку, сделав вывод о недопустимости установления в задаточной расписке неустойки по соглашению сторон. Вместе с тем помимо термина «неустойка» для характеристики задатка используется эвфемизм «взыскание, не зависящее от соглашения сторон». В решении Сената 1870 г. № 1866 со ссылкой на предыдущее решение подтверждается позиция о недопустимости дополнительного взыскания неустойки помимо утраты задатка ввиду того, что за нарушение задаточной расписки закон постановляет «взыскание, не зависящее от согласия сторон». Наконец, в решении 1874 г. № 235 содержится та же позиция, но с другой формулировкой «за нарушение задаточной расписки самим законом определено взыскание, заменяющее неустойку».

Таким образом, задаток, оформленный задаточной распиской, сразу в серии решений Сената определялся как категория охранительная, но никак не регулятивная плата за отказ.

Применительно к задаточным распискам в решении 1868 г. № 723 была признана свобода усмотрения сторон в отношении последствий нарушения задаточной расписки, но вопрос касался продления сторонами срока совершения купчей и зачисления задатка в продажную цену. При этом основанием для наступления последствий в виде утраты задатка или его взыскания в двойном размере названа вина или уклонение одной или другой стороны от совершения формального акта, о котором была составлена задаточная расписка (запродажи или купчей). Так что и в этом решении нет признаков признания Сенатом задатка в качестве платы за отказ как категории, не имеющей ничего общего с мерами ответственности.

В другом решении Сената 1867 г. № 72, на которое также ссылаются в литературе [7, с. 141] как на пример признания задатка в качестве «отступных денег», речь шла о задатке, предусмотренном запродажей (предварительным договором купли-продажи). Вывод об отступном характере задатка основан на позиции Сената о том, что понуждение к исполнению запродажи не допускается, поэтому средства защиты ограничены неустойкой и задатком. Иными словами, сторона, не исполняющая предварительную договорённость и не совершающая купчую, отвечает только в пределах неустойки и задатка. Представляется, что и в этом случае нельзя усмотреть в задатке характер отступных денег в том смысле, какой придают данному институту в зарубежных правопорядках, выступивших источником его заимствования. Позиция Сената скорее касалась последствий нарушения запродажного договора в условиях запрета его принудительного исполнения, и к плате за отказ опять-таки отношения не имела.

Выводы, сделанные в приведённом решении Сената, были воспроизведены в последующем решении 1868 г. № 727, в котором также основанием для утраты или возврата задатка в двойном размере называлось неисполнение предварительного условия запродажи.

В отношении задатка Сенат принимал ещё немало решений (1892/12 1888/33, 1904/49), но все они касались его обеспечительной [20, с. 1633] и подтверждающей функций, а не отступной.

Для полноты картины нужно заметить, что касательно природы задатка по задаточной расписке в доктрине не наблюдалось единства мнений. К примеру, К.П. Змирлов считал, что такой задаток по существу является неустойкой [20, с. 1633]. В свою очередь, К.Н. Анненков не соглашался с тем, что в Своде законов и Сенатской практике задатку придаётся значение отступного, за исключением случаев, «когда бы сами стороны при заключении договора присвоили ему такое значение» [1, с. 240].

В настоящее время для схожих ситуаций, в частности в отношениях по предварительному договору (п. 4 ст. 380) и при заключении договора на торгах (п. 5 ст. 448) ГК РФ также устанавливает возможность согласования задатка, но в отличие от дореволюционного законодательства не исключает взыскание убытков с лица, уклонившегося от заключения договора, из того же исходит судебная практика (см.п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49).

Представляется, что наиболее подходящей для описанного задатка, в котором в дореволюционной доктрине видели отступное (плату за отказ), также выступает неустоечная квалификация, носящая исключительный характер. Если лицо уклоняется от совершения запродажи, купчей, от заключения договора по итогам торгов, а утраченный им задаток закон назначает единственным неблагоприятным последствием, это вполне можно воспринимать как исключительную неустойку, а не плату за отказ ещё не заключённого договора.

Таким образом, можно заключить, что отступное в смысле платы за отказ не было известно Своду законов гражданских Российской империи, а те решения Сената, которые обычно приводят в литературе в подтверждение признания отступного задатка, представляются не имеющими отношения к рассматриваемому институту.

При этом нет сомнений, что закон не запрещал сторонам своим соглашением предусмотреть отступное в рассматриваемом смысле, об этом, в частности, писал К.Г. Гинкул [5, с. 148, 155], отмечая при этом, что сам термин «отступное» в том значении, какое ему придают зарубежные юрисдикции, в первую очередь, немецкая (Reugeld), русскому закону, действовавшему на момент 1916 г., известен не был.

Свод местных узаконений губерний Остзейских (Прибалтийских)

Нельзя не отметить, что на части территории Российской империи действовал Свод местных узаконений губерний Остзейских (Прибалтийских), содержащий нормы и об отступном, и об отступном задатке.

В частности, в примечании к статье 3369 этого Свода прямо говорилось, что неустойку следует отличать от отступного, которое характеризовалось как «побочное определение», по которому одной стороне предоставляется *право* отступиться от договора без спроса другой взносом или потерей определенной суммы (см. текст Свода: https://www.prlib.ru/item/443323).

В ст. 3367, посвящённой задатку, выполняющему функцию отступного, речь шла об «отмене» договора путём «отступления», что указывает на связь с расторжением. О том, что под термином «отступиться» имеется в виду именно современное право на отказ от договора, свидетельствует то, что правом верителя отступиться от договора называлось одно из средств защиты при существенной просрочке должника (ст. 3320–3321 Свода) [23, с. 195]. С той разницей, что при отступном речь велась не о средстве защиты, а о праве или «свободе» сторон.

Этот вывод подтверждается и в юридической литературе, в частности, комментируя приведённую норму, В.Л. Исаченко пишет, что «сторона, теряя задаток или возвращая его вдвойне, может отказаться от договора» [7, с. 140].

В курсе профессора К.Э. Эрдмана применительно к названному Своду отступной задаток именуется «премиею при свободе обоих контрагентов отступиться от договора» [23, с. 175], что можно воспринимать как признание стоимостной природы рассматриваемой категории. Аналогичным образом в комментарии к Своду отступной задаток назван премией за свободное отступление обоих контрагентов [15, с. 1346]. При этом подчёркивается связь такого задатка с немецким Reugeld, его назначения как «денег, данных на случай раскаяния». Термин «раскаяние», в свою очередь, отражает связь с упоминавшимся выше (сн. 5) древнеримским «arrha poenitentialis» (от лат. poenitere – «раскаяться» [24, с. 39]). В этом контексте примечательно, что К.Э. Эрдман характеризовал признание Сводом права отступления при утрате задатка как «уклонение» от римского права, по-видимому рассматривая arrha poenitentialis как более позднюю категорию [23, с. 175].

Также в статьях 3939–3940 Свода содержалась норма о праве одной из сторон отказаться от договора купли-продажи, если она «раскается в сделке». В комментарии к Своду [15, с. 1692–1693] указано, что соответствующее право могло быть предоставлено под условием взноса известной суммы (Reugeld). При этом подчеркивалось, что подобное условие не подлежит правилам о неустойке. Следует отметить, что в Своде использован термин «отказаться от сделки», а в комментарии в качестве синонима употребляется категория «отступление». Тем самым подтверждается, что отступное понималось именно как плата за отказ от договора. Реализация права об отступлении по раскаянию требовала «предварительное заявление об отступлении», которое как совершенно произвольное зависело от усмотрения управомоченного лица. После осуществления права договор купли-продажи «отменялся», то есть прекращал своё действие. Действие такого секундарного права было ограничено в законе пресекательным сроком.

Наконец, важно учитывать, что отступное и замена исполнения регулировались как самостоятельные категории, нормами, расположенными в различных главах и разделах. В частности, правовое регулирование замены исполнения было разбросано в статьях, посвященных прекращению обязательств надлежащим исполнением: 3514, 3517, 3518, 3520, 3521 Свода [15, с. 1466–1467; 22, с. 100].

Из приведённых признаков можно заключить, что отступное в Своде Остзейских губерний имело значение современной платы за отказ.

Проект Гражданского уложения

Тем самым плата за отказ в нынешнем значении была известна дореволюционному законодательству лишь отчасти – на территории действия Свода Прибалтийских губерний. Ситуацию мог изменить Проект Гражданского уложения Российской империи (кн. 5, т. I; далее – Проект ГУ), разработчики которого учли практику Сената, понимаемую в приведённом ключе, а также передовой опыт континентально-европейских законодательств, поэтому отступному было посвящено сразу несколько статей, помещенных в один подраздел с нормами о задатке и неустойке. Как указывал К.Г. Гинкул, Проект ГУ впервые вводил отступное в русское законодательство в смысле западно-европейского «Reugeld» [5, с. 148].

В Проекте ГУ выделялось два вида отступных: отступное в чистом виде, которое представляло собой денежную сумму, уплачиваемую стороной в момент использования ранее выговоренного права отступиться от договора, а также задаток, выполнявший роль отступного. Причем последний подразумевался согласованным в договоре по умолчанию, если право отступиться от договора было предусмотрено в пользу одной или обеих сторон.

Рассматриваемый институт отступного строго разграничивался в Проекте ГУ с институтом замены исполнения (*datio in solutum*) как одним из способов прекращения обязательства путем предоставления должником с согласия кредитора какого-либо имущества взамен ранее обещанного предмета. Замене исполнения были посвящены отдельные статьи в той же книге Проекта ГУ, в главе, посвящённой исполнению обязательств, тем самым осуществление такой замены приравнивалось к исполнению первоначального обязательства, т.е. выступало его суррогатом (ст. 90 Проекта ГУ в редакции 1899 г., ст. 1628 Проекта ГУ в редакции 1905 г.).

Тем не менее в дореволюционной литературе можно встретить позицию, наделяющую отступное, предусмотренное Проектом ГУ, свойствами замены исполнения. Речь об упомянутой работе К.Г. Гинкула, специально посвященной отступному. Ярким свидетельством смешения отступного с заменой исполнения является фрагмент работы [5, с. 156], где К.Г. Гинкул прямо пишет, что термин «отступление» не означает прекращение договора в целом, а выступает заменой одного исполнения другим заранее условленным исполнением. Однако исследователь не сравнивает отступное как плату за отказ с заменой исполнения как способом прекращения обязательства и не упоминает, что комментируемый им Проект ГУ предусматривал раздельное регулирование этих двух категорий.

Более того, далее говорится, что «заявление об отступлении вовсе не прекращает всякие обязательственные отношения между сторонами, вовсе не прекращает договор», оно влечёт лишь замену одного предмета исполнения другим. Тем самым отступление от договора является в глазах автора исполнением договора.

Однако, как показывает компаративный анализ [11, с. 112–145; 14, с. 186–204; 16, с. 117–120], немецкая категория «Reugeld» (отступные деньги), взятая за основу разработчиками Проекта ГУ, является платой за отказ от договора, а не суррогатом исполнения. Об этом же свидетельствуют и пояснения разработчиков Проекта ГУ, и доктринальные позиции, и вышеприведенный пример Свода местных узаконений Прибалтийских губерний.

Различие между двумя упомянутыми конструкциями отчётливо видно на примере синаллагматических договоров: замена исполнения приводит к прекращению обязательства только одной из сторон, не влияя на встречное обязательство контрагента, а реализация секундарного права на отказ охватывает оба взаимообусловленных обязательства.

Ещё одно отличие между платой за отказ и заменой исполнения проявляется в том случае, когда последняя используется для прекращения не основных обязательств по предоставлению, входящих в предмет договора, а дополнительных или вообще внедоговорных (абз. 3 п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6). Например, если заменой исполнения прекращается обязательство по уплате неустойки или по возвращению неосновательного обогащения, то это ничего общего с платой за отказ от договора очевидно не имеет.

На практике описанное отождествление двух самостоятельных категорий приводит к неблагоприятным правовым последствиям, в частности к невозможности использования замены исполнения в случае просрочки должника. Из работы К.Г. Гинкула следует, что отступное (понимаемое им как замена исполнения) является сугубо правомерным поведением, действием в своем праве и не может использоваться в случае просрочки. Это справедливо для платы за отказ, которая действительно несовместима с противоправным поведением отказывающейся стороны, но не для замены исполнения, вполне мыслимой в случае просрочки, более того, довольно часто используемой уже после того, как договор нарушен.

К тому же заявление должника о намерении заменить исполнение не играет той же роли, которое играет заявление об отказе от договора, поскольку последнее является необходимым элементом юридического состава расторжения договора, тогда как для прекращения обязательства заменой исполнения заявление должника не обязательно. Одностороннее заявление должника при замене исполнения не требовал и Проект ГУ (ст. 1628).

Наконец, К.Г. Гинкул прямо пишет [5, с. 163], что отступное (Reugeld) представляет собой факультативное обязательство. Однако плата за отказ от договора не имеет ничего общего с факультативным обязательством. Последнее можно либо отождествлять с заменой исполнения, как поступает текущая судебная практика, либо воспринимать как более широкую категорию, но в любом случае оно представляет собой право должника заменить предмет основного предоставления. По этой причине все описанные различия между платой за отказ и заменой исполнения актуальны и для факультативных обязательств (даже если не отождествлять факультативные обязательства и замену исполнения).

Справедливости ради стоит отметить, что идея об отнесении платы за отказ (отступного) к факультативным обязательствам встречается и в иных доктринальных источниках рассматриваемого дореволюционного периода. К примеру, М.Я. Пергамент, критикуя идею признания т.н. привативной неустойки в современных правопорядках и относя эту конструкцию к отступным деньгам, писал о том, что «при отступном in obligatione находится только предмет главного договора», а соглашение об отступном создает на стороне должника «facultas alternativa» [13, с. 156–157]. Этим латинским понятием принято обозначать факультативное обязательство, которое в настоящее время отечественная судебная практика фактически отождествляет с заменой исполнения (ст. 409 ГК) [12, с. 98–103; 8, с. 365–366]. Приведённое обстоятельство может натолкнуть на мысль, что и М.Я. Пергамент не видел разницы между платой за отказ и заменой исполнения.

Однако такой вывод был бы преждевременным. В конце концов названные институты строго разграничивались в Проекте ГУ, разбору

которого автор посвятил часть своей известной работы. Кроме того, приравнивание факультативного обязательства к замене исполнения не является единственной точкой зрения на соотношение указанных правовых явлений. Так, Е.А. Крашенинников предлагал строго отграничивать «facultas alternativa» от «datio in solutum» [10, с. 35–38]. В дореволюционной литературе эти две категории также не смешивались [18, с. 52–54, 287–291].

Более того, в другом фрагменте, описывая отступное, М.Я. Пергамент характеризует его как «плату или премию, ценою которой дозволено договор расторгнуть, обратить в ничто» [13, с. 160]. Здесь налицо связь с расторжением договора и стоимостной характер, что гораздо ближе к плате за отказ, чем к замене исполнения.

В этой связи нельзя однозначно утверждать об отождествлении М.Я. Пергаментом отступного и замены исполнения. Правда, в его исследовании содержится ещё одно упоминание facultas alternativa, а именно цитата из работы немецкого учёного Экка, в которой указано, что при отступном (Reugeld) у должника появляется факультативное право – исполнить обязательство либо уплатить неустойку [13, с. 247].

Таким образом, проведённый анализ позволяет прийти к выводу о том, что плата за отказ (отступное) и замена исполнения разграничивались в Проекте ГУ, но об однозначной их делимитации в доктрине того времени говорить не приходится.

Тем не менее в пояснительной записке разработчиков Проекта ГУ сказано, что нормы об отступном были составлены на основе изучения опыта множества европейских государств (Германии, Швейцарии, Австрии и пр.). При этом разработчиками дается прямая ссылка на упоминавшиеся выше *Reugeld* и *arrha poenitentialis*, что в целом свидетельствует о встраивании предлагавшегося Проектом регулирования в ту систему, которая с теми или иными нюансами сложилась в континентально-европейских правопорядках на тот момент. Следовательно, с учетом всех вышеприведенных признаков платы за отказ от договора кажется верным отнести её к одной из моделей расторжения договора, но не к способам прекращения обязательств.

Литература

1. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Том III. Права обязательственные. – С.-Петербург, типография М.М. Стасюлевича, 1901 г. // СПС «Гарант».
2. Бабаев М.М. Отступное и новация в гражданском праве России: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 115–116.
3. Бациев В.В. Практический комментарий отдельных положений главы 26 Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств (за исключением положений о зачете). Арбитражные споры. 2007, № 4;
4. Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву / Соч. Б. Виндшейда; пер. с нем. под ред. и с примеч. ред.-изд. «Судеб. вестн.» А.Б. Думашевского. – Санкт-Петербург: тип. А. Думашевского, 1875. – XXII, 593 с.
5. Гинкул К.Г. Отступное по русскому праву // Журнал Министерства юстиции. – Петроград: Сенатская типография, 1916. – Год 22. № 6. Июнь. – VI, [2], II, 49, [1], 372 с. Источник: https://dspace.spbu.ru/items/34008c83-d245–419b-adcb-dc7451cef254;
6. Егоров А.В. Ликвидационная стадия обязательства // Вестник ВАС РФ. 2011. № 9. С. 6–27; № 10. С. 6–33;
7. Исаченко В.Л. О задатке // «Юридический вестник». Издание Московского юридического общества. Том VIII. – Москва, типография А.И. Мамонтова и Ко, сентябрь 1881 г. № 9 // СПС «Гарант».
8. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2022 (автор комментария к ст. 308.2 ГК – А.А. Павлов).
9. Кнельц (Капитонова) А.М. Синаллагма в договорном праве // Договоры и обязательства: сб. работ выпускников РШЧП: в 2 т. Т. 1. Общая часть / сост. и отв. ред. А.В. Егоров и А.А. Новицкая. М., 2018.
10. Крашенинников Е.А. К проблематике предоставления вместо исполнения // Очерки по торговому праву: сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Крашенинникова. Вып. 9. Ярославль, 2002.
11. Михайлова В.С. Плата за отказ от договора: пределы договорной свободы. Реформа обязательственного и договорного права: десять лет спустя / сост. и отв. ред. А.А. Павлов, Т.А. Саргсян. – Москва: Статут, 2025. – 702 с. С. 112–145;
12. Павлов А.А. Тезисы к проблеме факультативных обязательств // Очерки по торговому праву: Сборник научных трудов / Под ред. Е.А. Крашенинникова. Вып. 16. Ярославль, 2009. С. 98–103.
13. Пергамент М.Я. Договорная неустойка и интерес (часть вторая) // Вестник гражданского права. 2012. № 2. С. 118–190; Пергамент М.Я. Договорная неустойка и интерес (часть третья) // Вестник гражданского права. 2012. N 3. С. 228–270.
14. Прозорова А.С. Плата за отказ от договора: сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 9. С. 186–204;
15. Свод гражданских узаконений губерний прибалтийских с продолжением 1912–1914 гг. и с разъяснениями / Состав. В.Буковский. – Т. П. – Рига, 1914. Т. 2.
16. Сенников С.А. Снижение платы за отказ от договора в компаративной, исторической и экономической перспективах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. N 3. С. 102–152.
17. Синайский В.И. Русское гражданское право. Выпуск II. Обязательственное, семейное и наследственное право. – Киев, типография Р.К. Лубковского, 1915 г. // СПС «Гарант».
18. Трепицын И.Н. Гражданское право губерний Царства Польского и русское в связи с проектом Гражданского уложения. Общая часть обязательственного права. Варшава, 1914;
19. Тютрюмов И.М. Гражданское право. – Юрьев, типография К. Маттисена, 1922 г. С. 254–255 // СПС «Гарант».
20. Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Том II (издание 5-е, исправленное и значительно дополненное). – Петроград, издание юридического книжного магазина И.И. Зубкова, 1915 г. // СПС «Гарант».
21. Шершеневич, Габриэль Феликсович. Учебник русского гражданского права. Т. 2., 1915. – VI, 544 с.
22. Шилохвост О.Ю. Отступное как способ прекращения обязательств в гражданском праве России: дис. … канд. юрид. наук. М., 1999.
23. Эрдман К.Э. Обязательственное право губерний Прибалтийских: (Из курса проф. Эрдмана) / Пер. и доп. примеч. М.О. Гредингера. – Рига: изд. почет. мировой судьи Ф.Е. Камкина, 1908. – VIII, 638 с. // СПС «Гарант».
24. Eugen von Jagemann. Die sogenannte arrha poenitentialis: (Arrha mit Reurecht und arrha mit Strafbestimmung): Inaugural-Dissertationen, Universität Heidelberg Juristische Fakultät Guttentag, 1873. URL: https://books.google.ru/
25. Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Cape Town – Johannesburg, 1992.
26. Предметный алфавитный указатель к полному своду решений Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1866–1910 гг. Часть II. Л.М. Ротенберг // URL: https://zakon.ru/Profile/User/senat.

TERMINATION FEE IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN LAW

Sennikov S.A.
South-Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article presents a historical and legal analysis of the institution of a fee for withdrawal from a contract in pre-revolutionary Russian law. The author examines the Civil Code of the Russian Empire, the case law of the Governing Senate, the Local Code of the Baltic Governorates, and the Draft Civil Code. Based on an analysis of normative acts and doctrinal sources, it is concluded that the constructs of a fee for withdrawal (*Reugeld*) and substituted performance (*datio in solutum*, as referred to in Article 409 of the Russian Civil Code) originally had distinct legal natures. It is established that in all the aforementioned sources, the regulation of the fee for withdrawal (then termed «*otstupnoe*») and that of substituted performance (which now bears that name) were differentiated, although doctrinal positions that conflated these two distinct legal phenomena did exist. The work allows for a rethinking of the relationship between the modern categories of a fee for withdrawal and substituted performance.

Keywords: termination fee, compensation for release from an obligation, substituted performance, earnest money, penalty, termination of contract, Reugeld, arrha poenitentialis.

References

1. Annenkov K.N. System of Russian Civil Law. Volume III. Law of Obligations (2nd ed., revised and supplemented). St. Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1901 // SPS «Garant».
2. Babaev M.M. Otstupnoe and Novation in Russian Civil Law: Diss. … Cand. of Legal Sciences. Moscow, 2010.
3. Batsiev V.V. «Practical Commentary on Certain Provisions of Chapter 26 of the Civil Code of the Russian Federation on Termination of Obligations (Except for Provisions on Set-Off).» Arbitrazhnye Spory, 2007, № 4.
4. Windscheid B. On Obligations under Roman Law. Translated from German, edited and with notes by A.B. Dumashevsky. St. Petersburg, Tipografiya A. Dumashevskogo, 1875, XXII, 593 p.
5. Ginkul K.G. «Otstupnoe under Russian Law.» Zhurnal Ministerstva Yustitsii, Petrograd, Senatskaya Tipografiya, 1916, Year 22, № 6, June, VI, [2], II, 49, [1], 372 p.

6. Egorov A.V. «Liquidation Stage of an Obligation.» Vestnik VAS RF, 2011, № 9, pp. 6–27; № 10, pp. 6–33.

7. Isachenko V.L. «On Earnest Money.» Yuridicheskiy Vestnik, published by the Moscow Law Society, Vol. VIII, Moscow, Tipografiya A.I. Mamontova i Ko, September 1881, № 9 // SPS «Garant».

8. Performance and Termination of Obligations: Commentary on Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation. Editor-in-Chief A.G. Karapetov. Moscow, 2022 (author of commentary to Art. 308.2 of the Civil Code – A.A. Pavlov).

9. Knelts (Kapitonova) A.M. «Synallagma in Contract Law.» In: Contracts and Obligations: Collected Works of Graduates of the Russian School of Private Law: in 2 vols. Vol. 1. General Part. Compiled and edited by A.V. Egorov and A.A. Novitskaya. Moscow, 2018.

10. Krasheninnikov E.A. «On the Issue of Provision in Lieu of Performance.» In: Essays on Commercial Law: Collection of Scientific Works. Edited by E.A. Krasheninnikov. Issue 9. Yaroslavl, 2002.

11. Mikhailova V.S. «Fee for Withdrawal from a Contract: Limits of Contractual Freedom.» In: Reform of Obligation and Contract Law: Ten Years Later. Compiled and edited by A.A. Pavlov, T.A. Sargsyan. Moscow, Statut, 2025, 702 p.

12. Pavlov A.A. «Theses on the Problem of Facultative Obligations.» In: Essays on Commercial Law: Collection of Scientific Works. Edited by E.A. Krasheninnikov. Issue 16. Yaroslavl, 2009.

13. Pergament M.Ya. «Contractual Penalty and Interest (Part Two).» Vestnik Grazhdanskogo Prava, 2012, № 2, pp. 118–190; Pergament M.Ya. «Contractual Penalty and Interest (Part Three).» Vestnik Grazhdanskogo Prava, 2012, № 3.

14. Prozorova A.S. «Fee for Withdrawal from a Contract: A Comparative Legal Study.» Vestnik Ekonomicheskogo Pravosudiya Rossiyskoy Federatsii, 2024, № 9, pp. 186–204.

15. Collection of Civil Laws of the Baltic Governorates with Supplement of 1912–1914 and with Explanations. Compiled by V. Bukovsky. Vol. II. Riga, 1914, vol. 2.

16. Sennikov S.A. «Reduction of the Fee for Withdrawal from a Contract in Comparative, Historical and Economic Perspectives.» Vestnik Ekonomicheskogo Pravosudiya Rossiyskoy Federatsii, 2025, № 3, pp. 102–152.

17. Sinaisky V.I. Russian Civil Law. Issue II. Law of Obligations, Family and Inheritance Law. Kiev, Tipografiya R.K. Lubkovskogo, 1915 // SPS «Garant».

18. Trepitsyn I.N. Civil Law of the Governorates of the Kingdom of Poland and Russian Civil Law in Connection with the Draft Civil Code. General Part of the Law of Obligations. Warsaw, 1914.

19. Tyutryumov I.M. Civil Law. Yuryev, Tipografiya K. Mattisena, 1922 // SPS «Garant».

20. Tyutryumov I.M. Civil Laws with Explanations of the Governing Senate and Comments by Russian Lawyers. Vol. II (5th ed., revised and significantly expanded). Petrograd, Publication of the Legal Bookstore of I.I. Zubkov, 1915 // SPS «Garant».

21. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law. Vol. 2. 1915, VI, 544 p.

22. Shilokhvost O. Yu. Otstupnoe as a Method of Terminating Obligations in Russian Civil Law: Diss. … Cand. of Legal Sciences. Moscow, 1999.

23. Erdman K.E. Law of Obligations of the Baltic Governorates: (From the Course of Professor Erdman). Translated and supplemented with notes by M.O. Gredinger. Riga, published by Honorary Justice of the Peace F.E. Kamkin, 1908, VIII, 638 p., p. 195 // SPS «Garant».

24. Eugen von Jagemann. Die sogenannte arrha poenitentialis: (Arrha mit Reurecht und arrha mit Strafbestimmung): Inaugural-Dissertationen, Universität Heidelberg Juristische Fakultät Guttentag, 1873.

25. Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Cape Town – Johannesburg, 1992.

26. Alphabetical Subject Index to the Complete Collection of Decisions of the Civil Cassation Department of the Governing Senate for 1866–1910. Part II. L.M. Rotenberg.

Цифровые доказательства и проблемы их верификации в цивилистическом процессе

Чешин Андрей Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет»
E-mail: cheshin@sirius56.ru

Статья посвящена исследованию правовой природы и режима цифровых доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации. С позиций экономического анализа права рассмотрены транзакционные издержки, генерируемые нормативной неопределённостью стандартов верификации цифровых материалов. Эмпирическую базу составили: корпус из 96 судебных решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2020–2023 годы; анкетный опрос 38 практикующих юристов и судей; сравнительный анализ нормативной базы. Установлено, что в 61,5% исследованных решений зафиксированы затруднения при установлении подлинности цифровых материалов, а в 44,8% случаев суды отклоняли представленные электронные доказательства в полном объёме. Разработана авторская классификация цифровых доказательств по двум критериям: источник происхождения (системогенерируемые / антропогенные) и степень изменяемости (неизменяемые / изменяемые со следом / изменяемые без следа). Предложена матрица верификации, связывающая тип доказательства, необходимую процедуру и соответствующие транзакционные издержки. Результаты имеют практическое значение для совершенствования процессуального законодательства и формирования единообразной судебной практики.

Ключевые слова: цифровые доказательства, верификация, гражданский процесс, арбитражный процесс, электронный документ, электронная подпись, метаданные, транзакционные издержки, экономический анализ права, блокчейн.

Введение

Объём электронного документооборота в России неуклонно растёт: по данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, в 2023 году через операторов ЭДО прошло свыше 17 миллиардов документов, что почти втрое превышает показатель 2018 года. Параллельно растёт доля обращений в суды в электронной форме – только через портал ГАС «Правосудие» в 2023 году поступило около 4,3 миллиона электронных документов. Иными словами, судебный процесс стремительно становится преимущественно цифровым – по крайней мере, с точки зрения документооборота.

Проблема, однако, состоит в том, что процессуальное законодательство за этой динамикой не поспевает. ГПК РФ [3] и АПК РФ [2] содержат лишь фрагментарные упоминания электронных документов, не устанавливая ни их самостоятельного доказательственного статуса, ни чёткого порядка верификации. Статья 71 ГПК РФ относит «документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи» к письменным доказательствам – формулировка, при всей своей широте, не решает ни одного содержательного вопроса о порядке установления их подлинности. В результате судебная практика складывается хаотично: одни арбитражные суды принимают распечатки переписки в мессенджерах как полноценное письменное доказательство, другие – отказывают в их приобщении со ссылкой на невозможность верификации источника [5; 8].

С точки зрения экономического анализа права [14] такая неопределённость – не просто теоретическая проблема. Она генерирует вполне конкретные транзакционные издержки: расходы сторон на получение экспертного заключения (по данным рынка судебно-технических экспертиз, стоимость экспертизы электронной переписки варьируется от 30 до 80 тыс. рублей), временны́е потери от отложений дела, риск утраты доказательства в связи с отсутствием требований к его фиксации – и, в конечном счёте, судебную ошибку, которая выражается в решении, принятом не на основании существа спора, а на основании того, чья сторона лучше справилась с доказательственными формальностями.

Данная работа выполнена на пересечении процессуального права и экономики права. Это не случайный выбор: именно экономический инструментарий – анализ издержек и выгод, теория транзакционных издержек, институциональный подход – позволяет поставить вопрос о верификации цифровых доказательств не только как о правовой, но и как о системной управленческой задаче. Вопрос «что именно суд должен проверять, принимая электронный документ?» неотделим от вопроса «какой объём проверки экономически оправдан в данной категории дел?».

Обзор литературы показывает, что отечественные процессуалисты активно занимаются проблематикой электронных доказательств [5; 7; 9; 12], однако систематического эмпирического исследования, сочетающего анализ судебной практики с оценкой экономических последствий верификационных пробелов, в российской литературе до сих пор нет. Этот пробел и определяет постановку данного исследования.

Цель работы – выявить ключевые проблемы верификации цифровых доказательств в цивилистическом процессе России и разработать практически применимую матрицу верификации с учётом транзакционных издержек.

Задачи: систематизировать существующие подходы к классификации цифровых доказательств; провести контент-анализ судебных решений по делам с участием цифровых доказательств; опросить практикующих юристов и судей об их опыте работы с такими материалами; выявить «зоны правовой неопределённости» в действующем законодательстве; разработать матрицу верификации; сформулировать рекомендации по совершенствованию нормативного регулирования.

Научная новизна. Впервые предложена классификация цифровых доказательств по двум независимым критериям – источник происхождения и степень изменяемости, – позволяющая напрямую связать тип доказательства с требуемой процедурой верификации. Разработана матрица верификации с оценкой транзакционных издержек по каждой категории. Выявлены три системных типа доказательственных отказов, не описанных ранее в отечественной литературе.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось с января по декабрь 2023 года и опирается на три эмпирических массива. Отобраны 96 судебных актов, вынесенных в 2020–2023 годах судами общей юрисдикции и арбитражными судами РФ, в которых цифровые доказательства выступали основными или ключевыми дополнительными. Отбор производился из баз данных ГАС «Правосудие» и СПС «КонсультантПлюс» по поисковым запросам: «электронная переписка», «скриншот», «метаданные», «электронная подпись», «блокчейн», «электронный документ» в сочетании с процессуальными контекстами. Выборка охватывает решения судов Приволжского (n = 31), Уральского (n = 27), Центрального (n = 22) и Северо-Западного (n = 16) федеральных округов, что обеспечивает географическую репрезентативность.

Каждое решение кодировалось по авторскому кодификатору из 11 признаков: тип цифрового доказательства; способ его получения и представления; наличие или отсутствие экспертизы; мотивировка суда при принятии или отклонении доказательства; итоговое процессуальное решение. Кодировка проводилась автором и независимым кодировщиком – юристом-практиком; согласованность составила κ = 0,78.

В феврале–апреле 2023 года проведено анонимное анкетирование 38 профессиональных участников судопроизводства: 12 федеральных судей (суды общей юрисдикции и арбитражные суды), 17 адвокатов со стажем не менее пяти лет и 9 корпоративных юрисконсультов. Анкета включала 24 вопроса трёх блоков: (1) личный опыт работы с цифровыми доказательствами; (2) субъективная оценка нормативных пробелов; (3) предложения по совершенствованию практики и законодательства. Форма распространялась через адвокатские палаты Оренбургской, Самарской и Свердловской областей.

Изучены ГПК РФ, АПК РФ, Федеральный закон «Об электронной подписи» [4], Постановление Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57 [13], а также доктринальные источники – монографии и статьи по теории доказательств и цифровому праву.

Результаты и обсуждение

Прежде чем говорить о проблемах верификации, необходимо определиться с тем, что именно мы верифицируем. Действующий ГПК РФ такой классификации не предлагает; доктрина предлагает различные подходы, как правило, строящиеся по одному критерию – носитель или вид информации [8; 9]. Автором предлагается двухкритериальная классификация, представленная в Таблице 1.

Таблица 1. Авторская классификация цифровых доказательств

Тип	Источник происхождения	Степень изменяемости	Примеры	Базовый способ верификации
А	Системогенерируемые	Неизменяемые	Логи серверов, записи блокчейн-реестров, автоматические транзакционные подтверждения	Запрос из системы-источника; криптографическая проверка хеша
Б	Системогенерируемые	Изменяемые со следом	Электронные документы с квалифицированной ЭП, документы через операторов ЭДО	Проверка ЭП; запрос оператору ЭДО
В	Антропогенные	Изменяемые со следом	Электронная почта (с заголовками SMTP), документы с неквалифицированной ЭП	Анализ SMTP-заголовков, технико-криминалистическая экспертиза
Г	Антропогенные	Изменяемые без следа	Скриншоты переписки, фотографии экрана, «сохранённые» страницы сайтов	Нотариальное удостоверение; экспертиза метаданных файла; судебный запрос к платформе

Ключевое значение в данной классификации имеет параметр «степень изменяемости». Именно он определяет объём верификационной процедуры и, соответственно, транзакционные издержки. Доказательство типа А требует лишь запроса к системе-источнику и технической проверки хеша – процедуры, занимающей от нескольких часов до нескольких дней. Доказательство типа Г – скриншот переписки в Telegram или WhatsApp – в принципе не поддаётся верификации без привлечения зарубежной платформы, которая, как правило, не отвечает на запросы российских судов, либо без дорогостоящей криминалистической экспертизы, не дающей, впрочем, стопроцентной гарантии аутентичности [6; 11]. Важно оговорить, что граница между типами В и Г нередко оказывается размытой на практике. Электронное письмо с SMTP-заголовком теоретически относится к типу В (след изменения присутствует), однако злоумышленник средней квалификации способен этот заголовок подменить. Следовательно, для дел со значительной ценой вопроса доказательство типа В требует верификационной процедуры, сопоставимой по объёму с типом Г.

Анализ 96 судебных решений позволяет составить достаточно чёткую картину состояния дел. Общее распределение исходов представлено в рамках описания Таблицы 2; более детальные данные по опросу практиков – там же.

Таблица 2. Результаты анкетного опроса практикующих юристов и судей

Вопрос / утверждение	Доля согласившихся, %
«В моей практике была ситуация, когда суд отклонил цифровое доказательство, которое я считал достаточно надёжным»	71,1
«Отсутствие единых стандартов верификации существенно замедляет рассмотрение дел»	84,2
«Стоимость судебно-технической экспертизы цифровых материалов является барьером для малого и среднего бизнеса»	89,5
«Действующий ГПК / АПК в части электронных доказательств нуждается в существенной доработке»	92,1
«Нотариальное удостоверение веб-страниц и переписки достаточно для судебного доказывания»	28,9
«Блокчейн-фиксация могла бы стать надёжным стандартом верификации»	44,7

Несколько ключевых выводов из анализа корпуса решений заслуживают особого внимания.

В 61,5% (59 из 96) изученных решений суд прямо зафиксировал затруднения с установлением подлинности представленного цифрового материала – в мотивировочной части использовались формулировки вроде «подлинность представленной переписки не подтверждена», «невозможно установить источник документа», «скриншоты не являются надлежащим доказательством». В 44,8% случаев (43 решения) суд отклонил цифровые доказательства полностью.

Обнаружена статистически значимая связь между типом цифрового доказательства и вероятностью его принятия судом: $\chi^2(3) = 18{,}4$; $p < 0{,}001$. Доказательства типа А и Б принимались в 87,5% случаев, тогда как доказательства типов В и Г – лишь в 41,2%. Корреляция между степенью изменяемости доказательства (по предложенной классификации) и отказом в его приобщении: $p_s = 0{,}61$; $p < 0{,}001$.

Наличие нотариального удостоверения цифрового материала повышало вероятность его принятия судом с 38% (без удостоверения) до 71% – разница статистически значима ($\chi^2(1) = 11{,}2$; $p = 0{,}001$), однако 29% отказов даже при наличии нотариального удостоверения свидетельствует о том, что этот механизм сам по себе не решает проблему. Причина понятна: нотариус удостоверяет факт отображения страницы в конкретный момент времени, но не устанавливает ни авторство, ни подлинность содержания.

Выявлены три типа ситуаций, которые автор предлагает обозначить как системные «зоны доказательственного отказа».

Тип 1: Мессенджерная переписка без верификации источника. Наиболее частый случай – 38% от всех отказов в массиве. Сторона представляет распечатку переписки в WhatsApp или Telegram; суд указывает, что распечатка не позволяет установить, кому принадлежат аккаунты собеседников и не редактировалась ли переписка перед распечаткой.

Тип 2: Электронный договор без квалифицированной ЭП. Встречался в 29% отказов. Стороны заключили договор путём обмена скан-копиями по электронной почте; суд констатировал отсутствие квалифицированной электронной подписи и невозможность идентифицировать подписантов. Примечательно, что в ряде случаев суды принимали такие договоры – что само по себе демонстрирует отсутствие единообразия.

Тип 3: Скриншоты страниц сайтов и удалённого контента. 22% отказов. Сторона представляла скриншоты как доказательство факта публикации определённой информации; суд не принимал их в связи с невозможностью проверить, что на момент предполагаемого нарушения

страница действительно выглядела так. На основании проведённого анализа разработана матрица верификации цифровых доказательств, представленная в Таблице 3. Матрица связывает тип доказательства (по предложенной классификации) с рекомендуемой процедурой верификации и ориентировочными транзакционными издержками её реализации.

Таблица 3. Матрица верификации цифровых доказательств

Тип доказательства	Рекомендуемая процедура верификации	Ориентировочные сроки	Ориентировочные издержки (руб.)	Надёжность
А (системогенерируемые, неизменяемые)	Запрос к системе-источнику; криптографическая проверка хеша	1–5 дней	5 000–15 000	Высокая
Б (системогенерируемые, изменяемые со следом)	Проверка ЭП через УЦ; запрос оператору ЭДО	3–10 дней	10 000–30 000	Высокая
В (антропогенные, изменяемые со следом)	Технико-криминалистическая экспертиза SMTP-заголовков / метаданных; при высокой цене спора – дополнительный судебный запрос к провайдеру	14–45 дней	25 000–60 000	Средняя
Г (антропогенные, изменяемые без следа)	Нотариальное удостоверение + судебный запрос к платформе; при отсутствии ответа – экспертиза метаданных файла-скриншота	30–90 дней	40 000–100 000+	Низкая–средняя

Данные по издержкам основаны на анализе прайс-листов судебно-экспертных учреждений Приволжского, Уральского и Центрального федеральных округов, опубликованных в открытом доступе в 2023 году, а также на сведениях, полученных в ходе опроса практиков.

Экономически значимый вывод из матрицы состоит в следующем. Для дел с ценой иска до 100–150 тыс. рублей (а это, по данным судебной статистики, подавляющее большинство споров в судах общей юрисдикции) стоимость верификации доказательства типа Г может составлять от 30 до 100% от суммы самого иска. В этой ситуации рациональный истец сталкивается с дилеммой: либо нести издержки, сопоставимые с ценой спора, либо отказаться от части доказательственной базы. Ни первый, ни второй вариант не ведёт к защите нарушенного права [14, с. 87]. Это означает, что нынешнее состояние верификационного регулирования функционально ограничивает доступ к правосудию для той части участников гражданского оборота, которая в нём более всего нуждается.

Анализ действующего законодательства выявил несколько системных пробелов, непосредственно влияющих на описанную ситуацию.

Пробел 1: Отсутствие самостоятельного вида доказательства. ГПК РФ в статье 55 перечисляет виды доказательств: объяснения сторон, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов. Цифровые доказательства в этот перечень не включены как самостоятельная категория; суды применяют их либо как «письменные», либо как «аудио-видеозаписи», либо как «иные документы и материалы» – и каждый раз это решение ad hoc, а не следование норме [8, с. 14]. АПК РФ в статье 64 несколько более открыт, упоминая «иные документы и материалы», – однако и это не создаёт определённости в вопросе верификации.

Пробел 2: Отсутствие требований к «цифровой цепочке хранения». В уголовном процессе понятие цепочки хранения доказательств (chain of custody) частично реализовано через требования к протоколированию следственных действий. В гражданском и арбитражном процессе никаких аналогичных требований нет: сторона вправе представить скриншот, сделанный год назад, в любой форме и без какого-либо протокола фиксации [7; 9].

Пробел 3: Неурегулированность нотариального удостоверения интернет-контента. Постановление Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57 [13] признаёт нотариально удостоверённый осмотр интернет-страниц допустимым доказательством, однако не устанавливает стандарта такого осмотра. В результате нотариальные протоколы различаются по форме и содержанию, а их доказательственная сила оценивается судами неединообразно.

Для устранения перечисленных пробелов автором предлагается следующий комплекс мер. Первое: дополнить статью 55 ГПК РФ и статью 64 АПК РФ самостоятельным видом доказательств – «цифровые доказательства» – с указанием на виды (по предложенной классификации) и базовые требования к их представлению. Второе: законодательно закрепить институт «нотариальной фиксации цифрового следа» с установлением единого протокола и перечня обязательных реквизитов. Третье: предусмотреть механизм судебного запроса к российским операторам связи и платформам с установлением обязательного срока ответа. Четвёртое: в делах с ценой иска до 300 тыс. рублей ввести упрощённую процедуру верификации для доказательств типов А и Б, не требующую полноценной судебно-технической экспертизы.

Заметим, что последняя мера прямо направлена на снижение транзакционных издержек малого бизнеса и физических лиц. По оценкам, основанным на данных судебной статистики, ежегодно около 280–320 тысяч дел в судах общей юрисдикции содержат цифровые доказательства типов А и Б, которые теоретически могли бы быть верифицированы без экспертизы – при наличии соответствующего нормативного механизма. Суммарная экономия на экспертных расходах составила бы, по консервативной оценке, от 3 до 7 млрд рублей в год.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Нормативная база российского цивилистического процесса применительно к цифровым доказательствам находится в состоянии структурного отставания от реального документооборота. Ни ГПК РФ, ни АПК РФ не содержат ни самостоятельного вида «цифрового доказательства», ни порядка его верификации. Следствием является неоднородная судебная практика: в 44,8% изученных дел суды отклоняли электронные доказательства полностью, причём мотивировки существенно различались даже при аналогичных фактических обстоятельствах.

Предложенная двухкритериальная классификация – по источнику происхождения и степени изменяемости – позволяет структурировать верификационные требования и непосредственно связывать тип доказательства с объёмом необходимой процедуры. Это практически значимый инструмент как для законодателя (при разработке поправок в ГПК / АПК), так и для суда (при оценке достаточности представленных материалов).

Матрица верификации с оценкой транзакционных издержек демонстрирует экономическую несостоятельность существующего порядка: для дел с ценой иска до 150 тыс. рублей стоимость верификации доказательства типа Г может достигать 40–100% от цены спора, что функционально ограничивает доступ к правосудию для значительной части участников гражданского оборота.

Выявленные три системных типа доказательственных отказов (мессенджерная переписка, электронный договор без квалифицированной ЭП, скриншоты веб-страниц) охватывают 89% всех случаев отклонения цифровых доказательств в исследованном массиве. Это означает, что проблема вполне управляема: адресная нормативная регуляция трёх выявленных типов способна снять большую часть правовой неопределённости без радикальной ревизии кодексов.

Практические рекомендации сводятся к следующему: законодательно выделить «цифровые доказательства» в самостоятельный вид со своей внутренней классификацией; стандартизировать нотариальную фиксацию интернет-контента; обязать российских операторов и платформы отвечать на судебные запросы в установленный срок; ввести упрощённый порядок верификации для доказательств с высокой технической надёжностью.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений. Выборка решений охватывает только четыре федеральных округа, что затрудняет полное обобщение результатов. Оценки транзакционных издержек основаны на открытых прайс-листах и данных опроса, а не на аудиторских данных экспертных организаций – хотя последние, как правило, и недоступны. Перспективным направлением является изучение эффекта предложенных законодательных изменений методом правовых экспериментов (правового эксперимента в отдельных регионах или категориях дел) с последующим экономическим измерением изменения издержек.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ [ред. от 25.12.2023] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

2. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. – М.: Проспект, 2015. – 616 с.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ [ред. от 25.12.2023] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

4. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [ред. от 04.08.2023] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.

5. Нахова Е.А. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: теоретические и практические проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 3. – С. 10–15.

6. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 576 с.

7. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практ. пособие. – 6-е изд. – М.: Юрайт, 2022. – 380 с.

8. Шевченко И.М. Электронные доказательства в гражданском процессе: соотношение с письменными доказательствами // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 418–431.

9. Фалалеев А.С. Верификация электронных доказательств в арбитражном процессе: проблемы и пути решения // Российский судья. – 2022. – № 9. – С. 23–29.

10. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.

11. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2011. – 464 с.

12. Треушников М.К. Судебные доказательства: монография. – 5-е изд., доп. – М.: Городец, 2016. – 304 с.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 4.

14. Тамбовцев В.Л. Право и экономическая теория: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 224 с.

15. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и пути их решения // Закон. – 2017. – № 6. – С. 94–117.

16. Интосов В.А. Экономические последствия правовой неопределённости в сфере электронного документооборота // Вопросы экономики и права. – 2022. – № 4. – С. 35–41.

17. Яковлев В.Ф., Талапина Э.В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. – 2012. – № 2. – С. 5–16.

18. Нуреев Р.М. Теория общественного выбора: курс лекций: учеб. пособие. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 531 с.

DIGITAL EVIDENCE AND PROBLEMS OF ITS VERIFICATION IN CIVIL PROCEEDINGS

Cheshin A.V.
Orsk Humanitarian and Technological Institute (Branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University»

The article examines the legal nature and regime of digital evidence in civil and arbitration proceedings of the Russian Federation. Transaction costs arising from regulatory uncertainty in digital evidence verification standards are analysed from the perspective of economic analysis of law. The empirical base comprises: a corpus of 96 court decisions of courts of general jurisdiction and arbitration courts for 2020–2023; a questionnaire survey of 38 practicing lawyers and judges; and a comparative regulatory analysis. It was established that 61.5% of the examined decisions recorded difficulties in establishing the authenticity of digital materials, and in 44.8% of cases courts rejected the submitted electronic evidence entirely. An original classification of digital evidence is proposed based on two criteria: origin (system-generated vs. human-generated) and degree of modifiability (immutable / modifiable with trace / modifiable without trace). A verification matrix is developed that links the type of evidence, the required verification procedure, and the corresponding transaction costs. The findings have practical significance for improving procedural legislation and forming uniform judicial practice.

Keywords: digital evidence, verification, civil proceedings, arbitration proceedings, electronic document, electronic signature, metadata, transaction costs, economic analysis of law, blockchain.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 № 95-FZ [as amended on December 25, 2023]. Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 30. – Art. 3012.

2. Bonner A.T. Traditional and Non-Traditional Means of Proof in Civil and Arbitration Procedure: Monograph. – Moscow: Prospekt, 2015. – 616 p.

3. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 № 138-FZ [as amended on December 25, 2023]. Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 46. – Art. 4532.

4. Federal Law dated April 6, 2011 № 63-FZ «On Electronic Signature» [as amended on August 4, 2023]. Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – № 15. – Art. 2036.

5. Nakhova E.A. Electronic Evidence in Civil Proceedings: Theoretical and Practical Issues. Arbitration and Civil Procedure. – 2021. – № 3. – pp. 10–15.

6. Rossinskaya E.R. Forensic Examination in Civil, Arbitration, Administrative and Criminal Proceedings: Monograph. – 4th ed., revised and expanded. – Moscow: Norma; INFRA-M, 2018. – 576 p.

7. Reshetnikova I.V. Evidence in Civil Procedure: Educational and Practical Guide. – 6th ed. – Moscow: Yurait, 2022. – 380 p.

8. Shevchenko I.M. Electronic Evidence in Civil Procedure: Correlation with Written Evidence. Vestnik of Saint Petersburg University. Law. – 2020. – Vol. 11. – № 2. – pp. 418–431.

9. Falaleev A.S. Verification of Electronic Evidence in Arbitration Procedure: Problems and Solutions. Russian Judge. – 2022. – № 9. – pp. 23–29.

10. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the Context of Digital Reality. Journal of Russian Law. – 2018. – № 1. – pp. 85–102.

11. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. Judge's Handbook: Forensic Examination. – Moscow: Prospekt, 2011. – 464 p.

12. Treushnikov M.K. Judicial Evidence: Monograph. – 5th ed., supplemented. – Moscow: Gorodets, 2016. – 304 p.

13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 26, 2017 № 57 «On Certain Issues of Application of Legislation Regulating the Use of Electronic Documents in the Activities of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts». Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. – № 4.

14. Tambovtsev V.L. Law and Economic Theory: Study Guide. – Moscow: INFRA-M, 2005. – 224 p.

15. Savelyev A.I. Certain Legal Aspects of the Use of Smart Contracts and Ways to Resolve Them. Zakon. – 2017. – № 6. – pp. 94–117.

16. Intosov V.A. Economic Consequences of Legal Uncertainty in the Field of Electronic Document Management. Issues of Economics and Law. – 2022. – № 4. – pp. 35–41.

17. Yakovlev V.F., Talapina E.V. The Role of Public and Private Law in Economic Regulation. Journal of Russian Law. – 2012. – № 2. – pp. 5–16.

18. Nureev R.M. Public Choice Theory: Course of Lectures: Study Guide. – Moscow: Higher School of Economics, 2005. – 531 p.

Принцип lex causae в современном международном частном праве

Соболев Игорь Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент, кафедра международного частного права, Московский государственный юридический Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: igor.sobolev.80@bk.ru

В статье рассматривается и анализируется правовая природа принципа lex causae, его развитие и становление, а также тесная взаимосвязь с другими коллизионными подходами международного частного права. На основе сопоставления различных подходов определяется, что lex causae в настоящее время является одним из ключевых элементов гибкого коллизионного регулирования. Делается вывод, что правовое регулирование на основе lex causae в национальных правовых системах понимается неоднозначно и развивается, опираясь на международные разработки. Исследование доктрины и правоприменительной практики позволило выделить взаимосвязь lex causae с такими коллизионными началами как автономии воли (lex voluntatis) и закон наиболее тесной связи (Proper Law). Отдельно исследована проблематика применения принципа lex causae в качестве подхода в толковании и квалификации, а также его соотношение и взаимодействие с широко применяемым в этой области принципом lex fori. Отмечается, что применение принципа lex causae обеспечивает основу для принятия справедливого судебного решения и защиту императивных международных и внутригосударственных правовых норм.

Ключевые слова: коллизионное регулирование, коллизионное право, международное частное право, lex causae, проблема квалификации, коллизионное регулирование.

Принцип lex causae в современном правовом регулировании трансграничных частноправовых отношений находит все большее применение, эффективно развивая конструкцию гибкого коллизионного регулирования, основывающегося на применении принципов автономии воли (lex voluntatis) и закона наиболее тесной связи (Proper Law). И в нормативно-правовом регулировании, и в судебно-арбитражной практике обращение к lex causae позволяет найти оптимальный вариант решения проблемы выбора применимого права и предоставить наилучший вариант преодоления коллизионной проблемы. В этом контексте представляется научно и практически значимой задачей рассмотреть причины, значение и перспективы развития принципа lex causae в качестве концептуально значимого подхода в современном международном частном праве.

Понятие «lex causae» в буквальном переводе с латыни обозначает «закон причины», но в настоящее время трактуется прежде всего как закон существа отношения. В узком понимании lex causae является формулой прикрепления, определяющей применимое право в зависимости от характера и сущности правоотношений сторон, наравне с такими типами коллизионных привязок как lex personalis, lex rei sitae, lex voluntatis, lex venditoris, lex loci contractus, lex loci solutionis, lex societatis, lex loci celebrationis, lex loci dilicti commissi, lex loci laboris, lex flagi, lex fori [5, с. 19]. Рассматривая lex causae как коллизионную привязку, следует держать фокус на подчинении договорных отношений праву, регулирующему основное обязательство. Таким образом, lex causae как формула прикрепления будет выступать конкретной связью «побочных» обязательств с определенным компетентным правопорядком страны, которым регулируется основное обязательство [1, с. 115].

Как принцип международного частного права lex causae концептульно развивается уже работах Ф.К. фон Савиньи и Дж. Уэстлейка, получая основу своего формирования в «теории оседлости правоотношения». Ф.К. фон Савиньи рассуждает, что любое правоотношение должно регулироваться правом, которому такое правоотношение свойственно по своей юридической природе. Согласно этой теории, любой коллизионный вопрос сводится к вопросу определения локализации существа правоотношения и даже автономия воли сторон, как явная, так и подразумеваемая, является прямым отражением фактического домициля правоотношения [9, с. 36]. Формируя свою теорию Ф.К. фон Савиньи, предполагал исключительно ответственное и добросовестное отношение сторон правоотношения к праву и букве закона [7, с. 98].

Дж. Уэстлейк, анализируя судебную практику английских судов сделал вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев суд применяет право, имеющее существенную связь с отношением. Согласно анализу теории Уэстлейка существенная связь это объективный и независящий от воли сторон фактор, являющийся совокупностью фактических обстоятельств и указывающий на локализацию правоотношения с целью определения его коллизионно-правового регулирования [9, с. 38]. Данная концепция дала дальнейшее развитие принципу наиболее тесной связи (the Proper Law), однако важно подчеркнуть, особенно для настоящего времени, глубокую взаимосвязь и взаимодополнение, в рамках гибкого коллизионного регулирования, принципов наиболее тесной связи и lex causae, связывающих единым вектором основные и вспомогательные вопросы трансграничного правоотношения.

Можно отметить, что в современной теории международного частного права lex causae получает и более широкую трактовку. Так Л.П. Ануфриева использует понятие lex causae в качестве сущности обязательственного статута и подразумевает под этим термином применяемое к сделке право, в целях регулирования существа отношения. При наличии определенных обстоятельств, lex causae (обязательственным статутом) становится lex voluntatis, закон наследования, закон места совершения сделки и прочие формулы прикрепления, в зависимости от требований законодательства применимого к сделке [3, с. 210]. Так, например, в Великобритании наследование выморочного имущества зависит от страны домициля собственника движимого имущества. В случаях, когда собственник имущества имеет домициль в Англии – применяется право Англии, соответственно если собственник домицилирован за границей – применим закон, к которому отсылает формула прикрепления, содержащаяся в законе страны домициля.

В этом плане показательным применением lex causae в наследственных спорах является решение апелляционного суда Англии

и Уэльса от 30 ноября 1953 года вынесенное по делу In the Estate of Maldonado, decd. State of Spain v Treasury Solicitor. Элоиза Эрнандес Мальдонадо была гражданкой Испании, проживала и умерла без завещания в Испании. На территории Англии осталось бесхозное имущество, принадлежавшее при жизни гражданке Мальдонадо. Компетентный судья, руководствуясь процессуальным порядком, должен был сначала определить применимое право и исследовать законодательство Испании. В итоге судьей апелляционного суда была применена норма испанского законодательства, согласно которой, в случае отсутствия лиц, имеющих право на наследование, имущество наследует государство, активы передаются учреждениям благотворительности и бесплатного обучения в следующем порядке: муниципальным благотворительным учреждениям и бесплатным школам по месту жительства умершего; учреждениям обоих классов провинции, к которой принадлежал покойный; благотворительным учреждениям и образовательным учреждениям общего характера. Согласно действующему английскому законодательству (lex fori) в случае обнаружения движимого имущества, принадлежащего умершему гражданину другой страны, который умер с постоянным местом жительства в этой другой стране (как в данном случае), эта страна должна рассматриваться как имеющая право на движимое имущество лица или лиц, которые по законодательству этой страны имеют право наследовать его либо по завещанию, действительному по законодательству этой страны, либо по закону (в зависимости от обстоятельств). На основании приведенных норм в соответствии с решением английского апелляционного суда бесхозное имущество, принадлежавшее ранее гражданке Испании Мальдонадо и расположенное в территориально в Англии перешло в собственность Испании [21]. Приведенный пример демонстрирует применение lex causae не в качестве конкретной коллизионной привязки, но в качестве принципа коллизионного регулирования.

В широком понимании принцип lex causae является фактором, позволяющим подчинить регулирование правоотношения его существу и концептуально завершить механизм гибкого коллизионного регулирования в производных аспектах правоотношения. В этом ключе профессор А.В. Асосков трактует lex causae как принцип основанный на поиске наиболее оптимальной локализации отношения и справедливо утверждает, что принцип lex causae наравне с lex fori и lex voluntatis составляет основу коллизионного права [4].

В этом плане неоспоримо основополагающее значение lex causae в международном частном праве, поскольку даже наиболее широко используемая коллизионная норма такая как lex voluntatis зачастую подчинена правилу соответствия существу правоотношений. К такому выводу позволяет прийти анализ законодательства стран разных правовых семей. Так, согласно п. 1 ст. 1–105 Единообразного торгового кодекса США за исключениями, предусмотренными обозначенной статьей, в случае, когда сделка имеет разумную связь с настоящим штатом, а также с другим штатом или государством, стороны могут согласиться о применении к их правам и обязанностям права либо данного, либо другого штата или государства. При отсутствии такого соглашения настоящий Закон подлежит применению к сделкам, имеющим достаточную связь с данным штатом.

В соответствии с п. 2. Единообразного торгового кодекса США, в случае, когда какое-либо из положений настоящего Закона касающееся права кредиторов в отношении проданных товаров; применения раздела об аренде; применения раздела о банковских депозитах и инкассовых операциях; применимого права в разделе о переводе средств; комплексных продаж, подпадающих под действие раздела о комплексных продажах; применения раздела о ценных бумагах; предписания о формализации в разделе об обеспечении сделок, определяет применимое право, то действует такое положение и любое соглашение об ином имеет силу лишь в той мере, в какой это допускается установленным таким образом применимым правом (включая его коллизионные нормы) [15]. Аналогичное подчинение lex voluntatis принципу lex causae прослеживается при анализе Федерального Закона Швейцарии о международном частном праве 1987 г. Так, согласно п. 2 ст. 116 Закона Швейцарии, выбор применимого права должен быть выражен в явной форме либо должен определенно следовать из договора или обстоятельств дела; кроме того, к выбору права применяется избранное право [19].

Российский законодатель в определенных ситуациях также ограничивает lex voluntatis действием lex causae. Согласно п. 2 ст. 1210 Гражданского кодекса Российской Федерации, соглашение сторон о выборе подлежащего применению права должно быть прямо выражено или должно определенно вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела. Кроме того, в соответствии с п. 5 ст. 1210 ГК РФ, если в момент выбора сторонами договора подлежащего применению права все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной, выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права той страны, с которой связаны все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства [14].

Анализ современного законодательства в области международного частного права Китайской народной республики позволяет говорить о наличии взаимосвязи lex voluntatis и принципа lex causae несколько иного характера [17]. Согласно положениям, предусмотренным Правилами Верховного народного суда КНР от 11 июня 2007 г. «О некоторых вопросах применения права при рассмотрении договорных споров с иностранным элементом, вытекающих из гражданских и коммерческих отношений», а также положениям Закона КНР от 28 октября 2010 г. «О праве, применимом к гражданским отношениям с иностранным элементом» принцип lex causae играет субсидиарную роль в случае наличия прямо выраженной воли сторон в договоре относительно применимого права [8, с. 85].

Таким образом, из анализа коллизионного законодательства различных государств явно прослеживается принципиальное значение lex causae при разрешении коллизионных вопросов. Lex causae выступает в качестве важного критерия обнаружения связи права подлежащего применению и совокупности обстоятельств сделки. В связи с этим, представляется справедливым и имеющим отношение к lex causae замечание В. Хошимова о том, что критерий наиболее тесной связи имеет две разные сущности: с одной стороны он является формулой прикрепления двусторонней коллизионной нормы, а с другой – принципом формирования коллизионных норм [11, с. 108].

При рассмотрении lex causae в современном международном частном праве важно отметить не только его коллизионную роль, но активное применение в толковании и квалификации. Многие суды при наличии коллизионного вопроса склонны применять lex fori, искусственно наделяя право страны суда характеристиками lex causae. Так, например, согласно исследованию судебной практики китайских судов в области рассмотрения споров с иностранным элементом в 86,9% случаев применяется lex fori, на основании того, что судья утверждает право нахождения суда, как право того государства с которым дело наиболее тесно связано, несмотря на то, что китайский законодатель четко устанавливает в статье 41 Закона КНР от 28 октября 2010 г. «О праве, применимом к гражданским отношениям с иностранным элементом» 2010 г. принцип определения применимого права государства, с которым существо договоров наиболее тесно связано [8, с. 86]. Такая практика игнорирования lex causae приводит к нарушению принципов справедливости судебного процесса.

В связи с приведенным примером актуальным остаётся замечание немецкого ученого Мартина Вольфа о том, что использование lex fori без учета характеристики правоотношения, данного иностранным правом, определяющим его сущность, следует приравнивать к «фальсификации» содержания иностранного права, поскольку каждая правовая норма классифицируется на основе правовой системы, к которой она принадлежит [12, с. 146–147].

Следует отметить, что в России в отличие от Германии содержание иностранного права, применимого как lex causae следует устанавливать, как факт. В частности, статья 14 АПК РФ определяет, что при применении норм иностранного права арбитражный суд устанавливает содержание норм в соответствии с их официальным толкованием, доктриной и практикой применения в соответствующем иностранном государстве. При этом, если содержание норм иностранного права не будет установлено в разумный срок, арбитражный суд применяет нормы российского права [13]. Аналогичные положения о применении иностранного права установлены статьей 1191 ГК РФ [14].

Анализ российской правоприменительной практики демонстрирует, что для установления содержания lex causae суды проводят оценку доказательств по своему усмотрению. Так, например, корейская компания Polestar Marine Co., L TD обратилась в Арбитражный суд Сахалинской области с иском к ООО «Многоотраслевое предприятие «Мыс Кузнецова» о взыскании 107 084, 46 долларов США процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленных в связи с неоплатой ремонта судна т/х «Заречье» (бывшее название – «Taisei Maru N 8»). Решением суда от 03.04.2009 иск удовлетворен. Решение мотивировано тем, что вступившим в законную силу и имеющим преюдициальное значение для настоящего спора судебным актом арбитражного суда по другому делу N А59–1356/07-С17 установлен факт неосновательного обогащения ответчика за счет компании на сумму 604 238,34 долларов США. Общество обязанность по выплате истцу этой суммы не исполнило. Поэтому иск, отношения по которому регулируются нормами корейского законодательства в силу статей 1187, 1211 ГК РФ подлежал удовлетворению на основании статьи 379 Гражданского кодекса Республики Корея. В кассационной жалобе общество просило

отменить решение суда на основании неправомерного применения судом прецедентных норм законодательства Республики Корея и нарушении статей 14, 55 АПК РФ при выявлении содержания данных норм без привлечения эксперта. Постановлением ФАС Дальневосточного округа от 14.09.2009 г. № Ф03–3921/2009 решение АС Сахалинской области оставлено без изменения, поскольку кассационный суд счел судебный прецедент достаточным доказательством для установления содержания и толкования иностранного права [24].

Как справедливо отмечает В.А. Канашевский, руководствуясь анализом наиболее свежих кодификаций в области международного частного права, а именно Законом Чешской республики о международном частном праве 2012 г, Законом Венгрии о международном частном праве 2017 г., Кодексом международного частного права Болгарии в редакции 2010 г., а также Законом Монако о международном частном праве 2017 г., квалификация юридических понятий и коллизионной нормы осуществляется в большинстве государств на основании lex fori [6, с. 45].

Как видно из анализа коллизионных норм таких государств как Россия, Узбекистан, Черногория, Италия, Греция, применимое коллизионное право в соответствии с принципом lex fori определяется в соответствии с анализом существа отношения и принципа наиболее тесной связи, выполненного законодателем на этапе правотворчества [20]. По этой причине прослеживается сходство коллизионных норм различных государств. Так, например, согласно статье 56 Закона Италии от 1995 г. № 218 «Реформа итальянской системы международного частного права» (в ред. от 28.12.2013 г.), дарение регулируется национальным законом дарителя на момент совершения дарения [16]. Позиция итальянского законодателя относительно определения права, регулирующего правоотношения вытекающие из дарения аналогична позиции российского законодателя изложенной в пп. 2 ч. 2 ст. 1211 ГК РФ.

Анализ законодательства разных государств в области международного частного права свидетельствует о том, что lex fori служит отправной точкой для правоприменителя, указывающей в каком направлении осуществлять поиск применимой коллизионной нормы, а lex causae является прямым маршрутом, ведущим к применимому праву.

Рассмотрим более подробно отношение российского законодателя и правоприменителя к принципу lex causae. Согласно п. 1 ст. 1187 ГК РФ при разрешении коллизионных вопросов квалификация юридических понятий осуществляется по принципу lex fori, даже если применяемая впоследствии коллизионная норма указывает на иностранное право. Однако п. 2 ст. 1187 ГК РФ отправляет правоприменителя сразу к иностранному праву в случаях выявления пробелов или расхождения российского права с иностранным правом. Судебная практика российских судов демонстрирует необходимость обращения к иностранному праву и принципу lex causae в целях принятия законного и мотивированного решения. Например, в Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.09.2023 N 88–20867/2023 по делу N 2–2382/2021 о защите прав потребителя и возврату стоимости приобретенных билетов, суд, мотивируя необходимость отправления дела на новое рассмотрение, указал на необходимость исследования и установления содержания материального права перевозчика авиакомпании Oman Air – Султаната Оман, являющегося lex causae, а не только российского права [22].

Необходимо отметить, что российский законодатель предусмотрел приоритет lex causae перед lex fori в случаях определения принадлежности имущества к недвижимым или движимым вещам, что особенно подчеркивается в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 N 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». Так, в силу ст. 1205 и ст. 1205.1 ГК РФ принадлежность имущества определяется по праву страны, где находится вещь [23].

Аналогичное положение содержится и в законодательстве других стран. Например, в силу статей 27 и 28 Закона о международном частном праве Черногории, деление вещей на движимые и недвижимые, установление содержание и описание вещных прав определяется в соответствии с lex causae – по праву государства, в котором вещь находится [18]. Особое отношение к определению применимого права к движимым и недвижимым вещам вызвано широким разнообразием подходов законодателей разных государств к понятию «недвижимости». Так, в соответствии со Швейцарским гражданским кодексом недвижимость включает землю, недра, здания и сооружения, постоянные права, занесенные в реестр недвижимости. В гражданском законодательстве Италии к недвижимости относятся земля, водные объекты, деревья, сооружения, а также все, что расположено в земле искусственно или естественно [2, с. 145].

Полагаем, что помимо сферы «недвижимости» существуют и другие области права, где применение принципа lex causae должно иметь приоритет над lex fori. Считаем, что lex causae должны быть подчинены вопросы признания религиозных, полигамных браков при разделе имущества супругов, вопросы применения исламского права в рамках узаконивания внебрачных детей, вопросы использования сторонами договора исламского и иудейского права как регулятора правоотношений [6, с. 40].

Отметим, что в отношении признания в качестве lex causae религиозного права (исламского и иудейского), международная судебная практика выступает в большинстве случаев против. Так, например в деле Beximco v. Shamil Bank of Bahrain, а также в деле Dana Gas PJSC v. Dana Gas Sukuk Ltd & Ors, несмотря на наличие явной тесной связи существа правоотношений с мусульманским правом английские суды применили lex fori [10, с. 125]. Насколько такое отношение английского правоприменителя к принципу lex causae способствует принятию справедливого решения – остаётся дискуссионным вопросом.

Подводя итог настоящей работе, отметим, что lex causae предстает в ряду ключевых начал современного международного частного права. Как показало проведенное исследование, lex causae в широком смысле начинает оказывать влияние на формирование коллизионных норм на этапе правотворчества и не прекращает своего действия на этапе правоприменения, являясь основой для принятия справедливого судебного решения и обеспечивая защиту императивных международных и внутригосударственных правовых норм.

Литература

1. Акимова Ю.М. Принципы коллизионного регулирования в международном частном праве // ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика № 3(33)2013. С. 113–120.
2. Алёшина А.В., Косовская В.А. Движимое и недвижимое имущество как объекты наследственных отношений международного характера // Образование и право № 12 (52), 2013. С. 143–153.
3. Ануфриева Л.П. Международное частное право: В 3-х т. Том 2. Особенная часть: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство БЕК, 2002. – 656 с.
4. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 352 с. // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 21.02.2026).
5. Байбороша Н. Классические типы коллизионных привязок. // Журнал Международного права и международных отношений. № 4, 2011. С. 18–24.
6. Канашевский В.А. Проблема квалификации в международном частном праве // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 9. С. 33–46.
7. Мережко, А.А. Наука международного частного права: история и современность / А.А. Мережко. – К.: Таксон, 2006. – С. 98–99.
8. Ма Синь, Подлежащее применению право к трансграничным договорам в Китае: теория и практика. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 1, 2018 г. С. 83–88.
9. Новикова Т.В. Становление принципа наиболее тесной связи в международном частном праве. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 1. С. 35–46.
10. Тенберга И., Дербак А.Н. Коллизионные механизмы защиты «исламского элемента» в трансграничной исламской финансовой сделке // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 118–139.
11. Хошимов В.Н. Теоретический аспект понятия “наиболее тесной связи” в международном частном праве / Халқаро хусусий ҳуқуқнинг долзарб муаммолари: Илмий-амалий конференция материаллари тўплами. – Тошкент: ТДЮИ, 2010. С. 104–116.
12. Wolff M., Private international law, (2d ed.) 1950.
13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023)// СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 21.02.2026).
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023)// СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 24.02.2026).
15. Единообразный торговый кодекс США Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», // URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/0201 (дата обращения: 20.02.2026).
16. Закон Италии от 1995 г. № 218 «Реформа итальянской системы международного частного права» (в ред. от 28.12.2013 г.) // URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040701 (дата обращения: 20.02.2026).
17. Закон КНР о договорах 1999 г. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», // URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/060602 (дата обращения: 24.02.2026).

18. Закон о международном частном праве Черногории (перевод Коровкиной Анастасии) // URL: https://pravo.hse.ru/data/2016/02/22/1139768416/Черногория%202013.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

19. Закон Швейцарии о международном частном праве 1987 г. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Федеральный // URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042901(дата обращения: 18.02.2026).

20. Законодательство по международному частному праву стран Южной Европы // URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/SE (дата обращения: 19.02.2026).

21. Интернет-портал VLEXJUSTIS, In the Estate of Maldonado, decd. State of Spain v Treasury Solicitor // URL: https://vlex.co.uk/vid/in-the-estate-of-793171709 (дата обращения: 20.02.2026).

22. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.09.2023 N 88–20867/2023 по делу N 2–2382/2021)// СПС Консультант Плюс (дата обращения: 19.02.2026).

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 N 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»)// СПС Консультант Плюс (дата обращения: 20.02.2026).

24. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 14.09.2009 N Ф03–3921/2009 по делу N А59–2582/2008 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.02.2026).

THE PRINCIPLE OF LEX CAUSAE IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Sobolev I.D.
Kutafin Moscow State Law University

This article examines and analyzes the legal nature of the lex causae principle, its development and establishment, and its close relationship with other conflict-of-laws approaches in private international law. A comparison of various approaches reveals that lex causae currently represents a key element of flexible conflict-of-laws regulation. It is concluded that legal regulation based on lex causae in national legal systems is understood ambiguously and is evolving based on international developments. A study of doctrine and law enforcement practice has highlighted the relationship between lex causae and such conflict-of-laws principles as lex voluntatis and the law of the closest connection (Proper Law). The article also examines the application of the lex causae principle as an approach to interpretation and qualification, as well as its relationship and interaction with the lex fori principle, which is widely used in this area. It is noted that the application of the principle of lex causae provides the basis for the adoption of a fair judicial decision and the protection of imperative international and domestic legal norms.

Keywords: conflict of laws regulation, conflict of laws, international private law, lex causae, problem of qualification, conflict of laws regulation.

References

1. Akimova Yu.M. Principles of conflict of laws regulation in international private law // THE LAW OF LAW: Theory and Practice No. 3 (33) 2013. Pp. 113–120.

2. Aleshina A. V., Kosovskaya V.A. Movable and immovable property as objects of inheritance relations of an international nature // Education and Law No. 12 (52), 2013. Pp. 143–153.

3. Anufrieva L.P. International private law: In 3 volumes. Volume 2. Special part: Textbook. – 2nd edition, revised. and enlarged. – M .: BEK Publishing House, 2002. – 656 p.

4. Asoskov A.V. Fundamentals of Conflict of Laws. Moscow: Infotropic Media, 2012. 352 p. // SPS Consultant Plus (date of access: 21.02.2026).

5. Baiborosha N. Classic Types of Conflict of Laws Links. // Journal of International Law and International Relations. No. 4, 2011. Pp. 18–24.

6. Kanashevsky V.A. The Problem of Qualification in Private International Law // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 9. Pp. 33–46.

7. Merezhko, A.A. The Science of Private International Law: History and Modernity / A.A. Merezhko. – K.: Takson, 2006. – Pp. 98–99.

8. Ma Xin, Applicable Law to Cross-Border Contracts in China: Theory and Practice. // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. No. 1, 2018. Pp. 83–88.

9. Novikova T.V. Formation of the Principle of the Closest Connection in Private International Law. // Bulletin of Omsk University. Law Series. 2021. Vol. 18, No. 1. Pp. 35–46.

10. Tenberga I., Derbak A.N. Conflict of Laws Mechanisms for Protecting the "Islamic Element" in a Cross-Border Islamic Financial Transaction // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. No. 2. Pp. 118–139.

11. Khoshimov V.N. Theoretical Aspect of the Concept of "Closest Connection" in Private International Law / Халқаро хусусий ҳуқуқнинг долзарб муаммолари: Илмий-амалий конференция материаллари тўплами. – Tashkent: TDUI, 2010. Pp. 104–116.

12. Wolff M., Private international law, (2d ed.) 1950

13. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on December 25, 2023) // SPS ConsultantPlus (accessed on February 21, 2026).

14. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001, No. 146-FZ (as amended on July 24, 2023) // SPS ConsultantPlus. (accessed on February 24, 2026).

15. Uniform Commercial Code of the United States National Research University Higher School of Economics, // URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/0201 (accessed on February 20, 2026).

16. Italian Law of 1995 No. 218 "Reform of the Italian System of Private International Law" (as amended on 28.12.2013) // URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040701 (date of access: 20.02.2026).

17. The PRC Contract Law 1999. National Research University Higher School of Economics, // URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/060602 (date of access: 24.02.2026).

18. The Law on Private International Law of Montenegro (translated by Anastasia Korovkina) // URL: https://pravo.hse.ru/data/2016/02/22/1139768416/Черногория%202013.pdf (date of access: 20.02.2026).

19. The Swiss Law on Private International Law 1987. National Research University Higher School of Economics, Federal // URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042901 (date of access: 18.02.2026).

20. Legislation on private international law of the countries of Southern Europe // URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/SE (date of access: 19.02.2026).

21. Internet portal VLEXJUSTIS, In the Estate of Maldonado, decd. State of Spain v Treasury Solicitor // URL: https://vlex.co.uk/vid/in-the-estate-of-793171709 (date of access: 20.02.2026).

22. Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated September 12, 2023 No. 88–20867/2023 in case No. 2–2382/2021) // SPS Consultant Plus (date of access: February 19, 2026).

23. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2019 No. 24 "On the Application of the Norms of Private International Law by the Courts of the Russian Federation") // SPS Consultant Plus (date of access: February 20, 2026).

24. Resolution of the FAS Far Eastern District dated September 14, 2009 No. F03–3921/2009 in case No. A59–2582/2008 // SPS ConsultantPlus (date of access: February 24, 2026).

Специфика юридической ответственности за экологические правонарушения на территории РФ

Собянин Антон Андреевич,
аспирант кафедры гражданского процесса УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева, адвокат коллегии адвокатов Свердловской области «Лойс».
E-mail: a.sobyanin@loys.law; 7_anton_7@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы совершенствования российского законодательства об ответственности хозяйствующих субъектов за причинение экологического вреда.
По мнению автора правонарушения в сфере экологии нередко порождается невыполнением обязанностей по разработке, выполнению нормативов в области охраны окружающей среды, включающих проведение экспертизы, утверждение, опубликование, установление порядка и оснований пересмотра, осуществление надзора, контроля за соблюдением, ведение единой информационной базы нормативов.
Особенности в данном случае связаны с оценкой, прогнозированием генетических и иных последствий, установлением лимитов образования, размещения отходов производства и потребления, уровней шума, вибрации, допустимого изъятия компонентов окружающей среды, антропогенной нагрузки на нее, предельно допустимых выбросов, сбросов, концентраций веществ, микроорганизмов, уровней радиоактивности, тепла, осуществлением надзора, контроля за их соблюдением.
Оптимальному функционированию юридической ответственности порой препятствуют невыполнимые предписания, которые на самом деле не могут реализоваться, носят неистинный характер, направлены, скорее, на декларирование, имитирование, а не на регулирование общественных отношений, где желаемое принимается за действительное, должное смешивается с существующим, возможное сегодня – с перспективным завтра, хотя и служит неким шаблоном, намечающим и приближающим грядущие состояния и поведение.
На основании положений действующего законодательства автором делаются выводы о необходимости внесения дополнений в положения действующего законодательства.

Ключевые слова: окружающая среда, экологический вред, экологическая ответственность, гражданско-правовая ответственность, административная ответственность за экологические правонарушения возмещение экологического вреда.

Стремительное развитие промышленности в нашей стране приводит к значительному росту числа случаев причинения вреда объектам окружающей среды, поскольку усиливается количество новых вредных факторов: использование новых видов энергии, усложнение технологий производств, развитие транспортных сетей, «грязной» металлургии и нефтяной промышленности, незаконная организация свалок, рост количества техногенных аварий на производстве, незаконная вырубка лесонасаждений.

Обострение экологической обстановки, усиление негативного воздействия на окружающую среду, создающие реальную угрозу жизни для будущих поколений заставляет по-новому подойти к определению правовых основ взаимодействия человека, общества и природы. Все чаще проявляются следствия экологического кризиса, загрязнения окружающей природной среды, которые, заставляют человечество иначе определять ее ценность и отлаживать механизм привлечения к ответственности за причинение экологического вреда.

На наш взгляд сегодня необходимо комплексное исследование проблем правового регулирования отношений, связанных с реализацией мер гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения.

Эволюция охраны природы в России прошла путь от защиты имущественных интересов (как в Русской Правде: штрафы за порчу бортей и кражу бобра) до признания общественного интереса к качеству среды. В Средневековье ответственность ужесточалась телесными наказаниями. Кульминацией этого процесса стало закрепление в Декларации прав и свобод человека 1991 года права на благоприятную окружающую среду и возмещение вреда от экологических правонарушений, что стало историческим прорывом для нашей страны [1,2].

Понятие юридической ответственности как правоотношения является довольно распространенным в юридической науке. Данный термин изучается как в курсе общей теории права, так и в специальных юридических дисциплинах.

Ведущие представители теории права и государства под юридической ответственностью понимают возникшее из правонарушения правовое отношение между государством в лице его специальных органов и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие лишения и неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение, за нарушение требований, которые содержатся в нормах права [3].

М.М. Бринчук под юридической ответственностью за экологические правонарушения подразумевает «отношение между государством в лице специально уполномоченных органов в области охраны окружающей среды, правоохранительных органов, иными уполномоченными субъектами и совершившим экологическое правонарушение лицом (физическим, должностным или юридическим) по применению к нарушителю соответствующего взыскания» [4].

Наиболее перспективным в современной теоретико-правовой науке является рассмотрение категории «юридическая ответственность» в контексте теории прав человека. В этом контексте юридическая ответственность – это, с одной стороны, желание и обязанность соблюдать и исполнять требования, предусмотренные в законе, а с другой стороны, при нарушении нормы права – это обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав материального, правового или личного характера. Юридически значимым результатом, к которому стремится ответственность, в первом случае является правомерность действий и поступков в сфере осуществления прав человека, а во втором – наказание виновного в совершении правонарушения. При реализации юридической ответственности в обоих случаях главной целью является достижение состояния правовой защищенности прав человека и защита будущих поколений от причиненного предшественниками экологического вреда [5].

В данной статье я придерживаюсь точки зрения Б.В. Ерофеева, который считает, что юридическая ответственность – это специфическая обязанность претерпевания соответствующих лишений личного или материального характера за совершенное правонарушение в соответствии с санкцией нарушенной нормы права [6].

Определение термина «экологическое правонарушение» выводится из вышеуказанного абзаца, – это виновное, противоправное дея-

ние, совершенное физическим или юридическим лицом, посягающее на общественные отношения в сфере природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности и причиняющее вред окружающей среде и (или) здоровью человека, либо создающее угрозу причинения такого вреда.

Структура экологического правонарушения мало чем отличается от структуры конструкции правонарушения и состоит из следующих элементов: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Объектом экологического правонарушения являются общественные отношения, складывающиеся в сфере природопользования, охраны окружающей среды и экологической безопасности. Предметом правонарушений и преступлений в большинстве случаев являются компоненты окружающей среды.

Для объективной стороны экологического правонарушения необходимо наличие трех элементов: противоправное деяние (действие или бездействие), наступившие общественно опасные последствия и причинно-следственная связь. Уголовные экологические преступления и административные экологические правонарушения отграничивают по степени общественной опасности совершенных деяний, а именно по наступлению общественно опасных последствий либо возможности их наступления. Некоторые экологические правонарушения могут совершаться как путем совершения действий, так и в результате бездействия, например преступление, предусмотренное ст. 247 УК РФ (нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов). Некоторые правонарушения могут быть совершены только в форме действия, например преступление, предусмотренное ст. 256 УК РФ (незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов). Если в диспозиции статьи не предусмотрено наступление общественно опасных последствий, то такой состав преступления по конструкции считают формальным. В основном формальные составы экологических правонарушений содержатся в КоАП РФ, но есть и исключения (например, ст. 8.10 КоАП РФ), соответственно, в УК РФ, в главе 26, в основном закреплены материальные составы преступлений (исключение, например, ст. 253 УК РФ).

Между противоправным деянием и наступившими последствиями должна быть установлена причинно-следственная связь. В некоторых случаях при расследовании экологических правонарушений сложно доказать, что в результате именно этих конкретных деяний был причинен вред окружающей среде и (или) здоровью человека.

Субъектами экологического правонарушения могут являться физические и юридические лица. Физическое лицо может быть привлечено к уголовной и административной ответственности, если оно вменяемое и достигло 16 лет. В некоторых случаях субъектами экологических правонарушений могут быть должностные лица и иностранные граждане, лица без гражданства (например, ст. 8.5 КоАП РФ, ст. 252 УК РФ).

Субъективная сторона характеризуется виной, которая может быть выражена в форме умысла (прямой или косвенный) либо в форме неосторожности (легкомыслие или небрежность). Некоторые экологические правонарушения могут быть совершены только с прямым умыслом (например, ст. 258 УК РФ), некоторые – только по неосторожности (например, ст. 261 УК РФ).

ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ в ст. 75 называет следующие виды юридической ответственности за экологического законодательства: уголовная, административная, дисциплинарная и имущественная. Мы видим, что законодатель под понятием «имущественная ответственность» объединил два вида юридической ответственности – гражданско-правовую и материальную. По-моему мнению, это два разных вида юридической ответственности, у которых, несомненно, есть общие черты, но все же существует множество различий.

Специфика юридической ответственности за экологические правонарушения заключается в следующем:

– объектом противоправного посягательства являются компоненты окружающей среды (водные объекты, лесные ресурсы и т.д.);

– в результате совершения экологического правонарушения причиняется вред здоровью человека либо создается потенциальная угроза причинения такого вреда;

– объектом правонарушения будут являться общественные отношения, складывающиеся в сфере природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

– ответственность за экологические правонарушения реализуется при помощи мер государственного принуждения с целью защиты окружающей среды, природопользователей, предотвращения вреда от экологических правонарушений и их последствий.

– наступление или ненаступление административной, гражданско-правовой, дисциплинарной, уголовной ответственности не является основанием освобождения лица, совершившего правонарушение, от обязанности возместить причиненный окружающей среде вред.

Основания, условия и порядок привлечения к ответственности за вред, причиненный окружающей среде и здоровью человека, регламентируется гражданским законодательством.

Объектами экологических отношений, которым может быть причинен вред являются: окружающая среда, здоровье человека, имущество (имущественные интересы).

Источниками причинения экологического вреда чаще всего служат: противоправное деяние, источники повышенной опасности, правомерное деяние. Вред может быть причинен одному или нескольким объектам экологических отношений одновременно.

В соответствии с ч. 1 ст. 77 ФЗ «Об охране окружающей среды» юридические и физические лица, причинившие вред окружающей среде в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов и иного нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обязаны возместить его в полном объеме в соответствии с законодательством. Для исчисления ущерба, причиненного окружающей среде, используются таксы или методики. Таксы применяются тогда, когда объекты, которым причинен вред, можно посчитать «поштучно», например, за незаконный вылов амурского осетра взыскивается 8350 рублей за 1 экземпляр независимо от размера и веса. Таксы утверждаются органами исполнительной власти, осуществляющими государственное управление в области охраны окружающей среды. Применяются следующие таксы: Постановление Правительства РФ от 25.05.1994 № 515 «Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный уничтожением, незаконным выловом или добычей водных биологических ресурсов», Постановление Правительства РФ от 26.09.2000 № 724 «Об изменении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам» (данным Постановлением утверждены таксы для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный гражданами, юридическими лицами и лицами без гражданства уничтожением, незаконным выловом или добычей водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу РФ, во внутренних рыбохозяйственных водоемах, внутренних морских водах, территориальном море, на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации), Постановление Правительства РФ от 08.05.2007 № 273 «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» (вместе с Методикой исчисления размера вреда, причиненного лесам, в том числе лесным насаждениям, или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам вследствие нарушения лесного законодательства), Приказ Минприроды РФ от 01.08.2011 № 658 «Об утверждении такс для исчисления размера вреда, причиненного объектам растительного мира, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, и среде их обитания вследствие нарушения законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования» и т.д.

Методики для исчисления размера вреда, причиненного окружающей среде, применяются тогда, когда речь идет о загрязнении (уничтожении) объектов окружающей среды, которые посчитать «поштучно» нельзя, например водные объекты, почва. При расчете размера ущерба по методикам используются формулы. В экологической сфере применяются следующие методики: Приказ Минприроды России от 13.04.2009 № 87 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства», Методика определения ущерба окружающей природной среде при авариях на магистральных нефтепроводах (утв. Минтопэнерго РФ 01.11.1995) и т.д.

При отсутствии такс и методик вред, причиненный окружающей среде, возмещается исходя из фактических затрат, понесенных на восстановление окружающей среды. В соответствии с ч. 3 ст. 77 вред возмещается в полном объеме с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды. Причинитель вреда (физическое или юридическое лицо) возмещает вред добровольно либо по решению суда. Восстановление окружающей среды может осуществляться либо собственником (пользователем) окружающей среды, либо виновным лицом за свой счет.

Можно выделить следующие способы возмещения вреда, причиненного окружающей среде: в денежном выражении и в натуре.

В ст. 1082 «Способы возмещения вреда» Гражданского кодекса РФ законодатель под возмещением вреда в натуре понимает предоставление вещи того же рода и качества, исправление поврежденной вещи и т.п. Применение такого способа возможно, например, при восстановлении плодородного слоя почвы или посадке срубленных деревьев ви-

новным лицом. В соответствии со ст. 78 ФЗ «Об охране окружающей среды» срок исковой давности о компенсации вреда, причиненного окружающей среде, составляет 20 лет.

Вторым объектом экологических отношений, которому может быть причинен вред, является здоровье человека. В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности и имуществу гражданина, возмещается в полном объеме. Законом или договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда.

Возмещение вреда, причиненного имуществу гражданина, осуществляется в полном объеме, в том числе с учетом упущенной выгоды. Возмещение вреда возможно в денежном выражении или в натуре.

Первым источником причинения вреда названо совершение противоправного деяния. Когда речь идет о совершении лицом преступления, правонарушения и проступка, его привлекают к уголовной, административной и трудовой ответственности соответственно. Если же в результате совершенных им противоправных действий был причинен вред окружающей среде, имуществу и (или) здоровью человека, причинителя вреда привлекают также и к гражданско-правовой ответственности. В случае привлечения виновного к уголовной ответственности за совершение экологического преступления потерпевший может предъявить гражданский иск о возмещении вреда после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции.

На основании ст. ст. 1079, 1083 ГК РФ в случае причинения вреда источником повышенной опасности его владелец обязан возместить вред, причиненный источником повышенной опасности. Владелец источника повышенной опасности может быть освобожден от возмещения вреда в случаях:

– действия непреодолимой силы;
– если источник повышенной опасности выбыл из его владения.

В экологических правоотношениях иногда возникают ситуации, когда субъект своими действиями не нарушает требований закона, но тем не менее причиняет вред. В качестве характерного примера можно привести ситуацию, когда работающее предприятие осуществляет выбросы и сбросы вредных веществ в атмосферный воздух и в водный объект, таким образом оказывая негативное воздействие на окружающую среду. У любого действующего предприятия в этом случае должны быть установлены лимиты на выбросы и сбросы вредных веществ. Лимиты должны устанавливаться таким образом, чтобы при попадании этих вредных веществ не приносился вред окружающей среде, но в некоторых случаях играет свою роль так называемый накопительный эффект, когда при долговременном систематическом попадании в окружающую среду вредные вещества накапливаются в большой концентрации. Это приводит к выражению негативного воздействия на окружающую среду вовне, т.е. речь идет о причинении вреда окружающей среде. В этом случае мы можем говорить о невиновном причинении вреда, так как субъект (предприятие) действовал в рамках закона, совершал правомерные действия, потому что у него имелись разрешения на выбросы и сбросы вредных веществ.

Проблема повышения эффективности рассмотрения судами категории дел, которая условно может быть обозначена как «экологические споры», представляется чрезвычайно сложной ввиду ряда обстоятельств. Одной из причин является то, что процессуальные особенности разрешения судами дел, возникающих из экологических отношений (экологических споров), определяются совокупностью норм сразу нескольких отраслей права, как материальных – прежде всего земельного, а также экологического, гражданского, административного, так и процессуальных – гражданского процессуального, административного процессуального, арбитражного процессуального права, которые, безусловно, должны (но не всегда бывают) гармонизированы. При этом, как верно отмечают Д.Х. Валеев и В.Г. Голубцов, «гражданское процессуальное (равно как и арбитражное процессуальное) право, будучи процессуальной отраслью права, может выступать гарантом реализации материальных прав и создания дополнительных гарантий в рамках существующих материальных правоотношений» [8].

Ответственность в сфере охраны окружающей среды занимает весомое место в формировании, а главное – в реализации разработанных в соответствии с п. «е» ст. 71 Конституции РФ Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., утв. Президентом РФ 30 апреля 2012 г. В частности, в подп «е», «ж» и «н» п. 8. Основ предусматриваются ответственность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления за обеспечение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности на соответствующих территориях, презумпция экологической опасности планируемой экономической, иной деятельности и ответственность за нарушение законодательства РФ об охране окружающей среды. Среди механизмов совершенствования нормативно-правового обеспечения охраны окружающей среды, экологической безопасности Основами называются усиление ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей среды и обеспечение неотвратимости наказания за экологические преступления и иные правонарушения (подп. «г» п. 11 Основ).

В положениях Основ преобладают обращения к видам ответственности: при решении задачи обеспечения экологически безопасного обращения с отходами используется установление ответственности производителей за экологически безопасное удаление произведенной ими продукции, представленной готовыми изделиями, утратившими свои потребительские свойства, а также связанной с ними упаковки (подп. «д» п. 15 Основ); при решении задачи развития экономического регулирования, рыночных инструментов охраны окружающей среды используется повышение экологической и социальной ответственности бизнеса (подп. «к» п. 17 Основ); при решении задачи формирования экологической культуры, развития экологического образования и воспитания используются формирование у всех слоев населения, прежде всего у молодежи, экологически ответственного мировоззрения (подп. «а» п. 20 Основ) и развитие системы подготовки, повышения квалификации в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности руководителей организаций и специалистов, ответственных за принятие решений при осуществлении экономической и иной деятельности, которая оказывает или может оказать негативное воздействие на окружающую среду (подп. «е» п. 20 Основ); при реализации задачи обеспечения эффективного участия граждан, общественных объединений, некоммерческих организаций и бизнес-сообщества в решении вопросов, связанных с охраной окружающей среды и обеспечением экологической безопасности, используется развитие добровольных механизмов экологической ответственности организаций с участием государства в соответствии с международными стандартами (подп. «д» п. 21 Основ). Из неотвратимости ответственности исходит Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 г., утв. Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ заключается в том, что во исполнение конституционной обязанности каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам регулирование отношений, связанных с использованием лесных ресурсов, предполагает, в частности, ответственность субъектов хозяйственной деятельности, связанной с использованием лесов, за соблюдение установленного лесным законодательством правопорядка и их публичные обязательства по восполнению части лесного фонда, утраченной в результате хозяйственной деятельности (Определение КС РФ от 3 февраля 2010 г. № 238-О-О). Согласно Постановлению КС РФ от 5 марта 2013 г. № 5-П обязанность, предусмотренная в ст. 58 Конституции, имеет всеобщий характер и, будучи частью обеспечительного механизма реализации экологических прав граждан, распространяется как на граждан, так и на юридических лиц, что с необходимостью предполагает и их ответственность за состояние экологии. Публичная власть, также несущая конституционную ответственность за сохранение природы, в свою очередь, обязана принимать меры, направленные на сдерживание загрязнения окружающей среды, предупреждение и минимизацию экологических рисков (функция обеспечения государством рационального природопользования, защиты экологических прав граждан предусматривается в Конституциях Беларуси, Казахстана, Украины).

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» обратил внимание судов на то, что: им надлежит выяснять, какими нормативными правовыми актами регулируются соответствующие экологические правоотношения, и указывать в судебном решении, в чем непосредственно выразились их нарушения, со ссылкой на конкретные нормы (п. 1); гражданско-правовая (имущественная) ответственность за вред, причиненный окружающей среде, может возникать в результате нарушения договоров в сфере природопользования, а также в результате внедоговорного (деликтного) причинения вреда; закон не предполагает ограничения размера ответственности по обязательствам, возникающим из договоров в сфере природопользования (п. 33).

В наибольшей мере система, содержание экологических правоотношений пересекается с гражданско-правовыми отношениями, поскольку природные объекты являются объектами собственности физических и юридических лиц, государства, муниципальных образований. Гражданско-правовая ответственность в соответствии с ГК РФ играет и должна продолжать играть важнейшую роль в обеспечении

стабильности имущественных отношений, защите их добросовестных участников. В интересах большинства россиян диспозитивность гражданских сторон регулирования экологических правоотношений и соответствующей им ответственности должна совмещаться с императивностью норм, регулирующих устойчивость; предсказуемость владения, пользования и распоряжения природными объектами в соответствии с принципами законности, нравственности, справедливости должна повышаться, поскольку значительная часть земельных, лесных участков, прудов, обводненных карьеров включены в качестве своеобразных вещей в гражданский оборот с учетом публичных интересов. Четкое и обоснованное действие норм ст. ст. 129, 209 ГК РФ, ст. 3 ЗК РФ, ст. 3 ЛК РФ, ст. 4 ВК РФ остается основополагающим в экологических правоотношениях в связи с признанием равноправных частной, государственной и муниципальной форм собственности, но владение, пользование и распоряжение природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно лишь постольку, поскольку это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц.

В настоящее время в связи с приоритетностью для бюджета России запасов, добычи углеводородов, других полезных ископаемых важнейшую роль приобретают горные правоотношения, где недра могут принадлежать лишь государству в лице Российской Федерации и ее субъектов, а в горных правоотношениях преобладают публично-правовые начала, что не исключает частноправовой характер распределения, купли-продажи добытых полезных ископаемых, передачи извлеченной из земли продукции на расстояние, что обусловливает дополнительное правое регулирование. Лесные, водные, фаунистические правоотношения также носят публично-частный и частно-публичный характер в зависимости от субъектов собственности (ч. 2 ст. 9 Конституции РФ), масштабов воздействия человека на конкретный природный ресурс и объект, их месторасположения, размеров, традиций, обычаев.

Регулирование правовыми нормами охраны атмосферного воздуха как части окружающей среды и складывающиеся вокруг него правоотношения носят публичный характер, так как собственность на воздух в настоящее время не признана, но его состоянием, мерами поддержания надлежащего качества определяются биологическое разнообразие и вся жизнь на планете Земля, что обусловливает необходимость использования всего многочисленного арсенала методов регулирования охраны атмосферного воздуха, в том числе посредством применения ответственности. Многие виды экологических и экологизированных правоотношений носят комплексный, интеграционный характер, например регулируемые правом общественные отношения по охране озера Байкал, природы Арктики, бассейна реки Волга, предупреждению и преодолению зон экологического неблагополучия, информационному обеспечению экологических отношений, формированию основ экологической культуры [9].

Ответственность в сфере экологии нередко порождается невыполнением обязанностей по разработке, выполнению нормативов в области охраны окружающей среды, включающих проведение экспертизы, утверждение, опубликование, установление порядка и оснований пересмотра, осуществление надзора, контроля за соблюдением, ведение единой информационной базы нормативов. Особенности ответственности здесь связаны с оценкой, прогнозированием генетических и иных последствий, установлением лимитов образования, размещения отходов производства и потребления, уровней шума, вибрации, допустимого изъятия компонентов окружающей среды, антропогенной нагрузки на нее, предельно допустимых выбросов, сбросов, концентраций веществ, микроорганизмов, уровней радиоактивности, тепла, осуществлением надзора, контроля за их соблюдением.

Оптимальному функционированию юридической ответственности порой препятствуют невыполнимые предписания, которые на самом деле не могут реализоваться, носят неистинный характер, направлены, скорее, на декларирование, имитирование, а не на регулирование общественных отношений, где желаемое принимается за действительное, должное смешивается с существующим, возможное сегодня – с перспективным завтра, хотя и служит неким шаблоном, намечающим и приближающим грядущие состояния и поведение.

Упразднение муниципального экологического контроля было необоснованным и немотивированным. Передача этих полномочий местным властям в 2004 году и их отмена через два года демонстрируют отсутствие последовательной экологической политики. Для эффективного природоохранного законодательства необходимо восстановить муниципальный контроль с правом инспекторов привлекать нарушителей к ответственности, детально прописав процедуру [10].

В настоящий момент в экологической сфере применяются те же апробированные административные, гражданские (исковые) и другие известные правовые средства воздействия, а характер правовых санкций не носит существенных, качественных отличий, концептуально отмежевывающих способы принуждения в самостоятельный вид юридической ответственности в сфере экологии, который мало что прибавляет к ее полноценности, обладающей достаточными признаками относительной «суверенности», не нуждающейся в искусственных подпорках. Научные поиски, направленные на цивилизованное, своевременное преображение правовой жизни, обоснование дополнений отраслей, категорий права, свидетельствующие об изобретательности авторов и их «радении» за выбранное направление развития института ответственности, заслуживают тщательной теоретической аргументации, эмпирических исследований, правовых экспериментов на части территории [11].

Специфика юридической ответственности в сфере экологии напрямую зависит от социального характера, особенностей экологических правоотношений [12], заключающихся в своеобразном сочетании публичных и частноправовых интересов граждан, настоящего и будущих поколений, конкуренции сегодняшней экономики и завтрашней экологии, уровня развития правовой культуры и правосознания граждан, уровня развития общества и системы законодательства в сфере экологии.

В настоящий момент экологическое законодательство не кодифицировано, достаточно подвижно, подвержено изменениям и дополнениям, поэтому нуждается в правовом опосредовании и определенности (кодификации).

Сегодня в нашей стране особенно необходимо:

– целенаправленное формирование экологического законодательства Российской Федерации, которое отвечало бы современным социально-экономическим, политическим и правовым реалиям и которое должно осуществляться как неотъемлемая часть правовой реформы;

– организация и проведение независимой (в том числе) юридической экспертизы законопроектов в сфере экологии;

– включение экологических законопроектов в число приоритетных;

– проведение экологического воспитания граждан с целью формирования их экологического правосознания;

– регулирование экологических отношений для достижения цели – предупреждение любого вида вреда окружающей среде при осуществлении хозяйственной и иной деятельности;

– введение института корпоративной экологической ответственности крупных производственных компаний и их участников [13,14];

– подготовка управленцев, судей, предпринимателей, специализирующихся на вопросах природоохраны и рационального природопользования;

– усовершенствование методик расчета размера вреда, причиненного окружающей природной среде.

Литература

1. М.Е. Булгаков и др. Природоохранные акты: от Русской правды до Петровских времен// Государство и право. № 8.С.136–146 (1996).

2. М.Е. Булгаков История взаимодействия общества и природы: факты и концепции.С.120 (1990).

3. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., С. 543 (1997).

4. М.М. Бринчук Экологическое право: Учебник. М., Воронеж, С. 388 (2011).

5. П.В. Анисимов, Л.В. Медведицкова. Теоретико-правовые и организационные основы правозащитной системы в Российской Федерации: Монография. Волгоград, С. 54 (2007).

6. Б.В. Ерофеев Экологическое право: Учебник. М.: Форум; ИНФРА-М, С. 140 (2004).

7. Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный уничтожением, незаконным выловом или добычей водных биологических ресурсов: Постановление Правительства РФ от 25.05.1994 № 515.

8. Д.Х.Валеев, В.Г. Голубцов Методологические аспекты межотраслевых связей гражданского процессуального права // Методологические проблемы цивилистических исследований Т. 1. № **1** С. 37 (2019).

9. Российская Арктика – территория права. Альманах. Выпуски за 2014–2018 гг.

10. А.В. Яблоков Среда обитания и права человека // Журнал российского права. 4–5. С. 29–36 (1998).

11. Некоммерческие организации: теоретические и практические проблемы / Под ред. В.М. Жуйкова. М., (2009).

12. M.Kitzmueller, J.Shimshack Journal of Economic Literature, **1**, 53 (2012).

13. L. Cai, J. Cui and H. Jo *Journal of Business Ethics*, **3**, 565–594 (2016).
14. H. Kim, K. Park, D. Ryu *Journal of Business Ethics*, **3**, 381–402 (2017).

SPECIFICS OF LEGAL LIABILITY FOR ENVIRONMENTAL VIOLATIONS IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sobyanin A.A.
V.F. Yakovlev Ural State Law University

This article examines the challenges of improving Russian legislation on the liability of economic entities for causing environmental damage.
According to the author, environmental violations often arise from failure to fulfill obligations to develop and implement environmental protection standards, including conducting expert assessments, approving, publishing, establishing procedures and grounds for review, overseeing and monitoring compliance, and maintaining a unified database of standards.
Specific aspects in this case relate to assessing and predicting genetic and other consequences, establishing limits on the generation and disposal of production and consumption waste, noise and vibration levels, permissible removal of environmental components, anthropogenic load on the environment, maximum permissible emissions, discharges, concentrations of substances, microorganisms, radioactivity levels, and heat, as well as monitoring and enforcing these limits.
The optimal functioning of legal responsibility is sometimes hindered by impossible regulations that cannot be implemented, are false, and are aimed more at declaration and imitation than at regulating social relations. Where the desired is taken for the actual, the expected is confused with the existing, and what is possible today is confused with what is promising tomorrow, although it serves as a kind of template, outlining and illustrating future conditions and behavior.
Based on the provisions of current legislation, the author draws conclusions about the need to amend the provisions of current legislation.

Keywords: environment, environmental damage, environmental liability, civil liability, administrative liability for environmental offenses, compensation for environmental damage.

References

1. M.E. Bulgakov et al. Environmental Protection Acts: From the Russian Truth to the Times of Peter the Great // State and Law. № 8. pp. 136–146 (1996).
2. M.E. Bulgakov History of the Interaction between Society and Nature: Facts and Concepts.p. 120 (1990).
3. Theory of State and Law / Ed. N.I. Matuzov, A.V. Malko. Moscow, p. 543 (1997).
4. M.M. Brinchuk Environmental Law: Textbook. Moscow, Voronezh, p. 388 (2011).
5. P.V. Anisimov, L.V. Medveditskova. Theoretical, Legal, and Organizational Foundations of the Human Rights System in the Russian Federation: Monograph. Volgograd, p. 54 (2007).
6. B.V. Erofeev. Environmental Law: Textbook. Moscow: Forum; INFRA-M, p. 140 (2004).
7. On Approval of Rates for Calculating the Amount of Compensation for Damage Caused by the Destruction, Illegal Fishing, or Extraction of Aquatic Biological Resources: RF Government Resolution of May 25, 1994, № 515.
8. D.Kh. Valeev, V.G. Golubtsov. Methodological Aspects of Intersectoral Relations in Civil Procedural Law // Methodological Problems of Civilistic Research, Vol. 1, № 1, p. 37 (2019).
9. The Russian Arctic: Territory of Law. Almanac. Issues for 2014–2018.
10. A.V. Yablokov, Habitat and Human Rights // Journal of Russian Law. 4–5. pp. 29–36 (1998).
11. Non-profit organizations: theoretical and practical problems / Ed. by V.M. Zhuikov. Moscow, (2009).
12. M. Kitzmueller, J. Shimshack, Journal of Economic Literature, 1, 53 (2012).
13. L. Cai, J. Cui, and H. Jo, Journal of Business Ethics, 3, 565–594 (2016).
14. H. Kim, K. Park, D. Ryu, Journal of Business Ethics, 3, 381–402 (2017).

Трефилов Сергей Анатольевич,
кандидат юридических наук, председатель Зеленоградского районного суда города Москвы

В статье рассмотрена связь возникновения правоотношений и современных электронных технологий. Проведен всесторонний анализ значения и влияния электронных технологий на правоотношение: в качестве юридического факта, являющегося основанием возникновения правоотношения; как средство идентификации субъектов правоотношения; как объект правоотношения; как выражение правоприменения; как вспомогательный механизм или техническая площадка для фиксации данных. Автором сформулирована и обоснована следующая дефиниция – событие, возникшее по воле лица, отраженное с использованием информационных технологий или в сфере информационных технологий, является юридическим фактом. В статье обсуждается юридический статус таких актуальных объектов информационных технологий, как криптовалюта, аккаунт, майнинг, донат, мессенджеры, виртуальное имущество, социальные сети, нейросети, электронный документооборот, QR – код. Приведен анализ судебной практики, по результату которого сделан вывод о возникающих трудностях по юридической классификации объектов информационных технологий, что приводит к правоприменительным ошибкам. В статье сделан вывод о возможном несоответствии между объектом в материальном мире, его юридическим статусом и их отображением в цифровых данных, предложены пути решения указанной проблемы в виде расширения усмотрения суда при юридической квалификации объектов информационных технологий. Созданные человеком технологии все больше определяют бытие общества, включая правовую сферу, иногда становятся детерминирующим фактором внесения изменений в действующее законодательство, как например, статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» дополнила статья 141.1 «Цифровые права», принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Очевидна высокая активность возникновения новых объектов информационных технологий. Главным видится, развитие такой парадигмы, при которой ключевой задачей объектов искусственного интеллекта является обеспечение служебной функции по отношению к человеческим потребностям и общественным приоритетам.

Ключевые слова: основание возникновения правоотношений, электронные технологии в сфере юриспруденции, информационные технологии в сфере юриспруденции, правосудие, электронно-информационные технологии, электронное правосудие, правоотношение, юридический факт.

Современные электронные технологии оказывают большое влияние на все сферы жизни человека. Плоды технического прогресса не обошли и правовую сферу, парадигма развития юриспруденции тесно связана с электронными технологиями. Виды оснований возникновения правоотношений, с учетом современных электронных технологий, приобретают актуальное звучание. В настоящей статье выделим некоторые аспекты связи возникновения правоотношений и современных электронных технологий, обсудим основания возникновения правоотношения в «материальном» и «цифровом» выражении, их соотношение, а также попробуем квалифицировать электронные технологии в различных правовых ситуациях: в качестве объекта правоотношений, юридического факта, являющегося основанием возникновения правоотношений или некого технического, вспомогательного механизма.

Правоотношение в науке определяется как «реализация правовой нормы, выражающейся в том, что общественные отношения приобретают форму правоотношения; понятие правоотношения как формы общественного отношения, урегулированного нормой права, в единстве правовой формы и содержания; правоотношение, как совокупность прав и обязанностей, составляющих единство с нормой»[1]. В теории государства и права возникновение (равно как изменение и прекращение) правоотношения связывается с юридическими фактами.

Правовые основания возникновения правоотношения неоднородны.

Различают нормативные и правосубъектные основания, которые являются предпосылками гражданских правоотношений, они создают возможность правоотношения, а непосредственно основаниями возникновения правоотношений являются юридические факты.

Рассмотрим принятые в правовой науке определения юридического факта.

Статьей 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) предусмотрены основания возникновения гражданских прав и обязанностей.

«С юридического факта начинается жизнь правовой нормы, реализуемой в правоотношении, проверяется ее реальность, действенность»[2].

«Юридический факт – это связь между правом и обязанностью в юридическом отношении возникает в силу юридического факта, под которым понимается всякое обстоятельство, влекущее за собой по закону те или иные юридические последствия. Юридический факт возникает или по воле лиц, вступающих в юридическое отношение, и тогда это будет юридическое действие (сделка, правонарушение), или же помимо их воли, и тогда это будет юридическое событие (истечение срока, смерть, рождение)»[3].

Н.И. Полищук говорит о том, что «обусловленность возникновения и развития правоотношения определенным юридическим фактом подчеркивает неразрывную связь реального поведения и правовой формы, невозможность в действительности отделить одно от другого»[4].

Ю.Ф. Беспалов выделяет «действия, как правило, являются правомерными. К ним относят разнообразные сделки, акты органов государственной власти и органов местного самоуправления, судебные акты, иные действия, например действия, охватываемые понятиями «приобретательная давность» (ст. 234 ГК РФ), «находка» (ст. 227 ГК РФ). Однако возможно отклонение от нормального поведения. В этом случае действия могут нарушать нормы права, следовательно, признаются правонарушениями, т.е. неправомерными действиями. Сроки в гражданском праве также признаются юридическим фактом в виде относительного события (ст. 190 ГК РФ). Состояние признается самостоятельным, особым юридическим фактом, не относящимся к событиям и действиям (ст.ст. 1088, 1149 ГК РФ)»[5].

[1] Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – Москва: Юридическая литература, 1974. С. 100.

[2] Там же.

[3] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – 9-е изд. – Москва: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. С. 73.

[4] Полищук Н.И. Теоретическая модель взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта: монография. – Рязань: Академия ФСИН, 2007.С. 309.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации. Подробный постатейный комментарий с путеводителем по законодательству и судебной практике. С учетом Федеральных законов № 333-ФЗ, 354-ФЗ, 497-ФЗ / Ю.Ф. Беспалов, А.Ю. Беспалов, М.С. Варюшин; отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. – Москва: Проспект, 2018.С.288.

«События, которые в свою очередь могут быть абсолютными и относительными»[1].

«Начало действия относительного события связано с волей человека, а дальнейшее движение и окончание этого действия происходят вне зависимости от воли человека (например, зачатие и рождение ребенка). Все этапы движения абсолютного события не связаны с волей человека (например, наводнение)»[2].

Разделяя позицию Ю.Ф. Беспалова относительно системы юридических фактов, представляется обоснованным отнесение IT-опосредованных фактов к относительным событиям в силу того, что момент их наступления находится в причинно-следственной связи с сознательными действиями лица, а его дальнейшее существование может зависеть от информационных технологий (например, уничтожение данных вследствие вредоносных ПО) и иных факторов.

Объект IT является неким вспомогательным инструментом, реализующим дигитализацию информации с целью ее интеграции в цифровую среду посредством информационных технологий. Данный процесс должен отвечать требованиям удобства, и являться второстепенным по отношению к волеизъявлению человека. Либо же мы констатируем факт передачи искусственному интеллекту функционала, в котором он может действовать самостоятельно. Правомерным считаем доминирующее положение волеизъявление человека над искусственным интеллектом. Когда юридический факт существует в мире электронных технологий, необходимо понимание соотношения волеизъявления человека и «самостоятельности» искусственного интеллекта в данной конструкции.

На основании изложенного, можно сформулировать следующее определение электронного юридического факта – это событие, возникшее по воле лица, дигитализованное посредством информационных технологий.

В этой связи интересны суждения Р.С. Бевзенко, о том, что «сам по себе факт физического существования недвижимых вещей и идеальный характер объектов исключительных прав не служит доводом против применения положений комментируемой статьи в сфере права интеллектуальной собственности. Это связано с тем, что и недвижимые вещи, и объекты исключительных прав описываются в реестре путем специальных приемов: недвижимость – через кадастровое описание, изобретения – путем описания их существа, товарный знак – путем графического и текстуального описания знака и т.п. С этой точки зрения нет никакой сущностной разницы между регистрацией прав на вещи и на идеальные объекты. Суть регистрации прав на имущество скорее раскрывается словами «регистрация прав», а не «регистрация имущества». Кстати, легко заметить, что и вещное право на недвижимую вещь, и исключительное право являются по своей природе правами абсолютными, т.е. имеющими эффект против всех третьих лиц. Наконец, идеальный характер объекта права не помешал ВС РФ признать применимость ст. 8.1 ГК к регистрации прав на долю в обществе с ограниченной ответственностью»[3].

Верховный суд РФ указал: «На основании подпункта 2 пункта 1 статьи 8 Гражданского кодекса Российской Федерации гражданские права и обязанности могут возникать из актов государственных органов и органов местного самоуправления, которые предусмотрены законом в качестве основания возникновения данных прав и обязанностей, а применительно к подпункту 8 пункта 1 указанной статьи – вследствие действий должностных лиц этих органов».

Схематично историю развития правоотношений можно представить так: волеизъявление на первоначальном этапе вербальное, затем, с формированием письменности – необходимость письменной фиксации. В настоящее время фиксация осуществляется в цифровом виде, о чем свидетельствуют некоторые изменения в законодательстве.

Так, в соответствии со ст. 160 ГК РФ, письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю.

Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки.

В соответствии со ст. 434 ГК РФ, договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами.

С развитием электронных технологий формируется и цифровой гражданский оборот[4], как например, различные транзакции, в том числе с использованием системы быстрых платежей, электронной цифровой подписи совершение сделки купли-продажи с использованием средств электронного платежа[5], майнинг, приобретение коинов, стейблкоинов, токенов, индивидуализация субъектов гражданских правоотношений таких, как IP-адрес, ник-нейм, ID-номер, QR-код, происходит повсеместная интеграция нейросетей и электронного документооборота (ЭДО) в различные сферы человеческой жизни.

Рассмотрим указанный процесс на примере сделки купли-продажи с использованием электронных средств платежа (ЭСП). Сделка купли-продажи основана на волеизъявлении продавца продать, а покупателя приобрести. Определение момента возникновения правоотношений при купле-продаже с использованием электронных платежей представляет собой предмет научного обсуждения. Требуется установить, какое событие выступает в качестве юридического факта, влекущего возникновение обязательств. Ключевой вопрос заключается в локализации данного факта: связывается ли он с моментом акцепта оферты покупателем посредством подтверждения платежной операции или же с фактическим поступлением денежных средств на расчетный счет продавца. Таким образом, научно-практическая проблема сводится к определению того, формируется ли правоотношение в цифровой среде (виртуальной реальности) или же его начало объективно связано с материальными изменениями в реальном мире (физическом обороте). Ранее нами приводилось мнение Р.С. Бевзенко о том, что реально существующий объект и объект, указанный в ЕГРН не одинаковые явления. Очевидно, возможно различие между объектом в реальном мире, его юридическим статусом и их цифровой репрезентации.

Также возникают вопросы юридической квалификации событий и действий, связанные с временной шкалой. Рассмотрим на примере популярного вида общения блогера с подписчиками – стрима, т.е. видеотрансляции в реальном времени. Как правило, именно во время трансляций подписчики осуществляют донаты – добровольные пожертвования. Квалифицировать с юридической точки зрения донат можно как дарение. Итак, стрим – это видеотрансляция, которая осуществляется в настоящий момент времени, в который подписчик может осуществить донат. Однако, где гарантия того, что стрим проходит в реальном времени, не является сохраненной записью? На этом примере также хочется отметить различие, которое возможно между реальными фактами и их отображением в цифровом пространстве.

Приведем еще одну иллюстрацию соотношения объекта в реальном мире, его юридического статуса и результата их дигилитации, а именно – удаленные сообщения в мессенджерах. Стоит отметить, что судебная практика в последние годы идет по пути признания такой переписки юридически значимыми сообщениями, в таких категориях споров, как подрядные споры, дела о взысканиях по договорам займа, о защите прав потребителей, трудовые споры. Перейдем к квалификации удаленного сообщения в месенджерах. Действия лица, которое в частной переписке удалил свое сообщение, правомерны. Между тем, другая сторона, получившая сообщение, также может сделать и сохранить скриншот переписки. На основании приведенного примера можно отметить проблематику в отсутствии правильной взаимосвязи между волеизъявлением субъекта правоотношений; правомерностью (либо осознанной неправомерностью) направления юридически значимого сообщения с его последующим удалением; фиксацией этого процесса в цифровом мире; верной юридической квалификацией указанного процесса. Этот правоприменительный вопрос возникает ввиду того, что в рассматриваемом примере юридический факт (юридически значимое сообщение) опосредован, в первую очередь, цифровым механизмом (возможность удаления сообщения, возможность сделать скриншот сообщения).

Важным при указанном отсутствии тождества является сохранение гарантий прав для субъектов правоотношения. Условно говоря, существует IT-сфера, в которой, порой хаотично и бесконтрольно происходят события, имеющие значение юридического факта. Правовое поле стоит перед выбором оптимального механизма фиксации цифровых

[1] Ю. Ф. Беспалов, А.Ю. Беспалов, М.С. Варюшин. Указ.соч. С. 289.

[2] Там же.

[3] Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 11.С.134–135.

[4] См. например, Центральный банк Российской Федерации Доклад для общественных консультаций «Криптовалюта: тренды, риски, меры» – Москва, 2022.С.10 [Электронный ресурс] URL: Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения 05.02.2026).

[5] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.

юридических фактов: ограничиться их простой констатацией или внедрить полноценную систему регистрации, аналогичную ЕГРН, в форме отдельного реестра электронных событий.

Эта проблема не предполагает однозначного решения. Необходимо соблюдение баланса между процедурной экономией, быстротой, удобством и соблюдением гарантий прав, свобод и законных интересов участников правоотношений.

Также с развитием электронных технологий необходимо констатировать появление новых объектов правоотношений. В этой связи можно привести в качестве примера изменение правового статуса криптовалюты. Девятый арбитражный апелляционный суд признавал криптовалюту «иным имуществом» в соответствие со ст. 128 ГК РФ[1] и возможность включения его в конкурсную массу при процедуре банкротства. Однако оборот (выпуск и обращение) криптовалюты носил децентрализованный характер и не контролировался государством в противоречие Федеральному закону «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) от 10.07.2002 № 86-ФЗ[2]. В ответ на актуальные реалии в законодательстве Российской Федерации намечен существенный сдвиг в направлении принятия цифровой валюты. Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую, и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» была дополнена статья 141.1 «Цифровые права» в Гражданский кодекс РФ.

«Статья 128 Гражданского кодекса РФ была обновлена включением «цифровых прав в категорию имущественных прав»[3].

Как показывает анализ судебной практики, признание криптовалюты в качестве имущественного объекта, не редко и для судов общей юрисдикции. В частности, в рамках уголовных дел она признавалась предметом в составе мошенничества, поскольку возможно констатировать ее материальную ценность.

Однако, необходимо отметить открытость вопроса относимости криптовалюты к такому объекту гражданских правоотношений, как денежные средства. Кажется очевидным, что криптовалюта не является денежным средством, т.к. эмиссию денежных средств осуществляет исключительно государство. Между тем, возможно практическое применение коинов в качестве платежного средства, фактически денежного эквивалента.

С точки зрения эмиссии очевидно, что имущественную ценность денежные средства приобретают с фактом их появления (изготовления). Ключевой вопрос в определении правовой природы криптовалюты сводится к установлению хронологического критерия обретения ими имущественной ценности – является ли им факт криптографической эмиссии или же акт рыночного обмена на традиционные имущественные блага. Если мы констатируем, что в момент создания в электронном виде криптовалюта приобретает имущественную ценность, она становится полноценным аналогом денежных средств, которые минуют процесс эмиссии, являются децентрализованным не государственными платежными средствами.

Как отмечено выше, в России наблюдается активное развитие правового регулирования в сфере информационных технологий. Например, «Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-Ф внёс некоторые корректировки в ГК РФ в целях лучшей регламентации регулирования цифровых правоотношений. Так, в статью 128 ГК РФ, посвященную регулированию понятия объект гражданских прав, в состав иного имущества были включены цифровые права как вид имущественных прав. Данные права ГК РФ определил как «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы». В то же время противоречия в понимании термина «цифровые права» пока остаются. Об этом свидетельствует, например, история проекта Федерального закона «О цифровых финансовых активах». В мае 2018 г. и апреле 2019 г., состоялось обсуждение двух вариантов проекта этого закона, которые существенно отличались друг от друга»[4]. Данный Федеральный закон был принят в 2020 году[5].

Вопрос правильной квалификации объекта информационных технологий имеет непосредственное практическое значение. Очевидно, что компьютерная игра относится к объекту правоотношений в виде результата интеллектуальной собственности. Но возможно ли квалифицировать компьютерную игру онлайн формата в качестве услуги? Судебная практика поддерживает позицию, согласно которой, онлайн игру можно квалифицировать в виде услуги, например, по делу № 44г-259/18 Московского городского суда: в обоснование заявленных требований о защите прав потребителя истец Никулкин В.В. привел следующие обстоятельства. Начиная с 2013 года он выступал пользователем онлайн-сервисов компании Wargaming Group Limited, в частности многопользовательской игры World of Tanks. В процессе использования данного цифрового продукта истец не только применял предоставляемые бесплатно игровые ресурсы, но и осуществлял платные транзакции через официальный онлайн-магазин. В период с 2012 по 2017 годы предметом приобретения за реальные денежные средства выступало виртуальное имущество, а именно: премиальные внутриигровые модели танков и игровая валюта. Указанные действия формируют правовую связь, в рамках которой ответчиком были нарушены его потребительские права[6].

Данный вопрос имеет прямое практическое значение. Если такой объект IT-технологий, как компьютерная игра, может быть отнесен к услугам, то к ней применимы положения Закона РФ «О защите прав потребителей», что оказывает существенное влияние как на материальные, так и на процессуальные правоотношения. Так, рассмотрение гражданского дела категории спора потребителя с исполнителем услуги имеет целый ряд процессуальных особенностей, например, истец освобожден от уплаты государственной пошлины; подсудность является альтернативной, по выбору истца; представителем истца может выступать общественная организация. С точки зрения материальных правоотношений можно отметить следующие особенности: суд, в случае удовлетворения требований истца, присуждает штраф в размере пятидесяти процентов; неустойку, компенсацию морального вреда. Следовательно, в данном случае судья должен определить правовую природу компьютерной игры. Это необходимо для корректного рассмотрения гражданского дела, вынесения справедливого решения и защиты нарушенных прав.

Также, с появлением новых объектов гражданских правоотношений теоретический и практический интерес представляет вопрос как квалифицировать QR – код: как объект информационной технологии, объект правоотношения, юридический факт или акт правоприменения. QR – код претерпел за последние несколько лет существенную трансформацию. В период пандемии выдавался гражданину в качестве подтверждения права передвижения по городу, QR – код мог быть принят как правоприменительный акт, поскольку выглядел как государственно-властное деяние, выраженное в определенной законом форме и по итогу определенной процедуры, и порождал права/обязанности для конкретного гражданина. А в настоящее время QR – код трансформировался в функционал гиперссылки и средства платежа, в связи с чем, квалифицировать его как правоприменительный акт не актуально.

Квалификация аккаунта в качестве объекта гражданского оборота также требует определения. Согласно решению по делу № 2–118/2024 от 26 февраля 2024 г. по делу № 2–1047/2023 Костомукшского городского суда (Республика Карелия)[7], суд принял аккаунт в Outlook в качестве идентификатора истца. Следовательно, аккаунт расценен с точки зрения объекта гражданских правоотношений в виде нематериального блага.

Доктрина также рассматривает аккаунт и домен как индивидуализированный объект. Дискуссионным остается вопрос специфики этой идентификации – она ограничивается цифровыми критериями, либо носит более личный характер и сравнима с именем (псевдонимом), т.е. является объектом нематериальных благ и может отождествляться и именем и личностью человека, либо приравнивается к результату интеллектуальной деятельности.

Аккаунт также может являться предметом купли-продажи. Открытым остается вопрос возможности наследования аккаунта. ФНП отмечает, что «Существующее наследственное право пока не в полной мере охватывает вопросы наследования цифровых активов, таких как доменные имена, онлайн-аккаунты, криптовалютные кошельки и другое «виртуальное» имущество, распространенное среди населения. Феде-

[1] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А 40–124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790.

[3] Шаймарданов Т. Р., Погодин А.В. Криптовалюта как объект гражданских прав // Universum: экономика и юриспруденция: электронный научный журнал. – 2022. – № 12 (99). – С. 62–67.

[4] Молостова В.Е. Анализ понятия цифровых прав в России // Символ науки: международный научный журнал. – 2022. – № 6–1. – С. 53–58.

[5] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.

[6] Постановление Президиума Московского городского суда от 18 сентября 2018 г. по делу № 44г-259/18 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Решение от 26 февраля 2024 г. по делу № 2–1047/2023, 2–118/2024, 2–118/2024 (2–1047/2023;)~М-937/2023 Костомукшского городского суда (Республика Карелия) // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/M3aCAbe7bbmx/?ysclid=m7ovl79220147774784 (дата обращения: 06.02.2026).

ральная нотариальная палата (ФНП) уверяет, что, несмотря на законодательные недочеты, передача этих активов по наследству возможна. По словам нотариусов, одним из наиболее распространенных цифровых активов являются профили в социальных сетях, которые часто содержат результаты творческой и интеллектуальной деятельности, например, фотографии, видео и тексты. Подобный контент зачастую сам собой представляет немалую ценность, если его автор – публичный человек с миллионами подписчиков и почитателей. Кроме того, страница в соцсети может служить основной для бизнеса, быть эффективной площадкой для размещения рекламы и, как следствие, также приносить прибыль и иметь ценность для ее владельца»[1].

Рассмотрим объект IT-технологий с точки зрения понятия собственности. Формулируя запрос к нейросетевой системе, человек инициирует процесс генерации визуального изображения. Это порождает сложный вопрос об установлении правообладателя и автора полученного произведения. Правовой статус произведения зависит от определения исходного момента творчества, который служит юридическим фактом для возникновения авторских прав. В данном случае проблема заключается в локализации этого факта: относится ли он к реальному миру, где пользователь формулирует идею и критерии, или к виртуальной среде, где искусственный интеллект автономно осуществляет синтез образа.

С одной стороны, генерация изображения была бы невозможна без креативного запроса человека, который определяет художественный замысел и стилистические параметры. С другой стороны, нейросеть выполняет значительную самостоятельную работу по интерпретации текста и созданию конечного визуального продукта, что косвенно может указывать на соавторство ее разработчиков, заложивших в алгоритм творческий потенциал.

Таким образом, авторство, вероятно, носит распределенный характер. Однако необходимо признать, что даже при высокой автономии нейросети ее роль остается инструментальной, поскольку она функционирует как сложный инструмент, созданный человеком для решения текстово-графических задач. Следовательно, управление творческим процессом и исходная ответственность остаются за людьми: как за пользователем, сформулировавшим запрос, так и за создателями нейросетевой модели.

Расширение рассмотрения данной проблемы требует определения точного юридического значения электронных технологий. Речь идет о выяснении их правовой природы: являются ли они основанием для возникновения правоотношений (юридическим фактом), самостоятельным объектом гражданского оборота или вспомогательным механизмом для фиксации юридических фактов, совершающихся в материальном мире. Более того, возникает вопрос о потенциале искусственного интеллекта к автономному управлению процессами возникновения правоотношений путем генерации событий, способных приобрести статус юридических фактов.

Схематично представить конструкцию правоприменения можно так: юридический факт в материальном мире и правоприменение. С учетом цифровизации схема усложняется: выражение юридического факта в материальном мире – «отцифровка» данного юридического факта в электронном виде – правоприменение (порядок второго и третьего события может меняться).

Судебная деятельность может устранить несоответствие либо, напротив, установить соответствие таких фактов.

Как указывает в своей работе Н.А. Громошина, «суд при рассмотрении дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, реализует иные властные функции (кроме отправления правосудия): при рассмотрении и разрешении дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, о признании гражданина безвестно отсутствующим или объявлении умершим, о признании гражданина недееспособным, т.е. дел особого производства (подраздел 4 раздела 2 ГПК РФ) суд осуществляет судебную власть, но не осуществляет правосудия»[2]. Можно согласиться с выводом автора о полифункциональности судебной власти и с тем, что «понятие судебная власть – шире понятия правосудие»[3].

Существует связь между объективно существующим юридическим фактом и легализацией его судом. Решение суда – юридический факт, являющийся основанием возникновения правоотношения.

Процедура установления факта, имеющего юридическое значение, может быть проиллюстрирована следующим образом. Несмотря на объективное существование такого факта, он не повлек за собой возникновения каких-либо правовых связей. Лишь после вступления в законную силу судебного решения, подтверждающего данный факт, он приобретает юридическую значимость и становится основанием для возникновения правоотношений.

Таким образом, только суд имеет полномочия констатировать фактически существующие обстоятельства, придать им силу юридического факта, который начинает жизнь правоотношения, связывает абстрактную норму и реально существующие обстоятельства в правоотношение.

В качестве иллюстрации можно привести достаточно обширную практику Арбитражных судов по подрядным спорам, при рассмотрении которых, суд признает в качестве надлежащего доказательства использованный электронный документооборот (ЭДО), констатируя, таким образом, в качестве юридического факта обстоятельства, существующие в цифровом мире[4].

Итак, процесс возникновения новых объектов в области IT-технологий характеризуется высокой динамикой и интенсивностью. Не менее активно осуществляется их трансформация (как QR-код из средства легализации в платежный механизм, как криптовалюта из несуществующего в материальном мире объекта в объект имущественных прав). Законодательные изменения не всегда могут оперативно реагировать на существующие в цифровом мире реалии, между тем, верная квалификация объектов IT-технологий имеет непосредственное практическое значение, как видно из вышеизложенных примеров судебной практики. Суд может легализовать юридический факт в порядке главы 28 ГПК РФ, в порядке главы 27 АПК РФ. Необходимо расширение усмотрения суда в квалификации объектов IT-технологий, поскольку именно суд, действуя в рамках гражданской процессуальной формы выполняет задачи восстановления нарушенного или оспариваемого права.

Этот вопрос также актуален в ракурсе концепции электронного правосудия. Судья использует искусственный интеллект, как вспомогательный механизм при отправлении правосудия или искусственный интеллект полноценно и самостоятельно выполняет функции судьи, а суд лишь признает легальным решение, сгенерированное искусственным интеллектом.(t)

Выше указывалось на то, что усмотрение суда распространяется на легализацию несуществующего юридического факта путем его признания. В изучаемой нами конструкции факт не только не существует, но и опосредовано констатирован, сформулирован или сгенерирован искусственным интеллектом. Трудно сказать, как будет дальше развиваться парадигма электронного правосудия, возможно на каком-то этапе функции по отправлению правосудия перейдут в сферу деятельности искусственного интеллекта, и не исключено, что это будет положительным явлением. Но в настоящее время приходится считать установленным, что замена судьи, отправляющего правосудие строго в рамках процессуальной формы, презюмирующей соблюдение процессуальных принципов, искусственным интеллектом – невозможна.

В настоящей статье автором предпринята попытка выяснения существующей взаимосвязи электронных технологий и основания возникновения правоотношений. Приведены общие теоретические положения основания возникновения гражданских правоотношений, сформулирована дефиниция электронного юридического факта, а также определена их роль в современном гражданском обороте.

Созданные человеком технологии все больше определяют бытие общества, включая правовую сферу, иногда становятся детерминирующим фактором внесения изменений в действующее законодательство. Очевидно, что можно ожидать дальнейшего возникновения и трансформации объектов информационных технологий будут. Главным видится, развитие такой парадигмы, при которой данные объекты должны служить человеку, а не наоборот.

Полагаем, что реализация регулирования правоотношений, связанных с новыми объектами информационных технологий возможна по двум направлениям. Первое направление – выделение, обособление и отдельное законодательное закрепление регулирования правоотношений (включая основания их возникновения) с помощью средств электронных технологий. Второе – расширение действия судебной защиты, включая усмотрение суда в указанной сфере, как, например, признание IT-объектов в качестве объектов гражданских правоотношений в конкретных судебных спорах.

[1] Порядок наследования цифровых активов: мнение экспертов нотариата // Федеральная нотариальная палата. Актуальные новости. 31.05.2021. Сайт. URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/poryadok-nasledovaniya-cifrovyh-aktivov-mnenie-ekspertov-notariata (дата обращения: 06.02.2026).

[2] Громошина Н.А. Судебная власть и правосудие в гражданском судопроизводстве // Lex Russica (Русский закон). – 2008. – № . 5. – С. 1049–1050.

[3] Громошина Н.А. Указ.соч. С. 1073–1074.

[4] Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 05 апреля 2023 г. по делу № 06АП-1140/2023 (г. Хабаровск) // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru /arbitral/doc /zu5gUPz CkBNn/?ysclid=m7ov13m7m9594708293 (дата обращения: 21.10.2024).

Вопросы, поднятые в исследовании, вызваны динамичным развитием IT-сферы и её интеграцией с правом. Их окончательное решение станет возможным в будущем, с учетом накопленного опыта гражданского оборота и правоприменительной деятельности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Подробный постатейный комментарий с путеводителем по законодательству и судебной практике. С учетом Федеральных законов № 333-ФЗ, 354-ФЗ, 497-ФЗ / Ю.Ф. Беспалов, А.Ю. Беспалов, М.С. Варюшин; отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. – Москва: Проспект, 2018. – Ч. 1. – 800 с.
2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.
3. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.
5. Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 11. – С. 127–169.
6. Громошина Н.А. Судебная власть и правосудие в гражданском судопроизводстве // Lex Russica (Русский закон). – 2008. – № . 5. – С. 1048–1074.
7. Молостова В.Е. Анализ понятия цифровых прав в России // Символ науки: международный научный журнал. - 2022. – № 6–1. – С. 53–58.
8. Полищук Н.И. Теоретическая модель взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта: монография. – Рязань: Академия ФСИН, 2007. – 450 с.
9. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – Москва: Юридическая литература, 1974. – 351 с.
10. Шаймарданов Т. Р., Погодин А.В. Криптовалюта как объект гражданских прав // Universum: экономика и юриспруденция: электронный научный журнал. – 2022. – № 12 (99). – С. 62–67. -URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/14633 – DOI: 10.32743/UniLaw.2022.99.12.14633 (дата обращения: 16.12.2024).
11. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – 9-е изд. – Москва: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 858 с.

ELECTRONIC TECHNOLOGIES AND THE GROUNDS FOR THE EMERGENCE OF CIVIL LEGAL RELATIONSHIPS.

Trefilov S.A.
Chairman of the Zelenograd District Court of Moscow

This article examines the relationship between the emergence of legal relationships and modern electronic technologies. A comprehensive analysis is provided of the significance and impact of electronic technologies on legal relationships: as a legal fact that forms the basis for the emergence of a legal relationship; as a means of identifying parties to a legal relationship; as an object of a legal relationship; as an expression of law enforcement; and as an auxiliary mechanism or technical platform for data recording. The author formulates and substantiates the following definition: an event arising at the will of a person, reflected using information technology or in the field of information technology, is a legal fact. The article discusses the legal status of such relevant information technology objects as cryptocurrency, accounts, mining, donations, instant messengers, virtual property, social networks, neural networks, electronic document management, and QR codes. The article analyzes judicial practice, which leads to a conclusion about the emerging difficulties in the legal classification of information technology objects, which leads to errors in law enforcement. The article concludes about a possible discrepancy between an object in the material world, its legal status and their reflection in digital data, and suggests ways to solve this problem in the form of expanding the court's discretion in the legal classification of information technology objects. Man-made technologies increasingly determine the existence of society, including the legal sphere, and sometimes become a determining factor in amending current legislation, such as Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation, supplemented by Article 141.1 «Digital Rights», the adoption of Federal Law № 259-FZ of July 31, 2020 (as amended on July 2, 2021) «On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». The high activity of the emergence of new information technology objects is obvious. The key objective is seen as the development of a paradigm in which the key task of artificial intelligence objects is to provide a service function in relation to human needs and societal priorities.

Keywords: basis for the emergence of legal relations, electronic technologies in jurisprudence, information technologies in jurisprudence, justice, electronic information technologies, e-justice, legal relations, legal fact.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Detailed Article-by-Article Commentary with a Guide to Legislation and Judicial Practice. Taking into account Federal Laws № 333-FZ, 354-FZ, 497-FZ / Yu.F. Bespalov, A. Yu. Bespalov, M.S. Varyushin; ed. Yu.F. Bespalov. – Moscow: Prospect, 2018. – Part 1. – 800 p.
2. Federal Law of 06.04.2011 № 63-FZ «On Electronic Signature» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – № 15. – Art. 2036.
3. Federal Law of July 10, 2002 № 86-FZ «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 28. – Art. 2790.
4. Federal Law of July 31, 2020 № 259-FZ (as amended on July 2, 2021) «On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. – August 3, 2020. – № 31 (Part I). – Art. 5018.
5. Bevzenko R.S. Commentary on Art. 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2019. – № 11. – P. 127–169.
6. Gromoshina N.A. Judicial Authority and Justice in Civil Proceedings // Lex Russica (Russian Law). – 2008. – № 5. – P. 1048–1074.
7. Molostova V.E. Analysis of the Concept of Digital Rights in Russia // Symbol of Science: International Scientific Journal. – 2022. – № 6–1. – P. 53–58.
8. Polischuk N.I. Theoretical Model of the Interrelationship between the Norm of Law, Legal Relationships, and Legal Facts: Monograph. – Ryazan: FSIN Academy, 2007. – 450 p.
9. Khalfina R.O. General Doctrine of Legal Relationships. – Moscow: Legal literature, 1974. – 351 p.
10. Shaimardanov T. R., Pogodin A.V. Cryptocurrency as an object of civil rights // Universum: economics and jurisprudence: electronic scientific journal. – 2022. – № 12 (99). – P. 62–67. -URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/14633 – DOI: 10.32743/UniLaw.2022.99.12.14633 (access date: 12/16/2024).
11. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. – 9th ed. – Moscow: Publishing house. Br. Bashmakovs, 1911. – 858 p.

О смежной правовой природе лицензионного соглашения с пользователем

Хасанов Артур Александрович,
аспирант, Новосибирский государственный университет

В исследовании анализируется понятия «использованиее» в значении ч. 2 ст. 1270, а также пределы данного понятияя в соответствии с ч. 3 ст. 1270. Сделан вывод что использованием является в той или иной форме распространение информации об объекте авторского права или его «модификация». Если пользователь производит действия с содержанием – они не являются использованием. В отношении программ для ЭВМ содержанием программы для ЭВМ является её функция. Функцией игры как программы для ЭВМ является геймплей. Следовательно, когда пользователь играет в игру он не использует её в значении ч. 2 ст. 1270 ГК РФ. Соответственно, если в рамках лицензионного соглашения предусмотрено два вида использования, в своей интенции так или иначе предоставляющие право на скачивание и участия в игре –договор является смешанным и к нему должны применяться нормы о лицензионном договоре и договоре об оказании услуг, и требования закона о защите прав потребителей. При этом если лицензионный договор содержит исключительно правомочия в своей интенции, направленные на предоставление функционального использования и содержит обязанности, направленные на исключение каких-либо правомочий по своим характеристикам аналогичные правам использования как они указаны в ч. 2 ст. 1270 ГК РФ – данный договор не может считаться лицензионным. Для установления характера отношения, следует обращать внимание в том числе и на вид компьютерной игры.

Ключевые слова: компьютерные игры, лицензионный договор, интеллектуальная собственность, авторское право.

В исследованиях, посвящённых компьютерным играм очень сложно не коснуться темы лицензионного соглашения с пользователем. Истинность правовой природы отношения между пользователем и игроком в ряде случаев рассматривается «as is».

Однако стоит выделить двух авторов, проанализировавших содержание лицензионного соглашения с пользователем-игроком: М.А. Рожкову и В.Н. Глонину. Так М.А. Рожкова приводит следующие рассуждения по поводу лицензионного соглашения с пользователями: «Аналогичные цели преследуются при просмотре кинофильма в кинотеатре, осмотре картин на выставке, чтении «бумажных» книг и проч., что является чистой воды потреблением объектов интеллектуальной собственности, не требующим заключения лицензионного договора… Регистрируясь и присоединяясь к видеоигре, пользователь вступает в договорные отношения с правообладателем/оператором игры, который принимает на себя обязательство предоставлять этому пользователю доступ к функционалу своего информационного продукта в целом (многопользовательские онлайн-игры относят к числу информационных продуктов). С учетом этого можно говорить о том, что здесь речь идет прежде всего о предоставлении информационных услуг» [3]. Данные выводы можно считать глобально верными. Следует отметить, что в данном случае автор не приводит иллюстративных примеров для демонстрации своей позиции, а также не обосновывает причину, по которой предоставляемые права следует считать правами по договору об информационных услугах, а не лицензионные права.

Более подробное исследование данной темы можно встретить в работе В.Н Глониной [1]. В работе автор приходит к обоснованному выводу, что у использования в значении ч. 2 ст. 1270 ГК РФ есть свои пределы. На основе представленных источников автор проводит разницу между использованием пользованием и потреблением, разграничивая тем самым различные виды общественных отношений по поводу объекта интеллектуальной собственности. Автор приходит к выводу, что этот договор нельзя в полной степени отнести к лицензионному и его правовое природа ближе к смежной, однако даже такой подход создаёт на практике проблемы.

Опираясь на работу В.Н. Глониной М.А. Рожкова сформулировала более детальный подход. Так её более развёрнутую позицию следует раскрыть через следующие тезисы:

– «предназначение лицензионного договора состоит в обеспечении возможности для лицензиата легально использовать чужую интеллектуальную собственность для решения стоящих перед ним задач, например, для производства собственной продукции, для оказания определенных услуг и проч., а для лицензиара – коммерциализировать принадлежащую ему интеллектуальную собственность посредством распоряжения своим исключительным правом

– использование объекта интеллектуальных прав – прерогатива правообладателя или иного лица, обладающего соответствующим правомочием (обладатель исключительного права, лицензиат и т.п.). В свою очередь пользование (потребление) не входит и не может входить в триаду правомочий, составляющих исключительное право.

– получение платного доступа к различным информационным ресурсам, информационным или цифровым продуктам, позволяет заинтересованным лицам, выражаясь по-бытовому, «пользоваться сервисом», а в правовом ключе – получать соответствующие информационные услуги.

– договор, который заключается пользователем видеоигры с администратором, предоставляющим пользователю доступ к игровому полю, должен быть отнесен к упоминавшийся выше договорам оказания информационных услуг.

Следует обозначить рассматриваемую разновидность договоров оказания информационных услуг как договор пользования информационным продуктом. Данный вывод обусловлен присущими компьютерным играм свойствами, в числе которых не только сложность и цифровая форма, но и, самое важное, интерактивность» [6].

Общий вывод, к которому приходят авторы следующий: у пользователя нет целей использования и его отношение к продукту «потребительское». Однако, представляется, что несмотря на истинность вывода аргументация данной позиции требует доработки. Первое что следует отметить, авторы указывают на некую «производственную» цель лицензиата. Однако ст. 1270 не указывает конкретных целей за-

ключения договора. Она указывает исключительно на способы использования и их пределы вне зависимо от цели. Второе, авторы проводят свой анализ в отрыве от ч. 3 ст. 1270 ГК РФ. Тем самым авторы не учитывают прописанные в законодательстве пределы применения понятия «использования». Также, несмотря на обозначение потребительского интереса пользователя к игре, авторы не обозначили предмет данного интереса.

В связи с этим представляется целесообразным разработать более развёрнутую аргументацию данной позиции.

В начале важно сделать следующую ремарку: вне зависимости от представлений о правовой природе компьютерной игры, с технической точки зрения она является программным кодом. Следовательно, вопрос использования неразрывно связан с анализом программы ЭВМ при рассмотрении вопроса о фактической правовой природе отношений складывающихся по поводу компьютерных игр.

Лицензионный договор должен, помимо прочего содержать положения, касающиеся прав использования объекта интеллектуальной о собственности.

Не исчерпывающий перечень действий с объектами интеллектуальной собственности представлен в ст. 1270 ГК РФ. Несмотря на то, что данный перечень не указывает на все возможные действия общая структура данной нормы создаёт достаточно однозначное понимание того, какие именно действия могут классифицироваться, как и использования, а какие нет.

Часть. 2 ст. 1270 указывает такие способы использования, которые можно обобщить фразой: распространение информации – большее количество людей могут «испытать» объект: услышать прочитать увидеть и т.д.; модификация – некие действия, позволяющие изменить какие-либо характеристики объекта или производство производных объектов интеллектуальной собственности. При этом данное право по лицензионному договору передаётся лицу, которое намеревается производить данные действия и не относится к лицу, являющемуся реципиентом опыта по получению информации об объекте или реципиентом опыта модифицированного произведения или производного произведения.

Часть. 3 той же ст. указывает на родовой признак действий не являющихся использованием интеллектуальной собственности. Его можно описать следующим образом: если лицо производит какие-то действия, связанные с применением на практике содержания произведения, то, данное действие не считается его использованием. Обоснованным примером следует считать: изготовление рецепта, или использование техники шиться, прочитанного в книге.

Теперь важно понять, что является «содержанием» программы для ЭВМ.

Очевидно, что в первую очередь, когда защищается программа для ЭВМ как объект авторского права – защищается сам код как текст. Эта позиция находит подтверждение и в решениях Верховного суда. Например, в деле № А56–10049/2019 рассматривался вопрос о заимствовании одного программного кода для создания нового путём переработки. Верховный суд указал: «Для установления того, что новая программа является переработкой исходной, должно быть доказано использование кода исходной программы. При этом с точки зрения правовой охраны изменением программы для ЭВМ признаются как изменения исходного кода, так и изменения исполняемого/объектного кода. В связи с этим предмет доказывания по рассматриваемому спору составляют следующие обстоятельства: факт использования одним лицом программы другого лица (ее кода) в составе собственной разработки, объем такого использования, отсутствие законных оснований для использования такой программы ответчиком, наличие прав на защищаемую программу у истца» [8]. Также важным фактором, повлиявшим на принятие решения по делу стало установление того что в новой программе в ходе экспертизы, было остановлено заимствование: элементов структуры баз данных, алгоритмов работы этой программы и воспроизведение исходного код.

Наличие общей функции у программ, не может само по себе свидетельствовать об использовании программы для ЭВМ, как это следует из выше указанного определения. При этом функцию программы для ЭВМ следует рассматривать как некое техническое решение. Данный подход можно сформировать исходя из определения программы для ЭВМ где некий результат формирует ЭВМ или иное устройство. То есть функция программы для ЭВМ – это производить определённый технический эффект, формируемый компьютером. Представляется, что данный подход является логически когерентным, поскольку он не вступает в противоречие с действующими нормами права.

В таком случае использование функционала программы для ЭВМ пользователем ЭВМ не может считаться его использованием поскольку в данном случае пользователь реализует на практике техническое решение и данное действие подпадает под действие ч. 3 ст. 1270 ГК РФ. Представляется, что состоятельность данного подхода подтверждается также содержанием ст. 1280 ГК РФ. Так правообладатель игры в праве осуществлять действия направленные на реализацию функционирования программы и на исследование её возможностей без разрешения автора.

Если говорить о компьютерных играх представляется вполне очевидным, что именно игровой процесс является функцией компьютерной игры как программы для ЭВМ, поскольку именно выполнение компьютером определённых действий, в результате которых ЭВМ производит звуки изображения и требует от пользователя произведения определённых манипуляций с устройствами ввода (мышь клавиатура) для произведения определённых изменений изображения и т.д. является функциональной задачей игры как программы для ЭВМ. В таком случае, осуществление игрового процесса на практике – играные в игру не может считаться использованием игры в смысле ч. 2 ст. 1270 ГК РФ. Действием, которые игрок производит, классифицируемое как использование, является – скачивание. Это действие считается использованием программы для ЭВМ в соответствии с ч. 2 ст. 1270 ГК РФ. Некоторые пользовательские соглашения могут также указывать на иные действия пользователья, которые могут считаться использованием. Такое действие как machinima [9], упомянутое в документации на игру second life. Его также следует считать использованием поскольку данное действие, во-первых, создаёт производный продукт и во-вторых связано так или иначе с распространением информации об определённых элементах игры.

Рассмотрим иное лицензионное соглашение для установления наличия или отсутствия в соглашении прав использования произведения. Так в лицензионном соглашении танки онлайн указано следующее:

«3.2. Лицензиат получает право использования активированных и неактивированных данных и команд на условиях настоящего Соглашения.

4.1.1. воспроизвести Клиентскую часть Игры путем ее установки на ЭВМ с целью участия в Игре или принимать участие в Игре непосредственно на Интернет сайте Игры;

4.1.2. использовать активированные данные и команды для достижения, определенного сценарием Игры результата;

4.1.3. активировать не активированные данные и команды после уплаты Вознаграждения Лицензиару и использовать их в том числе для получения возможности достичь определенного сценарием Игры результата быстрее, чем при использовании права, указанного в п. 4.1.2;

4.1.4. вносить изменения в персональные настройки Игры, предусмотренные разработчиком Игры.

4.2. Лицензиат не вправе:

4.2.1. распространять в коммерческих или некоммерческих целях Клиентскую часть Игры или ее копии, как путем распространения материальных носителей с ней, так и путем ее размещения в сети Интернет для скачивания определенными лицами или неограниченным кругом лиц;

4.2.2. переводить Игру на другие языки;

4.2.3. распространять вне Игры в коммерческих целях аудиовизуальные отображения, присутствующие в Игре;

4.2.4. изменять, декомпилировать, дизассемблировать, дешифровывать и производить иные действия с объектным или с исходным кодом Игры, имеющие целью нарушение системы защиты Игры от несанкционированного использования и получение информации о реализации алгоритмов, используемых в Игре; создавать производные программные продукты с использованием Игры без письменного согласия Правообладателя.

4.2.5. распространять в коммерческих или некоммерческих целях, передавать третьим лицам право использования не активированных данных и команд, предоставленных Лицензиату за Вознаграждение (если Лицензиаром не предусмотрено иное), игровые персонажи, игровой аккаунт и иной объект, прямо не разрешенный условиями настоящего Соглашения, а также распространять информацию о намерениях совершить такие действия;

4.2.6. передавать предоставленные Лицензиату права использования Игры, как она определена в статье 1 настоящего Соглашения, другим Лицензиатам или третьим лицам посредством заключения сублицензионного договора или иным способом (если Лицензиаром не предусмотрено иное);

4.2.7. использовать Игру иными способами, не предусмотренными настоящим Соглашением, Правилами Игры и выходящими за рамки обычного игрового процесса.» [10]

Рассмотрим выше представленные права и обязанности. В первую очередь указано, что пользователь имеет право на установку игры. Данная конструкция по своей интенции идентична подходу такому виду

использования объектов авторского права как скачивание. И она является и способом использования в значении ст. 1270 ГК РФ. При этом иные правомочия: использование активных команд; активация данных; принятие участия в игре; внесение изменений в персональные настройки не могут рассматриваться как использование. В данном случае правомочие не соответствует выведенному ранее критерию использования как действий, позволяющих распространять информацию об объекте. Также пользователю не предоставляются права по созданию производных объектов авторского права на подобии machinima.

Также, ограничения п. 4.2. лицензионного соглашения на прямую запрещают какие-либо способы использования объекта в значении ст. 1270 ГК РФ.

Весь набор предоставляемых прав, за исключением скачивания, больше напоминает договор об оказании услуг, поскольку пользователю в данном случае предоставляется исключительно функция.

Таким образом фактическая правовая природа данного договора является смежной между договором об оказании услуг и лицензионным договором. С прикладной точки зрения следует заметить, что такой договор исходя из его интенции существенно ограничить правомочия пользователя может быть признан незаключённым.

Однако, данный лицензионный договор и иные лицензионные договоры имеющие схожую структуру описывают не одно отношение, а несколько. Примером иного правоотношения складываемого в рамках игры можно встретить в приведённом ранее п. 4.1.3. лицензионного соглашения. Поскольку пользователь производит плату отдельно, и поскольку основное правоотношение: – участие в игре, то формируемое отношение можно рассматривать не как часть отношения по поводу участия в игре, а как ещё одно правоотношение имеющее схожий, но всё же самостоятельный предмет – самостоятельные услуги по предоставлению дополнительного функционала.

Также следует упомянуть тот факт, что пользователь может участвовать в игре как скачивая игру, так и не скачивая как это указано в лицензионном соглашении. В случае, если игрок не производит действий по скачиванию, то он фактически не производит ни одного действия по использованию объекта интеллектуальной собственности.

Представим возможную модель договора, описывающую фактически складывающиеся отношения.

Прежде чем предложить модель договора следует указать следующее. В этой статье, а также в работах М.А Рожковой. и В.Н. Глониной не проводится подробная дистинкция между различными видами компьютерных игр (хотя надо заметить, что имплицитно она присутствует). Для целей данного исследования все компьютерные игры следует разделить на три категории: офлайн; онлайн; и браузеры. Офлайн игры – не имеют технической инфраструктуры позволяющей пользователю участвовать в игре с другими пользователями. Онлайн игры – имеют техническую инфраструктуру для участия нескольких пользователей в одной игре. Как правило это осуществляется через сервер находящийся у правообладателя компьютерной игры. Браузера игра – обладает технической инфраструктурой, позволяющей участвовать в игровом процессе без установки ПО на ЭВМ пользователя. Как следствие, содержание договора будет разное, поскольку возникающие отношения различаются.

Так, в силу того, что договор в отношении офлайн игры возникает (в общем) в отношении скачивания/ установки игры, то данный договор следует всё же считать лицензионным. Поскольку осуществление игрового процесса может быть описано через нормы ст. 1280 ГК РФ. Отметим, также что вне зависимости от взглядов на правовую природу компьютерной игры, с функционально компьютерная игра является программой для ЭВМ как следствие положения ст. 1280 ГК РФ следует рассматривать как существенные при обсуждении вопросов правомочий использована игры.

В случае если речь идёт о браузерной игре то, больше всего содержание отношениям напоминает именно модель договора saas [5]. Данная модель договора позволяет получать удалённый доступ к ПО и пользоваться им без установки. Процесс функционирования браузерных игр идентичен как следствие именно модель saas наиболее дескриптивно описывает существо возникающего отношения по поводу браузерной игры. В отношении правовой природы данного договора идёт дискуссия о его правовой природе: как договора об оказании услуг либо как лицензионного договора. Так авторы Е.Е. Веселков и А.В. Зюзин в своём исследовании приводят судебную практику подтверждающая оба подхода [2]. В.Ю. Карпычев М.В. Карпычев и Ю.П. Шальнова определяют правовую природу договора saas как договора об оказании информационных услуг [4]. Представляется, что интерпретация договора saas как договора об оказании услуг является наиболее верной, в силу ранее приведённого анализа положений ст. 1270 ГК РФ.

В случае же с классической онлайн игрой проблема заключается в том, что пользователь производит скачивание значительного количества данных на свой компьютер [11] в то время как сервер правообладателя игры скорее предоставляет соединение между пользователями [7]. Таким образом само по себе правоотношение является двойственным. Представляется, что для понижения рисков признания договора незаключённым можно иллюстративные описывать существо правоотношения указывая в отношении чего оказываются услуги и какие права использования действительно передаются.

Таким образом в отношении офлайн игр следует исходить из того что между пользователем и лицом, предоставляющим игру, складываются в первую очередь лицензионные соглашения. В случае базарных игр следует исходить из того, что возникают отношения по оказанию услуг типа saas. В случае онлайн игр – возникают смешанные отношения. При этом следует учитывать, что компьютерные игры многообразны, и как следствие, договоры в их отношении тоже. Поэтому в каждом случае следует исходить из положений конкретного лицензионного договора. Для установления существа соглашения следует оценивать содержание передаваемых прав: получает ли пользователь право создавать производные объекты авторского права или как-либо распространять информацию об этом объекте. Есть также вопросы, которые также являются достаточно интересными: например, о сущности правоотношения по «продажи» дополнительных материалов как это указано в лицензионном соглашении танки онлайн, который может стать предметом иных научных изысканий.

Литература

1. Глонина В.Н. Не всё то лицензия, что ею зовется: проблемные аспекты правового регулирования отношений между пользователями и цифровыми сервисами [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019 URL: http://ipcmagazine.ru/legal-issues/not-all-of-the-licenses-problematic-aspects-of-the-legal-regulation-of-the-relationship-between-users-and-digital-services (дата обращения: 30 марта 2026 г.).

2. Веселкова Е. Е., Зюзин А.В. Правовое регулирование программного обеспечения как услуги облачных сервисов // Universum: экономика и юриспруденция. 2021. № 9 (84). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-programmnogo-obespecheniya-kak-uslugi-oblachnyh-servisov (дата обращения: 30 марта 2026 г.).

3. Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы [Электронный ресурс]: коллективная монография / под науч. ред. М.А. Рожковой, Р.Л. Лукьянова. – М.: Развитие правовых систем, 2023. – 240 с. – ISBN 978-5-6043643-9-0. – URL: https://rozhkova.com/books_text/GAME-LAW.pdf (дата обращения: 30 марта 2026 г.).

4. Карпычев В. Ю., Карпычев М.В., Шальнова Ю.П. Особенности правового регулирования оборота программного обеспечения, реализуемого на основе SaaS-технологий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-oborota-programmnogo-obespecheniya-realizuemogo-na-osnove-saas-tehnologiy (дата обращения: 22.01.2026).

5. Краулин К. К., Савкина В.А. Подходы к квалификации SaaS-соглашений и изменения в налоговом законодательстве: завершение десятилетней дискуссии [Электронный ресурс] // Zakon.ru: – URL: https://zakon.ru/publication/podhody_k_kvalifikacii_saas-soglashenij_i_izmeneniya_v_nalogovom_zakonodatelstvezavershenie_diskussi (дата обращения: 23.01.2026).

6. Рожкова. М.А. О различиях между лицензионным договором и пользовательским соглашением [Электронный ресурс] // Портал Гарант. – URL: https://www.garant.ru/article/1790864/ (дата обращения: 30 марта 2026 г.)

7. Jardine J., Zappala D. A hybrid architecture for massively multiplayer online games [Электронный ресурс] // Proceedings of the 6th ACM SIGCOMM Conference on Internet Measurement. – 2008. – DOI: 10.1145/1517494.1517507. – URL: https://dl.acm.org/doi/10.1145/1517494.1517507 (дата обращения: 23.01.2026).

8. Верховный Суд Российской Федерации. Определение от 22 ноября 2022 г. по делу № А56–10049/2019 (по жалобе на определение Арбитражного суда Оренбургской области) [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2cbbcebd-2bac-45d3-b1ee-04bd50a6109a/835523d9–5be7–4b4c-9de1–2965323d0288/A56–10049–2019_20221122_Opredelenie.pdf (дата обращения: 30 марта 2026 г.).

9. Machinima [Электронный ресурс] // Second Life Wiki. – URL: https://wiki.secondlife.com/wiki/Machinima (дата обращения: 30 марта 2026 г.).

10. Лицензионное соглашение [Электронный ресурс] // Танки Онлайн: офиц. сайт. – URL: https://tankionline.com/ru/eula/ (дата обращения: 30 марта 2026 г.).

11. Directory Structure [Электронный ресурс] // CRYENGINE: документация. – URL: https://www.cryengine.com/docs/static/engines/cryengine-3/categories/1638401/pages/1605746

ON THE RELATED LEGAL NATURE OF THE USER LICENSE AGREEMENT

Khasanov A.A.
Novosibirsk State University

The study analyzes the concept of «use» in the meaning of Part 2 of Article 1270, as well as the limits of this concept in accordance with Part 3 of Article 1270. It is concluded that the use is in one form or another the dissemination of information about the copyright object or its «modification». If the user performs actions with the content, they are not considered usage. With regard to computer programs, the content of a computer program is its function. The function of the game as a computer program is gameplay. Therefore, when a user plays a game, he does not use it in the meaning of h. 2 art. 1270 of the Civil Code of the Russian Federation. Accordingly, if the license agreement provides for two types of use, which in one way or another grant the right to download and participate in the game, the agreement is mixed and the rules on the license agreement and the service agreement, and the requirements of the law on consumer protection, must apply to it. At the same time, if the license agreement contains exclusively powers in its intent aimed at providing functional use and contains obligations aimed at excluding any powers similar in their characteristics to the rights of use as specified in Part 2 of Article 1270 of the Civil Code of the Russian Federation, this agreement cannot be considered licensed. To establish the nature of the relationship, you should pay attention, among other things, to the type of computer game.

Keywords: computer games, license agreement, intellectual property, copyright.

References

1. Glonina, V.N. Not Everything Is a License That's Called One: Problematic Aspects of Legal Regulation of Relations between Users and Digital Services [Electronic Resource] // Journal of the Intellectual Property Court. 2019. URL: http://ipcmagazine.ru/legal-issues/not-all-of-the-licenses-problematic-aspects-of-the-legal-regulation-of-the-relationship-between-users-and-digital-services (Accessed: March 29, 2026).

2. Veselkova, E.E., Zyuzin, A.V. Legal Regulation of Software as a Cloud Service // Universum: Economics and Jurisprudence. 2021. № 9 (84). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-programmnogo-obespecheniya-kak-uslugi-oblachnyh-servisov (Accessed: March 29, 2026).

3. Video Games, Gaming, and Cybersport: Legal Issues [Electronic Resource]: Collective Monograph / Edited by M.A. Rozhkova and R.L. Lukyanova. Moscow: Development of Legal Systems, 2023, 240 p. ISBN 978-5-6043643-9-0. URL: https://rozhkova.com/books_text/GAME-LAW.pdf (Accessed: March 29, 2026).

4. Karpychev V. Yu., Karpychev M.V., Shalnova Yu.P. Features of legal regulation of software circulation implemented on the basis of SaaS technologies // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-oborota-programmnogo-obespecheniya-realizuemogo-na-osnove-saas-tehnologiy (date of access: 22.01.2026).

5. Kraulin K.K., Savkina V.A. Approaches to the qualification of SaaS agreements and changes in tax legislation: the conclusion of a ten-year debate [Electronic resource] // Zakon.ru: – URL: https://zakon.ru/publication/podhody_k_kvalifikacii_saas-soglashenij_i_izmeneniya_v_nalogovom_zakonodatelstvezavershenie_diskussi (date of access: 23.01.2026).

6. Rozhkova. M.A. On the differences between a license agreement and a user agreement [Electronic resource] // Portal Garant. – URL: https://www.garant.ru/article/1790864/ (date of access: March 29, 2026)

7. Jardine J., Zappala D. A hybrid architecture for massively multiplayer online games [Electronic resource] // Proceedings of the 6th ACM SIGCOMM Conference on Internet Measurement. – 2008. – DOI: 10.1145/1517494.1517507. – URL: https://dl.acm.org/doi/10.1145/1517494.1517507 (date of access: January 23, 2026).

8. Supreme Court of the Russian Federation. Ruling of November 22, 2022, in case № A56–10049/2019 (on the appeal against the ruling of the Arbitration Court of the Orenburg Region) [Electronic resource] // Arbitration Case File. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2cbbcebd-2bac-45d3-b1ee-04bd50a6109a/835523d9–5be7–4b4c-9de1–2965323d0288/A56–10049–2019_20221122_Opredelenie.pdf (date of access: March 29, 2026).

9. Machinima [Electronic resource] // Second Life Wiki. – URL: https://wiki.secondlife.com/wiki/Machinima (accessed March 29, 2026).

10. License Agreement [Electronic resource] // Tanki Online: official website. – URL: https://tankionline.com/ru/eula/ (accessed March 29, 2026).

11. Directory Structure [Electronic resource] // CRYENGINE: documentation. – URL: https://www.cryengine.com/docs/static/engines/cryengine-3/categories/1638401/pages/1605746

О различии и сходствах институтов транспортной экспедиции и перевозки грузов

Шелков Антон Сергеевич,
аспирант, кафедра гражданского права и процесса,
Образовательное частное учреждение высшего образования
«Международный юридический институт»
E-mail: shelkov-anton@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу сходств и различий институтов транспортной экспедиции и перевозки грузов как самостоятельных, но тесно взаимосвязанных институтов обязательственного права. В работе исследуются нормативные определения договоров перевозки и транспортной экспедиции, проводится сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан. Особое внимание уделено проблемам разграничения предмета договора, соотношению основных и дополнительных обязанностей сторон, вопросам квалификации договоров в судебной практике, а также коллизиям, возникающим при определении объема ответственности экспедитора и перевозчика. Выявляются элементы правового неравенства указанных субъектов транспортного рынка, анализируются пробелы и противоречия действующего регулирования, в том числе в части неустойки и распределения рисков. Обоснована необходимость совершенствования законодательных положений с целью обеспечения баланса интересов участников транспортных отношений. Полученные выводы могут быть использованы в правоприменительной практике и при разработке изменений в гражданское и транспортное законодательство.

Ключевые слова: транспортно-экспедиционная деятельность, перевозка грузов, правовые институты, участники транспортировки грузов.

Исследование данной темы является особенно важным ввиду усложнения логистических схем, наличием конфликта в объёме прав и обязанностей экспедиторов и перевозчиков, необходимостью совершенствования законодательной базы, а также реальной социально-экономической значимости транспортной отрасли для участников бизнеса, потребителей услуг, государства.

В первую очередь, для обозначения теоретической базы исследования следует обратиться к нормативному определению договора перевозки и транспортной экспедиции, что позволит выявить их существенные черты, провести компаративистику данных институтов права и сформировать предложения по их совершенствованию.

Так, согласно ст. 785 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) перевозчик обязан доставить и выдать груз уполномоченному лицу в пункте назначения [3].

В силу ст. 801 ГК РФ, экспедитор обязан выполнить или организовать выполнение услуг, связанных с перевозкой груза. При этом, приводится перечень иных обязанностей, которые могут быть возложены как на клиента, так и на экспедитора: установление маршрута, заключение договора с перевозчиками, обеспечение отправки и получения груза. Кроме того, отдельно приводится перечень дополнительных услуг: получение необходимых разрешений и документов, выполнение таможенных процедур, проверка состояния груза, погрузка и выгрузка, уплата определенных соглашением расходов, возлагаемых на клиента, хранение груза и другие.

Изучив положения законодательства стран СНГ о перевозке и транспортной экспедиции, можно отметить, что оно содержит схожие определения, но имеет и свои отличия.

Ст. 739 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ) [1], ст. 689 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК) [2] идентичны норме 785 ГК РФ в части содержания определения перевозки грузов.

Ст. 755 ГК РБ соответствует положениям ст. 801 ГК РФ о договоре транспортной экспедиции. Однако, нормы стран СНГ о договоре транспортной экспедиции имеют и свои отличия. Так, ст. 708 Гражданского кодекса Республики Казахстан не упоминает обязанности об установлении маршрута, заменяя ее правом на определение экспедитором вида транспорта, но с согласия клиента.

Данное изложение нормы закона в части исключения из определения условия о маршруте представляется более удачным. Это возможно обосновать тем, что вид транспорта влияет на куда большее количество существенных условий транспортных отношений: сам предмет, права и обязанности сторон, размеры ответственности, возможные сроки доставки, императивные требования закона к виду перевозки. В то время как определение маршрута на иные условия заключенного договора прямого влияния не оказывает, а способно лишь косвенно повлиять на сроки доставки или вознаграждение экспедитора, если оно имеет стоимостное выражение в километрах пробега. Возможно смоделировать частную ситуацию, когда маршрут будет иметь значение для клиента: необходимость исполнения договора транспортной экспедиции по доставке и принятию грузов в множестве пунктов в строгом соответствии с маршрутным листом. При этом, следует отметить, что в практической деятельности экспедитора могут возникать разные по сложности заявки, а приведенная ситуация является лишь иллюстрацией примера, который будет нести разовый характер по отношению к общему объёму услуг. Для большинства клиентов последовательность исполнения заявки и перемещение фактических перевозчиков не имеет ни правового, ни финансового значения, так как не оказывает влияния на предмет исполнения договора и не несет дополнительных затрат.

С другой стороны, в качестве минуса можно выделить тот факт, что ГК РК требуется получение согласия клиента на определение вида транспорта. Такая формулировка может приводить к коллизиям, при которых клиент получит приоритет в случае разрешения конфликтов, если согласие клиента заведомо не упоминается в договоре, а, следовательно, может быть определено как неполученное экспедитором. В то же время, ст. 801 ГК РФ позволяет устанавливать условия о маршруте и транспорте, как по воле Клиента, так и на усмотрение экспедитора.

Однако, ГК РФ включением условия о маршруте наполняет нормативное определение излишним объёмом обязанностей, которые

по своей природе нейтральны: не оказывают ни положительного, ни негативного воздействия на реализацию института транспортной экспедиции.

Из приведенного сравнения законодательства Республики Казахстан и Российской Федерации, сопоставив недостатки и преимущества, можно предложить исключение из редакции ст. 801 ГК РФ условия о маршруте.

На основе вышеизложенного толкования нормативных актов, можно сделать следующее заключение:

Перевозка грузов содержит в основе одно единое обязательство – перемещение груза в пункт назначения и выдача уполномоченному лицу.

Транспортная экспедиция представлена комплексом обязательств, которые принято делить на основные и дополнительные, связанные с перевозкой груза. При этом экспедитор может как выполнить услуги лично, так и прибегнуть к силам перевозчика.

Неполнота содержания положений о перевозке и транспортной экспедиции оставляет много открытых вопросов к непосредственному содержанию предмета договора.

Анализируя нормативные определения экспедитора и перевозчика, представленные в законе Российской Федерации и Республики Беларусь, нельзя сделать вывод о главных отличиях этих институтов. В тоже время, закон о транспорте Республики Казахстан более информативно говорит о перевозчике – как о лице, обладающим транспортными средствами на праве собственности или ином виде титульного владения [4].

Следует отметить, что формулировки о владении транспортными средствами и личном характере оказания услуг не хватает в текущих законных определениях Российской Федерации, которые бы подвели главную черту между правовыми институтами этих обязательств для придания актам корректной формы.

Как уже было отмечено в статье, экспедитор вправе как оказывать услуги лично, так и прибегать к помощи перевозчиков. В тоже время, перевозчик вправе также прибегнуть к помощи третьих лиц в целях исполнения договора перевозки, так как принцип личного исполнения императивно не установлен главной 40 ГК РФ. Следовательно, допустимо применение ст. 313 ГК РФ об исполнении перевозки иным перевозчиком. При этом, Морозов С.Ю. отмечает, что сама перевозка груза в предмет договора транспортной экспедиции не входит, образуя самостоятельное обязательство из смешанного договора. Данный вывод делается исходя из заложенного законодателем определения, где упомянуты обязанности выполнения и организации услуг именно через союз «или», подчеркивая тем самым их отличия [6].

Исследовав содержание прочих услуг в транспортном обязательстве, можно отметить влияние их выделения на договор транспортной экспедиции и перевозки грузов. Если примерный перечень таких услуг назван в законе для экспедитора, то для перевозчика остается неупомянутым. При таких обстоятельствах возможно смоделировать две ситуации, с разными правовыми последствиями. В первом случае перевозчик при конструировании договора руководствуется положениями ст. 421 ГК РФ о свободе договора, включая весь перечень оказываемых услуг в договор перевозки, создавая смешанный договор. Во втором варианте событий, фактический перевозчик, учитывая совокупность оказываемых услуг как страхование груза, подготовка груза к перевозке, погрузка и выгрузка, определение маршрута – заключает с клиентом договор транспортной экспедиции, называя себя, соответственно, экспедитором.

Для разрешения подобной коллизии необходимо обратиться к п. 26 постановления Пленума Верховного Суда № 26 от 26.06.2018 г. [7], который призывает суды при квалификации отношений исходить из фактических признаков договора, согласно главам 40, 41 ГК РФ, независимо от наименования договора, его сторон. Так свидетельствовать о заключении договора транспортной экспедиции могут условия о том, что клиент не выбирает конкретных перевозчиков, цена выражена в твердой сумме, без выделения расходов перевозчиков, стороны в отношениях применяют утвержденные формы экспедиторских документов и др.

Тем не менее, аналогичные дела будут рассматриваться субъективно, приводя к разным решениям, а попытки доказать заключение именно договора перевозки, а не транспортной экспедиции могут быть нерезультативны. Это связано с возможностью экспедитора выступать в обеих ролях в отличие от перевозчика.

В правовой доктрине представлены разные мнения относительно разделения обязательств транспортной экспедиции на основные и дополнительные. Одни считают, что такое деление не имеет правового смысла, так как ни один, ни другой перечень услуг не является обязательным для установления предмета договора транспортной экспедиции, а лишь представлен двумя открытыми перечнями услуг. Другие считают, что деление услуг экспедитора на два вида способствует пониманию данного обязательства как обладающего самостоятельным предметом, отделяя его при этом от договора перевозки.

Исходя из этого, можно отметить, что деление услуг на основные и дополнительные заключается в том, что установление договором любого из поименованных основных услуг является достаточным и необходимым условием для заключения договора транспортной экспедиции. При этом, упоминание в соглашении каких-либо дополнительных услуг недостаточно для определения обязательства как транспортно-экспедиционного. Однако, из изложенного видно, что предмет договора транспортной экспедиции требует уточнения в связи с отсутствием критериев разделения услуг на основные и дополнительные, а также существованием данных перечней услуг в качестве открытых, что во многом подрывает их практическое значение и применимость [11].

Для исследования отличий и сходств смежных институтов обязательственного права в сфере транспорта, обратимся к статье Виноградовой Ю.С. и Мещеряковой О.М., которая даёт информативную сравнительную характеристику данных институтов в виде авторской таблицы (см. Таблица 1).

Таблица 1. Принципиальные различия экспедитора и перевозчика [5]

Показатель	Экспедитор	Перевозчик
Обязательное наличие собственного парка подвижного состава и управление им в качестве основного вида бизнеса	Нет	Да
Организация процесса доставки груза: выбор оптимального маршрута, выбор рационального вида транспорта, последовательность перевозки груза различными видами транспорта	Да	Нет
Оформление экспедиционных, товаросопроводительных, перевозочных документов	Да	Нет/Да
Соблюдение время подачи транспортного средства к погрузке (выгрузке) срока доставки	Да/Нет	Да
Обязательность выполнения всех заявок грузовладельца без права отказа	Да	Нет/Да
Способность обеспечить выполнение заявок грузовладельца по всей географии цепи поставок, в том числе в большом объеме	Да	Нет
Системное предоставление информации о местонахождении груза в пути в электронном виде и высокого уровня обмена информацией	Да	Нет
Закрепление ставок на перевозки для грузовладельца на определенный период времени (до 3 лет)	Да	Нет
Возможность решить юридические или аварийные проблемы в процессе транспортировки	Да	Нет/Да
Проверять достоверность сведений и документов о грузе	Да	Да/Нет
Наличие договора	Транспортной экспедиции	Договор перевозки

Представленная сравнительная характеристика нуждается в некоторой конкретизации. Например, пункт «обязательность выполнения всех заявок грузовладельца без права отказа» скорее требует переставить ответы на показатель в обратном порядке. Так, экспедитор и перевозчик, если договором не установлено иное, вправе не согласовывать заявку клиента. В частных случаях, даже согласованная с двух сторон сделка может быть не исполнена со ссылкой на форс-мажорные обстоятельства. Однако, справедливым будет отметить обязательность исполнения в ситуации с публичным характером договора перевозки, когда с другой стороны – договор транспортной экспедиции является непубличным.

«Способность обеспечить выполнение заявок грузовладельца по всей географии цепи поставок, в том числе в большом объеме». Во-первых, география охвата деятельности транспортно-экспедиционной компании, конечно, по умолчанию шире, но способность выполнения большого объёма заявок обусловлена лишь финансово-хозяйственными показателями. Так, существует множество посреднических агентских экспедиционных компаний, не способных принять большого количества заявок. Во-вторых, именно перевозочные компании выполняют доставку грузов в труднодоступные

географические районы, обладая узким профилем деятельности, но зачастую являющихся единственными исполнителями таких заявок.

«Системное предоставление информации о местонахождении груза в пути в электронном виде и высокого уровня обмена информацией» – неурегулированное нормативными актами обязательство экспедитора / перевозчика, которое может согласно договору быть возложено на любого из исполнителей.

«Закрепление ставок на перевозки для грузовладельца на определенный период времени (до 3 лет)» – аналогично неурегулированное диспозитивное обязательство, которое может быть установлено по соглашению сторон. Однако, такое условие заведомо может быть признано кабальным, ведь в текущей экономической реальности, в частности обусловленной постоянным ростом сопутствующих затрат в транспортной и других сферах услуг, пересмотр ценовой политики на рынке может происходить практически каждый квартал года.

«Проверять достоверность сведений и документов о грузе» – возложенная Российским законом на экспедитора обязанность, которая также в определенных случаях относится и к перевозчику. Обратимся к содержанию нормативных актов:

ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» в ст. 4 еще в 2016 году возложил на экспедитора обязанность по проверке вложений [13]. Данные положения были конкретизированными с новыми поправками от 2025 года [16].

Ст. 15 Устава автомобильного транспорта (далее – УАТ) [14] и ст. 41 Устава железнодорожного транспорта (далее – УЖТ) [15] предполагает проверку вложений перевозчиком, в установленных законом случаях, общими для обоих можно назвать следующие: прибытие груза в неисправном подвижном составе, прибытие груза в подвижном составе с поврежденными запорно-пломбировочными устройствами (ЗПУ), прибытие скоропортящихся грузов с нарушением срока доставки. При этом, названные случаи касаются именно выдачи груза в пункте назначения, прямой обязанности по проверке вложения грузов перевозчиком в законах не названо.

Однако, в п. 21 Приказа Минтранса об общих правилах воздушных перевозок содержится обязанность авиаперевозчика по проверке груза на предмет отнесения его к опасным [8].

В настоящий момент можно утверждать об однозначной обязанности по проверке вложений только за экспедитором, в отдельных случаях за перевозчиком. Такая логика законодателя не совсем ясна, ведь экспедиторы зачастую вообще не контактируют с грузом, а на перевозчика в силу закона не возложена обязанность по проверке вложений. Для исправления коллизии требуется равное возложение обязанностей по проверке грузов как на экспедиторов, так и на перевозчиков различного вида транспорта, внеся изменения во все соответствующие уставы и кодексы.

Изучив все сравнительные аспекты таблицы, будет уместным дополнить сравнение договоров перевозки и транспортной экспедиции по содержанию прав и обязанностей, размеру ответственности.

Основным отличием является сама полнота построения нормативных актов о перевозке и транспортной экспедиции. Если содержание института транспортной экспедиции представлено в основном главой 41 ГК РФ и Законом о транспортной экспедиции, Правилами транспортно-экспедиционной деятельности, то институту перевозки кроме Гражданского кодекса, посвящены персонифицированные транспортные уставы и кодексы.

Более того, текущие законодательные положения об ответственности экспедитора формально устанавливают её в разы меньшей, чем транспортные уставы о перевозке грузов.

К примеру, УАТ в ст. 34 устанавливает неустойку за просрочку доставки грузов в размере 9% в сутки и не более стоимости услуг, УЖТ определяет ее в ст. 97 как 6% в сутки, но не более 50% платы за перевозку груза.

В том время как для Экспедиторов применима статья 9, которая устанавливает размер неустойки лишь для клиентов – физических лиц (3% в сутки и не более 80% от суммы вознаграждения), в то время как для участников коммерческой деятельности она не установлена вовсе, как и порядок ее определения, а лишь упоминается право о возмещении убытков, которым обладают и все прочие субъекты обязательственных отношений, конечно, за рядом исключений.

Кроме того, ст. 803 ГК РФ устанавливает правило, по которому в случае выявления обстоятельства ненадлежащего исполнения договора перевозки, то ответственность экспедитора перед клиентом определяется по тем же правилам, по которым определена ответственность перевозчика перед экспедитором.

Обратившись к судебной практике, можно выявить коллизию, которая лишает клиента права на возмещения неустойки согласно транспортным уставам, если заключен именно договор организации услуг, связанных с перевозкой грузов – транспортной экспедиции [9, 10]. То есть, если стороны в договоре транспортной экспедиции не установили размер неустойки, рассчитывая на справедливое обеспечение баланса интересов сторон законом, то в последствии столкнутся с ситуацией, где таковое правовое равновесие для сторон не обеспечено.

Подводя итог представленному анализу сравнительной характеристики двух видов транспортных отношений, очевидно наличие правового неравенства таких субъектов как экспедитор и перевозчик. Оба субъекта являются участниками одного рынка услуг, выполняющего функции, связанные с перемещением груза в пространстве в интересах клиента. Тем не менее, в то время как перевозчики в отличие от экспедитора берут на себя различного рода риски, такие как: повреждение груза в пути, дорожно-транспортные происшествия, выход из строя техники, обслуживание основных средств и еще множество прочих. В то же время, с другой стороны, обладают формально менее выгодным и защищенным статусом.

В настоящее время роли экспедитора и перевозчика претерпели большие изменения, сделав их кардинально разнопрофильными субъектами. Экспедиторы все меньше выступают в роли прямых перевозчиков, выполняя функции организации и аккумулирования грузопотоков, а перевозчики реже пытаются самостоятельно искать клиентскую базу, предпочитая стабильные отношений с корпоративными структурами прямых грузовладельцев и крупными транспортно-логистическими компаниями. Изложенное обстоятельство является положительным фактом, так как свидетельствует о формировании однородности профиля деятельности участников транспортного рынка. В свою очередь, это ведет к снижению издержек и увеличению производительности транспортной отрасли, что соответствует поставленным долгосрочным целям транспортной стратегии Российской Федерации [12].

В тоже время, проблема неравенства правового статуса перевозчика и экспедитора очевидно присутствует, но запрос на какое-либо изменение открыто не сформирован ни в правовой доктрине, ни в практике правоприменения.

Такая ситуация может быть объяснена тем, что в текущих экономических условиях удорожания всего комплекса сопутствующих транспортных услуг, снижения товарооборота, следовательно и количества грузоперевозок, еще не пройдена та критическая точка, которая сформировала бы импульс к пересмотру законодательной базы в целях повышения привлекательности данной деятельности. Тем более, все внимание участников транспортного рынка приковано к изменениям закона о транспортно-экспедиционной деятельности, который новыми поправками достаточно усложнит процесс оказания услуг, а для ряда субъектов может стать и вовсе непреодолимым препятствием.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-З (в редакции от 17 февраля 2025 года) // «Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь» от 1999 год, № 7–9, статья 101

2. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.11.2025 г.) // «Казахстанская правда» от 17 июля 1999 года № 172–173

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. От 24.06.2025 N 178-ФЗ) // СЗ РФ от 29 января 1996 г. N 5 ст. 410.

4. Закон Республики Казахстан от 21 сентября 1994 года № 156-XIII «О транспорте в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.08.2025 г.) // Ведомости Верховного Совета РК, 1994 г., № 15, ст. 201

5. Мещерякова, О. М., Виноградова Ю.С. Экспедитор и перевозчик: сущность, принципиальные различия // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Новополоцк, 13–14 октября 2022 года. – Новополоцк. 2022. С. 406–408. EDN LNHGEJ.

6. Морозов С.Ю. Система транспортных организационных договоров: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Московская академия экономики и права. Москва, 2011.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 N 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // РГ от 4 июля 2018 г. № 142

8. Приказ Минтранса России от 28.06.2007 N 82 (ред. от 25.12.2024) «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, гру-

зополучателей» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.09.2007 N 10186) // РГ от 10 октября 2007 г. N 225

9. Решение Арбитражного суда Новосибирской обл. от 19 февраля 2025 года по делу № А45–38244/2024 // URL: https://clck.ru/3RMvHt (Дата обращения 10.02.2026)

10. Решение Арбитражного суда Новосибирской обл. от 27 февраля 2025 года по делу № А45–28572/2024 // URL: https://clck.ru/3RMvuy (Дата обращения 10.02.2026)

11. Страхова, В.А. Договор транспортной экспедиции: проблема определения предмета // Вестник магистратуры. 2018. № 5–2(80). С. 143–145. EDN GKVUCO.

12. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 года N 3363-р. -Сайт Министерства транспорта Российской Федерации. URL: https://mintrans.gov.ru/ministry/targets/187/191/documents (Дата обращения 10.02.2026)

13. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 N 374-ФЗ // СЗ РФ от 11 июля 2016 г. N 28 ст. 4558

14. Федеральный закон «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» от 08.11.2007 N 259-ФЗ (ред. от 07.06.2025 N 140-ФЗ) // СЗ РФ от 12 ноября 2007 г. N 46 ст. 5555

15. Федеральный закон «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» от 10.01.2003 N 18-ФЗ (ред. от 31.07.2025 N 339-ФЗ) // СЗ РФ от 13 января 2003 г. N 2 ст. 170

16. Федеральный закон от 07.06.2025 N 140-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ от 09.06.2025 г. № 23 ст. 2999

ON THE DIFFERENCES AND SIMILARITIES BETWEEN THE INSTITUTIONS OF FREIGHT FORWARDING AND CARGO TRANSPORTATION

Shelkov A.S.
International Law Institute

This article provides a comprehensive analysis of the similarities and differences between the institutions of freight forwarding and cargo transportation as independent but closely interrelated institutions of the law of obligations. The paper examines the regulatory definitions of transportation and freight forwarding contracts and provides a comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation, the Republic of Belarus, and the Republic of Kazakhstan. Particular attention is paid to the delineation of the subject matter of the contract, the relationship between the primary and secondary obligations of the parties, the classification of contracts in judicial practice, and conflicts arising in determining the scope of liability of the freight forwarder and the carrier. Elements of legal inequality between these transport market participants are identified, and gaps and contradictions in current regulations are analyzed, including those related to penalties and risk allocation. The need to improve legislative provisions to ensure a balance of interests between participants in transport relations is substantiated. The findings can be used in law enforcement practice and in the development of amendments to civil and transport legislation.

Keywords: transport and forwarding activities, cargo transportation, legal institutions, participants in cargo transportation.

References

1. Civil Code of the Republic of Belarus of December 7, 1998, No. 218-Z (as amended on February 17, 2025) // “Bulletin of the National Assembly of the Republic of Belarus” of 1999, No. 7–9, Article 101

2. Civil Code of the Republic of Kazakhstan (Special Part) of July 1, 1999, No. 409-I (as amended on November 20, 2025) // “Kazakhstanskaya Pravda” of July 17, 1999, No. 172–173

3. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on June 24, 2025, No. 178-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation of January 29, 1996 N 5, Art. 410.

4. Law of the Republic of Kazakhstan dated September 21, 1994 N 156-XIII “On Transport in the Republic of Kazakhstan” (with amendments and additions as of August 31, 2025) // Bulletin of the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan, 1994, No. 15, Art. 201

5. Meshcheryakova, O. M., Vinogradova Yu.S. Forwarder and carrier: essence, fundamental differences // Sustainable economic development: international and national aspects: Collection of articles from the V International scientific and practical conference, Novopolotsk, October 13–14, 2022. – Novopolotsk. 2022. Pp. 406–408. EDN LNHGEJ.

6. Morozov S. Yu. The system of transport organizational contracts: dissertation for the degree of Doctor of Law. Moscow Academy of Economics and Law. Moscow, 2011.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 26, 2018 No. 26 “On Certain Issues of Application of Legislation on the Contract for the Carriage of Freight, Passengers, and Baggage by Road and on the Contract for Freight Forwarding” // RG of July 4, 2018 No. 142

8. Order of the Ministry of Transport of Russia of June 28, 2007 No. 82 (as amended on December 25, 2024) “On Approval of the Federal Aviation Rules “General Rules for the Air Transportation of Passengers, Baggage, Cargo and Requirements for Servicing Passengers, Shippers, and Consignees” (Registered with the Ministry of Justice of Russia on September 27, 2007 No. 10186) // RG of October 10, 2007 No. 225

9. Decision of the Arbitration Court of the Novosibirsk Region of February 19, 2025 year in case No. A45–38244/2024 // URL: https://clck.ru/3RMvHt (Accessed on 10.02.2026)

10. Decision of the Arbitration Court of the Novosibirsk Region dated February 27, 2025 in case No. A45–28572/2024 // URL: https://clck.ru/3RMvuy (Accessed on 10.02.2026)

11. Strakhova, V.A. Freight Forwarding Contract: The Problem of Defining the Subject // Bulletin of the Magistracy. 2018. No. 5–2 (80). Pp. 143–145. EDN GKVUCO.

12. Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a Forecast for the Period until 2035 Approved by the Order of the Government of the Russian Federation dated November 27, 2021 N 3363-r. – Website of the Ministry of Transport of the Russian Federation. URL: https://mintrans.gov.ru/ministry/targets/187/191/documents (Accessed on 10.02.2026)

13. Federal Law “On Amendments to the Federal Law “On Countering Terrorism” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Establishing Additional Measures to Counter Terrorism and Ensuring Public Safety” dated 06.07.2016 N 374-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation dated 11 July 2016 N 28, Art. 4558

14. Federal Law “Charter of Automobile Transport and Urban Ground Electric Transport” dated 08.11.2007 N 259-FZ (as amended on 07.06.2025 N 140-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation dated 12 November 2007 N 46, Art. 5555

15. Federal Law “Charter of Railway Transport of the Russian Federation” dated 10.01.2003 N 18-FZ (as amended on 31.07.2025 N 339-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation dated 13 January 2003 N 2, Art. 170

16. Federal Law dated 07.06.2025 N 140-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Transport and Forwarding Activities” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation dated 09.06.2025 N 23, Art. 2999

Электронные доказательства в гражданском процессе: актуальные проблемы судебной практики

Чешин Андрей Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет»
E-mail: cheshin@sirius56.ru

Расширение цифровых коммуникаций и перевод значительной части гражданского оборота в электронную форму изменили сам характер судебного доказывания. Переписка в мессенджерах, электронная почта, сведения с интернет-сайтов, данные личных кабинетов, электронные документы, подписанные электронной подписью, всё чаще становятся важнейшими источниками информации по гражданским делам. При этом действующее гражданское процессуальное законодательство не содержит цельного и однозначного регулирования электронных доказательств, что приводит к неоднородности судебной практики. В работе рассматриваются основные проблемы использования электронных доказательств в гражданском процессе: отсутствие легального определения, сложность установления автора и источника цифровой информации, вопросы допустимости скриншотов и переписки, проблема сохранности метаданных, пределы нотариального обеспечения доказательств, трудности истребования сведений у операторов связи и владельцев интернет-платформ. Показано, что суды общей юрисдикции в большинстве случаев признают электронные сведения допустимыми, однако оценивают их с повышенной осторожностью и, как правило, только в совокупности с иными доказательствами. Сделан вывод о необходимости более детальной регламентации порядка представления, исследования и оценки электронных доказательств в ГПК РФ, а также о потребности в системных разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, направленных на унификацию судебной практики.

Ключевые слова: гражданский процесс, электронные доказательства, судебное доказывание, цифровая информация, скриншот, электронная переписка, электронный документ, электронная подпись, допустимость доказательств, судебная практика.

Введение

Гражданский процесс в последние годы оказался в ситуации, когда традиционные представления о доказательствах перестали полностью охватывать реальную судебную практику. Значительная часть юридически значимых действий совершается не на бумаге и не при личном контакте сторон, а в цифровой среде. Заключение договорённостей переносится в электронную почту и мессенджеры, уведомления направляются через личные кабинеты и мобильные приложения, подтверждение исполнения обязательств часто существует только в форме электронного документа или цифрового следа. В результате суд сталкивается с необходимостью оценивать не только привычные письменные доказательства, но и сведения, созданные, хранящиеся и передаваемые в электронной форме.

При этом законодательное регулирование в данной сфере складывалось постепенно и фрагментарно. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации допускает использование электронных документов и иных цифровых материалов, однако не формирует развернутой конструкции электронного доказательства как самостоятельного процессуального явления [2]. На практике это привело к тому, что одни и те же виды цифровой информации – например, скриншоты переписки, распечатки электронной почты или сведения с сайта – в одних случаях принимаются судами и кладутся в основу решения, а в других признаются недостаточными либо вообще не отвечающими требованиям относимости, допустимости и достоверности.

Проблема заключается не только в технике представления таких сведений. Электронная информация отличается от традиционного документа способом существования. Она легко копируется, изменяется, пересылается, утрачивает контекст происхождения, а в ряде случаев не имеет устойчивого «оригинала» в обычном понимании. Если бумажный документ можно исследовать как материальный носитель, то электронный файл, сообщение в мессенджере или веб-страница требуют установления иных признаков подлинности: технических параметров, метаданных, реквизитов отправителя, времени создания, маршрута передачи, способа фиксации и сохранности.

Поэтому споры об электронных доказательствах затрагивают не частный процессуальный вопрос, а саму логику доказывания в гражданском процессе. Суд должен определить, является ли конкретная цифровая информация доказательством, кем и каким образом она создана, не подвергалась ли изменению, можно ли установить её связь с участником дела, а также достаточно ли представленного объёма данных для вывода о юридически значимых обстоятельствах. Особенно заметно это в делах о защите прав потребителей, взыскании задолженности, трудовых спорах, спорах, вытекающих из дистанционного заключения договоров, семейных конфликтах, делах о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Отсутствие единообразия в судебной практике имеет и более широкие последствия. Участник гражданского процесса не всегда понимает, какие требования суд предъявит к скриншоту, электронной переписке или файлу с телефона; нотариальное обеспечение электронных доказательств остаётся затратным и не всегда оперативным; истребование сведений у операторов связи и владельцев интернет-сервисов нередко связано с организационными трудностями, а иногда и с фактической невозможностью быстрого получения нужной информации. Всё это снижает предсказуемость судебной защиты.

Сказанное определяет актуальность обращения к теме электронных доказательств именно через призму судебной практики. Вопрос сегодня состоит уже не в том, допустимы ли цифровые сведения как таковые, а в том, по каким критериям суд должен оценивать их юридическую пригодность и какие процессуальные инструменты необходимы для единообразного подхода.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на анализе норм Конституции Российской Федерации, Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, федерального законодательства об информации, электронной подписи и нотариате, а также разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, связанных с использованием документов в электронном виде в деятельности судов [1–8]. Нормативный материал сопоставлялся с подходами, сложившимися в отечественной процессуальной доктри-

не, прежде всего в трудах, посвящённых доказательственному праву и современным формам судебного доказывания [11–15].

Методологически работа опирается на формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический анализ позволил выявить, как действующее законодательство описывает цифровую информацию и какие элементы регулирования в нём отсутствуют. Системный подход использован для определения места электронных доказательств в общей системе доказательств по гражданскому делу. Сравнение отдельных процессуальных конструкций дало возможность установить, как именно суды квалифицируют электронные сведения: как письменные доказательства, как аудио- и видеозаписи либо как особую разновидность доказательственной информации.

Кроме того, в работе обобщены типичные проблемные ситуации, встречающиеся в судебной практике: представление скриншотов без подтверждения источника, использование переписки в мессенджерах при оспаривании авторства сообщений, предоставление распечаток электронных писем без технических заголовков, ссылки на сведения из сети Интернет без надлежащей фиксации содержания веб-страницы, а также представление электронных документов, подписанных различными видами электронной подписи. Анализ этих ситуаций позволил выделить устойчивые линии судебного подхода и сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования.

Результаты и обсуждение

Прежде всего необходимо отметить, что в действующем ГПК РФ отсутствует прямое и развёрнутое определение электронных доказательств. Это обстоятельство во многом и порождает практические трудности. Статья 55 ГПК РФ формулирует общее понятие доказательств как сведений о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон [2]. Далее закон перечисляет средства доказывания, среди которых названы объяснения лиц, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов. Однако электронные доказательства в самостоятельном виде в перечне не закреплены.

Формально это не означает запрета на их использование. Напротив, развитие законодательства и судебной практики подтверждает допустимость цифровых сведений. Но отсутствие отдельной правовой конструкции приводит к тому, что электронные материалы «распределяются» между уже известными процессуальными категориями. Электронный документ нередко рассматривается как разновидность письменного доказательства; видеозапись с цифрового носителя – как аудио- или видеозапись; сведения из мессенджера или сайта – как иная форма фиксации юридически значимой информации, подлежащая оценке по общим правилам [2; 7; 11].

Такой подход имеет практический плюс: суд не лишён возможности учитывать цифровые сведения. Вместе с тем у него есть и очевидный недостаток. Электронная информация не сводится к бумажному документу в цифровом виде. У неё иная природа. Для бумажного документа ключевыми являются реквизиты и материальный носитель; для электронного – ещё и технические признаки существования, метаданные, способ передачи, возможность идентификации отправителя, целостность файла или сообщения. Если эти особенности не учтены в законе прямо, они компенсируются судебным усмотрением. А чем шире усмотрение, тем выше риск неодинакового разрешения схожих споров.

В судебной практике особенно часто возникают вопросы по четырём группам электронных доказательств: электронные документы, электронная переписка, сведения из сети Интернет и данные, содержащиеся на цифровых носителях. Каждый из этих блоков имеет собственные проблемы.

1. Электронный документ и вопрос о его подлинности

Наиболее устойчивое положение в судебной практике занимают электронные документы, подписанные электронной подписью. Здесь действует относительно понятная нормативная модель, поскольку Федеральный закон «Об электронной подписи» разграничивает виды электронной подписи и закрепляет последствия их использования [4]. Если документ подписан усиленной квалифицированной электронной подписью, вопрос о его происхождении и юридической силе обычно решается легче. Суд может установить лицо, от которого документ исходит, проверить сертификат ключа подписи и сопоставить представленный файл с иными материалами дела.

Но даже в этой части практика не всегда бесспорна. Проблема состоит в том, что стороны не всегда представляют суду сам электронный файл, ограничиваясь его распечаткой. В результате суд видит текст документа, но не получает доступа к электронной подписи как к техническому реквизиту. При отсутствии оригинального файла и возможности проверки сертификата распечатка теряет часть доказательственной силы и оценивается уже не как полноценный электронный документ, а как копия сведений о нём. Отсюда вытекает важный практический вывод: если сторона ссылается на электронный документ, она должна, по возможности, представлять не только бумажную распечатку, но и электронный носитель либо обеспечивать подачу файла через предусмотренные процессуальные каналы.

В делах, где используются простая электронная подпись или иные способы электронной идентификации, судебная оценка ещё осторожнее. Суд, как правило, обращает внимание на то, предусмотрели ли стороны в договоре соответствующий способ подтверждения воли, можно ли связать конкретное действие с конкретным участником, исключается ли доступ третьих лиц к используемому аккаунту или устройству. Именно на этом этапе проявляется одна из центральных проблем электронных доказательств: цифровой идентификатор далеко не всегда тождественен личности участника спора.

2. Электронная переписка: допустимость есть, достоверность требует подтверждения

Наиболее массовой и одновременно наиболее спорной категорией электронных доказательств является переписка по электронной почте и в мессенджерах. Реальный оборот давно сделал такую коммуникацию обычной формой обсуждения условий сделки, согласования сроков, уведомления о выполнении работ, направлении претензий и согласования встречных действий. Судебная практика в целом исходит из того, что подобная переписка может использоваться как доказательство. Однако сам факт её представления ещё не означает, что она будет признана достаточной.

Первая проблема здесь – идентификация отправителя и получателя. Адрес электронной почты, номер телефона или аккаунт в мессенджере сами по себе не всегда позволяют достоверно установить, кто именно направил сообщение. Если переписка велась по реквизитам, указанным в договоре, на официальном сайте, в предыдущих документах или длительно использовалась сторонами без возражений, её доказательственная ценность существенно возрастает. Если же таких связующих элементов нет, а вторая сторона отрицает авторство, суды, как правило, отказываются считать переписку достаточным подтверждением спорного обстоятельства.

Вторая проблема – полнота и контекст переписки. На практике в суд нередко представляются отдельные скриншоты, вырванные из общего массива сообщений. Из них может быть невозможно понять последовательность общения, время, смысл реплик и наличие последующих уточнений. В такой ситуации даже подлинный скриншот не даёт суду целостной картины. Именно поэтому многие суды оценивают переписку только в совокупности с иными данными: платёжными документами, детализацией соединений, сведениями о доставке электронной корреспонденции, показаниями свидетелей, договором, актами, данными личного кабинета и т.п.

Третья проблема связана с возможностью изменения электронных сообщений. Скриншот представляет собой лишь визуальное отображение информации на экране устройства. Он не содержит всех метаданных и может быть технически скорректирован. По этой причине суды относятся к нему с повышенной осторожностью. Скриншот нередко принимается как допустимое доказательство, но редко признаётся самодостаточным. Его процессуальная ценность существенно повышается, если он подтверждён протоколом нотариального осмотра, исследованием самого устройства, извлечением данных специалистом либо совпадает по содержанию с иными доказательствами.

3. Скриншоты, веб-страницы и проблема «исчезающих» доказательств

Особое место в судебной практике занимают скриншоты и сведения с интернет-сайтов. Их значение велико в делах о защите прав потребителей, рекламе, публичной оферте, дистанционной продаже, распространении порочащих сведений, защите интеллектуальных прав. Сложность заключается в том, что интернет-контент изменяем и нестабилен: страница может быть удалена, отредактирована, перенесена на другой адрес, а доступ к ней – ограничен.

Отсюда возникает потребность в оперативной фиксации соответствующей информации. Наиболее надёжным инструментом для этой цели остаётся нотариальное обеспечение доказательств на основании Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [3]. Нотариус фиксирует содержание веб-страницы, URL-адрес, дату и время доступа, а иногда и иные технические параметры. Для суда такой протокол обладает высокой доказательственной ценностью, поскольку подтверждает факт существования определённой информации в сети на конкретный момент.

Однако этот механизм не решает проблему полностью. Во-первых, нотариальное действие требует времени и расходов, что не всегда совместимо с оперативностью цифровой среды. Во-вторых, далеко не каждый участник спора понимает необходимость такой фиксации

заранее. В-третьих, нотариальный протокол подтверждает прежде всего сам факт размещения информации, но не всегда устанавливает лицо, ответственное за её публикацию, если ресурс устроен сложно либо контент размещён через анонимизированный сервис. В результате даже надлежащая фиксация не снимает всех вопросов о принадлежности спорных сведений конкретному ответчику.

Скриншоты веб-страниц без нотариального удостоверения также используются в судах, но их доказательственная сила ниже. Суды, как правило, проверяют, можно ли установить дату, адрес страницы, источник информации, совпадает ли представленное изображение с иными материалами дела и не вызывает ли оно сомнений в монтаже либо избирательной фиксации содержания. Практика показывает: чем выше риск оспаривания цифрового материала, тем меньше шансов у простого скриншота быть положенным в основу судебного акта без дополнительных подтверждений.

4. Метаданные как «невидимая» часть доказательства

Одна из наименее урегулированных, но принципиально важных проблем – значение метаданных. Именно они нередко позволяют установить, когда создан файл, как он изменялся, с какого устройства был отправлен, какими параметрами обладал исходный документ. Между тем участники процесса и даже представители не всегда уделяют метаданным должное внимание. В суд нередко представляется распечатка или изображение файла, тогда как доказательственно значимая часть содержится не в видимом тексте, а в технических свойствах объекта.

Отсюда вытекает существенный процессуальный дефект: суду фактически предлагают оценить не электронное доказательство как таковое, а его производную. В этой связи возрастает роль экспертизы и участия специалиста. В сложных случаях именно компьютерно-техническое исследование позволяет установить факт редактирования файла, время создания документа, наличие следов монтажа, особенности переписки или принадлежность цифрового следа определённому устройству. Но судебная практика прибегает к таким механизмам не всегда, поскольку экспертиза увеличивает сроки рассмотрения дела и процессуальные издержки.

Проблема усугубляется тем, что в ГПК РФ не разработаны специальные правила сохранности электронных доказательств, аналогичные тем, которые известны зарубежной процессуальной практике как обеспечение целостности цифрового носителя и фиксирование цепочки хранения. В российском процессе соответствующие вопросы пока решаются ситуативно. Именно поэтому один и тот же цифровой материал может получить разную оценку в зависимости от того, насколько убедительно сторона показала суду его происхождение и неизменность.

5. Истребование электронных сведений и процессуальные ограничения

Серьёзные трудности вызывает истребование сведений, находящихся у операторов связи, провайдеров, банков, маркетплейсов, администраторов сайтов и владельцев цифровых платформ. Формально ГПК РФ допускает истребование доказательств судом [2]. Но на практике между процессуальной возможностью и фактическим получением данных лежит целый ряд препятствий.

Во-первых, необходимые сведения могут содержать персональные данные, коммерческую тайну или иную информацию ограниченного доступа, что требует соблюдения специальных процедур [5]. Во-вторых, часть цифровой инфраструктуры находится вне непосредственной юрисдикционной доступности российского суда либо организована так, что идентификация конкретного администратора ресурса затруднена. В-третьих, сроки хранения информации у различных сервисов ограничены, поэтому промедление с процессуальными действиями приводит к утрате доказательств.

На этом фоне особое значение приобретает институт обеспечения доказательств [2; 3]. Однако его потенциал в отношении цифровой информации используется недостаточно. На практике стороны часто обращаются за обеспечением уже после того, как доступ к аккаунту утрачен, переписка удалена или спорная веб-страница изменена. Между тем электронная среда требует прямо противоположной логики: чем выше риск исчезновения информации, тем раньше должны предприниматься меры по её фиксации.

6. Судебная оценка электронных доказательств: осторожность как общее правило

Обобщая судебную практику, можно увидеть устойчивую тенденцию. Российские суды общей юрисдикции уже не отвергают электронные доказательства как нечто экзотическое. Их допустимость в целом признаётся. Однако фактически сложилось правило повышенной доказательственной осторожности: цифровые сведения редко рассматриваются изолированно и почти всегда нуждаются в внешнем подтверждении.

Эта осторожность объяснима. Электронная информация подвержена быстрому изменению, а процессуальные правила её исследования пока не получили необходимой детальности. Но у данной тенденции есть и обратная сторона. Избыточно скептическое отношение к цифровым материалам способно привести к ситуации, когда реальные отношения сторон, существовавшие в электронной среде, остаются недоказанными только потому, что они не были продублированы на бумаге. Такой подход уже не соответствует современному гражданскому обороту.

Поэтому ключевой задачей становится не формальное признание электронных сведений допустимыми, а выработка понятных критериев их оценки. Суду необходимы ориентиры, позволяющие различать ситуации, когда электронное доказательство заслуживает доверия, и случаи, когда оно действительно не может быть признано надёжным.

Для практических целей эти критерии могут быть сведены к нескольким основным вопросам (табл. 1).

Таблица 1. Базовые критерии оценки электронных доказательств в гражданском процессе

Вид электронного доказательства	Основная проблема	На что обычно обращает внимание суд
Электронный документ	Подлинность и принадлежность документа	Наличие электронной подписи, возможность проверки сертификата, представление исходного файла
Электронная почта	Идентификация отправителя и полнота переписки	Связь адреса с участником спора, договорные реквизиты, технические заголовки письма, последовательность сообщений
Переписка в мессенджере	Авторство аккаунта и риск редактирования	Номер телефона, длительность общения, подтверждение через иные доказательства, исследование устройства
Скриншот веб-страницы	Возможность изменения контента	Дата и время фиксации, URL-адрес, нотариальный протокол, совпадение с иными материалами
Аудио- и видеозапись на цифровом носителе	Целостность файла и условия записи	Источник записи, непрерывность, отсутствие монтажа, техническое исследование при споре

Из приведённых критериев следует, что для суда в действительности важен не столько вид цифрового объекта, сколько возможность ответить на три вопроса: откуда он происходит, можно ли его связать с конкретным лицом и имеются ли признаки неизменности содержания.

7. Основные направления совершенствования регулирования

Проведённый анализ позволяет говорить о необходимости корректировки законодательства и судебных разъяснений по нескольким направлениям.

Во-первых, представляется обоснованным закрепить в ГПК РФ более определённое понимание электронного доказательства. Речь не обязательно должна идти о создании полностью нового самостоятельного вида доказательств, хотя и такой подход заслуживает обсуждения. Но как минимум закон должен прямо указать, что сведения о фактах могут существовать в цифровой форме, а также определить общие требования к их представлению, исследованию и хранению.

В процессуальном законе целесообразно установить минимальные правила работы с электронными доказательствами: необходимость представления исходного файла либо указания на источник его получения; возможность исследования метаданных; порядок представления цифрового носителя; способы подтверждения неизменности информации; основания для привлечения специалиста при исследовании цифрового объекта. Сегодня эти вопросы решаются слишком неравномерно.

Требуется более чёткая регламентация фиксации информации из сети Интернет и мессенджеров. Практика уже выработала рабочие механизмы – нотариальный осмотр, исследование устройства, судебное истребование данных, техническую экспертизу, – но их применение зависит от фактической процессуальной грамотности стороны и локальных подходов конкретного суда. Для унификации практики Верховному Суду Российской Федерации целесообразно подготовить отдельные разъяснения, посвящённые именно доказательственному значению электронных сведений в гражданском процессе.

Заслуживает внимания вопрос о процессуальном содействии в получении цифровых сведений от третьих лиц. В современном споре значимая информация нередко находится не у истца и не у ответчика, а у платформы, банка, маркетплейса, оператора связи, хостинг-провайдера. Судебный механизм истребования таких данных должен

быть более оперативным, особенно в тех случаях, когда речь идёт об информации с ограниченным сроком хранения.

Следует расширять практику раннего обеспечения электронных доказательств. Именно в этой части гражданский процесс пока явно отстаёт от динамики цифровой среды. Судебная защита будет эффективной только тогда, когда участник процесса сможет быстро и без чрезмерных затрат зафиксировать те сведения, которые объективно склонны к исчезновению или изменению.

Выводы

Электронные доказательства уже стали обычной частью гражданского процесса, хотя процессуальное законодательство по-прежнему описывает их лишь фрагментарно. Судебная практика фактически признала цифровую информацию допустимым источником сведений о фактах, однако выработанные подходы остаются неоднородными. Это особенно заметно в делах, где в качестве доказательств представляются скриншоты, переписка в мессенджерах, распечатки электронной почты, сведения с интернет-сайтов и данные цифровых сервисов.

Главная трудность связана не с самим признанием электронных доказательств, а с установлением их достоверности и процессуальной пригодности. Суду необходимо убедиться в происхождении цифровой информации, в её связи с конкретным лицом, в сохранности содержания и в отсутствии признаков изменения. Пока эти вопросы урегулированы неполно, значительная часть нагрузки переносится на судебное усмотрение, а это неизбежно порождает различия в практике.

Сложившийся подход судов общей юрисдикции можно охарактеризовать как в целом принимающий, но осторожный. Электронные доказательства обычно не исключаются из предмета исследования, однако их самостоятельной силы суды нередко не доверяют и требуют подтверждения другими материалами дела. Такая позиция понятна, но она не должна превращаться в скрытое недоверие ко всей цифровой форме коммуникации. Иначе гражданский процесс начнёт расходиться с реальным устройством современного гражданского оборота, где значительная часть прав и обязанностей уже существует в электронной среде.

В этой связи представляется необходимым дальнейшее развитие процессуального регулирования. ГПК РФ нуждается в более чётком закреплении правил работы с электронными доказательствами, включая порядок их представления, исследования, обеспечения и оценки. Отдельного внимания требует вопрос о метаданных, о цифровом «оригинале», об истребовании сведений у интернет-посредников и о допустимых способах фиксации информации из сети Интернет и мессенджеров.

Не менее важна и роль Верховного Суда Российской Федерации. Для единообразия практики требуются разъяснения, которые бы системно закрепили подходы к оценке электронных документов, скриншотов, переписки, записей с цифровых носителей и иных форм цифровой информации. Только при сочетании законодательной детализации и последовательной судебной позиции можно обеспечить баланс между процессуальной надёжностью доказательств и реальными потребностями современной цифровой коммуникации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462–1 // Российская газета. 1993. 13 марта.

4. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036.

5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

6. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3889.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 4.

8. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа».

9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019.

10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024.

11. Треушников М.К. Судебные доказательства. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Городец, 2016. 304 с.

12. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. Москва: Городец, 2021. 832 с.

13. Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. Москва: Статут, 2021. 720 с.

14. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. Москва: Статут, 2014. 784 с.

15. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. Москва: Городец, 2000. 248 с.

ELECTRONIC EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS: CURRENT PROBLEMS OF JUDICIAL PRACTICE

Cheshin A.V.

Orsk Humanitarian and Technological Institute (Branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University»

The expansion of digital communications and the transfer of a substantial part of civil turnover into electronic form have significantly changed the nature of judicial proof. Messenger correspondence, e-mails, website data, personal account information and electronic documents signed with an electronic signature increasingly become key sources of information in civil cases. At the same time, Russian civil procedure legislation still lacks a comprehensive and consistent regulation of electronic evidence, which results in non-uniform judicial practice. The article examines the main problems related to the use of electronic evidence in civil proceedings: the absence of a statutory definition, difficulties in establishing the author and the source of digital information, issues of admissibility of screenshots and messenger correspondence, preservation of metadata, limits of notarial securing of evidence, as well as obstacles in obtaining information from telecom operators and online platform owners. It is shown that courts of general jurisdiction usually accept digital information as admissible evidence, yet treat it with increased caution and, as a rule, assess it only in conjunction with other evidence. The article concludes that the Civil Procedure Code of the Russian Federation requires more detailed rules on the submission, examination and evaluation of electronic evidence, while the Supreme Court of the Russian Federation should provide more systematic guidance aimed at unifying judicial practice.

Keywords: civil procedure, electronic evidence, judicial proof, digital information, screenshot, electronic correspondence, electronic document, electronic signature, admissibility of evidence, judicial practice.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020.

2. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2002. № 46. St. 4532.

3. Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o notariate ot 11.02.1993 № 4462–1. Rossiyskaya gazeta. 1993. 13 marta.

4. Federal'nyy zakon ot 06.04.2011 № 63-FZ «Ob elektronnoy podpisi». Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2011. № 15. St. 2036.

5. Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii». Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2006. № 31 (part 1). St. 3448.

6. Federal'nyy zakon ot 23.06.2016 № 220-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti primeneniya elektronnykh dokumentov v deyatel'nosti organov sudebnoy vlasti». Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2016. № 26 (part 1). St. 3889.

7. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 26.12.2017 № 57 «O nekotorykh voprosakh primeneniya zakonodatel'stva, reguliruyushchego ispol'zovanie dokumentov v elektronnom vide v deyatel'nosti sudov obshchey yurisdiktsii i arbitrazhnykh sudov». Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. 2018. № 4.

8. Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii ot 27.12.2016 № 251 «Ob utverzhdenii Poryadka podachi v federal'nye sudy obshchey yurisdiktsii dokumentov v elektronnom vide, v tom chisle v forme elektronnogo dokumenta».

9. Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii № 1 (2019). Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. 2019.

10. Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii № 3 (2023). Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. 2024.

11. Treushnikov M.K. Sudebnye dokazatel'stva. 5th ed. Moscow: Gorodets, 2016. 304 p.

12. Grazhdanskiy protsess: uchebnik / ed. by M.K. Treushnikov. Moscow: Gorodets, 2021. 832 p.

13. Grazhdanskiy protsess: uchebnik / ed. by V.V. Yarkov. Moscow: Statut, 2021. 720 p.

14. Sakhnova T.V. Kurs grazhdanskogo protsessa. Moscow: Statut, 2014. 784 p.

15. Vershinin A.P. Elektronnyy dokument: pravovaya forma i dokazatel'stvo v sude. Moscow: Gorodets, 2000. 248 p.

Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа корпорации как объект страховой защиты в российском праве

Шадров Александр Сергеевич,
начальник Управления взыскания долгов
ООО «СК «Согласие»

Пашенцев Дмитрий Алексеевич,
д-р юридич. наук, проф.

В статье исследуется проблематика страхования гражданско-правовой ответственности единоличного исполнительного органа корпорации в контексте действующего российского законодательства. Анализируются теоретические основания данного института, выявляются правовые пробелы и противоречия, препятствующие его эффективному применению. Рассматриваются критерии добросовестности и разумности поведения директора, механизмы защиты от необоснованного привлечения к ответственности. Формулируются предложения по совершенствованию нормативного регулирования страховой защиты руководителей хозяйственных обществ.

Ключевые слова: единоличный исполнительный орган; гражданско-правовая ответственность; страхование ответственности директоров; корпоративное право; добросовестность и разумность; убытки; защита делового решения.

Современные условия ведения предпринимательской деятельности характеризуются существенным возрастанием рисков, которые неизбежно сопровождают процесс принятия управленческих решений руководителями хозяйственных обществ. Лицо, занимающее должность генерального директора или иного единоличного исполнительного органа корпорации, ежедневно сталкивается с необходимостью совершения действий, последствия которых невозможно предугадать с абсолютной точностью. При этом законодательство возлагает на такое лицо обязанность действовать исключительно в интересах представляемого юридического лица, проявляя при этом должную степень заботливости и осмотрительности [1, с. 71]. Данное обстоятельство порождает серьезную правовую проблему: каким образом обеспечить защиту имущественных интересов руководителя организации от последствий добросовестных управленческих ошибок, не создавая при этом условий для безответственного поведения и злоупотреблений.

Правовой статус единоличного исполнительного органа корпорации отличается существенной спецификой, обусловленной его двойственной природой [2, с. 26]. С одной стороны, директор выступает органом юридического лица, через который последнее приобретает права и принимает обязанности. С другой стороны, между руководителем и обществом складываются отношения трудоправового характера, регулируемые нормами трудового законодательства. Такая дуалистичность правового положения директора порождает многочисленные теоретические дискуссии относительно природы его ответственности и допустимых способов защиты от неблагоприятных имущественных последствий управленческой деятельности.

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что институт страхования ответственности руководителей коммерческих организаций получил широкое распространение в развитых правопорядках и рассматривается в качестве эффективного инструмента распределения предпринимательских рисков [3, с. 87]. В англосаксонской правовой традиции данный механизм известен под наименованием Directors and Officers Liability Insurance и применяется на протяжении нескольких десятилетий. Российское законодательство формально не запрещает заключение подобных договоров страхования, однако отсутствие специального нормативного регулирования создает значительную правовую неопределенность, препятствующую развитию соответствующего сегмента страхового рынка.

Базовые положения об ответственности лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, закреплены в гражданском законодательстве и конкретизированы применительно к отдельным организационно-правовым формам коммерческих организаций [4, с. 342]. Согласно установленным правилам, директор обязан возместить убытки, причиненные обществу вследствие недобросовестных или неразумных действий при осуществлении возложенных на него полномочий. При этом законодатель не раскрывает содержания используемых оценочных категорий, оставляя решение вопроса о квалификации конкретного поведения на усмотрение правоприменителя.

Практика применения указанных норм показывает, что суды испытывают определенные затруднения при разграничении допустимого предпринимательского риска и противоправного поведения руководителя [5, с. 47]. Границы между обычной деловой активностью, неизбежно сопряженной с возможностью наступления негативных последствий, и действиями, влекущими гражданско-правовую ответственность, остаются достаточно размытыми. Отсутствие четких критериев создает почву для субъективизма в оценке поведения директора и порождает риск привлечения к ответственности за добросовестные управленческие решения, оказавшиеся впоследствии ошибочными.

Высшая судебная инстанция предприняла попытку конкретизировать основания наступления ответственности руководителя корпорации посредством формулирования перечня обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности или неразумности его действий [6, с. 19]. К числу таковых отнесены: наличие конфликта интересов при совершении сделки, сокрытие информации о существенных обстоятельствах от участников общества, совершение сделки без необходимого корпоративного одобрения, принятие решений без учета известной директору информации и ряд других случаев. Однако данный перечень носит открытый характер и не исключает возможности признания

противоправными иных действий руководителя, не подпадающих под прямо поименованные ситуации.

Институт возмещения убытков как универсальный способ защиты нарушенных гражданских прав применяется к отношениям по привлечению директора к ответственности с учетом определенной специфики [7, с. 83]. Бремя доказывания факта причинения убытков, их размера и причинно-следственной связи с действиями руководителя возлагается на истца. Вместе с тем в случае установления недобросовестности или неразумности поведения директора на последнего переходит обязанность доказать отсутствие убытков либо иной их размер. Такое перераспределение доказательственного бремени существенно усиливает позицию организации или ее участников в спорах о взыскании убытков с руководителя.

Среди способов защиты директора от привлечения к ответственности в научной литературе выделяют несколько основных механизмов [8, с. 127]. Первый связан с возможностью включения в устав хозяйственного общества положений об ограничении или устранении ответственности руководителя за определенные категории действий. Второй предполагает заключение соглашения между директором и обществом об условиях и пределах его имущественной ответственности. Третий механизм представляет собой страхование ответственности руководителя, осуществляемое за счет средств самой организации. Каждый из названных способов обладает собственными преимуществами и ограничениями, требующими детального анализа.

Возможность договорного ограничения ответственности лиц, входящих в состав органов управления, прямо предусмотрена законодательством для непубличных хозяйственных обществ [9, с. 193]. При этом установлен существенный запрет: соглашение об устранении или ограничении ответственности за недобросовестные действия, а в публичном обществе – также за неразумные действия, признается ничтожным. Данное ограничение существенно сужает практическую применимость договорного механизма защиты директора, поскольку значительная часть претензий к руководителям формулируется именно как требования о возмещении убытков, причиненных недобросовестным поведением.

Отмеченное законодательное ограничение объясняется стремлением обеспечить баланс интересов различных участников корпоративных отношений [10, с. 133]. Полное освобождение директора от ответственности за любые действия создавало бы почву для злоупотреблений и причинения ущерба интересам общества и его участников. Вместе с тем чрезмерно жесткий режим ответственности способен парализовать деловую инициативу руководителя, вынуждая его воздерживаться от принятия необходимых, но рискованных решений. Поиск оптимального соотношения между указанными противоположными тенденциями составляет одну из ключевых задач правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Страхование ответственности директора представляет собой механизм, потенциально способный обеспечить искомый баланс интересов [11, с. 114]. При надлежащем правовом оформлении данный институт позволяет сохранить ответственность руководителя за противоправные действия, одновременно создавая финансовую защиту от последствий добросовестных управленческих ошибок. Страховщик принимает на себя риск возмещения убытков, причиненных действиями директора, в пределах установленной страховой суммы, получая взамен страховую премию. Организация-страхователь получает гарантию возмещения потенциальных убытков, а директор – уверенность в том, что его имущественная сфера защищена от неблагоприятных последствий профессиональной деятельности.

Вопрос о квалификации договора страхования ответственности директора в системе видов имущественного страхования остается дискуссионным [12, с. 170]. Одни исследователи рассматривают его как разновидность страхования ответственности за причинение вреда, другие – как страхование ответственности по договору, третьи – как страхование финансовых рисков. Практическое значение данной дискуссии определяется тем, что различные виды страхования подчиняются неодинаковым правовым режимам и предполагают применение различных правил к отношениям между страховщиком, страхователем и выгодоприобретателем.

Аргументы в пользу квалификации рассматриваемого договора как страхования деликтной ответственности основываются на том, что убытки причиняются обществу вследствие нарушения директором возложенных на него обязанностей действовать добросовестно и разумно [13, с. 146]. Данные обязанности имеют внедоговорную природу и вытекают непосредственно из закона, устанавливающего стандарты поведения для лиц, осуществляющих функции органа юридического лица. Нарушение указанных обязанностей влечет причинение вреда имущественной сфере корпорации, что позволяет применить к соответствующим отношениям нормы о деликтной ответственности.

Противоположная позиция акцентирует внимание на наличии особых фидуциарных отношений между директором и обществом, которые возникают в силу занятия соответствующей должности [14, с. 325]. Согласно данному подходу, ответственность руководителя носит корпоративный характер и не сводится к общегражданской деликтной ответственности. Специфика корпоративных отношений предопределяет необходимость применения особых правил об ответственности, закрепленных в законодательстве о хозяйственных обществах и разъяснениях высших судебных инстанций. Соответственно, страхование такой ответственности требует специального нормативного регулирования, учитывающего ее своеобразие.

Действующее законодательство допускает страхование риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц [15, с. 560]. При этом страхование ответственности за нарушение договора допускается лишь в случаях, прямо предусмотренных законом. Отсутствие специальной нормы, разрешающей страхование ответственности директора перед корпорацией, создает правовую неопределенность относительно допустимости заключения соответствующих договоров. Формально договор страхования, предмет которого не предусмотрен законом, может быть признан ничтожным как противоречащий требованиям правовых актов.

Практика свидетельствует о том, что страховые компании предлагают продукты, позиционируемые как страхование ответственности директоров и должностных лиц [16, с. 67]. Однако при возникновении страхового случая нередко возникают споры о действительности таких договоров и обязанности страховщика произвести выплату. Судебная практика по данной категории дел остается неоднородной, что дополнительно усиливает правовую неопределенность и сдерживает развитие соответствующего сегмента страхового рынка. Участники оборота испытывают обоснованные сомнения относительно надежности страховой защиты и предпочитают использовать иные механизмы управления рисками.

Отдельную проблему представляет вопрос о страховании ответственности за умышленные действия директора [17, с. 106]. Общие положения страхового законодательства исключают из страхового покрытия убытки, возникшие вследствие умысла страхователя или выгодоприобретателя. Применительно к страхованию ответственности директора это означает, что возмещению подлежат только убытки, причиненные неосторожными действиями руководителя. Умышленное причинение вреда обществу, в том числе посредством совершения заведомо невыгодных сделок в личных интересах, остается за пределами страхового покрытия и влечет персональную имущественную ответственность директора.

Разграничение умышленных и неосторожных действий директора на практике представляет значительную сложность [18, с. 100]. Нередко одно и то же поведение может квалифицироваться по-разному в зависимости от того, какие доказательства представлены сторонами спора и какую оценку им дает суд. Директор, совершивший убыточную для общества сделку, может утверждать, что действовал в условиях неопределенности и не предвидел наступления негативных последствий. Участники общества, напротив, могут настаивать на том, что руководитель осознанно пренебрег интересами организации. От результата такой квалификации зависит не только размер ответственности директора, но и возможность получения страхового возмещения.

В контексте рассматриваемой проблематики существенное значение приобретает концепция защиты делового решения, воспринятая российским правом из англо-американской правовой традиции [19, с. 111]. Согласно данной концепции, суд не вправе оценивать экономическую целесообразность управленческих решений, принятых директором в пределах обычного предпринимательского риска. Если директор действовал информированно, добросовестно и в интересах общества, негативные последствия принятого им решения не могут служить основанием для привлечения к ответственности. Данный подход направлен на защиту деловой инициативы руководителя и предотвращение ретроспективной оценки его решений с позиции послезнания.

Законодательное закрепление правила о защите делового решения в российском праве носит фрагментарный характер [20, с. 54]. Прямое указание на недопустимость привлечения директора к ответственности за действия, соответствующие обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску, содержится в разъяснениях высшей судебной инстанции. Однако границы обычного предпринимательского риска законодательно не определены, что создает почву для различного толкования данного понятия в конкретных делах. Судебная практика постепенно вырабатывает кри-

терии разграничения допустимого риска и противоправного поведения, однако этот процесс далек от завершения.

Взаимосвязь института защиты делового решения и страхования ответственности директора носит неоднозначный характер [21, с. 108]. С одной стороны, признание действий руководителя соответствующими обычному предпринимательскому риску исключает его ответственность и, соответственно, делает страхование излишним. С другой стороны, неопределенность границ допустимого риска создает потребность в страховой защите на случай, если конкретные действия директора будут впоследствии квалифицированы как выходящие за пределы обычного делового оборота. Страхование в данном случае выступает инструментом хеджирования правовой неопределенности.

Специфика страхования ответственности директора связана также с особенностями определения страхового случая и выгодоприобретателя [22, с. 157]. Страховым случаем выступает предъявление к директору требования о возмещении убытков, причиненных обществу его действиями или бездействием. Выгодоприобретателем по договору страхования ответственности перед третьими лицами является потерпевший, однако в рассматриваемой ситуации потерпевшим выступает само общество-страхователь. Такая конструкция порождает определенные теоретические сложности и требует специального нормативного урегулирования.

При анализе перспектив развития страхования ответственности директоров в России необходимо учитывать зарубежный опыт правового регулирования данного института [23, с. 1131]. В развитых правопорядках страхование ответственности руководителей коммерческих организаций получило широкое распространение и рассматривается как стандартный элемент системы корпоративного управления. Крупные публичные компании, как правило, включают приобретение страхового полиса в пакет компенсаций, предлагаемых топ-менеджменту. Для акционеров и инвесторов наличие такого страхования служит индикатором надлежащего уровня корпоративного управления.

Российский законодатель неоднократно предпринимал попытки нормативного урегулирования страхования ответственности директоров [24, с. 357]. В частности, вносились законопроекты, предусматривающие возможность для хозяйственных обществ страховать риск утраты имущества вследствие неправомерных действий руководителей и иных контролирующих лиц. Однако соответствующие инициативы не получили законодательного оформления, и страхование ответственности директоров по-прежнему осуществляется в условиях правовой неопределенности. Участники оборота вынуждены самостоятельно структурировать договорные конструкции, минимизируя риски признания заключенных договоров недействительными.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема соотношения корпоративной и субсидиарной ответственности руководителя организации [25, с. 147]. Корпоративная ответственность наступает перед самим обществом за убытки, причиненные недобросовестными или неразумными действиями. Субсидиарная ответственность возникает в делах о банкротстве и предполагает возложение на контролирующих должника лиц обязанности по погашению требований кредиторов, оставшихся без удовлетворения. Обе формы ответственности могут применяться к директору, причем в ряде случаев одни и те же действия способны послужить основанием для привлечения к ответственности по обоим основаниям.

Страхование субсидиарной ответственности контролирующих лиц представляет собой самостоятельную правовую проблему, выходящую за рамки страхования ответственности директора в узком смысле [26, с. 223]. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве отличается особыми основаниями возникновения, специальным порядком установления и значительными размерами, нередко исчисляемыми миллиардами рублей. Страхование столь крупных рисков требует особых подходов к тарификации и формированию страховых резервов. Кроме того, специфические презумпции, действующие в делах о банкротстве, существенно ограничивают возможности контролирующего лица по опровержению предъявленных к нему требований.

Правовое регулирование ответственности членов коллегиальных органов управления корпорации обладает определенной спецификой по сравнению с ответственностью единоличного исполнительного органа [27, с. 74]. Члены совета директоров, правления и иных коллегиальных органов несут ответственность за убытки, причиненные обществу их виновными действиями. При этом лицо, голосовавшее против решения, повлекшего причинение убытков, или воздержавшееся от голосования, освобождается от ответственности. Данное правило создает стимулы для членов коллегиальных органов занимать активную позицию при обсуждении вопросов, выносимых на рассмотрение соответствующего органа.

Страхование ответственности членов коллегиальных органов может осуществляться в рамках единого полиса, охватывающего всех должностных лиц организации [28, с. 44]. Такой подход позволяет снизить административные издержки на оформление страховой защиты и обеспечить единообразный уровень покрытия для всех руководителей. Вместе с тем возникают сложности с определением ответственности каждого из застрахованных лиц в случае принятия коллегиального решения, причинившего убытки обществу. Страховщик должен располагать возможностью установить степень участия каждого члена органа управления в принятии соответствующего решения.

Перспективы развития института страхования ответственности директоров в России во многом определяются общим состоянием корпоративного управления и уровнем правовой культуры участников оборота [29, с. 162]. Востребованность страховой защиты зависит от реального риска привлечения руководителей к ответственности и готовности общества инвестировать средства в приобретение страхового полиса. По мере совершенствования механизмов корпоративного контроля и повышения активности участников обществ в защите своих прав спрос на соответствующие страховые продукты будет возрастать.

Формирование эффективной системы страхования ответственности директоров требует комплексного подхода, включающего как совершенствование законодательства, так и развитие судебной практики и страхового рынка [30, с. 327]. На законодательном уровне необходимо прямо предусмотреть возможность страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ, определив существенные условия соответствующих договоров и порядок урегулирования страховых случаев. Судебная практика должна выработать четкие критерии разграничения допустимого предпринимательского риска и противоправного поведения руководителя. Страховой рынок призван разработать продукты, адекватно учитывающие специфику рисков, связанных с деятельностью органов управления российских корпораций.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа корпорации представляет собой сложный правовой институт, находящийся на пересечении корпоративного, гражданского и трудового права. Страхование данной ответственности способно выступить эффективным инструментом распределения предпринимательских рисков при условии надлежащего нормативного оформления соответствующих отношений. Отсутствие специального правового регулирования создает препятствия для развития данного сегмента страхового рынка и вынуждает участников оборота действовать в условиях правовой неопределенности. Совершенствование законодательства в указанном направлении отвечает интересам как руководителей хозяйственных обществ, получающих защиту от неблагоприятных последствий профессиональной деятельности, так и самих корпораций, приобретающих дополнительные гарантии возмещения возможных убытков.

Литература

1. Абакумова Е.Б. О принципе самостоятельности ответственности генерального директора хозяйственного общества // Вестник Сургутского государственного университета. – 2021. – № 3(33). – С. 70–75.
2. Агафонова Е.А. Ответственность единоличного исполнительного органа как элемент правового статуса // Наука через призму времени. – 2021. – № 10(55). – С. 25–27.
3. Водолагин С.В. Юридическая ответственность руководителей организаций: российские перспективы с учетом зарубежного опыта // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 5(236). – С. 85–95.
4. Губенко А.А., Губенко В.Г. К вопросу определения гражданско-правового статуса исполнительного органа хозяйственного общества // Современные тенденции развития управления и производства в условиях цифровизации. – 2024. – С. 341–343.
5. Жидовкина Н.А., Рабец А.П. Пределы ответственности единоличного исполнительного органа корпорации // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 72–6. – С. 46–52.
6. Кипаренко А.Ю. Пределы действия доктрины защиты делового решения в российском корпоративном праве // Юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики. – 2023. – С. 18–20.
7. Кислов С.А. Ответственность органов хозяйственных обществ и способы ее минимизации // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 2(281). – С. 82–90.
8. Ковзунова А.П. Способы защиты директора от привлечения к гражданско-правовой ответственности за убытки, причиненные корпорации // Вестник науки. – 2023. – Т. 4, № 7(64). – С. 125–138.
9. Козина Е.А., Король М.Р. Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа хозяйственного общества: со-

отношение с институтами трудового и налогового права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 8(120). – С. 191–199.

10. Крицкий И.Г. Страхование ответственности как механизм распределения гражданско-правовых рисков // Наука и практика: актуальные вопросы, достижения и инновации. – 2025. – С. 132–134.

11. Левашов В.К. Защита корпоративных прав от неразумных и недобросовестных действий исполнительных органов корпорации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2024. – № 3. – С. 112–123.

12. Марчукова А.В. Особенности гражданско-правовой ответственности участников корпорации // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 31. – С. 168–178.

13. Моськина М.Н. Юридическая ответственность единоличного исполнительного органа коммерческой организации // Наукосфера. – 2025. – № 2–2. – С. 145–149.

14. Пашкова Д.А. Правовая природа страхования ответственности директоров российских компаний // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7(235). – С. 324–327.

15. Попельнюх А.А., Сидорова Д.П. Страхование ответственности директора как способ решения проблемы его гражданско-правовой ответственности // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2022. – № 5(69). – С. 559–562.

16. Рахманова А.Е. Ответственность единоличного исполнительного органа в корпорации в России и в США // Юстиция. – 2024. – № 3. – С. 66–69.

17. Романчук С.В., Безуглый Р.В. Спорные аспекты возмещения убытков и ответственность генерального директора юридического лица // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2023. – Т. 9, № 4(36). – С. 104–121.

18. Рыбьянов А.А. Особенности гражданско-правовой ответственности лиц, входящих в коллегиальный исполнительный орган корпорации // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 1(193). – С. 99–101.

19. Рюхтина Д.И. Корпоративная и субсидиарная ответственность членов коллегиальных органов юридических лиц // Новые научные исследования. – 2024. – С. 110–114.

20. Синглеева Б.А., Панин А.В., Аксенов И.Ч. и др. Ответственность единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью по законодательству Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2023. – № 4(63). – С. 53–58.

21. Степанов Д.А. Добросовестность и разумность как предпосылки, предопределяющие обращение к институту страхования ответственности директора // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. – 2023. – С. 107–113.

22. Стыценко Р.А. Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа коммерческой корпорации // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития. – 2022. – С. 155–160.

23. Суханова Е.Д. Механизмы гражданско-правовой ответственности в корпоративных правоотношениях // Право и правосудие в современном мире. – 2023. – С. 1130–1133.

24. Титенко Ю.А., Дорофеев И.А. Институт страхования гражданской ответственности // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5(233). – С. 356–358.

25. Урубков М.М., Працко Г.С. Проблемы ответственности единоличного исполнительного органа акционерного общества // Оригинальные исследования. – 2025. – Т. 15, № 8. – С. 146–150.

26. Филиппова А.Д. Общие проблемы ответственности директоров // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2025. – № 3(103). – С. 222–226.

27. Харисова Э.Г. Проблемы страхования ответственности директоров корпораций // Развитие общества и науки в современных условиях. – 2023. – С. 73–78.

28. Хлыстова Д.А. К вопросу о гражданско-правовой и публично-правовой ответственности единоличного исполнительного органа корпорации // Тенденции частноправового и публично-правового взаимодействия. – 2023. – С. 43–48.

29. Хлыстова Д.А. Ответственность единоличного исполнительного органа корпорации в разъяснениях Верховного суда Российской Федерации // Право и правосудие в современном мире. – 2022. – С. 161–166.

30. Чистов А.П. К вопросу о привлечении единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью к гражданско-правовой ответственности // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – № 4. – С. 326–332.

CIVIL LIABILITY OF THE SOLE EXECUTIVE BODY OF A CORPORATION AS AN OBJECT OF INSURANCE PROTECTION IN RUSSIAN LAW

Shadrov A.S., Pashentsev D.A.

The article examines the issues of insuring the civil liability of the sole executive body of a corporation in the context of current Russian legislation. The theoretical foundations of this institution are analyzed, legal gaps and contradictions hindering its effective application are identified. The criteria of good faith and reasonableness of director's conduct, mechanisms of protection against unjustified liability are considered. Proposals for improving the regulatory framework for insurance protection of business entity executives are formulated.

Keywords: sole executive body; civil liability; directors and officers liability insurance; corporate law; good faith and reasonableness; damages; business judgment rule.

References

1. Abakumova E.B. On the Principle of Independence of Responsibility of the General Director of a Business Entity // Bulletin of Surgut State University. – 2021. – № 3 (33). – P. 70–75.

2. Agafonova E.A. Responsibility of the Sole Executive Body as an Element of Legal Status // Science Through the Prism of Time. – 2021. – № 10 (55). – P. 25–27.

3. Vodolagin S.V. Legal Liability of Organization Heads: Russian Prospects Taking into Account Foreign Experience // Property Relations in the Russian Federation. – 2021. – № 5 (236). – P. 85–95.

4. Gubenko A.A., Gubenko V.G. On the Issue of Determining the Civil-Law Status of the Executive Body of a Business Entity // Modern Trends in the Development of Management and Production in the Context of Digitalization. – 2024. – P. 341–343.

5. Zhidovkina N.A., Rabets A.P. Limits of Liability of the Sole Executive Body of a Corporation // Trends in the Development of Science and Education. – 2021. – № 72–6. – P. 46–52.

6. Kiparenko A. Yu. Limits of the Doctrine of Protection of Business Decisions in Russian Corporate Law // Jurisprudence: Current Issues of Theory and Practice. – 2023. – P. 18–20.

7. Kislov S.A. Liability of Bodies of Business Entities and Ways to Minimize It // Property Relations in the Russian Federation. – 2025. – № 2(281). – P. 82–90.

8. Kovzunova A.P. Methods of Protecting a Director from Civil Liability for Damages Caused to a Corporation // Science Bulletin. – 2023. – Vol. 4, № 7(64). – Pp. 125–138.

9. Kozina E.A., Korol M.R. Civil Liability of the Sole Executive Body of a Business Entity: Relationship with Labor and Tax Law Institutions // Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2024. – № 8(120). – Pp. 191–199.

10. Kritsky I.G. Liability Insurance as a Mechanism for Allocation of Civil Risks // Science and Practice: Current Issues, Achievements, and Innovations. – 2025. – Pp. 132–134.

11. Levashov V.K. Protection of Corporate Rights from Unreasonable and Unfair Actions of the Executive Bodies of a Corporation // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. – 2024. – № 3. – Pp. 112–123.

12. Marchukova A.V. Features of Civil Liability of Corporation Participants // Questions of Russian Justice. – 2024. – № 31. – Pp. 168–178.

13. Moskina M.N. Legal Liability of the Sole Executive Body of a Commercial Organization // Naukosphere. – 2025. – № 2–2. – Pp. 145–149.

14. Pashkova D.A. Legal Nature of Liability Insurance of Directors of Russian Companies // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – № 7(235). – Pp. 324–327.

15. Popelnyukh A.A., Sidorova D.P. Director's Liability Insurance as a Way to Solve the Problem of His Civil Liability // Skif. Issues of Student Science. – 2022. – № 5 (69). – P. 559–562.

16. Rakhmanova A.E. Liability of the Sole Executive Body in a Corporation in Russia and in the USA // Justice. – 2024. – № 3. – P. 66–69.

17. Romanchuk S.V., Bezugly R.V. Controversial Aspects of Compensation for Losses and the Liability of the General Director of a Legal Entity // Bulletin of Tyumen State University. Social, Economic and Legal Research. – 2023. – Vol. 9, № 4 (36). – P. 104–121.

18. Rybyanov A.A. Features of civil liability of persons included in the collegial executive body of a corporation // Law and state: theory and practice. – 2021. – № 1 (193). – P. 99–101.

19. Ryukhtina D.I. Corporate and subsidiary liability of members of collegial bodies of legal entities // New scientific research. – 2024. – P. 110–114.

20. Singleeva B.A., Panin A.V., Aksenov I.Ch., et al. Liability of the sole executive body of a limited liability company under the legislation of the Russian Federation // Eurasian Advocacy. – 2023. – № 4 (63). – P. 53–58.

21. Stepanov D.A. Good faith and reasonableness as prerequisites predetermining the appeal to the institution of director's liability insurance // Problems of modern legislation of Russia and foreign countries. – 2023. – P. 107–113.

22. Stytsenko R.A. Civil Liability of the Sole Executive Body of a Commercial Corporation // Private Law of the Russian Federation: History, Current State, Trends and Development Prospects. – 2022. – P. 155–160.

23. Sukhanova E.D. Mechanisms of Civil Liability in Corporate Legal Relations // Law and Justice in the Modern World. – 2023. – P. 1130–1133.

24. Titenko Yu.A., Dorofeev I.A. Institute of Civil Liability Insurance // Agrarian and Land Law. – 2024. – № 5(233). – P. 356–358.

25. Urubkov M.M., Pratsko G.S. Problems of Liability of the Sole Executive Body of a Joint-Stock Company // Original Research. – 2025. – Vol. 15, № 8. – P. 146–150.

26. Filippova A.D. General problems of directors' liability // Skif. Issues of student science. – 2025. – № 3(103). – P. 222–226.

27. Kharisova E.G. Problems of insurance against Responsibility of corporate directors // Development of society and science in modern conditions. – 2023. – Pp. 73–78.

28. Khlystova D.A. On the issue of civil and public liability of the sole executive body of a corporation // Trends in private and public law interaction. – 2023. – Pp. 43–48.

29. Khlystova D.A. Responsibility of the sole executive body of a corporation in the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation // Law and justice in the modern world. – 2022. – Pp. 161–166.

30. Chistov A.P. On the issue of bringing the sole executive body of a limited liability company to civil liability // Issues of sustainable development of society. – 2021. – № 4. – Pp. 326–332.

Правовые аспекты ограничения размеров ответственности экспедитора за убытки, понесенные клиентом

Шелков Антон Сергеевич,
аспирант, кафедра гражданского права и процесса,
Образовательное частное учреждение высшего образования
«Международный юридический институт»
E-mail: shelkov-anton@mail.ru

В период адаптации Российской Федерации к новым экономическим условиям, текущих процессов замещения импортных товаров на отечественных производителей наблюдается общее снижение объёмов выручки различных транспортно-экспедиционных компаний, в особенности прямых перевозчиков. При названных обстоятельствах коммерческие организации вынуждены идти на различные меры, связанные со снижением валового размера расходов (убытков), в частности применяя различные правовые инструменты, направленные на ограничение собственных размеров ответственности. В статье отмечены существующие в практике логистического рынка методы, направленные на снижение риска возникновения потенциальных убытков, описаны способы их реализации, дана оценка их законности, приведена судебная практика правоприменения.

Ключевые слова: ответственность субъектов транспортно-экспедиционной деятельности, железнодорожные и автомобильные перевозки, объявленная ценность груза, требования к таре и упаковке груза, проверка вложений груза.

Введение

Современная организация транспортной системы России стоит в числе приоритетных задач государств [21]. В Транспортной стратегии до 2030 года [15]. подчеркивается, что успешная работа транспортного комплекса страны во многом зависит от качественного правового регулирования связанных с ней общественных отношений. Актуальность анализа правовых аспектов ограничения размеров ответственности экспедитора за убытки в транспортной сфере обусловлена как процессами обновления транспортного законодательства и реформированием отрасли [20] так и разработкой концепции Транспортного кодекса РФ, так и наличием противоречивой судебной практики и отсутствием единообразного подхода законодателя по отношению к регламентированным нормам [6].

Текущий период развития общественных отношений в контексте рассмотрения проблематики правового регламентирования ответственности субъектов транспортно-экспедиционной деятельности наполнен рядом правовых коллизий, которые по-разному, порой противоречиво трактуются судебной системой.

В настоящей работе используются методы формально-юридического анализа, систематического толкования нормативных правовых актов, обобщения судебной практики и сравнительно-правового исследования.

Ограничение ответственности экспедитора в связи с ненадлежащей упаковкой груза

Следует начать рассмотрение темы с ситуаций, связанных с последствиями предъявления грузов к перевозке в ненадлежащей упаковке, как наиболее частому явлению ограничения размеров ответственности экспедитора. Согласно общим правилам, грузы, подлежащие упаковыванию, обязаны представляться для перевозки в исправной упаковке, гарантирующей безопасность движения транспорта, сохранность самих товаров и транспортного средства (статья 18 Устава железнодорожного транспорта [17], статья 139 Кодекса торгового мореплавания [5], статья 69 Кодекса внутреннего водного транспорта [4], статья 10 Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта [16]). Технические требования к упаковочным материалам и стандартам качества товара устанавливаются соответствующими нормативными актами – стандартами и техническими условиями. Перевозчик освобождается от обязательств по возмещению ущерба в связи с потерей груза из-за недостатков упаковки лишь тогда, когда докажет невозможность выявления повреждений при визуальном осмотре перед отправкой груза.

Ст. 10 Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта недостаточно регламентирует обязанность грузоотправителя по предварительной подготовке груза к перевозке, отмечая при этом, что упаковка должна обеспечить его безопасную транспортировку, исключая возможные имущественные риски.

При этом отсутствует какая-либо конкретная информация в отношении данной процедуры, а именно нет ответа на вопросы в части формальных требований к упаковке груза, его маркировке и закреплению в подвижном составе. Ответ на то, как соблюсти возложенные на отправителя обязанности по подготовке груза к перевозке и минимизировать риски хищений и повреждений, а также облегчить процесс идентификации и обработки груза на всём пути следования, приходится искать в иных нормативных актах, а ряд вопросов фрагментировано раскрывается лишь путем изучения актуальной практики правоприменения.

В ранее действовавшей редакции Правил перевозок грузов автомобильным транспортом от 2011 года [9] более подробно описывался процесс предъявления груза к перевозке в отличии от редакции 2020 года [10]. В соответствии с пунктом 26 Правил, товары, которым необходима упаковка для защиты от потерь, утраты, порчи либо повреждений в процессе транспортировки, подлежат предоставлению перевозчику в исправной упаковке, соответствующей требованиям государственных стандартов или технических условий.

Если правилами прямо не предусмотрен вид тары, грузы принимаются в подходящей исправной упаковке, способствующей полной сохранности.

Клиент (отправитель груза) отвечает за все возникшие вследствие собственных действий обстоятельства повреждения груза в связи с неправильным размещением внутренних слоев упаковки (например, бой, повреждение, деформация, протекание), а также за использованием упаковки и тары, несоответствующих характеристикам груза, его массе или утвержденным стандартам и техническим регламентам (пункт 28 Правил перевозки грузов).

Пункт 30 Правил автомобильных перевозок требует, чтобы груз, передаваемый для доставки, был заранее должным образом подготовлен, аккуратно упакован и размещён в подходящую тару, которая строго соответствует установленным стандартам, инструкциям и прочим официальным документам, регулирующим характеристики и правила обращения с данным видом груза, а также используемой упаковочной продукцией.

В соответствии с действующими Правилами перевозки грузов, закрепленными в пункте 50, возложена обязанность на отправителя (или фрахтователя) осуществлять погрузочные мероприятия, касающиеся перемещения груза внутрь транспортного средства или контейнера. Аналогичным образом обязанности по разгрузке, связанной с извлечением груза из автомобиля или контейнера, лежат на получателе груза, если стороны не договорились об ином порядке действий. Такая норма дублируется и в статье 11, пункте 8 Устава автомобильного транспорта, что подтверждает универсальность указанного подхода к распределению ответственности за процессы загрузки и выгрузки груза.

В нормативной базе, регулирующей доставку товаров, зафиксировано каким именно образом перевозимые объекты должны располагаться в кузове или контейнере. Так, согласно пунктам 51 и 52 указанных Правил, важно учитывать необходимость надежной фиксации груза, исключающей возможность его смещения или падения в ходе перевозки. Только грамотное распределение нагрузки и обеспечение устойчивых крепежных элементов позволят гарантировать безопасную доставку груза, исключить повреждение имущества перевозчика и третьих лиц, а также защитить сам груз от случайных механических воздействий и разрушения. Товары, загрузка которых производится с применением техники, как правило, оснащены захватными деталями – петлями, проушинами, выступающими частями, – рассчитанными на фиксацию подъёмными устройствами.

Изложенное позволяет заключить: выбор упаковки и вида тары для отправляемого товара – сфера ответственности отправителя, прямо определённая законодателем.

Статья 796 Гражданского кодекса устанавливает, что при утрате товара или багажа, принятых с объявленной стоимостью, перевозчик возмещает ущерб именно в пределах заявленной суммы. Тождественная норма воспроизведена в каждом из отраслевых транспортных законов (ст. 119 КВВТ[4], ст. 169 КТМ [5], ст. 119 ВК [1], ст. 34 УАТиГЭТ [16]).

Статья 16 Устава железнодорожного транспорта (УЖТ) предоставляет отправителю возможность указать стоимость отправляемого товара; доставка в таком случае подчиняется нормам Правил перевозок грузов железнодорожным транспортом [14]. Обязательному объявлению ценности подлежат драгоценные металлы, изделия из них, предметы искусства и грузы личного пользования.

В настоящее время при осуществлении перевозки груза с установленной объявленной стоимостью отправителю может начисляться дополнительный платеж (объявление ценности), величина которого регулируется тарифными ставками перевозчика. При этом, имеет место оговорка, вступающая в конфликт с другой нормой законодательства – п. 14 Правил предъявления и рассмотрения претензий [13]. Она гласит, что если перевозчик сможет подтвердить превышение заявленного размера оценки над действительной стоимостью груза, то расчет компенсации ущерба происходит согласно определенной рыночной стоимости товара, а не объявленной ценности груза.

Данное положение отсутствовало в Уставе железных дорог 1964 года, где предусматривалась экспертиза в случае разногласий между грузоотправителем и станцией отправления. В ныне действующем Уставе и Правилах механизм определения действительной стоимости груза не оговорен, что создает правовую неопределенность и противоречие федеральному закону [2].

Высший Арбитражный Суд РФ не согласен с указанной точкой зрения. В пункте 38 Постановления Пленума от 6 октября 2005 года № 30 [8] указано, что если обнаруживается несоответствие между объявленной грузоотправителем стоимостью груза и его реальной стоимостью, арбитражный суд может оценить действия грузоотправителя как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ). Это позволяет суду пересмотреть обоснованность требований грузоотправителя к перевозчику, основанных на объявленной стоимости груза.

Верховный суд рассматривал дело № 309-ЭС20–22227 [7], касающееся вопроса о том, несет ли экспедитор ответственность за повреждение груза, превышающее его объявленную ценность. В данной ситуации ключевым аспектом является связь между объявленной стоимостью груза и стоимостью его доставки: чем вышеуказанная ценность, тем больше плата за перевозку. Таким образом, занижение стоимости груза позволяет грузоотправителю снизить транспортные расходы, но одновременно увеличивает риск получения меньшего возмещения в случае повреждения груза. Это означает, что объявленная ценность выступает своего рода балансом между затратами на доставку и гарантиями компенсации при наступлении страхового случая.

Представляется, что обратной стороной объявления экспедитору заниженной стоимости груза является риск уменьшения гарантированного возмещения за повреждение груза. С другой стороны, возможны ситуации при которых сторона исполнения транспортных услуг заведомо определяют размер объявленной ценности груза на основании единицы грузового места, веса или объёма, что может быть закреплено как в Пользовательском соглашении, так и в договоре или транспортном документе. При этом, суды практически всегда применяют в таком случае объявленную ценность как согласованное сторонами условие.

Основываясь на нормах ст. ст. 15, 393 ГК РФ, ст. 7 Закона № 87-ФЗ, судебная практика приходит к выводу о том, что для надлежащего обоснования своих требований о взыскании стоимости груза истец должен доказать наличие убытков, факт ненадлежащего исполнения ответчиком своих обязательств, причинно-следственную связь между действиями исполнителя и причиненными убытками, а также размер убытков.

Объявленная ценность груза как механизм ограничения ответственности

Аналогичные условия привлечения к ответственности – наличие действительного договора, факт нарушения обязательств, наступление реального ущерба и причинно-следственная связь между нарушением и убытками – признаются фундаментальными требованиями в различных правовых системах, включая сферу международного морского права [19].

Судебная практика показывает, что если стороны договора установили объявленную ценность груза при передаче его экспедитору (например, в экспедиторской расписке или других сопроводительных документах), суды обычно присуждают возмещение убытков в размере объявленной ценности даже в тех случаях, когда эта сумма значительно ниже реальной рыночной стоимости груза.

Приверженность подобной позиции судей неоднократно демонстрировалась в различных арбитражных делах. Среди примеров можно назвать следующие судебные акты: постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 10 марта 2009 года (№ Ф09–868/09-С5), постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 25 февраля 2014 года (№ 07АП-304/14) [11], постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 31 января 2013 года (№ Ф07–8339/12), постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 марта 2015 года (№ 17АП-1443/15); постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 июля 2021 года (№ 13АП-15982/2021).

Соотношение правил полного и ограниченного возмещения убытков

Нарушение законных интересов гражданина или юридического лица влечет возникновение его права требовать полного возмещения убытков. Такой важный постулат сформулирован законодательно в Гражданском кодексе Российской Федерации, а именно в пункте 1 статьи 15. Согласно этому положению, потерпевшая сторона имеет право требовать покрытия всех убытков, возникших в результате нарушения её прав другим лицом. Лица, виновные в нарушении чужих прав, несут обязанность возместить убытки в полном объеме, включая реальный ущерб и упущенную выгоду.

Несмотря на общее правило о полном покрытии убытков, законодатель предусмотрел ряд случаев, позволяющих отступить от этого. Так, возмещение вреда может быть ограничено определенным лимитом, если такая позиция прямо установлена особым нормативно-правовым актом или отражена в соглашении сторон сделки.

Таким образом, общий порядок предполагает полное покрытие всех видов убытков, однако возможны ситуации, когда действующее законодательство или условия конкретного договора позволяют ограничить объем компенсаций.

Согласно пункту 3 части 1 статьи 7 Федерального закона «О транспортно-экспедиционной деятельности», экспедитор обязан компенсировать клиенту реальный ущерб, вызванный повреждением или порчей груза, принятого для перевозки с указанием его объявлен-

ной ценности. Размер возмещения составляет сумму, на которую снизилась объявленная ценность груза, а в случае невозможности ремонта или восстановления – полную объявленную ценность груза. Такая же норма предусмотрена абзацем 3 пункта 2 статьи 796 Гражданского кодекса Российской Федерации, где указывается аналогичная ответственность перевозчика перед владельцем груза.

Образуется правовая коллизия между Гражданским кодексом (ГК) и Федеральным законом «О транспортно-экспедиционной деятельности». ГК предусматривает полную компенсацию убытков, в то время как ФЗ ограничивает размер возмещения объявленной ценностью груза.

Вместе с тем, статья 11 ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» допускает возможность установления в договоре более высокого уровня ответственности экспедитора, чем установленный законом. При этом любые соглашения об освобождении экспедитора от имущественной ответственности или снижении ее размера считаются недействительными.

Данная мера направлена на предотвращение злоупотреблений со стороны экспедиторов, которые могли бы попытаться полностью нивелировать ответственность перед клиентами, особенно теми, кто менее осведомлён о правовых аспектах отношений. Это означает, что любые попытки экспедитора зафиксировать в контракте условия, частично или полностью снимающие с него обязательства перед клиентом, автоматически становятся ничтожными ввиду очевидного противоречия с установленными правовыми нормами.

Так, нельзя говорить, что подобная реализация нормы закона обеспечивает баланс интересов участников рынка грузоперевозок, которая должна быть призвана защищать слабую сторону – грузоотправителя – от возможных рисков, связанных с недобросовестным поведением экспедитора.

Принцип lex specialis derogat legi generali состоит в том, что специальный акт имеет преимущество перед нормой общего характера. Данный принцип берет своё начало ещё в древнеримских традициях права.

Конституционный суд разъяснил, что в случае столкновения двух федеральных законов равной значимости приоритет отдаётся тому, который вступил в силу позже (принцип lex posterior derogat priori). Однако, названный выше принцип отмечает главенство специальной нормы, без связи с хронологической последовательностью публикации нормативных актов.

Тем не менее, независимо от хронологии – приоритет отдается соответствующей специальной норме. Из этого следует вывод, что при выявлении расхождений в трактовке законодательства судебная инстанция обязана руководствоваться именно специальной нормой, непосредственно относящейся к предмету спора, даже если данная норма старше общего акта.

Применяя изложенный выше подход, можно прийти к выводу, что в данном случае ответственность экспедитора за повреждение груза ограничивается рамками объявленной ценности. Причина заключается в том, что Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» выступает специализированным актом, направленным на урегулирование отношений в сфере транспортной экспедиции, и потому имеет преимущество перед общими нормами Гражданского кодекса Российской Федерации. Следовательно, применяемая ответственность должна соответствовать именно специальному законодательству, устанавливающему пределы возмещения убытков в рамках объявленной ценности груза [3].

Проверка содержимого внутритарных вложений груза

Особое внимание заслуживает исследование вопроса относительно проверки содержимого внутритарных вложений груза. Железнодорожный перевозчик имеет право проверять данные, указанные грузоотправителем в накладной, включая вес груза, который может быть подтвержден выборочным взвешиванием (ст. 27 УЖТ). Для отслеживания перемещения груза используются контрольные документы: дорожная ведомость и накладная, следующие с грузом до станции назначения, где остаются основные документы, а корешок ведомости хранится на станции отправления. При перевозке контейнеров применяется специальная форма накладной, учитывающая особенности данного вида транспортировки.

Железнодорожный перевозчик наделяется правом контроля и проверки предоставленных отправителем сведений с двойственной целью: с одной стороны, защита общественных интересов путём предотвращения угроз безопасности эксплуатации железнодорожной инфраструктуры, а с другой – реализация мер государственного надзора, направленных на поддержку экономической стабильности естественных монополий отрасли. Правовая основа для осуществления подобного контроля заложена в статьях 98 и 111 Устава железнодорожного транспорта, предусматривающих меры воздействия на случаи недостоверного декларирования наименования груза, особенностей его транспортировки, свойств и качеств, что способно привести к занижению стоимости провозных платежей или создать угрозу возникновению опасных ситуаций, негативно сказывающихся на безопасности движения поездов и функционировании железнодорожных путей. Дополнительной функцией контрольных мероприятий является предупреждение попыток отправки запрещённых для перевозки железнодорожным транспортом предметов и веществ.

Применительно к автотранспортной сфере три ключевых нормативных акта – документ о транспортно-экспедиционной деятельности 2006 года, регламент автомобильной доставки товаров 2020 года [10] и Устав автомобильного транспорта – не фиксируют данное правомочие напрямую.

Тем не менее часть 4 статьи 4 Федерального закона № 87-ФЗ обязывает экспедитора, принимая отправление, убедиться в достоверности полученных от заказчика данных о свойствах товара и условиях его доставки, существенных для полноценного выполнения экспедиционного соглашения.

Эти изменения были введены одновременно с принятым в 2016 году комплексом поправок [18].

Формулируя позицию по вопросам проверки сведений о грузе, судебные инстанции исходят из следующего понимания:

1. За экспедитором не закреплено обязанности проверки как содержания внутритарного вложения, так и его действительной стоимости. Основной задачей закона является недопущение перевозки запрещенных или условно разрешенных грузов, угрожающих общественным интересам и безопасности. Поэтому главная функция экспедитора сводится к контролю характеристик груза и отсутствии объективных препятствий для его перевозки.

2. Проверка данных, проводимая экспедитором, не подразумевает определение подлинной стоимости груза. Его обязательства считаются исполненными после подтверждения соответствия названия груза, его специфики и условий транспортировки. Вопрос определения стоимости груза и представления подтверждающих документов целиком лежит на клиенте.

Таким образом, Федеральный закон № 87-ФЗ и условия договора транспортной экспедиции не возлагают на экспедитора обязанностей по определению наименования, ассортимента или стоимости груза [9].

Систематизация оснований ограничения ответственности и оценка баланса интересов сторон

Следовательно, параллельно сосуществуют две нормы специального закона: 1) запрет снижения размера ответственности ниже установленного законом; 2) определение размера ответственности Экспедитора в случае объявления ценности груза в соответствии с заявленной стоимостью.

При данной трактовке, формальной приоритет отдается норме об объявленной ценности (если такая применена в отношениях сторон). При данных обстоятельствах не оцениваются реальные возможности установления равных рыночных условий для обеих сторон договора. А сформировавшееся за последнее время судебная практика фиксирует следующую картину: злоупотребление со стороны клиента по завышению стоимости груза будут трактоваться в пользу экспедитора, в то время как действия экспедитора по присоединению клиента к типовым условиям от которых он не может отказаться – почти никогда не трактуются в практике как сделка на крайне невыгодных условиях в значении п. 3 ст. 179 ГК РФ.

В свою очередь, сторона исполнения транспортных услуг хоть и является стороной договора, на которой лежит бремя полной материальной ответственности за сохранность груза, а также закреплено правило об ответственности без вины как для субъекта коммерческих отношений. Тем не менее, субъекты транспортно-экспедиционной деятельности в полной мере могут применять заложенные законом и действующей судебной практикой инструменты по снижению размеров ответственности. В частности, имея право ссылаться на следующие три группы оснований:

1. прием груза без проверки наименования, ассортимента, количества и качества (снимая с себя перспективы ответственности за внутритарное повреждение груза);

2. прием груза к перевозке в ненадлежащей упаковке / таре (при должной фиксации таких обстоятельств);

3. Указание объявленной ценности груза, заранее ограничивающей возможный объём ответственности.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, сохраняется потребность во внесении изменений в действующее федеральное законодательство, в целях обеспечения равенства сторон гражданских правоотношений. Для ис-

ключения возможных ситуаций по злоупотреблению правом следует более подробно описать требования к процедуре приемки груза, качеству транспортировочной упаковки, а также ограничить возможности объявления ценности груза заведомо ниже его реальной рыночной стоимости.

Литература

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. N 60-ФЗ // СЗ РФ от 24 марта 1997 г. № 12

2. Договоры в предпринимательской деятельности / отв. ред. Е.А. Павлодский, Т.Л. Левшина; Ин-т законод. и сравнит. правоведения. М.: Статут, 2008. 509 с.

3. Житин, А.П., Красноярова, Н.И. Ответственность экспедитора при оказании услуг во внутрироссийских сообщениях // Таврический научный обозреватель. 2016. № 6 (11). С. 162–165.

4. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. N 24-ФЗ // СЗ РФ от 12 марта 2001 г. № 11

5. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. N 81-ФЗ // СЗ РФ от 3 мая 1999 г. № 18

6. Мельников, В.С., Мельникова, Ю.В. Транспортное законодательство и транспортное право // Образование и право. 2021. № 3. С. 108–111. DOI 10.24412/2076–1503–2021–3–108–111. EDN VNFIGT.

7. Определение Верховного Суда РФ от 20 апреля 2021 г. по делу № А76–4138/2019 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/nXcivNU9AAZC/ (Дата обращения: 12.02.2026)

8. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 октября 2005 г. № 30 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации»» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 1.

9. Постановление Правительства РФ от 15.04.2011 № 272 «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом»

10. Постановление Правительства РФ от 21 декабря 2020 г. № 2200 (в ред. от 30 декабря 2022 г.) «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом и о внесении изменений в пункт 2.1.1 Правил дорожного движения Российской Федерации».

11. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 25 февраля 2014 г. № 07АП-304/14 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b7ea9483-d875–49a6-b792–555d66c0a1bc/eebf7f45–6289–4530-aa75–0f2a42116f6a/A45–14069–2013_20140226_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Дата обращения: 12.02.2026)

12. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 сентября 2022 г. по делу № А56–62283/2021 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5e7eccad-417e-4c20–8d5d-bb6c613051c4/6476d0f0-a3ff-4a22–9e35-f4c317dc5467/A56–62283–2021_20220922_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (Дата обращения: 12.02.2026)

13. Приказ Министерства транспорта РФ от 31 марта 2016 г. N 84 «Об утверждении Правил предъявления и рассмотрения претензий при перевозке грузов, порожних грузовых вагонов, не принадлежащих перевозчику, железнодорожным транспортом»

14. Приказ Минтранса России от 15.08.2019 N 267 «Об утверждении Правил перевозок железнодорожным транспортом грузов с объявленной ценностью» (Зарегистрировано в Минюсте России 13.01.2020 N 57125)

15. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 г. / Распоряжение правительства РФ от 22.11.2008 г. № 1734-р, текст документа изменен Распоряжением от 27.11.2021 г. № 3363-р

16. Федеральный закон «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» от 08.11.2007 N 259-ФЗ (ред. от 24.07.2023 N 366-ФЗ) // СЗ РФ от от 12 ноября 2007 г. N 46 ст. 5555

17. Федеральный закон «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» от 10.01.2003 № 18-ФЗ

18. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. N 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ от 29 июня 2016 года N 374-ФЗ

19. Gandomkar, R.H., Al-Abboodi, Y.A.I. Condition for the Fulfillment of the Liability of the Maritime Carrier in the Contract of Carriage of Goods: A Comparative Research Among Iraqi Law, and the Rotterdam Convention of 2008 // TPM – Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology. 2025. Vol. 32, S5. P. 1203–1213.

20. Krasnikov, A., Simonov, V., Boykov, S. Features of development of a digital twin of the transport system of an urban area using simulation modeling methods // E3S Web of Conferences. 2024. Vol. 535. Art. 04004. DOI 10.1051/e3sconf/202453504004.

21. Rybak, V., Kryanev, Y., Shichkin, I., Livson, M. State regulation as a comprehensive mechanism for the sustainable development of territories // Revista Juridica. 2023.№ 1. P. 831–844.

LEGAL ASPECTS OF LIMITING A FREIGHT FORWARDER'S LIABILITY FOR DAMAGES INCURRED BY A CLIENT

Shelkov A.S.
International Law Institute

As the Russian Federation adapts to new economic conditions and continues to replace imported goods with domestically produced ones, a general decline in revenue has been observed among various freight forwarding companies, particularly direct carriers. Under these circumstances, commercial organizations are forced to take various measures to reduce their gross expenses (losses), specifically by employing various legal instruments aimed at limiting their own liability. This article outlines existing logistics market practices aimed at mitigating the risk of potential losses, describes methods for their implementation, assesses their legality, and provides case law on their enforcement.

Keywords: responsibility of subjects of transport and forwarding activities, rail and road transport, declared value of cargo, requirements for containers and packaging of cargo, verification of cargo contents.

References

1. Air Code of the Russian Federation of March 19, 1997, No. 60-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation of March 24, 1997, No. 12

2. Contracts in Entrepreneurial Activity / eds. E.A. Pavlodsky, T.L. Levshina; Institute of Legislative and Comparative Law. Moscow: Statut, 2008. 509 p.

3. Zhitin, A. P., Krasnoyarova, N.I. Liability of the Freight Forwarder When Providing Services on Domestic Routes // Tavrichesky Scientific Observer. 2016. No. 6 (11). Pp. 162–165.

4. Inland Water Transport Code of the Russian Federation of March 7, 2001, No. 24-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation of March 12, 2001, No. 11

5. Merchant Shipping Code of the Russian Federation of April 30, 1999, No. 81-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation of May 3, 1999, No. 18

6. Melnikov, V.S., Melnikova, Yu.V. Transport Legislation and Transport Law // Education and Law. 2021. No. 3. Pp. 108–111. DOI 10.24412/2076–1503–2021–3–108–111. EDN VNFIGT.

7. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of April 20, 2021 in case No. A76–4138/2019 // URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/nXcivNU9AAZC/ (Accessed: February 12, 2026)

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of October 6, 2005 No. 30 "On Certain Issues of the Practice of Applying the Federal Law "Charter of Railway Transport of the Russian Federation"" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2006. No. 1.

9. RF Government Resolution No. 272 of April 15, 2011 "On Approval of the Rules for the Carriage of Goods by Road"

10. RF Government Resolution No. 2200 of December 21, 2020 (as amended on December 30, 2022) "On Approval of the Rules for the Carriage of Goods by Road and Amendments to Clause 2.1.1 of the Traffic Rules of the Russian Federation."

11. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal dated February 25, 2014 No. 07AP-304/14 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b7ea9483-d875–49a6-b792–555d66c0a1bc/eebf7f45–6289–4530-aa75–0f2a42116f6a/A45–14069–2013_20140226_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Accessed: February 12, 2026)

12. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated September 22, 2022 in case No. A56–62283/2021 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5e7eccad-417e-4c20–8d5d-bb6c613051c4/6476d0f0-a3ff-4a22–9e35-f4c317dc5467/A56–62283–2021_20220922_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (Accessed: 12.02.2026)

13. Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated March 31, 2016 No. 84 "On Approval of the Rules for Filing and Considering Claims during the Transportation of Cargo and Empty Freight Cars Not Owned by the Carrier by Rail"

14. Order Ministry of Transport of the Russian Federation dated August 15, 2019 No. 267 "On Approval of the Rules for the Transportation of Freight with Declared Value by Rail" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on January 13, 2020 No. 57125)

15. Transport Strategy of the Russian Federation through 2030 / Order of the Government of the Russian Federation dated November 22, 2008 No. 1734-r, text of the document amended by Order dated November 27, 2021 No. 3363-r

16. Federal Law "Charter of Automobile Transport and Urban Ground Electric Transport" dated November 8, 2007 No. 259-FZ (as amended on July 24, 2023 No. 366-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation dated November 12, 2007 No. 46, Art. 5555

17. Federal Law "Charter of Railway Transport of the Russian Federation" dated 10.01.2003 No. 18-FZ

18. Federal Law of July 6, 2016 No. 374-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Counteracting Terrorism" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Establishing Additional Measures to Counter Terrorism and Ensuring Public Safety" // Collected Legislation of the Russian Federation dated June 29, 2016 No. 374-FZ

19. Gandomkar, R.H., Al-Abboodi, Y.A.I. Condition for the Fulfillment of the Liability of the Maritime Carrier in the Contract of Carriage of Goods: A Comparative Research Among Iraqi Law and the Rotterdam Convention of 2008 // TPM – Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology. 2025. Vol. 32, S5. P. 1203–1213.

20. Krasnikov, A., Simonov, V., Boykov, S. Features of development of a digital twin of the transport system of an urban area using simulation modeling methods // E3S Web of Conferences. 2024. Vol. 535. Art. 04004. DOI 10.1051/e3sconf/202453504004.

21. Rybak, V., Kryanev, Y., Shichkin, I., Livson, M. State regulation as a comprehensive mechanism for the sustainable development of territories // Revista Juridica. 2023.№ 1. P. 831–844.

Сущностные грани осмысления детерминированности преступности

Арзамасов Владислав Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса «Московского государственного университета геодезии и картографии»
E-mail: arzamasov.vladislav@gmail.com

Бурмистров Игорь Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Юриспруденции» «Российского университета кооперации»
E-mail: bia962@yandex.ru

Голиков Олег Владиславович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Юриспруденции» «Российского университета кооперации»
E-mail: o.golikov@mail.ru

Иринчеев Валерий Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Юриспруденции» «Российского университета кооперации»
E-mail: v.irincheev@ruc.su

В статье исследуются фундаментальные аспекты детерминизма в криминологии и уголовном праве. Анализируются ключевые подходы к пониманию причинно-следственных связей в генезисе преступного поведения, систематизируются факторы детерминации преступности, оценивается их прикладная значимость для профилактики правонарушений.
Теоретическая основа. Методы. Теоретической основой исследования послужили научные работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам детерминированности преступности. Представленные исследования обобщают значительный массив информационных данных судебной практики и статистики, помогая в формулировании предложений по развитию и совершенствованию уголовной ответственности, а также профилактических мер для пресечения подобных преступлений.
Проблематика исследована авторами на основании общего диалектического метода познания с использованием общетеоретических методов (анализ, синтез, дедукция, индукция, логический, системный) и частнонаучных методов (формально – логический, юридический анализ).
Результаты исследования. Сущность данной работы заключается в определении фундаментальных аспектов детерминизма, необходимостью адаптации уголовного права и законодательства в целом к растущим вызовам времени и их реального обеспечения.
Обсуждение и заключение. Проблема детерминированности преступности занимает центральное место в криминологической науке и уголовном праве. Понимание механизмов, обусловливающих возникновение и воспроизводство преступных деяний, позволяет:
• формировать эффективную уголовную политику;
• разрабатывать превентивные меры;
• оптимизировать правоприменительную практику;
• прогнозировать криминологическую ситуацию.
Целью исследования служит комплексное осмысление сущностных граней детерминированности преступности в её теоретическом и прикладном измерениях. Поскольку детерминированность преступности – многомерный феномен, требующий междисциплинарного анализа:
1. Преступность детерминируется системой взаимосвязанных факторов на различных уровнях социальной реальности.
2. Причинно-следственные связи носят вероятностный характер, исключая фатализм в оценке преступного поведения.
3. Учёт детерминант необходим для:
• формирования сбалансированной уголовной политики;
• разработки адресных профилактических мер;
• гуманизации правоприменения.
Перспективы исследования связаны с:
• углублённым анализом цифровых детерминант преступности;
• изучением глобальных факторов криминогенеза;
• разработкой прогнозных моделей на основе Big Data.

Ключевые слова: детерминизм, преступность, криминологические детерминанты, причинность, профилактика преступлений, социальная детерминация.

Проблематика установления факторов, обусловливающих противоправное поведение, остается предметом научных дискуссий на протяжении всей истории развития человеческой цивилизации. Современная криминологическая наука уделяет особое внимание исследованию механизмов детерминации преступных проявлений в обществе. Данное направление научного познания приобретает все большую значимость в условиях трансформации социальных отношений и появления качественно новых форм криминальной активности.

Актуализация вопросов, связанных с выявлением детерминант преступности, обусловлена объективными потребностями общественного развития. Возрастающая общественная потребность в обеспечении безопасности граждан и эффективной защите от криминальных угроз требует глубокого понимания этиологии противоправных деяний. Именно поэтому криминологическое изучение причинного комплекса преступности представляет собой приоритетное направление как теоретических исследований, так и практической деятельности правоохранительных органов.

Важнейшей задачей современной науки является не только констатация криминогенных факторов, но и разработка действенных механизмов их нейтрализации. Своевременное обнаружение вновь возникающих детерминант преступного поведения позволяет реализовывать превентивные стратегии и предупреждать совершение общественно опасных деяний. Устранение криминогенных условий и обстоятельств, способствующих реализации преступных намерений, составляет основу профилактической деятельности государственных институтов.

В криминологическом дискурсе нередко наблюдается терминологическая неопределенность при характеристике причинного комплекса преступности. Концептуальная неясность в определении базовых категорий порождает методологические затруднения в процессе научного познания. Подобное смешение понятийного аппарата приводит к противоречивым результатам исследовательской работы и затрудняет формирование единой теоретической платформы.

Следствием указанной терминологической путаницы выступает двоякая ситуация в научной среде. С одной позиции, формируются чрезмерно расширительные интерпретации этиологии преступности, охватывающие необоснованно широкий спектр социальных явлений без должной дифференциации их криминогенного потенциала. С противоположной стороны, наблюдается неоправданное сужение исследовательского поля, искусственное ограничение научного поиска рамками отдельных концепций или подходов, что препятствует целостному пониманию детерминационного процесса.

Таким образом, вопрос о причинах и условиях преступности сохраняет свою фундаментальную значимость для криминологии и требует дальнейшего методологического совершенствования исследовательских практик.

Проблематика детерминации преступных проявлений в обществе представляет собой одну из фундаментальных категорий криминологической науки, требующую комплексного междисциплинарного подхода. Современная криминология как самостоятельная отрасль научного знания накопила значительный теоретический и эмпирический материал, позволяющий рассматривать этиологию преступности в контексте многофакторной детерминации.

При исследовании ключевых аспектов криминологической теории становится очевидным, что комплекс знаний о детерминантах преступного поведения выходит за пределы исключительно философской интерпретации данного феномена, адаптированной к специфике криминологической терминологии. Формирование целостной научной концепции этиологии противоправных деяний предполагает обязательный учёт их взаимосвязи с многочисленными детерминирующими обстоятельствами, включающими предпосылки, катализаторы, условия и иные факторы криминогенного характера.

Динамический характер социальных процессов обусловливает трансформацию криминогенных детерминант на различных исторических этапах общественного развития. В современных условиях этиологические факторы преступности приобретают качественно иные характеристики, существенно отличающиеся от тех, что наблюдались в предшествующие периоды, и демонстрируют специфические черты, присущие актуальному социально-экономическому контексту. Каждая историческая эпоха привносит собственную специфику в структуру и содержание причинного комплекса криминальных явлений.

Указанные обстоятельства обосновывают критическую значимость систематического и перманентного научного анализа как самой преступности, так и всей совокупности её детерминирующих факторов. Практическая необходимость подобного углублённого исследования, осуществляемого с позиций социологического анализа и учитывающего внутренние структурные противоречия криминальных проявлений, равно как и их взаимодействие с внешней социальной средой, диктуется императивами реальной общественной практики и потребностями эффективной правоприменительной деятельности.

В современной криминологической науке исследование детерминант преступного поведения требует комплексного методологического подхода, основанного на диалектическом понимании причинно-следственных отношений. Специфика криминологического познания заключается в необходимости учитывать многоуровневую природу взаимодействия социальных факторов, влияющих на состояние правопорядка.

Проведение научного анализа генезиса преступности неизбежно предполагает обращение к категориям причинности и детерминации. Однако методологически неверным является сведение всего многообразия криминогенных факторов исключительно к линейным причинно-следственным зависимостям. Признание значимости каузальных связей в криминологическом исследовании не должно трансформироваться в их методологическую абсолютизацию, поскольку подобный редукционизм противоречит системному характеру социальных явлений.

Противоположная методологическая ошибка заключается в недостаточном внимании к причинным механизмам криминогенеза. Игнорирование или минимизация роли причинно-следственных отношений в структуре криминологического знания чревато серьезными познавательными искажениями. Такой подход способствует фрагментации научного знания, искусственному обособлению отдельных криминогенных феноменов от целостной системы социальных взаимосвязей. Результатом становится утрата понимания системного характера преступности как сложного социально-правового явления, существующего в многомерном пространстве общественных отношений.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении категорий «причина» и «условие» в криминологическом анализе. Традиционное противопоставление этих понятий не всегда является продуктивным с точки зрения исследовательской практики. В реальных социальных процессах наблюдается диалектическое единство причинных факторов и обстоятельств, создающих условия для их реализации. Данные элементы криминогенного комплекса функционируют не изолированно, а образуют интегрированную систему взаимообусловленности.

В конкретных криминологических ситуациях причины и следствия демонстрируют органическое единство, формируя целостный механизм детерминации преступного поведения. Более того, в процессе развития криминогенной ситуации происходит постоянная трансформация ролей: вчерашнее следствие может становиться причиной новых правонарушений, образуя криминогенные цепочки и круговые зависимости. Подобная взаимопревращаемость элементов причинного комплекса создает значительные трудности для однозначной классификации конкретных факторов.

Таким образом, методологически обоснованный подход к изучению этиологии преступности предполагает одновременный анализ как причинных факторов, так и порождаемых ими последствий. Криминологическое исследование должно охватывать весь спектр детерминант, включая их обратное воздействие на социальную среду. Только при таком комплексном подходе возможно формирование адекватного научного представления о механизмах воспроизводства преступности и разработка эффективных мер криминологической профилактики, основанных на глубоком понимании всей системы криминогенных взаимосвязей в обществе.

В теории уголовного права и криминологической науке фундаментальное значение имеет вопрос о детерминации преступного поведения, который требует глубокого анализа факторов, обусловливающих криминальную активность. Исследование этиологии преступности предполагает дифференцированный подход к пониманию различных категорий детерминирующих обстоятельств.

Представитель отечественной науки уголовного права Н.А. Стручков обоснованно указывал на психологическую природу механизма преступного поведения, подчеркивая, что любые внешние факторы, стимулирующие криминальную активность индивида, объективно проходят через процесс внутренней трансформации в его сознании, преобразуясь в волевые импульсы и мотивационные установки. Иными словами, детерминанты преступного деяния реализуются исключительно через психическую деятельность субъекта, формируя его решимость к совершению общественно опасного деяния.

Концептуальный подход к пониманию этиологии преступности был разработан М.Д. Шаргородским, который провел важное разграничение между широким и узким толкованием криминогенных факторов. Согласно его научной позиции, «в расширительной трактовке под детерминантами преступности следует понимать весь комплекс условий и обстоятельств, при отсутствии которых криминальные проявления не могли бы возникнуть и поддерживать свое существование в социальной действительности»[1]. Однако криминологически значимым является то обстоятельство, что не все указанные факторы выполняют активную роль в генезисе преступного поведения.

В качестве истинных причин преступности ученый выделял именно те динамические силы, которые своим непосредственным воздействием инициируют и поддерживают криминальную активность. При этом применительно к индивидуальному преступному акту причинный комплекс представляет собой совокупность активных факторов, формирующих у конкретного субъекта криминогенные интересы, потребности и мотивационные побуждения к совершению противоправного деяния.

Таким образом, криминологическая теория причинности основывается на понимании преступления как результата сложного взаимодействия объективных социальных условий и субъективных психологических процессов, протекающих в сознании правонарушителя.

Изучение детерминант преступного поведения составляет фундаментальную основу криминологической науки. Понимание механизмов возникновения криминальных проявлений невозможно без глубокого анализа причинно-следственных отношений, которые лежат в основе формирования преступности как социального явления.

Категория причинности в криминологической теории представляет собой сложную систему взаимообусловленных элементов. Данная система охватывает непосредственно причину как инициирующий фактор, следствие в качестве закономерного результата, взаимодействие между причинным фактором и его последствиями, а также механизмы обратного воздействия результата на порождающие его обстоятельства и условия. Следует отметить, что подобный подход позволяет рассматривать криминологическую причинность в её широком теоретическом понимании, выходя за рамки упрощённых линейных моделей.

Специфика причинных отношений в сфере криминальных явлений определяется комплексом характерных особенностей. Как справедливо отмечал в своих исследованиях известный философ М. Бунге, «причинность как особая форма закономерной связи характеризуется рядом фундаментальных свойств: универсальностью проявления, односторонней направленностью воздействия, непрерывностью в пространственно-временном континууме»[2]. Эти атрибуты в своей совокупности формируют уникальную природу причинной обусловленности, отличающую её от иных типов взаимосвязей социальных феноменов.

Очевидно, что криминологический анализ оперирует категориями общих, системных связей явлений. Исследование подобных взаимозависимостей обладает существенной значимостью как для развития теоретического аппарата криминологии, так и для практической деятельности по противодействию преступности. Именно совокупность причинно-следственных связей, их взаимное влияние и обратная детерминация выступают решающими факторами, обусловливающими масштабы, структуру и динамику преступности в обществе.

Проблематика скрытой преступности в современной криминологической науке требует глубокого системного анализа, охватывающего не только статистические показатели, но и качественные характеристики латентных явлений. Методологические основы исследования латентной преступности были заложены выдающимися отечественными учеными-криминологами, чьи научные разработки сохраняют актуальность и по сей день.

Выдающийся советский и российский ученый академик В.Н. Кудрявцев особо акцентировал внимание исследователей на необходимости детального изучения механизмов взаимодействия между различными криминологическими феноменами. По его мнению, «постижение сущности взаимосвязей между преступностью и ее латентными формами возможно исключительно через комплексный анализ предметной области с привлечением всего массива эмпирических данных, полученных в ходе конкретных научных изысканий»[3]. Академик настаивал на том, что подлинное раскрытие содержания изучаемых взаимосвязей достижимо только при условии фундаментального изучения предмета с опорой на проверенные результаты специализированных исследований.

Принципиально важным представляется разграничение различных типов латентной преступности по механизму их формирования. Особого внимания заслуживает искусственно создаваемая латентность, генезис

[1] Шаргородский М.Д. Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе // Преступность и ее предупреждение. Л., 1966. С. 30.

[2] Бунге М. Причинность. М., 1962. С. 38.

[3] Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 67.

которой коренным образом отличается от естественной скрытой преступности. Природа возникновения искусственной латентности обусловлена не объективными факторами неосведомленности о преступлениях, а целенаправленной деятельностью субъектов правоприменения.

Авторитетный специалист в области уголовного процесса и криминалистики В.Н. Шиханов выработал точное определение феномена искусственной латентности. Согласно его научной позиции, «данная разновидность скрытой преступности характеризуется отсутствием в официальной статистической отчетности информации о фактически совершенных общественно опасных деяниях, наказуемых в уголовном порядке»[1]. Ключевой особенностью искусственной латентности выступает ее происхождение: она порождается умышленным или неосторожным несоблюдением правоохранительными структурами нормативно установленного порядка регистрации и статистического учета криминальных проявлений.

Таким образом, искусственная латентность представляет собой системную проблему правоприменительной практики, когда механизм образования скрытой преступности формируется вследствие противоправных действий самих субъектов борьбы с преступностью, что требует разработки специальных превентивных и контрольных мер.

При анализе криминогенной обстановки исследователю необходимо принимать во внимание комплексный характер факторов, влияющих на динамику противоправных деяний. Современная криминология выработала методологический подход, согласно которому изучение преступности не может ограничиваться лишь рассмотрением условий её роста. Напротив, научная объективность требует параллельного исследования тех социальных, экономических и правовых факторов, которые способствуют снижению криминальной активности в обществе.

Сопоставительный анализ причинного комплекса, детерминирующего как увеличение, так и уменьшение количества совершаемых преступлений, позволяет выявить глубинные закономерности криминальных процессов. Такая методология обеспечивает возможность всестороннего исследования причинно-следственных связей, характерных для преступности как социально-правового феномена. Только через призму диалектического соотношения противоположных тенденций можно достичь подлинного понимания механизмов формирования криминогенной ситуации в конкретных исторических и территориальных условиях.

Отдельного внимания заслуживает проблема латентной преступности, классификация которой базируется на механизме сокрытия криминальных деяний от официального статистического учёта. В современной криминологической науке принято разграничивать несколько категорий скрытых преступлений в зависимости от стадии, на которой происходит их выбывание из официальной статистики. К первой группе относятся преступления, о которых потерпевшие или свидетели не заявили в правоохранительные органы; специалисты определяют данную категорию термином «естественно-латентные преступления», подчёркивая тем самым объективный характер их сокрытия, обусловленный особенностями самого деяния или обстоятельствами его совершения.

Вторую категорию образуют незарегистрированные (или неучтенные) криминальные деяния – те общественно опасные действия, информация о которых поступила в компетентные органы, однако по различным причинам не получила надлежащего процессуального оформления. Третью группу составляют неустановленные латентные преступления, которые были зарегистрированы, но в силу недостаточности доказательственной базы или иных процессуальных препятствий не привели к раскрытию и привлечению виновных лиц к уголовной ответственности. Понимание данной типологии критически важно для адекватной оценки реального состояния преступности и выработки эффективных мер криминологической профилактики.

Методология криминологического анализа предполагает комплексное исследование детерминант противоправного поведения на различных уровнях социальной реальности. Научное познание механизма преступного деяния требует рассмотрения не только факторов, способствующих его совершению, но и обстоятельств, препятствующих реализации криминального умысла.

Когда криминолог осуществляет анализ детерминант индивидуального преступного деяния, он неизбежно сталкивается с необходимостью выявления факторов антикриминогенного характера. Иными словами, параллельно с установлением причинно-следственных связей, обусловивших совершение конкретного общественно опасного деяния, исследователь должен изучать те обстоятельства и условия, которые удерживают индивида от нарушения уголовно-правовых запретов. Данная двойственная исследовательская перспектива особенно важна при феноменологическом подходе к преступности.

[1] Шиханов В.Н. Достоверность уголовной статистики в системе контроля преступности (по материалам Иркутской области): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. С. 280.

Отсутствие такого диалектического видения проблемы на уровне анализа преступности как массового социального явления приводит к существенным методологическим искажениям. Если исследователь игнорирует факторы, препятствующие криминальному поведению, он лишает себя возможности проникнуть в гносеологическую сущность феномена преступности, понять специфику её каузальных механизмов и качественное своеобразие криминогенных детерминант.

Результатом столь ограниченного подхода становится поверхностная, описательная интерпретация причин преступности, не раскрывающая подлинной природы явления. Более того, такая методология не позволяет объяснить динамические процессы – факторы роста или снижения криминальной активности в обществе, что является центральной задачей прикладной криминологии и уголовной политики.

В системе криминологического анализа особое место занимает категория факторов, которая служит отправной точкой для более глубокого понимания криминогенных детерминант. Изучение причинности преступности невозможно осуществить без обращения к феномену факторного воздействия на криминальные процессы и явления.

Терминологический аппарат криминологии оперирует понятием «фактор» для обозначения такого явления или обстоятельства, которое обладает способностью воздействовать на течение и конечные результаты исследуемых социально-правовых процессов. Вместе с тем данная дефиниция носит преимущественно описательный характер и не раскрывает механизм влияния конкретного фактора, не определяет степень и направленность его воздействия на криминогенную ситуацию.

Методология криминологического исследования предполагает, что категория фактора выполняет функцию предварительного инструмента научного познания. На начальном этапе исследовательской работы данное понятие позволяет исследователю сориентироваться в многообразии взаимосвязанных социальных, экономических, психологических и иных явлений, потенциально влияющих на преступность. Именно поэтому фактор рассматривается как стартовая исследовательская категория при анализе криминогенного комплекса.

Последующие этапы научного исследования требуют углубленного изучения характера взаимодействия между установленными факторами. Исследователь переходит от простой фиксации наличия факторов к анализу функциональных зависимостей между ними, что означает выявление устойчивых корреляций и статистических закономерностей. На завершающей стадии научного познания осуществляется переход к установлению причинно-следственных связей, что позволяет дифференцировать собственно причины преступности от условий, способствующих её проявлению.

Только посредством такого последовательного и многоуровневого анализа становится возможным точное определение реального значения каждого выявленного фактора в детерминации преступного поведения и количественная оценка степени его криминогенного влияния на общественные отношения.

Криминология как наука о преступности оперирует широким спектром объективных обстоятельств, влияющих на состояние, структуру и динамику противоправных деяний в обществе. Изучение этих обстоятельств составляет основу факторного анализа криминальной ситуации.

Демографические процессы занимают особое место в системе детерминант преступного поведения. К числу наиболее значимых демографических показателей относятся: динамика рождаемости населения, трансформация половозрастной композиции социума, интенсивность миграционных потоков между регионами и государствами, процессы урбанизации и концентрации населения в крупных городских агломерациях. Важную роль играет также степень вовлеченности женского населения в трудовую деятельность и производственные отношения. Перечисленные характеристики не исчерпывают всего многообразия демографических явлений, релевантных для криминологического познания.

Современная криминологическая наука отказалась от поиска единственной детерминанты преступности, признав её полиэтиологический характер. Именно поэтому исследователи акцентируют внимание на системном взаимодействии множественных обстоятельств, образующих сложную иерархическую структуру. Концепция факторного комплекса преступности, получившая распространение в современной научной литературе, отражает понимание того, что криминальные явления обусловлены не изолированными причинами, а их взаимосвязанной совокупностью, действующей синергетически.

Методологически важным является дифференциация всех выявленных факторов на две противоположные по направленности воздействия категории. Антикриминогенные факторы представляют собой совокупность обстоятельств, объективно препятствующих распространению преступности, создающих барьеры для криминальной актив-

ности и способствующих редукции противоправных проявлений в социальной среде. Параллельно и одновременно в обществе действуют криминогенные факторы – обстоятельства иного характера.

Принципиально необходимо подчеркнуть, что криминогенные факторы не являются непосредственными причинами конкретных преступлений и не генерируют преступность автоматически. Их криминологическое значение заключается в создании благоприятных условий для возникновения, развития и воспроизводства криминальных проявлений. Такие факторы формируют определенную среду, облегчающую реализацию преступных намерений, снижающую социальный контроль и ослабляющую защитные механизмы общества. Объективное влияние данной категории обстоятельств проявляется в повышении вероятности совершения противоправных деяний определенными категориями лиц при наличии соответствующей мотивации.

Таким образом, преступность как социально-правовое явление детерминируется динамическим равновесием между криминогенными и антикриминогенными силами, действующими в конкретных исторических, экономических и культурных условиях.

В рамках криминологического анализа принципиально важным является разграничение базовых категорий, используемых для описания детерминант преступного поведения. Криминологическая наука оперирует различными терминами, каждый из которых несет специфическую смысловую нагрузку и применяется в определенном контексте исследования.

Когда речь идет о необходимости продемонстрировать конкретные условия, сформировавшиеся в определенный временной период применительно к конкретному индивиду или группе лиц, криминологи обращаются к термину «обстоятельство». Данная категория характеризуется высокой степенью конкретизации и привязки к определенному субъекту. В научной литературе прослеживается терминологическое сближение понятий «обстоятельство» и «ситуация», поскольку последнее также раскрывается через характеристику конкретной обстановки, сложившегося положения или комплекса взаимосвязанных обстоятельств, окружающих человека в данный момент времени.

Вместе с тем, для обозначения более широкого спектра явлений и процессов криминология использует категорию «фактор». Комплекс различных факторов формирует специфический социальный контекст, на фоне которого протекают процессы трансформации количественных и качественных характеристик преступности. Данный подход можно рассматривать как первичный уровень криминологического измерения, служащий методологическим фундаментом для проведения научных исследований в области изучения преступности. Именно анализ факторов преступности в их взаимосвязи с динамикой социальных процессов и изменениями в общественной жизни позволяет обеспечить глубокое научное познание криминальных явлений как неотъемлемого элемента общественного развития.

Таким образом, правильное понимание и разграничение указанных категорий является необходимым условием для проведения качественного криминологического анализа и разработки эффективных мер предупреждения преступности.

Современная криминология рассматривает человеческое поведение как сложный многоуровневый процесс взаимодействия личностных характеристик субъекта и внешних обстоятельств. Каждое противоправное деяние представляет собой не изолированный акт волеизъявления, а закономерный результат сложного механизма принятия решений в рамках определенных условий.

Ситуационная детерминация преступного поведения означает, что действия индивида никогда не возникают в вакууме, а всегда формируются под влиянием конкретной совокупности объективных и субъективных факторов. Уголовно-правовая доктрина исходит из того, что поведенческий акт личности неизбежно выступает ответной реакцией на специфическую обстановку, в которой оказывается субъект. При этом уникальность каждой криминогенной ситуации предопределяет индивидуальный характер поведенческого ответа правонарушителя.

Обстоятельства совершения общественно опасного деяния формируют тот неповторимый контекст, который непосредственно влияет на выбор модели поведения конкретным лицом. Именно специфика ситуационных условий обусловливает вариативность человеческих поступков, поскольку идентичные личностные установки могут реализовываться различными способами в зависимости от внешних обстоятельств. Таким образом, криминологический анализ преступления требует обязательного учета ситуационного компонента, без которого невозможно полноценное понимание мотивации и механизма противоправного поведения.

Взаимосвязь личности преступника и криминогенной ситуации составляет основу для разработки эффективных мер индивидуальной профилактики правонарушений.

В уголовно-правовой терминологии есть такое понятие как «деяние», т.е. действие или бездействие, что также очень тесно переплетается с понятием «поступок», хотя в административном и трудовом праве и соответственно законодательстве под противоправным деянием существует наказуемое понятие «проступок». В свою очередь правовая разница здесь отграничивается тяжестью деяния – тяжкое и незначительной тяжести.

Так, например, неоднократное совершение в течение года мелкого хулиганства, могло повлечь по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР «Хулиганство» соответствующее наказание, где в отличие от административного наказания, как в КоАП РСФСР до 15 суток, предусматривалось наказание вплоть до лишения на срок до 1 года, т.к. это уже становилось преступлением

Существенное значение для криминологии имеет изучение причин и условий преступности в связи с имеющими общественными отношениями. Действия людей интересуют криминологию с точки зрения механизма преступного поведения.

«Анализ личности преступника помогает выявить не только индивидуальные, но и социальные факторы, способствующие противоправной деятельности. Понимание этих аспектов необходимо для формирования правильной правоохранительной стратегии и разработки законодательных инициатив»[1].

В современной криминологической науке фундаментальное значение приобретает исследование глубинных механизмов формирования преступного поведения на различных уровнях социальной организации. Понимание природы криминогенных факторов невозможно без комплексного изучения той социальной среды, в которой они возникают и развиваются.

Системный подход к изучению детерминант преступности требует первоочередного выявления структурного положения причинных факторов и способствующих обстоятельств в общей архитектуре социальных противоречий современного общества. Преступность как сложное социально-правовое явление не существует изолированно, а представляет собой следствие определённых процессов, протекающих в социальной ткани общества.

Социальные противоречия по своей природе формируются в многоуровневой системе человеческих взаимоотношений. Они проявляются в межличностной коммуникации граждан, во взаимодействии индивида с различными социальными группами и коллективами, а также в отношениях между отдельной личностью и обществом как целостной системой. Каждый из этих уровней обладает собственной спецификой порождения конфликтных ситуаций.

Особую категорию в классификации социальных противоречий составляют те из них, которые носят деструктивный, дисфункциональный характер. Негативные социальные противоречия обладают специфическими признаками, отличающими их от конструктивных форм социального конфликта, способствующих развитию общественных отношений.

Исходя из вышеизложенного, при рассмотрении криминогенных противоречий, представляющих собой особую разновидность негативных социальных противоречий, необходимо устанавливать их причинно-следственную связь с преступностью. Эта связь проявляется на двух взаимосвязанных уровнях: на макроуровне – в форме преступности как массового антиобщественного явления, угрожающего нормальному функционированию социума, и на микроуровне – в виде отдельного преступления, выступающего актом индивидуального противоправного поведения конкретной личности. Такой двухуровневый анализ позволяет выстроить целостную картину криминологической детерминации.

Изучение механизма совершения преступных деяний требует комплексного анализа множества факторов, влияющих на формирование противоправного поведения индивида. Современная криминология рассматривает преступление как сложный социально-психологический феномен, имеющий глубокие корни в системе взаимодействия личности и общества.

Исследователь Е. Бафия предлагает рассматривать «генезис преступного поведения через призму внутренних конфликтов, возникающих в структуре человеческой личности»[2]. По его мнению, криминальное деяние формируется в точке пересечения рационального начала и иррациональных импульсов, которые общество предполагает контролировать у своих членов. Данное явление представляет собой столкновение детерминистских закономерностей с индетерминистскими проявлениями в триаде «физиология-психика-социальная среда».

[1] Арзамасов, В.Ю. Личность преступника в сфере лесопользования / В.Ю. Арзамасов, О.В. Голиков, К.В. Андреев // Юридическая наука. – 2025. – № 11. – С. 46–55. – EDN MTHJPY.

[2] Бафия Е. Проблемы криминологии. Диалектика криминогенной ситуации. М., 1983. С. 23–24.

Согласно концепции исследователя, преступление есть не что иное, как форма социального отчуждения индивида, его изоляция от нормативного процесса интеграции в общественные структуры.

Проблематика противоречий криминогенного характера становится центральной при анализе преступлений, относящихся к категории тяжких. В данной ситуации конфликт между личностью и социумом достигает критической точки, требующей пристального внимания со стороны правоохранительных органов и научного сообщества. Когда правонарушитель переступает черту, совершая особо тяжкие криминальные деяния, внутренние и внешние противоречия трансформируются в антагонистический конфликт, несущий серьезную угрозу общественной безопасности.

В связи с этим актуализируется необходимость разработки и внедрения более действенных превентивных механизмов. Система предупреждения преступности должна учитывать глубинную природу криминогенных противоречий, воздействуя не только на внешние проявления, но и на первопричины девиантного поведения. Повышение результативности профилактических мероприятий становится приоритетной задачей уголовной политики государства, особенно в контексте противодействия наиболее опасным формам преступного поведения.

В криминологической доктрине существует множество теоретических подходов к систематизации факторов, детерминирующих преступность как социально-правовое явление. Данная проблематика занимает центральное место в научных исследованиях, поскольку правильное понимание этиологии преступности является необходимым условием для разработки эффективных мер предупреждения криминальных проявлений.

Среди научных концепций особого внимания заслуживает классификационная система, разработанная известным отечественным криминологом Г.А. Аванесовым, «которая представляет собой наиболее полную и структурированную модель анализа причинного комплекса преступности»[1].

Основные элементы классификационной структуры:

• Детерминанты социального характера, подразделяющиеся на факторы объективной и субъективной природы, отражают влияние общественных процессов и индивидуального восприятия социальной действительности.

• Биосоциальные факторы криминогенеза представляют собой взаимодействие социально обусловленных явлений и биологических особенностей человеческой природы в процессе формирования противоправного поведения.

• Иерархическая дифференциация причинных факторов предполагает разграничение общих детерминант преступности как массового явления и специфических причин совершения индивидуальных преступных деяний.

• Видовая специфика криминогенных факторов учитывает особенности причинного комплекса для различных категорий, групп и отдельных разновидностей преступных посягательств.

• Градация по степени воздействия включает разделение на детерминанты непосредственного (прямого) и опосредованного (косвенного) влияния на формирование криминального поведения.

• Уровневая классификация предусматривает выделение причин первичного, вторичного и третичного порядка в зависимости от степени их удаленности от преступного результата.

• Личностно-ориентированные факторы охватывают комплекс детерминант, непосредственно связанных с характеристиками личности преступника и её криминогенными свойствами.

Представленная систематизация обладает существенной методологической ценностью для углубленного криминологического анализа и построения стратегии противодействия преступности на различных уровнях профилактического воздействия.

Современная криминологическая доктрина выделяет множественные факторы, обуславливающие существование и воспроизводство преступности как социально-правового феномена. Систематизация этих факторов представляет собой важнейшую научно-практическую задачу, решение которой позволяет выработать эффективные меры противодействия криминальным проявлениям.

К числу базовых криминогенных факторов относятся детерминанты первого порядка, генезис которых непосредственно связан с дисфункциями социальной организации общества. Данная категория причин преступности коренится в объективных социальных противоречиях деструктивного характера, возникающих в процессе общественного развития. Речь идёт о системных недостатках в функционировании государственных и общественных институтов, структурных диспропорциях социально-экономического развития, пробелах в нормативно-правовом регулировании общественных отношений.

Указанные социальные противоречия проявляются через различные формы дезорганизации: имущественное расслоение населения, безработицу, кризисные явления в экономике, недостатки системы образования и воспитания. Все перечисленные явления создают криминогенную обстановку и формируют благоприятную среду для совершения противоправных деяний.

Вторая категория криминологических детерминант, хотя и производна от первичных источников преступности, обладает существенной спецификой в механизме своего действия. Принципиальное отличие данной группы причин заключается в необходимости их анализа не только через призму общесоциологических закономерностей, но преимущественно с позиций социально-психологического подхода к исследованию криминального поведения.

Эти факторы опосредуются психологическими механизмами формирования личности правонарушителя, включая искажения в системе ценностных ориентаций, деформации правосознания, особенности микросоциального окружения индивида. Социально-психологический анализ позволяет установить промежуточные звенья между макросоциальными процессами и конкретным преступным актом, совершаемым отдельной личностью.

Таким образом, комплексное изучение обеих групп криминогенных детерминант необходимо для построения целостной концепции причинного комплекса преступности и разработки научно обоснованной стратегии её предупреждения.

Криминологический анализ современных факторов преступности требует системного подхода к изучению множественных детерминант противоправного поведения. В структуре детерминации преступных деяний особое значение приобретает исследование глубинных противоречий общественного развития.

Для всестороннего научного понимания этиологии преступности представляется необходимым первоначально рассмотреть социальные противоречия современного этапа развития общества, выступающие в качестве фундаментального источника всей совокупности криминогенных факторов. Именно эти внутренние противоречия социума формируют объективную основу для возникновения и развития преступных проявлений. К числу подобных базовых противоречий современности следует отнести:

Отдельного внимания заслуживает категория причин, непосредственно связанных с личностными характеристиками правонарушителя и спецификой воздействия на индивида в процессе формирования криминальной установки. Третий комплекс детерминант преступного поведения обусловлен именно субъективными особенностями личности преступника, а также характером внешнего влияния, оказываемого на данную личность в период выработки психологической готовности к совершению общественно опасного деяния. Механизм формирования такой установки представляет собой сложный психологический процесс, требующий отдельного криминологического исследования.

Первичная группа криминогенных детерминант обусловлена мировоззренческими установками индивида, его ценностными ориентациями и системой отношений. Данные причины коренятся в системе мировоззрения субъекта, в характере его отношения к собственной личности и окружающим людям, к социуму в целом и признанным общественным ценностям. Иллюстративным примером проявления подобных мировоззренческих деформаций может служить распространённое преступление против общественного порядка – хулиганство, рассмотренное нами в предыдущих разделах настоящего исследования как показательный случай девиантного поведения, обусловленного искажением ценностно-нормативной системы личности.

Современная криминологическая наука исходит из того, что механизм формирования преступного поведения представляет собой сложную многоуровневую систему взаимодействующих социальных, экономических, психологических и культурных детерминант. Упрощенное понимание генезиса преступности как линейной зависимости от отдельных факторов не соответствует действительной природе этого социально-правового феномена. Комплексный анализ причин и условий противоправного поведения требует рассмотрения множества взаимосвязанных обстоятельств, действующих как на макро-, так и на микросоциальном уровнях.

Основные группы криминогенных детерминант

Морально-этическая деградация социума как криминогенный фактор

Духовно-нравственное состояние общества выступает фундаментальной детерминантой уровня преступности. Размывание традиционных

[1] Аванесов Г.А. Криминология. М., 1984. С. 200–214.

ценностных ориентиров, девальвация моральных норм, утрата социально одобряемых образцов поведения создают благоприятную почву для формирования противоправных установок личности. Кризис нравственности проявляется в снижении общественного контроля, ослаблении механизмов социальной солидарности и взаимопомощи, что непосредственно влияет на криминальную обстановку.

Дисбаланс в системе общественных потребностей и ресурсов

Объективное противоречие между постоянно возрастающими социальными потребностями населения и ограниченными материальными возможностями общественной системы по их законному удовлетворению формирует мощный криминогенный потенциал. Данное несоответствие порождает состояние фрустрации у отдельных категорий граждан, стимулируя поиск противоправных способов достижения желаемого уровня потребления. Особенно остро эта проблема проявляется в периоды экономических кризисов и трансформаций социально-экономического уклада.

Криминогенный потенциал сферы распределения материальных благ

Несправедливость и непрозрачность механизмов распределения и обмена общественных благ традиционно рассматриваются криминологией как существенный фактор детерминации корыстной преступности. Неравномерное распределение национального богатства, коррупционные практики в сфере государственного управления, монополизация экономических ресурсов узкими группами интересов создают объективные предпосылки для мотивации противоправного обогащения. Теневые экономические отношения, возникающие вследствие дефектов официальной системы обмена, способствуют воспроизводству организованной преступности.

Дифференциация условий трудовой деятельности и проблема занятости

Существенные различия в характере, содержании и условиях трудовой деятельности различных социальных групп порождают значительный криминогенный эффект. Отсутствие легальной занятости, особенно среди молодежи и социально уязвимых категорий населения, исключают людей из системы социально полезной деятельности, лишает законных источников дохода и способствует маргинализации. Неблагоприятные и опасные условия труда, низкая оплата квалифицированного труда по сравнению с доходами от теневой экономики формируют мотивацию к противоправному поведению.

Неравенство в культурно-бытовой сфере жизнедеятельности

Значительная дифференциация населения по доступу к культурным благам, качеству жилищных условий, возможностям организации досуга и всестороннего развития личности создает почву для социального отчуждения и криминализации маргинальных слоев. Проживание в криминогенных районах с неразвитой инфраструктурой, отсутствие доступа к образовательным и культурным институтам, социальная изоляция способствуют формированию субкультурных образований с девиантными ценностными установками. Особую роль играет жилищная сегрегация, приводящая к концентрации социально неблагополучных групп в определенных территориальных зонах.

Политическая нестабильность и социальные конфликты

Политические противоречия, межпартийная конфронтация, нестабильность государственных институтов выступают серьезными детерминантами преступности, особенно в переходные периоды развития общества. Ослабление государственной власти, конфликт между различными ветвями управления, региональный сепаратизм создают благоприятные условия для роста организованной преступности, коррупции и насильственных преступлений. Политическая нестабильность подрывает доверие граждан к правовым институтам и снижает эффективность правоохранительной системы.

Недостатки системы предупреждения преступности

Дефекты профилактической работы государственных органов и общественных институтов существенно снижают эффективность противодействия преступности. Недостаточное финансирование превентивных программ, отсутствие межведомственной координации, формальный подход к индивидуально-профилактической работе, слабое развитие системы ресоциализации правонарушителей – все это усиливает воспроизводство преступного поведения. Особенно критичным является недостаточное внимание к ранней профилактике в отношении несовершеннолетних и молодежи из неблагополучных семей.

Таким образом, если бы причинный комплекс преступного поведения представлял собой механическую совокупность независимых внешних и внутренних обстоятельств, поддающихся простой идентификации и устранению, задача искоренения преступности была бы относительно тривиальной. Однако действительность демонстрирует обратное: детерминация преступности носит системный, многофакторный характер, где различные криминогенные обстоятельства находятся в сложном взаимодействии, взаимно усиливая и видоизменяя друг друга.

Эффективная криминологическая политика должна учитывать всю совокупность рассмотренных детерминант, воздействуя на них комплексно и системно. Только интегрированный подход, сочетающий экономические, социальные, правовые, культурные и воспитательные меры, способен обеспечить существенное снижение уровня преступности.

Хотя можно привести пример уголовного законодательства советского и постсоветского периода, когда было такие преступления, как «Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество» – ст. 153 УК РСФСР, «Спекуляция» – ст. 154 УК РСФСР и т.д., которых в нынешнем УК РФ нет вообще.

Между тем, как подчеркивает Е.Н. Трикоз, «к теневым составляющим правовой жизни нередко относят только противоправные явления: преступления и иные правонарушения; криминальные структуры; коррупцию; деформации правосознания…»[1].

Все обозначенные факторы влияют на сознание человека, формируя при этом систему индивидуальных потребностей, жизненных принципов, установок и мотивов последующего поведения, в том числе и преступного, при условии, что эти факторы были негативными. Они могут влиять как непосредственно, так и иметь опосредованное воздействие.

Проблема генезиса противоправного поведения представляет собой фундаментальный вопрос криминологической науки, требующий комплексного междисциплинарного подхода. На протяжении столетий исследователи различных научных школ предпринимали многочисленные попытки установить детерминанты девиантного и делинквентного поведения человека.

В истории криминологии сформировалось несколько базовых концептуальных направлений, объясняющих природу преступных проявлений. Представители социологического детерминизма акцентировали внимание на дефектах общественного устройства, экономической депривации, маргинализации отдельных социальных групп и неблагоприятных условиях социализации личности как первичных криминогенных факторах. Данная парадигма рассматривала преступность преимущественно как продукт социальной дезорганизации и аномии.

Противоположную позицию занимали сторонники биологической школы, которые усматривали этиологию криминального поведения в генетической предрасположенности, врождённых психофизиологических аномалиях и наследственной отягощённости индивида. Согласно этой концепции, антисоциальные наклонности передаются на генетическом уровне и детерминируют девиантное поведение независимо от внешних обстоятельств.

Качественно новый этап в развитии криминологической мысли связан с именем выдающегося итальянского учёного-правоведа Энрико Ферри (1856–1929), который «предложил интегративную модель объяснения преступности. Согласно его научной позиции, «преступление вообще есть результирующая биологического и социального факторов», что означало синтез ранее противостоявших друг другу теоретических платформ»[2].

Данная бифакторная концепция преодолела односторонность предшествующих научных школ и заложила методологические основы современного понимания этиологии преступности. Ферри убедительно продемонстрировал, что криминальное поведение невозможно адекватно объяснить, игнорируя либо биологическую конституцию человека, либо социальную среду его существования.

Постепенно именно эта плюралистическая позиция приобрела статус доминирующей парадигмы в криминологической науке и получила дальнейшее концептуальное развитие в работах последующих поколений исследователей. Современная криминология оперирует многофакторными моделями, учитывающими взаимодействие биологических, психологических, социальных и ситуативных детерминант преступного поведения, что свидетельствует о научной плодотворности синтетического подхода, заложенного классиками криминологической науки.

Криминологический анализ преступности как социально-правового феномена предполагает обязательное исследование комплекса факторов, обуславливающих её возникновение и развитие в обществе. Научное познание механизма детерминации криминаль-

[1] Трикоз Е.Н. «Теневое право»: миф или реальность // Законодательство и экономика. 2005. № 1. С. 56–60

[2] Ферри Э. Уголовная социология /Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2009. С. 93.

ных проявлений требует чёткого разграничения категорий, определяющих генезис противоправного поведения.

Современная криминологическая наука оперирует понятием «причины преступности», под которым понимаются социальные явления и процессы, непосредственно генерирующие преступные проявления в социуме. Данные явления выступают движущей силой криминализации общественных отношений, обеспечивая воспроизводство преступности, определяя динамику её количественных и качественных показателей. Именно причинные факторы создают объективную основу для совершения общественно опасных деяний, запускают механизм криминального поведения.

Наряду с причинами, в криминологической доктрине выделяется самостоятельная категория условий, способствующих реализации преступных намерений. Специфика данных факторов заключается в том, что они имеют разнообразную природу происхождения – могут носить социальный, природно-климатический или технико-технологический характер. Принципиальное отличие условий от причин состоит в том, что они не генерируют криминальную мотивацию самостоятельно, а лишь создают благоприятную среду для воплощения уже сформированного преступного умысла, облегчают практическое осуществление противоправных действий.

Следовательно, всестороннее криминологическое исследование требует комплексного изучения всей совокупности криминогенных факторов. Для обозначения всего спектра причинно-следственных связей и обстоятельств, влияющих на преступность, в теории уголовного права и криминологии используется обобщающий термин «детерминация преступности», охватывающий как причинный комплекс, так и систему сопутствующих условий. Только интегрированный анализ детерминант позволяет выработать эффективные меры предупреждения преступлений и профилактики криминального поведения.

Криминологическая наука, изучая природу противоправного поведения, опирается на базовые философские категории, позволяющие объяснить механизмы возникновения преступности. Одной из ключевых методологических основ криминологического анализа выступает концепция детерминизма, заимствованная из философии и адаптированная к потребностям уголовно-правовой науки.

Понятие «детерминация» представляет собой краеугольный камень философской методологии исследования окружающей действительности. Данная категория основывается на утверждении о том, что любые явления и процессы в природной среде и общественной жизни не возникают спонтанно или хаотично. Напротив, их появление и эволюция подчиняются строгим закономерностям, поскольку каждое событие имеет свои объективные предпосылки и факторы, которые его порождают. Иными словами, детерминизм утверждает универсальный принцип обусловленности всего существующего.

Когда мы говорим о взаимосвязи двух последовательных событий, где одно порождает другое, применяется специфическая терминология. Предшествующее явление, которое производит некое воздействие и влечет за собой определенные последствия, обозначается как причина. Соответственно, то явление, которое возникает в результате этого воздействия, именуется следствием. Важно подчеркнуть, что эта связь не является произвольной.

Существенной характеристикой причинной связи является её специфичность и избирательность. Конкретная причина не может породить произвольное или случайное следствие. Между причинами и следствиями существует строгое соответствие: определенная причина порождает именно то следствие, которое ей соответствует по своей внутренней природе, а не какое-либо иное. Эта закономерная связь позволяет прогнозировать последствия и выявлять истинные источники явлений.

В рамках криминологических исследований проводится детальная дифференциация различных типов и уровней детерминации преступного поведения. Современная криминология выделяет:

В современной криминологической науке принято выделять несколько уровней детерминации преступного поведения, каждый из которых обладает специфическим механизмом воздействия на формирование криминогенной ситуации в обществе. Понимание этих механизмов является фундаментальным для разработки эффективных мер предупреждения правонарушений.

Первостепенное значение в структуре детерминант преступности занимают причинные факторы – совокупность социальных, экономических и психологических явлений, которые непосредственно генерируют противоправное поведение как закономерный результат своего действия. Эти криминогенные явления выступают в качестве основного источника преступности, формируя причинно-следственную связь между объективными общественными процессами и их негативными проявлениями в виде преступлений. Без устранения причинных факторов любые меры противодействия преступности носят лишь симптоматический характер.

Вторую категорию детерминант образуют условия совершения преступлений – обстоятельства, которые сами по себе не порождают криминальное поведение, однако создают благоприятную среду для реализации причинных факторов, усиливая их деструктивное воздействие на правосознание граждан. Такие обстоятельства формируют ситуационный компонент механизма преступления, снижая барьеры на пути противоправных действий и облегчая переход криминальных намерений в конкретные деяния. Условия могут носить как объективный характер (отсутствие надлежащего контроля, несовершенство охранных систем), так и субъективный (низкая правовая культура населения).

Наконец, третью группу составляют факторы риска – специфические переменные величины, наличие которых статистически достоверно коррелирует с увеличением вероятности совершения преступлений определенным лицом или в определенной среде. Данные индикаторы позволяют прогнозировать криминогенную опасность и выявлять группы повышенного внимания для профилактической работы. К факторам риска относятся такие показатели, как криминальное прошлое, злоупотребление психоактивными веществами, маргинальный образ жизни, отсутствие социальных связей и устойчивой занятости.

Таким образом, трёхуровневая система детерминант позволяет комплексно подойти к анализу преступности и разработке дифференцированных мер воздействия.

Типовые причинные цепочки:

1. Социально экономическая детерминация:

Неравенство→Фрустрация→Девиантная адаптация→Преступление

2. Культурно нормативная детерминация:

Ценностный конфликт→Нормативная неопределённость→Правовой нигилизм→Преступление

3. Психологическая детерминация:

Травма социализации→Агрессия→Антисоциальная установка→Преступление

Прикладное значение детерминистского анализа позволяет понять детерминант преступности:

1. **в законотворчестве:**

- разрабатывать законы с учётом криминогенных факторов;
- прогнозировать эффект правовых норм.

2. **в правоприменении:**

- индивидуализировать наказание;
- выявлять криминогенные ситуации.

3. **в профилактике:**

- адресно воздействовать на ключевые детерминанты;
- оценивать эффективность превентивных программ.

Всегда важно помнить, что «модель поведения и сама «личность человека» формирует благодаря социальной среде, в которой он находился в момент взросления и на момент совершения преступления, поскольку нельзя не согласится с мнением автора, что «человек не рождается, а становится преступником при стечении неблагоприятных условий формирования его личности»[1].

Особенно важно отмечать данные исследования, поскольку в контексте уголовного права, значимость раннего детства в формировании поведенческих паттернов особенно подчеркнута, основываясь на вышеупомянутых исследованиях.

Таким образом, под причинами преступного поведения понимается комплекс взаимосвязанных социально-психологических, экономических и других факторов, которые вызывают решимость поступить в конкретной жизненной ситуации подобным образом. В этом состоит сложность изучения причин преступности. При этом социальная сущность причин, как обстоятельств, факторов и ситуаций, состоит в том, что они вполне объективны и существуют вне сознания человека в том или ином периоде развития общества.

Психологическое содержание причин заключается во влияние их на сознание личности и формировании воли, мотивов, целей, установок, объясняющие человеческую активность.

Фундаментальным постулатом криминологии является понимание того, что криминальное поведение личности и её деструктивные характеристики не являются врождёнными качествами индивида. Формирование поведенческих паттернов происходит под непосредственным влиянием той социальной среды, которая окружала человека в период становления личности и продолжала воздействовать на него в момент совершения противоправного деяния. Научно доказанным фактом является положение о том, что криминальная направленность личности возникает исключительно при наличии комплекса неблагоприятных социальных обстоятельств, сопровождающих процесс её развития.

[1] Алауханов Е.О. Криминология. Учебник. – Алматы. 2008. с. 429.

Следовательно, индивид не появляется на свет с предрасположенностью к преступной деятельности, а трансформируется в правонарушителя вследствие негативных условий социализации и личностного формирования.

Криминологическая наука основывается на междисциплинарном подходе при анализе факторов, обуславливающих противоправное поведение индивида. Современные исследования в области возрастной психологии и педагогики демонстрируют критическое влияние периода раннего онтогенеза на последующее формирование личностных характеристик и поведенческих моделей человека. Научные данные, полученные в результате лонгитюдных исследований, свидетельствуют о том, что первичная социализация в детском возрасте играет определяющую роль в становлении ценностных ориентаций индивида, что находит отражение в доктринальных положениях уголовно-правовой науки.

Детерминанты криминального поведения представляют собой многокомпонентную систему взаимообусловленных явлений и процессов. К числу таких детерминант относятся психологические особенности личности, социально-экономические условия существования, культурно-нравственная среда и иные обстоятельства, совокупность которых в конкретной жизненной обстановке формирует у лица внутреннюю готовность к совершению общественно опасного деяния. Именно полиэтиологический характер преступности обуславливает методологические трудности её научного познания и требует комплексного подхода к изучению криминогенных факторов.

Принципиальное значение имеет понимание объективной природы причинного комплекса преступности. Указанные детерминанты существуют как объективная реальность, независимо от индивидуального сознания конкретного субъекта, будучи производными от определённого этапа общественно-экономического и социокультурного развития. Они формируются в процессе исторического развития социума и отражают противоречия конкретного общественного устройства. Следовательно, эффективная профилактика преступности невозможна без глубокого анализа объективных социальных процессов и их влияния на криминогенную ситуацию в обществе.

В науке уголовного права и криминологии особое значение приобретает анализ психологических механизмов детерминации противоправного поведения. Сущность психологической составляющей криминогенных факторов раскрывается через их способность воздействовать на когнитивную сферу индивида, определяя тем самым направленность его волевых процессов.

Данное воздействие проявляется в формировании у субъекта специфических мотивационных образований, целеполагания и устойчивых психологических установок. Указанные психические компоненты выступают непосредственными регуляторами активности человека, объясняя природу его поведенческих актов.

Волевая сфера личности претерпевает трансформацию под влиянием криминогенных детерминант, что находит выражение в изменении ценностных ориентаций и принятии решений о совершении общественно опасных деяний. Мотивационно-целевой блок психики преступника формируется не изолированно, а в результате сложного взаимодействия внешних причин и внутренних предпосылок.

Таким образом, психологическая природа причин преступности состоит в их детерминирующем влиянии на сознательно-волевые процессы личности, что в конечном итоге обусловливает криминальную направленность человеческого поведения и позволяет объяснить механизм реализации противоправной активности.

Литература

1. Аванесов Г.А. Криминология. М., 1984. С. 200–214.
2. Алауханов Е.О. Криминология. Учебник. – Алматы. 2008. с. 429.
3. Арзамасов В.Ю. Латентная преступность: понятие, негомогенная природа, превентивные меры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1(48). С. 237–250. DOI 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9039.
4. Арзамасов, В.Ю. Личность преступника в сфере лесопользования / В.Ю. Арзамасов, О.В. Голиков, К.В. Андреев // Юридическая наука. – 2025. – № 11. – С. 46–55. – EDN MTHJPY.
5. Бафия Е. Проблемы криминологии. Диалектика криминогенной ситуации. М., 1983. С. 23–24.
6. Бунге М. Причинность. М., 1962. С. 38.
7. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 67.
8. Кудрявцев В.Н. и Эминов В.Е. См.: Криминология: Учебник /Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2006. С. 123.
9. Стручков Н.А. Преступность как социальное явление. Л., 1979. С. 29.
10. Трикоз Е.Н. «Теневое право»: миф или реальность // Законодательство и экономика. 2005. № 1. С. 56–60
11. Ферри Э. Уголовная социология /Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНГФРА-М, 2009. С. 93.
12. Шаргородский М.Д. Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе // Преступность и ее предупреждение. Л., 1966. С. 30.
13. Шиханов В.Н. Достоверность уголовной статистики в системе контроля преступности (по материалам Иркутской области): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. С. 280.

ESSENTIAL ASPECTS OF UNDERSTANDING THE DETERMINISM OF CRIME

Arzamasov V.Yu., Burmistrov I.A., Golikov O.V., Irincheev V.V.
Moscow State University of Geodesy and Cartography; Russian University of Cooperation

In This article explores the fundamental aspects of determinism in criminology and criminal law. Key approaches to understanding cause-and-effect relationships in the genesis of criminal behavior are analyzed, crime-determination factors are systematized, and their practical significance for crime prevention is assessed.

Theoretical Framework. Methods. The theoretical basis of the study is based on scientific works by Russian and international authors devoted to issues of crime determinism. The presented studies summarize a significant body of information from judicial practice and statistics, assisting in the formulation of proposals for the development and improvement of criminal liability, as well as preventive measures to suppress such crimes.

The authors explored the problematic using the general dialectical method of cognition, employing general theoretical methods (analysis, synthesis, deduction, induction, logical, and systemic) and specific scientific methods (formal-logical and legal analysis).

Research Results. The essence of this work is to define the fundamental aspects of determinism, the need to adapt criminal law and legislation in general to the growing challenges of the times, and their effective implementation.

Discussion and Conclusion. The problem of crime determinism occupies a central place in criminological science and criminal law. Understanding the mechanisms that determine the emergence and reproduction of criminal acts allows us to:

- formulate effective criminal policy;
- develop preventive measures;
- optimize law enforcement practices;
- forecast the criminological situation.

The purpose of this study is to comprehensively understand the essential facets of crime determinism in its theoretical and applied dimensions. Crime determinism is a multidimensional phenomenon requiring interdisciplinary analysis:

1. Crime is determined by a system of interconnected factors at various levels of social reality.
2. Cause-and-effect relationships are probabilistic, eliminating fatalism in the assessment of criminal behavior.
3. Considering determinants is necessary for:

- developing a balanced criminal policy;
- developing targeted preventive measures;
- humanizing law enforcement.

Research prospects include:

- in-depth analysis of the digital determinants of crime;
- studying global factors of criminogenesis;
- developing predictive models based on Big Data.

Keywords: determinism, crime, criminological determinants, causality, crime prevention, social determination.

References

1. Avanesov G.A. Criminology. Moscow, 1984. Pp. 200–214.
2. Alaukhanov E.O. Criminology. Textbook. – Almaty. 2008. P. 429.
3. Arzamasov V. Yu. Latent crime: concept, inhomogeneous nature, preventive measures // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2022. No. 1(48). Pp. 237–250. DOI 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9039.
4. Arzamasov, V. Yu. Personality of the criminal in the field of forest management / V. Yu. Arzamasov, O.V. Golikov, K.V. Andreev // Legal science. – 2025. – No. 11. – Pp. 46–55. – EDN MTHJPY.
5. Bafia E. Problems of Criminology. Dialectics of the Criminogenic Situation. Moscow, 1983. Pp. 23–24.
6. Bunge M. Causality. Moscow, 1962. Pp. 38.
7. Kudryavtsev V.N. Causes of Offenses. Moscow, 1976. Pp. 67.
8. Kudryavtsev V.N. and Eminov V.E. See: Criminology: Textbook / Ed. by V.N. Kudryavtsev and V.E. Eminov. – 3rd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurist, 2006. P. 123.
9. Struchkov N.A. Crime as a Social Phenomenon. L., 1979. P. 29.
10. Trikoz E. N. “Shadow Law”: Myth or Reality // Legislation and Economics. 2005. No. 1. Pp. 56–60
11. Ferri E. Criminal Sociology / Comp. and foreword by V.S. Ovchinsky. – M .: INGFRA-M, 2009. P. 93.
12. Shargorodsky M.D. Crime, its Causes and Conditions in a Socialist Society // Crime and its Prevention. L., 1966. P. 30.
13. Shikhanov V.N. Reliability of Criminal Statistics in the Crime Control System (based on materials from the Irkutsk Region): Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. – M., 2006. P. 280.

Полномочия прокурора при осуществлении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное следствие

Ващенко Диана Сергеевна,
аспирант, Образовательное частное учреждение высшего образования «Международный инновационный университет»
E-mail: Vashhenko97@bk.ru

В статье исследуется правовая основа полномочий прокурора, закрепленная в ст. 37 УПК РФ и Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», а также их трансформация в результате реформы 2007 года. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам достаточности существующего объема полномочий прокурора в условиях разграничения функций с руководителем следственного органа. Анализируются статистические данные, свидетельствующие о востребованности полномочия по возвращению дел на дополнительное расследование. На основе анализа научной литературы и правоприменительной практики выявлены проблемные аспекты, включая несвоевременность реагирования на нарушения и смешение функций надзора и уголовного преследования. В заключении делается вывод о том, что современная система прокурорского надзора представляет собой сложный баланс между независимостью следствия и необходимостью обеспечения верховенства закона. Дальнейшее совершенствование института видится не в расширении запретительных мер, а в усилении предупредительной составляющей надзора и оптимизации механизмов взаимодействия прокурора с руководителем следственного органа.

Ключевые слова: институт прокурорского надзора; досудебное производство; компетенция прокурора; уголовно-процессуальное законодательство; ведомственный процессуальный контроль; обеспечение законности; защита прав граждан; процессуальная самостоятельность следователя.

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия представляет собой один из базовых правовых институтов, гарантирующих соблюдение законности в ходе досудебного производства. По справедливому замечанию исследователей, законодатель, возлагая на прокуратуру данную функцию, исходил из необходимости создания надежного механизма реализации конституционных гарантий граждан и поддержания верховенства закона на первоначальных этапах уголовного процесса [8]. Источниками правового регулирования здесь выступают как общие положения ст. 37 УПК РФ, так и специальные нормы Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». При этом важно отметить, что ст. 30 указанного закона устанавливает отсылочный характер правового регулирования, определяя, что конкретные полномочия прокурора в этой области детализируются непосредственно уголовно-процессуальным законодательством.

Системный анализ действующего законодательства позволяет говорить о дифференцированном подходе к объему надзорных полномочий прокурора. Как обоснованно указывается в разъяснениях прокуратуры, если при надзоре за органами дознания прокурор вправе отменять любые незаконные решения, то в отношении органов предварительного следствия его полномочия носят ограниченный характер [6]. Такое положение дел стало прямым следствием законодательных изменений 2007 г., когда вступил в силу Федеральный закон № 87-ФЗ, коренным образом изменивший полномочия на досудебной стадии. Проведенный А.Н. Гасымовым анализ показывает, что изменения были направлены на передачу ключевых процессуальных прав руководителю следственного органа. За прокурором же сохранилась лишь функция надзора, что, по мнению исследователей, позволило укрепить процессуальную независимость следователей [2, с. 102].

Однако в научной среде сохраняется дискуссия относительно достаточности существующего объема полномочий. С.В. Корнакова и Е.В. Чигрина констатируют явную недостаточность полномочий прокурора для обеспечения законности на предварительном следствии, отмечая, что реформа серьезно ограничила возможности прокурора по своевременному устранению нарушений прав и свобод граждан, допущенных следователем [4, с. 40]. Эта позиция находит подтверждение в анализе правоприменительной практики: прокурор, по сути, отстранен от оперативного руководства расследованием и может вмешаться в него полноценно лишь на этапе поступления уголовного дела с обвинительным заключением в порядке ст. 221 УПК РФ.

В юридической науке сохраняется плюрализм мнений относительно оптимального объема и границ прокурорских полномочий, однако позиция законодателя отличается определенностью и формальной закрепленностью. Систематизация данных полномочий возможна по нескольким критериям: в зависимости от процедурной формы их осуществления, стадии уголовного судопроизводства, к которой они приурочены, либо их правового веса и последствий. Стержневым правомочием, пронизывающим всю ткань досудебного производства, выступает возможность прокурора инициировать процедуру устранения выявленных отступлений от предписаний федерального законодательства, допущенных органами предварительного следствия [6]. Это право, будучи прямым выражением надзорной сущности прокуратуры, материализуется, главным образом, в форме официальных письменных требований либо представлений, адресованных руководителям следственных подразделений.

Особое место в структуре прокурорских полномочий занимают те, что направлены на охрану конституционного статуса личности. Углубляясь в данный аспект, К.А. Корчагина формулирует важный тезис: фокус прокурорского надзора должен быть сконцентрирован именно на тех процессуальных решениях и действиях следователя, которые способны ограничить или затронуть фундаментальные права и свободы граждан, гарантированные Конституцией [5, с. 88]. Из этого следует, что мерилом результативности всей надзорной деятельности прокурора служит его способность обеспечивать неприкосновенность частной жизни, личную свободу, а также защиту жилища и иных конституционно значимых благ человека на самых ранних этапах уголовного преследования.

Однако формальное наличие права требовать устранения нарушений и реальная эффективность такой защиты далеко не всегда тождественны. Представляется, что ключевая проблема кроется во временном разрыве между моментом допущенного нарушения и моментом прокурорского реагирования. Поскольку прокурор не обладает правом directio (прямого руководства) расследованием, он зачастую вынужден реагировать, когда конституционные права уже ограничены, а негативные последствия (например, незаконное содержание под стражей) уже наступили. В связи с этим возникает объективная потребность в усилении предупредительной составляющей надзора. Достижение этой цели видится не столько в расширении запретительных полномочий прокурора, сколько в совершенствовании механизмов мониторинга ключевых следственных действий в режиме, приближенном к реальному времени, и в усилении ответственности следственных органов за неисполнение требований прокурора. Только тогда конституционная доктрина, обозначенная К.А. Корчагиной, обретет необходимую процессуальную основу для своей реализации.

Важным направлением деятельности прокурора является надзор за законностью приостановления и прекращения уголовных дел. Хотя непосредственно отменять постановления следователя об этом прокурор не может (это прерогатива руководителя следственного органа), он обладает правом истребовать уголовное дело и при обнаружении необоснованности принятого решения направить руководителю следственного органа требование об отмене такого постановления. Данный механизм является примером «опосредованного» реагирования, эффективность которого напрямую зависит от взаимодействия прокурора и руководителя следственного органа.

В научной литературе поднимается вопрос о разграничении функций прокурора и руководителя следственного органа. Геворг Багдасарян, исследуя данную проблему на постсоветском пространстве, отмечает, что законодателю не всегда удается реализовать концепцию «один субъект – одна функция», и на практике происходит неизбежное пересечение полномочий [9]. В российском контексте это проявляется в том, что, несмотря на передачу процессуального руководства следствием руководителю следственного органа, прокурор сохраняет ряд властно-распорядительных полномочий, в частности, право давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения.

Кульминационным моментом реализации надзорных полномочий является этап окончания предварительного следствия. В соответствии со ст. 221 УПК РФ, прокурор, получив уголовное дело с обвинительным заключением, принимает по нему одно из ключевых решений. Он вправе утвердить обвинительное заключение и направить дело в суд; возвратить дело следователю для производства дополнительного расследования, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения; либо направить дело вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду.

Опираясь на эмпирический материал, представленный А.Н. Гасымовым, можно проследить положительную динамику в осуществлении надзорной функции прокурора применительно к рассматриваемой стадии. Исследователь обращает внимание на то, что институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования в порядке ст. 221 УПК РФ сохраняет свою актуальность, о чем свидетельствуют стабильно высокие показатели его применения [2, с. 107]. Одновременно с этим фиксируется устойчивая тенденция к сокращению количества дел, возвращаемых судами прокурору по правилам ст. 237 УПК РФ. Такая динамика позволяет предположить, что прокурорский надзор становится более качественным и своевременным, что снижает необходимость судебного вмешательства на последующих стадиях процесса.

В доктрине уголовного процесса активно обсуждаются направления оптимизации прокурорских полномочий [10, с. 550]. В частности, К.А. Корчагина аргументирует целесообразность структурного обособления надзорной функции в уголовно-процессуальном законе. По ее мнению, следовало бы исключить упоминание о надзоре из ст. 37 УПК РФ, посвятив ему самостоятельную главу кодекса, в которой надлежит детально регламентировать предмет, границы и конкретные формы надзорной деятельности прокурора [5, с. 90]. Такая законодательная техника, как полагает автор, позволила бы преодолеть функциональную неопределенность и разграничить надзорную деятельность и уголовное преследование, которые в текущей редакции закона оказываются концептуально смешанными.

Регламентация прокурорских полномочий не исчерпывается нормами УПК РФ и получает развитие в ведомственных актах Генеральной прокуратуры. Так, Приказ № 544 от 17 сентября 2021 г. ориентирует прокуроров на максимально полное использование законодательного инструментария в целях своевременного выявления и устранения процессуальных нарушений. Особый акцент в данном документе сделан на приоритетной защите прав участников процесса, в первую очередь на досудебных стадиях, где риски их ограничения наиболее высоки [7].

Самостоятельную значимость в структуре прокурорских правомочий имеет институт изъятия уголовного дела. Предусмотренная п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ возможность передачи дела из одного органа расследования в Следственный комитет РФ носит исключительный, резервный характер. Механизм активируется в ситуациях, требующих повышенных гарантий объективности и беспристрастности следствия, в частности, когда выявляются обстоятельства, ставящие под сомнение законность действий первоначального органа расследования либо свидетельствующие о его заинтересованности.

Представляется, однако, что само по себе наличие у прокурора права на изъятие дела еще не гарантирует безупречности расследования. Данное полномочие, будучи по своей природе экстраординарным, скорее выступает индикатором системных сбоев в работе следственных органов, нежели инструментом повседневного администрирования. В связи с этим возникает вопрос: не свидетельствует ли необходимость частого применения п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ о недостаточной эффективности превентивных надзорных механизмов? Логика правового регулирования должна быть выстроена таким образом, чтобы исключить саму возможность возникновения ситуаций, требующих «экстренной замены» следователя. Это возвращает нас к идее К.А. Корчагиной о необходимости четкого законодательного разграничения предмета надзора. Только когда надзор станет не просто реакцией на уже состоявшийся сбой, а системой постоянного мониторинга законности, полномочие по изъятию дела утратит свою исключительность и превратится в гарантию «последнего рубежа», а не в рядовой способ исправления следственных ошибок.

В контексте современных вызовов, связанных с цифровизацией, меняются и подходы к реализации прокурорских полномочий. А.А. Вяткин, исследуя надзор за расследованием киберпреступлений, отмечает, что традиционные подходы требуют существенной адаптации, а прокуроры должны обладать специальными компетенциями для оценки полноты расследования в цифровой среде [1]. Это предполагает необходимость развития соответствующих методик прокурорских проверок.

Проблемным аспектом остается вопрос о сроках реализации надзорных полномочий. Как указывают исследователи, выявление нарушений на этапе изучения дела с обвинительным заключением зачастую происходит тогда, когда время для эффективного устранения этих нарушений уже упущено [4, С. 40]. В связи с этим в науке обосновывается необходимость расширения полномочий прокурора по оперативному реагированию на нарушения в ходе самого расследования, а не только по его окончании.

Анализ зарубежного опыта показывает вариативность моделей взаимоотношений прокурора и следствия. В некоторых правовых системах прокурор обладает гораздо более широкими полномочиями по руководству расследованием, вплоть до дачи обязательных указаний следователям по любым вопросам. Изучение этого опыта может быть полезно для выработки предложений по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства.

В контексте соотношения ведомственного контроля и прокурорского надзора исследователи приходят к выводу, что речь должна идти не о замене одного другим, а о поиске должного баланса между этими институтами [4, с. 44]. Полномочия прокурора должны быть достаточными для обеспечения законности, но при этом не подменять собой организационные функции руководителя следственного органа и не сковывать процессуальную самостоятельность следователя.

Осуществляя свои полномочия, прокурор решает две взаимосвязанные задачи: наблюдение за законностью в действиях следствия и поддержание уголовного преследования. В доктрине подчеркивается, что эти задачи не конкурируют, а дополняют друг друга – надзорная проверка законности процессуальных решений одновременно служит инструментом подтверждения обоснованности самого уголовного преследования [6].

Резюмируя изложенное, следует отметить, что полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия представляют собой сложную, многоуровневую систему. Результативность данной системы зависит как от четкости законодательных формулировок, так и от сложившейся практики взаимодействия прокурора с руководителем следственного органа. Современный этап развития уголовно-процессуального законодательства характеризуется поиском оптимального баланса между надзорной функцией прокурора и самостоятельностью следственных органов,

при этом дискуссия об объеме полномочий прокурора остается одной из центральных в науке уголовного процесса.

Литература

1. Вяткин А.А. Ключевые аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / А.А. Вяткин // Полицейская деятельность. – 2025. – № 5. – С. 11–24.

2. Гасымов А.Н. К вопросу о роли и оценке Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ в повышении эффективности надзорной деятельности прокурора на стадии предварительного следствия: некоторые итоги / А.Н. Гасымов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – Т. 8, № 1(25). – С. 101–112.

3. Корнакова С.В. Полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства в России и за рубежом / С.В. Корнакова // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 3. – С. 149–155.

4. Корнакова С.В. Проблемные вопросы реализации прокурорского надзора и ведомственного контроля на предварительном следствии / С.В. Корнакова, Е.В. Чигрина // Российский следователь. – 2025. – № 1. – С. 40–44.

5. Корчагина К.А. Надзор прокурора за органами предварительного расследования: понятие, предмет и содержание / К.А. Корчагина // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 84–92.

6. Полномочия прокурора при осуществлении надзора в стадии предварительного расследования [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации ГО «Город Калининград». – 2025. – Режим доступа: https://www.klgd.ru/useful/prokuratura/detail.php? ID=71698692 (дата обращения: 04.03.2026).

7. Прокурорский надзор за органами предварительного следствия [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/podborki/prokurorskij_nadzor_za_organami_predvaritelnogo_sledstviya/ (дата обращения: 04.03.2026).

8. Цветков Ю.А. «В интересах законности»: парадоксы производства в суде надзорной инстанции / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство. – 2025. – № 3. – С. 36–41.

9. Багдасарян Г. Разделение функций руководителя следственного органа и надзирающего прокурора в контексте взаимоотношений участников процесса / G. Baghdasaryan // Государство и право – 2025. – С. 63–74.

10. Pilnacek C. Ein Jahr StPO-Reform – Erwartungen, und Zukunft / C. Pilnacek // 2009. – № 62. – S. 550–554.

POWERS OF THE PROSECUTOR IN THE IMPLEMENTATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF THE PROCEDURAL ACTIVITIES OF BODIES CONDUCTING PRELIMINARY INVESTIGATION

Vashchenko D.S.
International Innovative University

This article examines the legal basis for the prosecutor's powers, as enshrined in Article 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation," as well as their transformation following the 2007 reform. Particular attention is paid to the controversial issues of the adequacy of the prosecutor's current scope of powers given the delineation of their functions with the head of the investigative body. Statistical data demonstrating the demand for the power to return cases for further investigation are analyzed. Based on an analysis of scientific literature and law enforcement practice, problematic aspects are identified, including the delay in responding to violations and the confusion of oversight and criminal prosecution functions. The article concludes that the modern system of prosecutorial oversight represents a complex balance between the independence of the investigation and the need to ensure the rule of law. Further improvement of this institution is seen not in expanding prohibitive measures, but in strengthening the preventive component of oversight and streamlining the mechanisms for interaction between the prosecutor and the head of the investigative body.

Keywords: Institute of prosecutorial supervision; pre-trial proceedings; competence of the prosecutor; criminal procedure legislation; departmental procedural control; ensuring the rule of law; protection of citizens' rights; procedural independence of the investigator.

References

1. Vyatkin, A.A. Key Aspects of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws by Bodies of Inquiry and Preliminary Investigation in the Investigation of Crimes Committed Using Information and Telecommunication Technologies. Police Activity, (5), Pp. 11–24.

2. Gasymov, A.N. On the Issue of the Role and Assessment of Federal Law No. 87-FZ of 05.06.2007 in Improving the Efficiency of Supervisory Activities of the Prosecutor at the Stage of Preliminary Investigation: Some Results. Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University, 8(1(25)), Pp. 101–112.

3. Kornakova, S.V. Powers of the Prosecutor in the Field of Criminal Proceedings in Russia and Abroad. Actual Problems of Russian Law, (3), Pp. 149–155.

4. Kornakova, S.V. and Chigrina, E.V. Problematic Issues of Implementing Prosecutorial Supervision and Departmental Control at the Preliminary Investigation. Russian Investigator, (1), Pp. 40–44.

5. Korchagina, K.A. Prosecutor's Supervision over Preliminary Investigation Bodies: Concept, Subject and Content. Legal Bulletin of Samara University, 10(4), Pp. 84–92.

6. Powers of the Prosecutor When Exercising Supervision at the Stage of Preliminary Investigation. Official website of the Administration of the Kaliningrad City District. Available at https://www.klgd.ru/useful/prokuratura/detail.php? ID=71698692 (Accessed: 4 March 2026).

7. Prosecutorial Supervision over Preliminary Investigation Bodies. RRS ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/law/podborki/prokurorskij_nadzor_za_organami_predvaritelnogo_sledstviya/ (Accessed: 4 March 2026).

8. Tsvetkov, Yu.A. In the Interests of Legality": Paradoxes of Proceedings in the Court of Supervisory Instance. Criminal Proceedings, (3), Pp. 36–41.

9. Baghdasaryan, G. Separation of the Functions of the Head of the Investigative Body and the Supervising Prosecutor in the Context of Relations Between the Public Participants in the Proceedings. State and Law, Pp. 63–74.

10. Pilnacek, C.. Ein One Year of the Code of Criminal Procedure Reform – Expectations and Future. Austrian Judges' Journal (62), Pp. 550–554.

О координирующей роли органов прокуратуры в противодействии преступности в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан: сравнительно-правовое исследование

Власов Дмитрий Викторович,
аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности МГЮА им. О.Е. Кутафина
E-mail: 11dmr@mail.ru

Целью статьи является поиск путей совершенствования координирующей деятельности Прокуратуры Российской Федерации в области противодействия преступности на основе сравнения российского опыта с опытом Беларуси и Казахстана. Автор раскрывает сущность координации, отмечает обоснованность наделения прокуратуры координирующими функциями в борьбе с преступностью, подчеркивая управленческий аспект. Анализируется законодательная основа координационной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан с выявлением национальной правовой специфики, а также общих черт, обусловленных, в том числе, Модельным законом СНГ «О прокуратуре». Важную роль координирующей функции автор связывает с принадлежностью органов прокуратуры всех трех государств к надзорной модели, которая принципиально отличается от обвинительной модели. Это не препятствует и выделению некоторых значимых различий прокуратур указанных стран в части выполнения координирующей роли в противодействии преступности. Анализируются некоторые преимущества и недостатки координирующих функций соответствующих органов прокуратуры. Ключевой проблемой автор признает недостаточно детальное регулирование координирующей деятельности в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». С учетом изученного отечественного и зарубежного опыта предлагаются меры по совершенствованию указанного Закона в части регулирования координирующей деятельности прокуратуры.

Ключевые слова: координирующая деятельность; Прокуратура Республики Беларусь; Прокуратура Республики Казахстан; Прокуратура Российской Федерации; противодействие преступности; роль прокуратуры.

Введение

Координирующий характер деятельности органов прокуратуры не вызывает сомнений, особенно если учесть положения Конституции РФ [1] и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [4] (далее – Закон о прокуратуре). Высоко оценивая в целом эту роль, нельзя не сказать, что сама координирующая деятельность указанного органа в рассматриваемой сфере по-прежнему остается остро нуждающейся в совершенствовании. Об обоснованности изложенного мнения свидетельствует динамика криминогенной ситуации: если в одних аспектах проблема преступности становится менее острой, то в других аспектах обстановка обостряется, в том числе и в связи с появлением новых видов преступлений, новых способов их совершения [16]. Особенно это касается преступлений в сфере информационных технологий, также преступлений, направленных против государства, зачастую чреватых колоссальными рисками. Борьба с ними, как и со многими иными преступлениями, требует объединения усилий и скоординированной работы всех правоохранительных органов. В этой связи интерес представляет и опыт развития координирующей деятельности органов прокуратуры в республиках Беларусь и Казахстан.

Целью статьи является поиск путей совершенствования координирующей деятельности Прокуратуры Российской Федерации в области противодействия преступности на основе сравнения российского опыта с опытом Беларуси и Казахстана.

Основная часть

Непосредственно в Конституции РФ о координирующей роли прокуратуры не упоминается. Тем не менее, именно этим нормативным документом заложена правовая основа прокурорских координационных полномочий. При этом наделение прокуратуры координирующей ролью в системе органов публичной власти представляется вполне закономерным по ряду причин.

Во-первых, прокуратура ни де-юре, ни де-факто не включена ни в одну из трех традиционных ветвей власти, а представляет собой систему органов надзора, согласно ч. 1 ст. 129 Конституции РФ. Конечно, здесь нельзя не отметить включенность норм о прокуратуре в главу, посвященную регулированию деятельности органов правосудия. Однако, исходя из ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, прокуратура и к системе правосудия не относится. В этой связи она является обособленным, относительно независимым звеном системы власти.

Во-вторых, прокуратура выступает именно надзорным органом. Если учесть, что по замыслу авторов Основной Закона страны правоохранительные органы – это именно органы исполнительной власти (функции обеспечения общественного порядка, безопасности и борьбы с преступностью п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ возлагает на Правительство РФ, а значит, и на подконтрольные ему ведомства правоохранительной направленности), то прокуратура, не включенная в их систему, также выступает некоторым звеном, которое отличается определенной независимостью.

В-третьих, ведущая роль в деятельности по противодействию преступности и, соответственно, возможность скоординировать работу правоохранительных органов в этом направлении, у прокуратуры обусловливается также наличием полномочий обеспечивать уголовное преследование на основании той же ст. 129 Конституции РФ. По сути, прокуратура является центральным звеном уголовного преследования и во многом играет замыкающую роль, поскольку материалы дела по завершении предварительного расследования, а также итоговые документы по ним (обвинительное заключение в соответствии с ч. 5 ст. 215 УПК РФ или обвинительный акт в соответствии с. 4 ст. 225 УПК РФ) направляются прокурору. Он же готовит и материалы для передачи уголовного дела в суд (ст. 222, 226 УПК РФ), представляет сторону обвинения при рассмотрении соответствующего дела судом (ст. 37 УПК РФ).

В целом координирующую роль прокуратуры вполне возможно объяснить комплексным характером ее полномочий, которые во многом носят общий характер и выходят далеко за пределы уголовного

судопроизводства, затрагивая именно работу по обеспечению конституционной законности в стране.

Изложенным определяется закономерность признания прокуратуры в качестве координирующего звена в системе противодействия преступности. Более того, ведущая роль определена и положениями ст. 8 Закона о прокуратуре. П. 1 данной статьи закрепляет полномочия Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров координировать соответствующую деятельность.

1. Органов внутренних дел.

2. Органов федеральной службы безопасности.

3. Таможенных органов.

4. Других органов, чья деятельность носит правоохранительную направленность.

Стоит признать заслугой российских властей наделение прокуратуры координирующими полномочиями в рамках ст. 8 Закона о прокуратуре. В этом Россия опередила в свое время прочие страны постсоветского пространства [10, с. 3]. Поэтому начиная с первой половины 1990-х гг. российская прокуратура, с одной стороны, может рассматриваться и как один из правоохранительных органов; с другой стороны, она занимала и продолжает занимать более высокий статус в сравнении с иными правоохранительными органами, в том числе с учетом ее координирующей роли, также с учетом наличия надзорных полномочий, которые имеют именно конституционный характер.

Реализуются координационные полномочия прокурора, согласно п. 2 ст. 8 указанного Закона, в рамках:

1) созыва координационных совещаний;

2) организации рабочих групп;

3) истребования необходимой информации от различных ведомств.

В целом спектр таких полномочий достаточно широк и определяется не только указанным Законом, но и Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью [6] (далее – Положения о координации). В п. 6 указанного документа перечислены 10 форм координационной деятельности, среди которых особо можно подчеркнуть создание следственно-оперативных групп, оказание взаимной помощи, издание совместных подзаконных нормативных актов. В целом это позволяет именно объединять усилия в деле борьбы с преступностью.

Координирующая роль прокуратуры в анализируемом документе также подчеркнута. В частности, в п. 3 Положения, со ссылкой на Закон о прокуратуре, говорится о праве прокуроров координировать работу по противодействию преступности. В п. 6.1 выделено такое полномочие прокуроров, как утверждение плана мероприятий по обеспечению координации, но именно во взаимодействии с руководителями иных правоохранительных органов. Поэтому уместно признать, что в значительной степени координационная роль прокуратуры заключается именно в планировании деятельности.

На основе анализа Положения о координации можно было бы сделать вывод о том, что формально прокуратура не играет принципиальную роль в обеспечении согласованной работы правоохранительных органов по противодействию преступности. Однако, такой вывод был бы ошибочным. Так или иначе, от усилий прокуратуры зависит многое именно в работе по противодействию преступности.

Возможно, при рассмотрении нормативных документов особая роль прокуратуры, как координирующего субъекта, прослеживается не особо явно именно по причине существенного отличия координационной деятельности от руководящей (управленческой). Хотя отдельные авторы, например, А.В. Конюк, координацию в полной мере отождествляют с руководством, но имеющим вневедомственный характер. При этом в качестве примеров, где такое «руководство» реализовано, приводятся Россия и Беларусь [14, с. 232]. Отчасти такая позиция видится оправданной.

Координация базируется, в частности, на указанных в п. 4 Положения принципах равенства участников и их самостоятельности. Конечно, эти принципы нельзя назвать абсолютными, поскольку их реализация предполагает определенные пределы.

Так, принцип равенства предполагает равный характер возможностей каждого из органов выносить вопросы для обсуждения, вносить предложения, участвовать в разработке рекомендаций, также принимать участие в каких-либо мероприятиях. Однако это не исключает ведущей роли органов прокуратуры в проведении совместных координационных мероприятий [19, с. 30]. В этом смысле равенство, конечно же, является ограниченным. Такая ограниченность равенства в определенной степени становится очевидной, если обратить внимание, например, на полномочия участников рассматриваемой деятельности. В ее рамках именно прокуроры созывают координационное совещание, а не руководители других правоохранительных ведомств. Хотя и другие ведомства тоже могут инициировать подобные совещания (п. 7 Положения).

Самостоятельность каждого из органов тоже носит в определенной степени ограниченный характер, ведь, согласно п. 4, каждый орган самостоятелен лишь в пределах своей компетенции, что означает и невозможность непосредственного вмешательства в его работу. В то же время, нельзя не учесть наличие надзорных полномочий у прокуроров. В этой связи самостоятельность тоже имеет границы.

В материалах практики Конституционного и Верховного судов РФ вопросы координирующей роли прокуратуры почти не затрагиваются. Хотя об одном случае упомянуть следует. В 2015 г. Конституционный Суд РФ, выражая свою позицию относительно ряда норм Закона о прокуратуре, упомянул и о занятии данным ведомством координирующего положения. Такое положение обосновывалось, в частности, наличием специального регулирования и существованием особого механизма, в рамках которого реализуется надзор. Суд подчеркнул и недопустимость сомнений в координирующей роли прокуратуры применительно и к тем случаям, когда иные органы принимают участие в прокурорских проверках, поскольку таковые органы, как участники мероприятий прокуратуры, в полной мере самостоятельными не являются [7].

Координирующая роль прокуратуры в деле противодействия преступности неразрывно связана с работой по профилактике правонарушений, которые в ст. 2 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [5] (далее – Закон об основах системы профилактики) понимаются не в узком уголовно-правовом смысле, а именно в широком, общеправовом смысле, охватывая противоправные деяния, влекущие как административную, так и уголовную ответственность. Прокуратура, согласно ст. 9 данного Закона, наряду с иными правоохранительными органами, перечисляется как субъект профилактики. При этом в ст. 30 того же Закона при упоминании о межведомственных, ведомственных и региональных координационных органов не говорится о роли прокуратуры как субъекта, управомоченного формировать именно межведомственные координационные органы. В этом видится определенная недооценка со стороны законодателя ее координирующей роли. Аналогичного мнения придерживается в своей диссертации, например, А.А. Берндт, высказывающая идею о принципиальной необходимости законодательного закрепления координирующей роли прокуратуры в числе субъектов, занятых профилактикой правонарушений, в том числе и уголовно наказуемых [11, с. 141].

Изложенная позиция видится обоснованной и в связи с тем, что прокуратурой координируется работа не только правоохранительных органов, но и структур, занятых решением общесоциальных задач, контрольно-надзорных органов, также субъектов бизнеса и общественности в профилактике правонарушений [11, с. 175–176]. Но именно координационная работа в деле противодействия преступности видится наиболее значимым направлением координационной работы в целом применительно к прокуратуре.

Примечательно, что в диссертации Ш.М. Магомедова координационная деятельность рассматривается именно в контексте борьбы с преступностью и относится к деятельности ненадзорного характера, реализуемой в уголовно-правовой области [15, с. 47]. Признавая обоснованность такого взгляда, нельзя не отметить его узость, ведь когда говорится о координирующей роли прокуратуры, то вполне уместно к ней причислять также и работу по противодействию противоправным деяниям неуголовной природы, в том числе квалифицируемым в качестве административных правонарушений [12, с. 67]. Сюда же следовало бы отнести и работу профилактической направленности, но, к сожалению, Закон о прокуратуре не упоминает о координации прокуратурой профилактики преступлений и правонарушений в целом [19, с. 32].

В контексте сравнительного анализа координирующей роли прокуратур разных стран уместно подчеркнуть наличие двух моделей, на базе которых организуется функционирование данных структур в пределах постсоветского пространства. Первая модель, реализованная, в частности, в России, Беларуси и Казахстане, именуется надзорной; вторая, являющаяся менее распространенной, именуется обвинительной и для нее не является характерным наделение прокуроров надзорными полномочиями. Хотя такое разграничение не всегда четко прослеживается во всех странах [14, с. 232; 15, с. 38]. В этой связи координирующая роль в большей мере присуща органам прокуратуры надзорного типа. Это позволяет сделать вывод о том, что в значительной степени подходы в определении функционала прокуратуры в России, Беларуси и Казахстане совпадают.

Общепризнанным в настоящее время остается подход к рассмотрению прокуратуры именно как надзорного органа, в том числе и с учетом Модельного закона «О прокуратуре» [2], принятого для стран-членов СНГ в качестве образца, в котором координирующие функции

занимают далеко не последнее место. В частности, в ст. 5 о координации правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью упоминается как об одной из семи базовых функций прокуратуры. Помимо того, гл. 12 указанного документа специально посвящена вопросам координации.

Исходя из п. 1 ст. 52 указанного Модельного закона, координация есть целенаправленная нормативно урегулированная деятельность по обеспечению согласованности и объединению усилий правоохранительной деятельности государственных органов, ведущих борьбу с преступностью. Указанное понимание координации, к сожалению, не отражено в российском законодательстве применительно к деятельности прокуратуры. Хотя и оно имеет недостатки: в нем представлена данная деятельность именно в узком аспекте, не охватывающем профилактику преступлений и борьбу с правонарушениями в целом, хотя эта работа реализуется правоохранительными органами, координируемыми прокуратурой.

Правовой статус органов прокуратуры многих других стран в целом аналогичен, в том числе и в части выполнения некоторой координирующей функции в деле борьбы с преступностью. Однако законодательство каждой страны в регламентации деятельности данного ведомства имеет свою специфику, а потому представляет интерес в контексте сравнения с отечественным законодательством и практикой. И среди государств, чей опыт заслуживает наибольшего внимания, уместно выделить республики Беларусь и Казахстан как наиболее дружественные и тесно сотрудничающие с Россией государства.

Закон Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» [8] достаточно много внимания уделяется координационному аспекту. В п. 2 ст. 4 прямо закрепляется полномочие прокуратуры координировать именно правоохранительную деятельность, в том числе связанную с борьбой с преступностью и профилактикой правонарушений. Заслуживает внимания и специально посвященная координационному аспекту ст. 12, отличающимся значительным объемом. П. 1 указанной статьи наделяет именно прокурора полномочием возглавить координационное совещание по борьбе с преступностью, чем определяется и ведущая роль прокуратуры как координатора. Внимания заслуживает и перечень полномочий прокурора, выполняемых в рамках координации, представленный в п. 3 анализируемой статьи. В рамках этих полномочий сугубо положительной оценки заслуживают, в частности следующее.

1. Определение периодичности такого рода совещаний (не реже одного раза в год).

2. Закрепление права прокурора на дачу письменных указаний, которые обязательны для исполнения.

3. Заслушивание отчетов руководителей иных органов.

В этой связи видятся немаловажные различия координирующих возможностей прокурора в России и Беларуси. Действующее в России Положение о координации не упоминает об обязанности руководителей иных правоохранительных органов представлять прокурору отчеты в рамках координационных совещаний. Нет возможностей и давать обязательные для исполнения другими органами указания именно в рамках координации. В этом смысле в Беларуси прокурор имеет более конкретные и широкие полномочия координационной направленности; очевидно, что у него и больше возможностей для активизации усилий иных правоохранительных органов в решении конкретных задач.

Одновременно с этим, есть и некоторые сходства в организации координационной работы прокуратуры Беларуси и России: в обеих странах порядок координации в общем виде регламентируется актами Президента, то есть внутриведомственное регулирование координационной работы определенно ограничено.

Касательно Казахстана уместно отметить определенную нестабильность взглядов на прокуратуру как на звено системы власти, что неоднократно демонстрировалось законодателем. Примечательно, что особая роль координирующей функции прокуратуры в Казахстане имела место не всегда. Н.М. Абдиров пишет, что в 1992 г. законодательство данной страны не содержало положений о координации прокуратурой работы по противодействию преступности; в 1994 г. координирующие полномочия прокуратура все-таки получила; в 1995 г. эти полномочия были упразднены. При этом указанный автор объясняет такую неопределенность в позиции законодателя, в частности, отсутствием единства мнений в среде ученых-правоведов: не все из них поддерживали идею наделения прокуратуры координирующими полномочиями. Тем не менее, с 1998 г. прокуратуре Казахстана все же были возвращены координирующие полномочия [10, с. 17–18]. Действующий на момент подготовки данного исследования Конституционный закон Республики Казахстан «О прокуратуре» [9] их также предусматривает, уделяя этому аспекту особое внимание.

Отличия здесь в том, что координация в ст. 28 понимается более широко и нацелена не только на обеспечение слаженного противодействия преступности, но и на поддержание законности, а также правопорядка. При этом координационные советы при органах прокуратуры являются постоянно действующими, что тоже не может не вызывать положительной оценки в рамках данного исследования.

Таким образом, прослеживаются определенные различия в регламентации координирующей роли органов прокуратуры трех стран. При этом, безусловно, положительными аспектами представляются более широкое рассмотрение координационной деятельности прокуратуры, реализованное в законодательстве Казахстана и более широкие и конкретные полномочия прокурора по координации в Беларуси.

Конечно же изученный опыт трех стран не отражает решенность всех проблем координационной работы прокуратуры. В этой связи одна из проблем, которая заслуживает внимания, хотя и не является критически важной, связана с оценкой эффективности именно координирующей деятельности прокуратуры.

Вообще роль прокуратуры можно было бы более наглядно и убедительно отразить, ссылаясь на конкретные показатели, отражающие эффективность ее координирующей деятельности. Но пока не приходится говорить о наличии какой-то официально утвержденной и применяемой системы показателей именно координационной работы. Причем этот вывод справедлив не только применительно к России, но и применительно к Беларуси и Казахстану. В то же время, в литературе говорится о наличии возможностей оценить работу прокуратуры как координатора правоохранительной деятельности. Например, профессорами А.Н. Варыгиным и С.Ю. Бытко приводятся две группы критериев (криминологических и организационно-управленческих), которые могли бы использоваться в целях такой оценки [13, с. 27].

Среди предлагаемых криминологических критериев выделяются, в частности, динамика преступности как в целом, так и в отношении отдельных категорий преступлений, показатели раскрываемости и т.д. Однако, такого рода критерии без должного уточнения вряд ли позволят адекватно оценить роль и эффективность именно координации, ведь любое положительное или негативное изменение потенциально может и не было обусловлено совершенствованием координационной работы. Это касается и организационно-управленческих критериев.

Более того, предложенные указанными исследователями критерии организационно-управленческого характера, в частности, количество субъектов координационной деятельности, наличие координирующих планов и пр., по мнению автора статьи, если и могут быть применены, то будут скорее носить сугубо формальный характер, характеризующий усилия, а не результаты приложения этих усилий. Как справедливо отмечает Э.С. Манаширов, формальные показатели часто подменяют собой содержательную оценку результативности, что ведет к стагнации управленческих процессов [17]. Например, показатели количества координационных совещаний и числа их участников никак не смогут характеризовать эффективность координационной деятельности, поскольку само мероприятие выступает скорее формой и способом организации планирования совместной деятельности.

Тем не менее, результаты координационной деятельности все же могут быть оценены. Например, показатели количества и динамики преступлений, выявляемых в результате проведения совместных проверок, координируемых прокуратурой, вполне могут отражать и эффективность ее координационной деятельности.

В определенной степени решение вопроса об оценке эффективности координации осложняется необходимостью выработки не одного, а целой системы критериев, которые бы отражали многие аспекты противодействия преступности. В связи с этим видится необходимым направлением решения проблем выделение в качестве отдельной задачи правового регулирования выработки критериев оценки эффективности (результативности) координационной деятельности прокуратуры. Решение этой задачи, в свою очередь, должно сориентировать прокуратуру на усиление координационной работы.

Имеют место и другие проблемы, ослабляющие роль координации как условия эффективной борьбы с преступностью. Как отмечают А.П. Суворова и М.А. Орехова, нередко имеют место ситуации, когда те или иные координационные мероприятия остаются лишь сугубо формальными и не приводят к ощутимым результатам. Например, координационные совещания, проводимые в том числе представителями прокуратуры, сводятся к обсуждению либо уже решенных задач, либо проблем, решения которым не находят. То есть обсуждение не всегда влечет выработку и принятие реальных мер. В то же время, во многих случаях благодаря прокуратуре обеспечивается достаточно эффективное межведомственное взаимодействие, что позволяет выявлять крупные коррупционные схемы, в том числе благодаря обмену информацией, проведению совместных мероприятий [18, с. 69]. Способствовать

решению данной проблемы вполне может наделение прокурора полномочием давать обязательные к исполнению указания руководителям правоохранительных органов в рамках координационных совещаний, по примеру Беларуси.

Выводы

По итогам рассмотрения роли прокуратуры, как координирующей структуры в системе публичной власти, возможно сформулировать следующие выводы.

1. Органы прокуратуры всех трех стран наделены широким функционалом, имеющим в целом надзорный, а не обвинительный характер. В силу этого они осуществляют и координацию правоохранительной деятельности в рамках противодействия преступности, что находит отражение в национальных законах об органах прокуратуры. Вместе с тем, регулирование координирующей роли прокуратуры именно на уровне федерального в России видится недостаточным, особенно если проводить сравнение с Беларусью и Казахстаном.

2. Призванный обеспечить возможность координации функционал в праве трех изученных государств в целом совпадает. Хотя в отдельных аспектах законодательство Казахстана и Беларуси наделяет органы прокуратуры более широким спектром полномочий, зачастую носящих не координирующий, а руководящий характер.

3. Проблемными аспектами рассматриваемого законодательства применительно к России видятся отсутствие определений термина «координация» («координационная деятельность»), целей и (или) задач координации, критериев оценки ее эффективности. Поэтому координирующая роль прокуратуры в российском законодательстве детализирована недостаточно.

4. С учетом изложенного представляется возможным предложить следующие направления нормативного усиления координирующей роли прокуратуры России:

– рассмотрение вопроса о наделении прокуроров правом давать в рамках координационной работы указания, обязательные для выполнения руководителями других правоохранительных органов;

– детализировать основные аспекты координирующей деятельности прокуратуры в ст. 8 Закона о прокуратуре, в том числе расширив предмет координации путем включения в него также деятельности по борьбе с административными правонарушениями и деятельности по профилактике любых форм правонарушений.

В целом представляется важным усилить координирующую роль прокуратуры, распространив, соответственно, координационные полномочия на всю правоохранительную деятельность, а не только на ту ее часть, которая связана с противодействием преступности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – № 237.

2. Модельный закон «О прокуратуре» (принят на 27 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ; постановление № 27–6 от 16.11.2006) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – 2007. – № 39. – Часть 1.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (I часть). – Ст. 4921.

4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

5. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (ч. I). – Ст. 3851.

6. Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (утв. Указом Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (ред. от 14.06.2024)) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»…» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137857/ (дата обращения: 08.02.2026).

8. Закон Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Республики Беларусь» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700220 (дата обращения: 07.02.2026).

9. Конституционный закон Республики Казахстан от 05.11.2022 № 155-VII ЗРК (ред. от 12.09.2023) «О прокуратуре» // Информационно-правовая система НПА Республики Казахстан. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155 (дата обращения: 07.02.2026).

10. Абдиров Н.М. Координационная деятельность прокуратуры по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью в Республике Казахстан: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2017. – 244 с.

11. Берндт А.А. Криминологическая характеристика, детерминанты, система профилактики розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним и ее координация органами прокуратуры: дис. … канд. юрид. наук. – Ханты-Мансийск, 2024. – 284 с.

12. Богатова Е.В. К вопросу о расширении координационной функции органов прокуратуры // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 4. – С. 65–68.

13. Варыгин А.Н., Бытко С.Ю. Координационная деятельность органов прокуратуры и проблемы ее эффективности // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 2. – С. 23–28.

14. Конюк А.В. Органы прокуратуры в системе государственных органов стран СНГ // Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования: Мат. II Межд. науч.-практ. конф., посв. 80-летию со дня рожд. проф. А.М. Абрамовича (г. Минск, 24–25 мая 2024 г.). – Минск: БГУ, 2024. – С. 221–233.

15. Магомедов Ш.М. Прокурорский надзор за исполнением законов в Российской Федерации и других государствах-участниках СНГ: сравнительно-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2025. – 212 с.

16. Макоева Е.Р. Трансформация современной преступности: особенности предупреждения и противодействия // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 283–286.

17. Манаширов Э.С. Математическое доказательство экономического иррационализма политики «социальной справедливости» // Экономическое развитие России. – 2025. – 2025. – Т. 32. – № 10. – С. 308–313. – EDN RQRNTM.

18. Суворова А.П., Орехова М.А. Взаимодействие прокуратуры с другими правоохранительными органами: конкуренция или координация? // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2025. – № 2(67). – С. 66–71.

19. Фантров П.П., Шинкарук В.М. Органы прокуратуры в системе субъектов предупреждения преступлений // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 28–34.

ON THE COORDINATING ROLE OF PROSECUTORIAL BODIES IN COMBATING CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION, REPUBLIC OF BELARUS AND REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: A COMPARATIVE LEGAL STUDY

Vlasov D.V.
Moscow State Law Academy named after. O.E. Kutafina

The aim of this article is to explore ways of improving the coordinating activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in combating crime by comparing Russian experience with that of Belarus and Kazakhstan. The author reveals the essence of coordination, notes the justification for endowing prosecutors with coordinating functions in fighting crime, emphasizing the managerial aspect. The legislative basis for the coordinating activities of prosecution bodies in Russia, Belarus, and Kazakhstan is analyzed, identifying national legal specifics as well as common features conditioned, among other things, by the CIS Model Law «On Prosecution». The author links an important role of the coordinating function to the fact that the prosecution authorities of all three countries belong to a supervisory model, which fundamentally differs from the accusatory model. This does not prevent highlighting some significant differences between the prosecutions of these countries regarding their performance of the coordinating role in combating crime. Some advantages and disadvantages of the coordinating functions of relevant prosecution bodies are examined. A key problem identified by the author is insufficiently detailed regulation of coordinating activity in the Federal Law «On Prosecution of the Russian Federation». Based on the studied domestic and foreign experience, measures are proposed to improve this law concerning the regulation of the coordinating activities of the prosecution.

Keywords: coordinating activity; Prosecutor's Office of the Republic of Belarus; Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan; Prosecutor's Office of the Russian Federation; crime prevention; role of prosecution.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by national vote on December 12, 1993 with amendments approved during nationwide voting on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – № 237.

2. Model Law «On Prosecution» (approved at the 27th plenary session of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States; Resolution № 27–6 dated November 16, 2006) // Information Bulletin of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States. – 2007. – № 39. – Part 1.

3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 № 174-FZ (as amended on December 29, 2025) // Collection of Legislation of the RF. – 2001. – № 52 (Part I). – Art. 4921.

4. Federal Law dated January 17, 1992 № 2202-I (as amended on December 29, 2025) «On Prosecution in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the RF. – 1995. – № 47. – Art. 4472.

5. Federal Law dated June 23, 2016 № 182-FZ (as amended on August 8, 2024) «On the Foundations of Crime Prevention System in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the RF. – 2016. – № 26 (Part I). – Art. 3851.

6. Regulation on Coordination of Activities of Law Enforcement Bodies to Combat Crime (approved by Presidential Decree № 567 dated April 18, 1996 (as amended on June 14, 2024)) // Collection of Legislation of the RF. – 1996. – № 17.

7. Constitutional Court Decision № 2-P dated February 17, 2015 «On Reviewing the Constitutionality of Provisions of Article 6 Paragraph 1, Article 21 Paragraph 2 and Article 22 Paragraph 1 of the Federal Law 'On Prosecution in the Russian Federation'…» // ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137857 (date of access: 08/02/2026).

8. Republic of Belarus Law dated May 8, 2007 № 220-Z (as amended on December 29, 2025) «On Prosecution in the Republic of Belarus» // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700220 (date of access: 08/02/2026).

9. Republic of Kazakhstan Constitutional Law dated November 5, 2022 № 155-VII ZRK (as amended on September 12, 2023) «On Prosecution» // Information and Legal System of Normative Acts of the Republic of Kazakhstan. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155 (date of access: 08/02/2026).

10. Abdirov N.M. Coordinating Activity of Prosecutor's Office for Ensuring Legality, Order and Fight Against Crime in the Republic of Kazakhstan: Dissertation … Candidate of Juridical Sciences. – Moscow, 2017. – 244 p.

11. Berndt A.A. Criminological Characteristics, Determinants, Prevention System of Retail Sale of Alcoholic Beverages to Minors and its Coordination by Prosecutorial Authorities: Dissertation … Candidate of Juridical Sciences. – Khanty-Mansiysk, 2024. – 284 p.

12. Bogatova E.V. On Expanding the Coordinating Function of Prosecuting Authorities // Human Being and Law – XXI Century: Yearbook of Institute of Prosecution of Saratov State Academy of Law. – 2023. – № 4. – Pp. 65–68.

13. Varygin A.N., Bytko S. Yu. Coordinating Activity of Prosecuting Authorities and Problems of Its Effectiveness // Human Being and Law – XXI Century: Yearbook of Institute of Prosecution of Saratov State Academy of Law. – 2023. – № 2. – Pp. 23–28.

14. Konjuk A.V. Prosecuting Authorities within the System of Governmental Bodies of CIS Countries // Modern Statehood and Law: Theoretical and Practical Problems of Formation and Successful Operation: Materials of the Second International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th Anniversary of Professor A.M. Abramovich (Minsk, May 24–25, 2024). – Minsk: BSU, 2024. – Pp. 221–233.

15. Magomedov Sh.M. Prosecutorial Supervision over Implementation of Laws in the Russian Federation and Other Member States of the Commonwealth of Independent States: Comparative Legal Study: Dissertation … Candidate of Juridical Sciences. – Moscow, 2025. – 212 p.

16. Makoeva E.R. Transformation of Contemporary Crime: Features of Prevention and Counteraction // Deficiencies in Russian Legislation. Journal of Law. – 2023. – Vol. 16, № 4. – Pp. 283–286.

17. Manashirov E.S. Mathematical proof of the economic irrationalism of the «social justice» policy // Economic Development of Russia. – 2025. – 2025. – Vol. 32. – № 10. – pp.308–313. – EDN RQRNTM.

18. Suvorova A.P., Orekhova M.A. Interaction between Prosecution and other Law Enforcement Agencies: Competition or Coordination? // Vestnik Saint Petersburg Law Academy. – 2025. – № 2(67). – Pp. 66–71.

19. Fantrov P.P., Shinkaruk V.M. Prosecuting Authorities within the System of Subjects Preventing Crimes // Legal Paradigm. – 2022. – Vol. 21, № 2. – Pp. 28–34.

Виртуальное насилие: уголовно-правовая квалификация угрозы убийством, совершённой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

Воронкова Евгения Олеговна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Алтайский государственный университет,
E-mail: evgeniya-voronkova@mail.ru

В статье исследуются проблемы квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), совершённой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Анализ судебной статистики подтверждает актуальность темы. Формулируется авторское понятие виртуального насилия. Рассматриваются критерии реальности угрозы в виртуальной среде, сложившиеся в судебной практике. Проводится сравнительный анализ с законодательством стран Шанхайской организации сотрудничества (Китай, Казахстан и Узбекистан), выявляются подходы к учёту цифровых следов. Предлагаются критерии выделения виртуального насилия, а также подходы к квалификации, учитывающие совокупность обстоятельств, подтверждающих реальность угрозы. Автор приходит к выводу о необходимости учёта способа передачи угрозы при оценке её реальности и выработки единообразных подходов в правоприменительной практике.

Ключевые слова: виртуальное насилие, цифровое насилие, угроза убийством, цифровые преступления, психическое насилие, реальность угрозы

Анализ данных судебной статистики, Верховного Суда Российской Федерации, свидетельствует о значительном распространении преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ. В 2022 г. по ч. 1 ст. 119 УК РФ было осуждено 18 742 лица, в 2023 г. – 19 156 лиц, в 2024 г. – 20 103 лица. При этом число осуждённых по ч. 1 ст. 119 УК РФ с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (квалифицирующий признак, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 119 УК РФ) возросло с 2 847 в 2022 г. до 4 126 в 2024 г. Указанные данные подтверждают актуальность исследования проблем квалификации виртуального насилия и необходимость выработки единообразных подходов к оценке реальности угрозы, передаваемой дистанционно.

Усиление деловой, социальной активности в киберпространстве, цифровая трансформация предпринимательской деятельности и деятельности государственных и муниципальных служб обусловливают актуальность проблем трансформации права в условиях развития цифровых технологий [1, с. 133]. Развитие информационно-телекоммуникационных сетей привело к трансформации способов совершения традиционных насильственных преступлений. Одним из наиболее распространённых проявлений такого рода является угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, совершённая с использованием социальных сетей и иных средств дистанционной коммуникации. Необходимо выявить особенности квалификации преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, в случаях, когда угроза передаётся посредством информационно-телекоммуникационных сетей, сформулировать понятие виртуального насилия и предложить критерии отграничения от смежных составов.

В доктрине уголовного права понятие «виртуальное насилие» находится на стадии формирования. Анализ существующих подходов позволяет выделить сущностные признаки данного феномена. Во-первых, виртуальное насилие всегда обусловлено использованием информационно-телекоммуникационных сетей, что отличает его от традиционных форм насилия. Во-вторых, способ воздействия трансформирует механизм восприятия угрозы потерпевшим: отсутствие непосредственного физического контакта компенсируется иными факторами (демонстрация осведомлённости, использование нескольких каналов связи, прикрепление фотоматериалов). В-третьих, общественная опасность виртуального насилия не уступает традиционному, поскольку психическое воздействие может быть столь же интенсивным.

Э.Л. Сидоренко определяет Цифровое насилие как онлайн-воздействие на лицо либо группу лиц против либо вопреки их воли. Оно совершается с помощью информационно-коммуникационных технологий для причинения вреда или угрозы его причинения физическим лицам, что приводит или может привести к причинению психологического, физического и экономического ущерба [2, с. 72]. М.А. Филатова отмечает, что кибернасилие в широком смысле – это любые насильственные преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а в узком – акт психического насилия, совершаемый в отношении отдельных лиц с использованием информации и телекоммуникационных технологий [3, с. 48]. Н.Ю Волосова отмечает в своей работе, что термин «кибернасилие» рассматривается исследователем как родовой для определения различных форм насилия с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. [4, с. 40].

Основываясь на российском и зарубежном опыте практики правоприменения, автор видит виртуальное насилие как умышленное общественно опасное деяние, посягающее на физическую или психическую неприкосновенность личности, совершённое с использованием информационно-телекоммуникационных сетей или иммерсивных технологий, характеризующееся технологической опосредованностью способа совершения, трансформацией механизма восприятия угрозы потерпевшим, сохранением общественной опасности при отсутствии непосредственного физического контакта, а также возможностью виртуализации насилия и имбрикации вреда. В рамках настоящего исследования рассматривается одна из форм виртуального насилия – угроза

убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, совершённая дистанционно.

Объективная сторона состава, предусмотренного ст. 119 УК РФ, включает: наличие угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, реальность её осуществления и доведение угрозы до сведения потерпевшего. Как указывает Н.В. Тыдыкова в своей работе, есть несколько правил квалификации угрозы убийством. Один из которых реальность угрозы (наличие оснований опасаться осуществления этой угрозы) является обязательным признаком как состава преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, так и других составов, где угроза убийством выступает квалифицирующим обстоятельством. [5, с. 42]. В традиционном понимании реальность оценивалась через непосредственный физический контакт, демонстрацию оружия или конкретные действия, подтверждающие намерение виновного. Использование информационно-телекоммуникационных сетей существенно трансформирует механизм восприятия угрозы.

Сегодня необходимо принимать во внимание развитие технологий и формат современных коммуникаций. Психическое насилие перешло в виртуальную среду, туда же перешли и угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, которые совершаются, посредством использования технических средств передачи информации (телефоны, компьютеры, планшеты и т.д). Однако, как отмечает Ю.А. Шутова, правоприменители «мысля шаблонами» полагают, что реальность угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью может выражаться только в действительности, то есть при личном присутствии конфликтующих сторон[6, с. 296].

Обобщенный анализ материалов судебной практики, позволяет сделать вывод о пока еще не устоявшемся мнении правоприменителя по вопросам интерпретации виртуального насилия. Выделяя критерии, используемые судами при оценке реальности угрозы, переданной через информационно-телекоммуникационные сети. В одних случаях суды признают реальной угрозу, переданную через социальную сеть или мессенджер, если виновный не только направлял текстовые сообщения с указанием конкретного способа убийства, но и совершал дополнительные действия, подтверждающие намерение: отслеживал местоположение потерпевшего, демонстрировал осведомлённость о его образе жизни, прикреплял фотографии с изображением оружия. В других случаях суды указывают, что сама по себе переписка в социальной сети при отсутствии дополнительных обстоятельств (демонстрации оружия, попыток проникновения в жилище, преследования) не свидетельствует о реальности угрозы. При этом публичный характер угрозы (размещение в открытом доступе) не исключает квалификации по ст. 119 УК РФ, если установлена её реальность и адресный характер

Как отмечает Л.Н. Клоченко, неотъемлемым признаком угрозы как самостоятельного состава преступления является ее реальность, то есть потерпевший должен иметь реальные основания опасаться такой угрозы. В ст. 119 УК РФ на это прямо указано [7, с. 162]. К таким обстоятельствам относят: демонстрацию виновным осведомлённости о личности потерпевшего и его образе жизни; использование нескольких каналов связи; сочетание угроз с действиями, направленными на установление физического местонахождения потерпевшего; наличие у виновного реальной возможности осуществить угрозу; предшествующие отношения, свидетельствующие о склонности виновного к насилию; демонстрация оружия или иных предметов через видеосвязь или фотоматериалы.

Сравнительный анализ с законодательством стран Шанхайской организации сотрудничества позволяет выявить особенности отечественного подхода. В Уголовном кодексе Китайской Народной Республики ответственность за угрозу убийством предусмотрена ст. 246, причём в 2020 г. Верховный суд КНР дал разъяснение, согласно которому угрозы, совершённые через интернет-платформы, квалифицируются на общих основаниях, однако требуют установления факта реального восприятия потерпевшим [8]. В Уголовном кодексе Республики Казахстан (ст. 106) угроза убийством выделена в самостоятельный состав, а Верховный суд РК в нормативном постановлении от 11 мая 2022 г. № 4 указал, что использование социальных сетей и мессенджеров при совершении данного преступления учитывается как обстоятельство, характеризующее способ его совершения. Выделяется критерий технологической связанности: чем более персонализирован канал связи, тем выше вероятность признания угрозы реальной [9]. В Уголовном кодексе Республики Узбекистан (ст. 125) угроза убийством также предусмотрена, а Пленум Верховного суда РУз в постановлении от 14 декабря 2021 г. № 18 позволяет сделать вывод, о том что виртуальные угрозы требуют особого внимания к доказательственной базе, включающей цифровые следы [10].

Связь виртуального насилия с насилием физическим проявляется в случаях, когда угроза выступает этапом подготовки к реальному насильственному преступлению. При квалификации виртуального насилия необходимо учитывать технические параметры передачи сообщений: частоту, продолжительность, время суток, наличие цифровых следов, позволяющих идентифицировать виновного. Эти обстоятельства свидетельствуют о степени интенсивности воздействия на потерпевшего.

На основании проведённого исследования можно сформулировать следующие подходы к квалификации угрозы убийством, совершённой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Реальность угрозы должна оцениваться в совокупности с обстоятельствами, подтверждающими у потерпевшего основания опасаться её осуществления: наличие у виновного реальной возможности осуществить угрозу; демонстрация осведомлённости о личности и образе жизни потерпевшего; использование нескольких каналов связи; сочетание угроз с действиями, направленными на установление физического местонахождения потерпевшего; предшествующие отношения, свидетельствующие о склонности виновного к насилию; частота и продолжительность угроз; демонстрация оружия через видеосвязь или фотоматериалы. Отсутствие непосредственного физического контакта не может служить единственным основанием для вывода о нереальности угрозы. Публичный характер угрозы не исключает квалификации по ст. 119 УК РФ, однако может учитываться как обстоятельство, отягчающее наказание.

Таким образом, виртуальное насилие в форме угрозы убийством, совершённой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, представляет собой самостоятельную разновидность преступного поведения, требующую учёта способа передачи угрозы при оценке её реальности. Авторское определение виртуального насилия, позволяет зафиксировать его правовую природу. Выработанные в судебной практике критерии, а также опыт стран ШОС, демонстрируют тенденцию к учёту «технологической связанности» при оценке реальности угрозы, способствуют отграничению виртуальной угрозы от смежных составов и показывают тенденцию к обеспечению единообразия правоприменения. Дальнейшее развитие цифровых коммуникаций обусловливает необходимость продолжения исследований в этой области.

Литература

1. Чучаев Александр Иванович, Грачева Юлия Викторовна, Маликов Сергей Владимирович Цифровизация и ее уголовно-правовые риски // Правосудие. 2019. № 2.
2. Сидоренко Э.Л. Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации. Lex russica. 2024;77(12):68–83.
3. Филатова М.А. Киберхарассмент: основания запрета по российскому и зарубежному уголовному законодательству Ц Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 3. С. 48–66
4. Волосова Нонна Юрьевна Кибернасилие – вопросы понятия и криминализации // Лоббирование в законодательстве. 2023. № 2. С. 35–40
5. Н. В. Тыдыкова О проблемах понимания признаков состава угрозы убийством // Юрислингвистика. 2023. № 28 (39). С. 36–42.
6. Шутова Юлия Александровна Классификация форм совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, применительно к ст. 119 ук рф // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3 (106). С.285–296
7. Клоченко Лариса Николаевна Реальность угрозы убийством или причинением вреда здоровью // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10 (178). С. 162–164
8. Мнение Верховного суда КНР, Верховной прокуратуры КНР и Министерства общественной безопасности КНР о законном наказании за преступное сетевое насилие (2023) // Официальный сайт Верховного суда КНР. – URL: https://www.court.gov.cn (дата обращения: 23.03.2026).
9. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2022 года № 4 «О судебной практике по делам о преступлениях против личности» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P220000004S (дата обращения: 23.03.2026).
10. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан от 14 декабря 2021 года № 18 «О судебной практике по делам об угрозе убийством» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Norma». – URL: https://nrm.uz (дата обращения: 23.03.2026).

VIRTUAL VIOLENCE: CRIMINAL AND LEGAL QUALIFICATION OF DEATH THREATS MADE USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Voronkova E.O.
Altai State University

The article examines the problems of qualifying threats of murder or serious injury to health (Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation) committed using information and telecommunication networks. The analysis of judicial statistics confirms the relevance of the topic. The author's concept of virtual violence is formulated. The criteria of threat reality in a virtual environment, which have developed in judicial practice, are considered. A comparative analysis is carried out with the legislation of the countries of the Shanghai Cooperation Organization (China, Kazakhstan and Uzbekistan), and approaches to accounting for digital footprints are identified. Criteria for identifying virtual violence are proposed, as well as approaches to qualification that take into account the totality of circumstances confirming the reality of the threat. The author comes to the conclusion that it is necessary to take into account the method of threat transmission when assessing its reality and developing uniform approaches in law enforcement practice.

Keywords: virtual violence, digital violence, death threat, digital crimes, mental violence, threat reality

References

1. Chuchaev Alexander Ivanovich, Gracheva Yulia Viktorovna, Malikov Sergey Vladimirovich Digitalization and its criminal risks // Justice. 2019. № 2.

2. Sidorenko E.L. Digital violence against children: concept, types and features of qualification. Lex russica. 2024;77(12):68–83.

3. Filatova M.A. Cyber harassment: grounds for prohibition under Russian and foreign criminal legislation, Bulletin of the Moscow University. Episode 11: The Law. 2020. № 3. Pp. 48–66

4. Volosova Nonna Yurievna Cyberbullying – issues of the concept and criminalization // Lobbying in legislation. 2023. № 2. pp.35–40

5. N. V. Tydykova On the problems of understanding the signs of a death threat // Legal Linguistics. 2023. № 28 (39). pp.36–42.

6. Shutova Yulia Aleksandrovna Classification of forms of making threats of murder or causing serious harm to health, in relation to art.119 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (106). С.285–296

7. Larisa Nikolaevna Klochenko The reality of death threats or harm to health // Law and the State: theory and practice. 2019. № 10 (178). Pp. 162–164

8. Opinion of the Supreme Court of the People's Republic of China, the Supreme Prosecutor's Office of the People's Republic of China and the Ministry of Public Security of the People's Republic of China on the lawful punishment for criminal online violence (2023) // Official Website of the Supreme Court of the People's Republic of China. – URL: https://www.court.gov.cn (date of request: 03/23/2026).

9. Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated May 11, 2022 № 4 «On judicial practice in cases of crimes against the person» // Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan «Adilet». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P220000004S (date of appeal: 03/23/2026).

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan dated December 14, 2021 № 18 «On judicial practice in cases of death threats» [Electronic resource] // Legal reference system «Norma». – URL: https://nrm.uz (date of request: 03/23/2026).

Особенности элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере использования допинга в спорте

Григораж Кирилл Васильевич,
аспирант, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
E-mail: grigorazhkirill@yandex.ru

Коммерциализация спорта высших достижений превратила применение запрещенных субстанций из сугубо этического проступка в высокодоходный теневой инструмент. И это угрожает как здоровью нации, так и базовым принципам честной конкуренции. Несмотря на законодательную реакцию в виде криминализации склонения и принудительного использования допинга, реальная правоприменительная практика демонстрирует низкую эффективность. В научной среде сложилось фундаментальное противоречие: профильные антидопинговые агентства (WADA, РУСАДА) успешно научились фиксировать маркеры запрещенных веществ в биоматериалах, а следственные органы испытывают колоссальный дефицит доказательственной базы для установления умысла, факта обмана либо психологического давления со стороны специальных субъектов (тренеров, врачей). Как представляется, именно этот разрыв между биологической фиксацией и юридическим доказыванием механизма преступления порождает высокую латентность анализируемых деяний. Целью в статье стало исследование структурированной криминалистической характеристики допинговых преступлений, объективно отражающей современные реалии спортивной индустрии. Сделан вывод, что центральным элементом механизма таких деяний служит высокоинтеллектуальный, конспиративный способ их совершения и сокрытия. Он неразрывно связан с пространственной изоляцией тренировочных баз и уникальным виктимологическим профилем потерпевшего – спортсмена, который находится в условиях жесткой иерархической субординации. Авторский вклад проявляется в смещении криминалистического фокуса с поиска исключительно биологических улик на фиксацию цифровых, организационно-медицинских следов. В частности, обоснована и предложена к внедрению тактическая методика «цифрового медицинского перекрестного анализа», которая помогает надежно связывать цифровые следы коммуникации штаба с графиками медицинских манипуляций.

Ключевые слова: допинг в спорте, криминалистическая характеристик, склонение к использованию субстанций, специальный субъект преступления, спортивное право, цифровые следы.

Введение

Современный профессиональный спорт на текущем этапе своего развития претерпел существенные изменения. Он превратился из сугубо социокультурного феномена в масштабный сектор глобальной экономики, где результаты соревнований напрямую детерминируют колоссальные финансовые потоки, спонсорские контракты, государственные инвестиции. Цена спортивной победы многократно возросла. А это, в свою очередь, форсировало поиск любых, в том числе, нелегитимных, средств повышения физической продуктивности спортсменов. По сути, использование допинга перестало быть исключительно дисциплинарным или этическим проступком. Оно перешло в разряд общественно опасных деяний, подрывающих как принципы честной конкуренции, так и здоровье нации. Реакцией российского законодателя на эти негативные тенденции стала криминализация соответствующих деяний. Так, в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) были инкорпорированы статьи 230.1 и 230.2 – установлена ответственность за склонение спортсмена к использованию запрещенных субстанций и методов, а также за их использование в отношении данного лица[1] (с учетом Постановления Правительства Российской Федерации от 28.03.2017 № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации»[2]). Одновременно с этим, перечень запрещенных для использования в спорте методов и субстанций, соответствующий международным стандартам, содержится во Всемирном антидопинговым кодексе[3].

Впрочем, сам факт закрепления уголовно-правовых запретов не гарантирует их эффективной реализации в практической плоскости. Как представляется, ключевой барьер в правоприменении заключается в латентности данных преступлений, в отсутствии глубоко проработанного методического обеспечения их расследования. Традиционные подходы здесь оказываются недостаточно действенными. Возникает острая научная и практическая необходимость в формировании структурированной информационной модели – криминалистической характеристики допинговых преступных деяний. По-видимому, именно выявление устойчивых связей между элементами механизма этих посягательств (способом, обстановкой, свойствами личности преступника, потерпевшего) способно обеспечить следственные органы надежным инструментарием для выдвижения криминалистических версий.

Материалы и методы

В современных изысканиях преступления в сфере использования допинга в спорте анализируются, главным образом, через уголовно-правовой и криминалистический подходы. Так, А.В. Агафонов, А.А. Гребеньков, Р.С. Серенко рассматривают правовые основания уголовной ответственности за склонение спортсменов к применению запрещённых субстанций и проблемы противодействия допингу [1, 2]. Н.В. Шпаковский и Н.В. Ткачева с коллегами анализируют нормативные механизмы регулирования и международный опыт борьбы с допингом в спорте [9, 10]. Криминалистический подход представлен в трудах С.Д. Гусевой, Е.В. Попельницкого, где исследуются способы совершения рассматриваемых преступлений, особенности их расследования, элементы криминалистической характеристики незаконного оборота допинга [3, 4, 6]. Отдельные аспекты структуры преступления раскрываются в публикациях Д.В. Жмурина, анализирующего субъект [5], а также В.Н. Смысловой, К.А. Красновой, характеризующих виктимогенное поведение спортсмена как элемент механизма преступного деяния [8]. В более широком криминологическом контексте проблема допинга рассматривается А.В. Сидоровым и С.В. Тасаковым. Авторы связывают

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Постановление Правительства РФ от 28.03.2017 № 339 (ред. от 23.08.2021) «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: https://base.garant.ru/71643416/ (дата обращения: 10.03.2026).

[3] Всемирный антидопинговый кодекс от 2003 (ред. от 01.01.2021). Официальный сайт РУСАДА // URL: https://rusada.ru/about/documents/wada-code-and-other-international-standards/ (дата обращения: 10.03.2026).

её с латентностью наркопреступности и криминализацией спортивной среды [7].

Выбор отмеченных материалов объясняется тем, что они отражают ключевые аспекты изучения допинговых преступлений (правовые основания ответственности, криминалистическую характеристику, особенности расследования). Вместе с тем, в литературе обнаруживаются пробелы, связанные с недостаточной проработанностью комплексной криминалистической характеристики и ограниченным анализом структурных элементов. Противоречия проявляются в трактовке субъекта и механизма совершения анализируемых преступных деяний; в оценке степени их связи с незаконным оборотом наркотических средств.

В рамках данной статьи использованы методы контент-анализа и обобщения научной литературы, сравнительно-правовой, криминалистический подходы. Это помогает систематизировать существующие теоретические положения и выявить особенности элементов криминалистической характеристики преступлений, которые сопряжены с использованием допинга в спорте.

Результаты и обсуждение

В современной юридической науке криминалистическая характеристика преступления традиционно понимается как научно обоснованная система данных о типичных криминалистически значимых признаках определенного вида посягательств, анализ которых служит основой для оптимизации процесса расследования [6]. В отличие от уголовно-правовой характеристики, которая строго очерчена рамками состава, анализируемая модель обладает большей гибкостью. Она включает в себя массив эмпирической информации о том, как именно преступление подготавливается, совершается, скрывается в реальных условиях.

Применительно к деяниям, которые предусмотрены статьями 230.1 и 230.2 УК РФ, структура криминалистической характеристики приобретает специфические очертания. Вероятно, наиболее целесообразно выделять в ней следующий комплекс взаимосвязанных элементов: способ совершения преступления (в том числе, механизмы подготовки, сокрытия); обстановка совершения (пространственно-временные, институциональные факторы); личность типичного преступника (специальный субъект); личность потерпевшего (виктимологический аспект) [1, 8, 10]. Интегративным «ядром» описываемой системы, безусловно, служит способ совершения преступного деяния. Он в сфере профессионального спорта отличается высокой степенью интеллектуализации и конспирации – диктуется самой конструкцией объективной стороны соответствующих уголовно-правовых норм.

В статье 230.1 УК РФ предусматривается ответственность за склонение спортсмена к использованию запрещенных субстанций. Законодатель в примечании к исследуемой норме эксплицитно раскрывает способы склонения: умышленные действия в виде уговоров, обмана, советов, указаний, предложений либо предоставления информации. Особенность характеризуемого элемента проявляется в его вербально-коммуникативной или информационной природе. Преступление признается оконченным с момента начала совершения действий, которые направлены на возбуждение у спортсмена желания применить допинг (независимо от того, был ли препарат фактически употреблен).

В отличие от склонения, статья 230.2 УК РФ криминализирует непосредственное применение запрещенных субстанций и методов в отношении спортсмена (независимо от его согласия). Здесь способ совершения приобретает выраженный физический или организационно-медицинский характер. Это может быть принудительное введение препарата, подмешивание вещества в пищу, спортивное питание (обманный способ); проведение запрещенных манипуляций (к примеру, кровяного допинга) под видом лечебных процедур. Если же задействование допинга сопровождается насилием (в частности, удержанием) либо повлекло кратковременное расстройство здоровья, деяние квалифицируется по отягчающим обстоятельствам.

Специфика способов совершения допинговых преступлений неизбежно порождает и особые варианты их сокрытия. Они зачастую реализуются синхронно с основным деянием. В таблице 1 представлена систематизация этих параметров.

Субъектный состав анализируемых преступлений обладает ярко выраженной спецификой. Она детерминирует механизм всего деяния. В статьях 230.1 и 230.2 УК РФ закреплен специальный субъект: тренер, специалист по спортивной медицине либо иной специалист в области физической культуры и спорта. Личность такого преступника характеризуется высоким уровнем профессиональной подготовки, знанием физиологии, фармакологии, регламентов Всемирного антидопингового агентства (WADA). Он четко осознает общественную опасность своих действий, предвидит наступление вредных последствий (прямой умысел).

Таблица 1. Криминалистически значимые параметры способов совершения и сокрытия допинговых преступлений

Вид преступления и квалификация	Основной механизм совершения	Типичные способы сокрытия следов	Специфика следообразования (криминалистические маркеры)
Склонение (ст. 230.1 УК РФ, ч. 1)	Психологическое воздействие (уговоры, советы), информационное обеспечение	Использование защищенных мессенджеров, устные беседы без свидетелей	Цифровые следы переписки, показания свидетелей, аудиозаписи, изменение психоэмоционального фона спортсмена
Склонение с отягчающими (ст. 230.1 УК РФ, ч. 2)	Шантаж угрозой исключения из сборной; применение финансового давления	Маскировка угроз под «тренировочную дисциплину» или «спортивный отбор»	Жалобы в спортивные федерации, свидетельские показания других членов команды, переписка
Использование (ст. 230.2 УК РФ)	Инъекционное или пероральное введение вещества под видом витаминов, лекарств	Фальсификация медицинских карт, использование маскирующих агентов, подмена проб	Маркеры субстанций в биоматериалах, подельные рецепты, пустые ампулы на базах, наличие диуретиков

Источник: составлено на основе [2–4, 7, 9].

Мотивационный комплекс таких лиц, как правило, лишен хулиганских или маргинальных оттенков. В его основе лежат узкокорыстные интересы (получение премий, грантов, сохранение контракта), карьерные амбиции, стремление к повышению собственного престижа за счет подопечного атлета. Данные особенности субъекта обуславливают высокую степень расчетливости при планировании преступления (табл. 2).

Таблица 2. Ролевая и мотивационная специфика специальных субъектов допинговых преступлений

Категория специального субъекта	Роль в механизме допингового преступления	Основной мотивационный фактор	Ресурсный потенциал для совершения деяния
Главный / личный тренер	Инициатор, организатор давления (склонения), контролер процесса	Статус, сохранение должности, государственные и спонсорские премии	Авторитет, административный ресурс, право формировать состав команды
Спортивный врач	Непосредственный исполнитель (введение), разработчик схемы приема	Финансовое вознаграждение, научный (профессиональный) интерес	Доступ к фармакологии, медицинский авторитет, возможность маскировки препаратов
Иной персонал (менеджеры)	Пособник, поставщик субстанций, посредник в закупках	Процент от контрактов спортсмена; сохранение инвестиций	Финансовые ресурсы, связи на «черном рынке» спортивной фармакологии

Источник: составлено на основе [5, 10].

С личностью преступника неразрывно связана личность потерпевшего, которым в контексте рассматриваемых норм является исключительно спортсмен – физическое лицо, выступающее на спортивных соревнованиях. Криминалистически значимой его чертой здесь служит колоссальная зависимость (административная, финансовая, психологическая) от тренера или врача. Вследствие этого отметим, что в допинговых преступлениях потерпевший зачастую находится в уязвимом положении, особенно если речь идет о несовершеннолетних атлетах, что образует квалифицированный состав. Спортивная изоляция и формирование парадигмы «победа любой ценой» делают спортсмена идеальной мишенью для манипуляций, обмана [8].

Обстановка совершения допинговых преступлений представляет собой синтез пространственных, временных, социально-психологических факторов, которые объективно содействуют реализации преступного умысла. Среда анализируемых деяний характеризуется высокой степенью закрытости. Речь идет о специализированных тренировочных базах, спортивных клиниках, центрах олимпийской подготовки, гостиничных комплексах во время сборов. Доступ посторонних, в том числе, правоохранительных органов, на такие объекты существенно ограничен. В итоге создаются благоприятные условия для латентного применения запрещенных методов.

Временной аспект криминалистической характеристики тесно привязан к спортивному календарю. Установлено, что пик совершения де-

яний, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, приходится на так называемый внесоревновательный период (интенсивных тренировок и базовых сборов), когда вероятность внезапного допинг-контроля исторически воспринималась как более низкая, а необходимость форсирования физической формы максимальна [2, 9]. Во время самих соревнований применение допинга чаще носит характер «поддерживающей терапии» либо сводится к использованию маскирующих агентов с целью сокрытия ранее принятых препаратов.

Исходя из выявленных особенностей элементов криминалистической характеристики, становится очевидным, что традиционные следственные алгоритмы нуждаются в модернизации. Главная проблема состоит в разрыве между фактом обнаружения допинга (юрисдикция антидопинговых агентств) и установлением вины специального субъекта в склонении или принудительном использовании (компетенция следственных органов). Для преодоления обозначенной проблемы предлагаются следующие практические рекомендации.

Во-первых, целесообразно внедрить в практику методику «цифрового медицинского перекрестного анализа». Суть подхода заключается в обязательном и немедленном изъятии цифровых носителей (смартфонов, планшетов) тренерского и медицинского штаба в случае получения положительной допинг-пробы у спортсмена, с последующим сопоставлением биллингов и удаленной переписки с графиком медицинских процедур. Новизна выражается в смещении фокуса с биологических следов (которые уже зафиксированы WADA/РУСАДА) на идеальные, цифровые следы умысла, что помогает доказать факт именно «склонения» или «обмана», требуемых статьями 230.1 и 230.2 УК РФ.

Во-вторых, рекомендуется разработать типизированные профили осмотра места происшествия для закрытых тренировочных баз. Следователи часто ограничиваются досмотром личных вещей спортсмена. Предлагается обязательный осмотр медицинских кабинетов спортивных баз с привлечением специалиста-фармаколога для выявления скрытых пулов запрещенных субстанций, а также журналов утилизации биологических отходов, где могут сохраняться следы ампул. Данные предложения напрямую решают проблему доказательственного дефицита при расследовании дел с участием высококвалифицированных специальных субъектов, обладающих ресурсами для уничтожения прямых улик.

Заключение

Криминалистическая характеристика преступлений в сфере использования допинга в спорте представляет собой сложную, многоуровневую систему. Каждый ее элемент обладает ярко выраженной спецификой. Научное значение данной работы проявилось в систематизации этих элементов и демонстрации их неразрывной взаимосвязи. Отмечено, что «ядром» механизма анализируемых преступлений служит сложный, интеллектуализированный способ совершения. Он базируется на психологическом манипулировании (при склонении) или профессиональном медицинском обмане (при незаконном использовании в отношении атлета).

Специфика субъектного состава, представленного исключительно наделенными властными или медицинскими полномочиями лицами (тренерами, врачами), формирует уникальную виктимологическую ситуацию. Спортсмен, находясь в условиях строгой иерархической субординации, психологического давления, зачастую лишается возможности объективно оценивать правомерность применяемых к нему методов. Эта асимметрия власти, помноженная на пространственную изоляцию закрытых тренировочных баз, образует идеальную среду для длительного, латентного протекания преступной деятельности.

Вклад статьи в развитие криминалистической науки заключается в обосновании того факта, что расследование по статьям 230.1 и 230.2 УК РФ не может опираться исключительно на выводы антидопинговых лабораторий, которые фиксируют лишь наличие субстанции в организме. Для успешной квалификации и доказывания вины специального субъекта требуется комплексный анализ информационных, цифровых, организационных следов. Применение на практике предложенного алгоритма «цифрового медицинского перекрестного анализа» поможет следственным органам эффективно пресекать круговую поруку в спортивных коллективах.

Литература

1. Агафонов А.В. Основания уголовно правового запрета склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте // Юридическая наука. – 2024. – № 10. – С. 215–220.

2. Гребеньков А.А., Серенко Р.С. Проблемы уголовно-правового противодействия применению допинга в спорте // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 45–51.

3. Гусева С.Д. Особенности деятельности сотрудников правоохранительных органов при расследовании допинговых преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 2 (57). – С. 93–98.

4. Гусева С.Д. Способ совершения допинговых преступлений как элемент их криминалистической характеристики // Уголовная политика на современном этапе. Материалы Международной научно-практической конференции. – Иркутск: 2021. – С. 100–103.

5. Жмурин Д.В. Субъект допинговых преступлений: общий или специальный? // Актуальные проблемы расследования преступлений с участием несовершеннолетних: криминалистические и психолого-педагогические аспекты. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Волгоград: 2022. – С. 57–58.

6. Попельницкий Е.В. Некоторые аспекты криминалистической характеристики незаконного оборота допинга // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXVII международной научно-практической конференции. – Красноярск: 2024. – С. 219–221.

7. Сидоров А.В., Тасаков С.В. Наркодилеры и спорт: что общего? Проблемы латентности наркопреступлений в периоды международных спортивных соревнований и криминализации допинга // Oeconomia et Jus. – 2025. – № 2. – С. 110–123.

8. Смыслова В.Н., Краснова К.А. Виктимогенное поведение спортсмена в механизме допинговых преступлений // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 4 (232). – С. 457–459.

9. Ткачева Н.В., Никитин Е.В., Овчинникова О.В., Пестова Т.П. Негативные тенденции в спорте: правовые меры преодоления // Человек. Спорт. Медицина. – 2024. – Т. 24. – № S1. – С. 127–133.

10. Шпаковский Н.В. Уголовно-правовые аспекты применения допинга в спорте: национальное законодательство и международный опыт // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, Экономические науки, Юридические науки. – 2022. – № 2 (12). – С. 97–101.

CHARACTERISTICS OF THE ELEMENTS OF THE FORENSIC PROFILE OF CRIMES RELATED TO THE USE OF DOPING IN SPORT

Grigorash K.V.
Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

The commercialization of elite sport has transformed the use of prohibited substances from a purely ethical violation into a highly profitable shadow instrument, posing a threat both to public health and to the fundamental principles of fair competition. Despite the legislative response expressed in the criminalization of inducement to use doping and the forced administration of prohibited substances, actual law-enforcement practice demonstrates limited effectiveness. Within the academic community, a fundamental contradiction has emerged: specialized anti-doping agencies (such as WADA and RUSADA) have developed effective mechanisms for detecting markers of prohibited substances in biological samples, while investigative authorities face a significant shortage of evidentiary resources to establish intent, deception, or psychological pressure exerted by special subjects of the offense, including coaches and medical personnel. This gap between the biological detection of doping and the legal proof of the criminal mechanism appears to generate a high level of latency in the analyzed offenses. The purpose of the article is to examine the structured forensic profile of doping-related crimes in a manner that adequately reflects the contemporary realities of the sports industry. The study concludes that the central element in the mechanism of such offenses is the highly sophisticated and conspiratorial method of their commission and concealment. This method is closely connected with the spatial isolation of training facilities and the distinctive victimological profile of the athlete, who operates within a rigid hierarchical system of subordination. The author's contribution lies in shifting the forensic focus from the exclusive search for biological evidence to the identification and documentation of digital and organizational-medical traces. In particular, the article substantiates and proposes for implementation a tactical method of «digital medical cross-analysis» designed to reliably correlate digital communication records of the coaching and medical staff with schedules of medical interventions.

Keywords: doping in sport; forensic profile; inducement to use prohibited substances; special subject of a crime; sports law; digital traces.

References

1. Agafonov A.V. Grounds for the Criminal Law Prohibition of Inducing an Athlete to Use Substances and (or) Methods Prohibited in Sport // Legal Science. – 2024. – № 10. – Pp. 215–220.

2. Grebenkov A.A., Serenko R.S. Problems of Criminal Law Counteraction to the Use of Doping in Sport // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. – 2023. – № 2. – Pp. 45–51.

3. Guseva S.D. Specific Features of Law Enforcement Officers' Activities in Investigating Doping Crimes // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 2 (57). – Pp. 93–98.

4. Guseva S.D. The Method of Committing Doping Crimes as an Element of Their Forensic Characteristics // Criminal Policy at the Present Stage. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: 2021. – Pp. 100–103.

5. Zhmurin D.V. The Subject of Doping Crimes: General or Special? // Current Problems of Investigating Crimes Involving Minors: Forensic and Psychological-Pedagogical Aspects. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. – Volgograd: 2022. – Pp. 57–58.

6. Popelnitsky E.V. Some Aspects of the Forensic Characteristics of Illegal Doping Trafficking // Current Problems of Combating Crime: Issues of Theory and Practice. Proceedings of the XXVII International Scientific and Practical Conference. – Krasnoyarsk: 2024. – Pp. 219–221.

7. Sidorov A.V., Tasakov S.V. Drug Dealers and Sport: What Do They Have in Common? Problems of the Latency of Drug Crimes during Periods of International Sports Competitions and the Criminalization of Doping // Oeconomia et Jus. – 2025. – № 2. – Pp. 110–123.

8. Smyslova V.N., Krasnova K.A. Victimogenic Behavior of an Athlete in the Mechanism of Doping Crimes // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – № 4 (232). – Pp. 457–459.

9. Tkacheva N.V., Nikitin E.V., Ovchinnikova O.V., Pestova T.P. Negative Trends in Sport: Legal Measures to Overcome Them // Human. Sport. Medicine. – 2024. – Vol. 24. – № S1. – Pp. 127–133.

10. Shpakovsky N.V. Criminal Law Aspects of the Use of Doping in Sport: National Legislation and International Experience // Bulletin of Baranovichi State University. Series: Historical Sciences and Archaeology, Economic Sciences, Legal Sciences. – 2022. – № 2 (12). – Pp. 97–101.

К вопросу о юридическом признаке и спорной чужеродности предмета хищения

Губарев Евгений Игоревич,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: gubareff1432@gmail.com

Введение. Актуальность статьи может быть обоснована следующими факторами.
Высокая распространенность и социальная значимость. Преступления против собственности, в первую очередь хищения, десятилетиями составляют значительную долю (по некоторым данным, до 70%) в общем массиве регистрируемых в России преступлений. Это свидетельствует о существенной важности научного анализа механизмов их квалификации.
Доктринальная сложность и неоднозначность. Несмотря на кажущуюся простоту легального определения (примечание 1 к ст. 158 УК РФ), понятие «предмет хищения» остается дискуссионным в науке уголовного права. Решение вопросов спорной чужеродности предмета хищения, верного определения юридического признака требует четкости, так как напрямую влияет на квалификацию.
Проблемы правоприменения и эволюция судебной практики. Судебные решения демонстрируют сложности в разграничении хищения от смежных деяний (например, самоуправства), а также в квалификации действий с так называемыми «бесхозными» на первый взгляд вещами. Яркий пример – нестабильная практика по разграничению кражи и находки после Постановления Конституционного Суда РФ № 2-П от 2023 года, где ключевым стал критерий «активного сокрытия» имущества. Это указывает на необходимость глубокого анализа признаков предмета, в особенности признака «чуждости». Целью исследования является выявление особенностей предмета хищений, анализ юридического признака предмета, решение вопроса спорной чужеродности предмета хищения. Методы. В ходе исследования применены следующие методы: метод сравнительного анализа и синтеза, с помощью которого выявлены сходства и различия нормативных актов, метод абстрагирования, который позволил выявить особенности предмета хищений, содержание понятий, которые используются в современном уголовном законодательстве РФ. Результаты. Выявлены особенности предмета хищений, проанализирован юридический признак предмета, а также решен вопрос со спорной чужеродностью.

Ключевые слова: предмет хищения, юридический признак, спорная чужеродность, хищения.

Наряду с физическим и экономическим признаками выделяется юридический, который заключается в том, что имущество должно быть чужим для похитителя.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъясняется, что предметом хищения является чужое имущество, то есть не находящееся в собственности или законном владении виновного[1].

Мнения в научном сообществе относительно толкования понятия «чужое» разделились, в результате чего на данный момент разработано два теоретических подхода: формально-юридический и экономический.

К формально-юридическому подходу возможно отнести толкование, данное Пленумом ВС РФ. То есть сущность такого подхода заключается в том, что предметом хищения является то имущество, которое не находится в собственности виновного или в его законном владении. Собственность выражается наличием трех правомочий (пользование, владение и распоряжение).

Рассматривая чужое имущество с точки зрения формально-юридического подхода, приходится опираться на правомочия владения, пользования и распоряжения, в связи с чем таким можно признать имущество, в отношении которого у виновного отсутствуют законные права владения, пользования и распоряжения.

Толкование чужого имущества исключительно с формально-юридической точки зрения, как отмечается в научной литературе, существенно ограничивает действие уголовного закона в сфере обеспечения охраны имущественных и экономических прав и свобод. В частности, при использовании такого подхода механизм уголовно-правовой охраны не распространяется на случаи нарушения прав владельцев, которые не являются собственниками, обязательственных прав, прав наследования и т.д.

Такой вывод связан в первую очередь с тем, что под объектом хищения понимаются общественные отношения по поводу собственности, а толкование собственности и имущества как правовых категорий, не учитывая их экономический характер, приводит к названной проблеме обеспечения правовой охраны.

Вместе с этим необходимо учитывать обязательный экономический признак предмета преступлений (имеется ввиду хищения), который заключается в обладании конкретной стоимостью, ценностью, исходя из чего определяется причиненный ущерб. [1, с. 28]

Противоположным подходом понимания имущества в уголовно-правовом смысле является экономический, суть которого заключается в том, что имущества рассматривается как экономическая категория, обладающая ценностью. Применение такого подхода существенно расширяет сферу действия уголовного закона, в результате чего охране подлежат все экономические отношения имущества, включая те, которые закономерно складываются в экономике независимо от воли и сознания людей. [2, с. 47–48]

Полагаем верным использование смешанного подхода, в соответствии с которым невозможно посягать на экономические отношения по поводу имущества, не посягая на эти отношения как правовой категории. В действительности предмет хищения обладает и экономическим и юридическим признаком, которые обладают определенной значимостью, в связи с чем рассматривать «чужое» имущество целесообразно, используя оба подхода.

Так, чужим имуществом является то, которое обладает обязательными признаками предмета, не изъято из оборота, не принадлежит на праве собственности виновному, либо не находится в его законном владении, а равно то имущество, к которому виновный относится как к чужому, хотя формально и является его (например, в случае, если собственником формально является виновный, но вещь находится в законном владении у иного лица, у которого в последующем и похищается имущество).

В случаях спорной чужеродности судам при решении вопроса о наличии или отсутствия предмета хищения необходимо учитывать в том числе субъективное отношение виновного к имуществу. Например, если предмет находится в залоге, то следует устанавливать наличие

[1] Постановление Пленума верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. № 280. 11.12.2017.

прямого умысла у виновного. Иными словами необходимо доказать, что лицо при совершении им хищения осознает общественную опасность и противоправность изъятия и обращения такого имущества, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде причинения имущественного ущерба, а также желает наступления этих последствий.

Такая позиция отражалась и в научной литературе. В качестве примера приводилось определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 75–098–21, согласно которой имущество в обеспечение обязательства виновного по возврату долга находилось у потерпевшей. Не желая исполнять обязательство, из корыстных побуждений, виновный насильственным способом изъял у потерпевшей имущество, что является незаконным и образует состав хищения, так как виновный относился к имуществу как к чужому, хотя формально оно принадлежало ему.[3, с. 37–39]

В действительности возможно говорить о наличии в том числе и корыстной цели, то есть цели незаконного обогащения путем совершения противоправных действий, так как залог является обеспечительной мерой в целях обеспечения исполнения обязательства. Если лицо не намерено исполнять денежное или иное обязательство, а также совершает незаконное изъятие залогового имущества у залогодержателя, который является владельцем имущества на законных на то основаниях, фактически виновный обогащается за счет указанных действий, а его отношение к такому имуществу равно отношению к чужому. В таком случае судам необходимо усматривать «чужеродность» и наличие состава хищения.

Полагаем, что механизм определения наличия или отсутствия в действиях виновного признаков состава хищения, если имущество находится в аренде, идентичен ситуации, когда имущество находится в залоге.

Несколько более сложным является вопрос квалификации действий, если предметом является имущество, находящееся в общей собственности супругов, которые проживают раздельно. Согласно действующему законодательству РФ супруги обладают равными правами в отношении общего имущества, а соответственно равными правами в отношении извлечения выгоды в результате распоряжения общим имуществом. Несколько иная ситуация приводилась в качестве примера в работе П.С. Яни. В качестве примера приводилась задача, когда несовершеннолетний распорядился общим имуществом супругов, в отношении которого не имел никаких законных прав по его распоряжению. Верно утверждение, что при таких обстоятельствах усматриваются признаки состава хищения. [4, с. 32–34]

Однако, если несовершеннолетний имеет равные с родителями права в отношении указанного имущества, при его распоряжении возможно ли говорить о наличии признаков состава хищения? Считаем, что следует учитывать несколько факторов. Во-первых: получено ли разрешение на распоряжение таким общим имуществом у других собственников? Во-вторых: каким образом распределены полученные доходы от распоряжения имуществом? В-третьих: осознавал ли несовершеннолетний незаконность действий и т.д.

Аналогичные факторы подлежат установлению при распоряжении общим имуществом одним из супругов. Полагаем, что целесообразно учитывать совокупность признаков, включая и субъективные (установление наличия или отсутствия прямого умысла, корыстной цели и т.д.).

В случае, если один из супругов получил выгоду, доход от распоряжения общим имуществом супругов, нарушив при этом законное право распоряжения и получения дохода, принадлежащее другому супругу, при этом отношение виновного к такому имуществу равно отношению к чужому имуществу (например, супруг действовал тайно, не уведомления другого супруга, не предоставив часть дохода, равную доли права на это имущество), то такие действия образуют состав хищения.

Такой вывод также связан с тем, что сами по себе действия по распоряжению общим имуществом супругов без уведомления другого супруга являются незаконными, а соответственно основанием для оспаривания сделки.

В случае, если лицо распоряжается по собственному усмотрению денежными средствами (которые приравнены к имуществу Пленумом ВС РФ) или иным имуществом, которое передано ему по предварительному договору (как правило в качестве задатка), не намереваясь при этом заключить в дальнейшем основной договор, либо заведомо зная об отсутствии возможности заключить основной договор и утаивая указанную информацию от другой стороны, то такие действия следует квалифицировать как хищение, так как такое имущество для виновного является чужим.

Такой вывод обосновывается также некоторыми примерами судебной практики, в соответствии с которой суды в подобных случаях усматривают признаки состава хищения[1].

Отвечая на вопрос о спорной «чужеродности» при хищении денежных средств со счетов банков, обанкротившихся до момента хищения, следует обратить внимание, что по общему правилу владельцу денежных средств, содержащихся на счете банка, принадлежит наиболее полное право, которое предполагает право использовать такое имущество по своему усмотрению. Нарушение такого права не допускается, за исключением ограничения в установленном законом порядке. [5, с. 39–40]

В соответствии с пп. 2 п. 3 ст. 189.92 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» при банкротстве кредитной организации в первую очередь удовлетворяются требования физических лиц, которые являются кредиторами кредитной организации по заключенным с ними договорам банковского вклада или договорам банковского счета.

Независимо от того, с какого счета совершается хищение денежных средств (корреспондентский, специальный банковский счет или счет по вкладам и депозитам), права в отношении денежных средств, содержащихся на таких счетах, не прекращаются, так как после принятия решения о банкротстве банка денежные средства на счетах фактически принадлежат кредиторам, требования которых удовлетворяются в порядке очередности, установленной статьей 189.92 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Всё выявленное имущество кредитной организации составляет конкурсную массу. Если после осуществления выплаты требований кредиторов у банка остается имущество, оно распределяется между учредителями/участниками кредитной организации, что также урегулировано законодательством РФ. Вместе с тем, если никто из учредителей или участников банка не принимает имущество, оно поступает в муниципальную или государственную собственность.

Исходя из изложенного следует, что денежные средства на счетах в банках, которые признаны банкротами, не являются «бесхозными», соответственно изъятие такого имущества даже после процедуры банкротства лицом, которое не обладает правами в отношении денег, должно рассматриваться как противоправное, а имущество как чужое. Таким образом, в действиях виновного должны усматриваться признаки состава хищения.

По итогам проведенного анализа следует вывод, что предметом хищения является то имущество, которое не изъято из оборота, а также из владения собственника помимо его воли. Иными словами предметом является лишь то имущество, которое находится во владении лица, не изъято из владения, кроме тех случаев, когда такое имущество не находится во владении лица по его воле.

Однако, в действительности в научной литературе встречались мнения, согласно которым лица, совершившие хищение уже похищенного (ранее похищенного) имущества, зная об этом факте, подлежат привлечению к уголовной ответственности, так как усматриваются признаки состава хищения. [6, с. 140–141]

Одним из аргументов разработки такого механизма обеспечения уголовно-правовой охраны имущества от хищений является позиция, заключающаяся в том, что общественная опасность преступлений против собственности определяется не только тем, что нарушается факт законного владения, но и тем, что виновный путем совершения противоправных действий приобретает имущество, игнорируя общие условия функционирования отношений собственности. [7, с. 197–198]

Противоположной является точка зрения, в соответствии с которой хищение ранее похищенного имущества посягает не на отношения собственности, а на имущественные права незаконного приобретателя. Однако, ввиду того, что такие права являются незаконными, уголовный закон не может обеспечивать их защиту. [8, с. 51]

Признавая действия лица, совершившего хищение имущества, которое ранее незаконного изъято из владения собственника, хищением, правоприменитель вынужден признавать предыдущего незаконного владельца потерпевшим со всеми вытекающими правовыми и процессуальными последствиями. Однако, приобрести статус потерпевшего незаконный владелец не может, так как законных оснований для владения имуществом, как и имущественные права в отношении предмета хищения у него отсутствуют.

В этой связи верно утверждение, что возникшая проблематика явно связана с недоработкой понятийного аппарата в уголовном законодательстве РФ, в частности понятий собственности и имущества, а также их разночтении с положениями гражданского законодатель-

[1] Приговор Центрального районного суда г. Сочи № 1–12/2020 от 05.07.2020 по делу № 1–12/2020 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/HEBEsZ5Nv3U6/ (дата обращения: 07.03.2026)

ства, которое выступает регулятором общественных отношений по поводу собственности и имущества, устанавливая и определяя порядок законного владения, пользования и распоряжения. [9]

Относительно вопроса о хищении находки в правоприменительной практике, равно как и в научном сообществе отсутствует выработанная единая позиция. Так, например, Конституционным Судом РФ была предпринята попытка разграничения между правомерными действиями по обнаружению вещей (находка) и хищением[1]. В соответствии с указанным постановлением сделан важный вывод, который должен способствовать приведению правоприменительной практики к единой позиции. Вывод заключается в том, что при оценке и квалификации действий лица, обнаружившего вещь необходимо учитывать, что невыполнение действий, который предусмотрены пунктами 1 и 2 статьи 227 ГК РФ само по себе не образует состава хищения.

Однако, суды несколько иначе стали толковать изложенную позицию. Так, например Октябрьский районный суд г. Мурманска указал, что если лицо не выполняет действия, предусмотренные статьей 227 ГК РФ и совершает сокрытие вещи в тайник, в свои вещи, в карман одежды или передает другому лицу в целях сокрытия, либо уничтожает признаки вещи, позволяющие идентифицировать владельца вещи, то такие действия следует квалифицировать как хищение[2].

Также некоторые суды усматривают признаки состава хищения, ссылаясь на объективную обстановку, местность, в которой вещь была обнаружена, помимо самих действий виновного[3,4].

Подобное расширительное толкование может привести к необоснованному привлечению к уголовной ответственности лиц, присвоивших вещи, которые окончательно выбыли из владения собственников. [10, с. 8]

Такое мнение хотя и не лишено оснований, однако в некоторой степени не соответствует складывающейся правоприменительной практике. Как верно заметил Есаков Г.А., суды анализируют обстановку, местность, в которой совершается изъятие, в результате чего приходят к выводу о том, выбыла вещь из владения окончательно или потерпевший мог осуществить ее возврат, установить ее местонахождения. [11, с. 13–15]

Полагаем правильной позицию Арзамасцева М.В. в части того, что закон должен поощрять правомерное поведение, а не обеспечивать игнорирование найденной вещи. [12, с. 8]

Тем не менее судами не учитывается положение имущества в пространстве согласно действующему гражданскому законодательству РФ. Так, выделяют нормальное положение вещи в хозяйственном пространстве, которое не позволяет сделать вывод о разрушении или нарушении юридических связей по поводу нее (владение, пользование, распоряжение), а также аномальное, которое позволяет добросовестно сделать вывод о нарушении таких связей или вовсе об их отсутствии. К аномальным связям относят потерянные вещи, безнадзорные, умышленно сокрыты, брошенные и бесхозяйные вещи. [13, с. 23]

В этой связи считаем неверным говорить о выработанной единой позиции научного сообщества и правоприменительной практики в части хищения находки, клада и т.д. Полагаем, что судам необходимо устанавливать, является ли находка предметом хищения, ее соответствие всем признакам предмета преступления, включая и «чужеродность», определению направленности действий виновного.

Несмотря на закрепленное понятие хищения, в научном сообществе возникают вопросы относительно понятий, используемых в указанной дефиниции, а также относительно отграничения составов преступлений.

Например, отграничение от присвоения вверенного имущества заключается в том, что имущество, которое присваивается изымается из владения собственника по его воле. Присвоение считается оконченным в момент, когда законное владение вверенным имуществом становится противоправным, а виновный совершает действия, которые направлены на обращение такого имущества в свою пользу.

При совершении хищения предмет преступления изымается из владения потерпевшего не по его воле, так как хищение предполагает противоправное изъятие и обращение в свою пользу чужого имущества. [14, с. 23–24] [15, с. 26–27]

Литература

1. Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. Ун-те. 1975. 189 с.
2. Безверхов А.Г. Имущественные преступления // Самарский университет. 2002. С 359.
3. Семенов В.М. О понятии предмета хищения // Российский следователь. 2005. № 9. С. 34–37.
4. Яни П.С. Субъективные основания уголовной ответственности несовершеннолетних за посягательство на имущество родителей // Законность. 2013. N 1. С. 32–34.
5. Рассказова Н.Ю. Понятие денежных средств // Закон. 2024. N 9. С. 33–40.
6. Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб. 2003. С. 140–141.
7. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб: Юридический центр Пресс. 2002. 775 с.
8. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М.: ЛексЭст. 2005. 405 с.
9. Хилюта В.В. «Хищение похищенного», или Проблема правовой защиты преступного владения // Законодательство и экономика. 2009. № 1.
10. Архипов А.В. Находка или кража: комментарий позиции Конституционного Суда // Уголовное право. 2023. N 7. С. 3–8.
11. Есаков Г.А. Кража и находка: развитие судебной практики после Постановления Конституционного Суда РФ от 12 января 2023 г. N 2-П // Российская юстиция. 2025. N 1. С. 7–15.
12. Арзамасцев М.В. Кража найденного имущества как уголовно-правовое злоупотребление правомочиями // Уголовное право. 2023. N 3. С. 3–14.
13. Коновалов А.В. К вопросу о добросовестности давностного владения // Вестник гражданского права. 2016. N 6. С. 9–31.
14. Кулиев А.И. Корысть – обязательный признак хищения // Уголовное право. 2024. N 6. С. 22–30.
15. Яни П.С. Хищение или должностное злоупотребление/превышение должностных полномочий? // Законность. 2026. N 1. С. 23–29.

ON THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE AND THE CONTROVERSIAL FOREIGNITY OF THE SUBJECT OF THEFT

Gubarev E.I.
St. Petersburg State University

Introduction. The relevance of the article can be justified by the following factors. High prevalence and social significance. Property crimes, primarily theft, have for decades constituted a significant share (according to some sources, up to 70%) of the total number of crimes registered in Russia. This demonstrates the essential importance of scientific analysis of the mechanisms for their classification.

Doctrinal complexity and ambiguity. Despite the apparent simplicity of the legal definition (Note 1 to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation), the concept of "subject of theft" remains controversial in criminal law scholarship. Resolving issues of the controversial foreignness of the subject of theft and correctly defining the legal nature of the crime requires clarity, as it directly impacts its classification.

Problems of law enforcement and the evolution of judicial practice. Court decisions demonstrate the difficulties in distinguishing theft from related acts (such as arbitrary action), as well as in classifying actions involving seemingly "unclaimed" items. A striking example is the unstable practice of distinguishing between theft and discovery following Ruling No. 2-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2023, which established the criterion of "active concealment" of property as the key criterion. This highlights the need for a thorough analysis of the characteristics of the item, particularly the characteristic of "foreignness." The aim of the study is to identify the characteristics of the theft object, analyze its legal nature, and resolve the issue of the disputed foreignness of the theft object.

Methods. The following methods were used in the study: comparative analysis and synthesis, which identified similarities and differences in regulatory acts; and abstraction, which allowed us to identify the characteristics of the theft object and the concepts used in con-

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова» // Собрание законодательства РФ. 23.01.2023. № 4. Ст. 697.

[2] Апелляционное постановление Октябрьского районного суда г. Мурманска от 12 апреля 2024 г. по делу N 10–6/2024. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации Правосудие: интернет-портал. – URL: https://okt – mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=165854560&case_uid=56c762e3–1d3c-4918–837d-3bf28910f708&delo_id=4&new=4. (дата обращения 07.02.2026).

[3] Апелляционное постановление Воркутинского городского суда Республики Коми от 15 августа 2023 г. по делу N 10–47/2023. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации Правосудие: интернет-портал. – URL: https://vktsud – komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=14173491&case_uid=2ef63bdc-6dd0–4fe9-a461–98401a539295&delo_id=4&new=4. (дата обращения 07.02.2026).

[4] Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 апреля 2023 г. по делу N 77–1569/2023 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации Правосудие: интернет-портал. – URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=39957424&case_uid=5148afc0–1c3e-40d8-a38a-cbfa97462d13&new=2450001&delo_id=2450001. (дата обращения 07.02.2026).

temporary Russian criminal law. Results. The characteristics of the stolen item were identified, its legal nature was analyzed, and the issue of its disputed alienation was resolved.

Keywords: stolen item, legal nature, disputed alienation, theft.

References

1. Pinaev A.A. Criminal-legal fight against theft. Kharkov: Higher school. Publishing house at Kharkov. University. 1975. 189 p.
2. Bezverkhov A.G. Property crimes // Samara University. 2002. P. 359.
3. Semenov V.M. On the concept of the subject of theft // Russian investigator. 2005. No. 9. Pp. 34–37.
4. Yani P.S. Subjective grounds for criminal liability of minors for encroachment on the property of their parents // Legality. 2013. No. 1. Pp. 32–34.
5. Rasskazova N. Yu. Concept of monetary funds // Law. 2024. N 9. Pp. 33–40.
6. Plokhova V.I. Non-violent crimes against property: criminological and legal justification. St. Petersburg. 2003. Pp. 140–141.
7. Boytsov A.I. Crimes against property. St. Petersburg: Juridical Center Press. 2002. 775 p.
8. Lopashenko N.A. Crimes against property: theoretical and applied research. Moscow: LexEst. 2005. 405 p.
9. Khilyuta V.V. “Theft of stolen goods”, or the Problem of Legal Protection of criminal possession // Legislation and Economics. 2009. N 1.
10. Arkhipov A.V. Find or Theft: Commentary on the Position of the Constitutional Court // Criminal Law. 2023. N 7. Pp. 3–8.
11. Esakov G.A. Theft and Finding: Development of Judicial Practice after the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 12, 2023 N 2-P // Russian Justice. 2025. N 1. Pp. 7–15.
12. Arzamastsev M.V. Theft of Found Property as a Criminal-Law Abuse of Power // Criminal Law. 2023. N 3. Pp. 3–14.
13. Konovalov A.V. On the Issue of Good Faith in Prescription Possession // Bulletin of Civil Law. 2016. N 6. Pp. 9–31.
14. Kuliev A.I. Self-interest is a Mandatory Feature of Theft // Criminal Law. 2024. No. 6. Pp. 22–30.
15. Yani P.S. Theft or Abuse of Power? // Legality. 2026. No. 1. Pp. 23–29.

Совершение преступлений при неосторожном сопричинении вреда

Крюков Антон Владимирович,
старший преподаватель кафедры уголовного права, судья в отставке, Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы квалификации и назначения наказания за неосторожные преступления, фактически совершенные несколькими лицами. Уголовным законом РФ предусмотрено достаточно большое количество преступлений, совершенных по неосторожности в различных ее видах. При этом, согласно одному из основных положений теории уголовного права, преступление в составе группы лиц, то есть в соучастии, может быть совершено только умышленно. Все соучастники при этом имеют единое намерение совершить соответствующий деликт и, в той или иной форме, участвуют в его совершении, то есть совершение неосторожного преступного деяния в группе невозможно. В то же время, по мнению ученых – юристов, неосторожное сопричинение вреда является самостоятельным уголовно – правовым явлением, которое необходимо отграничивать от соучастия в преступлении. Совершение двумя лицами единовременно двух неосторожных деяний зачастую приводит к общественно опасным последствиям именно вследствие своей совокупности. В статье автор приводит ряд примеров подобных преступлений с соответствующим их анализом. Кроме того, автором вносится законодательное предложение о введении в УК РФ института неосторожного сопричинения с целью справедливого распределения ответственности между всеми виновными в соответствующих их вине размерах.

Ключевые слова: Квалификация преступлений, уголовная ответственность, неосторожное преступление, небрежность, легкомыслие, неосторожное сопричинение вреда, соучастие в совершении преступлений.

Статья 109 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за причинение смерти по неосторожности. Из самого названия данного преступления следует, что оно неумышленное и что форма вины здесь – неосторожность в виде небрежности или легкомыслия. Уголовным законом РФ предусмотрено еще достаточно большое количество преступлений, совершенных по неосторожности в различных ее видах.

Согласно одному из основных положений теории уголовного права, преступление в составе группы лиц, то есть в соучастии, может быть совершено только умышленно. Все соучастники при этом имеют единое намерение совершить соответствующий деликт и, в той или иной форме, участвуют в его совершении. Следовательно, совершение неосторожного преступного деяния в группе невозможно.

Однако Р.Р. Галиакбаров одним из первых обратил внимание на то, что неосторожное сопричинение вреда является самостоятельным уголовно – правовым явлением, которое необходимо отграничивать от соучастия в преступлении. [1] В то же время, совершение двумя лицами единовременно двух неосторожных деяний зачастую приводит к общественно опасным последствиям именно вследствие своей совокупности.

Поэтому в практической деятельности правоохранительных органов существует ряд случаев, когда обвинение в совершении одного неосторожного преступления предъявляется не одному, а нескольким лицам.

Например, органом следствия Н. и В. предъявлено обвинение в совершении преступления по ст. 109 ч. 2 УК РФ. По мнению следствия, Н. – врач – отоларинголог – при выполнении операции пациентке К. нарушил технологию операции и не осуществил контроль за ее послеоперационным состоянием, из– за чего наступило осложнение с угрозой жизни.

В., являвшаяся медицинской сестрой, по мнению следствия, не осуществила послеоперационное наблюдение за К. Поэтому орган следствия полагал, что действия обоих обвиняемых, вовремя не остановивших у пациентки кровотечение, послужили причиной ее смерти.

Решением Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга Н. признан виновным в инкриминируемом ему преступлении, Н. оправдана за отсутствием состава преступления, с признанием права на реабилитацию. [2]

Здесь двоим лицам фактически вменяется наступление, вследствие их непрофессиональных действий, единого преступного результата – смерти пациентки К. Следствие утверждает, что общественно опасные последствия их деяния наступили фактически в результате действий обоих обвиняемых. Орган расследования полагает, что именно действия обоих, выполненные последовательно, в определенном порядке, привели к смерти потерпевшей. Следовательно, действия кого – либо одного из них непосредственно причиной наступления смерти не явились, смерть повлекла совокупность действий обвиняемых.

Следует признать, что подобная позиция следствия очень близка к предъявлению обвинения в совершении преступления группой лиц без предварительного сговора. Оба обвиняемых участвуют в совершении преступления, наступление единого преступного результата обусловлено действиями обоих и невозможно без участия кого – либо из них, у обоих единая форма вины – неосторожность в форме легкомыслия, выраженная в единообразном невыполнении профессиональных обязанностей.

Поэтому в случае, если бы виновность обоих подсудимых была установлена, то следовало бы констатировать, что неосторожное преступление совершено двумя лицами, чьи действия, совершенные последовательно, привели к наступлению общественно опасного результату. При этом действия любого из обвиняемых отдельно такого результата бы не повлекли.

Сходная ситуация описана в решении Люблинского районного суда г. Москвы. Б. и К., обвинявшиеся органом предварительного расследования по ст. 109 ч. 1 УК РФ, признаны виновными: Б. – по ст. 109 ч. 1 УК РФ, К. – по ст. 115 ч. 1 УК РФ. [3] Установлено, что в ходе драки на почве личных неприязненных отношений, происходившей на улице возле дома, К. ударил ФИО в лицо, чем причинил легкий вред здоровью. Затем Б. также нанес удар ФИО в лицо, из – за чего ФИО упал на асфальтовое покрытие и ударился головой об асфальт, получив черепно – мозговую травму. Эта травма явилась причиной смерти ФИО, наступившей примерно через 40 минут в больнице.

По мнению суда, К. после нанесения им удара никак не содействовал Б., поэтому наличия соучастия в происшедшем судом не установлено.

В данном случае органом предварительного расследования вновь инкриминируется двум лицам наступление преступного результата по неосторожности. Следствие посчитало, что потерпевший после удара К. утратил способность к сопротивлению и устойчивость, из – за чего нанесенный затем Б. удар повлек его падение и удар головой об асфальт. Орган расследования здесь, с одной стороны квалифицируя действия обвиняемых как неосторожное преступление, с другой стороны усматривает в их действиях совместность и взаимную поддержку.

Кроме того, в случае, если бы смерть потерпевшего не наступила, действия обвиняемых следовало бы квалифицировать по ст. 115 ч. 1 УК РФ при наличии отягчающего обстоятельства «совершенное группой лиц». Таким образом, в описанной ситуации только лишь наступление смерти изменяет форму вины обвиняемого с умышленного преступления, совершенного в соучастии, на преступление, совершенное по неосторожности. Это также подтверждает сходство преступления, совершенного по неосторожности, с преступлением, совершенным группой лиц.

Большой интерес представляет решение Ленинского районного суд г. Уфы Республики Башкортостан [4] по результатам рассмотрения дела в отношении А. и Б., которым следствием предъявлено обвинение по ст. 264 ч. 1 УК РФ.

Суд признал А. и Б. виновными по указанной статье 264 ч. 1 УК РФ, т.е. в совершении нарушения лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшим по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью двум лицам.

А., управляя автомобилем, нарушил ПДД РФ, создав аварийную ситуацию для автомобиля под управлением Б., перекрыв своим автомобилем проезжую часть. Б. также нарушил ПДД РФ, превысив допустимую скорость движения, и, вследствие созданной А. аварийной ситуации, совершил наезд на здание, припаркованные автомобили и на пешеходов ФИО 1 и ФИО 2, которым был причинен тяжкий вред здоровью.

Здесь судом установлено, что причинение обоим потерпевшим тяжкого вреда здоровью наступило от преступных действий двух лиц – А. и Б. При этом оба действовали неумышленно, без предварительного сговора и какой – либо согласованности действий.

Полагаем, что в подобных ситуациях предусмотренному законом принципу справедливости уголовного наказания будет соответствовать оценка соответствующего неосторожного сопричинения вреда в зависимости от степени виновности каждого из привлекаемых лиц. Действительно, подобные общественно опасные последствия не наступают при совершении определенных действий каждым из виновных отдельно. Указанный результат возможен только как следствие действий обоих, при этом степень их вины может быть равной, а также может различаться. Поэтому ответственность за наступившие последствия может распределяться между виновными в равных долях, но также может быть и различной.

Поэтому, по основаниям ст. 60 УК РФ, обоснованно будет назначение каждому из виновных наказания с учетом степени общественной опасности деяния и его личности, в пределах предусмотренного соответствующей статьей Уголовного кодекса РФ наказания. Следует отметить, что указанным приговором Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан обоим подсудимым назначено равное наказание в виде ограничения свободы.

А.Р. Салимгареевой в статье «Уголовная ответственность за неосторожное сопричинение» было предложено ввести в Общую часть российского уголовного закона института неосторожного сопричинения вреда с целью надлежащего установления общественной опасности и ущерба, причиняемого неосторожными преступлениями. [5] По нашему мнению также возможно введение института неосторожного сопричинения вреда в УК РФ, в частности при применении таких статей как 109, 263, 264 УК РФ, а также частей 1 и 2 статьи 263.1 УК РФ. Описанные ситуации нередки и зачастую несправедливо привлечение к ответственности за неосторожное преступление лишь одного лица, которое не совершило бы его без соответствующего неосторожного деяния другого лица. Так, фактически невозможны последствия, предусмотренные частями 1 и 2 ст. 263.1 УК РФ, вследствие нарушения правил транспортной безопасности на объекте транспортной инфраструктуры одним лицом. Подобные нарушения чаще всегда совершаются двумя и более лицами, действующими без предварительного сговора. Институт неосторожного сопричинения вреда позволил бы распределить ответственность между всеми виновными в соответствующих их вине размерах.

Таким образом, определение совместной неосторожной сопричастности нескольких лиц к совершению неосторожных преступлений может иметь большое значение для назначения справедливого, законного и обоснованного наказания.

Литература

1. Галиакбаров Р.Р. Групповое преступление. Постоянные и переменные признаки: учебное пособие / Свердловск. Изд. Свердловского юрид. ин– та. 1973. 140 с. С. 70.
2. Объединенная пресс – служба судов Санкт-Петербурга URL: https://t.me/SPbGS/23025 (дата обращения 10.03.2026 г.)
3. Сайт «Юрист Онлайн» https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-109-uk-rf-prichinenie-smerti-po-neostorozhnosti/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-109-uk-rf-01–00012016-sudebnaja-praktika.html (дата обращения 10.03.2026 г.)
4. Сайт «Юрист Онлайн». URL: https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-264-uk-rf-narushenie-pravil-dorozhnogo-dvizhenija-i-ekspluatatsii-transportnyh-sredstv/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-264-uk-rf-1–1992017-narushenie-pravil-dorozhnogo-dvizhenija-i-ekspluatatsii-transportnyh-sredstv.html (дата обращения 10.03.2026 г.)
5. А.Р. Салимгареева. Уголовная ответственность за неосторожное сопричинение / Юридическая наука и правоохранительная практика. 1(35) 2016. С. 53–59.

COMMITTING CRIMES THROUGH IMPRUDENT CONTACT

Kryukov A.W.
Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of qualification and sentencing for reckless crimes actually committed by several persons. The criminal law of the Russian Federation provides for a fairly large number of crimes committed by negligence in its various forms. At the same time, according to one of the main provisions of the theory of criminal law, a crime as part of a group of persons, that is, in complicity, can only be committed intentionally. At the same time, all accomplices have a common intention to commit the relevant tort and, in one form or another, participate in its commission, that is, it is impossible to commit a reckless criminal act in a group. At the same time, according to legal scholars, negligent co-infliction of harm is an independent criminal law phenomenon that must be distinguished from complicity in a crime. The simultaneous commission of two negligent acts by two individuals often leads to socially dangerous consequences due to their combination. In this article, the author provides a number of examples of such crimes and their corresponding analysis. Additionally, the author proposes a legislative amendment to introduce the concept of negligent co-infliction in the Criminal Code of the Russian Federation in order to fairly distribute responsibility among all those involved in accordance with their respective degrees of guilt.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, negligent crime, carelessness, frivolity, negligent co-commission of crimes.

References

1. Galiakbarov R.R. Group Crime. Permanent and Variable Features: Textbook / Sverdlovsk. Ed. Sverdlovsk Law Institute. institute. 1973. 140 S. S. 70.
2. United Press Service of the Courts of St. Petersburg URL: https://t.me/SPbGS/23025 (accessed 03/10/2026)
3. Lawyer Online website https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-109-uk-rf-prichinenie-smerti-po-neostorozhnosti/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-109-uk-rf-01–00012016-sudebnaja-praktika.html (accessed 03/10/2026)
4. The Lawyer Online website. URL: https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-264-uk-rf-narushenie-pravil-dorozhnogo-dvizhenija-i-ekspluatatsii-transportnyh-sredstv/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-264-uk-rf-1–1992017-narushenie-pravil-dorozhnogo-dvizhenija-i-ekspluatatsii-transportnyh-sredstv.html (accessed 03/10/2026)
5. A.R. Salimgareeva. Criminal liability for negligent co-infliction / Legal Science and Law Enforcement Practice. 1(35) 2016. Pp. 53–59.

Современные научные воззрения об уголовно-процессуальных функциях

Заливин Александр Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: aleks-zalivin@mail.ru

Статья посвящена научным представлениям об уголовно-процессуальных функциях в отечественной доктрине уголовного судопроизводства. Актуальность темы связана с сохраняющейся дискуссией о содержании самих функций, об их разграничении, о соотношении обвинения и уголовного преследования, о пределах функции защиты, о месте суда и следователя в функциональной структуре процесса. Научная новизна работы связана с систематизацией новейших русскоязычных публикаций 2022–2025 гг. и с выработкой согласованного взгляда на функциональную модель процесса через призму действующего уголовно-процессуального закона. Цель исследования – выявить состояние современной научной разработки проблемы уголовно-процессуальных функций и определить направления дальнейшей доктринальной конкретизации. Использованы анализ научных публикаций, сравнительно-правовой прием, логико-юридическое обобщение, классификация и синтез. Исследование опирается на труды, посвященные общей теории функций, функциям обвинения, защиты, разрешения дела, праву на защиту, функции следователя при прекращении дела. В аналитической части раскрыты устойчивые и спорные позиции современной науки. Практическая полезность связана с применением выводов при подготовке научных работ, учебных курсов и при толковании норм УПК РФ.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные функции, функция обвинения, уголовное преследование, функция защиты, функция разрешения дела, состязательность сторон, право на защиту, следователь, прокурор, уголовное судопроизводство.

Введение

Проблематика уголовно-процессуальных функций занимает устойчивое место в науке уголовного процесса, поскольку через нее раскрывается внутренняя конструкция судопроизводства, распределение процессуальной активности между участниками, пределы публичного вмешательства и гарантии прав личности. На современном этапе интерес к данной теме усилился под влиянием двух групп причин. Первая связана с продолжающейся теоретической полемикой о том, сколько функций образуют функциональную систему уголовного процесса, где проходит граница между обвинением и уголовным преследованием, допустимо ли расширение перечня функций за пределы традиционной триады. Вторая вытекает из нормативной базы: Конституция Российской Федерации закрепляет состязательность и равноправие сторон, а УПК РФ прямо разводит функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, придавая научному спору прикладное значение для правоприменения.

Цель исследования – раскрыть, как современная наука уголовного процесса трактует уголовно-процессуальные функции, какие линии разграничения преобладают в новых публикациях и какие теоретические затруднения сохраняются.

Для достижения поставленной цели решены три задачи. Первая – установить, как в новейшей литературе определяется понятие уголовно-процессуальной функции и какое место отводится традиционной триаде функций. Вторая – проследить, каким образом современные авторы разграничивают обвинение, уголовное преследование, защиту и разрешение дела. Третья – выявить спорные зоны доктрины, связанные с функциональным положением следователя, прокурора, защитника и суда.

Научная новизна работы выражена в сведении в единую аналитическую схему русскоязычных исследований последних пяти лет, посвященных общей теории уголовно-процессуальных функций и ее отдельным функциональным блокам. В результате выведена картина современной научной дискуссии, где нормативное разведение функций сочетается с неодинаковыми доктринальными моделями их объема, субъектного наполнения и пределов пересечения.

Материалы и методы

Материальную базу исследования составили десять русскоязычных научных публикаций 2022–2025 гг., посвященных общей теории уголовно-процессуальных функций и отдельным функциональным блокам. И.Н. Чеботарева [1] рассматривает функции как системообразующий элемент уголовного судопроизводства и опирается на системно-функциональный подход. А.В. Гришин, С.А. Денисов [2] сосредоточены на понятийном аппарате, соотношении и практической реализации функций. Е.А. Мельников [3] анализирует доктринальные линии разграничения обвинения, защиты и разрешения дела. М.М. Бондарь [4] исследует связь уголовного преследования и обвинения внутри общей функциональной системы; в другой работе М.М. Бондарь [5] раскрывает уголовное преследование через целеполагание. З.Т. Мирзоев [6] прослеживает связь понятия обвинения с возникновением соответствующей функции. А.В. Богданова [7] обобщает подходы к понятию и видам обвинения. В.Ю. Стельмах [8] разбирает содержание функции защиты и формы ее осуществления. С.В. Гладченкова, И.В. Рудакова [9] исследуют теоретические основания права на защиту и затруднения его реализации. Н.А. Назырова [10] рассматривает реализацию следователем функции разрешения дела при прекращении уголовного дела. Нормативную основу аналитики образовали положения Конституции Российской Федерации и УПК РФ о состязательности сторон, разграничении функций, статусе прокурора, следователя и защитника.

В исследовании применены анализ научных публикаций, сравнительно-правовой прием, логико-аналитическое обобщение, классификация и синтез. Данный набор приемов позволил сопоставить авторские позиции, связать научные выводы с текстом закона и выделить устойчивые доктринальные линии без смешения описательного и интерпретационного уровней.

Результаты

Современная наука уголовного процесса исходит из того, что разговор об уголовно-процессуальных функциях невозможен вне конституционного и кодексного закрепления состязательности. Часть 3 статьи 123

Конституции Российской Федерации закрепляет судопроизводство на основе состязательности и равноправия сторон, а статья 15 УПК РФ разводит функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела и запрещает их сосредоточение в одном органе либо у одного должностного лица. В новой литературе данная нормативная связка служит исходным пунктом для осмысления всей функциональной архитектуры процесса [1–3]. Исследователи сходятся в одном: функция в уголовном процессе – не произвольное описание активности участника, а научная категория, через которую выявляется направленность его процессуального назначения и пределы допустимой деятельности в состязательной модели.

При разработке общего понятия функции заметна устойчивая тенденция к системному прочтению. И.Н. Чеботарева рассматривает уголовно-процессуальные функции как системообразующий элемент уголовного судопроизводства [1]. Подобный ход мысли означает перенос внимания с отдельного участника на внутреннюю организацию процесса: именно через функции объясняется, почему процесс строится как взаимодействие сторон и суда, а не как совокупность разрозненных процессуальных действий. А.В. Гришин и С.А. Денисов, обращаясь к проблемам понятийного аппарата, показывают, что теоретическая неопределенность термина порождает расхождения в классификации функций и в объяснении их носителей [2]. Отсюда вытекает вывод о том, что вопрос о понятии функции напрямую влияет на понимание статуса прокурора, следователя, защитника и суда, а не сводится к терминологической полемике.

В работах последних лет сохраняется доминирование триады «обвинение – защита – разрешение дела». Е.А. Мельников специально сосредоточен на доктринальном разграничении именно этих трех направлений [3]. Данная схема согласуется с буквальным текстом статьи 15 УПК РФ и воспринимается как нормативно поддержанная основа всей конструкции процесса. Вместе с тем в литературе не исчезает стремление к расширению функционального перечня за счет более дробного выделения следовательской, прокурорской, правозащитной, вспомогательной и иных линий процессуальной активности [2; 3]. В новых публикациях подобные предложения встречают сдержанную оценку: их ценность признается для более тонкого описания процессуальных полномочий, но при переводе на уровень базовой модели процесса приоритет сохраняет классическая триада, поскольку именно она закреплена законом и согласуется с принципом состязательности [1; 3].

Наиболее острая дискуссия разворачивается вокруг соотношения обвинения и уголовного преследования. М.М. Бондарь в специальной статье анализирует их связь внутри системы уголовно-процессуальных функций [4], а в отдельной публикации рассматривает уголовное преследование сквозь призму целеполагания [5]. Смысл данной линии исследований сводится к тому, что обвинение и уголовное преследование не совпадают автоматически. Уголовное преследование раскрывается как процессуальная деятельность публичной стороны, направленная на изобличение лица и достижение результата, предусмотренного уголовно-процессуальным законом; обвинение же связывается с формулированием и процессуальным выражением утверждения о совершении преступления конкретным лицом. Подобное разведение поддерживается и в работах З.Т. Мирзоева [6], где возникновение функции обвинения поставлено в зависимость от формирования самого обвинения как процессуального явления, и в статье А.В. Богдановой [7], обобщающей подходы к понятию и видам обвинения. В совокупности данные публикации дают основание заключить, что обвинение в современной доктрине трактуется уже не как синоним любой преследовательной активности, а как более узкая категория с собственным содержанием и формами проявления.

Указанное разведение поддерживается и нормами УПК РФ. Статья 37 УПК РФ возлагает на прокурора осуществление от имени государства уголовного преследования и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Уже из текста закона видно, что термин «уголовное преследование» используется применительно к публичной деятельности со стороны обвинения, тогда как статья 15 УПК РФ строит модель через разграничение функций обвинения, защиты и разрешения дела. Научные публикации последних лет как раз и сосредоточены на согласовании данных норм: исследователи стремятся показать, где заканчивается широкая преследовательная деятельность и где начинается собственно обвинение как самостоятельный функциональный блок [4–7].

В разработке функции защиты современная литература движется по двум направлениям. Первое связано с выяснением ее содержания и форм осуществления. В.Ю. Стельмах рассматривает функцию защиты через современные проблемы ее содержания и форм реализации [8]. По данным поисковой выдачи по статье, автор связывает функцию защиты с деятельностью, противостоящей обвинительной активности и направленной на охрану прав и интересов лица, вовлеченного в процесс со стороны защиты. Второе направление сосредоточено на праве на защиту как нормативной и доктринальной основе всей защитительной деятельности. С.В. Гладченкова и И.В. Рудакова подчеркивают теоретическую многозначность права на защиту и указывают на затруднения его практической реализации [9]. Из их публикации следует, что отсутствие в законе развернутой дефиниции самой «защиты» усиливает научные споры о ее границах, субъектах и формах осуществления.

В нормативном плане защитительная линия обеспечена несколькими взаимосвязанными положениями УПК РФ. Кодекс закрепляет право подозреваемого и обвиняемого на защиту, наличие института защитника и его полномочий, а официальный текст УПК РФ содержит главы и статьи, посвященные обеспечению защиты, статусу защитника и его участию в процессе. Научные работы [8; 9] связывают действенность функции защиты не с абстрактным провозглашением прав, а с реальной процессуальной возможностью возражать против обвинения, представлять доводы, участвовать в собирании и проверке информации, использовать профессиональную юридическую помощь. Следовательно, функция защиты в новейшей литературе раскрывается как самостоятельное направление процессуальной деятельности, а не как пассивная реакция на действия стороны обвинения.

Отдельный научный интерес связан с функцией разрешения дела. В классической конструкции носителем данной функции выступает суд, что прямо согласуется с текстом статьи 15 УПК РФ [3]. Вместе с тем Н.А. Назырова, исследуя прекращение уголовного дела, показывает, что в досудебном производстве следователь при принятии решения о прекращении дела реализует особое направление деятельности, соотносимое с функцией разрешения дела [10]. В поисковой выдаче по данной статье отмечено, что следователь осуществляет полифункциональную деятельность, а функция разрешения дела получает выражение именно в ситуации прекращения уголовного дела. Научная ценность подобного вывода заключается в смещении фокуса с формального противопоставления «следователь – сторона обвинения» к более сложной модели, где отдельные процессуальные решения следователя по своим юридическим последствиям приближаются к разрешению уголовно-правового конфликта на досудебной стадии.

Данный тезис требует увязки с кодексом. Статья 38 УПК РФ определяет следователя как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а законная модель досудебного производства традиционно относит следователя к стороне обвинения. Именно по данной причине работы [2; 10] приобретают особое значение: они показывают, что функциональная характеристика участника не исчерпывается наименованием стороны в кодексе. В рамках прекращения дела следователь не просто продолжает обвинительную активность, а принимает итоговое решение, прекращающее производство и способное снять обвинительную перспективу. Отсюда в доктрине возникает вопрос о пределах допустимого расширения функции разрешения дела за пределы суда.

Сопоставление публикаций [1–10] позволяет выделить еще одну устойчивую линию. Современные авторы связывают учение об уголовно-процессуальных функциях не с механическим перечнем полномочий, а с назначением каждого участника в структуре процесса. Поэтому прокурор анализируется через публичное преследование, защитник – через противодействие обвинению и обеспечение прав доверителя, суд – через разрешение дела, следователь – через сложное сочетание обвинительных и завершающих процесс направлений. Подобная оптика сближает новые исследования с системным подходом и одновременно усиливает требования к точности понятийного аппарата [1; 2; 4; 8].

Еще один результат анализа связан с тем, что в новых публикациях заметен отход от жесткого отождествления функции с процессуальной фигурой. Е.А. Мельников и Н.А. Назырова подводят к мысли, что одна и та же фигура в разных процессуальных ситуациях вступает в неодинаковые функциональные отношения с предметом производства [3; 10]. При сохранении нормативной триады на уровне базовой модели на уровне конкретных процессуальных решений наблюдается более сложная картина. Данная тенденция не разрушает принцип состязательности, но требует более тонкой доктринальной терминологии, при которой функция описывает направленность деятельности, а не простое служебное наименование участника.

Обсуждение

Анализ подобранных публикаций позволяет сделать вывод о сохранении в современной науке двух конкурирующих линий. Первая стремится удержать классическую модель уголовно-процессуальных функций в пределах триады, поскольку именно она закреплена в Конституции и УПК РФ и обеспечивает ясность в распределении процессуальных

направлений. Вторая линия, напротив, тяготеет к детализации функциональной картины и к выделению производных направлений деятельности – прежде всего применительно к следователю, прокурору и иным участникам досудебного производства. Напряжение между данными линиями не носит случайного характера: за ним стоит различие между нормативным и доктринальным уровнями описания процесса.

Наиболее спорной зоной сохраняется соотношение обвинения и уголовного преследования. В исследованной литературе нет полного единства: одни авторы тяготеют к их тесному сближению, другие настаивают на различии объема и функционального назначения. Более убедительной представляется позиция, при которой уголовное преследование описывает более широкий массив публичной деятельности по изобличению лица, тогда как обвинение связывается с формулированным процессуальным утверждением о совершении преступления конкретным лицом. Подобная схема лучше согласуется и с кодексной терминологией, и с логикой состязательного процесса, где предмет процессуального спора нуждается в четком словесном выражении.

Не менее сложной предстает проблема функции защиты. Новые публикации убедительно показывают, что сведение защиты к «реакции» на обвинение обедняет реальную структуру процесса. Защитительная деятельность направлена не лишь на опровержение обвинительного тезиса, но и на самостоятельное отстаивание прав, на выявление оправдывающих либо смягчающих материалов, на пресечение нарушений процедуры. При таком подходе право на защиту приобретает не декларативный, а конструктивный смысл: оно организует процессуальное участие подозреваемого, обвиняемого и защитника. В то же время исследованный корпус литературы оставляет открытым вопрос о границах защитительной активности на досудебной стадии, прежде всего при собирании и представлении сведений, значимых для дела.

Существенную дискуссию вызывает и следовательская деятельность. Материал Н.А. Назыровой убедительно подталкивает к пересмотру упрощенного взгляда на следователя лишь как на носителя обвинительной линии. Решение о прекращении уголовного дела по своим последствиям приближено к разрешению процессуального спора, что дает основание для более сложной функциональной оценки. Вместе с тем чрезмерное расширение функции разрешения дела за пределы суда способно размыть нормативную модель статьи 15 УПК РФ. По данной причине корректнее говорить не о переносе судебной функции на досудебную стадию, а о наличии у следователя отдельных полномочий, обладающих разрешающим эффектом. Подобная формула лучше удерживает баланс между научной точностью и текстом закона.

Исследовательская лакуна просматривается в вопросе о критериях выделения самостоятельной функции. В работах последних лет подробно обсуждаются содержание, формы и соотношение функций, но единый набор критериев их разграничения не выработан. Отсюда и проистекают разночтения: одна группа авторов исходит из назначения участника, другая – из характера его полномочий, третья – из конечной направленности процессуальной активности. Без согласования данных критериев научная дискуссия будет сохранять цикличность, а спор о числе функций – воспроизводиться в новых формулировках без окончательного сближения позиций.

Практическая ценность рассмотренной доктрины связана с толкованием УПК РФ и с преподаванием уголовного процесса. Чем точнее наука разводит функции обвинения, защиты и разрешения дела, тем последовательнее выстраивается оценка полномочий прокурора, следователя, защитника и суда. Для учебных курсов подобная систематизация полезна тем, что позволяет показывать уголовный процесс не как перечень стадий и статей, а как внутренне согласованную конструкцию, где каждое процессуальное действие получает смысл через функциональную направленность.

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что современная русскоязычная наука уголовного процесса сохраняет триаду обвинения, защиты и разрешения дела как базовую модель уголовно-процессуальных функций. Поддержка данной модели опирается на конституционный принцип состязательности и на прямое предписание статьи 15 УПК РФ.

По первой задаче выявлено следующее: уголовно-процессуальная функция в новейшей литературе понимается как направленность процессуальной деятельности, раскрывающая место участника в системе судопроизводства. Через данную категорию объясняется внутренняя организация процесса и распределение процессуальных направлений между сторонами и судом.

По второй задаче установлено, что центральным предметом научной полемики выступает разграничение обвинения и уголовного преследования. В исследованном корпусе публикаций преобладает подход, при котором уголовное преследование трактуется шире, тогда как обвинение связывается с процессуально оформленным утверждением о совершении преступления конкретным лицом. Функция защиты, в свою очередь, раскрывается через противодействие обвинению и через обеспечение прав лица, вовлеченного в процесс со стороны защиты.

По третьей задаче выявлены устойчивые спорные зоны: критерии выделения самостоятельной функции, пределы функциональной детализации досудебного производства, функциональная оценка полномочий следователя при прекращении уголовного дела. Данные вопросы сохраняют научную значимость и требуют дальнейшей доктринальной разработки без отрыва от нормативной модели состязательного уголовного судопроизводства.

Литература

1. Богданова А.В. Основные подходы к понятию и видам обвинения в российском уголовном процессе // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 3 (17). С. 45–51. DOI: 10.22394/2686-7834-2023-3-45-51.
2. Бондарь М.М. Уголовное преследование и обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 2 (30). С. 25–38. DOI: 10.55001/2587-9820.2024.81.87.003.
3. Бондарь М.М. Уголовное преследование сквозь призму целеполагания // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 4 (111). С. 97–104.
4. Гладченкова С. В., Рудакова И.В. Право на защиту в уголовном процессе России: теоретические основы и отдельные аспекты реализации // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3. С. 208–214.
5. Гришин А. В., Денисов С.А. Некоторые проблемы понятийного аппарата, соотношения и реализации уголовно-процессуальных функций // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 147–160.
6. Мельников Е.А. Основные доктринальные подходы к разграничению функций обвинения, защиты и разрешения дела в уголовном судопроизводстве // Право и управление. 2024. № 2. С. 111–116.
7. Мирзоев З.Т. Понятие обвинения в уголовном процессе и возникновение уголовно-процессуальной функции обвинения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 312–314.
8. Назырова Н.А. Реализация следователем функции разрешения дела при принятии правового решения о прекращении уголовного дела // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104). С. 199–208.
9. Стельмах В.Ю. Функция защиты в уголовном судопроизводстве: некоторые современные проблемы ее содержания и форм осуществления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 91–99.
10. Чеботарева И.Н. Уголовно-процессуальные функции как системообразующий элемент уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 133–140.

MODERN SCIENTIFIC VIEWS ON CRIMINAL PROCEDURE FUNCTIONS

Zalivin A.N.
Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

This article explores the scientific understanding of criminal procedural functions in Russian criminal procedure doctrine. The relevance of this topic stems from the ongoing debate over the content of these functions themselves, their delineation, the relationship between prosecution and defense, the limits of the defense, and the roles of the court and investigator within the functional structure of the process. The scientific novelty of this work stems from its systematization of the latest Russian-language publications from 2022 to 2025 and from the development of a coherent view of the functional model of the process through the lens of current criminal procedural law. The purpose of this study is to identify the state of contemporary scientific research on criminal procedural functions and identify areas for further doctrinal refinement. The analysis of scientific publications, comparative legal approaches, logical and legal generalization, classification, and synthesis are used. The study draws on works devoted to the general theory of functions, the functions of prosecution, defense, case resolution, the right to defense, and the investigator's role in dismissing a case. The analytical section explores established and controversial positions in modern scholarship. The practical utility of the findings lies in their application to the preparation of research papers and training courses, as well as to the interpretation of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal procedural functions, prosecution function, criminal prosecution, defense function, case resolution function, adversarial proceedings, right to defense, investigator, prosecutor, criminal proceedings.

References

1. Bogdanova, A.V. «Basic Approaches to the Concept and Types of Charges in Russian Criminal Procedure»: Theoretical and Applied Jurisprudence, 2023, № 3 (17), pp. 45–51. DOI: 10.22394/2686-7834-2023-3-45-51.

2. Bondar, M.M. «Criminal Prosecution and Accusation in the System of Criminal Procedure Functions»: Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow, 2024, № 2 (30), pp. 25–38. DOI: 10.55001/2587-9820.2024.81.87.003.

3. Bondar, M. M. «Criminal Prosecution through the Prism of Goal-Setting» // Jurist-Pravoved. 2024. № 4 (111). pp. 97–104.

4. Gladchenkova, S. V., Rudakova, I. V. «The Right to Defense in Criminal Procedure in Russia: Theoretical Foundations and Certain Aspects of Implementation» // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3. pp. 208–214.

5. Grishin, A. V., Denisov, S. A. «Some Issues of the Conceptual Apparatus, Relationship, and Implementation of Criminal Procedural Functions» // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. № 2 (99). pp. 147–160.

6. Melnikov, E. A. «Basic Doctrinal Approaches to Distinguishing the Functions of Prosecution, Defense, and Case Resolution in Criminal Proceedings» // Law and Management. 2024. № 2. pp. 111–116.

7. Mirzoev, Z. T. «The Concept of Charge in Criminal Proceedings and the Emergence of the Criminal-Procedural Function of the Prosecution» // Law and State: Theory and Practice. 2023. № 4 (220). pp. 312–314.

8. Nazirova, N. A. «Implementation of the Case Resolution Function by the Investigator When Making a Legal Decision to Terminate a Criminal Case» // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1 (104). pp. 199–208.

9. Stelmakh, V. Yu. «The Function of Defense in Criminal Proceedings: Some Current Issues of Its Content and Forms of Implementation» // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3 (74). P. 91–99.

10. Chebotareva, I.N. Criminal Procedural Functions as a System-Forming Element of Criminal Proceedings // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4 (75). P. 133–140.

Криминологическая характеристика уголовной политики России

Зацепин Михаил Николаевич,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,
доктор юридических наук, доцент, член Российской криминологической ассоциации, директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
E-mail: tp0507@ya.ru

Преобразования в правовой сфере, формирование гражданского общества пути решения возникающих проблем и конфликтов, противодействия преступным проявлениям не осуществляются стихийно. Без единой уголовной и криминологической политики, определении основных приоритетов и направлений не будет стабильности в обществе и управляемости государством. Государством должен править закон, провозглашали древние римляне, а формирование правового государства невозможно без создания законодательной базы, создающей фундамент развития всего многообразия общественных отношений, в том числе возникающих в сфере правоприменительной практики. И как следствие разрабатывается утверждается для последовательной реализации уголовная политика учитывающая социально-экономические, политические, демографические и иные детерминанты социально-общественной жизни.

Ключевые слова: уголовная политика, криминологическая характеристика, закон, уголовное право, законодательная реформа.

Одним из существенных направлений идущей законодательной реформы является диверсифицированность, совершенствование уголовного законодательства, нововведения к построению уголовно-правовых санкций, учитывается и опыт СССР. Презумпция невиновности являлась одним из основных принципов советского уголовного процесса, а все сомнения, которые не представлялось возможным устранить, толковались в пользу обвиняемого (подсудимого). В последние годы обращает на себя внимание регламентирование содержательной деятельности находящейся за сферами уголовного процесса, но как-то связанными с установлением фактов преступлений. Конфигурация регламентаций реализовывается через административное производство, оперативно-розыскную деятельность, осуществляя сходство приемов получения нужной информации и результатов этой деятельности.

Анализ криминологических изысканий по разным направлениям, изучение и обобщение соответствующей практики, социологических и статистических результатов помогают разобраться в проблеме преступности и в сфере экономической деятельности, прийти к выводам, не похожим на «традиционно» имеющиеся у чиновников. Со времени начала проведения политических, экономических и правовых реформ в Российской Федерации ее ставят по значимости на второе место среди всех наиболее сложных социальных проблем общества. В настоящее время данная проблема становится более актуальной и социально значимой, а также притягательной для представителей политических партий и правоохранительных органов, если ею поражаются предпринимательские структуры (бизнес). Уголовно-исполнительная политика государства к исполнению наказания, назначенного судом. ИТУ нуждаются в совершенствовании деятельности мест отбывания наказания для предоставления надежды, что честная нормальная жизнь после освобождения возможна, а жизнь без преступлений является и правильной, и благоприятной.[1] Значимым элементом уголовной политики является уголовно-организационная политика к аналитической работе по противодействию преступности, организации кадровой работы, уголовной статистики, материально-техническому обеспечению судебных, правоохранительных органов и спецслужб. Конфликт законности нуждается в практическом, теоретическом и аналитическом изучении, не работает понимание, которое сводилось к соблюдению правовой дисциплины. Проблема качества законов и гарантий законности, содержания нормативных актов, обоснованности решений, которые принимаются, речь идет о комплексном анализе всех нормативных актов, выработке единой концепции анализа правопорядка. Из этого следует необходимость в криминологических исследованиях объединяя уголовное право и процесс, криминалистику, уголовно-судебную экспертизу и оперативно-розыскную деятельность. Исследования необходимо в значительной степени учитывать при совершенствовании законодательства.

В настоящее время правоохранительные органы «ушли» от традиционных подходов к обеспечению законности при производстве дознания и досудебного (предварительного) следствия, согласно которым законность при расследовании преступлений обеспечивали прокуроры, руководители следственных подразделений и оперативные руководители служб следователя и дознавателя, и в определенной мере суды. Согласно концепции национальной безопасности работа правоохранительных органов рассматривается как объект проверок и обжалований, а гражданин – как потенциальный нарушитель законности и отводится роль «потребителей» законности – жалобщиков и ходатаев. Невольно идеализируется командно-приказной метод обеспечения законности, абсолютизируется значение сугубо государственных методов обеспечения законности, приуменьшается роль общественных институтов. [2]

В 80-е и 90-е года отмечались еще только «процессы политизации» организованной и экономической преступности, а в 2000-е она уже контролирует с использованием разных механизмов органы государственной власти (и законодательной, и исполнительной, и судебной), их решения и реализацию таких решений, т.е. произошла криминализация государственного механизма. [3] Совместно с беспрецедентным расширением теневой экономики и организованной преступности возникли и развиваются теневая политика, теневая юстиция, криминологическая политика. Правоохранительными и судебными органами, общественными институтами фиксируется заметный рост

числа опасных преступлений против правосудия. Происходит быстрое сращивание законного и преступного предпринимательства, легальных и преступных структур, слияние правомерных и преступных капиталов. Необходимо внимание разработке и внедрению оптимальной системы показателей работы правоохранительных органов в сфере предупреждения, расследования, раскрытия преступлений и рассмотрения уголовных дел в суде, исполнения наказаний. Целесообразно проанализировать состояние уголовной политики силами научных и практических специалистов, т.к. далеко не всякое конкретное деяние должно быть фиксировано в специальной статье УК. Правопорядок – это тоже показатель соблюдения законности, статистика не отражает полной картины без учета латентной преступности.

Сдерживание (профилактика, предупреждение) преступности в сфере экономической и коррупционной деятельности, особенно корыстной направленности, может быть эффективным только в том случае, если эта работа осуществляется на фундаментальной законодательной основе, соответствующей реальным характеристикам данного наиболее опасного вида, а также целям и задачам современной криминологической и уголовной политики. Не всегда одни только уголовно-правовые средства являются действенными мерами в решении данной проблемы преступности.

В концепции национальной безопасности Российской федерации – стратегия борьбы с экономической и организованной преступностью, коррупцией имеет не только правовой, но и политический характер и системно связана с общей стратегией борьбы с преступностью в стране, и частично с криминологической политикой. Для этого необходимо еще раз вернуться к системе уголовной политики и проанализировать состояние преступности и уровень экономической преступности, коррупции, системно изучить действующее законодательство, правоприменительную практику, уголовную статистику, вопросы предупреждения преступлений, а также объективность их расследования, состояние правосудия. Не исключено, что на время объявить мораторий на изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законе. В достаточно определенной степени остановится и оглядеться, поменялся общественно-политический строй, были допущены серьезные ошибки и в приватизации, и в отказе от государственно-правовой идеологии при смене государственного строя и формы правления. [4]

Идущее законодательное расширение полномочий силовых и правоохранительных структур без развития механизмов общественно-правового контроля за их профессиональной деятельностью, привело к тому что они сами подвержены коррупции. Имеющие желание подмять под себя, заменить демократические гражданские институты. Есть и растущее несоответствие между преступностью и судимостью, анализируя официальную статистику видно, связано оно не с деятельностью судов, а с недостаточно качественной работой органов предварительного расследования. Низкая раскрываемость преступлений и существенное расширение освобожденных граждан по нереабилитирующим основаниям. Такую тенденцию невозможно без исследований оценить однозначно, ибо часть уголовных дел прекращается в связи со слабостью доказательств, которые по мнению следствия «не выдержат» судебного разбирательства, а другая часть – в связи с освобождением от уголовной ответственности граждан, которых возможно исправить и без привлечения к суду. Эта «позитивная» тенденция неправильная, было бы правильнее, если бы только суд признавал лиц виновными и освобождал при наличии оснований от уголовной ответственности. [5]

Сегодня при отсутствии криминологических исследований для научно обоснованной концепции борьбы с этим явлением в качестве панацеи вновь предлагается создать дополнительные или увеличить существующие силовые структуры, а также применить неординарные организационные (преимущественно карательные) формы борьбы с экономической, организованной преступностью, коррупцией. Представляется что подобный подход, к решению этой проблемы вряд ли можно поддержать, поскольку, как подтверждает международный опыт и нашей страны, он изначально не приводит к желаемому результату. Последствиями эффективного действия правового регулирования указанных выше и связанных с реализацией социальных возможностей, модифицированных в правовых явлениях, будут являть правовые предписания, которые определяют процесс создания норм права, компетенцию государственных и общественных организаций в области укрепления законности. [6]

Составной частью правовой основы борьбы с экономической, организованной, коррупционной преступностью, а также причинами и условиями детерминации, как нам представляется, являются формулировки составов преступлений, в различной наказуемости аналогичных преступлений, содержание объекта уголовно-правой охраны, характер и степень общественной опасности. Уголовная политика опосредует не только правотворческую, по и правоприменительную деятельность, завершающие этапы функционирования механизма правового регулирования. Методологический принцип анализа происходящих негативных процессов должен заключаться в исследовании не реализованных возможностей, нерешенных проблем, трудностей и противоречий в общественной жизни социума. [7]

Статья 1 п. 2 УК РФ содержит положение о том, что «Настоящий кодекс основывается на Конституции Российской Федерации…». Статья определяет круг формальных источников Российского уголовного права, относя к ним прежде всего и сферу экономической деятельности, коррупцию является – ослабление в первую очередь, а в международно-правовых документах не выделяются и исчерпывающе не перечисляются. Одни из международных договоров на территории действуют непосредственно, другие только посредством внесения изменений в действующее российское законодательство.

На протяжении последних десятилетий каждая попытка борьбы с коррупцией оборачивается очередной «пиар-кампанией», и только потому, что нет исследований криминологов или не в состоянии, боязни государства назвать ее основные причины. Разговоры о борьбе с коррупцией, откатами, распиливанием бюджетных средств, как основных источниках существования значительной части чиновничества, «черный нал», заработная плата в конвертах идут, а результата нет. Немаловажно, что политики и эксперты не хотят видеть разницу между коррупцией, которая является способом выживания брошенных на произвол судьбы бюджетников, и коррупцией разврата и «беспредела» за которой стоит соревнование за большее количество миллионов. Коррупция есть расплата, следствие уродливости нашей социально-экономической жизни. В чьих руках находится наше будущее (учителя, врачи, работники культуры,) получают ничтожную зарплату, а их сверстники на скромных должностях в банках значительно больше. Трудно убедить хирурга, у которого зарплата равна уборщицы, что стыдно брать деньги с оперируемых, цинизм нашего распределения доходов и рождает эту коррупцию снизу. [8]

Проведя эмпирическое исследование и обобщив социологические исследования взглядов граждан России на то, почему коррупция в нашей стране настолько живуча, кто и как с ней должен бороться, и стоит ли это вообще делать. [9] Результаты оказались крайне любопытными и парадоксальными. Прежде всего, не выработан единый понятийный механизм, реально не закреплены действующие формы не только коррупции в уголовном законодательстве. Граждане весьма критично настроены в отношении «тех, кто там, наверху». Около 60% заявили, что «подавляющее большинство должностных лиц в высших органах власти использует свое положение в личных, корыстных целях. Более 29% уверены, что так поступают некоторые должностные лица. В честности и «бескорыстии» высокопоставленных чиновников, трудящихся только за зарплату, убеждены только более 3,5%, а 6,6% просто не знают ответа. Это показывает, что коррупция разрушает систему государственного управления, порождает негативное отношение к государственной службе и государственным служащим, а также препятствует эволюционному развитию рыночной экономики и способствует увеличению преступности, особенно в сфере экономики. [10]

Политические риски, коррупция, административное давление – все это мешает сегодня технологической модернизации. И если ситуация не изменится, начатые преобразования могут закончиться банальной стагнацией. Многообещающие объявления войны преступности имеют вавилонское столпотворение в умах граждан. Необходима не война и борьба с преступностью, а воздействие на нее на основе права, которое выступает не только как форма реализации политико-административных директив. Право в сфере противодействия преступности и есть уголовная политика, которую следует рассматривать как правовую по форме и по содержанию, как реализующую правовые ценности законности. Криминологическая политика основывается на знании реального состояния, тенденций преступности и целенаправленного воздействия на нее, имеющие базой правовые ценности и средства, в целях минимизации в меру современных возможностей уровня преступности.

Затрагивая реальное состояние преступности характеризующее политические и экономические, социальные явления и процессы, происходящие в любом обществе, обратим внимание на опасность мифологизации феномена организованной преступности и коррупции. Говоря о коррупции, следует иметь в виду не злоупотребления отдельного чиновника в связи с использованием им государственных функций, а систему, при которой существуют условия для подобных злоупотреблений. И почему вопрос о распространении декриминализации преступлений в ранг неприступных правонарушений, чаще всего административных, составляет определенное направление при обсуждении реформы УК, когда необходимость противодействия коррупции

приобрела сегодня общенациональное значение? В юридической литературе специалистами определена структура механизма взаимодействия политических и правовых явлений как причинно-следственная зависимость. Право выполняет функции по регулированию процесса принятия политических решений, формированию уголовной политики, устанавливая границы осуществления государственными органами и должностными лицами, придавая им определенность, нормативность, общеобязательность. [11]

Еще менее двух десятилетий назад среди специалистов, занимающихся проблемой преступности в сфере экономической деятельности, организованной преступности, коррупцией уделялось более значительное внимание, чем сегодня. Более того, она рассматривалась даже в качестве самостоятельного фактора, а к ее проявлению, прежде всего, в виде взяточничества, относились к признакам, определяющим преступность в целом. Правотворчество и реализация права функционируют в механизме правового регулирования и выражаются в уголовной политике. Организация и проведение законодательных работ требуют общественно-политической активности, необходимой для практического осуществления принятого законодательства, является ступенью удовлетворения потребностей урегулирования общественных отношений.

Исследования показывают, что уголовная политика опосредует не только правотворческую, но и правоприменительную деятельность, завершая этап функционирования механизма правового регулирования, обеспечивая выборность общественными институтами или гражданами. [12]

Если немного вернемся в историю, то преодоление обусловленных коррупцией негативных тенденций и явлений иногда было возможно. [13] Необходима не концепция или стратегия с тактикой [14], а, политическая воля государства для противодействия организованной преступности, коррупции при обязательном условии, что уголовная политика выполняет функцию интеграции законодательных, организационных, идеологических и социальных установок обеспечения законности. Был подготовлен законопроект, согласно которому чиновника можно будет уволить или лишить имущества, приобретенного на неизвестные доходы, если он не сможет объяснить их источник. В последующем принятый закон постоянно дополнялся. [15]

Преступления в сфере экономической деятельности, наличие организованной преступности и проявления коррупции есть в любой стране, в любом обществе – правительства борются с ней или, по крайней мере, говорят, что борются. Полностью искоренить преступность и коррупцию невозможно, об этом свидетельствует исторический мировой опыт, однако предупреждать это явление, ограничивать его влияние и влияние его последствий на общество необходимо и возможно.

В тех странах, где производитель и потребитель остаются один на один, нет надобности кого-то подкупать, следовательно, и нет почвы (фундамента) для развития преступности в сфере экономической деятельности, коррупции. Только в тех странах, где государство, чем больше регулирует экономику, тем больше потенциальных возможностей для подкупа чиновника. [16]

Фундаментом для коррупции является также тотальный контроль за публичными и правовыми услугами. А конкретными или факультативными причинами – «заурегулированность», «зарегламентированность» и практическое отсутствие общественных институтов контроля, а также механизмов, где решение почти любого вопроса невозможно без участия государственного чиновника. В настоящее время необходимо выделить приоритеты в формировании уголовно-правовой политике, без чего вряд ли можно говорить о научном подходе к решению этой сложной социальной задачи. Термин «борьба с преступностью» следует использовать избирательно, т.к. значительная часть совершаемых преступлений имеется возможность только сдерживать, активно применяя уголовно-правовые и иные меры. Приоритетом оставить предупреждение и активное противостояние организованной, профессиональной и рецидивной преступности. Подходы к борьбе с преступностью, содержание уголовной политики необходимо подвергнуть решительному пересмотру, т.к. в обществе произошли значительные изменения, имеющийся же правовой и криминологический механизм не приспособлен к ним. Сейчас имеет первостепенное значение необходимость, с научных позиций дать уголовно-правовую оценку механизма функционирования действующего законодательства, проанализировав структуру преступного поведения для определения стратегии борьбы с ней. [17]

Очевидно, что организованная преступность, теневая экономика и коррупция между собой взаимосвязаны, неразделимы. Из этого следует, что коррупция, протекционизм, взяточничество, беззастенчивое обворовывание государства стали крайне опасным явлением для общества в целом. Появился рынок коррупционных услуг, возникают у граждан вопросы, «почему рынок?» и «почему услуг?». Самые «яркие проявления» политической коррупции «наблюдаются» в ходе избирательного и бюджетного процессов. И, только сменой конкретных чиновников и ужесточением законодательства организованную преступность, коррупцию не победить. [18]

Необходимо осознание проведенных научных исследований, касающихся проблемы борьбы с преступностью в сфере экономической деятельности, организованной и коррупцией, в первую очередь – это проблема политическая, социальная и экономическая, а затем правовая. И не гражданское общество, а российская элита сегодня наименее заинтересована в том, чтобы в стране не установился системный правовой порядок. Потому что он станет противоречить «сложившимся» коррупционным системам. Если будет «нормальный» и объективный суд, не удастся держать на привязи многих «зависимых» от свободы действий должностных лиц с их «аморальностью» и противоречивостью законов и отсутствие у власти «политической воли». Не работает и институт частной собственности, легко отнимать бизнесы у тех, кто собственными силами добился успеха. [19]

Говоря о том, что мы идем к «открытому правовому обществу», которое заменило «тоталитаризм». Но идем мы, «путем проб и ошибок», не слушая рекомендации ученых и даже дружески относящихся к закону людей. Противоречащие здравому смыслу обстоятельства двойственного положения – чиновники, превратившиеся в «реформаторов», захватившие государственную собственность, ставшие уязвимыми для преступности, экономическая политика, законы, стимулирующие противоправное поведение. Деформация социальной структуры общества является неудержимым фактором криминализации – преступления чиновников, срастание их с преступными элементами и маргинализация общества. Изложенное подтверждает, что трансформация к новым социально-экономическим отношениям породило качественные изменения в причинном комплексе преступности. Долженствует быть так – законопослушное общество – цель, а деньги средство, если наоборот – поражение. Государство имеет весь потенциал проанализировать уголовно-политическую, уголовно-правовую систему, консолидировать ее и идти вперед, для этого есть все основания для успеха в этой работе – укрепления законности в борьбе с преступностью совершенствуя уголовную политику России.

Литература

1. Путин поручил ФСБ защищать экономику от криминала. 22.02.2020. // https://pasmi.ru/archive/259619/.

2. Обзор КС: как компенсировать затягивание сроков по уголовным делам. 13.11.2020. https://pravo.ru/227386/.; Верховный суд выпустил четвертый обзор практики в 2020 году.24.12.2020. https://pravo.ru/story/228600/.

3. Россия оставила возможности для коррупции в прокуратуре, парламенте и судах. 18.08.2020. // https://pasmi.ru/278727/.

4. В Уголовный кодекс добавят новую категорию должностных лиц, подпадающих под коррупционные преступления. 19.08.2020. https://pasmi.ru/archive/278926/.

5. Вести бизнес в России небезопасно, считают более 90% предпринимателей, ставших фигурантами уголовных дел. 26.05.2020. https://pasmi.ru/archive/270358/. Или https://pravo.ru/news/202563/.

6. За полгода прокуратура подала 1300 исков о коррупции. 30.07.2019. https://pravo.ru/news/204666/.; Или В России растут суммы взяток и их количество. 30.03.2020. https://pasmi.ru/archive/263826/.

7. Федоров А.В.//Оценка эффективности ответственности юридических лиц как одно из направлений партнерства государства и бизнеса в противодействии коррупции. Юридический мир. № 12 (228) 2015 г. С. 36–37.

8. Василий Руденкин // Борьба с коррупцией: опыт США. Екатеринбург. 2009 г.; Генпрокуратура отобрала у чиновников в 2019 году 20млрд рублей – в 70 раз больше чем годом ранее. 17.06.2020. // https://pravo.ru/news/204666/.

9. Российская Газета от 4 апр., 2012 г. Коррупция. Быть при должности и не украсть – не по-нашему. Распоясались.; См.: Богданов И.Я., Калинин А.П. Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты. – М.: 2001. С. 42, 32,72).

10. Путин снова узнает, как силовики душат бизнес в России. 28.05.2020. // https: //pasmi.ru/archive/270791/. Титов заявил, что безопасность бизнеса в России зависит от реформы силовых структур. 27.09.2019. // https://pasmi.ru/archive/243640/.

11. Президент выступил против коррупции с конфискацией. // Рос. Газета 15 марта 2012. С. 2.; Забрать лишь то, что украл. // https://rg/2018/03/26/.; Судьи и силовики: за что их арестовывали и сажали в 2019-м. 18.04.2020. https://pravo.ru/story/216084/.

12. Живите дома. И не рухнет дом. Рос. Газета 16 марта 2012. С. 11.; Путин заявил о необходимости качественного развития правовой базы страны. // 23.09.2020. https://pravo.ru/news/225970/.

13. Криминальная экономика и организованная преступность М. 2007 г.; Бастрыкин рассказал, сколько адвокатов и судей привлекли за коррупцию. 02.03.2019. https://pravo.ru/news/209586/.

14. ВККС разрешила привлечь председателя райсуда к ответственности за мошенничество. // 23.09.2020. https://pravo.ru/news/225949/.; Заказ на высшем уровне: кто подрезает крылья российскому авиабизнесу. //04.12.2020. https://pasmi.ru/archive/292189/.

15. Е.С. Смолянинов, Е.Е. Смолянинова // Публикации Российской криминологической ассоциации (1993–2006 гг.)

16. Василий Руденкин. Борьба с коррупцией: опыт США. Роль гражданского общества в профилактике и пресечении коррупции. С. 285–350.; Прокуроры подсчитали, сколько имущества отобрали у коррупционеров за последние восемь лет. 20.10.2020. https://pasmi.ru/archive/286220/.

17. Российская Газета от 3 февр. 2012. Возвращение блудного капитала. Генпрокуратура добилась ареста активов за рубежом на 10 миллиардов рублей.; Или Прокуроры заставили чиновников вернуть бизнесу более 163 млрд рублей долгов. 12.08.2020. https://pasmi.ru/archive/277972/.

18. Четыре ножа в спину бизнеса: юристы о том, кто «кошмарит» предпринимателей. 16.01.2018. https://news.ru/ekb/625536/.

19. Бастрыкин заявил о более чем двукратном росте случаев рейдерства в России.03.03.2020. https: pasmi.ru/archive/260883/.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF RUSSIA'S CRIMINAL POLICY

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.
USUE; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Transformations in the legal sphere, the formation of civil society, ways of solving emerging problems and conflicts, and countering criminal manifestations are not carried out spontaneously. Without a unified criminal and criminological policy, defining the main priorities and directions, there will be no stability in society and governability by the state. The state should be governed by law, the ancient Romans proclaimed, and the formation of a state governed by the rule of law is impossible without creating a legislative framework that creates the foundation for the development of a wide variety of social relations, including those arising in the field of law enforcement practice. As a result, a criminal policy is being developed and approved for consistent implementation, taking into account socio-economic, political, demographic and other determinants of socio-public life.

Keywords: criminal policy, criminological characteristics, law, criminal law, legislative reform.

References

1. Putin instructed the FSB to protect the economy from crime. 22.02.2020. // https://pasmi.ru/archive/259619/.

2. Review of the Constitutional Court: how to compensate for delays in criminal cases. 13.11.2020. https://pravo.ru/227386 /.; The Supreme Court issued the fourth review of practice in 2020.12/24/2020. https://pravo.ru/story/228600 /.

3. Russia has left opportunities for corruption in the prosecutor's office, parliament and courts. 08/18/2020. // https://pasmi.ru/278727

4. A new category of officials subject to corruption offences will be added to the Criminal Code. 19.08.2020. https://pasmi.ru/archive/278926/.

5. It is unsafe to conduct business in Russia, according to more than 90% of entrepreneurs involved in criminal cases. 26.05.2020. https://pasmi.ru/archive/270358/. Or https://pravo.ru/news/202563

6. In six months, the prosecutor's office filed 1,300 corruption lawsuits. 30.07.2019. https://pravo.ru/news/204666 /.; Or In Russia, the amount of bribes and their number are growing. 30.03.2020. https://pasmi.ru/archive/263826 /.

7. Fedorov A.V.//Assessment of the effectiveness of the responsibility of legal entities as one of the areas of partnership between the state and business in combating corruption. The Legal World. No. 12 (228) 2015, Pp. 36–37.

8. Vasily Rudenkin // Fighting corruption: the US experience. Yekaterinburg. 2009; Prosecutor General's office took officials in 2019 20 billion rubles – 70 times more than the year before. 17.06.2020. // https://pravo.ru/news/204666 /.

9. Rossiyskaya Gazeta dated April 4, 2012. Corruption. Being proper and not stealing is not our way. They have lost their temper.; See: Bogdanov I.Ya., Kalinin A.P. Corruption in Russia: socio-economic and legal aspects. Moscow: 2001. Pp. 42, 32, 72).

10. Putin will find out again how the security forces are stifling business in Russia. 28.05.2020. // https: //pasmi.ru/archive/270791/. Titov said that the security of business in Russia depends on the reform of law enforcement agencies. 27.09.2019. // https://pasmi.ru/archive/243640 /.

11. The President spoke out against corruption with confiscation. // Growing up. Newspaper on March 15, 2012. p. 2.; Take only what you stole. // https://rg/2018/03/26 /.; Judges and security forces: why they were arrested and imprisoned in 2019. 04/18/2020. https://pravo.ru/story/216084 /.

12. Live at home. And the house won't collapse. Ros. Gazeta, March 16, 2012, p. 11; Putin stated the need for a qualitative development of the country's legal framework. // 09/23/2020. https://pravo.ru/news/225970

13. Criminal economy and organized crime, Moscow, 2007; Bastrykin told how many lawyers and judges were involved in corruption. 02.03.2019. https://pravo.ru/news/209586/.

14. The HCCC allowed the chairman of the district court to be held accountable for fraud. // 09/23/2020. https://pravo.ru/news/225949 /.; Top-level order: who will give wings to the Russian aviation business. //04.12.2020. https://pasmi.ru/archive/292189

15. E.S. Smolyaninov, E.E. Smolyaninova // Publications of the Russian Criminological Association (1993–2006)

16. Vasily Rudenkin. Fighting corruption: the US experience. The role of civil society in the prevention and suppression of corruption. pp.285–250.; Prosecutors have calculated how much property has been taken from corrupt officials over the past eight years. 20.10.2020. https://pasmi.ru/archive/286220 /.

17. Rossiyskaya Gazeta dated February 3, 2012. The return of the prodigal capital. The Prosecutor General's Office secured the seizure of assets abroad for 10 billion rubles; or Prosecutors forced officials to return more than 163 billion rubles of debts to businesses. 12.08.2020. https://pasmi.ru/archive/277972/.

18. Four knives in the back of business: lawyers about who "nightmares" entrepreneurs. 16.01.2018. https://news.ru/ekb/625536

19. Bastrykin announced a more than twofold increase in cases of raiding in Russia.03.03.2020. https: pasmi.ru/archive/260883/.

Милаева Майя Юрьевна,
к.ю.н., доцент, кафедра «Безопасность в цифровом мире», Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)
E-mail: milaeva-bmstu@mail.ru

Преступные деяния против здоровья являются одними из наиболее часто совершаемых преступлений, о чем свидетельствуют ежегодно публикуемые статистические данные. Вместе с тем, практика их квалификации не лишена недостатков. В частности, это выражается в отсутствии единого подхода к определению такого важного объекта уголовно-правовой охраны как «здоровье», широком использовании оценочных терминов при изложении диспозиций статей, устанавливающих уголовную ответственность в данной сфере. Вышеизложенные обстоятельства актуализируют необходимость выявления специфики квалификации преступлений против здоровья, а также в целом регламентации уголовной ответственности за такие составы. В данной связи в рамках настоящего исследования особый акцент будет сделан на выявлении проблем по вопросам темы исследования через призму анализа судебно-следственной практики, а также формулировании предложений по совершенствованию правового регулирования и практики правоприменения.

Ключевые слова: здоровье, тяжкий вред, уголовная ответственность, умысел, квалификация.

Право на охрану здоровья является одним из основных прав человека, что закреплено и гарантировано главой 2 Конституцией Российской Федерации [8]. Кроме того, охрана здоровья человека гарантируется не только Конституцией РФ, но и другими законодательными актами, включая и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ [12]). Именно уголовным законом обеспечивается защита здоровья от преступных посягательств.

Вместе с тем, практика богата примерами переквалификации преступных деяний виновных лиц как со стороны суда первой инстанции, который исправляет ошибки органов предварительного следствия, так и со стороны судов вышестоящих инстанций. В свою очередь, неправильная квалификация совершенных деяний может влечь нарушение прав как потерпевшего (недостаточное наказание для лица, совершившего преступление), так и для виновного лица (если назначено наказание, которые не соответствует степени общественной опасности совершенных преступных деяний). В данной связи предлагается акцентировать внимание на пробелах в правовом регулировании, которые затрудняют квалификацию преступных деяний против здоровья.

Первостепенное значение при исследовании преступлений против здоровья занимает определение терминологической основы. Так, на сегодняшний день отсутствует единообразный подход к определению «здоровья» в контексте уголовно-правовых отношений. Большинство исследователей указывают на то, что здоровье – это один из самых важных объектов уголовно-правовой охраны наряду с жизнью [2, с. 20].

С давних времен понятие «здоровье» было связано с состоянием человека. В процессе формирования науки и общества изменялось и само определение понятия «здоровье» [6, с. 44]. Однако отсутствие легального определения в контексте уголовно-правовых норм видится весьма сомнительным, что предопределяет необходимость дополнения УК РФ (в рамках Примечания к статье, которое станет общим для всех составов преступлений, посягающих на здоровье) законодательным толкованием для единообразного применения, как в юриспруденции, так и в судебной медицине, облегчения определения критериев тяжести вреда здоровью.

Представляется, что здоровье как объект уголовно-правовой охраны можно определить следующим образом: Здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия, которое является неотъемлемой частью общего блага личности и жизни, отличающееся от других благ своей способностью обеспечивать полноценное функционирование индивида в обществе и его способность к самореализации.

Уголовным законом, ответственность за преступления против здоровья вместе с преступлениями против жизни сосредоточены в главе 16 УК РФ. Все деяния, собранные в данную главу, объединены одним видовым объектом, а именно как жизнью, так и здоровьем человека. В качестве непосредственного объекта рассматриваемой группы преступного посягательства выступает здоровье другого человека. Причинение здоровья самому себе не образует уголовно-наказуемого деяния в контексте положений указанной главы УК РФ.

Каждое деяние, направленное на умышленное причинение вреда здоровью человека, классифицируется по степени тяжести последствий. Правильная и обоснованная классификация преступлений, причиняющих вред здоровью человека, должна обеспечиваться не только совокупностью объективных и субъективных признаков, свойственных им, но и точностью определения самих составов.

Некоторые преступления против здоровья имеют ряд общих признаков, но различаются друг от друга и по другим критериям. Именно установление отличительных черт преступлений, направленных против здоровья человека, является важнейшим условием правильной квалификации данной группы преступлений, так как все эти составы являются смежными.

Отдельной особенностью некоторых составов преступлений против здоровья человека является субъектный состав, а именно специальный субъект в виде медицинского работника (например, по ч. 2 ст. 109 УК РФ, ч. 2 ст. 118 УК РФ). Причинение вреда жизни и здоровью из-за врачебной ошибки – распространённое явление. В последние годы увеличивается число обращений пациентов и их родственников с жалобами на некачественную медицинскую помощь и случаи вреда.

В медицине и праве предпринимались попытки дать определения понятиям «дефект оказания медицинской помощи», «врачебная ошибка» и «ятрогенное преступление», а также классифицировать их. Однако в российском законодательстве до сих пор отсутствуют легальные определения этих терминов [7, с. 78]. Представляется, что это достаточно существенный недостаток действующего правового регулирования, который затрудняет и квалификацию деяний, совершаемых медицинскими работниками. В данной связи в рамках Примечания к ст. 109 УК РФ следует определить содержание «врачебной ошибки» и отграничить ее от преступного действия или бездействия врачей.

Проблемы имеются и в рамках квалификации преступлений по ст. 115 УК РФ. На практике наиболее часто происходят ошибки в квалификации деяний именно по данной статье.

Так, это связано с достаточно тонкой гранью, когда имеет место быть преступление, а когда – нет. Легкий вред здоровью – это зачастую результат бытового конфликта, ссоры, неосторожности, а не умышленного преступного посягательства. Законодатель устанавливает такую грань, за которой деяние перестает быть административным правонарушением или гражданским проступком и приобретает признаки уголовно наказуемого деяния. Эта грань определяется объективными признаками: кратковременным нарушением функций органов или незначительной стойкой утратой общей трудоспособности, характерной именно для данного вида вреда здоровью. Однако, на практике, определить наличие этих признаков, а также установить причинно-следственную связь между действиями виновного и наступившими последствиями, может быть крайне сложно. Как следствие, практика богата примерами неправильной квалификации совершенных деяний.

Так, суд указал, что судами нижестоящих инстанций не были рассмотрены и не опровергнуты доводы защиты о провокации конфликта потерпевшим и непричастности осужденного к части телесных повреждений, не дано им надлежащей оценки [5]. В свою очередь, такие ошибки приводят к нарушению прав осужденного.

Отдельную проблематику вызывает наличие в диспозиции ст. 115 УК РФ оценочных терминов. Понятия «кратковременное расстройство здоровья» и «незначительная стойкая утрата общей трудоспособности» являются оценочными. На практике толкование таких дефиниций зависит от множества факторов, включая медицинские критери, субъективное восприятие степени вреда экспертом. Именно от заключения экспертов зависит, будет ли деяние квалифицировано как преступление. Однако возможность субъективной оценки наряду с применением установленных законодателем критериев определения степени тяжести вреда (особенно при фиктивном или неполном обследовании потерпевшего) порождает ошибки. На практике необходимо четко установить, что именно действия обвиняемого привели к причинению вреда здоровью. Например, потерпевший мог иметь хроническое заболевание, которое обострилось не из-за действий обвиняемого.

Таким образом, следует констатировать, что особый пласт занимают проблемы, связанные с использованием законодателем оценочных категорий при изложении диспозиции ст. 115 УК РФ.

По такой категории уголовных дел необходимо учитывать и процессуальные аспекты, исходя из того, что ст. 115 УК РФ относится к делам частного обвинения. Так, согласно статье 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ [13], гражданин имеет право непосредственно обращаться в суд с заявлениями о совершении преступления, в том числе в мировой суд, что подтверждается судебной практикой. Так, постановление дознавателя о отказе в возбуждении уголовного дела носит процессуальный характер и не является окончательным решением по существу заявления. Суд, обладающий полномочиями рассматривать такие обращения, может и должен рассматривать заявление независимо от наличия или отсутствия решения дознавателя. Более того, судебные органы, включая Верховный суд РФ, неоднократно подтверждали, что отказ в возбуждении уголовного дела не исключает право суда рассматривать поступившее заявление и принимать соответствующие процессуальные решения [9]. Однако данный аспект должен быть прямо отражен в рамках положений действующего законодательства.

Проблематика возникает и в рамках установления уголовной ответственности за другие преступления, посягающие на здоровье. Так, уголовную ответственность за причинение побоев и истязаний нельзя назвать совершенной. Составы указанных преступлений содержат оценочные признаки, а это ведет к ряду проблем на практике. Крайне затруднительно дать оценку таким признакам как «физические или психические страдания» и тем более такому понятию как «иные насильственные действия». В рамках уголовного законодательства необходимо четко определить, что следует относить к этим признаками. Кроме этого, в уголовном законе нет и количественной оценки наносимых побоев.

В данной связи предлагаем в рамках Примечания к ст. 117 УК РФ сформулировать следующие определения: Физические или психические страдания – это состояние, вызванное воздействием на здоровье человека, которое проявляется в виде физических болей, травм или дискомфорта, а также в виде эмоциональных и психологических расстройств, таких как тревога, депрессия или стресс. Физические страдания могут включать в себя любые телесные повреждения, которые причиняют боль или нарушают нормальное функционирование организма. Психические страдания охватывают широкий спектр негативных эмоциональных состояний, которые могут возникнуть в результате насильственных действий и приводить к ухудшению психического здоровья пострадавшего.

В диспозиции ч. 1 ст. 111 УК РФ умышленного причинения тяжкого вреда здоровью указано последствие «психическое расстройство». При этом данное понятие включает широкий спектр психических состояний. Оно может характеризоваться нарушениями мышления, эмоций, поведения, восприятия и т.д. В УК РФ отсутствует конкретика и в данном понятии. Представляется, что необходимо определить конкретные последствия «психического расстройства», исключив из перечня наиболее несущественные изменения в последствиях и отграничить от них наиболее тяжелые. Соответственно, и в диспозиции статьи отразить именно тяжелые психические последствия.

Неоднозначным выступает и термин «проведение искусственного прерывания беременности» (ст. 123 УК РФ), который в настоящее время используется вместо термина «аборт». Замена терминов произошла в силу принятых законодательных поправок, уточняющих медицинские и юридические аспекты данной процедуры.

Само понятие «проведение искусственного прерывания беременности» законодателем не определено. С точки зрения российского законодательства, искусственное прерывание беременности можно считать законным, если оно выполнено в условиях лицензированного медицинского учреждения и квалифицированным специалистом. Требованием является и выполнение медицинских исследований, анализов, а также наличие добровольного письменного согласия женщины. Предусмотрены сроки прерывания беременности – до 12 недель по желанию и по медицинским или социальным показаниям – до 22. Последнее имеет место, например, в случае изнасилования. Нормативно-правовое регулирование требует соблюдения четкого информирования женщины о возможных рисках и последствиях.

В данной связи предлагаем дополнить ст. 123 УК РФ Примечанием со следующим определением понятия «проведение искусственного прерывания беременности»: Проведение искусственного прерывания беременности – это медицинская процедура, направленная на прекращение беременности, которая осуществляется в лицензированном медицинском учреждении квалифицированным специалистом. Данная процедура считается законной при соблюдении установленных условий и сроков: до 12 недель по желанию женщины и до 22 недель по социальным показаниям, включая случаи изнасилования. Искусственное прерывание беременности требует получения добровольного письменного согласия женщины, а также выполнения необходимых медицинских исследований и анализов. Важно, чтобы данная процедура исключала случаи самопроизвольного прерывания беременности и соответствовала как медицинским, так и юридическим аспектам, включая информирование женщины о возможных рисках и последствиях.

Кроме того, отсутствует единообразная трактовка понятия «уважительные причины» (ст. 124 УК РФ). Преступление, включает неоказание помощи больному с последствиями в виде причинения среднего вреда здоровью, с установленной причинно-следственной связью. При отсутствии уважительных причин в случае неоказания помощи наступает уголовная ответственность. Правоприменители должны оценивать наличие уважительных причин, учитывая конкретные обстоятельства каждого случая.

В данной связи предлагаем дополнить ст. 124 УК РФ Примечанием со следующим определением уважительных причин: Уважительные причины – это обстоятельства, которые освобождают лицо от уголовной ответственности за неоказание помощи больному, если такие причины объективно препятствовали выполнению этой обязанности. К уважительным причинам могут относиться непреодолимая сила, экстремальная необходимость, отсутствие необходимых инструментов или медикаментов, а также состояние здоровья самого лица, обязанного оказать помощь. Оценка наличия уважительных причин должна проводиться с учетом конкретных обстоятельств каждого случая.

Еще одно отсутствие единообразия толкования терминологии можно рассмотреть на примере ст. 119 УК РФ. В судебной практике угроза считается реальной и значимой, если имеются предпосылки неизбежного, что делает необходимым принятие защитных мер. Демонстрацию, к примеру, оружия можно расценить как угрозу.

Так, в одном из примеров, действия виновного лица были квалифицированы по ч. 1 ст. 119 УК РФ. Из материалов дела следует, что осужденный демонстрировал потерпевшей пневматический пистолет. При обжаловании приговора осужденный указывает, что у него не было умысла на запугивание потерпевшей или причинение ей вреда [4]. В данной связи исследование «угрозы» при квалификации должно носить комплексный характер.

Более того, на практике случаи признания угрозы отличаются. Встречаются примеры и с ошибками в квалификации [1]. Критерием зачастую выступает только восприятие угрозы потерпевшим. Сама реальность оценивается в контексте отношений между угрожающим и жертвой, предметами, которые используются как орудия угрозы и личностной характеристикой угрожающего.

Учитывая дискуссионность определения «угрозы», представляется, что ст. 119 УК РФ должна быть дополнена Примечанием со следующим содержанием: Угроза – это выражение намерения причинить вред или насилие, которое вызывает у потерпевшего состояние беспокойства и может восприниматься как потенциальная опасность. Важно, что угроза считается реальной и значимой, если она создает предпосылки для немедленного насилия и требует принятия защитных мер. Оценка угрозы осуществляется с учетом восприятия потерпевшего, контекста отношений между угрожающим и жертвой, а также обстоятельств, при которых угроза была сделана.

Порядок установления степени тяжести причиненного вреда регулируется Приказом Минздрава России от 08.04.2025 № 172н «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (далее – Порядок определения степени тяжести вреда [10]). С момента принятия данного нормативного правового акта (еще в прошлой редакции) критерии определения степени тяжести вреда вызывают многочисленные вопросы, что связано с неоднозначностью и противоречивостью ряда положений.

Из положений указанного Приказа Минздрава России следует, что перечень телесных повреждений и состояний, опасных для жизни и здоровья считается исчерпывающим, но в действительности на практике не охватывает все возможные случаи. Например, кишечная непроходимость не включена в перечень состояний опасных для жизни [3, с. 66].

Можно заметить, что особое значение при разрешении уголовных дел, связанных с причинением вреда, а также установлением вины, занимает судебно-медицинская экспертиза.

Так, например, Ершов П.С. ударившись случайно об спинку кровати получил травму грудной клетки, включая перелом трех ребер. После осмотра врачом скорой помощи, его было предложено транспортировать в больницу для дальнейшего осмотра. Однако Ершов отказался и выбрал самостоятельное обследование. Врачом был прописан строгий постельный режим, который не соблюдался. В свою очередь, это привело к серьезным осложнениям – разрыву межреберной артерии и последующему внутреннему кровотечению и смерти на третье сутки после травмы. Первичной судебно-медицинской экспертизой травма квалифицирована как тяжкий вред здоровью. Врачу Мазурову О.М. в результате предъявлено обвинение в ненадлежащем оказании медицинской помощи по ст. 111 УК РФ. Однако в результате дополнительной судебно-медицинской экспертизы суд пришел к выводу о корректности действий врача, установив, что экстренной госпитализации не требовалось и необходимая медицинская помощь оказана в должном объеме. В отношении врача Мазурова О.М. вынесен оправдательный приговор [11].

Экспертизы стали одной из самых серьезных проблем в судебно-медицинской практике, которые проводятся «по принципу усмотрения». Их формирование связано с неопределенностью в существующих актах, что приводит к субъективной и часто необъективной оценки степени тяжести вреда. В частности, это относится к Порядку определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, который должен обеспечивать единообразие и объективность при оценке вреда здоровью. Однако итогом становится наличие двойных формулировок, что дает экспертам возможность для субъективного усмотрения. Как следствие, в последние годы снизилось качество проведения медицинских экспертиз.

Судебная практика подтверждает, что существующая неопределенность в нормативных актах позволяет экспертам формулировать выводы «по своему усмотрению», руководствуясь собственным толкованием терминов и положений, что способствует ошибкам в квалификации преступных деяний, нарушению прав потерпевших и обвиняемых. В рамках решения данной проблемы необходимо внести изменения в Порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, устранив противоречия формулировок и тем самым обеспечив однозначность толкования положений.

Таким образом, практика правоприменения демонстрирует наличие трудностей в квалификации преступлений против здоровья, что связано в большей степени с недостаточной конкретизацией специфики объективных признаков таких составов в рамках УК РФ. В данной связи для решения проблемы, связанной с использованием оценочных категорий, были предложены редакции отдельных понятий, которые могли бы найти отражение в рамках Примечаний к соответствующим статьям главы 16 УК РФ.

Для решения проблемы квалификации также предложено пересмотреть подход к определению степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека. В частности, необходимо дополнить Порядок определения степени тяжести вреда следующими аспектами: сформулировать перечень обязательных вопросов, которые должны быть поставлены перед судебно-медицинским экспертом при назначении экспертизы по уголовным делам, связанным с причинением вреда здоровью. Этот перечень должен включать вопросы, направленные на установление факта причинения телесных повреждений, характера и локализации повреждений, механизма их образования, а также на определение степени тяжести вреда здоровью в соответствии с действующими критериями; установить четкие критерии для формулирования дополнительных вопросов, выходящих за рамки обязательного перечня; определить и закрепить перечень предметов и документов, которые должны быть в обязательном порядке предоставлены эксперту при назначении экспертизы. Этот перечень должен включать: протокол осмотра места происшествия (при наличии), протокол явки с повинной или сообщения о преступлении, постановление о возбуждении уголовного дела, протокол задержания (при наличии), объяснения и показания потерпевшего, обвиняемого и свидетелей, медицинские документы, имеющиеся в распоряжении следствия (например, справки из медицинских учреждений, результаты предварительного обследования), а также вещественные доказательства, имеющие отношение к причинению вреда здоровью.

Необходимость внесения таких изменений связана с ошибками, которые допускают эксперты при определении степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, последствием чего становится неправильная квалификация преступных деяний.

Литература

1. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 23.08.2022 № 55–406/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).
2. Винокуров, В. Н. К вопросу о малозначительности в преступлениях против здоровья / В.Н. Винокуров // Уголовное право. – 2025. – № 10(182). – С. 20–25.
3. Демина, Д. А. К вопросу о правовом регулировании определения степени тяжести вреда здоровью / Д.А. Демина, С.В. Кузнецов // Правда и Закон. – 2019. – № 2(8). – С. 63–68.
4. Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2026 № 77–232/2026 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).
5. Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.2026 № 77–401/2026 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).
6. Киселева, Р.Ю. Социальная обусловленность охраны здоровья человека в уголовном праве России / Р.Ю. Киселева // Научные концепции инновационного развития общества в современных условиях: Сборник статей IX международной научной конференции, Кингисепп, 01 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: Гуманитарный национальный исследовательский институт НАЦРАЗВИТИ, 2024. – С. 44–45.
7. Колоколов, А. В. «Врачебная ошибка» или преступление: где грань? / А.В. Колоколов // Вестник Российской правовой академии. – 2021. – № 4. – С. 77–85.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).
10. Приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н (ред. от 19.08.2025) «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

11. Проблемы определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.zdrav.ru/articles/4293650194-vbr-problemy-opredeleniya-stepeni-tyajesti-vreda-prichinennogo-zdorovyu-cheloveka (дата обращения: 16.02.2026).

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

CRIMES AGAINST HEALTH: ISSUES OF REGULATION AND IMPLEMENTATION OF RESPONSIBILITY

Milaeva M.Yu.
Bauman Moscow State Technical University (National research university)

Criminal acts against health are among the most frequently committed crimes, as evidenced by the statistics published annually. However, the practice of their qualifications is not without drawbacks. In particular, this is reflected in the lack of a unified approach to defining such an important object of criminal law protection as "health", and the widespread use of evaluative terms when presenting the dispositions of articles establishing criminal liability in this area. The above circumstances make it necessary to identify the specifics of the qualification of crimes against health, as well as the regulation of criminal liability for such crimes in general. In this regard, within the framework of this study, special emphasis will be placed on identifying problems related to the research topic through the prism of analyzing judicial and investigative practice, as well as formulating proposals for improving legal regulation and law enforcement practice in this area.

Keywords: health, serious harm, criminal liability, intent, qualifications.

References

1. Appellate ruling of the Fourth Court of Appeal of General Jurisdiction dated 08/23/2022 № 55–406/2022 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru / (date of application: 02/15/2026).

2. Vinokurov, V.N. On the issue of insignificance in crimes against health / V.N. Vinokurov // Criminal law. – 2025. – № 10(182). – Pp. 20–25.

3. Demina, D.A. On the issue of legal regulation of determining the severity of harm to health / D.A. Demina, S.V. Kuznetsov // Pravda i Zakon. – 2019. – № 2(8). – Pp. 63–68.

4. Cassation Resolution of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated 02/05/2026 № 77–232/2026 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru / (date of access: 02/15/2026).

5. Cassation decision of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 12.02.2026 № 77–401/2026 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru / (date of access: 02/15/2026).

6. Kiseleva, R.Y. Social conditionality of human health protection in Russian criminal law / R.Y. Kiseleva // Scientific concepts of innovative development of society in modern conditions: Collection of articles of the IX International Scientific Conference, Kingisepp, November 01, 2024. – St. Petersburg: Humanitarian National Research Institute of National Development, 2024. – Pp. 44–45.

7. Kolokolov, A.V. "Medical error" or crime: where is the line? / A.V. Kolokolov // Bulletin of the Russian Law Academy. – 2021. – № 4. – Pp. 77–85.

8. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 144.

9. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 4 (2025) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 12/22/2025) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru / (date of access: 02/15/2026).

10. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 04/08/2025 № 172n (as amended on 08/19/2025) "On approval of the Procedure for determining the severity of harm caused to human health" [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru / (date of access: 02/15/2026).

11. Problems of determining the severity of harm caused to human health [Electronic resource]. – Access mode: https://www.zdrav.ru/articles/4293650194-vbr-problemy-opredeleniya-stepeni-tyajesti-vreda-prichinennogo-zdorovyu-cheloveka (date of request: 02/16/2026).

12. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 29.12.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

13. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 29.12.2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 01/20/2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (part I). Art. 4921.

Философское осмысление коррупции в исследованиях Чезаре Ломброзо

Камалиев Булат Азатович,
аспирант, кафедра уголовного права и процесса, Частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»
E-mail: bulat0303@yandex.ru

В статье рассматриваются идеи Чезаре Ломброзо о теории преступлений и коррупции, как социально-политическом, культурном и криминальном феномене. Ломброзо был одним из основных представителей криминалистической антропологии и позитивистской криминалистики, не избавившейся, однако, от идей протонаучного периода и паранаучных построений, близких к френологии, физиогномике, хиромантии и теории сигнатур ренессансной герметической философии. Многое это было вдохновлено также спиритуалистическими воззрениями Ломброзо. В статье рассматриваются антропологические, социальные и морально-философские основания его теории преступности, а также возможности интерпретации коррупции как формы девиантного и политического поведения. Особое внимание уделяется проблемам детерминизма, ответственности и научного объяснения социального зла в рамках философии науки XIX века. Делается вывод о значимости идей Ломброзо для современного философского осмысления коррупции как комплексного социального феномена.

Ключевые слова: криминалистика, криминология, Чезаре Ломброзо, коррупция, философия.

Введение

Коррупция как социальное явление на протяжении последних десятилетий занимает центральное место в научных исследованиях, охватывающих правоведение, политическую философию, социологию и экономику. Вместе с тем философско-научное осмысление коррупции нередко оказывается вторичным по отношению к прикладным и нормативным подходам. Подобная ситуация обусловливает необходимость обращения к истории науки и классическим теориям преступности, в рамках которых были заложены основания научного анализа социальных девиаций.

В этом контексте особый интерес представляет научное наследие Чезаре Ломброзо, одного из ключевых представителей позитивистской парадигмы в криминологии конца XIX – начала XX века. Его исследования были направлены на преодоление метафизических и юридико-нормативных интерпретаций преступления и формирование эмпирически обоснованной теории преступности. Несмотря на то что феномен коррупции не рассматривался Ломброзо в качестве самостоятельного предмета исследования, его концепция политической преступности и социальной девиации позволяет осуществить философскую реконструкцию коррупции как формы системного нарушения социальных норм.

Цель исследования заключается в философской реконструкции и критическом осмыслении взглядов Чезаре Ломброзо на преступность и политическую девиацию с последующим применением этих идей к анализу коррупции.

Методологической основой работы выступают принципы историко-научного анализа, философской реконструкции и сравнительного подхода.

Научная новизна статьи заключается в философско-научной реконструкции феномена коррупции на основе интеграции классической антропологической криминологии Ч. Ломброзо. В отличие от традиционных интерпретаций, в которых идеи Ломброзо рассматриваются преимущественно в историко-критическом ключе, в настоящей работе обосновывается возможность их продуктивного использования для анализа коррупции как формы институциональной девиации. Коррупция интерпретируется не только как индивидуально мотивированное преступление, но как системный результат взаимодействия социальной нормы, рационализации власти и дисциплинарных механизмов контроля. Такой подход позволяет расширить философию науки за счет междисциплинарного анализа коррупции и уточнить эвристический потенциал классических криминологических теорий в условиях современных социальных трансформаций.

Процесс и результаты проведенного исследования

Отметим, что идеи конца XIX и начала XX вв. представляли собой поразительный синтез научного, мистико-эзотерического и художественного мышления. Это проявлялось во всех сферах культуры, в том числе в юриспруденции и политико-правовой практике. В Германии эти идеи были синтезированы с «правовым романтизмом» и подверглись серьезной критике немецкой классической исторической школы права, в частности К. Шмитта. Но в Италии синтез был совершенно иным: Итальянской политической и правовой философии не было свойственно романтизировать феномен права и государства, в то же самое время, синтез научных и паранаучных методов нашел свое отражение в научной литературе и традиции того времени.

С конца XVIII в. складывается ряд учений, направленных на построение связи между внешностью, внешними данными и чертами характера. Во многом, эта история является завершением, последним аккордом теории сигнатур – натур-философской и эзотерической доктрины, говорящей о взаимосвязи символов, веществ, металлов, планет, характеров, материальных вещей, символов, звезд и т.д. Данную идею в наиболее четком виде сформулировал еще Якоб Беме (De Signatura Rerum) [1]. Собственно, наиболее сильным отражением этих доктрин стало учение о связи образов и внешности человека с его характером. Таковыми учениями в XVIII в. стали френология Ф. Галля и физиогномика [3, с. 93].

К XIX в. многие подобные идеи составили компанию месмеризму и удалились из официальной практики, однако не до конца. Так, Чезаре Ломброзо, во многом всю жизнь бывший приверженцем спиритуалистических мистических идей, но также работавший в области клини-

ческой психиатрии, интегрировал идеи физиогномики и френологии в систему своего учения о преступлении и преступном типаже людей.

Ломброзо сформулировал идею a priori преступной личности, которую можно определить по некоторым внешним признакам. Таким образом он закладывает основы криминалистической антропологии, однако исходит из заранее некорректной предпосылки [4].

Важным аспектом криминалистической антропологии Ч. Ломброзо стало то, что он постарался обратить внимание на этно-культурный аспект преступности, рассматривая целый ряд народов с разным уровнем социальной культуры и процентом преступлений, в частности цыган, а также евреев [5]. Кроме того, отдельно Ломброзо рассматривал сам факт проблемы антисемитизма и детерминированных им преступлений [2]. Отдельно, в этиологии преступлений, Ломброзо формулирует идею связи условий проживания этноса (климат, рельеф, питание и т.д.) и его основных этно-культурных характеристик и степени склонности к преступлениями, повторяя в общих чертах теорию Л.Н. Гумилева (Этногенез и биосфера земли), но в проекции на теорию преступности.

Следует, однако, заметить, что Ломброзо четко классифицировал как преступления, так и преступников, по степени их общественной опасности – теория, применяемая со многими поправками поныне. Особо выделял Ломброзо политические преступления, однако преступления коррупционного характера носили в его понимании особый характер.

Прежде чем перейти к коррупционным преступлениям, нам следует отметить, что теория преступлений политических носит отличный от теории «обычных» уголовных преступлений: невозможно объяснить «преступной природой» политическое действо, не укладывающееся в рамки нормативности или не нормативности, потому преступления политические не могут быть описаны в категориях исключительно биологических. Таким же образом и коррупция, как сложный социальный фактор была исследована Ломброзо через призму совокупности культурных, этнических и социальных характеристик.

Следует понимать, что коррупция сама по себе не является феноменом единообразным. Так, коррупционная составляющая может носить как околополитический характер, особенно, когда речь не о коррупции как таковой, в виде взятки, а о других ее проявлениях, как-то: кумовство, непотизм, фаворитизм и т.д., что часто сопряжено не столько с прямым извлечением прибыли из собственной деятельности, сколько с укреплением как таковой своей власти и своего влияния.

Эта категория коррупционного поведения имеет куда больше общего с политической преступностью и с изводом ницшеанской «воли к власти», нежели с криминалом вроде убийства или кражи. В то же самое время, взяточничество в его низшей форме мало чем отлично от кражи и Ломброзо рассматривал их как близкие понятия.

Наиболее значимый материал для философского осмысления коррупции содержится в работе Ломброзо и Р. Ляски «Политическая преступность». Авторы рассматривают преступления, связанные с функционированием власти, злоупотреблением полномочиями и нарушением общественного доверия. Ломброзо указывает, что преступления, совершаемые представителями власти, обладают высокой степенью латентности и часто воспринимаются как социально допустимые: «Преступления власти редко признаются преступлениями» [8, p. 131].

Философский смысл данного положения заключается в выявлении структурной асимметрии между правом и властью. Коррупция в этом контексте может быть интерпретирована как форма политической преступности, маскирующаяся под легальные управленческие практики. Тем самым подрываются основания правовой рациональности и моральной легитимности государства.

Ломброзо также связывает рост политической преступности с кризисом доверия к институтам власти, отмечая, что в условиях социальной нестабильности девиантные формы поведения приобретают устойчивый характер [8, p. 118]. Этот тезис позволяет рассматривать коррупцию как индикатор институционального распада.

В тот же момент идея профилактики коррупционных преступлений была тесно связана с идеями Ч. Ломброзо: как отмечает В.В. Филиппов в своей статье «Использование психофизиологических исследований для предупреждения коррупции в органах власти США и возможности применения американского опыта в России», именно с психофизической теории Ломброзо начинается идея о превентивной проверке на предмет совершения преступления/склонности к совершению в виде полиграфов [7].

Вместе с тем следует понимать, что Ч. Ломброзо, фактически, все равно остается в русле доктрины сигнатур, что четко видно по его попыткам обосновать обновленные идеи френологии и физиогномики через их синтез с учениями уже чисто антропологическими. Мы полагаем, что он производил перелегитимацию этих идей и доктрин, придавая им новую форму.

Важно заметить, что Ломброзо всю жизнь придерживался спиритуалистических воззрений, на что, к примеру, указывает учившийся у него во время своего пребывания в Италии и посвящении там в ложу Великого Востока Италии Б.В, Астромов-Кириченко. В частности, стоит отметить, что Астромов ссылался на опыт общения с Ломброзо в своей автобиографии, написанной для НКВД во время его первого ареста [АУ ФСБ РФ по ЛО № 12517 л. 43–45об.]. Кроме того, Астромов, составляя описание физиогномического и астрологического портрета К.Б. Радека для совей коллекции, неоднократно в описаниях отсылал к работам Ломброзо, в том числе говоря о вороватости указанной личности [6, с. 18–20].

Краткие выводы по результатам исследования

В целом, резюмируя воззрения Ломброзо, можно заключить, что он оказал значительное влияние на осмысление понятия преступления, хотя основная часть его подхода была позже отвергнута, как ненаучная. Философско-научный анализ феномена коррупции в контексте теоретического наследия Чезаре Ломброзо позволяет рассматривать ее как сложное социальное и институциональное явление, выходящее за рамки индивидуальной моральной оценки. Несмотря на методологические ограничения антропологической криминологии, идеи Ломброзо сыграли важную роль в становлении научного подхода к изучению преступности и социальной девиации.

Коррупция в рамках реконструированной концепции Ломброзо может быть интерпретирована как форма политической преступности, обусловленная кризисом институциональной легитимности и нарушением нормативного порядка. Это делает его научное наследие значимым для современной философии науки и междисциплинарных исследований коррупции.

В то же самое время, Ломброзо дистанцировался от исключительно политического осмысления коррупции. Однако, важнейшим ее отличием является осознание власти и силы лицом, совершающим преступление. В тот же момент, следует понимать, что в коррупционном акте свободно действуют две воли: «дающий» взятку и «принимающий», и кто тогда более виновен? Соотношение природы власти, свободы воли и механизма влияния на волевое решение (взятка) не доведены до окончательного осмысления Ломброзо.

Литература

1. Беме Я. De signtura rerum, или О рождении и обозначении всех сущностей. Уфа: ARC, 2020. – XXXVI + 324 с.
2. Ломброзо Ч. Евреи и ненависть к ним (антисемитизм) / = Евреи и ненависть к ним антисемитизм / Чезаре Ломброзо; Пер. с ит. Г.З.; Вместо предисл. ст. О.Я. Пергамента: «Еврейский вопрос и народная свобода». – Одесса: Трибуна, ценз. – 1906. – С. 73.
3. Ломброзо Ч. Исследования о нервной системе вообще и о мозговой в особенности гг. Галла и Шпурцгейма. / Перевел Поликарп Пузина, Лейб-гвардии конно-егерьского полка старший штаб-лекарь, надворный советник и кавалер. – В Санкт-Петербурге: В Морской типографии, 1816. – С. 93.
4. Ломброзо Ч. Преступление Пер. д-ра Г.И. Гордона. – Санкт-Петербург: Н.К. Мартынов, 1900. – С. 140.
5. Ломброзо Ч. Человек преступный: [перевод с итальянского] / Чезаре Ломброзо. – Москва: Алгоритм, 2018. – С. 352.
6. Никитин А.Л. Эзотерическое масонство в Советской России. Документы 1923–1941 гг. Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А.Л. Никитина. М., «Минувшее», 2005. – С. 526.
7. Филиппов В.В. Использование психофизиологических исследований для предупреждения коррупции в органах власти США и возможности применения американского опыта в России // Власть и управление на Востоке России. – 2011. № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-psihofiziologicheskih-issledovaniy-dlya-preduprezhdeniya-korruptsii-v-organah-vlasti-ssha-i-vozmozhnosti-primeneniya (дата обращения: 01.12.2025).
8. Lombroso C., Laski R. Political Criminality. London, 1890.

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF CORRUPTION IN CESARE LOMBROSO'S RESEARCH

Kamaliev B.A.
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

This article examines Cesare Lombroso's ideas on the theory of crime and corruption as a socio-political, cultural, and criminal phenomenon. Lombroso was a key figure in forensic anthropology and positivist criminology, which, however, did not shed the ideas of the protoscientific period and parascientific constructs similar to phrenology, physiognomy,

palmistry, and the theory of signatures of Renaissance Hermetic philosophy. Much of this was also inspired by Lombroso's spiritualistic views. The article examines the anthropological, social, and moral-philosophical foundations of his theory of crime, as well as the possibilities of interpreting corruption as a form of deviant and political behavior. Particular attention is paid to the problems of determinism, responsibility, and the scientific explanation of social evil within the framework of 19th-century philosophy of science. A conclusion is drawn about the significance of Lombroso's ideas for the modern philosophical understanding of corruption as a complex social phenomenon.

Keywords: forensic science, criminology, Cesare Lombroso, corruption, philosophy.

References

1. Boehme J. De signtura rerum, or On the birth and designation of all entities. Ufa: ARC, 2020. XXXVI + 324 p.

2. Lombroso Ch. Jews and hatred of them (anti-Semitism) / = Jews and hatred of them anti-Semitism / Cesare Lombroso; Translated from Italian by G.Z.; Instead of the preface by O. Ya. Parchment: "The Jewish Question and national freedom." Odessa: Tribune, censor, 1906, p. 73.

3. Lombroso Ch. Research on the nervous system in general and on the brain in particular by Messrs. Gall and Spurzheim. / Translated by Polikarp Puzina, senior staff physician, court counselor and cavalier of the Life Guards Cavalry Regiment. – In St. Petersburg: At the Marine Printing House, 1816. – p. 93.

4. Lombroso Ch. The crime of Dr. G.I. Gordon. – St. Petersburg: N.K. Martynov, 1900. – P. 140.

5. Lombroso Ch. The criminal Man: [translated from Italian] / Cesare Lombroso. Moscow: Algorithm Publ., 2018, p. 352.

6. Nikitin A.L. Esoteric Freemasonry in Soviet Russia. Documents from 1923–1941. Publication, introductory articles, comments, index by A.L. Nikitin, Moscow, "The Past", 2005, p. 526.

7. Filippov V.V. The use of psychophysiological research to prevent corruption in the US government and the possibility of applying the American experience in Russia // Power and management in the East of Russia. – 2011. No. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-psihofiziologicheskih-issledovaniy-dlya-preduprezhdeniya-korruptsii-v-organah-vlasti-ssha-i-vozmozhnosti-primeneniya (date of access: 12/01/2025).

8. Lombroso C., Laski R. Political Criminality. London, 1890.

Субъективная сторона доведения до самоубийства

Крюков Антон Владимирович,
старший преподаватель кафедры уголовного права, судья в отставке, Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы оценки формы виновности при совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства». Автор указывает, что в теории российского уголовного права принято считать, что субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» возможна только в форме прямого или косвенного умысла. Виновный в этом преступлении обязательно должен предвидеть наступление последствий его действий в виде суицида или покушения на суицид, а также либо желать этих последствий, либо не желать их, но допускать или относиться к ним безразлично. По мнению автора, данная позиция имеет предвзятый характер, поскольку очень сложно с точностью определить реакцию протерпевшего лица на побои, истязания, оскорбления и унижения. Так же сложно установить причинно-следственную связь между этими противоправными действиями и наступившими суицидальными последствиями. Автор утверждает, что обоснованным является признание субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, как умышленной, так и неосторожной, поскольку подобная позиция в большей степени соответствует предусмотренным законам принципам справедливости и неотвратимости наказания.

Ключевые слова: Квалификация преступлений, уголовная ответственность, форма вины, умысел прямой и косвенный, неосторожное преступление, небрежность, легкомыслие, доведение до самоубийства, угрозы, унижения, оскорбления.

В теории российского уголовного права принято считать, что субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» возможна только в форме прямого или косвенного умысла. По мнению ученых юристов, виновный в этом преступлении обязательно должен предвидеть наступление последствий его действий в виде суицида или покушения на суицид, а также либо желать этих последствий, либо не желать их, но допускать или относиться к ним безразлично.

Так, согласно Комментарию к действующему УК РФ, с субъективной стороны доведение до самоубийства может быть совершено с любой формой умысла. [1]

С нашей точки зрения, данная позиция имеет несколько предвзятый характер. Действительно, очень сложно предугадать характер действий другого человека, даже близкого родственника, в определенной ситуации и на достаточно длительный период времени. Особенно сложно с точностью определить его дальнейшую реакцию на побои, истязания, оскорбления и унижения. Более того, так же сложно установить причинно-следственную связь между указанными противоправными действиями и наступившими суицидальными последствиями.

Так, решением Люблинского районного суда г. Москвы А., С. и П. осуждены по статьям 163 УК РФ ч. 3 п. «б» и 110 ч. 2 п. «г» УК РФ. [2] Установлено, что виновные, приезжая в течение длительного времени на торгово-закупочную базу, угрожая оружием, требовали передать им права на имущество действовавших там организаций и крупную денежную сумму. Потерпевший – владелец организаций – спустя определенный период времени покончил жизнь самоубийством.

Органом предварительного расследования и судом действия виновных оценены здесь как совершенные с прямым умыслом. По мнению следствия и суда, виновные допускали возможность подобного исхода.

В то же время, инкриминируемый виновным характер действий вызывает определенные сомнения. Если их целью было завладение имуществом потерпевшего, то преднамеренно доводить его до самоубийства до получения этого имущества смысла не имело, поскольку получить имущество и права на имущество они могли только от него. Более того, сознательно доведя его до самоубийства, они с большой вероятностью не добились бы желаемого, поскольку суицид при подобных обстоятельствах влечет неизбежное возбуждение уголовного дела и предварительное расследование.

Поэтому, с нашей точки зрения, здесь имеет место вина в виде неосторожности в форме небрежности или легкомыслия. Виновные либо не предвидели возможности суицида, либо предвидели, но рассчитывали на его предотвращение. Полагать же наличие в их действиях умысла необоснованно, так как эта форма вины противоречит той цели, которые виновные ставили перед собой, совершая преступление.

Решением Мещанского районного суда г. Москвы К. осужден по ст. 110 ч. 1 и ст. 163 ч. 1 УК РФ. [3]

К. в 2000 году, узнав от своей знакомой об интимных отношениях между нею и военнослужащим Х., потребовал от Х. 1 000 рублей, назначив срок передачи денег. В противном случае К. угрожал рассказать девушке Х. и иным лицам позорящие сведения о его интимной жизни.

В сентябре 2000 г. Х., находясь на боевой службе, покончил жизнь самоубийством.

Позднее Президиум Московского городского суда прекратил дело в отношении К. в части его осуждения по ст. 110 УК РФ. По мнению Президиума, материалами дела в ходе следствия и судебного разбирательства не установлено, что К. желал наступления смерти Х. либо предвидел и допускал его.

Данная ситуация представляет интерес с учетом такого основополагающего принципа уголовного права как неотвратимость наказания. С одной стороны, в действиях К. не установлено умысла на совершение доведения до самоубийства Х. С другой стороны, просматривается явная причинно-следственная связь между действиями К. и суицидом Х. На военнослужащего срочной службы, молодого возраста –около 20 лет, постоянно находящегося в условиях стресса, достаточно не адаптированного еще к всяческим недружественным воздействиям, тяжело переживающего отношения с девушкой, которую он не видел длительное время, угрозы К. и выдвинутые им требования оказали слишком сильное влияние, противостоять которому он не смог. Таким

образом, вина К. в наступлении смерти Х., по нашему мнению, имеется. Если допустить, что эта вина – в форме неосторожности, то состав преступления – ст. 110 УК РФ – здесь налицо, поскольку К. либо не предвидел возможность суицида, хотя должен был его предвидеть, либо предвидел, но самонадеянно рассчитывал на его предотвращение.

Следовательно, если допустить, что вина при доведении до самоубийства возможна также и в форме неосторожности, то спектр применения данной статьи значительно расширяется, обеспечивая возможность вменения данной статьи и в тех случаях, когда вина в форме умысла не доказана.

Необходимо уточнить, что такая позиция отнюдь не означает, что необходимо предъявлять обвинение по ст. 110 УК РФ во всех возможных случаях. Часть 1 этого преступления относится к категории тяжких, часть 2 – особо тяжких, поэтому, в связи с его повышенной опасностью, для предъявления обвинения здесь требуется особо тщательно доказать наличие прямой связи между действиями виновного и самоубийством потерпевшего. Соответствующие действия никогда не имеют случайного характера единожды высказанного оскорбления или разового физического или психологического воздействия. Во всех случаях имеет место длительное систематическое давление на потерпевшего в той или иной форме. При этом вовсе не обязательно наличие предвидения виновным самоубийства потерпевшего.

Приговором Левобережного районного суд г. Воронежа З. и С. признаны виновными по п.п. «а, г» ч. 2 ст. 110 УК РФ. [4] Установлено, что З. и его сожительница С. обнаружили пропажу денежных средств в сумме 1000 рублей. В хищении они заподозрили 13 – летнюю знакомую дочери С. Пригласив ее в свою квартиру, З. и С. в течение нескольких часов угрожали ей, всячески оскорбляли и унижали, требуя признаться в краже. В результате девочка совершила самоубийство, выпрыгнув из окна дома.

Характерно, что после этого З., понимая, что их действия стали причиной суицида, угрожал убийством присутствующим, требуя, чтобы они не сообщали о происшедшем в правоохранительные органы.

Из данного примера также следует, что заведомого умысла на совершение доведения до самоубийства у виновных не было. Прежде всего, З. и С. хотели вернуть пропавшие денежные средства и, соответственно, не хотели причинять смерти девочке. Кроме того, З. понимал, что его действия содержат состав преступления и опасался уголовной ответственности, что также свидетельствует об отсутствии у него изначально умысла на причинение смерти.

Также полагаем, что в приведенном примере речь идет не об умышленном преступлении, а о неосторожности в форме небрежности. З. и С. не предвидели возможность самоубийства девочки, однако могли предположить, что оскорбления и обвинения в хищении их имущества в отношении малолетней явятся фактором, влекущим намерение покончить с собой.

По мнению П.Н. Сбирунова, субъективная сторона указанного преступления может быть и умышленной и неосторожной, в то же время судебная практика здесь склоняется к вине в форме прямого или косвенного умысла. [5] Полагаем, что данная позиция вполне обоснованна. Как уже указывалось выше, зачастую в материалах дела отсутствуют доказательства умысла виновных на совершение доведения до самоубийства. При этом позиция обвиняемых и на следствии и в суде, естественно, сводится к тому, что подобного исхода они не предполагали.

Практика признания ст. 110 УК РФ только умышленным преступлением может привести к тому, что в ряде случаев виновные избегнут уголовной ответственности. Например, согласно материалам уголовного дела в отношении З. и С., обвиняемые никакого физического воздействия на потерпевшую не оказывали, а оскорбляли и унижали ее только словесно. Поэтому возможность привлечь их за побои или истязание исключается, а за попытки выяснить на словах, не она ли похитила имущество, уголовная ответственность не предусмотрена, даже если эти попытки связаны с оскорблениями. Соответственно, при отсутствии доказательств умысла на доведение до самоубийства, данных лиц, чьи действия, безусловно, послужили причиной суицида, привлечь к ответственности не представляется возможным.

Поэтому, по нашему мнению, обоснованным является признание субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, как умышленной, так и неосторожной, поскольку подобная позиция в большей степени соответствует предусмотренным законам принципам справедливости и неотвратимости наказания.

Литература

1. Комментарий к действующей редакции Уголовного Кодекса РФ URL: https://stykrf.ru/110 (дата обращения 14.10.2026 г.).

2. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e619302/ (дата обращения 14.03.2026 г.).

3. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации URL: https://www.vsrf.ru/files/10276/ (дата обращения 14.03.2026 г.).

4. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/news/item/1292310/ (дата обращения 14.03.2026 г.).

5. П.Н. Сбирунов «Теоретические и практические проблемы уголовной ответственности за доведение до самоубийства». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-prakticheskie-problemy-ugolovnoy-otvestvennosti-za-dovedenie-do-samoubiystva/viewer (дата обращения 15.03.2026 г.).

SUBJECTIVE ASPECTS OF SUICIDE

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the assessment of the form of guilt in the commission of a crime under Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, "Encouraging Suicide." The author points out that in the theory of Russian criminal law, it is generally accepted that the subjective aspect of the crime under Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, "Encouraging Suicide," can only be committed with direct or indirect intent. The perpetrator of this crime must necessarily foresee the consequences of their actions in the form of suicide or attempted suicide, and either desire these consequences or not desire them, but allow or be indifferent to them. According to the author, this position is biased, as it is difficult to accurately determine the victim's reaction to beatings, torture, insults, and humiliation. It is also challenging to establish a causal relationship between these illegal actions and the resulting suicidal consequences. The author argues that it is reasonable to consider the subjective aspect of the crime under Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation as both intentional and negligent, as this approach aligns more closely with the principles of justice and the inevitability of punishment.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, form of guilt, direct and indirect intent, negligent crime, carelessness, frivolity, suicide, threats, humiliation, and insults.

References

1. Comment to the current version of the Criminal Code of the Russian Federation URL: https://stykrf.ru/110 (accessed 14.10.2026).

2. The official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation URL6 https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e619302 / (accessed 03/14/2026).

3. The official website of the Supreme Court of the Russian Federation URL: https://www.vsrf.ru/files/10276 / (accessed 03/14/2026).

4. Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL: https://sledcom.ru/news/item/1292310/ (accessed on March 14, 2026).

5. P.N. Sbirunov, "Theoretical and Practical Issues of Criminal Liability for Driving to Suicide." URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-prakticheskie-problemy-ugolovnoy-otveststvennosti-za-dovedenie-do-samoubiystva/viewer (accessed on March 15, 2026).

Различные интерпретации термина «финансовая пирамида» в контексте уголовного законодательства отдельных зарубежных стран

Матросов Антон Алексеевич,
аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридического института Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: 1142230273@rudn.ru

Деятельность, основанная по принципу финансовой пирамиды, является одной из широкомасштабных схем мошенничества на финансовом рынке – указанный факт подтверждает как ретроспективный анализ, так и современная статистика (к примеру, за 2024 год Банком России выявлено около 9 тысяч субъектов, в деятельности которых установлены признаки финансовой пирамиды). Едва ли не каждое государство мира сталкивалось или же сталкивается в настоящее время с указанной проблематикой. При проведении анализа зарубежного уголовного законодательства, направленного на противодействие финансовым пирамидам, назревает вопрос – является ли применение термина «финансовая пирамида» повсеместным или же не все так очевидно?

В данной статье анализируются отдельные положения уголовного законодательства некоторых зарубежных стран с точки зрения использования термина «финансовая пирамида» и его различных интерпретаций. Проведенное исследование показало, что рассматриваемый термин не является общепринятым, его также могут замещать близкие по смыслу и значению понятия («снежный ком», «игра в пирамиду» и другие), которые не исключают ключевого фактора, их объединяющего – деятельность субъектов, построенных по принципу выплаты дохода ранее привлеченным участникам за счет присоединившихся участников в отсутствие реальной (инвестиционной) деятельности является одним из видов недобросовестной практики, влияющей на финансовый рынок вне зависимости от страны и континента функционирования и влекущая при определенных условиях наступление юридической ответственности, в том числе уголовной.

Ключевые слова: финансовая пирамида, снежный ком, игра в пирамиду, схема Понци, уголовная ответственность.

Что из себя представляет деятельность, основанная по принципу финансовой пирамиды? Основные признаки, которые могут дать повод насторожиться: доход ранее присоединившимся участникам выплачивается за счет вложенных средств вновь привлеченных, обещание или гарантия получения высокой доходности, наличие агрессивной рекламы, возможность получения дополнительного дохода за счет привлечения новых участников (порой их привлечение является основным условием получения дохода). Указанные признаки не являются исчерпывающими, однако уже они могут дать сигнал о том, что потребитель может столкнуться с одной из наиболее распространенных мошеннических схем на финансовом рынке.

Почему финансовая пирамида называется пирамидой и ассоциируется именно с ней? Визуализируя данную фигуру, ее возможно поделить на условные равные части – уровни, которые расположены от вершины до основания. Как правило, в случае с финансовой пирамидой организатор находится на вершине, присоединившиеся же участники располагаются на уровнях ниже. Систему распределения дохода в данном случае возможно охарактеризовать по принципу «снизу – вверх»: участник первого уровня получает доход за счет вложенных средств участника второго уровня, второй за счет третьего и так далее (в зависимости от количества участников). Финансовая пирамида может содержать огромное число подобных уровней, система распределения дохода между участниками может быть не такой типичной, как описано выше – в данном случае ключевую роль играют последствия. Обещая или гарантируя высокую доходность в отсутствие реальной хозяйственной деятельности, в результате которой наращивается прибыль, обязательства перед участниками возрастают в геометрической прогрессии и рано или поздно, за счет простого наращивания так называемых «новых денег», их выполнение становится невозможным. Итог – финансовая пирамида «схлопывается», причиняя вред ее участникам (как материальный, так и моральный).

В законодательстве Российской Федерации термин «финансовая пирамида» напрямую не применяется, однако используется различными органами – к примеру, Правительством Российской Федерации [1], Банком России [2] [3] [4] [5], судебными [6] [7] и административными органами [8], при этом статья 14.62 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [9], а также статья 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [10] в рамках диспозиции раскрывают сущность финансовой пирамиды.

Непосредственно переходя к опыту зарубежных стран, стоит отметить, что на данный момент, наряду с наиболее распространенным словосочетанием «финансовая пирамида» (англ. «pyramid scheme»), используется термин «схема Понци» (англ. «Ponzi scheme») в честь своего «прародителя» – Карла Понци. В основе деятельности его схемы лежали международные ответные купоны, которые можно было обменять на одну или несколько почтовых марок, и разница валютных курсов в США и Европе [11]. Взяв за основу данную идею и создав компанию The Securities and Exchange Company, он призывал инвесторов сделать вклад, заявленная доходность по которому составляла от 50% до 100%. Варьировалась же указанная доходность в зависимости от срока (45–90 дней), при этом денежные средства возвращались кредиторам за счет денежных средств новых участников. Впоследствии одна из газет провела расследование и подтвердила, что сумма привлеченных Понци средств многократно превышала объем выпуска международных купонов. Летом 1920 года Понци объявил о приостановке приема вкладов, осенью того же года компания была признана банкротом [12] и фактически пирамида «схлопнулась».

Стоит отметить, что в отдельных странах англосаксонской правовой семьи проводится разграничение между терминами «финансовая пирамида» и «схема Понци» – например, регулятор финансового рынка Великобритании Управление по финансовому надзору и регулированию (Financial Conduct Authority) разъясняет, что деятельность финансовых пирамид направлена прежде всего на наборе новых участников и выплату вознаграждения, при этом схема Понци основана на выплате средств ранее привлеченным участникам за счет вновь привлеченных участников [13].

В Германии сущность финансовой пирамиды раскрывает термин, который также напоминает принцип ее работы – «снежный ком» (нем.

«Schneeballsystem») [14]. Это похоже на снежный ком, который катится с заснеженной горы: он становится все больше и больше. Так и с финансовой пирамидой – пока все больше и больше участников присоединяются к подобной схеме, внося капитал и привлекая новых, она работает. Однако снежный ком не может продолжать расти бесконечно – как только приток участников заканчивается, данный процесс оборачивается «лавиной» [15].

Деятельность по принципу «снежного кома» преследуется в Германии в соответствии со статьей 16 Закона о борьбе с недобросовестной конкуренцией [16], а также в рамках статей 263 и 264 Уголовного кодекса Германии [17], в рамках которых санкция варьируется от штрафа до тюремного заключения.

Во Франции для обозначения деятельности финансовой пирамиды также используется термин «снежный ком» (фр. «La boule de neige»).

В соответствии со статьей L121–15 Кодекса о защите прав потребителей Франции [18], в частности, запрещается предлагать какому-либо лицу присоединиться или регистрироваться, требуя от такого лица выплаты вознаграждения и заставляя его надеяться на финансовую выгоду в результате приглашения других лиц, а не в результате поставки, продажи товаров или оказания услуг.

Указанная деятельность также является наказуемым деянием как в контексте законодательства о защите прав потребителей (в рамках статьи L132–19 Кодекса о защите прав потребителей) [19], так и Уголовного кодекса Франции (в рамках статьи 313–1 «Мошенничество») [20].

В Австрии сущность финансовой пирамиды раскрывают такие термины, как «игра в пирамиду» (нем. «Pyramidenspiele»), а также вышеупомянутый «снежный ком».

В соответствии с решением Верховного суда Австрии от 13 марта 1996 года № 5 Ob 506/96 [21] игра в пирамиду запрещена и является недействительной по смыслу статьи 879 Гражданского кодекса Австрии [22]. Более того, в соответствии с указанным решением, игра в пирамиду приравнивается к азартной [23], поскольку выигрыш и проигрыш в рамках указанной игры зависят главным образом от случайности [24].

В соответствии со статьей 168a Уголовного кодекса Австрии [25] игра в пирамиду или цепочку представляет собой систему ожидания прибыли, участники которой получают преимущество в активах за ставку при условии, что к этой или связанной с ней системе присоединяются другие участники на тех же условиях, и в которой получение преимущества в активах полностью или частично зависит от поведения каждого из привлеченных участников в соответствии с условиями такой игры.

Деятельность по вышеуказанному принципу на территории Австрии также является наказуемой – в соответствии со статьей 168a Уголовного кодекса наказание за данное преступление может варьироваться от штрафа до тюремного заключения.

Если рассматривать опыт Соединенных Штатов Америки, к примеру, в законодательстве штата Флорида упоминаются такие виды финансовых пирамид, как «письма счастья», «пирамидальные клубы» или другие группы, которые основаны на необходимости оплаты участия (внесения взноса) с целью входа и последующего продвижения. Так, в соответствии с § 849.091 статутов Флориды «пирамидальная схема продаж» определяется как план или деятельность по продажам или маркетингу, в рамках которых лицо платит вознаграждение любого рода или делает инвестиции любого рода, превышающие 100 долларов США, и приобретает возможность получить выгоду, которая в первую очередь зависит не от объема или количества товаров, услуг или другого имущества, продаваемого потребителям, в данном случае она связана с побуждением других лиц, независимо от количества, участвовать в одном маркетинговом плане или операции [26]. Указанное деяние может квалифицироваться как «лотерея» и тот, кто участвует в такой «лотерее» или побуждает участвовать в ней, совершает правонарушение 1 степени.

Таким образом, привычный термин «финансовая пирамида» находит свое отражение на уровне уголовного законодательства отдельных зарубежных стран в различных интерпретациях, при этом суть и последствия остаются неизмененными – схема деятельности, построенная подобным образом, является недобросовестной практикой и преследуется соответствующим образом по закону.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 24.10.2023 № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года».

2. Информационное письмо Банка России от 18.01.2023 № ИН-08–12/6 «О национальной оценке рисков ОД и ФТ».

3. Противодействие недобросовестным практикам. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/inside/ (дата обращения: 21.12.2025).

4. Виды нелегальной деятельности на финансовом рынке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/inside/k_illegals/ (дата обращения: 15.12.2025).

5. Список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/inside/warning-list/ (дата обращения: 15.12.2025).

6. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17.09.2024 по делу № 88–22991/2024.

7. Определение Верховного Суда РФ от 09.01.2023 № 309-ЭС22–25135 по делу № А47–12189/2021.

8. Письмо Минпросвещения России от 20.02.2024 № 03–208 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по обеспечению общеобразовательными организациями достижения результатов реализации основных образовательных программ по финансовой грамотности на уровне начального общего и основного общего образования»).

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) – «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) – «Собрание законодательства РФ» 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

11. Схема Понци. Режим доступа: https://finuch.ru/lecture/8686 (дата обращения: 15.12.2025).

12. SECURITIES EXCHANGE COMPANY 1919–1920, Массачусетс, США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://museum.fedfond.ru/securities-exchange-company/ (дата обращения: 15.12.2025)

13. Get–rich–quick, Ponzi and pyramid schemes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.fca.org.uk/consumers/get-rich-quick-ponzi-and-pyramid-schemes (дата обращения: 15.12.2025).

14. Schneeballsystem. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/german-english/schneeball-system (дата обращения: 15.12.2025).

15. Illegale Schneeballsysteme: So erkennen Sie die Gefahr. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.sparkasse.de/pk/ratgeber/finanzplanung/investieren/alternative-geldanlagen/schneeballsystem.html (дата обращения: 15.12.2025).

16. Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb (UWG). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/uwg_2004/__16.html (дата обращения: 15.12.2025).

17. German Criminal Code (Strafgesetzbuch – StGB). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html (дата обращения: 15.12.2025).

18. Vente ou prestation de services «à la boule de neige» (Article L121–15). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006069565/LEGISCTA000032220897/#LEGISCTA000032227358 (дата обращения: 15.12.2025).

19. Vente ou prestation «à la boule de neige» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000032227065 (дата обращения: 15.12.2025).

20. De l'escroquerie (Articles 313–1 à 313–3). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006418192 (дата обращения: 15.12.2025).

21. Entscheidungstext 5Ob506/96 13.03.1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ris.bka.gv.at/Dokument.wxe? Abfrage=Justiz&Dokumentnummer=JJT_19960313_OGH0002_0050OB00506_9600000_000&Suchworte=RS0025607 (дата обращения: 15.12.2025).

22. § 879 ABGB (Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.jusline.at/gesetz/abgb/paragraf/879 (дата обращения: 15.12.2025).

23. § 1 GSpG Glücksspiele (GSpG – Glücksspielgesetz). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.jusline.at/gesetz/gspg/paragraf/1 (дата обращения: 15.12.2025).

24. Pyramidensystem – Der Betrug mit den Pyramiden- & Schneeballsystemen. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.finanz.at/ratgeber/pyramidensystem-schneeballsystem/ (дата обращения: 15.12.2025).

25. § 168a StGB Ketten- oder Pyramidenspiele (StGB – Strafgesetzbuch). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.jusline.at/gesetz/stgb/paragraf/168a (дата обращения: 15.12.2025).

26. The 2025 Florida Statutes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.leg.state.fl.us/Statutes/index.cfm? App_mode=Display_

Statute&Search_String=&URL=0800–0899/0849/Sections/0849.091.html (дата обращения: 22.02.2026).

DIFFERENT INTERPRETATIONS OF THE TERM «PYRAMID SCHEME» IN THE CONTEXT OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF CERTAIN FOREIGN COUNTRIES

Matrosov A.A.
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Activities based on the principle of a financial scheme are one of the large–scale fraud schemes in the financial market. This fact is confirmed by both a retrospective analysis and modern statistics (for example, in 2024 the Bank of Russia identified about 9 thousand entities in whose activities the signs of a financial pyramid were established). Almost every country in the world has faced or is currently facing this problem.
When analyzing foreign criminal legislation aimed at countering financial pyramids, the question arises – is the use of the term «financial scheme» widespread or is not everything so obvious?
This article analyzes certain provisions of the criminal legislation of some foreign countries in terms of the use of the term «pyramid scheme» and its various interpretations. The study showed that the term in question is not generally accepted, it can also be replaced by definitions that are similar in meaning (for example, «snowball», «pyramid game», «Ponzi scheme» and others), which do not exclude the key factor that unites them – the activities of entities based on the principle of paying income to previously attracted participants at the expense of affiliated participants in the absence of real (investment) activity is one of the types of unfair practices that affect the financial market regardless of the country and continent of operation and under certain conditions entail the onset of legal liability, including criminal liability.

Keywords: pyramid scheme, snowball, pyramid game, Ponzi scheme, criminal liability.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of 24.10.2023 No. 2958-r «On approval of the Strategy for Improving Financial Literacy and the formation of financial culture until 2030».

2. Information Letter of the Bank of Russia of 18.01.2023 No. IN-08–12/6 «On the national Assessment of ML and FT Risks».

3. Countering unfair practices. [electronic resource]. Access mode: https://cbr.ru/inside/ (date of access: 15.12.2025).

4. Types of illegal activities in the financial market. [electronic resource]. Access mode: https://cbr.ru/inside/k_illegals/ (date of access: 15.12.2025).

5. A list of companies with identified signs of illegal activity in the financial market. [electronic resource]. Access mode: https://cbr.ru/inside/warning-list/ (date of access: 15.12.2025).

6. Decision of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 09/17/2024 in case No. 88–22991/2024

7. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.01.2023 No. 309-ES22–25135 in case No. A47–12189/2021.

8. Letter of the Ministry of Education of the Russian Federation of 20.02.2024 No. 03–208 «On the direction of methodological recommendations» (together with «Methodological recommendations for ensuring educational institutions achieve the results of the implementation of basic educational programs on financial literacy at the level of primary general and basic general education»).

9. Code of Administrative Offences of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 04.07.2025) – «Collection of Legislation of the Russian Federation», 07.01.2002, No. 1 (Part 1), art. 1.

10. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 28.02.2025) – «Collection of legislation of the Russian Federation» 17.06.1996, N 25, art. 2954.

11. The Ponzi scheme. Access mode: https://finuch.ru/lecture/8686 (date of access: 15.12.2025).

12. SECURITIES EXCHANGE COMPANY 1919–1920, Massachusetts, USA. [electronic resource]. Access mode: https://museum.fedfond.ru/securities-exchange-company / (date of request: 15.12.2025).

13. Get–rich–quick, Ponzi and pyramid schemes. [electronic resource]. Access mode: https://www.fca.org.uk/consumers/get-rich-quick-ponzi-and-pyramid-schemes (date of request: 15.12.2025).

14. Schneeballsystem. [electronic resource]. Access mode: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/german-english/schneeballsystem (date of access: 15.12.2025).

15. Illegale Schneeballsysteme: So erkennen Sie die Gefahr. [electronic resource]. Access mode: https://www.sparkasse.de/pk/ratgeber/finanzplanung/investieren/alternative-geldanlagen/schneeballsystem.html (date of access: 15.12.2025).

16. Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb (UWG). [electronic resource]. Access mode: https://www.gesetze-im-internet.de/uwg_2004/__16.html (date of access: 15.12.2025).

17. German Criminal Code (Strafgesetzbuch – StGB). [Electronic resource]. Access mode: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html (date of access: 15.12.2025).

18. Vente ou prestation de services «à la boule de neige» (Article L121–15). Electronic resource]. Access mode: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006069565/LEGISCTA000032220897/#LEGISCTA000032227358 (date of access: 15.12.2025).

19. Vente ou prestation «à la boule de neige». [Electronic resource]. Access mode: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000032227065 (date of access: 15.12.2025).

20. De l'escroquerie (Articles 313–1 à 313–3). [Electronic resource]. Access mode: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006418192 (date of access: 15.12.2025).

21. Entscheidungstext 5Ob506/96 13.03.1996. [Electronic resource]. Access mode: https://www.ris.bka.gv.at/Dokument.wxe? Abfrage=Justiz&Dokumentnummer=JJT_19960313_OGH0002_0050OB00506_9600000_000&Suchworte=RS0025607 (date of access: 15.12.2025).

22. § 879 ABGB (Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch. [Electronic resource]. Access mode: https://www.jusline.at/gesetz/abgb/paragraf/879 (date of access: 15.12.2025).

23. § 1 GSpG Glücksspiele (GSpG – Glücksspielgesetz). [Electronic resource]. Access mode: https://www.jusline.at/gesetz/gspg/paragraf/1 (date of access: 15.12.2025).

24. Pyramidensystem – Der Betrug mit den Pyramiden- & Schneeballsystemen. [Electronic resource]. Access mode: https://www.finanz.at/ratgeber/pyramidensystem-schneeballsystem/ (date of access: 15.12.2025).

25. § 168a StGB Ketten- oder Pyramidenspiele (StGB – Strafgesetzbuch). [Electronic resource]. Access mode: https://www.jusline.at/gesetz/stgb/paragraf/168a (date of access: 26.08.2025).

26. The 2025 Florida Statutes. [Electronic resource]. Access mode: http://www.leg.state.fl.us/Statutes/index.cfm? App_mode=Display_Statute&Search_String=&URL=0800–0899/0849/Sections/0849.091.html (date of access: 22.02.2026).

Гендерные аспекты института необходимой обороны в уголовном праве России

Медведева Мария Анатольевна,
аспирант, кафедра уголовного права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
E-mail: marimed2207@gmail.com

В статье приводится анализ основных положений института необходимой обороны, закрепляющих в себе специфику обороняющегося и посягающего лица в зависимости от половой принадлежности. Рассматривается понятие гендера, дающее сущностное представление о его роли и значимости в уголовно-правовой сфере, а также отражающее представление о поведении мужчин и женщин с точки зрения социальных, культурных и биологических особенностей. В этой связи, рассматриваются основные статистические данные, дающие представление о распространённости применения института необходимой обороны при оценке содеянного лицами женского пола. В статье приводится судебная практика, отражающая специфику складывающейся на сегодняшней день судебной практики в контексте гендерного подхода. В заключение приводятся предложения по внесению изменений в соответствующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ, необходимые в целях реализации гендерного подхода в уголовном законодательстве, основанном на принципах справедливости, равенства и гуманизма.

Ключевые слова: необходимая оборона, гендер, гендерный подход, равенство всех перед законом, состав преступления.

Введение

Институт необходимой обороны можно признать одним из самых распространённых обстоятельств, исключающих преступность деяния. С этой точки зрения, В.К. Дуюнов связывает право на необходимую оборону с правомерной защитой личности, а также общества и государства от посягательств, представляющих общественную опасность. При этом, сама правомерность обуславливается фактом отсутствия превышения пределов необходимой обороны [1, с. 158]. Как верно подмечено Н.В. Головко, рассматриваемый институт выступает обоснованным государственным средством, направленным на обеспечение повышения мер по противодействию преступности с помощью увеличения социальной активности граждан [2, с. 11]. А.И. Рарог понимает необходимую оборону как акт поведения человека, обладающий характером социальной полезности [3, с. 72]. С точки зрения темы настоящего исследования, стоит особенно подчеркнуть, что необходимая оборона играет ключевое значение в вопросах защиты жизни и здоровья, в частности, в вопросах предупреждения домашнего насилия и проблем самообороны женщин от посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность при изнасиловании.

Прежде всего, сделаем оговорку, что нас, в первую очередь, будут интересовать вопросы гендерного подхода к необходимой обороне и влияния гендерных особенностей на установление факта правомерности причинения вреда посягающему лицу. В связи с чем, обратимся к пониманию сущности гендера и роли влияния гендерных особенностей в уголовно-правовой сфере.

Гендер представляет собой распространённое в лингвистике и социологии явление, в соответствии с которым мужчины и женщины обладают определёнными биологическими, социальными, культурными различиями, предопределяющими их статусно-ролевые позиции в обществе [4, с. 208]. Гендер также понимается как единообразие принятых в обществе культурных символов, система взаимообусловленных социальных институтов, установленные поведенческие стандарты [5, с. 155].

Вопросы сопоставления мужского и женского начал волновали умы философов и учёных на протяжении многих лет, что стало основанием зарождения и развития, во второй половине XX века, гендерных исследований. В настоящее время, мы имеем дело с актуализацией таких проблем как соотношение гендерного подхода с принципами равенства, справедливости и гуманизма. Происходит постепенное расширение понимания важности влияния иерархической половой структуры на закрепление и передачу гендерных стереотипов, отражающих культурный, социальный, политический фон социума в отдельно взятую историческую эпоху [6, с. 27]. На этом фоне, уместно также заметить, что сами по себе гендерные стереотипы сочетают в себе дихотомические взаимосвязи, чем препятствуют формированию единого взгляда на проблему обеспечения гендерного равенства. С одной стороны – опора на стереотипы рассматривается как выбор более лёгкого пути, не требующего применения логических, нравственных норм в той или иной ситуации, что может приводить к шаблонному поведению, не учитывающему индивидуальность и уникальность каждого человека, с другой стороны – гендерные стереотипы помогают обществу не отступать от традиционных ценностей, упорядочивать поведение людей на основании культурного и социального контекста [7, с. 406].

Следует признать, что те представления о нормальном и должном, которые существовали сто лет назад и те, которые считаются привычными и приемлемыми для нас сегодня – представляют собой разные этапы исторического генезиса понимания маскулинности и феминности в контексте изучения различий прав и свобод мужчин и женщин. В связи с чем, в более ранних научных изысканиях, учёные концентрировались преимущественно на аспектах различий в уровне преступности среди лиц мужского и женского пола. Современные научные работы посвящены более глубокому рассмотрению вопросов определения факторов и причин, лежащих в основе тех отличий, которые мы наблюдаем в уголовно-правовой сфере для мужчин и женщин с точки зрения рассмотрения как биологических, так и социокультурных гендерных особенностей.

В связи с вышеизложенным, возникает закономерный вопрос, на который в настоящее время до сих пор не выработано однозначного ответа – насколько целесообразно применять единые критерии

оценки правомерности причинения вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны для лиц женского и мужского пола. Следует ли учитывать половую принадлежность обороняющегося в рамках реализации гендерного подхода, либо это будет нарушением принципа равенства? Приблизиться к сколько-нибудь обоснованному и аргументированному ответу нам поможет как обращение к правовой доктрине и существующим подходам, сформированным в научной среде, так и анализ судебной статистики и судебной практики, приближающей нас к ситуации, существующей в реальной действительности.

Условия правомерности необходимой обороны

Согласно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждый имеет право защищать свои права и свободы всеми способами, которые не запрещены законом. Данное конституционное положение детально раскрывается в нормативных правовых актах, в том числе и в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), на основании которой не может являться преступлением такое причинение вреда посягающему лицу, которое совершено в состоянии необходимой обороны.

Вопрос об условиях правомерности и об установлении границ необходимой обороны не лишён дискуссионности. Представляется, что подобный плюрализм мнений связан с высокой степенью значимости самого института необходимой обороны, поскольку в случае установления правомерности причинения вреда, исключается преступность содеянного обороняющимся. Учёные приводят собственные видения тех аспектов, которые предлагается считать существенными в том или ином случае. Изложим некоторые из условий, которые, на наш взгляд, имеют определённое значение в контексте настоящего исследования. Во-первых, необходимая оборона представляет собой действие, выраженное в причинении вреда посягающему лицу [8, с. 1637]. Во-вторых, причинение вреда можно считать правомерным только в том случае, если нападение направлено против общественных отношений, поставленных под охрану УК РФ, если оно обладает общественной опасностью, действительностью, реальностью и объективным существованием [9, с. 135]. К этому следует добавить, что посягательство многими учёными понимается как активное физическое воздействие на тот или иной предмет, либо лицо, в связи с чем превалирует мнение, в соответствии с которым речь о необходимой обороне может идти только если посягательство состоит в причинении или угрозе причинения насилия опасного или не опасного для жизни [10, с. 249]. На основании другой точки зрения, формами проявления активных действий являются как действия, так и бездействия, на этом фоне, посягательство возможно как в виде нападения, так и иных деяний [11, с. 95]. В подтверждение данной позиции следует обратиться к разъяснениям, данным в 2022 году в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19, в соответствии с которыми к посягательствам не опасным для жизни следует относить и такие, которые выражены в форме иных деяний (действий или бездействий), совершённых, в том числе, и по неосторожности, которые, могут быть не сопряжены с насилием, но по своему содержанию их пресечение возможно путём причинения вреда посягающему [12]. В-третьих, критерий, отражающий наличие посягательства, закрепляет в себе условие о временных границах, в течение которых допускается реализация права на необходимую оборону – с момента появления реальной угрозы причинения вреда, когда посягающее лицо готово приступить к осуществлению соответствующего деяния до момента явного окончания посягательства [9, с. 136]. В-четвёртых, вред может быть причинён только лицу, осуществляющему посягательство, исключительно с целью защиты охраняемых уголовным законом интересов, защита должна быть соответствующей, пропорциональной характеру и степени общественной опасности посягательства. Именно данное условие будет интересовать нас в большей степени, в виду имеющихся сложностей в вопросах установления правомерности необходимой обороны, в случае, когда обороняющимся лицом выступает женщина, а посягающим – мужчина. На этом фоне, уместно также заметить, что характер допустимого вреда, который может причинить обороняющееся лицо зависит от нескольких факторов: опасно ли насилие (или угроза его применения) в рамках посягательства, для жизни или нет; при каких внешних обстоятельствах осуществлялось посягательство (способ, обстановка, время, место совершения деяния). В случае, если насилие (либо угроза его применения) было опасно для жизни – обороняющееся лицо может причинить вред любой степени тяжести в целях защиты охраняемых УК РФ интересов. В иной ситуации, когда насилие не опасно для жизни – обороняющееся лицо может причинить лишь такой вред, который пропорционален посягательству, то есть явно соответствует характеру и опасности посягательства. Вместе с тем, законодатель в ч. 2.1 ст. 37 УК РФ фиксирует основания, совокупность которых не может считаться превышением пределов необходимой обороны: неожиданность посягательства, невозможность установления объективной оценки степени и характера общественной опасности нападения. При этом, уместно подчеркнуть, что, к сожалению, на практике правоохранительные органы в большинстве случаев абстрагируются от оценки внешних обстоятельств, игнорируя также внутренние, субъективные переживания обороняющегося лица [13, с. 81–86]. В связи с чем, оценочный оттенок понятия «превышение пределов необходимой обороны» приводит к культивации несправедливых правоприменительных решений [14, с. 138].

Роль учёта гендерных особенностей в контексте применения уголовно-правовых норм о необходимой обороне

Согласно данным, представленным Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, в 2020 году причинившими вред в состоянии необходимой обороны было признано 10 лиц, из которых 2 лица женского пола, в 2021 году – 11 лиц, из которых 1 женщина, в 2022 году – 4 лица, из которых 1 женщина, в 2023 году – 7 лиц, из которых 2 женщины, в 2024 году – 7 исключительно лиц мужского пола [15]. В свою очередь, за убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) в 2020 году было осуждено 80 лиц женского пола, в 2021 году – 106 лиц женского пола, в 2022 году – 87 лиц женского пола, в 2023 году – 85 лиц женского пола, в 2024 году – 50 лиц женского пола [15]. За причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 114 УК РФ) в 2020 году было осуждено – 138 женщин, в 2021 году – 133 женщин, в 2022 году – 134 женщины, в 2023 году – 120 женщин, в 2024 году – 105 женщин [15]. Приведённые статистические данные, безусловно, не позволяют сделать однозначных и окончательных выводов, но тем не менее, дают нам представление о складывающихся тенденциях в рассматриваемой сфере. Общее количество случаев, в которых суд признаёт причинение вреда в состоянии необходимой обороны правомерным чрезвычайно невелико и составляет от 0,41% до 0,97% от всех случаев, где вставал вопрос об условиях правомерности необходимой обороны. В остальных случаях женщины признавались виновными и привлекались к уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

На наш взгляд, сложности в установлении пропорциональности между вредом, нанесённым обороняющимся и непосредственно самим посягательством для женщин связаны с гендерными особенностями, а именно, с физиологическими, репродуктивными, психолого-эмоциональными и социокультурными характеристиками лиц мужского и женского пола. Различия в распределении физической силы, а также специфика ответной эмоциональной и психической реакции на внешние опасности с точки зрения половой принадлежности, позволяют предполагать, что женщинам в эмоционально нестабильной ситуации сложнее избрать те способы и средства, применение которых для защиты от посягательства, соответствовало бы характеру и опасности посягательства.

В связи с чем, гендерно нейтральный, на первый взгляд, институт необходимой обороны, содержит в себе определённую специфику. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (далее – Постановление) содержится три упоминания слова «пол», которые напрямую указывают на применение гендерного подхода. Прежде всего, в п. 1 Постановления закрепляется ключевая позиция Верховного Суда РФ, на основании которой правом на необходимую оборону обладают все лица в равной степени. В п. 4 Постановления фиксируется, что неожиданность посягательства должна устанавливаться с учётом, в том числе, эмоционального состояния оборонявшегося лица (страх, замешательство и т.д.). Соответственно, в подтверждение вышеизложенной нами позиции относительно эмоциональных различий в поведении у женщин и мужчин, гендерные особенности должны приниматься судом во внимание. На основании п. 8 Постановления реальность угрозы продолжения посягательства при переходе оружия от посягающего к обороняющемуся устанавливается с учётом возраста, пола, физического развития и т.д. Иными словами, половая принадлежность может стать основанием признания продолжения посягательства, даже в случае, когда оружие перешло на сторону обороняющейся стороны, поскольку неравное распределение физических сил и навыков ставит лицо женского пола в более уязвимое положение. Наконец, в п. 13 Постановления приводится развёрнутый перечень тех аспектов, которые надлежит учитывать при определении признаков превышения пределов необходимой обороны, среди данных аспектов нас особенно интересует следующее положение: возраст, пол, психическое и физическое состояние оборонявшегося лица, влияющее на саму возможность отразить посягательство [12]. Представляется,

что упоминание половой принадлежности в данном контексте свидетельствует о признании того факта, что гендерные особенности влияют на способности лица оперативно и быстро среагировать, и отразить общественно опасное деяние надлежащим образом. В частности, обращаясь к проблеме домашнего насилия, стоит заметить, что женщина, защищаясь от агрессора неоднократно причиняющего страдания, физическую и психическую боль, не всегда может адекватно рассчитать уровень наносимого посягающему лицу вреда, поскольку не может объективно оценить ситуацию на фоне эмоциональных перегрузок. При этом, следует учитывать, что на сегодняшний день правомерность необходимой обороны устанавливается посредством сопоставления и оценки интенсивности причиняемого вреда и интенсивности избранных для отражения этого вреда средств защиты [16, с. 103].

Гендерная специфика в судебной практике

Далее, обратимся к примерам из судебной практики. Подсудимая Н. обвинялась в причинении средней тяжести вреда здоровью с применением предметов, используемых в качестве оружия (п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ) в отношении потерпевшего Р [17]. На основании показаний Н. известно, что Р. познакомился с ней в социальных сетях и не принял отказа в продолжении общения, в следствие чего начал преследовать подсудимую. Из материалов дела также установлено, что Р. препятствовал проходу Н. и её матери в квартиру, перегородив проход в межквартирном холле, ударил мать подсудимой кулаком в живот. После чего, Н., испугавшись за свою жизнь и здоровье и за здоровье матери, нанесла Р. два удара, находящейся поблизости, шваброй по спине, тем самым причинив средней тяжести вред здоровью. Суд первой инстанции не усмотрел наличия необходимой обороны в данной ситуации, более того, также не обнаружил и возможности вменения ст. 114 УК РФ. Приговором суда Н. было назначено наказание в виде 1 года и 6 месяцев лишения свободы. В свою очередь, апелляционная инстанция признала приговор суда необоснованным, установив, что суд допустил существенные противоречия в своих выводах о виновности Н., поскольку не принял во внимание все имеющиеся доказательства и проигнорировал ст. 37 УК РФ. Действия Р. были признаны неожиданными для Н., поскольку посягательство происходило в ограниченном пространстве, межквартирном холле, в вечернее время, с учётом сильного эмоционального испуга и замешательства обороняющейся, личности потерпевшего Р., который преследовал её несколько дней. Более того, орудие совершения преступления Н. заранее не приискивала, а воспользовалась тем, что попалось ей под руку. В связи с чем, Н. не могла объективно оценивать характер и степень всей опасности нападения. Уголовное дело было признано прекратить на основании ч. 2 ст. 37 УК РФ и п. 2. ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

В другом примере, Л. нанесла потерпевшему удар кухонным ножом в живот, что привело к смерти последнего. На основании материалов дела установлено, что потерпевший являлся супругом Л., который, находясь в состоянии алкогольного опьянения, взял кухонный нож и, в ходе ссоры, начал угрожать им, повалил подсудимую на диван и нанёс ей удар, поранив ножом правый бок, после чего поднёс нож к шее и продолжил высказывать угрозы. После того, как потерпевший положил нож, Л. взяла его и нанесла смертельный удар. В конечном итоге суд оценил содеянное Л. как причинение вреда в состоянии необходимой обороны от насилия опасного для жизни (ч. 1 ст. 37 УК РФ) [18].

Уместно обратить внимание и на примеры, в которых женщины оборонялись от посягательства на их половую свободу. Так, З., находясь в квартире, совершила убийство К., который в этот момент был в алкогольном опьянении [19]. К. ввёл З. наркотическое средство, после чего изнасиловал и попытался вступить в половую связь снова, тогда З. взяла ножницы и нанесла множественные проникающие удары ножом потерпевшему. Известно, что К. занимался тайским боксом и по физической силе и выносливости превосходил подсудимую. Суд, оценив все обстоятельства дела и доводы сторон пришёл к выводу, что действия К. надлежит квалифицировать как убийство с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Суд также отметил, что об отсутствии необходимой обороны в данном случае свидетельствует тот факт, что нанесённые подсудимой телесные повреждения, а также последствия изнасилования не были опасны для жизни и здоровья, а З. действовала по мотиву мести за изнасилование, а не в целях самообороны.

Следует заметить, что известно большое количество резонансных и широко освещаемых в средствах массовой информации дел, в которых женщины убивали лиц мужского пола, пытавшихся их изнасиловать. Особый интерес такие уголовные дела привлекают в виду того, что суды в большинстве случаев признают нанесённый обороняющимися вред чрезмерным, позволяющим говорить о превышении пределов необходимой обороны, что выглядит несправедливо в глазах общественности. Суды подчеркивают, что лица женского пола в таких ситуациях должны были использовать более социально приемлемый способ отражения посягательства, не представляющего опасности для жизни [20, с. 75].

Заключение

В заключение следует отметить, что обороняющемуся в подавляющем большинстве случаев крайне сложно определить характер и степень того вреда, который им угрожает в момент посягательства. Это вполне объяснимо, поскольку далеко не каждый человек обладает навыками и умениями хладнокровно и трезво оценить нестандартную и неординарную ситуацию, тем более, связанную с угрозой для здоровья или даже жизни, и избрать тот способ обороны, который бы был в высшей степени оптимальным и сочетающим в себе одновременно и сохранение своей целостности, безопасности и обеспечение причинения минимального вреда с максимальной эффективностью для посягающего. К этому следует добавить и тот факт, что лица женского пола, в виду присущих им гендерных особенностей, отличаются некоторой спецификой психоэмоциональных реакций, аспектами, заложенными на уровне инстинктов, а также неравным распределением физических сил. В связи с чем, женщины, в условиях осуществления обороны от посягательства на такой охраняемый уголовным законом интерес как половая свобода, избирают такие способы противодействия преступному посягательству, которые основаны на использовании подручных материалов и орудий, помогающих им компенсировать физическое превосходство посягающего лица. Однако, с учётом категоризации преступлений и того обстоятельства, что изнасилование относится к преступлениям средней тяжести, либо тяжким, женщина может причинить лишь соизмеримый, но не больший вред посягающему лицу, что не всегда возможно в условиях совершения преступления. На этом фоне, на основании изученной судебной практики и статистических данных, применение института необходимой обороны представляется невозможным, в следствие чего лица женского пола, морально и физически пострадавшие от преступного посягательства получают реальные сроки лишения свободы, что кардинальным образом меняет их жизни.

Если говорить о домашнем насилии, то стоит подчеркнуть, что причинение физической боли, моральных и психических страданий, систематическое истязание – вообще не предполагает возможности осуществить сколько-нибудь действенное противодействие посягающему лицу, поскольку законодатель установил сравнительно мягкие наказания для лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 1161 УК РФ, ст. 117 УК РФ, ст. 119 УК РФ, что относит их к преступлениям небольшой или средней тяжести, не опасным для жизни. Но вместе с тем, указанные преступления чрезвычайно опасны как для физического, так и для психического состояния, для репродуктивного здоровья, что влияет на благополучную жизнь и развитие не только женщины, но и её будущих или имеющихся детей. На этом фоне, любое причинение вреда обороняющимся лицом будет расценено как превышающее пределы необходимой обороны, поскольку противодействовать посягающему лицу мужского пола исключительно с помощью тех способов, которые не приведут к причинению лёгкого или средней тяжести вреда здоровью – практически невозможно. На наш взгляд, представляется целесообразным рассмотреть возможность внесения изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19, дополнив его разъяснениями относительно гендерных особенностей лиц женского пола, признав то обстоятельство, что, с учётом обстановки, времени, места совершения преступления, а также эмоционального состояния обороняющейся, защита от посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность, не образует превышения пределов необходимой обороны. В виду того, что несмотря на тяжесть рассматриваемых преступлений, они существенным образом влияют на дальнейшую жизнь и развитие лиц женского пола, на их репродуктивное и психическое здоровье.

Литература

1. Дуюнов В.К. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.К. Дуюнова. 6-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2023. – 700 с.

2. Головко Н. В. О проблеме реализации института необходимой обороны в Российской Федерации / Н.В. Головко // Universum: экономика и юриспруденция. – 2024. – № 12–2(122). – С. 11–15.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. 12-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2019. – 944 с.

4. Соколова Е. В., Николаева Е.И. Исторический анализ понятия «гендер» // Комплексные исследования детства. – 2024. – № 3. – С. 207–216.

5. Петрова И.Л. Правогенез дефиниции понятия «гендер» / И.Л. Петрова, Д.С. Кованов // Вестник Владимирского юридического института. – 2023. – № 2(67). – С. 152–156.

6. Дядюн К.В. Гендерный подход в уголовном праве: история и современность // Всероссийский криминологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 27–32.

7. Назарова Ю.В. Современные гендерные стереотипы в социокультурном и этическом контексте / Ю.В. Назарова, А.Д. Домашкевич // Университет XXI века: научное измерение: материалы научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов и магистрантов ТГПУ им. Л.Н. Толстого, Тула, 17–31 мая 2017 года. – Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2017. – С. 406–409.

8. Зимина Е. А., Семенов С.А. Условия правомерности необходимой обороны // StudNet. – 2022. – № 3. – С. 1635–1647.

9. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для студентов среднего профессионального образования / под ред. Н.И. Пикурова, Т.П. Суспицыной. – Москва: Проспект, 2024. – 448 с.

10. Степанюк О. С., Лукьянченко А.Н. Общественная опасность посягательства, как основание правомерности необходимой обороны // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 8. – С. 248–251.

11. Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны / В.В. Меркурьев. – СПб: Питер, 2004. – 216 с.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 11. – Ноябрь. –2012.

13. Федоришкина М.Ю. Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Юстиция. – 2025. – № 1. – С. 81–86.

14. Тараканов И.А. Необходимая оборона: особенности учета характера насилия, применяемого посягающим лицом, при оценке правомерности оборонительных действий / И.А. Тараканов, А.С. Янова // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 2(55). – С. 135–142.

15. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 20.03.2026).

16. Кузнецова Е.С. Необходимая оборона как реализация права на противодействие домашнему насилию // Теория и практика современной науки. – 2025. – № 4 (118). – С. 98–107.

17. Апелляционное постановление Московского городского суда от 01.10.2025 № 10–18287/2025 // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://cons-001:20101/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=0E77127EAF2BA00E838161C6194C814D&mode=backrefs&base=SOCN&n=1910273&BASENODE=liliMiwyMDYsU09KTiliLCliMiwyMTksU09KlilslilyLDlsQVJClili&rnd=tX4wLQ#quH0VEV4w6DCUZhm1 (дата обращения: 21.03.2026).

18. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2019) // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://cons-001:20101/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=328041&cacheid=8B59651E31E13FD24D143643E87A1F82&mode=splus&rnd=oKBVWEVqwJsG7bnh#S9cdWEVKtGo2flv61 (дата обращения: 21.03.2026).

19. Приговор Иркутского областного суда от 25.11.2024 № 2–22/2024(2–79/2023;) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&service=aa2&base=AOSB&n=10912682#gU7kWEVIMJiAxg5K (дата обращения: 21.03.2026).

20. Барей Н.С. Применение необходимой обороны при защите половой неприкосновенности и свободы личности от преступного посягательства / Н.С. Барей, А.А. Матвеенко // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – 2021. – Т. 2. – С. 73–76.

GENDER ASPECTS OF THE INSTITUTE OF NECESSARY DEFENSE IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Medvedeva M.A.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article analyzes the fundamental principles of the concept of necessary defense, which enshrine the specific characteristics of the defender and the aggressor based on gender. It examines the concept of gender, providing a fundamental understanding of its role and significance in criminal law and reflecting an understanding of the behavior of men and women in terms of social, cultural, and biological characteristics. In this regard, it examines key statistical data that provide insight into the prevalence of the application of the concept of necessary defense in assessing the actions of females. The article cites case law reflecting the specifics of current judicial practice within the context of a gender approach. It concludes with proposals for amendments to the relevant Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, necessary for the implementation of a gender approach in criminal law based on the principles of justice, equality, and humanism.

Keywords: necessary defense, gender, gender approach, equality of all before the law, elements of a crime.

References

1. Duyunov V.K. Criminal Law of Russia. General and Special Parts: textbook / edited by Doctor of Law, Professor V.K. Duyunov. 6th ed. – Moscow: RIOR: INFRA-M, 2023. – 700 p.

2. Golovko N.V. On the Problem of Implementing the Institute of Necessary Defense in the Russian Federation / N.V. Golovko // Universum: Economics and Jurisprudence. – 2024. – № 12–2 (122). – Pp. 11–15.

3. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / edited by A.I. Rarog. 12th ed., revised and enlarged. – Moscow: Prospect, 2019. – 944 p.

4. Sokolova E. V., Nikolaeva E.I. Historical analysis of the concept of «gender» // Comprehensive studies of childhood. – 2024. – № 3. – P. 207–216.

5. Petrova I.L. Legal genesis of the definition of the concept of «gender» / I.L. Petrova, D.S. Kovanov // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2023. – № 2 (67). – P. 152–156.

6. Dyadyun K.V. Gender approach in criminal law: history and modernity // All-Russian criminological journal. – 2011. – № 1. – P. 27–32.

7. Nazarova Yu.V. Modern gender stereotypes in the socio-cultural and ethical context / Yu.V. Nazarova, A.D. Domashkevich // University of the XXI century: scientific dimension: materials of the scientific conference of scientific and pedagogical workers, postgraduate students and master's students of TSPU named after L.N. Tolstoy, Tula, May 17–31, 2017. – Tula: Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 2017. – P. 406–409.

8. Zimina E. A., Semenov S.A. Conditions of the legality of necessary defense // StudNet. – 2022. – № 3. – P. 1635–1647.

9. Criminal law of Russia. General and Special Parts: textbook for students of secondary vocational education / edited by N.I. Pikurov, T.P. Suspitsyna. – Moscow: Prospect, 2024. – 448 p.

10. Stepanyuk O. S., Lukyanchenko A.N. Social danger of an encroachment as a basis for the legality of necessary defense // Successes of modern natural science. – 2011. – № 8. – P. 248–251.

11. Merkuryev V.V. Composition of necessary defense / V.V. Merkuryev. – St. Petersburg: Piter, 2004. – 216 p.

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012, № . 19 (as amended on December 9, 2025) «On the application by courts of legislation on necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – № 11. – November. – 2012.

13. Fedorishkina M. Yu. Necessary defense as a circumstance excluding the criminality of an act // Justice. – 2025. – № 1. – P. 81–86.

14. Tarakanov I.A. Necessary Defense: Features of Taking into Account the Nature of Violence Used by the Aggressor When Assessing the Legality of Defensive Actions / I.A. Tarakanov, A.S. Yanova // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2020. – № 2 (55). – P. 135–142.

15. Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (date of access: 20.03.2026).

16. Kuznetsova E.S. Necessary Defense as an Exercise of the Right to Combat Domestic Violence // Theory and Practice of Modern Science. – 2025. – № 4 (118). – P. 98–107.

17. Appellate ruling of the Moscow City Court dated 01.10.2025 № 10–18287/2025 // SPS «Consultant Plus». – URL: http://cons-001:20101/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=0E77127EAF2BA00E838161C6194C814D&mode=backrefs&base=SOCN&n=1910273&BASENODE=liliMiwyMDYsU09KTiliLCliMiwyMTksU09KlilslilyLDlsQVJClili&rnd=tX4wLQ#quH0VEV4w6DCUZhm1 (date of access: 21.03.2026).

18. Review of the practice of applying by courts the provisions of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation on circumstances excluding the criminality of an act (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 22, 2019) // SPS «Consultant Plus». – URL: http://cons-001:20101/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=328041&cacheid=8B59651E31E13FD24D143643E87A1F82&mode=splus&rnd=oKBVWEVqwJsG7bnh#S9cdWEVKtGo2flv61 (date of access: 21.03.2026).

19. Sentence of the Irkutsk Regional Court of November 25, 2024, № 2–22/2024(2–79/2023;) // SPS «Consultant Plus». – URL: https://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&service=aa2&base=AOSB&n=10912682#gU7kWEVIMJiAxg5K (date of access: 21.03.2026).

20. Barey N.S. Use of necessary defense in protecting sexual inviolability and personal freedom from criminal assault / N.S. Barey, A.A. Matveenko // Scientific, technical and economic cooperation of the Asia-Pacific countries in the 21st century. – 2021. – T. 2. – P. 73–76.

Судебно-баллистическая экспертиза в системе уголовно-правового противодействия незаконному обороту оружия: пробелы регулирования и пути совершенствования

Милаева Майя Юрьевна,
к.ю.н., доцент, кафедра «Безопасность в цифровом мире» Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)
E-mail: milaeva-bmstu@mail.ru

Соколов Максим Юрьевич,
студент, кафедра «Безопасность в цифровом мире», Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)
E-mail: 25082006ms@gmail.com

Работа посвящена криминологическому и уголовно-правовому анализу проблемы незаконного оборота огнестрельного оружия в Российской Федерации. На основе статистических данных за 2020–2023 годы констатируется сохраняющаяся высокая общественная опасность данного преступления, несмотря на формальное снижение числа регистрируемых преступлений. Особое внимание уделяется тревожной динамике падения раскрываемости таких деяний, что свидетельствует о неадекватности традиционных механизмов расследования современным криминальным реалиям, включая цифровизацию каналов сбыта. Ключевая роль в восстановлении эффективности правоприменения отводится судебно-баллистической экспертизе. В работе выявляются системные пробелы в её правовом регулировании. Обосновывается необходимость комплексного подхода, включающего совершенствование методической базы экспертизы, закрепление её обязательного проведения и модернизацию уголовного закона через введение качественных и количественных квалифицирующих признаков.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, судебно-баллистическая экспертиза, правовое регулирование, раскрываемость преступлений, квалифицирующие признаки.

Введение

Незаконный оборот огнестрельного оружия остается одним из наиболее опасных и устойчивых видов криминальной активности в Российской Федерации, представляя прямую угрозу национальной и общественной безопасности.

Исследования показывают, что в последние годы динамика преступлений в сфере незаконного оборота оружия идет на снижение. Если обратиться к данным официальной статистики, приведенным в исследовании Цымпилова С.А., то можно заметить, что в 2020–2023 гг. произошло снижение числа преступлений, сопряженных с незаконным оборотом оружия с 24792 до 19371 (Рис. 1). Тем не менее, учитывая высокую степень общественной опасности данного вида преступлений для человека, общества и государства, данные показатели являются серьезной угрозой общественной безопасности.

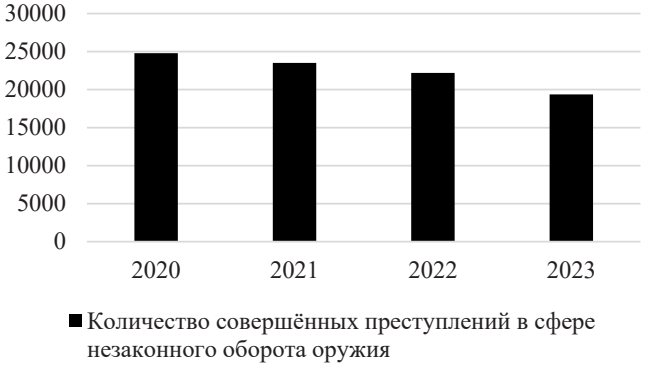

Рис. 1. Статистика совершённых преступлений в сфере незаконного оборота оружия в 2020–2023 гг.

Источник: Цымпилов С.А. Основные тенденции преступности в сфере незаконного оборота оружия в 2020–2023 годах // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2024. – № 11(98).

Отметим тревожную и показательную динамику раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Анализ статистических данных за период с 2020 по 2023 годы выявляет отчетливую и последовательную негативную тенденцию в эффективности следственной и оперативно-розыскной деятельности в данной сфере. Показатель раскрываемости демонстрирует значительное и устойчивое снижение: если в 2020 году правоохранительным органам удалось раскрыть 17 601 преступление, то к 2023 году этот результат сократился до 13 030 раскрытых деяний (Рис. 2). Таким образом, за четыре года произошло снижение абсолютного числа раскрытых преступлений более чем на четверть, что свидетельствует об усложнении механизмов преступной деятельности и, вероятно, о наличии системных проблем в организации противодействия этому виду угроз.

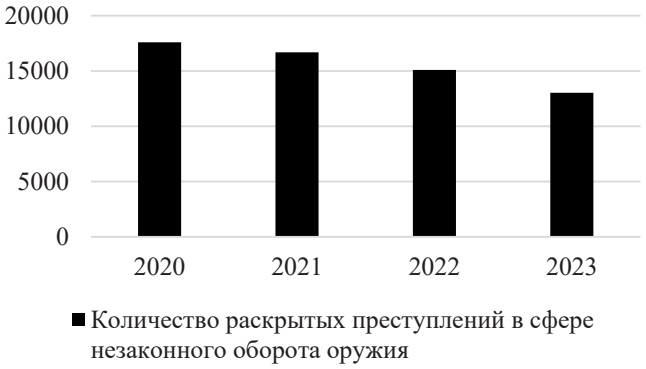

Рис. 2. Статистика раскрытых преступлений в сфере незаконного оборота оружия в 2020–2023 гг.

Источник: Цымпилов С.А. Основные тенденции преступности в сфере незаконного оборота оружия в 2020–2023 годах // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2024. – № 11(98).

Актуальность настоящего исследования обусловлена выявленным системным противоречием между формальным снижением статистики регистрируемых преступлений и одновременной тревожной динамикой их раскрытия. Это свидетельствует о том, что традиционные правовые механизмы и процедуры расследования, закрепленные в действующих редакциях Уголовного (УК) и Уголовно-процессуального (УПК) кодексов Российской Федерации, перестали адекватно реагировать на современные криминальные реалии, такие как цифровизация каналов сбыта, использование криптовалют и аддитивных технологий. В этих условиях ключевая роль в восстановлении эффективности правоприменения отводится судебно-экспертным инструментам, в частности, судебно-баллистической экспертизе. Повышение эффективности данной процедуры требует системного анализа ее законодательного регулирования. Судебно-баллистическая экспертиза выполняет критически важную функцию в уголовном судопроизводстве, обеспечивая идентификацию оружия, установление факта его применения и траектории полета снарядов. Ее результаты служат основой для формирования доказательственной базы по делам о незаконном обороте оружия и сопряженным с ним преступлениям. Однако потенциал этого инструмента раскрыт не в полной мере из-за отсутствия законодательной регламентации его обязательного применения на досудебных стадиях. Неопределенность правового статуса экспертизы приводит к ситуациям, когда следователи отказываются от ее назначения в пользу иных процессуальных действий. Это не только снижает качество расследования, но и создает риски утраты вещественных доказательств. Отсутствие единых стандартов применения баллистических исследований формирует противоречивую судебную практику, затрудняя достижение целей уголовного преследования.

Анализ действующего законодательства выявляет системные пробелы как в материальном, так и в процессуальном праве применительно к рассматриваемой сфере. С одной стороны, недостаточная детализация процедуры назначения и проведения судебно-баллистической экспертизы в УПК РФ приводит к субъективизму и возможным упущениям в процессе расследования. С другой стороны, санкции статей 222–224 УК РФ, устанавливающие ответственность за незаконный оборот оружия, не содержат дифференциации по качественным (баллистическим) и значительным количественным признакам изымаемых предметов, что снижает справедливость и соразмерность наказания. Данное обстоятельство особенно актуально в контексте появления новых видов оружия, в том числе изготовленного с применением аддитивных технологий (3D-печать), баллистические следы и характеристики которого требуют разработки специальных методик исследования.

Таким образом, существует объективная необходимость в комплексном научном исследовании, направленном на совершенствование правового регулирования судебно-баллистической экспертизы и смежных институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Целью работы является разработка научно обоснованных предложений по модернизации законодательства в данной области для повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом оружия.

Основная часть

Судебно-баллистическая экспертиза в Российской Федерации осуществляется в рамках строгой законодательной регламентации. Основополагающими актами федерального уровня выступают Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Федеральный закон № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». «Правовой основой производства судебных экспертиз являются Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также другие нормативно-правовые акты [13, с.801]». Данные документы определяют общие принципы назначения и проведения экспертных исследований. Дополнительное регулирование осуществляется через профильные законодательные акты, включая Федеральный закон «Об оружии» и ведомственные инструкции. Особое значение имеют положения, закрепляющие порядок изъятия, хранения и исследования вещественных доказательств баллистического характера. Совокупность этих норм формирует единую систему правовых оснований для проведения судебно-баллистических экспертиз. Это обеспечивает законность получения доказательств при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Методическое обеспечение реализуется через ведомственные нормативные документы МВД и Минюста России. К ним относятся приказы, регламентирующие технические требования к проведению исследований, и методические рекомендации по работе с баллистическими объектами. Эти акты детализируют процедуры идентификации оружия по следам на пулях и гильзах, установления дистанции выстрела и других параметров. Ведомственные инструкции способствуют стандартизации экспертной деятельности. Важную роль играют утверждённые методики проведения конкретных видов баллистических исследований. Они устанавливают критерии оценки результатов и требования к оформлению экспертных заключений. Подобная регламентация направлена на обеспечение достоверности и объективности выводов экспертов. Однако динамичное развитие оружейных технологий требует постоянного обновления методической базы для соответствия современным вызовам. Анализ действующего законодательства выявляет пробелы в регулировании экспертной деятельности при работе с современными образцами оружия. Отсутствуют чёткие нормативные положения, регламентирующие исследование новых типов баллистических следов, образующихся на полимерных гильзах или композитных материалах. Недостаточно разработаны методики идентификации оружия с изменёнными баллистическими характеристиками после модификации. Эти недочёты снижают эффективность противодействия незаконному обороту современных видов вооружения. Особую проблему представляет отсутствие единых стандартов исследования цифровых баллистических данных, получаемых с электронных прицельных комплексов. Действующие нормативные акты не учитывают особенности работы с цифровыми следами выстрелов. Требуется разработка специализированных правовых норм и методических рекомендаций для таких случаев. Совершенствование нормативной базы должно учитывать технологическую эволюцию оружейных систем для сохранения актуальности судебно-баллистической экспертизы.

Судебно-баллистическая экспертиза решает комплекс идентификационных и диагностических задач, имеющих ключевое значение для установления характеристик оружия и боеприпасов. «Как известно, при производстве судебно-баллистической экспертизы решаются вопросы как идентификационного, так и диагностического характера [4, с.121]». Идентификационные задачи направлены на установление индивидуально-конкретного тождества объектов, что позволяет определить принадлежность гильз или пуль к конкретному экземпляру оружия. К ним также относится установление модели, типа и вида оружия по следам на пулях и гильзах. Эксперт определяет соответствие боеприпасов конкретному оружию, выявляет факты переделки или восстановления серийных номеров. Эти данные позволяют установить происхождение оружия и проследить его движение в незаконном обороте. Диагностические задачи включают определение технического состояния оружия, возможности самопроизвольного выстрела, дистанции и направления стрельбы. Анализ траектории полета пули и механизма образования повреждений способствует реконструкции обстоятельств преступления. Совокупность этих данных формирует доказательственную базу для установления объективной картины правонарушения. Баллистические исследования тесно взаимосвязаны с другими видами криминалистических экспертиз в процессе расследования. «Специфику же информационного обеспечения судебно-баллистической экспертизы определяет его общая производность от задач правоохранительных органов по противодействию вооруженной преступности, незаконному обороту оружия, его интеграция в систему публично-правовых механизмов регулирования данной области отношений [3, с.112]». Совместно с трасологической экспертизой анализируются следы взаимодействия оружия с другими объектами, а дактилоскопические исследования выявляют следы рук на оружии и боеприпасах. Комплексный подход предполагает взаимодействие баллистических данных с результатами взрывотехнической, химической и медико-криминалистической экспертиз. Такое сочетание методов позволяет установить полную картину преступления, включая способ его совершения и последствия применения оружия. Интеграция экспертных методик повышает достоверность выводов и ускоряет процесс расследования. Экспертные заключения судебно-баллистической экспертизы имеют решающее значение для установления объективной картины преступления и изобличения виновных лиц. Они предоставляют суду и следственным органам научно обоснованные данные о механизме совершения преступления и характеристиках использованного оружия. Эти доказательства обладают высокой степенью достоверности и позволяют минимизировать субъективные оценки при принятии процессуальных решений.

Процессуальный порядок назначения судебно-баллистической экспертизы, регламентированный нормами УПК РФ, охватывает как основания и процедуру проведения исследований, так и детализацию ключевых этапов. Так, статьи 195 и 283 УПК РФ определяют полномочия следователя и суда по вынесению постановления о назначении экспертизы, обязательными элементами которого являются формулировка вопросов эксперту и перечень предоставляемых материалов. Эти законодательные требования к содержанию документа призваны обеспечить процессуальную чистоту проводимых исследований.

Не менее важными аспектами при назначении являются правильный выбор экспертного учреждения и специалиста, обладающего профильной квалификацией, а также обязанность следователя на досудебных стадиях обеспечить сохранность вещественных доказательств. Кроме того, нормы УПК РФ предусматривают возможность привлечения нескольких экспертов для комплексного исследования. В конечном счете, неукоснительное соблюдение установленной процедуры гарантирует допустимость полученных экспертных результатов в качестве доказательств по уголовному делу.

Что касается непосредственной деятельности специалиста, то права и обязанности эксперта-баллиста закреплены в статьях 57 и 204 УПК РФ. В рамках своего процессуального статуса эксперт обязан провести полное исследование с применением современных научных методик и составить мотивированное заключение. При этом он несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения по статье 307 УК РФ. Специфика баллистической экспертизы накладывает особые обязательства, такие как сохранение вещественных доказательств в неизменном виде и строгое соблюдение трасологических и баллистических методик для обеспечения достоверности. Для реализации этих задач эксперт вправе ходатайствовать о предоставлении дополнительных материалов. Важно отметить, что все процессуальные нормы в совокупности гарантируют независимость эксперта при выполнении возложенных на него обязанностей.

При расследовании преступлений, где применялось огнестрельное оружие, судебно-баллистическая экспертиза имеет первостепенное значение для установления всех деталей произошедшего. Однако, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, в частности статье 196 УПК РФ, экспертиза следов и обстоятельств, связанных с выстрелом, не входит в список случаев, когда ее назначение является обязательным. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 5 от 12 марта 2002 года подчеркивает необходимость проведения экспертизы для определения того, являются ли оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами предметы, которые лицо незаконно носило, хранило, приобрело, изготовило, сбыло или похитило, если для этого требуются специальные знания. Стоит отметить, что в нем не содержится прямого указания на обязательность такой экспертизы в ситуации, когда само оружие не обнаружено, но у следователя есть основания полагать, что могли остаться следы его хранения или использования. В таких обстоятельствах задержка в проведении экспертных исследований может привести к необратимой потере этих следов. Исходя из этого, возникает необходимость в немедленном назначении судебно-баллистической экспертизы, что в настоящее время не всегда возможно. Устранение указанного пробела позволит повысить качество предварительного расследования и обеспечить неотвратимость наказания.

В связи с вышеизложенным предлагается включить назначение судебно-баллистической экспертизы в перечень обязательных, дополнив статью 196 УПК РФ новым пунктом: «6) наличие следов применения, хранения или ношения огнестрельного оружия».

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что противоречия существуют не только в области доказывания, но и в материально-правовом регулировании ответственности за данные преступления. В частности, действующие санкции статей Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающие ответственность за незаконный оборот оружия, зачастую не учитывают реальную степень общественной опасности деяния, что снижает их превентивный и дифференцирующий потенциал. Ярким примером подобного системного упущения является конструкция состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 223 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая устанавливает ответственность за незаконное изготовление оружия.

Говоря о возможных недостатках и проблемах уголовной ответственности за незаконное изготовление оружия, видится необходимым дополнить ст. 223 УК РФ квалифицирующим количественным признаком, предусматривающим более строгую уголовную ответственность за совершение деяний, предусмотренных ч. 1 и ч. 4 данной статьи: «5. Деяния, предусмотренные частью 1 и частью 4 настоящей статьи, совершенные в крупном размере – наказываются лишением свободы на срок от шести до восьми лет со штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет».

Аргументируя такое предположение, следует опираться на то, что законодатель в настоящий момент игнорирует количественный признак предмета рассматриваемого преступления, что видится не совсем обоснованным.

Предположим, что один гражданин незаконно изготовил одно или два огнестрельных оружия, а другой, занимаясь этим на постоянной основе, за год изготовил 15 видов огнестрельного оружия, после чего об этом стало известно правоохранительным органам. Очевидно, что степень общественной опасности деяний гражданина, изготовившего больше видов огнестрельного оружия, значительно выше. При этом установление точного количества изготовленных стволов, их вида (огнестрельное, холодное, пневматическое), а также факта их пригодности к выстрелу в каждом конкретном случае требует обязательного проведения судебно-баллистической экспертизы, которая становится ключевым процессуальным действием, не только доказывающим сам факт совершения преступления, но и обеспечивающим точный подсчет предметов посягательства для последующей квалификации.

Выдвигая предложение о введении ч. 5 ст. 223 УК РФ с указанием на крупный размер, не стоит забывать о необходимости конкретизации количества незаконного изготовленных, переделанных или отремонтированных предметов, наличие которого позволяет говорить о совершении противоправного деяния в крупном размере и применении к виновному более строгих санкций.

В связи с этим предлагаем дополнить Примечанием 2 ст. 223 УК РФ, включив в него правовую норму, конкретизирующую крупный размер: «2. Крупным размером для целей настоящей статьи следует считать количество указанных в статье предметов в размере более 5 единиц». Внедрение данного количественного критерия напрямую повысит доказательственное значение и востребованность судебно-баллистической экспертизы, так как именно заключение эксперта будет являться основным документом, объективно подтверждающим или опровергающим наличие признака «крупный размер». Таким образом, предлагаемое изменение не только дифференцирует ответственность, но и создает дополнительную процессуальную гарантию обязательного и качественного экспертного исследования всего комплекса изъятых предметов.

Таким образом, предложение о введении количественного критерия направлено на устранение одного из ключевых пробелов в дифференциации ответственности. Однако для построения по-настоящему сбалансированной и эффективной системы уголовно-правового противодействия необходимо учитывать не только количественную, но и качественную характеристику изымаемого оружия. Именно качественные параметры, определяющие его реальную разрушительную силу, напрямую влияют на степень общественной опасности деяния.

В этой связи анализ действующей редакции статей 222–224 УК РФ выявил необходимость дифференциации ответственности в зависимости от баллистических характеристик изымаемого оружия. Введение квалифицирующих признаков, связанных с поражающей способностью и техническими параметрами оружия, позволит точнее отражать степень общественной опасности деяния. Учет таких показателей как начальная скорость пули, дульная энергия и пробивное действие создаст правовые основания для назначения соразмерного наказания. Данный подход соответствует международному опыту криминализации оборота особо опасных видов вооружения. Предлагается дополнить части вторые статей 222–224 УК РФ новыми квалифицирующими признаками, учитывающими тактико-технические характеристики оружия. Критерием выделения составов повышенной опасности должны выступать объективные баллистические параметры, подтвержденные экспертизой. Это позволит унифицировать судебную практику при оценке поражающих свойств изъятых образцов. Усиление санкций за оборот высокоскоростного и высокоэнергетического оружия создаст дополнительные барьеры для распространения наиболее опасных категорий вооружений.

В целях повышения доказательственного значения судебно-баллистических исследований необходимо закрепить в УПК РФ обязательность назначения экспертизы при изъятии любого огнестрельного оружия. Отсутствие процессуальной обязанности проведения таких исследований приводит к необоснованным отказам в их назначении на стадии предварительного расследования. Введение императивной нормы устранит субъективный подход при оценке необходимости экспертного исследования. Это обеспечит получение объективных данных о тактико-технических характеристиках изъятых образцов на системной основе. Обязательное экспертное установление баллистических параметров оружия должно стать условием правильной квалификации деяния по соответствующим частям статей 222–224 УК РФ. Процессуальная фиксация этих данных в заключении эксперта повысит доказательственную силу результатов баллистического исследования.

Подобная законодательная инициатива будет способствовать более эффективному противодействию незаконному обороту оружия, повысит уровень общественной безопасности и обеспечит справедливую дифференциацию уголовной ответственности.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о наличии системного кризиса в противодействии незаконному обороту оружия в Российской Федерации, который выражается в углубляющемся разрыве между формальным снижением регистрируемой преступности и тревожной динамикой падения её раскрываемости. Этот кризис обусловлен несоответствием традиционных правовых механизмов, закрепленных в УК и УПК РФ, современным криминальным реалиям, включающим цифровизацию каналов сбыта и применение аддитивных технологий.

Выход из сложившейся ситуации видится в системной модернизации законодательства, направленной на усиление роли судебно-баллистической экспертизы как ключевого инструмента объективного доказывания и дифференциации ответственности.

Предлагаемый комплекс законодательных изменений носит взаимосвязанный характер: императивная процессуальная норма обеспечит обязательное получение объективных данных об оружии, а новые материально-правовые критерии создадут основания для их использования в целях справедливой и соразмерной квалификации деяний. Реализация данных мер позволит повысить доказательственное значение судебно-баллистической экспертизы, унифицировать судебную практику, восстановить превентивный потенциал уголовного закона и в конечном счете повысить эффективность защиты общества и государства от угроз, связанных с незаконным оборотом оружия.

Литература

1. Андреев С.Ю. Теоретические основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, его основных частей и боеприпасов периода войн первой половины XX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2020. – № 1. – С. 97–101.

2. Ковалева Н.Н., Фаисханов Р.Р. Проблемы реализации отдельных полномочий лицензионно-разрешительных подразделений росгвардии // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law. – 2020. – № 2. – С. 88–95.

3. Латышов И.В., Бачиева А.В. Особенности информационного обеспечения судебно-баллистических экспертных исследований и проблемы его совершенствования на современном этапе // Журнал правовых и экономических исследований. – 2022. – № 1. – С. 112–117.

4. Пермяков А.Л., Манжаро В.В. Проблемы проведения баллистического исследования оружия, изготовленного методом 3d-печати // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 2. – С. 118–128.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=204000577&page=1&rdk=0&link_id=5#I0 (дата обращения: 03.02.2026).

6. Расулова Н.С. Проблемы назначения и производства судебных экспертиз при проверке сообщений о преступлениях в экономической деятельности // Союз криминалистов и криминологов. – 2014. – № 3. – С. 282–286.

7. Россинская Е.Р. Факторы, определяющие результативность и доброкачественность заключений судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 1. – С. 89–93.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942 (дата обращения: 03.02.2026).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025 N 420-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 03.02.2026).

10. Филиппова Е.О., Журкина О.В. Противодействие незаконному обороту оружия // Вопросы российского и международного права. – 2021. – № 10. – С. 139–149.

11. Цымпилов С.А. Основные тенденции преступности в сфере незаконного оборота оружия в 2020–2023 годах // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2024. – № 11(98).

12. Швец С.В. Судебные экспертизы. – Краснодар: КубГАУ, 2020. – 30 с.

13. Яровенко В.В. Применение специальных знаний при исследовании объектов судебной баллистики (обзор практики) // Право и политика. – 2012. – № 4. – С. 801–805.

FORENSIC BALLISTICS IN THE CRIMINAL LAW SYSTEM TO COMBAT ILLEGAL ARMS TRAFFICKING: REGULATORY GAPS AND WAYS TO IMPROVE

Milaeva M.Yu., Sokolov M.Yu.
Bauman Moscow State Technical University (National research university)

This paper provides a criminological and criminal-legal analysis of the problem of illegal firearms trafficking in the Russian Federation. Based on statistical data for 2020–2023, the article notes the persistently high public danger posed by this crime, despite a formal decline in the number of reported crimes. Particular attention is paid to the alarming decline in the detection rate of such crimes, which demonstrates the inadequacy of traditional investigative mechanisms in the face of modern criminal realities, including the digitalization of distribution channels. Forensic ballistic examination plays a key role in restoring the effectiveness of law enforcement. The article identifies systemic gaps in its legal regulation. It substantiates the need for a comprehensive approach, including improving the methodological framework for examination, enshrining its mandatory implementation, and modernizing criminal law by introducing qualitative and quantitative qualifying features.

Keywords: illegal arms trafficking, forensic ballistic examination, legal regulation, crime detection rates, qualifying features.

References

1. Andreev S. Yu. Theoretical Foundations of Technical and Forensic Support for the Detection and Investigation of Crimes Related to the Illegal Trafficking of Arms, Their Main Parts, and Ammunition During the Wars of the First Half of the Twentieth Century // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. – 2020. – No. 1. – Pp. 97–101.

2. Kovaleva N. N., Faiskhanov R.R. Problems of Implementing Certain Powers of Licensing and Permitting Units of the Russian National Guard // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law. – 2020. – No. 2. – Pp. 88–95.

3. Latyshov I. V., Bachieva A.V. Features of Information Support for Forensic Ballistic Expertise and Problems of Its Improvement at the Current Stage // Journal of Legal and Economic Studies. – 2022. – No. 1. – P. 112–117.

4. Permyakov A.L., Manzharo V.V. Problems of Conducting Ballistic Research of Weapons Manufactured by 3D Printing // Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2025. – No. 2. – P. 118–128.

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 12, 2002, No. 5 "On Judicial Practice in Cases of Theft, Extortion, and Illegal Trafficking in Weapons, Ammunition, Explosives, and Explosive Devices" // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic Resource]. – URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=204000577&page=1&rdk=0&link_id=5#I0 (date accessed: 03.02.2026).

6. Rasulova N.S. Problems of assignment and production of forensic examinations when verifying reports of crimes in economic activity // Union of criminologists and criminologists. – 2014. – No. 3. – P. 282–286.

7. Rossinskaya E.R. Factors determining the effectiveness and quality of forensic examination reports in criminal proceedings // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 1. – P. 89–93.

8. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 29.12.2025) // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942 (date accessed: 03.02.2026).

9. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 17.11.2025 No. 420-F3) // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (date accessed: 03.02.2026).

10. Filippova E.O., Zhurkina O.V. Combating Illegal Arms Trafficking // Issues of Russian and International Law. – 2021. – No. 10. – Pp. 139–149.

11. Tsympilov S.A. Main Trends in Crime in the Sphere of Illegal Arms Trafficking in 2020–2023 // Scientific and Practical Electronic Journal Alley of Science. – 2024. – No. 11 (98).

12. Shvets S.V. Forensic Examinations. – Krasnodar: KubSAU, 2020. – 30 p.

13. Yarovenko V.V. Application of Specialized Knowledge in the Study of Forensic Ballistics Objects (Practice Review) // Law and Politics. – 2012. – No. 4. – Pp. 801–805.

Особенности мер и средств противодействия коррупции

Невенченый Ярослав Александрович,
Магистрант «Московского университета «Синергия»
E-mail: cdispb@mail.ru

В статье автором рассматриваются мнения ученных правоведов касаемо вопросов сущности и особенностей мер и средств противодействия коррупции. Автором проведен анализ статистических данных, касаемо количества коррупционных проявлений в РФ, а также рассмотрены проблемы и пути решения выявленных проблем.
Автор указывает на то, что совершенствование административного законодательства в сфере противодействия коррупции направлено на расширение комплекса запретительных мер и правовых ограничений для служащих органов внутренних дел. Автором сделан вывод, о том, что антикоррупционная политика требует детального анализа существующих проблем нормативного регулирования и разработки эффективных механизмов их устранения в правоохранительной системе.
Автор пришел к выводу о том, что в борьбе с коррупцией необходимо отказаться от неэффективной антикоррупционной пропаганды, которая часто ограничивается формальными мероприятиями и не достигает цели.
Ключевыми мерами противодействия коррупции автор видит: введение стандартов антикоррупционной деятельности; защита информаторов, создание прозрачных и надежных механизмов защиты людей, сообщающих о фактах коррупции; разработка единых протоколов реагирования правоохранительных органов на сообщения о фактах коррупции. Важно обеспечить прозрачность процесса рассмотрения сообщений и публиковать отчеты о принятых мерах.

Ключевые слова: коррупция в органах внутренних дел; меры и средства противодействия; борьба с коррупцией; нормативная правовая база противодействия коррупции; органы внутренних дел; антикоррупционная политика.

Комплексная система противодействия коррупционным проявлениям в органах внутренних дел базируется на административно-правовом регулировании служебной деятельности сотрудников. Законодательный механизм включает правовые ограничения и запреты, направленные на соблюдение служебных прав работников правоохранительных органов. Действующая нормативная база создает равные возможности для карьерного роста сотрудников ОВД, минимизируя риски возникновения коррупционных схем. Федеральный закон «О противодействии коррупции» закрепляет основные превентивные меры борьбы с коррупционными правонарушениями в статье 6.

А.М. Кустов, отмечает: «К числу таковых относятся следующие меры и средства:

1. Формирование нетерпимого отношения в обществе к коррупционному поведению.

2. Проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов и проектов перед передачей на подпись и согласование.

3. Предъявление квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственной или муниципальной должности, должности государственной ил муниципальной службы, а также проведение проверки в установленном законом порядке на достоверность представленных сведений.

4. Установление в качестве основания для освобождения от замещаемой должности или (и) увольнения лица, либо для применения мер юридической ответственности за непредставление, либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений о своих доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также представления заведомо ложных сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов и несовершеннолетних детей.

5. Развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдение законодательства о противодействии коррупции»[1].

Несмотря на усиление борьбы с проявлениями коррупции в нашем обществе, за последние годы отмечается тенденция роста коррупционной преступности. По информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году судами вынесено 1914 обвинительных решений по фактам взяточничества, что демонстрирует рост показателя на 14% относительно предшествующего периода.

Количество осужденных за дачу взятки возросло на 10%, достигнув 2363 человек. В их числе фигурируют 117 сотрудников органов внутренних дел – руководители следственных структур, следователи, дознаватели, участковые, инспектора ГИБДД и другие категории, что составляет около 6% от совокупного объема вынесенных обвинительных вердиктов по коррупционным деяниям[2].

За коррупционные проступки, нарушение служебной дисциплины и несоблюдение норм урегулирования конфликта интересов из органов внутренних дел в 2024 году было уволено 468 сотрудников, что превышает показатель предыдущего периода (460 человек). Среди уволенных 109 лиц лишились должности вследствие утраты доверия, тогда как годом ранее аналогичная мера применялась к 98 сотрудникам[3].

На основании итогов работы профильных комиссий системы МВД России, функционирующих в сфере контроля за служебной этикой и разрешения коллизий интересов, в течение 2024 года к различным формам ответственности оказались привлечены 1457 служащих, допустивших нарушения антикоррупционного законодательства, что демонстрирует снижение показателя относительно аналогичного периода предшествующего года, когда соответствующие санкции были применены к 2037 лицам.

Федеральное законодательство устанавливает комплексный подход к предотвращению коррупционных проявлений среди личного состава органов внутренних дел. Законодательная база включает специальные требования при трудоустройстве кандидатов на службу,

[1] Кустов А.М. Противодействие коррупции криминалистическими мерами и средствами // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества. 2024. № 1. С. 449.

[2] Информационно-справочные материалы о состоянии кадрового обеспечения в органах внутренних дел Российской Федерации по линии профилактики коррупционных правонарушений по итогам 2024 года // Шр8://мвд.рф/ anticorr/realization

[3] Куракин А.В., Коврова В.Г. Противодействие коррупции посредством применения мер дисциплинарного характера: Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. С. 90.

формируя многоуровневую систему защиты от проникновения недобросовестных сотрудников. Действующий закон о службе в органах внутренних дел содержит расширенный перечень квалификационных ограничений, направленных на усиление кадровой безопасности подразделений и минимизацию коррупционных рисков при прохождении службы.

К числу таковых относятся: «признание лица недееспособным или ограниченно дееспособным по судебному решению, вступившему в законную силу; осуждение за преступление по приговору суда, который вступил в законную силу; прекращение в отношении лица уголовного преследования в связи с истечением срока давности, либо в связи с деятельным раскаянием, вследствие опубликования акта об амнистии; в случае отказа от прохождения процедуры оформления допуска к государственной тайне, если это необходимо для замещения соответствующей должности; несоответствия требованиям, предъявляемым к здоровью лица»[1].

Антикоррупционные меры требуют четкого разграничения применяемых ограничений и запретов, непосредственно направленных на противодействие коррупции в органах внутренних дел, от общих дисциплинарных требований к сотрудникам правоохранительной системы.

Антикоррупционные запреты и ограничения в деятельности органов внутренних дел структурируются по различным основаниям применения. Многоуровневая классификация включает разделение мер воздействия на сотрудников правоохранительных органов в политическом и экономическом направлениях. Регламентация деятельности личного состава органов внутренних дел в политической сфере формируется из комплекса взаимосвязанных компонентов.

Законодательство накладывает существенные ограничения при трудоустройстве граждан в органы внутренних дел. Кандидатуры претендентов отклоняются при наличии административных взысканий, полученных в судебном порядке за умышленные правонарушения в течение года до подачи документов. Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям также становится препятствием для поступления на службу. К таким основаниям относятся истечение срока давности, примирение сторон, амнистия или деятельное раскаяние лица.

Законодательство устанавливает четкие критерии для кандидатов, претендующих на службу в органах внутренних дел. Несоблюдение установленных федеральными нормативными актами запретов и ограничений служит основанием для отказа в трудоустройстве потенциального сотрудника правоохранительных органов[2].

Государственные служащие подлежат привлечению к дисциплинарной ответственности за умышленное сокрытие или искажение информации касательно материального положения, включая доходную часть, имущественные права и обременения. Законодательством предусмотрена ответственность служащих за несвоевременное информирование руководства о попытках склонения к противоправным действиям коррупционного характера со стороны посторонних граждан. Правовые ограничения продолжают действовать даже после прекращения служебных отношений.

Действующее законодательство налагает строгие ограничения на бывших работников относительно распространения секретных данных, полученных при выполнении служебных функций. Распространение конфиденциальной информации третьим лицам либо организациям квалифицируется как правонарушение и влечет административную ответственность[3].

Совершенствование административного законодательства в сфере противодействия коррупции направлено на расширение комплекса запретительных мер и правовых ограничений для служащих органов внутренних дел. Антикоррупционная политика требует детального анализа существующих проблем нормативного регулирования и разработки эффективных механизмов их устранения в правоохранительной системе.

Противодействие коррупционным проявлениям в органах внутренних дел базируется на комплексном применении специальных средств и мер. Правоохранительная система включает многоуровневые механизмы контроля, распределенные по нескольким основным категориям. Законодательство устанавливает четкие запреты и ограничения для претендентов на службу, действующих сотрудников полиции, а также граждан, завершивших службу в правоохранительных органах.

По результатам исследования мы предлагаем следующие правовые, организационные, методические и управленческие меры:

– борьба с коррупцией, особенно в правоохранительной системе, должна стать одной из национальных целей развития Российской Федерации и быть включена в Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[4];

– переосмысление кадровой политики в органах внутренних дел. Так, в современном мире, где динамично меняется криминогенная обстановка, а общество все больше нуждается в эффективной и прозрачной деятельности правоохранительных органов, остро встает вопрос о качественном обновлении кадровой политики органов внутренних дел. Это не просто улучшение в работе с сотрудниками ОВД, а реформа, затрагивающая все ключевые аспекты: от подготовки и повышения квалификации до борьбы с коррупцией и обеспечения надежной защиты прав сотрудников ОВД;

– ключевым элементом реформирования является внедрение современной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. Необходимо пересмотреть существующие учебные программы, чтобы они соответствовали актуальным вызовам правоохранительной деятельности, включали не только правовые и тактические навыки, но и развитие критического мышления, компетенций в области коммуникации, работы с информацией, стрессоустойчивости и психологической устойчивости;

– в борьбе с коррупцией необходимо отказаться от неэффективной антикоррупционной пропаганды, которая часто ограничивается формальными мероприятиями и не достигает цели. «Ключевыми мерами должны стать:

а) введение стандартов антикоррупционной деятельности, которые должны содержать четкие алгоритмы действий сотрудников органов внутренних дел в ситуациях, связанных с коррупцией, а также определять механизмы предупреждения коррупционных рисков;

б) защита информаторов, создание прозрачных и надежных механизмов защиты людей, сообщающих о фактах коррупции, является необходимым условием для борьбы с этим явлением. Одновременно с этим необходимо усилить ответственность за ложные сообщения, чтобы исключить злоупотребления системой защиты;

в) необходимо разработать единые протоколы реагирования правоохранительных органов на сообщения о фактах коррупции, полученные из различных источников (СМИ, Интернет, социальные сети). Важно обеспечить прозрачность процесса рассмотрения сообщений и публиковать отчеты о принятых мерах.

Литература

1. Информационно-справочные материалы о состоянии кадрового обеспечения в органах внутренних дел Российской Федерации по линии профилактики коррупционных правонарушений по итогам 2024 года // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408598469/

2. Кустов А.М. Противодействие коррупции криминалистическими мерами и средствами // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества. 2024. № 1. С. 449.

3. Куракин А.В., Коврова В.Г. Противодействие коррупции посредством применения мер дисциплинарного характера: Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. С. 90.

4. Клепиков С.Н. Административно-правовые средства противодействия коррупции: анализ законодательства и вопросы совершенствования // Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации. 2022. № 1. С. 105.

5. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

6. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч.I). Ст. 7020.

7. Хорунжий С.Н. О механизмах противодействия коррупции в органах местного самоуправления: учебно-методическое пособие. Воронеж, 2021. С. 108.

[1] Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч.I). Ст. 7020.

[2] Клепиков С.Н. Административно-правовые средства противодействия коррупции: анализ законодательства и вопросы совершенствования // Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации. 2022. № 1. С. 105.

[3] Хорунжий С.Н. О механизмах противодействия коррупции в органах местного самоуправления: учебно-методическое пособие. Воронеж, 2021. С. 108.

[4] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

FEATURES OF ANTI-CORRUPTION MEASURES AND MEANS

Nevencheny Ya.A.
Moscow University of Synergy

In this article, the author examines the opinions of legal scholars regarding the nature and specifics of anti-corruption measures and tools. The author analyzes statistical data on the incidence of corruption in the Russian Federation and examines the problems and solutions identified.
The author points out that improving administrative legislation in the area of combating corruption is aimed at expanding the range of prohibitive measures and legal restrictions for employees of internal affairs agencies. The author concludes that anti-corruption policy requires a detailed analysis of existing regulatory issues and the development of effective mechanisms to address them within the law enforcement system.
The author concludes that in the fight against corruption, it is necessary to abandon ineffective anti-corruption propaganda, which is often limited to formal measures and fails to achieve its goals.
The author sees the following key measures to combat corruption: the introduction of anti-corruption standards; the protection of whistleblowers, the creation of transparent and reliable mechanisms to protect those reporting corruption; and the development of uniform protocols for law enforcement agencies to respond to reports of corruption. It is important to ensure transparency in the process of reviewing reports and to publish reports on the measures taken.

Keywords: Corruption in internal affairs agencies; measures and means of counteraction; fight against corruption; regulatory framework for combating corruption; internal affairs agencies; anti-corruption policy.

References

1. Information and reference materials on the state of staffing in the internal affairs bodies of the Russian Federation for the prevention of corruption offenses by the end of 2024 // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408598469/
2. Kustov A.M. Countering corruption by criminalistic measures and means // Legal and moral aspects of the functioning of civil society. 2024. № 1. p. 449.
3. Kurakin A.B., Kovrova V.G. Countering corruption through the use of disciplinary measures: A textbook for universities. Moscow: Yurayt, 2024. p. 90.
4. Klepikov S.N. Administrative and legal means of combating corruption: analysis of legislation and issues of improvement // Prevention of corruption in public authorities of the Russian Federation. 2022. № 1. p. 105.
5. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation dated 07/21/2020 № 474 // SZ RF. 2020. № 30. Art. 4884.
6. Federal Law «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated November 30, 2011 № 342-FZ (as amended on December 08, 2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 49 (part I). Art. 7020.
7. Khorunzhiy S.N. On anti-corruption mechanisms in local government bodies: an educational and methodical manual. Voronezh, 2021. p. 108.

Проблемы уголовной ответственности за коррупционные преступления в сфере реализации национальных проектов

Раджабов Шамиль Раджабович,
кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»
E-mail: shamil.1503@mail.ru

Цель исследования: разработка теоретико-прикладной модели уголовно-правовой оценки конфликта интересов как системного коррупциогенного фактора, деструктивно влияющего на реализацию национальных проектов, и формулирование на этой основе научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики. Результаты: выявлены доктринальные пробелы в понимании соотношения конфликта интересов с категориями «личная заинтересованность» и «коррупционное поведение»; доказано, что отсутствие специальных составов преступлений и неопределенность понятия «иная личная заинтересованность» порождают латентность и необоснованное смягчение квалификации; разработана методика отграничения дисциплинарного проступка от уголовно наказуемого деяния; сформулированы конкретные изменения в статьи 285, 290 УК РФ с точными редакциями норм. Научная новизна заключается в обосновании введения в уголовный закон квалифицирующих признаков, учитывающих нематериальную заинтересованность через прямую отсылку к законодательству о противодействии коррупции, а также в разработке криминологической типологии личности коррупционера в исследуемой сфере. Практическая значимость: выводы и предложения могут быть использованы в законотворческой деятельности, при подготовке разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и в работе правоохранительных органов.

Ключевые слова: конфликт интересов, коррупциогенный фактор, национальные проекты, уголовно-правовая оценка, квалификация преступлений, криминологическая характеристика, личная заинтересованность, злоупотребление должностными полномочиями, взяточничество, латентность.

Реализация национальных проектов (далее – НП) выступает стратегическим вектором государственной политики Российской Федерации на период до 2030 года. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2024 году в сфере реализации НП выявлено почти 72 тысячи нарушений закона, а количество зарегистрированных преступлений возросло на 33,5% по сравнению с предшествующим периодом [2, с. 12].

Легальное определение конфликта интересов появилось в российском законодательстве с принятием Закона № 273-ФЗ. Статья 10 определяет конфликт интересов как ситуацию, при которой личная заинтересованность лица, замещающего государственную или муниципальную должность, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных обязанностей [11]. Однако, как справедливо отмечает Е.В. Хорошунов, «конструкция легального определения сложна для правоприменения, поскольку требует установления не только факта наличия родственных или корпоративных связей, но и доказывания возможности влияния этой связи на принимаемое решение» [20, с. 36].

В доктрине уголовного права сложилось несколько подходов к пониманию природы конфликта интересов. Первый подход (узко-нормативный) рассматривает конфликт интересов исключительно как административно-правовой деликт, не являющийся основанием для уголовной ответственности. А.В. Кудашкин полагает, что уголовное право должно реагировать лишь на последствия неурегулированного конфликта – конкретные общественно опасные деяния [8, с. 78]. П.А. Кабанов относит конфликт интересов к «латентным детерминантам»: он создает благоприятную среду для преступлений, но сам по себе еще не является преступлением [5, с. 48]. Второй подход (расширительный) рассматривает конфликт интересов как форму коррупционного поведения, трансформирующуюся в преступление. И.В. Левакин отмечает: «Конфликт интересов – начальная стадия генезиса коррупционного преступления, когда у должностного лица формируется мотивация к использованию служебного положения в личных целях» [9, с. 89]. Третий подход (синтетический), которого придерживается автор, состоит в том, что конфликт интересов следует рассматривать как коррупциогенный фактор – условие, облегчающее совершение коррупционных преступлений и повышающее их вероятность [21, с. 74].

Специфика реализации НП предопределяет множественность субъектов и сложность управленческих связей. На основе обобщения материалов практики можно выделить следующие типичные ситуации конфликта интересов в сфере реализации НП.

Первая ситуация – родственный (семейный) подряд. Это участие близких родственников должностного лица в выполнении работ (оказании услуг) по государственным контрактам, заключенным в рамках НП. Сложность квалификации таких ситуаций заключается в том, что внешне процедура заключения контракта может соблюдаться: проводятся торги, коммерческая организация признается победителем на общих основаниях.

Вторая ситуация – аффилированность через коммерческие структуры. Более сложная для выявления ситуация – участие должностного лица в управлении коммерческой организацией – исполнителем по государственному контракту. Формально такие лица могут не занимать должностей в органах управления компанией, но фактически контролировать ее деятельность через доверенных лиц [10, с. 234].

Третья ситуация – «переходные» конфликты (трудоустройство бывших служащих). Особую озабоченность правоохранительных органов вызывают ситуации трудоустройства бывшего государственного служащего в организацию, которая ранее выступала подрядчиком по курировавшимся им контрактам. В результате бывший чиновник, обладающий инсайдерской информацией о процедурах закупок, особенностях приемки работ, контактах с лицами, принимающими решения, трудоустраивается в организацию-подрядчика и использует свои связи для лоббирования ее интересов при заключении новых контрактов по НП [15, с. 22].

Четвертая ситуация – конфликт интересов при осуществлении контрольно-надзорных функций. Ситуации, когда проверяющее лицо и представитель проверяемой организации связаны имущественными, дружескими или иными внеслужебными отношениями. В таких случаях проверка может проводиться необъективно, проверяющий может

использовать свои полномочия для оказания давления на проверяемого с целью получения личной выгоды [7, с. 195]. Предложенная классификация позволяет сделать вывод о многообразии форм конфликта интересов и необходимости дифференцированного подхода к оценке их коррупциогенного потенциала.

Переход от дисциплинарного проступка (неурегулированный конфликт интересов) к преступлению происходит в момент, когда должностное лицо совершает действие (бездействие) в пользу аффилированного лица, причиняя ущерб бюджетной системе либо извлекая имущественную выгоду. Анализ статистических данных, предоставленных Генеральной прокуратурой РФ и Судебным департаментом при Верховном Суде РФ за период 2024–2025 годов, позволяет сделать следующие выводы. В 2024 году выявлено 48,2 тыс. нарушений закона, зарегистрировано 1842 преступления, ущерб составил 1,3 млрд рублей. За первое полугодие 2025 года выявлено 42,3 тыс. нарушений, зарегистрировано 1856 преступлений, ущерб составил 1,9 млрд рублей [2, с. 5; 19, с. 12]. Как видно из представленных данных, наблюдается устойчивый рост числа выявляемых нарушений и регистрируемых преступлений в сфере реализации НП[10, с. 342].

Ключевая проблема квалификации преступлений, совершенных в условиях конфликта интересов, заключается в доказывании субъективной стороны – корыстной или иной личной заинтересованности как обязательного признака составов злоупотребления должностными полномочиями (статья 285 УК РФ) и служебного подлога (статья 292 УК РФ). Статья 285 УК РФ прямо предусматривает в качестве обязательного признака состава преступления совершение деяния из корыстной или иной личной заинтересованности. При этом понятие «иная личная заинтересованность» раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года № 19 как стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, протекционизм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса и т.п. [12].

Проведенный анализ приговоров по делам о преступлениях, совершенных в сфере реализации НП за 2020–2024 годы, показал следующее распределение мотивов: корыстная заинтересованность – 62,4%; иная личная заинтересованность (в том числе помощь родственникам, друзьям) – 21,2%; иные мотивы – 7,0%; мотив не установлен (судом констатирован факт деяния, но мотив не конкретизирован) – 9,4%. Это свидетельствует о серьезных проблемах в доказывании субъективной стороны [19, с. 8].

В уголовном законодательстве отсутствует специальный состав, предусматривающий ответственность именно за действия в условиях неурегулированного конфликта интересов, если они не подпадают под признаки мошенничества, присвоения, растраты, взяточничества или иных составов с формально определенными признаками. Это создает серьезный пробел, который активно используется недобросовестными должностными лицами. Действительно, если должностное лицо помогло фирме своего друга, не получив при этом денег (ни лично, ни через посредников), но впоследствии друг оказал ему услугу нематериального характера (например, устроил ребенка в престижную школу, помог в решении личных вопросов, обеспечил поддержку на выборах и т.п.), то доказать коррупционную связь в рамках действующего УК РФ практически невозможно. Более того, отсутствие специального состава порождает проблему разграничения уголовно наказуемого деяния и дисциплинарного проступка. В соответствии с Законом № 273-ФЗ, непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов является основанием для увольнения лица в связи с утратой доверия [11]. Так, по данным Генеральной прокуратуры, в 2025 году за утрату доверия в связи с неурегулированием конфликта интересов было уволено 1 562 государственных и муниципальных служащих, но лишь в 312 случаях (20%) материалы были переданы в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. При этом уголовные дела были возбуждены только по 89 фактам (5,7% от числа уволенных) [2, с. 18].

При реализации НП часто возникает конкуренция между общей нормой (злоупотребление полномочиями – статья 285 УК РФ) и специальными нормами (получение взятки – статья 290, служебный подлог – статья 292, халатность – статья 293 УК РФ). В ситуации, когда конфликт интересов сопряжен с фальсификацией отчетной документации по НП, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений. Рассмотрим типичную ситуацию. При реализации НП «Образование» выявляются факты поставки оборудования, не соответствующего техническим характеристикам. Если заказчик (директор школы) подписывает акты приемки, будучи в сговоре с поставщиком (мошенничество), – это статья 159 УК РФ. Однако если директор подписывает акты под влиянием родственных связей с руководителем фирмы-поставщика, но денег лично не получал, а просто «помогал» (полагая, что поставляемое оборудование в целом соответствует потребностям школы, хотя и не полностью соответствует техзаданию), состав мошенничества отсутствует (нет корыстного мотива у заказчика). В таком случае действия директора следует квалифицировать по статье 285 УК РФ (злоупотребление) или как халатность (статья 293 УК РФ), однако доказывание злоупотребления в суде требует убедительных доказательств наличия «личной заинтересованности» [19, с. 86]. А.В. Кудашкин отмечает, что суды часто идут по пути наименьшего сопротивления: «Если нет взятки – значит, нет и состава преступления, а есть дисциплинарный проступок (утрата доверия)» [8, с. 115]. Это приводит к тому, что чиновники, систематически лоббирующие интересы аффилированных структур в рамках НП, но формально не берущих взяток, избегают уголовной ответственности, отделываясь увольнением.

Для более глубокого понимания проблем квалификации рассмотрим пример из судебной практики). Приговором Советского районного суда г. Казани от 22.11.2023 по делу № 1–456/2023 руководитель государственного учреждения, реализующего мероприятия НП «Здравоохранение», был осужден по части 4 статьи 159 УК РФ. Первоначально его действия квалифицировались по статье 285 УК РФ (злоупотребление), однако в ходе судебного разбирательства было установлено, что он не просто действовал в условиях конфликта интересов (учреждение заключило контракт с фирмой его сына), но и лично участвовал в хищении бюджетных средств путем перечисления аванса за фактически невыполненные работы. Суд пришел к выводу, что умысел был направлен именно на хищение, а не на злоупотребление полномочиями [17].

На основе анализа приговоров и материалов отказных дел автором составлен криминологический портрет должностного лица, совершающего преступления в условиях конфликта интересов. Социально-демографические признаки: мужчины составляют 76,5%, женщины – 23,5%; возраст: 30–45 лет – 58,8%, 46–60 лет – 35,3%; высшее образование имеют 94,1%; занимаемые должности: руководители органов местного самоуправления – 41,2%, начальники отделов – 35,3%, руководители государственных учреждений – 23,5%. Нравственно-психологические признаки: мотивация: корыстная – 62,4%, помощь родственникам/знакомым – 21,2%, карьеризм – 7,0%; отношение к содеянному: признание вины частично – 58,8%, полное непризнание – 29,4%; наличие дисциплинарных взысканий ранее – 41,2%.

На основе полученных данных автором разработана криминологическая типология коррупционеров в сфере реализации НП. Первый тип – «семейственник» (35,3%) – действует в интересах близких родственников, как правило, без прямого получения взяток. Характеризуется устойчивыми родственными связями, высоким социальным статусом в регионе, убежденностью в том, что помощь родственникам – это норма поведения, не осознает общественной опасности своих действий. Второй тип – «корыстный аффилированный» (41,2%) – создает подконтрольные коммерческие структуры через подставных лиц, систематически извлекает доход, маскируя его под законные выплаты (дивиденды, заработную плату, премии). Действует продуманно, использует сложные схемы аффилированности, как правило, имеет юридическое или экономическое образование. Третий тип – «карьерист-протекционист» (11,8%) – оказывает услуги влиятельным лицам в обмен на поддержку в продвижении по службе, защиту от проверок, получение более высокой должности. Мотивация связана не с непосредственным получением материальной выгоды, а с карьерным ростом и укреплением своего положения в иерархии. Четвертый тип – «ситуативный» (11,7%) – совершает деяние под влиянием обстоятельств (просьбы, давление со стороны руководства или влиятельных лиц, сложная жизненная ситуация), не имея устойчивой коррупционной мотивации. Как правило, искренне раскаивается, активно способствует расследованию.

Криминологический анализ позволяет выделить следующие детерминанты конфликта интересов в сфере реализации НП. Объективные детерминанты: высокий объем бюджетного финансирования при сжатых сроках, что вынуждает должностных лиц принимать решения в условиях цейтнота, без должной проверки контрагентов; сложная межведомственная координация, порождающая неопределенность в распределении ответственности; наличие в нормативных актах коррупциогенных факторов (широта дискреционных полномочий, оценочные понятия, пробелы в регулировании); неэффективность ведомственного контроля, формальный характер проверок; низкая заработная плата отдельных категорий служащих, что создает соблазн использовать должность для получения дополнительного дохода. Субъективные детерминанты: правовой нигилизм, убежденность в безнаказанности, восприятие коррупции как «обычного дела»; традиции непотизма и клановости в регионах, особенно на Северном Кавказе и в других

регионах с сильными родственными связями; низкий уровень антикоррупционной культуры, отсутствие понимания того, что даже «безвозмездная» помощь родственникам является нарушением закона; деформация правосознания, восприятие должности как «кормушки» или средства для решения личных и семейных проблем [10, с. 73].

Как верно отмечает Н.Ю. Волосова, отсутствие в законе указания на нематериальную личную заинтересованность как признак конфликта интересов порождает высокую латентность [1, с. 74]. Потерпевшими выступают неопределенный круг лиц – общество в целом, бюджетная система, добросовестные участники рынка, которые не могут получить государственный заказ из-за аффилированности победителя торгов. Виктимологическая профилактика затруднена, так как потенциальные потерпевшие часто не осознают факта нарушения своих прав. Например, добросовестный подрядчик, проигравший аукцион, может не знать, что победитель аффилирован с заказчиком, и не обращаться с жалобой. Кроме того, сам факт аффилированности трудно доказуем, особенно если используются подставные лица и офшорные компании. Высокая латентность подтверждается и данными опроса правоприменителей: 78% опрошенных следователей и прокуроров указали, что сталкивались с ситуациями, когда признаки конфликта интересов были очевидны, но доказать корыстную заинтересованность не представлялось возможным, в связи с чем уголовные дела не возбуждались либо прекращались.

На основе проведенного анализа автор формулирует следующие предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Первое предложение – дополнение примечания к статье 285 УК РФ. В действующей редакции примечание к статье 285 УК РФ определяет лишь понятие должностного лица. Понятие корыстной и иной личной заинтересованности раскрывается только в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19, что снижает уровень правовой определенности. Предлагается дополнить примечание к статье 285 УК РФ пунктом 2 следующего содержания: «2. Под иной личной заинтересованностью в статьях 285, 285.3, 292 настоящего Кодекса понимается также заинтересованность, обусловленная наличием конфликта интересов, предусмотренного статьей 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», если должностное лицо сознавало наличие такого конфликта и не приняло предусмотренных законодательством о противодействии коррупции мер к его урегулированию, и это повлекло совершение действий (бездействие) в пользу лиц, с которыми у должностного лица имеется конфликт интересов». Обоснование: данное дополнение устанавливает прямую связь между административно-правовым институтом конфликта интересов и уголовно-правовым понятием личной заинтересованности; факт неуведомления о конфликте интересов (при доказанной осведомленности о нем) будет рассматриваться как одно из доказательств наличия личной заинтересованности; устраняется неопределенность в толковании «иной личной заинтересованности» [18, с. 34].

Второе предложение – введение квалифицирующего признака в статьи 285 и 290 УК РФ. Предлагается дополнить часть 2 статьи 285 и часть 3 статьи 290 УК РФ квалифицирующим признаком, учитывающим совершение преступления в условиях неурегулированного конфликта интересов. Статью 285 УК РФ дополнить пунктом «в» части 2: «в) в условиях неурегулированного конфликта интересов, если это повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». Статью 290 УК РФ дополнить пунктом «в» части 3: «в) в условиях неурегулированного конфликта интересов, сопряженного с аффилированностью должностного лица с взяткодателем (выгодоприобретателем)». Обоснование: это позволит дифференцировать ответственность с учетом повышенной общественной опасности таких деяний в сфере НП; стимулировать должностных лиц к своевременному урегулированию конфликтов интересов; создать дополнительный инструмент для правоприменителей при квалификации деяний, когда конфликт интересов очевиден, но иные признаки состава (например, корыстная заинтересованность) доказаны не в полной мере [7, с. 202].

Третье предложение – усиление ответственности за создание «фирм-прокладок». Предлагается дополнить статью 173.1 УК РФ (незаконное образование юридического лица) квалифицирующим признаком. Часть 2 статьи 173.1 УК РФ дополнить пунктом «в»: «в) с целью участия в закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, в том числе в рамках национальных проектов». Введение данного признака позволит привлекать к ответственности лиц, создающих фирмы-однодневки для участия в коррупционных схемах [15, с. 46].

Четвертое предложение – уточнение диспозиции статьи 292 УК РФ. Предлагается дополнить статью 292 УК РФ квалифицирующим признаком. Часть 2 статьи 292 УК РФ дополнить пунктом «в»: «в) в условиях конфликта интересов, предусмотренного статьей 10 Федерального закона «О противодействии коррупции»». Обоснование: служебные подлоги при приемке работ по НП часто совершаются под влиянием родственных связей с подрядчиками. Выделение этого признака позволит более эффективно бороться с такими деяниями и правильно квалифицировать содеянное [19, с. 86].

Необходимо принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного вопросам квалификации преступлений, совершаемых в условиях конфликта интересов. В таком постановлении следует разъяснить следующие вопросы. Первое – понятие личной заинтересованности в контексте родственных, дружеских, корпоративных связей, а также связей, основанных на служебной или иной зависимости. Следует указать, что личная заинтересованность может быть связана не только с получением имущественной выгоды самим должностным лицом, но и с получением такой выгоды его близкими родственниками, свойственниками, а также лицами, с которыми должностное лицо связано финансовыми или иными обязательствами [12]. Второе – порядок отграничения дисциплинарного проступка (несоблюдение требований о предотвращении конфликта интересов) от уголовно наказуемого деяния. Критериями такого отграничения могут служить: наличие или отсутствие последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов; размер причиненного ущерба; систематичность действий в условиях конфликта интересов; наличие сговора с аффилированными лицами. Третье – критерии оценки ущерба, причиненного действиями в условиях конфликта интересов. Следует разъяснить, что ущерб может выражаться не только в прямых убытках бюджета (переплата за товары, работы, услуги), но и в упущенной выгоде (неполученные бюджетом доходы), а также в нематериальном вреде (подрыв авторитета государственной власти, нарушение принципов конкуренции, создание неравных условий для участников рынка) [2, с. 112].

Как верно отмечает Р. Закомолдин, эффективность противодействия преступности в сфере НП требует не только совершенствования УК, но и системной работы на уровне прокурорского надзора и ведомственного контроля [3, с. 2]. В этой связи представляются целесообразными следующие меры.

Первая мера – цифровизация контроля за аффилированностью. Необходимо внедрение автоматизированных систем контроля за аффилированностью участников закупок на базе Единой информационной системы в сфере закупок (ЕИС) с использованием технологий искусственного интеллекта для выявления скрытых связей между должностными лицами заказчиков и участниками закупок. Такие системы должны анализировать открытые данные (ЕГРЮЛ, реестры дисквалифицированных лиц, базы данных судебных решений, социальные сети) и сигнализировать о потенциальных конфликтах интересов до момента заключения контракта. В ряде регионов уже внедряются пилотные проекты таких систем (например, в Республике Татарстан, в Московской области), и их опыт следует распространить на федеральный уровень [13, с. 78].

Вторая мера – обязательное рассмотрение материалов о конфликте интересов на межведомственных рабочих группах. Целесообразно закрепить обязательное рассмотрение материалов о выявленном (в том числе в ходе прокурорских проверок) конфликте интересов на межведомственных рабочих группах с участием представителей ФСБ, МВД, Следственного комитета и прокуратуры до момента заключения контракта либо до момента принятия иного значимого решения. Это позволит своевременно пресекать коррупционные схемы, не доводя дело до уголовного преследования.

Третья мера – усиление антикоррупционной экспертизы ведомственных актов. Следует усилить процедуры антикоррупционной экспертизы ведомственных актов, регулирующих распределение средств по НП, с целью исключения «широты дискреционных полномочий», неопределенных формулировок и иных коррупциогенных факторов. Целесообразно ввести обязательную независимую антикоррупционную экспертизу таких актов с участием представителей научного сообщества и институтов гражданского общества [15, с. 59].

Четвертая мера – повышение квалификации правоприменителей. Необходимо организовать систематическое обучение сотрудников следственных органов, прокуроров и судей по вопросам выявления, расследования и судебного рассмотрения дел о преступлениях, совершаемых в условиях конфликта интересов, с акцентом на специфику реализации НП. Особое внимание следует уделить методике доказывания субъективной стороны и использования косвенных доказательств.

Пятая мера – стимулирование сообщений о конфликте интересов. Целесообразно рассмотреть вопрос о введении мер поощрения (в том числе материального) для государственных и муниципальных служащих, своевременно сообщивших о возникшем конфликте интересов и принявших меры к его урегулированию. Это позволит сформировать

позитивную практику предотвращения конфликтов, а не их сокрытия [20, с. 42].

Шестая мера – антикоррупционное просвещение. Как обоснованно указывает Н.Ю. Волосова, необходимо расширение антикоррупционного просвещения, формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, разъяснение последствий конфликта интересов. Особое внимание следует уделять разъяснению того, что даже «безвозмездная» помощь родственникам и знакомым с использованием служебного положения является нарушением закона и может повлечь серьезные последствия [1, с. 75].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы и предложения.

Конфликт интересов представляет собой системный коррупциогенный фактор, приобретающий критическое значение при реализации национальных проектов в силу масштабного финансирования, сжатых сроков и высокой социальной значимости. Наиболее обоснованным является синтетический подход, рассматривающий конфликт интересов как условие, облегчающее совершение коррупционных преступлений. В сфере реализации национальных проектов выделены типичные ситуации конфликта интересов: родственный подряд, аффилированность через коммерческие структуры, трудоустройство бывших служащих, конфликт при осуществлении контрольно-надзорных функций и корпоративный конфликт. Разработан криминологический портрет коррупционера – мужчина 30–45 лет с высшим образованием, занимающий руководящую должность, с корыстной мотивацией либо мотивацией помощи родственникам. Выявлены четыре типа: «семейственник», «корыстный аффилированный», «карьерист-протекционист» и «ситуативный», а также объективные и субъективные детерминанты таких деяний.

Уголовно-правовая оценка деяний в условиях конфликта интересов сталкивается с проблемами доказывания субъективной стороны, отсутствием специальных составов преступлений и конкуренцией уголовно-правовых норм, что приводит к необоснованному смягчению квалификации: лишь 5,7% уволенных в связи с утратой доверия привлекаются к уголовной ответственности. Для решения этих проблем предлагается комплекс мер: дополнить примечание к статье 285 УК РФ определением иной личной заинтересованности через отсылку к конфликту интересов; ввести квалифицирующие признаки в статьи 285, 290 и 292 УК РФ; усилить ответственность за создание фирм-прокладок (статья 173.1 УК РФ). В правоприменительной практике необходимо принятие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и методических рекомендаций. В организационно-управленческой сфере требуется внедрение автоматизированных систем контроля аффилированности, межведомственное взаимодействие, усиление антикоррупционной экспертизы и просвещения.

Литература

1. Волосова Н.Ю. Взяточничество: современные проблемы предупреждения / Н.Ю. Волосова // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 72–77.

2. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 27 апреля 2023 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. – 2023. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/representation/reports?item=85969950 (дата обращения: 10.03.2026).

3. Закомолдин Р. Дыра в кармане государства. Реализация нацпроектов нередко сопровождается нарушениями / Санкт-Петербургские ведомости. – 2024. – 11 декабря. – С. 2.

4. Идрисов Н.Т. Проблемы доказывания субъективной стороны при квалификации злоупотребления должностными полномочиями / Российский следователь. – 2022. – № 8. – С. 23–27.

5. Кабанов П.А. Латентные детерминанты коррупции в системе государственного управления / Административное и муниципальное право. – 2023. – № 2. – С. 45–56.

6. Ким Е.П. Конфликт интересов на службе как основа коррупционного преступления (криминологический аспект)/ Российский следователь. – 2013. – № 10. – С. 33–37.

7. Комментарий к Федеральному закону «О противодействии коррупции» / под редакцией С.Ю. Наумова. – Москва: Юстицинформ, 2021. – 320 с.

8. Кудашкин А.В. Институт конфликта интересов как мера предупреждения коррупции: проблемы правоприменения/ Журнал российского права. – 2022. – № 6. – С. 112–124.

9. Левакин И.В. Генезис коррупционного преступления: от конфликта интересов к уголовно наказуемому деянию / Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 87–95.

10. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 томах / В.В. Лунеев. – Москва: Юрайт, 2018. – Т. 1. – 864 с.

11. О противодействии коррупции: Федеральный закон № 273-ФЗ: принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года: одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года: последняя редакция от 8 августа 2024 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

12. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 года: последняя редакция от 11 июня 2019 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 12.

13. Окусова С.А. Конфликт общих и приватных интересов должностного лица публично-государственных и правоохранительных структур как основа коррупциологии / Российский следователь. – 2013. – № 10. – С. 33–38.

14. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 15 марта 2024 г. по делу № 1–123/2024 // Архив Ленинского районного суда г. Новосибирска. – 2024.

15. Приговор Советского районного суда г. Казани от 22 ноября 2023 г. по делу № 1–456/2023 // Архив Советского районного суда г. Казани. – 2023.

16. Сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020–2024 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.03.2026).

17. Хорошунов Е.В. [Название статьи] // [Журнал]. – [Год]. – № . – С. 36. (Библиографические данные уточняются)

18. Яни П.С. Актуальные проблемы квалификации должностных преступлений / П.С. Яни. – Москва: Проспект, 2023. – 240 с.

PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR CORRUPTION CRIMES IN THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS

Radzhabov Sh.R.
Dagestan State University

Objective of the study: To develop a theoretical and applied model for the criminal-legal assessment of conflicts of interest as a systemic corruption-causing factor destructively affecting the implementation of national projects, and to formulate, on this basis, scientifically substantiated proposals for improving criminal legislation and law enforcement practice. Results: Doctrinal gaps in the understanding of the relationship between conflicts of interest and the categories of «personal interest» and «corrupt behavior» were identified; It has been proven that the lack of specific criminal offences and the vagueness of the concept of «other personal interest» lead to latency and unjustified mitigation of qualifications. A methodology for distinguishing disciplinary offences from criminal offences has been developed. Specific amendments to Articles 285 and 290 of the Criminal Code of the Russian Federation, with precise wording of the relevant provisions, have been formulated. The scientific novelty lies in the justification for introducing qualifying features into the criminal law that take into account non-material interest through direct reference to anti-corruption legislation, as well as in the development of a criminological typology of the personality of a corrupt official in the area under study. Practical significance: the conclusions and proposals can be used in legislative activity, in the preparation of clarifications for the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and in the work of law enforcement agencies.

Keywords: conflict of interest, corruption factor, national projects, criminal-legal assessment, qualification of crimes, criminological characteristics, personal interest, abuse of office, bribery, latency.

References

1. Volosova N. Yu. Bribery: Modern Problems of Prevention / N. Yu. Volosova // Gaps in Russian Legislation. – 2024. – Vol. 17, № 5. – Pp. 72–77.

2. Report of the Prosecutor General of the Russian Federation at the meeting of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on April 27, 2023 // Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official website. – 2023. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/representation/reports?item=85969950 (date of access: 10.03.2026).

3. Zakomoldin R. A Hole in the State's Pocket. The Implementation of National Projects Is Often Accompanied by Violations / Sankt-Peterburgskie Vedomosti. – 2024. – December 11. – P. 2.

4. Idrisov N.T. Problems of Proving the Subjective Side in Qualifying Abuse of Powers / Russian Investigator. – 2022. – № 8. – P. 23–27.

5. Kabanov P.A. Latent Determinants of Corruption in the Public Administration System / Administrative and Municipal Law. – 2023. – № 2. – P. 45–56.

6. Kim E.P. Conflict of Interest in the Service as the Basis of a Corruption Crime (Criminological Aspect) / Russian Investigator. – 2013. – № 10. – P. 33–37.

7. Commentary on the Federal Law «On Combating Corruption» / edited by S. Yu. Naumov. – Moscow: Yustitsinform, 2021. – 320 p.

8. Kudashkin A.V. The Institute of Conflict of Interest as a Measure to Prevent Corruption: Problems of Law Enforcement / Journal of Russian Law. – 2022. – № 6. – Pp. 112–124.

9. Levakin I.V. The Genesis of a Corruption Crime: From a Conflict of Interest to a Criminal Act / State and Law. – 2023. – № 4. – Pp. 87–95.

10. Luneev V.V. Course in World and Russian Criminology: in 2 volumes / V.V. Luneev. – Moscow: Yurait, 2018. – Vol. 1. – 864 p.

11. On Combating Corruption: Federal Law № 273-FZ: adopted by the State Duma on December 19, 2008: approved by the Federation Council on December 22, 2008: latest version as of August 8, 2024 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2008. – № 52 (Part 1). – Art. 6228.

12. On Judicial Practice in Cases of Abuse of Official Powers and Exceeding Official Powers: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 19 of October 16, 2009: latest version as of June 11, 2019 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2009. – № 12.

13. Popov K.I. Corruption-generating factors in regulatory legal acts: concept, types, significance for criminal law / Russian justice. – 2024. – № 1. – Pp. 54–60.

14. Verdict of the Sovetsky District Court of Kazan dated November 22, 2023, in case № 1–456/2023 // Archive of the Sovetsky District Court of Kazan. – 2023.

15. Application of anti-corruption legislation in terms of the concept of «conflict of interest» / edited by S.A. Belov, N.M. Kropachev // Monitoring of law enforcement 2022–2023: works of experts from St. Petersburg State University. – St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2023. – pp. 169–181.

16. Information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2020–2024 // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: official website. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (date accessed: 10.03.2026).

17. Khoroshunov E.V. [Article Title] // [Journal]. – [Year]. – № – P. 36. (Bibliographic data is being updated)

18. Yani P.S. Actual Problems of Qualification of Official Crimes / P.S. Yani. – Moscow: Prospect, 2023. – 240 p.

Современные тенденции в сфере экономических преступлений и особенности судебной практики

Раянова Эльвира Талгатовна,
доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры Теории и истории государства и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова»
E-mail: ilvirat@mail.ru.

Беседина Валентина Алексеевна,
доцент, кандидат юридических наук, профессор кафедры Теории и истории государства и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова»
E-mail: valya_jur@mail.ru

Экономическая преступность в России представляет собой сложное многоаспектное явление, которое эволюционирует вместе с развитием экономических отношений и технологий. Современные тенденции свидетельствуют о росте ущерба от таких преступлений, их цифровизации, трансграничном характере и усложнении преступных схем. Противодействие экономической преступности требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, повышение эффективности правоприменительной практики, улучшение координации между контролирующими и правоохранительными органами, а также формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправным способам обогащения. В статье рассмотрены и проанализированы основные характеристики экономической преступности, особое внимание уделено такому виду экономического преступления, как мошенничество, в частности, телефонному. Авторы выделили актуальные аспекты судебной практики по экономическим преступлениям в 2025–2026 годах и внесли ряд предложений для эффективной борьбы с экономической преступностью.

Ключевые слова: экономические преступления, уголовная ответственность, мошенничество, цифровизация, жертва, криминализация, законодательство, судебный процесс.

В российском уголовном законодательстве отсутствует легальное определение понятия «экономическое преступление». Уголовный кодекс РФ оперирует категориями «преступления в сфере экономики» (раздел VIII УК РФ) и «преступления в сфере экономической деятельности» (глава 22 УК РФ) [6]. Соответственно, закон содержит немало положений, регулирующих данный вид преступлений. Только в рамках главы 22 УК РФ предусмотрено более 50 составов преступлений, которые учитывают ответственность за экономические преступления [1].

Однако в научной доктрине сформировалось несколько подходов к определению этого явления.

С криминологической точки зрения, экономическая преступность представляет собой совокупность корыстных преступлений, совершаемых в сфере экономики лицами в процессе их профессиональной деятельности или в связи с этой деятельностью и посягающих на собственность и другие интересы потребителей, партнеров, конкурентов и государства, а также на порядок управления экономикой в различных отраслях хозяйства.

Наиболее подробно проблему уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности рассмотрели Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов, выделившие три вида преступлений против экономики: иные государственные преступления, посягающие на экономические интересы нации, преступления против собственности, хозяйственные преступления [4].

Более лаконичное определение предлагает А.Ю. Чупрова: экономическая преступность – это совокупность корыстных преступлений, посягающих на экономическую систему государства, которые детерминированы общесоциальными и специфическими факторами (социально-экономическими, политическими, организационно-управленческими и др.) [5].

В настоящее время экономическая преступность – это высокотехнологичная, транснациональная и быстро эволюционирующая угроза [3]. Ее основные характеристики разнообразны (таблица 1.).

Таблица 1. Характерные черты экономической преступности

1.	Цифровизация и киберпреступность	преступления переместились в онлайн-среду, что обеспечило анонимность, масштаб и скорость. Появились новые формы: криптовалютные схемы, фишинг, атаки на критические инфраструктуры
2.	Глобализация	преступные схемы легко пересекают границы, используя офшоры, международные банковские системы и различия в законодательствах стран, что затрудняет расследование
3.	Высокая латентность	жертвы часто не заявляют из-за репутационных рисков, неверия в результат, либо сами не сразу обнаруживают преступление
4.	Конвергенция организованной преступности и терроризма	экономические преступления стали основным источником финансирования для организованных групп и экстремистских организаций
5.	Сложность доказательной базы	требуется высокая квалификация следователей, экономическая экспертиза, работа с большими данными, электронными следами
6.	Коррупционная составляющая	Многие масштабные экономические преступления невозможны без сговора с чиновниками или сотрудниками контролирующих органов

Одним из самых распространенных видов экономических преступлений является мошенничество, которое характеризуется относительно низкими «затратами» для преступника, высоким потенциалом прибыли, постоянно появляющимися новыми возможностями (технологии, новые финансовые инструменты). Особенно болезненно для общества – телефонное мошенничество. Мошенники из числа телефонных («телефонные мошенники») действуют по отработанным схемам, часто в колл-центрах, например: «родственник в беде» – звонок от «внука» или «полиции» с просьбой о срочном денежном залоге/штрафе, «сотрудник банка/службы безопасности» – сообщение о блокировке карты, «подозрительной операции», требование назвать CVV-код, PIN, пароль из SMS или просьба «перевести деньги на защитный счет» либо «ложная выгода» – сообщение о выигрыше, на-

следстве, компенсации, для получения которых нужно оплатить «комиссию» и др.

В современных реалиях существуют и различные типы жертв экономических преступлений – это жертвы: по неосведомленности/доверчивости, по жадности/азарту, по беспечности, под давлением/из-за страха, внутренние жертвы (сотрудники).

Разберём на конкретных примерах из судебной практики РФ.

Ситуация с квартирой Ларисы Долиной, ставшая известной в 2024–2025 годах, превратилась не просто в громкий судебный спор между певицей и покупательницей ее жилья, но и породила устойчивое понятие – «схема Долиной» (или «бабушкина схема»). Это явление вскрыло серьезную проблему на рынке вторичной недвижимости России, когда добросовестные покупатели рискуют остаться и без жилья, и без денег [7].

В основе «схемы Долиной» лежит использование уязвимости продавцов перед телефонными мошенниками. Злоумышленники, представляясь сотрудниками спецслужб (ФСБ, Росфинмониторинга) или правоохранительных органов, входят в доверие к жертве и убеждают ее, что ее недвижимость находится под угрозой.

Классическая легенда выглядит так: на имя жертвы мошенники уже оформили кредит под залог квартиры, и чтобы спасти жилье и помочь в «спецоперации» по поимке преступников, необходимо срочно продать недвижимость, а вырученные деньги перевести на «безопасные счета». Жертва, находясь под мощным психологическим давлением, выполняет все инструкции: находит покупателя (часто через указанных мошенниками риелторов), продает квартиру (иногда по цене ниже рыночной) и передает все средства курьерам или переводит на подконтрольные счета.

После того как обман вскрывается, бывший владелец подает в суд с требованием признать сделку недействительной. Юридическим основанием для этого становится статья 178 ГК РФ (сделка, совершенная под влиянием существенного заблуждения) или статья 177 ГК РФ (неспособность гражданина понимать значение своих действий в момент совершения сделки) [2]. Покупатель, который часто является добросовестным и не знал о преступной схеме, оказывается втянутым в судебный процесс.

История самой Ларисы Долиной стала отправной точкой для широкого обсуждения проблемы и наглядно продемонстрировала все риски. Хронология событий:

Апрель-июль 2024: Мошенники, представляясь сотрудниками спецслужб, связались с Долиной. Они убедили ее, что ее сбережения и квартира в опасности, и что для их спасения она должна участвовать в «спецоперации». Певица строго следовала указаниям: продала свою пятикомнатную квартиру в Хамовниках (площадью 236 кв. м) за 112 млн рублей (ниже рыночной стоимости) Полине Лурье, а все вырученные деньги, а также свои сбережения (общая сумма ущерба оценивается в 317,6 млн руб.) передала мошенникам.

Август 2024: Поняв, что стала жертвой обмана, Долина обратилась в полицию. Было возбуждено уголовное дело о мошенничестве в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159 УК РФ). Позже курьер, забравший деньги, и другие участники группы (так называемые дропперы) были задержаны и осуждены.

Март 2025: Хамовнический суд Москвы удовлетворил иск Долиной, признав сделку купли-продажи недействительной. Суд основывался на том, что в момент продажи певица была неспособна понимать значение своих действий, находясь под влиянием мошенников. Квартира была возвращена Долиной. Однако самое важное и спорное решение суда – отказ в двусторонней реституции. Покупательница Полина Лурье лишилась и квартиры, и денег (112 млн руб.), так как суд счел, что свои средства она должна взыскивать с осужденных мошенников, а не с Долиной.

Осень 2025: Это решение было последовательно подтверждено Мосгорсудом и кассационным судом. Параллельно в СМИ и профессиональном сообществе началось активное обсуждение прецедента, который получил название «схема Долиной».

16 декабря 2025: Верховный суд РФ рассмотрел жалобу Полины Лурье и отменил решения нижестоящих инстанций. Дело было направлено на новое рассмотрение в апелляцию. Судьи ВС РФ указали на необходимость тщательного исследования доводов о добросовестности покупателя и возможности применения реституции.

Конец 2025 – начало 2026: После решения Верховного суда квартира была возвращена Полине Лурье. Лариса Долина освободила жилье. Однако проблема не была исчерпана этим решением.

Правовая коллизия и последствия для рынка

«Схема Долиной» обнажила острейший конфликт между защитой прав жертв мошенничества и защитой прав добросовестных приобретателей.

1. Проблема покупателя: покупатель (как Полина Лурье) проверяет юридическую чистоту сделки, документы продавца, часто берет ипотеку. Он не может знать, что происходит в голове у продавца. В результате признания сделки недействительной, он может:

Лишиться и квартиры, и денег (как в первой инстанции дела Долиной).

Остаться с ипотечным кредитом, который нужно выплачивать за несуществующее жилье.

Получить право требовать деньги обратно, но столкнуться с невозможностью взыскания (например, если у продавца нет другого имущества или деньги уже ушли мошенникам).

Судебная практика по таким делам неоднородна. По данным исследования, из 349 похожих дел за 2023–2025 годы, лишь в 8% случаев (29 дел) суды принимали решение, аналогичное первоначальному решению по делу Долиной (возврат квартиры без возврата денег). В 59% дел побеждали покупатели, а в 33% – суд применял реституцию.

2. Проблема продавца: жертва мошенников теряет все свои сбережения и единственное (или не единственное) жилье. Ее уязвимость и неспособность понимать происходящее используется преступниками.

3. Реакция рынка и законодателей: ситуация вызвала широкий общественный резонанс и тревогу на рынке недвижимости. Риски при покупке вторичного жилья резко возросли. В декабре 2025 года в Госдуме была создана рабочая группа для поиска правовых механизмов защиты участников таких сделок.

Исходя из анализа дела Долиной и других похожих историй, можно выделить ключевые индикаторы, которые могут сигнализировать о потенциальной проблеме при покупке квартиры:

Продажа по цене значительно ниже рыночной. В деле Долиной это был один из аргументов ее адвокатов о том, что покупателя должна была насторожить такая цена.

Требование продавца о расчете наличными (иногда крупными суммами, «чемоданами денег»), даже если он является VIP-клиентом банка и мог бы провести безналичный расчет. В деле Долиной певица настаивала именно на наличных.

Необычное поведение продавца. Хотя в деле Долиной покупательница и суд отмечали адекватность певицы при личных встречах, в некоторых случаях поведение может казаться странным, отстраненным или слишком нервозным.

Спешка в проведении сделки и нежелание продавца идти на стандартные процедуры (например, получение дополнительных справок).

Напрашивается вывод, что схема Долиной – это не новый вид мошенничества, а скорее новое юридическое осмысление старых проблем (телефонное мошенничество и уязвимость граждан) в контексте рынка недвижимости. Дело певицы стало катализатором, который заставил общество, суды и законодателей искать баланс между защитой жертв преступлений и правами людей, которые просто хотели купить квартиру. На данный момент единого решения не найдено, и каждый подобный случай остается «серой зоной», где окончательный вердикт зависит от множества факторов и усмотрения суда. Единственным надежным способом защиты для покупателей остается предельная осмотрительность, тщательная проверка не только документов, но и самой ситуации, а также, возможно, ожидание законодательных изменений [8].

Судебная практика по экономическим преступлениям в 2025–2026 годах характеризуется следующими основными тенденциями:

1. Гуманизация – снижение общего числа осужденных и ограничение применения заключения под стражу.

2. Расширение процессуальных гарантий – разъяснения Пленума ВС РФ, затрудняющие необоснованное уголовное преследование предпринимателей.

3. Криминализация новых деяний – введение ответственности за дропперство и оборот электронных средств платежа.

4. Усиление репрессии в коррупционной сфере – рекордный рост выявления взяточничества.

5. Повышение штрафов – законодательная тенденция к увеличению имущественных санкций.

6. Усложнение доказывания – активное использование финансовых и экономических экспертиз.

Для эффективной борьбы с экономической преступностью и мошенничеством в современных условиях государству необходим комплексный подход, сочетающий правоохранительные, экономические, технологические и социальные меры. На основе анализа текущей ситуации и лучших мировых практик можно выделить следующие направления.

1. Совершенствование законодательства и правоприменения:

– гармонизация и стабилизация законодательства;

– дифференциация ответственности;
– совершенствование процессуальных механизмов.

2. Технологическая модернизация контроля и надзора:
– цифровизация финансового мониторинга;
– развитие компетенций для расследования киберпреступлений.

3. Экономические и социальные меры профилактики:
– снижение мотивации к уходу в «тень»;
– борьба с вывозом капитала;
– повышение финансовой и правовой грамотности населения.

4. Устранение коррупционных рисков. Коррупция в контролирующих и правоохранительных органах является ключевым фактором, позволяющим экономической преступности существовать безнаказанно. Меры включают:
– ротацию кадров и усиление внутреннего контроля;
– внедрение прозрачных процедур принятия решений (например, автоматизированное распределение дел между следователями);
– создание независимых механизмов расследования жалоб на действия правоохранителей.

5. Реагирование на новые вызовы (цифровая среда)

Отдельного внимания требует регулирование новых сфер, таких, например, как криптовалюта. Вместо полного запрета, что часто неэффективно, государство должно создавать правовые рамки для легального оборота цифровых активов, обязывая участников рынка соблюдать правила «знай своего клиента» и сообщать о подозрительных операциях.

Эффективная стратегия борьбы с экономической преступностью – это баланс «кнута и пряника». Ужесточение наказания для организаторов и профессионалов преступного мира должно сочетаться с созданием комфортных условий для честного бизнеса и защитой граждан от мошенничества. Ключевыми факторами успеха являются не только новые законы, но и технологическое перевооружение правоохранительной системы, а также формирование в обществе атмосферы нетерпимости к любым формам нечестного обогащения.

Необходимы всеобщая экономическая, правовая, психологическая грамотность населения, соответствующие дисциплины в вузах и колледжах для обучения противостоянию экономической преступности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.02.2026)

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.06.2026)

3. Антонов, В.Ф. Экономические преступления: учебник для вузов / В.Ф. Антонов. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 225 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-08694-2. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/590271 (дата обращения: 10.02.2026)

4. Монография «Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики» – Москва: «ЮрИнфоР», 1996.

5. Понятие экономической преступности в законе и на практике: сравнительно-правовой аспект / Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2013.

6. Раянова Э.Т., Афонин А.Н. Преступления в сфере экономики: спорные вопросы судебной практики/ Сборник научных статей национальной научно-практической конференции профессорско– преподавательского состава ФГБОУ ВО «ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова», 2022. С. 126–133.

7. Как мошенники обманули Ларису Долину и почему суд не вернул ей квартиру – URL: https://realty.rbc.ru/news/693a81b89a7947501aa843b5?from=copy (дата обращения: 10.02.2026)

8. «Эффект Долиной»: в чем его суть, как работает мошенническая схема и что случилось с Полиной Лурье – URL: https://www.vesti.ru/article/4829501(дата обращения: 10.02.2026)

CURRENT TRENDS IN ECONOMIC CRIMES AND FEATURES OF JUDICIAL PRACTICE

Rayanova E.T., Besedina V.A.
Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

Economic crime in Russia is a complex and multifaceted phenomenon that evolves alongside the development of economic relations and technologies. Current trends indicate an increase in the damage caused by such crimes, their digitalization, their cross-border nature, and the complexity of criminal schemes. Combating economic crime requires a comprehensive approach that includes improving legislation, enhancing law enforcement practices, improving coordination between regulatory and law enforcement agencies, and fostering a culture of intolerance towards illegal means of enrichment in society. The article examines and analyzes the main characteristics of economic crime, with a particular focus on the type of economic crime known as fraud, particularly telephone fraud. The authors highlight the current aspects of judicial practice regarding economic crimes in 2025–2026 and provide a number of suggestions for effective fight against economic crime.

Keywords: economic crimes, criminal liability, fraud, digitalization, victim, criminalization, legislation, and judicial process.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed on February 10, 2026)

2. Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994 N 51-FZ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 10.06.2026)

3. Antonov, V.F. Economic Crimes: Textbook for Universities / V.F. Antonov. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. – 225 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-08694-2. – Text: electronic // Educational platform Urait [website]. – URL: https://urait.ru/bcode/590271 (accessed: 10.02.2026)

4. Monograph “Criminal Liability for Economic Crimes” – Moscow: “YurInfoR”, 1996.

5. The Concept of Economic Crime in Law and Practice: A Comparative Legal Aspect / Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013.

6. Rayanova E.T., Afonin A.N. Crimes in the sphere of economics: controversial issues of judicial practice/ Collection of scientific articles of the national scientific and practical conference of the faculty of the Admiral S.O. Makarov GUMRF, 2022. Pp. 126–133.

7. How fraudsters deceived Larisa Dolina and why the court did not return Her apartment is the URL: https://realty.rbc.ru/news/693a81b89a7947501aa843b5? from=copy (date of access: 10.02.2026)

8. “The Dolina Effect”: What is it, how does the fraudulent scheme work, and what happened to Polina Lurie – URL: https://www.vesti.ru/article/4829501 (date of access: 10.02.2026)

Проблемы реализация права адвоката на получение сведений по адвокатскому запросу

Решетников Владимир Михайлович,
аспирант ЧОУ ВО «Юридический институт», адвокат Адвокатской коллегии Санкт-Петербурга «Вертикаль» Адвокатской палаты Ленинградской области,
E-mail: ucivile@yandex.ru

Статья посвящена исследованию реализации права на квалифицированную юридическую помощь и активного участия адвоката в сборе доказательств в уголовном и административном судопроизводстве. Анализируются законодательные нормы, включая Конституцию РФ, Федеральный закон № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», УПК РФ и КоАП РФ, а также судебная практика и научные исследования. Эмпирическая часть базируется на опросе 1154 адвокатов и анализе 371 адвокатского запроса, направленного автором статьи в 2024–2025 гг. Выявлены ключевые проблемы: несвоевременное предоставление информации, формальные отказы, ограниченная ответственность должностных лиц и отсутствие уголовной ответственности за неоднократное игнорирование запросов. Показано, что действующие меры не обеспечивают равенство сторон и эффективность профессиональных действий адвоката, что противоречит принципам состязательности. Автор предлагает совершенствование нормативной базы: уточнение сроков ответа, расширение ответственности за отказ, введение дифференцированных санкций в зависимости от обстоятельств, включая возможность лишения свободы при злоупотреблениях служебным положением или применении насилия. Работа направлена на повышение эффективности адвокатской деятельности, защиту прав доверителей и обеспечение баланса между интересами правосудия и профессиональными гарантиями адвоката.

Ключевые слова: адвокатский запрос, квалифицированная юридическая помощь, сбор доказательств, реализация прав адвоката, состязательность процесса, ответственность должностных лиц.

Введение

Право на квалифицированную юридическую помощь и возможность адвоката активно участвовать в сборе доказательств являются важнейшими элементами реализации прав и свобод граждан в уголовном и административном судопроизводстве. Несмотря на законодательное закрепление полномочий адвокатов в Законе об адвокатской деятельности и принцип состязательности, практика показывает значительные трудности в реализации адвокатских запросов, включая несвоевременное предоставление сведений, формальные отказы и недостаточную ответственность за нарушение прав адвоката. Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования нормативной базы для обеспечения равенства сторон в процессе и эффективного исполнения профессиональных обязанностей адвоката.

Право на квалифицированную юридическую помощь и возможность адвоката активно участвовать в сборе доказательств являются важнейшими элементами реализации прав и свобод граждан в уголовном и административном судопроизводстве. Несмотря на законодательное закрепление полномочий адвокатов в Законе об адвокатской деятельности и принцип состязательности, практика показывает значительные трудности в реализации адвокатских запросов, включая несвоевременное предоставление сведений, формальные отказы и недостаточную ответственность за нарушение прав адвоката. Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования нормативной базы для обеспечения равенства сторон в процессе и эффективного исполнения профессиональных обязанностей адвоката.

Материалы и методы исследования

В исследовании использованы конституционные нормы (статьи 18, 48, 123 Конституции РФ), федеральные законы, включая Закон об адвокатской деятельности № 63-ФЗ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, КоАП РФ и иные процессуальные кодексы, а также научные труды и диссертации по уголовно-процессуальной науке. Эмпирическая часть исследования основана на анкетировании 1154 адвокатов РФ, проведённом ФПА в январе–марте 2025 года, а также на анализе практики направления 371 адвокатского запроса автором статьи в 2024–2025 годах. Методологически применялись сравнительно-правовой анализ, контент-анализ судебной практики и эмпирический статистический метод для оценки проблем реализации полномочий адвоката.

Права и свободы человека и гражданина обладают непосредственной юридической силой и формируют основу для содержания, толкования и применения нормативных актов, регулирующих деятельность законодательных органов, исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также обеспечиваются судебной системой [8]. В частности, каждому гражданину гарантируется возможность получения квалифицированной юридической помощи, включая услуги адвоката и консультанта в сфере права [8, ч. 1 ст. 48].

Декларируемые положения Конституции отражают принципы судебной реформы начала 1990-х годов. Уже тогда отмечалось, что полноценная и независимая правовая поддержка населения невозможна без расширения организационных и правовых возможностей адвокатуры, выведенной из-под прямого контроля государственных органов, с обеспечением автономии и высокого статуса ее деятельности. Развитие адвокатуры рассматривалось как индикатор состояния демократии в обществе и показатель уровня защиты прав человека [5, п. 8].

С принятием федерального акта, регулирующего деятельность адвокатов, резко возрос интерес научного сообщества к вопросам реализации их полномочий по сбору доказательств в уголовном процессе. Множество исследований, включая диссертационные работы, посвящены этой теме: В.В. Ясельская [26, с. 163], А.В. Гриненко [6, с. 471], И.А. Пикалов [19, с. 27], Е.Э. Макушкин [11, с. 27], М.Х. Битокова [4, с. 22], А.Е. Налунина [15, с. 12–125], В.В. Слепов, Р.А. Шарапов, О.С. Скачков [21, с. 151–153], А.С. Марьин [13, с. 336–338], А.А. Басакин [3, с. 225–227], С.В. Заика [7, с. 11–21], О.В. Отчерцова [17, с. 29], И.Е. Милова [14, с. 170], М.В. Ходилина [24, с. 21] и другие.

В частности, А.Е. Налунина, анализируя проблемы получения информации по адвокатскому запросу, приходит к выводу, что при действующем законодательстве реализация права адвоката на сбор сведений в ряде случаев фактически невозможна [15, с. 12–125].

Исследователи В.В. Слепов, Р.А. Шарапов и О.С. Скачков при анализе института адвокатского запроса подчеркивают, что существующие меры юридической ответственности, закрепленные в действующем законодательстве, не всегда обеспечивают эффективное исполнение запросов адвоката [21, с. 151–153]. А.А. Темир-Булатова, изучая практические проблемы получения сведений по адвокатскому запросу, подробно раскрывает механизм истребования информации, охраняемой законом, рассматривает границы понятия «тайна», а также указывает на недостаточность штрафных санкций за непредставление ответа и слишком длительные сроки направления информации [23].

А.А. Басакина анализирует процесс направления адвокатских запросов в ходе адвокатского расследования и выделяет ряд проблем: нарушение установленных сроков рассмотрения запросов, необоснованные отказы в предоставлении информации и ограничения доступа к определенным сведениям [3, с. 225–227].

Научное сообщество разделилось на два направления. Одни авторы считают, что адвокат обязан проявлять активность при сборе доказательств, по сути формируя институт «адвокатского расследования», к которым относятся Ю.М. Новолодский [16, с. 262], Е.Г. Мартынчик [12, с. 16–21], К.М. Баева [2, с. 176–183] и другие. В то же время ряд специалистов выступает за ограничение роли адвоката критическим анализом доказательств, собранных следствием, включая А.В. Кудрявцеву [9, с. 176], С.А. Шейфера [25, с. 125], И.С. Тарасову [22, с. 229–232], Ф. Багаутдинова [1, с. 56], А.П. Лобанова [10, с. 48], А.В. Победкина [20, с. 60].

Автор настоящей работы поддерживает первую концепцию, исходя из принципа состязательности уголовного процесса: адвокат, как равноправный участник, обязан действовать добросовестно и активно защищать права доверителя, включая сбор доказательств невиновности с использованием адвокатского запроса.

Законодательное закрепление прав адвоката получило развитие в нормативном акте о деятельности адвокатуры. В сравнении с ранее действовавшими положениями, он существенно расширяет полномочия адвокатов: предоставляется право собирать доказательства (п. 1 ч. 3 ст. 6), получать сведения и документы посредством адвокатского запроса (ч. 1 ст. 6.1), проводить опрос граждан с фиксацией результатов (п. 2 ч. 3 ст. 6), а также получать информацию и документы, которые могут быть признаны доказательствами в соответствии с процессуальными нормами (п. 3 ч. 3 ст. 6) [6, ч. 3 ст. 6; ч. 1 ст. 6.1].

Согласно положению части 3 статьи 123 Основного закона, судебные процессы должны осуществляться на принципах состязательности и равенства участников. Эта норма получила свое отражение в процессуальных кодексах страны: Уголовно-процессуальном кодексе (ч. 1 ст. 15 УПК РФ), Гражданском процессуальном кодексе (ч. 1 ст. 12 ГПК РФ), Кодексе административного судопроизводства (ч. 1 ст. 14 КАС РФ) и Арбитражном процессуальном кодексе (ч. 1 ст. 9 АПК РФ).

Хотя прямой нормы о состязательности в Кодексе об административных правонарушениях нет, Конституционный суд в Определении No1817-О от 18.09.2014, рассмотрев жалобу гражданина Шагапова М.М. на нарушение его прав по ч. 1 ст. 26.9 КоАП РФ, подчеркнул, что данный кодекс предполагает всестороннее, полное и объективное выяснение всех обстоятельств дела с последующим разрешением его в соответствии с законом (ст. 24.1). Эти требования соответствуют принципам законности и справедливости, обеспечивая правильное толкование и применение норм права. Положения КоАП РФ работают в единстве с другими его нормами, регулирующими порядок состязательного производства и процессуальные действия судьи при рассмотрении дел (глава 29 КоАП РФ).

Таким образом, на сегодняшний день принцип состязательности закреплен во всех процессуальных законах, а его реальная реализация напрямую зависит от закрепления в законе о деятельности адвокатуры прав адвоката, обеспечивающих возможность практического применения его полномочий.

Право на получение информации через запросы предоставляется различным субъектам – от контрольного органа финансового надзора до ведомств исполнительной власти, таких как санитарные службы, природоохранные инспекции, технические надзорные органы и др. Наиболее сложной и значимой областью реализации состязательности является уголовное судопроизводство.

В настоящее время нормативные акты, включая ч. 4 ст. 21 УПК РФ, ст. 6 закона о прокуратуре, ч. 2 и ч. 3 ст. 7 закона о следственных органах, ч. 4 ст. 13 закона о полиции, устанавливают обязанность граждан и организаций предоставлять запрашиваемую информацию в сроки, указанные соответствующими органами. При этом характер предоставления информации носит безвозмездный характер, что закреплено в законе о полиции (п. 4 ч. 1 ст. 13), законе о прокуратуре (п. 2 и п. 2.1 ст. 6), законе о следственном комитете (п. 3 ч. 1 ст. 7), федеральном законе о службе безопасности (п. «м» ст. 13) и федеральном законе о судебной системе (ч. 1 ст. 6) [18].

На практике правоохранительные и контролирующие органы обладают полномочиями устанавливать сроки предоставления информации по направляемым запросам, которые могут быть сокращены до одного дня и при этом не ограничиваются по объему, за исключением сведений, относящихся к государственной тайне. При этом гарантируется безвозмездный характер предоставления такой информации.

В период с января по март 2025 года ФПА РФ по инициативе автора статьи, адвоката Решетникова В.М., организовала онлайн-опрос среди профессиональных юристов по вопросам реализации права на получение сведений в рамках адвокатского запроса [18]. В исследовании приняли участие 1154 адвоката из различных регионов страны. Среди них 98,4% уже направляли адвокатские запросы; лишь половина (53%) получала ответы в установленные сроки, а 78,1% сталкивались с отказами. Из числа отказов 68,8% обжаловали решения через прокуратуру или суд, однако 78,7% жалоб остались без удовлетворения. В 62,5% случаев причиной отказа называлась защита персональных данных или отсутствие запрашиваемой информации, в 37% случаев – иные основания.

Результаты опроса показывают, что большинство адвокатов (86,1%) считают необходимым сократить основания для отказа в предоставлении сведений, а 93,4% отмечают, что действующие ограничения ставят адвокатов в неравное положение по сравнению с другими органами власти, что противоречит принципу состязательности. При этом 79,3% участников полагают, что текущие меры административной ответственности за непредоставление сведений адвокату (ст. 5.39 КоАП РФ) недостаточны, а 88,8% настаивают на их усилении.

Анализ практики работы автора статьи в 2024–2025 годах показывает, что из 371 направленного адвокатского запроса почти все были рассмотрены, за исключением двух, по которым ответы не были предоставлены. Письменные отказы поступили по 21 запросу: 2 – из-за отсутствия информации, 17 – в связи с ограничениями закона о защите персональных данных (п. 4 ст. 5 Закона об адвокатской деятельности), 2 – по причине несоблюдения требований к форме запроса (отсутствие ордера или документов, подтверждающих полномочия адвоката, и неполное указание процессуального статуса доверителя и номера дела).

Следует подчеркнуть, что квалификация подобных деяний как преступных требует немедленного реагирования, поскольку промедление может привести к утрате доказательств (например, исчезновение подозреваемого, потеря видеозаписей или свидетельских показаний).

На основе практического анализа можно выделить основные проблемы:

органы и предоставляют организации ответы с опозданием или отказом от запросов;

• не исключена возможность взимания платы для предоставления скрытой информации;

• действующие меры административной ответственности неэффективны в условиях роста заработной платы и режима;

• установленный срок ответа не позволяет оперативно получать сведения по неотложным делам;

• основания для отказа слишком широкие и формализованные; лица силового блока несут административную ответственность за несвоевременные ответы;

• Отсутствует уголовная ответственность за неоднократный отказ в предоставлении раскрытия.

Существующая правовая база, регулирующая применение адвокатского запроса как механизма реализации права на получение информации, требует серьёзного пересмотра и усовершенствования. Цель реформы – обеспечить адвокатам полноценный доступ ко всем сведениям с ограниченным доступом, за исключением информации, отнесённой к государственной тайне.

В рамках этой модернизации предлагается уточнить часть 2 статьи 6.1 закона о деятельности адвокатуры следующим образом: органы власти, местного самоуправления, общественные объединения, индивидуальные предприниматели и иные юридические лица, получившие адвокатский запрос, обязаны дать письменный ответ в течение 30 дней с момента получения. Если запрос связан с уголовным или административным делом, срок предоставления информации определяется самим запросом. При необходимости дополнительного времени на сбор сведений срок может быть продлён, но не более чем на 30 дней, при этом адвокат обязательно уведомляется о продлении.

Также рекомендуется внести изменения в пункт 3 части 4 статьи 6.1, закрепив, что «запрашиваемые сведения относятся к информации, составляющей государственную тайну». Статью 6.1 следует дополнить частью 7, закрепляющей: «Справки, документы, их копии

и иная информация предоставляются по адвокатскому запросу на безвозмездной основе».

Учитывая, что большинство запросов направляется индивидуальным предпринимателям, организациям и государственным структурам, действующий административный штраф в размере 10 тысяч рублей утратил эффективность. Для повышения ответственности предлагается установить санкции до 50 тысяч рублей для предпринимателей и до 100 тысяч рублей для юридических лиц. Дополнительно целесообразно увеличить срок давности привлечения к административной ответственности с 90 дней до одного года с внесением соответствующих поправок в статью 4.5 КоАП РФ.

Следует отметить, что при выявлении нарушений прав адвоката на получение ответа по запросу со стороны сотрудников силовых структур (лица со специальными или воинскими званиями), последние фактически не несут административной ответственности в силу статьи 2.5 КоАП РФ. Это создает ситуацию безнаказанности в отношении представителей силового блока, которые могут игнорировать запросы адвокатов без последствий. Учитывая повышенный общественный долг таких лиц как стражей закона, их ответственность должна быть соразмерно выше за нарушения охраняемых прав.

Кроме того, если повторный адвокатский запрос по одному и тому же предмету игнорируется, действующая мера административного воздействия оказывается недостаточной и малоэффективной, так как адвокат сталкивается с прямым умышленным противодействием при реализации своих полномочий.

Автор статьи полагает, что существующие правовые механизмы недостаточны для защиты адвокатов при реализации их профессиональных полномочий. Для устранения пробелов в законодательстве целесообразно ввести отдельную норму, направленную на предотвращение препятствий в деятельности защитников. Предлагаемая норма предусматривает ответственность за любые действия, направленные на ограничение прав адвоката, включая принуждение к отказу от защиты или действия вопреки интересам доверителя, а также повторные необоснованные отказы в предоставлении информации, получаемой по адвокатскому запросу.

Наказание за такие деяния должно дифференцироваться в зависимости от обстоятельств: в обычных случаях – штраф или выполнение общественно полезной работы на ограниченный срок; при использовании служебного положения – более строгие меры, включая возможность лишения свободы или ограничения профессиональной деятельности. В случаях, когда нарушения сопровождаются насилием против адвоката или членов его семьи, уничтожением имущества либо угрозами, наказание должно быть значительно ужесточено с увеличением срока лишения свободы или принудительных работ.

Литература

1. Багаутдинов Ф.Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре РФ. – Москва, 2004. – С. 56.
2. Баева К. М. «Собирание» доказательств адвокатом–защитником: основные проблемы и пути их разрешения / К.М. Баева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 176–183.
3. Басакина А.А. Адвокатский запрос и проблемы, связанные с его направлением / А.А. Басакина // Молодой ученый. – 2023. – № 21 (468). – С. 225–227. – URL: https://moluch.ru/archive/468/103141 (дата обращения: 19.02.2026).
4. Битокова М.Х. Право собирания доказательств защитником и его осуществление в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Битокова М.Х.; [Место защиты: Рос. акад. правосудия]. – Москва, 2008. – С. 22.
5. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 43. – Ст. 1420.
6. Гриненко А.В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09. – Воронеж, 2001. – С. 471.
7. Заика С.В. Формирование и реализация позиции адвоката-защитника в предварительном следствии: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – С. 11–21.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года [с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11, 16. – Ст. 1416.
9. Кудрявцева А.В. Теория доказывания в юридическом процессе / А.В. Кудрявцева. – Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2006. – С. 176.
10. Лобанов А.П. Функции уголовного преследования и защиты в российском судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / МВД РФ. – Москва, 1996. – С. 48.
11. Макушкина Е.Э. Право адвоката на сбор доказательств: гражданско-процессуальный аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15 / Макушкина Е.Э.; [Место защиты: Том. гос. ун-т]. – Томск, 2007. – С. 27.
12. Мартынчик Е.Г. Адвокатское расследование: понятие, природа, особенности и сущность (к разработке модели) / Е.Г. Мартынчик // Адвокатская практика. – 2005. – № 1. – С. 16–21.
13. Марьин А.С. Проблема собирания и представления доказательств защитником на стадии предварительного следствия / А.С. Марьин // Молодой ученый. – 2020. – № 19 (309). – С. 336–338. – URL: https://moluch.ru/archive/309/69668 (дата обращения: 19.02.2026).
14. Милова И.Е. Участие адвоката-защитника в собирании доказательств на предварительном следствии: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – Самара, 1998. – С. 170.
15. Налунина А.Е. Проблемы реализации адвокатом права на получение сведений и информации посредством адвокатского запроса // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2020. – № 11 (32), Т. 1. – С. 120–125.
16. Новолодский Ю.М. Доказывание в практической деятельности адвоката-защитника / Ю.М. Новолодский. – СПб., 2016. – С. 262.
17. Отчерцова О.В. Проблемы реализации принципа состязательности в деятельности адвоката-защитника на стадии предварительного расследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Отчерцова О.В.; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. – Москва, 2017. – С. 29.
18. Официальный интернет-портал Федеральной палаты Российской Федерации. – URL: https://fparf.ru/news/fpa/opros-o-problematike-advokatskogo-zaprosa/?sphrase_id=272819, https://www.advgazeta.ru/obiavleniya/poleznaya-informatciya/opros-o-problematike-advokatskogo-zaprosa/ (дата обращения: 19.02.2026).
19. Пикалов И.А. Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2006. – С. 27.
20. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Моск. ун-т МВД России. – Москва, 2005. – С. 60.
21. Слепова В. В., Шарапова Р.А., Скачкова О.С. К вопросу о проблемах применения адвокатского запроса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 10–2 (37). – С. 151–153.
22. Тарасов И.С. Адвокат как участник процесса доказывания в уголовном судопроизводстве / И.С. Тарасов // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. – 2014. – № 3. – С. 229–232.
23. Темир-Булатова А.А. Актуальные проблемы и практические аспекты получения адвокатом сведений с помощью адвокатского запроса // Адвокатская практика. – 2021. – № 3. – URL: https://telegra.ph/Aktualnye-problemy-i-prakticheskie-aspekty-polucheniya-advokatom-svedenij-s-pomoshchyu-advokatskogo-zaprosa-11–28 (дата обращения: 19.02.2026).
24. Ходилина М.В. Правовая позиция адвоката-защитника: проблемы формирования и реализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.11. – Москва, 2013. – С. 21.
25. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2009. – С. 125.
26. Ясельская В.В. Деятельность адвоката-защитника по собиранию доказательств на стадии предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – Томск, 1999. – С. 163.

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE LAWYER›S RIGHT TO RECEIVE INFORMATION UPON THE LAWYER›S REQUEST

Reshetnikov V.M.
Law Institute

The article examines the implementation of the right to qualified legal assistance and the active participation of attorneys in the collection of evidence in criminal and administrative proceedings. It analyzes constitutional provisions, Federal Law № 63-FZ on Advocacy, the Criminal Procedure Code, the Code of Administrative Offenses, judicial practice, and scholarly research. The empirical part is based on a survey of 1,154 attorneys and the analysis of

371 attorney requests submitted by the author in 2024–2025. Key issues identified include delayed responses, formal refusals, limited liability of officials, and the absence of criminal responsibility for repeated non-compliance. Current measures are shown to be insufficient for ensuring equality of parties and effective professional action, conflicting with the adversarial principle. The author proposes legal improvements: clarification of response deadlines, expansion of liability for refusals, and differentiated sanctions depending on circumstances, including imprisonment in cases of abuse of office or violence. The study aims to enhance the effectiveness of attorney activities, protect client rights, and ensure a balance between justice interests and professional guarantees.

Keywords: attorney request, qualified legal assistance, evidence collection, lawyer rights, adversarial process, official liability.

References

1. Bagautdinov, F.N. Public and Private Interests in Russian Criminal Proceedings and Guarantees for Ensuring Them During Preliminary Investigation: Abstract of a Doctor of Law Dissertation: 12.00.09 / Research Institute for Problems of Strengthening Legality and Law and Order under the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Moscow, 2004, pp. 56.

2. Baeva, K. M. «Collection» of Evidence by a Defense Attorney: Key Problems and Ways to Solve Them / K.M. Baeva // Judicial Authority and Criminal Procedure. 2018, № 2, pp. 176–183.

3. Basakina, A.A. Lawyer's Inquiry and Problems Associated with Its Direction / A.A. Basakina // Young Scientist. 2023, № 21 (468). – P. 225–227. – URL: https://moluch.ru/archive/468/103141 (Accessed: 19.02.2026).

4. Bitokova M. Kh. The Right of the Defense Attorney to Collect Evidence and Its Exercise in Criminal Proceedings: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.09 / Bitokova M. Kh.; [Place of Defense: Russian Academy of Justice]. – Moscow, 2008. – P. 22.

5. Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1991. – № 43. – Art. 1420.

6. Grinenko A.V. The System of Principles of Criminal Procedure and Its Implementation at Pre-Trial Stages: Doctor of Law Dissertation: 12.00.09. – Voronezh, 2001. – P. 471.

7. Zaika S.V. Formation and implementation of the position of the defense attorney during the preliminary investigation: Abstract of a PhD thesis. – Moscow, 2024. – P. 11–21.

8. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 [taking into account amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 № 6-FKZ, of December 30, 2008 № 7-FKZ, of February 5, 2014 № 2-FKZ, of July 21, 2014 № 11-FKZ, of March 14, 2020 № 1-FKZ] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – № 11, 16. – Art. 1416.

9. Kudryavtseva A.V. Theory of Evidence in Legal Proceedings / A.V. Kudryavtseva. – Chelyabinsk: Publishing house of OOO «Polygraph-Master», 2006. – P. 176.

10. Lobanov A.P. Functions of criminal prosecution and defense in Russian legal proceedings: Abstract of a Doctor of Law dissertation: 12.00.09 / Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Moscow, 1996. – P. 48.

11. Makushkina E.E. The lawyer's right to collect evidence: civil procedural aspect: Abstract of a Cand. of Law dissertation: 12.00.15 / Makushkina E.E.; [Place of defense: Tomsk State University]. – Tomsk, 2007. – P. 27.

12. Martynchik E.G. Lawyer's investigation: concept, nature, features and essence (towards the development of a model) / E.G. Martynchik // Advocate practice. – 2005. – № 1. – P. 16–21.

13. Maryin, A. S. «The Problem of Collecting and Presenting Evidence by the Defense Attorney at the Preliminary Investigation Stage» // Young Scientist. – 2020. – № 19 (309). – P. 336–338. – URL: https://moluch.ru/archive/309/69668(Accessed: 19.02.2026).

14. Milova, I. E. «Participation of the Defense Attorney in Collecting Evidence during the Preliminary Investigation»: Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.09. – Samara, 1998. – P. 170.

15. Nalunina, A. E. «Problems of Realizing the Defense Attorney's Right to Obtain Information and Data Through a Lawyer's Request» // International Scientific Journal «Bulletin of Science». – 2020. – № 11 (32), Vol. 1. – Pp. 120–125.

16. Novolodskiy Yu.M. Proof in the Practical Activities of a Defense Attorney / Yu.M. Novolodskiy. – St. Petersburg, 2016. – P. 262.

17. Otchertsova O.V. Problems of Implementing the Adversarial Principle in the Activities of a Defense Attorney at the Preliminary Investigation Stage: Abstract of a PhD thesis: 12.00.09 / Otchertsova O.V.; [Place of Defense: Moscow Academy of Economics and Law]. – Moscow, 2017. – P. 29.

18. Official Internet Portal of the Federal Chamber of the Russian Federation. – URL: https://fparf.ru/news/fpa/opros-o-problematike-advokatskogo-zaprosa/?sphrase_id=272819, https://www.advgazeta.ru/obiavleniya/poleznaya-informatciya/opros-o-problematike-advokatskogo-zaprosa/(Accessed: 19.02.2026).

19. Pikalov I.A. Adversarial Proceedings in the System of Principles of Criminal Procedure and Its Implementation by the Defense at Pre-Trial Stages: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.09 / Ural State Law Academy – Ekaterinburg, 2006. – P. 27.

20. Pobedkin A.V. Theory and Methodology of Using Verbal Information in Criminal Procedural Evidence … Dis. … Doctor of Law: 12.00.09 / Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Moscow, 2005. – P. 60.

21. Slepova V. V., Sharapova R.A., Skachkova O.S. On the Issue of the Problems of Using an Attorney's Request // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. – 2019. – № 10–2 (37). – P. 151–153.

22. Tarasov I.S. Lawyer as a Participant in the Process of Evidence in Criminal Proceedings / I.S. Tarasov // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. – 2014. – № 3. – P. 229–232.

23. Temir-Bulatova A.A. Actual Problems and Practical Aspects of Obtaining Information by an Attorney Using an Attorney's Request // Advocate Practice. – 2021. – № 3. – URL: https://telegra.ph/Aktualnye-problemy-i-prakticheskie-aspekty-polucheniya-advokatom-svedenij-s-pomoshchyu-advokatskogo-zaprosa-11–28 (Accessed: 19.02.2026).

24. Khodilina, M.V. Legal Position of a Defense Attorney: Problems of Formation and Implementation: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.11. – MoSqua, 2013. – P. 21.

25. Sheifer S.A. Evidence and Proof in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation / S.A. Sheifer. – Moscow: Norma, 2009. – P. 125.

26. Yaselskaya V.V. Activities of a Defense Attorney in Collecting Evidence at the Preliminary Investigation Stage: Dis. … Cand. of Law: 12.00.09. – Tomsk, 1999. – P. 163.

Проблемы реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве

Романов Эдуард Артёмович,
аспирант факультета подготовки научных кадров ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», прокурор отдела по надзору за следствием в аппарате ГУ МВД России по Московской области управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел и юстиции прокуратуры Московской области, юрист 1 класса

В статье рассматриваются проблемные аспекты осуществления прокурором уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. На основе анализа конституционных положений и норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, а также с учетом правовых позиций и статистических данных обосновывается необходимость расширения властных полномочий прокурора. Особое внимание уделяется отсутствию у прокурора права самостоятельно возбуждать и прекращать уголовные дела, что, по мнению автора, снижает эффективность защиты прав граждан и не соответствует международным стандартам. В качестве негативного фактора, влияющего на законность в досудебном производстве, отмечается ведомственная заинтересованность органов следствия в формальных показателях работы, что препятствует своевременному прекращению уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. Формулируется вывод о том, что наделение прокурора дополнительными процессуальными инструментами будет способствовать усилению гарантий прав личности и повышению качества предварительного расследования.

Ключевые слова: прокурор, уголовное преследование, досудебное производство, возбуждение уголовного дела, прекращение уголовного дела, надзор, права человека, эффективность расследования.

Конституция Российской Федерации, обладающая высшей юридической силой и прямым действием на всей территории страны, в статье 2 провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина составляют обязанность государства. В системе государственно-правовых механизмов, призванных обеспечить реализацию данной обязанности, ключевая роль отведена органам прокуратуры Российской Федерации. Согласно статье 129 Конституции РФ, прокуратура представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями. Таким образом, Основной закон государства закрепил за прокуратурой две фундаментальные, неразрывно связанные между собой функции: функцию надзора за законностью и функцию уголовного преследования. Их органичное сочетание призвано обеспечить не только неотвратимость ответственности за совершение преступлений, но и недопустимость необоснованного ограничения конституционных прав и свобод личности на всех этапах уголовного судопроизводства, в особенности на его досудебных стадиях, где риск таких нарушений наиболее высок.

Вместе с тем, анализ действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, сложившейся правоприменительной практики, а также научных исследований в области прокурорского надзора и уголовного процесса свидетельствует о наличии серьезных дисбалансов и проблем в реализации прокурором функции уголовного преследования. Объем и характер полномочий, предоставленных прокурору на досудебном этапе, не в полной мере соответствуют его конституционному статусу и той роли, которая отводится ему в механизме защиты прав граждан. Указанные обстоятельства обусловливают актуальность настоящего исследования, его теоретическую и практическую значимость, а также необходимость выработки научно обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Для глубокого понимания проблем реализации прокурором функции уголовного преследования необходимо обратиться к анализу правовой природы данного института. Уголовное преследование представляет собой сложное, многогранное правовое явление, которое не сводится исключительно к деятельности по поддержанию государственного обвинения в суде[1].

В науке уголовного процесса уголовное преследование традиционно рассматривается как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Так, видный советский процессуалист М.С. Строгович определял уголовное преследование как сложную систему действий, заключающуюся в собирании доказательств, изобличающих обвиняемого, применении принудительных мер, служащих цели изобличения обвиняемого, привлечении к уголовной ответственности, применении мер пресечения, действиях прокурора по обоснованию обвинения перед судом. Данное определение охватывает собой весь процесс движения уголовного дела – от момента появления первого подозрения до вынесения судом итогового решения.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в пункте 55 статьи 5 определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. К стороне обвинения законодатель относит прокурора, следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, а также потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца и их представителей. Как видно, прокурор назван в данном перечне первым, что подчеркивает его особую роль и ответственность в реализации обвинительной функции.

Уголовно-процессуальный кодекс в части 1 статьи 21 закрепляет, что уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель. При этом часть 1 статьи 37 УПК РФ устанавливает, что прокурор является должностным лицом,

уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Таким образом, законодатель возложил на прокурора две важнейшие, но разнонаправленные задачи: с одной стороны, он должен инициировать и поддерживать обвинение, добиваясь привлечения виновных к ответственности, с другой – надзирать за законностью действий органов расследования, которые также являются субъектами стороны обвинения. Такое сочетание надзора и уголовного преследования в деятельности одного должностного лица призвано служить дополнительной гарантией законности. Прокурор, надзирая за следствием, обязан пресекать любые нарушения прав граждан, даже если они допускаются в ходе осуществления уголовного преследования иными органами. Однако, как показывает практика, для эффективного выполнения этой двойственной задачи прокурор должен обладать достаточным объемом властных полномочий, позволяющих ему оперативно и самостоятельно влиять на ход расследования и принимаемые процессуальные решения.

Для более полного осмысления современного состояния института уголовного преследования представляется целесообразным обратиться к истории его развития в отечественном праве. Судебная реформа 1864 года, в результате которой был принят Устав уголовного судопроизводства, заложила основы прокурорской деятельности, многие из которых сохраняют свою актуальность до настоящего времени[2].

В соответствии со статьей 278 Устава уголовного судопроизводства, прокуроры и их товарищи предварительных следствий сами не производили, но давали предложения о начале следствия и постоянно наблюдали при производстве сих следствий. Как справедливо отмечает профессор А.Г. Халиулин, прокурор того времени обладал достаточно широкими полномочиями по надзору за следствием. Термин «наблюдение», использованный в Уставе, по своему содержанию был близок к современному понятию «надзор» и предполагал активную роль прокурора в направлении хода расследования, даче указаний и контроле за законностью и обоснованностью действий следователя.

Прокурор был вправе требовать от следователя предоставления всех сведений о ходе следствия, присутствовать при всех следственных действиях, давать предложения о дополнении следствия. Более того, прокурор давал заключение о предании обвиняемого суду, то есть решал судьбу уголовного дела по окончании предварительного следствия. Важно отметить, что прокурор обладал правом возбуждения уголовного преследования путем предложения следователю о начале следствия или направления дела к мировому судье.

Таким образом, исторический опыт свидетельствует о том, что прокурор изначально задумывался законодателем как активный участник досудебного производства, способный не только наблюдать за следствием со стороны, но и направлять его, инициировать уголовное преследование и принимать окончательное решение по его результатам. Эволюция уголовно-процессуального законодательства в советский и постсоветский периоды привела к определенной трансформации полномочий прокурора, однако его основное назначение – охрана прав граждан и обеспечение законности на всех этапах уголовного судопроизводства – осталось неизменным[3, 4].

В настоящее время правовой статус прокурора в досудебном производстве определяется главным образом статьей 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также положениями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Анализ указанных норм позволяет выявить как сильные стороны прокурорского надзора, так и существующие законодательные пробелы, снижающие его эффективность.

Прокурор наделен широким спектром надзорных полномочий. В ходе досудебного производства он вправе: проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства; требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия; давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий; давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, а также незаконные или необоснованные постановления дознавателя; рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение; участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения и производстве следственных действий; разрешать отводы, заявленные дознавателю; отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ[5].

Особого внимания заслуживает полномочие, предусмотренное пунктом 5.1 части 2 статьи 37 УПК РФ, введенное в 2010 году. Данная норма предоставила прокурору право истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с Кодексом. Ранее такие полномочия в отношении актов следователя у прокурора отсутствовали, что вызывало обоснованную критику и приводило к нарушениям прав граждан.

Федеральный закон «О прокуратуре РФ» также закрепляет обязанность прокурора по осуществлению уголовного преследования. Часть 2 статьи 27 Закона гласит, что при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, прокурор принимает меры к тому, чтобы лица, его совершившие, были подвергнуты уголовному преследованию в соответствии с законом. Данная норма определяет прокурора как связующее звено между выявленным фактом нарушения прав граждан, содержащим признаки преступления, и началом официального уголовного преследования виновных лиц[6, 7].

Несмотря на наличие у прокурора значительного объема надзорных полномочий, ключевой проблемой, существенно снижающей эффективность его деятельности по уголовному преследованию, является отсутствие у него права самостоятельно возбуждать уголовные дела. Это полномочие, являющееся отправной точкой всего уголовного процесса, законодатель оставил за следователями и дознавателями.

Пункт 2 части 2 статьи 37 УПК РФ предусматривает, что прокурор вправе выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства. Однако данная норма не дает прокурору права самостоятельно принять процессуальное решение о возбуждении дела. Окончательное решение о наличии или отсутствии оснований для начала уголовного преследования принадлежит должностному лицу органа предварительного расследования, которое может не согласиться с позицией прокурора.

Такое положение вещей порождает серьезные проблемы в правоприменительной практике, особенно остро проявляющиеся на стадии возбуждения уголовного дела. Статистические данные наглядно свидетельствуют о масштабах нарушений законности, допускаемых на данном этапе. Так, только в течение 2024 и 2025 годов органами прокуратуры было отменено 2 264 321 незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Указанная цифра представляет собой не просто абстрактный статистический показатель. За каждым таким постановлением стоит конкретная жизненная ситуация: гражданин, обратившийся за защитой своих нарушенных прав в правоохранительные органы, получает формальный отказ в возбуждении уголовного дела, нередко вынесенный без проведения необходимой проверки, с целью «улучшения» статистических показателей работы или по иным надуманным основаниям[8].

Ситуация усугубляется тем, что действующее правовое регулирование допускает возможность неоднократного вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по одному и тому же сообщению о преступлении. Следователь (дознаватель), отменив свое предыдущее постановление во исполнение указания прокурора, вправе вынести новое аналогичное решение, по существу воспроизводящее ранее допущенные нарушения. Даже если прокурор или суд ранее признали первоначальный отказ незаконным, это не является безусловным препятствием для повторения подобного решения органом расследования. В результате возникает порочный круг: потерпевший от преступления, чьи права нарушены, годами не может добиться начала уголовного преследования, а лицо, в отношении которого ведется проверка, находится в состоянии правовой неопределенности, не имея процессуального статуса и возможности полноценно защищаться от подозрений.

В этой ситуации отсутствие у прокурора права самостоятельно возбудить уголовное дело при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, становится непреодолимой преградой для доступа граждан к правосудию. Прокурор, будучи долж-

ностным лицом, осуществляющим надзор за законностью и уголовное преследование, фактически лишен возможности оперативно и эффективно реагировать на выявленные нарушения. Вместо незамедлительного начала производства по делу он вынужден вступать в длительную переписку со следственными органами, многократно отменять незаконные постановления, что порождает волокиту, подрывает авторитет правоохранительной системы и, самое главное, оставляет без защиты права и законные интересы граждан[9, 10].

Данная проблема имеет не только национальное, но и международно-правовое измерение. Рекомендация Комитета министров Совета Европы R (2000) 19 «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» в пункте 2 совершенно определенно указывает, что во всех системах уголовного правосудия прокуроры решают вопрос о возбуждении или продолжении уголовного преследования. Таким образом, отсутствие у российского прокурора права на возбуждение уголовного дела не соответствует общеевропейским стандартам организации деятельности прокуратуры и ставит под сомнение полноценность реализации им функции уголовного преследования.

Не менее острой и требующей скорейшего законодательного разрешения является проблема отсутствия у прокурора права самостоятельно прекращать уголовные дела и уголовное преследование на завершающем этапе досудебного производства, поскольку согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству прокурор, получив уголовное дело с обвинительным заключением и обнаружив основания, предусмотренные статьями 24–28 УПК РФ (отсутствие события или состава преступления, истечение сроков давности, примирение сторон и иные), лишен возможности своим властным решением прекратить уголовное преследование и вынужден возвращать дело для производства дополнительного расследования, что влечет неоправданное затягивание сроков и не восстанавливает нарушенные права обвиняемого, тогда как на практике нередки ситуации, когда руководители следственных органов, руководствуясь ведомственной заинтересованностью в формальных показателях, запрещают следователям самостоятельно принимать решения о прекращении уголовных дел, ориентируя их на направление дел прокурору, что приводит к тому, что прокурор, осознавая отсутствие доказательств вины обвиняемого, но не имея законной возможности прекратить дело, иногда утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд, становясь участником незаконного уголовного преследования, что грубо нарушает права обвиняемого и дискредитирует саму идею прокурорского надзора как гарантии законности[11, 12].

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что отсутствие у прокурора права самостоятельно возбуждать и прекращать уголовные дела в досудебном производстве является серьезным законодательным пробелом, не соответствующим его конституционному статусу и международным стандартам. Многомиллионная статистика отмены незаконных отказов в возбуждении уголовных дел и ведомственная заинтересованность следствия в формальных показателях подтверждают необходимость расширения полномочий прокурора. Наделение прокурора правом возбуждать уголовные дела при наличии достаточных данных о преступлении и прекращать уголовное преследование при обнаружении оснований, предусмотренных УПК РФ, позволит обеспечить своевременную защиту прав граждан, устранить волокиту и исключить необоснованное направление дел в суд.

Литература

1. Сейтқадыр Д. Н. К вопросу проблемы реализации полномочий прокурора по осуществлению уголовного преследовании на досудебном производстве // Вестник науки. 2019. № 5 (14). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-problemy-realizatsii-polnomochiy-prokurora-po-osuschestvleniyu-ugolovnogo-presledovanii-na-dosudebnom-proizvodstve (дата обращения: 09.03.2026).
2. Чурикова А.Ю. Осуществление прокурором уголовного преследования в досудебном производстве // Юридическая наука. 2019. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvlenie-prokurorom-ugolovnogo-presledovaniya-v-dosudebnom-proizvodstve-1 (дата обращения: 09.03.2026).
3. Спирин А. В. К вопросу о функциях надзора и уголовного преследования в уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве // На страже закона. 2025. № 1 (9).
4. Комбирович, М.С. Проблемы осуществления прокуратурой функции уголовного преследования и ее соотношение с другими функциями современного уголовного процесса / М.С. Комбирович. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 45 (596). – С. 176–180. – URL: https://moluch.ru/archive/596/129874.
5. Астемиров З.Л. Актуальные проблемы участия прокурора в уголовном процессе // Социально-гуманитарные науки в информационном обществе: перспективы и потенциал: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 24 декабря 2020 г. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 35–42. URL: https://apni.ru/article/1648-aktualnie-problemi-uchastiya-prokurora.
6. Влезько Д.А. Эффективность реализации прокурором функции уголовного преследования / Д.А. Влезько, А.П. Шацкая // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 2 (116). – URL: [object Object] (дата обращения: 09.03.2026).
7. Вилкова Т.Ю. К вопросу о роли прокурора в возбуждении уголовного дела и инициировании уголовного преследования. Lex russica. 2021;74(7):85–94.
8. Алексеев И.М. Деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, как самостоятельная стадия уголовного процесса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 3 (55) 2012.
9. Клещев, С. В. «Прокурорский» повод для возбуждения уголовного дела: проблемы реализации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3.
10. Колосович, М.С. Теоретические и практические проблемы возбуждения уголовного дела по постановлению прокурора // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2012. № 1 (20).
11. Маслов, И.В. Уголовно-процессуальные функции участников досудебного производства: монография. М.: Юрлитинформ, 2018.
12. Муллагалеева, Л.Р. Возвращение уголовного дела для дополнительного следствия: история и прогрессивные тенденции зарубежного уголовно-процессуального законодательства // материалы Международной научно-практической конференции «Следствие в России: три века в поисках концепции». М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017.

PROBLEMS OF THE PROSECUTOR›S IMPLEMENTATION OF THE FUNCTION OF CRIMINAL PROSECUTION IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Romanov E.A.
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

This article examines the problematic aspects of the prosecutor's criminal prosecution at the pre-trial stages of criminal proceedings. Based on the analysis of the constitutional provisions and norms of the criminal procedure legislation of the Russian Federation, as well as taking into account legal positions and statistical data, the necessity of expanding the powers of the prosecutor is substantiated. Particular attention is paid to the prosecutor's lack of the right to initiate and terminate criminal cases on his own, which, according to the author, reduces the effectiveness of protecting citizens' rights and does not meet international standards. As a negative factor affecting the legality of pre-trial proceedings, the departmental interest of the investigating authorities in formal performance indicators is noted, which prevents the timely termination of criminal prosecution on non-rehabilitating grounds. It is concluded that providing the prosecutor with additional procedural tools will help strengthen guarantees of individual rights and improve the quality of the preliminary investigation.

Keywords: prosecutor, criminal prosecution, pre-trial proceedings, initiation of criminal proceedings, termination of criminal proceedings, supervision, human rights, effectiveness of investigation.

References

1. Seytkadyr D.N. On the issue of implementing the powers of the prosecutor to conduct criminal prosecution in pre-trial proceedings // Science Bulletin. 2019. № 5 (14). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-problemy-realizatsii-polnomochiy-prokurora-po-osuschestvleniyu-ugolovnogo-presledovanii-na-dosudebnom-proizvodstve (date accessed: 09.03.2026).
2. Churikova A. Yu. Implementation of criminal prosecution by the prosecutor in pre-trial proceedings // Legal Science. 2019. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvlenie-prokurorom-ugolovnogo-presledovaniya-v-dosudebnom-proizvodstve-1 (date accessed: 09.03.2026).
3. Spirin A.V. On the Functions of Supervision and Criminal Prosecution in the Criminal Procedural Activities of the Prosecutor in Pre-Trial Proceedings // On Guard of the Law. 2025. № 1 (9).
4. Kombirovich, M.S. Problems of the Implementation of the Function of Criminal Prosecution by the Prosecutor's Office and its Relationship with Other Functions of Modern Criminal Procedure / M.S. Kombirovich. – Text: direct // Young Scientist. – 2025. – № 45 (596). – Pp. 176–180. – URL: https://moluch.ru/archive/596/129874.
5. Astemirov Z.L. Actual problems of the prosecutor's participation in criminal proceedings // Social and humanitarian sciences in the information society: prospects and potential: collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference of December 24, 2020. Belgorod: OOO Agency for Advanced Scientific Research (APNI), 2020. Pp. 35–42. URL: https://apni.ru/article/1648-aktualnie-problemi-uchastiya-prokurora.
6. Vlezko D.A. Effectiveness of the prosecutor's implementation of the function of criminal prosecution / D.A. Vlezko, A.P. Shatskaya // International research journal. – 2022. – № 2 (116). – URL: [object Object] (Accessed 03/09/2026).
7. Vilkova T. Yu. On the Role of the Prosecutor in Initiating Criminal Cases and Initiating Criminal Prosecution. Lex russica. 2021; 74 (7): 85–94.

8. Alekseev I.M. The Prosecutor's Activities in a Criminal Case Received with an Indictment as an Independent Stage of Criminal Procedure in the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, № 3 (55), 2012.

9. Kleshchev S. V. «Prosecutor's» Reason for Initiating a Criminal Case: Implementation Issues // Bulletin of Economic Security. 2018. № 3.

10. Kolosovich M.S. Theoretical and Practical Problems of Initiating a Criminal Case by a Prosecutor's Resolution // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 1 (20).

11. Maslov, I.V. Criminal-procedural functions of participants in pre-trial proceedings: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2018.

12. Mullagaleeva, L.R. Return of a criminal case for additional investigation: history and progressive trends in foreign criminal-procedural legislation // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference «Investigation in Russia: Three Centuries in Search of a Concept». Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2017.

Системы криминологической безопасности образования в странах азиатско-тихоокеанского региона и других регионах мира

Сидорова Екатерина Закариевна,
кандидат юридических наук, доцент, Восточно-Сибирский институт МВД России
E-mail: ketrik6@mail.ru

В статье проводится компаративный анализ систем криминологической безопасности образования в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Сингапур, Китай, Япония, Корея, Австралия), Европы и США. Рассматриваются региональные модели профилактики правонарушений, противодействия кибербуллингу и суицидальному поведению участников образовательных отношений. Выявлены универсальные принципы построения таких систем и национальная специфика их реализации. Сформулированы рекомендации по адаптации наиболее эффективных зарубежных практик в российском образовательном пространстве с учетом социокультурных особенностей нашей страны.

Ключевые слова: криминологическая безопасность образования, образовательная среда, компаративный анализ, профилактика преступности, кибербуллинг, цифровизация образования.

Криминологическая безопасность образования представляет собой сложное, многокомпонентное явление, которое в современной научной литературе определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от преступных посягательств в образовательной сфере, достигаемое через систему правовых, организационных, воспитательных и технологических мер. Данный феномен выступает неотъемлемой составной частью национальной безопасности, поскольку образование является важнейшим национальным интересом и институтом социализации личности [8, с. 182].

Можно выделить универсальные принципы построения системы криминологической безопасности образования:
– принцип ранней профилактики, предполагающий выявление и нейтрализацию криминогенных факторов на стадии формирования противоправного поведения;
– принцип государственного контроля, обеспечивающий нормативно-правовое регулирование и надзор за соблюдением установленных требований;
– принцип межведомственного взаимодействия, требующий координации усилий различных ведомств и служб;
– принцип научной обоснованности применяемых мер;
– принцип учета возрастных и психологических особенностей обучающихся.

Однако, как показывает сравнительный анализ, реализация этих принципов существенно варьируется в зависимости от регионального правового, культурного и идеологического контекста. В рамках настоящего исследования обратим внимание на опыт обеспечения криминологической безопасности образовательной среды в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (таких как Сингапур, Китайская Народная Республика, Япония) и ряде западных стран (таких как США, страны Европейского Союза).

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона демонстрируют самобытные подходы к обеспечению криминологической безопасности образования, в которых органично сочетаются передовые цифровые технологии, сильный акцент на традиционных ценностях и принцип коллективной ответственности.

Япония представляет собой характерный пример азиатской модели, где вопросы профилактики девиантного поведения решаются через активное взаимодействие школы, учителя, семьи и учащихся. Отдельно следует выделить дисциплинированность как черту национального характера японского общества, основанного на строгой иерархии (для японского общества характерна интеграция усилий семьи, детских садов, школ и других социальных институтов по неукоснительному выполнению социальных требований), которая способствует устойчивому снижению уровня преступности [2, с. 63]. Особого внимания заслуживает японский опыт противодействия кибербуллингу – проблеме, приобретающей в последние годы глобальный характер. Данной проблемой официально занимается министерство культуры Японии, которое собирает и анализирует данные о самоубийствах школьников, ставших жертвами школьного буллинга. Также в Японии предусмотрена уголовная ответственность за кибербуллинг.

Сингапур демонстрирует модель, основанную на масштабной цифровизации образовательного пространства (отечественные правоведы давно подчеркивают взятие данной страной ориентира на цифровизацию образовательных отношений [1, с. 258]). Сингапурское образование ориентировано на парадигму формирования навыков XXI века. Это классический пример технократического подхода, где образование сводится в первую очередь к формированию цифровых компетенций для рынка труда [3, с. 101]. В целом в Сингапуре сфера образования не выделяется в качестве специального объекта профилактики преступности, однако в стране активно используется просветительский подход к профилактике преступности в целом: население информируется через СМИ и специализированные программы о схемах мошенничества, действуют просветительские кампании и мобильные приложения для обучения граждан действиям при террористических угрозах, а также реализуются общественные инициативы с участием всех слоев населения, в том числе школьников и студентов.

Китайская Народная Республика предлагает наиболее централизованную модель обеспечения криминологической безопасности обра-

зования. В китайской модели профилактики правонарушений школа выступает активным субъектом: полиция взаимодействует с образовательными организациями, школьный коллектив реализует «конфуцианские традиции заботы» о трудных подростках, а для учащихся проводится «Неделя кибербезопасности» (государство также использует систему фильтрации контента в сети Интернет, так называемый «Золотой щит»). Вместе с тем, образование рассматривается и как криминогенный фактор, поскольку в ряде случаев присутствует дисбаланс между интенсивным интеллектуальным развитием и недостаточным вниманием к морально-правовому воспитанию детей. В свою очередь, противоречие между воспитанием ребенка как «кумира семьи» и традиционной школьной дисциплиной способствуют правонарушениям подростков [9, с. 119]. Китайский опыт демонстрирует, что технологические меры безопасности наиболее эффективны тогда, когда они интегрированы в единую воспитательную систему, ориентированную на традиционные ценности.

Республика Корея в своей модели противодействия преступности активно используются образовательные инструменты: суды назначают несовершеннолетним правонарушителям посещение специальных лекций (до 100 часов) в качестве дополнительной воспитательной меры, а в учреждениях изоляции реализуются образовательные программы (иностранные языки, компьютерная графика и другое). Профилактика включает подготовку волонтеров через обучающие курсы по праву и психотерапии, а также меры предупреждения школьного насилия, при этом при рассмотрении дел учитываются сведения об образовании подростка, а воспитательная направленность является ключевым принципом правосудия [4, с. 120].

Для Австралии также нехарактерна реализации системы мер по комплексному обеспечению криминологической безопасности системы образования, однако там реализуются программы первичной профилактики деструктивного поведения, такие как «Экспресс-обучение» («Fast Track»), направленные на работу с детьми, подростками и их семьями, а также программа «Источники силы» («The Sources of Strength»), ориентированная на предотвращение суицидального поведения среди молодежи путем обучения лидеров из ученической среды обращению за помощью к доверенным взрослым. Кроме того, в австралийской практике профилактики девиантного поведения подростков используются художественные методы искусства и культуры [5, с. 10].

Теперь обратимся к западным моделям обеспечения криминологической безопасности образования, которые ориентированы на применение формализованных правовых процедур, защиту индивидуальных прав и свободу академической среды.

В США реализуется комплекс мер по обеспечению криминологической безопасности образования, включающий профилактику суицидов школьников через специальные государственные программы (систему «зеленых карточек» для экстренной психиатрической помощи) и сеть из более чем 200 кризисных центров. Противодействие экстремизму среди участников образовательных отношений осуществляется путем внедрения в образовательный процесс государственных директив и брошюр, создания специализированных центров при образовательных организациях, а также блокирования экстремистских Интернет-ресурсов [7, с. 155].

В странах Европейского союза реализуется комплексная система профилактики деструктивного поведения в образовательной среде, включающая макропрограммы SEYLE и SUPREME, направленные на укрепление психического здоровья молодежи, подготовку учителей к выявлению суицидального риска и оказание психологической помощи через цифровые платформы. В рамках международных проектов, таких как EUREGENAS, разрабатываются методические инструментарии для школ по диагностике суицидального поведения, взаимодействию с обучающимися группы риска и работе с коллективом после попыток суицида. Кроме того, в странах Евросоюза (Германия, Нидерланды, Бельгия) активно применяются специализированные программы профилактики, включая проекты по противодействию буллингу и снижению агрессии среди молодежи через «коучинг для фанатов» [5, с. 36].

Особого внимания заслуживает опыт Великобритании, где создан Совет по безопасности детей в Интернете (UKCCIS), объединяющий более 200 организаций для противодействия кибербуллингу. Британские исследования выявили серьезные последствия Интернет-травли (депрессия, суицидальные мысли), однако в Великобритании отсутствуют инструменты оценки эффективности реализуемых стратегий по борьбе с кибербуллингом [6, с. 146].

Проведенный сравнительный анализ систем криминологической безопасности образования в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, Европы и Северной Америки позволяет выделить наиболее эффективные практики, которые могут быть адаптированы в России с учетом национальной специфики и социокультурных традиций отечественного образования. Ключевой вывод исследования заключается в том, что эффективная система криминологической безопасности образования должна быть адаптивной и комплексной, учитывать современные тенденции цифровой трансформации, обеспечивать баланс между мерами государственного контроля, воспитанием правосознания, уважением академических свобод и защитой прав личности, интегрируя при этом технологические решения с традиционными ценностями и воспитательными подходами.

Литература

1. Бегишев И.Р., Жарова А.К., Громова Е.А., Залоило М.В., Филипова И.А., Шутова А.А. «Цифровой поворот» в правовых исследованиях // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 7–13.
2. Данилова Л.Н. Педагогическое взаимодействие в японской школе как социокультурный феномен // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10. № 1. С. 165–180.
3. Зельнер А.В. Влияние цифровой образовательной среды на формирование критического мышления у обучающихся: опыт Сингапура // Человеческий капитал. 2022. № 12(168). Т. 2. С. 100–106.
4. Мальцев А.А. Правовые и политические аспекты противодействия делинквентному поведению несовершеннолетних в Республике Корея // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. С. 117–128.
5. Методические рекомендации по использованию международного опыта профилактики деструктивного поведения подростков и молодежи в образовательных организациях России / под ред. И.В. Вагнер. – Москва: ФГБУ «ФИОКО», 2021. – 74 с.
6. Остроушко А.В., Букалеров А.А. Противодействие кибербуллингу детей в Великобритании и России // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 3(47). С. 144–150.
7. Сидорова Е.З. Зарубежный опыт профилактики некоторых угроз криминологической безопасности образования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1. С. 154–157.
8. Сидорова Е.З. Цифровая, антиэкстремистская и иные виды криминологической безопасности образовательной среды // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4 (115). С. 181–189.
9. Хаметдинова Г.Ф. Государственная политика профилактики правонарушений несовершеннолетних в Китайской Народной Республике // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 117–124.

CRIMINOLOGICAL SECURITY SYSTEMS OF EDUCATION IN THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION AND OTHER REGIONS OF THE WORLD

Sidorova E.Z.
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article provides a comparative analysis of the criminological security systems of education in the countries of the Asia-Pacific region (Singapore, China, Japan, Korea, Australia), Europe and the USA. Regional models of crime prevention, countering cyberbullying and suicidal behavior of participants in educational relations are considered. The universal principles of building such systems and the national specifics of their implementation are revealed. Recommendations on the adaptation of the most effective foreign practices in the Russian educational space, taking into account the socio-cultural characteristics of our country, are formulated.

Keywords: criminological safety of education, educational environment, comparative analysis, crime prevention, cyberbullying, digitalization of education.

References

1. Begishev I.R., Zharova A.K., Gromova E.A., Zaloilo M.V., Filipova I.A., Shutova A.A. «Digital turn» in legal research // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Vol. 2. № 1. Pp. 7–13.
2. Danilova L.N. Pedagogical interaction in Japanese schools as a sociocultural phenomenon // Communicative Research. 2023. Vol. 10. № 1. Pp. 165–180.
3. Zelner A.V. The influence of the digital educational environment on the formation of critical thinking among students: the experience of Singapore // Human Capital. 2022. № 12(168). Vol. 2. Pp. 100–106.
4. Maltsev A.A. Legal and political aspects of countering delinquent behavior of minors in the Republic of Korea // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2017. № 2–3. Pp. 117–128.
5. Methodological recommendations on the use of international experience in the prevention of destructive behavior of adolescents and youth in educational organizations in Russia / ed. by I.V. Wagner. – Moscow: FGBU «FIOKO», 2021. – 74 p.

6. Ostroushko A.V., Bukalerov A.A. Countering cyberbullying of children in the UK and Russia // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2018. № 3(47). Pp. 144–150.

7. Sidorova E.Z. Foreign experience in preventing certain threats to criminological security of education // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1. Pp. 154–157.

8. Sidorova E.Z. Digital, anti-extremist and other types of criminological security of the educational environment // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4 (115). Pp. 181–189.

9. Khametdinova G.F. State policy of prevention of juvenile delinquency in the People's Republic of China // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3. Pp. 117–124.

Презумпция невиновности и допустимость доказательств: правовые взаимосвязи и гарантии справедливого судопроизводства

Тушев Александр Александрович,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса Кубанского государственного аграрного университета

Войтенко Владислав Андреевич,
студент юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета
E-mail: vn190377@mail.ru

В статье анализируется проблема правовых взаимосвязей презумпции невиновности и допустимости доказательств как гарантий справедливого судопроизводства. Автором представлен анализ взглядов современных ученых-процессуалистов на проблему распределения бремени доказывания в уголовном судопроизводстве, а также на допустимость доказательств как основной критерий, оказывающий влияние на реализацию процесса доказывания и, как результат, соблюдение принципа презумпции невиновности. Особое внимание уделено процессуальным полномочиям и правам субъектов, участвующих в процессе доказывания. Обозначены отдельные особенности процессуального порядка соблюдения допустимости доказательственной базы в условиях цифровизации уголовного судопроизводства. Обобщена существующая судебная практика по указанным правоотношениям, предложены изменения и дополнения действующего уголовно-процессуального законодательства., направленные на устранение противоречий, установление должной правовой определенности и кодификации.

Ключевые слова: презумпция невиновности, доказательства, допустимость, бремя доказывания, уголовное судопроизводство, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, следователь, защитник, суд, обвинение, виновность, цифровизация.

Введение

Основным назначением принципа презумпции невиновности является недопущение осуждения невиновного. Данный принцип образует основу института доказывания, согласно которой лицо считается невиновным до установления его вины вступившим в силу приговором суда. Из него вытекает правило толкования неустранимых сомнений в пользу обвиняемого, обязывающее следователя или суд к его реабилитации при недостатке уверенности в виновности [3, с. 70]. Институт допустимости доказательств служит ключевым механизмом реализации презумпции невиновности.

В настоящее время как в юридической науке, так и на практике, вопрос о пересечении презумпции невиновности и допустимости доказательств вызывает все больший интерес, что является следствием определенных преобразований в законотворческой сфере или, наоборот, острой необходимости юридических нововведений в связи с вновь появившимися общественными вызовами. Кроме того, в последнее время появляется некоторое смещение полюсов доказывания в деятельности уполномоченных на то государством лиц, а также расширяются возможности защитника подозреваемого (обвиняемого) в процессе доказывания. Особое влияние на институт доказывания в целом и допустимость доказательств в частности оказывает повсеместная цифровизация уголовного судопроизводства, сопротивляющегося эволюционным преобразованиям.

Обсуждение

Презумпция невиновности освобождает подозреваемого и обвиняемого от необходимости доказывать свою непричастность к преступлению, возлагая на сторону обвинения обязанность подтверждать вину и опровергать доводы защиты.

В российском уголовном судопроизводстве под бременем доказывания понимается процессуальная обязанность по активному сбору, проверке и оценке доказательств (в расширенном толковании), а также по опровержению аргументов защиты подозреваемого или обвиняемого (в узком понимании) [7, с. 6], которое, по мнению правоведов, является существенным признаком презумпции невиновности [5, с. 6].

Устанавливая объективный правовой статус подозреваемого, обвиняемого как невиновных до вынесения приговора судом, презумпция невиновности вовсе не обязывает сотрудников правоохранительных органов субъективно считать их невиновными при проведении предварительного расследования или поддержании государственного обвинения. Такой подход затормозил бы обнаружение преступлений, пресечение противоправных действий и направление виновных в суд, что противоречило фундаментальным конституционным принципам, закрепленным в Основном Законе РФ. В частности, он ущемлял бы гарантии государственной защиты прав и свобод потерпевших от преступлений (ст. 52), включая право на возмещение ущерба и полноценное участие в процессе. Кроме того, нарушалась бы охрана высшей ценности человеческой жизни и достоинства (ч. 1 ст. 20), а также конституционное право каждого на личную свободу и неприкосновенность, исключающее произвольное лишение свободы без законных оснований (ч. 1 ст. 22). При этом, строгое соответствие обязательным нормам, закрепленным в уголовно-процессуальном законодательстве, является главным требованием к деятельности правоохранительных органов по обнаружению и разоблачению виновных в преступлениях. В частности, согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ, доказательства, добытые в нарушение положений УПК РФ, квалифицируются как недопустимые, утрачивают правовую ценность и исключаются из использования как при обосновании обвинения, так и при разрешении вопросов, входящих в предмет доказывания по ст. 73 УПК РФ [2].

Под допустимостью доказательств, в рамках позитивного подхода, понимается пригодность доказательств с точки зрения законности источников, способов и приемов получения сведений [21, с. 236]. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок уголовного судопроизводства)» переориентировал подход к допустимости доказательств с позитивного на негативный, констатируя, что до-

казательства признаются недопустимыми «если были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами» [18]. Переход к определению недопустимых доказательств подразумевает автоматическое исключение любых материалов, полученных с отступлениями от УПК РФ, с полной утратой их силы. Вероятно, подобный механизм подразумевает более жесткое понимание, и может создавать риски чрезмерного формализма.

В наиболее общем виде к признакам (критериям) допустимости относят 1) сбор и приобщение доказательств к материалам дела компетентным (надлежащим) субъектом; 2) доказательства должны быть добыты из источников, прямо предусмотренных законом, с соблюдением процессуальной формы по ч. 2 ст. 74 УПК РФ; 3) доказательства подлежат получению исключительно законными методами в рамках ст. 86 УПК РФ посредством следственных и процессуальных действий; 4) строгое соблюдение процессуального порядка при выполнении этих действий и оформлении их результатов [19, с. 16]. Несоблюдение указанных условий приводит к отмене приговора ввиду противоречия законодательству, в том числе, принципу презумпции невиновности [8].

Вышеуказанная формулировка понятия недопустимых доказательств подразумевает, что любое отклонение от норм УПК РФ влечет их исключение из процесса с утратой юридической силы. Эта норма подвергается обоснованной критике как в теории, так и на практике. С одной стороны, исключение незаконно добытых сведений служит гарантией против превышения пределов доказывания. С другой – механическое признание доказательств недопустимыми по формальным критериям без анализа сути нарушения способно сузить доказательственную базу, создавая риски судебных ошибок и препятствуя обоснованным выводам по делу.

Даже мелкие отклонения от норм УПК РФ и иных актов, регулирующих оформление доказательств, способны сделать их недопустимыми. Судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции в определении от 1 апреля 2021 г. по делу № 77–963/2021 отметила отсутствие в экспертном заключении удостоверения подписи эксперта печатью госучреждения судебной экспертизы, расценив это как нарушение требований к доказательству в виде документа. Кассационная инстанция исключила заключение из числа доказательств, что привело к корректировке объема обвинения в незаконном хранении наркотиков и смягчению наказания [9].

Ст. 86 УПК РФ определяет исключительный круг лиц, уполномоченных на сбор доказательств через следственные и процессуальные действия: дознаватель, следователь, прокурор и суд. Подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители обладают правом самостоятельно добывать и предоставлять доказательства для включения в материалы уголовного дела. Защитник, в свою очередь, наделен правом собирать их через получение предметов, документов и сведений, опрос лиц (с их согласия), а также запросы справок, характеристик и иных документов у государственных органов, местного самоуправления, общественных объединений и организаций. Следует заметить, что существенным пробелом законодателя является невключение в сферу действия ч. 2 ст. 14 УПК РФ подсудимого как участника судебного процесса. Указание исключительно на подозреваемого и обвиняемого создает впечатление, что обязанность доказывать вину лежит на органах только на досудебной стадии, хотя принцип должен охватывать весь уголовный процесс, включая суд. Обоснованным представляется предложение ученых заменить формулировку ч. 2 ст. 14 УПК РФ на «Никто не обязан доказывать свою невиновность» [12, с. 127], что устранило бы неоднозначность.

Не все специалисты в области уголовного процесса согласны с положениями УПК РФ, причисляющими следователя к стороне обвинения (функции уголовного преследования), поскольку такое отнесение, по их мнению, искусственно искажает его объективную исследовательскую роль по всестороннему установлению обстоятельств преступления, что традиционно называется функцией предварительного расследования [6, с. 163]. Здесь, несомненно, присутствует рациональное зерно, но следует отметить обоснованную позицию В.А. Виноградова о том, что без исполнения обязанности по доказыванию невозможно установить вину лиц, совершивших преступление, и тем самым привлечь их к уголовной ответственности, а значит, обеспечить восстановление нарушенных прав и интересов потерпевшего [5, с. 81]. Таким образом, необходим комплексный подход с учетом принципа презумпции невиновности: следователь обязан проводить беспристрастное исследование всех фактов дела, предотвращая необоснованные обвинения невиновных, однако при наличии убедительных оснований активно доказывать вину преступников для достижения справедливого судебного решения и охраны общественных интересов.

С.В. Корнакова также придает критике мысль о том, что невиновность лица не требует доказывания со стороны властных участников процесса, поскольку она изначально предполагается (презюмируется). По мнению исследователя, ч. 2 ст. 14 УПК РФ фиксирует лишь одно ключевое положение: у подозреваемого (обвиняемого) отсутствует обязанность доказывать свою невиновность. При этом в норме не утверждается, что сторона обвинения тоже освобождена от исследования вопросов невиновности [12, с. 128]. КС РФ также констатирует: «дознаватель, следователь, прокурор и суд, осуществляя доказывание, обязаны принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от них меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления» [17].

Опираясь на позиции авторитетных специалистов в области уголовного процесса, можно утверждать: суть уголовно-процессуальной деятельности – при неукоснительном соблюдении принципа презумпции невиновности – заключается не в безоговорочном выполнении «бремени доказывания» с целью непременно обвинить, а в познании обстоятельств дела. Лишь на основе всестороннего познания следует формировать обоснованную правовую оценку деяния и совершившего его лица. Эта концептуальная установка напрямую связана с правилами о допустимости доказательств – ключевым механизмом, обеспечивающим достоверность познания и справедливость итогового решения.

Согласно Кассационному постановлению Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 мая 2023 г. № 77–1979/2023, уголовное дело со стадии кассации направлено на дополнительное расследование прокурору в связи с неполным, не всесторонним предварительным расследованием, а именно в обвинительном заключении отсутствует изложение и анализ соответствующих обстоятельств, а также перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, данные о потерпевшем, характере и размере вреда, причиненного ему преступлением, данные о гражданском истце и гражданском ответчике [11].

В судебной практике встречаются и совсем абсурдные ситуации. Например, из смысла Кассационного определения Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 июня 2021 г. № 77–1826/2021 следует то, что обвиняемый осужден за кражу, в которой он сам и признался. Но в момент совершения кражи он уже сидел в СИЗО по другому делу и побегов оттуда не совершал. Приговор был отменен в части одного из эпизодов обвинения с направлением дела на новое рассмотрение, а срок наказания по остальным доказанным эпизодам обвинения снижен [10]. Однозначно, любое признание в совершении преступления требует тщательной следственной проверки, особенно во многоэпизодных делах с вопросами алиби, ведь по ч. 2 ст. 77 УПК РФ сторона обвинения обязана доказывать вину исключительно своими материалами – независимо от позиции фигуранта, будь то отрицание или полное признание.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, показания подозреваемого или обвиняемого, зафиксированные на досудебной стадии без участия защитника и не подтвержденные в судебном заседании, признаются недопустимыми доказательствами. В апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 июня 2018 г. № 53-АПУ18–6 отмечено, что протокол явки с повинной гр-на З. о признании убийства двух лиц и поджога дома составлен в отсутствие адвоката, без разъяснения ему процессуальных прав. В судебном заседании в первой инстанции данные показания подсудимый не подтвердил. Суд в приговоре сослался на показания, указанные в протоколе явки с повинной, как доказательство его вины, что противоречит требованиям закона (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК), в силу которых такие показания являются недопустимыми доказательствами и не могут быть положены в основу обвинения. Указание на явку с повинной гр-на З. было исключено из приговора суда первой инстанции как доказательство, а в основу последующего судебного решения легли иные доказательства, имеющиеся в деле [4].

Возвращаясь к вопросу о бремени доказывания, следует обратить внимание на позиции некоторых ученых о том, что в российском уголовном процессе и сторона защиты несет бремя доказывания [13, с. 155]. Подобный вывод можно сделать из смысла Постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», в котором сказано, что при рассмотрении ходатайства стороны защиты о признании доказательства недопустимым на том основании, что оно было получено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, бремя

опровержения доводов стороны защиты возлагается на государственного обвинителя, а в остальных случаях бремя доказывания лежит на стороне, заявившей ходатайство [18].

Кроме того, предлагается внедрить в практику концепцию асимметрии правил допустимости доказательств, на наш взгляд, более мягкий подход именно к материалам защиты. Суть такого подхода состоит в том, что доказательства, добытые стороной защиты даже с нарушениями закона обязано учитывать обвинение. В то же время недопустимые доказательства обвинения сторона защиты вправе использовать для подтверждения невиновности подзащитного или смягчения его вины [20, с. 82].

Традиционно считается, что на досудебных стадиях защитник обладает заметно меньшими возможностями по сбору доказательств, чем органы предварительного расследования. По мнению М.Б. Набатова, сторона защиты, участвуя в установлении истины и доказывании по делу, обязана не только подтверждать невиновность подзащитного, но и активно представлять доводы о недоказанности обвинения. Ученый уверенно отстаивает позицию о том, что большие возможности стороне защиты дают цифровые технологии, существенно усиливающие ее позиции, предоставляя подозреваемому, обвиняемому и его адвокату расширенные инструменты для самостоятельного выявления фактов, подтверждающих невиновность или позволяющих смягчить степень вины (видео-, аудиозаписи, переписки в соцсетях и т.п.) [14].

Острая проблема состоит в необходимости нормативного закрепления понятия «цифровые доказательства» и признании их возрастающей роли в системе уголовно-процессуального доказывания, имеющего непосредственное отношение к принципу презумпции невиновности. На основе изученных предложений различных ученых, считаем необходимым рассмотреть возможность дополнения ст. 5 УПК РФ (Основные понятия) определением примерного содержания: «цифровые доказательства – это информация, представленная в цифровой форме и зафиксированная на электронных носителях, имеющая значение для установления обстоятельств уголовного дела и полученная в порядке, предусмотренном УПК РФ».

Сформулированные более полувека назад правила доказывания направлены на получение аналоговой информации, а действующий УПК РФ практически не содержит особых правил обращения с цифровыми материалами. Электронные следы и особенности юридически значимой информации, содержащейся в них, имеют определенную специфику.

Правила доказывания, разработанные более полувека назад, рассчитаны на работу с традиционной аналоговой информацией. Действующий УПК РФ не в полной мере регулирует специфику обращения с цифровыми материалами, хотя электронным следам и содержащейся в них юридически значимой информации свойственны уникальные особенности. Цифровая информация более уязвима и подвержена манипуляциям (изменение данных, удаленное редактирование), а отсутствие специальных правил фиксации затрудняет доказательство аутентичности или фальсификации электронных следов.

В большей мере вышеуказанная проблема касается уголовного процесса, отличающегося от гражданского и арбитражного монополией обвинения, что, с точки зрения презумпции невиновности, безусловно, усиливает обвинительный уклон [22, с. 89].

В рамках норм УПК РФ, цифровые носители информации изымаются при проведении следственных мероприятий с обязательным участием специалиста. Анализ же судебной практики показывает, что отсутствие специалиста при изъятии электронного носителя не признается нарушением презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), если специальные знания не требовались. В Определении Первого кассационного суда от 28 января 2021 г. № 77–292/2021, 77–3230/2020 указано, что ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ применяется только для предотвращения утраты или изменения информации, а при простом изъятии видеозаписи без риска ее повреждения участие специалиста необязательно [15]. В Определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 17 ноября 2022 г. № 8-УД22–14СП-А1 указано, что основания полагать незаконным изъятие ноутбука без участия специалиста отсутствуют, поскольку процессуальное действие не сопровождалось извлечением цифровой информации или созданием копии информации для ее владельца взамен самого носителя, который подлежал изъятию [16]. Такие решения суда свидетельствуют о сохранении допустимости доказательств и исключают неустранимые сомнения в пользу обвиняемого. Противоречия между нормой и практикой требуют пересмотра законодательных формулировок. Возможным вариантом редакции ч. 2 ст. 164.1 (первого предложения) УПК РФ будет такой: «Электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий по усмотрению следователя с участием специалиста, если для этого требуются специальные знания или навыки».

Современная практика обращения с цифровой информацией в уголовном судопроизводстве сводится преимущественно к ее конвертации в традиционную аналоговую, к которой применяются классические следственные мероприятия – осмотр, обыск и выемка [22, с. 89]. Такой подход, безусловно, должен быть пересмотрен, поскольку электронные доказательства обладают характеристиками (форма существования, способ фиксации, возможность копирования, методы изъятия, объем хранения и др.), кардинально отличающимися от аналоговых.

Электронные доказательства требуют строгих процедур для обеспечения достоверности, иначе могут нарушить презумпцию невиновности, поскольку имеют высокий риск искажения (легко модифицируются, удаляются, подделываются). Известно, например, что фотофайлы при пересылке в мессенджерах теряют качество и размер, т.е. уже не идентичны оригиналу. Это создает сомнение в достоверности доказательств, которые должны толковаться в пользу обвиняемого.

Результаты

Презумпция невиновности носит характер уже не декларативного принципа, а своеобразной основы, на которой стоит современное судопроизводство, начиная с возбуждения уголовного дела до его кассационной или надзорной проверки. А допустимость доказательств является не просто фильтром всевозможной информации, а главным механизмом реализации презумпции невиновности. Критерии допустимости доказательств в современном цифровизованном уголовном судопроизводстве требуют пересмотра и обновления, в том числе на законодательном уровне, дабы оптимизировать процесс сбора доказательств и проверки их допустимости следователем в процессе расследования уголовного дела. Расширение инструментов защиты и активизация доказывающей функции защитника сегодня сдвигают центр тяжести уголовного судопроизводства к состязательности. В то же время наблюдается риск доказательного дисбаланса в пользу государства, поскольку суды иногда, как свидетельствует судебная практика, принимают доказательства с признаками недопустимости.

Выводы

Проблему противоречий в выработке единообразных подходов к балансу между презумпцией невиновности и допустимостью доказательств, несомненно, помогают преодолевать постановления и разъяснения Верховного Суда РФ. Вместе с тем фрагментарность таких разъяснений и отсутствие целостного законодательного фундамента порождают потребность в обеспечении правовой определенности, системной кодификации норм и унификации процессуальной практики.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ / СЗ РФ от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.
3. Аведьян Д.А. Недопустимость использования доказательств, полученных с нарушением уголовно-процессуального законодательства, и иные принципы правосудия // Научный электронный журнал «Академическая публицистика». № 9–1, 2025 – С. 65–76.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.06.2018 № 53-АПУ18–6 // Официальный сайт ЮИС «Легалакт».
5. Виноградов В.А. Правовые основы института бремени доказывания в российском уголовном процессе: исторические, теоретические и прикладные аспекты: научно-практическое пособие. Москва: Знание-М, 2024. – 192 с.
6. Жуков Д. А. К вопросу о теории и практике реализации полномочий следователя по собиранию доказательств в досудебном производстве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 3. – С. 163–169.
7. Ильютченко Н.В. Бремя доказывания в уголовном процессе: классический и современный подходы // ГлаголЪ правосудия. 2022. № 3 (29). – С. 1–6.
8. Казанова С.А. Презумпция невиновности в уголовном процессе Российской Федерации: содержание и проблемы реализации // Молодой ученый. 2025. № 50 (601).
9. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.04.2021 по делу № 77–963/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.06.2021 № 77–1826/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2023 № 77–1979/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Корнакова С.В. Проблемы законодательного закрепления обязанности доказывания и презумпции невиновности в УПК РФ // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 120–130.

13. Кудрявцева А.В. Бремя доказывания в уголовном процессе // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича: Материалы конференции, Москва, 24–25 октября 2019 года. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2020. – С. 152–157.

14. Набатов М.Б. Реализация права на защиту в уголовном процессе в условиях применения цифровых технологий: автореф. дис. … канд. юрид наук: 5.1.4. М., 2024. – 28 с.

15. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.01.2021 № 77–292/2021, 77–3230/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 17.11.2022 № 8-УД22–14СП-А1 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Савельева Н.В. Проблемы доказательств и доказывания в уголовном процессе: учеб. пособие. – Краснодар: КубГАУ, 2019. – 95 с.

20. Седых Т.В. Допустимость доказательств в уголовном процесс // Теория и практика юридической науки. 2018. № 2(51). с. 77–82.

21. Шадрин В.С. Признание доказательств недопустимыми: проблемы и тенденции правоприменения // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы XV Международной научно-практической конференции, 23–24 июня 2023 года (Санкт-Петербург): сборник статей. М.: РУСАЙНС, 2024. – 326 с.

22. Шарипова А. Р. «Новые источники уголовно-процессуальных и иных судебных доказательств в цифровой реальности». Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. № 1 – С. 73–89.

PRESUMPTION OF INNOCENCE AND ADMISSIBILITY OF EVIDENCE: LEGAL INTERCONNECTIONS AND GUARANTEES OF A FAIR TRIAL

Tushev A.A., Voitenko V.A.
Kuban State Agrarian University

The article analyzes the problem of the legal interconnections between the presumption of innocence and the admissibility of evidence as guarantees of a fair trial. The author presents an analysis of the views of contemporary procedural scholars on the issue of the distribution of the burden of proof in criminal proceedings, as well as on the admissibility of evidence as a key criterion influencing the implementation of the proof process and, as a result, the observance of the principle of the presumption of innocence. Particular attention is paid to the procedural powers and rights of the subjects participating in the process of proving. Certain features of the procedural procedure for ensuring the admissibility of the evidentiary base in the context of the digitalization of criminal proceedings are identified. The existing judicial practice regarding these legal relations is summarized, and changes and additions to the current criminal procedure legislation are proposed, aimed at eliminating contradictions, establishing proper legal certainty, and codification.

Keywords: presumption of innocence, evidence, admissibility, burden of proof, criminal proceedings, suspect, accused, defendant, investigator, defense attorney, court, prosecution, guilt, digitalization.

References

1. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on 12.12.1993 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FZ / Collected Legislation of the Russian Federation of 24 December 2001 № 52 (Part I) Art. 4921.

3. Avedyan D.A. Inadmissibility of Using Evidence Obtained in Violation of Criminal Procedure Legislation and Other Principles of Justice // Scientific Electronic Journal «Academic Journalism». № 9–1, 2025 – pp. 65–76.

4. Appellate Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 20, 2018, № 53-APU18–6 // Official website of the UIS «Legalakt».

5. Vinogradov, V.A. Legal Foundations of the Burden of Proof in Russian Criminal Procedure: Historical, Theoretical, and Applied Aspects: A Scientific and Practical Handbook. Moscow: Znanie-M, 2024. – 192 p.

6. Zhukov, D.A. On the Theory and Practice of Implementing the Investigator's Powers to Collect Evidence in Pre-Trial Proceedings // Crime Investigation: Problems and Solutions. 2024. № 3. – pp. 163–169.

7. Ilyutchenko, N.V. Burden of Proof in Criminal Procedure: Classical and Modern Approaches // Glagoliy Susteniy. 2022. № 3 (29). – P. 1–6.

8. Casanova S.A. Presumption of Innocence in Criminal Procedure of the Russian Federation: Content and Implementation Issues // Young Scientist. 2025. № 50 (601).

9. Cassation Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 01.04.2021 in Case № 77–963/2021 // SPS «ConsultantPlus».

10. Cassation Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 14.06.2021 № 77–1826/2021 // SPS «ConsultantPlus».

11. Cassation ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 17.05.2023 № 77–1979/2023 // SPS «ConsultantPlus».

12. Kornakova S.V. Problems of legislative consolidation of the burden of proof and the presumption of innocence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Lex russica. 2025. Vol. 78. № 3. Pp. 120–130.

13. Kudryavtseva A.V. Burden of proof in criminal proceedings // The nature of Russian criminal proceedings and the adversarial principle: on the 125th anniversary of M.S. Strogovich's birthday: Conference materials, Moscow, October 24–25, 2019. – M .: Yurltinform Publishing House, 2020. – Pp. 152–157.

14. Nabatov, M. B., Implementation of the Right to Defense in Criminal Proceedings in the Context of the Use of Digital Technologies: Abstract of Cand. Sci. (Law): 5.1.4. Moscow, 2024, 28 p.

15. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated January 28, 2021, № 77–292/2021, 77–3230/2020 // SPS «ConsultantPlus».

16. Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 17, 2022, № 8-UD22–14SP-A1 // SPS «ConsultantPlus».

17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2004, № 13-P «On the Case of Verifying the Constitutional Validity of Certain Provisions of Articles 7, 15, 107, 234, and 450 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Request of a Group of State Duma Deputies» // SPS «ConsultantPlus».

18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2017, № 51 «On the Practice of Applying Legislation When Considering Criminal Cases in the Court of First Instance (General Procedure of Legal Proceedings)» // SPS «ConsultantPlus».

19. Savelyeva, N.V. Problems of Evidence and Proof in Criminal Procedure: A Textbook. – Krasnodar: KubSAU, 2019. – 95 p.

20. Sedykh T.V. Admissibility of Evidence in Criminal Proceedings // Theory and Practice of Legal Science. 2018. № 2(51). pp. 77–82.

21. Shadrin V.S. Recognizing Evidence as Inadmissible: Problems and Trends in Law Enforcement // Scientific School of Criminal Procedure and Forensic Science of St. Petersburg State University. Proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference, June 23–24, 2023 (St. Petersburg): Collection of Articles. Moscow: RUSAINS, 2024. – 326 p.

22. Sharipova A. R. «New Sources of Criminal Procedure and Other Judicial Evidence in the Digital Reality». Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2023. № 1 – pp. 73–89.

Искусственный интеллект в системе гарантий законности судебной деятельности: вопросы превентивной профилактики дисциплинарных проступков

Стебивко Иван Юрьевич,
аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук
E-mail: ivan.stebivko@mail.ru

Цель: Провести комплексный правовой анализ превентивного потенциала технологий искусственного интеллекта в механизме дисциплинарной ответственности судей в Российской Федерации, а также выявить организационно-правовые проблемы и определить пути совершенствования нормативного регулирования в данной сфере.
Методы: В исследовании применялись формально-юридический анализ, сравнительно-правовой метод, системный анализ нормативных правовых актов и правоприменительной практики, метод правового моделирования, а также анализ эмпирических данных о внедрении систем искусственного интеллекта в судебную деятельность и статистических данных о привлечении судей к дисциплинарной ответственности.
Результаты: В статье обоснована концепция «цифровой превенции» в механизме дисциплинарной ответственности судей. Установлено, что сверхнормативная нагрузка и «человеческий фактор» выступают основными детерминантами дисциплинарных правонарушений, при этом более половины рабочего времени судей расходуется на выполнение рутинных операций. Проанализированы превентивные возможности существующих систем искусственного интеллекта («Виртуальный помощник судьи», «Магис», «Нейромагис»), демонстрирующих способность к автоматизации контроля процессуальных сроков, минимизации технических ошибок и обеспечению качества судебных актов. Изучен зарубежный опыт применения искусственного интеллекта для профилирования добросовестности судей (Индонезия) и прогнозирования поведенческих нарушений (ОАЭ). Выявлены организационно-правовые проблемы: неопределенность правового статуса превентивных ИИ-систем, риски ложных срабатываний и «цифрового профилирования», угрозы независимости судей, отсутствие соответствующих норм в Кодексе судейской этики. Обоснована необходимость имплементации принципа «human-in-the-loop» (человек в контуре).
Выводы: Внедрение систем искусственного интеллекта обладает значительным превентивным потенциалом в области предупреждения дисциплинарных проступков судей, особенно в части нарушений процессуальных сроков и технических ошибок, однако требует преодоления правовой неопределенности и рисков, связанных с сохранением независимости судей. Сформулированы предложения по совершенствованию нормативного регулирования: принятие ведомственного регламента использования систем искусственного интеллекта в судах, внесение изменений в Закон РФ «О статусе судей», дополнение Кодекса судейской этики положениями о цифровом мониторинге и пределах автоматизации при обязательном сохранении человеческого контроля за юридически значимыми решениями.

Ключевые слова: искусственный интеллект, дисциплинарная ответственность судей, цифровая превенция, судебная система, автоматизация судебной деятельности, процессуальные сроки, нагрузка на судей, Кодекс судейской этики, принцип human-in-the-loop, цифровое профилирование, сравнительно-правовой анализ.

В юридической доктрине и правоприменительной практике дисциплинарный проступок судьи рассматривается в качестве особой разновидности правонарушения, обладающей специфическим субъектным составом и повышенной общественной значимостью. Легальная дефиниция данного понятия закреплена в статье 12.1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей)[1]. Согласно указанной норме, под дисциплинарным проступком понимается виновное действие (бездействие) судьи, совершенное как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебной деятельности, которое повлекло нарушение положений названного Закона и (или) Кодекса судейской этики, утвержденного VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г., что, в свою очередь, обусловливает умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» обращает внимание на необходимость отграничения дисциплинарных проступков от судебных ошибок[2]. Принципиальное значение имеет разъяснение, согласно которому сам по себе факт вынесения незаконного или необоснованного судебного акта, явившегося следствием неверной оценки доказательств либо неправильного применения норм материального или процессуального права, не образует состава дисциплинарного проступка, если только не установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудного решения.

Анализ практики квалификационных коллегий судей позволяет выделить основные категории деяний, влекущих применение дисциплинарных взысканий. К числу наиболее распространенных составов относятся: систематическое или грубое нарушение процессуальных сроков рассмотрения дел; волокита при осуществлении правосудия; неэтичное поведение судьи в отношении участников судопроизводства и иных лиц; нарушения требований при составлении судебных актов, включая их необоснованное заимствование; несоблюдение установленных запретов и ограничений, в том числе при инвестировании денежных средств[3][4].

Статистические данные свидетельствуют об устойчивой тенденции к увеличению числа судей, привлекаемых к дисциплинарной ответственности. Так, по информации Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, в 2021 г. дисциплинарные взыскания были наложены в отношении 187 судей, что на 37 человек превысило показатель предшествующего года[5]. В 2023 г. количество привлеченных к ответственности судей возросло до 249, продемонстрировав увеличение почти на 20% по сравнению с 2022 г., когда такие меры применялись к 208 судьям. Приведенные цифры актуализируют поиск новых подходов к предупреждению дисциплинарных деликтов в судейском корпусе.

Причиной дисциплинарных нарушений – это роль «человеческого фактора» и сверхнагрузки.

Исследование причинного комплекса дисциплинарных правонарушений судей обнаруживает тесную взаимосвязь между объективными

[1] Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» (с послед. изм. и доп.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 6.

[3] Выяснилось, за что чаще всего наказывают судей: не туда инвестируют // Московский комсомолец. – 2024. – 2 апр. – URL: https://www.mk.ru/politics/2024/04/02/vyyasnilos-za-chto-chashhe-vsego-nakazyvayut-sudey-ne-tuda-investiruyut.html (дата обращения: 10.02.2026).

[4] Тимошин назвал основные нарушения, за которые судей привлекают к ответственности // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). – 2024. – 2 апр. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20240402/309774079.html (дата обращения: 10.02.2026).

[5] Российские судьи стали чаще совершать дисциплинарные проступки – Лебедев // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). – 2022. – 15 апр. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20220415/307782963.html (дата обращения: 10.02.2026).

условиями осуществления профессиональной деятельности и субъективными факторами, детерминирующими отклоняющееся поведение. В числе объективных обстоятельств, способствующих совершению дисциплинарных проступков, особое место занимает чрезмерная служебная нагрузка. Как следует из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, при решении вопроса о наличии в действиях судьи состава дисциплинарного правонарушения суду надлежит выяснять, не обусловлены ли нарушения процессуальных сроков обстоятельствами, затрудняющими служебную деятельность, включая чрезмерную нагрузку и ненадлежащую организацию работы суда.

В научной литературе обоснованно отмечается, что при динамичном развитии законодательства, сопровождающемся выявлением противоречий и пробелов правового регулирования, количество судебных ошибок возрастает именно в условиях повышенной нагрузки на судей[1]. При этом разграничение ординарной судебной ошибки и дисциплинарного проступка, связанного с ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей, представляет собой сложную правоприменительную задачу. Как указывает Н.В. Шереметьева, на практике квалификационные коллегии судей нередко назначают дисциплинарные взыскания за деяния, которые по своей сути являются судебными ошибками, что порождает споры о пределах судейского усмотрения и гарантиях независимости судей при осуществлении правосудия[2].

В современной научной литературе выделяют концепцию «цифровой превенции» в механизме юридической ответственности, которая полностью заменяет традиционную модель дисциплинарной ответственности судей, которая ориентирована преимущественно на репрессивную функцию – наказание за уже совершенное правонарушение. Вместе с тем, современные тенденции развития юридической ответственности демонстрируют возрастание роли превентивных механизмов, направленных на предупреждение противоправных деяний. Формирование концепции «цифровой превенции» обусловлено возможностями, которые открывают технологии искусственного интеллекта в сфере мониторинга, анализа и прогнозирования профессиональной деятельности судей.

Теоретическое обоснование перехода от репрессивной к превентивной модели дисциплинарной ответственности базируется на понимании того, что значительная часть нарушений, совершаемых судьями, носит не умышленный, а неосторожный характер и обусловлена объективными факторами организационно-технического свойства. В таких случаях применение технологических решений, позволяющих минимизировать влияние «человеческого фактора», представляется более эффективным, чем последующее наложение дисциплинарных взысканий.

Под цифровой превенцией в механизме юридической ответственности судей предлагается понимать совокупность организационно-правовых и технологических мер, реализуемых посредством систем искусственного интеллекта и направленных на выявление, нейтрализацию и устранение факторов, способствующих совершению дисциплинарных проступков, а также на создание условий, исключающих или существенно затрудняющих противоправное поведение судьи при осуществлении профессиональной деятельности.

Формирование данного направления согласуется с задачами, обозначенными на высшем уровне судебной системы. Председатель Верховного Суда РФ в своих выступлениях неоднократно акцентировал внимание на необходимости обновления и совершенствования электронных сервисов, призванных оптимизировать судебную деятельность и снизить риски нарушений, связанных с высокой нагрузкой и техническими ошибками. В этом контексте внедрение систем искусственного интеллекта должно рассматриваться не только как средство повышения эффективности правосудия, но и как инструмент профилактики дисциплинарных правонарушений судей.

При этом, всём вышеизложенным нельзя умолять возможности искусственного интеллекта в судебной деятельности, в том числе такие как контроль процессуальных сроков и автоматизация рутинных задач.

Поскольку современные технологические решения, основанные на методах машинного обучения и обработки естественного языка, демонстрируют значительный потенциал в сфере автоматизации рутинных операций, выполняемых судьями и работниками аппаратов судов. Одним из наиболее показательных примеров может выступать программный комплекс «Виртуальный помощник судьи», функционал которого будет включать автоматический контроль процессуальных сроков, работу с юридическими калькуляторами, а также формирование проектов судебных актов. Указанный инструмент позволит существенно минимизировать риск возникновения технических ошибок, способных при определённых условиях трансформироваться в дисциплинарные проступки, связанные с нарушением сроков рассмотрения дел[3][4].

Особого внимания заслуживает опыт внедрения системы «Магис» в судах Амурской области, представленный на международном форуме «ИТ-Диалог» в ноябре 2025 г. Данный цифровой помощник ориентирован на автоматизацию рассмотрения дел о вынесении судебного приказа. Благодаря использованию технологий машинного обучения система осуществляет сбор и структурирование данных из заявлений, формирует комплект процессуальных документов и регистрирует дело в базе данных в среднем за две минуты[5]. Сравнительный анализ демонстрирует, что применение «Магис» обеспечивает ускорение обработки дел практически в сто раз по сравнению с традиционными методами. По итогам 2024 г. десять мировых судей г. Благовещенска с использованием данной системы рассмотрели около 80 тыс. дел, подавляющее большинство из которых было подготовлено в автоматическом режиме. В настоящее время технология проходит тестирование или используется в 32 регионах Российской Федерации на 215 судебных участках[6].

Дополнительным инструментом автоматизации выступает система «Нейромагис», предназначенная для работы с протоколами об административных правонарушениях. Программа оснащена специализированной моделью распознавания речи, позволяющей извлекать ключевые атрибуты из текстов протоколов и вносить их в базу данных мировых судей без участия человека. Ежегодно через данную систему в Благовещенске проходит около 20 тыс. протоколов, при этом точность распознавания достигает 95%, что практически исключает риск ошибок, связанных с ручным вводом информации[7][8]. Автоматизированная регистрация документов позволила сократить общее время подготовки дела почти втрое, высвободив ресурсы сотрудников для содержательной работы.

Помимо всего прочего, искусственный интеллект функционально имеет возможность обеспечивать качество судебных актов, то есть проверять их на антиплагиат и на цитирования.

Поскольку проблема необоснованного заимствования текстов судебных актов представляет собой самостоятельный состав дисциплинарного нарушения, что в свою очередь свидетельствует о формальном подходе к отправлению правосудия и отсутствии у судьи личного убеждения относительно существа разрешаемого спора, то квалификационные коллегии судей при оценке подобных деяний исходят из того, что копирование фрагментов решений по иным делам без учета специфики конкретного правоотношения несовместимо со статусом судьи и требованиями Кодекса судейской этики[9].

Применение технологий искусственного интеллекта открывает новые возможности для выявления неправомерных заимствований и проверки корректности ссылок на судебную практику. Современные программные комплексы способны не только фиксировать текстуальные совпадения, но и анализировать контекст использования заимствованных фрагментов, определять их уместность и обоснованность в структуре конкретного судебного акта[10]. Особую актуальность данное

[1] Ошибка, мнение или проступок? // Адвокатская газета. – 2024. – 10 июня. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/oshibka-mnenie-ili-prostupok/ (дата обращения: 10.02.2026).

[2] Шереметьева Н.В. Разграничение категорий дисциплинарного проступка и судебной ошибки / Н.В. Шереметьева // Российский судья. – 2024. – № 4. – С. 40–44.

[3] UAE Public Prosecution hosts panel discussion on 'Ethical Governance Framework for AI in Criminal Justice' // Emirates News Agency (WAM). – 2025. – 14 Oct. – URL: https://www.wam.ae/en/article/bm78n1a-uae-public-prosecution-hosts-panel-discussion (дата обращения: 10.02.2026).

[4] Амурская область представила успешные цифровые решения для судей на форуме «ИТ-Диалог» // amur28.info. – 2025. – 10 нояб. – URL: https://amur28.info/news/dv/magadanskaya/49713/ (дата обращения: 10.02.2026).

[5] «Магис» и «Нейромагис»: инновации для ускорения судебных процессов в Приамурье // myseldon.com. – 2025. – 10 нояб. – URL: https://myseldon.com/ru/news/index/337619021 (дата обращения: 10.02.2026).

[6] Амурская область представила успешные цифровые решения для судей на форуме «ИТ-Диалог» // amur28.info. – 2025. – 10 нояб. – URL: https://amur28.info/news/dv/magadanskaya/49713/ (дата обращения: 10.02.2026).

[7] Амурская область представила успешные цифровые решения для судей на форуме «ИТ-Диалог» // amur28.info. – 2025. – 10 нояб. – URL: https://amur28.info/news/dv/magadanskaya/49713/ (дата обращения: 10.02.2026).

[8] «Магис» и «Нейромагис»: инновации для ускорения судебных процессов в Приамурье // myseldon.com. – 2025. – 10 нояб. – URL: https://myseldon.com/ru/news/index/337619021 (дата обращения: 10.02.2026).

[9] Тимошин назвал основные нарушения, за которые судей привлекают к ответственности // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). – 2024. – 2 апр. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20240402/309774079.html (дата обращения: 10.02.2026).

[10] Как проводится независимая экспертиза текстов с использованием искусственного интеллекта по выявлению поддельных цитат или авторства в больших объемах информации? // АНО «Судебный Эксперт». – URL: https://sudexpa.ru/faq/chastye-voprosy-ob-ekspertize-tekstov-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta-ai-generated-content/ (дата обращения: 10.02.2026).

направление приобретает в свете участившихся случаев использования сторонами процессов материалов, сгенерированных нейросетями и содержащих ссылки на несуществующие судебные решения – так называемые «галлюцинации» искусственного интеллекта[1].

Таким образом, аналитические комплексы на основе искусственного интеллекта могут быть использованы для выявления противоречий в судебной практике, а также для обнаружения паттернов поведения, свидетельствующих о возможных нарушениях судейской этики или коррупционных проявлениях. Верховный Суд РФ анонсировал создание систем, способных осуществлять мониторинг судебных актов на предмет наличия внутренних противоречий и несоответствий устоявшимся правовым позициям. Такие инструменты позволяют выявлять ситуации, в которых судья отступает от сложившейся практики без достаточных оснований, что может указывать на наличие постороннего влияния или личной заинтересованности.

Опыт зарубежных государств демонстрирует более широкое применение технологий профилирования судей на основе анализа данных. Верховный суд Республики Индонезии в рамках усиления внутреннего надзора внедрил практику составления профилей добросовестности (integrity profiling) судей и работников аппарата. По состоянию на октябрь 2025 г. такие профили сформированы в отношении 3127 судей из 9112 (34,32%). Полученные данные используются при принятии кадровых решений, включая вопросы повышения и перевода судей. Специальное подразделение надзорного органа уполномочено проводить этические операции, в ходе которых осуществляется выявление судей, подозреваемых в нарушении этических норм или правил поведения[2].

В индонезийской судебной системе также внедрена цифровая платформа внутреннего надзора SIWAS и приложение WASTITAMA, позволяющие осуществлять комплексный мониторинг деятельности судов, включая доступ к данным о рассмотренных делах каждым судьей и прямым трансляциям с камер видеонаблюдения во всех судах для обеспечения прозрачности процессов[3]. Указанные меры сопровождаются оценкой коррупционных рисков, проводимой совместно с Комиссией по борьбе с коррупцией, что позволяет выявлять потенциально опасные паттерны поведения до того, как они трансформируются в дисциплинарные проступки.

Превентивный мониторинг поведения судей развивается не только Республике Индонезии, особый интерес представляет опыт Объединенных Арабских Эмиратов в сфере использования искусственного интеллекта для мониторинга и прогнозирования дисциплинарных нарушений в судебной системе. Прокуратура ОАЭ в рамках участия в выставке GITEX Global 2025 представила панельную дискуссию, посвящённую этическим основам управления искусственным интеллектом в уголовном правосудии. В ходе мероприятия обсуждался переход от политики использования технологий к принятию структурированной этической хартии, регулирующей применение ИИ в судебных процессах[4].

Ключевыми принципами внедрения ИИ в судебную систему ОАЭ выступают транспарентность, подотчетность и алгоритмическая справедливость при сохранении – ключевой роли человека в юридическом контуре. Данный подход гарантирует, что решения, генерируемые интеллектуальными системами, остаются подотчетными и ориентированными на права человека. Амира Аль Вахши, руководитель проекта управления прокуратуры ОАЭ, подчеркнула, что искусственный интеллект никогда не заменит человеческий элемент, а будет служить инструментом повышения эффективности в рамках ответственности и прозрачности[5].

Стратегия в области ИИ прокуратуры ОАЭ на 2025–2030 гг. предусматривает трансляцию результатов этического регулирования в конкретные политики и исполнительные инициативы, направленные на построение устойчивой, интеллектуальной и человекоцентричной системы правосудия. В контексте дисциплинарной ответственности судей особое значение имеет возможность использования ИИ для анализа поведенческих нарушений и прогнозирования рисков совершения дисциплинарных проступков, что позволяет перейти от постделиктного реагирования к превентивному воздействию.

Учитывая изложенное, возникает вопрос о юридической природе внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность, которая приобретает особое значение при определении пределов ответственности председателей судов за организацию работы судебных органов. Действующее законодательство не содержит прямого указания на то, является ли использование ИИ-систем правом или обязанностью должностных лиц судебной системы. Данная правовая неопределенность порождает сложности при оценке действий (бездействия) руководителей судов в контексте их возможной дисциплинарной ответственности[6].

Анализ официальных заявлений руководства Верховного Суда РФ позволяет выявить определенные ориентиры в данном вопросе. Председатель Верховного Суда РФ в ходе совещания с председателями федеральных судов, проведенного в режиме видеоконференцсвязи, подчеркнул необходимость обновления и совершенствования электронных сервисов федеральных судов, включая интерфейсы официальных сайтов, которые должны быть удобными и понятными для граждан. Особое внимание было уделено перспективам использования аналитических программных комплексов, основанных на технологиях искусственного интеллекта, позволяющих оперативно выявлять противоречия в судебной практике и обеспечивать ее единообразие[7].

Существенным препятствием для формирования единообразного подхода выступает отсутствие стратегического документа, определяющего направления цифровой трансформации судебной системы. Согласно экспертному заключению Счетной палаты РФ, концепции, разрабатываемые судебной системой, не отвечают требованиям стратегического планирования, а ключевые нормативные акты правительства и Минцифры носят рекомендательный характер. Вследствие этого суды вынуждены развивать информационно-технологическую инфраструктуру в отрыве от единого подхода, что порождает фрагментарность финансирования и технологическую деградацию ключевых систем[8].

Показательным примером такой фрагментации выступает ситуация с государственной автоматизированной системой «Правосудие», которая не обновлялась по архитектуре на протяжении длительного времени: 43% ее компонентов устарели и не используются. В 2024 г. система пережила киберинцидент с частичной утратой накопленных данных, при этом информационная безопасность оказалась необеспеченной ввиду отсутствия аттестатов, резервного копирования и назначенных ответственных лиц. Одновременно с этим г. Москва самостоятельно развивает Комплексную информационную систему судов общей юрисдикции, технологически более продвинутую, чем ГАС «Правосудие», однако федеральный Судебный департамент в разработке не участвовал, а сама система не интегрирована в федеральную инфраструктуру[9].

Приведенные обстоятельства позволяют констатировать, что в настоящее время внедрение превентивных ИИ-систем де-юре остается правом, а не обязанностью председателей судов. Однако формирующийся стандарт «разумной достаточности» в организации судебной деятельности предполагает, что непринятие мер по цифровизации при наличии объективных возможностей и положительных примеров может косвенно свидетельствовать о бездействии руководства, особен-

[1] «Галлюцинации» ИИ относительно несуществующих постановлений – КАС ВС подчеркнул нарушения добросовестности использования процессуальных прав // Судово-юридична газета. – 2026. – 16 янв. – URL: https://sud.ua/ru/news/sudebnaya-praktika/351090-gallyutsinatsii-ii-otnositelno-nesuschestvuyuschikh-postanovleniy-kas-vs-podcherknul-narusheniya-dobrosovestnosti-ispolzovaniya-protsessualnykh-prav (дата обращения: 10.02.2026).

[2] Supreme Court Holds Joint Hearing with Commission III of the House of Representatives // Mahkamah Agung Republik Indonesia. – 2025. – 18 Nov. – URL: https://www.mahkamahagung.go.id/en/news/7028/supreme-court-holds-joint-hearing-with-commission-iii-of-the-house-of-representatives (дата обращения: 10.02.2026).

[3] Supreme Court Holds Joint Hearing with Commission III of the House of Representatives // Mahkamah Agung Republik Indonesia. – 2025. – 18 Nov. – URL: https://www.mahkamahagung.go.id/en/news/7028/supreme-court-holds-joint-hearing-with-commission-iii-of-the-house-of-representatives (дата обращения: 10.02.2026).

[4] UAE Public Prosecution hosts panel discussion on 'Ethical Governance Framework for AI in Criminal Justice' // Emirates News Agency (WAM). – 2025. – 14 Oct. – URL: https://www.wam.ae/en/article/bm78n1a-uae-public-prosecution-hosts-panel-discussion (дата обращения: 10.02.2026).

[5] UAE Public Prosecution hosts panel discussion on 'Ethical Governance Framework for AI in Criminal Justice' // Emirates News Agency (WAM). – 2025. – 14 Oct. – URL: https://www.wam.ae/en/article/bm78n1a-uae-public-prosecution-hosts-panel-discussion (дата обращения: 10.02.2026).

[6] Верховный Суд Российской Федерации объявил о поэтапном внедрении технологий искусственного интеллекта в систему правосудия // Ассоциация юристов Чувашской Республики. – 2025. – 29 окт. – URL: https://lawyers21.ru/novosti/verxovnyij-sud-rossijskoj-federaczii-obyavil-o-poetapnom-vnedrenii-texnologij-iskusstvennogo-intellekta-v-sistemu-pravosudiya (дата обращения: 10.02.2026).

[7] Верховный Суд Российской Федерации объявил о поэтапном внедрении технологий искусственного интеллекта в систему правосудия // Ассоциация юристов Чувашской Республики. – 2025. – 29 окт. – URL: https://lawyers21.ru/novosti/verxovnyij-sud-rossijskoj-federaczii-obyavil-o-poetapnom-vnedrenii-texnologij-iskusstvennogo-intellekta-v-sistemu-pravosudiya (дата обращения: 10.02.2026).

[8] Счетная палата указала на цифровой разнобой в судах // Гражданский контроль государственных закупок. – 2025. – 12 мая. – URL: https://gkgz.ru/schetnaya-palata-ukazala-na-tsifrovoj-raznoboj-v-sudah/ (дата обращения: 10.02.2026).

[9] Счетная палата указала на цифровой разнобой в судах // Гражданский контроль государственных закупок. – 2025. – 12 мая. – URL: https://gkgz.ru/schetnaya-palata-ukazala-na-tsifrovoj-raznoboj-v-sudah/ (дата обращения: 10.02.2026).

но в условиях растущей нагрузки и участившихся случаев технических ошибок.

В российской судебной системе также формируется понимание значимости человеческого контроля. Председатель Верховного Суда РФ, анонсируя внедрение аналитических программных комплексов, специально оговорил, что окончательное решение в каждом деле всегда будет оставаться за человеком[1]. Аналогичный подход демонстрирует опыт внедрения систем «Магис» и «Нейромагис», где автоматизация касается исключительно технических операций, не затрагивающих существа принимаемых судебных актов.

При этом, в настоящее время современное состояние правового регулирования использования искусственного интеллекта в судебной деятельности характеризуется существенным отставанием от темпов технологического развития. Кодекс судейской этики, являющийся основополагающим документом, определяющим стандарты поведения судей, не содержит норм, регламентирующих вопросы цифрового мониторинга, профилактического использования ИИ-систем и пределов автоматизации судебной деятельности[2]. Данный пробел создает неопределенность как для самих судей, так и для органов судейского сообщества, осуществляющих дисциплинарное производство.

В юридической литературе обоснованно отмечается, что пробелы в законодательстве, порой, не успевают модернизироваться в соответствии с технологическими изменениями. Частным случаем такой проблемы является, например, отмечаемая адвокатским сообществом невозможность использовать телекоммуникационные технологии для онлайн-заседаний с адвокатами, несмотря на успешное опробование таких возможностей на практике[3].

С учетом изложенного представляется необходимым осуществить комплекс мер по совершенствованию правового регулирования использования профилактических ИИ-систем в судебной деятельности.

Во-первых, целесообразно разработать и утвердить ведомственный нормативный акт (Регламент или Положение) об использовании систем искусственного интеллекта в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Данный документ должен определить:

1) понятие и виды ИИ-систем, допустимых к использованию в судебной деятельности;

2) цели и пределы их применения, включая профилактику дисциплинарных правонарушений;

3) требования к обеспечению информационной безопасности и защите персональных данных;

4) порядок взаимодействия человека и ИИ, включая обязательность принципа human-in-the-loop;

5) ответственность должностных лиц за ненадлежащее использование или неприменение доступных технологических средств[4].

Во-вторых, необходимо внести изменения в Кодекс судейской этики, дополнив его разделом, регламентирующим этические аспекты использования цифровых технологий и систем искусственного интеллекта. В частности, следует закрепить:

1) обязанность судьи критически оценивать результаты работы ИИ-систем, не допуская слепого доверия к автоматизированным выводам;

2) право судьи на использование технических ассистентов для автоматизации рутинных операций;

3) стандарты поведения в ситуациях, связанных с обнаружением ошибок нейросетей;

4) гарантии независимости судьи при осуществлении автоматического мониторинга[5].

В-третьих, требуется разработка отраслевой цифровой стратегии, определяющей направления цифровой трансформации судебной системы, и утверждение программы целевого финансирования соответствующих мероприятий. Как указывает Счетная палата РФ, устранение цифрового разнобоя в судах, проведение аудита информационно-технологических решений и разрешение вопросов собственности на информационные системы позволят повысить прозрачность, сократить сроки рассмотрения дел и укрепить доверие общества к судебной системе[6].

В-четвертых, представляется целесообразным внесение изменений в Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в части уточнения организационно-распорядительных полномочий председателей судов в условиях цифровизации. Следовало бы закрепить, что обеспечение надлежащей организации работы суда включает принятие мер по внедрению доступных технологических решений, направленных на повышение эффективности правосудия и профилактику нарушений. При этом необходимо сохранить баланс между поощрением инноваций и недопущением принуждения к использованию технологий, способных поставить под угрозу независимость судей[7][8].

Таким образом, формирование полноценного правового регулирования использования искусственного интеллекта в судебной деятельности, включая его превентивную функцию, представляет собой комплексную задачу, требующую согласованных усилий законодателя, судейского сообщества и научной общественности. Выработанные в результате такого сотрудничества нормативные решения должны обеспечить органичное сочетание технологической эффективности и фундаментальных принципов правосудия.

Проведенное в рамках настоящей статьи исследование позволяет констатировать, что цифровая трансформация судебной системы Российской Федерации объективно обусловливает необходимость переосмысления традиционных подходов к институту дисциплинарной ответственности судей. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что доминирующими факторами, детерминирующими совершение дисциплинарных проступков, выступают сверхнормативная служебная нагрузка и сопряженный с нею «человеческий фактор», проявляющийся в технических ошибках при выполнении рутинных операций. В этой связи теоретическое обоснование и практическая реализация концепции «цифровой превенции» – системы организационно-правовых и технологических мер, реализуемых посредством искусственного интеллекта и направленных на выявление, нейтрализацию и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, – приобретает характер актуальной научно-практической задачи. Анализ функциональных возможностей существующих программных комплексов («Виртуальный помощник судьи», «Магис», «Нейромагис») подтверждает их значительный профилактический потенциал в части автоматизации контроля процессуальных сроков, минимизации технических ошибок, обеспечения качества судебных актов и выявления отклоняющегося поведения. Вместе с тем внедрение превентивных ИИ-систем сопряжено с рядом существенных рисков, включая проблему ложных срабатываний алгоритмов, угрозу «цифрового профилирования» судей и потенциальное давление на их независимость при тотальном автоматическом мониторинге. Императивным требованием, обеспечивающим баланс между технологической эффективностью и фундаментальными принципами правосудия, выступает принцип «human-in-the-loop» (человек в контуре), предполагающий сохранение человеческого контроля и ответственности на всех этапах принятия юридически значимых решений. Выявленные пробелы правового регулирования – отсутствие в Кодексе судейской этики норм о цифровом мониторинге, неопределенность статуса ИИ-систем как средства профилактики, фрагментарность стратегического планирования цифровизации судов – обусловливают необходимость разработки комплекса мер нормативного характера, включая принятие ведомственного регламента использования искусственного интеллекта в судебной деятельности, внесение изменений в Закон РФ «О статусе судей» и дополнение Кодекса судейской этики специальным разделом, регламентирующим этические аспекты применения технологий. Формирование полноценного правового института цифровой превенции дисциплинарных правонарушений судей, основанного на принципах

[1] Верховный Суд Российской Федерации объявил о поэтапном внедрении технологий искусственного интеллекта в систему правосудия // Ассоциация юристов Чувашской Республики. – 2025. – 29 окт. – URL: https://lawyers21.ru/novosti/verxovnyij-sud-rossijskoj-federaczii-obyavil-o-poetapnom-vnedrenii-texnologij-iskusstvennogo-intellekta-v-sistemu-pravosudiya (дата обращения: 10.02.2026).

[2] Верховный Суд Российской Федерации объявил о поэтапном внедрении технологий искусственного интеллекта в систему правосудия // Ассоциация юристов Чувашской Республики. – 2025. – 29 окт. – URL: https://lawyers21.ru/novosti/verxovnyij-sud-rossijskoj-federaczii-obyavil-o-poetapnom-vnedrenii-texnologij-iskusstvennogo-intellekta-v-sistemu-pravosudiya (дата обращения: 10.02.2026).

[3] Пирожкова И.Г. Проблемы развития судебной деятельности и цифровизации государственного аппарата / И.Г. Пирожкова, Е.А. Бадина // Право: история и современность. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 52–56. – DOI: 10.17277/pravo.2024.01.pp.052-056.

[4] Escott D.J. Duty to give AI reasons: Explainability at work / D.J. Escott // Law360 Canada. – 2025. – 18 Feb. – URL: https://www.law360.ca/ca/ip/articles/2299138/duty-to-give-ai-reasons-explainability-at-work (дата обращения: 10.02.2026).

[5] Пирожкова И.Г. Проблемы развития судебной деятельности и цифровизации государственного аппарата / И.Г. Пирожкова, Е.А. Бадина // Право: история и современность. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 52–56. – DOI: 10.17277/pravo.2024.01.pp.052-056.

[6] Счетная палата указала на цифровой разнобой в судах // Гражданский контроль государственных закупок. – 2025. – 12 мая. – URL: https://gkgz.ru/schetnaya-palata-ukazala-na-tsifrovoj-raznoboj-v-sudah/ (дата обращения: 10.02.2026).

[7] Счетная палата указала на цифровой разнобой в судах // Гражданский контроль государственных закупок. – 2025. – 12 мая. – URL: https://gkgz.ru/schetnaya-palata-ukazala-na-tsifrovoj-raznoboj-v-sudah/ (дата обращения: 10.02.2026).

[8] Верховный Суд Российской Федерации объявил о поэтапном внедрении технологий искусственного интеллекта в систему правосудия // Ассоциация юристов Чувашской Республики. – 2025. – 29 окт. – URL: https://lawyers21.ru/novosti/verxovnyij-sud-rossijskoj-federaczii-obyavil-o-poetapnom-vnedrenii-texnologij-iskusstvennogo-intellekta-v-sistemu-pravosudiya (дата обращения: 10.02.2026).

транспарентности, подотчетности и сохранения человеческого суждения, способно не только повысить эффективность профилактики профессиональных нарушений, но и органично дополнить традиционные механизмы обеспечения законности в деятельности судейского корпуса, открывая перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований на стыке юриспруденции, цифровых технологий и управления.

Литература

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 14, 2016 № 13 «On judicial practice of applying legislation regulating the disciplinary responsibility of judges» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2016. – № 6.

2. «Timoshin named the main violations for which judges are held accountable» // Russian Agency for Legal and Judicial Information (RAPSI). – 2024. – 2 Apr. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20240402/309774079.html (date of request: 02/10/2026).

3. Russian judges have become more likely to commit disciplinary offenses – Lebedev // Russian Agency for Legal and Judicial Information (RAPSI). – 2022. – Apr 15. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20220415/307782963.html (date of application: 02/10/2026).

4. Sheremetyeva N.V. Differentiation of categories of disciplinary misconduct and judicial error / N.V. Sheremetyeva // The Russian judge. – 2024. – № 4. – pp. 40–44.

5. It turned out what judges are most often punished for: they invest in the wrong place // Moskovsky Komsomolets. – 2024. – Apr 2. – URL: https://www.mk.ru/politics/2024/04/02/vyyasnilos-za-chto-chashhe-vsego-nakazyvayut-sudey-ne-tuda-investiruyut.html (date of appeal: 02/10/2026).

6. Law of the Russian Federation of June 26, 1992 № 3132-I «On the Status of Judges in the Russian Federation» (as last amended and supplemented) // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme The Council of the Russian Federation. – 1992. – № 30. – Article 1792.

7. Mistake, opinion, or misconduct? // Advocate newspaper. – 2024. – June 10. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/oshibka-mnenie-ili-prostupok / (date of application: 02/10/2026).

8. Amur region presented successful digital solutions for judges at the IT Dialogue Forum // amur28.info. – 2025. – November 10. – URL: https://amur28.info/news/dv/magadanskaya/49713 / (date of access: 02/10/2026).

9. Timoshin named the main violations for which judges are held accountable // Russian Agency for Legal and Judicial Information (RAPSI). – 2024. – 2 Apr. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20240402/309774079.html (date of request: 02/10/2026).

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 14, 2016 № 13 «On judicial practice of applying legislation regulating the disciplinary responsibility of judges» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2016. – № 6.

11. Supreme Court Holds Joint Hearing with Commission III of the House of Representatives // Mahkamah Agung Republik Indonesia. – 2025. – 18 Nov. – URL: https://www.mahkamahagung.go.id/en/news/7028/supreme-court-holds-joint-hearing-with-commission-iii-of-the-house-of-representatives (date of request: 02/10/2026).

12. UAE Public Prosecution hosts panel discussion on 'Ethical Governance Framework for AI in Criminal Justice' // Emirates News Agency (WAM). – 2025. – Oct 14. – URL: https://www.wam.ae/en/article/bm78n1a-uae-public-prosecution-hosts-panel-discussion (date of request: 02/10/2026).

13. «Magis» and «Neuromagis»: innovations for speeding up trials in the Amur region // myseldon.com. – 2025. – November 10. – URL: https://myseldon.com/ru/news/index/337619021 (date of access: 02/10/2026).

14. How is an independent examination of texts using artificial intelligence carried out to identify fake citations or authorship in large amounts of information? // ANO «Judicial Expert». – URL: https://sudexpa.ru/faq/chastye-voprosy-ob-ekspertize-tekstov-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta-ai-generated-content / (date of access: 02/10/2026).

15. AI's «hallucinations» regarding non–existent rulings – the Supreme Court of Justice emphasized violations of the integrity of the use of procedural rights // Sudovo-yuridichna gazeta. – 2026. – Jan 16. – URL: https://sud.ua/ru/news/sudebnaya-praktika/351090-gallyutsinatsii-ii-otnositelno-nesuschestvuyuschikh-postanovleniy-kas-vs-podcherknul-narusheniya-dobrosovestnosti-ispolzovaniya-protsessualnykh-prav (date of request: 02/10/2026).

16. Escott D.J. Duty to give AI reasons: Explainability at work / D.J. Escott // Law360 Canada. – 2025. – 18 Feb. – URL: https://www.law360.ca/ca/ip/articles/2299138/duty-to-give-ai-reasons-explainability-at-work (date of request: 02/10/2026).

17. The Supreme Court of the Russian Federation announced the phased introduction of artificial intelligence technologies into the justice system // Association of Lawyers of the Chuvash Republic. – 2025. – Oct 29. – URL: https://lawyers21.ru/novosti/verxovnyij-sud-rossijskoj-federaczii-obyavil-o-poetapnom-vnedrenii-texnologij-iskusstvennogo-intellekta-v-sistemu-pravosudiya (date of request: 02/10/2026).

18. The Accounting Chamber pointed to the digital discrepancy in the courts // Civil control of public procurement. – 2025. – May 12. – URL: https://gkgz.ru/schetnaya-palata-ukazala-na-tsifrovoj-raznoboj-v-sudah / (date of access: 02/10/2026).

19. Cohen I.G. How AI can learn from the law: putting humans in the loop only on appeal / I.G. Cohen, B. Babic, S. Gerke, Q. Xia, T. Evgeniou, K. Wertenbroch // npj Digital Medicine. – 2023. – Vol. 6, Article 160. – P. 1–4. – DOI: 10.1038/s41746-023-00906-8.

20. Cohen I.G. How AI can learn from the law: putting humans in the loop only on appeal / I.G. Cohen, B. Babic, S. Gerke, Q. Xia, T. Evgeniou, K. Wertenbroch // npj Digital Medicine. – 2023. – Vol. 6, Article 160. – URL: https://www.nature.com/articles/s41746–023–00906–8 (date of reference: 02/10/2026).

21. Pirozhkova I.G. Problems of judicial activity development and digitalization of the state apparatus / I.G. Pirozhkova, E.A. Badina // Law: history and modernity. – 2024. – Vol. 8, № 1. – pp. 52–56. – DOI: 10.17277/pravo.2024.01.pp.052-056.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SYSTEM OF GUARANTEES OF LEGALITY OF JUDICIAL ACTIVITY: ISSUES OF PREVENTIVE PREVENTION OF DISCIPLINARY OFFENSES

Stebivko I.Yu.
State Academic University of Humanities

Objective: To conduct a comprehensive legal analysis of the preventive potential of artificial intelligence technologies in the disciplinary liability mechanism for judges in the Russian Federation, as well as to identify organizational and legal issues and identify ways to improve regulatory frameworks in this area. Methods: The study utilized formal legal analysis, comparative legal methods, systems analysis of regulatory legal acts and law enforcement practice, legal modeling, and an analysis of empirical data on the implementation of artificial intelligence systems in judicial practice and statistical data on disciplinary actions against judges.

Findings: The article substantiates the concept of «digital prevention» in the mechanism of judicial disciplinary liability. It is established that excessive workload and the «human factor» are the main determinants of disciplinary offenses, with more than half of judges' working time spent on routine tasks. The preventive capabilities of existing artificial intelligence systems (Virtual Assistant to the Judge, Magis, and Neuromagis) are analyzed, demonstrating their ability to automate the monitoring of procedural deadlines, minimize technical errors, and ensure the quality of judicial decisions. This paper examines international experience using artificial intelligence to profile the integrity of judges (Indonesia) and predict behavioral violations (UAE). Organizational and legal challenges are identified, including the uncertainty of the legal status of preventive AI systems, the risks of false positives and «digital profiling,» threats to judicial independence, and the lack of relevant provisions in the Code of Judicial Ethics. The need to implement the «human-in-the-loop» principle is substantiated.

Conclusions: The implementation of artificial intelligence systems offers significant preventative potential for preventing disciplinary violations by judges, particularly regarding procedural deadline violations and technical errors. However, it requires overcoming legal uncertainty and risks associated with maintaining judicial independence. Proposals for improving regulatory frameworks have been formulated: the adoption of departmental regulations for the use of artificial intelligence systems in courts, amendments to the Law of the Russian Federation «On the Status of Judges,» and supplementing the Code of Judicial Ethics with provisions on digital monitoring and the limits of automation while maintaining human oversight of legally significant decisions.

Keywords: artificial intelligence, judicial disciplinary liability, digital prevention, judicial system, judicial automation, procedural deadlines, judicial workload, Code of Judicial Ethics, human-in-the-loop principle, digital profiling, comparative legal analysis.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 14, 2016 № 13 «On judicial practice of applying legislation regulating the disciplinary responsibility of judges» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2016. – № 6.

2. «Timoshin named the main violations for which judges are held accountable» // Russian Agency for Legal and Judicial Information (RAPSI). – 2024. – 2 Apr. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20240402/309774079.html (date of request: 02/10/2026).

3. Russian judges have become more likely to commit disciplinary offenses – Lebedev // Russian Agency for Legal and Judicial Information (RAPSI). – 2022. – Apr 15. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20220415/307782963.html (date of application: 02/10/2026).

4. Sheremetyeva N.V. Differentiation of categories of disciplinary misconduct and judicial error / N.V. Sheremetyeva // The Russian judge. – 2024. – № 4. – pp. 40–44.

5. It turned out what judges are most often punished for: they invest in the wrong place // Moskovsky Komsomolets. – 2024. – Apr 2. – URL: https://www.mk.ru/pol-

itics/2024/04/02/vyyasnilos-za-chto-chashhe-vsego-nakazyvayut-sudey-ne-tuda-investiruyut.html (date of appeal: 02/10/2026).

6. Law of the Russian Federation of June 26, 1992 № 3132-I «On the Status of Judges in the Russian Federation» (as last amended and supplemented) // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme The Council of the Russian Federation. – 1992. – № 30. – Article 1792.

7. Mistake, opinion, or misconduct? // Advocate newspaper. – 2024. – June 10. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/oshibka-mnenie-ili-prostupok / (date of application: 02/10/2026).

8. Amur region presented successful digital solutions for judges at the IT Dialogue Forum // amur28.info. – 2025. – November 10. – URL: https://amur28.info/news/dv/magadanskaya/49713 / (date of access: 02/10/2026).

9. Timoshin named the main violations for which judges are held accountable // Russian Agency for Legal and Judicial Information (RAPSI). – 2024. – 2 Apr. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20240402/309774079.html (date of request: 02/10/2026).

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 14, 2016 № 13 «On judicial practice of applying legislation regulating the disciplinary responsibility of judges» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2016. – № 6.

11. Supreme Court Holds Joint Hearing with Commission III of the House of Representatives // Mahkamah Agung Republik Indonesia. – 2025. – 18 Nov. – URL: https://www.mahkamahagung.go.id/en/news/7028/supreme-court-holds-joint-hearing-with-commission-iii-of-the-house-of-representatives (date of request: 02/10/2026).

12. UAE Public Prosecution hosts panel discussion on 'Ethical Governance Framework for AI in Criminal Justice' // Emirates News Agency (WAM). – 2025. – Oct 14. – URL: https://www.wam.ae/en/article/bm78n1a-uae-public-prosecution-hosts-panel-discussion (date of request: 02/10/2026).

13. «Magis» and «Neuromagis»: innovations for speeding up trials in the Amur region // myseldon.com. – 2025. – November 10. – URL: https://myseldon.com/ru/news/index/337619021 (date of access: 02/10/2026).

14. How is an independent examination of texts using artificial intelligence carried out to identify fake citations or authorship in large amounts of information? // ANO «Judicial Expert». – URL: https://sudexpa.ru/faq/chastye-voprosy-ob-ekspertize-tekstov-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta-ai-generated-content / (date of access: 02/10/2026).

15. AI's «hallucinations» regarding non–existent rulings – the Supreme Court of Justice emphasized violations of the integrity of the use of procedural rights // Sudovo-yuridichna gazeta. – 2026. – Jan 16. – URL: https://sud.ua/ru/news/sudebnaya-praktika/351090-gallyutsinatsii-ii-otnositelno-nesuschestvuyuschikh-postanovleniy-kas-vs-podcherknul-narusheniya-dobrosovestnosti-ispolzovaniya-protsessualnykh-prav (date of request: 02/10/2026).

16. Escott D.J. Duty to give AI reasons: Explainability at work / D.J. Escott // Law360 Canada. – 2025. – 18 Feb. – URL: https://www.law360.ca/ca/ip/articles/2299138/duty-to-give-ai-reasons-explainability-at-work (date of request: 02/10/2026).

17. The Supreme Court of the Russian Federation announced the phased introduction of artificial intelligence technologies into the justice system // Association of Lawyers of the Chuvash Republic. – 2025. – Oct 29. – URL: https://lawyers21.ru/novosti/verxovnyij-sud-rossijskoj-federaczii-obyavil-o-poetapnom-vnedrenii-texnologij-iskusstvennogo-intellekta-v-sistemu-pravosudiya (date of request: 02/10/2026).

18. The Accounting Chamber pointed to the digital discrepancy in the courts // Civil control of public procurement. – 2025. – May 12. – URL: https://gkgz.ru/schetnaya-palata-ukazala-na-tsifrovoj-raznoboj-v-sudah / (date of access: 02/10/2026).

19. Cohen I.G. How AI can learn from the law: putting humans in the loop only on appeal / I.G. Cohen, B. Babic, S. Gerke, Q. Xia, T. Evgeniou, K. Wertenbroch // npj Digital Medicine. – 2023. – Vol. 6, Article 160. – P. 1–4. – DOI: 10.1038/s41746-023-00906-8.

20. Cohen I.G. How AI can learn from the law: putting humans in the loop only on appeal / I.G. Cohen, B. Babic, S. Gerke, Q. Xia, T. Evgeniou, K. Wertenbroch // npj Digital Medicine. – 2023. – Vol. 6, Article 160. – URL: https://www.nature.com/articles/s41746–023–00906–8 (date of reference: 02/10/2026).

21. Pirozhkova I.G. Problems of judicial activity development and digitalization of the state apparatus / I.G. Pirozhkova, E.A. Badina // Law: history and modernity. – 2024. – Vol. 8, № 1. – pp. 52–56. – DOI: 10.17277/pravo.2024.01.pp.052-056.

Преступность несовершеннолетних в условиях современных социальных трансформаций: динамика и криминогенные факторы

Медведева Анна Александровна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России
E-mail: anutinglaz@yandex.ru

Прокофьева Светлана Михайловна,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России
E-mail: prokofievasm@yandex.ru

Топилкин Павел Сергеевич,
кандидат технических наук, начальник кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»
E-mail: topilkin89@mail.ru

Малый Максим Владимирович,
старший преподаватель кафедры «Гражданского права и процесса» частного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
E-mail: kolmogorovmv@mail.ru

В статье рассматривается динамика и криминогенные факторы преступности несовершеннолетних в условиях современных социальных трансформаций. На основании анализа статистических данных за 2023–2025 гг. выявлена тенденция «тяжестизации» подростковой преступности, проявляющаяся в росте доли тяжких и особо тяжких деяний несмотря на колебания общего числа зарегистрированных преступлений. Исследованы ключевые детерминанты криминального поведения несовершеннолетних: дезорганизация семейной среды, социально-экономическая депривация, детская безнадзорность и деструктивное воздействие медиапространства. Обоснована необходимость перехода от реактивных мер уголовно-правового реагирования к проактивной политике раннего вмешательства, предполагающей межведомственную координацию усилий государственных институтов и гражданского общества.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, социальные трансформации, криминогенные факторы, девиантная социализация, семейная дезорганизация, профилактика подростковой преступности.

Актуальность исследования проблемы преступности несовершеннолетних в современной России обусловлена целым комплексом объективных и субъективных обстоятельств, требующих неуклонного научного осмысления. Данная проблема не имеет конкретной даты своего возникновения, однако динамика ее развития на протяжении последних десятилетий свидетельствует о весьма стремительном росте как количественных, так и качественных показателей, что неизбежно обостряет социальную напряженность и ставит под сомнение эффективность существующих механизмов профилактики. В условиях глубоких социальных трансформаций, охватывающих все сферы общественной жизни – от экономических отношений и институциональных структур до ценностных ориентаций и коммуникативных практик – подростковая преступность приобретает специфические черты, детерминированные новыми криминогенными факторами, ранее либо не имевшими значительного веса, либо вовсе отсутствовавшими в отечественном социокультурном контексте. Цифровизация, трансформация семейных устоев, миграционные процессы и кризис традиционных механизмов социализации создают благоприятную среду для формирования девиантного поведения у молодых людей, что требует пересмотра устоявшихся теоретических подходов и методологических оснований криминологического анализа. Именно поэтому борьба с преступностью видится одной из самых серьезных, как в Российской Федерации, так и за ее пределами [1, с. 429].

Современное состояние изученности данной проблематики характеризуется определенной фрагментарностью научных разработок, зачастую ограничивающихся либо чисто описательным анализом статистических данных, либо узкоприкладными рекомендациями без достаточного теоретического обоснования. При этом комплексное исследование динамики подростковой преступности в непосредственной связи с трансформационными процессами, происходящими в российском обществе, остается недостаточно разработанным, что обусловливает необходимость системного подхода к выявлению причинно-следственных связей между социальными изменениями и криминогенной ситуацией в молодежной среде. Следует признать, что многие традиционные криминологические концепции, сформированные в условиях относительно стабильного социума, утрачивают свою ценность применительно к современным реалиям, где скорость социальных изменений зачастую опережает адаптационные возможности как отдельных индивидов, так и социальных институтов в целом. Отсюда вытекает методологическая задача разработки адекватных инструментариев для анализа новых форм и механизмов девиантной социализации несовершеннолетних, учитывающих специфику постиндустриального, постмодернистского общества с его характерными рисками и неопределенностями.

Таким образом, научное осмысление преступности несовершеннолетних в условиях современных социальных трансформаций представляется не просто востребованным, но и принципиально необходимым для разработки эффективной стратегии противодействия данному общественно опасному явлению. Исследование динамики подростковой преступности и выявление актуальных криминогенных факторов позволяет не только констатировать имеющиеся негативные тенденции, но и прогнозировать возможные векторы их развития, что имеет первостепенное значение для формирования превентивной политики государства. В данном контексте особую значимость приобретает междисциплинарный подход, интегрирующий достижения криминологии, социологии, психологии и других гуманитарных наук, поскольку изолированное рассмотрение проблемы в рамках одной отраслевой науки оказывается явно недостаточным для понимания сложной природы подростковой девиантности в эпоху глобальных перемен.

Преступность несовершеннолетних, будучи одним из наиболее распространенных видов криминального поведения, объективно занимает приоритетное место в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных систем, что обусловлено как масштабом данного явления, так и специфическими трудностями, возникающими при его пресечении и предупреждении. Под данной категорией понимается совокупность противоправных деяний, совершаемых лицами, достигшими возраста уголовной ответственности, установленного законодательством – в российской правовой системе это лица в возрасте

от четырнадцати до восемнадцати лет. Существенная особенность данной возрастной категории заключается в незавершенности процессов социализации и психофизиологического развития, что предопределяет повышенную внушаемость, импульсивность поведения и, как следствие, специфическую структуру совершаемых преступлений. Анализ криминологической статистики, представленной на официальном сайте МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», свидетельствует о том, что наиболее массовым сегментом в структуре подростковой преступности традиционно остаются имущественные посягательства, в первую очередь кражи и грабежи, а также преступления против личности, что отражает специфику криминальных потребностей несовершеннолетних, обусловленную их социально-экономическим положением и психологическими особенностями данного возрастного периода.

Структурный анализ подростковой преступности выявляет устойчивую преобладающую долю имущественных посягательств – краж, грабежей, разбойных нападений – а также преступлений против личности, включая причинение телесных повреждений различной степени тяжести. Данная специфика отражает не столько «профессиональную неприспособленность» несовершеннолетних к совершению сложных криминальных деяний, сколько объективные условия их социального бытования: экономическая незащищенность, отсутствие легальных источников дохода, стремление к имитации «взрослых» моделей потребления, характерных для окружающей среды. При этом качественная трансформация, зафиксированная в последние годы, связана с существенным ростом преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств – от хранения и употребления до изготовления и сбыта психоактивных веществ. Данная тенденция, на первый взгляд, может показаться локальным количественным сдвигом, однако ее криминологическая сущность значительно глубже: она сигнализирует о трансформации самой модели девиантной социализации подростка. Если ранее криминальное поведение несовершеннолетних чаще всего носило импульсивный, ситуативный характер либо являлось результатом группового влияния, то вовлечение в наркотический оборот предполагает иное – институционализированное включение в устойчивые криминальные связи, формирование зависимости, разрушающей критические механизмы самоконтроля. Отсюда следует вывод о необходимости пересмотра традиционных представлений о «легкой исправляемости» несовершеннолетних правонарушителей: современные формы подростковой преступности все чаще демонстрируют признаки организованности и рецидивности, что ставит под сомнение эффективность существующих мер уголовно-правового воздействия и воспитательной работы.

Статистические данные, характеризующие динамику подростковой преступности в последние годы, свидетельствуют о сохранении высокого уровня данного явления и отсутствии устойчивых тенденций к его сокращению. Так, количество несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, в 2023 году составило 22 340 человек [2], в 2024 году – 21 069 человек [3], а в 2025 году вновь возросло до 22 231 человека [4]. Приведенные цифры демонстрируют определенную волнообразность показателей, однако их анализ позволяет констатировать фундаментальный факт: за указанный трехлетний период суммарно зафиксировано 65 640 несовершеннолетних преступников. Таким масштабом нельзя пренебрегать, поскольку речь идет о десятках тысяч молодых людей, чье отклонение от норм законопослушного поведения фиксируется государством и требует адекватной реакции. При этом статистическая регистрация отражает лишь видимую часть проблемы, тогда как «темная цифра» подростковой преступности, связанная с нераскрываемостью отдельных деяний, субъективизмом в квалификации и процессуальными особенностями привлечения несовершеннолетних к ответственности, предполагает существенно бóльшие масштабы явления. Следовательно, стабильно высокий уровень регистрируемой преступности в сочетании с ее значительной латентностью позволяет квалифицировать данную проблему как системную, требующую не точечных, а стратегических решений на уровне государственной политики.

Социально-криминологическая характеристика подростковой преступности, доступная по данным официальной статистической отчетности, выявляет тревожную динамику, требующую внимательного методологического осмысления. Если обратиться к абсолютным показателям регистрируемых деяний, то в 2023 году преступления, совершенные несовершеннолетними либо при их соучастии, составили 27 325 эпизодов, из которых тяжкие и особо тяжкие составили 9 428 случаев, или 34,5% от общего числа [2]. Уже этот базовый показатель свидетельствует о том, что подростковая преступность далека от стереотипного представления о преимущественно «мелком» правонарушении: каждое третье деяние причиняет значительный вред личности, обществу или государству. В 2024 году общее количество зарегистрированных преступлений снизилось до 26 398, что формально может истолковываться как положительная тенденция, однако структурный анализ развенчивает подобный оптимизм: доля тяжких и особо тяжких возросла до 10 494 случаев, или 39,8% [3]. Таким образом, при снижении общего числа деяний наблюдается качественное ухудшение – преступления становятся более агрессивными, тяжелыми, социально опасными. Эта диспропорция между количественным и качественным измерениями заставляет усомниться в адекватности традиционных подходов к оценке эффективности профилактической работы, поскольку сокращение статистических показателей не должно маскировать реальное усиление криминогенной угрозы.

Ситуация 2025 года лишь подтверждает выявленную тенденцию и придает ей катастрофический характер. Общее число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, достигло 29 065 – абсолютного максимума за рассматриваемый период, с приростом по сравнению с 2024 годом на 10% [4]. Однако наиболее тревожным является структурный сдвиг: количество тяжких и особо тяжких деяний выросло до 12 687, что составляет уже 43,6% от общего объема подростковой преступности. За три года доля тяжких преступлений увеличилась на девять процентных пунктов, тогда как абсолютный их прирост составил 34,6% – более трети. Такая динамика не может объясняться исключительно улучшением учетной дисциплины или изменением методологии статистической регистрации; она отражает объективные процессы в самой подростковой среде, связанные с эрозией барьеров насилия, доступностью оружия, распространением деструктивных субкультур и, вероятно, снижением эмпатических способностью молодого поколения. Отсюда вытекает методологически значимый вывод: современная подростковая преступность переживает фазу «тяжестизации», когда количественные колебания отступают на второй план перед качественной трансформацией самого феномена. Это обстоятельство диктует необходимость коренного пересмотра как криминологических концепций, так и практических технологий работы с несовершеннолетними правонарушителями, поскольку традиционные модели реагирования, ориентированные на «исправление» и «воспитание», оказываются недостаточными применительно к лицам, совершающим умышленные убийства, разбои и изнасилования.

Считаем, что такое количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, не может рассматриваться как случайное отклонение или временная аномалия статистического ряда – оно объективно обусловлено определенным комплексом факторов, формирующих криминогенную направленность подросткового поведения. Понимание механизмов этого влияния представляется принципиально важным, поскольку позволяет выйти за рамки описательной статистики к выявлению причинно-следственных связей, лежащих в основе девиантной социализации. Среди многообразия детерминант, определяющих траекторию личностного развития в юношеском возрасте, первостепенное значение принадлежит условиям жизни подростка и семейной среде – тем первичным инстанциям социализации, где закладываются базовые регуляторы поведения, ценностные ориентации и модели взаимодействия с социальной реальностью.

Семья в криминологической перспективе выступает не просто как институт воспроизводства населения, но как фундаментальная система первичного социального контроля, эффективность которой напрямую коррелирует с риском девиантного поведения потомства. При этом речь идет не столько о материальном обеспечении, сколько о качестве эмоциональных связей, характере межличностного взаимодействия и присутствии в семье конструктивных образцов поведения. Криминологические исследования неоднократно констатировали, что преступность несовершеннолетних статистически значимо чаще встречается в семьях, где наблюдается дезорганизация супружеских отношений – конфликтность, разводы, внебрачные связи родителей, алкоголизм или наркомания одного из членов семьи. Однако существенно более глубокую проблему представляет собой дефицит родительской компетентности, проявляющийся в авторитарных или, напротив, гиперопекающих стилях воспитания, отсутствии последовательных требований и неспособности родителей выступать значимым нравственным ориентиром для подростка. В условиях, когда семейная среда перестает выполнять функцию «фильтра» антисоциальной информации и «буфера» криминогенного воздействия внешней среды, подросток оказывается предоставлен самому себе в период наиболее интенсивного поиска идентичности и социального статуса – а это, как показывает практика, чревато включением в девиантные группы и усвоением криминальных паттернов поведения.

Условия жизни подростка, в свою очередь, формируют ту объективную среду, в которой реализуется или, напротив, блокируется преступный потенциал, заложенный в семейной социализации. Здесь

криминологический анализ должен учитывать широкий спектр параметров – от уровня благосостояния семьи и качества жилищных условий до территориальной принадлежности и характеристики микросоциальной среды проживания. Низкий социально-экономический статус семьи, хроническая бедность, отсутствие перспектив легального трудоустройства для самого подростка и его родителей создают ту самую «преступную среду», о которой писали классики криминологии, – среду, где криминальное поведение воспринимается не как отклонение, но как рациональная адаптация к условиям существования. Особую тревогу вызывает ситуация, когда объективная материальная депривация сочетается с субъективным восприятием относительной депривации – чувством несправедливости социального порядка, завистью к обладателям благ, демонстрируемым в средствах массовой информации и социальных сетях. Такое сочетание порождает мощный мотивационный импульс к имущественным преступлениям, которые в массовом сознании подростков из маргинализированных сред часто релятивизируются как «перераспределение», «возмещение ущерба» или просто способ достижения желаемого статуса. Отсюда следует вывод о том, что профилактика подростковой преступности должна начинаться задолго до момента совершения первого правонарушения – она должна быть адресована семейным отношениям и условиям жизни, поскольку именно здесь формируются те глубинные установки, которые впоследствии детерминируют поведенческие стратегии в кризисных ситуациях.

К вышеперечисленному фактору следует добавить еще один, который имеет самостоятельное криминологическое значение – детская безнадзорность как состояние социальной дезинтеграции личности несовершеннолетнего, характеризующееся отсутствием или существенным дефицитом надлежащего контроля и опеки со стороны взрослых. Под безнадзорностью следует понимать не только физическое отсутствие родителей в определенные периоды времени, но прежде всего функциональная потеря связи между поколениями, когда взрослые формально присутствуют в жизни подростка, однако не осуществляют направляющего и корректирующего воздействия на его поведение. Криминологическая практика свидетельствует, что значительная доля преступлений, совершаемых несовершеннолетними, приходится на временные интервалы после окончания учебных занятий, в выходные дни и каникулярные периоды, когда подросток оказывается вне поля зрения как семьи, так и образовательного учреждения. Именно в эти «временные окна» формируются девиантные группы, совершаются первые правонарушения, закладываются механизмы групповой динамики, впоследствии детерминирующие рецидивное поведение. Безнадзорность тем опаснее, что она часто сочетается с беспризорностью в широком смысле – отсутствием у подростка привязанности к конкретному месту жительства, устойчивых социальных связей, перспектив образовательной и профессиональной траектории, что превращает его в «социального бродягу», восприимчивого к любым криминальным предложениям.

К вышеперечисленным детерминантам следует добавить еще один фактор, требующий пристального криминологического анализа, связанный с механизмами социального научения в условиях информационного общества, когда традиционные институты социализации – семья, школа, сверстническая группа – сталкиваются с мощной конкуренцией со стороны медиасреды и цифровых коммуникаций. Речь идет о проникновении несовершеннолетнего в среду девиантных стереотипов, несовместимых с общепринятыми нравственными нормами и ценностями правопорядка: пропаганду насилия как допустимого способа разрешения конфликтов, эстетизацию жестокости, романтизацию наркотического употребления и криминального образа жизни. Существенно, что данный фактор приобретает особую значимость именно в подростковом возрасте, когда когнитивные механизмы критической оценки информации еще не достигли зрелости, а потребность в социальной идентификации и принадлежности к референтной группе достигает максимальной интенсивности. Подросток, систематически подвергающийся воздействию деструктивных образцов, начинает воспринимать их не как отклонение, но как норму – норму, которая, более того, ассоциируется с успехом, авторитетом и социальным признанием.

В последние годы молодежь все больше времени проводит в сети, используя цифровые устройства (компьютеры и смартфоны), и всё меньше времени общаются в реальном мире со сверстниками и семьей. Эта тенденция особо наблюдается среди подростков, которые все больше уходят в виртуальное пространство [5, с. 95]. Основным каналом такого проникновения в современных условиях выступает, бесспорно, Интернет в его многообразных формах – социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, онлайн-игры. Однако криминологически значимым является не столько сам факт доступа к информации, сколько специфика цифровой среды как пространства, лишенного традиционных механизмов социального контроля и цензуры. В отличие от живого общения, где присутствуют взрослые, способные скорректировать поведение подростка, виртуальное пространство предоставляет иллюзию анонимности и безнаказанности, что снижает психологические барьеры к усвоению девиантных установок. Особую озабоченность вызывает алгоритмическая природа современных медиаплатформ: системы рекомендаций, ориентированные на удержание внимания пользователя, формируют «информационные пузыри», где умеренное любопытство к запрещенному контенту быстро эскалируется в систематическое потребление экстремистских материалов, суицидальных сообществ или наркотических «гайдов». При этом нельзя сводить проблему исключительно к Интернету: традиционные СМИ, в частности кинематограф и телевизионные сериалы, продолжают воспроизводить мифологему «благородного преступника», где харизматичный антигерой, нарушающий закон ради высоких целей или личного возмездия, получает симпатию зрителя и, что особенно опасно, подросткового подражания. Компьютерные игры, особенно жанра «шутеров» и «песочниц» с открытым миром, при систематическом использовании десенсибилизируют к актам насилия, формируя привычку к виртуальной агрессии, которая в условиях реального конфликта может трансформироваться в физическое действие. Так, например, профессор Я.И. Гилинский справедливо отмечает, что «… основные субъекты «уличной преступности» – подростки и молодежь, которые в последние десятилетия «ушли» в виртуальный мир Интернета. Там они «встречаются», «любят», «дружат», «ненавидят», «стреляют», «убивают», совершают мошеннические действия и т.п., удовлетворяя (осознанно или нет) потребность в самоутверждении, самореализации» [6, с. 6].

Важно подчеркнуть, что речь идет не о прямом, детерминистском влиянии медиаконтента на поведение, а о сложном процессе конструирования смыслов, в котором активную роль играет сам подросток, интерпретирующий полученную информацию через призму своего жизненного опыта. Однако именно в условиях дефицита позитивных референтных моделей в непосредственном окружении – разрушенной семьи, конфликтной школы, маргинальной микросреды – виртуальные образцы приобретают чрезмерную весомость, становясь единственно доступным источником идентификации. Отсюда следует методологический вывод: эффективная профилактика подростковой преступности в информационную эпоху невозможна без освоения механизмов медиаграмотности и развития критического мышления у несовершеннолетних, однако эти педагогические усилия окажутся бесплодными, если не будут сопровождаться восстановлением функций первичных социальных институтов, способных предложить подростку альтернативные, конструктивные модели самореализации.

Таким образом, комплексный анализ динамики и структуры подростковой преступности в условиях современных социальных трансформаций позволяет констатировать, что данное явление сохраняет высокую интенсивность и приобретает качественно новые черты, обусловленные трансформацией традиционных институтов социализации и возникновением криминогенных факторов, специфичных для постиндустриального общества. Статистические данные свидетельствуют не просто о количественной стабилизации проблемы, но о ее «тяжестизации» – росте доли насильственных преступлений и включении несовершеннолетних в устойчивые формы организованной преступной деятельности, что ставит под сомнение адекватность существующих моделей профилактики, ориентированных преимущественно на индивидуальное исправление правонарушителя. Вывод, к которому приводит настоящее исследование, состоит в необходимости перехода от реактивных мер уголовно-правового реагирования к проактивной политике раннего вмешательства, адресованной семейной среде, условиям жизни подростков и механизмам их включения в девиантные медиапространства. Эффективность такой политики предполагает межведомственную координацию усилий правоохранительных органов, системы образования, социальных служб и гражданского общества, поскольку изолированные усилия отдельных институтов оказываются бессильными перед сложной, многофакторной природой подростковой девиантности. В конечном счете снижение преступности несовершеннолетних возможно лишь при условии восстановления функции семьи как первичного института социального контроля и формирования социальной среды, исключающей криминальные сценарии самореализации молодого поколения.

Литература

1. Топилкин П.С. Преступность несовершеннолетних в России: динамика и факторы, влияющие на совершение общественно опасных действий / П.С. Топилкин, М.В. Колмогоров // Органы государственной

власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе: сборник научных трудов IV Национальной научно-практической конференции. – СПб: СПбУТУиЭ, 2020. – С. 429–434.

2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года // МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». – [Электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 03.02.2026)

3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года // МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». – [Электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 03.02.2026)

4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 года // МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». – [Электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 03.02.2026)

5. Писаревская Е.А. Преступность несовершеннолетних в России: тенденции и детерминанты / Е.А. Писаревская, Е.Н. Рахманова // Московский юридический журнал. – 2024. – № 1. – С. 88–97.

6. Гилинский Я.И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога / Я.И. Гилинский // Криминалистъ. – 2016. – № 1(18). – С. 3–8.

UVENILE DELINQUENCY IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIAL TRANSFORMATIONS: DYNAMICS AND CRIMINOGENIC FACTORS

Medvedeva A.A., Prokofieva S.M., Topilkin P.S., Malyi M.V.
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article examines the dynamics and criminogenic factors of juvenile delinquency in the context of modern social transformations. Based on the analysis of statistical data for 2023–2025, a trend of "gravity" of juvenile delinquency has been revealed, manifested in an increase in the proportion of serious and especially serious acts, despite fluctuations in the total number of registered crimes. The key determinants of juvenile criminal behavior are investigated: disorganization of the family environment, socio-economic deprivation, child neglect and the destructive impact of the media space. The necessity of moving from reactive criminal law response measures to a proactive early intervention policy, involving interdepartmental coordination of efforts by government institutions and civil society, is substantiated.

Keywords: juvenile delinquency, social transformations, criminogenic factors, deviant socialization, family disorganization, prevention of juvenile delinquency.

References

1. Topilkin P.S. Juvenile delinquency in Russia: dynamics and factors influencing the commission of socially dangerous actions / P.S. Topilkin, M.V. Kolmogorov // State authorities in the system of human rights activities at the present stage: proceedings of the IV National Scientific and Practical Conference. – St. Petersburg: SPbUME, 2020. – Pp. 429–434.

2. The state of crime in Russia in January-December 2023 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Main Information and Analytical Center. – [Electronic resource]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751 / (date of request: 02/03/2026)

3. The state of crime in Russia in January-December 2024 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Main Information and Analytical Center. – [Electronic resource]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328 / (date of request: 02/03/2026)

4. The state of crime in Russia in January-December 2025 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Main Information and Analytical Center. – [Electronic resource]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182 / (date of request: 02/03/2026)

5. Pisarevskaya E.A. Juvenile delinquency in Russia: trends and determinants / E.A. Pisarevskaya, E.N. Rakhmanova // Moscow Law Journal. – 2024. – No. 1. – Pp. 88–97.

6. Gilinsky Ya.I. Crime and social control over it in modern postmodern society: a criminologist's view / Ya.I. Gilinsky // Criminalist. – 2016. – № 1(18). – Pp. 3–8.

Принцип обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту в условиях цифровизации уголовного судопроизводства

Тушев Александр Александрович,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса Кубанского государственного аграрного университета

Войтенко Станислав Андреевич,
студент юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета
E-mail: vn190377@mail.ru.

В статье анализируется проблема гарантий права на защиту для подозреваемого, обвиняемого в контексте цифровизации уголовного судопроизводства. Проведен анализ законодательных нововведений, касающихся применения видеоконференцсвязи, электронных документов и цифровых доказательств. Акцент сделан на отсутствии унифицированных терминов для ключевых правовых понятий. Рассмотрены доктринальные концепции использования видеосвязи на стадии предварительного следствия и в судебных процедурах., а также к организации аудиофиксации протоколов в судебном заседании, электронного взаимодействия участников уголовного судопроизводства, легитимности электронных доказательств и перспектив искусственного интеллекта в процессе. Подчеркнута значимость роли адвоката в условиях цифровизации уголовного процесса. Приведены примеры судебной практики, демонстрирующие необходимость системного упорядочения положений о цифровых технологиях с учетом гарантий права на защиту.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, уголовное судопроизводство, видео-конфененц-связь, электронное доказательство, аудиопротокол, защитник, подозреваемый (обвиняемый).

Введение

Глобальным вызовом современного общества является повсеместная цифровизация всех сфер человеческой деятельности, в том числе уголовного судопроизводства. Большую актуальность получает вопрос реализации принципа защиты прав подозреваемого, обвиняемого в контексте их интеграции в правоприменительную практику и совершенствование правового регулирования.

Ученые-процессуалисты непрерывно анализируют значение цифровых технологий в стадиях расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, выявляя их потенциал и ограничения. Научные исследования охватывают широкий спектр вопросов – от повсеместно обсуждаемых электронных доказательств и видео-конференц-связи до перспектив применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве [1, с. 297]. Несмотря на это, активное внедрение цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность оставляет по-прежнему противоречивой и актуальной проблему обеспечения защиты прав подозреваемого, обвиняемого.

С одной стороны, цифровые технологии помогают в достижении равенства между стороной обвинения и защиты, упрощают доступ всех участников уголовного процесса к информации, способствуют ускорению проведения судебных заседаний, расширению процессуальных возможностей взаимодействия защитников с подозреваемыми и обвиняемыми, существенной экономии на транспортных расходах. С другой стороны, подобные технологии чреваты значительным риском следственных и судебных ошибок, несправедливого разрешения дела и нарушения гарантий защиты прав подозреваемого, обвиняемого, особенно когда процессуальные решения принимает алгоритм, основанный на принципах чрезмерной формализации данных, упрощении информации и ограниченного выбора решений.

Обсуждение

Общественные вызовы содействовали внесению в действующее законодательство изменений и дополнений, связанных с вопросами использования видео-конференц-связи, внедрения электронных документов в уголовное судопроизводство, использования электронных доказательств и др.

С 2017 г.ч. 5 ст. 259 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) узаконено использование системы видеопротоколирования судебных заседаний. С 2018 г. аудиопротоколирование стало обязательным для всех судебных процедур. Помимо этого, ч. 5 ст. 241 УПК РФ допускает онлайн-трансляцию открытых заседаний в ходе судебного рассмотрения дела и на дальнейших процессуальных этапах.

Нормами ст. 82 УПК РФ допускается видеофиксация ряда вещественных доказательств. С 2018 г. в соответствии со ст. ст. 105.1, 107 УПК РФ для контроля домашнего ареста и других мер пресечения разрешено использование аудиовизуальных, электронных и других электронных средств. В 2021 г. в УПК РФ введена ст. 189.1, впервые разрешившая следователям проводить допрос, очную ставку, опознание через видео-конференц-связь при наличии технических ресурсов.

В 2022 г. поправками к ч. 4 ст. 108 УПК РФ судам предоставлена возможность рассматривать ходатайства следователей о заключении под стражу посредством видеоконференцсвязи, а также организовывать участие в судебных заседаниях лиц, содержащихся под стражей (ст. 241.1 УПК РФ). В 2023 г. новая ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ позволила передавать обвиняемым под стражей электронные процессуальные документы с использованием устройств для чтения книг, лишенных функций записи и выхода в интернет.

В 2024 г. поправками к ст. 46, 47 и 49 УПК РФ законодательно разрешены свидания подозреваемых и обвиняемых, удерживаемых под стражей, с их адвокатами при наличии соответствующего оборудования и технических условий, что существенно расширяет возможности конфиденциального общения в условиях цифровизации процесса.

Как отмечает Е.В. Марковичева, специфика уголовного судопроизводства существенно ограничивает возможности его комплексной цифровизации по сравнению с иными видами процесса, усиливая угрозы ущемления прав и интересов субъектов в ходе внедрения инновационных технологий [13, с. 93]. В то же время, нельзя не согла-

ситься с тем, что эффективно используемые на досудебной и судебной стадиях цифровые технологии обеспечивают всестороннее установление обстоятельств дела, надежную защиту прав участников процесса, безопасность участников и принципиально новый уровень эффективности правосудия [21, с. 7].

В научной и официальной литературе можно заметить широкий пласт терминологии, относящейся к цифровизации уголовного судопроизводства: «электронные средства», «цифровые технологии», «информационнотелекоммуникационные технологии», «информационно-технологические технологии» и др. Особого внимания заслуживает инициатива В.А. Семенцова по включению в ст. 5 УПК РФ определения термина «цифровые технологии» – «технологии со своим программным обеспечением, предназначенные для создания, хранения и распространения информации с помощью вычислительной техники» [20, с. 105].

Одной из уверенно вошедших в правовую отрасль, в том числе уголовное судопроизводство, но вызывающих острую дискуссию, цифровых технологий является видео-конференц-связь. В УПК РФ отсутствует нормативное определение понятия «видео-конференц-связь», хотя термин применяется в ряде норм, устанавливающих правила дистанционного участия субъектов процесса в следственных мероприятиях и судебных слушаниях.

По мнению экспертов, нормативное закрепление определения указанного понятия способствовало бы систематизации норм и единообразию правоприменения. В этом аспекте предложение Д.С. Гринь представляется полностью оправданным: «видео-конференц-связь – это компьютерно-цифровая технология, которая в установленных в уголовно-процессуальном законе случаях и порядке обеспечивает дистанционное аудиовизуальное взаимодействие в режиме реального времени нескольких абонентов – участников уголовного судопроизводства, с возможностью добавления к каналу связи дополнительных абонентов, имеющих уголовно-процессуальный статус, в целях обмена аудио- и видеоинформацией посредством обособленной телекоммуникационной сети, либо с использованием закрытых каналов сети «Интернет». Такая норма способна устранить бы терминологические разночтения и повысить процессуальную эффективность дистанционных следственных действий и судебных заседаний [4, с. 83–84].

На сегодняшний день довольно серьезной остается проблема так называемого цифрового неравенства. Законодательство не требует учитывать уровень цифровой грамотности участников, и следователь принимает решение о проведении следственного действия с использованием видео-конференц-связи на основании своего убеждения. По мнению О.А. Малышевой, для защиты прав лиц с ограниченными возможностями восприятия технологий такие действия следует проводить традиционным способом, например, допрос в присутствии следователя лично, что обеспечивает адекватную защиту их прав и законных интересов в уголовном процессе [12, с. 77]. Расширение же функционала цифровых технологий (проведение с их помощью допросов, очных ставок, опознания, сокращение роли понятых), по мнению С.В. Зуева, должно сопровождаться строгим контролем достоверности и процессуальной допустимости получаемых данных, их безопасности и целостности, соблюдением тайны следствия и гарантиями защиты прав и интересов личности [6, с. 121].

О.А. Теплякова, критически высказываясь о проведении следственных действий с использованием видео-конференц-связи, отмечает, что возможным представляется проведение первоначального допроса через видеоконференцсвязь по делам небольшой и средней тяжести, а равно дополнительных допросов по уголовным делам любой категории. Вместе с тем проведение по видеосвязи первоначального допроса по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы, а также очной ставки –сложных следственных действий, требующих тщательной подготовки, трудно прогнозировать, а надежность результатов может вызывать сомнения [22, с. 33].

С.И. Афанасьева и О.В. Добровлянина говорят, что в современных условиях необходимо внедрять видеотехнологии в досудебное производство, обеспечивая участие законных представителей, потерпевших, защитников, адвокатов, свидетелей и других лиц через веб-видеоконференции. Такие участники могут принимать участие в допросах, очных ставках, опознаниях и других следственных действиях, находясь вне места их проведения, используя личные технические средства и подтверждая свою личность через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) [2, с. 110].

Противоположной позиции придерживаются М.Е. Кочнев и Л.А. Шестакова, утверждая, что использование системы видеоконференц-связи в уголовном процессе может создавать риски нарушения прав участников, особенно права на защиту. Защитник обязан присутствовать на допросе своего доверителя. Возникает вопрос: как правильно организовать участие защитника при допросе по ВКС? Следователь и подозреваемый, обвиняемый должны определить, ходатайствовать о присутствии защитника у того следователя, который находится вместе с подозреваемым, обвиняемым или у следователя, ведущего допрос? Такая ситуация требует четкого процессуального регулирования для обеспечения прав участников [11, с. 111].

Кроме того, отсутствует нормативно урегулированный порядок участия адвоката и в судебном процессе с использованием систем видео-конференц-связи. Ведь УПК РФ не содержит прямых ограничений на участие в заседании через ВКС иных лиц процесса, к которым логично отнести и адвокатов. Существующая противоречивая судебная практика свидетельствует об отсутствии достаточного объема нормативной базы по этому вопросу.

Так, Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 июля 2020 г. № 35-УД20–7 установлено нарушение права на конфиденциальное общение обвиняемого с адвокатом при использовании видеоконференцсвязи, не обеспечивающей закрытых каналов консультаций с защитником, находившимся в зале суда. Суд принял доводы осужденного о нарушении его права на защиту из-за отсутствия возможности конфиденциального общения, отменив постановление нижестоящей инстанции как противоречащее законодательству [18]. А Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 августа 2020 г. № 57-УД20–4 отказ нижестоящих судов в удовлетворении ходатайств о дистанционном участии в рассмотрении дела через видеоконференцсвязь был признан нарушением права на защиту осужденных при рассмотрении дела в кассационном порядке [9].

В соответствии со ст. 259 УПК РФ в судах первой и апелляционной инстанций обязательным является аудиопротоколирование. Его справедливо относят к цифровым технологиям, поскольку он создается и хранится в цифровой форме на электронных носителях. Аудиопротокол обеспечивает прозрачность процесса, фиксацию хода разбирательства и возможность контроля за соблюдением процессуальных норм. Согласно п. 17 ч. ст. 47 УПК РФ, обвиняемый вправе знакомиться с протоколом и аудиозаписью судебного заседания, а также подавать замечания на них.

В настоящее время сложилась довольно противоречивая судебная практика, связанная с аудиопротоколированием судебного заседания. Примером тому может послужить Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 августа 2024 г. № 77–2132/2024 [8], в котором аудиопротоколу отдается главенствующая роль при отсутствии подписей председательствующего и секретаря судебного заседания на печатном протоколе, что всегда приравнивалось к отсутствию самого протокола и являлось основанием для отмены приговора (п. 11 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ).

А Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 мая 2024 г. по делу № 77–1030/2024 [10] признало отсутствие аудиофиксации судебного заседания несущественным нарушением уголовно-процессуального закона, не повлиявшим на права осужденного на защиту.

По мнению опытных адвокатов, если есть принципиальные расхождения в письменном протоколе и его аудиозаписи, приоритет будет у аудиозаписи, например, если есть аудиозапись, то довольно часто встречающиеся ошибки в письменных протоколах не критичны, если же аудиозаписи нет, то ошибки становятся существенными [14, с. 149].

Ключевым элементом гарантий защиты для подозреваемых и обвиняемых выступает их право на оперативное получение сведений о ходе уголовного дела. И.А. Гучигова и А.В. Кондаков выражают сомнения относительно стабильности цифровых каналов коммуникации, поскольку недавно внедренная автоматическая система уведомлений еще не прошла достаточной апробации на практике. Кроме того, исследователи акцентируют внимание на создании надежных инструментов охраны личных данных при полном переводе процессуальных мероприятий в онлайн-пространство, где помимо юридических требуются технические решения, например, способы персональной идентификации для доступа к материалам конкретного производства [5, с. 45].

В юридической литературе обосновывается необходимость внедрения в уголовное судопроизводство специализированных следственных мероприятий, включая обыск цифровых устройств, электронное копирование данных, осмотр информационной среды, электронная выемка, электронный обыск, арест электронно-почтовой корреспонденции и аналогичные процедуры. При этом отмечается, что действующая норма ст. 185 УПК РФ, регулирующая арест традиционных почтово-телеграфных отправлений для исключения произвола и защиты прав участников процесса, не адаптирована к реалиям цифровой коммуникации, в частности к механизмам обмена данными посредством электронной почты [6, с. 101].

Следует обратить внимание также на вполне обоснованное предложение Е.В. Никитиной и В.С. Раменской дополнить УПК РФ новой статьей: «Статья 186.2. Получение сведений об электронных сообщениях, их копирование и осмотр». Их предложения охватывают ключевые аспекты обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого, детализируя содержание предлагаемой нормы: достаточные основания для доступа к информации об электронных сообщениях; осуществление копирования и осмотра электронных сообщений исключительно по судебному постановлению; порядок формирования и содержание ходатайства следователя о проведении указанного следственного действия; возможность привлечения к участию в осмотре специалиста в области информационных технологий; содержание протокола и особенности хранения электронных носителей информации и др. [16, с. 27].

М.Б. Набатов считает, что развитие цифровых технологий значительно расширяет возможности обвиняемого в реализации своих прав, но они в большей степени предоставляются адвокату-защитнику, поскольку именно защитник является единственным независимым, но профессиональным участником уголовного процесса, осуществляющим защиту интересов подзащитного. Цифровизация должна в первую очередь способствовать активизации роли защитника в процессе, обеспечивая качественное и оперативное осуществление защитительных функций. Участие защитной стороны в установлении истины и доказывании посредством электронных инструментов способно преследовать цели не только подтверждения невиновности, но и демонстрации недостаточности доказательной базы обвинения [15].

Изменения, внесенные в УПК РФ, относительно электронных доказательств, на сегодняшний день преимущественно регулируют изъятие и хранение цифровых носителей, приравнивая их к традиционным вещественным доказательствам. По мнению А.Р. Шариповой, подобный подход сохраняет привычные процедуры обращения с доказательствами, преобразуя цифровую информацию в формат, пригодный для стандартного процессуального использования, что в итоге подменяет работу с данными их перевода в физическую форму с применением классических действий вроде осмотра, обыска, выемки и экспертизы. Вместе с тем отсутствие в законе определения электронных доказательств и специальных методов их фиксации и изъятия фактически лишает сторону защиты статуса полноценного субъекта процесса доказывания [24, с. 80].

М.И. Воронин подчеркивает наличие значительного количества трудностей в данных сферах, в первую очередь, из-за отсутствия в УПК РФ соответствующих терминологических определений. Однако, по его убеждению, ключевые вызовы связаны с гарантиями надежности электронных доказательств и соблюдением прав личности [3, с. 81].

При сборе, проверке и оценке электронных доказательств необходимо предъявлять повышенные требования к их достоверности и сохранности, в отличие от прочих видов доказательств. Электронные данные не имеют физической осязаемой формы, легко подвержены изменениям или уничтожению, а для их анализа требуются специальные технические средства и профессиональные знания, что обуславливают необходимость строгого соблюдения процедур получения, фиксации и хранения электронных доказательств с целью защиты прав подозреваемого, обвиняемого. Для проверки соответствия электронных доказательств установленным требованиям, подтверждения неизменности их содержания и объема информации с момента получения до применения, исключения возможности фальсификации или подделки, необходимо привлекать специалистов с экспертными знаниями в области информационных технологий. Следует также предусмотреть обязательное участие IT-экспертов по инициативе подозреваемого или обвиняемого, что гарантирует объективность процедуры и защиту прав участников уголовного процесса [19, с. 129]. Поддерживая указанную точку зрения следует рассмотреть возможность дополнения ст. 58 УПК РФ положением примерного содержания: «Лицу, в отношении которого проводятся следственные действия с применением информационных технологий, либо его защитнику не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о обязательном участии специалиста в области информационных технологий по их инициативе», что обеспечивает объективность процедуры и надежную защиту процессуальных прав участников уголовного судопроизводства.

Считаем, что подобный подход способствует повышению достоверности и надежности электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. В обозначенном аспекте вполне обоснованными являются и требования ч. 2 ст. 164.1. УПК РФ. В то же время в Определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 17 ноября 2022 г. № 8-УД22–14СП-А1 указано, что основания полагать незаконным изъятие ноутбука без участия специалиста отсутствуют, поскольку процессуальное действие не сопровождалось извлечением цифровой информации или созданием копии информации для ее владельца взамен самого носителя, который подлежал изъятию, что могло бы потребовать привлечения соответствующего профессионала [17]. Выходит, участие специалиста при изъятии электронных носителей информации как обычного предмета в порядке, установленном ч. 2 ст. 164.1 УПК, необязательно?

А.Р. Шарипова отмечает, что сторона защиты фактически лишена возможности полноценно собирать и процессуально оформлять электронные доказательства, поскольку ключевые механизмы формирования доказательственной базы в уголовном процессе традиционно находятся в ведении органов уголовного преследования. Включение в УПК РФ специальных норм, регламентирующих работу с электронными доказательствами, в том числе применительно к действиям обвиняемого и его защитника, позволило бы эффективнее реализовывать принцип состязательности сторон и повысить процессуальную роль защиты в уголовном судопроизводстве [24, с. 80]. Считаем, что только комплекс взаимосвязанных норм о цифровых доказательствах – от их определения до процессуальных гарантий – позволит адвокату эффективно реализовать принцип состязательности и укрепить роль защиты в уголовном судопроизводстве. Прежде всего, в ст. 5 УПК РФ целесообразно закрепить понятие «цифровые доказательства», дополнить ст. 74 УПК РФ самостоятельным видом доказательств «цифровые доказательства» (отдельно от документов и вещественных доказательств), устранив тем самым терминологические пробелы, а также регламентировать следственные действия с ними (осмотр, изъятие, копирование) с обязательным участием специалиста в области цифровых технологий по инициативе защитника.

В последнее время многие ученые с уверенностью высказываются о том, что технологический прогресс в обозримом будущем обеспечит интеграцию искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство. Тем не менее, как подчеркивают специалисты, существующие технологии выступают лишь во вспомогательной роли для участников процесса, они не в силах полностью вытеснить судью, следователя или эксперта, что превращает применение ИИ в уголовных делах в арену научных споров. С одной стороны, судьи и следователи опираются не только на букву закона, но и на философско-правовые начала, включая социальный статус и состояние здоровья обвиняемого, что позволяет назначать более гуманные меры наказания. С другой стороны, искусственный интеллект не обладает материальными интересами, что обеспечивает отсутствие коррупции и является важным преимуществом в уголовном процессе. Что же касается работы адвоката, со стороны защиты, то она кардинально отличается от системного подхода органов предварительного расследования и суда. Защитник применяет творческий подход при решении дел и защите интересов клиента. Поэтому замена адвоката-человека на технические средства не представляется возможной при нынешнем уровне развития технологий и в обозримом будущем [23, с. 149].

Результаты

Внедрение цифровых технологий – перспективное направление совершенствования уголовнопроцессуальной деятельности органов досудебного расследования и судов, которое при грамотном применении способно существенно усилить гарантии защиты прав подозреваемого и обвиняемого. Фрагментарный характер правового регулирования применения цифровых технологий существенно ограничивает гарантии защиты прав подозреваемого и обвиняемого. Отсутствие системных норм приводит к различным проблемам в сфере защиты их прав: неравенство сторон, неопределенность критериев допустимости электронных доказательств; риск утраты или искажения данных изза отсутствия единых стандартов фиксации, хранения и передачи цифровой информации; недостаточность процессуальных гарантий при применении технологий видео-конференц-связи, электронного документооборота, банальное отсутствие технических средств и др.

Выводы

Системная регламентация цифровых технологий – необходимое условие соблюдения конституционных гарантий, таких как презумпция невиновности, право на защиту, равенство сторон. При развитии информатизации уголовного судопроизводства главным ориентиром и ограничивающим критерием должно выступать обеспечение максимально возможной защищенности прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г., № 174-ФЗ // СЗ РФ от 24 декабря 2001 г., № 52 (Часть I), ст. 4921.

2. Абдулвалиев А.Ф. Обзор научных исследований о цифровых технологиях в уголовном процессе // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сборник

научных статей по материалам Международного научно-практического форума, Тюмень, 17–19 октября 2024 г. – Тюмень, 2024. – С. 296–303.

3. Афанасьева С. И., Добровлянина О.В. Правовое регулирование производства следственных действий с использованием видеоконференц-связи по действующему УПК РФ // Ex jure. 2022. № 4 – С. 101–117.

4. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7 (152). – С. 74–84.

5. Гринь Д.С. Теоретическое и нормативное определение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2020. № 3. – С. 82–86.

6. Гучигова И. А., Кондаков А.В. Вопросы применения цифровых технологий в рамках уголовно-процессуальных процедур // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 74–6. – С. 44–47.

7. Зуев С.В. Информационные технологии и принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 4 (31). – С 98–105.

8. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. – С. 118–123.

9. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.08.2024 № 77–2132/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 20.08.2020 № 57-УД20–4 // СПС «КонсультатнтПлюс».

11. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2024 по делу № 77–1030/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Кочнев М. Е., Шестакова Л.А. использование системы видеоконференц-связи при производстве следственных действий (ст. 189.1. УПК РФ): уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Вестник Международного института рынка. 2023. № 2. – С. 110–114.

13. Малышева О.А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex Russica. 2022. № 6 (187). – С. 77.-

14. Марковичева Е.В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие. 2020. № 3. – С. 86–99.

15. Мельчев А.А. Ловушки защиты и обвинения. Тактическое руководство по уголовному процессу. Москва, 2025. – 176 с.

16. Набатов М.Б. Реализация права на защиту в уголовном процессе в условиях применения цифровых технологий: автореф. дис. … канд. юрид наук: 5.1.4. Москва, 2024. – 28 с.

17. Никитина Е. В., Раменская В.С. Проблемы законодательного регулирования следственного действия, направленного на получение доступа к электронным сообщениям // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. – С. 25–32.

18. Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 17.11.2022 № 8-УД22–14СП-А1 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 7 июля 2020 г. № 35-УД20–7 // СПС «КонсультатнтПлюс».

20. Платонов В.В. Обеспечение допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 8 (177). – С. 124–132.

21. Семенцов В.А. Цифровые технологии в отечественном уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 4. – С. 105.

22. Соколов Ю.Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: дис. … докт. юрид. наук: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки). Екатеринбург, 2023. – 440 с.

23. Теплякова О.А. Актуальные проблемы проведения допроса и очной ставки путем использования систем видео-конференц-связи на досудебном производстве // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 1 (36). – С. 30–34.

24. Тимофеева П. И., Часовникова О.Г. Цифровизация уголовного судопроизводства // Журнал правовых и экономических исследований. 2023, № 4 – С. 146–150.

25. Шарипова А.Р. Новые источники уголовно-процессуальных и иных судебных доказательств в цифровой реальности // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2023. № 1. – С. 73–89.

THE PRINCIPLE OF PROVIDING THE SUSPECT, THE ACCUSED WITH THE RIGHT TO DEFENSE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Tushev A.A., Voitenko S.A.
Kuban State Agrarian University

The article analyzes the issue of guarantees of the right to defense for a suspect or accused in the context of the digitalization of criminal proceedings. An analysis of legislative innovations concerning the use of videoconferencing, electronic documents, and digital evidence has been carried out. Emphasis is placed on the lack of unified terms for key legal concepts. Doctrinal concepts of the use of video communication at the stage of preliminary investigation and in court proceedings, as well as the organization of audio recording of protocols in court sessions, electronic interaction of participants in criminal proceedings, the legitimacy of electronic evidence, and the prospects of artificial intelligence in the process, are examined. The importance of the lawyer's role in the context of the digitalization of the criminal process is emphasized. Examples of judicial practice are provided, demonstrating the need for systematic regulation of provisions on digital technologies taking into account the guarantees of the right to defense.

Keywords: Digitalization, Digital technologies, Criminal proceedings, Video conferencing, Electronic evidence, Audio record, Artificial intelligence (AI), Defense counsel, Suspect (Accused).

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, № 174-FZ // SZ RF of December 24, 2001, № 52 (Part I), Art. 4921.

2. Abdulvaliev, A.F. Review of Scientific Research on Digital Technologies in Criminal Procedure // Law in the Era of Artificial Intelligence: Prospective Challenges and Modern Tasks: Collection of Scientific Articles based on the materials of the International Scientific and Practical Forum, Tyumen, October 17–19, 2024. – Tyumen, 2024. – Pp.. 296–303.

3. Afanasyeva S. I., Dobrovlyanina O.V. Legal Regulation of Investigative Actions Using Video Conferencing under the Current CPC of the Russian Federation // Ex jure. 2022. № 4 – Pp. 101–117.

4. Voronin M.I. Electronic Evidence in the CPC: To Be or Not to Be? // Lex Russica. 2019. № 7 (152). – Pp. 74–84.

5. Grin David Sergeevich Theoretical and Normative Definition of Video Conferencing in Criminal Proceedings // Legal Science. 2020. № 3. – Pp. 82–86.

6. Guchigova I. A., Kondakov A.V. Issues of Applying Digital Technologies within Criminal Procedure Procedures // Trends in the Development of Science and Education. 2021. № 74–6. – Pp. 44–47.

7. Zuev S.V. Information Technologies and the Principle of Procedural Economy in Criminal Proceedings // Law and Order: History, Theory, Practice. 2021. № 4 (31). – Pp. 98–105.

8. Zuev S.V. The Digital Environment of Criminal Proceedings: Problems and Prospects // Siberian Legal Herald. 2018. № 4. p. 121. – Pp. 118–123.

9. Cassation Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of August 27, 2024, № 77–2132/2024 // SPS «ConsultantPlus».

10. Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of August 20, 2020, № 57-UD20–4 // SPS «ConsultantPlus».

11. Cassation Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction of May 16, 2024, in Case № 77–1030/2024 // SPS «ConsultantPlus».

12. Kochnev M. E., Shestakova L.A. Use of the Video Conferencing System in Conducting Investigative Actions (Art. 189.1. CPC of the Russian Federation): Criminal Procedure and Forensic Aspects // Bulletin of the International Market Institute. 2023. № 2. – Pp. 110–114.

13. Malysheva O.A. Procedural Guarantees of the Rights of Participants in Investigative Actions Conducted Using a Video Conferencing System // Lex Russica. 2022. № 6 (187). – Pp. 74–84.

14. Markovicheva, E. V. «Digital Transformation of Russian Criminal Proceedings» // Pravosudie (Justice). 2020. № 3. – Pp. 86–99.

15. Melchev, A.A. Traps of Defense and Prosecution. A Tactical Guide to Criminal Procedure. Moscow, 2025. – 176 pp.

16. Nabatov, M.B. Realization of the Right to Defense in Criminal Proceedings under the Conditions of Digital Technologies Application: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences: 5.1.4. Moscow, 2024. – 28 pp.

17. Nikitina, E. V., Ramenskaya, V. S. «Problems of Legislative Regulation of Investigative Actions Aimed at Gaining Access to Electronic Messages» // Rossiyskoye Pravo: Obrazovaniye, Praktika, Nauka (Russian Law: Education, Practice, Science). 2022. № 2. – Pp. 25–32.

18. Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 17.11.2022 № 8-UD22–14SP-A1 // Legal Reference System «ConsultantPlus».

19. Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 7, 2020 № 35-UD20–7 // Legal Reference System «ConsultantPlus».

20. Platonov, V. V. «Ensuring the Admissibility of Electronic Evidence in Criminal Proceedings» // Aktual'nyye Problemy Rossiyskogo Prava (Current Problems of Russian Law). 2025. № 8 (177). – Pp. 124–132.

21. Sementsov, V. A. «Digital Technologies in Domestic Criminal Proceedings» // Yuridicheskiy Vestnik Kubanskogo Gosudarstvennogo Universiteta (Legal Bulletin of Kuban State University). 2022. № 4. – Pp. 105.

22. Sokolov, Yu.N. Information Technologies and the Circulation of Digital Data in Forensics: Theoretical and Practical Issues: Dissertation for the Degree of Doctor of Legal Sciences: 5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences). Yekaterinburg, 2023. – 440 pp.

23. Teplyakova, O. A. «Current Problems of Conducting Interrogations and Confrontations Using Video Conferencing Systems in Pre-trial Proceedings» // Vestnik Moskovskogo Universiteta im. S. Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskiye Nauki (Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences). 2023. № 1 (36). – Pp. 30–34.

24. Timofeeva, P. I., Chasovnikova, O. G. «Digitalization of Criminal Proceedings» // Zhurnal Pravovykh i Ekonomicheskikh Issledovaniy (Journal of Legal and Economic Research). 2023, № 4 – Pp. 146–150.

25. Sharipova, A. R. «New Sources of Criminal Procedure and Other Judicial Evidence in the Digital Reality» // Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo (Bulletin of SPbSU. Series 14. Law). 2023. № 1. – Pp. 73–89.

Дуализм статуса адвоката в уголовном процессе

Шаповалов Дмитрий Владимирович,
аспирант, кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Международный юридический институт
E-mail: advokatshapovalov@mail.ru

В статье исследуется правовой статус адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве через призму его структурных элементов и, что особенно важно, принципа независимости как базового условия эффективной защиты. Автор анализирует, пожалуй, наиболее проблемные аспекты современного регулирования статуса поверенного, обращая внимание на противоречия между декларируемыми законодателем гарантиями и реальной правоприменительной практикой. Особое место в работе отведено рассмотрению системных угроз автономии адвоката – от административного давления со стороны правоохранительных органов до попыток ограничения профессиональной свободы через дисциплинарные механизмы.

Ключевые слова: адвокат-защитник, правовой статус адвоката, независимость адвоката, уголовное судопроизводство, адвокатская тайна, гарантии адвокатской деятельности, состязательность процесса, право на защиту, профессиональная автономия, судебная практика

Правовой статус адвоката в современном уголовном процессе занимает одно из центральных мест в системе правовых отношений, хотя его подлинное значение, к сожалению, не всегда оценивается в полной мере ни в доктрине, ни в правоприменительной практике. Эффективность реализации конституционного права на защиту, а значит, и справедливость всего уголовного судопроизводства, напрямую зависит от того, насколько чётко законодатель определил положение защитника, какими механизмами его наделил. В условиях, когда принцип состязательности провозглашён краеугольным камнем уголовного процесса, вопрос о статусе адвоката приобретает особую остроту.

Актуальность исследования обусловлена целым рядом факторов практического и теоретического свойства. В отечественной науке уголовного процесса до сих пор не выработано единого подхода к определению самого понятия «правовой статус адвоката», что порождает терминологическую путаницу и создаёт почву для неоднозначного толкования норм процессуального законодательства. Правоприменительная практика, увы, изобилует случаями ограничения прав адвоката, что ставит под сомнение реальность конституционных гарантий права на квалифицированную юридическую помощь. Достаточно вспомнить давние споры о допустимости ознакомления защитника с материалами дела на стадии предварительного расследования или продолжающиеся дискуссии относительно пределов адвокатской тайны.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ сущности и структуры правового статуса адвоката-защитника с особым вниманием к императиву его независимости в контексте уголовного правосудия. В процессе исследования применялись такие методы, как формально-юридический, позволивший проанализировать нормативно-правовые акты; сравнительно-правовой, дающий возможность сопоставить отечественные и зарубежные подходы; а также системный метод, необходимый для рассмотрения адвокатского статуса как целостной конструкции. Следует признать, что каждый из этих методов имеет свои ограничения, и их применение требует критического подхода.

Место адвоката в уголовном судопроизводстве обычно рассматривают через его принадлежность к стороне защиты, однако такой взгляд заметно упрощает реальное положение дел. Адвокат – это, прежде всего, профессиональный представитель интересов доверителя, человек со специальными юридическими знаниями, жестко связанный нормами адвокатской этики и корпоративными правилами.

Вот эта двойственность и создаёт главную особенность его статуса: с одной стороны, он – полноценный участник процесса, действующий в рамках УПК, с другой – член адвокатского сообщества, подчиняющийся не только федеральному закону, но и Кодексу профессиональной этики адвоката, решениям органов адвокатского самоуправления. Именно такое сочетание, казалось бы, противоречивых начал обеспечивает адвокату независимость от государства и одновременно вплетает его в общую ткань системы правосудия. Получается довольно своеобразный дуализм, который и отличает адвоката от других участников уголовного процесса.

В юридической науке до сих пор отсутствует единое, общепризнанное определение понятия «правовой статус адвоката» в уголовном судопроизводстве. Это обстоятельство, разумеется, порождает определённые сложности как в теоретическом осмыслении роли защитника, так и в практическом применении норм. Различные исследователи предлагают свои дефиниции, акцентируя внимание на тех или иных аспектах. Так, например, А.Д. Бойков видит статус адвоката как «сочетание его прав и обязанностей, содержащихся в Законе об адвокатуре, в отраслях процессуального законодательства, в корпоративных актах адвокатского сообщества» [14]. Такое понимание подчёркивает нормативную основу статуса, но, возможно, несколько сужает его до простого перечня предписаний.

В.Г. Бессарабов предлагает более развёрнутую трактовку, указывая, что статус адвоката включает в себя «полномочия адвоката (права, обязанности и способы их реализации), гарантии независимости адвоката, гарантии безопасности адвоката, гарантии неприкосновенности адвоката и ответственность адвоката» [10, с. 16]. Эта позиция, как представляется, более полно отражает комплексный характер статуса, включая в него не только права и обязанности, но и важнейшие гарантии, обеспечивающие их реализацию.

Особое место в дискуссии занимает вопрос о том, является ли адвокат-защитник самостоятельным участником уголовного процесса или же выступает лишь представителем обвиняемого. Группа авторов, среди которых Е.А. Матвиенко, Я.С. Яврах, И.Д. Перлов, твёрдо придерживается позиции о самостоятельности защитника, обосновывая это тем, что он наделён собственными полномочиями [9, с. 33]. Однако нельзя игнорировать и классические воззрения, например, М.С. Строговича, который полагал, что защитник – это прежде всего «представитель обвиняемого, представляет на следствии и суде законные интересы обвиняемого и охраняет его права» [12, с. 65]. В противовес этому, В.С. Джатиев решительно утверждает, что «защитника нельзя расценивать как представителя обвиняемого», поскольку российский уголовный процесс предполагает личное участие обвиняемого [11]. Эти полярные мнения демонстрируют глубину теоретических разногласий.

Расширяя взгляд на функциональное предназначение адвоката, А.Л. Цыпкин определяет защиту в уголовном процессе как сложную, регулируемую законами деятельность, включающую как действия самого обвиняемого, так и деятельность защитника, который, «отстаивая права и законные интересы обвиняемого, стремится к установлению объективной истины» [15, с. 58]. Здесь акцент смещается с чисто процессуального положения на функциональное предназначение адвоката. О.Г. Цыденова, в свою очередь, фокусируется на праве подозреваемого или обвиняемого на защиту, трактуя его как «совокупность процессуальных прав, предоставленных подозреваемому, обвиняемому, обеспечивающих законность уголовного преследования» [12, с. 260].

Синтезируя представленные подходы, можно сформулировать авторское определение: правовой статус адвоката в уголовном судопроизводстве – это законодательно и корпоративно закреплённая совокупность прав, обязанностей, правовых механизмов и гарантий независимой профессиональной деятельности, направленной на оказание квалифицированной юридической помощи доверителю и защиту его прав и законных интересов на всех стадиях уголовного процесса.

Не менее важным аспектом является разграничение понятий «правовой статус», «правовое положение» и «процессуальный статус». Эти категории, хотя и тесно взаимосвязаны, не являются тождественными. Под правовым статусом, как правило, понимается законодательно закреплённое, относительно стабильное правовое состояние субъектов, включающее фундаментальные права, свободы и обязанности. Это своего рода «скелет» правовой личности. Правовое же положение представляется более широкой категорией. Оно отражает совокупность реальных прав, обязанностей и ответственности, которые возникают и изменяются в связи с конкретными юридическими фактами. Если правовой статус можно рассматривать как некую статичную модель, то правовое положение – это уже динамичное проявление этой модели в конкретных правоотношениях.

«Процессуальный статус участника процесса» – это, по сути, конкретизация общего понятия правового статуса применительно к уголовно-процессуальным отношениям. Он представляет собой юридически закреплённое положение субъекта именно в рамках уголовного судопроизводства, охватывая совокупность прав, свобод и обязанностей в контексте процессуальной деятельности.

Специфика правового статуса адвоката-защитника является предметом постоянного научного интереса и практических дискуссий, что вполне объяснимо. Его роль уникальна и не имеет прямых аналогов среди других участников процесса. Адвокат-защитник не просто представляет интересы своего доверителя; он выступает гарантом конституционного права на защиту, обеспечивая состязательность и равноправие сторон.

Права адвоката-защитника составляют основу его правового статуса в уголовном процессе. Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК РФ) предоставляет защитнику довольно широкие полномочия – встречаться с подзащитным без ограничения времени, собирать доказательства, привлекать специалистов, участвовать в следственных действиях [3]. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» дополняет этот перечень профессиональными правами, среди которых запрос документов от государственных органов [4]. Хотя тут возникает вопрос – а насколько эти механизмы реализуемы на практике.

Реализация декларированных законом прав защитника в уголовном судопроизводстве на практике постоянно сталкивается с серьёзными препятствиями. Под декларированными правами здесь понимаются те полномочия, которые формально закреплены в законодательстве, однако их осуществление либо существенно затруднено, либо не подкреплено реальными механизмами принуждения. Яркий пример – адвокатский запрос: закон даёт право требовать от органов и организаций необходимые документы и сведения в тридцатидневный срок с возможностью продления, а за необоснованный отказ предусмотрена административная ответственность, но в действительности ответы нередко задерживаются, приходят формальными отписками или вообще отсутствуют, а случаи привлечения к ответственности остаются единичными.

Сходная картина складывается с доступом к материалам дела: временное ограничение допускается в интересах расследования, однако границы такого ограничения размыты, следователи часто используют ссылку на «интересы следствия» без достаточных оснований и без чётких сроков, что существенно ослабляет равенство сторон и ставит под сомнение эффективность предусмотренных гарантий.

Обязанности адвоката представляют собой оборотную сторону его прав, хотя связь эта не всегда прямолинейна. Защитник обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать интересы доверителя всеми не запрещёнными законодательством средствами – формулировка достаточно общая, допускающая разное толкование. Это касается как процессуальных обязанностей по участию в доказывании, так и этических требований. Последние закреплены в Кодексе профессиональной этики адвоката и предполагают соблюдение корпоративных стандартов поведения, постоянное повышение квалификации, уважительное отношение к коллегам.

За нарушение профессиональных обязанностей адвокат может понести дисциплинарную ответственность вплоть до прекращения статуса. При причинении ущерба доверителю наступает гражданско-правовая ответственность, что логично. Наиболее серьёзные нарушения могут повлечь уголовную ответственность, хотя случаи такие редки.

Система гарантий адвокатской деятельности призвана обеспечить реальную возможность осуществления защиты – по крайней мере, так задумано. Законодательные гарантии включают запрет вмешательства в профессиональную деятельность адвоката, особый порядок привлечения его к уголовной ответственности. Адвокатская тайна занимает центральное место в этой системе. Она охватывает все сведения, полученные адвокатом от доверителя, а также сам факт обращения за юридической помощью, что важно.

Без гарантии конфиденциальности невозможны доверительные отношения между защитником и подзащитным – это очевидно. Раскрытие адвокатской тайны допускается только с согласия доверителя, причём согласие должно быть явно выраженным. Иммунитеты адвоката дополняют систему гарантий. Практика их применения, впрочем, показывает определённые проблемы – случаи необоснованного привлечения адвокатов к уголовной ответственности, обысков в адвокатских образованиях свидетельствуют о недостаточной эффективности существующих механизмов защиты профессии.

Проведенный анализ понятия и сущности правового статуса адвоката в уголовном судопроизводстве позволяет сформулировать ряд принципиальных положений, которые имеют как теоретическое, так и практическое значение. Правовой статус адвоката представляет собой сложную многокомпонентную систему, включающую совокупность прав, обязанностей, процессуальных полномочий, мер ответственности и гарантий деятельности, закрепленных в нормах конституционного, материального и процессуального законодательства.

Особенность этого статуса заключается в том, что он формируется на стыке двух правовых пространств: с одной стороны, это законодательство об адвокатуре, которое определяет корпоративную принадлежность и профессиональные стандарты, а с другой – нормы уголовно-процессуального права, регулирующие участие защитника в производстве по уголовному делу. Эта двойственность не является случайной или временной; напротив, она составляет сущностную характеристику современной модели адвокатуры. Именно благодаря такому дуализму адвокат сохраняет независимость от государственных органов, оставаясь при этом полноценным участником процесса отправления правосудия.

Таким образом, правовой статус адвоката в уголовном судопроизводстве представляет собой не просто набор формальных полномочий, но сложную систему, пронизанную внутренними противоречиями и требующую постоянного баланса между профессиональными, этическими и процессуальными требованиями. Его эффективность напрямую зависит от того, насколько законодатель и правоприменитель способны обеспечить реальные гарантии независимости адвокатуры, неприкосновенности адвокатской тайны и равенства процессуальных возможностей сторон.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 4 июля 2020 г. № 144.

2. Основные принципы, касающиеся роли юристов (приняты VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 г.) // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью-Йорк: ООН, 1992. – С. 136–141.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. От 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

4. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. От 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57939/ (дата обращения: 15.12.2025).

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – 2015. – 17 дек. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190791/ (дата обращения: 15.12.2025).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (дата обращения: 15.12.2025).

8. Дело «Смирнов против России» (жалоба № 71362/01): Постановление Европейского Суда по правам человека // Техэксперт [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902107273 (дата обращения: 15.12.2025).

9. Баев М.О. Защита от обвинения в уголовном процессе: Тактика профессиональной защиты по уголовным делам. Право обвиняемого на защиту (нормативные акты, постатейный материал) / М.О. Баев, О.Я. Баев. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1995. – 228 с.

10. Заборовский В.В. Структура правового статуса адвоката // Евразийская адвокатура. – 2016. – № . 3 (22). – С. 15–21.

11. Каминский Э.С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве: дис. … кан. Юрид. Наук / Э.С. Каминский. – Москва, 2021. – 198 с.

12. Мажогина Е.А. Право обвиняемого на защиту как основополагающее начало уголовно-процессуального законодательства России // Научные известия. – 2022. – № . 29. – С. 259–264.

13. Макашова Т.П. Функции адвоката как представителя гражданского истца и гражданского ответчика в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № . 3 (34). – С. 64–69.

14. Хмыров Р.В. Представитель адвокатской палаты как участник уголовного судопроизводства: дис. … кан. Юрид. Наук / Р.В. Хмыров. – Кубанский государственный университет, 2024. – 240 с.

15. Чарыков А.В. Место и роль адвоката-защитника в процессе доказывания в розыскном типе уголовного судопроизводства // Юридические исследования. – 2024. – № . 9. – С. 57–71.

DUALITY OF THE STATUS OF A DEFENSE ATTORNEY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Shapovalov D.V.
International Law Institute

This article examines the legal status of defense attorneys in criminal proceedings through the lens of their structural elements and, most importantly, the principle of independence as a fundamental condition for effective defense. The author analyzes perhaps the most problematic aspects of modern regulation of attorney status, focusing on the contradictions between the guarantees declared by law and actual law enforcement practice. Particular attention is given to the examination of systemic threats to defense attorney autonomy – from administrative pressure from law enforcement agencies to attempts to restrict professional freedom through disciplinary mechanisms.

Keywords: defense attorney, legal status of attorney, attorney independence, criminal proceedings, attorney-client privilege, attorney-client privilege, adversarial process guarantees, right to defense, professional autonomy, judicial practice

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta, July 4, 2020, № 144.

2. Basic Principles on the Role of Lawyers (adopted by the VIII United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, Havana, August 27 – September 7, 1990) // Compilation of United Nations Standards and Norms in Crime Prevention and Criminal Justice. – New York: UN, 1992. – Pp. 136–141.

3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation, December 18, 2001, № 174-FZ (as amended on October 27, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 52 (Part I). – Art. 4921.

4. Federal Law of 31.05.2002 № 63-FZ «On Advocacy Activity and the Bar in the Russian Federation» (as amended on 22.04.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 23. – Art. 2102.

5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.11.2005 № 439-O «On the complaint of citizens S.V. Borodin, V.N. Burobin, A.V. Bykovsky and others regarding the violation of their constitutional rights by Articles 7, 29, 182 and 183 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // ConsultantPlus [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57939/ (date of access: 15.12.2025).

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.12.2015 № 33-P «On the case of verifying the constitutionality of clause 7 of part two of Article 29, part four of Article 165 and part one of Article 182 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens A.V. Balyan, M.S. Dzyuba and others» // ConsultantPlus [Electronic resource]. – 2015. – December 17. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190791/ (date of access: 15.12.2025).

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015, № 29 «On the Practice of Applying Legislation Ensuring the Right to Defense in Criminal Proceedings» // ConsultantPlus [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (date of access: December 15, 2025).

8. Case of Smirnov v. Russia (complaint № 71362/01): Judgment of the European Court of Human Rights // TekhExpert [Electronic resource]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902107273 (date of access: December 15, 2025).

9. Baev, M.O. Defense against Accusations in Criminal Proceedings: Tactics of Professional Defense in Criminal Cases. The right of the accused to defense (regulatory acts, article-by-article material) / M.O. Baev, O. Ya. – Voronezh: Voronezh State University, 1995. – 228 p.

10. Zaborovsky V.V. Structure of the legal status of a lawyer // Eurasian Advocacy. – 2016. – № 3 (22). – Pp. 15–21.

11. Kaminsky E.S. Ensuring public legal interests in the application of alternative methods of resolving criminal-law conflicts in pre-trial proceedings: diss. … can. of legal sciences / E.S. Kaminsky. – Moscow, 2021. – 198 p.

12. Mazoghina E.A. The right of the accused to defense as a fundamental principle of the criminal procedural legislation of Russia // Scientific News. – 2022. – № 29. – P. 259–264.

13. Makashova T.P. Functions of a lawyer as a representative of a civil plaintiff and a civil defendant in criminal proceedings // Law and order: history, theory, practice. – 2022. – № 3 (34). – P. 64–69.

14. Khmyrov R.V. Representative of the Bar Association as a participant in criminal proceedings: diss. … can. legal sciences / R.V. Khmyrov. – Kuban State University, 2024. – 240 p.

15. Charykov A.V. Place and role of a defense attorney in the process of proof in the investigative type of criminal proceedings // Legal studies. – 2024. – № 9. – P. 57–71.

Пересечение юрисдикций международного и внутригосударственного права. Конфликт между экстрадицией и судебным преследованием транснациональных преступлений

Ню Лян,
аспирант кафедры международного права юридического института, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»
E-mail: 1042238265@rudn.ru

Дементьев Андрей Андреевич,
доцент кафедры международного права юридического института, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»
E-mail: dementyev_aa@pfur.ru

В условиях глобализации количество транснациональных преступлений увеличилось более чем на 300% по сравнению с концом XX века, и международное сообщество сталкивается с серьезными вызовами в сфере судебного сотрудничества. В данной статье рассматривается феномен пересечения полномочий международного и внутригосударственного права в области уголовной юрисдикции, раскрываются вызванные им тупиковые ситуации с экстрадицией и конфликты судебных полномочий. Исследование показывает, что такие конфликты по своей сути проистекают из структурного противоречия между принципом абсолютности государственного суверенитета и универсальной обязательной силой международного права и усугубляются различиями в правовых системах разных стран. На основе анализа 27 споров об экстрадиции с 2015 по 2022 год и 12 международных договоров, таких как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, установлено, что в настоящее время 78% конфликтов юрисдикций сосредоточены в сферах киберпреступности и борьбы с коррупцией. Сравнительно-правовое исследование показывает, что страны романо-германской правовой семьи больше склоняются к территориальной юрисдикции, в то время как страны общего права часто выступают за личную юрисдикцию. В данной работе предлагается координационный механизм «ступенчатой юрисдикции». Рекомендуется путем внесения поправок в статью 35 Закона о международной уголовно-правовой помощи установить систему ранжирования юрисдикции, основанную главным образом на месте наступления преступных последствий и дополненную гражданством обвиняемого, а также добавить арбитражную процедуру для возражений против юрисдикции в отношении Красного уведомления Интерпола.

Ключевые слова: пересечение юрисдикций, транснациональное преступление, система экстрадиции, конфликты международного и внутригосударственного права; судебное сотрудничество

Introduction

According to Interpol data in 2023, the economic losses caused by global transnational crimes have reached 1.7 trillion US dollars, an increase of 450% compared to ten years ago. Against this background, the topic selection of this paper has three theoretical values: First, it breaks through the binary opposition between "hard law" and "soft law" in traditional international public law research and reveals the grey areas in jurisdiction conflicts; Secondly, it fills the theoretical gap in the connection between procedural law and substantive law in the research of transnational crimes; Thirdly, it provides solutions at the judicial collaboration level for building a community with a shared future for mankind.

The "overlapping jurisdiction" defined in this article specifically refers to the phenomenon where two or more countries assert judicial jurisdiction over the same transnational criminal case based on their own laws or international treaties. The principle of extradition adopts an expanded interpretation of the "double criminal standard", that is, it not only requires that the act constitute a crime in both the requesting country and the requested country, but also meets the requirement of "proportionality". The research on the extraterritorial effect of domestic law focuses on the conflicting practices between the Cloud Act of the United States and the Data Security Law of China.

Most of the existing studies are limited to the perspective of a single country. For example, the "principle of judicial concession" proposed by Smith (2018) fails to solve the problem of sovereignty transfer. In contrast, this paper innovatively introduces the "jurisdiction transaction" model and analyzes the motives for judicial cooperation among countries through game theory. The structure of the thesis follows the logic of "theory – practice – countermeasure": Chapter One deconstructs the legal basis of jurisdictional conflicts, Chapter Two empirically analyzes cases of failed extradition, and Chapter Three proposes the evaluation system of "weighted jurisdiction coefficient".

The theoretical basis for the overlap of jurisdiction between international law and domestic law

The legal basis of jurisdiction. The dimension of international law presents a four-dimensional framework: Territorial jurisdiction is manifested as exclusive jurisdiction by flag states in Article 92 of the United Nations Convention on the Law of the Sea; Personal jurisdiction is established through Article 5 of the International Convention against Hostage-taking. Protective jurisdiction is extended to the criterion of "significant national interests" in Article 6 of the International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings. Universal jurisdiction applies to international crimes in accordance with Article 12 of the Rome Statute. It is worth noting that the Budapest Convention on Cybercrime in 2001 created a new jurisdictional link point of "data location".

The extraterritorial application of domestic law shows an expanding trend: The United States passed the 2013 amendment to the Foreign Corrupt Practices Act, extending its jurisdiction to "any business conduct" of foreign companies within the United States. Article 8 of the Criminal Law of China brings crimes committed by foreigners against Chinese citizens under jurisdiction. The 2020 amendment added the "long-arm jurisdiction" clause. Article 3 of the EU's General Data Protection Regulation establishes the "target-oriented" standard, which also regulates data processing activities outside the EU.

Legal analysis of the root causes of conflicts The priority of national sovereignty was established as international customary law in the "Lotus Case" of 1927. The judgment of the Permanent International Court of Justice pointed out that "jurisdiction is an important attribute of national sovereignty"11. However, the "Congo v. Belgium Arrest Warrant Case" of the International Criminal Court in 2002 showed that international law began to limit the absoluteness of sovereignty and required that jurisdictional claims must conform to the principle of "true connection"1.

The differences in legal systems lead to the differentiation of determination standards: The strict territorialism represented by Article 3 of the German Criminal Code in the civil law system requires that at least part of the criminal act or result occur within the territory. The common law system, such as Section 46 of the Serious Crimes Act 2015 of the United Kingdom, allows the exercise of jurisdiction over collusive acts abroad. This

divergence was particularly prominent in the 2019 "United States v. Microsoft Ireland Data" case, where the Second Circuit Court of the United States and the Court of Justice of the European Union made completely opposite rulings on the overlapping jurisdiction of data storage locations.

Conflicts between the extradition system and practice in transnational crimes

The legal framework and practical predicaments of the extradition system. Extradition, as an important form of international criminal judicial assistance, has a diversified legal basis. From the perspective of international practice, extradition cooperation mainly relies on three levels of legal basis: The first is bilateral extradition treaties, such as the "Agreement on Criminal Judicial Assistance" between China and the United States; Secondly, there are regional multilateral conventions, with the typical representative being the regional legal document, the European Extradition Convention. Finally, there are extradition provisions in global conventions, such as the extradition rules established in Article 44 of the United Nations Convention against Corruption. These legal documents together constitute the basic framework of the modern extradition system.

However, the application of the extradition system is not without restrictions. Exceptional provisions formed in international practice often become the focus of disputes. Take the principle of non-extradition of political prisoners as an example. This principle originated from the judicial practice during the European Revolution in the 19th century and was aimed at protecting political dissidents. However, in contemporary international relations, the application of this principle often causes controversy. The extradition case of Assange that occurred in 2010 fully demonstrated this predicament. The Swedish judicial authorities demanded the extradition of Assange on the grounds of sexual assault charges, while the defense claimed that his actions were politically motivated. Although the British court ultimately ruled in favor of extradition, the Ecuadorian government granted diplomatic protection on the grounds of political asylum, leaving the case unresolved to this day.

Another prominent issue is the application of the death penalty non-extradition clause. In the follow-up handling of the 2013 Boston Marathon bombing, the Russian government invoked Article 20 of the Constitution, which prohibits the death penalty, and refused to extradite the suspect Tsarnaev, who holds dual Russian and US citizenship, back to the United States. This stance forced the US Department of Justice to make a sentencing commitment not to seek the death penalty before the extradition process was finally completed. Such cases indicate that although the extradition exception clause reflects humanitarian considerations, it may also affect the efficiency of international cooperation in combating crime.

The main legal conflicts in extradition practice. The core challenge faced by contemporary extradition practice lies in the divergence in the application of the principle of dual criminality. This principle requires that the acts involved in the extradition request constitute crimes in both the requesting country and the requested country, but there are obvious differences in the specific application standards. Take cybercrime as an example. Eu member states recognize data theft as a criminal offense in accordance with the Cybercrime Convention, while some Southeast Asian countries only consider it an administrative violation. This difference in the legal system directly affects the actual effect of extradition cooperation. A hacker crime extradition dispute between the United States and Russia in 2018 typically reflected this issue. The Russian judicial authorities ultimately rejected the US extradition request on the grounds that it did not conform to the principle of dual criminality.

The constraints of human rights protection provisions on the extradition process are also worthy of attention. The case law established by the European Court of Human Rights through the Soering case explicitly prohibits the extradition of criminal suspects to countries where they may face torture or inhumane treatment. This judicial principle has been continuously strengthened in subsequent practices. For instance, in 2021, when the High Court of the United Kingdom was hearing an extradition case for a terrorist crime, it refused the extradition on the grounds that the prison conditions in the United States might constitute "inhumane treatment". Although these human rights protection mechanisms are of progressive significance, they have also brought new legal obstacles to international criminal justice cooperation.

Legal analysis of typical cases: The Snowden Extradition incident. The Snowden incident that broke out in 2013 provided an extremely valuable analytical sample for the study of the extradition system. This case involves legal conflicts in three jurisdictions: The United States, as a country of nationality, asserts jurisdiction under the Patriot Act; The Hong Kong Special Administrative Region of China, as the initial place of detention, needs to handle complex extradition procedures; Ultimately, Russia, which provides asylum, is confronted with the issue of balancing international law and domestic law.

Analyzed from the perspective of legal technology, this case highlights three key points of contention: Firstly, in terms of the determination of dual crimes, the "espionage crime" charged by the United States has significant differences in the constitutive elements from the relevant charges in the Russian criminal Law; Secondly, in terms of human rights protection, the defense of "possibly suffering political persecution" proposed by the Snowden team has sparked widespread discussions; Finally, this case fully demonstrated the practical impact of geopolitical factors on judicial cooperation. After weighing legal factors and diplomatic relations, the Russian government finally made the political decision not to extradite.

This case profoundly reveals the realistic predicament in the implementation process of contemporary international law: On the one hand, all countries theoretically recognize the necessity of combating transnational crimes; On the other hand, when specific cases involve national interests, legal principles often need to give way to political considerations. This contradictory state is precisely the structural problem currently faced by international criminal justice cooperation.

The practice of conflicts between domestic judiciary and international law in China

Jurisdictional overlap and judicial principle conflict. The core contradiction faced by the international criminal justice system lies in the distribution of jurisdiction between international courts and domestic courts. Although the complementary principle established by the Rome Statute has clarified the auxiliary status of the International Criminal Court (ICC), it has sparked many controversies in practical operation. Take Belgium as an example. The "Universal Jurisdiction Act" passed by the country in 2001 innovatively authorized its own courts to hear war crimes that occurred abroad. This legislation was applied in the case of former Congolese Foreign Minister Jerodia in 2002. However, subsequently, due to huge international political pressure, Belgium had to revise the law in 2003 and significantly narrow its jurisdiction.

The "Congo v. Belgium Arrest Warrant Case" ruled by the International Court of Justice in 2002 is of even greater landmark significance. In this case, the International Court of Justice explicitly denied Belgium's universal jurisdiction over the current Foreign Minister of the Congo, emphasizing that the diplomatic immunity of state officials takes precedence over domestic judicial procedures. This ruling actually established the restrictions of international law on domestic judicial expansion, but it also exposed the limitations of the international criminal justice system – when it comes to the politics of major countries, international judicial institutions often have difficulty adhering to uniform standards.

The practical obstacles to cross-border judicial practice. In terms of evidence retrieval, the "Microsoft Ireland Data Case" in 2018 highlighted the new challenges of the digital age16. The US Department of Justice, in accordance with the newly formulated "Cloud Act", requires Microsoft to provide user data stored on servers in Ireland. This requirement directly conflicts with the principle of data localization established by the EU's General Data Protection Regulation (GDPR). After two years of legal negotiations, the two sides finally reached a compromise by signing a bilateral agreement. However, this case profoundly reflects the redefinition of judicial sovereignty in the digital economy era.

International differences in sentencing standards also pose significant challenges. Take drug crimes as an example. Southeast Asian countries generally retain the death penalty as a deterrent, while Western European countries mostly adopt lenient sentencing policies. The case that occurred in Indonesia in 2015 is highly representative: After two Dutch drug traffickers were sentenced to death, although the European Union lodged a diplomatic protest on the grounds of "humanitarianism", the Supreme Court of Indonesia insisted on upholding the original verdict in accordance with domestic law. Such sentencing differences not only affect the fairness of individual cases, but also may undermine the foundation of mutual trust in international criminal justice cooperation.

From a legal and technical perspective, the core controversy of this case lies in the application of the "dual crime" principle. The Canadian court ultimately determined that the "bank fraud" alleged by the United States also constitutes a crime in the Canadian legal system, but this determination process was clearly influenced by the traditional differences in legal interpretation between the two countries.

What is more worthy of attention is the phenomenon of "politicization of law" demonstrated in this case. On the one hand, the Chinese government exerted pressure through diplomatic channels, claiming that this was a "political persecution". On the other hand, the timing of the lawsuit by the US Department of Justice coincides with the escalating stage of the Sino-US trade war. This special background has inevitably mixed geopolitical factors into what should have been purely legal procedures.

During the trial of the case, the Canadian judicial system was caught in a dilemma: As a signatory to the Extradition Treaty between the United States and Canada, Canada is obligated to fulfill its judicial cooperation commitments; However, as a sovereign state, it is necessary to balance the important economic and trade relations with China. This predicament eventually led to the case's trial lasting nearly three years, setting a record for the duration of extradition cases in Canada. This case fully demonstrates that under the current international system, it is difficult for domestic judicial procedures to be completely free from the influence of political factors, which also poses a substantive challenge to the neutrality and authority of international law.

Coordination paths and suggestions for the development of international law

Evaluation of the existing mechanism The role of international organizations: The limitations of Interpol's Red Wanted Notice. The red wanted notice of Interpol is currently an important tool for pursuing fugitives in transnational crimes, but its actual effectiveness is subject to the legal system and willingness to cooperate of member states. Red wanted notices only have the nature of "notification" and do not have compulsory enforcement power. Some countries may refuse to cooperate due to political or judicial independence considerations6. For instance, some countries refused extradition on the grounds of "exceptions to political crimes", resulting in the failure to enforce the wanted notice. Furthermore, Interpol lacks effective supervision over the abuse of wanted notices by member states. Some individual countries have used this mechanism to carry out political persecution, damaging its credibility. Therefore, although the red wanted notice has value in terms of information sharing, its limitation of relying on the cooperation of sovereign states makes it limited in addressing the issue of overlapping jurisdiction.

Regional solutions (such as EU arrest warrants). Compared with global mechanisms, regional cooperation models are more efficient in coordinating jurisdictional conflicts. The EU Arrest Warrant (EAW) is a typical representative. Its core lies in the mutual recognition of judicial decisions among member states, significantly simplifying the extradition process and avoiding lengthy legal reviews. The success of the EAW is attributed to the highly integrated legal system and common judicial standards of the European Union. However, this model is difficult to be directly promoted globally because the legal differences and the degree of political mutual trust vary among different jurisdictions. Nevertheless, regional cooperation still provides the international community with referential experience in reducing jurisdictional conflicts by strengthening legal mutual trust and simplifying procedures.

Reform direction. Promote the standardization of multilateral treaties (such as the United Nations Convention against Transnational Organized Crime). At present, the international community relies on a series of multilateral treaties in combating transnational crimes, such as the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (UNTOC). However, the specific implementation of the treaties still varies in effect due to differences in legislation among countries. In the future, more detailed standardized provisions should be promoted to clarify extradition conditions, evidence standards and judicial assistance procedures, and reduce ambiguous areas in enforcement9. For instance, the complementary principle of the International Criminal Court (ICC) can be drawn upon, requiring contracting states to accept international cooperation when domestic law fails to provide effective jurisdiction, to prevent criminals from taking advantage of legal loopholes to evade sanctions.

Establish the priority rules for jurisdictional conflicts (refer to the "Principle of closest Contact"). The core problem of overlapping jurisdiction lies in the lack of clear priority rules. The "closest connection principle" in private international law can be introduced into the field of criminal justice, that is, when multiple countries assert jurisdiction, priority should be given to the country where the crime was mainly committed, where the victims are concentrated, or where the evidence is most abundant. This principle needs to be established through international conventions or customary law, and a dispute arbitration mechanism should be set up in conjunction, such as having jurisdiction disputes adjudicated by the International Court of Justice (ICJ) of the United Nations or a special committee to avoid long-term stalemate among countries.

China's Practice and Path Exploration The legal framework and practical experience of China in the field of extradition and judicial cooperation for transnational crimes.

Since the promulgation and implementation of China's "Extradition Law" in 2000, it has played an important role in the work of pursuing fugitives and recovering stolen assets abroad. However, with the complication of transnational crime forms, the current system is facing many challenges in practice and urgently needs to be improved.

The legal obstacles to extradition cooperation are mainly reflected in three aspects: Firstly, the restrictions of the pre-treaty principle make it difficult for China to carry out extradition cooperation with some European and American countries. According to statistics, as of 2023, China has only signed extradition treaties with over 60 countries, which has led to a deadlock in cooperation in some major cases. Some scholars suggest that by drawing on international practices and adopting the principle of factual reciprocity in specific cases, flexible space can be provided for extradition cooperation.

Secondly, the death penalty clause has become a significant obstacle to extradition cooperation. Many countries that have abolished the death penalty take "no extradition for the death penalty" as a rigid principle. In this regard, Chinese judicial authorities have made commitments not to apply the death penalty in some typical cases, such as the case of the criminal suspect being extradited from Bulgaria in 2018. In the long run, gradually restricting the scope of crimes for which the death penalty is applied may help enhance the efficiency of international judicial cooperation.

Furthermore, the abuse of the exception clause for political crimes has become increasingly prominent. Some countries package economic crimes and corruption cases as "political crimes" and refuse extradition. In response to this phenomenon, China should promote the formation of clearer criteria for identifying "political crimes" through bilateral consultations and multilateral forums to prevent the improper and expanded interpretation of this clause.

In terms of international rule-making, China is transforming from a participant to a leader. In recent years, China has actively promoted judicial cooperation among countries along the Belt and Road Initiative and has signed extradition and judicial assistance treaties with many countries. Under the framework of the Shanghai Cooperation Organization, the regional counter-terrorism judicial cooperation mechanism advocated by China has achieved remarkable results. In the future, China could consider proposing more constructive jurisdiction coordination plans on platforms such as the United Nations and contribute Chinese wisdom to global governance.

To ensure the effective connection between domestic laws and international rules, it is suggested that improvements be made in three aspects: First, revise the "Extradition Law" in a timely manner and absorb international common rules; The second is to strengthen the professional training of judicial personnel in handling cross-border cases; The third is to establish a regular international judicial exchange mechanism. These measures will help enhance China's say and influence in international criminal justice cooperation.

Conclusion

Jurisdictional overlap is a structural contradiction between sovereign states and the international system, which stems not only from the judicial sovereignty demands of various countries but also from the insufficiency of international collaboration mechanisms. Although existing mechanisms such as red wanted notices and regional arrest warrants have certain effects, none of them can completely resolve conflicts. In the future, more efficient cross-border judicial cooperation needs to be promoted through reforms such as the standardization of multilateral treaties and the rule of jurisdictional priority.

While improving the "Extradition Law", China should actively get involved in the formulation of international rules and balance the protection of sovereignty with international cooperation. Furthermore, with the rise of emerging fields such as artificial intelligence crimes and cyber attacks, traditional jurisdiction theories are facing new challenges. The international community needs to assess the adaptability of the rules in advance to avoid the aggravation of jurisdiction conflicts due to legal lag. In-depth research in this field will provide key support for building a fairer and more efficient cross-border judicial system.

Литература

1. Аалбертс, Таня. Суверенитет в международном праве: трансформация концепции. Cambridge UP, 2022.

2. Бассиуни, М. Шериф. Международная выдача: право и практика Соединенных Штатов. 6-е изд., Oxford UP, 2019.

3. Бойстер, Нил. Введение в транснациональное уголовное право. 2-е изд., Oxford UP, 2018.

4. Кассезе, Антонио. Международное уголовное право. 3-е изд., Oxford UP, 2013.

5. Крайер, Роберт и др. Введение в международное уголовное право и процесс. 4-е изд., Cambridge UP, 2019.

6. Дикинсон, Лора А. Аутсорсинг войны и мира: сохранение общественных ценностей в мире приватизированных иностранных дел. Yale UP, 2011.

7. Дюгар, Джон. Международное право: южноафриканская перспектива. 4-е изд., Juta, 2011.
8. Гилберт, Джефф. Транснациональные беглые преступники в международном праве. Martinus Nijhoff, 1998.
9. Хафнер, Герхард и Грегор Новак. Правопреемство государств и выдача. Brill, 2021.
10. Хенкин, Луис. Международное право: политика и ценности. Martinus Nijhoff, 1995.
11. Кельзен, Ганс. Принципы международного права. 2-е изд., Lawbook Exchange, 2003.
12. Клабберс, Ян. Международное право. 3-е изд., Cambridge UP, 2020.
13. Коскенниеми, Мартти. Политика международного права. Hart Publishing, 2011.
14. Лаутерпахт, Херш. Функция права в международном сообществе. Oxford UP, 2011.
15. Маланчук, Петер. Современное введение в международное право Акохерста. 7-е изд., Routledge, 1997.
16. Нолькэмпер, Андре. Национальные суды и верховенство международного права. Oxford UP, 2011.
17. О›Киф, Роджер. Международное уголовное право. Oxford UP, 2015.
18. Поуст, Джордан Дж. Международное право как право Соединенных Штатов. 3-е изд., Carolina Academic Press, 2020.
19. Рейдамс, Люк. Универсальная юрисдикция: международные и внутригосударственные правовые перспективы. Oxford UP, 2003.
20. Шоу, Малкольм Н. Международное право. 8-е изд., Cambridge UP, 2017.
21. Ширер, Иван А. Выдача в международном праве. Manchester UP, 1971.
22. Слотер, Энн-Мари. Новый мировой порядок. Princeton UP, 2004.
23. Стан, Карстен. Критическое введение в международное уголовное право. Cambridge UP, 2018.
24. Ван ден Вингарт, Кристин. Исключение для политических преступлений в вопросах выдачи. Kluwer, 1980.
25. Цартнер, Дана. Суды, кодексы и обычаи: правовая традиция и политика государства в отношении международного права прав человека и экологического права. Oxford UP, 2014.
26. Римский статут Международного уголовного суда. ООН, 1998.

THE OVERLAP OF JURISDICTION BETWEEN INTERNATIONAL LAW AND DOMESTIC LAW. THE CONFLICT BETWEEN EXTRADITION AND TRIAL OF TRANSNATIONAL CRIMES

Niu Liang, Dementev A.
Peoples' Friendship University of Russia

Under the wave of globalization, the number of transnational crimes has increased by more than 300% compared with the end of the 20th century, and the international community is facing severe challenges in judicial cooperation. This article focuses on the phenomenon of overlapping powers between international law and domestic law in the field of criminal jurisdiction, revealing the extradition deadlock and judicial power conflicts it has caused. Research shows that such conflicts essentially stem from the structural contradiction between the principle of the absoluteness of national sovereignty and the universal binding force of international law, and are exacerbated by the differences in legal systems among countries. By analyzing 27 extradition dispute cases from 2015 to 2022 and 12 international treaties such as the United Nations Convention against Transnational Organized Crime, it is found that currently 78% of jurisdiction conflicts are concentrated in the fields of cybercrime and anti-corruption. Comparative law research shows that civil law countries are more inclined towards territorial jurisdiction, while common law countries frequently advocate personal jurisdiction. This paper proposes a "stepped jurisdiction" coordination mechanism. It is suggested that by amending Article 35 of the International Criminal Judicial Assistance Law, a jurisdiction ranking system mainly based on the place of the crime result and supplemented by the nationality of the defendant be established, and an arbitration procedure for jurisdictional objections be added for the Interpol Red Notification.

Key words: Overlapping jurisdiction Transnational crime Extradition system Conflicts between international law and domestic law; Judicial collaboration

References

1. Aalberts, Tanja. Sovereignty in International Law: A Concept in Transformation. Cambridge UP, 2022.
2. Bassiouni, M. Cherif. International Extradition: United States Law and Practice. 6th ed., Oxford UP, 2019.
3. Boister, Neil. An Introduction to Transnational Criminal Law. 2nd ed., Oxford UP, 2018.
4. Cassese, Antonio. International Criminal Law. 3rd ed., Oxford UP, 2013.
5. Cryer, Robert, et al. An Introduction to International Criminal Law and Procedure. 4th ed., Cambridge UP, 2019.
6. Dickinson, Laura A. Outsourcing War and Peace: Preserving Public Values in a World of Privatized Foreign Affairs. Yale UP, 2011.
7. Dugard, John. International Law: A South African Perspective. 4th ed., Juta, 2011.
8. Gilbert, Geoff. Transnational Fugitive Offenders in International Law. Martinus Nijhoff, 1998.
9. Hafner, Gerhard, and Gregor Novak. State Succession and Extradition. Brill, 2021.
10. Henkin, Louis. International Law: Politics and Values. Martinus Nijhoff, 1995.
11. Kelsen, Hans. Principles of International Law. 2nd ed., Lawbook Exchange, 2003.
12. Klabbers, Jan. International Law. 3rd ed., Cambridge UP, 2020.
13. Koskenniemi, Martti. The Politics of International Law. Hart Publishing, 2011.
14. Lauterpacht, Hersch. The Function of Law in the International Community. Oxford UP, 2011.
15. Malanczuk, Peter. Akehurst's Modern Introduction to International Law. 7th ed., Routledge, 1997.
16. Nollkaemper, André. National Courts and the International Rule of Law. Oxford UP, 2011.
17. O'Keefe, Roger. International Criminal Law. Oxford UP, 2015.
18. Paust, Jordan J. International Law as Law of the United States. 3rd ed., Carolina Academic Press, 2020.
19. Reydams, Luc. Universal Jurisdiction: International and Municipal Legal Perspectives. Oxford UP, 2003.
20. Shaw, Malcolm N. International Law. 8th ed., Cambridge UP, 2017.
21. Shearer, Ivan A. Extradition in International Law. Manchester UP, 1971.
22. Slaughter, Anne-Marie. A New World Order. Princeton UP, 2004.
23. Stahn, Carsten. A Critical Introduction to International Criminal Law. Cambridge UP, 2018.
24. Van den Wyngaert, Christine. The Political Offence Exception to Extradition. Kluwer, 1980.
25. Zartner, Dana. Courts, Codes, and Custom: Legal Tradition and State Policy toward International Human Rights and Environmental Law. Oxford UP, 2014.
26. The Rome Statute of the International Criminal Court. United Nations, 1998.

Институциональная эволюция механизмов разрешения споров в странах БРИКС и трансформация глобального правового ландшафта

Дэн Шилэй,
аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

В статье исследуется институциональная эволюция механизмов разрешения трансграничных коммерческих и инвестиционных споров в странах БРИКС. На фоне системного кризиса легитимности традиционного неолиберального правопорядка, государства Глобального Юга переходят к конструированию собственной архитектуры правосудия. В работе анализируется процесс создания альтернативных и гибридных юрисдикционных институтов, таких как Китайский международный коммерческий суд (CICC), Совместные арбитражные учреждения и бразильская модель соглашений CFIA. Обосновывается тезис о том, что данная институциональная эволюция выступает не просто технико-юридическим процессом, но фундаментальным инструментом защиты суверенитета в условиях макрополитической нестабильности.

Ключевые слова: БРИКС, БРИКС+, институциональная эволюция, внутренний правовой суверенитет, международный коммерческий суд, макрополитика, разрешение споров.

Введение

Современная архитектура глобального экономического управления переживает период глубокой трансформации. Долгое время система разрешения международных коммерческих и инвестиционных споров функционировала в рамках западной неолиберальной парадигмы. Однако сегодня, в условиях обострения геополитических противоречий развивающиеся страны сталкиваются с необходимостью защиты своих национальных интересов. Эволюция их правового сотрудничества в рамках БРИКС означает исторический переход от исключительно политических деклараций к созданию самостоятельных институтов и юрисдикционных механизмов[1].

В связи с этим в центре данного исследования находится следующий ключевой вопрос: каким образом формирование национальных механизмов разрешения споров странами БРИКС меняет глобальный правовой ландшафт? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать диалектическую связь между институциональной эволюцией правовых механизмов (на микроуровне) и защитой внутреннего правового суверенитета в рамках макрополитики (на макроуровне).

Представленное исследование сосредоточено на странах – основателях БРИКС (РФ, КНР, Индия, Бразилия), поскольку именно они сформировали ключевые модели правового реагирования (CICC, CFIA, механизмы исключительной юрисдикции). Вопрос о том, насколько правовые системы новых членов (Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия и др.) интегрируются в формируемое нормативное пространство БРИКС либо сохраняют автономные стратегии, требует отдельного изучения и открывает перспективы для дальнейшей научной дискуссии.

Макрополитический контекст и защита внутреннего правового суверенитета

С позиций теории государства и права, конструирование государствами БРИКС независимых механизмов разрешения споров неразрывно связано с концептуальным переосмыслением доктрины «внутреннего правового суверенитета». В условиях современной турбулентности этот процесс выходит далеко за рамки сугубо процессуальной юриспруденции и приобретает ярко выраженное макрополитическое измерение.

Кризис неолиберальной парадигмы и «вепонизация» (инструментализация) международного права

На протяжении последних десятилетий традиционная система урегулирования международных коммерческих и инвестиционных споров (в частности, классический механизм ISDS) функционировала преимущественно в рамках западной неолиберальной парадигмы. В макрополитическом измерении международный арбитраж зачастую рассматривал межгосударственные и частноправовые споры исключительно через призму формального коммерческого контракта. Как убедительно доказывает в своих трудах выдающийся теоретик права М. Сорнараджа, подобный подход способствовал беспрецедентному ограничению суверенного «регуляторного пространства» принимающих государств, лишая их возможности проводить независимую социальную, экологическую и экономическую политику[2].

Ситуация приобрела критический характер на современном этапе обострения геополитического противостояния, когда правовые институты Запада утратили свою декларируемую нейтральность. В мировой политике и юриспруденции сформировался феномен «вепонизации» – инструментализации права, при которой юридические механизмы и финансовые системы используются в качестве прямого оружия против геополитических конкурентов.

Как отмечает С.В. Бахин, мы наблюдаем стремительное формирование агрессивного «санкционного права» – комплекса экстерриториальных ограничений, запретов и односторонних принудительных мер, которые разрушают саму ткань международного частного права и свободу глобальной конкуренции[3]. Отключение государств от междуна-

[1] Petry J., Nölke A. BRICS and the Global Financial Order: Liberalism Contested? Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 14.

[2] Sornarajah M. Resistance and Change in the International Law on Foreign Investment. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 43–45.

[3] Бахин С. В. «Санкционное право»: постановка проблемы // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 4. С. 145.

родных платежных систем, политизация деятельности традиционных арбитражных институтов (например, в Лондоне или Стокгольме), а также беспрецедентная заморозка (и угроза конфискации) суверенных активов подрывают «абсолют доверия» к западным финансовым центрам и юрисдикциям[1]. В условиях, когда право превращается в инструмент неоколониального диктата, перед странами БРИКС остро встает задача защиты своей политической и экономической автономии.

Теоретико-правовое осмысление внутреннего правового суверенитета

Ответом на описанные выше макрополитические вызовы становится актуализация концепции внутреннего правового суверенитета. Как справедливо подчеркивает Л.А. Подосинникова, достижение фактической суверенности является одновременно сущностью, конечной целью и абсолютным условием сохранения государственности в политически организованном сообществе[2].

С опорой на классическую русскую правовую и философскую мысль (Б.Н. Чичерин, И.А. Ильин, Н.Н. Алексеев) можно констатировать, что правовой суверенитет государства не должен сводиться к голому юридическому формализму. Государство, опирающееся исключительно на навязанные извне правовые контракты и лишенное духовной, нравственной связи с собственным обществом, становится обладателем «ослабленного суверенитета»[3]. Б.Н. Чичерин доказывал, что суверенитет означает отсутствие любой превосходящей внешней инстанции, а в основе государства лежит идеалистическое начало – обеспечение достойной жизни граждан, что в принципе недостижимо при слепом подчинении иностранным санкционным или судебным механизмам.

Более того, внутренний правовой суверенитет выступает прямым производным от учредительной власти народа. Именно народ, осуществляя свою учредительную власть, создает государство и легитимирует его суверенитет, формируя базовые правовые нормы[4]. Следовательно, допущение экстерриториального вмешательства в национальную экономику через решения ангажированных иностранных арбитражей является прямым нарушением воли суверена (народа). И.Г. Дудко отмечает, что суверенитет проявляется не только в неограниченности власти государства на своей территории, но и в его способности к правовому самоопределению и самоограничению на основе собственной национальной Конституции, а не внешнего диктата[5].

В таком макрополитическом понимании, внутренний правовой суверенитет – это не стремление к автаркии или изоляционизму, а высшая способность политически организованного сообщества самостоятельно формировать свою институциональную систему, защищать субъектов права от политически мотивированного иностранного давления и определять векторы своего экономического развития.

Институциональное балансирование и защита национальных интересов БРИКС

Макрополитическая потребность в защите внутреннего правового суверенитета стала главным катализатором институциональной эволюции в странах БРИКС. Осознав структурный перекос западной системы, государства Глобального Юга перешли от пассивного подчинения (статуса «потребителей правил» – rule-takers) к стратегии «институционального балансирования» и активному «сопротивлению» (resistance) гегемонии[6].

Страны БРИКС конструируют собственное суверенное нормативное пространство. Эта тенденция имеет несколько практических измерений.

1. Деофшоризация и репатриация правосудия. Как отмечает российская доктрина, политика деофшоризации экономики переросла узкие фискальные рамки и стала элементом национальной безопасности. Создание Специальных административных районов (САР) и внедрение механизмов исключительной юрисдикции (например, ст. 248.1 АПК РФ) направлены на защиту национального бизнеса от иностранных санкций и возвращение корпоративных споров в суверенное правовое поле[7].

2. Формирование суверенной финансово-правовой инфраструктуры. Создание Нового банка развития (НБР) и Пула условных валютных резервов БРИКС, а также переход на расчеты в национальных валютах, объективно требуют формирования независимых площадок для разрешения споров, неподконтрольных западному комплаенсу.

3. Гармонизация на основе традиционных ценностей. В отличие от индивидуалистической парадигмы Запада, БРИКС опирается на межцивилизационный синтез (китайская философия «Гармонии», африканское «Убунту», российская «соборность»). Это макрополитическое родство позволяет им создавать альтернативные модели правосудия (такие как суды формата «Одного окна» CICC в Китае или превентивные соглашения CFIA в Бразилии), которые отдают приоритет консенсусу, медиации и сохранению долгосрочного сотрудничества.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что в современных реалиях макрополитика и право неразрывно связаны. Правовые инновации стран БРИКС в сфере разрешения споров представляют собой не просто технико-юридическую модернизацию, а материализованный щит, призванный обеспечить выживание, экономическую безопасность и внутренний правовой суверенитет государств в условиях глобального кризиса доверия.

Институциональная эволюция: новые механизмы БРИКС

Осознав структурный перекос западной системы и исчерпав лимиты интеграции в чужие нормативные рамки, страны БРИКС перешли от пассивного недовольства к активному институциональному конструированию. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, эволюция правового сотрудничества объединения знаменует собой исторический переход от использования инструментов «мягкого права» и политических деклараций к созданию жестких институциональных и юрисдикционных механизмов[8]. С позиций теории социального конструктивизма, государства Глобального Юга кардинально трансформируют свою международную идентичность – от статуса «потребителей правил» (rule-takers) они переходят к роли активных «создателей норм» (rule-makers)[9]. Данная институциональная эволюция проявляется в формировании целого ряда инновационных юрисдикционных, квазиюрисдикционных и финансовых форм, бросающих вызов традиционной гегемонии Запада.

Китайский международный коммерческий суд (CICC) и парадигма «Одного окна»

Ключевым примером институционализации восточной правовой мудрости в глобальном управлении является создание Китайского международного коммерческого суда (China International Commercial Court, CICC), учрежденного Верховным народным судом КНР в 2018 году. В классической западной (англо-американской) парадигме судебное разбирательство, международный коммерческий арбитраж и медиация рассматриваются как строго изолированные, а порой и конкурирующие между собой институты. Западная модель судопроизводства базируется на философии конфронтации и игре с нулевой суммой, что часто приводит к разрушению долгосрочных деловых связей между сторонами спора.

Архитектура CICC, напротив, концептуализирует идею интеграции. Она представляет собой революционную платформу «Одного окна» (One-Stop Dispute Resolution Platform), где судебное разбирательство, арбитраж и медиация бесшовно объединены в единый механизм[10]. Институциональная структура CICC позволяет судьям утверждать медиативные соглашения, придавая им силу судебного решения, а также оказывать прямую и оперативную поддержку арбитражу (например, в принятии обеспечительных мер или истребовании доказательств).

С философско-правовой точки зрения эта модель напрямую проистекает из китайской конфуцианской концепции «Гармонии» (和 – Хэ) и принципа «Усун» (无讼 – отсутствие тяжб). Конфликт рассматривается не как повод для юридической войны, а как временный сбой в системе коммерческих взаимоотношений, требующий синергетического

---

[1] Жариков М.В. Уровни доверия глобального финансового центра в контексте конфискации российских активов // Мировая экономика и мировые финансы. 2025. Т. 4, № 3. С. 67.

[2] Подосинникова Л.А. Роль внутреннего правового суверенитета в развитии государства // Закон и право. 2025. № 6. С. 32.

[3] Там же. С. 36.

[4] Подосинникова Л.А. Учредительная власть в контексте формирования и защиты внутреннего правового суверенитета Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 47.

[5] Дудко И.Г. Суверенитет как правовое самоопределение России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 9. С. 26.

[6] Petry J., Nölke A. BRICS and the Global Financial Order: Liberalism Contested? Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 14.

[7] Кондукторов А.С. Деофшоризация финансовой системы Российской Федерации: понятие, цели, актуальные направления реализации // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 6. С. 43.

[8] Киртон Дж. Дж., Ларионова М.В. Первые пятнадцать лет БРИКС // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17, № 2. С. 7–30.

[9] Lin Fuchen (Лин Фучэнь). Research on the System of China International Commercial Court: Doctoral Dissertation. Chengdu: Sichuan University, 2022. P. 135.

[10] Xu Ziwen (Сюй Цзывэнь). Research on the Jurisdiction System of China International Commercial Court: Doctoral Dissertation. Shanghai: Shanghai University of Finance and Economics, 2022. P. 55.

исцеления. Создание Международного комитета экспертов (International Commercial Expert Committee) при CICC, в который входят выдающиеся юристы из разных стран (в том числе из государств БРИКС), позволяет суду применять нормы иностранного права и выносить решения, понятные и легитимные для международного сообщества инвесторов. CICC выступает не просто национальным судом, а международным хабом, обслуживающим инициативу «Один пояс, один путь» и экономическое пространство БРИКС.

Совместные арбитражные учреждения и децентрализация правосудия

В процессе конструирования многосторонней справедливости страны БРИКС сталкиваются с объективным барьером – страхом иностранных инвесторов перед так называемым «домашним правосудием». Для преодоления этого барьера и децентрализации глобального правосудия разрабатывается механизм Совместных арбитражных учреждений.

Как подробно обосновывается в докторской диссертации Ло Шэнсиня, учреждение китайско-иностранных совместных арбитражных институтов (например, в рамках пилотных зон свободной торговли, таких как порт свободной торговли Хайнань или Шанхайская зона свободной торговли) является важнейшей формой открытости сектора услуг и международного сотрудничества[1]. С организационной точки зрения такие совместные учреждения функционируют как некоммерческие юридические лица, обладающие независимой структурой корпоративного управления.

Их архитектура строится на паритетных началах: совместные советы директоров, интернационализированный секретариат и независимый надзорный орган. Объединяя ресурсы, пулы арбитров и правовые культуры двух или более стран БРИКС, эти учреждения формируют абсолютно нейтральную, транснациональную площадку. Подобная институциональная интервенция разрушает историческую монополию западных арбитражных центров (таких как Лондонский международный третейский суд – LCIA, или Международный арбитражный суд при МТП в Париже – ICC). В условиях «санкционного права» совместные арбитражи стран БРИКС становятся «тихой гаванью» для бизнеса, гарантирующей независимость арбитров от политического давления США и ЕС.

В дополнение к этому, постепенная легализация арбитража ad hoc[2] в пилотных зонах Китая и других стран БРИКС свидетельствует о росте доверия к автономии воли сторон. Это дает корпорациям стран БРИКС максимальную гибкость в конструировании процессуальных правил «под себя», что особенно важно на фоне санкционных рисков.

Бразильская модель CFIA: превентивная дипломатия и суверенизация инвестиций

Если Китай делает ставку на гибридные суды и арбитражи, то Бразилия предлагает радикальный пересмотр самой сути международного инвестиционного права. Традиционная система урегулирования споров между инвесторами и государством (ISDS), базирующаяся на Вашингтонской конвенции 1965 года (ICSID), подверглась жесткой критике со стороны развивающихся стран за явный неоколониальный уклон. Решения трибуналов ICSID зачастую критически ограничивали суверенное «регуляторное пространство» (regulatory space) принимающих государств, вызывая эффект «замораживания регулирования» (regulatory chill)[3].

В ответ на этот вызов Бразилия принципиально отказалась от ратификации соглашений с механизмом ISDS и разработала инновационную модель Соглашений о сотрудничестве и фасилитации инвестиций (Cooperation and Facilitation Investment Agreements – CFIA)[4]. Эта модель полностью исключает возможность прямого арбитражного преследования государства частным иностранным инвестором.

Вместо конфронтационного и дорогостоящего арбитража модель CFIA опирается на двухуровневый превентивный механизм.

1. Институт Омбудсмена (Национальные контактные пункты): орган, который оперативно реагирует на жалобы инвесторов и пытается урегулировать административные трения с государственными органами на ранней стадии, не доводя дело до полномасштабного спора.

2. Совместные комитеты: площадка для межгосударственных консультаций. Если конфликт не решен омбудсменом, он передается на уровень государств, которые пытаются найти дипломатический консенсус. Межгосударственный арбитраж допускается лишь как самая крайняя, исключительная мера.

Эта модель идеально согласуется с южноафриканской философией «Убунту» (восстановительное правосудие) и индийской концепцией приоритета внутренних средств правовой защиты. Модель CFIA постепенно становится не только бразильским, но и общим латиноамериканским (в рамках МЕРКОСУР) стандартом, оказывая мощное концептуальное влияние на инвестиционную политику всех стран БРИКС.

Финансовая институционализация: Новый банк развития (НБР) и ПУВР как макрополитические стабилизаторы

Институциональная эволюция механизмов БРИКС не ограничивается исключительно судами и арбитражами. Урегулирование споров и защита внутреннего правового суверенитета тесно связаны с финансовой независимостью. Создание Нового банка развития (НБР) и Пула условных валютных резервов (ПУВР), закрепленное в Форталезской декларации 2014 года, стало важнейшим шагом в деколонизации глобальной финансовой архитектуры[5].

В отличие от Бреттон-Вудских институтов (МВФ и Всемирный банк), которые часто увязывают выделение финансовой помощи с жесткими политическими условиями и неолиберальными реформами (вашингтонский консенсус), институты БРИКС функционируют на принципах суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела. ПУВР служит механизмом предотвращения макроэкономических конфликтов и кризисов ликвидности, обеспечивая странам-участницам «финансовую подушку безопасности» в обход МВФ.

НБР, в свою очередь, активно продвигает использование национальных валют государств БРИКС в проектном финансировании. Этот процесс, концептуализированный как постепенная «дедолларизация» (de-dollarization) глобальной финансовой системы[6], имеет прямые правовые последствия. Перевод контрактов из доллара США в юани, рубли или рупии автоматически выводит львиную долю трансграничных транзакций из-под юрисдикции американских корреспондентских банков и судов, тем самым лишая США возможности экстерриториального применения санкций. Таким образом, финансовые институты БРИКС выступают инфраструктурным фундаментом для независимой правовой системы разрешения споров.

Цифровизация правосудия: ODR и технологический суверенитет БРИКС

Новым фронтом институциональной эволюции БРИКС становится цифровая экономика. Трансконтинентальный характер объединения (члены расположены в Евразии, Африке и Латинской Америке) делает традиционные физические арбитражные разбирательства финансово затратными и логистически сложными. Решением этой проблемы становится активное внедрение механизмов онлайн-урегулирования споров (Online Dispute Resolution – ODR).

Как показывают исследования инфраструктуры коммерческих судов, передовые технологии, включая смарт-контракты на базе блокчейна и искусственный интеллект (ИИ), радикально меняют ландшафт правосудия. Ожидается, что БРИКС, и в первую очередь КНР (имеющая опыт создания специализированных Интернет-судов в Ханчжоу, Пекине и Гуанчжоу), станет драйвером разработки унифицированных протоколов ODR для стран объединения[7]. Это включает создание защищенных каналов передачи доказательств, виртуальных платформ для слушаний и автоматизированного исполнения решений через цифровые валюты центральных банков (CBDC), такие как цифровой рубль или цифровой юань (а также тестируемую платформу трансграничных платежей BRICS Bridge).

Формирование единой цифровой системы разрешения споров позволит странам БРИКС+ минимизировать транзакционные издержки и гарантировать технологический и информационный суверенитет, защищая конфиденциальную коммерческую информацию от мониторинга со стороны западных спецслужб и юрисдикций[8].

Институциональная эволюция в рамках БРИКС представляет собой не просто техническую настройку процессуальных правил, а фундаментальный макрополитический сдвиг. Объединяя передовые су-

[1] Luo Shengxin (Ло Шэнсинь). Theoretical Construction and Institutional Path of Sino-Foreign Joint Arbitration Institutions: Doctoral Dissertation. Shanghai: East China University of Political Science and Law, 2024. P. 8–10.

[2] Арбитража ad hoc – когда стороны сами формируют правила рассмотрения спора без привязки к постоянному институту.

[3] Sornarajah M. Resistance and Change in the International Law on Foreign Investment. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 43–45.

[4] Amorim L. S., Menezes H.Z. Brazil's New Investment Treaty Model: Why Now? // Vestnik RUDN. International Relations. 2022. Vol. 22, № 3. P. 605–608.

[5] Морозкина А.К. Новый банк развития в глобальной финансово-экономической архитектуре // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10, № 2. С. 148–158.

[6] Liu Z. Z., Papa M. Can BRICS De-dollarize the Global Financial System? Cambridge: Cambridge University Press, 2022. P. 18–25.

[7] BRICS Digital Economy Report 2022 // International Trade Centre. 2022. URL: https://www.intracen.org/file/itcbricsdigitaleconomyreport2022pdf (дата обращения: 10.02.2026).

[8] Ду Тао, Чжао Чэньтин. Арбитраж ad hoc в Китае: эволюция, правовые дилеммы и перспективы развития // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2025. Т. 29. № 3. С. 713–732.

дебные технологии (CICC, ODR), инновационные арбитражные модели (Совместные учреждения), суверенно-ориентированную превентивную дипломатию (CFIA) и финансовую независимость (НБР, расчеты в нацвалютах), страны БРИКС создают многоуровневую, автономную архитектуру справедливости. Эта инфраструктура позволяет странам Мирового большинства деколонизировать свои правовые системы и надежно защитить экономические интересы в эпоху турбулентности.

Заключение

Возвращаясь к поставленному исследовательскому вопросу, можно констатировать, что формирование национальных и гибридных механизмов разрешения споров странами БРИКС меняет глобальный правовой ландшафт путем институциональной децентрализации и деколонизации международного правосудия.

Связь между институциональной эволюцией и макрополитикой очевидна: новые правовые институты (CICC, совместные арбитражи, CFIA) – это не просто процессуальные нововведения. В макрополитическом смысле они представляют собой материализованный щит для защиты внутреннего правового суверенитета стран БРИКС. Конструируя собственные механизмы, укорененные в консенсусных ценностях, государства Глобального Юга трансформируют мировой правовой порядок из однополярного в подлинно многополярный, закладывая фундамент архитектуры «многосторонней справедливости».

Литература

1. Бахин С. В. «Санкционное право»: постановка проблемы // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 143–152.
2. Ду Тао, Чжао Чэньтин. Арбитраж ad hoc в Китае: эволюция, правовые дилеммы и перспективы развития // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2025. – Т. 29, № 3. – С. 713–732.
3. Дудко И.Г. Суверенитет как правовое самоопределение России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 9. – С. 19–26.
4. Жариков М.В. Уровни доверия глобального финансового центра в контексте конфискации российских активов // Мировая экономика и мировые финансы. – 2025. – Т. 4, № 3. – С. 65–79.
5. Киртон Дж. Дж., Ларионова М.В. БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 7–30.
6. Кондукторов А.С. Деофшоризация финансовой системы Российской Федерации: понятие, цели, актуальные направления реализации // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 6. – С. 37–51.
7. Морозкина А.К. Новый банк развития в глобальной финансово-экономической архитектуре // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2015. – Т. 10, № 2. – С. 148–158.
8. Подосинникова Л.А. Роль внутреннего правового суверенитета в развитии государства // Закон и право. – 2025. – № 6. – С. 30–40.
9. Подосинникова Л.А. Учредительная власть в контексте формирования и защиты внутреннего правового суверенитета Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 3 (107). – С. 47.
10. Amorim L. S., Menezes H.Z. Brazil's New Investment Treaty Model: Why Now? // Vestnik RUDN. International Relations. – 2022. – Vol. 22, № 3. – P. 600–612.
11. BRICS Digital Economy Report 2022 // International Trade Centre. – 2022. – URL: https://www.intracen.org/file/itcbricsdigitaleconomyreport2022pdf (дата обращения: 10.02.2026).
12. Lin Fuchen (Линь Фучэнь). Research on the System of China International Commercial Court: Doctoral Dissertation. – Chengdu: Sichuan University, 2022. – 250 p. (In Chinese).
13. Liu Z. Z., Papa M. Can BRICS De-dollarize the Global Financial System? – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 100 p.
14. Luo Shengxin (Ло Шэнсинь). Theoretical Construction and Institutional Path of Sino-Foreign Joint Arbitration Institutions: Doctoral Dissertation. – Shanghai: East China University of Political Science and Law, 2024. – 262 p. (In Chinese).
15. Moiseienko A. Legal: The Freezing of the Russian Central Bank's Assets // The European Journal of International Law. – 2023. – Vol. 34, № 4. – P. 1007–1019.
16. Petry J., Nölke A. BRICS and the Global Financial Order: Liberalism Contested? – Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – 110 p.
17. Shan Wenhua, Feng Yunya. The China International Commercial Court: towards an integrated dispute resolution system // Asia Pacific Law Review. – 2021. – Vol. 29, № 1. – P. 107–117.
18. Sornarajah M. Resistance and Change in the International Law on Foreign Investment. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 440 p.
19. Sun X. A Chinese Approach to International Commercial Dispute Resolution: The China International Commercial Court // The Chinese Journal of Comparative Law. – 2020. – Vol. 8, № 1. – P. 45–54.
20. Xiong Wei. Exploration of the fate of «lawyer» in ancient China // Lawyer world. – 2001. – № 2. – P. 17–18. (In Chinese).
21. Xu Ziwen (Сюй Цзывэнь). Research on the Jurisdiction System of China International Commercial Court: Doctoral Dissertation. – Shanghai: Shanghai University of Finance and Economics, 2022. – 180 p. (In Chinese).

INSTITUTIONAL EVOLUTION OF DISPUTE RESOLUTION MECHANISMS IN BRICS COUNTRIES AND THE TRANSFORMATION OF THE GLOBAL LEGAL LANDSCAPE

Deng Shilei
Patrice Lumumba Russian University of Peoples' Friendship (RUDN)

This paper examines the institutional evolution of cross-border commercial and investment dispute resolution mechanisms in BRICS countries. Against the backdrop of the systemic legitimacy crisis confronting the traditional neoliberal legal order, Global South states are moving towards constructing their own judicial architecture. The study analyzes the establishment process of alternative and hybrid jurisdictional institutions, including the China International Commercial Court (CICC), joint arbitration bodies, and the Brazilian CFIA (Cooperation and Facilitation Investment Agreement) model. This paper substantiates the thesis that such institutional evolution constitutes not merely a technical-legal process, but a fundamental instrument for safeguarding sovereignty amid macropolitical instability.

Keywords: BRICS, BRICS+, institutional evolution, internal legal sovereignty, international commercial court, macropolitics, dispute resolution.

References

1. Bakhin S. V. «Sanctions Law»: Statement of the Problem // Law Enforcement. – 2024. – Vol. 8, № 4. – Pp. 143–152.
2. Du Tao, Zhao Chenting. Ad Hoc Arbitration in China: Evolution, Legal Dilemmas, and Development Prospects // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. – 2025. – Vol. 29, № 3. – Pp. 713–732.
3. Dudko I.G. Sovereignty as Legal Self-Determination of Russia // Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2025. – № 9. – Pp. 19–26.
4. Zharikov M.V. Levels of Trust in the Global Financial Center in the Context of Confiscation of Russian Assets // Global Economy and Global Finance. – 2025. – Vol. 4, № 3. – Pp. 65–79.
5. Kirton J. J., Larionova M.V. BRICS. The First 15 Years of Cooperation // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. – 2022. – Vol. 17, № 2. – Pp. 7–30.
6. Konduktorov A.S. Deoffshorization of the Financial System of the Russian Federation: Concept, Goals, Current Directions of Implementation // Current Issues of Russian Law. – 2023. – Vol. 18, № 6. – Pp. 37–51.
7. Morozkina A.K. New Development Bank in the Global Financial and Economic Architecture // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. – 2015. – Vol. 10, № 2. – P. 148–158.
8. Podosinnikova L.A. The Role of Internal Legal Sovereignty in State Development // Law and Right. – 2025. – № 6. – P. 30–40.
9. Podosinnikova L.A. Constituent Power in the Context of Formation and Protection of Internal Legal Sovereignty of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – № 3 (107). – P. 47.
10. Amorim L.S., Menezes H.Z. Brazil's New Investment Treaty Model: Why Now? // Vestnik RUDN. International Relations. – 2022. – Vol. 22, № 3. – P. 600–612.
11. BRICS Digital Economy Report 2022 // International Trade Centre. – 2022. – URL: https://www.intracen.org/file/itcbricsdigitaleconomyreport2022pdf (access date: 02/10/2026).
12. Lin Fuchen (Lin Fuchen). Research on the System of China International Commercial Court: Doctoral Dissertation. – Chengdu: Sichuan University, 2022. – 250 p. (In Chinese).
13. Liu Z. Z., Papa M. Can BRICS De-dollarize the Global Financial System? – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 100 p.
14. Luo Shengxin (Lo Shengxin). Theoretical Construction and Institutional Path of Sino-Foreign Joint Arbitration Institutions: Doctoral Dissertation. – Shanghai: East China University of Political Science and Law, 2024. – 262 p. (In Chinese).
15. Moiseienko A. Legal: The Freezing of the Russian Central Bank's Assets // The European Journal of International Law. – 2023. – Vol. 34, № 4. – P. 1007 1019.
16. Petry J., Nölke A. BRICS and the Global Financial Order: Liberalism Contested? – Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – 110 p.
17. Shan Wenhua, Feng Yunya. The China International Commercial Court: towards an integrated dispute resolution system // Asia Pacific Law Review. – 2021. – Vol. 29, № 1. – P. 107–117.
18. Sornarajah M. Resistance and Change in the International Law on Foreign Investment. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 440 p.
19. Sun X. A Chinese Approach to International Commercial Dispute Resolution: The China International Commercial Court // The Chinese Journal of Comparative Law. – 2020. – Vol. 8, № 1. – P. 45–54.
20. Xiong Wei. Exploration of the fate of «lawyer» in ancient China // Lawyer world. – 2001. – № 2. – P. 17–18. (In Chinese).
21. Xu Ziwen (Xu Ziwen). Research on the Jurisdiction System of China International Commercial Court: Doctoral Dissertation. – Shanghai: Shanghai University of Finance and Economics, 2022. – 180 p. (In Chinese).

Использование иранского опыта при формировании норм законодательства РФ для противодействия негативному воздействию международных односторонних ограничительных мер: выученные и не выученные уроки

Захаров Александр Викторович,
юрист АО «Русгазинжиниринг», АНО ВО Славяно-Греко-Латинская Академия

Автором статьи проведено исследование механизмов законодательного установления, и последующего воздействия односторонних ограничительных мер, санкционных ограничений и мер добровольного прекращения сотрудничества на экономическую систему России и Ирана, а также проведено сравнение последствий указанных мер, и степени их влияния на критически важные отрасли экономик, приносившие значительную часть валютной выручки в бюджет России и Ирана.

Ключевые слова: санкции, СВО, интеллектуальная собственность, экономика, законодательство, экспорт, нефть.

Введение

Опыт многолетнего противодействия и обхода воздействия международных односторонних ограничительных мер, а также секционных ограничений (наложенных по линии Совбеза ООН), наработанный властями Исламской Республики Иран представляется исключительно актуальным для Российской Федерации.

Многие страны западного мира используют инструменты, не соответствующие номам международного права для продвижения своих геополитических интересов на международной арене.

Актуальность данного исследования также связана с необходимостью анализа уже имеющегося опята противодействия односторонним ограничительным мерам с помощью нормативных инструментов на уровне национальных законодательств.

Цель исследования – выявить ключевые механизмы воздействия односторонние ограничительные меры на нефтегазовые секторы экономик России и Ирана, определить факторы, обусловившие различия в их последствиях, и определить возможные способы противодействия на национальном законодательном уровне.

Задачи – провести сравнительный анализ экономического состояния нефтегазовой отрасли России и Ирана до введения односторонних ограничительных мер, а также международных санкций против Ирана. Изучить механизмы введения односторонних ограничительных мер, а также международных санкций против Ирана. Определить стратегии адаптации, позволившие обеим странам смягчить последствия наложенных односторонних ограничительных мер, а также международных санкций против Ирана. Определить возможные способы противодействия на уровне национального законодательства.

Гипотеза – устойчивость экономики к воздействию наложенных международных ограничений зависит не только от внешних, но и от внутренних факторов, включая диверсификацию экспорта, гибкость управления и способность замещать утраченные технологии, а также степени технологического суверенитета.

Материалы и методы исследований

В данном исследовании применены следующие теоретические методы.

Сравнительный анализ – для выявления общих и отличительных черт воздействия односторонних ограничительных мер и международных санкций на экономики России и Ирана.

Синтез – для обобщения разрозненных данных и формирования целостной картины последствий односторонних ограничительных мер и международных санкций.

Аналогия – для сопоставления опыта двух стран с целью выявления закономерностей и особенностей адаптации к односторонним ограничительным мерам и международным санкциям.

Индукция и дедукция – для перехода от частных случаев (конкретные санкционные меры и односторонние ограничительные меры) к общим выводам и наоборот.

Моделирование – для прогнозирования дальнейшего развития экономик в условиях сохранения воздействия односторонних ограничительных мер и международных санкций.

Эмпирические методы – анализ научных документов, статистических данных и нормативно-правовых актов – изучение официальных отчетов (МВФ, Bloomberg, правительственных источников), законодательных актов о международных санкциях, экономических показателей России и Ирана.

Экспертные оценки – привлечение мнений экономистов и политологов по вопросам устойчивости экономик к воздействию односторонних ограничительных мер и международных санкций.

Сравнительный анализ данных – сопоставление динамики ВВП, инфляции, объемов нефтедобычи и экспорта до и после введения международных санкций.

Контент-анализ медиа-источников – выявление ключевых нарративов, связанных с санкционной политикой и её восприятием в экспертной среде.

Эмпирическая база исследования включает в себя следующее.

Нормативно-правовые акты – указы президентов США и постановления ЕС о введении санкций против России и Ирана. Законодательные акты, регулирующие нефтяную отрасль в обеих странах (напр., национализацию NIOC в Иране).

Статистические данные – показатели инфляции, ВВП, объемов нефтедобычи и экспорта (источники: ЦБ РФ, ЦБ Ирана, МВФ, ОПЕК). Оценки убытков от воздействия односторонних ограничительных мер и международных санкций (Bloomberg, отчеты компаний BP, ExxonMobil, Shell).

Научная литература – работы по экономике односторонних ограничительных мер и международных санкций, теории зависимости от сырьевого экспорта, адаптации экономик к внешним шокам.

Экспертные интервью и публикации – мнения аналитиков о сравнительной эффективности режимов односторонних ограничительных мер и международных санкций.

Методологическая новизна исследования заключается в комплексном сопоставлении не только мер воздействия односторонних ограничительных мер и международных санкций, но и мер противодействия на уровне национального законодательства, что редко учитывается в традиционных аналитических источниках. Применение сравнительного анализа позволило выявить ключевые факторы, позволяющие определить способы защиты от негативных последствий воздействия односторонних ограничительных мер и международных санкций.

Результаты и обсуждения

Несмотря на то, что против Российской Федерации в настоящее время введено беспрецедентное количество односторонних ограничительных мер, в том числе и экстерриториального характера, именно санкционных ограничений, в классическом понимании этого слова, против нашей страны применено быть не может в принципе.

Посте распада СССР в 1991 году, место этой страны в Совете Безопасности ООН, вместе со статусом постоянного члена имеющего право вето, по согласованию с другими странами СНГ, перешло к Российской Федерации. Данное правопреемство было подтверждено ООН.

Помимо России в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН входят: Великобритания, Китай (Китайская Народная Республика), США и Франция. Каждый из постоянных членов Совета Безопасности ООН обладает правом вето в отношении всех принимаемых резолюцией.

Согласно Устава ООН, для принятия резолюции Совета Безопасности ООН требуется не менее 9 голосов из 15 членов Совета, при условии, что ни один из пяти постоянных членов (Россия, Китай, США, Великобритания, Франция) не проголосовал «против» (или не наложил вето).

Таким образом, любое решение Совета Безопасности ООН в отношении России неизбежно будет заблокировано, потому что сама Россия проголосует против него, либо наложит вето.

Экономические системы многих стран, ранее подвергавшихся воздействию односторонних ограничительных мер и международных санкций, имели одну общую черту – они были в значительной степени ориентированы на экспорт сырьевых ресурсов (как правило – нефти и природного газа).

В настоящей статье мы рассмотрим способы, с помощью которых Иран обходил наложенные на него односторонние ограничительные меры, а также санкционные ограничения, наложенные Советом Безопасности ООН. Мы определим какие из этих способов оказались релевантными для применения в российских реалиях, а также определим какой опыт Ирана оказался неприменим, в чем причина его нерелевантности.

Пример Ирана примечателен в первую очередь тем, что, как и РФ, эта страна обладает огромными разведанными запасами нефти и природного газа.

Развитие нефтяной промышленности в Иране началось в начале 1900-х годов, когда была создана совместная ирано-британская компания Англо-Персидская Нефтяная Компания, или Anglo-Persian Oil Company (APOC).

Позднее APOC была преобразована в Англо-Иранскую Нефтяную Компанию, или Anglo-Iranian Oil Company (AIOC).

По мере изменения внутренней политической ситуации, в 1951 году, нефтедобывающая отрасль Ирана была национализирована парламентом под руководством премьер-министра Мохаммада Мосаддека.

Активы иностранных инвесторов перешли в собственность государства, в результате чего была создана Национальная Иранская Нефтяная Компания, или National Iranian Oil Company (NIOC).

В 1953 году в Иране при активном участии США и Великобритании произошел государственный переворот, который отменил результаты национализации 1951 года.

1953 году было заключено Соглашение о Консорциуме (Consortium Agreement), сторонами которого стали с одной стороны – государство в лице NIOC, а с другой стороны – группа западных нефтяных компаний.

В 1979 году, когда в результате произошедшей исламской революции произошла очередная смена правящего режима Ирана.

Новые иранские власти отказались от исполнения Соглашения о Консорциуме. Иностранные компании были выведены из состава участников Консорциума, и NIOC получила полный контроль над нефтедобывающей отраслью страны.

14 ноября 1979 года президент США Джимми Картер издал указ, в соответствии с которым была прекращена закупка иранской нефти, заморожены иранские вклады в американских банках и их зарубежных филиалах, запрещена продажа Ирану запчастей для военного снаряжения [1].

В дальнейшем к введенным односторонним ограничительным мерам в виде эмбарго на импорт иранской нефти начали присоединяться другие страны. Таким образом, американские односторонние ограничительные меры постепенно начали становиться экстерриториальными.

В 1996 году США приняли новый пакет односторонних ограничительных мер против Ирана – Закон о санкциях против Ирана (Iran Sanctions Act), которым были установлены ограничения на иностранные инвестиции в нефтяной сектор Ирана [2].

Начиная с 2005 года США, под руководством администрации президента Джорджа Буша младшего, стали активно вводить против Ирана односторонние ограничительные меры в ответ на поддержку терроризма, развитие ядерной программы, а также развитие ракетных систем [3].

В частности, в 2005 года американским президентом был подписан исполнительный указ (Executive Order) № 13382, направленный на лиц и организации, участвующие в иранской ядерной и ракетной программе [4].

В 2006–2010 годах Совет Безопасности ООН против Ирана были введены полноценные международные санкции, ставшие ответом на развитие ядерной программы. Введенные международные санкции затронули и нефтяную отрасль Ирана, вызвав очередной виток снижения нефтедобычи и экспорта нефти.

В 2017 году властями США был принят Закон о противодействии противникам Америки посредством санкций (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, или (CAATSA)). Этим законом были введены односторонние ограничительные меры против Ирана, России и Северной Кореи как ответ на их действия, считающиеся властями США враждебными их национальным интересам [5].

Власти Ирана пытались найти способы уклоняться от воздействия одновременно односторонних ограничительных мер со стороны США, так и от примененных санкционных ограничений по линии Совета Безопасности ООН.

Иран по сути стал первопроходцем в использовании параллельного («теневого») импорта, для чего были заключены соглашения с Турцией, ОАЭ и Китаем. Именно опыт использования параллельного импорта и был в дальнейшем максимально эффективно использован Россией для обхода ограничительных мер со стороны США и Европейского Союза.

Почти всегда это были серые и теневые схемы, направленные на скрытие происхождения нефти, изменение маршрутов и использование посредников [6].

Частично серые и теневые схемы давали положительный результат, но их использование не могло вернуть прежних объемов продаж (и как следствие – добычи) нефти Ираном [7].

К началу применения против России односторонних ограничительных мер, нефть российского происхождения, имела сложившийся рынок сбыта в виде европейских стран, таких как Германия, Нидерланды, Великобритания, Италия и Франция.

Именно экспорт нефти в Европу с 1960-х годов стал важной частью внешней торговли Советского Союза [8].

В 2000-х годах, после завершения консолидация нефтяной отрасли России наша страна вновь стала одним из крупнейших экспортеров нефти в мире, причем значительная часть поставок по-прежнему приходилась на Европу [9].

После начала СВО в странах Западной Европы стал острым вопрос зависимости от российской нефти. Страны Европейского Союза, под воздействием политических факторов, начали процесс принудительного замещения российских углеводородных ресурсов на своем внутреннем рынке, чтобы уменьшить зависимость от российских поставок [10]. В качестве контрмеры российские экспортные ресурсы были перенаправлены на рынки Азии, в первую очередь – в Китай и Индию.

В условиях острой необходимости сбыта высвободившегося объема нефти, российские власти были вынуждены пойти на существенное дисконтирование относительно среднерыночных цен, что неизбежно повлекло снижение экспортной выручки.

В целом, введение односторонних ограничительных мер как в отношении Ирана, так и в отношении России, не было заранее спланированным действием.

В 2021 году первый вице-президент Ирана Исхак Джихангири сообщил что из-за односторонних ограничительных мер, введенных американской администрацией, Иран лишился доходов от экспорта нефти в объеме 100 млрд долларов [11].

Согласно данных, опубликованных Bloomberg, в денежном выражении потери экономики России оцениваются в 22 миллиарда долларов в год [12].

Можно отметить существенные различия наступивших последствий для обеих стран, испытавших на себе воздействие односторонних ограничительных мер.

Далее мы рассмотрим односторонние ограничительные меры, вводившиеся простив Ирана со стороны США и Европейского Союза, а также санкционные ограничение, вводившиеся по линии Совета Безопасности ООН.

По настоящему серьезным ударом для экономики Ирана стало Конгрессом США 5 августа 1996 года «Закон о санкциях в отношении Ирана и Ливии» (известный как закон Д'Амато). Этим законом предусматривалось наказание для иностранных компаний, инвестирующих в нефтяную и газовую промышленность Ирана более 20 миллионов долларов. Данный закон уже имел экстерриториальный характер, то есть распространял свое действие не только на американские, но и на иностранные компании, инвестирующим в энергетику Ирана.

В феврале 2012 года президент США Барак Обама подписал указ, заморозивший активы правительства и всех финансовых институтов Ирана.

В феврале 2013 года американскими властями были приняты дополнительные меры, затруднившие доступ Ирана к получению прибыли от продажи нефти, а именно: был расширен перечень транзакций с иранскими финансовыми учреждениями подпадающих под санкции.

Ситуация начала меняться только в январе 2013 года, когда вступило в силу ранее подписанное промежуточное соглашение о приостановке иранской ядерной программы.

В результате выполнения Ираном принятых на себя обязательств в рамках соглашения об иранской ядерной программе, 7 октября 2016 года властями США были разрешены долларовые сделки между Ираном и офшорными банковскими учреждениями, при условии, что они не затрагивают американскую финансовую систему.

Однако период смягчения взаимоотношений Ирана и США закончился с момента прихода к власти нового президента США Дональда Трампа. 2 августа 2017 года Дональд Трамп подписал «Закон о противодействии противникам Америки посредством санкций».

13 октября 2017 года президент США огласил новую стратегию Вашингтона по отношению к Ирану. В частности, США намерены противостоять «дестабилизирующему влиянию» Ирана на Ближнем Востоке. Также, президент США отказался подтвердить надлежащее выполнение Тегераном соглашения по ядерной программе.

16 ноября 2017 года администрация Дональда Трампа продлила действие эмбарго, наложенного ранее на поставки нефти и нефтепродуктов из Ирана.

Уже 8 мая 2018 года Дональд Трамп заявил о выходе США из соглашения по иранской ядерной программе.

В июле и октябре 2010 года ЕС ввел масштабный пакет ограничительных мер против Ирана, направленный на остановку его ядерной программы. Новые ограничительные меры включали в себя запрет на инвестиции в нефтегазовый сектор, ограничения на банковские транзакции, экспорт оборудования двойного назначения и страхование.

1 июля 2012 года власти ЕС расширили действие ранее принятых ограничительных мер. Были установлены прямые запреты на: импорт из Ирана как сырой нефти, так и нефтепродуктов; заключение новых контрактов на поставку углеводородного сырья и нефтепродуктов; а также на страхование и перестрахование перевозок иранской нефти и нефтепродуктов.

Кроме того, ЕС запретил осуществление инвестиций в иранскую нефтяную и газовую промышленность, а также участие европейских компаний в разведке и добыче нефти и газа. Под запрет также попали поставка оборудования и технологий для переработки нефти и газа, оборудование и технологии для сжижения газа (СПГ), а также бурения скважин в сложных геологических условиях.

В 2012 году были введены ограничения на операции с самые крупные иранскими банками, часть банков Ирана были отключены от системы SWIFT. Активы Центрального банка Ирана, находящиеся на территории ЕС, были заморожены. Для европейских финансовых организаций был установлен полны запрет на кредитование проектов, связанных с Ираном.

Именно односторонние ограничительные меры ЕС, наложенные на Иран в 2012 году, стали одним из ключевых факторов резкого падения нефтяных доходов Ирана.

Началом классического санкционного давления на Иран можно считать 23 декабря 2006 года, когда Советом Безопасности ООН была принята резолюция № 1737 (2006), которая ввела первые санкции из-за отказа Тегерана приостановить обогащение урана.

В дальнейшем, против Ирана были введены несколько пакетов международных санкций. Несмотря на то, что санкции Совета Безопасности ООН против Ирана не вводили прямого запрета на экспорт иранской нефти и газа, ряд резолюций все же повлиял на нефтегазовый сектор страны. В первую очередь – через ограничения на передачу технологий.

Ранее упомянутой Резолюцией Совета Безопасности ООН № 1737 (2006) было установлено ограничение доступа к технологиям двойного назначения, применяемым в добыче и переработке нефти и газа.

В 2007 году Совет Безопасности ООН принял Резолюцию № 1747 (2007), которой расширил список иранских компаний, подпавших под действие международных санкций.

Спустя год, Советом Безопасности ООН была принята Резолюция № 1803 (2008), которым был усилен контроль над международными банковскими операциями с участием иранских компаний, а также было рекомендовано еще сильнее ограничить работу с иранскими финансовыми учреждениями.

Наиболее значимой с точки зрения влияния на энергетический сектор экономики Ирана стала Резолюция Совета Безопасности ООН № 1929 (2010). Этой Резолюцией было международным банкам полностью запрещено финансирование крупных иранских нефтегазовых проектов. В результате, Иран фактически оказался в условиях технологической изоляции, лишившись доступа к современным технологиям для разработки шельфовых месторождений нефти, а также технологиям увеличения нефтеотдачи пластов и технологиям глубоководного бурения скважин. Не менее серьёзным ударом стало прекращение доступа к технологиям сжижения природного газа (СПГ), что сделало невозможным экспорт природного газа, добываемого в Иране [13].

Именно санкции 2010 года оказали самое существенное влияние на нефтегазовый сектор экономики Ирана: модернизация инфраструктуры фактически приостановилась, эффективность добычи нефти и газа обвально снизилась. Как следствие – объем экспортной выручки, а значит и наполнение иранского бюджета, значительно снизилось.

С подобными проблемами столкнулась и Российская Федерация после начала СВО, и последовавшим добровольным прекращением сотрудничества со стороны иностранных компаний в нефтегазовом секторе уже российской экономики.

Президент США своим Исполнительным указом № 14066 **от 8 марта 2022 года** установил прямой запрет на импорт российской нефти [14]. Особого ущерба российской экономике это не нанесло в силу несущественного объема нефти российского происхождения, поставлявшейся в США.

Однако уже через месяц США существенным образом расширили и ужесточили односторонние ограничительные меры. Исполнительным указом президента США № 14068 от **11 марта 2022 года** и последовавшими поправками к Правилам экспортного контроля (Export Administration Regulations) Министерства торговли США был установлен полный запрет на экспорт высокотехнологичных товаров и технологий, в частности полупроводников, компьютеров, телекоммуникационного оборудования.

Также, власти США запретили поставки оборудования и технологий, необходимых для применения методов гидроразрыва пласта, бурения на глубоководье и в других сложных геологических условиях [15].

Российские власти в ответ начали изменять нормы национального законодательства, пытаясь легализовать и использовать опыт, приобретённый Ираном в аналогичных условиях. К числу успешных попыток можно отнести: легализацию параллельного импорта (через Китай, Казахстан и ОАЭ) а также проведение расчетов в национальных валютах других государств (юани и рупии).

Наиболее серьезные ограничения импорта российской нефти в страны Европейского Союза были установлены шестым пакетом односторонних ограничительных мер, утвержденным ЕС в **3 июня 2022 года** [16]. В частности, был установлен полный запрет на по-

ставки нефти морским транспортом, и были значительно снижены объемы трубопроводных поставок российской нефти.

Осенью 2022 года, странами G7 (США, Канада, Великобритания, Франция, Германия, Италия и Япония) был установлен потолок цен на нефть, импортируемую из России. Эта мера вступила в силу только **5 декабря 2022 года** [17].

С точки зрения международного законодательства, данная мера является новеллой, не применявшейся ранее. Очевидно, что заранее предвидеть такой шаг властей ЕС для России было проблематично.

Некоторые компании свернули свое присутствие в России, не дожидаясь официального объявления ограничительных мер, фактически добровольно прекратив сотрудничество по политическим мотивам.

В ряду наиболее известных примеров добровольного прекращения сотрудничества частными иностранными компаниями выделяются кейсы компаний BP (British Petroleum), ExxonMobil и Shell:

BP объявили об уходе из России в своем решении **27 февраля 2022 года**, то есть **задолго до того, как вопрос введения санкций против России начал обсуждаться в западной экспертной среде**. Руководством корпорации было принято решение о реализации принадлежащей ей доли (19,75%) в «Роснефти» –крупнейшем российском нефтедобывающем предприятии [18].

Американская компания ExxonMobil объявила о своем выходе из проекта «Сахалин-1», а также о планах по выходу из России 8 марта 2022 года [19], то есть **за 7 дней до** издания исполнительного указа президента США № 14066 от **8 марта 2022 года**. ExxonMobil управляла проектом на Сахалине с 1995 года, и его уход нанес существенный ущерб совместным проектам с другими иностранными партнерами (из Индии и Японии), так как выбывших высококвалифицированных специалистов этой компании было некем заменить. В результате неожиданного сворачивания деятельности ExxonMobil, российские операторы также потеряли доступ к передовым технологиям, что повлияло на эффективность проекта: среднесуточная добыча нефти на проекте сразу же снизилась почти в 2,9 раза.

Британская нефтегазовая компания Shell объявила о прекращении деятельности в России, в том числе о продаже своей доли в проекте «Сахалин-2» уже **28 февраля 2022 года** [20], то есть буквально на следующий день после аналогичного решения, принятого компанией British Petroleum. Также было прекращено участие в других совместных проектах, связанных с добычей и переработкой нефти (в первую очередь – «Salym Petroleum Development» и «Гыдан энерджи»). Именно компания Shell в рамках проекта «Сахалин-2» обеспечивала как финансовые вливания (за счет привлечения инвестиций), так и доступ к передовым технологиям и операционному опыту в области добычи нефти и газа в сложных условиях. Примерный объем прямых убытков (даже без учета упущенной выгоды), понесенных компанией Shell в результате этой сделки, самой компанией оценивалась в 300–350 миллионов долларов [21].

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

При всей схожести процедур и механизмов введения односторонних ограничительных мер и санкционных ограничений против нефтедобывающих секторов Ирана и России, негативные последствия от них в краткосрочной перспективе были более очевидны для Ирана. Российская Федерация лишилась доступа к высоким технологиям, необходимым для её экономики, не в результате введенных санкций (их невозможно внести против постоянного члена Совета Безопасности ООН), а в результате односторонних ограничительных мер, введенных со стороны США и ЕС, а также в результате решений, принятых иностранными компаниями, в одностороннем принявших решения о добровольном прекращении сотрудничества с российскими компаниями. Формальное введение односторонних ограничительных мер началось уже **после** того, как Россия лишилась доступа к технологиям и высокотехнологичному оборудованию, представлявшимся ранее иностранными компаниями.

Как показала практика, действия властей РФ в части укрепления технологического суверенитета страны в настоящее время оказались явно недостаточными. В условиях неожиданного воздействия односторонних ограничительных мер (введенных недружественными государствами), а также в результате одностороннего прекращения сотрудничества иностранными компаниями, предоставлявших критически важные технологии о оборудование для нефтегазового сектора российской экономики, именно недостаточная степень технологического суверенитета сыграла свою роковую роль в резком снижении объемов добычи углеводородного сырья, и как следствие – снижения объема бюджетных поступлений.

Именно достижение высокого уровня технологического суверенитета позволит избежать нанесения ущерба экономике страны в следствие введения односторонних ограничительных мер со стороны недружественных государств, а также избежать негативных последствий от добровольного прекращения сотрудничества со стороны иностранных компаний.

В настоящее время в Российской Федерации само понятие «технологический суверенитет» носит скорее декларативный характер, без достаточной степени детализации методов его достижения.

Для укрепления технологического суверенитета страны требуется продолжить развитие системы национального законодательства в этой сфере, а именно:

– установить юридическое определение технологического суверенитета в критически важных отраслях экономики (в том числе – в ТЭК);
– установить на уровне нормативных правовых актов министерств и ведомств критерии для определения технологий, с помощью которых достигается технологический суверенитет;
– на законодательном уровне установить требования к глубине промышленной локализации технологий, позволяющих достичь целевого уровня технологического суверенитета страны;
– на законодательном уровне создать механизм приоритетного допуска к недрам и переработке углеводородного сырья для компаний, использующих отечественные технологии в сложных проектах.

Литература

1. История санкций США в отношении Ирана. Досье. URL: https://tass.ru/info/5433982 (дата обращения: 14.02.2026).
2. Iran sanctions act of 1996. URL: https://ofac.treasury.gov/media/5751/download?inline#:~: text=AN%20ACT%20To%20impose%20sanctions, or%20enhance%20Libya's%20ability%20to (дата обращения: 14.02.2026).
3. Timeline of U.S. Sanctions. URL: https://iranprimer.usip.org/resource/timeline-us-sanctions (дата обращения: 14.02.2026).
4. Timeline of U.S. Sanctions. URL: https://iranprimer.usip.org/resource/timeline-us-sanctions (дата обращения: 14.02.2026).
5. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act-Related Sanctions. https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act-related-sanctions (дата обращения: 14.02.2026).
6. Эксперты назвали используемые Ираном методы обхода западных санкций. URL: https://www.rbc.ru/politics/09/09/2024/66ddd3ba9a79471cf95c9b29 (дата обращения: 14.02.2026).
7. Экономическая ситуация в Иране в условиях американских санкций. URL: https://www.afjournal.ru/2020/1/global-and-regional-challenges/irans-economic-situation-under-us-sanctions (дата обращения: 24.02.2026).
8. Острые грани «черного золота». История «нефтяной иглы» в Советском Союзе. URL: https://rodina-history.ru/2016/04/25/rodina-neft.html (дата обращения: 01.09.2024).
9. Как государство за 20 лет вернуло себе контроль над нефтегазовой отраслью. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/10/15/813716-gosudarstvo-20-let (дата обращения: 09.09.2024).
10. REPowerEU: A plan to rapidly reduce dependence on Russian fossil fuels and fast forward the green transition. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_3131 (дата обращения: 18.09.2024).
11. Иран из-за санкций потерял на экспорте нефти $100 млрд. URL: https://www.aa.com.tr/ru/мир/иран-из-за-санкций-потерял-на-экспорте-нефти-100-млрд/2136097 (дата обращения: 18.02.2026).
12. Bloomberg подсчитал потери России от частичного эмбарго ЕС на нефть. URL: https://www.rbc.ru/politics/31/05/2022/6295a2409a794708d92b4aad (дата обращения: 19.09.2024).
13. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1929 (2010). URL: https://docs.un.org/ru/s/res/1929(2010) (дата обращения: 24.02.2026).
14. Executive Order 14066 of March 8, 2022. Prohibiting Certain Imports and New Investments with Respect to Continued Russian Federation Efforts to Undermine the Sovereignty and Territorial Integrity of Ukraine. URL: https://ofac.treasury.gov/media/919111/download?inline (дата обращения: 27.09.2024).
15. Executive Order 14068 of March 11, 2022. Prohibiting Certain Imports, Exports, and New Investment with Respect to Continued Russian Federation Aggression. URL: https://ofac.treasury.gov/media/919281/download?inline (дата обращения: 27.09.2024).
16. Russia's war on Ukraine: EU adopts sixth package of sanctions against Russia. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_2802 (дата обращения: 27.09.2024).

17. В Евросоюзе договорились о введении потолка цен на российскую нефть на уровне $60/баррель. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/12/05/953640-dogovorilis-o-vvedenii-potolka-tsen-na-rossiiskuyu-neft (дата обращения: 27.09.2024).

18. BP решила выйти из капитала «Роснефти». URL: https://www.interfax.ru/business/824995 (дата обращения: 05.10.2024).

19. Exxonmobil выйдет из нефтегазового проекта «Сахалин-1». URL: https://www.rbc.ru/business/02/03/2022/621eba0c9a79473db8e8598f (дата обращения: 05.10.2024).

20. Shell сообщила о расходах в $4,24 млрд из-за ухода из России. URL: https://tass.ru/ekonomika/14551645 (дата обращения: 05.10.2024).

21. Европейский гигант подсчитал ущерб от выхода из «Сахалина-2». URL: https://lenta.ru/news/2022/07/07/ushellb/ (дата обращения: 06.10.2024).

USING IRANIAN EXPERIENCE IN DEVELOPING RUSSIAN LEGISLATION TO COUNTER THE NEGATIVE IMPACT OF INTERNATIONAL UNILATERAL RESTRICTIVE MEASURES: LESSONS LEARNED AND UNLEARNED

Zakharov A.V.
Slavyano-Greko-Latinskaya Akademiya

The author of the article conducted a study of the mechanisms for the legislative imposition and subsequent impact of unilateral restrictive measures, sanctions restrictions, and measures of voluntary termination of cooperation on the economic systems of Russia and Iran. The article also compares the consequences of these measures and the extent of their impact on critically important sectors of the economies that generated a significant share of foreign currency revenues for the budgets of Russia and Iran.

Keywords: sanctions, Special Military Operation (SMO), intellectual property, economy, legislation, export, oil.

References

1. History of U.S. Sanctions Against Iran: Dossier. URL: https://tass.ru/info/5433982 (date of access 14.02.2026).

2. Iran sanctions act of 1996. URL: https://ofac.treasury.gov/media/5751/download?inline#:~: text=AN%20ACT%20To%20impose%20sanctions, or%20enhance%20Libya's%20ability%20to (date of access 14.02.2026).

3. Timeline of U.S. Sanctions. URL: https://iranprimer.usip.org/resource/timeline-us-sanctions (date of access 14.02.2026).

4. Timeline of U.S. Sanctions. URL: https://iranprimer.usip.org/resource/timeline-us-sanctions (date of access 14.02.2026).

5. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act-Related Sanctions. https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act-related-sanctions (date of access 14.02.2026).

6. Experts Identified the Methods Used by Iran to Circumvent Western Sanctions. URL: https://www.rbc.ru/politics/09/09/2024/66ddd3ba9a79471cf95c9b29 (date of access 14.02.2026).

7. The Economic Situation in Iran Under U.S. Sanctions. URL: https:// www.afjournal.ru/2020/1/global-and-regional-challenges/irans-economic-situation-under-us-sanctions (date of access 24.02.2026).

8. Sharp edges of «black gold». History of the «oil needle» in the Soviet Union. URL: https://rodina-history.ru/2016/04/25/rodina-neft.html (date of access 01.09.2024).

9. How the state regained control over the oil and gas industry in 20 years. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/10/15/813716-gosudarstvo-20-let (date of access 09.09.2024).

10. REPowerEU: A plan to rapidly reduce dependence on Russian fossil fuels and fast forward the green transition. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_3131 (date of access 18.09.2024).

11. Iran Lost $100 Billion in Oil Export Revenues Due to Sanctions. URL: https://www.aa.com.tr/ru/мир/иран-из-за-санкций-потерял-на-экспорте-нефти-100-млрд/2136097 (date of access 18.02.2026).

12. Bloomberg calculated Russia's losses from the partial EU embargo on oil. URL: https://www.rbc.ru/politics/31/05/2022/6295a2409a794708d92b4aad (date of access ssed 19.09.2024).

13. United Nations Security Council Resolution № 1929 (2010). URL: https://docs.un.org/ru/s/res/1929(2010) (date of access 24.02.2026)

14. Executive Order 14066 of March 8, 2022. Prohibiting Certain Imports and New Investments with Respect to Continued Russian Federation Efforts to Undermine the Sovereignty and Territorial Integrity of Ukraine. URL: https://ofac.treasury.gov/media/919111/download?inline (date of access 27.09.2024).

15. Executive Order 14068 of March 11, 2022. Prohibiting Certain Imports, Exports, and New Investment with Respect to Continued Russian Federation Aggression. URL: https://ofac.treasury.gov/media/919281/download?inline (date of access 27.09.2024).

16. Russia's war on Ukraine: EU adopts sixth package of sanctions against Russia. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_2802 (date of access 27.09.2024).

17. The European Union has agreed to introduce a price ceiling on Russian oil at $60 per barrel. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/12/05/953640-dogovorilis-o-vvedenii-potolka-tsen-na-rossiiskuyu-neft (date of access 27.09.2024).

18. BP decided to exit Rosneft capital. URL: https://www.interfax.ru/business/824995 (date of access 05.10.2024).

19. Exxonmobil to withdraw from Sakhalin-1 oil and gas project. URL: https://www.rbc.ru/business/02/03/2022/621eba0c9a79473db8e8598f (date of access 10/05/2024).

20. Shell reported $4.24 billion in expenses due to leaving Russia. URL: https://tass.ru/ekonomika/14551645 (date of access 05.10.2024).

21. The European giant calculated the damage from the exit from Sakhalin-2. URL: https://lenta.ru/news/2022/07/07/ushellb/ (date of access 06.10.2024).

Государство как субъект гражданских правоотношений в России и Бразилии

Раков Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Военного университета; Военный университет Министерства Обороны Российской Федерации им. Князя Александра Невского
E-mail: rav74@mail.ru

Висленева Кира Юрьевна,
студент внебюджетного факультета, отделения Юриспруденция, специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», Военного университета Министерства Обороны Российской Федерации им. Князя Александра Невского
E-mail: visleneva.kira@yandex.ru

В статье рассматривается правовой статус государства как субъекта гражданских правоотношений на примере Российской Федерации и Федеративной Республики Бразилия. Актуальность исследования обусловлена расширением участия государства в гражданском обороте и необходимостью обеспечения баланса между публичными полномочиями и принципами частного права в условиях развития интеграционных объединений, в том числе БРИКС.

Ключевые слова: Государство как субъект гражданского права; гражданские правоотношения; правосубъектность государства; публичные юридические лица; сравнительно-правовой анализ; Российская Федерация; Федеративная Республика Бразилия; гражданская ответственность государства; БРИКС.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, расширением сферы участия государства в гражданском обороте, в том числе в рамках контрактных, инвестиционных и имущественных отношений, а во-вторых, необходимостью обеспечения баланса между публичными полномочия и принципами частного права. Развитие интеграционных и координационных объединений государств, включая БРИКС, в рамках которых формируются единые экономические цели, тем не менее допускают различия в национальных правовых моделях, в связи с чем настоящее исследование направлено на проведение сравнительного анализа государств России и Бразилии как субъектов гражданских правоотношений.

Целью исследования является выявление особенностей правового статуса государства как субъекта гражданских правоотношений в Российской Федерации и Бразилии, а также проведение сравнительно-правового анализа соответствующих моделей с целью определения общих тенденций и специфики их правового регулирования.

Задачи исследования:

1. Дать понятие и раскрыть основные характеристики государства как субъекта гражданских правоотношений;

2. Проанализировать особенности гражданской правосубъектности Российской Федерации Федеративной Республики Бразилия;

4. Провести сравнительный анализ и выявить общие и различные тенденции в правовых моделях участия государства в гражданских правоотношениях.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе участия государства в гражданских правоотношениях.

Методологическую основа. В работе использовались анализ, формально-юридический метод, а также сравнительно-правовой метод.

Степень разработанности темы достаточно высокая в теоретическом аспекте, что подтверждается научными исследования таких авторов как В.А. Белов, О.А. Пугина, А.Л. Миронов, М.Н. Марченко. Вместе с тем сравнительно-правовые исследования, непосредственно сопоставляющие участие государства в гражданских правоотношениях в Российской Федерации и Бразилии, в научной литературе не раскрываются.

Научная новизна исследования заключается в комплексном сравнительном анализе правового положения государства как субъекта гражданских правоотношений в Российской Федерации и Бразилии с учетом их членства в БРИКС и выводах, к которым приходит автор в результате анализа.

Основная часть

В рамках межгосударственного объединения БРИКС государства-члены выступают не только как субъекты международного права, но и как участники гражданских правоотношений, взаимодействующие с другими субъектами через гражданско-правовые механизмы. РФ (далее – РФ) и Федеративная Республика Бразилия, являясь одними из государств-основателей БРИКС, представляют собой примеры различных моделей правового статуса государства как субъектов гражданских правоотношений.

В.А. Белов указывает, что субъектом гражданских правоотношений является лицо, обладающее имущественной самостоятельностью и принимающее участие в распределении имущественных благ между своими и чужими[1].

РФ как субъект гражданских правоотношений – это государственное образование, обладающее правосубъектностью с момента его создания путем принятия Конституции Российской Федерации[2]. Как

[1] Белов, В.А. Гражданское право в 4 т. Том I. Общая часть. Введение в гражданское право: учебник для вузов / В.А. Белов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 622 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-03070-9. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 58 – URL: https://urait.ru/bcode/534421/p.58 (дата обращения: 09.01.2026).

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

субъект гражданских правоотношений РФ обладает следующими характеристиками:

Во-первых, РФ может владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, находящимся в ее собственности. В то же время, управление государственным имуществом является функцией Российской Федерации, в соответствии с которой она вправе на осуществление полномочий собственника в отношении федерального имущества, в том числе переданного унитарным, казенным предприятиям и государственным учреждениям, а также управление находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ[1]. Так, например, МВД России имеет в своем распоряжении снаряжение, специальные средства, огнестрельное оружие, которое является собственности Российской Федерации.

Во-вторых, РФ может заключать различные договоры, как с юридическими, так и с физическими лицами, включая контракты на выполнение работ, поставку товаров и предоставление услуг. То есть, может выступать как заказчиком (покупателем), так и исполнителем (продавцом)[2].

В-третьих, РФ может быть стороной в обязательствах, например, у нее может возникнуть обязанность возместить ущерб или убытки.

В-четвертых, РФ также выполняет функции регулятора, устанавливая правила и нормы, регулирующие гражданский оборот (статья 105 Конституции РФ, статья 2 ГК РФ[3]).

В-пятых, РФ несет ответственность по своим обязательствам в рамках гражданского законодательства.

Следовательно, преимущественно РФ участвует в гражданских правоотношениях через различные органы государственной власти.

А.Л. Миронов отмечает, что многие авторы определяют государственный орган через его функции и задачи, определенными государством[4]. Например, О.Е. Кутафин указывает, что государственный орган – это группа лиц, осуществляющих полномочия, которыми они наделены в целях реализации целей и задач государственного управления.

М.Н. Марченко отмечает, что орган государства выступает первичным элементом механизма государства. Государственный орган представляет собой звено государственного аппарата, осуществляющее определенные функции государства и наделен в этой связи властными полномочиями[5].

Участие в гражданских правоотношениях РФ преимущественно осуществляет через государственные органы, обладающие собственной структурой, полномочиями и обязательствами.

В бразильской правовой системе государство также признается самостоятельным субъектом гражданских правоотношений, однако нормативное закрепление данного статуса отличается более детализированным подходом к классификации публично-правовых образований. В соответствии со статьями 13–15 Гражданского кодекса Бразилии юридические лица подразделяются на юридические лица публичного и частного права, при этом Федерация, штаты, федеральный округ и муниципальные образования прямо отнесены к юридическим лицам публичного права внутреннего характера[6].

Особенностью правового статуса публичных юридических лиц в Бразилии является установленный в статье 15 Гражданского кодекса принцип гражданской ответственности государства за действия своих представителей. Государство несет ответственность за причинение вреда третьим лицам в результате противоправных действий или бездействия должностных лиц, действующих в рамках предоставленных им полномочий, с сохранением за государством права регрессного требования к виновным лицам. Указанная конструкция отражает приоритет защиты частных интересов участников гражданского оборота и подчеркивает функциональную связь между публичной властью и ее представителями.

Имущественная основа участия государства в гражданских правоотношениях в Бразилии закреплена в статье 65 Гражданского кодекса Бразилии. Так, публичным признается имущество, принадлежащее Федерации, штатам и муниципальным образованиям.

Проводя сравнительный анализ можно прийти к выводу о наличии как общих черт, так и существенные различия в подходах России и Бразилии к участию государства в гражданских правоотношениях. В обеих правовых системах государство признается субъектом гражданского права, обладающим правоспособностью, возможностью владения имуществом, заключения договоров и несения ответственности по обязательствам. Вместе с тем механизмы нормативного оформления данного статуса имеют различную степень формализации.

Российская модель характеризуется более гибким и функциональным подходом, при котором государство участвует в гражданских правоотношениях преимущественно через систему органов государственной власти, а правовое регулирование во многом осуществляется по аналогии с юридическими лицами. В то же время в бразильском праве государство и его территориальные образования прямо отнесены к юридическим лицам публичного права и осуществляют свою деятельность непосредственно.

Кроме того, в российском праве ответственность государства закреплена в общих нормах гражданского законодательства и часто требует дополнительного толкования в судебной практике. В Бразилии, напротив, принцип ответственности публичных юридических лиц за действия своих представителей имеет прямое законодательное закрепление, что облегчает защиту прав частных лиц и снижает процессуальные барьеры при предъявлении требований к государству.

Заключение

Таким образом, в рамках анализа института государства как субъекта гражданских правоотношений представляется обоснованным рассматривать российскую и бразильскую модели участия государства в гражданских правоотношениях не как альтернативные или конкурирующие, а как отражающие различные направления правового регулирования, сформировавшиеся в условиях сходных социально-экономических задач. Российская модель характеризуется акцентом на функциональную гибкость и управленческую эффективность участия государства в имущественных и обязательственных отношениях, тогда как бразильская правовая система демонстрирует более выраженную ориентацию на формально-юридическую определенность и предсказуемость правовых последствий для иных участников гражданских правоотношений.

Сравнительно-правовой анализ правовых систем РФ и Бразилии свидетельствует о том, что институт государства как субъекта гражданских правоотношений обусловлен необходимостью выработки сбалансированных механизмов соотношения публичных интересов, автономии воли участников гражданского оборота и принципа правовой определенности. Указанный баланс приобретает особую значимость в условиях глобализации экономических процессов и расширения трансграничных гражданско-правовых связей, в том числе в рамках интеграционных объединений, подобных БРИКС.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.08.2025) // «Российская газета», № 238–239, 08.12.1994.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

3. Мартынов А.А. Право государственной собственности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-gosudarstvennoy-sobstvennosti-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 09.01.2026).

4. Марченко М.Н. Теория государства и права. Элементарный курс. Учебное пособие. / М.Н. Марченко – М.: Норма, 2018. – 304 с.

5. Миронов А.Л. Понятие государственного органа и его место в государственном регулировании. / А.Л. Миронов // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4.

6. Пугина О.А. Правосубъектность государства в условиях интеграции правовых систем // Право: история и современность. 2018. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-gosudarstva-v-usloviyah-integratsii-pravovyh-sistem-1 (дата обращения: 09.01.2026).

7. Civil Code Brazil Law № 10.406 of January 10, 2002 – URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/9615 (дата обращения: 09.01.2026).

[1] Мартынов А.А. Право государственной собственности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-gosudarstvennoy-sobstvennosti-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 09.01.2026).

[2] Пугина О.А. Правосубъектность государства в условиях интеграции правовых систем // Право: история и современность. 2018. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-gosudarstva-v-usloviyah-integratsii-pravovyh-sistem-1 (дата обращения: 09.01.2026).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.08.2025) // «Российская газета», № 238–239, 08.12.1994.

[4] Миронов А.Л. Понятие государственного органа и его место в государственном регулировании. / А.Л. Миронов // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4.

[5] Марченко М.Н. Теория государства и права. Элементарный курс. Учебное пособие. / М.Н. Марченко – М.: Норма, 2018. – 304 с.

[6] Civil Code Brazil Law No. 10.406 of January 10, 2002 – URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/9615 (дата обращения 09.01.2026).

THE STATE AS A SUBJECT OF CIVIL LEGAL RELATIONS IN RUSSIA AND BRAZIL

Rakov A.V., Visleneva K.Yu.
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

This article examines the legal status of the state as a subject of civil legal relations using the examples of the Russian Federation and the Federative Republic of Brazil. The relevance of this study stems from the expanding state participation in civil transactions and the need to ensure a balance between public powers and private law principles in the context of the development of integration associations, including BRICS.

Keywords: The state as a subject of civil law; civil legal relations; legal personality of the state; public legal entities; comparative legal analysis; Russian Federation; Federative Republic of Brazil; state civil liability; BRICS.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, № 51-FZ (as amended on August 1, 2025) // Rossiyskaya Gazeta, № 238–239, December 8, 1994.
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru, July 4, 2020.
3. Martynov, A.A. State Property Law of the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. 2023. № 11 (227). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-gosudarstvennoy-sobstvennosti-rossiyskoy-federatsii (date accessed: 09.01.2026).
4. Marchenko M.N. Theory of State and Law. Elementary Course. Tutorial. / M.N. Marchenko – M .: Norma, 2018. – 304 p.
5. Mironov A.L. The Concept of a Government Body and Its Place in Government Regulation. / A.L. Mironov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4.
6. Pugina O.A. Legal Personality of the State in the Context of Integration of Legal Systems // Law: History and Modernity. 2018. № 2. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-gosudarstva-v-usloviyah-integratsii-pravovyh-sistem-1 (Accessed: 09.01.2026).
7. Civil Code Brazil Law № 10.406 of January 10, 2002 – Available at: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/9615 (Accessed: 09.01.2026).

Глобализация и защита финансовых интересов: обзор механизмов разрешения споров (ЕС, ЕАЭС, ISDS)

Томина Дарья Дмитриевна,
аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»
E-mail: dariyt@mail.ru

В статье автор делает акцент на потребность общества в эффективных, гуманных и справедливых механизмах по урегулированию международных финансовых споров. Многообразие механизмов разрешения финансовых споров на международной арене обусловлено стремлением государств к достижению единого баланса между стимулированием финансовой активности и обеспечением защиты национальных интересов. Представленный анализ демонстрирует различные варианты подходов к разрешению конфликтов, начиная от традиционного арбитража в рамках МЦУИС и заканчивая инновационными инициативами, такими как Многосторонний инвестиционный суд ЕС и механизмы ISDS. Кроме того, ценностью проведенного исследования является информирование населения о возможных вариантах защиты своих нарушенных финансовых прав, а также освещение системы финансового надзора для обеспечения цели предотвращения будущих конфликтов.

Ключевые слова: механизмы разрешения финансовых споров, Европейский Союз, Многосторонний инвестиционный суд, механизмы ISDS, Европейская система финансового надзора, Евразийский экономический союз.

На сегодняшний день активно ведется мировая глобализация экономик, финансов и инвестиций. Так, государства стремятся создать конкурентноспособный рынок для каждой сферы жизнедеятельности социума. Однако, развитие страны в полной изоляции невозможно.

В психологии существует концепция изоляции как защитного механизма, где индивид самостоятельно создает барьер между неприятными событиями и своими чувствами. Результатом применения такой концепции является уменьшение связи индивида с аффективной сферой влияния, тем самым, повышая его самооценку и, как следствие, качество жизни.

В мировом сотрудничестве стран невозможно рассматривать отдельную страну в качестве индивида, решившего самоизолироваться.

Проблемы, травмирующие события или ограничения должны решаться в рамках страны с привлечением иных способов разрешения споров, включая перспективу глобального сотрудничества. Взаимодействие стран, их взаимопомощь создают возможности для повышения уровня благосостояния граждан, а высокая степень интернационализации международно-правовых отношений вызывает потребность в разработке и совершенствовании средств их правовой защиты.

Многообразие механизмов разрешения финансовых споров в мире обусловлено стремлением государств к достижению баланса между стимулированием финансовой активности и обеспечением защиты национальных интересов. Так, Европейский союз (ЕС) представляет собой наиболее яркий пример успешного межгосударственного сотрудничества в данной области, в котором ведущую роль как механизма разрешения споров сыграла судебная система, выразившаяся в проекте создания Многостороннего инвестиционного суда.

При создании такого способа для урегулирования конфликтов страны-члены ЕС преследовали цель для реформирования имевшейся системы инвестиционного регулирования под руководством такого органа как Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС). Отмечается, что МЦУИС обеспечивает урегулирование инвестиционных споров между правительствами и иностранными частными инвесторами, улаживая разногласия, или разрешая конфликт при помощи арбитражного разбирательства. Обращение в МЦУИС от стран-участников должно осуществляться на добровольной основе, однако, в случае выбора арбитража сторона не может отказаться от него в одностороннем порядке [7].

Несмотря на это, МЦУИС сыграл важную роль в формировании основных понятий и принципов инвестиционного права, обладая рядом преимуществ: окончательным характером его решений по материально-правовым вопросам и обязательством участников конвенции исполнять эти решения; исключение для инвесторов необходимости ожидания осуществления дипломатической протекции их государством, а для государств – уверенность в неиспользовании такой защиты против них [4].

Стоит отметить, что проект создания нового международного инвестиционного суда, являющимся своеобразным мостом между инвесторами и государствами, обсуждался достаточно долго. Идея его создания была частью нового подхода ЕС к разрешению инвестиционных споров, который отходит от традиционной системы арбитража к судебной системе.

Сегодня создание проекта до сих пор подвергается критике [2]. Неопределенность в отношении признания и приведения в исполнение принятых решений, легитимность системы, лишение национальных судов права на разрешение финансового спора, а также невысокая популярность проекта для инвесторов, равно как и снижение капиталовложений, создают для Многостороннего инвестиционного суда нелицеприятный и непопулярный образ в качестве механизма для разрешения международных финансовых споров.

Однако, данный способ имеет ряд достоинств: двухступенчатая процедура разрешения споров (первая инстанция и апелляция), рассмотрение спора высококвалифицированными, штатными кадрами, возможность подчинения юрисдикции органа любой заинтересованной стороне, а также снижение стоимости судебных издержек [4]. Таким образом, транспарентность разбирательства, единообразное толкование норм права, а также высокая квалификация и независимость судей позволяет прогнозировать, что популярность разрешения спо-

ров Многосторонним инвестиционным судом возрастет в ближайшем будущем.

В эпоху санкций и ограничений для Российской Федерации стал популярен такой способ урегулирования финансовых споров, как ISDS (Investor–State Dispute Settlement). Вид урегулирования разногласий, когда спор возникает между инвестором и государством.

По своей природе, ISDS предоставляет инвесторам правовую платформу для привлечения государств к ответственности за предполагаемую дискриминационную практику, гарантируя, что торговля и инвестиции осуществляются под эгидой правосудия и верховенства закона [5]. Анализ исторических результатов ISDS дает дорожную карту для преодоления будущих сложностей, присущих арбитражным разбирательствам между инвесторами и государством. Анализ прецедентных дел дает практикам и сторонам возможность предвидеть поведение трибунала, что часто служит для оптимизации арбитражного процесса и обоснования принятия стратегических решений.

В декабре 2025 г. российские предприниматели, подвергшиеся санкционным ограничениям со стороны Европейского союза, инициировали судебные разбирательства против ЕС и входящих в него государств-членов на общую сумму около 53 миллиардов евро. Предметом спора являются 28 дел об инвестиционном арбитраже, включая потенциальные аресты активов российских инвесторов. Российские бизнесмены выбрали механизм ISDS в качестве инструмента для урегулирования инвестиционных споров [8].

Кроме того, еще одна группа российских инвесторов намерена оспорить в Суде Европейского союза положение 18-го пакета санкций ЕС, ограничивающее признание арбитражных разбирательств, инициированных российскими физическими и юридическими лицами в рамках двусторонних инвестиционных соглашений. Истцы утверждают, что данное ограничение нарушает их право на судебную защиту, гарантированное как международными договорами, так и принципами отправления правосудия.

Эксперты предупреждают о высоких издержках и длительности подобных разбирательств. Многие полагают, что даже в случае благоприятного исхода, принудительное исполнение решения против Бельгии может потребовать обращения взыскания на суверенные активы и занять продолжительное время [3].

Ценностью данного исследования является не только информирование населения о возможных вариантах защиты своих нарушенных финансовых прав, но и освещение системы финансового надзора и предотвращения конфликтов.

Так, на базе Европейского Союза была создана Европейская система финансового надзора (ESFS), которая представляет собой систему, ядром которой являются:

- Европейские надзорные органы (ЕНО):
  1) Европейское банковское управление,
  2) Европейское управление по страхованию и профессиональному пенсионному обеспечению,
  3) Европейское управление по ценным бумагам и рынкам;
- Европейский совет по системным рискам – независимый орган ЕС, отвечающий за макропруденциальный надзор за финансовой системой в ЕС, в состав которого входят представители национальных центральных банков государств – членов ЕС и председатели трёх европейских агентств по надзору за рынком ценных бумаг;
- национальные надзорные органы государств – членов ЕС [6].

Ключевая цель Европейской системы финансового надзора (ESFS) заключается в поддержании единообразного и эффективного контроля за финансовой деятельностью в пределах Европейского союза, что способствует обеспечению финансовой устойчивости и защите интересов потребителей финансовых сервисов.

По оценкам статистики операционной деятельности Европейской системы финансового надзора (ESFS) были сделаны следующие выводы. Во-первых, европейские надзорные органы (ESA) продемонстрировали эффективность в создании работоспособных организационных структур, приступили к реализации определенных мандатов и сформировали индивидуальные операционные модели. Во-вторых, ESA сыграли значимую роль в формировании унифицированного свода правил, разрабатывая единые стандарты, а также стимулируя процессы конвергенции и координации в регулировании финансового сектора. В-третьих, Европейский совет по системным рискам (ESRB), согласно результатам оценки, достиг значительных успехов в развитии аналитического потенциала, особенно в контексте выявления и оценки системных рисков. Данные выводы подчеркивают вклад ESFS в обеспечение финансовой стабильности.

Еще одним наглядным примером урегулирования конфликтов в международной финансовой сфере является механизм разрешения разногласий между участниками Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Страны ЕАЭС с учетом мировой глобализации, цифровизации и модернизации стремятся сделать каждую сферу своей деятельности продуктивной. Так, на сегодняшний день общий финансовый рынок ЕАЭС развивается горизонтально, то есть в сторону расширения стран-участников, и вертикально, включая новые секторы в процесс формирования общего финансового рынка [1]. Считается, что еще одним сектором общего финансового рынка ЕАЭС (наравне с банковским, страховым и рынком ценных бумаг) должен стать в перспективе рынок цифровых финансовых активов и цифровых валют.

Необходимо отметить, что в целом процедуры разрешения споров между участниками, входящими в состав в ЕС, и странами, входящими в состав ЕАЭС, являются достаточно схожими. Тем не менее, существует теория, что такой порядок будет существовать недолго, так как учреждение Многостороннего инвестиционного суда ЕС приведет к улучшению инвестиционного, а как следствие, и финансового климата.

В заключение, глобализация финансовых рынков и возрастающая взаимозависимость национальных экономик актуализируют потребность в эффективных и справедливых механизмах урегулирования международных финансовых споров. Представленный анализ демонстрирует многообразие подходов к разрешению конфликтов, от традиционного арбитража в рамках МЦУИС до инновационных инициатив, таких как Многосторонний инвестиционный суд ЕС и механизмы ISDS.

Литература

1. Реут А. В. 2024. Развитие общего финансового рынка ЕАЭС: правовые аспекты, Финансовое право № 10/2024. С 26–29.
2. Соловьева А.В. 2019. Новые подходы к реформированию инвестиционного арбитража- Московский журнал международного права. № 1. С 27–39.
3. Forbes. Инвестиции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.forbes.ru/investicii/545872-investory-prigrozili-bel-gii-pervym-mezdunarodnym-arbitrazem-iz-za-blokirovki-aktivov (дата обращения: 01.01.2026).
4. Negotiating directives for a Convention establishing a multilateral court for the settlement of investment disputes, Brussels, 1 March 2018: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12981–2017-ADD-1-DCL-1/en/pdf (дата обращения: 01.01.2026).
5. Transnational Matters. ISDS mechanisms. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.transnationalmatters.com/understanding-the-isds-mechanism-in-dispute-settlement/ (дата обращения: 01.01.2026).
6. Европейский Союз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Aeuropean_system_of_financial_supervision&qid=1767277910897 (дата обращения: 01.01.2026).
7. Организация Объединенных Наций, Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/ecosoc/icsid (дата обращения: 01.01.2026).
8. РБК. Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/09/12/2025/69380f1e9a794790024824e2 (дата обращения: 01.01.2026).

GLOBALIZATION AND PROTECTION OF FINANCIAL INTERESTS: OVERVIEW OF DISPUTE RESOLUTION MECHANISMS (EU, EAEU, ISDS)

Tomina D.D.
The Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia

In the article, the author underscores the imperative for society to establish effective, humane, and equitable mechanisms for the resolution of international financial disputes. The multifaceted landscape of financial dispute resolution mechanisms in the global arena is motivated by the aspirations of states to attain a harmonious balance between fostering financial activity and safeguarding national interests. The analysis provided elucidates a spectrum of approaches to conflict resolution, encompassing traditional arbitration within the framework of UNCITRAL as well as pioneering initiatives such as the European Union's Multilateral Investment Court and various Investor-State Dispute Settlement (ISDS) mechanisms. Moreover, the significance of this research lies in its capacity to inform the public about viable avenues for the protection of their infringed financial rights, while also illuminating the financial oversight frameworks designed to mitigate the occurrence of future conflicts.

Keywords: financial dispute resolution mechanisms, European Union, Multilateral Investment Court, ISDS mechanisms, European Financial Supervision System, Eurasian Economic Union.

References

1. Reut A. V. 2024. Development of the Common Financial Market of the EAEU: Legal Aspects, Financial Law № 10/2024. Pp. 26–29.

2. Solovyova A.V. 2019. New Approaches to Reforming Investment Arbitration- Moscow Journal of International Law. № 1. Pp. 27–39.

3. Forbes. Investments. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.forbes.ru/investicii/545872-investory-prigrozili-bel-gii-pervym-mezdunarodnym-arbitrazhom-iz-za-blokirovki-aktivov (accessed: 01.01.2026).

4. Negotiating directives for a Convention establishing a multilateral court for the settlement of investment disputes, Brussels, 1 March 2018: [Electronic resource]. – Access mode: http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12981–2017-ADD-1-DCL-1/en/pdf (accessed: 01.01.2026).

5. Transnational Matters. ISDS mechanisms. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.transnationalmatters.com/understanding-the-isds-mechanism-in-dispute-settlement/ (accessed: 01.01.2026).

6. European Union [Electronic resource]. – Access mode: https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Aeuropean_system_of_financial_supervision&-qid=1767277910897 (accessed: 01.01.2026).

7. United Nations, International Centre for Settlement of Investment Disputes (ICSID) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.un.org/ru/ecosoc/icsid (accessed on 01.01.2026).

8. RBC. News. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.rbc.ru/economics/09/12/2025/ 69380f1e9a794790024824e2 (accessed: 01.01.2026).

Шайхутдинова Гульнара Раифовна,
профессор кафедры международного права, ФГАОУ ВО Казанского (Приволжский) Федерального Университета
E-mail: gul.shaikhutdinova@gmail.com

Федченков Александр Вячеславович,
аспирант кафедры международного права, ФГАОУ ВО КФУ Казанского (Приволжский) Федерального Университета
E-mail: a.fedchenkov@ya.ru

В статье рассматриваются теоретико-правовые основания международной правовой помощи, её соотношение с международным сотрудничеством, а также анализируются существующие правовые механизмы и проблемы реализации судебных поручений в трансграничных делах. Особое внимание уделяется языковым барьерам, коллизиям национального законодательства и необходимости унификации процедур. В заключение предложены направления совершенствования правового регулирования международной правовой помощи с учётом положений международных договоров и законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: международная правовая помощь, международное сотрудничество, запрос о правовой помощи, судебное содействие, судебное решение, государственная поддержка.

Введение

Международная правовая помощь представляет собой важнейший элемент трансграничного правового взаимодействия, обеспечивая возможность выполнения процессуальных действий за пределами юрисдикции государства-инициатора. В условиях глобализации и усиления миграционных, торговых и культурных процессов возрастает необходимость в формировании эффективных механизмов правовой взаимопомощи, в особенности в гражданском и коммерческом судопроизводстве. Целью настоящей статьи является анализ правовой природы международной правовой помощи, исследование механизмов её осуществления и выявление существующих проблем правоприменения с целью предложения направлений совершенствования правового регулирования.

Понятие международной правовой помощи и её соотношение с международным сотрудничеством

В доктрине международного юридического процесса вопрос соотношения понятий «международная правовая помощь» и «международное сотрудничество» является дискуссионным и подлежит более углублённому анализу. В научной литературе сложились, по меньшей мере, два конкурирующих подхода, каждый из которых находит отражение в теоретических построениях и правоприменительной практике.

Сторонники первого подхода исходят из иерархического соотношения упомянутых категорий. Согласно данной точке зрения, «международное сотрудничество» представляет собой обобщающее, родовое понятие, охватывающее весь спектр взаимодействия государств и иных субъектов международного права по вопросам, имеющим правовое значение [8, с. 23–26]. В рамках этого сотрудничества выделяется более узкий институт – «международная правовая помощь», под которым, как правило, понимается комплекс процедурных и материальных действий, осуществляемых одним государством в целях содействия другому государству в реализации его юрисдикционных полномочий [12, с. 61–68]. Таким образом, международная правовая помощь трактуется как подвид международного сотрудничества, функционально ориентированный на содействие в сфере правосудия, в том числе по уголовным, гражданским, административным и иным делам. Такой подход поддерживается, например, в трудах исследователей, сосредоточившихся на анализе договорной базы правового взаимодействия, включая многосторонние и двусторонние соглашения о правовой помощи и экстрадиции.

Противоположную позицию занимают авторы, которые отождествляют понятия «международная правовая помощь» и «международное сотрудничество» в правовой сфере, полагая, что они описывают один и тот же феномен – юридически оформленное взаимодействие государств, направленное на разрешение трансграничных правовых ситуаций. Сторонники данной позиции указывают, что в ряде международных договоров и актов мягкого права оба термина употребляются как взаимозаменяемые, без явного разграничения объёма или содержания [7, с. 57–58]. Более того, в некоторых национальных правопорядках соответствующие термины закреплены в идентичном значении [9], что дополнительно усложняет попытки концептуального разведения данных категорий на универсальном уровне. Согласно этой точке зрения, различие между ними носит скорее лингвистический или стилистический, нежели правовой характер.

Таким образом, отсутствие единой доктринальной позиции по вопросу разграничения понятий «международное сотрудничество» и «международная правовая помощь» обусловлено как различиями в национальных правовых традициях, так и неоднородностью международно-правовой терминологии. В этой связи представляется целесообразным подходить к интерпретации указанных понятий с учетом конкретного контекста – будь то договорное регулирование, судебная практика или практика межгосударственного взаимодействия, – что позволит избежать догматических ошибок и обеспечит большую точность при формулировании научных и прикладных выводов.

Международная правовая помощь традиционно определяется как процессуальные действия, совершаемые компетентными органами одного государства по поручению органов другого государства в целях оказания содействия в отправлении правосудия. Данные действия могут включать: вручение документов, получение доказательств, выполнение экспертиз и признание решений иностранных судов [11, с. 127–129].

Основания и формы оказания международной правовой помощи

Концептуализация оснований для оказания международной правовой помощи в современном международном праве опирается на дуалистическое деление: договорные и внедоговорные основания [13]. Первые формируются посредством многосторонних и двусторонних международных соглашений, в которых детализируются процедуры, формы и сроки исполнения запросов о правовой помощи, включая передачу процессуальных документов, исполнение судебных поручений, допрос свидетелей, признание и исполнение судебных решений. Вторые же, то есть внедоговорные, актуализируются в ситуациях, когда между заинтересованными государствами отсутствуют соответствующие международно-правовые соглашения. В подобных случаях правовая помощь может оказываться на основании внутренних правовых норм запрашиваемого государства, а также в силу действия общего принципа международной вежливости (comitas gentium), который, несмотря на свою диспозитивную природу, на практике играет стабилизирующую роль в правовых отношениях между государствами [10, с. 140–151].

При инициировании механизма международного правового содействия ключевым этапом является вынесение компетентным судебным органом решения о направлении запроса, результатом чего становится оформление судебного поручения в установленной форме. Данное поручение, как правило, включает указание на суть дела, характер запрашиваемых процессуальных действий, сведения о сторонах процесса, а также перечень приложенных документов. После оформления указанного документа он подлежит передаче в компетентный орган иностранного государства – через дипломатические каналы, центральные органы, либо в порядке, установленном международным соглашением.

Наиболее проработанным примером типизации процессуальных форм является Гаагская конвенция 1965 года о вручении судебных и внесудебных документов по гражданским и коммерческим делам за границей. В составе данного международного договора содержится унифицированный образец запроса о вручении документов, что способствует правовой определенности и снижению формальных барьеров при взаимодействии между судебными системами различных стран [1]. В свою очередь, Конвенция 1993 года о получении доказательств за границей в гражданских и коммерческих делах включает согласованную форму судебного поручения, направляемого за пределы национальной юрисдикции, и содержит четкий перечень обязательных реквизитов [2].

Следует также подчеркнуть, что подобная унификация не является исключительной прерогативой многосторонних актов. Большинство двусторонних соглашений о правовой помощи предусматривают приложения в виде образцов запросов и судебных поручений, а также инструкции по их заполнению. Это обеспечивает не только процессуальную экономию, но и способствует устранению неопределенности в трансграничном юридическом взаимодействии.

Вместе с тем в российском правовом регулировании, в частности в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, отсутствует прямое указание на образец судебного поручения, а также на его обязательные реквизиты [4]. Это представляется определённым нормативным пробелом, поскольку, с одной стороны, Россия участвует в ряде международных соглашений, где такие образцы закреплены и могут быть использованы в правоприменительной практике. С другой стороны, отсутствие прямого нормативного закрепления в национальном законодательстве делает процесс отправки поручений менее стандартизированным и подверженным рискам отклонения со стороны иностранной юрисдикции в случае несоответствия формы или содержания.

Несмотря на то, что обязательность включения формы поручения в национальный процессуальный кодекс не вытекает из международных обязательств Российской Федерации, существует ряд доводов в пользу институционализации данной формы на законодательном уровне. Во-первых, это позволит гармонизировать российскую правоприменительную практику с международными стандартами. Во-вторых, это обеспечит дополнительную правовую защиту интересов участников гражданского оборота, чьи права затрагиваются в трансграничных процессах. Наконец, наличие унифицированной формы судебного поручения, предусмотренной в ГПК РФ, способствовало бы сокращению времени на подготовку и обработку международных запросов, а также повысило бы предсказуемость и эффективность процедуры оказания правовой помощи.

Таким образом, в условиях глобализации правовых связей и усложнения трансграничных процессов существует объективная необходимость в сближении национального процессуального регулирования с международными стандартами, в том числе и посредством нормативного закрепления унифицированных форм судебных поручений в национальных источниках права.

Языковой режим и правовые коллизии при исполнении судебных поручений

Одним из наиболее острых вопросов в практике исполнения международных судебных поручений остаётся проблема языкового режима, соблюдение которого напрямую влияет на возможность правомерного и своевременного оказания правовой помощи. Языковая неоднородность правовых систем различных государств нередко становится источником правовой коллизии, способной препятствовать реализации межгосударственного сотрудничества в сфере гражданского и торгового судопроизводства.

В частности, обращает на себя внимание практика, сложившаяся после присоединения Российской Федерации к Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 г. (далее – Конвенция 1965 г.). С момента ратификации Конвенции в 2001 году российскими компетентными органами фиксируются неоднозначные случаи толкования положений, регулирующих форму и язык исполнения судебных поручений, поступающих из иностранных юрисдикций [5, 6].

В соответствии со статьей 7 Конвенции, каждое договаривающееся государство вправе требовать, чтобы документы, подлежащие вручению, были составлены либо на официальном языке, либо сопровождались заверенным переводом на язык государства, в которое направляется запрос. Альтернативно допускается использование английского или французского языка, но только при наличии соответствующего согласия принимающей стороны, выраженного при присоединении к Конвенции либо в двустороннем соглашении.

В этом контексте важным становится вопрос о допустимых языках общения между судебными органами. В действующей международной практике считается общепринятым составление судебного поручения на языке запрашиваемого государства или сопровождение текста надлежащим образом заверенным переводом. Использование языка направляющей стороны или международно признанных языков возможно исключительно при наличии прямой договорённости между государствами – участниками международного взаимодействия.

Для Российской Федерации данный аспект осложняется положениями национального законодательства: в соответствии со статьей 68 Конституции РФ единственным государственным языком на всей её территории признаётся русский язык [3]. Это означает, что запросы, поступающие на иностранных языках без официального перевода на русский, могут быть возвращены без исполнения, поскольку их оформление будет противоречить внутренним нормам, регулирующим делопроизводство в судах и органах исполнительной власти. В таких случаях отказ в правовой помощи формально правомерен, но, по существу, он свидетельствует о наличии системной языковой коллизии между международным и внутренним правом.

Указанная коллизия имеет и практическое измерение. Так, несоблюдение требований к языку судебного поручения может повлечь существенное увеличение сроков исполнения, необходимость направления повторного запроса или даже полную невозможность оказания правовой помощи. Это, в свою очередь, подрывает эффективность правового взаимодействия и препятствует оперативности гражданского судопроизводства в трансграничных делах.

Следует подчеркнуть, что Конвенция 1965 г. предоставляет государствам-участникам возможность смягчать указанные противоречия посредством заключения двусторонних договоров о правовой помощи, в которых может быть специально согласован приемлемый языковой режим. Однако отсутствие универсального подхода на многостороннем уровне продолжает оставаться фактором юридической неопределённости и затрудняет унификацию процедур международного сотрудничества.

В условиях нарастания объёма трансграничных правовых контактов и активного вовлечения России в международное правовое пространство вопрос языкового соответствия в рамках исполнения судебных поручений приобретает не только техническое, но и системное значение. Он требует выработки более гибкого и предсказуемого механизма, способного обеспечивать баланс между суверенными интересами государств и необходимостью эффективного взаимодействия в целях правосудия.

Перспективы совершенствования правового регулирования

Для повышения эффективности международной правовой помощи представляется целесообразным осуществление комплекса правовых

и организационных мер. В частности, необходима разработка унифицированных форм судебных поручений, обеспечивающих единообразие и юридическую определённость при их оформлении и направлении. В целях устранения языковых коллизий и правовой неопределённости требуется нормативное закрепление в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации правил, регламентирующих языковой режим исполнения судебных поручений, а также порядка их перевода. Важным направлением также является развитие цифровых каналов межгосударственного взаимодействия, что позволит существенно ускорить процесс пересылки и обработки документов между компетентными органами различных государств. Одновременно с этим следует систематизировать заключённые Российской Федерацией двусторонние договоры о правовой помощи с целью устранения дублирующих положений и внутренней противоречивости, затрудняющей их практическое применение. Значительный потенциал в решении указанных задач заключается в поэтапной гармонизации национального законодательства государств – участников региональных интеграционных объединений, таких как Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и других, что будет способствовать формированию устойчивого и согласованного правового пространства в области международного сотрудничества по гражданским и торговым делам.

Международная правовая помощь играет важнейшую роль в обеспечении реализации прав и законных интересов субъектов трансграничного права. Несмотря на наличие международных правовых механизмов, проблематика языковых коллизий, процессуальных разночтений и неопределённости норм национального законодательства продолжает оставаться актуальной.

Литература

1. Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам (Гаага, 15 ноября 1965 г.) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 50.

2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17.

3. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (Дата обращения: 24.02.2026г).

4. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570 (Дата обращения: 24.02.2026 г.)

5. Карандашева Н.Н. Исполнение иностранных судебных поручений в порядке международной вежливости («comitas gentium») // Юридическая наука. 2023. № 2.

6. Карандашева Н.Н. Применение коллизионных процессуальных норм при исполнении иностранных судебных поручений // Закон и власть. 2023. № 2.

7. Клевцов, К.К. Соотношение понятий международно-правовой помощи по уголовным делам и международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве / К.К. Клевцов // Вопросы российской юстиции. – 2015. – № 1.

8. Крысанов А.В. Международное сотрудничество: общетеоретическое и правовое измерение // Вестник экономики, управления и права. 2018. № 4 (45).

9. Матвейчев, Ю.А. Международная правовая помощь по уголовным делам: монография / Ю.А. Матвейчев, Ю.П. Шкаплеров; Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Могилев: Могилев. институт МВД, 2017.

10. Монастырский, Ю. Э. «Международная вежливость» и пробелы в Российской правовой концепции взаимодействия с иностранными юрисдикциями / Ю.Э. Монастырский // Государство и право. – 2025. – № 3.

11. Федченков, А.В. Концепция международной правовой помощи / А.В. Федченков // Парадигмы социально-экономического развития России в новых реалиях: Сборник научных статей. – Краснодар: ИП Кабанов В.Б. (издательство «Новация»), 2024.

12. Щукин А. И. О некоторых подходах к понятию «Международная правовая помощь» по гражданским делам // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. № 1 (28).

13. Сокол П.В. Правовая основа оказания международно-правовой помощи в современный период – URL: https://repo.ssau.ru/bitstream/Sovremennoe-mezhdunarodnoe-pravo/Pravovaya-osnova-okazaniya-mezhdunarodnopravovoi-pomoshi-v-sovremennyi-period-113635/1/978–5–7883–2061–8_2024–391–400.pdf?ysclid=mdjafflmnh48499317 (Дата обращения: 25.02.2026г).

THE CONCEPT OF INTERNATIONAL LEGAL ASSISTANCE

Shaikhutdinova G.R., Fedchenkov A.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

This article explores the theoretical and legal foundations of international legal assistance, its relationship with international cooperation, and examines the existing legal mechanisms and challenges in the execution of judicial requests in cross-border civil and commercial cases. Special attention is given to language barriers, legal conflicts, and the need for procedural harmonization. The conclusion offers recommendations for improving the legal regulation of international legal assistance in light of both international treaties and Russian domestic law.

Keywords: international legal assistance, international cooperation, request for legal assistance, judicial assistance, court decision, state support.

References

1. Convention on the Service Abroad of Judicial and Extrajudicial Documents in Civil or Commercial Matters (Hague, November 15, 1965) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 50.

2. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family, and Criminal Matters (Minsk, January 22, 1993) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 17.

3. 'Constitution of the Russian Federation' (adopted by national referendum on 12.12.1993 with amendments approved in the nationwide vote on 01.07.2020) // SPS 'ConsultantPlus' URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (Accessed: 24.02.2026).

4. 'Civil Procedure Code of the Russian Federation' dated 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 07.07.2025) // SPS 'ConsultantPlus' URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570 (Date accessed: 24.02.2026).

5. Karandasheva N.N. Execution of foreign judicial orders in the manner of international courtesy («comitas gentium») // Legal Science. 2023. No. 2.

6. Karandasheva N.N. The Application of Conflict of Procedural Rules in the Execution of Foreign Judicial Requests // Law and Power. 2023. No. 2.

7. Klevtsov, K.K. The Relationship between the Concepts of International Legal Assistance in Criminal Cases and International Cooperation in Criminal Proceedings / K.K. Klevtsov // Issues of Russian Justice. – 2015. – No. 1.

8. Krysanov A.V. International Cooperation: General Theoretical and Legal Dimensions // Bulletin of Economics, Management, and Law. 2018. No. 4 (45).

9. Matveichev, Yu.A. International Legal Assistance in Criminal Cases: Monograph / Yu.A. Matveichev, Yu.P. Shkaplerov; Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Educational Institution "Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus". – Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2017

10. Monastyrsky, Yu. E. "International Courtesy" and Gaps in the Russian Legal Concept of Interaction with Foreign Jurisdictions / Yu.E. Monastyrsky // State and Law. – 2025. – No. 3..

11. Fedchenkov, A.V. The Concept of International Legal Assistance / A.V. Fedchenkov // Paradigms of Socio-Economic Development of Russia in New Realities: Collection of Scientific Articles. – Krasnodar: IP Kabanov V.B. (Novaция Publishing), 2024.

12. Shchukin A.I. On some approaches to the concept of 'International Legal Assistance' in civil cases // Vestnik VSU. Series: Law. 2017. No. 1 (28).

13. Sokol P.V. Legal basis for providing international legal assistance in the modern period – URL: https://repo.ssau.ru/bitstream/Sovremennoe-mezhdunarodnoe-pravo/Pravovaya-osnova-okazaniya-mezhdunarodnopravovoi-pomoshi-v-sovremennyi-period-113635/1/978–5–7883–2061–8_2024–391–400.pdf?ysclid=mdjafflmnh48499317 (Accessed: 25.02.2026)

Декриминализация как инструмент реализации принципа «ultima ratio» в современном уголовном праве России

Агеев Эрнест Геннадьевич,
аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

В статье рассматриваются актуальные аспекты криминализации и декриминализации общественно опасных деяний в современном уголовном праве. Автор склоняется к мнению, что привлечение к уголовной ответственности должно быть крайней мерой (в соответствии с принципом «ultima ratio») и применяться лишь тогда, когда остальные правовые способы защиты исчерпали себя или являются неэффективными, а процедура декриминализации – использоваться только при наличии иных преемственных механизмов, посредством которых могут быть защищены нарушенные права и свободы, осуществлена превенция общественно опасных деяний.

Ключевые слова: ultima ratio, декриминализация, криминализация, преюдиция, общественная опасность, превенция.

Обеспечение баланса между эффективностью защиты прав и свобод гражданина и обеспечением публичных интересов является одной из ключевых задач, стоящих перед современным уголовным правом. В данном контексте особое значение приобретает принцип «ultima ratio» (с лат. «последний довод», «крайнее средство») – аргумент, который означает необходимость применения крайних мер – уголовного преследования – лишь тогда, когда невозможно разрешить задачи, стоящие перед уголовным законодательством, т.е. обеспечить в полном объеме охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности и иных общественных отношений, находящихся под защитой уголовного закона, от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений[1], другими, менее суровыми способами.

В отечественной системе уголовного права сложилась практика уголовно-правовой превенции в качестве «последнего довода» посредством преюдиции, института специального рецидива и декриминализации.

Институт преюдиции уже глубоко внедрился в парадигму современной уголовно-правовой политики. Выступая в качестве правового явления, при котором выводы, факты и обстоятельства, которые ранее были установлены решением суда, иных должностных лиц или органов, становятся обязательными для другого дела между теми же или иными участниками процесса, если они касаются тех же обстоятельств, преюдиция становится действенным механизмом в уголовно-правовой превенции.

Данный институт тесно связан с административным законодательством и фактически совмещает публично-правовую сферу с уголовно-правовой. Законодатель нередко имплементирует данный институт в уголовно-правовые нормы Особенной части Уголовного кодекса: по преступлениям экстремистской направленности, преступлениям против личности небольшой тяжести, по преступлениям в сфере исполнения административного надзора и др., когда уголовная ответственность наступает только в случае повторного совершения правонарушения, а уголовно-правовая норма не применяется в случае отсутствия вступившего в законную силу решения (а в некоторых случаях, прямо указанных в уголовном законе, и решений) в рамках административного производства. Так, например, лицо, в отношении которого по решению суда установлен административный надзор, не может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 314.1 УК РФ за нарушение установленных в отношении него ограничений, если такое лицо в период пребывания под административным надзором не было привлечено к административной ответственности по ст. ст. 19.24 чч.1 и 3 КоАП РФ, а также по не менее чем трем статьям, предусмотренным главами 6, 19 и 20 КоАП РФ.

Не менее интересным видится и институт специального рецидива, при котором лицу инкриминируется другое общественно опасное деяние при наличии уже вступившего в законную силу решения суда за совершение одного и того же (однородного) преступления, если эта судимость не была погашена или снята в установленном законом прядке, что напрямую излагается в диспозиции соответствующей статьи УК РФ. Такое преступление, хотя формально и относится к однородному, но квалифицируется уже по другой статье Особенной части. Отметим, что в настоящее время нет устоявшегося мнения в отношении данного уголовно-правового инструмента. Одни авторы именуют его «уголовной преюдицией»[2], другие – усматривают в нем принципиально новую

[1] См.: ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС Гарант. Режим доступа: https://base.garant.ru/10108000/ (дата обращения: 29.03.2026).

[2] Антонова Е.Ю. Теория опасного состояния личности и ее влияние на современное уголовное законотворчество: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 4. С. 354; Мирошниченко Д.В. О месте уголовной преюдиции в системе правовых преюдиций // Евразийская адвокатура. 2017. № 2(27). С. 36.

форму множественности[1]. В данном вопросе мы склоняемся к мнению А.В. Корнеевой, рассматривающей данную уголовно-правовую форму, как «специальный рецидив»[2].

Так, например, Федеральным законом от 24.06.2025 № 173-ФЗ[3] были внесены изменения в ст. 282 УК РФ, согласно которым состав данного преступления экстремистской направленности образует повторное совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 280 и 282.4 УК РФ.

Декриминализация, как процесс исключения отдельных общественно опасных деяний из списка преступлений, выступает одним из наиболее интересных инструментов, направленных на реализацию принципа «последнего довода» в современном уголовном праве.

Исходя из содержания, заложенного в данном принципе, декриминализация должна гуманизировать уголовное законодательство, обеспечив снижение нагрузки на правоохранительные органы и судебную систему, прежде всего за счет нивелирования необоснованного уголовного преследования.

Между тем, одни ученые отмечают[4], что декриминализация применяется законодателем реже, чем другие инструменты предупреждения и постпревенции, склоняясь наоборот – в сторону излишней криминализации. Во многом, по мнению ученых, это обуславливается отсутствием явных приоритетов в данном направлении уголовно-правовой политики.

Другие ученые утверждают[5], что два противоположных явления – криминализации и декриминализации – являются «заложниками» гонки за реформами. По мнению А.И. Коробеева, «необходима срочная остановка потока необоснованных законодательных инициатив и бесконечных изменений закона»[6], так как под запретом нередко находятся те деяния, которые в нем не нуждаются и не представляют общественной опасности.

Так, например, законодательная инициатива, направленная в начале 2000-х гг. на снижение порога имущественного ущерба для уголовно-наказуемых хищений, привела к увеличению роста общественно опасных деяний против собственности. Аналогично ситуация складывалась и в контексте противодействия семейному насилию, когда законодатель определил, что каждое причинение телесных повреждений, не повлекших последствия в виде вреда здоровью, должно было быть квалифицировано по статье «побои» Особенной части УК РФ, в то же время как иные виды побоев относились к административно-наказуемым деяниям. Засилье уголовных дел, возбуждаемых органами дознания по каждому факту семейно-бытового насилия, изменило уголовно-правовую парадигму в сторону декриминализации данных деяний за счет имплементации преюдиционных механизмов, в то же время криминализировав иные виды побоев – ст. ст. 116 и 116.1 УК РФ.

Данные примеры показывают, что введение в уголовное законодательство новых запретов не всегда сопровождается глубокой проработкой нормативных конструкций и учетом возможных последствий, которые могут возникнуть в следствие применения уголовно-правовых норм.

Согласимся с мнением В.Н. Кудрявцева[7], полагающего, что криминализация деяний в современном уголовном праве приобрела стихийный характер, когда, по мнению ученого, государство вместо того, чтобы устранить социальные причины общественно опасных деяний, криминализирует данные формы поведения. Криминализация должна представлять собой процесс выявления общественно опасных деяний и признания их преступными путем установления в уголовном законодательстве запретов за их совершение, с определением возможности и, главное, целесообразности борьбы с ними.

В уголовной доктрине до сих пор остается открытым вопрос об основаниях и критериях отнесения тех или иных деяний, посягающих на общественные отношения, к уголовно-наказуемым. К таким основаниям и критериям ученые[8] обычно относят общественную опасность и относительную распространенность деяний, требующих уголовно-правового запрета; невозможность противодействия таким деяниям иными, не уголовными методами; наличие материальных и процессуальных возможностей у правоохранительных органов по реализации уголовно-правовых запретов; соответствие криминализации таких деяний нравственным представлениям общества и социальная значимость применяемых в рамках правовой криминализации мер уголовного характера.

Общественная опасность является наиболее актуальным признаком преступления, позволяющим определять необходимость в его криминализации. Согласимся с мнением ученых[9], что ключевым основанием для криминализации деяния является степень его общественной опасности, которая может быть как достаточной, достаточно высокой (для «новых» составов преступлений), так и повысившейся (исходя из оперативной обстановки).

Как отмечает А.В. Шеслер[10], общественная опасность представляет собой свойство преступления, связанное с тем, что в результате его совершения всегда происходят или могут произойти негативные изменения в объекте посягательства.

Согласимся с мнением М.М. Бабаева[11], что общественная опасность в существенной степени зависит от распространенности того или иного деяния, структуры и динамики преступности на определенный момент времени и от распространенности, характера и тяжести последствий, которые могут быть причинены в результате криминализируемого деяния.

Между тем, в уголовно-правовой доктрине отсутствует однозначное толкование основных свойств общественной опасности: ее криминологической и социальной сущности; характера отношений общественной опасности деяния к лицу, совершающему данное деяние, когда такое лицо, формально совершая менее тяжкое преступление, потенциально способно совершить более тяжкое или ставит в опасность совершение такого деяния; соразмерности общественной опасности деяний и санкций, применяемых за их совершение; отсутствие разграничений по ряду составов между преступлениями и административными правонарушениями (например, преступления в финансово-бюджетной сфере, самоуправство, побои и пр.).

В отсутствие устоявшихся критериев по определению общественной опасности, законодатель нередко наделяет статусом преступных деяний правонарушения, не обладающие высоким уровнем общественной опасности.

Мы согласимся с мнением Н.Г. Иванова[12], который полагает, что изменения в уголовном законе необходимы и допустимы лишь в качестве последнего довода, когда «противоречие динамики общественной жизни и стабильности закона грозят перерасти в кризисное состояние».

Такие решения по мнению Г.М. Миньковского[13] могут быть обоснованными лишь тогда, когда не только установлена социальная потребность в криминализации деяний или их ужесточении, но и полу-

[1] Сипягина М.Н. Судимость как квалифицирующий признак состава преступления в современном уголовном законодательстве // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 1. С. 78.

[2] Корнеева А.В. Уголовная и административная преюдиция – возврат к теории опасного состояния личности? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 47.

[3] Федеральный закон от 24.06.2025 № 173-ФЗ «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС Гарант. Режим доступа: https://base.garant.ru/412211080/ (дата обращения: 29.03.2026).

[4] Козаченко И. Я., Сергеев Д.Н. Нравственные основы уголовной ответственности: обзор XIV Международной научно-практической конференции памяти М.И. Ковалева // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 2. С. 29; Наумов А.В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый уголовный кодекс или новая редакция кодекса // Уголовное право. 2009. № 4. С. 44; Плаксина Т.А. Проблемы современной уголовно-правовой политики // Гражданское общество и правовое государство. 2015. Т. 1. С. 23.

[5] Ендольцева А. В., Ендольцева Ю.В., Платонова Н.И. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к de lege ferenda // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 644; Голик Ю.В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть // Lex Russica. 2014. № 12. С. 1406.

[6] Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере пенализации(депенализации): кнут или пряник? // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 45.

[7] Кудрявцев В. Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 105.

[8] Недотко Ю.В. Тенденции российской уголовно-правовой политики постсоветского периода: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 25 с.; Козаев Н.Ш. Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 17. № 1. С. 96–101, и др.

[9] Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: автореф. дис. …д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 54 с.; Лопашенко Н.А. Российская уголовная политика: поиск истины или метод проб и ошибок? (Субъективная попытка анализа и прогноза) // Российский ежегодник уголовного права.2007. № 2. С. 433–434, и др.

[10] Шеслер А.В. Понятие преступления в российском уголовном законодательстве // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2. С. 187.

[11] Бабаев М. М., Пудовочкин Ю.Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2016. № 4. С. 46.

[12] Иванов Н.Г. Модельный уголовный кодекс: Общая часть. Опус № 1: моногр. М.: ЮНИТИ; Закон и право, 2003. 143 с.

[13] Миньковский Г.М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Труды Академии МВД России. Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации ОВД. М.: Изд-во Акад. МВД РФ, 1995. С. 25–37.

чены экспертные оценки о том, что были исчерпаны все возможности для разрешения имеющихся проблем в рамках других отраслей права. Уголовно-правовой запрет, по мнению Г.Ю. Лесникова[1], за совершение деяний должен быть лишь в качестве крайней и вынужденной меры. О необходимости тщательного определения целесообразности применения криминализации и уголовно-правовой пенализации пишет в своих работах Т.Р. Сабитов[2].

Как утверждает В.А. Маслов, «криминализации должны подлежать только те деяния, которые объективно в ней нуждаются, как минимум потому, что могут причинить вред интересам и безопасности личности, общества и государства. В то же время, полагает ученый, деяния, не способные повлечь данные последствия, не нуждаются в уголовно-правовом запрете и, очевидно, должны быть декриминализованы»[3]. В связи с этим ученый полагает, что единственным основанием для криминализации деяния является наличие деяния, не находящегося под уголовно-правовым запретом, но причиняющего или способного причинить значительный вред общественным отношениям.

Соглашаясь с мнением ученого, мы также отмечаем и необходимость более четкого толкования диспозиций деяний, рассматриваемых как уголовно-наказуемые, и их разграничения с другими не уголовными правонарушениями, целесообразности проработки более детальных механизмов подмены одних рестрикционных мер за совершаемые правонарушения другими, а также разработки четких алгоритмов и регламентов, посредством которых будет обеспечена преемственность наказуемости в случаях декриминализации преступлений.

Ю.В. Грачева, А.И. Коробеев и А.И. Чучаев полагают[4], что такие свойства, как распространенность деяний и их неблагоприятная динамика, находящие отражение в их возможной общественной опасности, «должны служить скорее препятствием для их криминализации, чем сигналом к установлению уголовно-правовых запретов». По мнению ученых, это обусловлено возможными проблемами с реализацией принципа неотвратимости наказания, перегрузкой системы исполнения наказаний, погрешностями в статистических данных, искажающими криминологическую картину, представления о социальной опасности деяний и их характере.

П.А. Фефелов[5] также придерживается точки зрения, что распространенность деяний и формируемая криминологическая картина могут стать препятствиями для решения вопроса об их наказуемости.

Мы полагаем, что криминализация в современных условиях, обусловленных социальной динамикой и изменениями в общественно-политической жизни, может иметь временный, но социально обусловленный и важный характер. При устранении факторов, влияющих на криминализацию общества, а равно при изменении характера и степени влияния криминализованных деяний на общественные отношения, деяния, запрещенные уголовным законом, должны декриминализоваться.

Основным условием для декриминализации должна выступать утрата общественной опасности деянием, однако это вовсе не означает то, что деяние более не будет рассматриваться как потенциально опасное, или не способное причинить вред общественным отношениям, – оно лишь переходить в зону внимания и регулирования других отраслей права.

Имеются и риски, связанные с декриминализацией, среди которых можно выделить уголовно-правовой вакуум, сопряженный с опасностями безнаказанности за общественно опасные деяния; недостаточную проработку и взаимосвязь альтернативных механизмов достижения справедливости в связи с декриминализацией общественно опасного деяния; социального восприятия и формирования общественного мнения в связи с применением более мягких мер не уголовного характера (например, по экономическим составам преступлений).

Реализация принципа «последнего довода» лежит в междисциплинарной плоскости, и достижение целей уголовно-правовой превенции невозможно достичь только посредством применения института декриминализации и иных уголовно-правовых мер, но и через использование криминологических и административно-правовых механизмов – например, посредством института официального предостережения, ресоциализации или применения административно-преюдиционных мер.

Таким образом, мы склоняемся к мнению, что любые меры, связанные с декриминализацией деяния в качестве реализации принципа «последнего довода» должны сопровождаться укреплением альтернативных санкций и инструментов, которые могут применяться в связи с совершаемыми правонарушениями.

Проведенное исследование позволило сформировать ряд выводов.

Декриминализация является важным инструментом гуманизации действующего уголовного законодательства. Наличие альтернативных механизмов пенализации за совершенные правонарушения, дают возможность рассматривать уголовное законодательство как крайнюю меру во всех случаях, когда другие способы достижения справедливости в связи с совершенным деянием теряют свою эффективность.

Криминализация деяний зачастую имеет временный характер, то есть отражает характер и зависит от действующих на момент введения новых уголовно-правовых норм особенностей общественных отношений, оперативной обстановки и степени криминализации общества.

Декриминализация таких деяний применима в случаях снижения характера их общественной опасности, однако данный процесс может столкнуться с определенными рисками, среди которых усиление безнаказанности при отсутствии иных инструментов для обеспечения защиты нарушенных прав и свобод граждан, а также отсутствие действенных механизмов превенции. Нивелирование рисков обусловлено необходимостью экспертных оценок последствий декриминализации, законодательной проработки схем взаимодействий между правоприменителями, способных обеспечить преемственность правовых механизмов противодействия и превенции декриминализованных деяний.

Литература

1. Антонова Е.Ю. Теория опасного состояния личности и ее влияние на современное уголовное законотворчество: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 4. С. 352–360.

2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю.Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2016. № 4. С. 40–58.

3. Голик Ю. В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть // Lex Russica. 2014. № 12. С. 1399–1410.

4. Грачева Ю. В., Коробеев А.И., Чучаев А.И. Новый вид транспортного средства как моди-фицированный вариант хорошо забытого старого // Lex Russica. 2015. № 4. С. 71–80.

5. Ендольцева А. В., Ендольцева Ю.В., Платонова Н.И. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к de lege ferenda // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 641–650.

6. Иванов Н.Г. Модельный уголовный кодекс: Общая часть. Опус № 1: моногр. М.: ЮНИТИ; Закон и право, 2003. 143 с.

7. Козаев Н.Ш. Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 17. № 1. С. 96–101

8. Козаченко И. Я., Сергеев Д.Н. Нравственные основы уголовной ответственности: обзор XIV Международной научно-практической конференции памяти М.И. Ковалева // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 2. С. 24–32.

9. Корнеева А.В. Уголовная и административная преюдиция – возврат к теории опасного состояния личности? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 46–53.

10. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере пенализации(депенализации): кнут или пряник? // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 45–53.

11. Кудрявцев В. Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 103–107.

12. Лесников Г.Ю. Полинормативность уголовной политики // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 2. С. 73–76

13. Лопашенко Н.А. Российская уголовная политика: поиск истины или метод проб и ошибок? (Субъективная попытка анализа и прогноза) // Российский ежегодник уголовного права.2007. № 2. С. 433–434.

14. Маслов В.А. Общественная опасность деяния как основание криминализации (декриминализации) // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 71–85.

15. Миньковский Г.М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борь-

[1] Лесников Г.Ю. Полинормативность уголовной политики // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 2. С. 76.

[2] Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: автореф. дис. …д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 54 с.

[3] Маслов В.А. Общественная опасность деяния как основание криминализации (декриминализации) // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 75.

[4] Грачева Ю. В., Коробеев А.И., Чучаев А.И. Новый вид транспортного средства как моди-фицированный вариант хорошо забытого старого // Lex Russica. 2015. № 4. С. 74.

[5] Фефелов П.А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 103.

бы // Труды Академии МВД России. Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации ОВД. М.: Изд-во Акад. МВД РФ, 1995. С. 25–37.

16. Мирошниченко Д.В. О месте уголовной преюдиции в системе правовых преюдиций // Евразийская адвокатура. 2017. № 2(27). С. 36–38.

17. Наумов А.В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый уголовный кодекс или новая редакция кодекса // Уголовное право. 2009. № 4. С. 44–48.

18. Недотко Ю.В. Тенденции российской уголовно-правовой политики постсоветского периода: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 25 с.

19. Плаксина Т.А. Проблемы современной уголовно-правовой политики // Гражданское общество и правовое государство. 2015. Т. 1. С. 22–25.

20. Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: автореф. дис. …д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 54 с.

21. Сипягина М.Н. Судимость как квалифицирующий признак состава преступления в современном уголовном законодательстве // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 1. С. 77–81.

22. Фефелов П.А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 101–105.

23. Шеслер А.В. Понятие преступления в российском уголовном законодательстве // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2. С. 185–188.

DECRIMINALIZATION AS A TOOL FOR IMPLEMENTING THE «ULTIMA RATIO» PRINCIPLE IN MODERN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Ageyev E.G.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article discusses the current aspects of the criminalization and decriminalization of socially dangerous acts in modern criminal law. The author believes that criminal prosecution should be an extreme measure (in accordance with the principle of «ultima ratio») and should only be applied when other legal means of protection are ineffective, and that the decriminalization procedure should only be used when there are other effective mechanisms to ensure the violation of rights and freedoms and to prevent socially dangerous activities.

Keywords: ultima ratio, decriminalization, criminalization, prejudice, public danger, prevention

References

1. Antonova E. Yu. The Theory of a Dangerous State of a Person and Its Impact on Modern Criminal Lawmaking: Statement of the Problem // All-Russian Criminological Journal. 2023. Vol. 17, No. 4. Pp. 352–360.

2. Babaev M. M., Pudovochkin Yu.E. Criminology and Criminal Law: Interaction as a Way of Survival // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2016. No. 4. Pp. 40–58.

3. Golik Yu. V., Korobeev A.I. Reform of Criminal Legislation in Russia: To Be or Not to Be // Lex Russica. 2014. No. 12. Pp. 1399–1410.

4. Gracheva Yu. V., Korobeev A.I., Chuchaev A.I. A New Type of Vehicle as a Modified Version of a Well-Forgotten Old One // Lex Russica. 2015. No. 4. Pp. 71–80.

5. Endoltseva A. V., Endoltseva Yu. V., Platonova N.I. Basic Principles of Criminal Policy: From Theoretical Reasoning to De Lege Ferenda // All-Russian Criminological Journal. 2019. Vol. 13. No. 4. Pp. 641–650.

6. Ivanov N.G. Model Criminal Code: General Part. Opus No. 1: monograph. Moscow: UNITY; Law and Right, 2003. 143 p.

7. Kozaev N. Sh. The State of Criminal Policy and the Issues of Overcoming Crisis Phenomena in Criminal Law // Legal Bulletin of DSU. 2016. Vol. 17. No. 1. Pp. 96–101

8. Kozachenko I. Ya., Sergeev D.N. Moral Foundations of Criminal Liability: A Review of the XIV International Scientific and Practical Conference in Memory of M.I. Kovalev // Russian Law: Education, Practice, Science. 2017. No. 2. Pp. 24–32.

9. Korneeva A.V. Criminal and Administrative Prejudice – a Return to the Theory of a Dangerous State of an Individual? // Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century. 2023. No. 1. Pp. 46–53.

10. Korobeev A.I. Criminal-legal policy of modern Russia in the sphere of penalization (depenalization): carrot or stick? // Library of a criminalist. 2014. No. 3. Pp. 45–53.

11. Kudryavtsev V. N., Eminov V.E. Criminology and problems of decriminalization // Journal of Russian law. 2005. No. 4. Pp. 103–107.

12. Lesnikov G. Yu. Polynormativity of criminal policy // Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary. 2009. No. 2. Pp. 73–76

13. Lopashenko N.A. Russian criminal policy: search for truth or trial and error? (Subjective attempt at analysis and forecast) // Russian yearbook of criminal law. 2007. No. 2. Pp. 433–434.

14. Maslov V.A. Social danger of an act as a basis for criminalization (decriminalization) // Russian law: education, practice, science. 2022. No. 3. Pp. 71–85.

15. Minkovsky G.M. Legal policy in the fight against crime and problems of legislative regulation of this fight // Works of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Problems of formation of criminal policy of the Russian Federation and its implementation by the Internal Affairs Bodies. Moscow: Publishing house of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1995. Pp. 25–37.

16. Miroshnichenko D.V. On the place of criminal prejudice in the system of legal prejudices // Eurasian Advocacy. 2017. No. 2 (27). Pp. 36–38.

17. Naumov A.V. Problems of Codification of Russian Criminal Legislation: New Criminal Code or New Version of the Code // Criminal Law. 2009. No. 4. Pp. 44–48.

18. Nedotko Yu.V. Trends in Russian Criminal Law Policy in the Post-Soviet Period: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Chelyabinsk, 2005. 25 p.

19. Plaksina T.A. Problems of Modern Criminal Law Policy // Civil Society and the Rule of Law. 2015. Vol. 1. Pp. 22–25.

20. Sabitov T.R. Criminal Law Principles: Concept, System, and Types: Abstract of a Doctor of Law Dissertation. Yekaterinburg, 2019. 54 p.

21. Sipyagina M.N. Criminal Record as a Qualifying Feature of a Crime in Modern Criminal Legislation // Journal of Legal and Economic Research. 2017. No. 1. Pp. 77–81.

22. Fefelov P.A. Criteria for Establishing Criminal Punishability of Acts // Soviet State and Law. 1970. No. 11. Pp. 101–105.

23. Shesler A.V. The Concept of Crime in Russian Criminal Legislation // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2014. No. 2. Pp. 185–188.

Правовая природа гонорара успеха: обусловленное обязательство или алеаторная сделка

Асташов Григорий,
аспирант, ФГБУ высшего образования «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»
E-mail: griasta2015@yandex.ru

Цель исследования – определение правовой природы гонорара успеха как вознаграждения представителя, обусловленного результатом оказания юридической помощи. Методология исследования включает формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также метод анализа действующего законодательства и судебной практики. В статье рассматриваются три доктринальные квалификации данного института: как обусловленного исполнения обязательства (ст. 327.1 ГК РФ), как условной сделки (ст. 157 ГК РФ) и как алеаторной (рисковой) сделки. Результаты. На основе анализа позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и доктринальных подходов обосновывается вывод о том, что гонорар успеха представляет собой обусловленное обязательство sui generis, сочетающее четыре квалифицирующих признака: обусловленность результатом, синаллагматическую связь с оказанными услугами, стимулирующую функцию и механизм распределения предпринимательского риска. Сформулированы предложения de lege ferenda: введение в гражданское законодательство нормы-дефиниции гонорара успеха, распространение его правового режима на всех субъектов, оказывающих юридические услуги, а не только на адвокатов, и закрепление критериев судебного контроля за разумностью получения специалистами гонорара успеха.

Ключевые слова: адвокат, юрист, гонорар успеха, обусловленное исполнение обязательства, условная сделка, алеаторная сделка, потестативные условия, договор возмездного оказания услуг, судебные расходы, адвокатское вознаграждение.

Введение

Институт гонорара успеха – вознаграждения представителя, размер которого обусловлен результатом оказания юридической помощи, – на протяжении более чем двух десятилетий остаётся одним из наиболее дискуссионных в российской цивилистике.

Законодательное закрепление данного института в п. 4.1 ст. 25 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 02.12.2019 № 400-ФЗ) не устранило фундаментальной неопределённости в вопросе о правовой природе такого вознаграждения.

Между тем квалификация гонорара успеха имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. От того, рассматривается ли он как обусловленное исполнение обязательства (ст. 327.1 ГК РФ), условная сделка (ст. 157 ГК РФ) или алеаторная (рисковая) сделка, напрямую зависят возможность его принудительного взыскания с заказчика, допустимость включения в состав судебных расходов, а также пределы судебного контроля за его размером.

Актуальность данного исследования усиливается новейшей судебной практикой. Конституционный Суд РФ в определениях 2025 г. (№ 2378-О и № 2450-О) подтвердил, что право на гонорар успеха реализовано законодателем лишь в отношении адвокатов по гражданским делам, а Верховный Суд РФ в определении от 05.02.2026 по делу № А40–5833/2024 обратился к проблеме согласования условия о гонораре успеха.

Эти позиции высших судов вновь ставят вопрос о квалификации исследуемого института.

Целью настоящей статьи является определение правовой природы гонорара успеха на основании комплексного анализа нормативного регулирования, доктринальных подходов и судебной практики, а также формулирование предложений.

Понятие и становление гонорара успеха в российском праве

Действующее российское законодательство не содержит легального определения понятия «гонорар успеха». Несмотря на то, что ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», по сути, не использует напрямую термин «гонорар успеха», закрепленные положения фактически его описывают и разрешают.

В доктрине и судебной практике под ним понимается вознаграждение, которое уплачивается представителю (адвокату, юристу) за уже оказанные услуги при условии, что они привели к достижению определённого результата – как правило, к принятию судебного акта в пользу доверителя [7].

Процесс становления правового регулирования данного института в России характеризуется колебаниями между запретом и легализацией.

В п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29.09.1999 N 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг», указано на невозможность удовлетворения требований исполнителя, если договором предусмотрены условия о вознаграждении, зависящем от решения суда, которое будет принято в будущем [6]. Фактически соглашения о гонораре успеха были приравнены к натуральным обязательствам, лишённым судебной защиты.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 23.01.2007 № 1-П сформулировал правовую позицию, согласно которой деятельность государственных органов не может быть предметом частноправового регулирования, а судебное решение не может выступать ни объектом гражданских прав, ни предметом гражданско-правового договора [3].

Данная позиция долгое время воспринималась как запрет гонорара успеха. Вместе с тем следует отметить, что Конституционны Суд прямо указал на право законодателя урегулировать этот вопрос.

Примечательны и особые мнения судей. Например, Н.С. Бондарь ставил риторический вопрос о том, является ли право на «гонорар успеха» «отложенным» правом, рассчитанным на иной уровень зрелости правовой системы, а Г.А. Гаджиев допускал его по отдельным категориям дел [4].

Переломным стал 2019 год, когда Верховный Суд РФ в определении от 26.09.2019 № 309-ЭС19–14931 подтвердил законность взыскания гонорара успеха в полном объёме [8].

В том же году Федеральным законом от 02.12.2019 № 400-ФЗ в ст. 25 Закона об адвокатуре введён п. 4.1, допускающий включение в адвокатское соглашение условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи по гражданским делам.

Таким образом, гонорар успеха получил нормативное закрепление, однако лишь для адвокатов и лишь по гражданским делам, что установило проблему правового неравенства субъектов оказания юридических услуг [5].

Гонорар успеха как обусловленное исполнение обязательства (ст. 327.1 ГК РФ)

Статья 327.1 ГК РФ, введённая Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ, предусматривает, что исполнение обязанностей по договорному обязательству может быть обусловлено совершением или несовершением одной из сторон определённых действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон [1].

Данная норма открыла возможность для квалификации гонорара успеха в качестве обусловленного обязательства: обязанность заказчика уплатить дополнительное вознаграждение обусловлена наступлением определённого результата. В рассматриваемом случае речь идет о положительном исходе дела.

В пользу такой квалификации свидетельствует то, что само обязательство по оплате юридических услуг уже существует к моменту заключения договора.

Условие о гонораре успеха лишь определяет момент и предпосылку для исполнения дополнительной обязанности – уплаты повышенного (бонусного) вознаграждения. Иными словами, обязательство возникает из договора, а наступление результата является условием его исполнения, но не условием возникновения правоотношения как такового [11].

Вместе с тем данная квалификация порождает ряд вопросов.

Во-первых, каков характер условия, обусловливающего исполнение. А.Г. Карапетов выделяет случайные условия (зависящие от внешних обстоятельств), потестативные (зависящие от воли стороны) и смешанные (зависящие от воли стороны и внешних обстоятельств) [16]. Условие о гонораре успеха не является ни чисто случайным, ни чисто потестативным: результат юридической помощи зависит одновременно от качества работы представителя, от процессуального поведения оппонента, от правовой позиции суда и от множества иных факторов.

Следовательно, перед нами смешанное условие, что делает его допустимым с позиций ст. 327.1 ГК РФ.

Во-вторых, актуален вопрос о соотношении гонорара успеха с конструкцией встречного исполнения (ст. 328 ГК РФ).

И.В. Выймов убедительно обосновывает, что обязательство по уплате гонорара успеха опосредует экономический обмен: заказчик выплачивает его именно потому, что исполнитель совершил определённые действия, приведшие к положительному результату.

Взаимообусловленность исполнений – ключевой признак встречного обязательства, который здесь на лицо [13]. Практическое значение такой квалификации состоит в возможности применения механизмов ст. 328 ГК РФ: приостановления исполнения, отказа от обязательства, возмещения убытков при предвидимом нарушении.

Однако Конституционный Суд РФ в определениях 2025 г. подтвердил, что нормы ГК РФ не предполагают удовлетворения требований исполнителя о выплате вознаграждения, если его размер поставлен в зависимость от судебного решения, которое будет принято в будущем, – за исключением случаев, прямо предусмотренных законом (п. 4.1 ст. 25 Закона об адвокатуре) [5].

Это означает, что даже при квалификации через ст. 327.1 ГК РФ судебная защита права на гонорар успеха остаётся ограниченной для лиц, не имеющих адвокатского статуса.

Гонорар успеха как условная сделка (ст. 157 ГК РФ)

Альтернативной квалификацией является рассмотрение соглашения о гонораре успеха как сделки, совершённой под отлагательным условием (п. 1 ст. 157 ГК РФ). При таком подходе права и обязанности сторон по уплате и получению гонорара возникают лишь при наступлении определённого обстоятельства – положительного результата оказания юридической помощи [10].

Пленум Верховного Суда РФ в абз. 2 п. 52 Постановления от 23.06.2015 № 25 разъяснил, что положения п. 3 ст. 157 ГК РФ допускают совершение сделок под отлагательным или отменительным условием, зависящим от поведения одной из сторон. При этом перечень таких потестативных условий не является исчерпывающим, что даёт основания рассматривать судебный акт как юридически значимое обстоятельство, способное выступать условием сделки. Данный подход разделяется и в доктрине гражданского права [19].

Разграничение условной сделки и обусловленного исполнения обязательства является одним из наиболее сложных вопросов российской цивилистики. Как справедливо отмечает И.З. Аюшеева, при условной сделке (ст. 157 ГК РФ) под условие поставлено возникновение или прекращение прав и обязанностей в целом, тогда как при обусловленном исполнении (ст. 327.1 ГК РФ) обязательство уже существует, а обусловлен лишь момент его исполнения [11].

Применительно к гонорару успеха разграничение зависит от конструкции конкретного договора: если стороны установили, что право на дополнительное вознаграждение возникает при наступлении результата, это ближе к условной сделке; если же обязательство по уплате существует, но его исполнение обусловлено результатом, – к обусловленному исполнению.

Существенным препятствием для квалификации в качестве условной сделки является классическая проблема потестативности. Традиционный подход, восходящий к дореволюционной доктрине, рассматривал в качестве условия только события, не зависящие от воли сторон. Однако, как показал А.Г. Карапетов, доктрина условных сделок в России долгое время находилась «в зачаточном состоянии», и современное гражданское право допускает потестативные и смешанные условия [15].

Статья 327.1 ГК РФ прямо предусматривает возможность обусловить исполнение обстоятельствами, «полностью зависящими от воли одной из сторон».

Тем не менее применительно к гонорару успеха условие является не потестативным, а смешанным: результат дела зависит не только от действий представителя (исполнителя), но и от усмотрения суда – то есть от действий третьего лица, не являющегося стороной договора. Это обстоятельство снимает основную проблему потестативности, но порождает иную: допустимо ли ставить имущественные последствия договора в зависимость от акта государственного органа? Именно этот вопрос являлся центральным в Постановлении КС РФ от 23.01.2007 № 1-П, и ответ на него был отрицательным.

Таким образом, квалификация гонорара успеха как условной сделки по ст. 157 ГК РФ теоретически возможна, но практически ограничена правовой позицией Конституционного Суда. Она допустима в тех случаях, когда результат связан не с судебным решением, а с иным исходом (например, с заключением мирового соглашения, с результатом переговоров, с достижением внесудебного урегулирования).

Гонорар успеха как алеаторная (рисковая) сделка

Третий подход, исторически наиболее распространённый в ранней судебной практике, состоит в квалификации соглашения о гонораре успеха как алеаторной (рисковой) сделки – разновидности игр и пари (гл. 58 ГК РФ).

Именно эта квалификация лежала в основе отказа в судебной защите права на гонорар успеха: поскольку обязательства из игр и пари, по общему правилу, не подлежат судебной защите (ст. 1062 ГК РФ), исполнитель не мог принудительно взыскать обусловленное вознаграждение [6].

Алеаторные (от лат. alea – жребий) сделки характеризуются тем, что размер или сам факт предоставления зависит от обстоятельства, которое неизвестно сторонам в момент заключения договора, причём это обстоятельство носит случайный характер.

Классическими примерами являются договоры страхования (гл. 48 ГК РФ), пари и игры. Элемент алеаторности в соглашении о гонораре успеха действительно присутствует: ни представитель, ни доверитель не могут гарантировать положительный исход дела, и обе стороны принимают на себя определённый риск.

Однако отождествление гонорара успеха с алеаторной сделкой представляется необоснованным по ряду причин.

Во-первых, в отличие от игр и пари, соглашение о гонораре успеха предполагает реальное встречное предоставление – оказание юридических услуг. Представитель совершает конкретные профессиональные действия: анализирует материалы дела, подготавливает процессуальные документы, участвует в судебных заседаниях. Результат, хотя и не гарантирован, находится в причинно-следственной связи с его деятельностью [14].

Во-вторых, в алеаторной сделке обогащение одной стороны происходит за счёт другой без создания новой ценности. В случае же с гонораром успеха представитель своими действиями создаёт правовой результат (присуждение, защита права), который имеет самостоятельную экономическую ценность для заказчика.

Как справедливо отмечает Р.Г. Мельниченко, гонорар успеха выполняет функцию дополнительного стимулирования представителя

и одновременно является критерием оценки качества оказанных услуг [17]. Лишение представителя возможности получить такое вознаграждение порождает уравнительность в оплате юридических услуг и снижает мотивацию к достижению наилучшего результата.

В-третьих, квалификация в качестве алеаторной сделки противоречит общей тенденции развития законодательства. Легализация гонорара успеха для адвокатов (п. 4.1 ст. 25 Закона об адвокатуре) была бы невозможна, если бы законодатель рассматривал его как разновидность пари. Само введение данной нормы свидетельствует о том, что гонорар успеха признаётся правомерным инструментом частноправового регулирования, а не азартной сделкой.

Таким образом, алеаторная квалификация, сыгравшая свою роль на раннем этапе формирования судебной практики, в настоящее время должна быть отвергнута как не соответствующая ни природе отношений по оказанию юридических услуг, ни направленности законодательного регулирования.

Гонорар успеха как обусловленное обязательство

Анализ трёх рассмотренных квалификаций показывает, что ни одна из них не описывает правовую природу гонорара успеха исчерпывающим образом.

Обусловленное исполнение по ст. 327.1 ГК РФ наиболее близко, но не учитывает стимулирующую функцию вознаграждения. Условная сделка по ст. 157 ГК РФ применима лишь ограниченно. Алеаторная квалификация не соответствует существу отношений вовсе.

Представляется, что гонорар успеха являет собой обусловленное обязательство sui generis, обладающее следующими квалифицирующими признаками.

Первый признак – обусловленность результатом. Обязанность уплатить гонорар возникает или становится подлежащей исполнению лишь при наступлении определённого результата. Этот признак роднит гонорар успеха с конструкцией ст. 327.1 ГК РФ и отличает его от обычного фиксированного вознаграждения по договору возмездного оказания услуг (ст. 779, 781 ГК РФ).

Второй признак – сохранение синаллагматической связи. Несмотря на обусловленность, гонорар успеха неразрывно связан с реально оказанными услугами. Он не является «вознаграждением за решение суда» – он является вознаграждением за квалифицированные действия представителя, которые привели к результату. Именно этот аспект подчёркивают современные суды: взыскание допускается при условии, что представитель добросовестно исполнил договорные обязательства [9].

Третий признак – стимулирующая функция. Гонорар успеха выполняет задачу согласования экономических интересов доверителя и представителя: представитель мотивирован на достижение максимально благоприятного для доверителя результата, поскольку от этого зависит его вознаграждение. Эта функция не характерна ни для обычного обусловленного исполнения, ни тем более для алеаторных сделок.

Четвёртый признак – распределение предпринимательского риска. Представитель принимает на себя риск неполучения дополнительного вознаграждения в случае неблагоприятного исхода дела, а доверитель – риск уплаты повышенного вознаграждения при благоприятном исходе. Такое распределение является рациональным и экономически обоснованным, особенно в ситуациях, когда доверитель не располагает средствами для полной предоплаты юридических услуг [12].

Именно совокупность этих четырёх признаков позволяет говорить о самостоятельной правовой природе гонорара успеха, не сводимой к имеющимся нормативным конструкциям.

Законодательное определение данного института должно учитывать все указанные признаки и закреплять гонорар успеха как особую форму вознаграждения по договору возмездного оказания юридических услуг.

В связи с этим представляется необходимым сформулировать ряд предложений.

Во-первых, целесообразно введение в Гражданский кодекс РФ нормы, определяющей понятие гонорара успеха как вознаграждения за оказание юридических услуг, размер или факт уплаты которого обусловлен достижением определённого результата.

Во-вторых, режим гонорара успеха должен быть распространён на всех лиц, оказывающих юридические услуги, а не только на адвокатов: текущая ситуация создаёт необоснованную дифференциацию правового положения субъектов, оказывающих, по существу, одинаковые услуги [18].

В-третьих, следует законодательно закрепить критерии разумности гонорара успеха, которые суд вправе применять при разрешении споров о его размере.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Гонорар успеха прошёл в российском праве путь от de facto запрещённого института (Информационное письмо ВАС РФ 1999 г., Постановление КС РФ 2007 г.) до законодательно закреплённого – хотя и в ограниченном объёме – инструмента вознаграждения представителя (п. 4.1 ст. 25 Закона об адвокатуре, 2019 г.). Однако вопрос о его правовой природе остаётся доктринально нерешённым.

Квалификация гонорара успеха как обусловленного исполнения обязательства (ст. 327.1 ГК РФ) является наиболее обоснованной с точки зрения действующего законодательства и объясняет механизм возникновения обязанности по уплате вознаграждения.

Квалификация в качестве условной сделки (ст. 157 ГК РФ) допустима, но ограничена правовой позицией Конституционного Суда РФ.

Алеаторная квалификация должна быть отвергнута как не соответствующая существу отношений.

Вместе с тем ни одна из существующих нормативных конструкций не описывает правовую природу гонорара успеха исчерпывающим образом.

Гонорар успеха представляет собой обусловленное обязательство, сочетающее четыре квалифицирующих признака: обусловленность результатом, синаллагматическую связь с оказанными услугами, стимулирующую функцию и механизм распределения предпринимательского риска.

Совершенствование правового регулирования данного института требует введения в гражданское законодательство нормы-дефиниции, распространения режима гонорара успеха на всех субъектов, оказывающих юридические услуги, и закрепления критериев судебного контроля за разумностью вознаграждения.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 6. – Ст. 828.
4. Особые мнения судей КС РФ Н.С. Бондаря и Г.А. Гаджиева к Постановлению КС РФ от 23.01.2007 № 1-П // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 6.
5. Определения Конституционного Суда РФ от 2025 г. №№ 2378-О и 2450-О // СПС «КонсультантПлюс».
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.09.1999 № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг» // Вестник ВАС РФ. – 1999. – № 11.
7. Определение Верховного Суда РФ от 25.05.2015 № 302-КГ15–2312 по делу № А78–5912/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Верховного Суда РФ от 26.09.2019 № 309-ЭС19–14931 по делу № А76–26478/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Верховного Суда РФ от 05.02.2026 по делу № А40–5833/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Агеев, А.В. Проблемы регулирования потестативных условий / А.В. Агеев // Вестник экономического правосудия РФ. – 2015. – № 1. – С. 84–106; № 2. – С. 39–87.
11. Аюшеева, И.З. Обусловленное исполнение обязательства в гражданском праве Российской Федерации / И.З. Аюшеева // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 7 (80). – С. 59–66.
12. Бычков, А.И. Инструменты судебного финансирования / А.И. Бычков // Экономико-правовой бюллетень. – 2019. – № 3.
13. Выймов, И. В. К вопросу о признании исполнения обязательства по уплате гонорара успеха встречным / И.В. Выймов // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 3 (72).
14. «Гонорар успеха»: правовая и этическая природа // Евразийская адвокатура. – URL: https://sciup.org/gonorar-uspehapravovaja-i-jeticheskaja-priroda-140249653 (дата обращения: 01.04.2026).
15. Карапетов, А.Г. Зависимость условия от воли сторон условной сделки в контексте реформы гражданского права / А.Г. Карапетов // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 7.
16. Карапетов, А.Г. Условные права и обязанности: обзор проблемных вопросов применения ст. 157 и 327.1 ГК РФ / А.Г. Карапетов // Вестник экономического правосудия РФ. – 2017. – № 6. – С. 71–128.
17. Мельниченко, Р.Г. Достоинства и недостатки гонорара успеха / Р.Г. Мельниченко // Адвокат. – 2006. – № 10.

18. Михалевич, Е.В. Взыскание гонорара успеха в качестве судебных расходов: подходы в практике арбитражных судов / Е.В. Михалевич // Адвокатская практика. – 2025. – № 4.

19. Хабриева, Т.Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2023. – 384 с.

THE LEGAL NATURE OF A SUCCESS FEE: A CONDITIONAL OBLIGATION OR AN ALEATORY TRANSACTION

Astashov G.
Novosibirsk State University of Economics and Management

The purpose of this study is to determine the legal nature of a success fee as a representative's remuneration conditioned on the outcome of legal assistance provided. The research methodology includes formal legal and comparative legal methods, as well as an analysis of current legislation and judicial practice. The article examines three doctrinal classifications of this institution: as a conditional performance of an obligation (Article 327.1 of the Civil Code of the Russian Federation), as a conditional transaction (Article 157 of the Civil Code of the Russian Federation), and as an aleatory (risky) transaction. Results. Based on an analysis of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, and doctrinal approaches, the conclusion is made that a success fee is a sui generis conditional obligation that combines four qualifying features: conditioned on the outcome, A synallagmatic connection with the services rendered, an incentive function, and a mechanism for distributing entrepreneurial risk. Proposals are formulated: introducing a definitional rule for success fees into civil law, extending its legal regime to all entities providing legal services, not just attorneys, and establishing criteria for judicial review of the reasonableness of success fees received by professionals.

Keywords: attorney, lawyer, success fees, conditional performance of an obligation, conditional transaction, aleatory transaction, potestative terms, contract for the provision of services for a fee, legal costs, attorney's fees.

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 24, 2023) // SPS ConsultantPlus.

2. Federal Law of May 31, 2002, No. 63-FZ "On Advocacy Activity and the Bar in the Russian Federation" (as amended on April 22, 2024) // SPS ConsultantPlus.

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 23, 2007, No. 1-P // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 6. – Art. 828.

4. Dissenting opinions of judges of the Constitutional Court of the Russian Federation N.S. Bondar and G.A. Gadzhiev to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.01.2007 No. 1-P // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 6.

5. Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2025 Nos. 2378-O and 2450-O // SPS "ConsultantPlus".

6. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 29.09.1999 No. 48 "On certain issues of judicial practice arising during the consideration of disputes related to contracts for the provision of legal services" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 1999. – No. 11.

7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 25, 2015 No. 302-KG15–2312 in case No. A78–5912/2013 // SPS "ConsultantPlus".

8. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 26, 2019 No. 309-ES19–14931 in case No. A76–26478/2018 // SPS "ConsultantPlus".

9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 5, 2026 in case No. A40–5833/2024 // SPS "ConsultantPlus".

10. Ageyev, A.V. Problems of Regulating Potestative Conditions / A.V. Ageyev // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2015. – No. 1. – Pp. 84–106; No. 2. – Pp. 39–87.

11. Ayusheeva, I.Z. Conditional Performance of an Obligation in the Civil Law of the Russian Federation / I.Z. Ayusheeva // Current Issues of Russian Law. – 2017. – No. 7 (80). – Pp. 59–66.

12. Bychkov, A.I. Instruments of Judicial Financing / A.I. Bychkov // Economic and Legal Bulletin. – 2019. – No. 3.

13. Vyymov, I.V. On the Issue of Recognizing the Fulfillment of the Obligation to Pay a Success Fee as a Counter-Fee / I.V. Vyymov // Business. Education. Law. – 2025. – No. 3 (72).

14. "Success Fee": Legal and Ethical Nature // Eurasian Advocacy. – URL: https://sciup.org/gonorar-uspehapravovaja-i-jeticheskaja-priroda-140249653 (date of access: 01.04.2026).

15. Karapetyan, A.G. Dependence of the Condition on the Will of the Parties to a Conditional Transaction in the Context of Civil Law Reform / A.G. Karapetyan // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2009. – No. 7.

16. Karapetyan, A.G. Conditional Rights and Obligations: A Review of Problematic Issues of Applying Articles 157 and 327.1 of the Civil Code of the Russian Federation / A.G. Karapetyan // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2017. – No. 6. – P. 71–128.

17. Melnichenko, R.G. Advantages and Disadvantages of Success Fees / R.G. Melnichenko // Advocate. – 2006. – No. 10.

18. Mikhalevich, E.V. Collection of Success Fees as Legal Costs: Approaches in the Practice of Arbitration Courts / E.V. Mikhalevich // Advocate Practice. – 2025. – No. 4.

19. Khabrieva, T. Ya. Doctrinal Foundations of the Practice of the Supreme Court of the Russian Federation: monograph / T. Ya. Khabrieva, A.I. Kovler, R.A. Kurbanov; ed. T. Ya. Khabrieva. – Moscow: NORMA: INFRA-M, 2023. – 384 p.

Криминологическая характеристика личности участника незаконного вооруженного формирования: современные тенденции, детерминанты и направления профилактики

Атаев Эльдар Мавлетгереевич,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридического института ДГУ; федеральный судья Советского районного суда г. Махачкалы

Магомедов Темирлан Магомед-Саидович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института ДГУ

В статье представлено комплексное криминологическое исследование личности участника незаконного вооружённого формирования (НВФ) применительно к условиям 2022–2025 гг. На основе анализа официальной судебной статистики, данных правоохранительных органов, результатов психолого-психиатрических экспертиз и социологических опросов, проведённых в Северо-Кавказском, Южном и Приволжском федеральных округах, выявлены ключевые социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые характеристики. Установлены современные тенденции: омоложение участников (средний возраст – 23–24 года), рост доли лиц с высшим образованием (до 33%), доминирование корыстной мотивации (более 42%), феминизация, виртуализация вербовки (более 80% случаев), транснационализация участия. Проанализированы детерминанты вовлечения с учётом социально-экономических, политико-правовых, идеологических и психологических факторов. Предложена научно обоснованная система мер профилактики, дифференцированная по уровням воздействия, с акцентом на дерадикализацию и ресоциализацию. Обоснована необходимость межведомственного подхода и использования цифровых технологий в противодействии вовлечению в НВФ.

Ключевые слова: личность преступника, незаконное вооружённое формирование, криминологическая характеристика, детерминанты преступности, профилактика терроризма, мотивация участия, ресоциализация, дерадикализация.

Противодействие организации незаконных вооружённых формирований (НВФ) и участию в них является одной из приоритетных задач государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности. Эффективность этой работы напрямую зависит от глубины научного познания личности участника НВФ, поскольку именно личностные характеристики детерминируют преступное поведение, выбор способов совершения преступления, устойчивость криминальной установки и, что особенно важно, определяют возможности профилактического воздействия. Как справедливо отмечает А.И. Долгова, «личность преступника – это ядро криминологического исследования, без познания которого любые меры профилактики обречены на неэффективность» [2, с. 57].

В последние годы феномен НВФ в России претерпел существенную трансформацию. Если в 1990-е – 2000-е годы участники таких формирований ассоциировались преимущественно с идеологически мотивированными боевиками, действовавшими в условиях вооружённого конфликта на Северном Кавказе, то в настоящее время спектр мотивов, социальных характеристик и механизмов вовлечения стал значительно более разнообразным. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, количество осуждённых по ст. 208 УК РФ остаётся стабильно высоким: 2022 г. – 398, 2023 г. – 411, 2024 г. – 386, первый квартал 2025 г. – 98 [1]. При этом качественный портрет осуждённого меняется: увеличивается доля молодёжи до 25 лет, лиц с высшим образованием, а также лиц, ранее не привлекавшихся к уголовной ответственности. Указанные изменения требуют пересмотра теоретических подходов к изучению личности участника НВФ и выработки новых, научно обоснованных мер профилактики, адекватных современным вызовам.

Цель настоящей статьи – на основе эмпирических данных за 2022–2025 гг. представить комплексную криминологическую характеристику личности участника НВФ, выявить актуальные тенденции и детерминанты вовлечения, а также предложить научно обоснованные направления профилактики, включая механизмы дерадикализации и ресоциализации.

Анализ официальной статистики и экспертных данных за 2022–2025 гг. позволяет констатировать сохранение и углубление ряда тенденций в социально-демографическом портрете участников НВФ. Гендерная структура остаётся преимущественно мужской: доля мужчин составляет 95,2%. Однако устойчиво растёт доля женщин, привлекаемых к ответственности по ст. 208 УК РФ: если в 2020 г. она составляла 2,1%, то в 2024 г. достигла 4,8% [1; 3]. Одновременно меняется характер женского участия: если ранее женщины выступали в роли пособниц, связных или жён участников, то в последние годы фиксируются случаи их непосредственного участия в боевых действиях, а также выполнения функций вербовщиц в цифровой среде. Данный процесс, определяемый в криминологии как «феминизация терроризма», связан, по мнению Ю.М. Антоняна, с кризисом традиционных гендерных ролей и использованием женщинами психологического эффекта неожиданности [4, с. 178]. Кроме того, женщины чаще становятся объектами вербовки через социальные сети, где им предлагаются роли «сестёр» или «помощниц», что постепенно приводит к их полной криминализации.

Возрастные характеристики демонстрируют дальнейшее омоложение контингента. Наиболее криминогенной группой остаются лица в возрасте 18–25 лет, составляющие 46% от общего числа осуждённых. Средний возраст участника НВФ за последние три года снизился с 26 до 23,5 лет. Особую тревогу вызывает вовлечение несовершеннолетних: в 2022 г. зафиксировано 3 случая участия лиц в возрасте 14–15 лет, в 2023 г. – 5, в 2024 г. – 7 [1]. Экспертные опросы сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних указывают, что реальное число подростков, вовлечённых в деструктивную активность (включая дистанционное участие), может быть выше официальных данных, поскольку многие случаи выявляются на стадии подготовки преступления и не всегда влекут возбуждение уголовного дела. В.В. Лунеев справедливо квалифицирует омоложение контингента участников НВФ как «тревожный сигнал, свидетельствующий о провалах в работе с молодёжью» [5, с. 212].

Образовательный уровень участников НВФ за последние годы претерпел значительные изменения. Если в начале 2010-х годов доля лиц с высшим образованием среди осуждённых по ст. 208 УК РФ составляла около 14%, то в 2024 г. она достигла 33% [1; 6]. При этом наиболее распространёнными специальностями являются технические (инженеры, программисты – 18%), юридические (8%) и педагогические (6%). Рост числа образованных участников объясняется несколькими факторами. Во-первых, вербовочные структуры целенаправленно ориентируются на специалистов, обладающих навыками работы с цифровыми технологиями (криптография, администрирование закрытых каналов, использование криптовалют). Во-вторых, в условиях распространения радикальной идеологии через интернет образованные лица нередко становятся проводниками идеологических нарративов, что придаёт им дополнительный авторитет в глазах рекрутируемых. Как отмечают Е.Н. Минченко и А.М. Смирнов, «интеллектуализация терроризма требует от правоохранительных органов повышения собственного профессионального уровня, особенно в сфере информационных технологий» [6, с. 60].

Семейное положение и род занятий также претерпели изменения. Доля лиц, состоящих в браке, снизилась до 42%, что коррелирует с общим омоложением контингента. Высоким остаётся уровень безработицы среди участников НВФ: около 37% не имели легального источника дохода на момент совершения преступления. В то же время около 22% имели постоянную работу, что опровергает стереотип об исключительно маргинальном происхождении участников. Ранее судимы лишь 18% осуждённых, причём большинство из них – за преступления, не связанные с террористической деятельностью. Отсутствие предшествующего криминального опыта затрудняет раннее выявление лиц, склонных к вовлечению, и требует совершенствования профилактической работы на уровне первичной социализации.

Мотивационная структура участия в НВФ является одним из наиболее динамичных элементов криминологической характеристики. На основе анализа материалов психолого-психиатрических экспертиз и экспертных опросов выделены основные мотивы, актуальные для современного этапа. Идеологическая (религиозная) мотивация, ранее доминировавшая (до 70% в 2000-е гг.), в настоящее время составляет около 30–33%. Её снижение обусловлено несколькими причинами: разочарованием части сторонников в эффективности вооружённой борьбы, усилением контрпропагандистской работы, а также трансформацией самих НВФ в сторону коммерциализации. Однако в отдельных регионах (Северный Кавказ, Поволжье) идеологическая составляющая сохраняет значимость, особенно среди молодёжи, подверженной влиянию радикальных проповедников в цифровой среде. По мнению Ю.М. Антоняна, «идеологический фанатизм часто выступает как форма психологической защиты, позволяющая оправдать агрессию» [4, с. 201]. В психологическом плане носители идеологической мотивации характеризуются ригидностью мышления, высокой степенью внушаемости, склонностью к бинарному восприятию мира.

Корыстная мотивация вышла на первое место, составляя 43–45% от общего числа случаев. Участие в НВФ рассматривается как источник стабильного дохода: размер вознаграждения может достигать 300 тыс. рублей в месяц в зависимости от выполняемых задач (охрана объектов, участие в боевых действиях, контрабанда). Коммерциализация НВФ, о которой пишет А.И. Долгова, «делает его более устойчивым, поскольку создаёт экономическую заинтересованность участников» [2, с. 289]. Для лиц с корыстной мотивацией характерны прагматизм, цинизм, расчётливость, низкий уровень эмпатии. Они часто рассматривают участие в НВФ как временную «работу», что, однако, не снижает общественной опасности их деяний.

Корпоративно-клановый мотив сохраняет значение в регионах с традиционной родоплеменной структурой (Северный Кавказ, некоторые регионы Сибири). Он составляет около 12–15% и проявляется в вовлечении целых семейных групп, когда участие в НВФ становится своего рода «обязанностью» перед родом или старшими. Психологическая зависимость и самоутверждение как мотивы фиксируются у 18–20% участников, преимущественно молодого возраста. Для этой группы характерны низкая самооценка, потребность в принадлежности к сильной группе, склонность к рискованному поведению. Экспертные психологические оценки показывают, что до 25% участников НВФ имеют выраженные акцентуации характера (возбудимый, истероидный, неустойчивый типы), а в 26% случаев выявляются психические аномалии, не исключающие вменяемости (расстройства личности, посттравматические стрессовые расстройства, лёгкая умственная отсталость). Вынужденное участие (под угрозой физической расправы, шантажа) остаётся наименее распространённым (менее 5%), однако его доля имеет тенденцию к росту в связи с ужесточением методов контроля со стороны организаторов НВФ, которые используют круговую поруку и удержание заложников из числа родственников.

Совокупность приведённых характеристик позволяет выделить ключевые тенденции, определяющие облик современного участника НВФ. Первая и наиболее значимая тенденция – омоложение контингента и системное вовлечение несовершеннолетних. Средний возраст снизился до 23–24 лет, а случаи участия подростков 14–15 лет, зафиксированные в официальной статистике, свидетельствуют о необходимости внедрения специализированных программ ранней профилактики в образовательной среде.

Вторая тенденция – феминизация и изменение гендерных ролей. Доля женщин возросла до 4,8%, при этом их функции расширились от пособничества до выполнения боевых задач и вербовки. Женщины чаще используют цифровые каналы для распространения радикальной идеологии, что делает их менее заметными для традиционных методов оперативно-разыскной деятельности.

Третья тенденция – интеллектуализация и цифровая компетентность. Рост числа участников с высшим образованием (33%) и техническими навыками способствует повышению латентности НВФ. Широкое применение шифрования, криптовалют, беспилотных летательных аппаратов и закрытых мессенджеров создаёт новые вызовы для правоохранительной системы, требующие адекватного технического и кадрового обеспечения.

Четвёртая тенденция – коммерциализация и смещение мотивов. Корыстная мотивация доминирует (более 42%), что меняет структуру НВФ: они всё чаще функционируют как гибридные структуры, сочетающие боевую деятельность с незаконным оборотом оружия, наркотиков, контрабандой и вымогательством. Такая трансформация снижает значение идеологических сдерживающих факторов и делает участие в НВФ более прагматичным.

Пятая тенденция – виртуализация вербовки. По экспертным оценкам, в 80–85% случаев первичный контакт с вербовщиком происходит через интернет (Telegram, Signal, закрытые форумы). Используются технологии таргетированной рекламы, создание «воронок вовлечения», психологические манипуляции на основе личных данных, собранных в социальных сетях. Это требует от правоохранительных органов не только технического, но и аналитического превосходства.

Шестая тенденция – транснационализация. Участие российских граждан в НВФ за рубежом (Сирия, Украина, страны Африки) за 2022–2024 гг., по данным МВД РФ, превысило 500 человек [7]. Возвращение таких лиц создаёт дополнительные риски, связанные с распространением боевого опыта, посттравматическими расстройствами и необходимостью реинтеграции, для которой в настоящее время отсутствует единая межведомственная система.

Факторный анализ с учётом данных 2022–2025 гг. позволяет систематизировать детерминанты вовлечения в несколько взаимосвязанных групп. Социально-экономические детерминанты включают безработицу среди молодёжи (в отдельных регионах Северного Кавказа достигает 25–30%), низкий уровень доходов, жилищную неустроенность, отсутствие социальных лифтов. Как подчёркивает В.В. Лунеев, «материальная нестабильность создаёт питательную среду для вовлечения в преступные структуры, в том числе вооружённые» [5, с. 142]. Пандемия и последующие экономические ограничения усугубили эти факторы, особенно в монорегионах.

Политико-правовые детерминанты выражаются в ослаблении государственной власти на местах, коррупции, недоверии к правоохранительной системе, а также в затяжных вооружённых конфликтах на постсоветском пространстве, которые создают благоприятный фон для легитимации насилия в глазах части населения. В условиях информационной войны радикальные структуры активно используют нарративы о «несправедливости» существующего порядка.

Идеологические и религиозные детерминанты связаны с распространением радикальных идеологий через интернет-платформы, отсутствием единой государственной политики в сфере религиозного просвещения, слабостью традиционных религиозных институтов в противодействии экстремизму. По данным Роскомнадзора, ежегодно блокируется более 200 тыс. материалов террористического содержания, однако создание новых каналов происходит быстрее, чем их блокировка.

Психологические детерминанты включают кризис идентичности, характерный для молодёжи в условиях быстрых социальных изменений; потребность в принадлежности к группе; отсутствие позитивных жизненных ориентиров; низкую стрессоустойчивость. Вербовщики активно используют методы нейролингвистического программирования, постепенную радикализацию через «дружеское» общение, апелляцию к чувству несправедливости.

Социально-сетевые детерминанты выделяются в самостоятельную группу, поскольку цифровая среда выступает не только каналом коммуникации, но и самостоятельным фактором, формирующим замкнутые сообщества с собственной субкультурой, нормами и языком. Алгоритмы рекомендаций социальных сетей способствуют созданию «информационных пузырей», где радикальный контент воспринимается как единственно верный. По данным А.И. Бастрыкина, «виртуализация вербовки требует от правоохранительных органов не только технического, но и аналитического превосходства» [8, с. 89].

Исходя из выявленных характеристик и детерминант, система профилактики вовлечения в НВФ должна строиться на принципах комплексности, дифференцированности и научной обоснованности. Целесообразно выделить три уровня профилактического воздействия: общесоциальный, специально-криминологический и индивидуальный, каждый из которых решает специфические задачи.

Общесоциальный уровень направлен на устранение глубинных причин преступности. Ключевыми мерами здесь являются создание новых рабочих мест в депрессивных регионах с учётом специфики местных рынков труда, развитие системы профессионального образования и переобучения, ориентированной на потребности цифровой экономики, реализация жилищных программ для молодых семей, повышение качества жизни через развитие инфраструктуры, культуры, спорта. Особое значение имеет формирование позитивной идентичности, в том числе через поддержку традиционных религиозных и культурных институтов, способных выступать альтернативой радикальным идеологиям.

Специально-криминологический уровень включает меры, непосредственно направленные на предупреждение вовлечения. В сфере идеологической и информационной работы необходимо внедрение в образовательные программы модулей по развитию критического мышления и медиаграмотности, создание и продвижение позитивного контента с участием авторитетных блогеров, спортсменов, деятелей культуры, системная контрпропаганда, использующая те же цифровые каналы, что и вербовщики. Психологическая помощь должна предусматривать создание региональных центров психологической реабилитации для лиц, вышедших из НВФ, и членов их семей, а также работу с группами риска (подростки, состоящие на учёте в ПДН, молодёжь из неблагополучных семей). Правовые меры включают совершенствование законодательства об ответственности за вербовку (ст. 205.1 УК РФ) с акцентом на деяния, совершённые с использованием интернета, внедрение механизмов дерадикализации, в том числе программ освобождения от ответственности при добровольном отказе и активном содействии следствию (расширение применения примечания к ст. 208 УК РФ), а также ужесточение контроля за оборотом оружия и взрывчатых веществ. Работа с интернет-пространством требует оперативного удаления противоправного контента, развития подразделений по мониторингу социальных сетей и мессенджеров, внедрения систем автоматического распознавания вербовочных паттернов на основе искусственного интеллекта, а также международного сотрудничества для блокировки каналов, находящихся за рубежом.

Индивидуальный уровень профилактики предполагает выявление лиц, склонных к радикализации, на ранних стадиях (в том числе с использованием технологий анализа социальных сетей), проведение индивидуальных бесед с привлечением психологов и представителей религиозных организаций, вовлечение в социально полезную деятельность (волонтёрство, спорт, творчество), применение мер административного надзора в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы и имеющих риск рецидива.

Научно обоснованная модель ресоциализации должна включать следующие элементы. Прежде всего, необходимо создание межведомственных комиссий по реинтеграции, объединяющих сотрудников правоохранительных органов, психологов, социальных работников, представителей традиционных религиозных организаций. Такие комиссии должны осуществлять оценку степени радикализации, индивидуальный подбор программ помощи и последующий мониторинг. Важным элементом является разработка индивидуальных программ ресоциализации, включающих психологическую коррекцию (особенно при наличии посттравматического стрессового расстройства), профессиональное обучение, содействие в трудоустройстве и решении жилищных вопросов. Целесообразно внедрение института «социального куратора», закрепляемого за лицом, вернувшимся из зоны конфликта, на срок не менее одного года. Кроме того, необходимо использование механизмов судебного контроля за соблюдением ограничений, установленных при условно-досрочном освобождении или в рамках административного надзора, а также проведение системной работы с семьёй и ближайшим окружением, поскольку семейное окружение может как способствовать успешной ресоциализации, так и выступать фактором рецидива.

Проведённое исследование позволяет сформулировать несколько ключевых выводов. Личность участника незаконного вооружённого формирования в 2022–2025 гг. претерпела существенную трансформацию, выражающуюся в омоложении, феминизации, интеллектуализации, коммерциализации мотивов и виртуализации механизмов вовлечения. Современный участник НВФ – это преимущественно молодой человек (23–24 года), часто с высшим образованием, не имеющий предшествующего криминального опыта, вовлечённый через интернет и руководствующийся преимущественно корыстными мотивами. Такая трансформация требует пересмотра системы профилактики: акцент должен сместиться с исключительно силовых методов на комплексные социально-экономические, психолого-педагогические и цифровые меры.

Детерминанты вовлечения носят многоуровневый характер, охватывая социально-экономическую депривацию, идеологическое влияние, психологическую уязвимость и особенности цифровой среды. Эффективное противодействие возможно лишь при условии координации усилий всех субъектов профилактики – органов государственной власти, правоохранительной системы, образовательных учреждений, институтов гражданского общества и традиционных религиозных организаций.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка методик раннего выявления лиц, склонных к радикализации, с использованием технологий искусственного интеллекта; оценка эффективности программ дерадикализации и ресоциализации; изучение зарубежного опыта реинтеграции участников НВФ с учётом российской специфики. Углубление научных знаний о личности участника НВФ и механизмах вовлечения является необходимым условием повышения эффективности противодействия этому опасному явлению.

Литература

1. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Статистические данные о работе судов за 2022–2025 гг. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 20.03.2025).
2. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов. 5-е изд. М.: Норма, 2020. 912 с.
3. МВД РФ. Отчёт о результатах деятельности по противодействию терроризму за 2024 год. М., 2025.
4. Антонян Ю.М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Юстиция, 2019. 304 с.
5. Лунеев В.В. Криминология: учебник. М.: Юрайт, 2022. 686 с.
6. Минченко Е.Н., Смирнов А.М. Личность преступника, совершающего преступления террористической направленности: криминологический портрет // Российский криминологический взгляд. 2021. № 4. С. 56–64.
7. МВД РФ. Сводный отчёт о преступлениях террористического характера за 2022–2024 гг. М., 2025.
8. Бастрыкин А.И. Противодействие терроризму и экстремизму в условиях цифровизации // Вестник Академии Следственного комитета РФ. 2023. № 2. С. 85–93.
9. Гаврилов Б.Я., Ильин И.С. Детерминанты вовлечения молодежи в незаконные вооруженные формирования // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3. С. 102–111.
10. Хлебушкин А.Г. Противодействие экстремистской деятельности: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2023. 278 с.
11. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
12. Постановление Правительства РФ от 15.04.2021 № 604 «Об утверждении государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»« // Собрание законодательства РФ. 2021. № 17. Ст. 2987.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF A MEMBER OF AN ILLEGAL ARMED GROUP: CURRENT TRENDS, DETERMINANTS AND PREVENTION DIRECTIONS

Atayev E.M., Magomedov T.M.-S.
Law Institute, Dagestan State University

The article presents a comprehensive criminological study of the personality of a member of an illegal armed group (IAG) in the context of 2022–2025. Based on the analysis of official judicial statistics, law enforcement data, results of psychological and psychiatric

examinations, and sociological surveys conducted in the North Caucasus, Southern and Volga Federal Districts, the key socio-demographic, moral-psychological and criminal-legal characteristics are identified. Current trends are established: rejuvenation of participants (average age 23–24 years), an increase in the proportion of persons with higher education (up to 33%), the dominance of mercenary motivation (more than 42%), feminization, virtualization of recruitment (more than 80% of cases), transnationalization of participation. The determinants of involvement are analyzed taking into account socio-economic, political-legal, ideological and psychological factors. A scientifically based system of prevention measures, differentiated by levels of impact, with an emphasis on deradicalization and resocialization, is proposed. The necessity of an interdepartmental approach and the use of digital technologies in countering involvement in IAGs is substantiated.

Keywords: criminal personality, illegal armed group, criminological characteristics, crime determinants, terrorism prevention, motivation for participation, resocialization, deradicalization.

References

1. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Statistical data on the work of the courts for 2022–2025. URL: http://www.cdep.ru (date accessed: March 20, 2025).

2. Dolgova, A.I. Criminology: textbook for universities. 5th ed. Moscow: Norma, 2020. 912 p.

3. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Report on the results of counter-terrorism activities for 2024. Moscow, 2025.

4. Antonyan, Yu.M. Terrorism: criminological and criminal-legal research. Moscow: Yustitsiya, 2019. 304 p.

5. Luneev, V.V. Criminology: textbook. Moscow: Yurait, 2022. 686 p.

6. Minchenko E.N., Smirnov A.M. Personality of the Criminal Committing Terrorist-Oriented Crimes: A Criminological Portrait // Russian Criminological View. 2021. № 4. Pp. 56–64.

7. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Consolidated Report on Terrorist Crimes for 2022–2024. Moscow, 2025.

8. Bastrykin A.I. Counteracting Terrorism and Extremism in the Context of Digitalization // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2023. № 2. Pp. 85–93.

9. Gavrilov B.Ya., Ilyin I.S. Determinants of Youth Involvement in Illegal Armed Groups // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3. Pp. 102–111.

10. Khlebushkin A.G. Counteracting Extremist Activity: Criminological and Criminal Law Aspects. Saratov: Saratov State Law Academy, 2023. 278 p.

11. Federal Law of 06.03.2006 № 35-FZ «On Counteracting Terrorism» (as amended on 10.07.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. № 11. Article 1146.

12. Resolution of the Government of the Russian Federation of 15.04.2021 № 604 «On Approval of the State Program «Ensuring Public Order and Combating Crime»« // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. № 17. Article 2987.

Объекты электросетевого хозяйства в системе объектов топливно-энергетического комплекса

Бородавко Анастасия Александровна,
аспирант, АНО "Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»
E-mail: Borodavko.AA@lenenergo.ru

В статье проведен анализ объектов электросетевого хозяйства в системе объектов топливно-энергетического комплекса (далее также – ТЭК), выделены виды объектов ТЭК, а также объектов электросетевого хозяйства. Отдельно рассмотрен вопрос, связанный с правовой природой интеллектуального прибора учета электрической энергии, «умного счетчика».
В результате проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, в частности, предложены авторские классификации объектов электросетевого хозяйства и обосновано введение отдельного определения объекта электросетевого хозяйства.

Ключевые слова: Топливно-энергетический комплекс, электросетевые объекты, объекты гражданского права, объекты электросетевого хозяйства, умный счетчик, интеллектуальный прибор учета электрической энергии.

Введение

Топливно-энергетический комплекс (далее также – ТЭК) включает в себя несколько взаимосвязанных отраслей, объединенных в единую систему. В нее входит: производство электрической энергии, добыча и переработка нефти, освоение газовых месторождений, разработка угольных ресурсов и использование торфяного сырья. Данные отрасли способствуют созданию, преобразованию и распределению различных форм энергетических ресурсов. В современных условиях глобальной экономики особое внимание уделяется двум ключевым аспектам – это повышение уровня безопасности энергетической инфраструктуры и увеличение ресурсов[1].

Рассмотрим особенности правового статуса объектов электросетевого хозяйства и раскроем их положение в общей системе объектов ТЭК.

Объекты топливно-энергетического комплекса

Действующее законодательство в сфере электроэнергетики не содержит отдельного определения энергетических объектов. Тем не менее, в Федеральном законе: «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» от 21.07.2011 № 256-ФЗ[2] в п. 7 и п. 9 статьи 2 представлена классификация некоторых видов объектов, например, таких как: электротехническое оборудование (трансформаторные подстанции, кабельные магистрали), объекты нефтегазовой отрасли (трубопроводные системы, производственные комплексы), шахты, газотранспортные организации и другое.

Между тем, объекты ТЭК представляют собой совокупность производственных и технических объектов, обеспечивающих цикл работы с энергоресурсами – от добычи до конечного потребления. Центральное место в данной системе занимают ОЭСХ, целью которых является производство, передача и распределение электрической энергии.

Ниже рассмотрим какие области входят в систему топливно-энергетического комплекса.

Первое – это нефтегазовый комплекс[3]. Он представляет собой целостную производственную систему, посредством которой осуществляется масштабная деятельность по извлечению переработки, транспортировки и хранению углеводородного сырья. Газовая промышленность[4] также представляет собой одну из отраслей ТЭК. Здесь происходит процесс добычи различных видов газа, его транспортировка, переработка и прочее. Угольная промышленность[5] включает предприятия по добыче бурого и каменного угля. В данной области осуществляется не только непосредственная добыча сырья, но и его обогащение, а также различные виды промышленной переработки.

Все перечисленные отрасли топливно-энергетического комплекса образуют единую систему, однако каждая область регулируется специальными НПА, которые учитывают и раскрывают специфику производства и эксплуатации объектов.

Таким образом, объекты электроэнергетики в системе объектов ТЭК можно выделить на основе специфики хозяйственной деятельности, с учетом того, что такие объекты предназначены для производства, передачи, преобразования и потребления электрической энергии.

[1] Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 N 908-р <Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года>// «Собрание законодательства РФ», 21.04.2025, N 16, ст. 2075

[2] Федеральный закон от 21.07.2011 N 256-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // «Собрание законодательства РФ», 25.07.2011, N 30 (ч. 1), ст. 4604

[3] Федеральный закон от 21.07.1997 N 116-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»// «Собрание законодательства РФ», 28.07.1997, N 30, ст. 3588; Закон РФ от 21.02.1992 N 2395–1 (ред. от 08.08.2024) «О недрах» // «Собрание законодательства РФ», 06.03.1995, N 10, ст. 823

[4] Федеральный закон от 31.03.1999 N 69-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О газоснабжении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // «Собрание законодательства РФ», 05.04.1999, N 14, ст. 1667

[5] Федеральный закон от 20.06.1996 N 81-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // «Собрание законодательства РФ», 24.06.1996, N 26, ст. 3033

Далее более подробно рассмотрим объекты электросетевого хозяйства.

Объекты электросетевого хозяйства

Как отмечается в работах В.В. Романовой, «объекты электроэнергии включают в себя в том числе и объекты, используемые для передачи электрической энергии, понятие объектов электроэнергии охватывает и понятие объектов электросетевого хозяйства, которое является более частным и определяет один из видов объектов электроэнергетики»[1]. Таким образом, объекты электросетевого хозяйства выделяются из совокупности объектов электроэнергетики в отдельную категорию по признаку функциональное назначение.

Правовой статус данных объектов регулируется Федеральным законом «Об электроэнергетике»[2], Федеральным законом от 13.07.2024 N 185-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3], а также положениями Гражданского кодекса РФ[4], Постановления Правительства РФ от 27.12.2004 N 861 (далее – Правила № 861)[5] и Постановления Правительства РФ от 29.12.2011 N 1178 (далее – Правила № 1178)[6].

Объекты электросетевого хозяйства формируют особую категорию оборудования, включающую в себя линии электропередачи различного типа, трансформаторные подстанции, распределительные узлы и вспомогательное оборудование. Перечень данных объектов утвержден Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2024 № 4153-р[7].

Важным аспектом правового регулирования является классификация объектов по характеру оборотоспособности. Это подробно исследуется в трудах Е.А. Суханова[8], Л.В. Борисовой[9] и Н.Н. Мельникова[10].

Так, часть объектов относится к свободно обращающимся на рынке (линии и подстанции напряжением ниже 110 кВ, внутриплощадочные сети), в то время как другие входят в Единую национальную электрическую сеть и имеют ограниченную оборотоспособность[11]. Данная мера направлена на защиту объектов от возможных противоправных действий.

Еще одно основание для классификации объектов – отнесение их к категории движимости или недвижимости. Данный вопрос рассматривается в работах Г.Ф. Шершеневича[12], О.М. Козырь[13], Е.А. Суханова[14] и Е.Г. Семеновой[15]. Согласно положениям статьи 130 Гражданского кодекса РФ[16], основным отличие движимого и недвижимого имущества является возможность демонтажа объекта без причинения существенного вреда. Однако в современном мире данный критерий уже не является столь актуальным, поскольку с развитием технологий стало возможно перемещать объекты без причинения им какого-либо ущерба. Так, наглядным примером являются судебные акты, в которых суды, пытаясь определить характеристики объектов электросетевого хозяйства, чаще всего назначают судебную экспертизу[17].

Кроме названных классификаций, объекты подразделяются на вещи делимые и неделимые, сложные и составные, на главную вещь и принадлежность[18].

На взгляд автора, необходимо отдельно рассмотреть возможность классификации ОЭСХ по такому основанию, как степень обремененности данными объектами земельных участков, а также ввести в законодательство отдельное определение объекта электросетевого хозяйства и его виды (классификации предложены ниже).

Проанализировав систему объектов топливно – энергетического комплекса и место объектов электросетевого хозяйства в данной системе можно выделить несколько основных выводов.

Объекты ТЭК можно классифицировать в зависимости от производственно-экономической отрасли и особенностей хозяйственной деятельности в этих отраслях. Среди данной классификации объекты электроэнергетики можно выделить в отдельную группу объектов ТЭК по такому основанию, как предназначение для выполнения производственно-хозяйственной деятельности. При этом, объекты электроэнергетики в системе объектов ТЭК можно выделить на основе специфики хозяйственной деятельности, с учетом того, что такие объекты предназначены для производства, передачи, преобразования и потребления электрической энергии.

Также, при изучении понятия и видов объектов электросетевого хозяйства в электроэнергетике выявлено, что в законодательстве отсутствует понятие объекта электросетевого хозяйства. В ФЗ об электроэнергетике ОЭСХ определен через перечисление видов данных объектов. Таким образом, выявлена необходимость дополнить статью 3 ФЗ об электроэнергетике новым определением объекта электросетевого хозяйства. «Объект электросетевого хозяйства – это совокупность технически и технологически взаимосвязанных сооружений, оборудования и устройств, образующих единую технологическую систему и имеющих общую производственную цель – обеспечения надежного, бесперебойного функционирования электроэнергетической системы».

По результатам изучения видов ОЭСХ выявлена необходимость классификации данных объектов следующим образом:

- Линейный электросетевой объект – это вид объекта электросетевого хозяйства, протяженность которого значительно превышает ширину объекта;
- Объемный электросетевой объект – является компактным размещен на относительно небольшой площади (в отличие от линейных объектов, которые могут тянуться на несколько километров).

Практическая значимость представленной классификации заключается в том, что от определения вида ОЭСХ зависит правовой режим

---

[1] В. В. Романова «Особенности правового статуса энергетического объекта в электроэнергетике

по законодательству Российской Федерации» Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2012. Вып. 2, стр. 48–54

[2] Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 02.11.2023) «Об электроэнергетике» // «Собрание законодательства РФ», 31.03.2003, N 13, ст. 1177

[3] Федеральный закон от 13.07.2024 N 185-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» «Собрание законодательства РФ», 15.07.2024, N 29 (Часть III), ст. 4114

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024), «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023), «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024), «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301; «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N 5, ст. 410; «Парламентская газета», N 224, 28.11.2001, «Парламентская газета», N 214–215, 21.12.2006.

[5] Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 N 861 (ред. от 01.11.2024) «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам коммерческого оператора оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // «Собрание законодательства РФ», 27.12.2004, N 52 (часть 2), ст. 5525.

[6] Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 N 1178 (ред. от 23.11.2024) «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» (вместе с «Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике», «Правилами государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике»)//»Собрание законодательства РФ», 23.01.2012, N 4, ст. 504.

[7] Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 N 4153-р <О Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2042 года>// «Собрание законодательства РФ», 13.01.2025, N 2, ст. 75

[8] Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров; Ин-т законод. и сравнит. правоведения. М.: Статут, 2008. 731 с.// СПС «Консультант Плюс»

[9] Борисова Л.В. Гражданско-правовое регулирование вещных прав: новеллы проекта Федерального закона о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации // Гражданское право. 2017. N 5. С. 10–12.

[10] Мельников Н.Н. Объекты земельных правоотношений: монография. Москва: ИНФРА-М, 2024. 302 с.//СПС «Консультант Плюс»

[11] Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «Об электроэнергетике» Собрание законодательства РФ», 31.03.2003, N 13, ст. 1177

Постановление Правительства РФ от 26 января 2006 г. N 41 «О критериях отнесения объектов электросетевого хозяйства к единой национальной (общероссийской) электрической сети»// Текст постановления опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 30 января 2006 г. N 5 ст. 556

[12] Цитирование по Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. Москва: Статут, 2023. 894 с. // СПС «Консультант Плюс»

[13] Козырь О.М. Понятие недвижимости в новом Гражданском кодексе России // Вестник гражданского права. 2024. N 6. С. 53–61 //СПС «Консультант Плюс»

[14] Суханов Е.А. Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал российского права. 2021. N 1. С. 16–22 //СПС «Консультант Плюс»

[15] Семенова Е.Г. Правовой режим земельного участка и расположенных на нем объектов капитального строительства: альтернативная модель // Цивилист. 2022. N 2. С. 67–71// СПС «Консультант Плюс»

[16] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024), // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

[17] Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 18.10.2022, Постановление 13 Арбитражного апелляционного суда от 03.02.2023, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.06.2023 по делу № А56–45798/2021. URL: https://ras.arbitr

[18] Мельников Н.Н. Объекты земельных правоотношений: монография. Москва: ИНФРА-М, 2024. 302 с.//СПС «КонсультантПлюс»

объекта электросетевого хозяйства, а также площадь выделенного земельного участка для размещения того или иного объекта. Данная классификация также влияет на определение рыночной стоимости земельного участка и обеспечивает собственникам возможность более продуктивно планировать дальнейшее использования земли с учетом размещенных объектов и утвержденных охранных зон.

Предлагается авторская классификация объектов электросетевого хозяйства в целях оценки степени ограничения прав собственника или иного законного владельца земельного участка размещением ОЭСХ.

1) По критерию наименьшего обременения недвижимости (для владельца земельного участка):
- Подводные кабельные линии электропередач
- Подземные кабельные линии электропередач

2) По критерию среднего обременения недвижимости: требуется небольшое количество земли для:
- Подстанций столбового типа (для опор, на которых данный объект размещается)
- Воздушные кабельные линии электропередач

3) По критерию значительного обременения недвижимости: требуется выделение земельного участка:
- Подстанция мачтового типа
- Подстанция киоскового типа
- Распределительные и секционирующие пункты

4) По критерию наибольшего обременения недвижимости:
- Наземные кабельные линии электропередач (являются наиболее протяженными и могут занимать не один, а несколько земельных участков).

Практическая значимость данной классификации, как и вышеприведенной заключается в определении критерия обременения недвижимости и, соответственно, рыночной стоимости земельного участка. Данная классификация упрощает для собственника недвижимости процесс определения степени эксплуатации земельного участка с учетом размещенных на нем объектов.

Правовая природа интеллектуального прибора учета электрической энергии

В современное время в мире идет активная цифровизация энергетической сферы. Особое внимание уделяется внедрению интеллектуальных систем учета электроэнергии, цель которых не только повысить эффективность энергопотребления, но и обеспечить безопасность отрасли. Так, в Энергетической стратегии до 2050 года[1] и Распоряжении Правительства РФ от 12.03.2024 N 581-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса до 2030 года»[2] отдельно отмечена важность и перспективность развития и внедрения цифровых технологий в энергетическую сферу.

Нормативно-правовая база в данной области включает в себя такие нормативно-правовые акты как: ФЗ об электроэнергетике[3], Федеральный закон от 26.06.2008 N 102-ФЗ[4], а также Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442[5] и Постановлением Правительства РФ от 19.06.2020 № 890[6] и другое[7].

Как уже было отмечено выше, одним из наиболее актуальных направлений в данной сфере является правовое регулирование интеллектуальных приборов учета или «умного счетчика».

Так, данный прибор состоит из традиционного прибора учета и интеллектуальной системы учета электроэнергии (далее также – ИПУЭ). Согласно действующим стандартам[8], ИПУЭ представляет собой современное электронное устройство, способное не только измерять расход электроэнергии, но и осуществлять удаленную передачу данных, то есть он обладает функциями дистанционного управления.

Согласно п. 136 Постановления Правительства РФ от 4 мая 2012 г. N 442[9] к интеллектуальной системе присоединен прибор учета электрической энергии, то есть ИПУ и прибор учета являются составными частями интеллектуального прибора учета электрической энергии. Иными словами, «умный счетчик» – это комплексный механизм, обеспечивающий удаленный сбор и обработку показаний, информационный обмен, хранение данных и дистанционное управление компонентами системы.

Важно отметить, что ИПУЭ включает в себя разнообразное оборудование: серверное оснащение с программным обеспечением, измерительные приборы, трансформаторные устройства, коммутационную аппаратуру, системы защиты и оборудование для удаленного мониторинга.

Возникает вопрос: можно ли данный объект рассматривать в качестве отдельного объекта гражданских прав? На наш взгляд – да, так как объектом является то, относительно чего возникают правоотношения.

Однако особое внимания следует обратить на двойственность природы данного объекта. С одной стороны, ИПУЭ включает материальные компоненты[10], такие как учетные приборы, защитные устройства, а с другой – содержит нематериальные активы в виде программного обеспечения. Это создает определенные особенности при ведении бухгалтерского учета и определении правового режима использования. Так, согласно Постановлению Правительства РФ от 1 января 2002 г. N 1[11] электросчетчик, как и трансформаторная подстанция должны учитываться на балансе организаций в качестве основных средств. При этом, учет интеллектуальной системы учета (программы, осуществляющей удаленный сбор и передачу информации) должен производиться отдельно как нематериальные активы.

Таким образом, по результатам проведенного исследования, можно отметить следующее.

Среди объектов ТЭК, относящихся к категории вещей, выявлен особый объект гражданских прав: интеллектуальный прибор учета электрической энергии. В его состав которого входит материальная вещь (прибор учета электрической энергии) и результат интеллектуальной деятельности (интеллектуальная система учета электрической энергии).

Данный объект обладает следующими признаками: материальность, обособленность, относится к категории движимого имущества. Также имеет нематериальную составляющую, которая отличается следующими признаками: отсутствует в материально-выраженной форме (масса, цвет и т.д.), существует в виде определенных данных, имеет информационную природу, можно зафиксировать в базах данных, ограничена в использовании, так как защищена интеллектуальным правом.

Заключение

В завершении работы можно отметить, что перспективы развития ТЭК связаны с дальнейшим совершенствованием как законодательных норм, так и развитие современных технологий. Это позволит обеспечить надежное энергоснабжение потребителей и безопасно электроэнергетики страны.

Литература

1. Борисова Л.В. Гражданско-правовое регулирование вещных прав: новеллы проекта Федерального закона о внесении изменений

[1] Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 N 908-р <Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года>// «Собрание законодательства РФ», 21.04.2025, N 16, ст. 2075

[2] Распоряжение Правительства РФ от 12.03.2024 N 581-р <Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса до 2030 года>// «Собрание законодательства РФ», 18.03.2024, N 12, ст. 1653

[3] Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «Об электроэнергетике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // «Собрание законодательства РФ», 31.03.2003, N 13, ст. 1177

[4] Федеральный закон от 26.06.2008 N 102-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обеспечении единства измерений» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025)// «Собрание законодательства РФ», 30.06.2008, N 26, ст. 3021.

[5] Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 N 442 (ред. от 27.12.2024) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.04.2025)// «Собрание законодательства РФ», 04.06.2012, N 23, ст. 3008.

[6] Постановление Правительства РФ от 19.06.2020 N 890 (ред. от 29.03.2024) «О порядке предоставления доступа к минимальному набору функций интеллектуальных систем учета электрической энергии (мощности)» (вместе с «Правилами предоставления доступа к минимальному набору функций интеллектуальных систем учета электрической энергии (мощности)»)// «Собрание законодательства РФ», 29.06.2020, N 26, ст. 4118.

[7] ГОСТ Р 71331–2024. Национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные системы учета электрической энергии (мощности). Общие технические требования» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 09.04.2024 N 432-ст)// М.: ФГБУ «Институт стандартизации», 2024

[8] ГОСТ Р 71199–2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы киберфизические. Умный дом. Термины и определения» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 29.12.2023 N 1766-ст)

[9] Постановление Правительства РФ от 4 мая 2012 г. N 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии»// Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июня 2012 г. N 23 ст. 3008

[10] Рекомендация Р-127/2021-КпР «Дистанционная инвентаризация» // Бухгалтерский методологический центр: официальный сайт. 2024. URL: http://www.bmcenter.ru (дата обращения: 15.06.2025)

[11] Постановление Правительства РФ от 1 января 2002 г. N 1 «О Классификации основных средств, включаемых в амортизационные группы» // Собрании законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (Часть II) ст. 52

в Гражданский кодекс Российской Федерации // Гражданское право. 2017. N 5.

2. Козырь О.М. Понятие недвижимости в новом Гражданском кодексе России // Вестник гражданского права. 2024. N 6.//СПС «Консультант Плюс»

3. Мельников Н.Н. Объекты земельных правоотношений: монография. Москва: ИНФРА-М, 2024 //СПС «Консультант Плюс»

4. Полупанов С.А., Яроцкая Е.В. Понятие и классификация линейных объектов в законодательстве // Сборник статей по материалам Международной студенческой научно-практической конференции. Краснодар, 2020.

5. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров; Ин-т законод. и сравнит. правоведения. М.: Статут, 2008.//СПС «Консультант Плюс»

6. Романова В. В. «Особенности правового статуса энергетического объекта в электроэнергетике»

7. Семенова Е.Г. Правовой режим земельного участка и расположенных на нем объектов капитального строительства: альтернативная модель // Цивилист. 2022. N 2.// СПС «Консультант Плюс»

8. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. Москва: Статут, 2023. // СПС «Консультант Плюс»

9. Суханов Е.А. Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал российского права. 2021. N 1.//СПС «Консультант Плюс»

POWER GRID FACILITIES IN THE FUEL AND ENERGY COMPLEX FACILITIES SYSTEM

Borodavko A.A.
ANO "Research "Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science named after V.A. Musina"

The article analyzed power grid facilities in the system of fuel and energy complex facilities (hereinafter also referred to as the fuel and energy complex), highlighted the types of fuel and energy complex facilities, as well as power grid facilities.
The issue related to the legal nature of the smart meter of electric energy, the "smart meter" is considered separately.
As a result of the study, proposals for improving legislation were formulated, in particular, author's classifications of electric grid facilities were proposed and the introduction of a separate definition of an electric grid facility was justified.

Keywords: Fuel and energy complex, power grid facilities, civil law facilities, power grid facilities, smart meter, smart electricity meter.

References

1. Borisova L.V. Civil law regulation of property rights: novels of the draft Federal Law on Amendments to the Civil Code of the Russian Federation//Civil Law. 2017. N 5.

2. Kozyr O.M. The concept of real estate in the new Civil Code of Russia//Bulletin of Civil Law. 2024. N 6. P. 53–61//SPS "Consultant Plus"

3. Melnikov N.N. Objects of land legal relations: monograph. Moscow: INFRA-M, 2024. 302 p .//ATP "Consultant Plus"

4. Polupanov S.A., Yarotskaya E.V. Concept and classification of linear objects in legislation//Collection of articles based on the materials of the International Student Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2020.

5. Ownership: actual problems/resp. ed. V.N. Litovkin, E.A. Sukhanov, V.V. Chubarov; In-t law. and compare. law. M.: Statute, 2008 //ATP "Consultant Plus"

6. V. V. Romanova "Peculiarities of the legal status of an energy facility in the electric power industry

7. Semenova E.G. The legal regime of the land plot and the capital construction facilities located on it: an alternative model//Civilist. 2022. N 2.//SPS "Consultant Plus"

8. Sklovsky K.I. Property in civil law. 6th ed., Rev. and add. Moscow: Statute, 2023. // SPS "Consultant Plus"

9. Sukhanov E.A. Real estate in the system of objects of civil rights//Journal of Russian law. 2021. N 1.//SPS "Consultant Plus"

Эволюция формы правления в России в XVII веке

Брусиловский Роман Александрович,
аспирант, НОЧУ ВО Московский университет «Синергия»
E-mail: arteompetrow@yandex.ru

Период XVII века обусловлен трансформацией правового статуса верховной власти, изменением компетенции высших органов государства и перестройкой системы источников права. Тогда актуальным является обращение к анализу правовых институтов, функционировавших на протяжении XVII столетия, и выявлению закономерностей их постепенного замещения бюрократическими механизмами управления. Цель работы – определить закономерности и этапы трансформации формы правления в государстве на протяжении XVII столетия на основе анализа изменений правового статуса верховной власти, компетенции высших органов и системы источников права. Методы исследования: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный анализ. Основные результаты научного исследования: определено исходное состояние формы правления в начале XVII века с учетом последствий династического кризиса; проанализированы изменения в правовом положении монарха, закрепленные в законодательных актах середины XVII века; установлена динамика юридической роли Земских соборов, Боярской думы и приказной системы; выявлены правовые признаки, свидетельствующие о формировании элементов абсолютизма во второй половине XVII века; обоснована периодизация эволюции формы правления, исходя из изменений в системе источников права и распределении властных полномочий. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в дальнейших научных разработках по истории государства и права России, в учебном процессе при подготовке курсов по истории отечественного государства и права, а также при проведении исследований, посвященных генезису российского абсолютизма и формированию бюрократического аппарата управления.

Ключевые слова: форма правления; сословно-представительная монархия; абсолютная монархия; правовой статус верховной власти; Земские соборы; Боярская дума; приказная система; Соборное уложение 1649 года; местничество; историко-правовое исследование.

Введение

Исследование эволюции формы правления в России XVII века относится к числу актуальных проблем историко-правовой науки, поскольку позволяет выявить механизмы трансформации государственного строя в переломные периоды развития национальной правовой системы [1–3]. XVII столетие занимает особое место в процессе становления российского государства: именно в этот период происходило постепенное замещение институтов, характерных для сословно-представительной монархии, элементами, свойственными абсолютной монархии. Понимание юридической природы указанных изменений имеет существенное значение для определения специфики формирования отечественной государственности, а также для установления критериев, позволяющих квалифицировать ту или иную форму правления с точки зрения ее правовых признаков. В историко-правовой литературе сохраняется дискуссионность относительно хронологических границ зарождения абсолютизма в России, а также относительно того, какие именно юридические факты следует считать определяющими при характеристике формы правления на разных этапах XVII века [4], [5].

Степень научной разработанности проблемы предопределяется наличием различных подходов к оценке государственно-правового развития России XVII века. В дореволюционной историографии преобладало восприятие данного периода как времени постепенного усиления царской власти при сохранении значения сословных учреждений. Советская историко-правовая школа акцентировала внимание на социально-экономических предпосылках перехода к абсолютизму, рассматривая правовые изменения как производные от классовых отношений. Современные исследования отличаются стремлением к более чёткому разграничению понятий сословно-представительной и абсолютной монархии, а также к выявлению формально-юридических критериев, позволяющих фиксировать переход от одной формы правления к другой [6], [7]. Вместе с тем комплексных работ, в которых эволюция формы правления XVII века была бы рассмотрена исключительно сквозь призму трансформации правового статуса верховной власти, компетенции высших органов и системы источников права, недостаточно, что подтверждает актуальность выбранной темы.

Цель настоящего исследования заключается в определении закономерностей и этапов трансформации формы правления в государстве на протяжении XVII столетия. Для достижения указанной цели ставятся следующие задачи: определить исходное состояние формы правления в начале XVII века с учетом последствий династического кризиса; проанализировать изменения в правовом положении монарха, получившие закрепление в законодательных актах середины XVII века; установить динамику юридической роли Земских соборов, Боярской думы и приказной системы как институтов, определявших содержание формы правления; выявить правовые признаки, свидетельствующие о формировании элементов абсолютизма во второй половине XVII века; обосновать периодизацию эволюции формы правления, исходя из изменений в системе источников права и распределении властных полномочий.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специальных юридических методов: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный анализ.

Объектом исследования выступает государственно-правовая организация России XVII века как сложная система властных институтов и правоотношений, складывавшихся в процессе осуществления верховной власти. Предмет исследования охватывает эволюцию правового статуса верховной власти, изменения компетенции высших органов государства, а также трансформацию системы источников права, в которых находили отражение новые принципы организации публичной власти. В рамках предмета внимание уделяется юридическим механизмам, посредством которых происходило перераспределение властных полномочий между монархом, сословно-представительными учреждениями и формирующимся бюрократическим аппаратом.

Государственно-правовые последствия Смуты и реставрация монархии (конец XVI – первая половина XVII в.)

Пресечение династии Рюриковичей в конце XVI века привело к разрыву традиционного механизма легитимации верховной власти. Отсутствие

наследственного престолонаследия, основанного на прямом родстве, создало ситуацию, в которой юридическая природа царской власти оказалась зависимой от волеизъявления сословных групп. В период так называемого междуцарствия сложился прецедент, когда Земский собор стал рассматриваться как орган, обладающий учредительной властью в отношении формы правления. Он получил нормативное закрепление в акте избрания Михаила Романова в 1613 году [8].

С правовой точки зрения избрание нового монарха означало восстановление монархической формы правления, установление порядка взаимодействия верховной власти с сословно-представительными учреждениями. Сведения об ограничительной записи, предлагавшейся новому царю, хотя и не сохранились в окончательном тексте, дают возможность утверждать, что условия воцарения включали обязательство править в согласии с Боярской думой и Земским собором. Соответственно, можно квалифицировать форму правления первой половины XVII века как сословно-представительную монархию, в которой власть монарха была ограничена фактической необходимостью опираться на сословные институты при принятии ключевых государственных решений.

В этот период правовой статус царя определялся реальным соотношением сил между верховной властью и аристократией, представленной в Боярской думе. Боярская дума сохраняла законодательную компетенцию: нормативные акты принимались в форме царских указов с думским приговором, что свидетельствовало о необходимости согласования воли монарха с позицией высшего аристократического совета. Правовое положение думы как постоянно действующего органа, участвующего в законотворчестве и управлении, оставалось стабильным. Вместе с тем усиление бюрократического элемента, выражавшееся в увеличении значения думных дьяков, начало изменять внутреннюю структуру думы, создавая предпосылки для последующего перераспределения властных полномочий (таблица 1).

Таблица 1. Компетенция высших органов власти в первой половине XVII века

Орган власти	Нормативная основа	Основные полномочия	Правовая форма решений
Царь	Сакральное помазание	Верховное командование	Именные указы
	Акт избрания	Назначение на высшие должности	
		Утверждение законов	
Земский собор	Отсутствие постоянного статуса	Избрание царя	Соборные приговоры
	Созыв по воле монарха	Утверждение крупных налогов	Избирательные грамоты
		Вопросы войны и мира	
Боярская дума	Обычай	Законо-совещательная деятельность	Думские приговоры
	Отдельные указы	Управление приказами	Пометы на докладах
		Судебные функции	

Источник: составлено автором на основе [9], [10].

В первой половине XVII века форма правления была обусловлена функциональным разделением полномочий между монархом, сословным представительством и аристократическим советом. Юридическая природа каждого из институтов была различной: если царь обладал властью, выводимой из факта помазания и династической преемственности, то Земский собор действовал на основе экстраординарных полномочий, а Боярская дума представляла собой постоянно функционировавший орган, чья компетенция базировалась на обычае и практике предшествующих десятилетий. Отсутствие единого законодательного акта, который бы чётко разграничивал компетенцию этих институтов, создавало условия для постепенного изменения их фактической роли.

Эволюция правового статуса высших органов власти и управления в середине XVII века

Середина XVII века ознаменовалась принятием Соборного уложения 1649 года, которое стало первым систематизированным сводом законов, оказавшим определяющее влияние на эволюцию формы правления. Уложение не только кодифицировало действовавшие нормы, но и установило новые принципы организации верховной власти и её соотношения с иными институтами. Глава II («О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать») и глава III («О государеве дворе») ввели уголовно-правовую охрану личности монарха, что юридически возвысило статус царя над всеми подданными, включая представителей аристократии. С этого момента любое покушение на жизнь, здоровье или честь монарха квалифицировалось как государственное преступление, что отражало формирование представления о верховной власти как о самостоятельном объекте правовой охраны, отличном от иных публичных и частных интересов [11].

Соборное уложение 1649 года не изменило формально сословно-представительного характера монархии, однако создало правовые предпосылки для перераспределения властных полномочий. Закрепление сословной структуры общества и установление юридической ответственности за нарушение государственного порядка усилили позиции монарха как источника правосудия и законодательной инициативы. В то же время Земские соборы, продолжавшие созываться в 1650-е гг., постепенно утрачивали значение органа, участвующего в принятии ключевых государственных решений. Соборы 1653 года по вопросу присоединения Украины и 1682 года об отмене местничества носили, по сути, характер совещательных собраний при царе, а не самостоятельных учреждений, обладавших учредительной властью.

В приказной системе происходили изменения, свидетельствовавшие о бюрократизации управления. Число приказов увеличивалось, а их компетенция становилась более специализированной. Важный юридический механизм, способствовавший усилению централизации, – расширение практики назначения на воеводские должности лиц, находившихся в прямом подчинении центральных приказов. Воеводское управление на местах вытесняло выборные земские учреждения, что означало постепенное замещение сословного начала административно-территориальным и бюрократическим (рисунок 1).

При сохранении формальной иерархии происходит появление новых, неформальных механизмов властвования (Ближняя дума), а Земский собор перемещается на периферию реального управления. Взаимодействие между Боярской думой и приказной системой усложняется, так как значительная часть текущего управления переходит к дьякам и подьячим, которые не обладали аристократическим статусом, но имели профессиональные навыки делопроизводства. Таким образом, в середине XVII века складывается ситуация, когда юридические нормы Соборного уложения фиксируют монархию как сословно-представительную, тем не менее, практика функционирования государственных органов обнаруживает тенденцию к централизации и усилению бюрократического аппарата, подчиненного непосредственно царю.

Рис. 1. Трансформация системы высших органов власти в середине XVII века (*Источник*: составлено автором на основе [11], [12])

Зарождение черт абсолютизма во второй половине XVII века

Во второй половине XVII века форма правления претерпевает изменения, которые в историко-правовой литературе связывают с зарождением аб-

солютизма. Их юридическим выражением стало усиление персонального начала в управлении, сокращение роли сословно-представительных учреждений и формирование новых правовых оснований для осуществления верховной власти.

Трансформация титулатуры российских монархов обусловила сдвиг в представлениях о природе верховной власти. В официальных актах, международных договорах и законодательных текстах последовательно закреплялась формула «самодержец», которая в выбранном периоде наполнялась новым содержанием. Если ранее термин использовался главным образом для обозначения независимости от внешних сюзеренов, то во второй половине XVII века он стал подчеркивать полноту власти внутри государства, отсутствие необходимости в согласовании решений с какими-либо институтами, кроме самого монарха. Данная трансформация носила не только идеологический, но и правовой характер, поскольку она фиксировалась в законодательстве и оказывала влияние на практику судопроизводства и управления.

Основополагающим юридическим событием, свидетельствовавшим о перестройке принципов государственной службы, представлялась отмена местничества в 1682 году. Местничество подразумевало систему распределения служебных мест в зависимости от родовитости, которая ограничивала возможности монарха по формированию аппарата управления. Её отмена была оформлена соборным приговором, что придало решению характер высшего законодательного акта. После отмены местничества назначения на должности производились исключительно по усмотрению верховной власти, что означало переход от аристократического принципа комплектования государственного аппарата к бюрократическому [13]. Эта реформа создала правовую основу для формирования служилого слоя, чья карьера полностью зависела от воли монарха, что является существенным признаком абсолютной монархии.

Одновременно происходило изменение внутренней структуры Боярской думы. Создание Приказа тайных дел, подчиненного непосредственно царю и находившегося вне контроля думы, выступило институциональным выражением стремления верховной власти обойти аристократическое представительство при решении наиболее значимых вопросов. Приказ тайных дел выполнял функции личной канцелярии монарха, контролировал деятельность других приказов и собирал информацию, необходимую для принятия самостоятельных решений [14]. Его появление обусловило, что форма правления включала элемент персонального управления, существовавший параллельно с традиционными институтами (таблица 2).

Таблица 2. Признаки сословно-представительной и абсолютной монархии в правовом регулировании второй половины XVII века

Признак формы правления	Сословно-представительная монархия	Абсолютная монархия	Проявление в законодательстве и практике второй половины XVII века
Источник верховной власти	Династическое начало	Воля монарха как единственный источник верховной власти	Усиление категории «самодержец»
	Санкция сословий		Прекращение избирательных соборов
Правовое положение монарха	Ограничено обычаем, необходимостью согласования	Не ограничено законом	Введение уголовно-правовой охраны особы монарха вне зависимости от сословных учреждений
Организация государственной службы	Аристократический принцип (местничество)	Бюрократический принцип	Отмена местничества (1682)
			Назначение по воле монарха
Роль представительных учреждений	Обязательное участие в законотворчестве	Отсутствие или совещательный характер	Прекращение регулярных Земских соборов
			Эпизодический созыв с ограниченной повесткой

Источник: разработано автором.

Во второй половине XVII века юридическая система имела одновременно элементы двух форм правления. С одной стороны, сохранялись институты, характерные для сословно-представительной монархии (Боярская дума, номинальная возможность созыва Земского собора). С другой стороны, в правовых актах и практике управления появлялись признаки, свойственные абсолютной монархии, – прежде всего, в сфере организации государственной службы и в установлении правового статуса монарха. Подобное сочетание указывает на переходный характер формы правления, в котором элементы нового формировались внутри традиционной институциональной оболочки.

Кризис сословно-представительных институтов и оформление основ абсолютизма на рубеже XVII–XVIII веков

На рубеже XVII–XVIII вв. изменения формы правления приобрели необратимый характер. Период правления царевны Софьи (1682–1689 гг.) показал, что сословно-представительные институты утратили способность выступать самостоятельным фактором политико-правового процесса. Стрелецкие восстания, сопровождавшие начало этого периода, и последующая борьба придворных группировок происходили при минимальном участии Земских соборов. Боярская дума продолжала функционировать, однако её состав и порядок принятия решений всё более определялись волей фактического правителя, а не аристократическими процедурами.

Юридическое оформление перехода к абсолютизму связано с началом единоличного правления Петра I. После подавления Стрелецкого бунта 1698 года прекратилась практика созыва Земских соборов, которая была эпизодической. Этот шаг не получил отдельного законодательного оформления в виде акта об упразднении соборов, тем не менее, фактически обозначал устранение сословного представительства из механизма осуществления верховной власти. Вместе с тем правовая система начала испытывать воздействие нового принципа, согласно которому воля монарха признавалась единственным источником закона. Он не был сформулирован в виде абстрактной нормы, но последовательно реализовывался в правотворческой практике: указы принимались от имени царя без указания на их согласование с каким-либо представительным органом.

Изменения затронули и систему источников права. Если в предшествующий период основным источником оставалось Соборное уложение 1649 года, дополнявшееся указами, то на рубеже веков увеличился объём законодательства, исходившего непосредственно от монарха и регулировавшего вопросы государственного устройства, службы и налогообложения. Данное законодательство существовало в виде отдельных указов, что позволяло оперативно адаптировать правовое регулирование к потребностям управления, но одновременно усиливало зависимость правовой системы от воли правителя (рисунок 2).

На протяжении XVII века происходило перераспределение властных функций между высшими органами. Земский собор, обладавший в начале века учредительной властью, к концу столетия утратил статус действующего института. Боярская дума сохраняла формальное существование, но фактически её роль уменьшилась по мере того, как всё большее значение приобретала приказная бюрократия и неформальные совещательные структуры. Напротив, приказная система на протяжении всего периода усиливала свои позиции, превратившись в основной механизм управления, подчиненный непосредственно монарху.

Рис. 2. Динамика изменения роли высших органов власти в XVII веке (*Источник*: разработано автором)

К концу XVII века форма правления в России представляла собой синтез элементов сословно-представительной и абсолютной монархии с явным доминированием последних. Юридическая система сохраняла некоторые нормы и институты, восходившие к предшествующему периоду, но практика их применения, а также складывавшийся массив нового законодательства свидетельствовали о том, что основы абсолютизма были сформированы. Переход к абсолютизму завершился в первой четверти XVIII века, когда были проведены реформы, окончательно упразднившие Боярскую думу и заменившие приказную систему коллегиями, а также был установлен новый порядок престолонаследия, устранявший последние ограничения власти монарха. Вместе

с тем юридические предпосылки преобразований сложились именно в XVII веке в ходе эволюции формы правления, рассмотренной в настоящем исследовании.

Выводы

Трансформация формы правления в XVII веке отражала процесс постепенного замещения механизмов сословно-представительной монархии институтами, свойственными абсолютной монархии. Изменения накапливались в правовой системе и в практической деятельности отечественных государственных органов на протяжении всего столетия, что не соответствует, например, позициям иных стран, в частности, Турции («В рамках анализа внешнеполитического позиционирования Турции показателен факт, что Турция меняла свои геополитические амбиции по мере того, насколько успешными казались ее внутриэкономические реформы. На рубеже 2010-х гг. Турция перешла от политики «нуля проблем» А. Давутоглу к более проактивной и агрессивной политике неоосманизма, которая не соответствует ее современным экономическим возможностям») [15].

На начальном этапе, после династического кризиса конца XVI века и событий Смутного времени, произошла реставрация монархии на новых правовых основаниях. Земский собор 1613 года реализовал учредительную власть, избрав на царство Михаила Романова. Юридическим последствием этого было закрепление сословно-представительного характера монархии, при котором верховная власть осуществлялась во взаимодействии с Боярской думой и Земскими соборами. Однако уже в этот период отсутствие четкого нормативного разграничения компетенции между указанными институтами создавало предпосылки для последующего перераспределения властных полномочий в пользу монарха.

Середина XVII века ознаменовалась принятием Соборного уложения 1649 года как юридического акта, закрепившего изменения в статусе верховной власти. Установление уголовно-правовой охраны личности монарха, систематизация норм, регулировавших государственное устройство, и кодификация сословных прав создали правовую основу для усиления централизации. Одновременно в деятельности Земских соборов обозначился переход от законосовещательной функции к совещательной, а в приказной системе усилились бюрократические начала, что свидетельствовало о начале перестройки механизма управления.

Во второй половине XVII века произошло оформление ряда юридических признаков, связываемых с абсолютной монархией. Отмена местничества в 1682 году устранила аристократический принцип замещения государственных должностей, заменив его бюрократическим назначением, зависящим исключительно от воли монарха. Изменение титулатуры, в которой термин «самодержец» приобрел значение полноты внутренней власти, получило отражение в официальных актах и международных договорах. Создание Приказа тайных дел как института, функционировавшего вне контроля Боярской думы, означало появление механизма персонального управления, параллельного сословно-представительным учреждениям.

На рубеже XVII–XVIII вв. сословно-представительные институты утратили самостоятельное значение. Прекращение практики созыва Земских соборов, не получившее законодательного оформления, фактически устранило сословное представительство из системы осуществления верховной власти. Основная управленческая нагрузка перешла к бюрократическому аппарату, подчиненному непосредственно монарху.

Сформированные в XVII веке правовые предпосылки (отмена местничества, утверждение принципа неограниченной уголовно-правовой охраны монарха, фактическое прекращение деятельности Земских соборов, формирование бюрократического аппарата, зависимого от верховной власти) создали основу для последующего оформления абсолютной монархии в первой четверти XVIII века. Следовательно, эволюция формы правления в России XVII века подразумевала юридически оформленный процесс перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму, в котором каждый этап характеризовался специфическим сочетанием традиционных и новых правовых институтов.

Литература

1. Куровский С. В., Мишин Д.А., Маринин А.К., Бурдик В., Куровская М.А. К вопросу об обеспечении юридической безопасности цифровых транзакций // Юридическая наука. – 2024. – № 9. – С. 296–303.

2. Мишин Д. А., Куровский С.В., Смолин П.В. Проблемы и перспективы развития отечественного конституционализма // Современное общество и право. – 2024. – № 4 (71). – С. 45–50.

3. Мишин Д. А., Куровский С.В. Трансформация роли международного права в правовой системе России // В сборнике: Современное право России: проблемы и перспективы. Материалы VIII международной научно-практической конференции. – Москва, 2025. – С. 181–184.

4. Сергеева Н.В. Эволюция формы правления российского государства XVII века: основные факторы и последствия // International Law Journal. – 2024. – Т. 7. – № . 7. – С. 124–128.

5. Горелина Ю.А. История развития формы правления в России и ее особенности // Научные исследования в высшей школе: новые идеи. – 2024. – № . 9. – С. 122.

6. Ельчанинова О.Ю. Доктринальные источники русского права в контексте политико-режимного многообразия XVII века // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № . 4 (102). – С. 31–36.

7. Барахвостов П.А. Формирование и эволюция русских фронтиров // Россия и мир: научный диалог. – 2022. – № . 2. – С. 166–177.

8. Федоров А. Б., Бредихин А.Л., Викторов А.В. Форма российского государства в XVII веке: от сословности к абсолютизму // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2025. – № . 3 (47). – С. 20–26.

9. Золотухина Н. М., Власова Т.В. Проблемы определения формы правления России XI – начала XVII вв. в современной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № . 3 (99). – С. 37–47.

10. Ларионов А.С. Генезис самодержавия как государственно-правового феномена в России: историографический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – Т. 25. – № . 1. – С. 96–104.

11. Мазур О.Г. Эволюция электоральных политических практик в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № . 1. – С. 47–64.

12. Ившин В.С. Представления о Смутном времени в российской общественно-политической мысли конца XVIII – начала XIX в // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 26. – № 2. – С. 90–106.

13. Седаев П. В., Никитин А.В., Кочкуров А.С. Русские мыслители-консерваторы XIX–XX веков о монархии как уникальной форме правления в России // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № . 10 (226). – С. 96–99.

14. Сосенков Ф.С. Монархическая форма правления как условие обеспечения территориальной целостности государства в отечественной политико-правовой мысли XVII–XVIII веков // Политика и общество. – 2016. – № . 2. – С. 245–253.

15. Бдоян Д. Г., Манаширов Э.С. Турецкое экономическое чудо как миф // Oriental Studies. – 2025. – Т. 18. – № . 4. – С. 795–810. – DOI 10.22162/2619–0990–2025–80–4–795–810. – EDN ZPHPNY.

THE EVOLUTION OF GOVERNMENT IN RUSSIA IN THE 17TH CENTURY

Brusilovsky R.A.
Moscow University of "Synergy"

The period of the 17th century is conditioned by the transformation of the legal status of the supreme power, changes in the competence of the highest bodies of the state and the restructuring of the system of legal sources. Then it is relevant to turn to the analysis of legal institutions that functioned throughout the 17th century, and to identify patterns of their gradual replacement with bureaucratic management mechanisms. The purpose of the work is to determine the patterns and stages of transformation of the form of government in the state during the 17th century based on the analysis of changes in the legal status of the supreme power, the competence of the highest bodies and the system of legal sources. Research methods: historical and legal, comparative legal, formal and legal, systemic and structural analysis. The main results of the scientific research: the initial state of the form of government at the beginning of the 17th century was determined, taking into account the consequences of the dynastic crisis; changes in the legal status of the monarch, enshrined in legislative acts of the mid-17th century were analyzed; the dynamics of the legal role of the Zemsky Sobors, the Boyar Duma and the prikaz system were established; legal features indicating the formation of elements of absolutism in the second half of the 17th century were identified; A periodization of the evolution of the form of government is substantiated based on changes in the system of legal sources and the distribution of powers. The practical significance of the study lies in the fact that the obtained results can be used in further scientific research on the history of the Russian state and law, in the educational process when preparing courses on the history of the Russian state and law, as well as in conducting research on the genesis of Russian absolutism and the formation of the bureaucratic apparatus of governance.

Keywords: form of government; estate-representative monarchy; absolute monarchy; legal status of the supreme power; Zemsky Sobors; Boyar Duma; prikaz system; Cathedral Code of 1649; localism; historical and legal research.

References

1. Kurovsky S. V., Mishin D.A., Marinin A.K., Burdik V., Kurovskaya M.A. On the Issue of Ensuring Legal Security of Digital Transactions // Legal Science. – 2024. – No. 9. – P. 296–303.

2. Mishin D. A., Kurovsky S.V., Smolin P.V. Problems and Prospects for the Development of Domestic Constitutionalism // Modern Society and Law. – 2024. – No. 4 (71). – P. 45–50.

3. Mishin D. A., Kurovsky S.V. Transformation of the Role of International Law in the Legal System of Russia // In the collection: Modern Law of Russia: Problems and Prospects. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. – Moscow, 2025. – P. 181–184.

4. Sergeeva N.V. Evolution of the Form of Government of the Russian State in the 17th Century: Main Factors and Consequences // International Law Journal. – 2024. – Vol. 7. – No. 7. – P. 124–128.

5. Gorelina Yu.A. History of the Development of the Form of Government in Russia and its Features // Scientific Research in Higher Education: New Ideas. – 2024. – No. 9. – P. 122.

6. Elchaninova O. Yu. Doctrinal Sources of Russian Law in the Context of the Political and Regime Diversity of the 17th Century // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 4 (102). – P. 31–36.

7. Barakhvostov P.A. Formation and Evolution of Russian Frontiers // Russia and the World: Scientific Dialogue. – 2022. – No. 2. – P. 166–177.

8. Fedorov A. B., Bredikhin A.L., Viktorov A.V. The form of the Russian state in the 17th century: from class system to absolutism // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – No. 3 (47). – P. 20–26.

9. Zolotukhina N. M., Vlasova T.V. Problems of determining the form of government of Russia in the 11th – early 17th centuries in modern historiography // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 3 (99). – P. 37–47.

10. Larionov A.S. Genesis of autocracy as a state and legal phenomenon in Russia: historiographic aspect // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. – 2025. – Vol. 25. – No. 1. – P. 96–104.

11. Mazur O.G. Evolution of Electoral Political Practices in Russia // Bulletin of the Tula State University. Humanities. – 2024. – No. 1. – P. 47–64.

12. Ivshin V.S. Concepts of the Time of Troubles in Russian Socio-Political Thought of the Late 18th – Early 19th Centuries // Bulletin of the Ural Federal University. Series 2, Humanities. – 2024. – Vol. 26. – No. 2. – P. 90–106.

13. Sedayev P. V., Nikitin A.V., Kochkurov A.S. Russian conservative thinkers of the 19th-20th centuries on monarchy as a unique form of government in Russia // Law and state: theory and practice. – 2023. – No. 10 (226). – P. 96–99.

14. Sosenkov F.S. Monarchical form of government as a condition for ensuring the territorial integrity of the state in domestic political and legal thought of the 17th-18th centuries // Politics and society. – 2016. – No. 2. – P. 245–253.

15. Bdoyan D. G., Manashirov E.S. The Turkish economic miracle as a myth // Oriental Studies. – 2025. – Vol. 18. – No. 4. – P. 795–810. – DOI 10.22162/2619–0990–2025–80–4–795–810. – EDN ZPHPNY.

Правовые формы и пути системно-структурного развития цифрового законодательства в Российской Федерации

Васиян Роман Иванович,
доцент Департамента гуманитарного и социально-экономического образования, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»; заместитель генерального директора по правовому обеспечению и корпоративному управлению, АО «Концерн "Уралвагонзавод"»
E-mail: R_Vasiyan@mail.ru

В статье исследуются правовые формы и основные направления системно-структурного развития цифрового законодательства в Российской Федерации. Обосновывается, что цифровое законодательство не следует рассматривать как полностью обособленное от традиционной правовой системы явление: по своей природе оно представляет собой межотраслевой нормативный массив, взаимодействующий с конституционным, гражданским, административным, финансовым, информационным и муниципальным правом. На основе формально-юридического, системного и сравнительно-правового методов выделяются уровни регулирования цифровой сферы: конституционный, международно-правовой, федерально-законодательный, подзаконный, ведомственный, региональный и муниципальный. Особое внимание уделяется проблемам разграничения компетенции, коллизиям между нормами Гражданского кодекса Российской Федерации и специального цифрового законодательства, а также соотношению обязательных правовых норм и документов стратегического планирования. Предлагается поэтапная модель совершенствования цифрового законодательства, включающая унификацию понятийного аппарата, установление специальных коллизионных правил, развитие экспериментальных правовых режимов, усиление межведомственной и межуровневой координации и последующую кодификацию в форме рамочного федерального закона либо цифрового кодекса. Сделан вывод о том, что устойчивое развитие цифровой экономики возможно только при формировании внутренне согласованной, иерархически выстроенной и технологически нейтральной правовой среды.

Ключевые слова: цифровое законодательство, цифровая трансформация, цифровая экономика, цифровое право, правовое регулирование, Цифровой кодекс Российской Федерации, правовая система, цифровая среда.

Введение

Развитие цифровой экономики закономерно ведёт к усложнению правового регулирования отношений, возникающих в связи с использованием данных, информационных технологий, цифровых платформ, искусственного интеллекта, электронного документооборота, цифровых финансовых активов и иных технологических решений. По мере расширения цифровой среды возрастает не только количество нормативных правовых актов, затрагивающих соответствующие отношения, но и уровень их отраслевой неоднородности. В результате современное российское законодательство в цифровой сфере представляет собой не единый отраслевой массив, а многоуровневую и функционально дифференцированную систему.

В научной литературе и правоприменительной практике сохраняется дискуссия о том, можно ли рассматривать цифровое право как самостоятельную отрасль права либо корректнее говорить о цифровом законодательстве как о комплексном межотраслевом образовании. Представляется, что для целей системного анализа предпочтительнее второй подход. Цифровая среда не отменяет существования традиционных отраслей права, но видоизменяет их предметное наполнение, способы юридической фиксации прав и обязанностей, формы сделок, методы контроля, порядок идентификации субъектов и механизмы защиты прав. Следовательно, цифровое законодательство не существует вне общей правовой системы, а развивается внутри неё, трансформируя уже сложившиеся правовые конструкции и одновременно порождая новые.

Актуальность исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, действующее цифровое регулирование носит фрагментарный характер: нормы, относящиеся к цифровой среде, рассредоточены по Конституции Российской Федерации, кодексам, специальным федеральным законам, указам Президента Российской Федерации, актам Правительства Российской Федерации, ведомственным документам, актам субъектов Российской Федерации и муниципальным правовым актам. Во-вторых, остаются нерешёнными вопросы о месте стратегических документов в системе регулирования, о соотношении общегражданских и специальных цифровых норм, а также о границах регионального и муниципального нормотворчества. В-третьих, правовая политика в сфере цифровизации всё ещё опережается технологическим развитием, что приводит к коллизиям, лакунам и неодинаковой практике применения законодательства.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении правовых форм и основных направлений системно-структурного развития цифрового законодательства в Российской Федерации. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить методологический статус цифрового законодательства в правовой системе России; выявить уровни и формы нормативного регулирования цифровой сферы; проанализировать наиболее значимые коллизионные и институциональные проблемы; предложить поэтапные пути совершенствования законодательства.

Научная новизна работы заключается в том, что цифровое законодательство рассматривается не как изолированный правовой блок, а как иерархически организованный межотраслевой регулятивный комплекс, включающий как обязательные нормативные предписания, так и документы стратегического планирования, правовые режимы цифрового эксперимента и механизмы межуровневой координации.

Материалы и методы исследования

Нормативную основу исследования составили положения Конституции Российской Федерации [1], Гражданского кодекса Российской Федерации [2], Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3], Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [4], Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [5], Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [6], Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте…» [7], Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых

режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [8], Федерального закона от 29.12.2022 № 572-ФЗ о биометрической идентификации и аутентификации [9], а также Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ [10].

Кроме того, использовались акты стратегического и программного характера: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 [11], Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 [12], Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 [13], распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р [14], постановления Правительства Российской Федерации от 02.03.2019 № 234 [15] и от 10.10.2020 № 1646 [16].

Методологическую основу статьи составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы. Формально-юридический метод позволил установить действующее нормативное содержание иерархии источников цифрового законодательства. Системный подход использован для выявления места цифрового регулирования в общей правовой системе. Сравнительно-правовой анализ применён при рассмотрении соотношения общих и специальных норм, а также обязательных и программно-стратегических документов. Структурно-функциональный метод позволил определить функции каждого уровня регулирования и выявить направления их дальнейшего развития.

Результаты и обсуждение

Прежде всего необходимо разграничить понятия «цифровое право» и «цифровое законодательство». В научном дискурсе эти категории нередко смешиваются, что порождает методологические ошибки. Представляется не вполне корректным утверждать, что цифровое право существует как полностью автономная и качественно обособленная правовая реальность, не связанная с традиционным правом. Столь же спорным является и противоположный тезис, согласно которому любые цифровые отношения без остатка укладываются в рамки уже сложившихся отраслей права и не требуют специальных правовых решений.

Более взвешенным является подход, согласно которому цифровое законодательство представляет собой межотраслевой нормативный массив, регулирующий отношения, возникающие при создании, обработке, передаче, обороте и использовании цифровых данных, цифровых платформ, программных решений, электронных сделок, цифровых активов и иных технологических объектов. Такой массив не разрушает отраслевую структуру права, но пронизывает её, затрагивая одновременно конституционное, гражданское, административное, информационное, финансовое, налоговое, трудовое и муниципальное право.

Именно поэтому в правовой системе Российской Федерации корректнее говорить не о «встраивании» цифрового права в аналоговое право и не о его абсолютном отделении от последнего, а о формировании особой регулятивной подсистемы, основанной на взаимодействии традиционных и новых юридических конструкций. Такой подход позволяет избежать и теоретического радикализма, и практического упрощения.

Исходное значение для всей системы цифрового законодательства имеет Конституция Российской Федерации. Она закрепляет основы правового статуса личности, принципы организации публичной власти, разграничение предметов ведения и фундаментальные гарантии, которые должны соблюдаться и в цифровой среде. К числу таких гарантий относятся право на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и сообщений, право на информацию, право на судебную защиту, а также право на участие в управлении делами государства [1].

Особое значение имеет конституционная норма, согласно которой информация, информационные технологии и связь отнесены к ведению Российской Федерации. После конституционной реформы 2020 г. дополнительное значение приобрели и положения, связанные с обеспечением безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных. Это означает, что базовые правила цифровой среды, включая вопросы идентификации, защиты данных, цифровой безопасности, правового режима платформ и инфраструктуры, должны определяться прежде всего на федеральном уровне.

Вместе с тем не следует абсолютизировать вывод о существовании самостоятельного «права на цифровизацию» либо «права на отказ от цифровизации». Эти формулы допустимы лишь как доктринальные метафоры, но не как точные юридические категории. Конституция Российской Федерации не закрепляет такого права в прямом виде. Корректнее говорить о производных правомочиях гражданина: о праве пользоваться цифровыми государственными и частными сервисами при наличии соответствующей нормативной и технической возможности, а также о праве на альтернативный, нецифровой способ реализации значимых прав в тех случаях, когда закон не установил обязательную исключительно электронную форму. Такой подход позволяет избежать неоправданно широких и методологически неустойчивых конструкций.

Цифровая среда по своей природе трансгранична, поэтому российское цифровое законодательство не может развиваться в отрыве от международно-правовых процессов. Однако и здесь важно методологическое уточнение. Не все международные документы, связанные с цифровой средой, обладают одинаковой юридической силой. В российской правовой системе необходимо различать, во-первых, международные договоры Российской Федерации, являющиеся частью её правовой системы, и, во-вторых, документы мягкого права, формирующие политико-правовые ориентиры, но не создающие непосредственно обязательных норм [1].

Следовательно, неправильно механически включать в один и тот же ряд международные договоры, межгосударственные декларации, политические хартии и программные документы глобального управления цифровой средой. Для системного описания цифрового законодательства это разграничение имеет принципиальное значение. Международные договоры могут прямо влиять на регулирование трансграничных цифровых коммуникаций, электронной торговли, защиты данных, кибербезопасности и взаимодействия в рамках интеграционных объединений. Документы же мягкого права – например, международные цифровые декларации и программные договорённости – выполняют главным образом ориентирующую и координирующую функцию.

В этой связи более точной представляется такая модель: в иерархии источников цифрового законодательства международные договоры Российской Федерации учитываются как обязательные правовые формы, тогда как международные стратегические документы и политические соглашения выступают как внешние ориентиры развития национальной регуляторной политики.

На федеральном уровне сосредоточены основные нормативные акты, непосредственно регулирующие цифровую сферу. Здесь уже сформирован значительный массив специальных законов: об информации, о персональных данных, об электронной подписи, о цифровых финансовых активах, об экспериментальных правовых режимах, об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, о биометрической идентификации и др. [3–9].

Именно федеральный законодательный уровень образует нормативное ядро цифрового законодательства. Вместе с тем существующий массив актов пока не образует внутренне завершённой системы. Он характеризуется фрагментарностью, неодинаковой терминологией, различной степенью отраслевой детализации и недостаточной согласованностью между общими и специальными нормами. В частности, в законодательстве до сих пор неодинаково используются понятия «цифровые данные», «информация», «цифровой актив», «цифровая валюта», «цифровая платформа», «цифровой сервис», «идентификация», «аутентификация», «обработка», «предоставление доступа» и др.

С этих позиций перспективной представляется идея систематизации цифрового законодательства. Однако её реализация должна быть поэтапной. На современном этапе тезис о немедленном принятии всеобъемлющего Цифрового кодекса Российской Федерации представляется методологически привлекательным, но практическим образом ещё недостаточно подготовленным. Проблема заключается в том, что цифровая среда развивается быстрее, чем успевает стабилизироваться специальное регулирование. В этих условиях жёсткая кодификация может оказаться преждевременной и быстро устареть.

Поэтому более реалистичной видится трёхступенчатая модель. На первом этапе необходима инвентаризация и унификация понятийного аппарата цифрового законодательства. На втором этапе – принятие рамочного федерального закона, определяющего базовые принципы цифрового регулирования, систему понятий, коллизионные правила, требования технологической нейтральности и границы межуровневой компетенции. И только на третьем этапе, при достаточной стабилизации нормативного материала, возможно обсуждение кодификации в форме Цифрового кодекса Российской Федерации.

Одной из наиболее сложных проблем является соотношение норм Гражданского кодекса Российской Федерации и специального цифрового законодательства. В исходном варианте статьи данная проблема была поставлена чрезмерно категорично: фактически утверждалось, что нормы гражданского права не способны регулировать цифровые отношения как таковые. Представляется, что такая позиция нуждается в существенном уточнении.

С одной стороны, действительно, гражданско-правовые конструкции были сформированы применительно к традиционным имуще-

ственным и личным неимущественным отношениям. Многие новые цифровые феномены – смарт-контракты, цифровые платформы, токенизированные активы, автоматизированные сделки, распределённые реестры – не укладываются в классические модели без адаптации. С другой стороны, из этого не следует, что нормы Гражданского кодекса Российской Федерации полностью неприменимы к цифровой среде. Напротив, именно гражданское право продолжает регулировать основную массу частноправовых отношений в цифровой форме: сделки, обязательства, ответственность, имущественный оборот, представительство, защиту прав участников гражданского оборота [2].

В этой связи более корректно говорить о следующем. Во-первых, общие нормы Гражданского кодекса Российской Федерации применяются к цифровым отношениям постольку, поскольку специальный закон не установил иного регулирования и поскольку природа соответствующего отношения допускает такое применение. Во-вторых, при наличии специального цифрового закона, прямо регулирующего конкретный вид отношений, действует правило приоритета специальной нормы. В-третьих, при регулировании новых технологических конструкций необходимо использовать не механическое копирование традиционных правовых моделей, а их адаптацию с учётом особенностей цифровой среды.

Показательно, что ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепила категорию цифровых прав [2]. Однако уже сама практика применения этой нормы свидетельствует: гражданско-правового определения недостаточно для охвата всей цифровой реальности. Категория цифровых прав решает лишь часть вопросов частноправового оборота и не заменяет собой комплексное регулирование данных, платформ, алгоритмов, идентификации, электронного документооборота и публичных цифровых сервисов.

Следовательно, ключевая задача состоит не в противопоставлении гражданского и цифрового законодательства, а в законодательном закреплении ясных коллизионных правил их взаимодействия.

Особую роль в развитии цифровой среды играют указы Президента Российской Федерации и акты Правительства Российской Федерации. Именно на этом уровне закрепляются стратегические направления государственной политики, национальные цели цифровой трансформации, меры по развитию искусственного интеллекта, информационного общества, цифровой инфраструктуры и механизмов управления цифровыми проектами [11–16].

Вместе с тем здесь также необходимо методологическое разграничение. Указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации могут носить как нормативный, так и программно-стратегический характер. Поэтому их нельзя безоговорочно приравнивать к федеральным законам. Их задача состоит прежде всего в конкретизации государственных целей, организационно-управленческом обеспечении цифровой политики, запуске программ цифровой трансформации, распределении компетенций и определении механизмов реализации федеральных проектов.

Именно на этом уровне формируется архитектура государственной цифровой политики. Однако чрезмерная перегруженность цифровой среды подзаконными актами способна приводить к нестабильности регулирования и затруднять прогнозирование правовых последствий для участников цифровой экономики. Отсюда следует необходимость более чёткого разграничения вопросов, которые должны регулироваться исключительно законом, и вопросов, допустимых для подзаконной конкретизации.

Следующий уровень системы образуют ведомственные нормативные правовые акты. Они обеспечивают отраслевую адаптацию цифровой политики: устанавливают требования к ведомственным информационным системам, определяют индикаторы цифровой трансформации, регламентируют порядок межведомственного взаимодействия, цифровизации контрольной деятельности, документооборота и оказания услуг [16]. Ведомственное регулирование необходимо, но именно на этом уровне чаще всего возникают проблемы несогласованности терминологии, дублирования требований и избыточной фрагментации правил.

На региональном уровне цифровое регулирование связано прежде всего с реализацией федеральной цифровой политики в субъектах Российской Федерации, созданием региональных платформ и сервисов, цифровизацией здравоохранения, образования, транспорта, городской среды и управления. Однако субъекты Российской Федерации не могут формировать автономный режим базовых цифровых прав и обязанностей, противоречащий федеральному законодательству. Их задача состоит не в создании параллельной цифровой нормативной системы, а в правовом обеспечении реализации федеральных стандартов с учётом региональной специфики.

Муниципальный уровень играет прикладную роль. Именно здесь цифровизация соприкасается с повседневными потребностями граждан: электронные обращения, муниципальные услуги, цифровое участие населения, геоинформационные сервисы, локальные платформенные решения. Поэтому тезис о том, что муниципальный уровень не имеет значения для цифрового регулирования, нельзя признать обоснованным. Напротив, он имеет высокое практическое значение, хотя и остаётся зависимым от федеральной и региональной нормативной базы, а также от финансовых и технических возможностей конкретного муниципального образования (табл. 1).

Таблица 1. Уровни и функции системы цифрового законодательства в Российской Федерации

Уровень	Основные правовые формы	Основная функция	Ключевая проблема развития
Конституционный	Конституция Российской Федерации	Закрепление базовых прав, принципов и разграничения компетенции	Отсутствие точных конституционно-правовых ориентиров по ряду новых цифровых феноменов
Международно-правовой	Международные договоры РФ, акты интеграционных объединений, документы мягкого права	Регулирование трансграничных цифровых процессов и внешние ориентиры развития	Смешение обязательных и рекомендательных международных документов
Федерально-законодательный	Кодексы, федеральные законы в цифровой сфере	Формирование базового нормативного ядра цифровой среды	Фрагментарность, терминологическая неоднородность, коллизии
Подзаконный федеральный	Указы Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ	Стратегическое и организационное обеспечение цифровой политики	Подмена законодательного регулирования подзаконной детализацией
Ведомственный	Приказы, регламенты, программы цифровой трансформации	Отраслевая конкретизация и технологическая адаптация	Несогласованность требований и слабая межведомственная совместимость
Региональный	Законы субъектов РФ, стратегии, региональные программы	Реализация федеральной политики с учётом региональной специфики	Неравномерность цифровой зрелости и отсутствие единых критериев оценки
Муниципальный	Муниципальные правовые акты, локальные цифровые решения	Цифровизация услуг и местного управления	Ограниченность ресурсов и зависимость от вышестоящих уровней

Таблица показывает, что цифровое законодательство Российской Федерации уже сейчас обладает выраженной многоуровневой структурой. Однако его слабым местом остаётся недостаточная согласованность между уровнями и отсутствие общих правил юридической интеграции.

С учётом выявленных проблем можно выделить несколько приоритетных направлений дальнейшего развития.

Во-первых, требуется законодательная унификация понятийного аппарата. Отсутствие единых дефиниций порождает неопределённость в правоприменении и затрудняет межотраслевое взаимодействие норм.

Во-вторых, необходимо нормативно закрепить специальные коллизионные правила для цифровой сферы. Речь идёт прежде всего о соотношении Гражданского кодекса Российской Федерации и специальных цифровых законов, федеральных законов и подзаконных актов, а также федерального и регионального регулирования.

В-третьих, следует развивать экспериментальные правовые режимы как инструмент апробации новых технологий и правовых решений [8]. Однако правовой эксперимент должен сопровождаться прозрачными критериями оценки, временными рамками и обязательным механизмом последующего включения успешных решений в общее законодательство.

В-четвёртых, требуется усиление межведомственной совместимости и правового обеспечения обмена данными. Развитие отраслевых моделей данных, стандартов информационного взаимодействия и правовых условий доступа к государственным и корпоративным массивам данных должно быть оформлено не только программными документами, но и нормативными актами общего действия.

В-пятых, нуждается в развитии система оценки эффективности региональных и муниципальных цифровых проектов. В настоящее время показатели цифровой трансформации часто носят либо слишком общий, либо сугубо ведомственный характер. Для реального правового управления необходимы сопоставимые индикаторы, позволяющие оценивать не только объём внедрённых решений, но и их влияние на качество услуг, доступность прав, снижение административных издержек и уровень защищённости данных.

В-шестых, особое внимание должно быть уделено технологическому суверенитету. Правовое обеспечение перехода на отечественное программное обеспечение, правовой режим критической информационной инфраструктуры, налоговое стимулирование разработчиков и инвесторов, правовые механизмы поддержки значимых цифровых проектов должны быть не только отражены в стратегических документах, но и последовательно закреплены в законодательстве.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать несколько обобщающих выводов.

Во-первых, цифровое законодательство Российской Федерации представляет собой не самостоятельную отрасль права в строгом смысле, а межотраслевой и многоуровневый нормативный массив, взаимодействующий с традиционными отраслями права и постепенно формирующий особую регулятивную подсистему.

Во-вторых, системно-структурная организация цифрового законодательства включает конституционный, международно-правовой, федерально-законодательный, подзаконный, ведомственный, региональный и муниципальный уровни. Каждый из них выполняет собственную функцию, но эффективность всей системы зависит от их согласованности.

В-третьих, основными недостатками действующего цифрового законодательства являются фрагментарность, отсутствие единой терминологии, слабая нормативная координация между уровнями регулирования, а также неурегулированность ряда коллизионных вопросов между Гражданским кодексом Российской Федерации и специальными цифровыми законами.

В-четвёртых, концепция немедленной всеобъемлющей кодификации цифровой сферы требует осторожного подхода. На современном этапе более обоснованной выглядит поэтапная модель: унификация понятий, рамочный закон о цифровой среде, закрепление коллизионных правил, развитие экспериментальных режимов и лишь затем переход к кодификации.

В-пятых, устойчивое развитие цифровой экономики и цифровой правовой среды возможно только при формировании внутренне непротиворечивого, иерархически выстроенного и технологически нейтрального правового механизма, обеспечивающего одновременно инновационное развитие, защиту прав личности, безопасность государства и технологическую независимость Российской Федерации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм. и доп.).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».
5. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».
6. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».
7. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».
9. Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных…».
10. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
11. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».
12. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
13. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”».
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”».
16. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.10.2020 № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти…».
17. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9.
18. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М., 2017.

LEGAL FORMS AND DIRECTIONS OF THE SYSTEM-STRUCTURAL DEVELOPMENT OF DIGITAL LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vasiyan R.I.
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article examines the legal forms and key directions of the system-structural development of digital legislation in the Russian Federation. It is argued that digital legislation should not be treated as a phenomenon fully detached from the traditional legal system: by its nature, it constitutes an intersectoral regulatory array interacting with constitutional, civil, administrative, financial, information, and municipal law. Based on formal legal, systemic, and comparative legal methods, the paper identifies the levels of regulation in the digital sphere: constitutional, international legal, federal legislative, subordinate regulatory, departmental, regional, and municipal. Particular attention is paid to issues of competence delimitation, conflicts between the Civil Code of the Russian Federation and special digital legislation, as well as the correlation between binding legal norms and strategic planning documents. The author proposes a phased model for improving digital legislation, including the unification of terminology, the establishment of special conflict-of-law rules, the development of experimental legal regimes, stronger interdepartmental and multilevel coordination, and subsequent codification in the form of a framework federal law or a Digital Code. The conclusion is made that sustainable development of the digital economy is only possible when an internally coherent, hierarchically structured, and technologically neutral legal environment is formed.

Keywords: digital legislation, digital transformation, digital economy, digital law, legal regulation, Digital Code of the Russian Federation, legal system, digital environment.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Constitution of the Russian Federation].
2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 No. 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ].
3. Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 No. 149-FZ “Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii” [Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 “On Information, Information Technologies and Information Protection”].
4. Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 No. 152-FZ “O personal'nykh dannykh” [Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 “On Personal Data”].
5. Federal'nyy zakon ot 06.04.2011 No. 63-FZ “Ob elektronnoy podpisi” [Federal Law No. 63-FZ of April 6, 2011 “On Electronic Signature”].
6. Federal'nyy zakon ot 27.07.2010 No. 210-FZ “Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug” [Federal Law No. 210-FZ of July 27, 2010 “On the Organization of the Provision of State and Municipal Services”].
7. Federal'nyy zakon ot 31.07.2020 No. 259-FZ “O tsifrovykh finansovykh aktivakh, tsifrovoy valyute i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 “On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”].
8. Federal'nyy zakon ot 31.07.2020 No. 258-FZ “Ob eksperimental'nykh pravovykh rezhimakh v sfere tsifrovykh innovatsiy v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 258-FZ of July 31, 2020 “On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation”].
9. Federal'nyy zakon ot 29.12.2022 No. 572-FZ “Ob osushchestvlenii identifikatsii i (ili) autentifikatsii fizicheskikh lits s ispol'zovaniem biometricheskikh personal'nykh dannykh…” [Federal Law No. 572-FZ of December 29, 2022 “On Identification and/or Authentication of Individuals Using Biometric Personal Data…”].
10. Federal'nyy zakon ot 06.10.2003 No. 131-FZ “Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 131-FZ of

October 6, 2003 "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation"].

11. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.05.2017 No. 203 "O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody" [Presidential Decree No. 203 of May 9, 2017 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030"].

12. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 10.10.2019 No. 490 "O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii" [Presidential Decree No. 490 of October 10, 2019 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation"].

13. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 05.12.2016 No. 646 "Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii" [Presidential Decree No. 646 of December 5, 2016 "On the Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation"].

14. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 28.07.2017 No. 1632-r "Ob utverzhdenii programmy 'Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii'" [Government Order No. 1632-r of July 28, 2017 "On Approving the Program 'Digital Economy of the Russian Federation'"].

15. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 02.03.2019 No. 234 "O sisteme upravleniya realizatsiey natsional'noy programmy 'Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii'" [Government Resolution No. 234 of March 2, 2019 "On the Management System for the Implementation of the National Program 'Digital Economy of the Russian Federation'"].

16. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 10.10.2020 No. 1646 "O merakh po obespecheniyu effektivnosti meropriyatiy po ispol'zovaniyu informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v deyatel'nosti federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti…" [Government Resolution No. 1646 of October 10, 2020 "On Measures to Ensure the Effectiveness of ICT Use in the Activities of Federal Executive Bodies…"].

17. Khabrieva T. Ya. Pravo pered vyzovami tsifrovoy real'nosti [Law Facing the Challenges of Digital Reality]. Zhurnal rossiyskogo prava, 2018, No. 9.

18. Morkhat P.M. Iskusstvennyy intellekt: pravovoy vzglyad [Artificial Intelligence: A Legal View]. Moscow, 2017.

Персональные данные как объект преступления

Гаврилов Георгий Владиславович,
аспирант, МГИМО (У) МИД России
E-mail: gavrilov_g_v@mail.ru

В статье исследуются персональные данные в качестве элемента состава преступления. На основе анализа доктринальных позиций и действующего законодательства, включая ст. 272.1 УК РФ (ФЗ от 30.11.2024 № 421-ФЗ), рассматривается дискуссия о том, выступают ли персональные данные объектом или предметом преступления. Обосновывается, что персональные данные занимают двойственное положение в структуре состава: являясь предметом преступного посягательства (компьютерной информацией, содержащей сведения о лице), они одновременно указывают на объект – общественные отношения, обеспечивающие информационную безопасность личности и режим конфиденциальности данных. Анализируется дифференциация предмета по категориям (общие, специальные, биометрические данные) и её значение для квалификации. Рассматривается проблема множественности объектов при рассредоточении норм по разным главам УК РФ.

Ключевые слова: персональные данные, объект преступления, предмет преступления, информационная безопасность личности, неприкосновенность частной жизни, конфиденциальность, компьютерная информация.

Введение

Стремительный рост числа посягательств на персональные данные и введение в Уголовный кодекс РФ новой статьи 272.1 в 2024-м году [1] актуализировали теоретический вопрос о месте персональных данных в системе элементов состава преступления. Менее чем за год действия новой нормы она была применена в 923 уголовных делах [2], что подтвердило её востребованность, но одновременно обострило ряд догматических проблем: какие общественные отношения составляют объект соответствующих преступлений? Являются ли персональные данные объектом или предметом посягательства? Как соотносятся объекты преступлений, предусмотренных ст. 137, 138, 183, 272 и 272.1 УК РФ, при том что все они в той или иной мере охраняют информацию о личности?

В доктрине отмечается, что признаки, описывающие объекты действующих составов, не охватывают исчерпывающе всю множественность персональных данных, неправомерное воздействие на которые способно образовать достаточную общественную опасность. Введение ст. 272.1 УК РФ призвано было восполнить этот пробел, однако вопросы объекта и предмета нового состава нуждаются в теоретическом осмыслении.

Целью настоящей статьи является уголовно-правовой анализ персональных данных как элемента состава преступления в единстве объекта и предмета посягательства с учётом новелл российского законодательства и сравнительно-правовых подходов.

Персональные данные как предмет преступления

Предмет преступления в теории уголовного права определяется как материальный (вещественный) субстрат, на который непосредственно воздействует виновный при совершении преступления. Применительно к информационным преступлениям предметом выступает информация, т.е. сведения, зафиксированные на определённом носителе. Персональные данные, определяемые как любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определённому или определяемому физическому лицу (ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»), образуют особую разновидность такого предмета.

Однако широта легального определения порождает серьёзные проблемы при использовании персональных данных в качестве признака состава преступления. Как справедливо отмечается в литературе, весь многообразный спектр массивов сведений о лице, неправомерным воздействием на которые может быть причинён существенный вред, настолько широк, что возможностей юридической техники для его исчерпывающего нормативного закрепления недостаточно [3]. При этом излишне абстрактное описание предмета способно повлечь необоснованно широкое усмотрение правоприменителя, а избыточная казуальность грозит оставить за рамками охраны значимые категории сведений.

М.В. Бундин обосновывает, что персональные данные представляют собой формализованную информацию, «данные», т.е. сведения, упорядоченные определённым образом (по носителю, знаковой системе, внутреннему содержанию) и подготовленные для обработки [4]. Данный подход имеет значение для отграничения предмета преступления: предметом ст. 272.1 УК РФ является именно *компьютерная информация*, содержащая персональные данные, т.е. сведения, представленные в форме электрических сигналов [1]. Персональные данные на бумажных носителях или в устной форме не подпадают под эту норму, хотя могут быть предметом иных составов (ст. 137, 183 УК РФ), предусматривающих сведения на любых носителях и в любой форме [5].

Таким образом, предмет преступления определяется не только содержанием информации (её отнесением к персональным данным), но и формой её представления. Это обстоятельство обусловливает существенную дифференциацию уголовно-правовой охраны: одни и те же по содержанию сведения о лице выступают предметом разных составов в зависимости от того, в какой форме они зафиксированы, какому правовому режиму подчинены и каким способом на них осуществлено посягательство.

Законодатель при конструировании ст. 272.1 УК РФ учёл неоднородность персональных данных как предмета преступления, предусмотрев дифференцированную ответственность в зависимости от катего-

рии данных: ч. 1 охватывает общие персональные данные, а ч. 2 устанавливает квалифицированный состав за деяния в отношении данных несовершеннолетних, специальных категорий и биометрических данных.

Общие персональные данные (имя, дата рождения, адрес, профессия и т.п.) при неправомерном обороте сами по себе могут не причинить существенного вреда, однако, как обоснованно отмечается в литературе, в зависимости от конкретных условий времени, места и обстановки перечень данных, воздействие на которые причиняет существенный вред, различен [3]. Так, сведения о месте жительства лица, который является участником уголовного судопроизводства, способны поставить его под угрозу, тогда как в иных ситуациях те же сведения подобной опасности не образуют.

Специальные (чувствительные) персональные данные – сведения о расовой и национальной принадлежности, политических взглядах, религиозных убеждениях, состоянии здоровья, интимной жизни (ст. 10 ФЗ «О персональных данных»). Зарубежные исследователи П. Куинн и Дж. Мальгьери обосновывают, что повышенная, особая (*sui generis*) защита чувствительных данных является требованием, вытекающим из практики ЕСПЧ по защите основных прав человека и его свобод. [6]. Обработка таких данных сопряжена с повышенным риском дискриминации, что объясняет выделение квалифицированного состава в ч. 2 ст. 272.1 УК РФ.

Биометрические персональные данные (физиологические и биологические особенности) отличаются уникальностью и невозможностью замены. В.А. Чукреев, анализируя биометрические данные как предмет уголовно-правовой охраны, указывает на необходимость уголовно-правовой защиты различных их видов (данные изображения лица, голосовые данные, дактилоскопические данные, данные ДНК) и обосновывает, что незаконный оборот персональных данных, в том числе биометрических, несёт потенциальную угрозу общественным отношениям [7]. Включение биометрических данных в квалифицированный состав ст. 272.1 УК РФ соответствует этой позиции.

Данная классификация имеет не только квалификационное, но и теоретическое значение: она показывает, что общественная опасность посягательства определяется не просто фактом воздействия на информацию о лице, а характером этой информации. Чем выше «чувствительность» данных, тем значительнее потенциальный вред для субъекта данных и, соответственно, тем строже ответственность.

Существенной проблемой является сложность формулирования предмета преступления в диспозиции уголовно-правовой нормы. В литературе высказывалось мнение о том, что для уголовно-правовой охраны не требуется формулирования определения персональных данных: достаточно ввести норму о «похищении у гражданина конфиденциальной информации» [8]. Однако потенциал абстракции такого словосочетания значительно превышает официальное определение персональных данных, что не соответствует требованиям формальной определённости [3].

Законодатель в ст. 272.1 УК РФ избрал иной путь: предметом преступления названа «компьютерная информация, содержащая персональные данные», при этом легальное определение персональных данных заимствовано из ФЗ «О персональных данных» посредством бланкетной отсылки. Такое решение представляется оптимальным: оно обеспечивает определённость предмета (через отсылку к регулятивному закону), не сужая его искусственно.

Вместе с тем формулировка «полученной путём неправомерного доступа… либо иным незаконным путём» вводит существенное ограничение: предметом данного состава являются не любые персональные данные, а лишь те, которые были *изначально получены незаконным путём* [2]. Это ограничение отграничивает уголовно наказуемое деяние от административных правонарушений в сфере обработки персональных данных и определяет специфику предмета именно данного состава.

Объект преступлений, посягающих на персональные данные

Вопрос об объекте преступлений, посягающих на персональные данные, является одним из наиболее дискуссионных в уголовно-правовой науке. В литературе сформировались три основные позиции.

Согласно *первой позиции*, объектом охраны выступает конституционное право на неприкосновенность частной жизни, а уголовно-правовая защита должна обеспечиваться не персональным данным непосредственно, а праву на их неприкосновенность [9]. Данный подход соответствует конституционным положениям (ст. 23, 24 Конституции РФ) и обосновывает размещение ст. 137 УК РФ в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Однако его ограниченность состоит в том, что не все персональные данные относятся к частной жизни: как разъяснил Конституционный Суд РФ, в понятие «частная жизнь» включается лишь та область жизнедеятельности, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества или государства [10]. Так, сведения о государственном регистрационном знаке транспортного средства являются персональными данными, но не сведениями о частной жизни, поскольку подлежат государственному контролю.

Вторая позиция предлагает рассматривать в качестве объекта сами персональные данные, понимаемые как личная информация, охраняемая в качестве элемента тайны частной жизни [11]. Однако данный подход смешивает объект и предмет преступления: персональные данные как информация суть то, на *что* направлено посягательство (предмет), тогда как объектом являются нарушаемые при этом общественные отношения. Не ограничиваясь терминологическим смешением, эта позиция совершает более серьёзную методологическую ошибку: она замещает нарушаемые общественные отношения (то, чему причиняется вред) своего рода информационным субстратом, то есть ставит на место охраняемого блага сам объект воздействия. Это лишает категорию объекта её аналитического содержания: если считать объектом преступления информационный массив, а не охраняемые отношения, становится невозможным объяснить, почему одни и те же персональные данные образуют принципиально разные составы в зависимости от контекста посягательства, и именно объект преступления, а не предмет, является тем критерием, по которому эти составы разграничиваются.

Третья позиция, представляющаяся наиболее обоснованной, определяет объект как общественные отношения, связанные с обеспечением информационной безопасности личности и защищённостью персональных данных [12]. О.С. Капинус определяет безопасность персональных данных как один из важнейших объектов конституционно-правовой охраны, включающий общественные отношения, обеспечивающие защиту конституционных прав граждан, в том числе связанных с неприкосновенностью частной жизни, при аккумулировании, передаче, копировании и использовании персональных данных [13]. Данный подход позволяет охватить всё многообразие персональных данных (как относящихся, так и не относящихся к частной жизни в собственном смысле) и обосновать размещение ст. 272.1 УК РФ в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации».

Представляется, что применительно к ст. 272.1 УК РФ непосредственным объектом следует признать общественные отношения, обеспечивающие конфиденциальность, целостность и правомерный оборот компьютерной информации, содержащей персональные данные. Дополнительным объектом могут выступать конституционные права лица на неприкосновенность частной жизни, а при посягательстве на специальные категории данных – право на защиту от дискриминации, право на охрану здоровья и иные конституционные права.

Системный анализ норм, охраняющих персональные данные, обнаруживает характерную проблему: один и тот же предмет (персональные данные) защищается нормами, расположенными в разных главах УК РФ, что означает принадлежность к разным родовым и видовым объектам.

Статья 137 УК РФ находится в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» (раздел VII «Преступления против личности»). Родовой объект – общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность личности; видовой – конституционные права и свободы. Персональные данные охраняются здесь постольку, поскольку составляют элемент личной или семейной тайны [5].

Статья 183 УК РФ расположена в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» (раздел VIII). Родовой объект – отношения в сфере экономики; видовой – порядок экономической деятельности. Персональные данные защищаются как элемент коммерческой, налоговой или банковской тайны.

Статьи 272 и 272.1 УК РФ размещены в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» (раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»). Родовой объект – общественная безопасность; видовой – безопасность в сфере компьютерной информации. Персональные данные защищаются как разновидность компьютерной информации, доступ к которой ограничен [15].

Такое рассредоточение не является случайным. На наш взгляд, оно отражает многоаспектность общественных отношений, нарушаемых при посягательствах на персональные данные. Однако оно порождает и серьёзные квалификационные проблемы: при единстве предмета (персональные данные) применению подлежат разные нормы в зависимости от того, какой аспект общественных отношений в первую оче-

редь нарушен – право на частную жизнь, экономический порядок или информационная безопасность.

Введение ст. 272.1 УК РФ существенно изменило систему объектов уголовно-правовой охраны персональных данных. Если ранее персональные данные защищались исключительно опосредованно (через институт различных видов тайн и охрану компьютерной информации), то теперь они впервые выступают *непосредственно* названным элементом состава преступления.

Структура исследуемой статьи позволяет выделить основной и дополнительные объекты. Основной объект – общественные отношения, обеспечивающие защищённость компьютерной информации, содержащей персональные данные, от незаконного оборота. Дополнительные объекты варьируются в зависимости от квалифицирующих признаков: при посягательстве на данные несовершеннолетних дополнительно затрагиваются отношения по охране интересов детей; при использовании служебного положения (ч. 3) – отношения, обеспечивающие надлежащее исполнение должностных обязанностей; при трансграничной передаче (ч. 4) – отношения по обеспечению информационного суверенитета государства.

Соотношение ст. 272.1 с «традиционными» составами определяется следующим образом. Статья 272 УК РФ охраняет *сам факт* неправомерного доступа к компьютерной информации; ст. 272.1 – *последующий оборот* (использование, передачу, сбор, хранение) данных, полученных незаконным путём. Статья 137 УК РФ охраняет неприкосновенность частной жизни и не ограничена формой представления сведений (в отличие от ст. 272.1, предмет которой – исключительно компьютерная информация). Статья 183 УК РФ охраняет конфиденциальность экономически значимой информации и применяется при посягательствах на персональные данные, составляющие коммерческую, налоговую или банковскую тайну.

Р.Р. Гайфутдинов справедливо указывает, что объектом уголовно-правовой охраны ст. 272 УК РФ персональные данные становятся в случае их обработки в автоматизированных вычислительных системах в виде электронной информации [12]. Аналогичное ограничение характерно и для ст. 272.1 УК РФ. Таким образом, персональные данные вне компьютерной формы остаются за пределами охраны данных норм и защищаются лишь «традиционными» составами (ст. 137, 183 УК РФ), что делает вывод о полноте охраны, достигнутой введением ст. 272.1, преждевременным.

Двойственная природа персональных данных в структуре состава преступления

Проведённый анализ позволяет утверждать, что персональные данные занимают двойственное положение в структуре состава преступления.

С одной стороны, они выступают *предметом преступления* – тем информационным субстратом, на который непосредственно направлено деяние виновного. В качестве предмета они обладают рядом характеристик: принадлежность к определённой категории (общие, специальные, биометрические); форма представления (компьютерная или иная); правовой режим (конфиденциальные, общедоступные, составляющие определённый вид тайны); способ получения (законный или незаконный). Совокупность этих характеристик определяет, какой именно состав преступления подлежит применению.

С другой стороны, через характеристики предмета проявляется *объект преступления* – те общественные отношения, которым причиняется вред. Категория данных указывает на степень общественной опасности посягательства; форма представления – на родовой объект (компьютерная безопасность при электронной форме, конституционные права – при любой форме); правовой режим – на видовой объект (тайна частной жизни, коммерческая тайна, безопасность компьютерной информации).

Примечательно, что Чжилун Го при анализе сравнительно-правовых моделей криминализации посягательств на персональные данные приходит к аналогичному выводу о необходимости комплексного подхода: он предлагает дифференцировать незаконное использование персональных данных по трём сферам: приватной, персональной и социальной, с учётом степени посягательства на информационную автономию личности, вреда иным правовым благам и уровня опасности, исходящей от виновного [15]. Такая классификация, по существу, отражает то, что один и тот же предмет (персональные данные) нарушает разные объекты в зависимости от контекста посягательства.

Аналогичный подход прослеживается и в зарубежном законодательстве. Во Франции, как показывает М. Кемнер, уголовная защита персональных данных выстроена по трём направлениям: специфические правонарушения, связанные с нарушением режима обработки данных; компьютерные преступления; классические составы (мошенничество, кража личности), применяемые в контексте неправомерного использования персональных данных [16]. Каждое направление защищает свой объект, хотя предмет (персональные данные) остаётся единым.

Проблемы квалификации, обусловленные спецификой объекта и предмета

Особенности персональных данных как объекта и предмета преступления порождают ряд практически значимых квалификационных проблем.

Конкуренция норм. При собирании сведений о частной жизни путём неправомерного доступа к компьютерной системе возникает вопрос о соотношении ст. 137, 272 и 272.1 УК РФ. Единство предмета (персональные данные в электронной форме) при множественности объектов (частная жизнь, безопасность компьютерной информации, правомерный оборот данных) ставит вопрос о том, квалифицировать ли содеянное по совокупности или по одной из конкурирующих норм [17]. Представляется, что выбор модели квалификации должен определяться направленностью умысла и основным объектом посягательства. Если целью деяния является получение сведений о частной жизни конкретного лица, а компьютерный доступ – лишь технический инструмент, применению подлежит прежде всего ст. 137 УК РФ; ст. 272.1 применяется в совокупности лишь при самостоятельной общественной опасности компьютерного способа. Если же безопасность компьютерной информации выступает самостоятельным объектом, ст. 272.1 как специальная норма поглощает ст. 272. Совокупность со ст. 137 оправдана при реальном стечении деяний – в частности, когда нарушение тайны частной жизни и незаконный оборот компьютерных данных образуют самостоятельные составы, разделённые по субъекту, времени или потерпевшему.

Установление предмета. В судебных актах по уголовным делам о посягательствах на охраняемые законом тайны, как правило, не устанавливается отношение соответствующих сведений к персональным данным и не проверяется возможность данных прямо или косвенно определить конкретное физическое лицо [18]. Представляется, что по уголовному делу о посягательстве на персональные данные необходимо установить: принадлежность сведений к персональным данным; возможность через них определить субъекта данных; правовой режим (тайна, конфиденциальность); форму представления (компьютерная или иная); категорию данных (общие, специальные, биометрические). Отсутствие такого алгоритма в правоприменительной практике влечёт не просто квалификационные ошибки, но систематическое нарушение принципов законности и предсказуемости уголовного запрета: когда суд не устанавливает, являются ли сведения персональными данными и к какой категории они относятся, гражданин лишается возможности предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий, а границы уголовной ответственности определяются усмотрением правоприменителя, а не законом. Это, на наш взгляд, не технический изъян, а прямое нарушение ст. 3 УК РФ.

Ограниченность предмета ст. 272.1 УК РФ. Норма охватывает только компьютерную информацию, полученную незаконным путём. Персональные данные на бумажных носителях, данные, собранные законно, но используемые не по назначению, а также данные, полученные путём обмана (социальная инженерия), формально могут не подпадать под ст. 272.1 УК РФ. Это означает, что «традиционные» составы (прежде всего ст. 137 УК РФ) сохраняют самостоятельное значение для охраны персональных данных за пределами компьютерной формы и незаконного способа получения. Речь идёт о реальных, а не гипотетических лакунах. Данные, полученные на законных основаниях (например, в рамках трудовых отношений, при оказании услуг, в ходе публичного взаимодействия), но впоследствии переданные третьим лицам или использованные против субъекта данных, в действующей редакции ст. 272.1 УК РФ уголовной ответственности не влекут. Аналогичная ситуация складывается с данными, выуженными методами социальной инженерии: если злоумышленник убедил жертву добровольно сообщить сведения о себе или о третьем лице, компьютерного воздействия на системы не было, и ст. 272.1 формально неприменима. Эти пробелы требуют либо законодательной корректировки диспозиции, либо разъяснений Пленума ВС РФ, исключающих произвольное сужение сферы охраны в ущерб субъектам данных.

Соотношение формы получения и характера данных. Формулировка «иным незаконным путём» в ч. 1 ст. 272.1 оставляет значительное пространство для толкования: под неё потенциально подпадает любое нарушение законодательства о персональных данных. Как разъяснило Минцифры, речь идёт о данных, полученных в результате неправомерного воздействия на серверы, компьютеры и сети. Однако эта позиция нуждается в закреплении на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. При этом недопустимо расширительное толкование, при котором под действие ст. 272.1 УК РФ подпадает любое

нарушение Федерального закона «О персональных данных»: приравнивать административное правонарушение в сфере обработки данных к уголовно наказуемому обороту лишь по факту отступления от требований 152-ФЗ – значит стирать конституционно значимую границу между административной и уголовной ответственностью. Квалифицирующим признаком должен служить способ получения данных, т.е. именно компьютерно-технологическое воздействие на системы и сети, а не характер нарушения регуляторных предписаний. Получение данных посредством обмана регулятора, нарушения условий лицензии или нецелевого использования баз данных, при отсутствии неправомерного воздействия на технические системы, в действующей редакции нормы охвачено быть не может.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Персональные данные в структуре состава преступления занимают двойственное положение. В строгом уголовно-правовом смысле они являются *предметом* преступления – информацией (сведениями), на которую направлено посягательство. Предмет дифференцируется по нескольким основаниям: по категории данных (общие, специальные, биометрические), по форме представления (компьютерная информация или сведения на иных носителях), по правовому режиму (конфиденциальные данные, элемент тайны частной жизни, коммерческая тайна), по способу получения (законный или незаконный). Каждое из этих оснований влияет на квалификацию деяния.

Объектом же преступлений, посягающих на персональные данные, выступают общественные отношения, обеспечивающие информационную безопасность личности – конфиденциальность, целостность и правомерный оборот персональных данных. Конкретное содержание объекта определяется через характеристики предмета и обстоятельства посягательства: нарушение тайны частной жизни, экономического порядка или безопасности компьютерной информации.

Введение ст. 272.1 УК РФ ознаменовало важный сдвиг: персональные данные впервые прямо названы в диспозиции уголовно-правовой нормы, что означает их признание самостоятельным предметом уголовно-правовой охраны. Дифференциация ответственности по категориям данных (ч. 1 и ч. 2 ст. 272.1) отражает научно обоснованный подход к оценке общественной опасности через характеристики предмета. Вместе с тем ограничение предмета компьютерной формой и незаконным способом получения данных означает, что «традиционные» составы (ст. 137, 138, 183, 272 УК РФ) сохраняют самостоятельное значение для охраны персональных данных в аспектах, не охваченных новой нормой.

Представляется, что дальнейшее совершенствование практики применения указанных норм предполагает выработку на уровне Пленума Верховного Суда РФ единообразных подходов к установлению предмета преступления (отнесение сведений к персональным данным, определение их категории и формы), к разграничению конкурирующих составов и к толкованию понятия «иной незаконный путь» получения данных в ст. 272.1 УК РФ. Изложенный подход к соотношению объекта и предмета вписан в разрабатываемую автором концепцию информационной безопасности личности как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны в цифровой среде – концепцию, в рамках которой персональные данные рассматриваются как ключевой элемент «цифровой личности» субъекта в экономике данных.

Литература

1. Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 02.12.2024, N 49 (часть IV), ст. 7412

2. Пятиизбянцев Н. Статья 272 УК РФ и не только. Риски правоприменительной практики [Электронный ресурс] // PlusWorld. 2025. URL: https://plusworld.ru/articles/64230/ (дата обращения: 2.02.2026)

3. Бегишев И.Р., Кирпичников Д.В. Проблемные вопросы уголовно-правовой охраны персональных данных // Уголовная юстиция. 2020. № 15.

4. Бундин М.В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017.

5. Грачева Ю.В., Ермакова Л.Д. и др. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2013.

6. Quinn P., Malgieri G. The Difficulty of Defining Sensitive Data – The Concept of Sensitive Data in the EU Data Protection Framework // German Law Journal. 2021. № 22. P. 1583–1612.

7. Чукреев В.А. Персональные данные, в том числе биометрические данные, как предметы уголовно-правовой охраны // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 3. С. 107–116.

8. Старцева Н.В. К вопросу об уголовно-правовой охране персональных данных клиентов банка // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4.

9. Малеина М.Н. Право на тайну и неприкосновенность персональных данных // Журнал российского права. 2010. № 11.

10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 1253-О // СПС «КонсультантПлюс»

11. Латыпова Э.Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // Экономика и право. 2019. № 2. С. 35–45.

12. Гайфутдинов Р.Р. Уголовно-правовая характеристика посягательства на персональные данные, обрабатываемые в автоматизированных системах // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 4. Т. 156. С. 159.

13. Капинус О.С. Безопасность персональных данных как один из важнейших объектов конституционно-правовой охраны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 10–15.

14. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. М.: Юридический центр Пресс, 2007.

15. Guo Zh. Criminalisation of the illegal use of personal data: comparative approaches and the Chinese choice // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. P. 782.

16. Quéméner M. Les données personnelles à l'ère numérique: Quelle protection sur le plan pénal? // Revue du droit public. 2016. № 1. P. 71–86.

17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд. М.: Проспект, 2021.

18. Гутник С.И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2017.

19. Цифровое право: учебник / под ред. Э.Л. Сидоренко. М.: Юрлитинформ, 2024.

PERSONAL DATA AS AN OBJECT OF CRIME

Gavrilov G.V.
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

This article examines personal data as an element of a crime. Based on an analysis of doctrinal positions and current legislation, including Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (Federal Law No. 421-FZ of November 30, 2024), the article examines the debate about whether personal data is the object or subject of a crime. It is argued that personal data occupies a dual position in the structure of a crime: while being the subject of a criminal offense (computer information containing personal information), it simultaneously points to the object–social relations that ensure the information security of an individual and data confidentiality. The article analyzes the differentiation of the subject by category (general, special, and biometric data) and its significance for classification. The problem of multiple objects when provisions are distributed across different chapters of the Russian Criminal Code is considered.

Keywords: personal data, object of crime, subject of crime, personal information security, privacy, confidentiality, computer information.

References

1. Federal Law of November 30, 2024, No. 421-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, December 2, 2024, No. 49 (Part IV), Article 7412

2. Pyatizbyantsev, N. Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation and More. Risks of Law Enforcement Practice [Electronic resource] // PlusWorld. 2025. URL: https://plusworld.ru/articles/64230/ (accessed: February 2, 2026)

3. Begishev, I.R., Kirpichnikov, D.V. Problematic Issues of Criminal-Law Protection of Personal Data // Criminal Justice. 2020. No. 15.

4. Bundin, M.V. Personal Data in the Restricted-Access Information System: Cand. jurid. sciences. Moscow, 2017.

5. Gracheva Yu.V., Ermakova L.D., et al. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / Ed. A.I. Rarog. Moscow: Prospect, 2013.

6. Quinn P., Malgieri G. The Difficulty of Defining Sensitive Data – The Concept of Sensitive Data in the EU Data Protection Framework // German Law Journal. 2021. No. 22. P. 1583–1612.

7. Chukreev V.A. Personal data, including biometric data, as subjects of criminal law protection // Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2022. No. 3. P. 107–116.

8. Startseva N.V. On the Issue of Criminal-Law Protection of Personal Data of Bank Clients // Gaps in Russian Legislation. 2011. No. 4.

9. Maleina M.N. The Right to Secrecy and Inviolability of Personal Data // Journal of Russian Law. 2010. No. 11.

10. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 28, 2012 No. 1253-O // SPS "ConsultantPlus"

11. Latypova E. Yu. Some Aspects of Criminal Liability for Acts Infringing on the Inviolability of Private Life // Economics and Law. 2019. No. 2. Pp. 35–45.

12. Gaifutdinov R.R. Criminal-Law Characteristics of Infringement on Personal Data Processed in Automated Systems // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. 2014. No. 4. Vol. 156. P. 159.

13. Kapinus O.S. Security of personal data as one of the most important objects of constitutional and legal protection // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2018. No. 6 (68). P. 10–15.

14. Volzhenkin B.V. Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia. Moscow: Legal Center Press, 2007.

15. Guo Zh. Criminalization of the illegal use of personal data: comparative approaches and the Chinese choice // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. P. 782.

16. Quéméner M. Les données personnelles à l'ère numérique: Quelle sur le plan penal? // Revue du droit public. 2016. No. 1. P. 71–86.

17. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / Ed. G.A. Esakov. 9th ed. Moscow: Prospect, 2021.

18. Gutnik S.I. Criminal-legal characteristics of criminal attacks on personal data: Abstract of a PhD thesis. Vladivostok, 2017.

19. Digital law: textbook / Ed. E.L. Sidorenko. Moscow: Yurlitinform, 2024.

К вопросу об управленческих процессуальных действиях суда первой инстанции по делам о банкротстве

Дмитриев Павел Александрович,
аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева; консультант Аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
E-mail: pauldmitriev1691@gmail.com

Предметом настоящей статьи является исследование управленческих процессуальных действий арбитражного суда в деле о банкротстве. Исследование опирается на разнообразные методы познания, включая как общенаучные, так и частно-научные. Среди них можно выделить системный подход, который позволяет изучать явления с учётом их взаимосвязей и взаимозависимостей. Данный метод позволяет рассмотреть проблему с разных сторон и получить более полное представление о рассматриваемом вопросе. Теоретическую базу исследования формируют научные труды отечественных учёных и правовых теоретиков, которые исследовали содержание понятия процессуальной деятельности суда относительно его полномочий, выделяя в их структуре организационные, контрольные и управленческие полномочия, однако не выделяя на их основе конкретные процессуальные действия суда и их признаки. Целью исследования является выделение и разъяснение конкретных процессуальных действий суда направленных на управление процессуальным механизмом несостоятельности и выделение их сущностных признаков. Нормативной основой исследования являются Конституция Российской Федерации, гражданское и арбитражное процессуальное законодательство.

Ключевые слова: процессуальная деятельность, суд, несостоятельность, банкротство, управленческое процессуальное действие.

В последние годы в отечественной процессуальной литературе одним из перспективных направлений для исследований признается изучение эффективности цивилистических судопроизводств, в частности производства по банкротству. Данный вид гражданского судопроизводства – достаточно крупный правовой феномен, уяснение эффективности которого без анализа его компонентов едва ли возможно. Для оценки эффективности в следующих работах, в данный момент, нам видится целесообразным сосредоточиться на процессуальной деятельности суда как структурном элементе вида производства.

Также не будет лишним обозначить предмет нашей статьи, а именно – процессуальные действия арбитражного суда первой инстанции в рамках банкротства, именуемые в литературе «управленческими».

«Процессуальная деятельность суда – это совершаемые им на основании имеющихся полномочий процессуальные действия, связанные с рассмотрением по существу правовых конфликтов и иных дел, с проверкой правомерности судебных актов нижестоящих судов и их отменой и пересмотром в случаях, установленных законом, а также контролю за исполнением судебных постановлений, находящие выражение в принимаемых им судебных актах»[1].

Указанное определение применимо к обозначению процессуальной деятельности судов всех инстанций и не затрагивает специфики конкретных видов производств, между тем также влияющей на нее. В этой связи видится правильным сосредоточиться на изучении деятельности суда первой инстанции, поскольку в деле о банкротстве именно суд первой инстанции полномочен рассматривать по существу дело о банкротстве и вытекающие из него обособленные споры.

В работах Е.Г. Дорохиной, Е.Н. Сердитовой, А.К. Большовой, С.А. Карелиной, А.М. Синякиной, П.А. Маркова и др[2]. отмечается совершение судом процессуальных действий по управлению механизмом несостоятельности. При этом понятно, почему проблема наделения суда законодателем т.н. управленческими полномочиями, в общем-то несвойственными для судов, активно освещалась в отечественной литературе фактически с начала действия закона о банкротстве 2002 года[3].

Впрочем, нельзя не отметить, что в имеющихся исследованиях эта проблематика рассматривается вне концептуального подхода к эффективности реализации подобных действий арбитражного суда.

В научной литературе не удается отыскать единого мнения относительного того, какие именно процессуальные действия суда по делам о банкротстве включаются в круг управленческих действий, а также признаков таких действий. При этом исследователи в основном сходятся во мнении, что речь идет об организационных, контрольных и управленческих полномочиях арбитражного суда, не отделяя их от процессуальных действий последнего.

На основании сказанного, при описании процессуальных действий суда первой инстанции связанных с управлением банкротным делом важно учитывать специфику, проистекающую из особенностей этого вида производства.

Среди разнообразных подходов к определению производства о несостоятельности в контексте целей данной статьи особый интерес представляет концепция В.Н. Щеглова, выделяющего основное правоотношение, в рамках которого должник признается банкротом и сопутствующие ему дополнительные правоотношения, формирующие-

[1] Пацация М.Ш. Процессуальная деятельность проверочных инстанций арбитражного суда. Проблемы эффективности. М.: Маска, 2008. 695 с.

[2] Об этом см. исследования Е.Г. Дорохиной (Характер полномочий арбитражного суда в деле о банкротстве// Журнал российского права, 2007, № 8, с. 49.), Е.Н. Сердитовой (Конкурсное производство как форма реализации решения арбитражного суда.

Дис… канд.юрид.наук.М., 2003), А.К. Большовой(Специализированные банкротные суды: быть или не быть? // ЭЖ-Юрист. 2000. № 9. С. 3.), С.А. Карелиной (Роль арбитражного суда в делах о несостоятельности (банкротстве)// Правовые проблемы несостоятельноссти (банкротства)), А.М. Синякиной (Процессуальные особенности рассмотрения арбитражным судом дел о несостоятельности (банкротстве). Дис. … канд.юрид.наук. М., 2005. С. 7,92), П.А. Маркова (Характер полномочий арбитражного суда в делах о несостоятельности (банкротстве) // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2008. № 1 и др.

[3] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

ся в процессе развития основного, возникающие по общему правилу на стадии конкурсного производства. «Общепринятым критерием обособления и определения единого сложного процессуального правоотношения в науке выступает объект – материальное правоотношение, для урегулирования которого дело возбуждено»[1].

В едином процессуальном правоотношении банкротства видится ряд этапов, прежде всего – инициирование заинтересованным лицом, или самим должником производства по делу; исследование судом обоснованности требования кредитора о признании должника банкротом; последовательное введение судом одну за одной установленных законом процедур банкротства с назначением управляющего имущественной массой должника; и в конце концов завершение производства по делу.

Здесь более наглядно можно выделить обозначенные выше процессуальные действия суда первой инстанции по управлению банкротным делом.

По нашему мнению, процессуальные действия суда первой инстанции в банкротстве следует прежде всего подразделять по критерию объема процессуального регулирования. И в этом плане процессуальные действия делятся на два вида:

– классические, которые суд полномочен применять в рамках любого производства при разрешении споров по существу, например, принимает заявления к производству, принимает обеспечительные меры;

– неклассические, которые суд полномочен применять только по делам о несостоятельности, обоснованные спецификой процессуальной формы механизма банкротства, например, введение процедур банкротства, признание должника банкротом, назначение управляющего и т.д.

При этом неклассические процессуальные действия, по критерию функциональности, можно назвать управленческими, представляющими отдельный научный интерес. Также стоит отметить, что контроль за не нарушением интересов и прав иных участников производства о несостоятельности осуществляется судов в рамках как классических, так и неклассических действий.

Как было сказано выше, в литературе не сформулированы признаки управленческих процессуальных действий арбитражного суда. В этом плане подлежит учету следующее.

1. Управленческие процессуальные действия арбитражного суда относятся исключительно к основному спору о банкротстве и не затрагивают т.н. обособленные споры, имеющие свой собственный предмет рассмотрения. При общей ориентации на конечные цели правосудия по этим делам, они непосредственно служат цели процессуального управления материальным механизмом несостоятельности (банкротства). К управленческим процессуальным действиям можно отнести вынесение судом определений о введении процедур банкротства (ст. 62, ст. 80, ст. 93, ст. 124), об утверждении арбитражного управляющего (ст. 65, ст. 83, ст. 96, ст. 127), об утверждении графика погашения задолженности (ст. 80), о рассмотрении и утверждении отчета арбитражного управляющего относительно каждой из процедур банкротства, о завершении конкурсного производства (ст. 149) предусмотренные законом о банкротстве[2].

Эти процессуальные действия объединяет один существенный признак – именно они и оформляют процессуальную форму функционирования механизма банкротства.

Также следует отметить, что принятие заявления о признании должника банкротом, равно как и завершение дела о банкротстве следует относить к классическим действиям суда, поскольку они нацелены на фактическое начало и окончание процессуального правоотношения.

2. Процессуальные действия, ориентированные на управление банкротным делом арбитражный суд осуществляет при наличии волеизъявления участника дела о банкротстве, к правомочиям которого относится обращение к суду с соответствующим ходатайством, а не по своей собственной инициативе. Органом, обладающим одной из самых широких компетенций в соответствии с законом о несостоятельности, является собрание кредиторов, к исключительной материальной компетенции которого на основании ст. 12 закона о банкротстве[3] относятся такие полномочия как принятие решения об обращении к арбитражному суду с ходатайством о введении процедур банкротства, утверждении управляющего имущественной массой должника, утверждении графика погашения задолженности, признании должника банкротом, и др.

Е.Е. Уксусова справедливо отмечает: «Судебная форма – есть единственно возможная процессуальная форма существования материального механизма несостоятельности»[4]. Поэтому важно подчеркнуть, что согласно толкованию норм закона о банкротстве, собрание кредиторов уполномочено для целей процессуальной формы принимать решение об обращении с соответствующим ходатайством в арбитражный суд, а уже суд в свою очередь в судебном заседании принимает соответствующее решение, и именно данное процессуальное действие суда, объективированное в судебном акте, создает правовые последствия для участников дела о банкротстве. Одновременно можно отметить минимум два изъятия, предусмотренных законодателем в целях поддержания функционирования механизма несостоятельности. Согласно ч. 2. ст. 75 закона о банкротстве[5] суд лишь в исключительных случаях имеет право по своей инициативе признать должника банкротом и ввести в отношении него процедуру конкурсного производства, в отсутствие волеизъявления первого собрания кредиторов. Также согласно ч. 1. ст. 149 закона о банкротстве арбитражный суд вправе по своей инициативе назначить судебное заседание по рассмотрению вопроса о завершении конкурсного производства

4. Акты суда, в которых объективируются управленческие процессуальные действия суда по делам о банкротстве, как и многие другие в соответствии с Законом о несостоятельности, подлежат немедленному исполнению согласно ч. 4 ст. 49, ч. 4 ст. 80, ст. 93, ч. 3 ст. 96, ч. 3 ст. 124 Закона о банкротстве и др. Представляется, что данная особенность обусловлена необходимостью непрерывного функционирования механизма несостоятельности в материальной плоскости.

5. Еще одной отличительной чертой управленческих процессуальных действий арбитражного суда по делам о несостоятельности не завершение ими основного процессуального правоотношения, а трансформирование его в новое процессуальное и материальное состояние, изменяя набор прав и обязанностей основных участников, изменяя материальные цели производства, в частности, в связи с введением новых процедур.

Таким образом в содержание **процессуальной деятельности суда первой инстанции** по делам о несостоятельности законодателем включаются совершаемые судом наряду с классическими, также неклассические процессуальные действия, связанные с управлением процессуальным механизмом банкротства и контролем за соблюдением прав и законных интересов участников дела о несостоятельности, такие действия арбитражного суда не характерны для иных видов производств и обусловлены уникальностью существования процессуальной формы механизма несостоятельности (банкротства). На наш взгляд, законодатель сознательно наделяет суд правом совершать такие процессуальные действия ввиду столкновения в процессе совершенно противоположных интересов его участников и отсутствия иного независимого арбитра.

Литература

1. Статья в журнале. Автор Большова А.К. Специализированные банкротные суды: быть или не быть? // ЭЖЮрист. 2000. № 9. С. 3.
2. Статья в журнале. Автор Дорохина Е.Г. Характер полномочий арбитражного суда в деле о банкротстве // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 49.
3. Карелина С.А. Роль арбитражного суда в делах о несостоятельности (банкротстве) // Правовые проблемы несостоятельности (банкротства).
4. Статья в журнале. Автор Марков П.А. Характер полномочий арбитражного суда в делах о несостоятельности (банкротстве) // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2008. № 1.
5. Книга. Автор Пацация М.Ш. Процессуальная деятельность проверочных инстанций арбитражного суда. Проблемы эффективности. М.: Маска, 2008. 695 с.
6. Сердитова Е.Н. Конкурсное производство как форма реализации решения арбитражного суда: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003.
7. Синякина А.М. Процессуальные особенности рассмотрения арбитражным судом дел о несостоятельности (банкротстве): дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 7, 92.

[1] См.: В.Н. Щеглов, Гражданское процессуальное правоотношение – М.: Юрид. лит., 1966

[2] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

[3] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

[4] Уксусова Е.Е. «Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и применения»//Часть 2. Специфика процессуальной сферы несостоятельности (банкротства): современные законодательные и правоприменительные подходы // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2014. № 6. С. 683–703

[5] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

8. Статья в журнале. Автор Уксусова Е.Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и применения». Часть 2: «Специфика процессуальной сферы несостоятельности (банкротства): современные законодательные и правоприменительные подходы // LEX RUSSICA (Русский закон). 2014. № 6. С. 683–703.

9. Книга. Автор Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М.: Юрид. лит., 1966.

ON THE ISSUE OF DIRECTIVE PROCEDURAL ACTIONS OF THE COURT OF FIRST INSTANCE IN BANKRUPTCY CASES

Dmitriev P.A.
V.M. Lebedev Russian State University of Justice, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

The subject of this article is the study of directive procedural actions of the arbitration court in bankruptcy proceedings. The research relies on a variety of cognitive methods, including both general scientific and specific scientific approaches. Among them, the systemic approach can be highlighted, which allows examining phenomena taking into account their interconnections and interdependencies. This method enables considering the issue from different perspectives and obtaining a more comprehensive understanding of the matter under review. The theoretical foundation of the study is formed by the scientific works of domestic researchers and legal theorists who have examined the content of the concept of the court's procedural activity in relation to its powers, identifying organisational, control, and directive authorities within their structure. However, these works do not identify specific procedural actions of the court and their characteristics based on these authorities. The aim of the study is to identify and clarify the specific procedural actions of the court aimed at directing the insolvency procedural mechanism, as well as to determine their essential characteristics. The normative basis of the study comprises the Constitution of the Russian Federation, as well as civil and arbitration procedural legislation.

Keywords: procedural activity, court, insolvency, bankruptcy, directive procedural action.

References

1. Journal article. Author: Bolshova A.K. Specialized bankruptcy courts: to be or not to be? // EZ Jurist. 2000. No. 9. P. 3.

2. Journal article. Author: Dorokhina E.G. The nature of the powers of the arbitration court in bankruptcy cases // Journal of Russian Law. 2007. No. 8. P. 49.

3. Karelina S.A. The role of the arbitration court in insolvency (bankruptcy) cases // Legal issues of insolvency (bankruptcy).

4. Journal article. Author: Markov P.A. The nature of the powers of the arbitration court in insolvency (bankruptcy) cases // Bulletin of the Arbitration Court of Moscow. 2008. No. 1.

5. Book. Author: Patsatsia M. Sh. Procedural activities of the review instances of the arbitration court. Problems of efficiency. Moscow: Maska, 2008. 695 p.

6. Serditova E.N. Bankruptcy proceedings as a form of implementing an arbitration court decision: diss. … Cand. Sci. (Law). Moscow, 2003.

7. Sinyakina A.M. Procedural features of consideration of insolvency (bankruptcy) cases by an arbitration court: diss. … Cand. Sci. (Law). Moscow, 2005. Pp. 7, 92.

8. Article in a journal. Author: Uksusova E.E. Civil proceedings in bankruptcy cases: problems of legislative regulation and application. Part 2: "Specifics of the procedural sphere of insolvency (bankruptcy): modern legislative and law enforcement approaches // LEX RUSSICA (Russian Law). 2014. No. 6. Pp. 683–703.

9. Book. Author: Shcheglov V.N. Civil procedural legal relationship. Moscow: Legal Literature, 1966.

Проблемы правоприменительной практики при оценке нуждаемости многодетных семей в российской федерации и пути их преодоления

Зайцева Вера Александровна,
магистрант Северо-Западного института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: v.a.zaytseva-zm@yandex.ru

В статье проводится комплексный анализ правовых проблем оценки нуждаемости многодетных семей в Российской Федерации в контексте современной демографической политики государства. Актуальность исследования обусловлена противоречием между расширением мер стимулирования рождаемости и недостаточной готовностью правовой и социально-экономической инфраструктуры поддержки семей с детьми. На основе изучения нормативного регулирования, практики применения законодательства и эмпирического материала, сформированного в результате сопровождения 237 многодетных семей, выявлены типовые проблемы действующей модели комплексной оценки нуждаемости. Установлено, что существующий порядок предоставления мер социальной поддержки не в полной мере учитывает реальную финансовую нагрузку многодетной семьи и в ряде случаев формирует искажённые поведенческие стимулы, ориентирующие семьи на искусственное снижение официальных доходов. Введено понятие правового парадокса двойного исключения, отражающего ситуацию, при которой семья одновременно не отвечает критериям нуждаемости для получения государственной поддержки и требованиям банковской платёжеспособности при оформлении ипотечного кредита. Научная новизна исследования заключается в выявлении системного противоречия между социальным и финансовым блоками оценки положения семьи, а также в обосновании необходимости перехода к альтернативной модели, основанной на учёте экономического вклада семьи. Сделан вывод о необходимости совершенствования действующего законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: Многодетные семьи, комплексная оценка нуждаемости, социальная поддержка, демографическая политика, правоприменение, ипотека, экономический вклад семьи.

Введение

В условиях реализации государственной демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми, особое значение приобретает эффективность действующих механизмов социальной поддержки многодетных семей. Несмотря на расширение перечня мер государственной помощи, действующая модель их предоставления, основанная на критериях оценки нуждаемости, демонстрирует ряд системных противоречий. Ключевой особенностью данной модели является её ориентация на формализованные показатели дохода и имущественного положения, которые не отражают реальную финансовую нагрузку многодетной семьи. В результате, семьи, объективно испытывающие повышенные расходы, не признаются нуждающимися, либо сталкиваются с ограничениями при получении мер государственной поддержки, что показывает недостаточную эффективность действующей модели оценки нуждаемости. Особую проблему порождает формирование искажённых поведенческих стратегий, так как действующая система фактически поощряет снижение официального уровня дохода. В целях сохранения права на получение пособий семьи вынуждены адаптировать свою экономическую деятельность: оформляют доходы на третьих лиц, занижают официальную заработную плату, либо вообще отказываются от легализации части доходов. Перечисленные практики не только снижают прозрачность экономических отношений, но и ограничивают возможности семей по доступу к ипотечному кредитованию. Практика применения законодательства свидетельствует о наличии противоречия между механизмами социальной поддержки и требованиями финансовых институтов. В рамках исследования, основанного на анализе 237 кейсов сопровождения многодетных семей, выявлена ситуация, при которой семьи одновременно не соответствуют критериям нуждаемости для получения государственной поддержки и требованиям платёжеспособности, предъявляемым кредитными организациями. Целью настоящего исследования является выявление правовых проблем оценки нуждаемости многодетных семей и обоснование направлений совершенствования действующей модели. В качестве одного из возможных решений предлагается внедрение интегрального показателя – индекса экономического вклада семьи, позволяющего учитывать не только уровень дохода, но и реальную финансовую нагрузку, демографическую значимость и участие семьи в экономике.

Методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, обеспечивающие комплексный анализ правового регулирования и правоприменительной практики в сфере государственной поддержки многодетных семей. В ходе исследования использованы формально-юридический метод, позволивший проанализировать действующее законодательство Российской Федерации, регулирующее порядок предоставления мер социальной поддержки, а также сравнительно-правовой метод, применённый при сопоставлении различных подходов к оценке нуждаемости.Особое значение имел эмпирический метод, реализованный посредством анализа практической деятельности по сопровождению многодетных семей, включающей консультирование, оформление ипотечного кредитования, сопровождение сделок с недвижимостью, а также оказание услуг по получению мер государственной поддержки, включая пособия и налоговые вычеты.

Эмпирическую базу исследования составили 237 кейсов взаимодействия с многодетными семьями из различных субъектов Российской Федерации, а также порядка 70 случаев отказов в предоставлении мер государственной поддержки. Анализ указанных кейсов позволил выявить типовые проблемы правоприменительной практики и устойчивые закономерности функционирования действующей модели оценки нуждаемости.

Обзор системы комплексной оценки нуждаемости

Современная система предоставления мер государственной социальной поддержки в Российской Федерации основана на принципе адресности, предполагающем оказание помощи семьям, признанным нуждаю-

щимися. Правовое регулирование оценки нуждаемости осуществляется на основе норм Федерального закона № 178-ФЗ, а также подзаконных актов, среди которых ключевое значение имеет Постановление Правительства Российской Федерации № 384, устанавливающее порядок определения нуждаемости при назначении ряда социальных выплат.

Действующая модель оценки нуждаемости носит комплексный характер и включает анализ нескольких групп критериев, в числе которых: уровень дохода семьи, имущественное положение, а также отдельные социальные параметры. Основным показателем выступает среднедушевой доход, рассчитываемый на основании совокупных доходов членов семьи за определённый период. При этом в состав дохода включаются различные виды поступлений, включая заработную плату, предпринимательский доход, а также в ряде случаев социальные выплаты. Дополнительным элементом оценки выступает имущественный критерий, предполагающий учет наличия у семьи объектов недвижимости, транспортных средств и иных активов. При этом нормативные акты устанавливают предельные значения, превышение которых может являться основанием для отказа в предоставлении мер поддержки. Несмотря на формальную комплексность, действующая модель оценки нуждаемости характеризуется высокой степенью нормативной фрагментарности. Отсутствие единого регламентированного подхода к применению критериев оценки, а также наличие различных методик и разъяснений приводит к формированию неоднородной правоприменительной практики на уровне субъектов Российской Федерации.

Указанная ситуация проявляется, в частности, в различиях в подходах к учёту отдельных видов доходов. Так, в одних регионах социальные выплаты не включаются в состав дохода семьи, тогда как в других они учитываются при расчёте среднедушевого дохода. Подобная вариативность обусловлена отсутствием унифицированного порядка толкования и применения действующих норм, что создаёт правовую неопределённость и снижает предсказуемость результатов обращения за мерами государственной поддержки. Кроме того, формализованный характер критериев оценки нуждаемости не позволяет учитывать реальные экономические условия жизни многодетных семей. Расчет дохода без учета фактической финансовой нагрузки, связанной с воспитанием детей, приводит к искажению объективной картины их социально-экономического положения. Таким образом, действующая система комплексной оценки нуждаемости, несмотря на её нормативное закрепление, не обеспечивает единообразия правоприменительной практики и не в полной мере отражает реальное положение многодетных семей. Выявленные особенности создают предпосылки для формирования системных противоречий, проявляющихся как на уровне социальной поддержки, так и при взаимодействии семей с иными институтами, включая финансовые организации.

Результаты

В ходе исследования был проведен анализ 237 случаев сопровождения многодетных семей, а также 70 отказов в предоставлении мер государственной поддержки, и выявлены устойчивые закономерности функционирования действующей модели оценки нуждаемости.

Анализ показал, что проблемы правоприменительной практики носят системный характер, что проявляется в нескольких направлениях.

1. 60% отказов связано с особенностями расчёта среднедушевого дохода семьи. В ряде ситуаций, при определении нуждаемости, в доход включаются социальные выплаты, что приводит к формальному превышению пороговых значений, установленных оценкой нуждаемости. Кроме того, иногда расчет производится на основе дохода до удержания НДФЛ, что также искажает реальное финансовое положение семьи.

Аналогичные проблемы находят отражение и в судебной практике. В обзорах Верховного Суда Российской Федерации отмечается необходимость учета фактического материального положения семьи при назначении пособий, а также недопустимость бюрократического подхода к оценке доходов граждан.

2. Выявлены проблемы, связанные с имущественными критериями. Сюда можно включить учет долей в праве собственности, не обеспечивающих фактического пользования жильем, а также формальный учет площади жилья без анализа количества проживающих лиц. Все это приводит к отказам в предоставлении мер поддержки, несмотря на объективную нуждаемость семьи.

3. Установлена вариативность правоприменительной практики между субъектами Российской Федерации. Анализ кейсов показал, что подходы к учету отдельных видов доходов и имущества могут существенно различаться, что обусловлено отсутствием унифицированного регламентированного порядка применения действующих норм.

4. Выявлены противоречия между механизмами социальной поддержки и требованиями финансовых институтов. В частности, при обращении за ипотечным кредитованием многодетные семьи сталкиваются с необходимостью подтверждения официального дохода, который в ряде случаев оказывается искусственно заниженным в целях сохранения права на получение социальных выплат.

Особого внимания заслуживает типовой кейс, иллюстрирующий противоречия действующей модели.

Многодетная семья, воспитывающая девять детей, обратилась за сопровождением при оформлении ипотечного кредитования. В целях сохранения права на получение мер государственной поддержки структура доходов семьи была организована таким образом, что часть предпринимательской деятельности оформлена на третьих лиц, а официальный доход одного из родителей минимизирован. В частности, индивидуальная предпринимательская деятельность осуществлялась через родственников, а отец семейства был формально трудоустроен с минимальным уровнем заработной платы.

Указанная модель позволяла соответствовать критериям нуждаемости для получения социальных выплат, однако создавала существенные ограничения при взаимодействии с кредитными организациями. При рассмотрении заявки на ипотечное кредитование банки ориентировались на уровень официального дохода, который оказался недостаточным для одобрения кредита. Возможность использования альтернативных форм подтверждения дохода, в том числе справок по форме кредитных организаций, в значительной степени ограничена в связи с усилением требований к проверке официальных доходов и налоговых отчислений.

Следует отметить, что выявленные противоречия между требованиями системы социальной поддержки и критериями финансовых институтов обусловливают формирование альтернативных практик подтверждения доходов. В частности, широкое распространение получила практика предоставления справок о доходах по форме кредитных организаций.

Возникновение указанного механизма обусловлено несоответствием между формальными критериями оценки нуждаемости и фактическим уровнем экономической активности населения. В условиях, когда получение мер государственной поддержки связано с необходимостью соблюдения пороговых значений дохода, часть доходов не отражается в официальной отчетности, что снижает их прозрачность.

В свою очередь, финансовые институты, сталкиваясь с недостаточностью официально подтвержденного дохода заемщиков, вынуждены адаптировать свои процедуры оценки платежеспособности, что приводит к появлению альтернативных форм подтверждения доходов.

При этом использование подобных механизмов не обеспечивает достоверного отражения фактического уровня доходов. Представляемые сведения, как правило, формируются исходя из требований кредитоспособности и направлены на достижение формального соответствия установленным критериям, что приводит к расхождению между заявляемым и реальным финансовым положением семьи.

В результате складывается ситуация, при которой возникает риск несоответствия долговой нагрузки реальным финансовым возможностям заемщика, что может повлечь затруднения при исполнении кредитных обязательств.

Вместе с тем указанные явления носят производный характер и обусловлены несогласованностью критериев оценки нуждаемости и требований к подтверждению платежеспособности.

Обобщение полученных данных позволяет сделать вывод о наличии системного противоречия в действующей модели оценки нуждаемости, выражающегося в несовместимости критериев социальной поддержки и требований финансовых институтов. Указанное противоречие носит устойчивый характер и проявляется в различных вариантах, что позволяет рассматривать его как закономерный результат функционирования действующей системы.

Дополнительным направлением трансформации практики оценки нуждаемости является внедрение цифровых механизмов контроля доходов граждан. В отдельных субъектах Российской Федерации в рамках пилотных проектов применяется подход, предусматривающий учет всех денежных поступлений на счета физических лиц при определении фактического дохода семьи.

Указанный механизм направлен на повышение прозрачности доходов и снижение возможности их формального занижения. Вместе с тем его применение на практике выявляет ряд правовых и методологических проблем. В частности, в состав доходов могут включаться денежные средства, не являющиеся доходом в экономическом смысле, например возврат долговых обязательств или разовые переводы, не связанные с регулярной экономической деятельностью.

Это приводит к искажению оценки реального финансового положения семьи и, в ряде случаев, к необоснованному отказу в предоставлении мер государственной поддержки. Таким образом, даже при усилении контроля за доходами сохраняется проблема формального подхода к их оценке, не учитывающего экономическую природу отдельных поступлений.

Обсуждение

Результаты проведённого исследования позволяют сделать вывод о том, что выявленные проблемы носят не случайный, а системный характер и обусловлены особенностями самой модели оценки нуждаемости, применяемой в Российской Федерации.

Действующая модель основана на формализованных количественных критериях, прежде всего уровне дохода и имущественной обеспеченности, которые используются в качестве универсального показателя социально-экономического положения семьи. Вместе с тем такая модель не учитывает специфику многодетных семей, для которых характерна повышенная финансовая нагрузка, связанная с воспитанием детей, и иная структура расходов по сравнению с семьями без детей или с меньшим их количеством.

Важным следствием применения данной модели является формирование искажённых поведенческих стимулов. Поскольку доступ к мерам государственной поддержки напрямую зависит от соблюдения установленных пороговых значений дохода, у семей возникает экономическая заинтересованность в сохранении или снижении уровня официально декларируемых доходов. Это проявляется в различных формах адаптации, которая включает в себя перераспределение доходов между родственниками, оформление деятельности на третьих лиц или отказ от полной легализации доходов.

В некоторых случаях, данные тенденции показывают формирование зависимости от системы государственной поддержки. При этом меры социальной помощи начинают рассматриваться не как временный инструмент поддержки и мотивации, а как постоянный источник обеспечения, что снижает стимулирующую функцию социальной политики.

Таким образом, система, изначально направленная на поддержку семей, формирует условия, при которых экономическая активность может вступать в противоречие с доступом к мерам социальной поддержки. В результате, происходит снижение прозрачности экономических отношений, что ограничивает возможности семей по использованию финансовых инструментов, в том числе ипотечного кредитования.

Дополнительным системным противоречием является несогласованность критериев оценки нуждаемости и требований к подтверждению платежеспособности, применяемых кредитными организациями. В итоге возникает ситуация, при которой одна и та же семья может одновременно рассматриваться как недостаточно обеспеченная для целей получения социальной поддержки и как недостаточно платежеспособная для целей кредитования.

Указанное противоречие позволяет сформулировать правовой парадокс двойного исключения, заключающийся в несовместимости критериев оценки социального и финансового положения семьи в рамках действующей институциональной системы.

Попытки усиления контроля за доходами, включая внедрение цифровых механизмов учета денежных поступлений на счета физических лиц, не устраняют указанного противоречия, поскольку сохраняется формальный подход к оценке доходов без учета их экономической природы. В результате даже при повышении прозрачности финансовых потоков сохраняется риск искажения оценки реального положения семьи.

Таким образом, выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости пересмотра действующей модели оценки нуждаемости. Одним из возможных направлений развития, целесообразно, представляется переход от исключительно доходно-имущественного подхода к более комплексной модели, учитывающей совокупность факторов, характеризующих положение семьи.

В этом контексте предлагается создание чувствительного интегрального показателя – индекса экономического вклада семьи, который будет учитывать не только уровень дохода, но и демографическую нагрузку, структуру расходов, а также участие семьи в экономике и обществе. Применение данного подхода обеспечит более точную и справедливую оценку положения многодетных семей и снизит выявленные противоречия действующей системы.

В отличие от действующей модели, которая основана на пороговых значениях дохода, предложенный подход формирует новые поведенческие стимулы, где экономическая активность и рост официальных доходов не приводят к утрате права на получение мер государственной поддержки. Это создаст условия для повышения прозрачности финансовых потоков, а также будет мотивировать семьи к полной легализации доходов, что поспособствует возрастанию их экономической активности.

Вышеупомянутый индекс носит концептуальный характер и требует дальнейшей научной разработки, которая будет включать формирование методики расчёта, системы показателей и критериев оценки, это может стать предметом отдельного исследования.

Заключение

Проведённое исследование помогло выявить системную ограниченность действующей модели комплексной оценки нуждаемости. Формализованный характер используемых критериев не отражает реального социально-экономического положения многодетных семей.

В ходе анализа правоприменительной практики, в том числе при сопровождении 237 многодетных семей, найдены устойчивые противоречия, которые связаны с особенностями расчёта дохода, применением имущественных критериев, а также отсутствием унификации региональной практики. В результате, это приводит к ситуациям, при которых многодетные семьи, объективно испытывающие значительную финансовую нагрузку, не признаются нуждающимися.

Противоречие между критериями оценки нуждаемости и требованиями к подтверждению платёжеспособности, применяемыми финансовыми организациями, также имеет особое значение. Указанное расхождение проявляется в том, что невозможно одновременно соответствовать требованиям системы социальной поддержки и кредитных организаций, что позволяет квалифицировать это как правовой парадокс двойного исключения.

Установлено, что действующая модель оценки нуждаемости формирует искажённые поведенческие стратегии, при которых экономическая активность и рост официальных доходов могут вступать в противоречие с возможностью получения мер государственной поддержки. Это приводит к снижению прозрачности экономических отношений и ограничивает доступ многодетных семей к финансовым инструментам.

В целях преодоления выявленных противоречий обоснована необходимость совершенствования действующей модели оценки нуждаемости посредством внедрения более комплексных подходов к оценке социально-экономического положения семьи. В качестве одного из перспективных направлений предложено использование индекса экономического вклада семьи, позволяющего учитывать совокупность факторов, характеризующих положение многодетной семьи.

Таким образом, совершенствование механизмов оценки нуждаемости должно быть направлено на обеспечение баланса между адресностью социальной поддержки и стимулированием экономической активности семей, что имеет принципиальное значение для повышения эффективности государственной демографической политики.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп.).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.).
3. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.04.2022 № 384 «Об утверждении правил назначения и выплаты ежемесячного пособия гражданам, имеющим детей».
5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации».
6. Дахно Е.Е. Адаптация федеральных мер поддержки семей с детьми к региональным условиям: применение в Краснодарском крае на 2026 год // Гуманитарный научный журнал. – 2026. – № 2.2. – С. 198–204.
7. Горохова С.С. О некоторых проблемах правоприменительной деятельности в сфере оказания государственной социальной помощи и поддержки малоимущим гражданам в России. // Юридические исследования. – 2023. – № 8 – С. 64–82
8. Чернышева Ю.А., Аристов Е.В., Лаврищева О.А. Современные меры поддержки семей с детьми в форме социальных пособий: федеральные и региональные аспекты. // Журнал «Вопросы государства и права». – 2023. – № 1. – С. 16–25
9. Лебедева М.Л. Меры государственной поддержки семей с детьми: правовые аспекты. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – С. 210–213
10. Обзор судебной практики по вопросам предоставления мер социальной поддержки граждан // Российское агентство правовой

и судебной информации (РАПСИ). – URL: https://rapsi-pravo.ru/judicial_analyst/20251211/311425188.html (дата обращения: 03.04.2026).

11. Кравченко Е.В. Адресность предоставления мер социальной поддержки: особенности и направления развития. // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14. – № 8. – С. 1645–1664.

LEGAL ISSUES IN ASSESSING THE NEEDINESS OF LARGE FAMILIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND APPROACHES TO THEIR RESOLUTION

Zaitseva V.A.
North-West Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The article examines the legal problems of assessing the neediness of large families in the Russian Federation within the framework of the current demographic policy. The relevance of the study is determined by the inconsistency between the expansion of measures aimed at stimulating the birth rate and the insufficient development of mechanisms for supporting families with children. The research is based on the analysis of legislation, law enforcement practice and empirical data obtained from 237 cases of supporting large families. The study identifies systemic problems of the existing model, including inaccuracies in income calculation, formalized property criteria and variability in regional practices. Special attention is paid to the contradiction between social support mechanisms and the requirements of financial institutions. The concept of the "legal paradox of double exclusion" is introduced, describing a situation in which families simultaneously do not meet the criteria for receiving social support and the requirements for creditworthiness. The scientific novelty lies in substantiating the need to transform the existing model through the introduction of an integral indicator – the index of the economic contribution of the family. The proposed approach contributes to increasing transparency, stimulating economic activity and improving the effectiveness of social policy.

Keywords: large families, neediness assessment, social support, demographic policy, law enforcement, mortgage lending, economic contribution of the family

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by national vote on December 12, 1993, as amended).

2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended).

3. Federal Law dated July 17, 1999 No. 178-FZ "On State Social Assistance".

4. Resolution of the Government of the Russian Federation dated April 5, 2022 No. 384 "On approval of rules for assigning and paying monthly benefits to citizens with children".

5. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018 No. 204 "On national goals and strategic objectives of development of the Russian Federation".

6. Dakhno E.E. Adaptation of federal measures of support for families with children to regional conditions: application in Krasnodar Krai for 2026 // Humanities Scientific Journal. – 2026. – No. 2.2. – Pp. 198–204.

7. Gorokhova S.S. On certain problems of law enforcement in the field of state social assistance and support for low-income citizens in Russia // Legal Studies. – 2023. – No. 8. – Pp. 64–82.

8. Chernysheva Yu.A., Aristov E.V., Lavrishcheva O.A. Modern measures of support for families with children in the form of social benefits: federal and regional aspects // Issues of State and Law. – 2023. – No. 1. – Pp. 16–25.

9. Lebedeva M.L. State support measures for families with children: legal aspects // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – Pp. 210–213.

10. Review of judicial practice on issues of social support provision // Russian Agency of Legal and Judicial Information (RAPSI). – URL: https://rapsi-pravo.ru/judicial_analyst/20251211/311425188.html (accessed: April 3, 2026).

11. Kravchenko E.V. Targeting of social support measures: features and development directions. // Creative Economy. – 2020. – Vol. 14. – No. 8. – Pp. 1645–1664.

Компаративистский анализ секретного изобретения в России и за рубежом

Мирских Ирина Юрьевна,
к.ю.н, доцент, кафедра гражданского права Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ)

Куцевалов Степан Артемович,
магистрант, кафедра гражданского права Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ)

Работа посвящена сравнительно-правовому анализу зарубежного опыта регулирования правовой охраны секретных изобретений, то есть технических решений, содержащих сведения, отнесенные к государственной тайне. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования российской правовой базы в сфере интеллектуальной собственности с учетом лучших мировых практик. В работе подробно рассматриваются подходы, реализованные в патентных системах США, Великобритании, Франции, Германии, а также Республики Беларусь. Анализируются ключевые аспекты: критерии отнесения изобретений к секретным, процедуры подачи и рассмотрения заявок, полномочия государственных органов по введению режима секретности, возможность выдачи патента и ограничения исключительных прав в период действия грифа секретности, а также механизмы компенсации убытков правообладателям. Выявлены общие закономерности и существенные различия в подходах исследуемых правопорядков. Особое внимание уделено балансу между интересами национальной безопасности и правами частных лиц – авторов и патентообладателей. На основе проведенного анализа формулируются выводы о возможности адаптации отдельных зарубежных институтов (например, механизма периодического пересмотра решений о засекречивании, повышения гибкости компенсационных процедур) в условиях российского законодательства для повышения эффективности охраны секретных изобретений.

Ключевые слова: Секретные изобретения, государственная тайна, патентное право, интеллектуальная собственность, сравнительно-правовой анализ, зарубежный опыт, национальная безопасность, Патентный закон США, ограничение исключительных прав, компенсация правообладателям.

С целью более глубокого анализа действующей правовой базы Российской Федерации в сфере охраны интеллектуальной собственности и разработки предложений по её совершенствованию представляется актуальным привлечение зарубежного опыта. В частности, важно исследовать подходы, реализованные в иностранных правовых системах, к защите секретных изобретений. Такой сравнительно-правовой анализ позволит выявить эффективные практики и оценить возможность их адаптации в условиях российского законодательства.

В рамках данной работы целесообразно начать рассмотрение зарубежного опыта с изучения патентного регулирования в Соединённых Штатах Америки, где правовая охрана изобретений, содержащих секретную информацию, получила наиболее детализированную и институционально развитую форму.

Основой патентной системы США выступает Патентный закон[1], включённый в 35 раздел Свода законов США (United States Code), который был принят Конгрессом в 1952 году и с тех пор неоднократно дополнялся и уточнялся. Многие его положения носят оригинальный характер, не имеющий прямых аналогов в других национальных правопорядках[2].

Особый интерес для настоящего исследования представляет глава 17 указанного раздела, озаглавленная как «Секретность некоторых изобретений и подача заявок в зарубежные страны» («Secrecy of Certain Inventions and Filing Applications in Foreign Countries»). Эта часть законодательства регламентирует порядок обращения с заявками на изобретения, содержащие потенциально чувствительную для национальной безопасности информацию.

Согласно § 181 главы 17, изобретения, разглашение сведений о которых может нанести ущерб интересам государственной безопасности США, подлежат засекречиванию. При этом подача заявок на патенты осуществляется в обычном порядке через Патентное ведомство США (United States Patent and Trademark Office – USPTO). Однако в случае, если в процессе экспертизы выясняется, что раскрытие информации по заявке может угрожать национальной безопасности, применяется специальная процедура ограничения доступа к таким данным – заявка признаётся секретной.

Интересно, что в американской практике секретные технические решения подразделяются на две основные категории: те, которые представляют прямой интерес для государства с точки зрения их потенциального использования, и те, в которых правительство не заинтересовано в имущественном смысле. Несмотря на это различие, в обоих случаях директор USPTO издаёт распоряжение о сохранении сведений об изобретении в тайне. Основанием для такого решения служит официальное представление (ходатайство) от руководителя компетентного органа исполнительной власти, подтверждающее, что раскрытие соответствующей информации может негативно повлиять на национальную безопасность[3].

Важно отметить, что обязанность по определению необходимости засекречивания не возлагается на самого заявителя (разработчика изобретения), поскольку в условиях рыночной экономики он, как правило, заинтересован в скорейшем получении патента и введении продукта на его основе в гражданский оборот. Следовательно, анализ угроз национальной безопасности и принятие решения о секретности находятся исключительно в компетенции государственных органов.

После получения заключения от уполномоченного органа директор патентного ведомства может выдать приказ о наложении грифов секретности. В результате рассмотрение заявки приостанавливается, и патент на такое изобретение не выдаётся. Максимальный срок действия этого ограничения составляет один год, однако он может неоднократно продлеваться при наличии соответствующих оснований, связанных с интересами национальной безопасности. Патент может быть выдан лишь после того, как изобретение будет официально рассекречено.

[1] Патентное законодательство зарубежных стран: В 2 т. Т. 2 / Сост. Н.К. Финкель. – М.: Прогресс, 1987. С. 233.

[2] Еременко В.И. Новое в патентном законодательстве США // Патенты и лицензии. 2001. № 8. С. 26–34.

[3] Хромушина Е.В. Правовая охрана секретных изобретений, полезных моделей и промышленных образцов… автореф. дис. на соиск. учен. степ., Москва., 2004. С. 59.

Процедура снятия режима секретности осуществляется директором патентного ведомства на основании уведомления заинтересованных ведомств, ранее инициировавших режим конфиденциальности, о том, что дальнейшее хранение сведений в тайне более нецелесообразно и не требуется для обеспечения безопасности страны.

Особое внимание в американском законодательстве уделяется защите прав заявителя в случае засекречивания изобретения. В соответствии с § 183 главы 17 Патентного закона США, лицо, подавшее заявку на секретное изобретение, имеет право на получение компенсации за убытки, возникшие в результате невозможности патентования и использования его технического решения. Компенсация может также охватывать случаи, когда правительство использует изобретение без предварительного согласия заявителя.

Для реализации этого права необходимо обратиться в уполномоченный орган исполнительной власти, ставший инициатором режима секретности, с соответствующим требованием. После получения такого обращения министерство или иное правительственное учреждение обязано начать переговоры с заявителем с целью урегулирования вопроса о размере компенсации и порядке её выплаты. Если договорённость не достигнута, государственный орган вправе установить справедливую, по его мнению, сумму выплаты. В случае несогласия с предложенным размером компенсации заявитель имеет возможность обратиться в суд с иском о взыскании полной суммы, которую он считает обоснованной.

Таким образом, подход, реализованный в США, основан на балансе интересов национальной безопасности и прав частных лиц. С одной стороны, система исключает возможность патентования секретных изобретений и, соответственно, реализации исключительных прав на них. С другой – заявителю предоставляется право на справедливое возмещение убытков, причинённых ограничением его прав.

При обращении к опыту Великобритании в рассматриваемой сфере необходимо учитывать одно принципиальное отличие: в британской правовой системе отсутствует чёткое и универсальное определение понятия государственной тайны, что существенно влияет на порядок правовой охраны изобретений, содержащих чувствительную информацию. Это обстоятельство требует отдельного анализа, учитывая специфику национального законодательства и механизмы взаимодействия между гражданскими и военными структурами при защите технических решений.

Согласно положениям статьи 1 Закона о государственной тайне 1911 года, к числу секретных сведений относятся, в частности, объекты и материалы, которые по распоряжению от имени Ее Величества признаны запретными. К ним могут относиться изображения, чертежи, модели, схемы и иные записи, которые прямо или косвенно могут быть использованы в ущерб интересам государства и могут оказаться полезными потенциальному противнику[1].

Правовое регулирование вопросов, связанных с охраной изобретений, содержащих информацию, подпадающую под режим секретности, осуществляется в Великобритании посредством Патентного закона 1977 года[2]. В частности, статья 22 данного закона наделяет главу Патентного ведомства полномочиями запрещать публикацию заявок на патенты, если содержащиеся в них данные могут нанести вред национальной безопасности или оборонным интересам страны. Такое ограничение вводится на основании официального обращения от министра обороны.

Если в процессе рассмотрения заявка достигает стадии, на которой должно быть принято решение о выдаче патента, но информация, содержащаяся в ней, продолжает подпадать под режим секретности, Патентное ведомство не оформляет патент. При этом допускается использование данного изобретения для нужд государства без предоставления автору исключительного права. Это положение представляет собой правовой механизм балансирования между интересами национальной безопасности и правами заявителя.

Засекреченность заявки подлежит регулярной ежегодной переоценке. В случае отмены ранее введенных ограничений, автору может быть предоставлен патент, при этом уплата пошлины за период действия запрета не требуется. В случае, если вследствие введения режима секретности заявитель понёс убытки, связанные с невозможностью использования своего изобретения, министр обороны, получив согласие от казначейства, вправе назначить компенсационные выплаты. Размер такой компенсации определяется, исходя из практической значимости и полезности изобретения.

Следовательно, на территории Великобритании действуют положения, согласно которым Патентное ведомство проводит рассмотрение секретных заявок, однако оформление патентов на такие изобретения возможно только после снятия ограничений и рассекречивания сведений. Исключительные права на подобные разработки реализуются исключительно после официальной регистрации патента.

Сходный по структуре правовой режим функционирует и во Французской Республике.

Французское законодательство, в частности статья 4 Кодекса интеллектуальной собственности[3], устанавливает, что все заявки на патенты – независимо от их технической направленности и степени чувствительности информации – направляются в Национальный институт промышленной собственности. В рамках процедуры предусмотрено, что министр обороны или уполномоченные им представители могут конфиденциально ознакомиться с содержанием любой поданной заявки.

До получения разрешения от министра промышленной собственности, которое, в свою очередь, должно базироваться на заключении министра обороны, публикация заявки и раскрытие содержащейся в ней информации категорически запрещены. Однако, если в течение пяти месяцев с момента подачи заявки заявитель не получил уведомление о введении режима секретности, такое разрешение считается выданным автоматически.

Этот пятимесячный период может быть продлён неограниченное число раз, но каждый раз не более чем на один год, если соответствующее требование исходит от министра обороны. Ограничение на публикацию может быть снято в любой момент. В случае, если срок ограничения превышает пять месяцев, и это повлекло за собой убытки для заявителя, он вправе требовать компенсацию. Если стороны не приходят к согласию относительно размера выплаты, спор разрешается в судебном порядке в закрытом заседании.

Таким образом, патентное законодательство Франции не допускает публикации или оформления патента до тех пор, пока заявка и связанное с ней изобретение не будут официально рассекречены. Только после этого автор может реализовать исключительные права в полном объеме.

В отличие от Великобритании и Франции, в Германии предусмотрена возможность выдачи патента даже на изобретение, содержащее государственную тайну. Немецкий Патентный закон[4] допускает оформление прав на такие разработки, однако устанавливает определённые ограничения на публикацию информации.

Согласно § 50 (1) Патентного закона Германии, если заявка на патент содержит сведения, признанные секретными в соответствии с действующим законодательством ФРГ, Патентное ведомство может, как по собственной инициативе, так и по представлению уполномоченного федерального органа исполнительной власти, принять решение о запрете на публикацию. С ходатайством о введении режима секретности вправе обратиться исключительно компетентные органы, перечень которых определяется соответствующим нормативным актом.

Прежде чем ввести режим ограничения, Патентное ведомство обязано получить заключение соответствующего государственного органа, уполномоченного принимать решения по вопросам государственной тайны[5]. Рассекречивание может быть инициировано самим ведомством, заявителем или уполномоченным государственным органом.

Кроме того, ежегодно проводится обязательная проверка актуальности причин для сохранения изобретения в тайне. Если основания более не существуют, ограничения могут быть сняты, и сведения о заявке становятся общедоступными.

Таким образом, Германия признаёт возможность выдачи патентов на секретные изобретения, в то время как во Франции и Великобритании такие права предоставляются только после отмены режима секретности. Эти различия отражают разные подходы к соотношению интересов государственной безопасности и охраны интеллектуальной собственности.

Согласно § 53 (1) Патентного закона Германии, если по прошествии четырех месяцев с момента подачи заявки на изобретение в патентное ведомство ФРГ заявитель не получил уведомления о введении режима секретности в соответствии с положениями § 50 абз. 1, считается, что в отношении данного технического решения отсутствует

[1] Фатьянов А.А. Тайна и право (Основные системы ограничений на доступ к информации в российском праве): Монография. – М.: Изд-во МИФИ, 1998. С. 41.

[2] The Patents Act 1977 // World Intellectual Property Organization. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/ text.jsp?file_id=330537. С. 40. (дата обращения 20.05.2025)

[3] Code de la propriété intellectuelle of 3 juillet 1992 // World Intellectual Property Organization. – URL: www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id= 273944. С. 33. (дата обращения 29.05.2025).

[4] Patentgesetz vom 16 Dezember 1980 // Bundesministerium der Justiz. Gesetze im Internet. – URL: www.gesetze-im-internet.de/patg (дата обращения 28.05.2025)

[5] Хромушина Е.В. Правовая охрана секретных изобретений, полезных моделей и промышленных образцов… автореф. дис. на соиск. учен. степ., Москва., 2004. С. 62.

необходимость его засекречивания. Это означает, что при отсутствии запрета в установленные сроки заявка продолжает проходить стандартную патентную процедуру.

Если же в отношении поданной заявки принято решение о ее засекречивании, она не исключается из процесса экспертизы: Патентное ведомство продолжает ее рассмотрение в рамках особой процедуры. При подтверждении патентоспособности такого изобретения, а именно соответствия требованиям новизны, изобретательского уровня и промышленной применимости, заявителю может быть выдан патент. Однако этот патент вносится не в общедоступный, а в специальный закрытый реестр, как предусмотрено § 54 Патентного закона Германии.

Выдача патента на секретное изобретение, в отличие от практики ряда других государств, не сопровождается предоставлением возможности его немедленного использования. До момента официального снятия ограничений на распространение сведений об изобретении реализация исключительных прав патентообладателя находится в приостановленном состоянии. Это означает, что владелец патента лишен возможности эксплуатировать свое изобретение в гражданском обороте, несмотря на наличие формального правового титула.

В случае причинения имущественного ущерба в связи с невозможностью использования изобретения, автор или иной патентообладатель вправе направить соответствующее требование о компенсации в уполномоченный орган государственной власти. При возникновении спора, вопрос о размере или факте компенсации подлежит рассмотрению в суде.

Таким образом, правовая система Германии допускает выдачу патента на изобретение, содержащее государственную тайну, с последующим внесением его в закрытый реестр, при этом реализация исключительных прав на такое изобретение откладывается до момента рассекречивания. Такой подход позволяет одновременно учитывать интересы национальной безопасности и правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности.

Особое внимание представляет правовое регулирование секретных изобретений в Республике Беларусь – стране, тесно связанной с Российской Федерацией в рамках Союзного государства, учрежденного на основании Договора от 8 декабря 1999 года[1]. В этой связи анализ белорусской практики охраны секретных объектов патентного права заслуживает отдельного рассмотрения.

Основные положения, касающиеся патентования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, включая их правовую охрану и использование, закреплены в Законе Республики Беларусь от 16 декабря 2002 года № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы»[2]. Согласно пункту 7 статьи 1 указанного акта, особенности охраны объектов, признанных секретными в порядке, установленном специальными нормативными правовыми актами, регулируются отдельным законодательством.

В развитие этой нормы Советом Министров Республики Беларусь было принято Постановление от 2 июля 2003 года № 900, которым утверждено «Положение о секретных изобретениях, полезных моделях, промышленных образцах»[3]. Документ определяет процедуру подачи заявок на объекты, содержащие сведения, отнесенные к государственной тайне, и регулирует обращение с такими заявками.

В соответствии с утвержденным порядком, подача заявки на предполагаемый секретный объект осуществляется не напрямую в патентное ведомство, а через орган или организацию, обладающие компетенцией по установлению режима секретности. Эти уполномоченные структуры направляют заявку в Национальный центр интеллектуальной собственности при Комитете по науке и технологиям при Совете Министров Республики Беларусь.

При поступлении заявки патентное ведомство осуществляет первичную проверку на предмет наличия в ней сведений, потенциально составляющих государственную тайну. Если возникает обоснованное подозрение, заявка передается для дополнительной экспертизы в компетентный государственный орган, отвечающий за охрану гостайны.

Результаты проверки определяют дальнейший порядок действий. Если сведения, содержащиеся в заявке, не признаны засекреченными, она рассматривается в стандартном режиме. В противном случае заявка получает статус секретной и переводится в режим особого делопроизводства, регламентируемый инструкцией «О порядке обращения с заявками на секретные изобретения»[4].

Согласно пункту 9 вышеуказанного Положения, в случае принятия положительного решения о выдаче патента на секретный объект автору выдается удостоверение, подтверждающее его авторство. Однако оформление самого патента откладывается до завершения срока действия ограничений на разглашение сведений, содержащихся в заявке. Сроки ограничения определяются органом, который признал заявку секретной.

Автор и заявитель секретного объекта патентных прав обладают правом на компенсацию убытков, возникших в результате ограничения доступа к информации, а также могут рассчитывать на вознаграждение в случае использования секретного объекта, например, в оборонных или иных государственных целях. Соответствующее ходатайство подается в орган, либо засекретивший заявку, либо использующий изобретение в интересах государства.

Если между заявителем и соответствующими органами возникает спор относительно размера компенсации или вознаграждения, он может быть разрешен в судебном порядке. Как только ограничения утрачивают силу, уполномоченный орган уведомляет патентное ведомство, заявителя и автора о рассекречивании, после чего патент выдается в установленном порядке.

В результате анализа можно сделать вывод, что законодательство Республики Беларусь допускает рассмотрение и экспертизу секретных заявок, включая изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Однако выдача патента на такие объекты откладывается до завершения режима секретности. Вместе с тем заявитель и автор не утрачивают своих прав: они могут рассчитывать на компенсацию за убытки и на вознаграждение за использование их разработки.

Анализ международной практики правовой охраны изобретений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, позволяет выделить общую закономерность, характерную для всех исследуемых правопорядков: независимо от того, допускается ли формальная регистрация патента на секретное техническое решение или она приостановлена до момента рассекречивания, во всех случаях реализация исключительного права на такой объект ограничена либо полностью исключена.

Во многих странах, включая Францию, Великобританию и США, действующие нормы прямо запрещают выдачу патентов на изобретения, охраняемые в режиме секретности, до тех пор, пока не будут отменены соответствующие ограничения на публикацию сведений, содержащихся в заявке. Таким образом, подача заявки в таких случаях не приводит к немедленному возникновению правового титула в форме патента, а служит, прежде всего, механизмом фиксации приоритета и последующего получения охраны после снятия грифов секретности.

Даже в государствах, где допускается оформление патента на секретное изобретение (например, в Германии), действие исключительных прав, вытекающих из такого патента, находится в состоянии приостановления. Это означает, что патентообладатель не может воспользоваться своим исключительным правом в полном объеме, в том числе в части запрета на использование изобретения третьими лицами, если такое использование осуществляется в интересах государственной безопасности.

Подобные ограничения, как правило, закрепляются на законодательном уровне. В Германии, например, патент, выданный на изобретение, отнесенное к государственной тайне, не распространяет свое действие на его использование для нужд национальной обороны. Аналогичным образом, в правовых системах США, Франции и Великобритании предусмотрено, что приостановление выдачи патента на секретный объект исключает возможность запрета со стороны заявителя на использование такого изобретения государством или в интересах безопасности страны[5].

Таким образом, несмотря на наличие различий в процедурах патентования и порядке взаимодействия с государственными органами, все проанализированные правопорядки исходят из одного базового принципа: публичное право на секретное изобретение не может быть реализовано до тех пор, пока сохраняется необходимость в ограничении доступа к соответствующим сведениям. При этом выдача патента

[1] Договор о создании Союзного государства от 08 декабря 1999 года // Информационно-аналитический портал Союзного государства. // [Электронный ресурс]// URL: http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5/ (дата обращения: 27.05.2025)

[2] Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2002 года № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» // Официальный сайт Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь. // [Электронный ресурс] // URL: http://www.belgospatent.org.by/russian/docs/zakon_izob.doc (дата обращения: 26.05.2025)

[3] Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02 июля 2003 года № 900 «Об утверждении Положения о секретных изобретениях, полезных моделях, промышленных образцах» // Официальный сайт Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь. // [Электронный ресурс]// URL: http://www.belgospatent.org.by/russian/docs/polozh_secret.doc (дата обращения: 27.05.2025)

[4] Промышленная собственность. Научно-практический журнал. Выпуск 5. – Минск, 1999. – С. 191–196.

[5] Хромушина Е.В. Правовая охрана секретных изобретений, полезных моделей и промышленных образцов… автореф. дис. на соиск. учен. степ., Москва., 2004. С. 70.

(если она допускается) не является безусловным основанием для осуществления всех правомочий, присущих патентообладателю.

Цель подачи заявки на патент, содержащий засекреченные сведения, в большинстве зарубежных юрисдикций сводится к двум основным задачам. Первая – это обеспечение возможности последующего получения обычного патента на изобретение после рассекречивания. Вторая – создание предпосылок для получения автором (или заявителем) компенсации либо иного вознаграждения в случае использования изобретения государственными структурами в условиях сохранения режима секретности.

Таким образом, обозначим, сравнительный анализ правового регулирования охраны секретных изобретений в Российской Федерации и за рубежом позволяет выявить как общие принципы, так и существенные различия в подходах различных правовых систем к защите технических решений, содержащих сведения, отнесенные к государственной тайне[1].

В Российской Федерации регулирование вопросов, связанных с охраной секретных изобретений, осуществляется в рамках Гражданского кодекса РФ, а также законодательства о государственной тайне. Особенностью российской модели является четко разграниченная компетенция между органами, ответственными за отнесение сведений к государственной тайне, и патентным ведомством, уполномоченным проводить экспертизу заявок. Подача заявки на изобретение, содержащее секретную информацию, осуществляется не напрямую в Роспатент, а через компетентные органы, такие как ФСБ или иные ведомства, наделенные соответствующими полномочиями. При положительном заключении по результатам экспертизы, Роспатент принимает решение о возможности выдачи патента, однако регистрация такого патента осуществляется в закрытом порядке, а реализация исключительных прав заявителя откладывается до момента рассекречивания объекта. При этом заявителю или автору может быть предоставлено вознаграждение либо компенсация за ограничение прав, однако порядок такой компенсации в ряде случаев остается недостаточно урегулированным.

В зарубежных странах регулирование аналогичных правовых ситуаций базируется на сходных принципах недопущения ущерба национальной безопасности в случае разглашения информации, содержащейся в заявках на изобретения. Однако подходы к процессу патентования и объему допустимых действий заявителя в период действия ограничений могут различаться. В Великобритании, в соответствии с Патентным законом 1977 года, предусмотрен механизм временного запрета на публикацию сведений, содержащихся в патентной заявке, если они могут представлять угрозу национальной обороне. Решение о введении такого запрета принимается руководителем патентного ведомства на основании запроса Министерства обороны. При этом до момента рассекречивания заявка не публикуется, а выдача патента не осуществляется[2].

Вместе с тем в случае наступления убытков заявитель имеет право на получение компенсации, размер которой определяется с учетом полезности изобретения и степени ограничений. Во Франции аналогичный режим установлен Кодексом интеллектуальной собственности. Все заявки в обязательном порядке проходят через Национальный институт промышленной собственности, а Министерство обороны и его уполномоченные лица обладают правом предварительного ознакомления с ними. Если в течение пяти месяцев с момента подачи заявки заявителю не направлено предписание о введении ограничений, он вправе считать, что его изобретение может быть опубликовано и охраняться на общих основаниях. При этом возможны неоднократные продления режима секретности по инициативе оборонного ведомства.

Компенсационные механизмы также предусмотрены, однако осуществляются на основании соглашения либо в судебном порядке в закрытом заседании. Германия представляет собой один из наиболее полно разработанных примеров правового регулирования секретных изобретений в европейском пространстве. В соответствии с Патентным законом ФРГ допускается выдача патента на изобретение, содержащее сведения, составляющие государственную тайну. При этом патент выдается и регистрируется в закрытом реестре, а использование изобретения ограничивается на период действия режима секретности. Патентообладатель сохраняет право на получение компенсации за невозможность использования изобретения в гражданском обороте.

Особенностью немецкого подхода является обязательный ежегодный пересмотр целесообразности сохранения грифов секретности, что делает систему гибкой и менее подверженной излишнему затягиванию ограничений. В США аналогичная практика регулирования засекречивания изобретений осуществляется на основании законодательства о патентах и Закона о национальной безопасности. В случае, если изобретение потенциально может представлять угрозу для интересов государства, может быть выдан приказ о сохранении заявки в тайне, который препятствует ее публикации и выдаче патента. Однако в отличие от ряда европейских юрисдикций, в США существует развитый механизм выплаты компенсаций за использование засекреченного изобретения государством, а также судебный порядок обжалования решений о засекречивании. Американская система при этом делает акцент на баланс между правами частного лица и интересами обороны. На фоне изложенного правовая модель, реализуемая в Российской Федерации, представляет собой достаточно строгий и централизованный режим, при котором инициатива в вопросах засекречивания исходит преимущественно от государства. В отличие от Германии и Франции, где допускается как автоматическое снятие ограничений по истечении определенного срока, так и наличие механизмов оперативного пересмотра секретности, российская система предполагает неопределенный срок действия ограничений, снятие которых полностью зависит от решения уполномоченного органа.

В этом контексте применение зарубежного опыта могло бы способствовать повышению гибкости российской системы, в частности за счет внедрения обязательного механизма периодического пересмотра необходимости сохранения секретности.

Также следует отметить, что во всех рассмотренных странах, включая Россию, зафиксирована единая позиция по ключевому аспекту: до снятия режима секретности правообладатель фактически лишен возможности реализовать исключительное право на изобретение. Таким образом, несмотря на формальное наличие патентной охраны, возможности использования, лицензирования, передачи или иного распоряжения исключительным правом на засекреченное изобретение существенно ограничены, что указывает на функциональное несовпадение между выдачей патента и его фактической реализацией. Сходство наблюдается также в аспекте компенсационного механизма: во всех исследуемых юрисдикциях, хотя и с различной степенью конкретизации, предусмотрено право заявителя или патентообладателя на возмещение убытков, причиненных невозможностью использовать изобретение, а также на получение вознаграждения в случае его использования в государственных интересах. В то же время уровень детализации таких механизмов и практическая эффективность их применения остаются различными и, в отдельных случаях, требуют дополнительного нормативного и процедурного регулирования. На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что правовая система России по вопросам охраны секретных изобретений во многом соответствует международной практике, однако ей присуща высокая степень государственного контроля и отсутствие четко прописанного механизма периодического пересмотра решений о засекречивании. Зарубежные модели, напротив, демонстрируют большую гибкость и институциональную адаптивность, в том числе в части защиты прав заявителей, что может быть учтено при совершенствовании национального законодательства в данной сфере.

Литература

1. Азовцев В.С. Правовая охрана секретных изобретений в Российской Федерации, … автореф. дис. канд. .. юрид. наук. С. 45.
2. Бондарь И.В. Проблемы правовой охраны секретных изобретений // Анализ современного права, 2022. С. 40–44.
3. Еременко В.И. Новое в патентном законодательстве США // Патенты и лицензии. 2001. № 8. С. 26–34.
4. Патентное законодательство зарубежных стран: В 2 т. Т. 2 / Сост. Н.К. Финкель. – М.: Прогресс, 1987. С. 233.
5. Промышленная собственность. Научно-практический журнал. Выпуск 5. – Минск, 1999. – С. 191–196.
6. Фатьянов А.А. Тайна и право (Основные системы ограничений на доступ к информации в российском праве): Монография. – М.: Изд-во МИФИ, 1998. С. 41.
7. Хромушина Е.В. Правовая охрана секретных изобретений, полезных моделей и промышленных образцов… автореф. дис. на соиск. учен. степ., Москва., 2004. 149 с.
8. Code de la propriété intellectuelle of 3 juillet 1992 // World Intellectual Property Organization. – URL: www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id= 273944. С. 33. (дата обращения 29.05.2025).
9. Patentgesetz vom 16 Dezember 1980 // Bundesministerium der Justiz. Gesetze im Internet. – URL: www.gesetze-im-internet.de/patg (дата обращения 28.05.2025)
10. The Patents Act 1977 // World Intellectual Property Organization. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/ text.jsp?file_id=330537. С. 40. (дата обращения 20.05.2025)

[1] Бондарь И.В. Проблемы правовой охраны секретных изобретений // Анализ современного права, 2022. С. 40–44.

[2] Азовцев В.С. Правовая охрана секретных изобретений в Российской Федерации, … автореф. дис. канд. .. юрид. наук. С. 45.

11. Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2002 года № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» // Официальный сайт Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь. // [Электронный ресурс] // URL: http://www.belgospatent.org.by/russian/docs/zakon_izob.doc (дата обращения: 26.05.2025)

12. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02 июля 2003 года № 900 «Об утверждении Положения о секретных изобретениях, полезных моделях, промышленных образцах» // Официальный сайт Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь. // [Электронный ресурс]// URL: http://www.belgospatent.org.by/russian/docs/polozh_secret.doc (дата обращения: 27.05.2025)

13. Договор о создании Союзного государства от 08 декабря 1999 года // Информационно-аналитический портал Союзного государства. // [Электронный ресурс]// URL: http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5/ (дата обращения: 27.05.2025)

A COMPARATIVE ANALYSIS OF A SECRET INVENTION IN RUSSIA AND ABROAD

Mirskikh I.Yu., Kutsevalov S.A.
Perm State National Research University

This work is devoted to a comparative legal analysis of foreign regulatory experience in the legal protection of secret inventions, i.e., technical solutions containing information classified as state secrets. The relevance of this research stems from the need to improve the Russian legal framework in the field of intellectual property, taking into account the best global practices. The study examines in detail the approaches implemented in the patent systems of the USA, Great Britain, France, Germany, and the Republic of Belarus. Key aspects are analyzed: the criteria for classifying inventions as secret, procedures for filing and examining applications, the authority of state bodies to impose a secrecy regime, the possibility of granting a patent and the limitations on exclusive rights during the period of secrecy classification, as well as mechanisms for compensating rights holders for losses. Common patterns and significant differences in the approaches of the legal systems under study are identified. Special attention is paid to the balance between national security interests and the rights of private individuals – authors and patent holders. Based on the analysis, conclusions are formulated regarding the possibility of adapting certain foreign institutions (for example, the mechanism for periodic review of secrecy classification decisions, increasing the flexibility of compensation procedures) within the context of Russian legislation to enhance the effectiveness of protecting secret inventions.

Keywords: Secret Inventions, State Secrets, Patent Law, Intellectual Property, Comparative Legal Analysis, Foreign Experience, National Security, U.S. Patent Act, Limitation of Exclusive Rights, Compensation to Rights Holders.

References

1. Azovtsev V.S. Legal Protection of Secret Inventions in the Russian Federation, … author's abstract of Cand. Sci. (Law). P. 45.

2. Bondar I.V. Problems of Legal Protection of Secret Inventions // Analysis of Modern Law, 2022. Pp. 40–44.

3. Eremenko V.I. New in US Patent Legislation // Patents and Licenses. 2001. No. 8. Pp. 26–34.

4. Patent Legislation of Foreign Countries: In 2 vols. Vol. 2 / Comp. N.K. Finkel. – Moscow: Progress, 1987. P. 233.

5. Industrial Property. Scientific and Practical Journal. Issue 5. – Minsk, 1999. – Pp. 191–196.

6. Fatyanov A.A. Secrecy and Law (The Main Systems of Restrictions on Access to Information in Russian Law): Monograph. – Moscow: MEPhI Publishing House, 1998. P. 41.

7. Khromushina E.V. Legal Protection of Secret Inventions, Utility Models, and Industrial Designs… Abstract of a PhD Thesis, Moscow, 2004. 149 p.

8. Intellectual Property Code of 3 July 1992 // World Intellectual Property Organization. – URL: www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id= 273944. P. 33. (Accessed 29.05.2025).

9. Patent Act of 16 December 1980 // Federal Ministry of Justice. Internet Patents Act. – URL: www.gesetze-im-internet.de/patg (date of access 28.05.2025)

10. The Patents Act 1977 // World Intellectual Property Organization. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=330537. P. 40. (date of access 20.05.2025)

11. Law of the Republic of Belarus of 16 December 2002 No. 160-Z "On Patents for Inventions, Utility Models, Industrial Designs" // Official website of the National Intellectual Property Center of the Republic of Belarus. // [Electronic resource] // URL: http://www.belgospatent.org.by/russian/docs/zakon_izob.doc (date of access: 26.05.2025)

12. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of July 2, 2003 No. 900 "On Approval of the Regulation on Secret Inventions, Utility Models, Industrial Designs" // Official website of the National Intellectual Property Center of the Republic of Belarus. // [Electronic resource] // URL: http://www.belgospatent.org.by/russian/docs/polozh_secret.doc (date of access: 27.05.2025)

13. Treaty on the Establishment of the Union State of December 8, 1999 // Information and Analytical Portal of the Union State. // [Electronic resource]// URL: http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5/ (date of access: 05/27/2025)

К вопросу о медицинском страховании

Лебедев Константин Александрович,
аспирант, кафедра «Гражданско-правовые дисциплины»,
Московский финансово-юридический университет (МФЮА)
E-mail: 29394823@s.mfua.ru

В статье анализируется становление медицинского страхования, основные этапы развития медицинского страхования, а также отраслевое правовое регулирование медицинского страхования в Российской Федерации. Автор делает вывод о смешанной (двухконтурной) отраслевой принадлежности медицинского страхования: оно включает гражданско-правовой сегмент (ДМС) и комплексный публично-правовой сегмент (ОМС), обеспеченный нормами финансового, социального, административного и гражданского права.

Особое внимание в статье уделяется частноправовому регулированию отношений в обязательном медицинском страховании в Российской Федерации. Автор обосновывает необходимость усиления гражданско-правового регулирования отношений в обязательном медицинском страховании, что позволит медицинским организациям эффективнее защищать свои интересы, расширит перечень медицинских организаций в обязательном медицинском страховании, усилит право застрахованных на выбор медицинской организации и в конечном счете будет способствовать созданию условий для обеспечения доступности и качества медицинской помощи, оказываемой в рамках программ обязательного медицинского страхования.

Ключевые слова: медицинское страхование, обязательное медицинское страхование, добровольное медицинское страхование, страхование, правовое регулирование.

Статья 41 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, предусматривая, что медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов и иных поступлений[1]. Тем самым право граждан на бесплатную медицинскую помощь закреплено в Конституции Российской Федерации и страховой механизм изначально встроен в конституционную модель обеспечения социальных гарантий.

Нормативный запуск страховой модели в здравоохранении связан с Законом Российской Федерации от 28 июня 1991 г. № 1499–1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации»[2]. Закон вводил разделение на обязательное и добровольное медицинское страхование, определял медицинское страхование как форму социальной защиты интересов населения в охране здоровья и формулировал цель – гарантировать гражданам получение медицинской помощи при наступлении страхового случая. В ранних редакциях и сопутствующих актах начала 1990-х годов прослеживается ключевая идея реформы: перейти от исключительно сметно-бюджетного финансирования к бюджетно-страховой модели, обеспечивающей более предсказуемый поток средств и позволяющей развивать договорные формы оплаты медицинской помощи.

Системную рамку для всех видов обязательного социального страхования, включая медицинское, задал Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»[3]. Закон закрепил обязательное социальное страхование как систему мер, направленных на компенсацию или минимизацию последствий изменения социального положения граждан при наступлении социальных рисков. Для ОМС значение данного закона состоит в закреплении публичной природы страхового обеспечения и в подчёркивании того, что права застрахованного в ОМС формируются законом, а не соглашением сторон.

Новая волна реформирования пришлась на 2009–2011 гг. и была связана с перестройкой финансового администрирования и принятием нового «профильного» закона об ОМС. Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ установил правовые основы уплаты страховых взносов во внебюджетные фонды, включая Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, тем самым задав переход к модели, при которой страховые взносы становятся ключевым каналом формирования ресурсов системы[4].

Ключевым нормативным рубежом стал Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», вступивший в силу с 1 января 2011 г.[5] Закон закрепил цели ОМС, уточнил круг субъектов и участников, механизмы финансового обеспечения и взаиморасчётов, расширил регламентацию прав застрахованных лиц, а также придал большую определённость договорным конструкциям внутри системы.

Обсуждение реформы сопровождалось заметными дебатами. В центре дискуссии находились, во-первых, вопрос о допустимой степени «рыночности» в публичной системе гарантий (роль конкуренции между страховыми медицинскими организациями, экономические стимулы для медицинских организаций, выбор застрахованным), во-вторых, проблема соразмерности обязательств и ресурсов, и, в-третьих, вопрос о том, насколько страховые посредники действительно повышают качество и защищают права пациентов. В литературе, анализирующей реформирование ОМС, подчёркивается, что заявленные цели – повышение эффективности, создание стимулов к качеству и рост про-

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Закон РФ от 28.06.1991 № 1499–1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» // СПС «КонсультантПлюс»

[4] Федеральный закон от 24.07.2009 № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс»

[5] Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

зрачности – реализовывались неоднородно и требовали последующих корректировок правовых и финансовых механизмов[12].

Таким образом, историческое развитие ОМС в России можно представить как движение от нормативного запуска страховой модели начала 1990-х годов к более детально регламентированной системе, в которой страховая форма мобилизации средств соединена с публично установленным объёмом гарантий. Неизменным ядром реформ оставалась задача обеспечить реализацию конституционного права на медицинскую помощь при одновременном поиске финансовой устойчивости и управляемости системы.

Добровольное медицинское страхование (ДМС) в России формировалось как договорный сегмент страхового рынка, призванный дополнять базовые государственные гарантии, но не заменять их. Как ранее отмечалось Закон РФ от 28 июня 1991 г. № 1499–1 вводил разделение на обязательное и добровольное медицинское страхование, рассматривая добровольное страхование как механизм расширения условий и объёма медицинской помощи сверх обязательной программы. В отличие от ОМС, ДМС не получило самостоятельной централизованной системы фондов и унифицированного режима финансирования; его развитие в большей степени определялось рыночным спросом, практиками работодателей и общей эволюцией страхового законодательства.

Правовая инфраструктура для ДМС складывалась в начале 1990-х годов через нормы о страховой деятельности. Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» закрепил требования к субъектам страхового дела, принципы государственного надзора и общие условия осуществления страховой деятельности, создав основу для развития медицинского страхования в добровольной форме[3]. Тем самым ДМС изначально было включено в общий режим регулирования страхового рынка и финансового надзора.

Дискуссии о перспективах ДМС в современной России обычно концентрируются вокруг трёх вопросов. Во-первых, в какой мере ДМС должно рассматриваться как «надстройка» над ОМС, не подменяющая конституционную гарантию, но разгружающая публичный сегмент. Во-вторых, нуждается ли ДМС в дополнительной нормативной стандартизации (например, в части раскрытия информации, минимальных требований к программам и защиты потребителя). В-третьих, как обеспечить добросовестный баланс интересов: свободу договора – со стороны страховщика и страхователя – и реальную защищённость застрахованного, особенно при спорных случаях отказа в оплате либо ограничениях по перечню услуг[4].

В целом эволюция ДМС в России демонстрирует движение от нормативного признания в начале 1990-х годов к устойчивой рыночной практике, в которой ключевым драйвером выступает корпоративный спрос, а правовые рамки формируются в основном общими институтами страхового и гражданского права. При этом связка ДМС с публичными стандартами медицинской помощи и с конституционным содержанием права на здоровье обусловливает необходимость постоянного согласования частноправовых механизмов со сферой публичных гарантий и требований к качеству медицинской деятельности.

Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» закрепляет правовые, организационные и экономические основы функционирования системы обязательного медицинского страхования[5]. Данная система направлена на обеспечение государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи.

В доктрине страхового права подчеркивается, что страхование может выступать не только как договорный механизм перераспределения рисков, но и как социально-правовой институт. Еще В.К. Райхер в работе «Общественно-исторические типы страхования» указывал на способность страхования выполнять публичные функции, связанные с перераспределением общественно значимых рисков[6].

При этом помимо обязательного медицинского страхования существует добровольное медицинское страхование, которое, как и иные виды страхования, осуществляются согласно главе 48 Гражданского кодекса Российской Федерации[7].

Статья 934 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет договор личного страхования как соглашение, по которому страховщик обязуется за обусловленную договором плату выплатить страховую сумму при наступлении предусмотренного договором события. В добровольном медицинском страховании данная конструкция сохраняется, однако страховое обеспечение чаще всего выражается не в денежной выплате, а в организации и оплате медицинских услуг.

В добровольном медицинском страховании мы видим, что принципы гражданского права имеют более ярко выраженное значение. Однако поскольку медицинское страхование в целом регулируется гражданским правом, то к таким отношениям применим в том числе принцип добросовестности. Принцип добросовестности является фундаментом для выстраивания отношений в гражданском праве[8].

В обязательном медицинском страховании «каркас» системы задаётся, с одной стороны, Федеральным законом об обязательном медицинском страховании, определяющим принципы, участников и ключевые элементы финансирования и организации ОМС[9], а с другой – законодательством об основах охраны здоровья граждан, фиксирующим правовой режим оказания медицинской помощи, стандарты и гарантии прав пациента[10]. В совокупности данные нормативные массивы образуют единую регулятивную среду, в которой страховые механизмы неотделимы от организации здравоохранения и правового статуса получателя медицинской помощи.

Вместе с тем, возвращаясь к мысли, изложенной в начале, переход от исключительно сметно-бюджетного финансирования к бюджетно-страховой модели в медицинском страховании и, в первую очередь, в сфере государственных гарантий бесплатного медицинского обслуживания, означает переход от исключительно публично-правового регулирования к смешанному регулированию, где особую роль занимают частноправовые отношения субъектов медицинского и обязательного медицинского страхования. Именно раскрытие частноправовых аспектов медицинского страхования является предметом исследования. Необходимо отметить, что медицинская помощь в обязательном медицинском страховании оказывается на основе договора на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию. Указанный договор имеет смешенное регулирование – с одной стороны, положения договора регулируются статьей 39 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», с другой стороны, Гражданским кодексом Российской Федерации. Именно переход к регулированию отношений в обязательно медицинском страховании в плоскость гражданских отношений было целью перехода от бюджетной модели к страховой. Регулирование договора на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию гражданским правом выражается том, что медицинские организации как субъекты обязательного медицинского страхования свободны в заключении договора и не могут быть понуждены к заключению такого договора, поскольку решение об участии в обязательном медицинском страховании медицинская организация принимает самостоятельно. Вместе с тем, такие элементы свободы договора как свобода определения условий договора и выбора вида договора, свобода выбора контрагента, свобода в расторжении договора по соглашению стороны – отсутствуют. Однако внедрение такого элемента свободы договора как свобода определения условий договора видится необходимым, поскольку это позволит привлечь в обязательное медицинское страхование более широкий круг медицинских организаций, в первую очередь коммерческих

[1] Головань С.А. Реформирование системы обязательного медицинского страхования в России // КиберЛенинка. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-sistemy-obyazatelnogo-meditsinskogo-strahovaniya-v-rossii

[2] Кравченко В.В. Итоги реформирования системы ОМС в 2010–2013 гг.: анализ недостатков существующей системы ОМС // КиберЛенинка. 2014. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/itogi-reformirovaniya-sistemy-oms-v-2010–2013-gg-analiz-nedostatkov-suschestvuyuschey-sistemy-oms

[3] Закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

[4] Рябичева О.И. Добровольное медицинское страхование в России: проблемы и перспективы развития // КиберЛенинка. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolnoe-meditsinskoe-strahovanie-v-rossii-problemy-i-perspektivy-razvitiya

[5] Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2026).

[6] Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 283 с.

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru

[8] Волос А.А. Реализация принципа добросовестности применительно к отношениям сторон смарт-контракта // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 2. – С 26–31

[9] Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102143352 (дата обращения: 15.02.2026).

[10] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259 (дата обращения: 15.02.2026).

медицинских организаций, целью которых является извлечение прибыли. Свобода определения условий договора на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию позволит медицинским организациям защитить свои интересы, снизить риски неоплаты медицинской помощи, добавит гибкости в систему обязательного медицинского страхования, расширит перечень медицинских организаций в обязательном медицинском страховании, что усилит право застрахованных на выбор медицинской организации и в конечном счете будет способствовать созданию условий для обеспечения доступности и качества медицинской помощи, оказываемой в рамках программ обязательного медицинского страхования, что является одним из принципов обязательного медицинского страхования, закрепленным в статье 3 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации».

Вопрос об отраслевой принадлежности медицинского страхования остаётся дискуссионным и во многом зависит от того, рассматривается ли медицинское страхование как единый феномен либо разграничиваются добровольная и обязательная модели. Если добровольное медицинское страхование преимущественно тяготеет к гражданско-правовой сфере, то обязательное медицинское страхование представляет собой публично-правовой механизм реализации социальной гарантии, где ведущую роль играют финансово-правовые и административно-правовые средства регулирования, но усиление влияния гражданского права в отношении обязательного страхования позволит усовершенствовать модель правового регулирования.

С практической точки зрения отраслевой «сдвиг» особенно заметен при сопоставлении источников финансирования и правовых оснований возникновения прав застрахованного лица. В добровольном медицинском страховании правомочие обусловлено договором и уплатой страховой премии, в обязательном медицинском страховании – законом и включением лица в систему обязательного страхования, что соответствует логике социального государства. В научных работах, посвящённых обязательному медицинскому страхованию как финансовому инструменту реализации конституционных гарантий, подчёркивается публично-правовая природа этой модели и её связь с обеспечением социальных прав[1], но как ранее было отмечено гражданское право является фундаментом отношений в обязательном медицинском страховании, усиление влияния гражданского права отражает цели перехода от бюджетной модели к страховой.

В итоге корректным представляется вывод о смешанной (двухконтурной) отраслевой принадлежности медицинского страхования: оно включает гражданско-правовой сегмент (ДМС) и комплексный публично-правовой сегмент (ОМС), обеспеченный нормами финансового, социального, административного и гражданского права. Такая квалификация отражает фактическую архитектуру правового регулирования и позволяет точнее описывать правовой статус участников системы и пределы их ответственности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 24.07.2009 № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Закон РФ от 28.06.1991 № 1499–1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Волос А.А. Реализация принципа добросовестности применительно к отношениям сторон смарт-контракта // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 2. – С 26–31.

10. Головань С.А. Реформирование системы обязательного медицинского страхования в России // КиберЛенинка. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-sistemy-obyazatelnogo-meditsinskogo-strahovaniya-v-rossii

11. Кравченко В.В. Итоги реформирования системы ОМС в 2010–2013 гг.: анализ недостатков существующей системы ОМС // КиберЛенинка. 2014. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/itogi-reformirovaniya-sistemy-oms-v-2010–2013-gg-analiz-nedostatkov-suschestvuyuschey-sistemy-oms

12. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 283 с.

13. Рябичева О.И. Добровольное медицинское страхование в России: проблемы и перспективы развития // КиберЛенинка. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolnoe-meditsinskoe-strahovanie-v-rossii-problemy-i-perspektivy-razvitiya

ON THE ISSUE OF HEALTH INSURANCE

Lebedev K.A.
Moscow University of Finance and Law

This article analyzes the development of health insurance, the main stages of its development, and the sectoral legal regulation of health insurance in the Russian Federation. The author concludes that health insurance has a mixed (two-circuit) sectoral structure: it includes a civil law segment (VHI) and a comprehensive public law segment (CHI), supported by financial, social, administrative, and civil law.

The article devotes particular attention to the private law regulation of relations in compulsory health insurance in the Russian Federation. The author substantiates the need to strengthen civil law regulation of relations in compulsory health insurance. This will allow medical organizations to more effectively protect their interests, expand the list of medical organizations covered by compulsory health insurance, strengthen the right of insured persons to choose a medical organization, and ultimately contribute to the creation of conditions for ensuring the accessibility and quality of medical care provided under compulsory health insurance programs.

Keywords: health insurance, compulsory health insurance, voluntary health insurance, insurance, legal regulation.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) (as amended) // SPS “ConsultantPlus”.

2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26/01/1996 No. 14-FZ // SPS “ConsultantPlus”.

3. Federal Law of 21/11/2011 No. 323-FZ “On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”.

4. Federal Law of 29/11/2010 No. 326-FZ “On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”.

5. Federal Law of July 24, 2009, No. 212-FZ “On Insurance Contributions to the Pension Fund of the Russian Federation, the Social Insurance Fund of the Russian Federation, and the Federal Compulsory Medical Insurance Fund” (no longer in effect) // SPS “ConsultantPlus”.

6. Federal Law of July 16, 1999, No. 165-FZ “On the Fundamentals of Compulsory Social Insurance” // SPS “ConsultantPlus”.

7. Law of the Russian Federation of November 27, 1992, No. 4015–1 “On the Organization of Insurance Business in the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”.

8. Law of the Russian Federation of June 28, 1991, No. 1499–1 “On Medical Insurance of Citizens in the Russian Federation” (no longer in effect) // SPS “ConsultantPlus”.

9. Volos, A.A. Implementation of the Good Faith Principle in Relation to the Parties to a Smart Contract // Law and Digital Economy. – 2020. – No. 2. – P. 26–31.

10. Golovan S.A. Reforming the Compulsory Medical Insurance System in Russia // CyberLeninka. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-sistemy-obyazatelnogo-meditsinskogo-strahovaniya-v-rossii

11. Kravchenko V.V. Results of the Compulsory Medical Insurance System Reform in 2010–2013: Analysis of the Shortcomings of the Existing Compulsory Medical Insurance System // CyberLeninka. 2014. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/itogi-reformirovaniya-sistemy-oms-v-2010–2013-gg-analiz-nedostatkov-suschestvuyuschey-sistemy-oms

12. Raikher V.K. Social and Historical Types of Insurance. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1947. 283 p.

13. Ryabicheva O.I. Voluntary Health Insurance in Russia: Problems and Development Prospects // CyberLeninka. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolnoe-meditsinskoe-strahovanie-v-rossii-problemy-i-perspektivy-razvitiya

[1] Школик О.А. Финансовые институты и финансовые инструменты: обязательное медицинское страхование в процессе реализации конституционных гарантий.

Институт наследственного договора в России и Швейцарии

Лернер Семён Дмитриевич,
аспирант, МГЮА
E-mail: lerner0268@mail.ru

В исследовании рассматриваются особенности правового регулирования наследственного договора в правовых системах Российской Федерации и Швейцарии с целью определения специфических характеристик каждого национального законодательства. Актуальность исследования определяется тем, что до настоящего момента не проводилось детального сопоставления механизмов реализации наследственного договора в правовых системах этих двух государств. Результаты проведённого исследования демонстрируют, что, хотя функционирование института наследственного договора в Швейцарии и России схоже, способы его фактической реализации существенно отличаются друг от друга. В условиях реформы российского гражданского права, российская правовая система может заимствовать некоторые элементы швейцарской модели, такие как большая свобода и гибкость при заключении договора и более чёткие механизмы защиты сторон договора.

Ключевые слова: наследственное право, наследственный договор, гражданское право, наследование, завещание, вступление в наследство.

Договоры о передаче имущества после смерти берут начало в древнеримском частном праве. Римляне использовали три главных способа передачи собственности по наследству: завещательное распоряжение, законный порядок наследования (когда имущество переходило от родителей к детям), а также pactum fiduciae – специальное соглашение, основанное на доверительных отношениях. Чтобы разобраться в природе и содержании наследственного договора, необходимо проследить историческое развитие этого института. А.И. Пожилых указывает на то, что позднее в Риме произошли перемены в подобной практике. Соглашения о передаче наследства утратили юридическую силу, поскольку противоречили базовым нормам права. Первоначально же данная система позволяла главе семьи заключать соглашения с потомками мужского пола, которые регламентировали порядок получения им их собственности после смерти [6].

Сегодня владельцы разнообразного имущества самостоятельно принимают решение о судьбе своей собственности на случай смерти, ведь современный мир характеризуется многообразием форм собственности и значительными объемами накопленных активов [6].

Наибольшую популярность институт наследственного договора приобрел в Швейцарии. Швейцария лидирует по количеству таких соглашений – их заключают 75% граждан, регулирующих вопросы передачи имущества после смерти [1].

В швейцарской правовой системе наследственный договор представляет собой гражданско-правовое соглашение, посредством которого собственник передает свое имущество правопреемнику, что закреплено ст. 494 национального Гражданского кодекса (ГК). Данная модель существенно отличается от английского варианта. Получатель наследства при этом может являться непосредственным участником соглашения либо выступать как третья сторона. Кроме того, законодательство Швейцарии допускает включение в подобный договор условий о завещательном отказе [2, с. 198].

С точки зрения правовой системы швейцарскую модель наследственного договора от классических европейских отличает специфика его заключения. Такой механизм защиты интересов приобретателя закреплен в части запрета на дарение имущества с целью умышленного причинения вреда наследнику. Ключевым условием становится доказательство того, что прежний владелец действовал недобросовестно, распоряжаясь активами, которые составляют объект соглашения о передаче, стремясь навредить получателю. Страны Западной Европы выработали юридический подход, позволяющий наследникам оспаривать операции с имуществом, которые умерший осуществлял ещё при жизни [5].

1 июня 2019 года российское законодательство обогатилось принципиально новым инструментом распоряжения имуществом на случай смерти – наследственным договором. Данный механизм был интегрирован в правовое поле Российской Федерации (РФ) посредством включения ст. 1140.1 в Гражданский кодекс РФ. Поскольку подобная договорная конструкция ранее отсутствовала в российской юриспруденции, специалисты в области права столкнулись с дефицитом практических навыков, методологической базы и профессионального опыта работы с этим институтом. Именно новизна данного правового явления для отечественной системы определяет необходимость его всестороннего научного исследования и детального анализа. Нормы права предоставляют возможность физическим лицам оформить соглашение с потенциальными правопреемниками относительно передачи собственности на случай смерти. Под таким соглашением понимается договорной документ частноправового характера, положения которого закрепляют круг лиц, получающих активы умершего собственника, и регламентируют порядок, правила и обстоятельства, при которых собственность переходит участникам соглашения или иным субъектам. Необходимым условием является то, что получатели имущества должны быть живы на момент открытия наследства [7].

Анализ правовых характеристик позволяет выявить юридические особенности наследственного договора [8]. Двусторонний и возмездный характер, а также консенсуальность – вот основные черты данного соглашения, которые вытекают из норм ст. 1140.1 ГК РФ. Важно отметить, что подобное соглашение допускает участие нескольких получателей имущества, что подтверждает многосторонний формат его заключения, а не исключительно односторонний вариант, как следует

из приведённой нами трактовки. Более того, существует возможность оформления такого договора с условием передачи наследственного имущества лицам, не являющимся непосредственными участниками сделки, но имеющим право на получение наследства [4, с. 284].

Без соблюдения ряда обязательных требований наследственный договор признается недействительным. Третьим необходимым элементом выступает механизм передачи собственности от наследодателя (отчуждателя) к приобретателям по договору. Кроме того, важно указать участников правоотношений – лиц, претендующих на получение наследства. Первостепенное значение имеет объект соглашения, а именно имущество, подлежащее наследованию [3, с. 22].

Швейцарское законодательство демонстрирует аналогичный российскому механизм правового регулирования договора о наследовании, включающий право на односторонний выход из соглашения. При этом данная концепция исключает возможность отмены необязательных волеизъявлений, совершаемых в одностороннем порядке. Ст. 513 ГК Швейцарии разрешает расторжение договорных наследственных обязательств исключительно при наличии обстоятельств, четко определенных законом. Следовательно, формируется исчерпывающий список оснований для одностороннего расторжения договора. Швейцарский ГК, в частности, предусматривает право на односторонний выход в ситуации невыполнения согласованных встречных обязанностей. Подобные действия могут повлечь утрату гарантированной законом наследственной доли [5].

Фундаментальным принципом договорных отношений выступает соблюдение равновесия интересов участников, что делает швейцарский законодательный подход, сужающий возможности для расторжения в одностороннем порядке, более справедливым решением. Возможность одностороннего расторжения наследственного договора, закрепленная в российском ГК РФ, основывается законодателем на концепции свободы завещания, однако необходимо принимать во внимание двусторонний характер наследственного договора, отличающий его от завещания. Допускается отказ одной из сторон при условии порока волеизъявления, а равно в ситуации, когда наследополучатель умер раньше наследодателя [5].

Таким образом, анализ правового регулирования наследственных договоров в России и Швейцарии показывает, как значительные сходства, так и различия в подходах к наследованию. Сходства заключаются в ясном законодательном регулировании процессов наследования в обеих странах, а также в необходимости нотариального удостоверения, что создает защиту прав участников. Оба законодательства также признают возможность оспаривания договора в случае недееспособности и требуют документального оформления изменений или отмены условий договора. Различия проявляются в том, что Россия позволяет заключение наследственного договора как до, так и после открытия наследства, в то время как Швейцария ограничивает его заключение только после смерти наследодателя. В Швейцарии также возможны дополнительные стороны, такие как фонды, что расширяет круг участников наследственного процесса. В вопросе изменения или отмены договора, в Швейцарии достаточно согласия только наследодателя – это упрощает процедуру. Эффект на наследование также различен: в России могут возникнуть судебные разбирательства со стороны недовольных наследников, тогда как в Швейцарии договоры более защищены от судебных разбирательств. Система разрешения споров тоже различается, так как в Швейцарии акцентируется внимание на медиации и альтернативных способах разрешения конфликтов, что может снизить нагрузку на судебные органы.

В конечном счете, каждая из стран имеет свои особенности и преимущества в сфере наследственных договоров, что отражает культурные и правовые традиции каждой из них.

Литература

1. Власова С.А. Эволюция нормативного регулирования наследственного договора в рамках гражданского права РФ. Юридическая наука. 2022. № 10. С. 21–24.
2. Гаджиев А.А., Гудименко Г.В. Наследственный договор в правопорядках различных стран // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3. С. 193–201.
3. Закарьяева З.Ш. Наследственный договор: особенности правового регулирования и сравнение с иными договорными конструкциями // Образование и право. 2021. С. 19–25.
4. Лемента Д.А. Значение наследственного договора в Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 45. С. 283–289.
5. Морозов С.А. Обеспечение сохранности наследственного имущества по наследственному договору. Право и управление. 2023. № 9. С. 105–110.
6. Пожилых А.И. История наследственного договора // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 5. С. 84–90. 86
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ № 10 2022 [ЮН] 24 (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552; 2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5115.
8. Burandt W., Rojahn D., Balomatis A. Erbrecht. Kommentar. 3. Aufl. München: Beck. 2019. 2050 p.

THE INSTITUTE OF INHERITANCE CONTRACT IN RUSSIA AND SWITZERLAND

Lerner S.D.
Moscow State Law University named after O.E. Kutafina

This study examines the specific features of legal regulation of inheritance contracts in the legal systems of the Russian Federation and Switzerland in order to determine the specific characteristics of each national legislation. The results of the study demonstrate that, although the functioning of the institution of inheritance contracts in Switzerland and Russia is similar, the methods of their actual implementation differ significantly. In the context of the reform of Russian civil law, the Russian legal system could adopt some elements of the Swiss model, such as greater freedom and flexibility in contractual conclusion and clearer mechanisms for protecting the parties to the contract.

Keywords: inheritance law, inheritance contract, civil law, inheritance, will, inheritance.

References

1. Vlasova S.A. Evolution of the Normative Regulation of the Inheritance Contract within the Framework of the Civil Law of the Russian Federation. Legal Science. 2022. № 10. Pp. 21–24.
2. Gadzhiev A. A., Gudimenko G.V. Inheritance Contract in the Legal Orders of Various Countries // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. № 3. Pp. 193–201.
3. Zakar'yaeva Z. Sh. Inheritance Contract: Features of Legal Regulation and Comparison with Other Contractual Structures // Education and Law. 2021. Pp. 19–25.
4. Lementa D.A. The Importance of the Inheritance Contract in the Russian Federation // Young Scientist. 2020. № 45. Pp. 283–289.
5. Morozov S.A. Ensuring the Safety of Inherited Property under a Succession Agreement. Law and Management. 2023. № 9. Pp. 105–110.
6. Pozhilykh A.I. History of the Succession Agreement // Ural Journal of Legal Research. 2020. № 5. Pp. 84–90. 86
7. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001 № 146-FZ № 10 2022 [UN] 24 (as amended on July 1, 2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 49. – Art. 4552; 2021. – № 27 (Part I). – Art. 5115.
8. Burandt W., Rojahn D., Balomatis A. Erbrecht. Commentary. 3. Aufl. Munich: Beck. 2019. 2050 p.

Правовой режим цифровых финансовых активов и криптовалют в системе имущественных отношений супругов: вопросы квалификации и раздела

Мазка Евгения Юрьевна,
аспирант. АНО ВО «Московский университет «Синергия»
E-mail: 89263238806@bk.ru

Рязанцева Екатерина Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент, кафедра правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства, АНО ВО «Московский университет «Синергия»
E-mail: ERiazantseva@synergy.ru

Стремительное развитие рынка цифровых финансовых активов и криптовалют в Российской Федерации формирует принципиально новые вызовы для семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов. Предметом настоящего исследования выступают проблемы правовой квалификации цифровых финансовых активов и цифровой валюты в системе имущественных отношений супругов и механизмы их раздела при расторжении брака. В работе используются методы формально-юридического анализа норм Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте», Семейного кодекса и Гражданского кодекса Российской Федерации, систематизация формирующейся судебной практики, а также доктринальный анализ научных публикаций 2022–2025 годов. Проведённый анализ позволил установить наличие существенного разрыва между признанием криптовалюты имуществом на законодательном уровне и реальными возможностями её раздела при расторжении брака, обусловленного анонимностью, децентрализованностью и трансграничностью криптоактивов. Научная новизна состоит в разработке авторской классификации правовых проблем, возникающих при включении цифровых активов в состав совместно нажитого имущества супругов, и обосновании предложений по совершенствованию законодательства. Практическая значимость определяется возможностью применения результатов при формировании единообразной судебной практики по данной категории дел.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, криптовалюта, совместная собственность супругов, раздел имущества, правовой режим, блокчейн, майнинг, брачный договор, имущественные права.

Введение

Цифровая трансформация финансовой системы Российской Федерации, ознаменованная принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] и последующими федеральными законами от 08.08.2024 № 221-ФЗ и № 223-ФЗ, легализовавшими майнинг криптовалют и установившими порядок их использования в международных расчётах [2; 3], порождает принципиально новые вопросы для семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов[18]. Следует отметить, что рынок криптовалют демонстрирует устойчивый рост популярности среди российских граждан, а стоимость одного биткоина к концу 2025 года превысила 8,8 млн рублей[19], что делает вопрос о правовом режиме криптоактивов в имущественных отношениях супругов практически значимым. Вместе с тем, как справедливо указывает адвокат И. Завьялов, несмотря на поэтапное получение криптовалютой статуса имущества, принятые на основе нового законодательства судебные решения в обозримом будущем не могут быть исполнены в силу технологических особенностей блокчейна[20].

Необходимо подчеркнуть, что с 1 января 2025 года цифровая валюта для целей налогообложения официально признана имуществом и облагается НДФЛ по ставке 13–22% в зависимости от размера дохода[4], а в ноябре 2025 года Государственная Дума приняла во втором чтении законопроект, вводящий аналогичный статус для уголовного судопроизводства[20]. Вместе с тем в сфере семейного права отсутствуют специальные нормы, регулирующие порядок раздела цифровых активов между супругами, что порождает существенную правовую неопределённость. Член комитета Государственной Думы по промышленности и торговле И. Антропенко предложил официально включить криптовалюту в перечень совместно нажитого имущества супругов, указав, что отсутствие регулирования ущемляет права супругов при разводе[19].

Объектом исследования выступают имущественные отношения супругов, осложнённые наличием цифровых финансовых активов и криптовалюты в составе совместно нажитого имущества.

Предметом исследования являются нормы семейного, гражданского и специального законодательства Российской Федерации о цифровых финансовых активах, формирующаяся судебная практика, а также доктринальные подходы к правовой квалификации и разделу криптоактивов.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации правовых проблем, возникающих при квалификации и разделе цифровых финансовых активов и криптовалют в имущественных отношениях супругов, и разработке предложений по их разрешению.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования формируют положения цивилистической доктрины о правовом режиме имущества супругов, концептуальные подходы к квалификации цифровых прав, представленные в трудах М.О. Ляшковой по проблемам цифровых финансовых активов и банкротства[9], А.А. Романова по вопросам гражданско-правовых способов защиты прав на виртуальные активы[10], Э.С. Карпова и Э.К. Кутуева по проблемам включения криптовалюты в конкурсную массу[11].

В качестве основных методов исследования применены формально-юридический анализ норм Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ[1], федеральных законов от 08.08.2024 № 221-ФЗ[2] и № 223-ФЗ[3], Федерального закона от 29.11.2024 № 418-ФЗ[4], Семейного кодекса Российской Федерации[5] и Гражданского кодекса Российской Федерации[6], систематизация формирующейся судебной практики по данной категории дел, а также доктринальный анализ научных публикаций 2022–2025 годов.

Результаты и обсуждение

Теоретический анализ проблемы правовой квалификации цифровых финансовых активов и криптовалют в системе имущественных отношений супругов необходимо начать с разграничения двух ключевых понятий, введённых Федеральным законом № 259-ФЗ. Статья 1 данного

закона определяет цифровые финансовые активы (ЦФА) как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, выпуск, учёт и обращение которых возможны только путём внесения записей в информационную систему на основе распределённого реестра[1]. Цифровая валюта, в свою очередь, определяется как совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации[1]. Принципиально важным представляется то обстоятельство, что для целей законодательства о банкротстве и исполнительном производстве цифровая валюта признаётся имуществом (статья 19 Федерального закона № 259-ФЗ).

Особого внимания заслуживает эволюция правового статуса криптовалюты в российском законодательстве. Ещё в 2021 году Верховный Суд Российской Федерации в одном из дел прямо указал, что криптовалюта является имуществом гражданина[20]. В 2024 году были приняты федеральные законы № 221-ФЗ и № 222-ФЗ, поставившие оборот цифровой валюты под государственный контроль [2; 3]. В ноябре 2024 года поправками в Налоговый кодекс цифровая валюта для целей налогообложения была признана имуществом[4]. Вместе с тем в Семейном кодексе Российской Федерации отсутствуют специальные нормы, регулирующие правовой режим цифровых активов в имущественных отношениях супругов, что порождает необходимость применения общих положений статей 34, 38, 39 Семейного кодекса по аналогии[5].

Стоит обратить внимание на то, что Нотариальная палата Свердловской области указывает на невозможность установления владельца электронного кошелька и определения объёма криптовалюты до тех пор, пока гражданин сам не заявит о наличии таких финансовых активов[21]. Данное обстоятельство существенно осложняет включение криптоактивов в состав совместно нажитого имущества и их раздел при расторжении брака.

Систематизация правовых проблем, выявленных в ходе исследования, представлена в таблице 1.

Таблица 1. Классификация правовых проблем при квалификации и разделе цифровых активов в имущественных отношениях супругов

Группа проблем	Содержание проблемы	Правовое основание
Проблема квалификации	Разграничение ЦФА (цифровые права) и цифровой валюты (криптовалюта) влечёт различные правовые последствия для режима имущества	Ст. 1 ФЗ № 259-ФЗ, ст. 34, 128 ГК РФ
Проблема обнаружения	Анонимность криптовалютных кошельков делает невозможным принудительное выявление активов без содействия владельца	Ст. 57 ГПК РФ, технологические ограничения блокчейна
Проблема оценки	Высокая волатильность курса криптовалют создаёт неопределённость при определении стоимости на дату раздела	Ст. 38 СК РФ, ст. 3 ФЗ № 135-ФЗ
Проблема исполнения	Отсутствие правовых механизмов принудительной передачи криптовалюты по решению суда	Ст. 19 ФЗ № 259-ФЗ, ФЗ № 229-ФЗ
Проблема трансграничности	Хранение криптоактивов на зарубежных биржах и в некастодиальных кошельках исключает юрисдикцию российских судов	Ст. 5 ФЗ № 259-ФЗ, нормы МЧП

Источник: составлено автором на основе анализа материалов [1; 5; 9; 10; 20].

Данные таблицы 1 свидетельствуют о системном характере выявленных правовых проблем, охватывающих весь цикл работы с цифровыми активами в семейных спорах – от квалификации до принудительного исполнения.

Углублённый анализ проблемы квалификации позволяет установить принципиальное различие между цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой в контексте имущественных отношений супругов. ЦФА выпускаются конкретными операторами информационных систем, включёнными в реестр Банка России, и подлежат учёту в данных системах, что делает возможным их обнаружение и оценку через запросы к операторам[1]. Криптовалюта, напротив, функционирует в децентрализованных информационных системах (блокчейн), не имеющих единого оператора, что исключает возможность получения информации о владельцах через государственные органы[20]. М.О. Ляшкова в исследовании 2025 года, посвящённом проблемам включения цифровой валюты в конкурсную массу, справедливо отмечает, что, несмотря на законодательное признание криптовалюты имуществом, механизмы её выявления и обращения на неё взыскания остаются неразработанными[9].

Авторская модель правовой квалификации цифровых активов в системе имущественных отношений супругов представлена на рисунке 1.

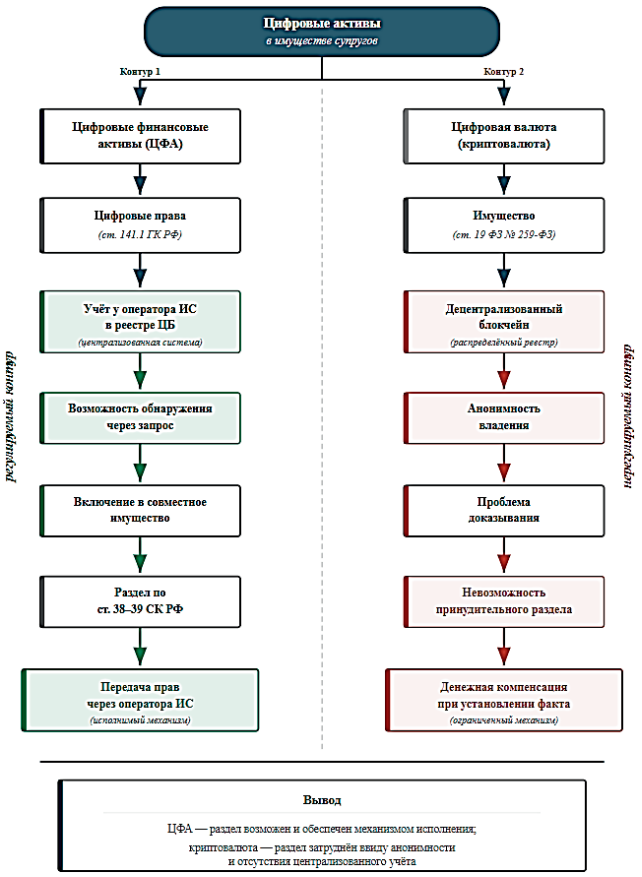

Рис. 1. Авторская модель правовой квалификации цифровых активов в системе имущественных отношений супругов

Источник: составлено автором на основе анализа материалов [1; 5; 6; 9; 10].

Представленная на рисунке 1 модель демонстрирует принципиальное различие в правовых режимах ЦФА и криптовалюты применительно к имущественным отношениям супругов, обусловленное различной степенью транспарентности данных активов.

Немаловажное значение имеет проблема доказывания наличия криптовалюты в составе совместно нажитого имущества. Как отмечает адвокат А. Андреев, нередки случаи, когда перед разводом супруги переводят семейные накопления на криптовалютные кошельки или на биржи, расположенные за пределами российской юрисдикции, и ввиду анонимности и децентрализованности криптоактивов обнаружить такие переводы бывает непросто[22]. Юрист Д. Суворова подчёркивает, что сложность раздела криптовалюты обусловлена её анонимностью и возможностью хранения за пределами российской юрисдикции, и если один из супругов использует криптовалюту для получения дохода через стейкинг, такой доход также подлежит разделу[23]. Суд Санкт-Петербурга отказал в удовлетворении иска о разделе криптовалюты, поскольку истцами не были представлены достоверные доказательства приобретения ответчиком цифровых активов в период брака, и невозможно было определить момент возникновения права[21].

Существенное значение приобретает сравнительный анализ способов раздела цифровых активов. Юрист В. Константинов выделяет добровольный способ раздела, когда супруги договариваются самостоятельно, и принудительный, относящийся к компетенции суда[18]. Для судебного раздела криптовалюты необходимо доказать наличие и объём активов, источник средств на их приобретение, а также произвести оценку на момент раздела[18]. Адвокат Т. Матвеев обращает внимание на целесообразность включения условий о разделе цифровой валюты в брачный договор, что существенно упростит раздел такого имущества[18].

Наряду с анализом нормативных проблем существенное значение приобретает рассмотрение доктринальных подходов к правовой квали-

фикации криптоактивов. А.А. Романов в публикации 2025 года в журнале «Арбитражный и гражданский процесс» отмечает, что ближайшим шагом на пути признания криптовалюты имуществом являются изменения в Уголовном кодексе Российской Федерации, и внесённый Правительством в Государственную Думу законопроект № 902782–8 прямо содержит определение, согласно которому цифровая валюта признаётся имуществом[10]. Э.С. Карпов и Э.К. Кутуев в совместном исследовании 2025 года указывают на проблему включения криптовалюты в конкурсную массу должника, подчёркивая, что определение категории «имущество» в гражданском законодательстве отсутствует, но исходя из анализа статьи 128 Гражданского кодекса криптовалюту следует квалифицировать как иное имущество[11].

Уместно заметить, что проблема оценки криптовалюты при разделе имущества супругов обусловлена её экстремальной волатильностью. Стоимость биткоина может колебаться на десятки процентов в течение нескольких недель, что создаёт существенную неопределённость при определении стоимости на дату раздела. Действующее законодательство не содержит специальных правил определения стоимости криптоактивов для целей семейно-правовых споров, что вынуждает суды применять общие положения о рыночной оценке имущества. Стоит обратить внимание на то, что юрист Е. Довгилова справедливо указывает, что международные криптобиржи и блокчейн-платформы не обязаны предоставлять российским судам какую-либо информацию, а анонимность криптовалюты делает раздел практически нереальным[23].

Равным образом существенным является анализ влияния майнинга криптовалюты на имущественные отношения супругов. С 1 ноября 2024 года в Российской Федерации действует упорядоченное правовое регулирование майнинга[2]. Майнинг представляет собой деятельность по созданию криптовалюты, и доход от такой деятельности, осуществляемой в период брака, подлежит включению в состав совместно нажитого имущества в силу статьи 34 Семейного кодекса, относящей к совместной собственности доходы от трудовой, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности[5]. Вместе с тем доказывание объёма намайненной криптовалюты представляет значительную сложность, поскольку майнер не обязан раскрывать информацию о своих криптовалютных кошельках в рамках семейного спора.

Помимо указанного, Нотариальная палата Свердловской области рекомендует супругам, находясь в браке, заранее устанавливать правовой режим цифровых активов посредством заключения брачного договора[21]. Подобная рекомендация представляется обоснованной, однако она не решает проблему раздела криптоактивов при отсутствии брачного договора, что характерно для подавляющего большинства российских семей. Сравнительный анализ правовых режимов различных видов цифровых активов в имущественных отношениях супругов представлен в таблице 2.

Таблица 2. Сравнительный анализ правовых режимов цифровых активов в имущественных отношениях супругов

Характеристика	Цифровые финансовые активы (ЦФА)	Цифровая валюта (криптовалюта)
Правовая квалификация	Цифровые права (ст. 141.1 ГК РФ)	Имущество (ст. 19 ФЗ № 259-ФЗ)
Регулятор	Банк России, операторы ИС	Отсутствует единый регулятор
Возможность обнаружения	Запрос к оператору ИС, включённому в реестр ЦБ	Практически невозможно без содействия владельца
Оценка стоимости	По данным оператора ИС	По рыночному курсу на криптобирже (волатильность)
Возможность ареста	Через оператора ИС по решению суда	Технически невозможен без доступа к приватному ключу
Способ раздела	Передача через оператора ИС	Денежная компенсация или добровольная передача
Налогообложение при разделе	По нормам НК РФ для ЦФА	НДФЛ 13–22% с 01.01.2025

Источник: составлено автором на основе анализа материалов [1; 4; 5; 6; 18; 20].

Данные таблицы 2 наглядно демонстрируют, что правовой режим ЦФА в имущественных отношениях супругов является существенно более определённым и прозрачным по сравнению с правовым режимом криптовалюты, что обусловлено наличием централизованного оператора и государственного контроля за оборотом ЦФА.

Необходимо подчеркнуть, что эксперт GMT Legal отмечает, что даже при нынешнем статусе криптовалюты как имущества обнаружить цифровые активы бывшего партнёра практически невозможно[19]. В Федеральном законе № 259-ФЗ не содержится положений о порядке выявления и ареста криптокошельков и счетов на криптовалютных биржах, а также о правилах реализации цифровых валют[20]. Адвокат А. Мамонтов справедливо указывает, что ключевым для рассмотрения дел о разделе имущества является отсутствие в российском законодательстве и судебной практике однозначной определённости об отнесении криптовалюты к имущественным активам, которые совместно нажиты и имеют денежную оценку[24].

В развитие данного положения следует подчеркнуть, что формирующаяся судебная практика свидетельствует о готовности судов рассматривать криптовалюту как объект раздела при наличии достаточной доказательственной базы. Если удаётся доказать, что во время брака супруг переводил деньги на криптобиржу, суд может обязать его выплатить компенсацию в размере половины внесённых средств[23]. Подобный подход, основанный на денежной компенсации вместо раздела актива в натуре, представляется наиболее реалистичным в текущих условиях.

На основании проведённого анализа представляется возможным сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования. Первое направление предполагает внесение дополнений в статью 34 Семейного кодекса Российской Федерации, прямо включающих цифровые финансовые активы и цифровую валюту в перечень объектов совместной собственности супругов. Второе направление связано с введением обязанности декларирования криптоактивов при подаче заявления о расторжении брака по аналогии с обязанностью декларирования цифровых активов для государственных служащих. Третье направление предполагает наделение судов полномочиями по направлению запросов российским операторам обмена цифровых финансовых активов и криптобиржам, получившим лицензию в Российской Федерации, о наличии счетов и активов сторон спора.

Выводы

Систематизация нормативно-правовых основ квалификации цифровых финансовых активов и цифровой валюты позволила установить, что российское законодательство последовательно движется к признанию криптовалюты полноценным имуществом через принятие федеральных законов № 259-ФЗ[1], № 221-ФЗ[2], № 223-ФЗ[3] и № 418-ФЗ[4], однако Семейный кодекс Российской Федерации не содержит специальных норм, регулирующих правовой режим цифровых активов в имущественных отношениях супругов, что вынуждает правоприменителей использовать общие положения статей 34, 38, 39 Семейного кодекса по аналогии.

Выявление и классификация правовых проблем позволили идентифицировать пять основных групп, включая проблему квалификации (разграничение ЦФА и криптовалюты), проблему обнаружения (анонимность блокчейна), проблему оценки (волатильность курса), проблему исполнения (невозможность принудительной передачи) и проблему трансграничности (хранение на зарубежных платформах). Сравнительный анализ правовых режимов ЦФА и криптовалюты показал, что ЦФА обладают существенно более высокой степенью прозрачности и пригодности для раздела благодаря наличию централизованных операторов, тогда как раздел криптовалюты остаётся практически неосуществимым без добровольного содействия владельца.

Разработанные предложения по совершенствованию правового регулирования включают необходимость прямого включения цифровых активов в перечень объектов совместной собственности супругов в статье 34 Семейного кодекса, введение обязанности декларирования криптоактивов при расторжении брака, а также наделение судов полномочиями по направлению запросов операторам обмена цифровых активов. Реализация указанных мер позволит повысить правовую определённость в сфере семейно-правового регулирования имущественных отношений, осложнённых наличием цифровых активов, и обеспечить защиту прав добросовестного супруга при разделе криптовалюты.

Литература

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 5018.

2. О внесении изменений в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ //

Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 33. – Ст. 4879.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 08.08.2024 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 33. – Ст. 4881.

4. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации: федер. закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 49. – Ст. 7185.

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

7. Об исполнительном производстве: федер. закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

8. Об определении цифровой валюты и признании её имуществом: письмо Минфина России от 25.07.2024 № 30–01–11/69367.

9. Ляшкова, М.О. Цифровые финансовые активы, цифровые валюты и банкротство / М.О. Ляшкова // Современное право. – 2025. – № 3. – С. 65–72.

10. Романов, А.А. Гражданско-правовые способы защиты прав на виртуальные активы / А.А. Романов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 12. – С. 41–46.

11. Карпов, Э.С. Проблемы включения криптовалюты в конкурсную массу должника / Э.С. Карпов, Э.К. Кутуев // Финансовое право. – 2025. – № 4. – С. 28–34.

12. Правовое регулирование криптовалют в России: законы, ограничения и перспективы 2025[Электронный ресурс] // Адвокат в Самаре и Москве. – 2025. – Режим доступа: https://pravo163.ru/pravovoe-regulirovanie-kriptovalyut-v-rossii-zakony-ogranicheniya-i-perspektivy-2025/ (дата обращения: 28.03.2026).

13. Цифровая валюта признается имуществом[Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – 2026. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/podborki/cifrovayavalyutapriznaetsya_imuschestvom/ (дата обращения: 28.03.2026).

14. Цифровые финансовые активы, цифровая валюта[Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – 2025. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/consdocLAW_514313/ (дата обращения: 28.03.2026).

15. Цифровые активы и развод – кому достанется криптовалюта и онлайн-бизнес?[Электронный ресурс] // vc.ru. – 2024. – Режим доступа: https://vc.ru/legal/1659573 (дата обращения: 28.03.2026).

16. Цифровые активы в бракоразводных спорах: как защитить свои права и имущество[Электронный ресурс] // HARANT. – 2025. – Режим доступа: https://harant.ru/blog/imushchestvo/brakorazvodnye-spory-i-czifrovye-aktivy/ (дата обращения: 28.03.2026).

17. Криптовалюта как способ скрыть имущество при разводе[Электронный ресурс] // Праворуб. – 2024. – Режим доступа: https://pravorub.ru/articles/103191.html (дата обращения: 28.03.2026).

18. Как делить криптовалюту при разводе[Электронный ресурс] // BeInCrypto. – 2025. – Режим доступа: https://ru.beincrypto.com/learn/kak-delit-kriptovalyutu-pri-razvode/ (дата обращения: 28.03.2026).

19. Биткоин в браке: зачем Госдума собирается признать криптовалюту совместно нажитым имуществом[Электронный ресурс] // EXMO. – 2025. – Режим доступа: https://exmo.me/blog/articles-post/bitcoin-in-marriage-why-is-the-state-duma-meeting (дата обращения: 28.03.2026).

20. Биткоин как имущество: почему новый статус криптовалют не работает на практике[Электронный ресурс] // Forbes. – 2025. – Режим доступа: https://www.forbes.ru/mneniya/552047-bitkoin-kak-imusestvo-pocemu-novyj-status-kriptovalut-ne-rabotaet-na-praktike (дата обращения: 28.03.2026).

21. Цифровые активы и имущество супругов: как определить правовой режим[Электронный ресурс] // Нотариальная палата Свердловской области. – 2024. – Режим доступа: https://npso66.ru/cifrovye-aktivy-i-imushhestvo-suprugov-kak-opredelit-pravovoj-rezhim/ (дата обращения: 28.03.2026).

22. Адвокат рассказал, как разделить криптовалюту при разводе[Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2024. – Режим доступа: https://ria.ru/20240824/kriptovalyuta-1968203929.html (дата обращения: 28.03.2026).

23. Юрист рассказала, как в России делят криптовалюту при разводе[Электронный ресурс] // Финансы Mail.ru. – 2025. – Режим доступа: https://finance.mail.ru/article/yurist-rasskazala-kak-v-rossii-delyat-kriptovalyutu-pri-razvode-68232829/ (дата обращения: 28.03.2026).

24. Криптовалюта как способ скрыть имущество при разводе: комментарии адвокатов[Электронный ресурс] // Праворуб. – 2024. – Режим доступа: https://pravorub.ru/articles/103191.html (дата обращения: 28.03.2026).

LEGAL REGIME OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS AND CRYPTOCURRENCIES IN MARITAL PROPERTY RELATIONS: ISSUES OF QUALIFICATION AND DIVISION

Mazka E.Yu., Ryazantseva E.A.
Moscow University «Synergy»

The rapid development of the digital financial asset and cryptocurrency market in the Russian Federation is creating fundamentally new challenges for the family law regulation of marital property relations. The subject of this study is the legal classification of digital financial assets and digital currency in marital property relations and the mechanisms for their division during divorce. This paper utilizes methods of formal legal analysis of the provisions of Federal Law No. 259 of July 31, 2020, «On Digital Financial Assets and Digital Currency,» the Family Code, and the Civil Code of the Russian Federation, systematization of emerging judicial practice, and a doctrinal analysis of scientific publications from 2022–2025. The analysis revealed a significant gap between the legal recognition of cryptocurrency as property and the actual possibilities for dividing it during divorce, due to the anonymity, decentralization, and cross-border nature of cryptoassets. The scientific novelty lies in the author's development of a classification of legal issues arising when including digital assets in the joint property of spouses and the substantiation of proposals for improving the legislation. The practical significance lies in the potential application of the results in the development of uniform judicial practice for this category of cases.

Keywords: digital financial assets, digital currency, cryptocurrency, joint property of spouses, division of property, legal regime, blockchain, mining, marriage contract, property rights.

References

1. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law of 31.07.2020 No. 259-FZ (as amended on 15.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31. – Article 5018.

2. On amendments to the Federal Law «On Digital Financial Assets, Digital Currency» and certain legislative acts of the Russian Federation: federal law of 08.08.2024 No. 221-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 33. – Article 4879.

3. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law. Law of 08.08.2024 No. 223-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 33. – Art. 4881.

4. On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation: federal law of 29.11.2024 No. 418-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 49. – Art. 7185.

5. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.11.2024, as amended on 30.10.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Art. 16.

6. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 24, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

7. On Enforcement Proceedings: Federal Law of October 2, 2007, No. 229-FZ (as amended on May 29, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 41. – Art. 4849.

8. On the Definition of Digital Currency and Recognition of It as Property: Letter of the Ministry of Finance of Russia dated July 25, 2024, No. 30–01–11/69367.

9. Lyashkova, M.O. Digital financial assets, digital currencies and bankruptcy / M.O. Lyashkova // Modern law. – 2025. – No. 3. – P. 65–72.

10. Romanov, A.A. Civil law methods of protecting rights to virtual assets / A.A. Romanov // Arbitration and civil procedure. – 2025. – No. 12. – P. 41–46.

11. Karpov, E.S. Problems of including cryptocurrency in the debtor's bankruptcy estate / E.S. Karpov, E.K. Kutuyev // Financial law. – 2025. – No. 4. – P. 28–34.

12. Legal regulation of cryptocurrencies in Russia: laws, restrictions and prospects 2025 [Electronic resource] // Lawyer in Samara and Moscow. – 2025. – Available at: https://pravo163.ru/pravovoe-regulirovanie-kriptovalyut-v-rossii-zakony-ogranicheniya-i-perspektivy-2025/ (Accessed: March 28, 2026).

13. Digital currency is recognized as property [Electronic resource] // ConsultantPlus. – 2026. – Available at: https://www.consultant.ru/law/podborki/cifrovayavalyutapriznaetsya_imuschestvom/ (Accessed: March 28, 2026).

14. Digital financial assets, digital currency [Electronic resource] // ConsultantPlus. – 2025. – Available at: https://www.consultant.ru/document/consdocLAW_514313/ (Accessed: March 28, 2026).

15. Digital Assets and Divorce: Who Will Get the Cryptocurrency and Online Business? [Electronic resource] // vc.ru. – 2024. – Available at: https://vc.ru/legal/1659573 (Accessed: March 28, 2026).

16. Digital Assets in Divorce Disputes: How to Protect Your Rights and Property [Electronic resource] // HARANT. – 2025. – Available at: https://harant.ru/blog/imushchestvo/brakorazvodnye-spory-i-czifrovye-aktivy/ (Accessed: March 28, 2026).

17. Cryptocurrency as a way to hide property during a divorce [Electronic resource] // PravoRub. – 2024. – Access mode: https://pravorub.ru/articles/103191.html (date of access: March 28, 2026).

18. How to divide cryptocurrency during a divorce [Electronic resource] // BeInCrypto. – 2025. – Access mode: https://ru.beincrypto.com/learn/kak-delit-kriptovalyutu-pri-razvode/ (date of access: March 28, 2026).

19. Bitcoin in marriage: why the State Duma is going to recognize cryptocurrency as jointly acquired property [Electronic resource] // EXMO. – 2025. – Available at: https://exmo.me/blog/articles-post/bitcoin-in-marriage-why-is-the-state-duma-meeting (Accessed: March 28, 2026).

20. Bitcoin as Property: Why the New Status of Cryptocurrencies Doesn't Work in Practice [Electronic Resource] // Forbes. – 2025. – Available at: https://www.forbes.ru/mneniya/552047-bitkoin-kak-imusestvo-pocemu-novyj-status-kriptovalut-ne-rabotaet-na-praktike (Accessed: March 28, 2026).

21. Digital Assets and Property of Spouses: How to Determine the Legal Regime [Electronic Resource] // Notary Chamber of the Sverdlovsk Region. – 2024. – Access mode: https://npso66.ru/cifrovye-aktivy-i-imushhestvo-suprugov-kak-opredelit-pravovoj-rezhim/ (date accessed: March 28, 2026).

22. A lawyer explained how to divide cryptocurrency during a divorce [Electronic resource] // RIA Novosti. – 2024. – Access mode: https://ria.ru/20240824/kriptovalyuta-1968203929.html (date accessed: March 28, 2026).

23. A lawyer explained how cryptocurrency is divided during a divorce in Russia [Electronic resource] // Finance Mail.ru. – 2025. – Access mode: https://finance.mail.ru/article/yurist-rasskazala-kak-v-rossii-delyat-kriptovalyutu-pri-razvode-68232829/ (date of access: March 28, 2026).

24. Cryptocurrency as a way to hide property during divorce: comments from lawyers [Electronic resource] // PravoRub. – 2024. – Access mode: https://pravorub.ru/articles/103191.html (date accessed: 03/28/2026).

Комплексное правовое обеспечение оборота баз данных: проблемы и решения

Миронов Денис Владимирович,
аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: mironovdenis18@gmail.com

Оборот баз данных сегодня представляет собой динамичную и многоаспектную сферу, играющую ключевую роль в цифровой экономике. Сложность и ценность информации, содержащейся в базах данных, обуславливают необходимость создания комплексной правовой системы, способной обеспечить баланс интересов всех участников – от разработчиков и владельцев до пользователей и государства. Данная статья посвящена анализу актуальных проблем, возникающих при правовом обеспечении оборота баз данных, и поиску эффективных решений этих вызовов.
Исследуются основные риски, связанные с неопределенностью правового статуса баз данных, их классификацией и определением субъектов прав. Автор рассматривает, как существующее законодательство, зачастую ориентированное на традиционные объекты интеллектуальной собственности, не всегда адекватно отражает специфику баз данных как уникальных информационных продуктов. Особое внимание уделяется проблемам защиты от несанкционированного доступа, копирования и извлечения данных, а также вопросам трансграничного оборота и гармонизации национальных правовых режимов.
Цель настоящей публикации – рассмотреть основные проблемы комплексного правового обеспечения оборота баз данных в Российской Федерации и предложить пути их решения.
Методы: анализ нормативно-правового регулирования, формально-юридический, сравнительно-правовой.
Результаты: проведен анализ текущего состояния оборота баз данных и его правового регулирования; определены основные проблемы комплексного правового обеспечения оборота баз данных в Российской Федерации; предложены пути решения проблем комплексного правового обеспечения оборота баз данных.

Ключевые слова: база данных, цифровизация, киберпреступность, правоприменители, sui generis.

Введение

В условиях бурно развивающегося информационного общества, базы данных стали неотъемлемым элементом функционирования практически всех сфер человеческой деятельности. Они служат основой для принятия управленческих решений, двигателем научных исследований, инструментом для обеспечения национальной безопасности и мощным активом для коммерческих организаций. Стремительный рост объемов генерируемых и обрабатываемых данных, усложнение их структуры и способов использования ставят перед правовой системой Российской Федерации новые, зачастую беспрецедентные задачи.

Актуальность исследования комплексного правового обеспечения оборота баз данных продиктована необходимостью создания эффективного механизма, который бы способствовал развитию отечественной цифровой экономики, одновременно гарантируя защиту прав и законных интересов субъектов, участвующих в обороте данных, и минимизируя связанные с ним риски.

Современное правовое поле, регулирующее оборот баз данных, характеризуется фрагментарностью и наличием пробелов. Существующие нормы, разрозненные по различным отраслям права – гражданскому, информационному, конституционному, часто не успевают за стремительным технологическим прогрессом. Это порождает ряд острых проблем: неопределенность правового режима отдельных видов баз данных, сложность установления прав собственности и иных вещных прав на данные, отсутствие четких правил трансграничной передачи информации, а также недостаточное правовое регулирование ответственности за нарушения при обработке и использовании баз данных. Эти проблемы не только замедляют развитие инновационных проектов и экспортный потенциал отечественных IT-решений, но и создают прямую угрозу конфиденциальности, целостности и доступности информации, затрагивая интересы как государства, так и частных лиц.

Таким образом, комплексное исследование проблем правового регулирования оборота баз данных и разработка соответствующих решений является важнейшей задачей на пути к построению зрелой и конкурентоспособной цифровой среды. Это позволит не только стимулировать экономический рост и технологическое развитие, но и обеспечит высокий уровень защиты информационных ресурсов, являющихся одним из ключевых активов современного государства.

Анализ текущего состояния оборота баз данных и его правового регулирования

Оборот баз данных в Российской Федерации находится на этапе активного развития, однако сталкивается с рядом существенных вызовов. С одной стороны, наблюдается стремительный рост объемов генерируемых данных, их цифровизация и внедрение в различные сферы экономики и государственного управления. Технологии больших данных, искусственного интеллекта и машинного обучения активно проникают в российское бизнес-пространство, трансформируя традиционные модели управления и принятия решений.

С другой стороны, текущее состояние оборота баз данных характеризуется значительной разрозненностью и отсутствием унифицированных подходов. Законодательная база, регулирующая сбор, хранение, обработку и передачу персональных и корпоративных данных, постоянно развивается, но зачастую отстает от темпов технологического прогресса. Это создает правовую неопределенность и порождает сложности для бизнеса, стремящегося соответствовать всем требованиям.

Ключевыми тенденциями в этой сфере можно назвать усиление внимания к вопросам информационной безопасности и защиты данных. В связи с ростом числа киберугроз и утечек, компании и государственные органы вынуждены инвестировать значительные средства в разработку и внедрение комплексных систем защиты. Параллельно наблюдается рост спроса на отечественные решения в области хранения и обработки данных, что стимулируется политикой импортозамещения.

Несмотря на существующие трудности, потенциал для развития оборота баз данных в России огромен. Дальнейшая цифровизация, разработка нормативно-правовой базы, соответствующей современным реалиям, и создание благоприятной среды для инноваций способны вывести российский рынок данных на новый уровень.

Оборот баз данных в Российской Федерации в 2023–2024 годах характеризуется устойчивым ростом, обусловленным цифровизацией экономики, расширением госуслуг и активной трансформацией бизнес-процессов. По данным Росстата и аналитических агентств, объём рынка баз данных (включая облачные решения, собственные системы хранения и управления данными) достиг более 150 миллиардов рублей годового оборота, при этом ежегодный темп прироста превышает 12%. Основной драйвер роста – внедрение систем электронного документооборота, развитие государственных платформ («Госуслуги», Единая система учёта), а также переход крупных компаний на инфраструктуру на основе Big Data.

Особое значение имеет распространение решений на базе отечественного ПО. В условиях санкционного давления и необходимости импортозамещения наблюдается значительное увеличение доли российских разработчиков – таких как «Ростех», «Лаборатория Касперского», «Яндекс» и стартапы из IT-кластеров Москвы, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода. Уже около 60% корпоративных проектов в сфере управления данными используют компоненты, созданные внутри страны, что снижает зависимость от зарубежных технологий.

Важную роль играет федеральная программа «Цифровая экономика» [8], которая направляет инвестиции в модернизацию ИТ-инфраструктуры регионов. Благодаря этим мерам, количество организаций, использующих централизованные хранилища данных, выросло почти на треть за последние три года. При этом особый спрос возникает на решения, обеспечивающие безопасность персональных данных, соответствующие требованиям ФЗ-152 «О персональных данных» [2]. Это привело к росту числа специализированных сервисов по шифрованию, аудиту доступа и контролю за согласиями пользователей.

Несмотря на позитивные тенденции, сохраняются вызовы: нехватка квалифицированных специалистов в области data engineering и cybersecurity, сложности с масштабированием систем в регионах, а также проблемы с интероперабельностью между различными платформами. Кроме того, растёт число случаев незаконного использования данных – в 2023 году было зафиксировано свыше 7 тыс. нарушений, связанных с утечками или неконтролируемым доступом к информационным массивам.

В целом, рынок баз данных в России демонстрирует высокую устойчивость и адаптивность. Его дальнейшее развитие будет определяться сочетанием государственной поддержки, технологического прогресса и повышения уровня цифровой грамотности среди организаций всех уровней.

Оборот баз данных в Российской Федерации находится под юридическим контролем, основным нормативно-правовым актом, по которому является Гражданский кодекс РФ. Особое внимание уделяется защите прав субъектов информации и обеспечению конфиденциальности персональных данных.

Правовой статус базы данных определяется статьей 1259 Гражданского кодекса РФ [1]. Под базой данных понимается совокупность сведений, организованная таким образом, чтобы они могли быть извлечены при помощи компьютера. Право собственника базы данных возникает автоматически при создании объекта, если он не является результатом трудовой деятельности или выполненным по договору подряда. Важно отметить, что право охраны распространяется только на саму структуру и способ организации данных, но не на сами данные, которые могут находиться под защитой авторского права или других видов интеллектуальной собственности.

А.И. Мохов, автор научной статьи «Правовое регулирование использования баз данных» [7], отмечает актуальность изучения этого вопроса, так как информационные базы данных, содержащие информацию о частной жизни, из-за пробелов в правовом регулировании влекут неоправданное ограничение права на частную жизнь.

Для использования баз данных в коммерческих целях необходимо учитывать требования ФЗ-152 «О персональных данных» [2] – касающиеся обработки, хранения и передачи персональных сведений. При этом любые действия с базами данных, содержащими персональные данные, должны соответствовать принципам добросовестности, законности, прозрачности и минимального сбора данных.

В случае создания, изменения или распределения баз данных в государственных органах действует единая система электронного документооборота, обеспечивающая соответствие требованием федерального законодательства. Также применяются правила доступа к государственным информационным системам.

Нарушение порядка обращения с базами данных может повлечь административную, гражданско-правовую или уголовную ответственность, особенно если это связано с незаконным доступом, разглашением или уничтожением информации. Контроль за соблюдением законодательства осуществляют Роскомнадзор, Министерство цифрового развития, а также органы МВД и Следственный комитет при проверках.

И.Л. Бачило [5] считает, что для эффективного правового регулирования баз данных в сфере государственного управления гражданско-правовых норм недостаточно. Необходимо включить базы данных в структуру информационного права, систематизировать и кодифицировать нормы, регулирующие публично-правовые взаимоотношения и связи применительно к базам данных.

Проблемы комплексного правового обеспечения баз данных

Чтобы база была признана объектом права, требуется доказать либо наличие творческого подхода, либо значительность инвестиций. Отсюда вытекает проблема разграничения охраняемой базы данных и простой совокупности информации.

Так, А.А. Инюшкин [6] обосновал, что на базы данных распространяется частноправовой режим, а на информацию, которая является их содержательным наполнением, – наряду с частноправовым и публично-правовой.

А.И. Савельев [9] предложил по-иному рассматривать соотношение понятий «данные» и «информация»: по его мнению, данные не являются разновидностью информации – информация является результатом интерпретации данных.

Простая совокупность информации, по своей сути, представляет собой набор данных, не обладающий специфической структурой или организацией, которые были бы направлены на обеспечение особой правовой защиты. Это может быть, например, сборник статей, опубликованных в открытом доступе, или случайный набор файлов, не объединённых единой целью и системой управления. Такие данные, как правило, не подпадают под действие законодательства, регулирующего защиту баз данных, поскольку не соответствуют критериям оригинальности, систематизации и упорядоченности, являющимся ключевыми признаками охраняемой информации.

Охраняемая база данных, напротив, характеризуется наличием систематизированной структуры, позволяющей осуществлять поиск, выборку и обработку информации. Особым образом организованные авторские данные, которые в совокупности представляют собой оригинальную интеллектуальную собственность, подпадают под защиту авторским правом. Ключевым моментом здесь является наличие творческого подхода к структурированию и организации информации, что делает базу данных уникальным объектом, требующим специальной правовой охраны. Эта охрана может распространяться на структуру базы данных, а в некоторых случаях и на содержащуюся в ней информацию, если она сама по себе является оригинальной.

Таким образом, основное различие кроется в степени систематизации, оригинальности и целенаправленности организации данных. Простая совокупность информации пассивна и не требует специальной защиты, тогда как охраняемая база данных является результатом творческого труда и нуждается в правовых механизмах для предотвращения незаконного копирования, распространения и использования.

В ряде случаев сама структура базы может охраняться как информация, имеющая коммерческую ценность и защищаемая владельцем при условии соблюдения режима секретности. Это особенно актуально для клиентских баз, маркетинговых стратегий и закрытых научных исследований. Здесь встает проблема пересечения базы данных с режимом коммерческой тайны.

В контексте правовой защиты информации, базы данных и режим коммерческой тайны часто вступают в сложное взаимодействие, создавая новые вызовы для их адекватного регулирования. База данных, как совокупность данных, организованных таким образом, чтобы их можно было эффективно находить и обрабатывать, сама по себе может содержать сведения, составляющие коммерческую тайну. Это может быть набор уникальных клиентских данных, ноу-хау в области обработки информации, алгоритмы аналитики или иная конфиденциальная информация, имеющая экономическую ценность.

Режим коммерческой тайны, в свою очередь, представляет собой комплекс мер, направленных на защиту сведений, имеющих действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым третьи лица не имеют свободного доступа и обладатель таких сведений принимает меры к охране их конфиденциальности. Ключевое условие для отнесения информации к коммерческой тайне – это необходимость принятия владельцем активных мер по обеспечению её конфиденциальности.

Пересечение этих двух понятий возникает, когда собственник базы данных, содержащей конфиденциальные сведения, стремится обеспечить их защиту с помощью режима коммерческой тайны. В этом случае, помимо организационных, правовых и технических мер, предпри-

нимаемых для охраны самой базы данных как объекта, должны быть реализованы дополнительные меры, соответствующие требованиям законодательства о коммерческой тайне. Это включает в себя документальное закрепление перечня сведений, составляющих коммерческую тайну, определение лиц, имеющих доступ к этим сведениям, установление правил работы с ними, а также подписание соглашений о неразглашении.

Сложность заключается в том, чтобы чётко разграничить, какие именно элементы базы данных подпадают под режим коммерческой тайны, и какие охранные меры являются достаточными для выполнения требований законодательства. Недостаточное внимание к этому аспекту может привести к тому, что ценные сведения, находящиеся в базе данных, не будут иметь должной правовой защиты, что, в свою очередь, может повлечь значительные убытки для владельца.

В Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2023 по делу № 88–18752/2023 [3] говорится, что суд отказал в удовлетворении требований истца, так как компания не доказала, что бывший работник разгласил коммерческую тайну. Компания должна была ввести режим коммерческой тайны в отношении базы данных клиентов, но не сделала этого, значит, база клиентов не относится к коммерческой тайне.

Немногочисленная судебная практика в области защиты прав изготовителей баз данных в РФ показала существующие недостатки правового регулирования даже на уровне правовой дефиниции базы данных. Например, в виде сложностей с определением судом наличия у истца в принципе охраняемой согласно ГК РФ базы данных, в отношении которой истец обращается в суд за защитой, в то время как физическое существование такой базы данных не вызывает вопросов и подтверждается техническим образом. Или ввиду отсутствия полной ясности, а иногда наличия заблуждений относительно порядка и оснований применения конечными пользователями положений, связанных с ограничениями и исключениями из интеллектуальных прав на базы данных.

В качестве примера может выступать Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.07.2018 по делу № А40–18827/2017 [4]. Суд отметил, что изготовителем базы данных является лицо, организовавшее создание базы данных и работу по сбору, обработке и расположению составляющих её материалов. При этом не имеет значения, какие лица фактически производили наполнение базы данных.

Пути решения проблем комплексного правового обеспечения баз данных

Проблема четкого разграничения между охраняемой базой данных и простой совокупностью информации в Российской Федерации представляет собой значительную правовую неопределенность, затрагивающую как авторов и правообладателей, так и пользователей. Решение данной проблемы требует комплексного подхода, включающего как законодательные, так и доктринальные аспекты.

Во-первых, необходимо законодательно закрепить критерии, определяющие, когда совокупность данных приобретает статус охраняемой базы данных. Это должно основываться на двух ключевых признаках: уникальности и системности. Уникальность предполагает, что структура, отбор или организация информации в базе данных являются результатом творческого труда автора. Системность же означает, что данные организованы таким образом, что их можно систематически извлекать и использовать. Четкое определение этих признаков позволит отделить объективно созданные и организованные базы данных от простых, не требующих специальной правовой охраны, подборок информации.

Во-вторых, следует разработать методические рекомендации и разъяснения для правоприменителей. Судебным органам, а также органам, осуществляющим регистрацию и защиту интеллектуальной собственности, необходимы четкие ориентиры для квалификации совокупности информации. Эти разъяснения должны учитывать специфику различных видов баз данных, включая те, основу которых составляют общедоступные сведения, но их организация и представление являются результатом творческого подхода.

В-третьих, важно стимулировать развитие договорных отношений в сфере использования баз данных. Для предотвращения злоупотреблений и обеспечения законных интересов правообладателей, а также пользователей, необходимо развивать практику заключения лицензионных договоров, которые четко определяли бы объем и условия использования охраняемых баз данных. Это позволит снять много вопросов, связанных с неопределенностью статуса информации, и будет способствовать легальному обороту таких объектов.

Проблема пересечения правового режима баз данных с режимом коммерческой тайны в Российской Федерации требует комплексного решения, направленного на повышение правовой определенности и защиту интересов правообладателей.

Для устранения этой неопределенности, прежде всего, необходимо разработать и закрепить в законодательстве четкие критерии определения информации, которая может одновременно являться и базой данных, и коммерческой тайной. Эти критерии должны учитывать как критерии охраняемости базы данных (системность, отбор, организация), так и критерии коммерческой тайны (новизна, неизвестность третьим лицам, экономическая ценность, режим конфиденциальности). Важно, чтобы законодательство явно указывало, что наличие признаков коммерческой тайны не отменяет правовой режим базы данных, и наоборот.

Далее, целесообразно детализировать правила применения норм об интеллектуальной собственности и норм о коммерческой тайне в отношении объектов, подпадающих под оба режима. Это может быть реализовано путем внесения изменений в Гражданский кодекс РФ и соответствующие подзаконные акты. Необходимо установить приоритетность применения тех или иных норм в зависимости от характера правоотношений и цели использования информации. Например, при доступе к базе данных, составляющей коммерческую тайну, должны применяться как меры по защите базы данных, так и строжайшие ограничения, предусмотренные для коммерческой тайны.

Кроме того, важное значение имеет развитие договорной практики. Стороны, создающие или использующие базы данных, имеющие признаки коммерческой тайны, должны иметь возможность детально прописывать в лицензионных и иных договорах условия доступа, использования, защиты такой информации, а также ответственность за ее разглашение. Это позволит минимизировать правовые риски и обеспечить надлежащую защиту интересов всех участников.

Заключение

Завершая анализ комплексного правового обеспечения оборота баз данных, можно констатировать, что современное законодательство столкнулось с беспрецедентными вызовами. Стремительное развитие технологий, порождающее появление все новых форм организации и использования информации, требует постоянной адаптации правовых норм. Основная проблема заключается в том, что существующие правовые конструкции, ориентированные на традиционные объекты права, зачастую оказываются недостаточными для регулирования специфики оборота баз данных – как их создания и модификации, так и передачи, хранения и использования.

Одной из ключевых проблем является определение правового статуса баз данных. Являются ли они объектами авторского права, служебными произведениями, базами данных как таковыми (sui generis) или чем-то иным? Неопределенность в этом вопросе влечет за собой сложности в защите прав создателей, инвесторов и пользователей, а также в предотвращении незаконного копирования и распространения. Кроме того, трансграничный характер оборота данных усугубляет ситуацию, сталкивая различные правовые системы и требуя выработки международных стандартов.

Решение этих проблем требует многовекторного подхода. Во-первых, необходимо усовершенствовать законодательную базу, четко определяя правовой режим баз данных, включая основания возникновения прав, пределы использования и механизмы защиты. Во-вторых, актуализации требуют положения о договорном обороте, чтобы охватить разнообразные модели предоставления доступа и лицензирования. В-третьих, следует разработать эффективные механизмы защиты от недобросовестной конкуренции и незаконного использования баз данных, в том числе в сфере киберпреступности. Наконец, повышение правовой культуры участников рынка и развитие инструментов для разрешения споров вне суда являются неотъемлемой частью комплексного решения.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 3.

2. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 1.

3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2023 по делу № 88–18752/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.ru/npd/doc/docid/86376706/modid/98?ysclid=mnekg5git5921948429

4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.07.2018 по делу № А40–18827/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71899404/?ysclid=mnekhjq4as463142889

5. Бачило И.Л. Информационное право: учебник / И.Л. Бачило. – Москва: Юрайт, 2020. – 374 с.

6. Инюшкин А.А. Гражданско-правовой режим баз данных: диссертация … кандидата юридических наук: 12.00.03 / А.А. Инюшкин. – Самара, 2018. – 221 с.

7. Мохов А.И. Правовое регулирование использования баз данных / А.И. Мохов // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 3. – С. 21.

8. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://government.ru/info/35568/

9. Савельев А.И. Гражданско-правовое регулирование договоров между клиентом и Интернет-провайдером в сети Интернет: диссертация … кандидата юридических наук: 12.00.03 / А.И. Савельев. – Москва, 2008. – 219 с.

COMPLEX LEGAL SUPPORT FOR DATABASE MANAGEMENT DATA: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Mironov D.V.
Moscow Financial and Industrial University «SYNERGY»

Today, database turnover is a dynamic and multifaceted field that plays a key role in the digital economy. The complexity and value of the information contained in databases necessitate the creation of a comprehensive legal system that can ensure a balance of interests for all participants, from developers and owners to users and the government. This article aims to analyze the current challenges in the legal framework for database turnover and explore effective solutions to these issues. It examines the main risks associated with the uncertainty surrounding the legal status of databases, their classification, and the identification of rights holders. The author considers how the existing legislation, which is often focused on traditional intellectual property objects, does not always adequately reflect the specifics of databases as unique information products. Special attention is paid to the problems of protection against unauthorized access, copying, and data extraction, as well as to the issues of cross-border circulation and harmonization of national legal regimes.
The purpose of this publication is to review the main problems of comprehensive legal support for the circulation of databases in the Russian Federation and to propose ways to solve them. Methods: analysis of legal regulation, formal legal analysis, and comparative legal analysis. Results: the current state of database circulation and its legal regulation was analyzed; the main problems of comprehensive legal support for database circulation in the Russian Federation were identified; and ways to solve the problems of comprehensive legal support for database circulation were proposed.

Keywords: database, digitalization, cybercrime, law enforcement officers, sui generis

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast' chetvertaya ot 18 de-kabrya 2006 g. № 230-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2024. – № 3.

2. Federal'nyj zakon «O personal'nyh dannyh» ot 27.07.2006 № 152-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2024. – № 1.

3. Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 05.06.2023 po delu № 88–18752/2023 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.law.ru/npd/doc/docid/86376706/modid/98?ysclid=mnekg5git5921948429

4. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 24.07.2018 po delu № A40–18827/2017 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71899404/?ysclid=mnekhjq4as463142889

5. Bachilo I.L. Informacionnoe pravo: uchebnik / I.L. Bachilo. – Moskva: Yurajt, 2020. – 374 s.

6. Inyushkin A.A. Grazhdansko-pravovoj rezhim baz dannyh: dissertaciya … kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.03 / A.A. Inyushkin. – Samara, 2018. – 221 s.

7. Mohov A.I. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya baz dannyh / A.I. Mohov // Otechestvennaya yurisprudenciya. – 2017. – № 3. – S.21.

8. Pasport nacional'noj programmy «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://government.ru/info/35568/

9. Savel'ev A.I. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie dogovorov mezhdu klientom i Internet-provajderom v seti Internet: dissertaciya … kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.03 / A.I. Savel'ev. – Moskva, 2008. – 219 s.

Использование криминалистических учётов и информационных систем при расследовании преступлений на морском транспорте

Мирошник Елизавета Александровна,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
E-mail: 9528205712@mail.ru

В статье рассматриваются особенности использования криминалистических учётов и информационных систем при расследовании преступлений, совершаемых на морском транспорте. Анализируется структура современных криминалистических регистров и их цифровая трансформация в условиях автоматизации морской логистики. Отдельное внимание уделено функционированию государственных и коммерческих информационных систем, таких как ФГИС «Зерно», автоматическая идентификационная система (AIS) и портовые терминальные системы (TOS). Определяются направления, в которых данные этих систем могут использоваться для установления маршрута груза, проверки достоверности документов, выявления расхождений и аномалий. Выделены ключевые проблемы: ограниченность доступа следственных органов к коммерческим базам данных, недостаток правового регулирования цифровых доказательств, вопросы защиты персональных данных. Сформулированы перспективы развития цифровых криминалистических регистров, включая создание единого криминалистического регистра транспортных операций и внедрение технологий машинного анализа данных.

Ключевые слова: криминалистические учёты, информационные системы, морской транспорт, ФГИС «Зерно», автоматическая идентификационная система (AIS), портовые информационные системы, цифровые доказательства, расследование преступлений, прослеживаемость грузов, криминалистическая регистрация.

Раскрытие и расследование преступлений и иных общественно опасных деяний, профилактика их совершения практически невозможна без использования различных учетов, статистической информации в правоохранительной системе[1].

Целью существующей в настоящее время системы регистрации является удовлетворение информационных потребностей правоохранительных и правоприменительных органов. По мнению С.А. Ялышева, «…регистрационной информацией можно назвать выявленные, собранные и представленные в регистрационные органы фактические данные или сведения, находящиеся в прямой или косвенной причинно-следственной связи с событием преступления, а также иную ориентирующую информацию, необходимую и достаточную для информационного криминалистического обеспечения процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений»[2].

Наступившее тысячелетие привело к появлению новых видов преступлений, связанных с всеобщей компьютеризацией населения, появлением мобильной связи, развитием цифровых систем связи[3], новых финансовых продуктов, удаленным доступом к банковским счетам и т.п. Р.А. Дерюгин подчеркнул, что при совершении преступлений активно используется информационно-телекоммуникационное пространство и обосновал необходимость появления нового подраздела, связанного с криминалистическим исследованием «электронных носителей информации и цифровых следов»[4].

Значимым для криминалистики последствием их применения является виртуальный след – электронно-цифровой объект[5].

Автоматизация открывает новые возможности не только в плане более точной обработки информации, но и в аспекте анализа взаимосвязей, существующих между различными видами данных, которые могли оставаться неиспользованными при ручном способе обработки.

Для морского транспорта актуальность цифровизации криминалистических учётов особенно высока, поскольку судоходство и портовая деятельность традиционно связаны с большими объёмами грузовых потоков, сложной логистикой, международными операциями, огромными материальными ценностями и длинной цепочкой субъектов ответственности. Эти факторы создают пространство как для трансграничной преступности, так и для мошенничества, контрабанды, коррупции, уклонения от уплаты налоговых и таможенных платежей и прочих преступлений.

При этом цифровые системы управления судами, автоматизация портовых терминалов, глобальные платформы отслеживания грузов, платформы обмена данными создают как возможности для эффективного мониторинга, так и точки уязвимости.

Таким образом, важно рассмотреть, каков сейчас статус криминалистических учётов (традиционных и цифровых), с какими проблемами они сталкиваются в условиях морского транспорта, и какие перспективы ждут развитие этой области.

При исследовании данной темы были использованы научные труды ученых-криминалистов по проблемам криминалистической регистрации (Р.С. Белкин, Ф.Г. Аминев, А.В. Морозов, М.В. Кремлев, В.С. Зубаха и другие).

Криминалистические учеты (или криминалистическая регистрация) в широком смысле слова – это «информационные базы (ресурсы), предназначенные для выполнения задач по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений»[6].

---

[1] Гонов Ш.Х. Актуальные вопросы уголовной статистики // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: сборник трудов XXV Всероссийской научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2016. С. 66–70.

[2] Ялышев С.А. Криминалистическая регистрация: учеб. пособие. М., 1999. С. 38.

[3] Морозов А.В. Использование экспертно-криминалистических учетов в расследовании преступлений прошлых лет: автореферат дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2016. С. 423–426.

[4] Дерюгин Р.А. Криминалистика в условиях информатизации общества //Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 62–66.

[5] Агибалов В.Ю. Криминалистическая сущность виртуальных следов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 2 (7). С. 355.

[6] Кубанов В. В., Степанов В.В. Криминалистические учеты огнестрельного оружия и следов его применения. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2008.

Более детально, криминалистический учёт – это систематизированная фиксация, хранение, обработка и использование сведений об уголовно-правовых фактах, процессуальных действиях, экспертизах, лицах, объектах и следах, связанных с преступлениями.

Он представляет собой информационную основу для оперативной и следственной работы, позволяя не только восстановить факты, но и прогнозировать, сопоставлять, выявлять связи между событиями. Они служат для диагностических и идентификационных целей по индивидуальным приметам и другим признакам объектов, когда установочные данные неизвестны или скрываются. Логика их использования построена на принципах сравнения.

Ф.Г. Аминевым, М.В. Кремлевым, В.А. Ивашковым, А.В. Морозовым и др. было приведено множество различных классификаций криминалистических учетов по объектам, типам и областям использования.

Предлагаем использовать классическое в криминалистике разделение учёта на три типа:

1. оперативно-справочные учеты;

2. криминалистические учеты (или розыскные);

3. экспертно-криминалистические учеты (ЭКУ).

Экспертно-криминалистический учет представляет собой систему хранения и поиска информации, которая является индивидуальной совокупностью криминалистически значимых признаков объектов.

Учеты классифицируются по уровню централизации на: централизованные (федеральные), местные (региональные) и централизованно-местные.

С приходом цифровой эпохи появился ещё один важный вид – цифровой или электронный криминалистический учёт. Он подразумевает использование цифровых баз данных, автоматизированных систем обработки, алгоритмов сопоставления, машинного обучения и анализа больших для поддержки расследований.

К современным (цифровым) видам криминалистических учётов можно отнести:

1. электронные картотеки и базы данных –перенос картотек следов, судебных решений, протоколов в электронные системы, с возможностью быстрого поиска, многокритериального отбора и сопоставления.

2. автоматизированные системы сопоставления и распознавания – программные инструменты, использующие алгоритмы сравнения отпечатков, образов следов, ДНК-последовательностей, баллистические алгоритмы и прочее.

3.аналитические и предиктивные модули (Big Data, Data Mining, машинное обучение, ИИ) – эти системы позволяют выявлять скрытые закономерности, аномалии, связки между делами, прогнозировать вероятные направления преступной активности.

В морской отрасли это могут быть датчики движения, GPS-трекинг судов, системы AIS, IoT-сенсоры на контейнерах, средства видеонаблюдения, сканеры доступа – все они генерируют данные, которые могут быть включены в криминалистический учёт как цифровые следы.

В рамках морской логистики используется множество информационных систем, каждая из которых генерирует данные, которые могут быть полезны при расследовании преступлений.

В настоящей статье будут рассмотрены три основные системы, которые используются участниками агропромышленного комплекса и лицами, обеспечивающими морскую логистику.

1. ФГИС «Зерно» (Федеральная государственная информационная система прослеживаемости зерна и продуктов переработки зерна) возникла на основании Федерального закона от 11.06.2021 N 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[1], установившего обязательность прослеживаемости партий зерна и продуктов его переработки.

Основной функционал и назначение заключается в обеспечении прослеживаемости партий зерна и продуктов переработки: от производства (полей) – хранения – перевозки –переработки – реализации. Система включает оформление товаросопроводительных документов (СДИЗ), сведения от производителей, элеваторов, перевозчиков и др.

2. AIS (Automatic Identification System/Автоматическая информационная система) – международная система идентификации судов и отслеживания их маршрутов, скоростей, курсов и др. Обеспечивает передачу данных о судне: идентификатор, позиция, скорость, курс, состояние (статус «в пути», «стоянка», «на якоре» и др.). Используется портами, морскими администрациями, службами безопасности и др. – как в оперативной, так и в аналитической работе.

3. Портовые информационные системы (TOS-системы, системы управления портами, терминальные системы, ИС документооборота, контроля доступа, логистики) осуществляет управление операциями в портах: приём/отгрузка грузов, перемещение контейнеров, хранение, расписание, доступ, контроль оборудования и др. Также системы безопасности, видеонаблюдения и контроля доступа. Их архитектура часто включает локальные и сетевые компоненты, базы данных, дашборды, логи действий.

Далее рассмотрим ключевые направления, в которых данные из этих систем могут быть полезны криминалистам и правоохранительным органам в морской логистике, а также примеры, как именно их использовать.

Установление маршрута груза и/или судна

Системы AIS позволяет проверить маршрут судна: где и когда оно находилось, участвовало ли в портах, пересекало ли границы, было ли «отключение» AIS (время без сигнала).

Портовые системы хранят данные о приходе/отправке судна, обработке грузов, терминальных операциях, загрузке/выгрузке, времени заезда/выезда, интервалах между операциями.

ФГИС «Зерно» может показать путь партии зерна: от поля – элеватор – грузоотправителя – экспорт/порт, с отметками времени и сопроводительными документами. Это помогает проверить, соответствует ли фактическое движение груза заявленному.

Проверка достоверности документов и соответствие объёмов заявленным параметрам

ФГИС «Зерно» регламентирует оформление СДИЗ (товаросопроводительного документа на партию зерна) с указанием объёмов, места происхождения, партии, назначения. Можно сверять данные СДИЗ с фактическими грузовыми операциями, с портовыми ИС.

Портовые системы фиксируют фактические объёмы, вес, контейнерные данные, сроки загрузки/выгрузки. Сравнение этих данных с заявленными в документах (контрактах, накладных, СДИЗ) может выявить расхождения.

AIS, в части судна, может свидетельствовать о задержках, простоях, изменениях маршрута, что может косвенно указывать на манипуляции с документами (например, заявленное скорое прибытие, но реально задержка).

Выявление временных и количественных расхождений

Логи портовых систем содержат временные метки: когда груз прибыл, когда он был разгружен, когда отправлен далее. С этими временными метками можно проверить, были ли задержки, превышения сроков, нестыковки между этапами логистики.

AIS показывает время корабля в порту, время захода/выхода. Можно сверить с портовыми данными: если AIS сигнал показывает выход раньше или позже, чем в документах.

ФГИС «Зерно» по партиям показывает, когда была заявлена партия (время регистрации), когда оформлен СДИЗ, когда перевезена партия. Расхождения между временем документа и фактическим перемещением можно использовать как признак возможного мошенничества, уклонения от контроля, или фальсификацию данных.

Подтверждение/опровержение заявлений сторон и свидетелей

Если сторона утверждает, что груз (зерно или иначе) был выгружен в конкретный порт/склад в определённое время, портовая ИС и AIS могут подтвердить или опровергнуть этот факт. Если имеются сомнения в том, что груз покинул порт, AIS данные судна и порты могут показать: вышло ли судно, было ли оно загружено, куда направилось.

Данные от ФГИС «Зерно» могут подтвердить происхождение партии зерна (поля, элеватор), что может быть важным при расследовании случаев фальсификации происхождения, контрабанды, поставок, не соответствующих заявленным качеству.

Выявление подозрительного поведения (аномалий)

Анализ AIS данных с применением методов выявления аномалий (machine learning, статистика) может показать отклонения от нормальных маршрутов, «пропадание» сигналов, стоянки в неожиданных местах, значительное снижение/увеличение скорости.

Портовые системы могут фиксировать необычные операции: нестандартные маршруты внутри порта, изменённые документы, превышение грузов, вход неавторизованных транспортных средств.

[1] Федеральный закон от 11.06.2021 N 170-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»//СПС КонсультантПлюс.

ФГИС «Зерно» может выявлять случаи, когда заявленное количество зерна отличается от фактического, либо партии «разрываются», пересылаются через агентов, чтобы скрыть происхождение или истинный объём.

Информационные системы в морской логистике – чрезвычайно мощный ресурс для криминалистических учётов, особенно когда они используются совместно:

ФГИС «Зерно», хоть и не специализированно «морская» ИС, показывает, как систему прослеживания продукции можно использовать для выявления мошенничества с грузами, фальсификации, несоответствий.

AIS – ключевой инструмент для отслеживания судов и подтверждения перемещений, особенно когда он интегрируется с аналитическими методами.

Портовые ИС позволяют фиксировать множество деталей: время, объём, операции с грузом – и они дают «реальную» картину логистики, которой можно сопоставлять с документами и заявлениями.

Для эффективного применения в расследованиях необходимо внимание к юридическому обеспечению, защите данных, технологической надёжности и межсистемной интеграции, однако на практике следствие сталкивается с большим количеством проблем и рисками использования данных из упомянутых систем в качестве доказательств.

Одной из ключевых проблем при расследовании преступлений в морской логистике является ограниченный или вовсе отсутствующий доступ уполномоченных лиц (следователей, дознавателей, экспертов) к коммерческим информационным системам – базам данных судоходных операторов, терминальных систем, логистических платформ, а также к закрытым реестрам участников международных цепочек доставки. Несмотря на то, что такие системы содержат критически важные данные (например, маршруты движения судна, его статус в системе, время обработки грузов, связи между участниками цепочки), нормативно-правовой базы, которая бы чётко регулировала доступ к таким источникам, часто не хватает. В связи с чем возникает риск, что следствие не сможет вовремя получить объективные данные или будет зависеть от предоставления их третьей стороной.

Кроме того, существует риск манипуляции данными: если оператор базы данных не обязан передавать лог– и хронологические записи, или если они удалены (например, по истечении срока хранения), становится затруднительным восстановление обстоятельств совершения правонарушения.

Например, в отрасли морских перевозок судно могло изменить курс без уведомления системы AIS, или терминал мог отразить обработку груза позднее, чем фактический момент, и без доступа к логам невозможно проверить, было ли это уклонением либо технической ошибкой.

Другой серьёзный риск – недостаточная адаптация законодательства к массовому использованию цифровых следов и информационных систем в расследовании преступлений. Цифровые журналы AIS, логи портовых систем, данные IoT-систем контейнеров часто не рассматриваются в нормативных актах и судебной практике как стандартный источник доказательств – либо их допустимость вызывает споры: как обеспечена их целостность, достоверность, сохранность. Возникший пробел означает, что даже при наличии богатого массива цифровых данных следствию может быть сложно представить их в суде в качестве доказательства без пояснений экспертов, подтверждения непрерывности цепочки хранения или достоверности извлечения.

В судебной практике встречаются дела, где представление данных системы AIS или логов портовой системы не оценивалось должным образом в связи с отсутствием подтверждения невозможности их изменения, либо отсутствием нормативного акта, который бы признавал такие данные как доказательства равноправно с традиционными. Это снижает эффективность применения «новых» технологических средств в криминалистике.

Третьим блоком риска является правовая и фактическая защита информации, содержащейся в коммерческих системах либо персональных данных участников логистической цепи. Например: данные о маршруте судна, участниках перевозки, таможенной очистке могут содержать сведения, подпадающие под категорию коммерческой тайны или персональных данных. Следователю может потребоваться доступ к таким данным, но передача либо обработка таких данных требует соблюдения норм Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных»[1], норм о коммерческой тайне. Возникают трудности: кто будет осуществлять обработку таких данных, как обеспечить их конфиденциальность, как избежать разглашения информации в ущерб интересам участников перевозки.

Кроме того, компании-операторы могут сопротивляться предоставлению данных либо выдвигать дополнительные условия – что замедляет расследование. Если же данные передаются, требуется обеспечить сохранность их оригинальной формы, исключить возможность подделки или утраты при передаче, а также обеспечивать, чтобы доступны были только необходимые сведения.

В совокупности все перечисленные риски замедляют или усложняют использование цифровых систем в криминалистической практике на морском транспорте, снижая оперативную эффективность и надежность выводов следствия.

Одним из обещающих путей развития могло бы стать создание централизованной платформы – «Единого криминалистического регистра транспортных операций» (далее – ЕКРТО). Такая система могла бы агрегировать данные из разных источников: AIS-данные судов, логи портовых систем, сведения из системы ФГИС «Зерно», данные страховых компаний, таможни и др. В её рамках следственные и правоохранительные органы получили бы возможность получать интегрированную картину движения снабженческих цепочек, выявлять аномалии, прослеживать маршруты, сопоставлять документацию и цифровые следы.

Например, если партия зерна зарегистрирована в ФГИС «Зерно» как отправленная в порт А, затем судно с AIS-треком входит в порт Б, а портовая система фиксирует выгрузку на терминале С – ЕКРТО позволит сразу выявить несоответствие и передать информацию следствию. Такая система в перспективе снизит фрагментарность данных, повысит координацию между ведомствами и операторами, сократит время расследования.

Требуется определить формат доступа, права сторон, механизмы передачи, стандарты сохранности данных, а также правила оценки достоверности. Внедрение ЕКРТО станет шагом к цифровой криминалистике, ориентированной на морской транспорт.

Другой перспективный вектор – внедрение массивных аналитических модулей на основе методов машинного обучения, анализа больших данных (Big Data), алгоритмов выявления аномалий и прогнозирования. К примеру, анализ AIS-логов с выделением шаблонов «нормального» движения судна и автоматическим сигналом о возможной остановке в неучтённой точке, изменении курса без уведомления или отключении передатчика. Аналогично портовые лог-данные могут быть проанализированы на предмет повторяющихся задержек конкретных операторов, нестандартных грузопотоков, несоответствий между заявленным и фактическим временем обработки.

Кроме того, введение дашбордов «криминалистического мониторинга» позволит следствию визуализировать цепочки движения и связи между участниками перевозки, выявлять транспортные и логистические узлы, часто задействованные в правонарушениях.

Синергия между ЕКРТО и аналитическими алгоритмами усилит возможности профилактики: не только выявление уже совершённых преступлений, но и прогнозирование маршрутов повышенного риска. Это поможет перенести криминалистику из плоскости реактивного реагирования в плоскость проактивного контроля.

Современные цифровые учёты и информационные системы представляют собой стратегическое направление развития криминалистики транспортной отрасли, особенно в контексте морского и портового логистического комплекса. Возможность фиксировать, хранить и анализировать информацию о движении грузов, судов, терминальных операциях означает, что правоохранительные органы и следствие получают инструменты для восстановления сложных цепочек, выявления скрытых связей и выявления преступлений, способных нанести значительный вред.

Для реализации этого потенциала крайне важно нормативно закрепить правила доступа следователей к соответствующим информационным системам: каким образом они могут получить базовую или агрегированную информацию, как обеспечивается сохранность и достоверность данных, каким образом соблюдаются права на защиту персональных данных и коммерческой тайны. Без такой нормативной базы остаётся высокий риск, что цифровые данные либо будут недоступны, либо их допустимость в судебном процессе будет оспариваться.

Таким образом, переход к цифровой криминалистике требует не только технических и аналитических инноваций, но и преобразований законодательной и процедурной среды. Только при сочетании технологического роста, правового регулирования и межведомственного взаимодействия можно создать устойчивую систему расследования преступлений на морском транспорте, способную эффективно противодействовать трансграничной логистической преступности.

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных»//СПС КонсультантПлюс.

Литература

1. Агибалов В.Ю. Криминалистическая сущность виртуальных следов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 2 (7).

2. Гонов Ш.Х. Актуальные вопросы уголовной статистики // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: сборник трудов XXV Всероссийской научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2016.

3. Дерюгин Р.А. Криминалистика в условиях информатизации общества //Академическая мысль. 2019. № 3 (8).

4. Кубанов В. В., Степанов В.В. Криминалистические учеты огнестрельного оружия и следов его применения. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2008.

5. Морозов А.В. Использование экспертно-криминалистических учетов в расследовании преступлений прошлых лет: автореферат дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2016.

6. Суконников В.В. Цифровые аналитические инструменты для устойчивого развития в агропромышленном секторе. Учет. Анализ. Аудит = Accounting. Analysis. Auditing. 2024;11(5):79–92. DOI: 10.26794/2408-9303-2024-11-5-79-92.

7. Федеральный закон от 11.06.2021 N 170-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»//СПС КонсультантПлюс.

8. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных»//СПС КонсультантПлюс.

9. Ялышев С.А. Криминалистическая регистрация: учеб. пособие. М., 1999.

THE USE OF FORENSIC RECORDS AND INFORMATION SYSTEMS IN INVESTIGATING CRIMES ON MARITIME TRANSPORT

Miroshnik E.A.
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

This article examines the specifics of using forensic accounting and information systems in the investigation of crimes committed in maritime transport. The structure of modern forensic registers and their digital transformation in the context of maritime logistics automation are analyzed. Special attention is paid to the functioning of state and commercial information systems, such as the Federal State Information System "Grain" (FGIS "Zerno"), the Automatic Identification System (AIS), and Terminal Operating Systems (TOS). Directions are identified in which data from these systems can be used to establish cargo routes, verify document authenticity, and detect discrepancies and anomalies. Key problems are highlighted: limited access of investigative bodies to commercial databases, a lack of legal regulation for digital evidence, and issues concerning personal data protection. Prospects for the development of digital forensic registers are formulated, including the creation of a unified forensic register of transport operations and the implementation of machine data analysis technologies.

Keywords: forensic records, information systems, maritime transport, FGIS "Grain", automatic identification system (AIS), port information systems, digital evidence, crime investigation, cargo traceability, forensic registration.

References

1. Agibalov V. Yu. Forensic essence of virtual traces // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2009. No. 2 (7).

2. Gonov Sh.Kh. Current issues of criminal statistics // Informatization and information security of law enforcement agencies: collected papers of the XXV All-Russian scientific and practical conference. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016.

3. Deryugin R.A. Forensic science in the context of informatization of society // Academic Thought. 2019. No. 3 (8).

4. Kubanov V. V., Stepanov V.V. Forensic records of firearms and traces of their use. Moscow: Publishing house "Yurlitinform", 2008.

5. Morozov A.V. Use of forensic records in the investigation of crimes of past years: abstract of diss. … Cand. of Law: 12.00.12. Moscow, 2016.

6. Sukonnikov V.V. Digital analytical tools for sustainable development in the agro-industrial sector. Accounting. Analysis. Auditing. 2024; 11(5):79–92. DOI: 10.26794/2408-9303-2024-11-5-79-92.

7. Federal Law of June 11, 2021 N 170-FZ (as amended on March 20, 2025) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus.

8. Federal Law of July 27, 2006, No. 152-FZ, "On Personal Data"//SPS ConsultantPlus.

9. Yalyshev, S.A., Forensic Registration: A Manual. Moscow, 1999.

Проблема признания срочного трудового договора заключенным на неопределённый срок

Мишин Денис Александрович,
руководитель редакционно-издательского отдела
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 9651530@gmail.com

Куровский Станислав Валерьевич,
руководитель научно-исследовательского подразделения
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 8917564@gmail.com

Андреев Алексей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и права социального обеспечения имени К.Н. Гусова,
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Тема признания срочного трудового договора заключенным на неопределённый срок актуализируется широкой свободой регулирования трудовых отношений по усмотрению самих сторон, а также несовершенством судебной практики. Целью настоящего исследования выступает разработка рекомендаций по разрешению проблемы признания срочного трудового договора заключенным на неопределённый срок. В ходе исследования рассматривается понятие и специфика срочного трудового договора и основания, дающие возможность заключить такой договор. Также изучаются характеристики бессрочного трудового договора. Ключевое внимание уделено аспектам квалификации срочного трудового договора в качестве бессрочного трудового договора. В этом контексте рассматривается проблема злоупотребления со стороны работодателей своими возможностями и широко распространенная практика многократного заключения с одним и тем же работником срочного трудового договора для выполнения одной и той же трудовой функции. Проблематика проиллюстрирована примерами судебной практики, в том числе практики Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Рассмотрены представленные в науке мнения различных авторов по данной проблеме. Предложены варианты преодоления указанной проблемы путем пересмотра норм действующего Трудового кодекса РФ.

Ключевые слова: бессрочный трудовой договор; срочный трудовой договор; ТК РФ; трудовые правоотношения; трудовые споры; условия трудового договора.

Введение

Ст. 37 Конституции РФ [1], в частности, гарантирует свободу труда, а также наделяет каждого индивида правом свободно распоряжаться собственными возможностями. С другой стороны, и работодателям законодатель в ст. 34 Конституции РФ обеспечивает право свободно использовать возможности и имущество для предпринимательских и иных законных целей. Очевидно, что на этом базируется предусмотренная ст. 58 Трудового кодекса РФ [2] возможность сторон по своему усмотрению (взаимному согласию) выбрать срок, на который трудовой договор заключить.

Логично, что указанная возможность имеет определенные ограничения, установленные в целях недопущения различных злоупотреблений. Такие ограничения нередко обходятся работодателями, а сама практика выбора между бессрочным и срочным трудовым договором далека от совершенства, как и практика судебной оценки срочных трудовых договоров. Ввиду этого актуализируется проблема признания срочного трудового договора заключённым на неопределённый срок.

Целью настоящего исследования выступает разработка рекомендаций по разрешению проблемы признания срочного трудового договора заключенным на неопределённый срок.

Основная часть

Если руководствоваться положениями ст. 58 и 59 ТК РФ, то станет очевидно, что в целом срочный трудовой выступает вполне традиционным трудовым договором, заключаемым при наличии предусмотренных законом оснований и юридически закрепляющим соответствующие отношения на конкретный ограниченный срок (не более 5 лет).

В современных научных публикация в числе признаков такого договора отмечаются, в частности, ограничения по сферам применения, наличие обязательного указания на срок (соответствующее условие является обязательным элементом данного договора), сопутствующий запрет на произвольное использование такого договора [13, с. 41].

Главной причиной, побудившей законодателя предусмотреть такой договор, исходя из ч. 2 ст. 58 ТК РФ, выступает, в частности, отсутствие возможности установления трудовых отношений на неопределенный срок ввиду:

1. Характера работы.
2. Условий выполнения работы.

Круг указанных случаев, то есть оснований для заключения именно срочного трудового договора, уточнен в ч. 1 ст. 59 ТК РФ. Согласно ей, срочный трудового договор допустимо заключать, в частности:

1. На время исполнения обязанностей отсутствующего работника.
2. На время выполнения временных или сезонных работ.
3. Для работ, не относящихся к обычной деятельности работодателя.
4. В связи с прохождением альтернативной гражданской службы.

В целом перечень таких оснований включает 10 позиций (оснований или причин). Помимо того, в иных нормах ТК РФ, а также других федеральных законах допускается предусматривать иные основания.

То есть спектр оснований является ограниченным. Но такое ограничение носит условный характер, особенно если обратить внимание на формулировки, которые имеются в анализируемой норме, ведь многие характеристики работ, опосредующих основание, определяются работодателем самостоятельно, как и характер деятельности, для выполнения которой работник принимается.

Помимо того, ч. 2 ст. 59 ТК РФ предусматривает право сторон по соглашению заключить срочный трудовой договор:

1. При поступлении на работу к субъектам малого предпринимательства.
2. С поступающими на работу пенсионерами по возрасту.
3. В связи с выполнением неотложных работ.
4. С творческими работниками организаций отдельных категорий.
5. С руководителем организации, его заместителями и главным бухгалтером.
6. С очно обучающимися.
7. С совместителями.

Данный перечень включает 11 позиций (оснований или причин), многие из которых носят комплексный характер. Причем он тоже не является исчерпывающим, поскольку предполагает потенциальную

возможность установления соответствующих оснований также в иных нормах ТК РФ или в иных федеральных законах.

То есть законодатель, регламентируя вопросы заключения срочного трудового договора, использовал два подхода, поскольку позволил обосновывать временный характер трудовых отношений спецификой конкретной работы, а также разрешил учитывать и специфику отдельных видов (категорий) труда. В целом это представляется оправданным.

Тем не менее, некоторые основания из перечисленных представляются весьма спорными с точки зрения их оправданности. Например, заключение срочного договора с лицами пенсионного возраста автор не считает в полной мере оправданным. Безусловно, с такими лицами может быть заключен бессрочный договор. Однако, указание соответствующего основания дает работодателям более широкие возможности, в том числе в части злоупотребления правом диктовать условия. Вызывает некоторые вопросы и возможность заключения срочного договора с лицами, работающими по совместительству.

Уместно подчеркнуть, что российский подход к регулированию вопросов заключения, прекращение срочного трудового, а также признания его заключенным на неопределенный срок, в общих чертах соответствует мировой практике. Более того, при сравнении норм ТК РФ с положениями трудового законодательства отдельных стран, особенно находящихся на постсоветском пространстве, становятся заметны существенные сходства. Наиболее очевидны эти сходства с нормами законодательства Республики Беларусь, исходя из их особенностей [17]. Это свидетельствует о том, что в определенной степени сложившееся законодательство является не только результатом усмотрения субъектов законотворческой деятельности, но и результатом формирования определенной практики правового регулирования трудовых отношений.

Тем не менее, рассматриваемые перечни оснований можно расценить как источники противоречий и проблем, причем не только для самих работников, но и для судебных органов. Одновременно с тем, они расширяют возможности для работодателей, в том числе связанные с потенциальным злоупотреблением правами.

Указанная проблематика становится еще более очевидной, если учесть фактически допускаемую возможность неоднократного перезаключения срочного договора либо его продления на основе дополнительных соглашений, что не предполагает трансформации такого договора в бессрочный. В этом видится недостаточная забота современного отечественного законодателя об интересах работников [8, с. 326].

Примечательно, что отдельные авторы в ряде оснований, позволяющих заключать срочный договор, усматривают явную дискриминацию. Например, А.С. Лада дискриминационными считает положения ТК РФ о заключении срочного договора с работниками пенсионного возраста, учащимися и совместителям [11, с. 196]. Такой взгляд не лишен логики, особенно если учесть нежелание многих работодателей вступать в трудовые отношения с указанными категориями работников. И в этой связи упоминание конкретного срока действия трудового договора может становиться инструментом, позволяющим работодателю разорвать соответствующие отношения без каких-либо весомых аргументов.

Бессрочный договор (договор, заключаемый на неопределенный срок) принципиально отличается от срочного. Исходя из ст. 58 ТК РФ, таковой признается заключенным при отсутствии указания на срок, также в случае фактического продолжения работы, если со стороны работодателя нет возражений. Помимо того, бессрочным договор может быть признан и судом, если на то есть причины.

Очевидно, что и срочный и бессрочный договоры являются инструментами, посредством которых обеспечивается свобода труда. При этом само наличие возможности выбора между срочным и бессрочным договорами в определенной степени отвечает как интересам работника, так и интересам работодателя.

Сам правовой статус отношений, возникающих на основании срочного и бессрочного договоров, в целом идентичен. Аргументируя этот аспект, уместно подчеркнуть, что законодатель принципиально не различает работников, занятых на основании срочного договора и бессрочного договора. Так или иначе, предусмотренные трудовым законодательством гарантии обеспечиваются и одним, и другим. Тем не менее, определенный приоритет в пользу бессрочного договора все же имеет место быть, причем он вполне очевидный и оправданный.

Можно с уверенностью сказать, что наличие бессрочного договора зачастую дает работодателю меньше возможностей в плане решения того или иного кадрового вопроса по собственному усмотрению. Особенно это касается увольнения работника. Очевидно, что наличие срочного договора позволяет работодателю более свободно решать вопросы, касающиеся как продолжения, так и прекращения трудовых отношений, ведь в любом случае договор имеет определенный срок, а потому каких-либо убедительных аргументов в случае принятия решения об увольнении приводить не требуется.

Совершенно иной становится ситуация, когда речь идет о трудовых отношениях, оформленных бессрочным договором, особенно если учесть, что действующий ТК РФ представляет работникам довольно широкий спектр правовых гарантий на случай увольнения. В этой связи становится совершенно закономерным выбор работодателей в пользу срочных трудовых договоров. И именно поэтому закон устанавливает определенные ограничения в плане их использования.

О правовой роли ограничений хорошо высказался Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), отметивший, что имеющееся «регулирование фактически направлено на предоставление работнику как экономически более слабой стороне в трудовом правоотношении защиты от произвольного заключения срочных трудовых договоров без учета объективных обстоятельств…» [4].

Логично, что срочный трудовой договор может быть квалифицирован в качестве бессрочного. Вопрос о переквалификации, как правило, ставится и рассматривается в рамках трудовых споров в суде. Поводом же для переквалификации закономерно становится злоупотребление со стороны работодателя своими возможностями.

В контексте изложенного нельзя не отметить широко распространенную практику многократного заключения с одним и тем же работником срочного трудового договора для выполнения одной и той же трудовой функции. О наличии такой проблемы наглядно свидетельствуют материалы судебной практики, в том числе практики КС РФ и Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ).

В контексте изучения практики КС РФ интерес представляет его позиция, изложенная в Постановлении от 19.12.2023 № 59-П [4], когда давалась конституционно-правовая оценка абз. 8 ч. 2 ст. 59 ТК РФ в связи с жалобой, поступившей от гражданки С. Указанная гражданка, как работник, состояла в трудовых отношениях с федеральным государственным бюджетным учреждением, занимая должность руководителя службы развития. И поскольку соответствующий трудовой договор являлся срочным (по крайней мере, формально), в дальнейшем она была уволена ввиду истечения его срока.

Далее, не согласившись с увольнением, гражданка С. обратилась в суд с иском. Изложенные в иске просьбы, одна из которых имела целью признание срочного трудового договора заключенным на неопределенный срок, судами были расценены неодинаково. Если суд первой инстанции иск гражданки С. не стал удовлетворять, то апелляционный суд занят иную позицию, решив удовлетворить иск. Далее Второй кассационный суд общей юрисдикции поддержал позицию суда первой инстанции, сочтя обоснованным отказ в удовлетворении иска. Относительно рассмотрения дела в ВС РФ указанная гражданка получила отказ, который, соответственно, ее не удовлетворил и стал поводом для обращения в КС РФ.

Для более наглядного рассмотрения позиции КС РФ уместно сначала обратить внимание на те мотивы, которыми руководствовались суды общей юрисдикции и, в конечном итоге, ВС РФ при рассмотрении иска. Так, суд первой инстанции аргументировал отказ в удовлетворении иска добровольностью подписания работником срочного договора, а также тем, что неуказание в самом договоре конкретного основания, позволяющего заключить его именно на определенный срок, само по себе не может быть поводом для признания увольнения неправомерным. Помимо того, суд подчеркнул принадлежность занимаемой С. должности к категории руководящих, а для таковых абз. 8 ч. 2 ст. 59 ТК РФ закрепляет возможность заключения срочных трудовых договоров. Позиция суда апелляционной инстанции была аргументирована нетождественностью должности руководителя структурного подразделения должности руководителя организации, ввиду чего и основание для заключения именно срочного трудового договора, предусмотренное указанной выше нормой, не усматривалось. При этом суд ссылался на одно из постановлений Пленума ВС РФ. Примечательно, что суд кассационной инстанции при аргументации своей позиции руководствовался не положениями ст. 59 ТК РФ, а нормами гл. 43 ТК РФ об особенностях регулирования труда руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа.

То есть в целом нельзя сказать, что акты судов разных инстанций не были аргументированными. Напротив, приводимые в них аргументы в определенной степени были весьма убедительными. Тем не менее, вопрос дошел до КС РФ, который в конечном итоге и поставил точку в деле, а также во многом предопределил исходы других споров аналогичного характера.

В рамках выражения своей позиции по рассматриваемому делу, указанный судебный орган обратил первоочередное внимание на содержащиеся в Конституции РФ положения о защите трудовых прав.

Также было подчеркнуто признание работника слабой стороной трудовых отношений, исходя из чего аргументированы дополнительные меры, предупреждающие необоснованные увольнения по инициативе работодателя, в том числе меры, не позволяющие произвольно заключать срочные трудовые договоры. Мотивировался такой подход, преимущественной, социальной защитой работника, в том числе его заинтересованностью именно в стабильной занятости. Таким образом, КС РФ продемонстрировал безусловную поддержку работников именно исходя из соображений их слабой позиции в сравнении с позицией работодателей, что представляется вполне оправданным. Это обусловило соответствующее толкование положений спорной нормы.

Стоит сказать, что КС РФ обратил особое внимание на нетождественность ряда понятий, использовавшихся законодателем и субъектами правоприменительной деятельности для обозначения руководящих должностей, и, исходя из этого, отметил невозможность приравнивания к руководителю организации тех лиц, которые управляют структурными подразделениями, в том числе филиалами и представительствами, не имея полномочий единоличного исполнительного органа. Поэтому ключевым моментом рассматриваемого акта КС РФ стало признание абз. 8 ч. 2 ст. 59 ТК РФ вступающим в противоречие с Конституцией РФ в той мере, в какой он допускал произвольное применение норм, позволяющих заключать срочный трудовой договор с работником, руководящим структурным подразделением.

Соответственно, было дано указание законодателю привести неконституционные положения в соответствие с Основным Законом, что представляется вполне оправданным. Благодаря этому, законодатель внёс определённые поправки в ТК РФ в декабре 2024 г. Поэтому можно положительно оценить и усилия судебной системы, и усилия законодателя. В целом же есть повод заявить об устранении существовавшей на протяжении многих лет весьма существенной проблемы. Эта точка зрения поддерживается и другими авторами, например, М.С. Сагандыковым [15, с. 148].

Однако само наличие подобных недостатков, которые были устранены сравнительно недавно, очевидно, свидетельствует о серьезном несовершенстве норм действующего законодательства, регламентирующих вопросы заключения срочных и бессрочных трудовых договоров, а также признания срочных договоров заключенными на неопределенный срок.

Не менее интересным представляется и другое дело, также касавшееся признания срочного трудового договора заключенным на неопределенный срок, результат рассмотрения которого был отражен в Определении ВС РФ от 16.01.2023 № 5-КГ22–131-К2 [5]. Оно примечательно тем, что в качестве ответчика выступал один из центральных телеканалов, а предпосылкой спора стало увольнение его работника по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 77 ТК РФ, то есть ввиду истечения срока, на который трудовой договор был заключен.

Изначально договор был заключен в конце 2018 г. на 1,5 мес., а в качестве основания для выбора именно срочного договора был признан творческий характер работы. По истечении срока договора сторонами неоднократно подписывались дополнительные соглашения, согласно которым устанавливались всё новые и новые сроки действия спорного договора. Уволен работник был по окончании 2020 г. То есть в результате заключения ряда дополнительных соглашений срок договора был пролонгирован с 1,5 мес. до более чем 2 лет, а существовавшие на его основании отношения рассматривались именно как срочные. Конечно, это не могло не вызывать некоторые сомнения, и потому иск, который заявил уволенный работник, представляется вполне обоснованным.

Рассматривая указанный иск, суды первой, апелляционной, кассационной инстанций отказались его удовлетворить, что послужило поводом для обращения в ВС РФ, который усмотрел наличие существенных нарушений норм действующего законодательства.

Во-первых, ВС РФ подчеркнул неисполнение работодателем своей обязанности по заблаговременному уведомлению работника о намерении прекратить трудовые отношения, основанные на срочном трудовом договоре, что было расценено в качестве одного из признаков наличия намерений трудовые отношения продолжить. Продолжение же трудовых отношений в таком случае означает фактическое их признание рассчитанными на неопределённый срок.

Во-вторых, указал, что работником его трудовые обязанности продолжали исполняться и по истечении срока, с которого срочный договор должен был быть прекращён. Фактическое продолжение работы в таком случае означает намерение сторон продолжить трудовые отношения именно как бессрочные.

В-третьих, ВС РФ признал неисполнение судом кассационной инстанции его процессуальных обязанностей по даче правовой оценки всем спорным обстоятельствам, которые были проигнорированы судами нижестоящих инстанций.

Логично, что всё это позволило отменить акты нижестоящих судов и возвратить дело в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

Примечательно, что возникшие в 2018 г. правоотношения в рамках описанного выше спора были правильно оценены лишь в 2023 г. Это говорит о серьёзном характере анализируемой проблематики, связанной с переквалификацией срочного трудового договора.

Учитывая изложенное, можно с уверенностью заключить, что для решения вопроса о признании срочного договора заключённым на неопределённый срок, зачастую, в большей мере значимы фактические обстоятельства, нежели юридическое оформление трудовых отношений и их формальные аспекты.

Подходя таким путем к решению рассматриваемой правовой проблемы, законодатель и субъекты правоприменительной деятельности, по сути, отходят от формализма, который в целом присущ многим категориям правоотношений, в том числе трудовым, и российской правовой системе в целом. В этой связи усилия, нацеленные на минимизацию формализма, можно оценить исключительно положительно. Проблема лишь в том, что суды, рассматривающие отельные споры, от формализма отходят не всегда. Именно по этой причине КС РФ и ВС РФ зачастую вынуждены давать соответствующие указания, как надлежит решать тот или иной вопрос применительно к конкретной ситуации, а также к иным аналогичным ситуациям.

Рассматриваемая проблематика становится ещё более сложной, если обратиться к выделяемым в научной литературе проблемам, которые весьма многочисленны и неоднозначны. Причём многие из них имеют смешанный характер, то есть в целом не ограничиваются исключительно правовым аспектом. И надо сказать, что в последние годы наблюдается вполне отчетливый тренд: все более распространенной становится занятость на основании срочных договоров, то есть имеющих конкретный срок (продолжительность) действия. Во многом данный тренд сопровождается распространением дистанционных (удаленных) форматов работы, самозанятости [12, с. 83]. Поэтому рассматриваемая проблематика в определенной степени опосредуется не только юридическими нюансами, но и экономическими, а также социальными.

В этой связи следует отметить весьма распространенную в современной России практику обеспечения работников науки и образования занятостью именно на основе срочных трудовых договоров. Такая практика фактически является и причиной неустойчивой занятости указанных категорий работников. О ней пишут многие авторы, причем акцентируя внимание на разных нюансах. В частности, О.А. Александрова и Н.С. Файман внимание акцентируют на сравнительно недавнем переходе к так называемому «эффективному контракту», с которым связан и переход к практике оформления трудовых отношений, имеющих характер срочных. Причем срочность таких отношений в одних случаях является очевидной, в других – неочевидной. В этой связи латентность срочных трудовых договоров выступает весьма серьезной проблемой. По сути, значительная доля преподавателей и научных работников, занимающихся той или иной деятельностью на основе срочного договора, будучи неуверенными в возможности дальнейшего продления соответствующего договора, оказываются в весьма уязвимом положении [7]. Конечно, это не может не сказываться на отечественной науке и образовании.

В работе Д.Е. Зайкова в рамках исследования данной проблематики внимание обращено на позитивный аспект, а именно на защиту представителей профессорско-преподавательского состава со стороны КС РФ, констатировавшего несоответствие конституционным положениями ч. 1 и 8 ст. 332 ТК РФ, и указавшего на необходимость внесения в этот Кодекс ряда изменений, которых работники данной категории «безрезультатно добивались длительное время» [9, с. 14].

В указанном случае речь идет о Постановлении КС РФ от 15.06..2022 № 32-П [3], где он отметил и недопустимость произвольного определения срока трудового договора, заключаемого с преподавателем, после чего в указанные нормы были внесены изменения. В итоге часть неконституционных положений, затрагивающих анализируемые правоотношения и интересы весьма многочисленной аудитории педагогических работников, была приведена в соответствие с Конституцией РФ лишь в 2023 г.

Изложенное, однако, не дает полной уверенности в том, что недостатки в нормах действующего законодательства, регламентирующих вопросы заключения срочных трудовых договоров и их переквалификации на бессрочные, решена в полной мере. Особенно очевидным это становится, если учитывать весьма неоднозначную практику применения одних и тех же норм ТК РФ на протяжении ряда лет, о чем пишут и в литературе [16].

Аргументируя изложенное, можно привести в пример дело, рассмотренное сначала в первой и апелляционной инстанциях, а далее и в кассационном суде в апреле 2025 г. по иску гражданки, занимавшей должность руководителя структурного подразделения одной из федеральный служб, и уволенной ввиду истечения срока служебного контракта. Суды первой и апелляционной инстанций иск не удовлетворили, не усмотрев каких-либо нарушений. Однако кассационный суд занял противоположную позицию, указав на игнорирование нижестоящими судами позиции КС РФ, исходя из которой, с руководителями структурных подразделений заключать срочные трудовые договоры недопустимо [6]. Очевидно, что это не единичный случай, когда позиция КС РФ или ВС РФ не учитываются в первой или второй инстанциях.

Если учесть изложенные выше проблемы, то может сложиться впечатление о том, что практика заключения срочных трудовых договоров отвечает лишь интересам работодателя. Однако при более тщательном анализе становится очевидной ошибочность такого впечатления, особенно если учесть, что в дореволюционном и советском законодательстве и правоприменительной практике, исходя из производственной необходимости, максимально ограничивались возможности увольнения [10, с. 456]. В современных реалиях, для которых характерны крайне широкие свободы в распоряжении собственными возможностями к труду и склонность значительной части работников менять место работы, в том числе в поиске лучших условий, такой взгляд непривычен.

Здесь также уместно отметить, что в советский период имела место и практика заключения трудовых договоров с работниками, например, сроком на 5 лет, но ориентированная именно на их удержание. В таких условиях работник оказывался весьма ограниченным в возможностях увольнения ранее оговоренного срока [10]. То есть срочный трудовой договор может использоваться и в иных целях, нежели обеспечение работодателю возможности беспроблемного увольнения работника. Но и это еще раз подтверждает невозможность рассмотрения указанного инструмента как действующего преимущественно в интересах работодателя. Тем не менее, введение максимальных законодательных ограничений на заключение срочных трудовых договоров не видится необходимым и отвечающим целям достижения баланса интересов работодателей и работников, особенно с учетом трансформаций в экономике.

Нет сомнений в том, что сфера занятости претерпевает определенные преобразования, которые обусловлены именно социально-экономическими факторами. В этих условиях законодательство должно адаптироваться к происходящим изменениям. Иными словами, регулирование должно отвечать потребностям рынка [14, с. 267]. И думается, что поиск путей совершенствования законодательства в рассматриваемом контексте следует проводить именно с учетом этого нюанса.

Выводы

Право заключить срочный трудовой договор, как и бессрочный, выступает важной составляющей свободы труда, действует и в пользу работников, и в пользу работодателей. Однако, срочный договор не обеспечивает стабильных гарантий, ввиду чего возможности его заключения закон ограничивает. Практика свидетельствует о нередком злоупотреблении правом заключения именно срочного договора и проблемах его признания бессрочным. При этом законодательство по-прежнему оставляет широкие возможности для неоправданного использования срочного договора.

Для разрешения этой проблемы предлагается внести в ТК РФ следующие изменения:

1. Изложить ч. 5 ст. 58 ТК РФ в следующей редакции:

«Трудовой договор, заключенный на определенный срок при отсутствии достаточных к тому оснований, установленных судом, в том числе без указания обстоятельств (причин), послуживших основанием для его заключения, считается заключенным на неопределенный срок.».

2. Исключить из ч. 2 ст. 59 ТК РФ положения, позволяющие заключать срочный трудовой договор «с поступающими на работу пенсионерами по возрасту» (абз. 3), а также «с лицами, поступающими на работу по совместительству» (абз 11).

Первая мера нацелена на предупреждение использования работодателем возможности заключения срочного договора без должного обоснования, и предполагает обязательное указание в нем обстоятельств (причин) заключения. Вторая мера должна способствовать предупреждению дискриминационного отношения к пенсионерам и совместителям, особенно с учетом того, что условия трудоустройства диктует работодатель, даже когда они оформляются соглашением.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – № 237.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № I (ч. I). – Ст. 3.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06..2022 № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Подакова» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 30. – Ст. 5692.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2023 № 59-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого части второй статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.А. Сельковой» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 1 (ч. IV). – Ст. 380.
5. Определение Верховного Суда РФ от 16.01.2023 № 5-КГ22–131-К2 (УИД 77RS0005–02–2021–006485–18) // Юридическая информационная система «Легалакт». – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16012023-n-5-kg22–131-k2/ (дата обращения: 18.03.2026).
6. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.04.2025 по делу № 8Г-7664/2025 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – URL: https://sudrf.cntd.ru/document/1312823540?section=text (дата обращения: 21.03.2026).
7. Александрова О.А., Файман Н.С. Неустойчивая занятость работников науки и образования: масштабы, причины, последствия // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 1(71). – С. 66–74.
8. Джиджавадзе Л.Г. Трудоправовые ограничения при заключении срочных трудовых договоров: сравнительно-правовой анализ // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 21. – С. 320–337.
9. Зайков Д.Е. Конституционный Суд Российской Федерации восстановил трудовые права работников из числа профессорско-преподавательского состава // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 10(303). – С. 52–60.
10. Иванов А.Б. Расторжение трудового договора по инициативе работника в российской практике: историко-правовой ракурс // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 16, № 3(61). – С. 454–467.
11. Лада А.С. К проблеме заключения срочного трудового договора с отдельными категориями работников // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2(206). – С. 194–196.
12. Охременко И.В. «Карьерный портфель»: влияние альтернативных видов труда и нестандартных форм трудового поведения на уровень вторичной занятости в России // Социально-политические науки. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 80–86.
13. Подупейко, А.Г. Понятие и признаки срочных трудовых договоров // Трудовое и социальное право. – 2022. – № 3(43). – С. 36–41.
14. Попов М.В., Черных А.Б. Роль и правовое значение срочных трудовых контрактов в социально-экономических условиях современной России // Социология и право. – 2024. – Т. 16, № 2. – С. 266–275.
15. Сагандыков М.С. Реализация конституционного принципа свободы труда в деятельности преподавателей вузов: проблемы и перспективы // Вестник Российской правовой академии. – 2024. – № 3. – С. 141–154.
16. Селькова Е.А. О судебной практике по признанию срочных трудовых договоров с руководителями бессрочными // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – № 12–1. – С. 170–180.
17. Скобелев В.П. Проблемные вопросы рассмотрения судами дел о восстановлении на работе лиц, уволенных в связи с истечением срока действия трудового договора // Марийский юридический вестник. – 2024. – № 3–4(44). – С. 26–29.

THE PROBLEM OF RECOGNIZING A FIXED-TERM EMPLOYMENT CONTRACT AS CONCLUDED FOR AN INDEFINITE PERIOD

Mishin D.A., Kurovsky S.V., Andreev A.A.
LLC "Higher School of Education", Moscow State Law University named after O.E. Kutafina

The issue of recognizing a fixed-term employment contract as concluded for an indefinite period is relevant due to the wide freedom of regulation of labor relations at the discretion of the parties themselves, as well as the imperfections of judicial practice. The purpose of this study is to develop recommendations for recognizing a fixed-term employment con-

tract as concluded for an indefinite period. The study examines the concept and specifics of a fixed-term employment contract and the grounds for concluding such a contract. The characteristics of an open-ended employment contract are also examined. Key attention is paid to the aspects of qualifying a fixed-term employment contract as an open-ended employment contract. In this context, the problem of abuse of power by employers and the widespread practice of concluding multiple fixed-term employment contracts with the same employee to perform the same job function are considered. The problem is illustrated by examples of judicial practice, including the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. The opinions of various authors on this issue, presented in the scientific literature, are considered. Finally, the author proposes options for overcoming this problem by revising the provisions of the current Labor Code of the Russian Federation.

Keywords: indefinite employment contract; fixed-term employment contract; Labor Code of the Russian Federation; labor relations; labor disputes; terms of the employment contract.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – No. 237.

2. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 29.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. I (Part I). – Art. 3.

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 15, 2022 No. 32-P "On the case of verifying the constitutionality of parts one and eight of Article 332 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.A. Podakov" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 30. – Art. 5692.

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 19 2023 No. 59-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraph eight of part two of Article 59 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.A. Selkova" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 1 (Part IV). – Art. 380.

5. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of January 16, 2023 No. 5-KG22–131-K2 (UID 77RS0005–02–2021–006485–18) // Legal Information System "Legalact". – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16012023-n-5-kg22–131-k2/ (date of access: March 18, 2026).

6. Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated 09.04.2025 in case No. 8G-7664/2025 // Archive of decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction. URL: https://sudrf.cntd.ru/document/1312823540?section=text (date of access: March 21, 2026).

7. Alexandrova O.A., Fayman N.S. Precarious Employment of Science and Education Workers: Scale, Causes, and Consequences // Economic Revival of Russia. – 2022. – No. 1 (71). – P. 66–74.

8. Dzhidzhavadze L.G. Labor Law Restrictions on the Conclusion of Fixed-Term Employment Contracts: A Comparative Legal Analysis // Issues of Russian Justice. – 2022. – No. 21. – P. 320–337.

9. Zaykov D.E. The Constitutional Court of the Russian Federation Restored the Labor Rights of Employees from Among the Professorial and Teaching Staff // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. – 2022. – No. 10 (303). – P. 52–60.

10. Ivanov A.B. Termination of an Employment Contract at the Initiative of the Employee in Russian Practice: A Historical and Legal Perspective // Bulletin of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Humanitarian Sciences Series. – 2022. – Vol. 16, No. 3 (61). – P. 454–467.

11. Lada A.S. On the Problem of Concluding a Fixed-Term Employment Contract with Certain Categories of Employees // Law and State: Theory and Practice. – 2022. – No. 2 (206). – P. 194–196.

12. Okhremenko I.V. "Career Portfolio": The Impact of Alternative Types of Work and Non-Standard Forms of Work Behavior on the Level of Secondary Employment in Russia // Social and Political Sciences. – 2023. – Vol. 13, No. 1. – P. 80–86.

13. Podupeiko A.G. Concept and Features of Fixed-Term Employment Contracts // Labor and Social Law. – 2022. – No. 3 (43). – P. 36–41.

14. Popov, M. V., Chernykh, A.B. The Role and Legal Significance of Fixed-Term Employment Contracts in the Socio-Economic Conditions of Modern Russia // Sociology and Law. – 2024. – Vol. 16, No. 2. – P. 266–275.

15. Sagandykov, M.S. Implementation of the Constitutional Principle of Freedom of Labor in the Activities of University Teachers: Problems and Prospects // Bulletin of the Russian Law Academy. – 2024. – No. 3. – P. 141–154.

16. Selkova, E.A. On the judicial practice of recognizing fixed-term employment contracts with executives as indefinite // Humanitarian Scientific Journal. – 2025. – No. 12–1. – P. 170–180.

17. Skobelev V.P. Problematic issues of consideration by courts of cases on reinstatement of persons dismissed due to the expiration of an employment contract // Mari Legal Bulletin. – 2024. – No. 3–4 (44). – P. 26–29.

Конституирующие признаки земельного участка как объекта гражданских прав и их влияние на формирование правового режима

Мясоедов Валерий Сергеевич,
аспирант, МФПУ Синергия

Цель статьи – проанализировать составляющие характеристики земельного участка как объекта гражданских прав в современной российской правовой системе и исследовать влияние этих характеристик на формирование и содержание применимого правового режима. Юридическое определение земельного участка, вытекающее из статьи 141.2 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 6 Земельного кодекса, закрепляет конструкцию земельного участка как части поверхности Земли с характеристиками, позволяющими идентифицировать его как индивидуализированный объект. Это двумерное представление противостоит доктринальному и законодательному восприятию земельного участка как трёхмерного объекта, включающего постройки, слои почвы или недра. Автор демонстрирует, что онтологический подход является не только императивом системной согласованности, но и условием современной интерпретации признаков земельного участка как объекта гражданских прав, способной рационально интегрировать все материальные реалии в единый составный объект – «земельный участок». В статье используется метод, сочетающий исторический анализ, формальную логику и сравнительное право.

Ключевые слова: земельный участок, объект гражданских прав, поверхность земли, двумерное проектирование, правовой режим, строительство, российское земельное право, гражданский кодекс, реформа имущественного права.

Введение

Вопрос правовой природы земельного участка – одновременно объекта частной собственности, основы экономической деятельности и компонента национальной территории – занимает центральное место в доктрине российского гражданского права с первых лет перехода к рыночной экономике. Последовательные реформы имущественного права, последние из которых приняли форму поправок 2021 года к разделу II Гражданского кодекса Российской Федерации, актуализировали дискуссию о составляющих характеристиках земельного участка как объекта гражданских прав [11].

Парадоксально, однако чем в большей степени позитивное право стремится к формально-юридическому, «очищенному» и нейтральному определению земельного участка как части земной поверхности, тем отчетливее в доктрине проявляется тенденция рассматривать его как пространственно-протяжённый, трёхмерный объект. Возникающее при этом напряжение между нормативной строгостью юридической конструкции и феноменологическими представлениями правоприменительной практики составляет одну из ключевых проблем, лежащих в основе настоящего исследования.

Цель настоящей статьи является двуединой. Во-первых, предполагается выявление и системное описание существенных признаков земельного участка как объекта гражданских прав в современном российском праве. Во-вторых, ставится задача проанализировать, каким образом указанные признаки предопределяют структуру и содержание правового режима земельного участка. Под правовым режимом земельного участка в настоящей статье понимается совокупность норм, определяющих порядок возникновения, осуществления, ограничения и прекращения прав на него. Достижение поставленной цели предполагает сопоставление положений действующего законодательства с доктринальными подходами, включая концепции, сформулированные в рамках Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», а также обращение к сравнительно-правовому материалу зарубежных правопорядков [9].

Земельный участок как часть поверхности Земли

С момента реформы Земельного кодекса в 2008 году российское позитивное право закрепило определение земельного участка, основанное на понятии поверхности. Согласно статье 6 Земельного кодекса, земельный участок является недвижимым имуществом, частью поверхности Земли и обладающим характеристиками, позволяющими идентифицировать его как индивидуализированный объект [7]. Эта формулировка, которая по сути воспроизведена в статье 141.2 Гражданского кодекса, знаменует решительный разрыв с предыдущей формулировкой, в которой в отношении земельного участка упоминался слой почвы как компонент рельефа.

Отказ законодателя от прямого обращения к физической природе земельного участка не носит случайного характера и отражает существенную трансформацию правового подхода к его определению. Земельный участок перестаёт конструироваться через категорию материальной субстанции и всё в большей степени определяется через совокупность юридически значимых признаков, прежде всего – через установленные границы и их кадастровую фиксацию [12]. Тем самым законодатель последовательно реализует функционально-геометрическую модель, отказываясь от традиционного материально-вещного понимания. Данный подход находит нормативное подтверждение, в частности, в пункте 9 статьи 22 Федерального закона о государственной регистрации недвижимости, согласно которому площадь земельного участка определяется как площадь геометрической фигуры, образованной проекцией его границ на горизонтальную плоскость.

В этом контексте особое значение приобретает обращение к положениям математического анализа и дифференциальной геометрии. В строгом научном смысле поверхность понимается как граница тела – двумерное топологическое множество, не обладающее объёмом. Как граница, она принципиально не способна включать в себя то тело, которое ограничивает. Поверхность земной коры, отделяющая земельный участок от воздушного пространства, не может включать трёхмер-

ные образования – такие как почвенные слои, подземные структуры или иные объёмные элементы, обладающие собственной протяжённостью в пространстве. Как подчёркивали А.Н. Колмогоров и Л.А. Скорняков, поверхность по своей природе является двумерной и не может содержать объекты, принадлежащие трёхмерному пространству [8].

Указанные теоретические положения имеют не только абстрактное, но и непосредственное прикладное значение для правового регулирования. В частности, исключение почвенного слоя из правового определения земельного участка, осуществлённое в ходе законодательных изменений 2008 года, может быть интерпретировано как отражение – пусть и не всегда явно артикулированного – понимания того, что почва, обладая объёмной природой, не может рассматриваться в качестве элемента двумерного объекта. Аналогичным образом, отсутствие в действующем законодательстве норм, прямо включающих недра или воздушное пространство в состав земельного участка, представляется логически обусловленным данной онтологической несовместимостью (онтологический подход – подход, основанный на сущностных характеристиках объекта права, независимых от позитивно-правового регулирования) [17]. Тем самым современная модель правового регулирования последовательно фиксирует понятие земельного участка как геометрически определённой поверхности, а не как трёхмерной материальной массы.

Конституирующие признаки земельного участка

Юридическое определение земельного участка основано на трёх составляющих характеристиках, формулировка которых определяет всю применимую правовую систему.

Первая характеристика – это принадлежность к поверхности Земли. Земельный участок рассматривается как часть поверхности Земли, а не фрагмент земной коры. Эта двумерная квалификация не является редуктивной, она лежит в основе системной согласованности, которую российское земельное право стремится сохранить. Поверхность земельного участка следует рассматривать как математическую категорию, частный случай общего понятия «поверхность», то есть как границу тела, двумерного топологического множества, как отмечали А.Н. Колмогоров и Л.А. Скорняков [8].

Вторая характеристика – индивидуализация земельного участка посредством кадастровых границ. Земельный участок приобретает статус объекта гражданских прав лишь при условии, что его границы установлены, описаны и учтены в государственном кадастре недвижимости в установленном порядке. Иными словами, индивидуализация посредством кадастрового учета выступает не просто технической процедурой, а юридическим условием существования земельного участка как самостоятельного объекта права. Данное обстоятельство принципиально отличает его от большинства движимых вещей, существующих независимо от их правового признания. В этом смысле земельный участок в известной степени «конструируется» правом. Подобный подход соотносится с концепцией «нормативной вещи» (нем. normative Sache), разработанной К. фон Баром в рамках сравнительно-правового анализа, и адекватно отражает специфику правового режима недвижимости [21].

Третья характеристика – неразрывная связь земельного участка с земной поверхностью и обусловленная этим его неподвижность. Невозможность перемещения земельного участка без утраты его идентичности и изменения его сущностных характеристик предопределяет его отнесение к категории недвижимого имущества в смысле статьи 130 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данная физико-пространственная закрепленность принципиально отличает земельный участок от иных объектов гражданских прав и служит основанием для установления специального правового режима, включающего обязательность государственной регистрации, публичность правового статуса, а также повышенные требования к юридическим сделкам с ним [6].

Следует подчеркнуть, что указанные характеристики не существуют изолированно, а образуют внутренне согласованную и взаимосвязанную систему. Принадлежность земельного участка к поверхности Земли обусловливает его неподвижность; неподвижность, в свою очередь, требует его точной пространственной индивидуализации; кадастровая индивидуализация, наконец, выступает необходимым условием признания земельного участка объектом гражданских прав. Именно данная взаимозависимость формирует качественную специфику правового режима земельного участка и объясняет его принципиальную отличность от режима обычных объектов собственности.

Российская гражданско-правовая доктрина, особенно в рамках Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», формировала модель единого объекта, согласно которой здания, возведённые на земельном участке, являлись неотъемлемой частью этого земельного участка [3]. Данная позиция, обоснованная В.В. Витрянским, базируется на модели единого объекта (Einheitsprinzip), противоположной модели раздельного существования земельного участка и объекта строительства.

Как показала Д.В. Третьякова, различие между системами, допускающими единый объект, и системами, допускающими дуализм земельного участка и объекта строительства, не обязательно признаком отсталости [19]. Некоторые европейские правовые системы рассматривают дуализм как более гибкое и потенциально прогрессивное решение, чем слияние. Трёхмерное представление о земельном участке – понимаемом как объёмная сущность, способная включать здания – сталкивается с неразрешимым онтологическим противоречием юридическому определению земельного участка как части поверхности Земли.

Проблема может быть сформулирована следующим образом: если земельный участок – это поверхность, двумерный объект, то ни один трёхмерный физический объект не может составлять его часть. Часть должна обладать фундаментальными характеристиками целого. Однако здание как трёхмерный объект не обладает составляющими характеристиками двумерной поверхности. Включение здания в земельный участок – в точном юридическом смысле – означало бы, что законодатель отказывается от определения земельного участка как поверхности, тем самым принимая определение, радикально отличающееся и несовместимое со всем позитивным земельным правом, как отмечает Е.А. Суханов [18].

В связи с этим Федеральный законопроект № 47538–6/12, в своей окончательной версии, принятой в ноябре 2021 года, был существенно отредактирован, исходя из самых амбициозных положений, касающихся модели одного объекта. Сохранение дуализма земельного участка и объекта строительства обусловлено не инерцией советского правопорядка [20].

Решение Президиума Верховного арбитражного суда от 28 мая 2013 года № 17085/12 иллюстрирует ключевые проблемы, к которым ведёт трёхмерная логика. Квалифицируя футбольное поле как «неотъемлемую часть» земельного участка, на которой оно расположено, две онтологически разные реальности объединяются под одной классификацией, не ставя под сомнение совместимость этого решения с двумерной природой поля [15].

Признание внутренних ограничений трёхмерной модели не приводит к отрицанию экономической и функциональной реальности единства, существующего между земельным участком и построенными на нём зданиями. Напротив, можно спроектировать новую сложную вещь – которую предлагается обозначить понятием « земельно-строительный комплекс» – что позволило бы интегрировать двумерный объект и трёхмерные элементы, связанные с ним, в целостное юридическое целое [5].

Предложенная концепция земельного участка обладает рядом принципиальных преимуществ. Во-первых, она сохраняет концептуальную целостность земельного участка как двумерной поверхности, что устраняет онтологическое противоречие, возникающее при трактовке земельного участка как объёмного объекта. Во-вторых, она создаёт возможность рассматривать здания, сооружения, многолетние насаждения и иные объекты, функционально связанные с земельным участком, в качестве элементов самостоятельного сложного объекта с собственным правовым режимом, не сводя их к составным частям поверхности. Наконец, данный подход обеспечивает необходимую нормативную гибкость, позволяя законодателю адаптировать правовое регулирование к различным фактическим конфигурациям использования земельного участка, не прибегая к жёстким трёхмерным моделям или искусственным конструкциям принудительного объединения разнородных объектов [10].

Следует отметить, что соответствующее понимание земельного участка находит косвенное подтверждение и в отечественной кадастровой практике. Так, в течение длительного времени использовалось условно применимое в практике понятие «застроенный объект недвижимости», обозначающее совокупность, включающую одно или несколько зданий, а также иные связанные с ними объекты, расположенные в пределах определённого земельного участка. Несмотря на то что данная конструкция формировалась преимущественно в контексте публичного (муниципального) управления, а не гражданского оборота, она представляет собой значимый концептуальный ориентир для выстраивания современной догматической модели.

При этом принципиально важно подчеркнуть, что рассматриваемая концепция не сводится к простому воспроизведению модели единого объекта под иной терминологией. Различие носит сущностный характер. В рамках модели единого объекта земельный участок «поглощает» расположенные на нём объекты, вследствие чего послед-

ние утрачивают самостоятельное юридическое значение. Напротив, в рамках предлагаемого подхода земельный участок и находящиеся на нём объекты сохраняют онтологическую и юридическую самостоятельность, объединяясь в структуре более сложного объекта на основе функциональной и пространственной связи. При этом они выступают как равнозначные элементы единой системы, а не как подчинённые компоненты, что позволяет более адекватно отразить реальную природу имущественных отношений в сфере недвижимости [1].

Влияние конституирующих признаков на правовой режим земельного участка

Конституирующие признаки земельного участка – принадлежность к поверхности Земли, кадастровая индивидуализация и неподвижность – оказывают определяющее влияние на формирование ключевых элементов его правового режима.

С точки зрения государственной регистрации прав, двумерное понимание земельного участка означает, что объектом регистрации выступает сам земельный участок, ограниченный его кадастровыми координатами, а не некий абстрактный трёхмерный объём. В соответствии со статьёй 22 Федерального закона о государственной регистрации недвижимости, площадь земельного участка определяется как площадь геометрической фигуры, образованной проекцией его границ на горизонтальную плоскость [13]. Данное положение имеет не только техническое, но и концептуальное значение, поскольку прямо выражает геометрическую, а именно двумерную природу земельного участка.

С точки зрения гражданского оборота, установленные законом формальные и публичные требования к сделкам с земельными участками – письменная форма, государственная регистрация, обязанность предоставления кадастровых сведений – обусловлены их неподвижностью и юридической индивидуализацией. Особенность земельного участка по сравнению с иными объектами недвижимости заключается в невозможности чёткого разграничения «контейнера» – поверхности – и потенциального «содержимого», то есть объектов, возведённых на ней. В этой связи последовательный доктринальный подход предполагает необходимость учета не только земельного участка как самостоятельного объекта, но и его функциональной связи с расположенными на нём объектами недвижимости [16].

Применительно к ограниченным вещным правам (in rem) двумерная модель земельного участка позволяет провести принципиально значимое разграничение между правами, относящимися непосредственно к поверхности – например, сервитутами прохода, проезда, использования – и правами, связанными с объектами, расположенными на или под данной поверхностью, включая здания и подземные сооружения. Несмотря на то что в правоприменительной и нотариальной практике указанное разграничение нередко утрачивает самостоятельное, его сохранение имеет существенное значение для внутренней согласованности системы вещного права [14].

С точки зрения экологического регулирования, определение земельного участка как поверхности влечёт важные последствия. Оно предполагает, что защита почвы как природного объекта, в том числе плодородного слоя, выходит за рамки гражданско-правового режима земельного участка и относится к сфере экологического и природоресурсного права. Исключение почвенного слоя из легального определения земельного участка не свидетельствует об игнорировании его значимости, а отражает перенос механизмов его охраны в иные отрасли правового регулирования [4].

Сравнительно-правовой анализ подтверждает сделанные выводы. В континентальных правовых системах подходы к определению земельного участка варьируются между двумя полюсами: реалистическим, рассматривающим его как фрагмент земной поверхности в материальном смысле, и нормативистским, трактующим его как юридическую конструкцию, создаваемую посредством правовых процедур.

Современная европейская доктрина в значительной степени ориентируется на нормативистский подход, что находит отражение, в частности, в развитии категории «нормативной вещи» в работах К. фон Бара. В рамках данного подхода ключевое значение придаётся не физической сущности земельного участка, а юридически установленным процедурам определения его границ и правового режима. Тем самым он во многом совпадает с функционально-геометрической моделью, реализованной в российском законодательстве [21].

Показателен и опыт нидерландского права. В соответствии со статьёй 3:3 Burgerlijk Wetboek, во взаимосвязи со статьёй 5:20, земельный участок определяется через его границы и связанные с ним элементы. При этом проводится чёткое различие между поверхностью как границей и материальной субстанцией земли, к которой могут быть присоединены иные объекты. Данная конструкция восходит к классическому римскому разграничению между superficies и solum, которое, как отмечают К.И. Скловский и В.С. Костко, сохраняет значительный концептуальный потенциал и не должно нивелироваться в рамках упрощённых догматических моделей [17].

Модель так называемой «пирамиды», в рамках которой земельный участок рассматривается как объёмное пространство, простирающееся от центра Земли до небесной сферы, оказала влияние на ряд правовых систем, прежде всего общего права, а также на отдельные положения отечественной доктрины. Однако в настоящее время от неё во многом отказываются даже те правопорядки, где она традиционно применялась. Это свидетельствует о том, что двумерное понимание земельного участка представляет собой не исключение, а устойчивую тенденцию развития современного сравнительного земельного права [2].

Заключение

Проведённый анализ конституирующих признаков земельного участка как объекта гражданских прав в современном российском праве позволяет сформулировать ряд обоснованных выводов.

Во-первых, закреплённое в статьях 141.2 Гражданского кодекса Российской Федерации и 6 Земельного кодекса определение земельного участка как части поверхности Земли отражает последовательную двумерную концепцию, исключающую включение в его структуру трёхмерных объектов – зданий, почвенных слоёв и подземных образований.

Во-вторых, данная концепция является результатом не случайного или инерционного подхода законодателя, а логически выверенной модели, подтверждённой эволюцией нормативного регулирования, включая исключение почвенного слоя из легальных дефиниций и отказ от ряда дискуссионных положений проекта Федерального закона № 47538–6/5.

В-третьих, сохраняющееся в доктрине и правоприменительной практике напряжение между строгой двумерной юридической моделью и фактическим трёхмерным восприятием объектов недвижимости обусловливает необходимость разработки новых теоретико-правовых конструкций, в частности категории сложного недвижимого объекта, позволяющей учесть функциональную и экономическую взаимосвязанность земельного участка и расположенных на нём объектов без утраты концептуальной строгости.

Таким образом, уточнение конституирующих признаков земельного участка представляет собой не только теоретическую задачу, но и необходимое условие обеспечения внутренней согласованности всего механизма правового регулирования земельных и связанных с ними имущественных отношений, поскольку существующие проблемы во многом обусловлены неопределённостью базовых категорий, используемых как законодателем, так и правовой доктриной.

Литература

1. Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками как объект недвижимости // Вестник гражданского права. – 2017. – No1. – С. 4–61.
2. Бергель Дж.-Л. Имущественное право. – 3-е изд. – Париж: Dalloz, 2020. – С. 78–94.
3. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. – 2-е изд. – М.: Статут, 2018. – С. 198–231.
4. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – No 23. – Ст. 2381. – Ст. 5, 8.
5. Герасин С.И. Основы земельного строя России. – М.: Норма, 2016. – С. 55–79.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – No 32. – Ст. 3301. – Ст. 130.
7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ: с изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – No 44. – Ст. 4147. – Ст. 6.
8. Колмогоров А. Н., Скорняков Л.А. О понятии поверхности // Математический сборник. – 1952. – Т. 30 (72). – No1. – С. 3–12.
9. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – No 11. – С. 6–99.
10. Красов О.И. Право частной собственности на землю. – М.: Юристъ, 2000. – С. 23–37.
11. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон № 430-ФЗ от 21 декабря

2021 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – No 52. – Ст. 8724.

12. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – No 29. – Ст. 4344. – Ст. 22, п. 9.

13. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ. – Ст. 22, п. 9. – Указ. соч.

14. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. – С. 197–210.

15. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 мая 2013 г. № 17085/12 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – No 10. – С. 118–124.

16. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – 5-е изд. – М.: Статут, 2010. – С. 419–445.

17. Скловский К. И., Костко В.С. Вещь и недвижимость как объекты права: некоторые теоретические проблемы // Вестник гражданского права. – 2020. – No 6. – С. 8–47.

18. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017. – С. 154–168.

19. Третьякова Д.В. Земельный участок в системе объектов гражданских прав: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 95–112.

20. Федеральный законопроект № 47538–6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://privlaw.ru/vs_info4. – (Дата обращения: 01.03.2026).

21. Bar C. von. (2014). Why do We Need Grundstucke (Land Units), and What are They? On the Difficulties of Divining a European Concept of “Thing” in Property Law. Juridica International, 22(0), с. 7–8.

CONSTITUTIVE FEATURES OF A LAND PLOT AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS AND THEIR IMPACT ON THE FORMATION OF THE LEGAL REGIME

Myasoedov V.S.
Synergy Moscow University of Finance and Management

The purpose of this article is to analyze the constituent characteristics of a land plot as an object of civil rights in the modern Russian legal system and to study the impact of these characteristics on the formation and structure of the applicable legal regime. The legal definition of a land plot, derived from Article 141.2 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 6 of the Land Code, enshrines the concept of a land plot as a part of the Earth’s surface with characteristics that allow it to be identified as an individualized object. This two-dimensional representation contrasts with the doctrinal and legislative perception of a land plot as a three-dimensional object, including buildings, soil layers, or subsoil. The author demonstrates that an ontological approach is not only an imperative for systemic coherence but also a prerequisite for a modern interpretation of the characteristics of a land plot as an object of civil rights, capable of rationally integrating all material realities into a single composite object– the “land plot.” The article employs a method combining historical analysis, formal logic, and comparative law.

Keywords: land plot, object of civil rights, land surface, two-dimensional projection, legal regime, construction, Russian land law, civil code, property law reform.

References

1. Bevzenko, R.S. “Land Plot with Buildings as a Real Estate Object.” Civil Law Bulletin, 2017, No. 1, Pp. 4–61.

2. Bergel, J.-L. “Property Law.” 3rd ed. Paris: Dalloz, 2020, Pp. 78–94.

3. Vitryansky, V.V. “Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results.” 2nd ed. Moscow: Statut, 2018, Pp. 198–231.

4. Water Code of the Russian Federation, No. 74-FZ, dated June 3, 2006. // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006, No. 23, Art. 2381. 5, 8.

5. Gerasin S.I. Fundamentals of the Land System of Russia. – Moscow: Norma, 2016. – Pp. 55–79.

6. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301. – Art. 130.

7. Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 No. 136-FZ: with amendments and additions // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 44. – Art. 4147. – Art. 6.

8. Kolmogorov A. N., Skornyakov L.A. On the Concept of a Surface // Mathematical Collection. – 1952. – Vol. 30 (72). – No. 1. – P. 3–12.

9. Concept for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation: approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation dated October 7, 2009 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2009. – No. 11. – P. 6–99.

10. Krasov, O.I. Private Ownership of Land. – Moscow: Yurist, 2000. – P. 23–37.

11. On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 47538–6/12 dated December 21, 2021 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 52. – Art. 8724.

12. On state registration of real estate: Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 29. – Art. 4344. – Art. 22, Item 9.

13. On state registration of real estate: Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ. – Art. 22, Item 9. – Op. cit.

14. Pokrovsky I.A. Main Problems of Civil Law. – Moscow: Statut, 1998. – Pp. 197–210.

15. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of May 28, 2013 No. 17085/12 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2013. – No. 10. – Pp. 118–124.

16. Sklovsky K.I. Property in Civil Law. – 5th ed. – Moscow: Statut, 2010. – Pp. 419–445.

17. Sklovsky K. I., Kostko V.S. Thing and real estate as objects of law: some theoretical problems // Bulletin of civil law. – 2020. – No. 6. – Pp. 8–47.

18. Sukhanov E.A. Property law: a scientific and educational essay. – M.: Statut, 2017. – Pp. 154–168.

19. Tretyakova D.V. Land Plot in the System of Civil Rights Objects: Diss. … Cand. of Law. – M., 2014. – Pp. 95–112.

20. Federal Bill No. 47538–6/5 “On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation” [Electronic resource]. – Available at: http://privlaw.ru/vs_info4. – (Accessed: 01.03.2026).

21. Bar C. von. (2014). Why Do We Need Grundstucke (Land Units), and What Are They? On the Difficulties of Divining a European Concept of “Thing” in Property Law. Juridica International, 22(0), Pp. 7–8.

Правовая природа объединения клубов профессиональной спортивной лигой

Орлов Александр Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой спортивного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: AAORLOV@msal.ru

Сулейманов Дияр Дамирович,
студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: diyarsuleymanov@yandex.ru

В работе анализируется правовая природа профессиональных спортивных лиг в России как объединения профессиональных спортивных клубов. Авторы констатируют отсутствие в действующем законодательстве четкого определения сущности такого объединения, в связи с чем авторы приходят к выводу, что объединение клубов лигой представляет собой правоотношения между клубами и лигой, складывающиеся по поводу участия спортсмена или команды клуба в соревновании, которое организует или проводит лига. На основе анализа законодательства и нормативных документов (регламентов) ведущих российских лиг выявлены две основные практические модели объединения: договорная и корпоративная. Модель объединения клубов лигой определяется организатором соревнования, то есть, самой профессиональной спортивной лигой или общероссийской спортивной федерацией в соответствующих случаях. Авторы демонстрируют, что выбор той или иной модели имеет значительные правовые последствия, влияя на стабильность состава участников, автономию лиги и ее соответствие критериям, установленным законом.

Ключевые слова: профессиональная спортивная лига, профессиональный спортивный клуб, законодательство о физической культуре и спорте, общероссийская спортивная федерация, организатор спортивного соревнования, регламент спортивного соревнования, корпоративные и унитарные юридические лица.

Введение

Необходимость преодоления возникших сложностей и продолжения развития отечественного профессионального спорта в условиях беспрецедентного по своим масштабу и интенсивности [14] внешнего санкционного давления на Российскую Федерацию неизбежно обращает внимание на внутренние аспекты функционирования системы российского спорта и позволяет сосредоточиться на их решении. Особое место в этой части занимает перманентно существующая задача по актуализации и совершенствованию правового регулирования данной части спорта, что отдельно отмечается в качестве одного из приоритетных направлений в «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» [4].

В научно-правовой литературе высказывается абсолютно точное замечание о том, что правовое регулирование профессионального спорта в России осуществляется «…методом проб и ошибок, без опоры на соответствующее научно-теоретическое осмысление…» [13]. При анализе положений законодательства Российской Федерации, устанавливающих основы правового статуса профессиональных спортивных лиг и вовсе обнаруживается один из главных в современном мире индикаторов потенциального несовершенства регулирования – казуистический способ изложения правовых норм. Законодатель в данной части вместо установления нормативного правового фундамента отразил модели функционирования фактически существующих в России профессиональных спортивных лиг, произвольно определенных в качестве таковых самим законодателем.

Так, пунктом 10.2 статьи 2 Федерального закона № 329 от 04.12.2007 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – Закон о спорте) профессиональная спортивная лига определена как юридическое лицо, которое создается в предусмотренных законодательством Российской Федерации организационно-правовых формах, основными целями деятельности которого являются организация и (или) проведение профессиональных спортивных соревнований в порядке и случаях, которые установлены Законом о спорте. Вместе с этим статья 19.2 Закона о спорте предусматривает, что профессиональная спортивная лига объединяет профессиональные спортивные клубы (российские или российские и иностранные). Рассматриваемая статья не содержит положений, допускающих возможность создания профессиональных спортивных лиг, не объединяющих профессиональные спортивные клубы, что для целей дальнейшего конструирования нормативного правового регулирования статуса и деятельности таких лиг позволяет сделать один из следующих выводов:

1) либо допускается создание лишь профессиональных спортивных лиг, объединяющих клубы, что требует осмысления природы такого объединения;

2) либо статус профессиональных спортивных лиг, которые не объединяют клубы (при условии, что Закон о спорте допускает существование таковых), никак не урегулирован и требует отдельного внимания.

Несмотря на то, что указанные выводы взаимоисключающие, следует понимать, что разрешение вопроса о природе объединения клубов лигами, позволит и существенно преуспеть в преодолении правовых пробелов, связанных с правовым статусом не объединяющих клубы лигами. Законом о спорте и иными нормативными правовыми актами правовая природа указанного объединения не раскрывается, что в отсутствие положений о необходимости осуществления особых процедур для приобретения статуса профессиональной спортивной лиги и казуистический характер положений статьи 19.2 Закона о спорте, делает саму по себе квалификацию физкультурно-спортивных организаций в качестве спортивных лиг (а следовательно и понимание того, обязательно ли такое объединение для лиг) крайне затруднительным.

В этой связи в настоящей работе предпринимается попытка выявить и определить общий вектор для осмысления правовой природы такого объединения посредством комплексного анализа положений действующего законодательства и практической деятельности профессиональных спортивных лиг в России.

Правовая природа объединения клубов лигами в России

Важно отметить, что более удачно в Законе о спорте регламентирован статус профессиональных спортивных клубов, в частности, ряд нормативных положений посвящен взаимодействию таких клубов с организаторами спортивных соревнований, включая профессиональные спортивные лиги.

Пунктом 10.4 статьи 2 Закона о спорте профессиональный спортивный клуб определяется как юридическое лицо, которое является участником профессионального спортивного соревнования или которое заявило в установленном организатором профессионального спортивного соревнования порядке об участии в таком соревновании.

Частью 4 статьи 19.1 Закона о спорте предусмотрено, что профессиональные спортивные клубы имеют право участвовать в профессиональных спортивных соревнованиях на условиях, установленных организаторами таких соревнований, вступать в состав участников, членов, учредителей профессиональной спортивной лиги, а также вступать в качестве членов в общероссийские спортивные федерации в соответствии с их уставами.

Как видно, право профессионального спортивного клуба участвовать в соревновании на установленных лигой как его организатором условиях, а также право вступать в состав участников, членов, учредителей лиги разграничены между собой. Соответственно, рассматриваемое в настоящей работе объединение, по-видимому, не подразумевает под собой необходимости установления именно корпоративных связей (членства) между лигой и клубами, поскольку вступление в состав участников, членов лиги является лишь правом профессиональных спортивных клубов. В связи с этим ключевой в указанных законодательных положениях представляется формулировка об участии профессионального спортивного клуба в профессиональных спортивных соревнованиях в порядке и на условиях, установленных организаторами этих соревнований.

В России организаторами наиболее значимых профессиональных спортивных соревнований являются общероссийские спортивные федерации (чемпионатов, первенств и кубков России), которые могут делегировать лигам права на их проведение, или непосредственно профессиональные спортивные лиги (международных профессиональных спортивных соревнований – для лиг, объединяющих как российские, так и иностранные профессиональные спортивные клубы). Поэтому решение вопроса о форме объединения является прерогативой таких федераций и (или) лиг.

Таким образом, объединение профессиональных спортивных клубов профессиональной спортивной лигой представляет собой правоотношение между клубом и лигой, складывающееся по поводу участия этого клуба в профессиональном спортивном соревновании, организуемом лигой или проводимом ей на основании договора о делегировании с общероссийской спортивной федерацией. Форма этого объединения определяется организатором соревнования – лигой или федерацией.

Формы объединения клубов лигами в России

Поскольку, как было установлено, лига объединяет клубы, участвующие в организуемом и (или) проводимом ею соревновании, то определяемая организатором соревнования форма объединения по существу сводится к условиям допуска клубов к участию в соревновании. Поэтому форма объединения клубов лигой устанавливается положением (регламентом) о соответствующем соревновании или нормами иных регламентов.

Действующие общероссийские спортивные федерации и профессиональные спортивные лиги в России по-разному подходят к решению вопроса о форме объединения. Так, например, согласно пункту 4.1 статьи 4 Регламента МИР Чемпионата России по футболу среди команд клубов Премьер-Лиги сезона 2025/2026 [5] (далее – Регламент Чемпионата МИР РПЛ) участниками чемпионата могут быть только клубы, являющиеся членами Ассоциации футбольных клубов «Российская Премьер-Лига» (далее – РПЛ), получившие соответствующую лицензию Общероссийской общественной организацией спортивной федерацией по футболу «Российский футбольный союз» (далее – РФС).

Организационно-правовой формой РПЛ как юридического лица является ассоциация – объединение юридических лиц и (или) граждан, основанное на добровольном или в установленных законом случаях на обязательном членстве и созданное для представления и защиты общих, в том числе профессиональных, интересов, для достижения общественно полезных целей, а также иных не противоречащих закону и имеющих некоммерческий характер целей (статья 123.8 Гражданского кодекса Российской Федерации). В силу п. 5.1 ст. 5 Устава Ассоциации футбольных клубов «Российская Премьер-Лига» [10] (далее – РПЛ) членами РПЛ являются профессиональные футбольные клубы, являющиеся юридическими лицами, получившие право на участие в Чемпионате России по футболу среди команд клубов Премьер-Лиги (Чемпионате РПЛ). Членство в РПЛ является необходимым условием для участия профессионального футбольного клуба в соревнованиях, проводимых РПЛ.

Соответственно, вопрос объединения решается путем установления членства клуба в РПЛ в качестве обязательного условия для участия им в организуемом РФС и проводимом РПЛ профессиональном спортивном соревновании (Чемпионате России по футболу).

В то же время АНО «Единая баскетбольная лига» (далее – Единая лига ВТБ) создана в организационно-правовой форме автономной некоммерческой организации, являющейся в силу пункта 1 статьи 123.24 Гражданского кодекса Российской Федерации унитарной некоммерческой организацией, не имеющей членства. То есть организационно-правовая форма Единой лиги ВТБ как юридического лица сама по себе не предполагает членство спортивных клубов в ней.

В соответствии с пунктом 2.5 статьи 2 Регламента Чемпионата Единой Лиги ВТБ сезона 2025/2026 [6] участие клубов в Чемпионате Единой Лиги ВТБ осуществляется на основании утверждения Советом Лиги состава участников Чемпионата и заключаемого с лигой договора. Пунктом 2.6 установлены ряд обязательств, принимаемых на себя клубами в качестве «непременного условия участия их команд в чемпионате»: от соорганизации домашних матчей чемпионата до оформления трудовых отношений со спортсменами и тренерами, обеспечение их страхования, организации учебно-тренировочного процесса.

Соответственно, Единая Лига ВТБ объединяет спортивные клубы на основании договора об участии в спортивном соревновании. Такой договор заключается на один год для участия в одном спортивном сезоне спортивного соревнования, как это следует из статьи 27 Регламента Чемпионата Единой Лиги ВТБ сезона 2025/2026 и Приложения № 10 к нему. С этой точки зрения, указанная форма объединения является менее устойчивой, нежели установление корпоративных правоотношений между лигой и клубами-членами такой лиги, а также на практике при действующем правовом регулировании вызывает ряд трудноразрешимых противоречий, рассмотренных в части 3 настоящей работы.

Несколько иная форма объединения профессиональных спортивных клубов реализована ООО «Континентальная хоккейная лига» (далее – ООО «КХЛ»). Согласно Регламенту Континентальной хоккейной лиги сезона 2025/2026 «Континентальная хоккейная лига (Лига)» (далее – КХЛ) определена следующим образом: «в зависимости от контекста – ООО «КХЛ» или совокупность юридических лиц различных организационно-правовых форм, объединившихся в целях координации деятельности по организации и проведению международных и других профессиональных спортивных мероприятий (соревнований) по хоккею». В качестве организатора международного профессионального спортивного соревнования «Фонбет Чемпионат Континентальной хоккейной лиги» (далее – Чемпионат КХЛ) указано ООО «КХЛ» [7].

В соответствии с пунктом 2 статьи 1 Правового регламента КХЛ сезона 2025/2026 [8] участие клубов в Чемпионате КХЛ осуществляется на основании договора об участии в чемпионате. Статья 48 Правового регламента КХЛ определяет порядок и условия включения клубов в состав участников Чемпионата КХЛ. Согласно п. 3 указанной статьи после утверждения Советом директоров КХЛ состава участников Чемпионата КХЛ на пять сезонов клубы заключают с лигой договор участия в Чемпионате КХЛ. Незаключение указанного договора клубом в установленный срок является основанием для его исключения из состава участников Чемпионата КХЛ по решению Совета директоров КХЛ.

Как видно, требований к членству хоккейных клубов в КХЛ не устанавливается, хотя при анализе сведений об ООО «КХЛ» в Едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) обнаруживается, что хоккейные клубы являются членами лиги. Однако в этой части примечательно следующее: во-первых, согласно данным ЕГРЮЛ в состав участников ООО «КХЛ» входит 14 юридических лиц, тогда как в Чемпионате КХЛ принимают участие 22 хоккейных клуба [9]; во-вторых, в число участников ООО «КХЛ» входят юридические лица, сами не являющиеся хоккейными клубами-участниками Чемпионата КХЛ, но учредившие их или аффилированные с ними иным образом (например, ПАО «ТАТНЕФТЬ» им. В.Д. Шашина – ООО «Спортивно-коммерческое предприятие «Татнефть – Ак Барс» (ХК «Ак Барс» Казань), ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» – АНО «Хоккейный клуб «Металлург» (ХК «Металлург» Магнитогорск») и др.).

Таким образом, объединение профессиональных спортивных клубов лигой может иметь различную правовую природу: на основании договорных отношений клубов с лигой, не предполагающих членства,

а также на основании корпоративных отношений – отношений членства клубов в лиге.

Практическая значимость определения правовой природы объединения клубов лигой

В данной части важно обратить внимание на понятие «состав участников соревнования», используемое рассмотренными профессиональными спортивными лигами в контексте объединения клубов. В состав участников соревнования входят именно спортсмены, представляющие спортивный клуб, или команды спортивных клубов, определяемые Законом о спорте как коллективы спортсменов, которые являются непосредственными участниками спортивного соревнования. Соответственно, поскольку ключевым направлением деятельности профессиональной спортивной лиги является именно организация и (или) проведение профессионального спортивного соревнования, то форма объединения такой лигой клубов важна с точки зрения состава участников соревнования.

Главным образом, форма объединения клубов лигой влияет на стабильность состава участников соревнования, что выделяется в доктрине в качестве критерия классификации спортивных лиг на «североамериканскую» модель со стабильным, практически неизменным составом участников и «европейскую» модель с ротируемым составом участников [15]. Некоторые авторы, анализируя положения ст. 19.2 Закона о спорте, применяют указанную классификацию к закрепленным в этой статье моделям профессиональных спортивных лиг [11], что на самом деле, сложно подвергнуть сомнению.

Однако парадоксально при этом, что в России профессиональные спортивные лиги, как кажется, избирают формы объединения клубов, не отвечающие установленными ими положениями в части стабильности состава участников: лиги, в которых предусмотрена регулярная ротация команд по спортивному принципу, избирают наиболее устойчивые формы объединения клубов, и наоборот. Так, в соответствии с подпунктами 4.5.1–4.5.2 пункта 4.5 статьи 4 Регламента Чемпионата МИР РПЛ клубы, команды которых займут 15-е и 16-е места в итоговой турнирной таблице чемпионата текущего сезона, выбывают в Первую лигу следующего сезона, а по итогам Первой лиги клубы, команды которых заняли 1-е и 2-е места в итоговой таблице, получают право выступать в Чемпионате МИР РПЛ следующего сезона. Соответственно, по итогам каждого спортивного сезона, два футбольных клуба выходят из состава членов РПЛ и два футбольных клуба вступают в РПЛ в качестве членов.

С этой точки зрения реализация ротации состава участников Чемпионата МИР РПЛ, вероятно, была бы более ясной и легкореализуемой с точки зрения юридических процедур, при использовании механизма, предусмотренного Единой лигой ВТБ и ООО «КХЛ» с заключением договора об участии в спортивном соревновании между клубом и лигой на один спортивный сезон.

При этом, например, для самой Единой Лиги ВТБ такой механизм вызывает ряд правовых рисков. Единая Лига ВТБ для целей определенной автономии от общероссийской спортивной федерации по виду спорта в части организации и проведения Чемпионата Единой Лиги ВТБ должна соответствовать ряду установленных статьей 19.2 Закона о спорте критериев, которым она рискует не соответствовать от сезона к сезону.

Так, в силу ч. 8 ст. 19.2 Закона о спорте организатором международных профессиональных спортивных соревнований может быть профессиональная спортивная лига, объединяющая как российские, так и иностранные профессиональные спортивные клубы. Поэтому право лиги быть организатором международного спортивного соревнования, каковым исторически являлся Чемпионат Единой Лиги ВТБ, зависит от факта объединения ею как российских, так и иностранных спортивных клубов.

В настоящее время Единая Лига ВТБ является организатором Чемпионата Единой лиги ВТБ, в сезоне 2025/2026 года которого участие принимают только российские спортивные клубы (всероссийское спортивное соревнование), хотя в сезоне 2024/2025 в Чемпионате принимали участие и российские, и иностранные спортивные клубы. Одновременно с этим является Единая лига ВТБ является также организатором Чемпионата Единой молодежной Лиги ВТБ сезона 2025/26, в котором участие принимают как российские, так и иностранные спортивные клубы (международное профессиональное спортивное соревнование). Соответственно, в настоящее время, в части организации и проведения Чемпионата Единой Лиги ВТБ 2025/2026 лига не отвечает требованиям ч. 8 ст. 19.2 Закона о спорте (при том, что в сезоне 2024/2025 им отвечала), что влечет ряд существенных последствий.

Так, данные обстоятельства не позволяют Единой Лиге ВТБ быть самостоятельным организатором фактически того же самого спортивного соревнования, которое в новом спортивном сезоне отличается лишь измененным составом участников. Указанное существенно ограничивает круг полномочий Единой Лиги ВТБ в отношении организации и проведения соревнования и требует от нее заключения (а, если точнее, перезаключения) договора о делегировании прав на проведение чемпионата России с Российской Федерацией Баскетбола, который до нынешнего спортивного сезона был заключен лишь с целью признания участия российских клубов и спортсменов в Чемпионате Единой Лиги ВТБ участием в чемпионате России, но не для его проведения в качестве отдельного соревнования.

Вышеуказанная проблематика усугубляется следующим. Во-первых, Единая Лига ВТБ не сможет быть единственным получателем денежных средств в виде целевых отчислений от организаторов азартных игр: если между федерацией и лигой заключен договор о делегировании прав на проведение чемпионата, первенства или кубка России, то распределение целевых отчислений осуществляется на основании соглашения между ними или в равных долях при отсутствии соглашения (п. 3 Постановления Правительства РФ от 27.12.2023 № 2326). Во-вторых, заключаемый, как правило, на четыре года договор о делегировании может потерять свою актуальность уже в следующем спортивном сезоне, поскольку иностранные спортивные клубы, ранее входившие в состав участников лиги, заявили лишь о приостановке своего участия [16].

Согласно Регламенту Чемпионата Единой Лиги ВТБ сезона 2025/2026 организатором данного соревнования является непосредственно лига. Положениями Регламента достаточно строго разграничены между собой «Чемпионат [Единой Лиги ВТБ]» и «Чемпионат России», что позволяет сделать вывод об отсутствии у Чемпионата Единой Лиги ВТБ статуса чемпионата России. При этом согласно п. 2.2 ст. 2 данного Регламента участие клубов в Чемпионате Единой Лиги ВТБ признается участием в чемпионате России, организатором которого является Российская Федерация Баскетбола. Это возможно, поскольку последняя делегировала Единой Лиге ВТБ права на проведение чемпионата России на основании договора от 30 сентября 2015 года с лигой, в тот период, когда Чемпионат Единой Лиги ВТБ был международным соревнованием, а лига объединяла российские и иностранные клубы.

В настоящий период же получается, что всероссийское спортивное соревнование не наделяется статусом и наименованием чемпионата России, но участие в таком соревновании признается для спортсменов и клубов участием в чемпионате России. Вышеописанный и без того осложненный донельзя механизм взаимодействия профессиональной спортивной лиги и общероссийской спортивной федерации, еще и очевидным образом нарушает положения законодательства, поскольку часть 9 статьи 19.2 Закона о спорте предусматривает такую возможность исключительно для международных спортивных соревнований.

Заключение

Таким образом, законодательство о физической культуре и спорте в Российской Федерации, не устанавливает императивных требований в части форм объединения профессиональных спортивных клубов. Такая модель правового регулирования позволяет профессиональным спортивным лигами в России (и общероссийским спортивным федерациям в соответствующих случаях) самостоятельно определять указанные формы объединения.

На практике в России лиги используют две модели: договор с клубами об участии в спортивном соревновании, которое организует и (или) проводит лига, либо членство клубов в лиге как в корпоративном юридическом лице. Как было выявлено, нередко формы объединения клубов, избираемые лигами, могут приводить к трудноразрешимым правовым противоречиям.

При этом исследованная проблематика является лишь одним из проявлений того несовершенства и фрагментарности правового регулирования профессиональных спортивных лиг и общественных отношений в профессиональном спорте в целом, которое установлено Законом о спорте. Выявленные в настоящей работе коллизии в очередной раз подтверждают потребность профессионального спорта в комплексном и непротиворечивом нормативном правовом регулировании. Указанное отнюдь не означает необходимости принятия радикальных мер, которые предлагается отдельными авторами, как, например, выделение правовых норм о профессиональном спорте в отдельный кодифицированный законодательный акт [12]. Однако глобальное переосмысление действующего регулирования в данной части в целях его актуализации назрело давно.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.02.2026).

2. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.02.2026).

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2023 № 2326 «Об утверждении Правил перечисления, приостановления, возобновления перечисления, перераспределения публично-правовой компанией «Единый регулятор азартных игр» целевых отчислений от азартных игр общероссийским спортивным федерациям и профессиональным спортивным лигам» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 17.02.2026).

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.11.2020 № 3081-р в ред. от 17.12.2024 «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 13.02.2026).

5. Регламент МИР Чемпионата России по футболу среди команд клубов Премьер-Лиги сезона 2025/2026, (утвержден Постановлением Бюро Исполкома РФС № 326.2 от 09.07.2025) // Официальный сайт Российской Премьер-лиги по футболу [Электронный ресурс]. URL: https://premierliga.ru/about/documents/?category=regulations (дата обращения: 14.02.2026).

6. Регламент Чемпионата Единой Лиги ВТБ сезона 2025/2026 (утвержден решением Совета Лиги от 17.06.2025) // Официальный сайт Единой Лиги ВТБ. [Электронный ресурс]. URL: https://vtb-league.com/ru/pages/about-docs/ (дата обращения: 14.02.2026).

7. Регламент КХЛ сезона 2025/2026. Термины, определения и сокращения (утв. Советом директоров ООО «КХЛ» 29.07.2025) // Официальный сайт КХЛ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.khl.ru/official/documents/ (дата обращения: 14.02.2026).

8. Правовой регламент КХЛ сезона 2025/2026 (утв. Советом директоров ООО «КХЛ» 29.07.2025) // Официальный сайт КХЛ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.khl.ru/official/documents/ (дата обращения: 14.02.2026).

9. Состав участников Фонбет Чемпионата Континентальной хоккейной лиги сезонов 2025/2026–2029/2030 годов // Официальный сайт КХЛ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.khl.ru/official/documents/ (дата обращения: 14.02.2026).

10. Устав Ассоциации футбольных клубов «Российская Премьер-Лига» в ред. от 29.08.2024 // Официальный сайт МИР РПЛ. [Электронный ресурс]. URL: https://premierliga.ru/about-rpl/documents/ (дата обращения: 14.02.2026).

11. Байбеков Р.Р. Спортивные лиги в России и за рубежом: признаки и особенности правового регулирования // Российский юридический журнал. 2022. № 6. С. 135–143.

12. Васькевич В.П. Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2006.

13. Овчинникова Н.А. Правовое регулирование профессионального спорта в Российской Федерации (общеправовой анализ): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008.

14. Порошин Д.А. Проблема политизации спорта и международного олимпийского движения в свете антироссийских санкций 2022 года // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 179–185. DOI: 10.21209/2227-9245-2023-29-1-179-185.

15. Рогачев Д.И. Признаки профессионального спорта и основные модели его регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 4. С. 88–95.

16. «Астана» объявила, что приостанавливает участие в Единой лиге ВТБ на сезон2025/26 // Спортс.ру [Электронный ресурс]. URL: https://www.sports.ru/basketball/1116745592-astana-obyavila-chto-priostanavlivaet-uchastie-v-edinoj-lige-vtb-na-se.html (дата обращения: 15.02.2026).

PROFESSIONAL SPORTS LEAGUES IN RUSSIA AS ASSOCIATIONS OF PROFESSIONAL SPORTS CLUBS

Orlov A.A., Suleymanov D.D.
O.E. Kutafin Moscow State Law University

This paper analyzes the legal nature of professional sports leagues in Russia as associations of professional sports clubs. The authors note the lack of a clear definition of the essence of such an association in current legislation, leading them to conclude that the association of clubs within a league represents a legal relationship between the clubs and the league arising from the participation of an athlete or club team in a competition organized or conducted by the league. Based on an analysis of legislation and regulatory documents (regulations) of leading Russian leagues, two main practical models of association have been identified: contractual and corporate. The model for the association of clubs within a league is determined by the competition organizer, that is, the professional sports league itself or the All-Russian Sports Federation, as appropriate. The authors demonstrate that the choice of one model or another has significant legal consequences, affecting the stability of the membership, the autonomy of the league, and its compliance with legally established criteria.

Keywords: professional sports league, professional sports club, legislation on physical culture and sports, all-Russian sports federation, sports competition organizer, sports competition regulations, corporate and unitary legal entities.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Consultant Plus Legal Reference System (date of access: 16.02.2026).

2. Federal Law «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation» dated December 4, 2007, No. 329-FZ // Consultant Plus Legal Reference System (date of access: 16.02.2026).

3. Order of the Government of the Russian Federation No. 2326 dated December 27, 2023 «On the Approval of the Rules for the Transfer, Suspension, Resumption of Transfer, and Redistribution by the Public Law Company «Unified Gambling Regulator» of Targeted Deductions from Gambling to All-Russian Sports Federations and Professional Sports Leagues» // Reference and legal system «Consultant Plus» (date of access: 17.02.2026)

4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 3081-r dated November 24, 2020, as amended on December 17, 2024, «On the Approval of the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation for the Period until 2030» // Consultant Plus Legal Reference System (date of access: 16.02.2026).

5. Regulations of the MIR Russian Football Championship among Premier League clubs for the 2025/2026 season, (approved by Resolution of the Executive Committee of the Russian Football Union No. 326.2 dated July 9, 2025) // Official website of the Russian Premier League [Electronic resource]. URL: https://premierliga.ru/about/documents/?category=regulations (date of access: 14.02.2026)

6. Regulations of the VTB United League Championship for the 2025/2026 season (approved by the League Council on 17.06.2025) // Official website of the VTB United League. [Electronic resource]. URL: https://vtb-league.com/ru/pages/about-docs/ (date of access: 14.02.2026).

7. KHL Regulations for the 2025/2026 season. Terms, definitions and abbreviations (approved by the Board of Directors of KHL LLC on 29 July 2025) // Official KHL website. [Electronic resource]. URL: https://www.khl.ru/official/documents/ (date of access: 14.02.2026).

8. Legal Regulations of the KHL for the 2025/2026 Season (approved by the Board of Directors of KHL LLC on July 29, 2025) // Official website of the KHL. [Electronic resource]. URL: https://www.khl.ru/official/documents/ (date of access: 14.02.2026).

9. List of participants in the Fonbet Kontinental Hockey League Championship for the 2025/2026–2029/2030 seasons // Official website of the KHL. [Electronic resource]. URL: https://www.khl.ru/official/documents/ (date of access: 14.02.2026).

10. Constitution of the Russian Premier League Football Club Association, as amended on 29.08.2024 // Official website of MIR RPL. [Electronic resource]. URL: https://premierliga.ru/about-rpl/documents/ (date of access: 14.02.2026).

11. Baibekov R.R. Sports leagues in Russia and abroad: characteristics and features of legal regulation // Russian Law Journal. 2022. No. 6. Pp. 135–143.

12. Vaskevich V.P. Civil law regulation of relations in the field of professional sports: dissertation … candidate of legal sciences. Kazan, 2006.

13. Ovchinnikova N.A. Legal regulation of professional sports in the Russian Federation (general legal analysis): abstract of dissertation … candidate of legal sciences. Vladimir, 2008.

14. Poroshin D.A. The problem of the politicization of sport and the international Olympic movement in light of the 2022 anti-Russian sanctions // Bulletin of Transbaikal State University. 2023. Vol. 29, No. 1. Pp. 179–185. DOI: 10.21209/2227-9245-2023-29-1-179-185.

15. Rogachev, D.I. Signs of professional sports and the main models of its regulation // Journal of Kutafin University. 2015. No. 4. Pp. 88–95.

16. Astana announced that it is suspending its participation in the VTB United League for the 2025/26 season // Sports.ru [Electronic resource]. URL: https://www.sports.ru/basketball/1116745592-astana-obyavila-chto-priostanavlivaet-uchastie-v-edinoj-lige-vtb-na-se.html (date of access: 15.02.2026).

Определение уголовно-правовой юрисдикции в процессе расследования преступлений на море и морской среде

Мирошник Елизавета Александровна,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
E-mail: 9528205712@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей определения действия уголовного закона Российской Федерации в пространстве и по кругу лиц при совершении преступлений на морском транспорте и в морской среде. Актуальность темы обусловлена значительным объемом грузооборота морских бассейнов России и наличием преступлений против собственности и экономической безопасности на водном транспорте. В работе анализируется специфика морской среды как обстановки совершения преступления, включающая ограниченность пространства судна или портовой инфраструктуры, влияние природных условий и сложность установления юрисдикции. Рассматриваются научные подходы к понятию обстановки преступления, а также виды преступлений, совершаемых на морском транспорте и в морской среде. Особое внимание уделяется вопросам разграничения юрисдикции в различных морских пространствах в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года и российским законодательством. Проанализированы особенности применения принципа флага судна, а также порядок осуществления уголовной юрисдикции Российской Федерации в отношении преступлений, совершенных на судах под российским флагом, в территориальных водах, исключительной экономической зоне и в открытом море. Рассматриваются проблемные аспекты расследования преступлений на море, включая случаи с иностранными судами, судами без флага и использованием «удобного флага». Делается вывод о необходимости четкого определения юрисдикции и развития международного сотрудничества для повышения эффективности противодействия преступности на морском транспорте.

Ключевые слова: морская среда, преступления на морском транспорте, уголовная юрисдикция, действие уголовного закона в пространстве, принцип флага судна, международное морское право, Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, исключительная экономическая зона, территориальное море, пиратство, расследование преступлений на море, транснациональная преступность.

Российская Федерация имеет выход к двенадцати морям, относящихся к трем океанам, которые способствуют выгодному экономическому и геополитическому положению, что в свою очередь требует наряженного внимания к обеспечению безопасности.

Согласно статистике Ассоциации морских торговых портов[1], общий объем грузооборота Арктического, Балтийского, Азово-Черноморского, Каспийского и Дальневосточного бассейнов составил 906 млн тонн за 2024 г., что составляет примерно 22% от всего объема перевозок грузов российским транспортом.

Следует отметить, что количество возбужденных дел по составу «Кража» (ст. 158 УК РФ) грузов на ж/д, воздушном, водном транспорте в 2024 г. составило 852 дела, из которых нераскрытыми остались 282[2].

Данная статистика свидетельствует о том, что количество преступлений против собственности на транспорте, в частности на водном, в значительной степени существенна, и требует пересмотра и оптимизации существующих методов расследования преступлений, а также разработки более эффективных превентивных мер.

Море и морская среда в контексте места и обстановки совершения преступления обладают рядом специфических черт, осложняющих как процесс противодействия преступности, т.е. профилактики, предупреждения и пресечения преступлений, так и процесс расследования преступлений.

В.К. Гавло понятие «обстановки преступления» определяет, как особенности связи субъекта преступления с той средой, в которой подготавливается, совершается и скрывается преступление[3].

Н.П. Яблоков под обстановкой совершения преступления понимает систему различного рода взаимодействующих между собой объектов, явлений и процессов, характеризующих время, вещественные и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления[4].

И.М. Лузгин в общую криминалистическую характеристику включает и обстановку, куда входят действия, направленные на приготовление, совершение и после совершения преступления[5].

И.Р. Гарифуллин определяет обстановку совершения преступления как систему взаимодействующих между собой факторов до, в момент и после совершения преступления, характеризующих место, время, состав соучастников и характер их взаимоотношений с потерпевшим, наличием (отсутствием) очевидцев противоправного события и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления[6].

К преступлениям, совершаемым на морском транспорте, в морской среде, а также на территории инфраструктуры, обслуживающей морской транспорт относятся: пиратство (ст. 227 УК РФ) и морской разбой, незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), терроризм (ст. 205 УК РФ), морская контрабанда, хищения (ст. 158, 159, 160, 161, 162 УК РФ), а также преступления в сфере экономической деятельности (ст. 169 УК РФ) и т.д. Данный перечень не является исчерпывающим, т.к. преступления на море – это следствие более общей проблемы «наземной» преступности, формы и способы деятельности которой постоянно видоизменяются[7].

[1] https://www.morport.com/. Дата обращения: 16.07.2025 год.

[2] Состояние преступности в Российской Федерации. М: ГИЦ МВД России – 2024 год// https://xn – b1aew.xn – p1ai/reports/item/60248328. Дата обращения: 16.07.2025 год.

[3] Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 176.

[4] Яблоков Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики. Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 8–9.

[5] Лузгин И.М. К вопросу о теории криминалистического моделирования. Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980. С. 18.

[6] Гарифуллин И.Р. Познавательно-поисковая деятельность на первоначальном этапе расследования убийств, совершенных с особой жестокостью. Уфа, 1999. С. 37.

[7] Скаридов, А.С. Морское право. Международное публичное морское право: учебник для вузов / А.С. Скаридов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 536 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16548-7. – Текст:

Морская среда не просто является местом совершения преступления, но и активно формирует его характер, условия и обстоятельства, что делает преступления на морском транспорте и в морской среде особенно актуальными и распространенными.

Специфика морской среды как места совершения преступления характеризуется:

1. Ограниченностью пространства судна или порта, что влияет на состав участников и способы сокрытия преступления.

2. Необходимостью учета погодных условий и цикла работы судна/порта при планировании и совершении преступления.

3. Сложность установления юрисдикции.

В данной статье основное внимание будет уделено вопросу определения действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц.

Несмотря на то, что уголовно-правовое законодательство находится в ведении Российской Федерации (ст. 71 Конституции РФ[1]), расследование преступных деяний на воде требует межгосударственного и межведомственного сотрудничества.

Проблема определения юрисдикции кроется в правовом статусе пространственных пределов, критерии которых установлены Конвенцией Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по морскому праву в 1982 г. (далее – Конвенция или КМП-82), ратифицированной Российской Федерацией в 11.04.1997 г.[2]

Конвенция содержит следующее разделение морского пространства: внутренние воды, территориальное море, прилежащая зона, исключительная экономическая зона (далее – ИЭЗ), континентальный шельф и открытое море.

Относительно понятия «внутренние воды», страны-участницы Конвенции единогласно установили, что таковыми являются воды, расположенные в сторону берега от исходной линии территориального моря.

Однако Конвенция содержит диспозитивную норму касательно установления координат такой исходной линии, разделяя ее на нормальную исходную линию и прямую исходную линию.

Использование метода прямой исходной линии создает «дополнительные» внутренние воды, т.е. позволяет легитимным образом увеличить территорию распространения суверенитета[3], что не всегда является правомерным и порождает международные споры.

Имплементация статей КМП-82 в части определения морских пространств, их ширины, длины и способов измерения, в законодательные нормы, содержащиеся в Законе РФ от 01.04.1993 № 4730–1 «О Государственной границе Российской Федерации»[4] (далее – Закон о государственной границе), Федеральном законе от 31.07.1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации»[5] (далее – Закон о внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне РФ) и в Водном кодексе Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ[6] (далее – ВК РФ) и т.д. не претерпели особых изменений.

1. *Внутренние воды Российской Федерации* состоят из портов РФ и других постоянных сооружений портов, заливов, бухт, губ и лиманов, берега которых полностью принадлежат РФ или исторически принадлежат РФ.

2. *Территориальное море Российской Федерации* – это примыкающий к сухопутной территории или к внутренним морским водам морской пояс шириной 12 морских миль (в ряде случаев ширина может быть увеличена), отмеряемых от исходных линий.

И внутренние воды, и территориальное море входят в состав государственной границы Российской Федерации, а соответственно последняя распространяет на них полный суверенитет.

В одном из уголовных дел Потапов Н.В. с 01 ч 00 мин до 02 ч 55 мин 28 сентября 2016 г. направился на незаконный вылов водных биологических ресурсов. В указанный период Потапов Н.В., реализуя свой преступный умысел, направленный на незаконный вылов водных биологических ресурсов, а именно кеты осенней, и находясь на протоке Ченка р. Амур умышленно, незаконно, не имея путевки на добычу (вылов) водных биологических ресурсов, в целях личного потребления с помощью запрещенного орудия лова – рыболовной сети – произвел вылов водных биологических ресурсов: путем изъятия из среды обитания. В нарушение норм экологического законодательства завладел запретными для добычи видами водных биоресурсов[7].

В данном случае вылов был осуществлен во внутренних территориальных водах гражданином РФ, в связи с чем была применена уголовная юрисдикция России.

Что же касается преступлений, совершенных на континентальном шельфе и 200-мильной ИЭЗ Российской Федерации, которые, по сути, в состав территории РФ не входят, также подчиняются действию национального уголовного закона прибрежного государства, но в усеченном формате. А именно, прибрежное государство имеет суверенные и исключительные права на их биологические и минеральные ресурсы, а также на все виды деятельности, связанные с разведкой, разработкой и сохранением данных ресурсов. Правоотношения, которые возникают в связи с этим, регулируются российским законодательством. В остальном на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне действуют нормы и принципы международного права[8].

Основная проблема определения юрисдикции усматривается при расследовании преступлений, совершенных непосредственно на судне (в особенности в открытом море), поскольку в данном случае необходимо четко понимать его правовой статус, который складывается из: места государственной регистрации (флаг судна), порта приписки и национальности судна, а также его целевое назначение: военно-морское или гражданское.

Государственная регистрация предполагает внесение сведений в соответствующие государственные реестры[9]. В 2024 г. в реестре судов Российской Федерации значилось около 2 000 судов, что по сравнению с 2020 годом на 53% больше[10].

Национальность судна определяется государством, под флагом которого оно плавает. Это выражение его правовой принадлежности и распространения государственного суверенитета на данное судно.

Таким образом это один из важнейших нюансов и исключений, касающихся юрисдикции государства – *принцип флага,* т.е. принцип исключительной юрисдикции государства над своими судами как на территории своего государства, так и в открытом море, то есть над судами, зарегистрированными в государстве или приписанными к порту государства – вытекает из принципа свободы судоходства.

В случае совершения преступления на борту морского судна, приписанного к порту РФ, уголовная юрисдикция Российской Федерации осуществляется даже вне государственной территории России, если судно находится в международных водах. Военно-морские корабли РФ обладают исключительной экстерриториальностью (ст. 95 Конвенции), что означает применимость российского уголовного закона независимо от их местонахождения.

Для судов без флага или регистрации, оно считается не имеющим национальности, и в отношении преступлений, совершенных на борту таких судов, могут применяться другие доступные способы определения юрисдикции государства.

Важно понимать, что судовладелец не обязан быть гражданином страны флага судна, что позволило существовать такому институту, как «удобный флаг». Это привело к плаванию судна под флагом страны, отличной от страны владения, которое в то же время принимает правила, установленные этим флагом.

В связи с существующими правилами, в одном судне может быть задействовано много различных юрисдикций, что вызывает правовые коллизии в уголовном судопроизводстве.

Если же иностранное торговое судно воспользовалось правом мирного прохода (ст. 17 Закон о внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне РФ) через территориальное море РФ, то уголовная юрисдикция РФ не должна осуществляться на борту иностранного судна для ареста какого-либо лица или производства

электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/558189 (дата обращения: 16.07.2025). С. 482.

[1] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

[2] «Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву» (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982)//СПС КонсультантПлюс.

[3] Скаридов, А.С. Морское право. Международное публичное морское право: учебник для вузов / А.С. Скаридов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 536 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16548-7. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/558189 (дата обращения: 16.07.2025). С. 86.

[4] //СПС КонсультантПлюс.

[5] //СПС КонсультантПлюс.

[6] //СПС КонсультантПлюс.

[7] Канубриков Виталий Алексеевич проблемы квалификации незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-nezakonnoy-dobychi-vylova-vodnyh-biologicheskih-resursov (дата обращения: 18.07.2025).

[8] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. С. 816.

[9] Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 N 81-ФЗ//СПС КонсультантПлюс.

[10] Отраслевая газета «Водный транспорт», Выпуск № 7, дата: 15.07.2024 г.

расследования в связи с любым преступлением, совершенным на борту судна во время его прохода.

Исключениями являются случаи, предусмотренные международными нормами и национальным законодательством:

1. если последствия преступления распространяются на прибрежное государство;

2. если совершенное преступление нарушает спокойствие в стране или добрый порядок в территориальном море;

3. если капитан судна, дипломатический агент или консульский чиновник государства флага обратится к местным властям с просьбой об оказании помощи;

4. если такие меры необходимы для пресечения незаконной торговли наркотическими средствами или психотропными веществами.

Однако эти положения не затрагивают права прибрежного государства принимать любые меры, разрешаемые его законами, для ареста или расследования на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море, нарушившее его законы и правила во время пребывания этого судна на территории РФ.

Преступление считается совершенным на территории Российской Федерации, если:

– преступные действия начаты и окончены на ее территории;

– преступное деяние осуществлено на территории России, а преступный результат наступил за ее пределами;

– приготовление и покушение совершены за границей, а преступление окончено или преступный результат наступил на территории России;

– организаторская деятельность, подстрекательство, пособничество осуществлялись за границей, а исполнитель действовал на территории России;

– соучастие имело место на территории России, а исполнитель действовал за границей[1].

Преследование должно вестись по «горячим следам», то есть оно может начаться в момент, когда судно-нарушитель соответственно находится во внутренних водах, территориальном море, прилежащей зоне, в водах, покрывающих континентальный шельф, или в исключительной экономической зоне прибрежного государства, и должно осуществляться непрерывно. При этом преследование «по горячим следам» прекращается, как только преследуемое судно входит в территориальное море своей страны или третьего государства. Продолжение преследования в чужом территориальном море было бы несовместимо с суверенитетом государства, которому принадлежит это море.

Возвращаясь к пространствам открытого моря, являющегося частью морского пространства, на которую не распространяется юрисдикция ни одного государства, включая Российскую Федерацию.

Рассмотрим такой состав преступления, как пиратство (ст. 227 УК РФ).

Согласно нормам международного права, пиратством признаются насильственные акты, совершаемые в открытом море либо вне юрисдикции какого-либо государства.

По российскому законодательству интересно то, что статья о пиратстве не содержит указаний на место совершения преступления как конструктивного признака. Это позволяет рассматривать нападение на морское или речное судно как пиратство, даже если оно находится во внутренних водах государства, что, по мнению некоторых ученых, противоречит международному праву, поскольку в таких случаях действует юрисдикция прибрежного государства.

Действие статьи 227 УК РФ распространяется на акты пиратства, совершенные как на территории РФ, так и за ее пределами, включая открытое море и территориальные или внутренние воды иностранного государства. Это применимо, если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации, и если иностранные граждане, совершившие преступление, не были осуждены в иностранном государстве и подлежат уголовной ответственности на территории РФ (согласно части 3 статьи 12 УК РФ).

Например, Архангельский областной суд 24 марта 2011 года признал Б., А., Х., У., Л. и М. виновными в пиратстве за нападение на морское судно в Балтийском море вне территориальных вод какого-либо государства. Осужденные организовали захват судна, применяя насилие, оружие и угрозы, чтобы завладеть имуществом и грузом. Они подготовились заранее, распределяли роли, использовали оружие и связывали экипаж. Свидетели подтвердили наличие вооружения и подготовку к преступлению. Осужденные утверждали, что были введены в заблуждение и вынуждены выполнять указания под угрозой, однако суд признал их доводы необоснованными. Суд пришел к выводу, что преступление было тщательно спланировано организованной группой с целью завладения судном и грузом, а захват произошел вне территориальных вод Швеции или других государств. В результате нападения были повреждены навигационные системы и изменен курс судна[2].

Следует обратить внимание, что несмотря на то, что нападение на судно хоть и было совершено не в открытом море и вне иных территориальных вод, российский уголовный закон все равно признает данное действие пиратсвои и распространяет свою юрисдикцию.

Таким образом, правильное и четкое определение юрисдикции на море является фундаментальным условием для обеспечения национальной безопасности, защиты экономических интересов и эффективного противодействия транснациональной преступности, что в свою очередь требует постоянного международного сотрудничества и совершенствования национального законодательства.

Литература

1 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2 «Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву» (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982).

3 Закон РФ от 01.04.1993 № 4730–1 «О Государственной границе Российской Федерации»

4 Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации».

5 Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 N 81-ФЗ.

6 Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985.

7 Гарифуллин И.Р. Познавательно-поисковая деятельность на первоначальном этапе расследования убийств, совершенных с особой жестокостью. Уфа, 1999.

8 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021.

9 Лузгин И.М. К вопросу о теории криминалистического моделирования. Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980.

10 Скаридов, А.С. Морское право. Международное публичное морское право: учебник для вузов / А.С. Скаридов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025.

11 Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Арямов А. А., Басова Т.Б., Благов Е.В. и др.; ответственные редакторы: доктор юридических наук, профессор Ю.В. Грачева, доктор юридических наук, профессор А.И. Чучаев. – Москва: Юридическая фирма Контракт, 2017. – 382, [1] с.: 22 см – (Высшее образование. Бакалавриат).

12 Яблоков Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики. Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.

13 Канубриков Виталий Алексеевич проблемы квалификации незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44).

14 Отраслевая газета «Водный транспорт», Выпуск № 7.

15 Состояние преступности в Российской Федерации. М: ГИЦ МВД России – 2024 год.

16 Определение Верховного Суда РФ от 22.06.2011 N 1-О11–20. Действия лиц, совершивших нападение на морское судно в целях завладения чужим имуществом, квалифицированы по ст. 227 УК РФ (пиратство).

DETERMINING CRIMINAL JURISDICTION IN THE INVESTIGATION OF MARITIME AND MARINE ENVIRONMENTAL CRIMES

Miroshnik E.A.

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

This article investigates the specific features of determining the scope of application of Russian Federation criminal law in space and with respect to persons when crimes are committed on maritime transport and in the marine environment. The relevance of the topic is due to the significant volume of cargo turnover in Russia's sea basins and the prevalence of crimes against property and economic security in water transport. The paper analyzes the specific nature of the marine environment as the setting for a crime, including the limit-

[1] Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник /Арямов А. А., Басова Т.Б., Благов Е.В. и др.; ответственные редакторы: доктор юридических наук, профессор Ю.В. Грачева, доктор юридических наук, профессор А.И. Чучаев. – Москва: Юридическая фирма Контракт, 2017. – 382, [1] с.: 22 см – (Высшее образование. Бакалавриат). С. 12.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 22.06.2011 N 1-О11–20. Действия лиц, совершивших нападение на морское судно в целях завладения чужим имуществом, квалифицированы по ст. 227 УК РФ (пиратство). //СПС КонсультантПлюс.

ed space of a vessel or port infrastructure, the influence of natural conditions, and the complexity of establishing jurisdiction. Scientific approaches to the concept of a crime setting are examined, as well as the types of crimes committed on maritime transport and in the marine environment. Particular attention is paid to issues of jurisdictional demarcation in various maritime spaces in accordance with the 1982 UN Convention on the Law of the Sea and Russian legislation. The peculiarities of applying the flag state principle are analyzed, along with the procedure for exercising the criminal jurisdiction of the Russian Federation regarding crimes committed on vessels under the Russian flag, in territorial waters, the exclusive economic zone, and on the high seas. Problematic aspects of investigating crimes at sea are considered, including cases involving foreign vessels, stateless vessels, and the use of "flags of convenience." The conclusion emphasizes the necessity of clearly defining jurisdiction and developing international cooperation to enhance the effectiveness of combating crime in maritime transport.

Keywords: marine environment, crimes in maritime transport, criminal jurisdiction, operation of criminal law in space, the principle of the ship's flag, international maritime law, the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea, exclusive economic zone, territorial sea, piracy, investigation of crimes at sea, transnational crime.

References

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020).

2. "United Nations Convention on the Law of the Sea" (UNCLOS) (concluded in Montego Bay on 10.12.1982).

3. Law of the Russian Federation of 01.04.1993 No. 4730–1 "On the State Border of the Russian Federation"

4. Federal Law of 31.07.1998 No. 155-FZ "On the Internal Sea Waters, Territorial Sea, and Contiguous Zone of the Russian Federation".

5. Merchant Shipping Code of the Russian Federation of 30.04.1999 No. 81-FZ.

6. Gavlo V.K. Theoretical Problems and Practice of Applying Investigative Methodologies for Certain Types of Crimes. Tomsk, 1985.

7. Garifullin, I.R. Cognitive-search Activities at the Initial Stage of Investigation of Murders Committed with Particular Cruelty. Ufa, 1999.

8. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / K.A. Barysheva, Yu.V. Gracheva, R.O. Dolotov, et al.; edited by G.A. Esakov. 9th ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2021.

9. Luzgin, I.M. On the Theory of Forensic Modeling. Current Issues in Soviet Forensic Science. Moscow, 1980.

10. Skaridov, A.S. Maritime Law. International Public Maritime Law: Textbook for Universities / A.S. – 4th ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025.

11. Criminal Law of Russia. General and Special Parts: textbook / Aryamov A.A., Basova T.B., Blagov E.V., et al.; editors-in-chief: Doctor of Law, Professor Yu.V. Gracheva, Doctor of Law, Professor A.I. Chuchaev. – Moscow: Kontrakt Law Firm, 2017. – 382, [1] p.: 22 cm – (Higher education. Bachelor's degree).

12. Yablokov N.P. The Setting of a Crime as an Element of Its Forensic Characteristics. Forensic Characteristics of Crimes. Moscow, 1984.

13. Vitaly Alekseevich Kanubrikov, "Problems of Classifying the Illegal Extraction (Catch) of Aquatic Biological Resources" // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (44).

14. Industry newspaper "Water Transport", Issue No. 7.

15. The State of Crime in the Russian Federation. Moscow: Main Information Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024.

16. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 22, 2011, No. 1-O11–20. The actions of persons who attacked a seagoing vessel for the purpose of seizing another's property are qualified under Article 227 of the Criminal Code of the Russian Federation (piracy).

Гражданско-правовая природа торгов: теоретические подходы и проблемы существующих дефиниций

Разделкин Артем Александрович,
аспирант кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: sss8013@mail.ru

В современной цивилистике и законодательстве отсутствует единое общепримененимое определение торгов, что ведет к терминологической дивергенции и фрагментарному правовому регулированию в установленной сфере. Сведение торгов исключительно к процедуре или к способу заключения договора не отражает многогранности данного института и создает риски правовой неопределенности. В статье проанализированы существующие научные воззрения на тему исследования и разработано универсальное определение торгов. Методологическую основу работы составила совокупность диалектического и системного методов, сравнительно-правовой анализ гражданского законодательства, а также критический разбор доктринальных подходов, рассматривающих торги как юридический факт, процедуру или механизм. По итогам исследования подчеркнута важность интегративного подхода к определению сущности торгов, позволяющего рассмотреть их как многогранное правовое явление. Обоснована авторская позиция о необходимости перехода от номинального понимания торгов к содержательному, базирующемуся на состязательности и равенстве участников. В завершение сформулировано авторское определение торгов и выдвинуто предложение по дополнению статьи 447 ГК РФ соответствующей легальной дефиницией.

Ключевые слова: гражданское право, торги, сущность торгов, правовая природа, определение торгов, юридический факт, процедура, легальная дефиниция.

Введение

Понятие торгов прошло длительный путь развития, начиная от публичных церемоний, имевших сильный публично–правовой оттенок (например, в древнем Риме), до современного механизма заключения договоров, встроенного в систему частноправового регулирования. В действующем российском законодательстве торги являются одним из наиболее частых способов заключения договоров, позволяющих сочетать интересы отдельных лиц, обеспечивать прозрачность и конкурентный баланс их участников.

Однако говорить о какой-либо унификации сейчас возможным не представляется, поскольку современная экономическая и правовая действительность породила колоссальное количество разнообразных торговых процедур. В настоящее время мы видим их постоянное дробление и усложнение: аукционы, конкурсы, запросы котировок, конкурентные переговоры и т.д. Кроме того, нынешнее правовое регулирование торгов уже давно не ограничивается положениями гражданского кодекса, а распространило свое влияние и на нормы специального законодательства, в том числе земельного, об исполнительном производстве, о государственных и муниципальных закупках, а также законодательства об охране природы и животного мира.

С учетом фрагментарного и многообразного правового регулирования процедур заключения договоров через торги, остро встает вопрос о наличии единого категориального понимания самого термина «торги». Однако такое понимание в законодательстве и цивилистике все еще отсутствует, что делает избранную тему исследования весьма актуальной.

Общие нормы, регламентирующие порядок проведения торгов, содержатся в статьях 447–449 Гражданского кодекса РФ. При этом законодательная попытка дать дефиницию ограничилась лишь понятием публичных торгов.

Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 449.1 ГК РФ под публичными торгами понимаются торги, проводимые в целях исполнения решения суда или исполнительных документов в порядке исполнительного производства, а также в иных случаях, установленных законом [1].

Данное нормативное содержание вызывает обоснованную критику. Его главный недостаток заключается, во–первых, в отсутствии раскрытия ключевых характеристик, содержания и природы регулируемого явления, а во–вторых, в грубом нарушении фундаментальных канонов формальной логики и правил юридического построения дефиниций. Прежде всего это проявляется в тавтологичности определения, поскольку оно объясняет понятие «публичные торги» через само родовое понятие «торги».

В российской правовой доктрине справедливо отмечается наличие концептуального пробела, заключающегося в отсутствии общепримененимого законодательного определения категории «торги» на федеральном уровне. Действительно, как указывает К.Н. Алешин, нормативно не закреплены ни сущностные признаки данного института, ни его темпоральные рамки (то есть моменты начала и завершения процедуры), что создает обширное поле для правовой неопределенности [2, с. 47].

Вместе с тем, в самой доктрине консенсус по данной проблематике отсутствует. Дискуссия ведется вокруг самой сущности понятия: ряд авторов квалифицирует торги как уникальный правовой феномен, тогда как другие исследователи склонны рассматривать их исключительно в качестве инструментального механизма

Торги: «правовой феномен» или «правовой механизм»?

Как писала Ю.С. Турсунова, торги – «особый правовой феномен, который лежит в плоскости оснований возникновения гражданского правоотношения, по своей структуре представляющий собой особый вид юридических фактов, включающий в себя объявление о проведении торгов и фиксацию результатов торгов» [3, с. 7].

Д.Ю. Борисов, напротив, под торгами понимал «правовой механизм, обеспечивающий определенный порядок в действиях организатора и конкуренцию среди участников торгов с целью заключения договора с победителем, предложение которого признано лучшим по сравнению с другими» [4, с. 7].

По мнению автора, определение торгов как через «правовой механизм», так и через «правовой феномен» не являются абсолютно верными. В частности, категория «правовой феномен» лишена той семантической конкретики, которая критически важна для её использования в качестве родового понятия столь существенного гражданско-правового явления. Этот термин характеризуется чрезмерной степенью абстракции и содержательной аморфностью. Такая концептуальная расплывчатость делает его абсолютно несостоятельным в качестве фундамента для конструирования научной дефиниции торгов. По своей сути он сближается с такими же широкими понятиями, как «правовые средства» или «правовые явления». Кроме того, эти термины зачастую используются как взаимозаменяемые, что лишь подчёркивает их общий, неспецифический характер, недостаточный для описания такого явления, как торги.

Несколько иные, но не менее весомые возражения возникают и против использования термина «правовой механизм» в качестве родового понятия торгов. Если «правовой феномен» является категорией чрезмерно широкой и абстрактной, то «правовой механизм», напротив, неоправданно сужает сущность торгов, сводя их исключительно к функционально–инструментальной стороне.

Безусловно, торги включают в себя определённый механизм – чёткую последовательность юридически значимых действий, правовых средств и фактов, направленных на достижение конечной цели (как правило, заключение договора на наиболее выгодных условиях). Однако отождествлять всё многообразие этого сложного правового института только с его процессуальной моделью – значит игнорировать его экономическую природу и специфический субъектный состав.

Торги как юридический факт и юридическая процедура

В цивилистической доктрине можно встретить попытки осмыслить правовую природу торгов через концепцию юридического факта. Сторонники этого подхода предлагают рассматривать торги как специфический правовой факт или юридическую процедуру, инициирующую возникновение гражданских прав и обязанностей и служащую некой основной для последующего заключения договора.

Например, П.С. Тарабаев указывал: «в частно правовом аспекте, торги являются юридической процедурой (юридическим фактом), на основании которого у субъектов гражданского права возникают взаимные права и обязанности» [5, с. 15].

В.В. Саркисян также писал, что «…правоотношения, возникающие при проведении торгов, являются сложным юридическим составом, состоящим из нескольких юридических фактов, представляющих собой элементы классического механизма заключения договора (оферту и акцепт), которые, в свою очередь, являются и элементами переговорного процесса» [6, с. 33].

Однако подобная квалификация при более глубоком анализе оказывается уязвимой для критики сразу на нескольких направлениях.

Первое фундаментальное возражение заключается в том, что сведение всей сложной и многоэтапной процедуры торгов к единичному юридическому факту – недопустимое упрощение. Торги – не единичный акт, а динамический процесс: последовательность взаимосвязанных юридических действий.

Иллюстрацией этого тезиса служит алгоритм проведения процедуры: публикация информационного сообщения (оферта) легитимирует право неограниченного круга лиц ее акцептирование путем подачи заявки. Это действие, в свою очередь, императивно обязывает организатора рассмотреть поступившее предложение и допустить валидного участника к состязанию. Финальной стадией является оформление протокола, который трансформирует статус победителя, наделяя его правом требования, и возлагает на организатора встречную обязанность по финализации сделки».

Сводить всю эту последовательность к одному обобщенному «факту» –значит игнорировать сложную динамику правоотношений, возникающих и прекращающихся на каждом из этапов процедуры.

Однако, даже если признать торги сложным юридическим составом, сама по себе категория «юридический факт» оказывается теоретически бесперспективной для построения точной дефиниции, прежде всего, в силу следующих проблем:

Во–первых, концепция юридического факта, охватывает колоссальное многообразие явлений правовой действительности: от стихийных бедствий (события) до сделок и судебных решений (действия). Существует множество классификаций, выделяющих правомерные и неправомерные действия, юридические акты, поступки, факты–состояния и даже факты *sui generis* (особого рода). Простое указание на то, что торги являются «юридическим фактом», не дает никакого представления об их сущности и специфике, не отличая их от сотен других правовых явлений.

Во–вторых, предлагаемые авторами этой концепции определения не содержат квалифицирующих признаков торгов. В частности, дефиницию П.С. Тарабаева можно применить к абсолютно любой сделке. Следовательно, такая концепция не способна отразить уникальную природу именно торгов.

В–третьих, в приведенных концепциях присутствует сильный уклон на процедурный характер торгов. При этом необходимо помнить о недопустимости поставления знака равенства между «юридическим фактом» и «юридической процедурой». Процедура – это регламентированный алгоритм действий, упорядоченная система правоотношений, ориентированная на финализацию определенного результата. Факт же более примитивен, поскольку представляет собой конкретное жизненное обстоятельство.

Хотя торги, безусловно, имеют процедурный аспект, сведение их сути исключительно к процедуре также обедняет понимание этого института. Процедурный характер есть и у заключения брака, и у государственной регистрации прав, но это не делает их тождественными по своей природе. Как следствие, взгляд на торги исключительности через призму их процедурного характера не позволяет уяснить их истинную правовую природу.

В свете вышеизложенного становится очевидным, что ни категория «юридический факт» (как в единичном, так и в совокупном его понимании), ни категория «юридическая процедура» не могут служить адекватной родовой концепцией для определения торгов. Эти понятия либо чрезмерно абстрактны и не отражают специфики, либо, как и в случае описания торгов через категорию «правового механизма, описывают лишь одну из их граней (динамическую, процедурную), упуская из виду иные сущностные экономические и правовые характеристики.

Торги как специфический способ заключения договора

В современной цивилистической доктрине доминирует парадигма, рассматривающая торги в качестве специфического способа заключения договора. Эта концепция, получившая широкое признание в научном сообществе, опирается на труды целого ряда авторитетных учёных.

Сторонники данного подхода, включая таких исследователей, как М.И. Брагинский, и В.В. Витрянский, сходятся во мнении, что сущность торгов заключается в особом конкурентном порядке определения стороны будущего соглашения. По мнению ученых, торги выступают как организованное состязание, инициируемое организатором с целью селекции участника, предложившего наиболее выгодные условия [7, с. 219]. Именно с этим лицом, признанным победителем, в конечном счёте и заключается договор. Таким образом, эта модель позволяет увидеть в торгах совокупность средств, позволяющих заключить сделку на наилучших из возможных условий, что является одной из главной целью гражданского оборота в целом.

Однако, признавая теоретическую фундаментальность и прикладную значимость данной позиции, нельзя не отметить её несоответствие усложнившейся правовой действительности. Анализ норм исполнительного производства, законодательства о банкротстве и правоприменительной практики свидетельствует о том, что торги больше не могут исчерпывающе описываться лишь как способ возникновения договорных обязательств.

Например, в рамках исполнительного производства принудительные торги имеют своей целью не столько заключение договора на лучших условиях, сколько принудительное обращение взыскания на имущество должника для наиболее полного и скорейшего исполнения требований исполнительного документа. Здесь торги выступают публично–правовым механизмом принуждения, а не свободным волеизъявлением собственника. Схожая логика применяется и в процедурах банкротства: торги по реализации имущества должника также являются механизмом принуждения, направленным не на реализацию воли собственника, а на формирование конкурсной массы для справедливого и пропорционального удовлетворения требований кредиторов, защищая таким образом публичный интерес (интересы всего реестра кредиторов).

Иную, административно–публичную функцию торги выполняют в сфере государственных и муниципальных закупок. На первый взгляд, их целью является заключение контракта, однако в действительности их основная функция – обеспечение контроля за расходованием бюджетных средств. Цели здесь лежат за пределами простого договора: борьба с коррупцией, обеспечение эффективности бюджета и реализация государственной политики (например импортозамещение, что наиболее актуально в текущей политической обстановке). Сам кон-

тракт выступает лишь финалом административной процедуры, а не ее самоцелью.

Таким образом, определение торгов сугубо как способа заключения договора, оставаясь валидным для частного сектора, сегодня утратило свою универсальность.

Полиструктурный подход к осмыслению правовой сущности торгов

Для разрешения этой коллизии наука предлагает полиструктурный подход. Так, М.А. Кукла справедливо отмечает вариативность дефиниций: торги можно рассматривать триедино – как институт права (институциональный аспект), как способ заключения сделки (функциональный аспект) и как юридический факт, порождающий, изменяющий или прекращающий гражданские правоотношения (содержательный аспект) [8, с. 19–20].

Д.В. Сахабутдинова пишет, что «юридическая процедура торгов с позиции теории механизма правового регулирования может рассматриваться в трех значениях: как закрепленная в праве последовательность определенных действий по заключению договора (субинститут торгов); как сложный юридический факт, влекущий заключение договора; как совокупность встречных актов реализации субъективных прав и обязанностей (действий организаторов и участников торгов)» [9, с. 15].

Весомую лепту в изучение торгов внесла О.А. Беляева, указав на традиционность этого института гражданского права, подробно описывающий одну из процедур заключения гражданско-правовой сделки. Она также предлагает рассматривать торги в качестве универсальной правовой модели, используемой для приобретения прав самой различной природы. Развивая свою мысль, О.А. Беляева определяет торги в качестве особой юридической процедуры, выступающей как опосредующее звено в процессе предоставления субъекту какого–либо права, в том числе (но не ограничиваясь этим) права на последующее вступление в договорные обязательства [10, с. 9–10].

Такое понимание кажется наиболее подходящим при определении правовой природы торгов, поскольку оно совмещает в себе основные положения вышеобозреваемых подходов, при этом исключая их ранее описанные недостатки. Интегративный подход отражает подлинную сущность торгов как особого экономическо–правового явления, результат которого может иметь различные правовые формы и последствия.

Результаты

Реализуя научные взгляды сторонников интегративного подхода, автором настоящей работы, на основе проведенного анализа и синтеза научных воззрений, приводится следующее определение торгов, под которыми стоит понимать строго регламентированную, основанную на фундаментальных принципах состязательности и равенства ее участников совокупность средств и способов заключения договора, имеющая своей целью удовлетворение как частных, так и публичных интересов, но в любом случае влекущая возникновение, изменение или прекращение гражданско–правовых отношений.

Такое понимание торгов хоть и является достаточно объемным, все же наиболее корректно для понимания обозреваемого явления.

Прежде всего, в отличие от положений статьи 449.1 ГК РФ, оно не определяет «торги через торги», а использует родовое понятие «совокупность средств и способов», что позволяет описать торги как многогранное явление. которая включает в себя и процедуру, и волеизъявление, и итоговый результат.

Во-вторых, указание в качестве одной из целей удовлетворение публичных интересов критически важно для современной правовой и политической деятельности, где торги (закупки для государственных и муниципальных нужд, принудительная реализация имущества должника) стали инструментом государственного принуждения и антикоррупционного контроля.

В конце концов, включение в понятие таких характерных признаков, как равенство и состязательность участников позволяет исключить номинальный подход к пониманию торгов, при котором процедура считается торгами только тогда, когда она поименована в доктрине или законе соответствующим образом.

Подобный законодательный вакуум влечет за собой серьезные риски для правоприменительной практики. В частности, он порождает коллизии при квалификации тех или иных процедур в качестве торгов, что, с одной стороны, может приводить к ошибочному распространению на них соответствующего правового режима, а с другой – создавать возможность для безосновательного выведения действий, по существу являющихся торгами, из–под сферы регулирования антимонопольного законодательства.

Особую значимость в контексте исследования рисков правовой неопределенности приобретает дело, вошедшее в Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024). Предметом спора стал порядок распределения бюджетных субсидий на конкурсной основе. При рассмотрении дела нижестоящие инстанции столкнулись с проблемой квалификации процедуры отбора: суды первой и апелляционной инстанций сочли ее разновидностью торгов, применив к ней защитные механизмы антимонопольного законодательства.

Однако суд кассационной инстанции пришел к противоположному выводу, указав, что данные правоотношения носят сугубо бюджетный характер, а процедура отбора не является гражданско-правовой сделкой, следовательно, нормы о торгах к ней неприменимы. Кассация фактически приравняла конкурсный отбор к административному акту распределения средств, выведя его из-под действия законодательства о защите конкуренции.

Разрешая данную коллизию, Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ указала на ошибочность формального подхода. Верховный Суд РФ подчеркнул, что правовая природа процедуры определяется не её названием или источником финансирования, а наличием сущностного признака -состязательности. Было отмечено, что если нормативный акт устанавливает отбор на конкурентной основе, такая деятельность по своей сути тождественна торгам. Данное дело наглядно подтверждает, что в отсутствие легальной дефиниции «торгов» нижестоящие суды склонны к ограничительному, буквалистскому толкованию, что создает условия для необоснованного сужения сферы антимонопольного контроля [11].

Возвращаясь к первоначально постановленной проблеме отсутствия законодательной дефиниции торговых процедур, считается необходимым предложить соответствующие изменения законодательства. Принимая во внимание вышеизложенное, а также то, что для включения в текст закона определение должно быть лаконичным, исключающим оценочные эпитеты, но сохраняющим свою научную точность, автором предлагается дополнение статьи 447 ГК РФ пунктом 1.1 следующего содержания: «Под торгами следует понимать основанную на принципах состязательности, равенства участников и публичности деятельность организатора торгов, их участников а также иных лиц (процедуру), результатами которой является заключение гражданско-правового договора».

Подобное правовое регулирование позволило бы устранить ту законодательную и правоприменительную неопределенность в квалификации деятельности заинтересованных лиц как действий, совершенных на торгах.

Подводя итог, стоит сказать, что отсутствие единого понимания института торгов порождает риски «правовой мимикрии», позволяя выводить конкурентные процедуры из-под сферы регулирования соответствующего законодательства. В доктрине отсутствует единообразие в понимании торговых процедур, однако в ходе анализа научных воззрений было выявлено, что именно интегративный подход позволяет рассмотреть торги как многогранное юридическое явление. На основе синтеза теоретических взглядов предложено научно-теоретическое определение торгов как строго совокупности средств и способов заключения договора, базирующейся на принципах состязательности, публичности и равенства ее участников.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51–ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2025. № 31. Ст. 4669.

2. Алешин К.Н. Мнимая конкуренция на торгах: проблемы квалификации. Российское конкурентное право и экономика. 2017. № 1. С. 44–47.

3. Турсунова Ю.С. Торги как способ заключения договора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. 20 с.

4. Борисов Д.Ю. Гражданско-правовая регламентация торгов на размещение заказов для государственных и муниципальных нужд: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 31 с.

5. Тарабаев П.С. Гражданско-правовое регулирование поставки товаров для федеральных государственных нужд: автореф. дис. … канд. юрид. Екатеринбург, 2009. 28 с.

6. Саркисян В.В. Проблема применения преддоговорной ответственности к процедуре заключения договора на торгах. Конкурентное право. 2022. № 1. С. 31–34.

7. Брагинский М. И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 1: Общие положения. 2-е изд., испр. Москва: Статут, 2003. 848 с.

8. Кукла М.А. Заключение договора на торгах: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2009. 25 с.

9. Сахабутдинова Д.В. Торги как субинститут договорного права и юридическая процедура: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007. 24 с.

10. Беляева О.А. Торги: теоретические основы и проблемы правового регулирования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2012. 54 с.

11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. июль, 2024.

THE CONCEPT OF TENDERS UNDER RUSSIAN CIVIL LAW

Razdelkin A.A.
Saratov state Academy of law

In modern civil law and legislation, there is № single generally applicable definition of tenders, which leads to terminological divergence and fragmentary legal regulation in this area. Reducing tenders solely to a procedure or a method of concluding a transaction does not reflect the versatility of this institution and creates risks of legal uncertainty. The article analyzes existing scientific views on the research topic and develops a universal definition of tenders. The methodological basis of the work is a set of dialectical and systemic methods, a comparative legal analysis of civil legislation, as well as a critical analysis of doctrinal approaches that consider tenders as a legal fact, a procedure, or a mechanism. Based on the results of the study, the importance of an integrative approach to determining the essence of tenders is emphasized, allowing them to be considered as a multifaceted legal phenomenon. The author's position on the need for a transition from a nominal understanding of tenders to a substantive one based on competitiveness and equality of participants is substantiated. In conclusion, the author's definition of tenders is formulated and a proposal is made to supplement Article 447 of the Civil Code of the Russian Federation with a corresponding legal definition.

Keywords: civil law, tenders, essence of tenders, legal nature, definition of tenders, legal fact, procedure, legal definition.

References

1. Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation of № vember 30, 1994, № . 51-FZ (as amended on July 31, 2025). Collection of Legislation of the RF. 1994. № . 32. Art. 3301; 2025. № . 31. Art. 4669.

2. Aleshin K.N. Imaginary competition at auctions: problems of qualification. Russian Competition Law and Eco№ mics. 2017. № . 1. P. 44–47.

3. Tursu№ va Yu.S. Tenders as a method of concluding a contract: Author's abstract of the Cand. jurid. sci. diss. St. Petersburg, 2004. 20 p.

4. Borisov D. Yu. Civil law regulation of tenders for placing orders for state and municipal needs: Author's abstract of the Cand. jurid. sci. diss. Volgograd, 2011. 31 p.

5. Tarabaev P.S. Civil law regulation of the supply of goods for federal state needs: Author's abstract of the Cand. jurid. sci. diss. Ekaterinburg, 2009. 28 p.

6. Sarkisyan V.V. The problem of applying pre-contractual liability to the procedure for concluding a contract at auction. Competition Law. 2022. № . 1. P. 31–34.

7. Braginskii M. I., Vitryanskii V.V. Contract law. Book 1: General provisions. 2nd ed. Moscow: Statut, 2003. 848 p.

8. Kukla M.A. Concluding a contract at auction: Author's abstract of the Cand. jurid. sci. diss. Moscow, 2009. 25 p.

9. 1Sakhabutdi№ va D.V. Tenders as a sub-institute of contract law and a legal procedure: Author's abstract of the Cand. jurid. sci. diss. Kazan, 2007. 24 p.

10. Belyaeva O.A. Tenders: theoretical foundations and problems of legal regulation: Author's abstract of the Cand. jurid. sci. diss. Moscow, 2012. 54 p.

11. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № . 1 (2024) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the RF on May 29, 2024). Bulletin of the Supreme Court of the RF. № . 7. July, 2024.

Риски оборота цифровых данных: проблемы правового регулирования

Сидоров Сергей Сергеевич,
аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: ssidorov971@gmail.com

В эпоху цифровой трансформации, когда информация становится одним из ключевых ресурсов, оборот цифровых данных приобретает беспрецедентные масштабы и сложность. Настоящая статья посвящена комплексному анализу рисков, сопряженных с этим процессом, и исследованию проблем, возникающих в сфере правового регулирования. Особое внимание уделяется тому, как стремительное развитие технологий, трансграничный характер обмена данными и появление новых форм цифровых активов создают вызовы для существующего законодательства.
Цель настоящей публикации состоит в анализе рисков оборота цифровых данных в РФ, определении основных проблем правового регулирования и разработке рекомендаций для устранения этих проблем. Методы: сравнительно-правовой, анализ нормативно-правового регулирования, формально-юридический. Результаты: рассмотрены основные риски оборота цифровых данных; определены проблемы правового регулирования оборота цифровых данных; предложены пути решения проблем правового регулирования оборота цифровых данных в РФ.

Ключевые слова: блокчейн, кибератака, цифровые данные, репутационные потери, кибербезопасность, цифровизация

Введение

В современную эпоху, где цифровые данные стали новым «золотом», их оборот приобретает колоссальное значение для экономики, социальной сферы и национальной безопасности. От массивов информации, используемых в системах искусственного интеллекта, до персональных данных граждан, циркулирующих в глобальных сетях, – все эти аспекты неразрывно связаны с формированием новых рисков, требующих адекватного правового регулирования. Актуальность исследования проблем, возникающих в контексте оборота цифровых данных, обусловлена стремительным развитием технологий, появлением новых форм экономической активности и трансграничным характером информационных потоков, что ставит перед существующей законодательной базой серьезные вызовы.

Динамика развития технологий, таких как блокчейн, большие данные и нейронные сети, порождает беспрецедентные возможности, но одновременно создает и повышенные угрозы. Утечки конфиденциальной информации, кибератаки, несанкционированное использование персональных данных, нарушение прав интеллектуальной собственности в цифровой среде – все это лишь часть спектра проблем, с которыми сталкиваются как отдельные лица, так и целые государства. Несовершенство или отсутствие адекватного правового регулирования в этой области приводит к тому, что риски, связанные с оборотом цифровых данных, становятся неконтролируемыми, что подрывает доверие к цифровым системам и замедляет их поступательное развитие, ставя под угрозу как экономическую эффективность, так и социальную стабильность.

Актуальность исследования также подкрепляется необходимостью гармонизации национальных правовых систем с международными стандартами и практиками. Трансграничный характер оборота цифровых данных требует выработки унифицированных подходов к их защите и регулированию, что является сложной задачей в условиях различных правовых культур и юрисдикций. Изучение существующих проблем и разработка эффективных механизмов правового регулирования оборота цифровых данных – это не просто академический интерес, а насущная потребность, диктуемая реалиями информационного общества.

Анализ рисков оборота цифровых данных

В XXI веке понятие «цифровые данные» стало синонимом информации. Это не просто набор нулей и единиц, а структурированные пакеты информации, которые могут быть записаны, сохранены, обработаны и переданы с помощью электронных устройств. От мельчайших битов, составляющих текст электронного письма, до гигантских массивов данных Big Data, генерируемых сегодня, цифровые данные пронизывают все сферы человеческой жизни. Они лежат в основе работы интернета, мобильной связи, умных домов, систем искусственного интеллекта и, конечно же, являются двигателем цифровой экономики.

Оборот цифровых данных – это непрерывный процесс их создания, хранения, передачи, обработки и использования. Это сложная, многогранная система, охватывающая как индивидуальные транзакции, так и глобальные информационные потоки. По сути, это движение цифровой информации через различные каналы и платформы, от персонального компьютера к облачным хранилищам, от одного пользователя к другому, от одного устройства к другому. Скорость и объемы этого оборота постоянно растут, что ставит перед нами как новые возможности, так и серьезные вызовы.

Эффективный и безопасный оборот цифровых данных имеет решающее значение для функционирования современного общества. Он обеспечивает оперативность коммуникаций, доступ к знаниям, возможность принятия обоснованных решений на основе анализа информации, а также является основой для инноваций и экономического роста. Изучение механизмов оборота, обеспечение его надежности и безопасности, а также разработка эффективных инструментов для управления цифровыми потоками – вот задачи, стоящие перед специалистами в области информационных технологий, бизнеса и государственного управления.

Зачастую при обработке цифровых данных происходит нарушение прав и свобод человека. Одним из наиболее частых нарушений является несанкционированный сбор данных. Многие онлайн-сервисы

и приложения собирают больше информации, чем это необходимо для предоставления их основных функций. Эти данные могут включать историю просмотров, геолокацию, список контактов, личные сообщения и даже биометрические данные. Отсутствие прозрачности в процессах сбора информации и слабая осведомленность пользователей приводят к тому, что наши цифровые следы становятся общественным достоянием, доступным для маркетологов, рекламодателей и, в худших случаях, злоумышленников.

Другим серьезным аспектом является утечка данных. Хакерские атаки, ошибки в системах безопасности или инсайдерская деятельность могут привести к тому, что конфиденциальная информация оказывается в чужих руках. Последствия таких утечек могут быть катастрофическими: от финансового мошенничества и кражи личности до шантажа и преследования. Ощущение незащищенности своих данных порождает страх и недоверие к цифровым технологиям, ограничивая свободу самовыражения и участие в онлайн-жизни.

Е.В. Алферова [6] отмечает, что можно говорить о традиционных и новых правах, и относит к новым правам права на информационное самоопределение, информационную безопасность, защиту персональных данных, конфиденциальность, свободу самовыражения в Сети и другие.

Коммерческая тайна, включающая сведения о производственных процессах, клиентских базах, маркетинговых стратегиях, финансовых показателях и ноу-хау, представляет собой критически важный элемент конкурентоспособности. Однако стремительный рост объема обрабатываемых цифровых данных создает новые, невиданные ранее риски для сохранности этой ценной информации.

Любая операция, проводимая в цифровой среде, оставляет за собой след. От внутренней переписки сотрудников до облачных хранилищ и систем управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) – все это потенциальные точки уязвимости. Недостаточные меры информационной безопасности, ошибки сотрудников, а также целенаправленные атаки могут привести к компрометации коммерческой тайны. Важно понимать, что нарушителями могут быть не только внешние злоумышленники (конкуренты, хакеры), но и инсайдеры – сотрудники, действующие из корыстных или иных побуждений.

Утечка коммерческой тайны может иметь разрушительные последствия для бизнеса. Потеря уникальных разработок или клиентских баз может привести к снижению доли рынка, потере конкурентных преимуществ и, как следствие, к значительному финансовому ущербу. Репутационные потери, вызванные недоверием клиентов и партнеров, могут быть еще более долгосрочными и трудновосполнимыми. В некоторых случаях утечка критически важных данных может поставить под угрозу само существование компании.

Отсутствие единых стандартов хранения и обмена данными снижает эффективность применения цифровых технологий в госуправлении, в организациях бюджетной сферы и бизнесе.

Различные системы, платформы и протоколы, используемые сегодня, часто несовместимы друг с другом. Представьте себе, что каждая компания, каждый исследовательский институт, каждый государственный орган разрабатывает свои собственные форматы для хранения даже самых базовых сведений. Это приводит к тому, что данные, собранные в одном месте, невозможно без существенных трудозатрат и потерь качества использовать в другом. Процесс миграции данных становится сложным и дорогостоящим, а интеграция между различными информационными системами превращается в настоящий интеллектуальный вызов.

Последствия этого хаоса многогранны. Во-первых, страдает эффективность. Время и ресурсы, которые могли бы быть направлены на анализ данных, извлечение ценной информации и принятие обоснованных решений, тратятся на борьбу с несовместимостью форматов и протоколов. Во-вторых, возрастает риск ошибок и искажения информации. При конвертации данных из одного формата в другой неизбежно теряется часть информации или происходит ее некорректное преобразование, что может привести к ошибочным выводам и неверным управленческим решениям.

Наконец, отсутствие единых стандартов создает препятствия для инноваций и сотрудничества. Без возможности легко и безопасно обмениваться данными между различными организациями и системами, затрудняется разработка новых технологий, проведение междисциплинарных исследований и создание по-настоящему масштабируемых решений, таких как искусственный интеллект или большие данные. Мир, который мог бы двигаться вперед благодаря свободному потоку информации, оказывается скован рамками цифровой разобщенности.

Д.Ю. Двинских в своей статье «Риски развития оборота данных в государственном управлении» [9] отмечает, что отсутствие единых стандартов хранения и обмена данными и законодательной базы для разработки подобных требований может послужить серьёзным препятствием использования информационных ресурсов в госуправлении.

Также в статье говорится, что отсутствие единых требований к обороту данных снижает эффективность применения цифровых технологий не только в госуправлении, но и в организациях бюджетной сферы и бизнесе.

А. Гусев, член экспертного совета Минздрава, директор по развитию компании «К-МИС», отмечает, что отсутствие на законодательном уровне единого протокола врачебных записей приводит к использованию собственных вариантов, которые не поддаются машине обработке для составления аналитики [8].

Пользователи, предоставляя свои личную информацию, редко задумываются о том, как именно она обрабатывается, где хранится и кто имеет к ней доступ. Эта непрозрачность порождает недоверие и создает благодатную почву для потенциальных злоупотреблений.

Компании, собирающие данные, часто используют сложные и непонятные для обычного человека политики конфиденциальности. Термины вроде «анонимизация», «обезличивание», «третьи стороны» и «партнеры» могут скрывать самые разные практики. Трудно понять, какие именно данные собираются, как долго они хранятся, какие методы шифрования применяются, и насколько надежны системы, защищающие эту информацию от несанкционированного доступа. Отсутствие четких и доступных уведомлений о процессе обработки данных создает неравные условия, где одна сторона (компания) обладает полной информацией, а другая (пользователь) – лишь иллюзией контроля.

Более того, даже если данные хранятся, зачастую неясно, как они используются. Алгоритмы машинного обучения, анализирующие наше поведение, персонализированная реклама, рекомендательные системы – все это работает на основе наших цифровых следов, но точные механизмы их работы остаются закрытыми. Эта непрозрачность затрудняет понимание того, как формируются наши цифровые профили, как принимаются решения, основанные на наших данных, и как мы можем повлиять на этот процесс. В итоге, мы становимся пассивными участниками постоянно происходящего процесса, чьи личные данные используются, но влияние на этот процесс минимально.

Г.Ф. Миннебаев в исследовании «Ключевые проблемы и вызовы при внедрении цифрового следа в современной цифровой среде» [12] указывает на непрозрачность обработки данных и необходимость ответственного подхода к сбору и хранению цифровых следов.

В качестве примера можно привести утечку в Сбербанк России в 2019 году, когда в даркнете появились данные о более чем 60 миллионах клиентов, включая номера телефонов, паспортные данные, адреса, ИНН и сведения о банковских операциях. Утечка произошла из-за нарушения внутренних регламентов безопасности, а цифровые следы клиентов – в том числе транзакционные данные – оказались в открытом доступе.

Основные проблемы правового регулирования оборота цифровых данных

Одной из ключевых проблем в регулировании оборота цифровых данных в России выступает отсутствие четких законодательных рамок для цифровых прав. Законы, касающиеся цифровых технологий, во многих странах, включая США, устаревают и не отвечают современным реалиям. Американское законодательство о защите цифровых прав, например, берет начало в прошлом веке и не имеет единого, общегосударственного определения «цифрового актива». В США активно разрабатываются законы, регулирующие коммерческие цифровые активы и их налогообложение, в частности, законопроект 2023 года «Акт о финансовых инновациях и технологиях XXI века» [15] призван определить цифровые активы на законодательном уровне и регламентировать работу с ними.

Китай, напротив, сосредоточен на регулировании неимущественных цифровых прав, фактически запрещая большинство существующих цифровых активов. Особенностью китайского подхода является строгий контроль за цифровыми данными и запрет на их хранение за пределами страны, что закреплено в «Законе о кибербезопасности» [10] 2017 года.

И.М. Конобеевская [11] отмечает, что правовое регулирование, с одной стороны, закрепило понятие цифровых прав, а с другой – не определило, что именно входит в это понятие. По мнению исследователя, существует лишь потенциальная возможность распространения на криптовалюты и токены режима имущественных прав, но такой подход считается ошибочным.

Е.А. Суханов [13], в свою очередь, считает, что цифровые права можно признавать самостоятельным объектом гражданских прав, так как в отношении них могут совершаться гражданско-правовые сделки,

но их осуществление определяется по правилам цифровой платформы, в которой такие права размещены.

Так, например, В Постановлении Четвёртого арбитражного апелляционного суда от 10 августа 2023 года по делу № А58–8363/2022 [3] суд отказал в судебной защите гражданско-правовых притязаний, связанных с цифровыми валютами, указав, что в законодательстве не урегулированы отношения по поводу цифровых валют.

В Постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 октября 2024 года № Ф03–4600/2024 [4] отмечено, что в законодательстве не регламентирован государственный контроль за оборотом цифровых валют.

Однако есть и противоположные примеры из судебной практики.

Например, определением ВС РФ от 25.11.2021 № 305-ЭС21–16305 по делу № А40–160466/2020 [5] суд признал, что цифровая валюта подлежит защите как имущество в соответствии с нормами ГК РФ.

Помимо отсутствия единого понятия цифрового права, быстрое развитие технологий порождает разрыв между существующими законами и новыми вызовами. Законодательство, включая основные нормативные акты, такие как Гражданский кодекс, не успевает адаптироваться к изменяющимся условиям, что требует постоянного обновления.

Проблема кибербезопасности тесно связана с цифровизацией. Увеличение числа киберугроз, недостаточная защита данных и уязвимости программного обеспечения требуют эффективных мер. Без передового законодательства, в том числе международного, борьба с этими угрозами затруднена, в то время как чрезмерный контроль интернета может нарушать права пользователей.

А. Баландин в научной статье «Публично-правовое регулирование кибербезопасности в Российской Федерации. Применение риск-ориентированного подхода» [7] рассматривает место правового обеспечения кибербезопасности в системе национальной безопасности РФ. Предлагает системный подход, основанный на формулировании чётких юридических определений, и интеграцию правовых, технических и организационных мер.

Е.С. Шкодина и Е.Г. Шиханова в своей статье «Правовое регулирование кибербезопасности: постановка проблемы» [14] анализируют нормативно-правовые акты, регулирующие кибербезопасность, и предлагают уточнить формулировки, конкретизировать термин «кибербезопасность».

Вопрос защиты персональных данных остается актуальным, несмотря на наличие Федерального закона № 152-ФЗ [1]. Утечки данных продолжаются: в 2022 году выявлено более 150 крупных инцидентов. Ведется работа по улучшению хранения данных, а закон № 236-ФЗ [2] от 2021 года обязывает иностранные IT-компании открывать представительства в России.

Предложения по устранению проблем правового регулирования оборота цифровых данных

Отсутствие четких законодательных рамок для цифровых прав в Российской Федерации создает ряд серьезных проблем, затрагивающих как отдельных граждан, так и бизнес-сообщество. Для устранения данной проблемы рекомендуется:

1. Разработка комплексного закона о цифровых правах. Необходима разработка и принятие отдельного федерального закона «О цифровых правах», который бы систематизировал и конкретизировал существующие нормы, а также восполнил пробелы. Этот закон должен включать:

— определение и классификацию цифровых прав;
— механизмы реализации и защиты;
— обязанности участников цифрового пространства.

2. Гармонизация с международным законодательством. Важным аспектом является приведение российского законодательства в соответствие с лучшими международными практиками и стандартами в области защиты цифровых прав, такими как Общий регламент по защите данных (GDPR) Европейского Союза. Это позволит обеспечить более высокий уровень защиты прав граждан РФ и облегчит международное сотрудничество в цифровой сфере.

3. Создание специализированных органов.

Предлагается рассмотреть возможность создания или наделения полномочиями существующих государственных структур, специализирующихся на вопросах цифровых прав. Такие органы могли бы осуществлять надзор за соблюдением законодательства, заниматься правовым просвещением, а также оказывать содействие в разрешении споров.

4. Повышение правовой грамотности.

Необходимо проведение активной информационной и разъяснительной работы среди населения и представителей бизнеса о цифровых правах, способах их защиты и ответственности за их нарушение. Это позволит сформировать культуру правомерного поведения в цифровом пространстве.

Проблема кибербезопасности в обороте цифровых данных в Российской Федерации стоит особенно остро, учитывая ускоряющуюся цифровизацию всех сфер жизни и рост объемов обрабатываемой информации.

Для формирования надежной системы кибербезопасности в сфере оборота цифровых данных необходимо предпринять ряд комплексных мер. В первую очередь, требуется совершенствование законодательной базы. Это включает в себя разработку и принятие законов, детально регулирующих вопросы защиты персональных данных, криптографической защиты информации, ответственности за киберпреступления, а также устанавливающих четкие требования к обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры. Важно синхронизировать отечественное законодательство с международными нормами и стандартами, такими как ISO 27001, с целью обеспечения совместимости и доверия в глобальном цифровом пространстве.

Одним из ключевых направлений является укрепление технологического суверенитета и развитие отечественных решений в области кибербезопасности. Необходимо стимулировать разработку и внедрение российских программных и аппаратных комплексов, способных обеспечить эффективную защиту от современных угроз. Это включает инвестирование в научно-исследовательские работы, поддержку стартапов, а также формирование благоприятной среды для отечественных производителей. Применение передовых технологий, таких как искусственный интеллект и машинное обучение, для обнаружения и нейтрализации угроз, должно стать приоритетом.

Не менее важным является повышение уровня цифровой грамотности и культуры безопасности среди населения и сотрудников организаций. Проведение регулярных образовательных программ, тренингов и кампаний по информированию о рисках и способах защиты от киберугроз является критически важным. Следует внедрять обязательные программы обучения по кибергигиене для сотрудников всех уровней, а также продвигать безопасные практики использования цифровых сервисов среди граждан. Формирование ответственного отношения к своим цифровым активам и данным – основа устойчивой кибербезопасности.

Заключение

Анализ правового регулирования оборота цифровых данных выявил ряд существенных рисков, обусловленных недостаточной гибкостью и оперативностью законодательства. Стремительное развитие технологий, появление новых форм цифровых активов и трансграничный характер их оборота ставят перед правовой системой сложные задачи. Важнейшие из них связаны с определением правового статуса цифровых данных, обеспечением их защиты от несанкционированного доступа и использования, а также с разрешением споров, возникающих в процессе их оборота.

Существующая правовая база зачастую отстает от реалий цифровой экономики, создавая правовые коллизии и неопределенность. Это касается как вопросов авторского права и интеллектуальной собственности на цифровые объекты, так и проблем договорных отношений, связанных с передачей, использованием и хранением данных. Необходимость гармонизации национальных законодательств с учетом международных стандартов и лучших практик становится первостепенной задачей для снижения рисков и создания благоприятной среды для развития цифровых технологий.

Для эффективного преодоления выявленных рисков требуется комплексный подход, включающий в себя: совершенствование законодательства с целью его адаптации к быстро меняющимся условиям цифрового мира; развитие механизмов правоприменения, учитывающих специфику цифровых данных; стимулирование международного сотрудничества для выработки единых подходов к правовому регулированию; а также повышение правовой грамотности участников оборота, чтобы минимизировать риски, связанные с недостаточным пониманием правовых аспектов. Только системное решение проблем позволит обеспечить устойчивое и безопасное развитие цифровой сферы.

Литература

1. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 1.

2. Федеральный закон «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» от 01.07.2021 № 236-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 3.

3. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 10 августа 2023 г. по делу № А58–8363/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/Qo7cBnV1uyN/?ysclid=mneirxqi7511589671

4. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 октября 2024 года № Ф03–4600/2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/Qo7cBnV1uyN/?ysclid=mneirxqi7511589363

5. Определение ВС РФ от 25.11.2021 № 305-ЭС21–16305 по делу № А40–160466/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/Qo7cBnV1uyN/?ysclid=mneirxqi7511582103

6. Алферова Е.В. Информационные технологии и «цифровая» преступность / Е.В. Алферова // Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 13.

7. Баландин А. Публично-правовое регулирование кибербезопасности в Российской Федерации. Применение риск-ориентированного подхода / А. Баландин. – 2024. – № 4. – С. 156.

8. Большие, но непригодные данные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rspectr.com/articles/bolshie-no-neprigodnye-dannye?ysclid=mneienp4pl626367978

9. Двинских Д.Ю. Риски развития оборота данных в государственном управлении / Д.Ю. Двинских // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 3. – С. 27.

10. Закон о кибербезопасности Китайской Народной Республики (CSL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/cybersecurity-law-of-china-20161107

11. Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав / И.М. Конобеевская // Известия Саратовского университета. – 2019. – № 1. – С. 22.

12. Миннебаев Г.Ф. Ключевые проблемы и вызовы при внедрении цифрового следа в современной цифровой среде / Г.Ф. Миннебаев // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 3. – С. 65.

13. Суханов Е.А. Гражданское право / Е.А. Суханов. – Москва: БЕК, 2013. – 384 с.

14. Шкодина Е.С. Правовое регулирование кибербезопасности: постановка проблемы / Е.С. Шкодина, Е.Г. Шиханова // Онтологические и социокультурные основания альтернативного проекта глобализации: сборник материалов международной научной онлайн-конференции, Екатеринбург, 24–25 сентября 2020 г. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2021. – С. 378–381.

15. Financial Innovation and Technology for the 21st Century Act [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/4763

RISKS OF DIGITAL DATA TRADING: LEGAL REGULATION ISSUES

Sidorov S.S.
Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

In the era of digital transformation, when information has become a key resource, the circulation of digital data has reached unprecedented scale and complexity. This article aims to provide a comprehensive analysis of the risks associated with this process and explore the challenges that arise in the field of legal regulation. It focuses on how the rapid development of technology, the cross-border nature of data exchange, and the emergence of new forms of digital assets pose challenges to existing legislation.
The purpose of this publication is to analyze the risks associated with the circulation of digital data in the Russian Federation, identify the main issues in legal regulation, and provide recommendations for addressing these challenges. Methods: comparative legal, analysis of legal regulation, formal legal. Results: the main risks of digital data circulation are considered; the problems of legal regulation of digital data circulation are identified; ways to solve the problems of legal regulation of digital data circulation are proposed.

Keywords: blockchain, cyberattack, digital data, reputational losses, cybersecurity, digitalization

References

1. Federal'nyj zakon «O personal'nyh dannyh» ot 27.07.2006 № 152-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2024. – № 1.

2. Federal'nyj zakon «O deyatel'nosti inostrannyh lic v informa-cionno-telekommunikacionnoj seti «Internet» na territorii Rossijskoj Federacii» ot 01.07.2021 № 236-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2022. – № 3.

3. Postanovlenie Chetvertogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 10 avgusta 2023 g. po delu № A58–8363/2022 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://sudact.ru/arbitral/doc/Qo7cBnV1uyN/?ysclid=mneirxqi7511589671

4. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 17 oktyabrya 2024 goda № F03–4600/2024 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://sudact.ru/arbitral/doc/Qo7cBnV1uyN/?ysclid=mneirxqi7511589363

5. Opredelenie VS RF ot 25.11.2021 № 305-ES21–16305 po delu № A40–160466/2020 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://sudact.ru/arbitral/doc/Qo7cBnV1uyN/?ysclid=mneirxqi7511582103

6. Alferova E.V. Informacionnye tekhnologii i «cifrovaya» pre-stupnost' / E.V. Alferova // Gosudarstvo i pravo. – 2024. – № 4. – S.13.

7. Balandin A. Publichno-pravovoe regulirovanie kiberbezopasno-sti v Rossijskoj Federacii. Primenenie risk-orientirovannogo podhoda / A. Balandin. – 2024. – № 4. – S.156.

8. Bol'shie, № neprigodnye dannye [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://rspectr.com/articles/bolshie-no-neprigodnye-dannye?ysclid=mneienp4pl626367978

9. Dvinskih D. Yu. Riski razvitiya oborota dannyh v gosudarstvennom upravlenii / D. Yu. Dvinskih // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. – 2019. – № 3. – S.27.

10. Zakon o kiberbezopasnosti Kitajskoj Narodnoj Respubliki (CSL) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/cybersecurity-law-of-china-20161107

11. Konobeevskaya I.M. Cifrovye prava kak novyj ob"ekt grazhdanskih prav / I.M. Konobeevskaya // Izvestiya Saratovskogo universiteta. – 2019. – № 1. – S.22.

12. Minnebaev G.F. Klyuchevye problemy i vyzovy pri vnedrenii cifrovogo sleda v sovremennoj cifrovoj srede / G.F. Minnebaev // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. – 2025. – № 3. – S.65.

13. Suhanov E.A. Grazhdanskoe pravo / E.A. Suhanov. – Moskva: BEK, 2013. – 384 c.

14. Shkodina E.S. Pravovoe regulirovanie kiberbezopasnosti: posta-novka problemy / E.S. Shkodina, E.G. Shihanova // Ontologicheskie i socio-kul'turnye osnovaniya al'ternativnogo proekta globalizacii: sbornik mate-rialov mezhdunarodnoj nauchnoj onlajn-konferencii, Ekaterinburg, 24–25 sentyabrya 2020 g. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo UMC UPI, 2021. – S.378–381.

15. Financial Innovation and Technology for the 21st Century Act [Elek-tronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/4763

Соотношение правового режима налогового контроля за ценообразованием в рамках «контролируемых» и «не контролируемых» сделок: сходства, различия и перспективы развития

Синицын Алексей Сергеевич,
Московский гуманитарно-экономический университет
E-mail: alexey.sinitsyn@list.ru

Статья посвящена комплексному сопоставлению двух сосуществующих в российском праве режимов налогового контроля за ценообразованием: специального режима трансфертного ценообразования, применимого к контролируемым сделкам в рамках раздела V.1 НК РФ, и общего режима контроля цен через концепцию недопустимости необоснованной налоговой выгоды и статью 54.1 НК РФ в отношении неконтролируемых сделок. Анализируются нормативные основания каждого режима, критерии их применимости, методология определения рыночного уровня цен, распределение бремени доказывания, объём процессуальных гарантий налогоплательщика, санкционный механизм и критерии взаимозависимости. Особое внимание уделяется проблеме правовой определённости режима налогового контроля за ценами в неконтролируемых сделках и равенства налогоплательщиков. На основе доктрины и судебной практики последних лет показано, что параллельное функционирование двух режимов при идентичном объекте контроля (соответствие принципу arm's length) ведёт к дивергенции процессуального статуса налогоплательщиков в зависимости от формальных критериев (суммовые пороги, субъект контроля), что требует переосмысления логики разграничения сфер применения раздела V.1 НК РФ и статьи 54.1 НК РФ.

Ключевые слова: трансфертное ценообразование; контролируемые сделки; неконтролируемые сделки; общая антиуклонительная норма; необоснованная налоговая выгода; налоговый контроль цен; правовая определённость; взаимозависимые лица.

Введение

Развитие института налогового контроля за ценообразованием в российском праве привело к формированию двух параллельно функционирующих режимов: специального режима трансфертного ценообразования для контролируемых сделок (раздел V.1 НК РФ) и общего антиуклонительного режима, основанного на концепции необоснованной налоговой выгоды и закреплённого в статье 54.1 НК РФ, применяемого, в том числе, к неконтролируемым сделкам. При этом оба режима направлены на достижение одной и той же материальной цели – определение налоговой базы по совершаемыми налогоплательщиками сделкам исходя из рыночных условий, предотвращение размывания налоговой базы и искусственного перераспределения прибыли. Однако нормативная конструкция, объём процессуальных прав и обязанностей налогоплательщика, инструментарий контроля и характер санкций в этих режимах существенно различается: так, специальный режим трансфертного ценообразования характеризуется высокой степенью формализации: законодательно определены критерии контролируемости сделок, иерархия методов определения рыночного уровня цен, требования к документации, процедура уведомления и проверки, специальные штрафы и механизм симметричных корректировок. В то же время, контроль цен в неконтролируемых сделках развивается вне рамок нормативного регулирования, а на основе актов толкования общей «антиуклонительной» нормы, разъяснений со стороны Министерства финансов и ФНС России, а также прецедентных правовых позиций Верховного Суда РФ, которые, используя концепцию необоснованной налоговой выгоды как основание для налогового контроля, регулируют ценовой контроль с «опорой» на нормы Раздела V.1 НК РФ, изначально не предназначенные для «неконтролируемых» сделок.

Начиная с 2012 года в юридической доктрине подчёркивается, что расширение фактической сферы применения ценового контроля за пределы Раздела V.1 НК РФ привело к размыванию границ между общими и специальными нормами. Налоговые органы, опираясь на статью 54.1 НК РФ, фактически осуществляют ценовой контроль в неконтролируемых сделках, применяя методологию и ряд правил, установленных для контролируемых сделок, но при этом без тех процедурных рамок и гарантий, которые них предусмотрены. В результате в одной и той же налоговой системе сосуществуют две модели контроля за ценами с различной степенью формальной определённости и различным объёмом прав налогоплательщика, что затрудняет предсказуемое планирование хозяйственной деятельности и налоговых рисков.

Актуальность

Актуальность заявленной темы обусловлена усилением внимания налоговых органов к вопросам ценообразования как в трансграничных, так и во внутрироссийских операциях при одновременном усложнении и фрагментации нормативной базы. В условиях существования параллельных режимов налогового контроля за контролируемыми и неконтролируемыми сделками, несмотря на идентичный предмет контроля между ними существует большое количество различий как в логике и методологии применения, так и в объёме процессуальных гарантий и санкционных последствиях. Это ставит под вопрос соблюдение принципов правовой определённости и равенства налогоплательщиков и требует научного анализа логики разграничения сфер применения раздела V.1 и статьи 54.1 НК РФ. В этих условиях научный анализ соотношения двух режимов представляются необходимой предпосылкой для дальнейшей эволюции налогового законодательства и его приближения к стандартам правовой определённости и справедливого распределения налоговой нагрузки.

Генезис налогового контроля за ценообразованием в РФ

Первые специальные положения о контроле цен в целях налогообложения были закреплены в Налоговом кодексе РФ с 1 января 1999 года в статьях 20 и 40, которые устанавливали базовые принципы определения рыночных цен для сравнения с ценами, применяемыми налогопла-

тельщиками. Статья 20 содержала критерии взаимозависимости лиц, а статья 40 предусматривала возможность корректировки налоговой базы при отклонении цены сделки более чем на 20% от рыночного уровня, определяемого ограниченным набором методов (аналог независимой цены, метод последующей реализации, метод «затраты плюс»).

Регулирование того периода отличалось высокой общностью формулировок и значительной дискретностью применения: как отмечает А.Н. Медведев[1], система статьи 40 НК РФ носила фрагментарный характер и не обеспечивала комплексный подход к контролю трансфертного ценообразования. Существенных процедурных гарантий для налогоплательщиков, существующих на сегодняшний день (процедура уведомлений, детальная регламентация методов, возможность предварительных соглашений), также не предусматривалось.

Доктринальные исследования того периода подчеркивали несовершенство правового регулирования контроля цен. К.А. Непесов[2] в диссертации «Налоговое регулирование трансфертного ценообразования в российском и зарубежном праве» указывал на отсутствие четких критериев применения методов определения рыночной цены и на риски злоупотребления дискреционными полномочиями налоговых органов. Д.Н. Суругин[3] отмечал, что правовое регулирование налогового контроля трансфертного ценообразования в период действия статьи 40 НК РФ не соответствовало международным стандартам и создавало значительную правовую неопределенность для налогоплательщиков.

Рубежным этапом в развитии контроля за ценообразованием стало Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»[4], в котором была сформулирована одноименная концепция. Несмотря на то, что указанное Постановление не было формально посвящено контролю цен, оно заложило основу для последующего восприятия заниженных либо завышенных цен как способа получения необоснованной налоговой выгоды в совокупности с иными обстоятельствами (фиктивность контрагентов, отсутствие деловой цели и т.п.).

В результате контроль цен в некрупных и формально «неконтролируемых» сделках стал смещаться из плоскости применения статьи 40 НК РФ в плоскость комплексной оценки реальности и экономического содержания операций в рамках общей «антиуклонительной» практики. В то же время для крупных и «чувствительных» сделок постепенно формировалось понимание необходимости более формализованного, предсказуемого режима.

Ю.К. Цареградская[5] отмечает, что Постановление № 53 заложило основы для формирования института необоснованной налоговой выгоды как самостоятельного правового явления, которое впоследствии было кодифицировано в статье 54.1 НК РФ. Судебная практика периода 2006–2011 годов демонстрировала активное использование критериев Постановления № 53 для оспаривания сделок по ценовым основаниям. При этом, практика уже того периода «расслаивалась» на два вида ценового контроля – один предполагал применение ст. 40 НК РФ и порог отклонения в 20% от рыночной цены как основание для доначислений[6], второй шел по пути оценки обоснованности полученной налогоплательщиком налоговой выгоды, где цена являлась лишь способом совершения правонарушения[7].

Ключевым этапом эволюции стало принятие в июле 2011 года Федерального закона от 18.07.2011 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения», вступившего в силу с 1 января 2012 года и оформившего новый режим в виде Раздела V.1 НК РФ (Главы 14.1–14.6). Новый режим был во многом ориентирован на Рекомендации ОЭСР по трансфертному ценообразованию, введя расширенный перечень методов (включая метод сопоставимой рентабельности и метод распределения прибыли), детализированные требования к сопоставимости и документации.

С введением Раздела V.1 были нормативно закреплены понятия контролируемой сделки и взаимозависимых лиц, установлены пороговые значения доходов и специальные категории контрагентов (нерезиденты, офшорные юрисдикции и др.), при наличии которых налоговые органы получили право специальной проверки соответствия цен рыночному уровню. Одновременно произошло фактическое разграничение «контролируемых» и «неконтролируемых» сделок: первые подпали под действие формализованного режима трансфертного ценообразования, вторые остались в сфере общего налогового контроля и развивающейся доктрины необоснованной налоговой выгоды.

Таким образом, введение Раздела V.1 преследовало цель приведения российского законодательства в соответствие с международными стандартами и создания предсказуемых правил для налогоплательщиков. А.И. Задорожная[8] указывает, что реформа 2012 года представляла собой качественный скачок в развитии института налогового контроля трансфертного ценообразования, хотя и не лишена была определенных недостатков.

Вместе с тем, как справедливо замечает М.О. Какаулина[9], реформа не устранила проблему параллельного существования двух режимов контроля за ценообразованием, поскольку для неконтролируемых сделок специальный режим не был предусмотрен, а применение общих антиуклонительных норм продолжалось. Это создало основу для дальнейшего развития правового регулирования в направлении более четкого разграничения сфер действия специального и общего режимов.

Текущее правовое регулирование

Современный режим контроля цен в контролируемых сделках базируется на нормах Раздела V.1 НК РФ, которые определяют критерии взаимозависимости, перечень контролируемых сделок и методы установления соответствия цен рыночному уровню. Налоговый контроль в трансфертных сделках (ТЦО) применяется к определённому кругу *контролируемых* сделок, формализованному в ст. 105.14 НК РФ. Критерии контролируемости включают взаимозависимость сторон (ст. 105.1 НК РФ), суммовые пороги и особые характеристики контрагентов или предмета сделки (сделки с резидентами офшорных юрисдикций, с рядом специальных режимов и т.д.). Реформой, реализованной Федеральным законом от 27.11.2023 № 539-ФЗ, были существенно расширены как перечень взаимозависимых лиц (добавлены пп. 12–14 в п. 2 ст. 105.1 НК РФ, охватившие, в частности, конструкцию КИК и контролирующего лица), так и источники информации, допускаемые для обоснования рыночных цен. Разность суммовых порогов предполагает больший интерес законодателя к трансграничным сделкам: манипулирование ценами между российскими резидентами все-таки сохраняет налоговую базу внутри РФ, тогда как в трансграничных операциях перенос базы за пределы РФ влечет реальный ущерб бюджету.

Взаимозависимость лиц определяется как по формальным критериям участия в капитале, так и по возможности определяющего влияния на решения контрагента; перечень контролируемых сделок включает как операции между взаимозависимыми лицами, так и определенные категории сделок с нерезидентами и контрагентами из юрисдикций с пониженной налоговой нагрузкой, при превышении установленных порогов.

Понятие взаимозависимости, закрепленное в статье 105.1 НК РФ, охватывает широкий круг ситуаций, включая прямое и косвенное участие в капитале, управленческое влияние, семейные связи и иные обстоятельства, позволяющие одному лицу определять решения другого или осуществлять согласованные действия. С 2024–2026 годов крите-

---

[1] Медведев А.Н. Налоговый контроль за ценами. Практика применения ст. 40 НК РФ. М., 2002. 112 с.

[2] Непесов К.А. Налоговое регулирование трансфертного ценообразования в российском и зарубежном праве: диссертация кандидата юридических наук – М., 2008. – 238 с.

[3] Суругин Д.Н. Правовое регулирование налогового контроля трансфертного ценообразования: диссертация кандидата юридических наук – М., 2007. – 227 с.

[4] Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС «Консультант Плюс».

[5] Цареградская Ю.К. Институт необоснованной налоговой выгоды: проблемы правоприменения в контексте изменений российского законодательства. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019;(7). С. 82–88.

[6] Постановления Президиума ВАС РФ от 18.01.2005 № 11583/04 по делу № А06–2543у-23/03, ФАС Московского округа от 02.08.2006 № КА-А40/7000–06–2 по делу № А40–52313/05–90–397, ФАС Западно-Сибирского округа от 19.06.2006 № Ф04–4109/2005(23507-А27–40) по делу № А27–15454/2004–2, ФАС Московского округа от 04.04.2006, 28.03.2006 № КА-А40/2276–06–2 по делу № А40–35063/05–99–225, Президиума ВАС РФ от 28.10.2008 № 6272/08 по делу № А40–77926/06–111–446 и т.д. // СПС «Консультант Плюс».

[7] Постановления Президиума ВАС РФ от 27.01.2009 № 9833/08 по делу № А56–43903/2006, ФАС Московского округа от 04.02.2008 № КА-А40/13427–07–2 по делу № А40–17664/07–117–117, ФАС Московского округа от 21.01.2011 № КА-А40/16721–10 по делу № А40–30517/10–13–187, ФАС Восточно-Сибирского округа от 16.06.2011 по делу № А19–14701/10 и т.д. // СПС «Консультант Плюс».

[8] Задорожная А.И. Институт налогового контроля трансфертного ценообразования в Российской Федерации: диссертация кандидата юридических наук – Санкт-Петербург, 2017. – 270 с.

[9] Какаулина М.О. Этапы государственного регулирования трансфертного ценообразования и перспективы его развития в эпоху цифровой экономики / М.О. Какаулина, С.В. Хмура // Вестник УрФ У. Серия: Экономика и управление. 2019. Том 18. № 5. С. 681–708.

Петечел Т.А., Пенькова С.Ю. Трансфертное ценообразование: содержание налогового контроля // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. № 2. С. 96–101.

рии контролируемости постепенно расширяются, в том числе за счет признания контролируемыми сделок с иностранными контрагентами из юрисдикций с номинальной ставкой налога на прибыль 15% и ниже при превышении установленного годового лимита оборота. Это усиливает значение трансфертного регулирования для трансграничных операций и расширяет круг налогоплательщиков, обязанных соблюдать требования Раздела V.1. НК РФ. Данное расширение связано с реализацией Плана BEPS (Base Erosion and Profit Shifting) ОЭСР/G20[1] и направлено на предотвращение размывания налоговой базы.

Методология ТЦО контроля базируется на перечне методов, во многом совпадающем с подходами ОЭСР: метод сопоставимой цены, метод цены последующей реализации, метод «затраты плюс», метод сопоставимой рентабельности и метод распределения прибыли. Переход к каждому последующему методу возможен только при невозможности применения предыдущего или при его неспособности дать обоснованный ответ о соответствии цен (п. 3 ст. 105.7 НК РФ). Дополнительно установлены жёсткие требования к источникам информации (ст. 105.6 НК РФ), которые в редакции, действующей с 2024 года, расширены – теперь допускается использование данных о сопоставимых сделках взаимозависимых лиц с независимыми контрагентами. Эта система выполняет двуединую функцию: с одной стороны, обеспечивает последовательность и воспроизводимость методологии; с другой – ограничивает налоговый орган в выборе инструментов, лишая его возможности избрать наиболее удобный с доказательственной точки зрения способ расчёта в интересах большей правовой определенности и соответствия выбранного метода предмету сделки и функциональным характеристикам сторон. Стоит отметить, что введение ограничительных мер после 2022 года не сократило инструментарий налогового органа: в интервью А.В. Кадет, начальник Управления международного налогообложения ФНС России, отметила[2], что несмотря на прекращение деятельности на территории РФ ряда иностранных баз данных, предоставлявших информацию о рыночных ценах, у ФНС «*сохранился доступ к необходимым источникам информации для анализа рентабельности*», отметив, что раскрыть их наименование не позволяют санкционные риски, но доступ к этим источникам у налоговых органов сохраняется.

Выбор метода должен осуществляться исходя из сопоставимости условий сделок и доступности информации; в практике налоговых органов заметна тенденция к приоритетному применению метода сопоставимой неконтролируемой цены, особенно в отношении экспорта сырьевых товаров. В доктрине[3] отмечается ряд подходов к иерархии методов трансфертного ценообразования, соответствующих текущему правовому регулированию НК РФ, такие как *правило лучшего метода* (соответствие метода специфике сделки), *строгая иерархия методов* (возможность перехода к последующим методам только после обоснования невозможности применить предыдущий) и *комбинированный подход* (возможность смешанного применения методов в случае необходимости[4]).

В правовой доктрине существуют разные позиции относительно фактического количества методов ТЦО: так, К.К. Абрамов[5] выделяет метод экспертной оценки в качестве шестого метода ТЦО (с опорой на п. 9 ст. 105.7 НК РФ). Данный метод, в силу прямой трактовки нормы, относится к разовым сделкам, цена в которых не может быть определена прочими методами в силу специфики товара / объекта, подлежащего продаже – во-многом поэтому, он применяется при продаже объектов недвижимости, земельных участков, имущественных комплексов, долей и т.п. Стоит отметить, что для российской практики данный метод нельзя отнести к специфическому ТЦО-регулированию, хотя бы потому, что в НК РФ имеется корреспондирующая норма, предполагающая возможность проведения экспертной оценки цены в сделке в рамках проверки не только контролируемой, но и неконтролируемых сделок (ст. 95 НК РФ).

При этом, в отличие от «контролируемых» сделок, правовое регулирование которых достаточно детально закреплено Разделом V.1., Налоговый кодекс Российской Федерации не содержит положений, посвящённых налоговому контролю за ценообразованием в неконтролируемых сделках (под неконтролируемыми сделками понимаются все сделки, не соответствующие критериям ст. 105.14 НК РФ). Формальная база для проведения ценового контроля в неконтролируемых сделках складывается из нескольких, существенно различных по природе источников. Центральное место в ней занимает ст. 54.1 НК РФ, введённая Федеральным законом от 18.07.2017 № 163-ФЗ. Данная норма устанавливает общий запрет на уменьшение налогоплательщиком налоговой базы вследствие искажения сведений о фактах хозяйственной жизни (п. 1), а также формулирует позитивные условия правомерности налоговой выгоды: деловая цель сделки и её исполнение надлежащим лицом (п. 2). При этом ст. 54.1 НК РФ не называет «нерыночность» цены ни самостоятельным основанием для доначисления налога, ни достаточным признаком необоснованной налоговой выгоды – она лишь выступает правовым основанием для контроля осуществления налогового контроля по широкому спектру возможных правонарушений, к которым относится, в том числе, манипулирование ценой в сделке с целью переноса налоговой базы к субъекту с более благоприятным налоговым режимом.

Принципиально важным правовым инструментом применения антиуклонительной нормы в рамках налогового контроля за ценами служат акты административного толкования, которые исторически предшествовали появлению ст. 54.1 НК РФ и продолжают функционировать после её внедрения. Так, Минфин России еще в 2012 году в письме от 26.12.2012 № 03–02–07/1–316 констатировал, что территориальные органы вправе использовать инструменты выявления необоснованной налоговой выгоды применительно ко всем сделкам между взаимозависимыми лицами, включая те, которые формально не являются контролируемыми[6]. ФНС России развила этот подход в письме от 16.09.2014 № ЕД-4–2/18674@, закрепив алгоритм доказывания ценовых манипуляций в неконтролируемых сделках применительно к стандартным проверочным процедурам. Затем методология была существенно уточнена и систематизирована в письме ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4–7/3060@, содержащем развёрнутые рекомендации по применению ст. 54.1 НК РФ: в части ценового аргумента ведомство разграничило ситуации «схемного» завышения или занижения цены как элемента искусственной конструкции и ситуации обычного коммерческого ценообразования, указав, что последнее не подлежит переоценке в рамках общего «антиуклонительного» механизма.

В отличие от ТЦО-сделок, ценовой контроль в которых осуществляет ФНС России в силу прямого регулирования (ст. 105.17 НК РФ), в рамках ценового контроля за неконтролируемыми сделками контролирующий орган законодательно не определен. Однако, с учетом того, что такой контроль производится в рамках общего контроля за «обоснованностью» налоговой выгоды, субъектом выступают территориальные налоговые органы. В упомянутом выше Обзоре практики от 16.02.2017 Верховный Суд РФ поддерживал данный режим, сформулировав ключевое разграничение: территориальные налоговые органы не вправе осуществлять прямую ценовую проверку (то использовать цену как самостоятельное основание для доначислений), однако вправе оценивать «нерыночность» цены как обстоятельство, свидетельствующее о возможном получении необоснованной налоговой выгоды, в совокупности с другими признаками, свидетельствующими о налоговом правонарушении. Разница между этими двумя подходами является принципиальной: в первом случае цена – самостоятельный объект контроля, во втором – лишь элемент доказательственной базы. Данное разграничение было уточнено в Обзоре, утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023: суд подчеркнул, что налоговый орган при доказывании необоснованной налоговой выгоды обязан установить причинно-следственную связь между конкретными действиями налогоплательщика и налоговым ущербом бюджету, а не ограничиваться констатацией формального отклонения цены. Таким образом, режим неконтролируемых сделок формально не имеет обособленного объекта контроля – он охватывает любые сделки, не подпадающие под критерии ст. 105.14 НК РФ, если в их отношении налоговым органом выявлены факты, указывающие на совершение сторонами сделки действий, направленных на достижение необоснованной налоговой выгоды.

С процессуальной точки зрения, налоговый контроль за ценами в неконтролируемых сделках осуществляется в рамках стандартных

[1] OECD Transfer Pricing Guidelines for Multinational Enterprises and Tax Administrations 2022 // [Электронный источник] URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-transfer-pricing-guidelines-for-multinational-enterprises-and-tax-administrations-2022_0e655865-en.html (дата обращения 20.03.2026).

[2] Кадет А.В. Интервью «Мы не ставим задачу наращивать количество проверок. Главная цель – чтобы они были качественными» // Налоговед, 2025 г.

[3] Горда А.С., Горда О.С. Цели и методы трансфертного ценообразования в международном бизнесе // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2018. № 2. С. 142–152.

[4] Примером такого подхода может послужить дело № А40–241026/18–115–5363 от 19.02.2019 // [Электронный источник] URL: http://kad.arbitr.ru/Card/8b68ba4b-e763–4a7e-bade-befba0930aef (дата обращения 09.03.2026).

[5] Абрамов К.К. Правовые основы выбора метода трансфертного ценообразования // Безопасность бизнеса. 2024. № 1.

[6] Прим. Автора: стоит отметить, что в рамках налогового контроля, осуществляемого на основе общей «антиуклонительной» нормы, критерии взаимозависимости толкуются широко и сводятся больше не к формальным признакам, а к реальному влиянию сторон сделки на её условия. Например, суд признает взаимозависимыми лиц, не связанных формальными критериями статьи 105.1 НК РФ, но действовавших согласованно в рамках единой хозяйственной стратегии.

форм налогового контроля, установленных гл. 14 НК РФ: камеральной налоговой проверки (ст. 88 НК РФ) и выездной налоговой проверки (ст. 89 НК РФ). При этом налогоплательщик лишён возможности заблаговременно узнать, что именно ценовые условия его сделки станут предметом исследования: в решении о назначении выездной проверки предмет и период проверки обозначаются в общих чертах, без выделения ценового контроля как отдельного направления. Как отмечалось выше, специфика доказывания «нерыночности» цены через механизм ст. 54.1 НК РФ состоит в том, что налоговый орган обязан собрать доказательства не только самого факта отклонения цены, но и умысла либо неосторожности налогоплательщика, взаимозависимости сторон или иных признаков, квалифицирующих получение налоговой выгоды как необоснованную.

Стоит также отметить существенное различие в методологии: если, как указано выше, в режиме ТЦО применяется строго иерархизированная система методов, закреплённая в гл. 14.3 НК РФ и установлены жесткие требования к источникам, то в режиме налогового контроля за ценами в неконтролируемых сделках налоговый орган формально не связан ограничениями в исследовании «рыночности» цен. На практике используют три ключевых инструмента: методы гл. 14.3 НК РФ (применяемые по аналогии методы ТЦО); расчётный метод (пп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ) и метод экспертной оценки (в порядке ст. 95 НК РФ). При этом, судебная практика при оценке сделок, связанных с товарами, работами или услугами преимущественно склоняется к методам ТЦО, в том числе требуя от налоговых органов соблюдать установленную для них иерархию применения[1].

Вместе с тем, большая правовая определенность для налогового контроля за ТЦО сделками влечет и больший объем обязанностей: участники контролируемых сделок обязаны ежегодно уведомлять налоговый орган о совершённых сделках (ст. 105.16 НК РФ), по требованию представлять документацию, подтверждающую рыночный характер ценообразования (ст. 105.15 НК РФ), а начиная с 2024 года – раскрывать данные о цепочке создания стоимости при сделках с иностранными взаимозависимыми лицами в области биржевых товаров (п. 8 ст. 105.16 НК РФ). За непредставление документации в установленный срок предусмотрен штраф в размере 500 000 руб. (п. 3 ст. 129.11 НК РФ).

В режиме неконтролируемых сделок у налогоплательщика отсутствуют какие-либо нормативно установленные обязанности по уведомлению налогового органа о совершенных сделках и подготовке документации, обосновывающей уровень примененных цен. Однако, это создаёт ситуацию, при которой налогоплательщик, добросовестно полагающий, что его сделки не подлежат специальному контролю, оказывается фактически не подготовленным к возможным претензиям со стороны налогового органа. Бремя доказывания распределяется следующим образом: на налоговом органе лежит обязанность доказать совокупность признаков необоснованной налоговой выгоды; налогоплательщик, в свою очередь, может противопоставить доказательства рыночности применённой цены, деловой цели сделки и соответствия её формы экономическому содержанию – однако делает это ретроспективно и без опоры на заранее подготовленную документацию. Единственным инструментом превентивной защиты, которым может воспользоваться налогоплательщик в неконтролируемых сделках, является заблаговременное обоснование цены в договорных документах: отчёт независимого оценщика, анализ сопоставимых сделок, иное экономическое обоснование. Судебная практика подтверждает, что подобная документация, составленная до заключения сделки, существенно повышает шансы налогоплательщика – как, например, в деле № А12–39362/2019[2]. Однако данная возможность носит не нормативный, а сугубо рекомендательный характер.

Санкционные последствия налоговых правонарушений в сфере ценообразования также существенно различаются в зависимости от того, к какому режиму относится конкретная сделка. В режиме контролируемых сделок специальная ответственность за неуплату (неполную уплату) налога вследствие применения нерыночных цен предусмотрена ст. 129.3 НК РФ. После реформы 2023 года её содержание дифференцировано: для внутрироссийских контролируемых сделок штраф составляет 40% от неуплаченной суммы, но не менее 30 000 руб.; для контролируемых сделок с нерезидентами – 100% неуплаченной суммы дохода, указанного в абз. 1 п. 6.1 ст. 105.3 НК РФ, но не менее 500 000 руб. При этом налогоплательщик, представивший документацию по ст. 105.15 НК РФ (применительно к внутрироссийским сделкам), освобождается от ответственности по ст. 129.3 НК РФ.

Такая конструкция выполняет стимулирующую функцию – она побуждает налогоплательщика к надлежащему документированию ценообразования, гарантируя ему меньший объем риска при соблюдении процедурных требований. В режиме неконтролируемых сделок ни специальной санкции, ни освобождения при представлении документации не предусмотрено. Применяется общая норма п. 3 ст. 122 НК РФ: штраф в размере 20% (при неосторожности) или 40% (при умысле) от неуплаченной суммы налога. Как справедливо отметила В.Г. Акимова[3], это приводит к ситуации, при которой недоплата налога по неконтролируемой сделке влечёт большую ответственность, чем по контролируемой. Данная диспропорция нарушает принцип соразмерности налоговой ответственности, вытекающий из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Одним из наиболее существенных изъянов режима неконтролируемых сделок является отсутствие механизма симметричной корректировки. В рамках режима ТЦО ст. 105.18 НК РФ предоставляет другой стороне контролируемой сделки право применить цены, на основании которых ФНС России произвела корректировку налоговой базы стороны, у которой было обнаружено нарушение. Экономическая логика данного механизма очевидна: увеличение дохода одной стороны сделки при отсутствии корреспондирующего увеличения расхода у другой стороны создаёт ситуацию двойного налогообложения, экономически необоснованную и несправедливую.

В неконтролируемых сделках симметричная корректировка не предусмотрена в принципе, поскольку ст. 105.18 НК РФ в явном виде распространяется только на сделки, проверяемые ФНС России. Если территориальный орган доначисляет налог одному участнику сделки, скорректировав его доходы до рыночного уровня, контрагент не получает никакого права на корреспондирующий вычет или уменьшение налоговой базы. В результате возникает ситуация двойного учёта одной и той же суммы: у одной стороны она включена в доходы по рыночной цене (вследствие доначисления), у другой – остаётся включённой в расходы по договорной цене. Итоговая совокупная налоговая нагрузка на сделку оказывается выше, чем при принципе arm›s length.

Согласно позиции Э.Ш. Саляхутдинова[4], данное неравенство ведёт к дивергенции процессуального статуса налогоплательщиков в зависимости исключительно от суммового критерия их сделок – фактора, внешнего по отношению к существу нарушения и степени его общественной опасности. По сути, налогоплательщик со сделкой на 900 млн рублей (неконтролируемой) находится в принципиально более уязвимом процессуальном положении, нежели его конкурент со сделкой на 1 млрд рублей (контролируемой), при том, что предмет контроля является тождественным в обоих случаях.

Противопоставление формализованного режима ТЦО и оценочного режима неконтролируемых сделок в конечном счёте сводится к проблеме правовой определённости как конституционного принципа налогообложения. Конституционный Суд РФ в ряде решений (в частности, в постановлениях от 28.03.2000 № 5-П[5] и от 14.07.2023 № 41-П[6]) последовательно утверждал, что нормы, регулирующие налоговые обязательства и полномочия проверяющих, должны отличаться формальной определённостью, точностью и ясностью.

Режим ТЦО в целом соответствует данным требованиям: критерии контролируемости, методы определения цен, перечень документации, сроки проверки, размер санкций и условия освобождения от ответственности – всё это закреплено в НК РФ с высокой степенью конкретности. Налогоплательщик, вступающий в контролируемую сделку, заранее знает параметры возможного контроля и располагает нормативно установленными критериями допустимого поведения.

Режим неконтролируемых сделок лишён подобной определённости практически по всем параметрам: ни порог «многократного отклонения», ни перечень допустимых методов сравнения, ни процессуальные сроки, ни условия освобождения от ответственности в Налоговом

[1] Определение Верховного Суда РФ от 22.10.2018 № 307-КГ18–15947 по делу № А05–7708/2017 // СПС «Консультант Плюс».

[2] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 06.07.2020 № Ф06–62884/2020 по делу № А12–39362/2019 // СПС «Консультант Плюс».

[3] Акимова В.Г. Контроль за ценами в неконтролируемых сделках // Налоговед. 2013. № 8. С. 24–31.

[4] Саляхутдинов Э.Ш. Особенности налогового контроля цен в неконтролируемых сделках // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024 № 4 (22). С. 140–147.

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2000 № 5-П «По делу о проверке конституционности подпункта «к» пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации «О налоге на добавленную стоимость» в связи с жалобой закрытого Акционерного общества «Конфетти» и гражданки И.В. Савченко» // СПС «Консультант Плюс».

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2023 № 41-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 статьи 105.17 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой публичного акционерного общества «Вымпел-Коммуникации» // СПС «Консультант Плюс».

кодексе РФ не закреплены. Как констатирует Мунгалова М.С[1]., расширение фактической сферы применения ценового контроля привело к «размыванию границ» между общими и специальными антиуклонительными нормами. Результатом является диспаритет, который в доктрине всё чаще квалифицируется как нарушение принципа равенства налогоплательщиков (ст. 3 НК РФ, ст. 19 Конституции РФ): субъекты сделок с идентичным объектом контроля поставлены в принципиально неравное положение в зависимости от формального критерия – суммового порога, а не от характера или масштаба предполагаемого нарушения.

Значительным шагом к решению данной проблемы могло бы стать издание детального методического разъяснения ФНС России или Минфина России, систематизирующего подходы к контролю цен в неконтролируемых сделках, и гармонизирующее режимы налогового контроля за ценообразованием в контролируемых и неконтролируемых сделках. Д.В. Винницкий указывает[2], что в условиях отсутствия детального законодательного регулирования разъяснения налоговых органов и судебная практика де-факто становятся источниками правового регулирования, и их систематизация является необходимым условием правовой определенности. А.В. Демин[3] подчеркивает, что издание методических рекомендаций должно сопровождаться обеспечением их доступности и публичности, чтобы налогоплательщики могли планировать свою деятельность с учетом позиции налоговых органов.

Издание такого разъяснения соответствовало бы практике ФНС России по систематизации правоприменительных подходов, примером которой является упомянутое письмо от 10.03.2021 № БВ-4–7/3060@. Однако в отличие от общих разъяснений по статье 54.1 НК РФ, специализированное разъяснение по ценовому контролю должно содержать более детальные методические рекомендации и количественные критерии.

Литература

1. OECD Transfer Pricing Guidelines for Multinational Enterprises and Tax Administrations 2022 // [Электронный источник] URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-transfer-pricing-guidelines-for-multinational-enterprises-and-tax-administrations-2022_0e655865-en.html (дата обращения: 20.03.2026).

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2000 № 5-П «По делу о проверке конституционности подпункта «к» пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации «О налоге на добавленную стоимость» в связи с жалобой закрытого Акционерного общества «Конфетти» и гражданки И.В. Савченко» // СПС «Консультант Плюс».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2023 № 41-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 статьи 105.17 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой публичного акционерного общества «Вымпел-Коммуникации» // СПС «Консультант Плюс».

3. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.01.2005 № 11583/04 по делу № А06–2543у-23/03 // СПС «Консультант Плюс».

4. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС «Консультант Плюс».

5. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.10.2008 № 6272/08 по делу № А40–77926/06–111–446 // СПС «Консультант Плюс».

6. Постановление Президиума ВАС РФ от 27.01.2009 № 9833/08 по делу № А56–43903/2006 // СПС «Консультант Плюс».

7. Определение Верховного Суда РФ от 22.10.2018 № 307-КГ18–15947 по делу № А05–7708/2017 // СПС «Консультант Плюс».

8. Постановление ФАС Московского округа от 04.04.2006, 28.03.2006 № КА-А40/2276–06–2 по делу № А40–35063/05–99–225 // СПС «Консультант Плюс».

9. Постановление ФАС Московского округа от 02.08.2006 № КА-А40/7000–06–2 по делу № А40–52313/05–90–397 // СПС «Консультант Плюс».

10. Постановление ФАС Московского округа от 04.02.2008 № КА-А40/13427–07–2 по делу № А40–17664/07–117–117 // СПС «Консультант Плюс».

11. Постановление ФАС Московского округа от 21.01.2011 № КА-А40/16721–10 по делу № А40–30517/10–13–187 // СПС «Консультант Плюс».

12. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 19.06.2006 № Ф04–4109/2005(23507-А27–40) по делу № А27–15454/2004–2 // СПС «Консультант Плюс».

13. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 16.06.2011 по делу № А19–14701/10 и т.д. // СПС «Консультант Плюс».

14. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 06.07.2020 № Ф06–62884/2020 по делу № А12–39362/2019 // СПС «Консультант Плюс».

15. Абрамов К.К. Правовые основы выбора метода трансфертного ценообразования // Безопасность бизнеса. 2024. № 1.

16. Акимова В.Г. Контроль за ценами в неконтролируемых сделках // Налоговед. 2013. № 8. С. 24–31.

17. Винницкий Д.В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 397 с.

18. Горда А.С., Горда О.С. Цели и методы трансфертного ценообразования в международном бизнесе // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2018. № 2. С. 142–152.

19. Демин А.В., Молина А.Ю. Необоснованная налоговая выгода: от судебной доктрины к антиуклонительной норме // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 37–45.

20. Задорожная А.И. Институт налогового контроля трансфертного ценообразования в Российской Федерации: диссертация кандидата юридических наук – Санкт-Петербург, 2017. – 270 с.

21. Кадет А.В. Интервью «Мы не ставим задачу наращивать количество проверок. Главная цель – чтобы они были качественными» // Налоговед, 2025 г.

22. Какаулина М.О. Этапы государственного регулирования трансфертного ценообразования и перспективы его развития в эпоху цифровой экономики / М.О. Какаулина, С.В. Хмура // Вестник УрФ У. Серия: Экономика и управление. 2019. Том 18. № 5. С. 681–708.

23. Медведев А.Н. Налоговый контроль за ценами. Практика применения ст. 40 НК РФ. М., 2002. 112 с.

24. Мунгалова М.С. Взаимозависимые: как защититься от налоговой Налоговый орган установил взаимозависимость юридических лиц. Какие аргументы помогут избежать доначисления обязательных платежей // Журнал «Арбитражная практика для юристов». 2024. № 1.

25. Непесов К.А. Налоговое регулирование трансфертного ценообразования в российском и зарубежном праве: диссертация кандидата юридических наук – М., 2008. – 238 с.

26. Петечел Т.А., Пенькова С.Ю. Трансфертное ценообразование: содержание налогового контроля // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. № 2. С. 96–101.

27. Саляхутдинов Э.Ш. Особенности налогового контроля цен в неконтролируемых сделках // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024 № 4 (22). С. 140–147.

28. Соловьев Д.В., Григорьев А.И., Мочалова В.А. Мероприятия налогового контроля: неоднозначная судебная практика приводит к правовой неопределенности // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 110–117.

29. Суругин Д.Н. Правовое регулирование налогового контроля трансфертного ценообразования: диссертация кандидата юридических наук – М., 2007. – 227 с.

30. Цареградская Ю.К. Институт необоснованной налоговой выгоды: проблемы правоприменения в контексте изменений российского законодательства. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019;(7): стр. 82–88.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LEGAL REGIMES OF TAX CONTROL OVER PRICING IN «CONTROLLED» AND «UNCONTROLLED» TRANSACTIONS: SIMILARITIES, DIFFERENCES, AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Sinitsyn A.S.
Moscow University of the Humanities and Economics

The article provides a comprehensive comparative analysis of two co-existing legal regimes of price control for tax purposes in Russia: the special transfer pricing regime applicable to controlled transactions under Section V.1 of the Russian Tax Code, and the general regime of price control based on the concept of unjustified tax benefit and Article 54.1 of the Tax Code as applied to non-controlled transactions. The paper examines the normative foundations of each regime, their scope of application, methods for determining the arm's

[1] Мунгалова М.С. Взаимозависимые: как защититься от налоговой Налоговый орган установил взаимозависимость юридических лиц. Какие аргументы помогут избежать доначисления обязательных платежей // Журнал «Арбитражная практика для юристов». 2024. № 1.

Соловьев Д.В., Григорьев А.И., Мочалова В.А. Мероприятия налогового контроля: неоднозначная судебная практика приводит к правовой неопределенности // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 110–117.

[2] Винницкий Д.В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 397 с.

[3] Демин А.В., Молина А.Ю. Необоснованная налоговая выгода: от судебной доктрины к антиуклонительной норме // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 37–45.

length price, allocation of the burden of proof, the extent of procedural safeguards afforded to taxpayers, the system of sanctions, and the criteria for determining related-party status. Particular attention is paid to the issues of legal certainty within the price control regime for non-controlled transactions and to the principle of equality of taxpayers. Drawing on recent legal scholarship and case law, the article demonstrates that the parallel operation of the two regimes, given their identical object of control (compliance with the arm's length principle), leads to a divergence in the procedural status of taxpayers depending on formal criteria (transaction value thresholds, competent authority), which calls for a reconsideration of the logic used to delineate the respective scopes of Section V.1 and Article 54.1 of the Russian Tax Code.

Keywords: transfer pricing; controlled transactions; non-controlled transactions; general anti-avoidance rule; unjustified tax benefit; tax price control; legal certainty; related parties.

References

1. OECD Transfer Pricing Guidelines for Multinational Enterprises and Tax Administrations 2022 // [Electronic source] URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-transfer-pricing-guidelines-for-multinational-enterprises-and-tax-administrations-2022_0e655865-en.html (accessed 20.03.2026).

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.03.2000 № 5-P «On the case of reviewing the constitutionality of subparagraph «k» of paragraph 1 of Article 5 of the Law of the Russian Federation «On Value Added Tax» in connection with the complaint of the closed joint-stock company «Confetti» and citizen I.V. Savchenko» // SPS «Consultant Plus».

2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2023, № 41-P «On the Case Concerning the Review of the Constitutional Validity of the First Paragraph of Clause 2 of Article 105.17 of the Tax Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Vimpel-Communications Public Joint-Stock Company» // SPS «Consultant Plus».

3. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of January 18, 2005, № 11583/04 in Case № A06–2543u-23/03 // SPS «Consultant Plus».

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of October 12, 2006, № 53 «On the Assessment by Arbitration Courts of the Justification for a Taxpayer's Receipt of a Tax Benefit» // SPS «Consultant Plus».

5. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated October 28, 2008, № 6272/08 in case № A40–77926/06–111–446 // SPS «Consultant Plus».

6. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 27, 2009, № 9833/08 in case № A56–43903/2006 // SPS «Consultant Plus».

7. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 22, 2018, № 307-KG18–15947 in case № A05–7708/2017 // SPS «Consultant Plus».

8. Resolution of the FAS Moscow District dated 04.04.2006, 28.03.2006 № KA-A40/2276–06–2 in case № A40–35063/05–99–225 // SPS «Consultant Plus».

9. Resolution of the FAS Moscow District dated 02.08.2006 № KA-A40/7000–06–2 in case № A40–52313/05–90–397 // SPS «Consultant Plus».

10. Resolution of the FAS Moscow District dated 04.02.2008 № KA-A40/13427–07–2 in case № A40–17664/07–117–117 // SPS «Consultant Plus».

11. Resolution of the FAS Moscow District dated 21.01.2011 № KA-A40/16721–10 in case № A40–30517/10–13–187 // SPS «Consultant Plus».

12. Resolution of the FAS of the West Siberian District dated June 19, 2006, № F04–4109/2005(23507-A27–40) in case № A27–15454/2004–2 // SPS «Consultant Plus».

13. Resolution of the FAS of the East Siberian District dated June 16, 2011 in case № A19–14701/10, etc. // SPS «Consultant Plus».

14. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated July 6, 2020, № F06–62884/2020 in case № A12–39362/2019 // SPS «Consultant Plus».

15. Abramov K.K. Legal Basis for Selecting a Transfer Pricing Method // Business Security. 2024. № 1.

16. Akimova V.G. Price Control in Uncontrolled Transactions // Tax Expert. 2013. № 8. Pp. 24–31.

17. Vinnitsky D.V. Russian Tax Law: Theoretical and Practical Issues. St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. 397 p.

18. Gorda A.S., Gorda O.S. Objectives and Methods of Transfer Pricing in International Business // Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments. 2018. № 2. Pp. 142–152.

19. Demin A.V., Molina A. Yu. Unjustified Tax Benefit: From Judicial Doctrine to an Anti-Tax Evasion Rule // Legal Bulletin of Samara University. 2022. Vol. 8, № 4. Pp. 37–45.

20. Zadorozhnaya A.I. Institute of Tax Control over Transfer Pricing in the Russian Federation: Candidate of Law Dissertation – St. Petersburg, 2017. – 270 p.

21. Kadet A.V. Interview «We Do Not Set the Task of Increasing the Number of Audits. The Main Goal is for them to be of High Quality» // Tax Expert, 2025.

22. Kakaulina M.O. Stages of State Regulation of Transfer Pricing and Prospects for Its Development in the Era of the Digital Economy / M.O. Kakaulina, S.V. Khmura // Bulletin of UrF U. Series: Economics and Management. 2019. Vol. 18. № 5. Pp. 681–708.

23. Medvedev A.N. Tax Control over Prices. The Practice of Applying Article 40 of the Tax Code of the Russian Federation. Moscow, 2002. 112 p.

24. Mungalova M.S. Interdependent: How to Protect Yourself from the Tax Authorities. The tax authority has established the interdependence of legal entities. What arguments can help avoid additional mandatory payments // Arbitration Practice for Lawyers Magazine. 2024. № 1.

25. Nepesov K.A. Tax Regulation of Transfer Pricing in Russian and Foreign Law: Candidate of Law Dissertation – Moscow, 2008. – 238 p.

26. Petechel T.A., Penkova S. Yu. Transfer Pricing: The Contents of Tax Control // Economy and Business: Theory and Practice. 2016. № 2. Pp. 96–101.

27. Salyakhutdinov E. Sh. Features of Tax Control of Prices in Uncontrolled Transactions // Theoretical and Applied Jurisprudence. 2024. № 4 (22). Pp. 140–147.

28. Soloviev D. V., Grigoriev A.I., Mochalova V.A. Tax Control Measures: Ambiguous Judicial Practice Leads to Legal Uncertainty // Bulletin of Economic Security. 2023. № 4. Pp. 110–117.

29. Surugin D.N. Legal Regulation of Tax Control over Transfer Pricing: Dissertation of a Candidate of Legal Sciences – Moscow, 2007. – 227 p.

30. Tsaregradskaya Yu.K. Institute of unjustified tax benefit: problems of law enforcement in the context of changes in Russian legislation. Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2019; (7): Pp. 82–88.

Трансформация ответственности в системе государственного (муниципального) финансового контроля

Тельян Мишель Алиевна,
эксперт по взаимодействию с органами государственной власти и бизнес-сообществом, аспирант ОЧУВО «Международный инновационный университет»
E-mail: mishel.c.s@mail.ru

В статье проводится комплексный анализ эволюции института юридической ответственности в системе государственного и муниципального финансового контроля. Автор, опираясь на действующее законодательство России выявляет доминирование ретроспективной карательной модели, фрагментированной по видам ответственности (административная, уголовная, финансовая и др.). Доказывается, что эта модель, направленная преимущественно на наказание за свершившиеся нарушения и возмещение ущерба, не способна системно повышать эффективность управления публичными финансами. В работе предлагается концепция трансформации, основанная на интеграции видов ответственности, внедрении риск-ориентированного подхода и переориентации контроля на оценку результативности. Представлены конкретные механизмы перехода к проактивной модели, где ответственность становится инструментом управления рисками и достижения общественно значимых целей.

Ключевые слова: государственный (муниципальный) финансовый контроль, финансовая ответственность, результативность, риск-ориентированный подход, системная модель, контрольно-счетные органы, управление публичными финансами

Конституционные принципы единства бюджетной системы, эффективного использования средств (ст.ст. 71, 72, 75 Конституции РФ) и верховенства закона формируют императивную основу для строгого контроля за публичными финансами [1]. Институт юридической ответственности выступает ключевым обеспечительным элементом этого контроля, представляя собой сложный, многовидовой механизм. Классическая доктрина выделяет в данной сфере административную, уголовную, финансово-правовую (бюджетную), гражданско-правовую, дисциплинарную и материальную ответственность, каждая из которых регулируется отдельным нормативным массивом [2, Ст. 195–205.]. Однако нарастающая сложность социально-экономических задач и переход к программно-целевому управлению требуют переосмысления роли ответственности.

Цель настоящей статьи – проанализировать существующую ретроспективно-карательную модель, основанную на разрозненных видах ответственности, и обосновать необходимость ее трансформации в целостную систему, направленную на предотвращение нарушений, управление рисками и достижение публично значимых результатов на основе действующего законодательства.

Действующая система ответственности представляет собой совокупность относительно автономных правовых режимов, объединенных общим карательным и компенсационным характером:

– административная ответственность (ст. 15.14–15.15.16 КоАП РФ – нецелевое использование, нарушение сроков и пр.) регламентирует наказание за формальные нарушения бюджетного, налогового законодательства (санкции (штрафы) применяются к должностным лицам и носят исключительно ретроспективный и карательный характер, не учитывая наличие или эффективность внутренних контрольных процедур у нарушителя) [3];

– уголовная ответственность (ст. 199, 285.1, 285.2 УК РФ) является крайней мерой за грубые и крупномасштабные деяния, выполняет превентивную и карательную функции, но фокусируется на индивидуальной вине конкретного лица, оставляя вне рамок уголовного права системные управленческие и организационные просчеты, приведшие к условиям для нарушения [4];

– финансово-правовая (бюджетная) ответственность (гл. 29–30 БК РФ) реализуется через меры принуждения: блокировку расходов, изъятие средств (данные меры адресованы публично-правовым образованиям и учреждениям, носят имущественный характер и направлены на оперативное пресечение нарушений, слабо связаны с личной ответственностью руководителей за выстроенные процессы) [5];

– дисциплинарная и материальная ответственность регулируются трудовым законодательством и применяются в рамках трудовых отношений (применение зачастую является производным от фактов, выявленных в рамках иных видов ответственности, что создает правовую зависимость, но не системность).

Ключевыми системными дефектами данной конструкции автор выделяет следующие.

Во-первых, наблюдается фрагментарность и разрозненность правовых режимов. Каждый вид ответственности существует в собственной процессуальной «нише», что приводит к отсутствию прямого правового автоматизма и чёткого алгоритма взаимодействия между ними. Например, результаты проверки Счётной палаты Российской Федерации могут стать поводом для возбуждения уголовного дела или дисциплинарного производства, однако механизм такой передачи информации и правовых последствий не является системным и обязательным.

Федеральным законом № 41-ФЗ от 05.04.2013 закреплен широкий круг полномочий Счетной палаты Российской Федерации. В соответствии с данным законодательным актом, Счетная палата РФ осуществляет финансовый аудит, который включает проверку достоверности, полноты и соответствия нормативным требованиям бюджетной отчетности и финансовых операций и иные контрольные и экспертно-аналитические мероприятия.

Законодатель прямо закрепляет (ст. 26, 36 № 41-ФЗ от 05.04.2013) за Счётной палатой РФ обязанность направлять материалы проверок в правоохранительные органы, следственные комитеты или надзорные инстанции в случаях выявления признаков состава преступления, административного правонарушения или дисциплинарного проступка [6].

Однако существующий механизм трансформации аудиторских заключений в конкретные правовые последствия лишен признаков системности и безусловной обязательности. Данная ситуация формируется под влиянием нескольких институциональных и процедурных факторов.

Одним из факторов является то, что Счётная палата РФ не наделена полномочиями по возбуждению уголовных дел или применению дисциплинарных взысканий. Некоторые авторы делают акцент на ее основной функции – констатации нарушений и передаче информации [7]. Исходя и этого, между актом фиксации нарушения и актом привлечения к ответственности возникает правовой пробел, заполняемый дискреционными решениями иных государственных структур.

Другим фактором является недостаточно жёсткая процедура передачи материалов. Несмотря на наличие установленных законом сроков для направления представлений и предписаний, последующие действия получающих их органов – Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, федеральных министерств и ведомств – не синхронизированы в единый обязательный алгоритм. Каждая инстанция проводит собственную, часто весьма длительную, правовую оценку переданных материалов на предмет достаточности данных для возбуждения дела. Критерии этой оценки носят оценочный характер, что открывает пространство для ведомственного усмотрения и вариативного толкования.

Во-вторых, для системы в целом характерно преобладание карательной функции [8]. Все виды ответственности активируются постфактум, после совершения нарушения. Их главная цель заключается в наказании виновного и, частично, в возмещении причинённого ущерба. При этом профилактическая функция, направленная на выявление и устранение системных причин нарушений и выстраивание механизмов, предотвращающих ущерб в будущем, остаётся второстепенной и реализованной недостаточно [9].

В-третьих, существует фундаментальный разрыв между механизмами ответственности и управлением результативностью бюджетных расходов [10]. Ни один из существующих видов ответственности в его текущей правовой редакции не связывает применение санкций с недостижением запланированных социально-экономических результатов бюджетных программ. Следствием этого является ситуация, при которой можно формально соблюсти все процедуры закупок и отчётности, избежав таким образом наказания, но при этом потратить бюджетные средства абсолютно неэффективно, не получив ожидаемого общественного блага.

Таким образом, действующая система ответственности страдает от внутренней разобщённости, ориентирована преимущественно на исправление последствий, а не на профилактику причин нарушений, и не создаёт действенных стимулов для ответственного и результативного управления публичными финансами.

Модель управления должна быть направлена на системную интеграцию существующих видов ответственности в единый управленческий цикл видится следующим образом. Ключевая философия модели заключается в смещении акцента с карательного подхода, нацеленного на наказание за единичные ошибки, на поощрительный, стимулирующий создание эффективных управленческих систем и достижение публично значимых результатов.

Модель устанавливает четкое и дифференцированное распределение ответственности между участниками бюджетного процесса.

1. Принцип распределенной и «умной» ответственности.

Ответственность исполнителя за прямое нарушение установленных правил сохраняется в неизменном виде в рамках действующих норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) и Уголовного кодекса (УК РФ).

Усиленная ответственность руководителя за бездействие в части внедрения и обеспечения функционирования адекватной системы внутреннего финансового контроля. Для реализации данного положения требуется законодательное закрепление в КоАП РФ специального состава административного правонарушения, предусматривающего санкции за непринятие указанных мер.

Ответственность главного распорядителя бюджетных средств за качество управленческого планирования. Основанием для привлечения к ответственности должно служить установление нереалистичных, нефальсифицируемых либо не ориентированных на конечный результат показателей и целей бюджетных программ.

2. Интеграция видов ответственности на основе результатов контроля предусматривает прямую и обязательную связь между выводами внешнего контроля и управленческими, дисциплинарными и бюджетными последствиями.

– Заключение контрольно-счетного органа по итогам аудита эффективности, констатирующее недостижение запланированных результатов бюджетной программы, должно влечь за собой не административный штраф, а обязательный управленческий пересмотр данной программы. Последствиями становятся ее корректировка или прекращение. Одновременно с этим инициируется проведение служебной проверки в отношении соответствующего главного распорядителя бюджетных средств с вынесением возможного дисциплинарного взыскания.

– Выявление в ходе контрольных мероприятий системных недостатков и слабостей в организации внутреннего финансового контроля должно являться юридическим основанием для применения к учреждению специальной меры бюджетного принуждения. В качестве примера такой меры указан режим усиленного казначейского сопровождения расходов. Для руководителя данного учреждения указанные выводы должны служить основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности.

3. Внедрение стимулирующих и дифференцирующих механизмов подразумевает создание правовых и экономических стимулов для добросовестных участников бюджетного процесса:

– Наличие у организации сертифицированной и подтвержденно эффективной системы внутреннего финансового контроля должно быть законодательно закреплено в КоАП РФ в качестве формального смягчающего обстоятельства при привлечении к административной ответственности за совершение единичной технической или арифметической ошибки, не свидетельствующей о злом умысле.

– Позитивные результаты аудита эффективности, а также факты полной и своевременной реализации рекомендаций контрольно-счетных органов должны подлежать обязательному учету при принятии решений о распределении бюджетных ассигнований на последующие периоды, а также при проведении формализованной оценки эффективности деятельности руководителей соответствующих органов власти и учреждений.

Таким образом, предлагаемые решения формирует замкнутый управленческий цикл, в котором контроль перестает быть финальной карательной стадией, а становится источником обратной связи для корректировки политики, программ и системы управления. Ответственность трансформируется из персонально-карательной в распределенную и системно-стимулирующую, напрямую увязанную с качеством управления и достижением публично значимых целей.

Предлагаем следующие векторы модернизации законодательства в области государственного (муниципального) финансового контроля, которые направлены на усиление ответственности и повышение эффективности использования бюджетных средств.

В БК РФ предлагается введение новой меры принуждения за неудовлетворительное состояние системы внутреннего финансового контроля, выявленное в ходе внешнего аудита. Целесообразно закрепить правовые последствия заключения о неэффективности расходов, установив, что такое заключение должно служить основанием для обязательного перераспределения или изъятия соответствующих бюджетных ассигнований.

В Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предлагается включить новую статью, которая будет устанавливать ответственность за неисполнение руководителем государственного или муниципального учреждения обязанности по обеспечению функционирования системы внутреннего финансового контроля. Предлагается дополнение примечаний к статьям 15.14–15.15.16 КоАП РФ указанием, что наличие действенной системы ВФК признается обстоятельством, смягчающим административную ответственность.

В законодательство об органах финансового контроля, регулируемое Федеральными законами № 6 и № 41, предлагается внести изменения для более четкой регламентации процедуры аудита эффективности: необходимо определить конкретные критерии оценки результативности и установить порядок использования итогов такого аудита органами исполнительной и законодательной власти. Также предлагается установить обязательность рассмотрения представительными органами заключений органов о результативности программ при принятии решений о бюджете.

Подводя итог, можно констатировать, что трансформация ответственности в сфере государственного (муниципального) финансового контроля из ретроспективно-карательного инструмента в элемент системы управления результативностью является насущной необходимостью. Существующая многовидовая, но фрагментированная модель, закрепленная в БК РФ, КоАП РФ и УК РФ, выполняет важные, но ограниченные функции сдерживания и компенсации. Реализация потенциала, заложенного в законах о контрольной деятельности требует их синтеза через:

– интеграцию разрозненных видов ответственности в единый управленческий цикл «планирование-исполнение-контроль-корректировка»;

– перераспределение акцентов ответственности с карательных санкций к лицу на превентивные меры к организации и ее руководству;
– внедрение дифференциации и стимулирования на основе оценки рисков и качества внутренних контрольных систем;
– жесткую привязку контрольных выводов к бюджетному процессу и кадровым решениям.

Предложенные изменения в законодательство направлены на создание целостной правовой среды, где финансовая ответственность перестает быть лишь «мечом правосудия» за прошлые ошибки, а становится «инструментом архитектора» для строительства более эффективной, прозрачной и результативной системы управления публичными финансами.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Ашмарина, Е.М. Финансовое право: учебник для вузов / под редакцией Е.М. Ашмариной, Е.В. Тереховой. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 361 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Российская газета, № 256, 31.12.2001. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.01.2026).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.01.2026).
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3823. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.12.2025).
6. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О Счетной палате Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 08.04.2013.
7. Цапина, Т.А. Конституционно-правовые функции и статус Счетной палаты Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 2. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-funktsii-i-status-schetnoy-palaty-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 03.04.2026).
8. Коцюрко, Е.П. Профилактика нарушений обязательных требований: административно-правовое содержание и перспективы развития в системе государственного контроля (надзора) в сфере высшего образования // Юридические исследования. 2025. № 6. С. 1–13. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74624 (дата обращения: 03.04.2026).
9. Станислав Бычков: «Планируется четко увязать понятие «нецелевое использование бюджетных средств» с понятием «ущерб» // Официальный сайт справочно-правовой системы от 8 ноября 2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.garant.ru/interview/990528/ (дата обращения: 03.04.2026).
10. Яруллин, Р.Р., Тришина, И.А. Проблемы разграничения доходов между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 11 (часть 2) С. 299–308. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://vaael.ru/ru/article/view?id=3857 (дата обращения: 03.04.2026).

TRANSFORMATION OF RESPONSIBILITY IN THE SYSTEM OF STATE (MUNICIPAL) FINANCIAL CONTROL

Telyan M.A.
International Innovation University

The article provides a comprehensive analysis of the evolution of the institution of legal responsibility in the system of state and municipal financial control. The author, relying on the current legislation of Russia, reveals the dominance of the retrospective punitive model, fragmented by types of responsibility (administrative, criminal, financial, etc.). It is proved that this model, which is mainly aimed at punishing violations and compensating for damages, is not capable of systematically improving the efficiency of public finance management. The paper proposes a concept of transformation based on the integration of types of responsibility, the introduction of a risk-based approach and the reorientation of control to performance assessment. Specific mechanisms for the transition to a proactive model are presented, where responsibility becomes a tool for managing risks and achieving socially significant goals.

Keywords: state (municipal) financial control, financial responsibility, effectiveness, risk-based approach, system model, control and accounting authorities, public finance management

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Ashmarina, E.M. Financial law: a textbook for universities / edited by E.M. Ashmarina, E.V. Terekhova. – 5th ed., revised and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2026. – 361 p.
3. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 30.12.2001 № 195-FZ (as amended on 28.11.2025) // Rossiyskaya Gazeta, № 256, 31.12.2001. [Electronic resource] Access mode: https://www.consultant.ru (date of request: 06.01.2026).
4. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 20.02.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, № 25, art. 2954. [Electronic resource] Access mode: https://www.consultant.ru (date of request: 06.01.2026).
5. Budget Code of the Russian Federation dated 31.07.1998 № 145-FZ (as amended on 28.11.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 03.08.1998, № 31, art. 3823. [Electronic resource] Access mode: https://www.consultant.ru (date of reference: 06.12.2025).
6. Federal Law № 41-FZ dated 05.04.2013 (as amended on 10.07.2023) «On the Accounts Chamber of the Russian Federation» // Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 08.04.2013.
7. Tsapina, T.A. Constitutional and legal functions and status of the Accounts Chamber of the Russian Federation // Problems of economics and legal practice. 2015. № 2. [Electronic resource] Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-funktsii-i-status-schetnoy-palaty-rossiyskoy-federatsii (date of request: 03.04.2026).
8. Kotsyurko, E.P. Prevention of violations of mandatory requirements: administrative and legal content and development prospects in the system of state control (supervision) in the field of higher education // Legal research. 2025. № 6. Pp. 1–13. [Electronic resource] Access mode: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74624 (date of request: 03.04.2026).
9. Stanislav Bychkov: «It is planned to clearly link the concept of «misuse of bugetary funds» with the concept of «damage» // Official website of the legal reference system dated November 8, 2016 [Electronic resource] Access mode: https://www.garant.ru/interview/990528 / (date of access: 03.04.2026).
10. Yarullin, R.R., Trishina, I.A. Problems of income differentiation between the budgets of the budgetary system of the Russian Federation // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. № 11 (part 2) Pp. 299–308. [Electronic resource] Access mode: https://vaael.ru/ru/article/view?id=3857 (date of request: 03.04.2026).

Досудебный порядок и судебная нагрузка в условиях повышения госпошлин: экономико-правовой анализ статистики 2023, 2024, 2025 годов

Федоров Александр Александрович,
ЧОУ ВО «Международный юридический институт»

Статья посвящена анализу влияния повышения государственных пошлин связи с принятием ФЗ – 259, внесенного в Государственную думу РФ 18 марта 2024 года на судебную нагрузку и правовое поведение участников гражданского оборота в Российской Федерации. На основе сравнительного анализа судебной статистики за первые полугодия 2023, 2024 и 2025 годов автор исследует динамику поступления исковых заявлений, принятия их к производству, а также показатели апелляционного и кассационного обжалования.

Особое внимание уделяется институту медиации. Статистические данные демонстрируют его периферийное положение: доля медиативных соглашений не превышает 0,006% от общего количества дел, принятых к производству. Автор обосновывает, что сведение досудебного урегулирования исключительно к медиации методологически несостоятельно. В правовой системе функционируют более востребованные механизмы: претензионный порядок, обращение к финансовому уполномоченному, мировое соглашение, судебное примирение.

Ключевые слова: досудебный порядок, судебная нагрузка, государственные пошлины, федеральный закон, правовая определенность, медиация.

18 марта 2024 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 577665–8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» (далее ФЗ – 259), который предусматривал в том числе внесение изменений в ст. 333.19 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ): увеличение государственных пошлин при обращении в суд всех хозяйствующих субъектов.

Анализ новых ставок государственной пошлины показывает их кратное увеличение по всем ключевым категориям дел. В судах общей юрисдикции (ст. 333.19 НК РФ) пошлина по неимущественным искам для физических лиц выросла с 300 до 3 000 руб., то есть в 10 раз; для организаций – с 6 000 до 20 000 руб. (в 3,3 раза). По имущественным искам с ценой до 100 000 руб. пошлина увеличилась с 4% от цены иска (минимум 400 руб.) до фиксированных 4 000 руб., что в зависимости от цены иска может означать рост до 10 раз. Еще более существенное (кратное) увеличение размера государственной пошлины предусмотрено для апелляционного и кассационного производства: апелляционная жалоба для физических лиц подорожала с 150 до 3 000 руб. (в 20 раз), для организаций – с 3 000 до 30 000 руб. (в 10 раз); кассационная жалоба для физических лиц – с 150 до 5 000 руб. (в 33 раза), для организаций – с 3 000 до 50 000 руб. (в 16,7 раза). Кассационная (надзорная) жалоба в Верховный Суд РФ для организаций теперь составляет 80 000 руб., что в 26,7 раза выше прежней ставки.

С точки зрения О.В Камардиной, «Данная мера в рамках повышения государственных пошлин не только отвечает тенденциям инфляционных процессов, роста расходов судов, но и необходимости поиска у субъектов права альтернативных способов разрешения юридических конфликтов, а главное – их избегания посредством исполнения обязательств. Это, в свою очередь, не только повлияет на разгрузку судебной системы, но и уменьшит сроки рассмотрения дел»[1].

Однако для понимания динамики обращения субъектов в суды как до повышения пошлин, так и после, необходимо обратится к судебной статистике судов общей юрисдикции всех уровней.

Поскольку в настоящее время отсутствуют показатели за полный 2025 год, при этом опубликована статистика за первое полугодие 2025 года, предлагается сравнить аналогичные периоды за 2023[2], 2024[3], 2025[4] год. За основу берутся показатели поступивших исковых заявлений и принятых (табл. 1).

Как следует из данных таблицы, в первом полугодии 2025 года наблюдается устойчивый тренд на снижение нагрузки на судебную систему. Количество дел, поступивших в отчетном периоде, сократилось до 10 541 169, что на 26,0% ниже показателя 2024 года (14 242 152) и на 22,7% ниже показателя 2023 года (13 629 317). Аналогичная тенденция прослеживается в отношении дел, принятых к производству: в 2025 году данный показатель составил 9 085 099, тогда как в 2024 году он достигал 12 607 740. При этом необходимо отметить,

[1] См.: Камардина Ольга Владимировна, Клейменова Татьяна Николаевна ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РОСТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОШЛИН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ // Вестник Академии права и управления. 2024. № 6 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-vozmozhnye-posledstviya-rosta gosudarstvennyh-poshlin-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 26.03.2026).

[2] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции: Форма № 2. Раздел № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел по первой инстанции». За 6 месяцев 2023 г. (итоги по всем судам общей юрисдикции) // [Электронный ресурс] URL: cdep.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[3] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции: Форма № 2. Раздел № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел по первой инстанции». За 6 месяцев 2024 г. (итоги по всем судам общей юрисдикции) // [Электронный ресурс] URL: cdep.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[4] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции: Форма № 2. Раздел № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел по первой инстанции». За 6 месяцев 2025 г. (итоги по всем судам общей юрисдикции) // [Электронный ресурс] URL: cdep.ru (дата обращения: 20.03.2026).

что в 2023 году показатель принятых к производству дел (6 916 521) существенно ниже показателя поступивших дел (13 629 317), что объясняется особенностями учета и распределения дел в различных судебных подсистемах.

Таблица 1. Сравнительная таблица показателей

Показатель	1 полугодие 2023 года	1 полугодие 2024 года	1 полугодие 2025 года
Поступило дел в отчетном периоде	13 629 317	14 242 152	10 541 169
Остаток неоконченных дел на начало года	817 771	869 097	862 908
Принято к производству	6 916 521	12 607 740	9 085 099
Рассмотрены с вынесением решения (судебного приказа)	13 073 565	13 694 056	10 083 221

Если в 2023–2024 гг. наблюдался незначительный рост показателя поступления исков (увеличение на 4,5%), то в первом полугодии 2025 года произошло резкое падение на 26–27%. Данная динамика позволяет говорить о структурном изменении в объеме обращений граждан и организаций в суды.

Показатель остатка неоконченных дел на начало года демонстрирует относительную стабильность: 817 771 в 2023 г., 869 097 в 2024 г. и 862 908 в 2025 г. Незначительные колебания данного показателя свидетельствуют о том, что судебная система поддерживает устойчивый уровень незавершенного производства, несмотря на существенные изменения в объеме входящего потока.

Количество дел, рассмотренных с вынесением решения (включая судебные приказы), в 2025 году составило 10 083 221, что на 26,4% ниже показателя 2024 года (13 694 056) и на 22,9% ниже показателя 2023 года (13 073 565).

Для формирования комплексного и методологически корректного вывода о влиянии повышения государственных пошлин на судебную нагрузку и правовое поведение участников процесса представляется необходимым включить в анализ показатель количества обжалованных судебных решений (апелляционное, кассационное обжалование) за первые полугодия 2023, 2024 и 2025 годов, поскольку данный анализ позволит верифицировать гипотезу о том, что повышение пошлин не только сократило первичные обращения, но и повлияло на последующие стадии судопроизводства. А также поможет выявить возможные латентные эффекты фискальной политики в сфере правосудия и определить, является ли снижение судебной нагрузки однонаправленным процессом или же происходит перераспределение споров из судов первой инстанции в вышестоящие.

Согласно сведениям судебной статистики за первые полугодия 2023[1], 2024[2], 2025[3] годы в нашем распоряжении имеются следующие данные (табл. 2)

Таблица 2. Показатель обжалуемых решений в апелляционную инстанцию

Показатель	1 полугодие 2023 года	1 полугодие 2024 года	1 полугодие 2025 года
Поступило в отчетном периоде (без возврата из кассационной инстанции)	371 947	359 081	286 264
Окончено дел за отчетный период	348 271	333 294	194 662

Таким образом, наблюдается устойчивая тенденция к снижению количества апелляционных жалоб, поступающих в суды. При этом темпы сокращения ускоряются: если в 2024 году снижение было умеренным (3,5%), то в 2025 году оно достигает 20,3%, что коррелирует с общим трендом сокращения судебной нагрузки, зафиксированным по делам первой инстанции (табл. 3).

Показатель оконченных дел демонстрирует аналогичную направленность. В первом полугодии 2023 года окончено 348 271 дело, в 2024 году – 333 294 (снижение на 4,3%), в 2025 году – 194 662 (снижение на 41,6% относительно 2024 года и на 44,1% относительно 2023 года).

Таблица 3. Количество обжалуемых решений в кассационную инстанцию

Показатель	1 полугодие 2023 года	1 полугодие 2024 года	1 полугодие 2025 года
Поступило в отчетном периоде (всего)	172 617	171 591	139 341
Рассмотрено жалоб и представлений (всего)	137 465	137 834	113 019

В первом полугодии 2023 года[4] в кассационную инстанцию поступило 172 617 жалоб. В 2024 году[5] показатель незначительно снизился до 171 591 (уменьшение на **0,6%**), что свидетельствует о практической стабильности потока кассационных обращений в указанный период. В первом полугодии 2025 года[6] зафиксировано более заметное сокращение – до 139 341, что на 18,8% ниже показателя 2024 года и на 19,3% ниже показателя 2023 года.

Таким образом, в кассационной инстанции также наблюдается снижение количества поступивших жалоб, однако оно проявляется с определенным запаздыванием: в 2024 году снижение было минимальным (менее 1%), тогда как значительное сокращение (почти 19%) происходит только в 2025 году.

В целях выявления тенденций судебной нагрузки и оценки влияния повышения государственных пошлин, произошедшего в 2024 году, представляется целесообразным сопоставить ключевые показатели движения дел за первые полугодия 2023, 2024 и 2025 годов. Анализ включает данные о количестве дел, рассмотренных с вынесением решения (судебного приказа) в судах первой инстанции, а также о числе жалоб, поступивших в апелляционную и кассационную инстанции. Соотношение указанных показателей позволит определить динамику обжалуемости судебных актов и охарактеризовать изменения в правовом поведении участников судопроизводства в исследуемый период. Результаты сопоставления представлены в таблице ниже.

Таблица 4. Соотношение обжалований к количеству рассмотренных дел с вынесением решения

Показатель	1 полугодие 2023 года	1 полугодие 2024 года	1 полугодие 2025 года
Рассмотрено с вынесением решения (судебного приказа)	13 073 565	13 694 056	10 083 221
Поступило апелляционных жалоб	371 947	359 081	286 264
Поступило кассационных жалоб	172 617	171 591	139 341
Всего обжалований (апелляция + кассация)	544 564	530 672	425 605

Как следует из представленных данных, абсолютное количество как апелляционных, так и кассационных жалоб в первом полугодии 2025 года существенно сократилось. Зафиксировано снижение апелляционных жалоб в период повышения госпошлин в 2024 году на 20,3%; кассационные жалобы на 18,8%; общее количество обжалований на 19,8%.

[1] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции: Форма № 7. Раздел № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел в апелляционном порядке». За 6 месяцев 2023 г. (итоги по всем судам общей юрисдикции) // [Электронный ресурс] URL: cdep.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[2] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции: Форма № 7. Раздел № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел в апелляционном порядке». За 6 месяцев 2024 г. (итоги по всем судам общей юрисдикции) // [Электронный ресурс] URL: cdep.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[3] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции: Форма № 7. Раздел № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел в апелляционном порядке». За 6 месяцев 2025 г. (итоги по всем судам общей юрисдикции) // [Электронный ресурс] URL: cdep.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[4] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции: Форма № 9. Раздел № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел в кассационном порядке». За 6 месяцев 2023 г. (итоги по всем судам общей юрисдикции) // [Электронный ресурс] URL: cdep.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[5] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции: Форма № 9. Раздел № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел в кассационном порядке». За 6 месяцев 2024 г. (итоги по всем судам общей юрисдикции) // [Электронный ресурс] URL: cdep.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[6] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции: Форма № 9. Раздел № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел в кассационном порядке». За 6 месяцев 2023 г. (итоги по всем судам общей юрисдикции) // [Электронный ресурс] URL: cdep.ru (дата обращения: 20.03.2026).

Таблица 5. Расчетные показатели обжалуемости (в процентах)

Показатель обжалуемости	1 полугодие 2023 года	1 полугодие 2024 года	1 полугодие 2025 года	Изменение 2025 к 2024	Изменение 2025 к 2023
Доля апелляционных обжалований	2,84%	2,62%	2,84%	0,22 п.п.	0,00 п.п.
Доля кассационных обжалований	1,32%	1,25%	1,38%	0,13 п.п.	0,06 п.п
Общая доля обжалований (апелляция + кассация)	4,16%	3,87%	4,22%	0,35 п.п.	0,06 п.п.

Примечание: расчет произведен как отношение количества поступивших жалоб к количеству дел, рассмотренных с вынесением решения в соответствующем периоде. П.п. – процентный пункт.

Предварительный анализ позволяет предположить, что повышение госпошлин привело к снижению активности обжалования.

Однако при сопоставлении с количеством дел, рассмотренных с вынесением решения (которые также сократились на 26,4% в 2025 году), выявляется иная картина:

1) Доля апелляционных обжалований в 2023 году составляла 2,84%, в 2024 году снизилась до 2,62%, а в 2025 году вернулась к уровню 2,84%. Таким образом, относительно 2024 года доля апелляционных обжалований выросла на 0,22 процентного пункта.

2) Доля кассационных обжалований демонстрирует устойчивый рост: с 1,32% в 2023 году до 1,38% в 2025 году (рост на 0,06 п.п.), причем наиболее заметный прирост (0,13 п.п.) произошел именно в 2025 году.

3) Общая доля обжалований (апелляция + кассация) в 2025 году составила 4,22%, что выше показателя 2024 года (3,87%) и незначительно выше показателя 2023 года (4,16%). Рост относительно 2024 года составил 0,35 процентного пункта.

На основании вышеизложенных данных, их анализа и выводов, нами доказан тезис о том, что повышение госпошлин не привело к желаемому снижению потока обжалований. Напротив, зафиксирован рост. Это означает, что если в 2024 году обжаловалось 3,87% вынесенных решений, то в 2025 году – уже 4,22%.

С нашей точки зрения, повышение госпошлин на стадии подачи иска привело к тому, что в суды первой инстанции поступают преимущественно более значимые (с высокой ценой иска) и сложные дела, стороны которых обладают большими ресурсами и более мотивированы на обжалование неблагоприятного решения. Таким образом, структура споров изменилась в сторону «обжалуемости» дел.

Пошлина за подачу апелляционной и кассационной жалобы традиционно ниже, чем за подачу искового заявления. Для стороны, уже вовлеченной в судебный процесс и понесшей издержки, обжалование может восприниматься как менее затратная альтернатива повторному обращению в суд первой инстанции.

В условиях сокращения потока дел и возможной переориентации судов на ускоренное рассмотрение оставшихся споров, качество мотивировки решений могло снизиться, что провоцирует стороны на обжалование. Однако данная гипотеза требует дополнительной проверки.

Сокращение количества вынесенных решений (знаменателя) при менее значительном сокращении абсолютного числа обжалований (числителя) автоматически ведет к росту процентной доли. В 2025 году количество решений снизилось на 26,4%, а количество обжалований – на 19,8%, что и обусловило рост относительного показателя.

Таким образом, повышение госпошлин в 2024 году выступает значимым фактором сокращения судебной нагрузки, однако одновременно способствует развитию институтов досудебного и внесудебного разрешения споров, что в долгосрочной перспективе может свидетельствовать о позитивных изменениях в правовой культуре участников оборота.

Проведенный анализ судебной статистики за первые полугодия 2023–2025 гг. в контексте внесенных ФЗ – 259 изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации (кратное увеличение ставок государственных пошлин) позволяет сформулировать обоснованный вывод о том, что наблюдаемые процессы объективно способствуют повышению значимости досудебного порядка урегулирования споров. Данный тезис подтверждается несколькими взаимосвязанными эмпирическими закономерностями.

Досудебное урегулирование споров не может быть сведено исключительно к институту медиации, равно как и оценка его эффективности не может ограничиваться анализом динамики медиативных соглашений.

Медиация, несмотря на ее формальное закреплении в ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[1], представляет собой лишь один из элементов обширной системы альтернативных способов разрешения правовых конфликтов. Истинная эффективность досудебного порядка определяется не столько количеством заключенных медиативных соглашений (которые, как свидетельствует статистика, остаются на периферии судебной практики), сколько наличием единого, системного и легитимного правового регулирования всех досудебных процедур – от претензионного порядка до переговоров и обращения к уполномоченным органам. Фрагментарность действующего законодательства и подмена нормативного регулирования разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ приводят к системному кризису, преодоление которого возможно лишь через принятие самостоятельного федерального закона «О досудебном порядке урегулирования споров».

Однако, для объективной оценки роли медиации в структуре судебного разбирательства представляется целесообразным рассмотреть относительные показатели, характеризующие долю медиативных процедур в общем массиве поступивших и принятых к производству исковых заявлений. Расчетные данные представлены в таблице 6 ниже.

Таблица 6. Соотношение медиативных соглашений с количеством поступивших и принятых к производству исковых заявлений

Период	Количество медиаций	Доля медиаций к поступившим	Доля медиаций к принятым
1 полугодие 2023 года	446	0,00327%	0,00376%
1 полугодие 2024 года	513	0,00360%	0,00411%
1 полугодие 2025 года	538	0,00510%	0,00592%

Представленные статистические данные за первые полугодия 2023[2], 2024[3] 2025[4] гг. убедительно свидетельствуют о том, что медиация не стала массовым инструментом разрешения споров. Доля медиативных соглашений как по отношению к поступившим искам (0,00510% в 2025 г.), так и по отношению к принятым к производству делам (0,00592% в 2025 г.) остается крайне низкой, не превышая 0,006% на протяжении всего исследуемого периода.

При этом даже рост относительных показателей (доля медиаций к принятым делам увеличилась в 1,57 раза) обусловлен преимущественно экстенсивным фактором – сокращением знаменателя (общего числа дел, принятых к производству), а не качественным изменением правового поведения сторон.

Сведение досудебного урегулирования к медиации методологически несостоятельно. В рамках правовой системы Российской Федерации функционирует широкий спектр досудебных процедур, включающих:

1) Претензионный порядок.

2) Переговоры сторон, выступающие наиболее гибкой и распространенной формой внесудебного взаимодействия.

3) Обращение к уполномоченным органам (финансовый уполномоченный, уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг).

---

[1] См.: Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ: с изм. вступ. в силу 26.07.2019 // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162; СЗ РФ. – 2019. – № 30. – Ст. 4099.

[2] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции: Форма № 2. Раздел № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел по первой инстанции». За 6 месяцев 2023 г. (итоги по всем судам общей юрисдикции) // [Электронный ресурс] URL: cdep.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[3] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции: Форма № 2. Раздел № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел по первой инстанции». За 6 месяцев 2024 г. (итоги по всем судам общей юрисдикции) // [Электронный ресурс] URL: cdep.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[4] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции: Форма № 2. Раздел № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел по первой инстанции». За 6 месяцев 2025 г. (итоги по всем судам общей юрисдикции) // [Электронный ресурс] URL: cdep.ru (дата обращения: 20.03.2026).

4) Судебное примирение и мировое соглашение, которые, в отличие от медиации, обладают силой судебного акта и возможностью принудительного исполнения.

Мы полагаем, что низкий показатель медиативных соглашений также обусловливается наличием альтернативного и процессуально закреплённого в правовой культуре и процессуальной практике инструмента – мирового соглашения, поскольку оно утверждается судом, имеет силу судебного акта и обладает рядом преимуществ, снижающих мотивацию сторон к обращению к медиативным процедурам, так как медиативное соглашение может иметь статус исполнительного листа только в случае утверждения его нотариусом.

Мировое соглашение обладает процессуальными преимуществами перед результатами медиации, поскольку заключается под контролем суда и обеспечено возможностью принудительного исполнения в рамках исполнительного производства. Его правовая природа воспринимается как обладающая более высокой юридической определенностью и окончательностью по сравнению с результатом медиации, который не имеет преюдициального значения и не наделён изначально исполнительной силой без последующей процедуры утверждения его нотариусом.

Кроме того, ключевым фактором, ограничивающим востребованность медиации, является сохранение за сторонами безусловного права на судебную защиту. Сама по себе медиация, будучи добровольной и не препятствующей последующему обращению в суд, не создаёт для участников спора стимулов к её использованию в качестве обязательной альтернативы разбирательству. Напротив, наличие мирового соглашения позволяет сторонам не только завершить спор без передачи его на рассмотрение суда, но и получить судебный акт, обладающий свойствами общеобязательности, неопровержимости (при отсутствии оснований для обжалования) и процессуальной надёжности.

Вместе с тем, мировое соглашение предполагает наличие инициации спора: предъявления искового заявления, возбуждение гражданского дела, заслушивание позиции ответчика и так далее, однако мы предлагаем полную регламентацию досудебного порядка на уровне Федерального закона, который ориентирован на начальную стадию правового конфликта – до момента возбуждения производства по делу.

Особого внимания в контексте медиации заслуживают семейные споры за аналогичный период, поскольку государство стремится к снижению бракоразводных процессов, что следует из Распоряжения Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 № 615 – Р[1], которым была утверждена Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности (далее – Стратегия). Одной из заявленных целей Стратегии является популяризация института добровольного посредничества (медиации) при разрешении семейно-правовых споров с акцентом на сохранение семейных взаимоотношений. При этом нормативно-правовой акт прямо оговаривает, что обязательный характер досудебного урегулирования семейных споров не предусматривается, что согласуется с доктринальным пониманием медиации как исключительно добровольной процедуры.

Анализ статистических данных за первые полугодия 2023, 2024 и 2025 годов свидетельствует о выраженной тенденции к сокращению количества семейных споров, рассматриваемых судами. Если в первом полугодии 2023 года их число составляло 511 862, то к аналогичному периоду 2025 года показатель снизился до 369 887, что представляет собой сокращение на 27,7%. Данная динамика коррелирует с общим трендом снижения судебной нагрузки.

Методологической проблемой является отсутствие категориальной разбивки и как следствие не позволяет определить, какая доля из 538 соглашений приходится на бракоразводные процессы, а какая – на экономические, трудовые или иные категории дел.

Вместе с тем, было бы преждевременным делать категоричный вывод о принципиальной неэффективности медиации как инструмента разрешения семейных споров в долгосрочной перспективе, так как Стратегия рассчитана до 2036 года.

Одной из ключевых проблем регулирования досудебного порядка, является подмена регламентации процедур не законодательным актом, а разъяснениями, отраженными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 18 от 22.06.2021 года «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» (далее – Пленум)[2].

Однако, разъяснения Пленума в соответствии со ст. 76 Конституции РФ и ст. 3 ФЗ «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» не являются нормативными правовыми актами и не могут устанавливать общеобязательные правила поведения. Они носят лишь разъяснительный характер для правоприменительной практики и не способны восполнить системные пробелы в законодательном регулировании досудебного порядка. Фактическое замещение законодательного регулирования судебными разъяснениями противоречит принципу разделения властей и создает правовую неопределенность.

Анкетирования судей первой инстанции на всех девяти кассационных округах, выявило критически высокий уровень поддержки идеи принятия специального федерального закона. Поддержку данной инициативы выразили 67,2% респондентов, указав, что это поможет устранить правовую неопределенность и унифицировать практику применения досудебного порядка. Дополнительные 19,8% судей поддержали идею принятия закона при условии детальной регламентации процедур и требований.

На основании проведенного анализа статистических данных за первые полугодия 2023–2025 гг., а также теоретического и эмпирического анализа можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, сведение досудебного урегулирования споров к институту медиации является методологически необоснованным. Медиация, несмотря на ее формальное законодательное закрепление, занимает периферийное положение в российской судебной системе (доля не превышает 0,006%) и не может рассматриваться в качестве основного или единственного индикатора эффективности досудебного порядка. Многообразие форм досудебного урегулирования – претензионный порядок, переговоры, обращение к уполномоченным органам, мировое соглашение, судебное примирение – требует комплексного правового регулирования, учитывающего специфику каждой процедуры и их взаимосвязь.

Во-вторых, фрагментарность и противоречивость действующего правового регулирования досудебного порядка, выражающиеся в разрозненности нормативных источников, отсутствии единых процедурных стандартов и неравномерности правоприменительной практики, создают системный кризис, который не может быть преодолен путем точечных изменений или судебных разъяснений. Пленум, будучи актом судебного толкования, не обладает легитимностью нормативного правового акта и не способно восполнить пробелы законодательного регулирования.

В-третьих, практическая несостоятельность текущей модели подтверждается как статистическими данными (устойчивый рост судебной нагрузки, высокий процент нарушений досудебного порядка – до 80% в отдельных регионах, увеличение процессуальных и экономических издержек участников судопроизводства, так и результатами эмпирического исследования мнений судей (67,2% поддержали необходимость принятия федерального закона).

Таким образом, необходимым и достаточным условием для повышения эффективности досудебного урегулирования споров является принятие самостоятельного федерального закона «О досудебном порядке урегулирования споров», который должен:

1. Установить единые принципы, виды и формы досудебного урегулирования споров;
2. Детально регламентировать претензионный порядок (требования к форме, содержанию, срокам и способам направления претензий);
3. Создать правовую основу для цифровизации досудебных процедур (единая федеральная платформа);
4. Унифицировать процессуальные последствия несоблюдения досудебного порядка;
5. Установить специальные правила для отдельных категорий споров (семейные, трудовые, корпоративные, интеллектуальная собственность);
6. Обеспечить ведение дифференцированной статистики, позволяющей объективно оценивать эффективность различных видов досудебных процедур.

Литература

1. Камардина О. В., Клейменова Т.Н. Причины и возможные последствия роста государственных пошлин в Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2024. № 6 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-vozmozhnye-posledstviya-rosta-gosudarstvennyh-poshlin-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 26.03.2026).

2. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://cdep.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 № 615-Р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года».

[2] См.: О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства: постановление Пленума Верховного Суда от 22.06.2021 № 18 // Российская газета. 2021. № 144.

3. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»: федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (с изм. вступ. в силу 26.07.2019) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 № 615-Р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

5. «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 // Российская газета. – 2021. – № 144.

PRE-TRIAL PROCEDURE AND JUDICIAL BURDEN IN THE CONTEXT OF INCREASED STATE DUTIES: ECONOMIC AND LEGAL ANALYSIS OF STATISTICS FOR 2023, 2024, 2025

Fyodorov A.A.
International Law Institute

The article is devoted to the analysis of the impact of the increase in state duties due to the adoption of FZ – 259, submitted to the State Duma of the Russian Federation on March 18, 2024, on the judicial burden and legal behavior of participants in civil turnover in the Russian Federation. Based on a comparative analysis of judicial statistics for the first six months of 2023, 2024 and 2025, the author examines the dynamics of the receipt of claims, their acceptance for production, as well as the indicators of appeal and cassation appeal. Special attention is paid to the institute of mediation. Statistical data demonstrate its peripheral position: the share of mediation agreements does not exceed 0.006% of the total number of cases accepted for trial. The author argues that reducing pre-trial settlement exclusively to mediation is methodologically untenable. There are more in-demand mechanisms in the legal system: a claim procedure, an appeal to a financial commissioner, a settlement agreement, and judicial reconciliation.

Keywords: Pre-trial procedure, judicial burden, state duties, federal law, legal certainty, mediation.

References

1. Kamardina, O. V., Kleymenova, T. N., «Reasons and Possible Consequences of the Increase in State Duties in the Russian Federation.» Bulletin of the Academy of Law and Management. 2024. № 6 (81). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-vozmozhnye-posledstviya-rosta-gosudarstvennyh-poshlin-v-rossiyskoy-federatsii (Accessed: March 26, 2026).

2. Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. Available at: https://cdep.ru/ (Accessed: March 20, 2026).

3. «On the Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)»: Federal Law of July 27, 2010 № 193-FZ (as amended and entered into force on July 26, 2019) [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus».

4. Order of the Government of the Russian Federation of March 15, 2025 № 615-R «On Approval of the Action Strategy for the Implementation of Family and Demographic Policy, Support for Large Families in the Russian Federation until 2036» [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus».

5. «On Certain Issues of Pre-Trial Settlement of Disputes Considered in Civil and Arbitration Proceedings»: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 22, 2021 № 18 // Rossiyskaya Gazeta. – 2021. – № 144.

Социальные функции государства в сфере реализации права на жилище отдельных категорий граждан

Филянина Ирина Михайловна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент, заведующий кафедрой «Публичное, частное и транспортное право», Дальневосточный государственный университет путей сообщений

В статье представлен анализ конституционных положений, закрепляющих социальный характер государства в Российской Федерации, исходя из внутренних функций государства; обосновывается конституционная природа России как реального социального государства действующей системой нормативно-правового регулирования; позиция автора подтверждается правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам существующих конституционных гарантий реализации прав граждан, в том числе права на жилище отдельных категорий граждан; вскрывается проблема отсутствия в отечественном законодательстве исчерпывающего перечня отдельных категорий лиц, имеющих подобное право, что приводит к злоупотреблению в сфере реализации данного права; на примере Хабаровского края – субъекта Российской Федерации описаны полномочия органов государственной власти по исследуемому вопросу; отсылка к специализированному жилищному фонду актуализирует проблему предоставления благоустроенных жилых помещений специализированного государственного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений для отдельной категории лиц.

Ключевые слова: государство, правовое государство, социальная защита, достойная жизнь, компетенция законодателя, отдельные категории граждан, социально незащищенный слой населения, жилище, специализированный жилищный фонд.

Введение

Термин государство довольно сложный и включает в себя обширное содержание. Даже при довольно однозначной трактовке этого явления, тем не менее многие авторы различные аспекты выделяют в качестве определяющих. В частности, обратившись к словарю С. Ожегова можно встретить определение государства как «основную политическую организацию общества, осуществляющую его управление, охрану его экономической и социальной структуры» [1]. Помимо данного определение обратимся к более традиционному для юриста пониманию государства как «государство – это механизм управления обществом, разносторонними социальными сферами и процессами, представляющими систему государственных органов и соответствующих материальных средств, необходимых для выполнения его задач и функций» [2. С. 99]. Именно здесь социальное назначение государства акцентируется на роли государства в обществе и степени вмешательства государства в жизнь общества, при этом указывается на предопределение задач государства посредством социального назначения, устанавливаются задачи государства как проблемы, стоящие перед обществом на том или ином этапе его развития, требующие разрешения государством.

Неслучайно функции государства авторы под руководством профессора Клишаса А.А. описывают как основные направления его деятельности с целью управления делами общества, выражающие его сущность и социальное назначение. В этом контексте просматривается и предлагаемая классификация функций государства с позиции внутренних и внешних сфер деятельности, а также с учетом стоящих перед обществом задач. Так, Клишас А.А. называет семь функций государства, среди которых: экономическая функция; социальная функция; функция налогообложения и взимания налогов; экологическая функция; функция защиты прав и свобод граждан, обеспечения законности и правопорядка; функция обороны; функция сотрудничества с другими странами в решении глобальных проблем [2. С. 108].

Важность социального аспекта акцентируется в Конституции Российской Федерации, которая статьей 7 в главе 1 «Основы конституционного строя» провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Далее Конституция Российской Федерации детализирует вышеприведенный тезис, формулируя охрану труда и здоровья людей, установление гарантированного минимального размера оплаты труда, обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты [3].

Таким образом, социальная защита, благополучие граждан, создание условий для развития на высшем конституционном уровне обозначена императивной задачей государства. Тем более, что статьей 2 Конституция РФ утверждает, что триединой обязанностью государства являются признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Действительно, если за государством закрепляются социальные обязательства, такое государство будет являться социальным [4]. Поскольку главной целью такого государства выступает забота о человеке, которая гарантируется самим государством, тогда как государство определяется как организационная форма деятельности общества, способная обеспечить достойную жизнь и социально-правовую защиту своих граждан.

Основная часть

Реальность социальному государству придает функционирование нормативно-правовой базы для защиты потребностей граждан при условии, что в решении социальных проблем задействована политико-экономическая система общества. Правовая позиция Конституционного Суда РФ сформулирована в Постановлении Конституционного Суда РФ от 15.05.20026 № 5-П [5], в котором отмечается, что к компетенции федерального законодателя относится принятие федеральных законов в сфере регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина; общих вопросов воспитания, образования, защиты семьи, материнства, отцовства и детств; социальной защиты [5].

Конституционный Суд РФ указанным Постановлением не только отмечает конституционную природу Российской Федерации как социального государства, но и акцентирует внимание на необходимости достижения баланса конституционно защищаемых ценностей, в том числе самостоятельности местного самоуправления как публичной власти, наиболее приближенной к населению и ориентированной, в том числе, на выполнение задач социального государства в пределах своих полномочий, и самостоятельности населения в решении вопросов местного значения. В контексте наших размышлений важным видится уточнение о гарантированности равным образом всем гражданам социальных прав независимо от того, на территории какого муниципального образования они проживают.

Итак, законодатель не только вправе принимать законы, обеспечивающие социальную защиту определенных категорий населения, нуждающихся в защите, но и обязан это делать [6].

Исполнение принципа социального государства основано на том, что большинство граждан способно самостоятельно обеспечить себе достойный жизненный уровень. Достойная жизнь выступает публичной категорией, дающей представление о качестве и уровне жизни в конкретном государстве. Достойную жизнь можем в конституционно-правовым смысле охарактеризовать как некий минимальный стандарт, который социальное государство обязано обеспечить каждому гражданину. Конституция РФ в статье 7 оговаривает категории граждан, которые не в состоянии самостоятельно обеспечить достойный уровень жизни, при этом перечень средств обеспечения достойного уровня жизни для категорий, относящихся к социально незащищенному слою, открытый. Отметим в качестве примера наличие гарантированного права независимо от его способности трудиться и участвовать в общественно полезном труде. Данное право закреплено в статье 25 Всеобщей декларации прав человека, устанавливающая право каждого человека на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, необходимое для поддержания здоровья и благосостояния его самого и членов его семьи [7]. Логично рассматривать в этом контексте и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах содержит аналогичную норму, поскольку статьей 11 декларирует положение, что участвующие в данном Пакте государства признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, при этом достаточный жизненный уровень включает в себя питание, одежду и жилище, непрерывное улучшение условий жизни [8].

Закрепление в Конституции РФ права на жилище имеет особое значение поскольку каждый наряду с правом на жилище, имеет возможность быть им обеспеченным и не опасаться, что будет произвольно лишен своего жилища. Тем самым Конституция Российской Федерации создает конституционные основы стабильности пользования имеющимся жилищем и при этом возможность получения в порядке улучшения жилищных условий другого жилища.

Сроки в юриспруденции играют особую роль, в том числе это относится и к вопросу возникновения прав и их реализации. Поскольку правоспособность возникает у человека с момента его рождения, постольку и право на жилище возникает с момента рождения человека, видоизменяясь с возрастом, семейным положением, социальным статусом и иными моментами в жизни каждого индивидуального субъекта права.

Часть 3 статьи 40 Конституции Российской Федерации констатирует, что малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственного, муниципального и других жилищных фондов. Перечень лиц в указанной статье остается открытым, однако, единого и всеобъемлющего перечня отдельных категорий лиц, имеющих указанное в статье 40 Конституции Российской Федерации право на данный период времени не существует. Лица, о которых говорится в этой статье, перечисляются в иных нормативных правовых актах, причем достаточно хаотично. В число иных лиц, по совокупности упоминаний о них в нормативных правовых актах, можно отнести:
– лица, подвергнувшиеся радиации в результате аварий и катастроф;
– переселенцы из районов Крайнего Севера;
– военнослужащие;
– лица, уволенные в запас с военной службы;
– сотрудники органов МВД;
– дети-сироты;
– «погорельцы»;
– лица, владеющие непригодными для жизни квартирами;
– дети-инвалиды;
– иные лица.

Заметим, что вышеуказанный список так же не является исчерпывающим в связи с огромным количеством категорий и особых нюансов, связанных с данными категориями.

Приобретение, строительство жилья, аренда и прочее требуют достаточно больших затрат и расходов, которые не в состоянии нести вышеуказанные лица. Для этого, в рамках социальной помощи и поддержки, органы государственной власти, органы субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления предусматривают различные меры, а именно:
– массовое строительство жилья за счет средств Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований;
– помощь и предоставление доступных кредитов индивидуальным застройщикам;
– переселение жильцов из домов, признанных аварийными;
– жилищные субсидии для определенных категорий лиц при определенном стаже работы;
– государственные жилищные сертификаты;
– предоставление жилого помещения для проживания в нем по договорам из государственного жилищного фонда, фондов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований;
– приватизация жилья из государственного жилищного фонда, фондов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований;
– предоставление нуждающимся и малообеспеченным категориям лиц жилья из разнообразных фондов по различным видам договора найма жилого помещения.

Суммируя, констатируем, что совокупность мер социальной помощи для лиц, которые не в состоянии нести необходимые затраты на реализацию своего права на достойный жизненный уровень, реализуется в формате одной из важнейших функций государства – социальной функции.

Бюджетный кодекс РФ в статье 21 устанавливает, что целевые статьи расходов бюджетов формируются в соответствии с государственными (муниципальными) программами [12]. Так, государственная программа Хабаровского края «развитие жилищного строительства в Хабаровском крае» утверждена Постановлением Правительства Хабаровского края от 22.06.2012 № 205-пр с изменениями на 31.03.2022 [13]. Согласно паспорту данной Программы, ее ответственный исполнитель – министерство строительства Хабаровского края, а соисполнителями и участниками Программы выступают краевые министерства: жилищно-коммунального хозяйства Хабаровского края; имущества Хабаровского края; образования и науки Хабаровского края; экономического развития края; а также комитет государственного строительного надзора Правительства Хабаровского края и краевое государственное бюджетное учреждение «Комсомольская-на-Амуре набережная р. Амура.

Положением статьи 1 Закона Хабаровского края от 13.10.2005 № 304 «о жилищных правоотношениях в Хабаровском крае» регламентируется определение специально уполномоченного органа по управлению и распоряжению государственным жилищным фондом края, а его полномочия – губернатором края [14].

Министерство жилищно-коммунального хозяйства Хабаровского края определено специально уполномоченным органом по управлению и распоряжению государственным жилищным фондом края и наделено полномочиями следующими:
– организация ведения учета государственного жилищного фонда края;
– организация ведения учета граждан, нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма;
– принятие решений о предоставлении и аренды жилых помещений, находящихся в казне края;
– согласование передачи в наем, аренду по условиям, установленным вышеназванным Постановлением;
– организация проведения оценки объектов государственного жилищного фонда края, определения условий договоров о проведении данной процедуры;
– принятие решений о включении жилых помещений в специализированный государственный жилищный фонд края и исключении из него;
– осуществления контроля за предоставлением жилых помещений;
– главного распорядителя средств краевого бюджета в целях исполнения судами мировых соглашений, заключенных на стадии исполнительного производства по решениям судов о предоставлении жилых помещений по договорам социального найма за счет государственного жилищного фонда края детям-сиротам и лиц из их числа;

– и прочие функции, связанные с мониторингом, техническим обслуживанием, расчетами финансовых средств на инвентаризацию жилищного фонда края [15].

Статья 40 Конституции Российской Федерации гласит, что право на жилище имеет каждый, а органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. Действующее отечественное законодательство использует понятие специализированного жилищного фонда, правовые положения которого закреплены двумя главами раздела 4 Жилищного Кодекса Российской Федерации [9].

Статья 19 Жилищного Кодекса Российской Федерации определяет специализированный жилищный фонд как совокупность предназначенных для проживания отдельных категорий граждан и предоставляемых по правилам раздела 4 ЖК РФ жилых помещений государственного и муниципального жилищных фондов. Указанная статья содержит общезначимое понятие жилищного фонда, обозначая его как совокупность всех жилых помещений, находящихся на территории Российской Федерации [10]. При этом не имеют значения формы собственности на жилые помещения и цели использования таких помещений. Иначе говоря, жилищный фонд составляют все без исключения изолированные помещения, которые являются недвижимым имуществом, при условии, что оно пригодно для постоянного проживания и отвечает установленным техническим и санитарным нормам и правилам.

В обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) можно встретить положение о том, что факт приобретения в собственность иного жилого помещения в другом населенном пункте сам по себе не может свидетельствовать о выбытии гражданина из ранее занимаемого жилого помещения [11]. Равным образом, данное обстоятельство не может свидетельствовать об отказе от прав на занимаемое жилое помещение. Из приведенного обзора следует, что запрет на предоставление специализированного жилого помещения гражданам, которые обеспечены жилым помещением в соответствующем населенном пункте, не означает запрета на пользование таким жилым помещением, если впоследствии у нанимателя или членов семьи нанимателя, которым оно было предоставлено, окажется в собственности другое жилое помещение по основаниям, допускаемым законом.

Заключение

В результате проведенного исследования четко прослеживается причинно-следственная цепочка «проседания» некоторых аспектов законодательства, посредством которой, тот самый гарант права на достойную жизнь, к сожалению, у социально незащищенных граждан вызывает множество вопросов в разрезе механизма реализации права, принадлежащего им от рождения.

Проведенное исследование отражает данный тезис в полном объеме имеющимся огромным массивом нормативно-правовой базы, регулирующей сферу жизнедеятельности такой социально незащищенной категории, как дети-сироты и лица из их числа. Существование проанализированных нами государственных гарантий, в рамках защиты указанной категории, несомненно, является одним из самых ярких доказательств работоспособности нормы права, отраженной в 7 статье Конституции РФ, провозглашающей Российскую Федерацию как социальное государство. Данная правовая норма закрепляет положение о политике, которая направленна на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека. Такая характеристика предусматривает разработку и реализацию государственной социальной политики, особенно в отношении социально незащищенных групп населения. В связи с чем, считаем, что предложенные поправки в Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ, устанавливающий дополнительные гарантии в рамках социальной поддержке детей-сирот и лиц из их числа видятся достаточно целесообразными в сложившейся ситуации.

Литература

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. – Режим доступа: https://slovarozhegova.ru.

2. Клишас, А.А. Теория государства и права: учебник / А.А. Клишас. – М.: Статут, 2019. – С. 99.

3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: в ред. от 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 01.02.2026.

4. Российская Федерация – социальное государство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zaochnik.com/spravochnik/pravo/konstitutsionnoe-pravo-rossijskoj-federatsii/rossijskaja-federatsija-sotsialnoe-gosudarstvo/. – Дата обращения: 05.02.2026.

5. По делу о проверке конституционности положений ст. 153 Федерального закона от 22.08.2004 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 15.05.2006 № 5-П // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 05.02.2026.

6. Волошина, Т.А. Категорический императив Иммануила Канта как принцип законодательства // Правоприменение: теория и практика: сборник докладов VIII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию образования ДВГУПС (Хабаровск, 27–28 мая 2022 г.) / под ред. И.М. Филяниной. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2022. – С. 66–75.

7. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН // Справочно-правовая система «Гарант» / НПП «Гарант-Сервис». – Последнее обновление: 01.02.2026.

8. Об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]: международный пакт: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 05.02.2026.

9. Жилищный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ: в ред. от 22.11.2022 № 463-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 01.03.2026.

10. Постатейный комментарий. Жилищный кодекс РФ с комментариями в действующей редакции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nalogcodex.ru/comments/zhk-rf. – Дата обращения: 05.02.2026.

11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017 // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 01.03.2026.

12. Бюджетный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ: в ред. от 21.11.2022 № 448-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 01.02.2026.

13. Об утверждении государственной программы Хабаровского края «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Хабаровского края от 22.06.2012 № 205-пр: в ред. от 31.10.2022 № 555-пр. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru.

14. О жилищных правоотношениях в Хабаровском крае [Электронный ресурс]: закон Хабаровского края от 13.10.2005 № 304: в ред. от 05.12.2022 № 339 // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 01.02.2026.

15. О мерах по совершенствованию управления государственным жилищным фондом Хабаровского края [Электронный ресурс]: постановление Губернатора Хабаровского края от 25.04.2006 № 96: в ред. от 16.12.2019 № 100 // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 01.02.2026.

SOCIAL FUNCTIONS OF THE STATE IN THE REALIZATION OF THE RIGHT TO HOUSING OF CERTAIN CATEGORIES OF CITIZENS

Filyanina I.M.
Far Eastern State Transport University

The article provides an analysis of the constitutional provisions that establish the social nature of the state in the Russian Federation, based on the internal functions of the state; the constitutional nature of Russia as a real social state is substantiated by the current system of legal regulation; The author's position is supported by the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the existing constitutional guarantees for the implementation of citizens' rights, including the right to housing for certain categories of citizens; the problem of the lack of an exhaustive list of certain categories of persons who have such a right in domestic legislation is revealed, which leads to abuse in the implementation of this right; the powers of state authorities on the issue under study are described using the example of the Khabarovsk Territory, a constituent entity of the Russian Federation; The reference to the specialized housing fund highlights the issue of providing well-equipped

housing units from the specialized state housing fund under the contracts for the rental of specialized housing units for a specific category of individuals.

Keywords: state, rule of law, social protection, decent life, competence of the legislator, certain categories of citizens, socially vulnerable population, housing, specialized housing stock.

References

1. Ozhegov, S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language / S.I. Ozhegov [Electronic resource] / S.I. Ozhegov. – Access mode: https://slovarozhegova.ru.

2. Klishas, A.A. Theory of State and Law: textbook / A.A. Klishas. – Moscow: Statut, 2019. – P. 99.

3. Constitution of the Russian Federation [Electronic resource]: adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020: as amended on 01.07.2020 // SPS "ConsultantPlus". – Last updated: 01.02.2026.

4. The Russian Federation is a social state [Electronic resource]. – Access mode: https://zaochnik.com/spravochnik/pravo/konstitutsionnoe-pravo-rossijskoj-federatsii/rossijskaja-federatsija-sotsialnoe-gosudarstvo/. – Date of access: 05.02.2026.

5. In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Art. 153 of the Federal Law of August 22, 2004 No. 122-FZ "On Amendments to Legislative Acts of the Russian Federation and Recognition of Certain Legislative Acts of the Russian Federation as Invalid in Connection with the Adoption of the Federal Laws "On Amendments and Supplements to the Federal Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of Subjects of the Russian Federation" and "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" in connection with the complaint of the head of the city of Tver and the Tver City Duma [Electronic resource]: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 15, 2006 No. 5-P // SPS "ConsultantPlus". – Last updated: 02/05/2026.

6. Voloshina, T.A. Immanuel Kant's Categorical Imperative as a Principle of Legislation // Law Enforcement: Theory and Practice: Collection of Papers of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 85th Anniversary of the Foundation of FESUPS (Khabarovsk, May 27–28, 2022) / edited by I.M. Filyanina. – Khabarovsk: FESUPS Publishing House, 2022. – Pp. 66–75.

7. Universal Declaration of Human Rights [Electronic Resource]: adopted on 10.12.1948 by the UN General Assembly // Reference and Legal System "Garant" / NPP "Garant-Service". – Last updated: 01.02.2026.

8. On Economic, Social and Cultural Rights [Electronic resource]: International Covenant: adopted by General Assembly Resolution 2200 A (XXI) of 16.12.1966 // SPS "ConsultantPlus". – Last updated: 05.02.2026.

9. Housing Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law of the Russian Federation of 29.12.2004 No. 188-FZ: as amended on 22.11.2022 No. 463-FZ // SPS "ConsultantPlus". – Last updated: 01.03.2026.

10. Article-by-article commentary. Housing Code of the Russian Federation with commentaries in the current version [Electronic resource]. – Access mode: https://nalog-codex.ru/comments/zhk-rf. – Date of access: 05.02.2026.

11. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2017) [Electronic resource]: approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 26.04.2017 // SPS "ConsultantPlus". – Last updated: 01.03.2026.

12. Budget Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law of the Russian Federation of 31.07.1998 No. 145-FZ: as amended on 21.11.2022 No. 448-FZ // SPS "ConsultantPlus". – Last updated: 01.02.2026.

13. On approval of the state program of Khabarovsk Krai "Development of Housing Construction in Khabarovsk Krai" [Electronic resource]: Resolution of the Government of Khabarovsk Krai dated June 22, 2012 No. 205-pr: as amended on October 31, 2022 No. 555-pr. – Access mode: http://docs.cntd.ru.

14. On housing legal relations in Khabarovsk Krai [Electronic resource]: Law of Khabarovsk Krai dated October 13, 2005 No. 304: as amended on December 5, 2022 No. 339 // SPS "ConsultantPlus". – Last updated: February 1, 2026.

15. On measures to improve the management of the state housing stock of Khabarovsk Krai [Electronic resource]: Resolution of the Governor of Khabarovsk Krai dated 04/25/2006 No. 96: as amended on 12/16/2019 No. 100 // SPS "ConsultantPlus". – Last updated: 02/01/2026.

Имущественные права несовершеннолетних детей, особенности их реализации в Российской Федерации

Царапкин Денис Петрович,
аспирант, МГУ им. Н.П. ОГАРЁВА
E-mail: carapkind98@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы осуществления и защиты имущественных прав несовершеннолетних как субъектов семейного права. Проводится анализ действующего семейного и гражданского законодательства. Под имущественными правами понимаются субъективные права участников гражданско-правовых отношений, непосредственно связанные с владением, пользованием и распоряжением имуществом, а также с иными материальными требованиями. Выделяют такие виды имущественных прав несовершеннолетних: вещные права, обязательственные права, исключительные права. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего теоретического осмысления и определения более четких правовых мер и способов по предупреждению и пресечению правонарушений, которые могут совершаться в данной сфере правоотношений.

Ключевые слова: имущественные права, семейное право, несовершеннолетние, имущественные отношения, алиментные права, алиментные обязательства, получение содержания.

В современном обществе защита прав несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений социальной политики. Одним из важнейших аспектов этой защиты является обеспечение имущественных прав детей, которые, в силу возраста, нуждаются в особом внимании и защите со стороны государства и законных представителей. Настоящее исследование посвящено анализу особенностей реализации имущественных прав несовершеннолетних детей, выявлению проблем и разработке рекомендаций по их эффективной защите.

Имущественные права несовершеннолетних включают в себя широкий спектр прав, начиная от права собственности на имущество, полученное в дар или по наследству, и заканчивая правом на получение алиментов и социальных выплат. Реализация этих прав осложняется не только возрастными ограничениями, но и зависимостью детей от воли и действий их родителей (законных представителей). В этой связи, особую актуальность приобретает вопрос о контроле за действиями родителей по распоряжению имуществом детей, а также о механизмах защиты прав в случаях ненадлежащего исполнения родительских обязанностей.

В юридической науке к категории неоднозначных и малоисследованных понятий относятся имущественные права ребенка. Сложность возникает из-за отсутствия норм закрепления, на законодательном уровне, которые регулируют имущественные отношения ребенка в виде субъекта права. Личные неимущественные права детей рассматривает Конвенция ООН о правах ребенка, мимолетно касается взаимоотношения имущественного характера. Об обязанностях родителей содержать ребенка в рамках собственных финансовых средств идет речь в ст. 27 Конвенции, проблема прав собственности ребенка совершенно не рассматривается.

Проблема сущности имущественного права или юридической природы является в отечественной юриспруденции одной из проблем в группе имущественных прав, которая носит, по большей части, теоретико-правовой характер, чем гражданско-правовой.

Имущественные права ребенка как гражданина Российской Федерации предусмотрены в статье 35 Конституции Российской Федерации. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Право частной собственности охраняется законом. Гарантируется право наследования.

Согласно статье 60 Семейного кодекса РФ ребенок имеет право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи в порядке и в размерах, которые установлены Кодексом.

Суммы, причитающиеся ребенку в качестве алиментов, пенсий, пособий, поступают в распоряжение родителей (лиц, их заменяющих) и расходуются ими на содержание, воспитание и образование ребенка.

Суд по требованию родителя, обязанного уплачивать алименты на несовершеннолетних детей, вправе вынести решение о перечислении не более пятидесяти процентов сумм алиментов, подлежащих выплате, на счета, открытые на имя несовершеннолетних детей в банках.

Ребенок имеет право собственности на доходы, полученные им, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на средства ребенка.

Право ребенка на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности имуществом определяется ст.ст.26 и 28 Гражданского кодекса РФ. При осуществлении родителями правомочий по управлению имуществом ребенка на них распространяются правила, установленные гражданским законодательством в отношении распоряжения имуществом подопечного (ст. 37 Гражданского кодекса РФ).

Ребенок не имеет права собственности на имущество родителей, родители не имеют права собственности на имущество ребенка. Дети и родители, проживающие совместно, могут владеть и пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию.

В случае возникновения права общей собственности родителей и детей их права на владение, пользование и распоряжение общим имуществом определяются гражданским законодательством.

Следует обратить внимание, что согласно ст. 26 Гражданского кодекса РФ, несовершеннолетний, достигший 14-летнего возраста, впра-

ве свободно распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами.

Ключевыми проблемами в сфере реализации имущественных прав несовершеннолетних являются: недостаточная осведомленность родителей и самих детей об их правах, злоупотребления со стороны законных представителей, сложности в процедуре защиты прав через судебные органы, а также отсутствие эффективных механизмов контроля за целевым использованием средств, принадлежащих детям. Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего повышение правовой грамотности населения, усиление контроля со стороны органов опеки и попечительства, совершенствование судебной практики и разработку специализированных программ защиты прав детей.

Для эффективной защиты имущественных прав несовершеннолетних необходимо усилить роль органов опеки и попечительства. Эти органы должны не только осуществлять контроль за действиями родителей при распоряжении имуществом детей, но и предоставлять консультативную помощь семьям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Важным аспектом является также разработка и внедрение механизмов оперативного реагирования на случаи нарушения прав детей, включая возможность временного ограничения родительских прав в целях защиты имущественных интересов ребенка.

Судебная защита прав несовершеннолетних должна быть максимально доступной и эффективной. Необходимо упростить процедуру подачи и рассмотрения исков, касающихся имущественных прав детей, а также обеспечить бесплатную юридическую помощь несовершеннолетним и их представителям. Особое внимание следует уделять подготовке судей, специализирующихся на делах, связанных с защитой прав детей, с целью повышения качества принимаемых решений.

Важным направлением является повышение финансовой грамотности несовершеннолетних. Включение в школьную программу основ финансовой грамотности позволит детям осознанно относиться к своим имущественным правам, понимать механизмы их защиты и избегать финансовых злоупотреблений. Кроме того, необходимо активно привлекать средства массовой информации для освещения проблем в сфере защиты имущественных прав детей и повышения осведомленности населения.

Для повышения эффективности работы органов опеки и попечительства целесообразно внедрить систему мониторинга имущественного положения несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении или оставшихся без попечения родителей. Такая система позволит своевременно выявлять факты неправомерного распоряжения имуществом детей и принимать необходимые меры для восстановления их прав. Кроме того, необходимо обеспечить непрерывное повышение квалификации специалистов органов опеки и попечительства, особенно в вопросах, касающихся защиты имущественных прав детей.

Важным шагом является создание единой базы данных по всем случаям нарушения имущественных прав несовершеннолетних. Это позволит анализировать существующие проблемы, выявлять типичные схемы злоупотреблений и разрабатывать эффективные меры по их предотвращению. Необходимо также расширить полномочия прокуратуры в сфере защиты имущественных прав детей, предоставив ей возможность оперативно реагировать на поступающие жалобы и проводить проверки по фактам нарушения прав несовершеннолетних.

В целях повышения финансовой грамотности взрослого населения необходимо проводить информационные кампании, направленные на разъяснение прав и обязанностей родителей при распоряжении имуществом детей. Особое внимание следует уделить семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, предоставляя им консультативную помощь по вопросам управления финансами и имуществом.

Необходимо также развивать сотрудничество с общественными организациями, занимающимися защитой прав детей. Они могут оказывать помощь в проведении проверок, предоставлять юридические консультации и оказывать психологическую поддержку несовершеннолетним, пострадавшим от нарушения их имущественных прав. Совместные усилия государства и общества позволят создать надежную систему защиты имущественных прав несовершеннолетних

Для более эффективной защиты жилищных прав несовершеннолетних целесообразно разработать и внедрить механизм страхования жилья, принадлежащего детям, от рисков утраты или повреждения. Это позволит обеспечить своевременное восстановление жилищных условий в случае наступления страхового случая. Необходимо также усилить контроль за деятельностью застройщиков, привлекающих средства граждан для строительства жилья, в котором планируется проживание несовершеннолетних. Важно исключить возможность нецелевого использования этих средств и обеспечить своевременное завершение строительства.

Особое внимание следует уделить защите имущественных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Необходимо обеспечить прозрачность и подотчетность администрации этих организаций в вопросах распоряжения имуществом детей. Важно также создать механизмы общественного контроля за деятельностью этих организаций, позволяющие выявлять и пресекать любые злоупотребления.

Для повышения эффективности работы по защите имущественных прав несовершеннолетних необходимо развивать информационные технологии и внедрять электронный документооборот. Это позволит сократить сроки рассмотрения обращений граждан, повысить прозрачность принимаемых решений и обеспечить доступность информации о защите имущественных прав детей.

Необходимо также активно использовать возможности медиа для повышения осведомленности населения о проблемах нарушения имущественных прав несовершеннолетних. Важно рассказывать о конкретных случаях нарушения прав детей, о мерах, принимаемых для их восстановления, и о роли каждого гражданина в защите прав детей. Регулярное освещение этих вопросов в СМИ позволит сформировать в обществе нетерпимое отношение к любым формам нарушения имущественных прав несовершеннолетних.

Таким образом, эффективная защита имущественных прав несовершеннолетних требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, усиление контроля со стороны органов опеки и попечительства, обеспечение доступности судебной защиты, повышение правовой и финансовой грамотности населения. Только совместными усилиями государства, общественных организаций и самих граждан можно создать условия, при которых имущественные права детей будут надежно защищены и обеспечены.

Литература

1. Аблятипова, Н.А. Защита имущественных прав несовершеннолетних: анализ системности правоприменительной практики / Н.А. Аблятипова, И.Ю. Волкова // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 84–90.
2. Аракелян, М.Г. Имущественные права несовершеннолетних детей / М.Г. Аракелян // Актуальные проблемы юриспруденции: Сборник статей по материалам XXX международной научно-практической конференции, Новосибирск, 22 января 2020 года. Том 1 (29). – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Сибирская академическая книга», 2020. – С. 30–35.
3. Киселева, Е.Б. Имущественные права ребенка / Е.Б. Киселева // Modern Science. – 2021. – № 4–1. – С. 285–287.
4. Крицкая, М.В. Имущественные и личные неимущественные права несовершеннолетних как объекты гражданско- правовой защиты / М.В. Крицкая // Аллея науки. – 2023. – Т. 1, № 10(85). – С. 507–512.

PROPERTY RIGHTS OF MINORS AND THE SPECIFICS OF THEIR IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Tsarapkin D.P.
N.P. Ogaryov Moscow State University

The article discusses the current problems of the implementation and protection of the property rights of minors as subjects of family law. The analysis of the current family and civil legislation is carried out. Property rights are understood as subjective rights of participants in civil law relations, which are directly related to the possession, use and disposal of property, as well as with other material requirements. There are such types of property rights of minors: rights in rem, obligatory rights, exclusive rights. The author comes to the conclusion that it is necessary to further theoretical reflection and definition of more precise legal measures and ways to prevent and suppress offenses that may be committed in this area of legal relations.

Keywords: property rights, family law, minors, property relations, alimony rights, alimony obligations, receiving maintenance.

References

1. Ablyatipova, N.A. Protection of property rights of minors: an analysis of the systematic nature of law enforcement practice / N.A. Ablyatipova, I. Yu. Volkova // Legal paradigm. – 2022. – Vol. 21, No. 1. – P. 84–90.
2. Arakelyan, M.G. Property rights of minors / M.G. Arakelyan // Actual problems of jurisprudence: Collection of articles based on the materials of the XXX international scientific and practical conference, Novosibirsk, January 22, 2020. Vol. 1 (29). – Novosibirsk: Limited Liability Company “Siberian Academic Book”, 2020. – P. 30–35.
3. Kiseleva, E.B. Property rights of a child / E.B. Kiseleva // Modern Science. – 2021. – No. 4–1. – P. 285–287.
4. Kritskaya, M.V. Property and personal non-property rights of minors as objects of civil-legal protection / M.V. Kritskaya // Alley of Science. – 2023. – V. 1, No. 10(85). – P. 507–512.

Конституционно-правовая политика Российской Федерации по вопросу обеспечения права на жилище

Чирейкин Никита Михайлович,
аспирант юридического факультета; адвокат, Адвокатская палата Новосибирской области, Новосибирский государственный университет экономики и управления
E-mail:7451448@mail.ru

В статье дается обзор конституционно-правовой политики Российской Федерации по вопросу обеспечения права граждан на жилище, анализируется механизм реализации жилищной политики. Отмечается проблема отставания формирования норм отраслевого законодательства к претерпевшим радикальные изменения нормам конституционного права. Цель. Выявление иерархии органов государственной власти, местного самоуправления, Прокуратуры Российской Федерации и Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в защите прав граждан на жилище и их влияния на существующую модель реализации механизма защиты права. Методология. Для достижения поставленной в данном исследовании цели были использованы общенаучные и частнонаучные методы. При анализе нормативно-правовых актов применялись системный и структурно-функциональный методы. Результат. Проведенный анализ показывает, что количество обращений граждан в сфере защиты права на жилище неуклонно растет. Отмечается, что большинство проблем в жилищной сфере связано как с несоблюдением жилищного законодательства, так и наличием системных проблем. Заключение. Изложенные в работе выводы способствуют дальнейшему углублению исследований проблематики, указывают на необходимость принятия органами государственной власти и местного самоуправления своевременных и эффективных решений в сфере обеспечения конституционного права граждан на жилище. А это позволит внести вклад в формирование целостного представления об ограничении и пределах реализации данного права в теории конституционного права.

Ключевые слова: конституционные права, право на жилище, защита прав, уполномоченный по правам человека, уровни власти

Введение

Одним из фундаментальных прав, актуальных для жизни каждого человека, является право на жилище, гарантированное статьей 40 Конституции Российской Федерации (далее: РФ). Вопросы обеспечения граждан нашей страны достойным жильем всегда находятся в повестке всех определяющих вектор развития страны выступлениях Президента РФ. Во многом благодаря такой политике Россия к 2020 г. по темпам строительства жилья (а именно, квартир) вышла на первое место среди стран Европы – 227 квартир на 10 000 населения, оставив позади такие страны, как Франция (167 квартир), Норвегия (161), Швеция (118), Германия (101), Великобритания (80), Италия (26)1.

Однако среди значимых прав и свобод человека, гарантированных Конституцией РФ, именно право на жилище вызывало и продолжает вызывать острые дискуссии. Сохраняется немало проблем, возникающих при реализации и защите данного конституционного права на практике.

Среди наиболее значимых проблем, не решенных к настоящему моменту, остаются вопросы, связанные с защитой прав обманутых дольщиков при строительстве, постоянный рост цен на жилье, обеспечение жильем малоимущих граждан, детей-сирот. Не разработаны в достаточной степени вопросы изъятия аварийного и ветхого жилья для муниципальных нужд, много споров возникает при применении градостроительного правового режима реновации жилищного фонда, реализации права на жилище в делах о несостоятельности (банкротстве) должников. Не менее важной является проблема варьирования в законодательно закрепленной региональной поддержке граждан в плане обеспечения жильем, которая может значительно различаться в субъектах РФ в сравнение с федеральным уровнем. Кроме того, «проведение Российской Федерацией специальной военной операции по защите населения Донбасса также послужило объективной причиной нарушения права граждан на жилище» [1, с. 37] и возникновения целого комплекса проблем, связанных с защитой рассматриваемого права, которые ранее не были столь актуальны. Эти вопросы заслуживают особого внимания со стороны юридической науки.

Сегодня в РФ жилищная политика государства реализуется разными правовыми способами, уже «сформирована достаточно полная нормативно-правовая база, регулирующая отношения собственности граждан на жилые помещения» [2, с. 234]. Но вместе с тем в процессе реализации жилищных прав на практике «можно увидеть отдельные проблемы законодательного регулирования в данной сфере» [2, с. 234].

Необходимо отметить, что право на жилище в РФ закреплено как на конституционном уровне, так и другими отраслями права (гражданским, жилищным и проч.). Поэтому конституционно-правовая политика РФ по вопросу обеспечения рассматриваемого права отражена в Конституции РФ, федеральном законодательстве, законодательном и нормативно-правовом регулировании субъектов РФ и органов местного самоуправления.

Нормативное закрепление в целом соответствует международным стандартам в области прав и свобод человека, а также сложившимся в РФ к настоящему моменту социально-экономическим и политическим реалиям.

Однако анализ изменений, происходящих в указанных отраслях права после принятия Конституции 1993 г., в контексте нашего исследования позволяет утверждать, что вплоть до настоящего времени существует несогласованность между конституционным правом и нормами гражданского, жилищного, земельного и градостроительного законодательства. В противном случае не было бы необходимости в таком количестве Указов Президента РФ, направленных на контроль за действиями исполнительной власти в области обеспечения граждан качественным и доступным жильем, Кроме того, право на жилище в РФ сегодня невозможно рассматривать в отрыве от института частной собственности, который в нашей стране, в связи с ее историческими особенностями государственного устройства, сформировался в том виде, в каком он есть в настоящий момент, относительно недавно. То есть, с момента принятия Конституции РФ – с 12 декабря 1993 г.

Донастройка отраслевого законодательства к претерпевшим радикальные изменения нормам конституционного права запаздывает.

Отчасти это связано с тем, что сегодня существует большое количество подзаконных актов, регулирующих различные аспекты жилищной политики государства. Но здесь мы согласимся с позицией И.А. Кравца касательно того, что положения Конституции РФ, всегда применимы к ситуациям в других отраслях права [3]. Мы уже отмечали ранее, что «в любом правовом государстве система права создается вокруг конституционного права, именно оно является ориентиром законности и сохранения порядка» [4, с. 53]. Конституционное право содержит нормы, которые позволяют «не допустить неоправданного снижения или изменения уровня социальной помощи» [5, с. 2] и должны «приниматься во внимание с учётом текущего экономического и финансового развития государства» [5, с. 2]. А отраслевое законодательство «позволяет создать необходимые процедуры реализации прав и свобод, которые объективно не могут быть установлены в конституционных нормах» [4, с. 52].

Сегодня в конституционном праве РФ уже оформилось понимание права на жилище как объект сложной правовой природы [6, 7, 8, 9, 10].

Между тем, реализация прав и свобод человека и гражданина невозможна без гарантий этих прав со стороны государства и общества. Как отмечала М.Л. Давыдова, «уверенность в гарантированности права придает силу и значимость управомочивающим нормам» [11, с. 65].

Говоря о гарантиях права на жилище, следует отметить, что их объектом выступают общественные отношения, которые непосредственно связаны с реализацией права граждан на жилище и его охраной (например, право иметь жилище, право распоряжаться им, право на неприкосновенность и невозможность произвольного лишения жилища).

Ранее мы уже говорили о том, что «представляется невероятно сложным провести классификацию юридических гарантий реализации конституционного права на жилище, поскольку эффективность их применения зависит от различных факторов» [4, с. 50].

Отраслевое законодательство призвано более точно определять, как содержание конституционных прав и свобод личности, так и пути, а также средства их обеспечения и защиты.

Действующая система правового регулирования жилищной сферы в Российской Федерации

Список нормативно-правовых актов, связанных с обеспечением права граждан РФ на жилье, обширен. Данная сфера регулируется огромным комплексом законов и нормативных правовых актов. Среди них, конечно, высший правовой документ – Конституция РФ, Гражданский кодекс, Жилищный кодекс, Градостроительный кодекс, Федеральные законы, Указы президента РФ, Постановления Правительства РФ, приказы отраслевых министерств и т.д.

К числу федеральных законов, регламентирующих сегодня жилищную сферу РФ, можно отнести 7 основных (мы приводим их перечень в Приложениях к данной статье) 2. Они разъясняют суть юридических актов, обеспечивают условия для осуществления гражданами своих прав на жилище, гарантируют реализацию закрепленных норм.

К федеральным актам жилищного законодательства относятся также принятые в соответствии с перечисленными федеральными законами Указы Президента3 и постановления Правительства России 4, акты федеральных органов исполнительной власти5.

Указы Президента РФ посвящены стратегии решения самых актуальных проблем: повышения доступности жилья, обеспечения качества жилищно-коммунальных услуг населения. Их цель – поддержка и конкретизация положений Конституции и отраслевого законодательства.

Постановления Правительства РФ, касающиеся данной сферы отношений, уточняют и дополняют акты отраслевого законодательства и указов Президента. Они регулируют конкретные аспекты отдельных мероприятий по реализации целевых государственных программ, например, программы «Жилище». В отраслевом законодательстве упоминаются определенные вопросы, которые должно решать именно Правительство, например, утверждение договора соцнайма жилых помещений – обязанность Правительства.

Акты федеральных органов исполнительной власти (Банк России, Министерство строительства и проч.) направлены на детализацию либо разъяснение тех или иных резонансных вопросов, например, ипотечное кредитование конкретных категорий граждан.

Обеспеченность интересов граждан, связанных с жилищем, входит в обязанности и других органов власти, которые тоже издают нормативно-правовые акты либо иные документы, например, законодательные органы субъектов РФ6.

Такого рода документы, устанавливая местные приоритеты и интерпретируя региональные законы, отражают потребности конкретных субъектов государства. На региональные органы власти ложится ответственность за адаптацию своей законодательной базы в соответствии с федеральными требованиями и местными условиями.

Таким образом, все вышеперечисленные документы являются примером нормотворческой юридической деятельности в сфере защиты конституционного права граждан на жилище. Свой вклад в контроль за соблюдением прав граждан на жилище вносят Верховный Суд РФ7, областные суды субъектов РФ8.

Учитывая вышесказанное, необходимо согласиться с мнением Н.С. Бондаря, отмечавшего напряженный характер нормотворческой деятельности, что «естественным образом сказывается при реализации норм права в жизни. В результате этого большое значение приобретает должная степень раскрытия законодательных норм, иначе возникают сложности с наиболее полной реализацией прав гражданина» [12, с. 248].

Считаем важным остановиться на роли прокуратуры в осуществлении защиты права граждан на жилище. Положение данного надзорного органа определяется Конституцией РФ и ФЗ от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации»9. Конституция одной из важнейших функций прокуратуры определяет надзор за соблюдением прав человека, что «свидетельствует о растущем усилении роли ведомства, происходящем вместе с усилением государственной политики в сфере социальной защиты человека» [13, с. 158]. Исполнение прокуратурой надзорной функции за соблюдением Конституции РФ, законности, прав и свобод граждан, тот факт, что прокуратура не входит в состав ни одной из ветвей власти в РФ, обусловливает частоту обращений граждан за защитой своих законных прав именно в этот государственный орган надзора. На этом акцентируется внимание в ежегодных отчетах, публикуемых на сайте Генеральной прокуратуры РФ.

Статистика следующая:

– в 2020 г. в органы прокуратуры поступило почти 5 млн обращений; прокурорами выявлено более 184 тыс. нарушений требований жилищного законодательства, нашли подтверждение доводы заявителей о нарушении жилищного законодательства (24,1%) и в сфере ЖКХ (23,9%)10;

– в 2021 г. в органы прокуратуры также поступило почти 5 млн обращений; увеличилось количество обращений об обеспечении жилыми помещениями лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также увеличилось число жалоб о предоставлении данным категориям граждан некачественного жилья11;

– в 2022 г. число обращений россиян в прокуратуру, недовольных услугами ЖКХ, выросло в 1,5 раза, зарегистрирован рост удовлетворенных жалоб на нарушения жилищного законодательства, в сфере ЖКХ, земельного законодательства12;

– в 2023 г. тенденция сохранялась, наибольшее количество жалоб касалось нарушений пенсионного и жилищного законодательства13.

Для обеспечения защиты прав граждан на жилище Прокуратура РФ использует различные меры прокурорского реагирования. Так, в Новосибирской области по результатам проведенных в 2023 г. надзорных мероприятий Прокуратуры из аварийного жилья за счет бюджетных средств расселено 2767 граждан. После принятых мер прокурорского реагирования 13 домов включены в муниципальные программы переселения граждан из аварийного жилья. После вмешательства прокуратуры 175 учетных дел граждан приведены в соответствие с законом14.

В апреле 2023 г. Прокуратура Новосибирской области обеспечила восстановление жилищных прав более 6 тыс. человек: после вмешательства прокуратуры мэрия Новосибирска разрешила ввод в эксплуатацию 53 многоэтажных домов в печально известных микрорайонах Новосибирска Просторный и Плющихинский. Все эти дома уже были заселены с 2018–2020 гг., но не сданы в эксплуатацию застройщиком – строительной компанией «Дискус». Соответственно, тысячи жильцов не были хозяевами своих квартир: не могли оформить права собственности, привлечь застройщика за недоделки, а также заключить прямые договоры с ресурсоснабжающими организациями. После обращения граждан к Генеральному Прокурору РФ глава «Дискуса» А. Джулай стал фигурантом уголовного дела о мошенничестве15.

В июне 2023 г. проведенной прокуратурой г. Новосибирска проверкой установлено, что семье в составе 6 человек, 4 из которых несовершеннолетние дети, отказывают в реализации права на заключение договора социального найма, т.к. орден на данное жилое помещение был ими утрачен еще много лет назад. Прокурор г. Новосибирска через Ленинский районный суд обязал органы местного самоуправления заключить договор найма жилого помещения. Исковое заявление прокурора было удовлетворено в полном объеме16.

Рост количества обращений за защитой конституционного права на жилище в органы прокуратуры «свидетельствует о доверии граждан к данной системе» [14, с. 30].

Еще один институт, к которому активно обращаются граждане за защитой своих жилищных прав, – это Аппарат Уполномоченного по правам человека (далее: ПЧ) в РФ или в каком-либо субъекте РФ.

Правомочия и условия деятельности Уполномоченного по ПЧ в РФ определены ФКЗ от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ»17. Закон подчеркивает высокий уровень доступности данного института для обращения граждан. Кроме того данным законом оговаривается компетенция Уполномоченного по ПЧ оценивать законность действий различных органов власти, а также «сложившееся положение в какой-то сфере общественной жизни, эффективность имеющихся механизмов, проверяя существующую практику, а также действующие нормативные правовые акты субъектов РФ на предмет их соответствия текущему законодательству» [15, с. 261].

Практика показывает, что Уполномоченный по ПЧ в РФ и его Аппарат привлекаются к обсуждению актуальных вопросов совершенствования жилищного законодательства, проводимых на различных площадках. Среди последних значимых мероприятий можно назвать:
– заседания Комиссии Государственной Думы по обеспечению жилищных прав граждан;
– совещание с Комитетом Государственной Думы по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству;
– парламентские слушания в Государственной Думе, посвященные субсидированию оплаты жилого помещения и коммунальных услуг для отдельных категорий граждан18 и т.д.

Уполномоченными по ПЧ в субъектах РФ фиксируется большое количество обращений граждан в сфере защиты права на жилище. Неслучайно 24 ноября 2021 г. жилищная проблематика обсуждалась Уполномоченными по ПЧ в субъектах РФ на Всероссийском координационном совете.

Приведем несколько примеров из работы Уполномоченного по ПЧ в Новосибирской области (близкого нам региона), которые, как подтверждает практика, будут типичны и для других регионов РФ. Так анализ статистики распределения обращений граждан по группам конституционных прав, исходя из вопросов заявителей, показывает тенденцию их стабильного роста: в 2018 г. поступило 358 обращений, связанных с реализацией жилищных прав; в 2019 г. – 373 обращения; в 2021 г. – 562 обращения; за 1 полугодие 2022 г. –337; за 11 месяцев 2024 г. количество обращений по вопросу социальных прав (при личном обращении граждан) составляет 194, из них по нарушению прав на жилище почти каждое пятое обращение. За тот же период 2024 г. число письменных обращений граждан по вопросу социальных прав составляет 367, из них по нарушению прав на жилище тоже большинство – 68, т.е. более чем каждое пятое обращение18. Поэтому неслучайно Уполномоченный по ПЧ в Новосибирской области отмечает: «Вопросы защиты прав граждан в социальной сфере на протяжении многих лет остаются самыми актуальными. Лидирующее место занимают проблемные вопросы в жилищной сфере»19.

Проанализировав поданные жалобы, Уполномоченный по ПЧ может подготовить обращение в прокуратуру субъекта федерации, которая, в свою очередь, после проверки обращения может вынести представление об устранении нарушений в адрес административного лица или органа.

Одним из проблемных вопросов в жилищной сфере является расселение граждан из аварийного жилищного фонда. Так типичной является ситуация, описанная Уполномоченным по ПЧ в РФ Т.Н. Москальковой в Докладе о деятельности Уполномоченного по ПЧ в РФ за 2022 г. по поводу обращения жителей г. Кирсанова Тамбовской области с жалобой в отношении органа местного самоуправления по обеспечению жилищных прав собственников аварийного дома. Лишь после обращения Уполномоченного по ПЧ в РФ в суд с административным исковым заявлением ситуацию удалось сдвинуть с мертвой точки, на которой она находилась с 2015 г. Кирсановский городской суд 13 января 2023 г. иск Уполномоченного удовлетворил, возложив на администрацию обязанность принять меры для обеспечения жилищных прав граждан (вх. № КЛ-540 от 06.07.2022)20.

Приведем еще один пример того, как лишь вмешательство Уполномоченного по ПЧ в РФ помогло отстоять нарушенные жилищные права граждан из Республики Коми. Речь идет о претензии на проведение капитального ремонта многоквартирного дома. Жалобы на некачественную работу регионального оператора, адресованные исполнительной власти, результатов не дали. Предписания, вынесенные прокурором, им тоже игнорировались. Привлечь к административной ответственности регионального оператора капремонта удалось при помощи Уполномоченного по ПЧ в судебном порядке. В пользу заявителя была взыскана компенсация морального вреда (вх. № Е-112 от 22.02.2023)21.

Проведенный анализ динамики обращений к Уполномоченному по ПЧ свидетельствует о том, что проблемы в сфере обеспечения граждан жильем остаются в повестке дня. И это проблемы не одного конкретного региона. Вместе с тем рост обращений по защите прав на жилище позволяет заключить, что проблемы нарастают, а это указывает на необходимость принятия своевременных и эффективных решений в данной сфере.

Статистика по количеству обращений к Уполномоченному по ПЧ в РФ по жилищным вопросам за 2021–2023 гг. следующая: 2021 г. – 5975 обращений, 2022 г. – 4292 обращения, 2023 г. – 4520 обращений. Т.Н. Москалькова отмечает, что 2023 г. характеризовался новой тенденцией – ростом количества «обращений от жителей новых регионов России по вопросам получения мер государственной жилищной поддержки в связи с утратой жилья или его повреждением в результате боевых действий» 21. За 2023 г. поступило 667 подобных обращений.

В своих обращениях к Уполномоченному по ПЧ граждане ссылаются на нарушения различных составляющих жилищного права (перечень мы даем в зависимости от выявленной частотности обращений). Например:
– предоставление жилых помещений льготным категориям граждан21;
– предоставление жилого помещения по договору социального найма21;
– оплата за жилье и коммунальные услуги, предоставление коммунальных услуг ненадлежащего качества, предоставление льгот на оплату жилищно-коммунальных услуг21;
– расселение аварийного жилья21;
– содержание и эксплуатация жилищного фонда21;
– длительное неисполнение судебных решений в сфере реализации жилищных прав граждан и обеспечении восстановления нарушенных жилищных прав.

Необходимо отметить, что одним из важных приоритетов деятельности Уполномоченного по ПЧ в РФ является возможность направлять предложения об изменениях жилищного законодательства в ряд федеральных органов власти (Государственную Думу, Правительство РФ и т.д.). Этим правом Аппарат Уполномоченного по ПЧ в РФ активно пользуется. Так, например, законодатель учел предложения Уполномоченного по ПЧ в РФ о внесении поправок в ряд общественно значимых законов и постановлений (их перечень дан в Приложениях под номерами 22–24).

Заключение

Проведенный анализ показывает, что большинство проблем в жилищной сфере связано с несоблюдением жилищного законодательства. Однако нельзя игнорировать и наличие системных проблем, обусловленных недостаточным финансированием мероприятий по обеспечению жильем, нехваткой жилого фонда для исполнения государством своих обязательств перед льготными категориями граждан. Это касается, прежде всего, проведения капитального ремонта многоквартирных домов, переселения граждан из аварийного жилищного фонда, а также существующими пробелами законодательства, которые возможно выявить как раз на практике, в ситуациях конкретных обращений граждан за защитой своих прав.

Таким образом, система норм, регулирующих правоотношения в сфере обеспечения права граждан на жилище, выглядит следующим образом: главенствующая роль принадлежит Конституции РФ, которая служит основой для создания федеральных законов и подзаконных актов. На базе федеральных законов субъекты РФ издают региональные законы и подзаконные акты с учетом специфического положения конкретного региона. Далее органы местного самоуправления вносят свой вклад в нормотворчество. Ну, и иные государственные органы, осуществляющие надзор за обеспечением гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, вправе также выступать субъектами нормотворчества.

Нами были перечислены основные законы и нормативно-правовые акты, являющиеся на сегодняшний момент основой конституционно-правовой политики РФ по вопросу обеспечения права на жилище. Также проанализирована роль Прокуратуры РФ и Аппарата Уполномоченного по ПЧ в РФ по защите прав граждан на жилище.

Еще раз отметим, что обязанности по обеспечению жилищных прав граждан разделены между всеми уровнями власти. Таким образом, можно констатировать, что защитой права граждан на жилище в РФ занимается развёрнутая система органов власти, среди них Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, суды субъектов РФ, прокуратура РФ, Уполномоченные по ПЧ в РФ и её субъектах.

Важнейшим критерием эффективности социальной политики любого государства остается доступность жилья. Формирование жилищной политики должно быть четко увязано со стратегией развития страны. Формирование стратегии должно начинаться с определения

приоритетов, желаемого образа жизни для граждан. Однако проблема обеспеченности граждан РФ жильем в силу своей значимости и социальной чувствительности до настоящего времени является наиболее актуальной.

Решение поднятых вопросов имеет и немаловажное научное значение, поскольку позволит внести вклад в формирование целостного представления о способах реализации конституционного права на жилище в общей теории конституционного права.

Примечания

1. Рейтинг стран Европы по строительству жилья//Россия сегодня: [сайт]. Москва, 2020.https://riarating.ru/infografika/20200721/630175444.html (дата обращения: 06.02.2025)

2. Закон РФ «О приватизации жилищного фонда в РФ» от 04.07.1991 № 1541–1; Закон РФ от 25.06.1993 № 5242–1 (ред. от 31.12.2014) «О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ»; ФЗ от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.01.2015); ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ; ФЗ от 25.10.2002 № 125-ФЗ (ред. от 17.07.2011) «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей»; ФЗ от 29.12.2004 № 189-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О введении в действие Жилищного кодекса РФ»; ФЗ от 30.12.2004 № 215-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О жилищных накопительных кооперативах»; ФЗ от 24.07.2008 № 161-ФЗ (ред. от 24.11.2014) «О содействии развитию жилищного строительства».

3. Указ Президента РФ 24 октября 2011 г. № 1422 «О жилищном обеспечении отдельных категорий граждан РФ»; Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 600 «О мерах по обеспечению граждан РФ доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг»; Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (ред. от 21 июля 2020 г.) «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.».

4. Постановление Правительства РФ от 13.10.1997 № 1301 (ред. от 30.01.2013) «О государственном учете жилищного фонда в РФ»; Постановление Правительства РФ от 21.03.2006 № 153 (ред. от 16.12.2022) «Об утверждении Правил выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации комплекса процессных мероприятий «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем отдельных категорий граждан» государственной программы РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ»; Федеральная целевая программа «Жилище», установленная Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2010 г. № 1050 «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2011–2015 годы»; Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 (ред. от 26.01.2023) «О реализации отдельных мероприятий государственной программы РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ»; Постановление Правительства РФ от 26.05.2016 № 466 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Жилище» на 2015–2020 гг.».

5. Информационное письмо Банка России от 11 ноября 2019 г. № ИН-06–59/82 «О Стандарте ипотечного кредитования»; Приказ Минстроя России от 29.04.2020 № 237/пр «Об утверждении условий отнесения жилых помещений к стандартному жилью»; Приказ Минстроя России от 14 мая 2021 г. № 292/пр «Об утверждении правил пользования жилыми помещениями».

6. Закон Московской области от 29.12.2021 № 309/2021-ОЗ «Об обеспечении жилищных прав граждан при осуществлении комплексного развития территории жилой застройки в Московской области»; Закон Ленинградской области от 02.11.2024 № 150-оз «О внесении изменений в областной закон «О порядке ведения органами местного самоуправления Ленинградской области учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 2 июля 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РФ».

8. Решение Тальменского районного суда Алтайского края от 16 апреля 2020 г. по иску гражданина N к администрации Тальменского района Алтайского края о признании права пользования квартирой, о возложении обязанности заключить договор социального найма квартиры; Решение Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 31 мая 2022 г. по иску прокурора г. Барнаула в интересах Громак О.М., Громак Е.В. к комитету жилищно-коммунального хозяйства г. Барнаула о возложении обязанности по выкупу аварийного жилого помещения, прекращении права собственности.

9. О прокуратуре РФ: ФЗ от 17.01.1992 № 2202–1//СЗ РФ. –1995. –№ 47. –Ст. 4472.

10. https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=59768912(дата обращения: 17.01.2025)

11. https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=61404461 (дата обращения: 17.01.2025)

12. https://www.forbes.ru/society/486167-genprokuror-zaavil-o-roste-cisla-obrasenij-nedovol-nyh-zkh-rossian-v-1–5-raza(дата обращения: 17.01.2025)

13. https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=89584477(дата обращения: 17.01.2025)

14. https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_54/mass-media/news?item=92680079(дата обращения: 21.01.2025)

15. https://rg.ru/2023/04/23/reg-sibfo/kogda-vosem-let-kak-tri-dnia.html(дата обращения: 21.01.2025)

16. https://novosibirsk.bezformata.com/listnews/prokuratura-v-sudebnom-poryadke-zashitila/117761091/ (дата обращения: 21.01.2025)

17. Об Уполномоченном по правам человека в РФ: Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ//СЗ РФ. –1997. –№ 9. –Ст. 1011.

18. https://upch.nso.ru/sites/upch.nso.ru/wodby_files/files/page_504/statistika_za_11_mesyacev_2024_itog.pdf (дата обращения: 14.01.2025)

19. https://zsnso.ru/news/19087 (дата обращения: 14.01.2025)

20. http://ombudsmanrf.org/(дата обращения: 14.01.2025)

21. https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4–883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2023.pdf (дата обращения: 22.01.2025 г.)

22. ФЗ от 29 мая 2023 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»//СЗ РФ. – 2023. – № 23. – Ст. 4009.

23. Постановление Правительства ДНР от 22 сентября 2023 г. № 80–1 «О внесении изменений в постановление Правительства ДНР «О реализации мер социальной поддержки граждан, жилые помещения которых утрачены или повреждены в результате боевых действий, а также утративших имущество первой необходимости в результате боевых действий на территории ДНР»//Министерство труда и социальной политики ДНР: официальный сайт. URL: //https://mintrud.gov-dpr.ru/index.phb/normativnaya-baza/postanovleniya (дата обращения: 16.03.2024).

24. ФЗ от 19 декабря 2023 г. № 608-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс РФ и ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»//СЗ РФ. –2023. –№ 52. –Ст. 9521; ФЗ от 19 декабря 2023 г. № 602-ФЗ «О внесении изменений в статью 155 Жилищного кодекса РФ и отдельные законодательные акты РФ» // СЗ РФ. –2023. –№ 52. – Ст. 9515.

Литература

1. Чирейкин Н.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по обеспечению конституционного права граждан на жилище//Современное право. – 2024. – № 9. – С. 37–43.

2. Журавлева А.В., Зейналова Л.М. Особенности реализации права собственности на жилое помещение в РФ//Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 6 (198). – С. 232–235.

3. Кравец И.А. Конституционное правосудие: теория судебного конституционного права и практика судебного конституционного процесса. – М.: Юстицинформ, 2017. – 399 с.

4. Чирейкин Н.М. Гарантии реализации конституционного права на жилище в Российской Федерации//Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XX Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. – Том 1. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2024. – С. 49–55.

5. Зорькин В.Д. Обеспечение социальной справедливости и защита социальных прав граждан в конституционном правосудии//Журнал конституционного правосудия. –2009. –№ 3. – С. 1–2.

6. Прасолов Б.В. Конституционное право граждан на жилище//Семейное и жилищное право. –2016. – № 4. – С. 34–38.

7. Фролов А.А. К проблеме определения понятия «жилище» в российском конституционном праве//Вестник Саратовской государственной юридической Академии. –2021 г. –№ 4 (141). – С. 53–58.

8. Матинская М.Ю. Конституционное право на жилище: становление и развитие в Российском конституционном законодательстве// Вестник Бурятского государственного ун-та. –2010. –№ 2. – С. 197–200.

9. Алексикова О.Е. Нормативно-правовая регламентация права на жилище в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ//Исторические, философские, политические и юридические на-

уки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. –2013. –№ 1. –Ч. 2. –С. 24–27.

10. Грудцына Л.Ю. Конституционное право граждан на жилище. Неприкосновенность жилища//Адвокат. – 2007. – № 7. –С. 90–112.

11. Давыдова М.Л. К вопросу о существовании ограничительных нормативно-правовых предписаний//Государственно-правовые исследования. –2018. –№ 1. – С. 62–67.

12. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма, 2011. – С. 544.

13. Евдокимов В.Б., Игонина Н.А. Конституционная модернизация и прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина//Журнал российского права. –2021. – № 12. – С. 157–170.

14. Плехотко К.К. Защита прав малоимущих граждан РФ на жилище отдельными государственными органами//Российско-азиатский правовой журнал. – 2023. – № 1. – С. 25–31.

15. Международная и внутригосударственная защита прав человека /А.Х. Абашидзе, З.Г. Алиев, К.Ф. Амиров и др.; под ред. Р.М. Валеева. – Москва: Статут, 2011. – 830 с.

THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE ISSUE OF ENSURING THE RIGHT TO HOUSING

Chireikin N.M.
Novosibirsk State University of Economics and Management

The article provides an overview of the constitutional and legal policy of the Russian Federation on the issue of ensuring citizens' right to housing, the mechanism of housing policy implementation is analyzed. The problem of lagging behind the formation of the norms of sectoral legislation to the norms of constitutional law that have undergone radical changes is noted. Purpose. Identification of the hierarchy of state authorities, local governments, the Prosecutor's Office of the Russian Federation and the Office of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in the protection of citizens' rights to housing and their impact on the existing model of implementation of the mechanism of protection of the right. Methodology. To achieve the goal set in this study, general scientific and private scientific methods were used. Systematic and structural-functional methods were used in the analysis of normative legal acts. Results. The analysis shows that the number of appeals from citizens in the field of protection of the right to housing is steadily increasing. It is noted that most of the problems in the housing sector are related to both non-compliance with housing legislation and the presence of systemic problems. Conclusion. The conclusions outlined in the work contribute to further deepening research on the issue, and indicate the need for state and local government authorities to make timely and effective decisions in the field of ensuring the constitutional right of citizens to housing. This will make it possible to contribute to the formation of a holistic view of the limitations and limits of the exercise of this right in the theory of constitutional law.

Keywords: constitutional rights, the right to housing, protection of rights, Commissioner for Human Rights, levels of power

References

1. Chireikin N.M. Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on Ensuring the Constitutional Right of Citizens to Housing//Modern Law. – 2024. – No. 9. – Pp. 37–43.

2. Zhuravleva A.V., Zeynalova L.M. Features of the Exercise of Ownership Rights to Residential Premises in the Russian Federation//Law and State: Theory and Practice. – 2021. – No. 6 (198). – Pp. 232–235.

3. Kravets I.A. Constitutional Justice: Theory of Judicial Constitutional Law and Practice of Judicial Constitutional Process. – Moscow: Yustitsinform, 2017. – 399 p.

4. Chireikin N.M. Guarantees for the Implementation of the Constitutional Right to Housing in the Russian Federation//Tatishchev Readings: Current Problems of Science and Practice. Proceedings of the XX International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes. – Volume 1. – Tolyatti: Volzhsky University named after V.N. Tatishchev, 2024. – Pp. 49–55.

5. Zorkin V.D. Ensuring Social Justice and Protecting the Social Rights of Citizens in Constitutional Justice//Journal of Constitutional Justice. –2009. –№ 3. – Pp. 1–2.

6. Prasolov B.V. Constitutional Right of Citizens to Housing//Family and Housing Law. –2016. –№ 4. – Pp. 34–38.

7. Frolov A.A. On the Problem of Defining the Term "Dwelling" in Russian Constitutional Law//Bulletin of the Saratov State Law Academy. –2021. – No. 4 (141). – P. 53–58.

8. Matinskaya M. Yu. Constitutional Right to Housing: Formation and Development in Russian Constitutional Legislation//Bulletin of the Buryat State University. –2010. – No. 2. – P. 197–200.

9. Aleksikova O.E. Normative-legal regulation of the right to housing in Russia and abroad: a comparative legal analysis//Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues. –2013. – No. 1. – Part 2. – P. 24–27.

10. Grudtsyna L. Yu. The Constitutional Right of Citizens to Housing. Inviolability of the Home//Advocate. – 2007. – No. 7. – P. 90–112.

11. Davydova M.L. On the Existence of Restrictive Normative-Legal Instructions// State and Legal Studies. – 2018. – No. 1. – P. 62–67.

12. Bondar N.S. Judicial Constitutionalism in Russia in Light of Constitutional Justice. – Moscow: Norma, 2011. – P. 544.

13. Evdokimov V.B., Igonina N.A. Constitutional Modernization and Prosecutor's Supervision over Observance of Human and Citizen Rights and Freedoms// Journal of Russian Law. – 2021. – No. 12. – P. 157–170.

14. Plekhotko K.K. Protection of the rights of low-income citizens of the Russian Federation to housing by individual government agencies//Russian-Asian Legal Journal. – 2023. – No. 1. – P. 25–31.

15. International and domestic protection of human rights /A.Kh. Abashidze, Z.G. Aliyev, K.F. Amirov et al.; edited by R.M. Valeev. – Moscow: Statut, 2011. – 830 p.

Трансформация правового регулирования и институтов управления государственными хозяйственными обществами

Яковлев Александр Юрьевич,
доктор политических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт экономики РАН
E-mail: office@corporateadvisor.pro

В статье рассматриваются вопросы потенциальной трансформации правового регулирования и институтов управления акционерными обществами и обществами с ограниченной ответственностью с участием Российской Федерации и субъектов РФ. В научном труде описаны возможные для внесения изменения в федеральные и региональные нормативные правовые акты (в частности, Гражданский кодекс РФ, федеральные законы «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью», подзаконные акты Правительства РФ). Корректировок также требуют некоторые внутренние документы хозяйственных обществ (уставы, ключевые положения организаций). Работа подготовлена в рамках темы государственного задания Института экономики РАН на 2024–2026 гг. «Трансформация и развитие институтов государственного управления в новых социально-экономических условиях».

Ключевые слова: правовое регулирование, правовое регулирование управления, институты управления, институты государственного управления, организация с участием государства, государственное хозяйственное общество, государственное акционерное общество.

Российская правовая система [2], хоть и довольно молодая, но достаточно развитая и обширная. В ней присутствуют как сферы с жестким регулированием [1], так и области [6], где ощущается его нехватка. Схожая ситуация имеет место и с государственными институтами [7].

В числе сегментов с высоким потенциалом регуляционного роста находится управление государственными активами [12]. В их числе хозяйственные общества [11] с участием федерального центра и регионов.

Несмотря на то, что как в Российской Федерации, так и государствах, правопреемницей коих она выступает, исторически [3] публично-правовые субъекты играли важнейшую роль в экономике [14], правовое пространство [9], связанное с управлением государственными активами далеко от идеального.

В настоящей статье, подготовленной в рамках темы государственного задания Института экономики РАН на 2024–2026 гг. «Трансформация и развитие институтов государственного управления в новых социально-экономических условиях», автор изложит свои предложения по трансформации правового регулирования и институтов управления федеральными и региональными хозяйственными обществами.

Ввиду того, что правовой каркас управления государственными хозяйственными обществами складывается из норм, содержащихся в актах различных уровней, то и корректировки потребуют: ГК РФ и ряд федеральных законов; акты органов исполнительной власти; региональные законодательные и подзаконные акты (для хозяйственных обществ с участием субъектов федерации); внутренние документы организаций (уставы, ключевые положения, многие из которых далеко не так широко освещены в научных публикациях и прессе в сравнении, например, с документом о закупках [5]).

Автор статьи предлагает следующие рекомендации.

1. Ввести в законодательство понятия: «хозяйственное общество с государственным участием», «акционерное общество с государственным участием», «общество с ограниченной ответственностью с государственным участием».

На сегодняшний день отсутствует законодательное закрепление указанных выше категорий, что порождает разночтения и использование схожих словосочетаний в нормативных правовых актах.

Можно выделить такие примеры: «акционерные общества, акции которых находятся в федеральной собственности» (постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 738 «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями…»); «акционерные общества, акции которых находятся в федеральной собственности» (п. 1 ст. 190 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»); акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, акции, доли в уставных капиталах которых находятся в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации (ст. 39 ФЗ от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»).

Спектр словесных конструкций значительно более широк, но и приведенные варианты демонстрируют обилие построек и загруженность действующих нормативных правовых актов неактуальными вещами для гражданского права. В частности, наличие в законе о банкротстве исключенной более 10 лет назад организационно-правовой формы «открытое акционерное общество».

Для исключения имевшей место с государственной корпорацией ситуации, в результате которой в ГК РФ отсутствовала подобная организационно-правовая форма, но фигурировала в ФЗ «Об НКО» и специальных федеральных законах о каждой госкорпорации, нужно указанные выше понятия (в некотором роде разновидности организационно-правовых форм) одновременно ввести в ГК РФ и федеральные законы.

Обоснованной, по мнению автора, является формулировка: хозяйственным обществом с государственным участием признается коммерческая организация, уставный капитал которой разделен на определенное число акций или долей, находящихся в собственности Российской Федерации и (или) субъекта Российской Федерации.

Необходимо обратить внимание на отсутствие в дефиниции указания на количество акций (долей), которые должны находиться у федерального центра или региона для отнесения общества к государ-

ственному. Введение числовой отсечки привело бы к возникновению потребности в замерах размера доли государства в капитале, периодическому запаздыванию в этом, дополнительной ненужной путанице и дискуссиям на данный счет.

По аналогии формулируются понятия для акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью с государственным участием.

Если конкретизировать места для новых норм, то потенциально это: п. 1 ст. 66, п. 1 ст. 87, п. 1 ст. 96 ГК РФ; п. 1 ст. 2 ФЗ «Об АО»; п. 1 ст. 2 ФЗ «Об ООО».

Выражается предпочтение именно формулировкам «с государственным участием», а не «государственным…». В научных текстах (их заглавии) для избегания повторений допустимо использование обоих вариантов.

2. Закрепить на законодательном уровне понятия «профессиональный поверенный государства», «профессиональный директор» и «независимый директор».

Категории крайне важны для понимания того, какое лицо позволительно относить к таковым. На данный момент они частично раскрываются преимущественно лишь в подзаконных актах и документе ЦБ РФ рекомендательного характера – Кодексе корпоративного управления.

Выдвигаются следующие дефиниции.

Профессиональный поверенный государства – физическое лицо, избираемое государством для представления его интересов и управления хозяйственными обществами с участием государства.

Им может быть профессиональный директор, госслужащий, лицо на государственной должности.

Профессиональный директор – физическое лицо, не замещающее государственную должность, не являющееся государственным служащим, обладающее необходимой компетенцией для избрания государством в качестве члена совета директоров (наблюдательного совета).

Что именно относится к «необходимой компетенции» требует четкого формулирования и отражения в акте высшего органа исполнительной власти страны.

Независимый директор – профессиональный директор, отвечающий критериям независимости, установленным Правительством РФ.

Изложенные формулировки не представляются как догматичные, а их конструктивное обсуждение в компетентных кругах позволит улучшить и усилить их.

3. Установить обязательность применения единой системы оценки качества управления хозяйственными обществами с государственным участием.

В 2026 г. отсутствует на федеральном и региональном уровнях подобная утвержденная система. Ранее ее тоже не было. Информации в общедоступных источниках об осуществлении работ по разработке подобного нет.

В связи с изложенным выше автор выдвинул идею о системе из 20 разноплановых критериев, объединенных в 5 блоков: «Стратегический контур»; «Правовой базис»; «Управленческая архитектура»; «Транспарентность»; «Результаты» [15].

Введение в действие системы оценки потребует корректировок ряда нормативных правовых актов.

Стоит добавить в компетенцию совета директоров полномочие по утверждению методики оценки качества управления обществом, ежегодное рассмотрение результатов оценки и утверждение плана мероприятий по повышению качества управления. Это целесообразно отразить в п. 1. ст. 65 ФЗ «Об АО» и п. 2.1 ст. 32 ФЗ «Об ООО».

Потребуется и множество изменений во внутренних документах организаций.

4. Дополнить примерную структуру годового отчета акционерного общества с участием РФ.

В постановление Правительства РФ от 31.12.2010 № 1214, утвердившее примерную структура хоть и вносились изменения крайний раз в 2024 г., однако структура еще далека от оптимальной. Одной из новелл может стать включение позиции «Результаты оценки качества управления акционерным обществом», где бы раскрывалась информация о мониторинге качества управления по 20 критериям.

5. Пересмотреть перечень директивных вопросов.

Среди прочего имеет смысл дополнить список вопросом: «утверждение методики оценки качества управления обществом и результатов ежегодной оценки» (п. 17 положения, утвержденного постановлением Правительства РФ от 03.12.2004 № 738).

По причине отсутствия аналогичного акта, связанного с управлением государственными обществами с ограниченной ответственностью, и появлению в собственности федерального центра или региона существенного их числа, может возникнуть потребность в документе такого рода.

Ввиду того, что субъекты федерации самостоятельно выстраивают институты управления своими имущественными активами, то для запуска авторских идей потребуется доработка и региональных нормативных правовых актов.

Осуществляя планирование [4] и практическое внедрение описанных предложений нужно учитывать ряд фундаментальных постулатов, сформулированных отечественным экономистом И.И. Смотрицкой: «…в основе любого управленческого решения лежит целеполагание, и это процесс политический, так как ключевые цели развития экономики и общества вырабатываются и регламентируются на политическом уровне. И только затем выстраивается система управления для достижения установленных целей. Но даже если создать самую эффективную модель администрирования, при неправильно выбранной цели результат будет не оптимален для общества» [10, с. 6]. Необходимо также учитывать ключевые риски [8]. Успешной реализации в немалой степени будет способствовать цифровизация [13] управленческих процессов.

Литература

1. Вечернин Д.С., Поздняков К.К. Институт саморегулирования как инструмент повышения эффективности управления государственной собственностью. Современное состояние и перспективы правового регулирования // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 4. – С. 99–103.
2. Киселев С.Г. К вопросу о соотношении права и закона в государстве // Муниципальная академия. – 2016. – № 3. – С. 41–45.
3. Козлов Д.В., Серегин А.В., Черкасова М.А. Генезис права собственности на древнем Ближнем Востоке: Монография. – М., 2022. – 106 с.
4. Кудрявцев С.А. Экономическое планирование и демократия // Обозреватель. – 2024. – № 5. – С. 85–95.
5. Матвеева Н.С., Псарева Н.Ю. Государственные и муниципальные закупки // Муниципальная академия. – 2022. – № 3. – С. 105–111.
6. Петрина О.А., Зубков Д.А. Анализ современных мер поддержки промышленности в городе Москве: тенденции и развитие // Муниципальная академия. – 2024. – № 1. – С. 95–101.
7. Рабаданова А.А. Перспективные институциональные формы развития государственно-частного партнерства // Экономические науки. – 2023. – № 228. – С. 105–108.
8. Семенова Д.М., Кудрявцев С.А. ESG в политическом дискурсе современной России: ключевые риски // Вестник Пермского университета. Политология. – 2023. – № 2. – С. 39–47.
9. Серегин А.В., Хмельченко Е.Г., Черкасова М.А. Роль интеллектуальной элиты человечества в генезисе государства и права // Вестник Академии права и управления. – 2025. – № 4. – С. 90–93.
10. Смотрицкая И.И. Современные тенденции в развитии концепции государственного управления // Общество и экономика. – 2024. – № 10. – С. 5–16.
11. Смотрицкая И.И., Фролова Н.Д. Методологические подходы к измерению и оценке качества управления в российских публичных компаниях // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2023. – № 3. – С. 60–81.
12. Современные институты государственного управления: вызовы, адаптация, развитие: Монография. – М.: ИЭ РАН, 2024. – 373 с.
13. Хмельченко Е.Г., Колчин А.А., Губанов Р.В. Цифровизация как инструмент стратегического управления территорией (на примере Московской области) // Муниципальная академия. – 2025. – № 5. – С. 80–87.
14. Черных С.И. Методы «мягкой силы» в политике и экономике // Общество и экономика. – 2023. – № 1. – С. 27–36.
15. Яковлев А.Ю. Универсальная система многокритериальной оценки качества управления акционерными обществами с участием государства // Фундаментальная и прикладная математика. – 2026. – № 2. – С. 24–28.

TRANSFORMATION OF LEGAL REGULATION AND GOVERNANCE INSTITUTIONS OF STATE COMPANIES

Yakovlev A.Y.
Institute of Economics of RAS

The article examines issues of potential transformation of legal regulation and governance institutions of joint-stock companies and limited liability companies with participation of the Russian Federation and Russian regions. The scientific work describes possible amendments to federal and regional regulatory legal acts (in particular, Civil Code of the Russian Federation, federal laws «On joint-stock companies» and «On limited liability companies», subsidiary acts of the Government of the Russian Federation). Adjustments also require some internal documents of companies (charters, key regulations of organizations). The work was prepared within the framework of the state assignment of the Institute of Eco-

nomics of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026 «Transformation and development of public administration institutions in new socio-economic conditions».

Keywords: legal regulation, governance legal regulation, governance institutions, institutions of public administration, organization with state participation, state company, state joint-stock company.

References

1. Vechernin D.S., Pozdnyakov K.K. Institute of Self-Regulation as a tool for improving the efficiency of state property management. Current state and prospects of legal regulation // Public service and personnel. – 2019. – № 4. – P. 99–103.

2. Kiselev S.G. On the Relationship between Law and Legislation in the State // Municipal Academy. – 2016. – № 3. – P. 41–45.

3. Kozlov D.V., Seregin A.V., Cherkasova M.A. Genesis of Property Rights in the Ancient Near East: Monograph. – Moscow, 2022. – 106 p.

4. Kudryavtsev S.A. Economic Planning and Democracy // Observer. – 2024. – № 5. – P. 85–95.

5. Matveeva N.S., Psareva N.Y. State and municipal procurement // Municipal Academy. – 2022. – № 3. – P. 105–111.

6. Petrina O.A., Zubkov D.A. Analysis of modern measures of industry support in the city of Moscow: trends and development // Municipal Academy. – 2024. – № 1. – P. 95–101.

7. Rabadanova A.A. Prospective institutional forms of development of public-private partnership // Economic sciences. – 2023. – № 228. – P. 105–108.

8. Semenova D.M., Kudryavtsev S.A. ESG in the political discourse of modern Russia: key risks // Vestnik Perm University. Political science. – 2023. – № 2. – P. 39–47.

9. Seregin A. V., Khmelchenko E.G., Cherkasova M.A. The role of the intellectual elite of humanity in the genesis of state and law // Journal of the Academy of Law and Administration. – 2025. – № 4. – P. 90–93.

10. Smnegskaya I.Y. Modern trends in the development of the concept of public administration // Society and economy. – 2024. – № 10. – P. 5–16.

11. Smotritskaya I.I., Frolova N.D. Methodological approaches to the measurement and evaluation of management quality in Russian public companies // STAGE: economic theory, analysis, practice. – 2023. – № 3. – P. 60–81.

12. Modern institutions of public administration: challenges, adaptation, development: Monograph. – M.: IE RAS, 2024. – 373 p.

13. Khmelchenko E.Г., Kolchin A.A., Gubanov R.V. Digitalization as a tool for strategic territorial management (on the example of the Moscow region) // Municipal Academy. – 2025. – № 5. – P. 80–87.

14. Chernih S.I. Methods of «soft power» in politics and economy // Society and economy. – 2023. – № 1. – P. 27–36.

15. Yakovlev A.Y. Universal system of multi-criteria evaluation of governance quality of joint-stock companies with state participation // Fundamental and Applied Mathematics. – 2026. – № 2. – P. 24–28.

Цифровая компетентность как условие эффективного расследования киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологии

Кочесоков Заурбек Хамидбиевич,
доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры правового обеспечения деятельности органов власти, Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС
E-mail: kochesokov68@bk.ru

Кочесокова Марьяна Каральбиевна,
старший преподаватель кафедры экономики и финансового права, Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС
E-mail: kochesokova92@mail ru

В настоящее время в сфере цифровых технологий совершается много преступлений. Для расследования этих преступлений необходимо обладать не только традиционными юридическими компетенциями, но и цифровыми компетенциями. Ценность цифровых компетенций заключается в том, что знания, навыки и умения работать сотрудников правоохранительных органов в цифровой среде и с цифровыми продуктами могут помочь им ускорить процесс расследования преступлений и, таким образом, способствовать более эффективному и успешному выполнению их задач. Поэтому развитие цифровой компетентности среди сотрудников правоохранительных органов имеет решающее значение. Чем выше уровень цифровой компетентности, тем выше уровень безопасности.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая грамотность, цифровой мир, цифровая среда, цифровые технологии, киберпреступления, киберпространство, цифровой терроризм, цифровая компетентность

В настоящее время в РФ актуальной является проблема цифровой грамотности. Об этом свидетельствуют данные, полученные центром НАФИ, из проведенных исследований которого, основанными на данных платформы «Цифровой гражданин» следует, что уровень цифровой грамотности россиян в настоящее время находится на отметке 71 п. из 100 возможных.

Причем, как показывает анализ, эти показатели не меняются уже три года.

Что касается цифровых технологии то, как показывает анализ, они в России давно получили широкое распространение. Тем не менее, население страны еще плохо владеет цифровыми компетенциями [1].

Говоря о цифровой компетентности, очень важно уточнить степень подключения населения страны к Интернету. Самые высокие показатели использования Интернета отмечаются в Ямало-Ненецком автономном округе, Магаданской области и Чеченской Республике.

Самые низкие показатели по использованию Интернета отмечены в Республике Марий Эл, Новгородской области и Республике Мордовия. Удивительно, но Москва в этом плане не является регионом с высокими показателями.

С точки зрения интернет-активности эти регионы также отстают от других. К примеру, Краснодарский край среди регионов, которые меньше остальных пользуются интернетом. Среди регионов с низкими цифровыми навыками КЧР, Чечня и Дагестан [2].

В широком смысле цифровая грамотность включает в себя умение взаимодействовать с цифровым миром, критически оценивать информацию, осваивать новые цифровые технологии, обеспечивать онлайн безопасность и др.[3].

В. Путин, учитывая актуальность исследуемой проблемы, дал поручение разработать и утвердить концепцию, направленную на повышение цифровой грамотности граждан. Документ должен быть готов не позднее 1 июля 2026 года [4].

Цифровизация общества требует навыки работы в цифровой среде, соответствующих цифровых компетенции [5]. Однако, согласно опросу «Лаборатории Касперского», ключевым вопросом в этом аспекте является кибербезопасность, которая в первую очередь зависит от цифровой грамотности сотрудников [6].

Поскольку цифровизация касается всего общества, появились криминальные структуры, которые активно используют ее возможности.

Цифровизация общества требует от сотрудников правоохранительных органов цифровой компетентности. Особенно при расследовании киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологии.

В 2025 году в России было зарегистрировано 675 400 преступлений, совершенных с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, а также в сфере компьютерной информации. IT-преступления по-прежнему составляют значительную часть российской преступности, составляя примерно 38% от общего числа зарегистрированных правонарушений. Половина всех преступлений, связанных с информационными технологиями, в 2025 году была связана с кибератаками, что составило примерно 350 тыс. случаев [7].

Очевидно, что в этих условиях сотрудники органов внутренних должны иметь навыки работы, знания и умения в цифровой сфере [8].

Цифровые технологии могут ускорить процесс расследования киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологии и сделать их работу все более динамичной. Это касается, как сбора информации, так и поиска следов преступлений и т.д.

Цифровая компетентность играет важную роль в современном обществе. Каждый человек должен иметь навыки взаимодействия с цифровыми технологиями. Чем выше цифровая компетентность человека, тем в большей безопасности он будет чувствовать в цифровой среде.

В данной связи напомним, что на долю цифровых преступлений в 2024 году приходилось 40% от всех зарегистрированных [9] и с использованием информационно-коммуникационных технологии мошенники похитили у россиян более 275–295 миллиардов рублей. Причем, хищения с использованием информационно-коммуникационных технологии выросли в 2025 году на 5% [10].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что ныне в вопросах расследования киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологии существуют серьёзные проблемы.

Разумеется, государство в этой связи пытается сделать все возможное, принять меры, чтобы переломить ситуацию. Однако действия правоохранительных органов, которые опираются в основном на традиционные методы, пока остаются неэффективными, что приводит к низкому уровню раскрываемости преступлений.

В последнее время в борьбе кибермошенничеством был сделан значительный шаг. В частности, в 2004–2005 годах в этой связи были приняты законы, которые ужесточают ответственность за преступления в цифровой сфере [11].

Однако, как нам представляется, противодействие преступности в цифровой сфере должен носить комплексный характер, который включает: жесткое законодательство, соответствующие технические возможности, международную кооперацию, повышение цифровой грамотности граждан и т д. Иначе говоря, оно должно быть многоуровневым.

Цифровые преступления являются сложными, требуют специальных знаний, из-за чего, собственно говоря, цифровая преступность вытесняет традиционные. Так, большая доля всех мошенничеств за январь-ноябрь 2024 года была совершена с использованием информационно-коммуникационных технологии (85%, 350 тыс.)

Существуют также различные виды цифрового мошенничества. К ним относятся мошенничества с подменой номера, с электронным платежными средствами и другие. Их число выросло на 7,8% в 2024 году [12].

Возвращаясь к проблеме повышения цифровой грамотности, необходимо отметить, что другие страны тоже работают над этим. В зависимости от категории граждан они создают различные образовательные программы.

В частности, цифровой грамотности своих граждан уделяет значительное внимание Евросоюз. Можно также в этой связи упомянуть Финляндию, Южную Корею и т.д. Они в этом плане накопили большой опыт, который следует также использовать и в России.

Ныне очень важно соответствовать вызовам и угрозам цифровизации общества. Как показывает анализ, в интернете в настоящее время действуют очень много террористических и экстремистских сайтов. По разным оценкам их численность составляет около 30 тыс.

Информационно-коммуникационные технологии ныне используются для совершения террористических актов. В данной связи существует мнение [13], что наступает эра цифрового терроризма. Возможные последствия цифрового терроризма сравниваются с оружием массового поражения.

Действительно, информационно-коммуникационные технологии предоставляют террористам широкие возможности. В частности, позволяют им значительно расширить географию распространения идеологии терроризма и экстремизма, привлечения новых сторонников, финансовых средств, более организованно вести подготовку террористических актов и многое другое.

Подытоживая все сказанное, можно заключить, что в настоящее время сотрудники правоохранительных органов выполняют большой объем работы, что значительно замедляет их работу и затрудняет получение информации.

В сфере цифровых технологий совершается много преступлений. Для расследования этих преступлений необходимо обладать не только традиционными юридическими компетенциями, но и цифровыми компетенциями. Ценность цифровых компетенций заключается в том, что знания, навыки и умения работать сотрудников правоохранительных органов в цифровой среде и с цифровыми продуктами могут помочь им ускорить процесс расследования преступлений и, таким образом, способствовать более эффективному и успешному выполнению их задач.

Поэтому развитие цифровой компетентности среди сотрудников правоохранительных органов имеет решающее значение. Чем выше уровень цифровой компетентности, тем выше уровень безопасности.

Литература

1. Цифровая грамотность россиян перестала расти //https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/01/29/24944042.shtml?ysclid=mlz8qgz73c931782425&utm_auth=false

2. Активное использование интернета ещё не говорит о цифровой грамотности //https://skillbox.ru/media/education/aktivnoe-ispolzovanie-interneta-eshchye-ne-govorit-o-tsifrovoy-gramotnosti/

3. Цифровая грамотность как инструмент повышения правовой осведомленности молодежи //https://illp.uz/цифровая-грамотность-как-инструмент/

4. Путин дал поручение научить россиян кибербезопасности // https://news.ru/vlast/putin-dal-poruchenie-o-povyshenii-urovnya-cifrovoj-gramotnosti-rossiyan?ysclid=mlxu22z0li775730800

5. Трансформация востребованности навыков и профессий в условиях цифровизации российской экономики//https://1economic.ru/lib/110666?ysclid=mly2420gsn400361912

6. Низкий уровень цифровой грамотности — главная проблема кибербезопасности для бизнеса в России //https://safe.cnews.ru/news/line/2023–04–19_nizkij_uroven_tsifrovoj

7. Генпрокуратура: в России сократилось число IT-преступлений // https://habr.com/ru/news/994406/

8. Положительные аспекты внедрения цифровых технологий в криминалистику//https://moluch.ru/archive/445/97913

9. Почти половина всех преступлений в России пришлась на IT-сферу//https://news.ru/society/pochti-polovina-vseh-prestuplenij-v-rossii-prishlas-na-it-sferu?ysclid=mlzzyju9a033265087

10. Как защитить права человека в цифровой среде? Юристы предложили законодательно усилить защиту граждан от цифровых мошенников //https://rg.ru/2025/10/30/reg-urfo/kak-zashchitit-prava-cheloveka-v-cifrovoj-srede.html?ysclid=mlzl1ntkrx268134611&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F

11. «Сбер»: мошенники в 2025 году похитили у россиян почти 300 млрд руб.//https://www.osp.ru/articles/2025/0129/13060383

12. Генпрокуратура указала на смену традиционных видов преступности на цифровые //https://tass.ru/obschestvo/22831665

13. СБ РФ: цифровой терроризм может быть сопоставим с оружием массового уничтожения //https://tass.ru/politika/14658343

DIGITAL COMPETENCE AS A CONDITION FOR EFFECTIVE INVESTIGATION OF CYBERCRIMES AND HIGH-TECH CRIMES

Kochesokov Z.Kh., Kochesokova M.K.
North Caucasus Institute – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Currently, there are many crimes being committed in the field of digital technologies. In order to investigate these crimes, it is necessary to have not only traditional legal competencies, but also digital competencies. The value of digital competencies lies in the fact that the knowledge, skills, and abilities of law enforcement officers to work in a digital environment and with digital products can help them to speed up the process of investigating crimes and thus contribute to a more efficient and successful performance of their tasks. Therefore, the development of digital competence among law enforcement officers is crucial. The higher the level of digital competence, the higher the level of security.

Keywords: digitalization, digital literacy, digital world, digital environment, digital technologies, cybercrimes, cyberspace, digital terrorism, digital competence

References

1. Russians' digital literacy has stopped growing //https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/01/29/24944042.shtml?ysclid=mlz8qgz73c931782425&utm_auth=false

2. Active internet use does not necessarily indicate digital literacy //https://skillbox.ru/media/education/aktivnoe-ispolzovanie-interneta-eshchye-ne-govorit-o-tsifrovoy-gramotnosti/

3. Digital literacy as a tool for raising young people's legal awareness //https://illp.uz/цифровая-игротность-ка-инструмент/

4. Putin ordered that Russians be taught cybersecurity //https://news.ru/vlast/putin-dal-poruchenie-o-povyshenii-urovnya-cifrovoj-gramotnosti-rossiyan?ysclid=mlxu22z0li775730800

5. Transformation of Demand for Skills and Professions in the Context of Digitalization of the Russian Economy//https://1economic.ru/lib/110666?ysclid=mly2420gsn400361912

6. Low Level of Digital Literacy is the Main Cybersecurity Problem for Business in Russia //https://safe.cnews.ru/news/line/2023–04–19_nizkij_uroven_tsifrovoj

7. Prosecutor General's Office: The Number of IT Crimes in Russia Has Decreased // https://habr.com/ru/news/994406/

8. Positive Aspects of Digital Technology Implementation in forensics//https://moluch.ru/archive/445/97913

9. Almost half of all crimes in Russia occurred in the IT sector//https://news.ru/society/pochti-polovina-vseh-prestuplenij-v-rossii-prishlas-na-it-sferu?ysclid=mlzzyju9a033265087

10. How to protect human rights in the digital environment? Lawyers have proposed legislatively strengthening the protection of citizens from digital fraudsters //https://rg.ru/2025/10/30/reg-urfo/kak-zashchitit-prava-cheloveka-v-cifrovoj-srede.html?ysclid=mlzl1ntkrx268134611&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F

11. Sber: fraudsters stole almost 300 billion rubles from Russians in 2025 //https://www.osp.ru/articles/2025/0129/13060383

12. The Prosecutor General's Office pointed to the shift from traditional types of crime to digital ones //https://tass.ru/obschestvo/22831665

13. Security Council of the Russian Federation: digital terrorism can be comparable to weapons of mass destruction destruction //https://tass.ru/politika/14658343

Нотариус и аудитор: два вида злоупотреблений, одно наказание?

Магомедов Магомед Рабаданович,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Дагестанского государственного университета, федеральный судья Верховного Суда Республики Дагестан

Зейналов Марат Магомедович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Дагестанского государственного университета, начальник Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Дагестан,

В статье рассматриваются актуальные вопросы уголовно-правового института ответственности за злоупотребление полномочиями нотариусами и аудиторами. Обосновывается важность изучения данных субъектов по отдельности, ввиду различия природы их деятельности, совершаемых ими противоправных действий, а также возможных общественно опасных последствий.
В процессе написания научной статьи были применены общенаучные и специальные методы исследования, такие как теоретический анализ, догматический метод, структурный метод, системный подход, сравнительно-правовой метод, эмпирический метод.
По результатам исследования обосновывается актуальность дальнейшего изучения уголовно-правового института злоупотребления полномочиями частными нотариусами и аудиторами с позиции дифференцированного подхода. Кроме того, выявлены различия в механизмах злоупотреблений, предлагаются меры по совершенствованию правового механизма привлечения их к ответственности.

Ключевые слова: нотариат, аудит, нотариусы, аудиторы, злоупотребление полномочиями, уголовное законодательство, ст. 202 УК РФ, правоприменительная практика, привлечение к уголовной ответственности.

Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами – преступление, предусмотренное ст. 202 УК РФ. По своей сущности злоупотребление заключается в совершении деяний, противоречащих задачам нотариальной или аудиторской деятельности. На первый взгляд, объединение ответственности нотариусов и аудиторов в одну статью имеет под собой логичное обоснование. Оба субъекта обладают особым профессиональным статусом: нотариусы и аудиторы осуществляют деятельность, связанную с оказанием услуг, направленных на реализацию прав и законных интересов физических и юридических лиц. Однако детальный анализ показывает, что правовая природа полномочий нотариусов и аудиторов, механизмы совершения противоправных деяний и требования к квалификации преступлений имеют существенные различия.

В юридической науке одним из дискуссионных вопросов является правовая природа нотариата, двойственность его статуса. Как отмечают Ярков В.В., Ренц И., «С момента возрождения в 1993 году небюджетный нотариат нашей страны постоянно сталкивается с новыми вызовами, развиваясь вместе с российскими правовой, экономической и социальной системами». [1]

Нотариат, с одной стороны, обладает рядом публично-правовых характеристик, с другой носит частноправовой характер. Статья 1 Основ законодательства о нотариате подтверждает, что все нотариальные действия осуществляются от имени Российской Федерации [2]. Несмотря на то, что нотариусы имеют право заниматься частной практикой, специфика их деятельности связана с осуществлением функций по защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Именно реализация установленных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина, поддержание интересов общества и государства на должном уровне определяет публичное начало нотариата [3, с. 1]. Кроме того, законодателем четко установлены пределы полномочий нотариуса, что, в свою очередь, отличает нотариуса от других участников гражданского оборота.

Частноправовой характер нотариата связан с ходом реализации своей деятельности нотариусом. Нотариус выступает в качестве независимого профессионального субъекта, не входит ни в одну из ветвей власти, выступает в качестве независимого эксперта, который разъясняет права и обязанности, предупреждает о последствиях в ходе совершения того или иного нотариального действия. Организация деятельности частных нотариусов строится на принципах самофинансирования, полной имущественной ответственности. Как справедливо отмечают Паулов П.А., Фомкина В.Д. «на частнопрактикующих нотариусов возложено бремя содержания помещений нотариальных контор, приобретения и обслуживания компьютерной техники, лицензионного программного обеспечения, необходимого для подготовки нотариальных документов, содержания нотариального архива». [4, с. 52].

Публичные и частные элементы нотариальной деятельности не являются взаимоисключающими, а дополняют друг друга, что лишь подтверждает дуалистическую природу нотариата. С одной стороны, они выступают в качестве частных лиц, а с другой – как носители публично-правовых полномочий. В отличие от нотариусов, правовой статус аудиторов на первый взгляд лишен публично-правовой составляющей, однако аудиторская деятельность носит дуалистический характер.

В условиях стремительно развивающейся рыночной экономики, становления гражданского общества, возрастала роль внутрихозяйственного контроля, контроля со стороны индивидуальных предпринимателей, владельцев тех или иных организаций. В подобных условиях широкое распространение получил контроль в формате деятельности аудиторов.

Аудиторская деятельность представляет профессиональную коммерческую деятельность. В соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального закона № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» аудит определяется как «независимая проверка бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности». [5].

Аудитор, как и нотариус самостоятельно приобретает и обслуживает компьютерную технику, лицензионное программное обеспечение и иное. Аудиторы самостоятельно определяют стоимость оказываемых услуг, на них распространяются возможные предпринимательские риски.

Публичный характер деятельности аудиторов связан с реализацией публичных функций – охраной прав и законных интересов общества, государства. Выступая в качестве независимого эксперта, аудитор обладает полномочиями по определению достоверности информации, создаваемой участниками гражданских правоотношений. По результатам работы аудитора составляется аудиторское заключение, которое обязательно для представления в установленных законом случаях, используется неопределённым кругом лиц: физическими лицами, инвесторами, кредиторами, государственными налоговыми органами и иными лицами.

Дуализм аудиторской деятельности проявляется и с позиций системы регулирования, которая включает в себя три уровня: государственный контроль, саморегулирование, особый надзор. Государственный контроль – это система контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации, международных стандартов аудиторской деятельности, регламента (стандартов) проверки и профессиональной этики. Саморегулирование аудиторской деятельности осуществляется через саморегулируемые организации аудиторов – некоммерческие организации, которые имеют свои стандарты, направленные на поддержание высокого профессионального уровня аудиторской деятельности в общественных интересах. Особый надзор касается лишь тех аудиторских организаций, которые оказывают свои услуги общественно значимым организациям.

По мнению Ким Н.В., «Правовые вопросы аудита – это прежде всего соотношение публично-правовых и частноправовых начал в аудиторской деятельности». При этом автор замечает, что «обилие различных точек зрения российских правоведов на сущность аудита как раз и является подтверждением нечеткости этой правовой формы в российском законодательстве», а проблема имеет «более глубинные корни, определяющиеся сущностью правовой системы российского государства». [6, с. 23].

Проведенный анализ позволяет определить общие черты, так и различие в институтах нотариата и аудита.

Общие черты:

1. Оба института сочетают в себе публично-правовые, частноправовые начала. Нотариус действует от имени государства, в свою очередь, аудитор осуществляет публичную функцию подтверждения отчетности.

2. Нотариат и аудит обладают как государственным регулированием, так и саморегулированием.

3. К обоим институтам предъявляют определенные квалификационные требования, их деятельность строится на соблюдении этических норм, кроме того, предусмотрена возможность привлечения к ответственности, в том числе и по статье 202 УК РФ.

Отличительные особенности:

1. Сфера деятельности. Нотариус – это лицо, уполномоченное на совершение нотариальных действий, аудитор – лицо, уполномоченное на проведение независимых проверок финансовой (бухгалтерской) отчётности организаций, оказания аудиторских услуг.

2. Нотариус действует от имени государства, деятельность аудитора осуществляется в частноправовой форме, хотя и имеет публичную цель.

Куприянов Ф.А. подчеркивает: «Закон практически не оставляет нотариусу свободы для самодеятельности, рамки личного усмотрения очень узки». [7]. При этом аудитор обладает значительной свободой в процессе осуществления своей деятельности. «Процесс оценки – процесс не просто творческий, а очень неоднозначный», – отмечает тот же автор, подчеркивая, что вероятностные критерии и уголовная ответственность плохо совмещаются. [8].

3. Область злоупотребления: если нотариусы злоупотребляют властным инструментарием, то аудиторы экспертным статусом.

Объединение нотариусов и аудиторов в одной статье Уголовного кодекса порождает проблему квалификации злоупотреблений и разграничения со смежными составами. Одной из проблем в правоприменительной практике является точное определение субъекта преступления. Диспозиция статьи 202 УК РФ не проводит различия между злоупотреблением нотариуса и аудитора, при квалификации совершенного противоправного действия применяются единые признаки состава, несмотря на то что их фактический характер не совпадает.

Кроме того, согласно данной статье деяние совершено «в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам» и «с использованием своих полномочий вопреки законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства». [9].

С точки зрения осуществления аудиторской деятельности, обоснование составления им заведомо ложного заключения крайне сложно с позиции бремени доказывания. Аудиторское заключение может иметь субъективный характер, аудитор формирует мнение о достоверности финансовой (бухгалтерской) отчётности на основании профессионального суждения, имеющихся знаний и конкретных обстоятельств дела.

Для нотариуса бремя доказывания также имеет неоднозначный характер вследствие того, что злоупотребление может быть вызвано не только извлечением незаконного вознаграждения, но и выражаться в такой форме как получение статусных преимуществ, совершение злоупотребления организованной группой, получение выгоды в будущем.

Таким образом, единая формулировка статьи 202 УК РФ вызывает трудности уже на стадии возбуждения уголовного дела, где провести доказывание субъективной стороны, основываясь лишь на статусе лица, крайне сложно.

Существенно проблемой является также разграничение статьи 202 УК РФ со смежными составами. Так один из проблемных вопросов возникает при квалификации преступления, совершенного аудитором или нотариусом в качестве соучастника преступления. Квалификация данного преступления по своей сущности проходит под статью злоупотребления полномочиями, так и под статью о мошенничестве, совершенным по предварительному сговору с использованием служебного положения.

Так по делу Первомайского районного суда Тамбовской области подсудимая, работая у нотариуса, оказывала услуги по консультированию граждан, оформлению документов в сфере недвижимости, принятию наследства. Получив денежные средства на сумму свыше 500000 рублей от 16 граждан, фактически принятые обязательства не были исполнены. Её действия были квалифицированы по статье 159 УК РФ о мошенничестве, ввиду того что сотрудница не обладала публично-правовыми полномочиями нотариуса, несмотря на то что, фактически действия, совершённые ею, подпадают под статью 202 УК РФ. [10]. Данный пример из судебной практики лишь подтверждает значимость разграничения субъектного состава преступления, так как при недостаточной исследовании материалов по делу, возможно допущение ошибок, которые могут привести к неправильной квалификации преступления.

При этом возможно такое, что по одному уголовному делу применяется одновременно и статья о мошенничестве, так и статья о злоупотреблении полномочиями. Частный нотариус из Москвы обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, ч. 4. ст. 159 УК РФ, ч. 1 ст. 202 УК РФ. К нотариусу обратилась группа лиц с целью изготовления трех договоров пожизненного содержания с иждивением без соблюдения предусмотренной законодательством процедуры. Перед этим были сняты денежные средства на сумму около двадцати миллионов рублей со счетов потерпевшего. [11]. Данное дело иллюстрирует случай, где одно и то же деяние может содержать признаки обоих составов, что доказывает сложность разграничения и проблем квалификации.

Как следует из анализа судебной практики, количество дел, доходящих до суда по ст. 202 УК РФ исчисляется единицами в год по всей стране. [12]. Причинами такой низкой эффективности применения данной статьи служат неоднозначный характер признаков состава преступления, сложность доказывания субъективной стороны, ведомственная неоднозначность последовательности расследования.

Сложная природа институтов нотариата и аудита, различия в механизмах злоупотреблений, проблемы квалификации по статье 202 УК РФ подтверждают необходимость внедрения мер, направленных на совершенствование правового механизма привлечения нотариусов и аудиторов к ответственности.

С учетом принципиальных различий в правовой природе полномочий нотариуса и аудитора, считаем наиболее правильным вариантом провести разграничение статьи 202 УК РФ на две нормы со своим субъектным составом, где одна норма будет включать злоупотребление полномочиями частных нотариусов, а вторая норма будет посвящена злоупотреблению полномочий аудиторами. Подобное разделение позволит установить дифференцированные квалифицирующие признаки и учесть особенности каждого совершённого деяния.

Кроме того, необходимо ввести точное обоснование критериев статьи 202 УК РФ, включающей в себя категории «существенного вреда» и «крупного ущерба». Формализованные критерии позволят избежать неоднородность судебной практики, принятие произвольных решений, даст возможность использовать конкретные объективные данные.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о важности исследования вопросов уголовно-правового института ответственности за злоупотребление полномочиями нотариусами и аудиторами, а также о наличии ряда дискуссионных вопросов квалификации со-

става преступления, разграничения его со смежными составами. Объединение в одной статье двух различных по своей природе субъектов является причиной системных проблем правоприменения. Законодателю необходимо провести модернизацию правового механизма привлечения нотариусов и аудиторов к ответственности с точки зрения дифференцированного подхода.

Литература

1. Ярков В.В., Ренц И. Российский нотариат на переломе: quo vadis? [Электронный ресурс] // URL: https://staging.zakon.ru/publication/igzakon/11256#qm-comment (дата обращения: 24.03.2026).

2. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462–1) (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/cf0885df18c79147db9a7f2600313d5ffc8cee37/ (дата обращения: 24.03.2026).

3. Кузнецов Н.А., Ястребов Д.В. Системная характеристика функций нотариата: проблемные ситуации нотариальной теории и практики. Статья вторая, Нотариус. 2024. № 1. С. 1–5.

4. Паулов П.А., Фомкина В.Д. Организация нотариальной деятельности частнопрактикующих нотариусов: экономический и правовой аспекты Самарский государственный экономический университет (Россия, г. Самара). Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Т. 3–2 (42), 2020. С. 52–54.

5. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об аудиторской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 15.

6. Ким Н.В. Аудит: институциональные аспекты // Финансовое право. 2010. № 10. С. 23–27.

7. Куприянов Ф.А. Оценщик не для УК РФ // Уголовный процесс: электрон. журн. 2012. № 7. URL: https://e.ugpr.ru/292897 (дата обращения: 24.03.2026).

8. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/f44c42a5fda0cbe1cb21e2547efc79a5c46c66c9/ (дата обращения: 24.03.2026).

9. Приговор Первомайского районного суда Тамбовской области от 07.05.2025 по делу № 1–10/2025 [Электронный ресурс]. Официальный сайт Первомайского районного суда Тамбовской области. URL: http://pervomaysky.tmb.sudrf.ru (дата обращения: 24.03.2026).

10. Прокуратура ЦАО г. Москвы направила в суд уголовное дело о мошенничестве, совершенном группой лиц в особо крупном размере [Электронный ресурс]. Прокуратура Центрального административного округа г. Москвы: официальный сайт. URL: https://cao.mskproc.ru/ (дата обращения: 24.03.2026).

11. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 24.03.2026).

NOTARY AND AUDITOR: TWO TYPES OF ABUSE, ONE PUNISHMENT?

Magomedov M.R., Zeynalov M.M.
Dagestan State University.

This article examines current issues in the criminal law framework for abuse of power by notaries and auditors. It substantiates the importance of studying these entities separately, given the differences in the nature of their activities, the illegal acts they commit, and the potential socially dangerous consequences.

General scientific and specialized research methods were used in writing this article, including theoretical analysis, the dogmatic method, the structural method, the systems approach, the comparative legal method, and the empirical method.

The research findings substantiate the relevance of further studying the criminal law framework for abuse of power by private notaries and auditors from a differentiated perspective. Furthermore, differences in the mechanisms of abuse are identified, and measures are proposed to improve the legal framework for holding them accountable.

Keywords: notaries, audit, notaries, auditors, abuse of power, criminal law, Article 202 of the Criminal Code of the Russian Federation, law enforcement practice, criminal liability.

References

1. Yarkov V.V., Rentz I. Russian Notaries at a Turning Point: Quo Vadis? [Electronic resource] // URL: https://staging.zakon.ru/publication/igzakon/11256#qm-comment (date of access 03/24/2026).

2. «Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries» (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 02/11/1993 N 4462–1) (as amended on 02/20/2026) [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/cf0885df18c79147db9a7f2600313d5ffc8cee37/ (date of access: 03/24/2026).

3. Kuznetsov N.A., Yastrebov D.V. Systemic characteristics of the functions of the notary: problem situations of notarial theory and practice. Article 2, Notary. 2024. № 1. Pp. 1–5.

4. Paulov P.A., Fomkina V.D. Organization of notarial activities of private notaries: economic and legal aspects Samara State University of Economics (Russia, Samara). International Journal of Humanities and Natural Sciences. Vol. 3–2 (42), 2020. Pp. 52–54.

5. Federal Law of 30.12.2008 № 307-FZ (as amended on 26.12.2024) «On Auditing Activities» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2009. № 1. Art. 15.

6. Kim N.V. Audit: Institutional Aspects // Financial Law. 2010. № 10. Pp. 23–27.

7. Kupriyanov, F.A. Appraiser Not for the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal Procedure: Electronic Journal. 2012. № 7. URL: https://e.ugpr.ru/292897 (accessed on March 24, 2026).

8. «Criminal Code of the Russian Federation» of June 13, 1996, № 63-FZ [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/f44c42a5fda0cbe1cb21e2547efc79a5c46c66c9/ (accessed on March 24, 2026).

9. Verdict of the Pervomaysky District Court of the Tambov Region dated May 7, 2025, in Case № 1–10/2025 [Electronic resource]. Official website of the Pervomaysky District Court of the Tambov Region. URL: http://pervomaysky.tmb.sudrf.ru (date of access: March 24, 2026).

10. The Prosecutor's Office of the Central Administrative District of Moscow sent to court a criminal case on fraud committed by a group of persons on an especially large scale [Electronic resource]. Prosecutor's Office of the Central Administrative District of Moscow: official website. URL: https://cao.mskproc.ru/ (date of access: March 24, 2026).

11. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Consolidated statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2024 [Electronic resource]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (date accessed: 24.03.2026).

Международные институциональные механизмы защиты детей от насилия в киберпространстве

Ярхамов Камиль Тагирович,
аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: yarkhamov.kamil@mail.ru

Стремительная цифровизация общественной жизни обусловила возникновение принципиально новых форм насилия в отношении детей в киберпространстве, противодействие которым требует своевременной реакции международно-правового сообщества. В настоящей статье исследуются институциональные механизмы защиты детей от онлайн-насилия, сформированные в рамках системы ООН, Совета Европы, Европейского союза и профильных международных альянсов. Автором проведён анализ ключевых международно-правовых актов в рассматриваемой сфере – Конвенции ООН о правах ребёнка, Лансаротской конвенции, Будапештской конвенции о киберпреступности и Директивы ЕС 2011/93/EU, а также деятельности Комитета ООН по правам ребёнка и профильных организаций: WeProtect Global Alliance и INHOPE. Разрабатывается типология существующих механизмов по критериям нормативной обязательности и адаптивности к новым технологическим угрозам, включая использование искусственного интеллекта в производстве материалов о сексуальном насилии над детьми. Отдельно рассматривается соответствие российского законодательства международным стандартам защиты детей в цифровой среде. По результатам исследования выявлены системные пробелы действующей архитектуры и предложены направления её совершенствования.

Ключевые слова: защита прав детей онлайн; киберпространство; международное право; институциональные механизмы; сексуальная эксплуатация детей; Конвенция о правах ребёнка; WeProtect Global Alliance.

Цифровая трансформация последних десятилетий существенно изменила социальное взаимодействие детей. По данным Детского фонда ООН (далее – ЮНИСЕФ), более трети мирового интернет-трафика генерируется пользователями в возрасте до 18 лет, тогда как инструменты правовой защиты и национальное законодательство во многих юрисдикциях не поспевают за темпами технологических изменений [1]. В российском контексте эта тенденция выражена особенно отчётливо: согласно данным Института статистических исследований НИУ ВШЭ, в сеть выходят практически все подростки в возрасте 12–14 лет – 95% по состоянию на 2020 год, причём вовлечённость детей в цифровую среду неуклонно растёт [2]. В последние годы этот показатель продолжает увеличиваться. Это означает, что проблема защиты детей в киберпространстве давно вышла за пределы академической дискуссии и приобрела характер общесоциальной угрозы.

В текущих условиях киберпространство превратилось в среду повышенного риска для несовершеннолетних. Онлайн-груминг, кибербуллинг, производство и распространение материалов о сексуальном насилии над детьми (далее – CSAM), эксплуатация детей посредством платформ прямых трансляций – все эти явления фиксируются правоохранительными органами в нарастающей динамике. Согласно данным WeProtect Global Alliance, глобальные механизмы защиты детей не поспевают за стремительно развивающимся кризисом: несмотря на растущие усилия международного сообщества, технологические и социальные сдвиги с 2023 года лишь усилили риски для детей в онлайн-пространстве [3].

Актуальность данной темы определяется несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, транснациональный характер онлайн-насилия делает национально-правовые меры заведомо недостаточными: преступник, жертва и серверная инфраструктура могут находиться в разных государствах. Во-вторых, действующая архитектура международно-правовой защиты детей формировалась преимущественно в доцифровую эпоху и испытывает нарастающее давление из-за новых технологических угроз, прежде всего генеративного искусственного интеллекта. В-третьих, в отечественной научной литературе сравнительный анализ международных институциональных механизмов в данной сфере не проводился с позиций предложенной авторской типологии, объединяющей критерии нормативной обязательности, наличия специализированных контрольных органов и адаптивности к актуальным технологическим угрозам.

Целью исследования является комплексный анализ международных институциональных механизмов защиты детей от насилия в киберпространстве, оценка их эффективности, разработка авторской типологии указанных механизмов, а также рассмотрение вопроса о соответствии российского законодательства международным стандартам в данной сфере. Объектом исследования выступают международные правовые отношения в сфере защиты прав ребёнка в цифровой среде; предметом – совокупность правовых инструментов и институтов, обеспечивающих соответствующую защиту на глобальном, региональном и межсекторальном уровнях.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. Ключевым методом выступает сравнительно-правовой анализ, посредством которого осуществляется сопоставление международно-правовых инструментов различных уровней. Системно-структурный метод применяется для выявления иерархических связей между институтами защиты детей и определения места каждого из них в общей архитектуре международного права. Формально-юридический метод используется при толковании текстов конвенций, директив и резолюций международных организаций.

Эмпирическую основу исследования образуют первичные источники: тексты международно-правовых актов, доклады договорных органов ООН, ежегодные отчёты WeProtect Global Alliance [3] и INHOPE [4], доклады Специального докладчика ООН по вопросам торговли и сексуальной эксплуатации детей, а также научные публикации отечественных и зарубежных авторов в рецензируемых изданиях. Период исследования охватывает 1989–2025 годы, что позволяет проследить эволюцию международной нормативной базы от принятия Конвенции о правах ребёнка до выхода актуальных отчётов о технологических угрозах.

Проведённый анализ нормативной базы позволяет выделить три уровня институциональных механизмов защиты детей в киберпространстве: глобальный (в рамках системы ООН), региональный (Совет Европы, Европейский союз) и уровень международных альянсов и сетей горячих линий. Каждый из уровней обладает собственной логикой функционирования, специфическими правовыми инструментами и различной степенью охвата государств-участников.

На глобальном уровне ключевым актом остаётся Конвенция ООН о правах ребёнка 1989 года (далее – КПР), ратифицированная 196 государствами и обладающая наибольшим охватом среди всех международных договоров. Статьи 19, 34 и 36 КПР обязывают государства принимать меры защиты детей от эксплуатации, в том числе сексуальной, а общая концепция «наилучших интересов ребёнка» (статья 3) служит фундаментом для всей системы [5]. Комитет ООН по правам ребёнка в Замечании общего порядка № 25 (2021) впервые системно распространил обязательства государств по КПР на цифровую среду, указав на необходимость регулирования деятельности технологических компаний и разработки национальных стратегий онлайн-безопасности детей [6]. Факультативный протокол о торговле детьми 2000 года криминализирует CSAM в государствах-участниках, однако не содержит механизма оперативного реагирования на трансграничные случаи [7]. Специальный докладчик ООН в докладе A/HRC/49/51 (2022) констатировал, что транснациональная природа онлайн-эксплуатации детей требует качественно нового уровня межгосударственного взаимодействия [8].

На региональном уровне наиболее полным инструментом в сфере защиты детей от онлайн-насилия является Лансаротская конвенция Совета Европы 2007 года [9]. Конвенция впервые на международном уровне криминализировала груминг (статья 23) и вовлечение детей в сексуальные онлайн-шоу (статья 21), обязала стороны создать системы горячих линий для репортирования CSAM и установила требования об изъятии незаконного контента. Существенно, что Россия ратифицировала Лансаротскую конвенцию в 2013 году, однако в марте 2022 года утратила членство в Совете Европы. Тем не менее ратифицированный договор продолжает действовать как часть российской правовой системы.

Будапештская конвенция о киберпреступности 2001 года устанавливает стандарты взаимной правовой помощи по уголовным делам, связанным с CSAM (статья 9), и создаёт сеть контактных точек, функционирующих в режиме 24/7 для экстренного реагирования [10]. Россия Будапештскую конвенцию не ратифицировала. На уровне Европейского союза Директива 2011/93/EU установила единые минимальные стандарты уголовной ответственности за сексуальную эксплуатацию детей и обязала государства-члены ввести механизмы блокировки CSAM-ресурсов, представляя собой пример наиболее интегрированного регионального ответа на угрозу [11].

Третий уровень образуют международные альянсы и сети горячих линий, представленные прежде всего WeProtect Global Alliance – партнёрством, объединяющим более 100 государств, свыше 70 технологических компаний и более 110 некоммерческих организаций. Согласно Global Threat Assessment 2025, зафиксирован рост на 1325% числа репортов об ИИ-генерируемых CSAM-материалах в Национальный центр пропавших и эксплуатируемых детей США (NCMEC) в период с 2023 по 2024 год [3]. Этот показатель наглядно демонстрирует, что технологические угрозы развиваются принципиально быстрее, чем институциональные механизмы реагирования. Сеть INHOPE, действующая с 1999 года и охватывающая горячие линии в более чем 40 странах, обрабатывает репорты о предполагаемых CSAM-материалах и передаёт подтверждённые случаи в правоохранительные органы или технологическим компаниям для удаления [4]. В России, в частности, свою деятельность горячая линия ранее осуществляла при поддержке Управления «К» МВД России (до его упразднения), а также взаимодействовала практически со всеми ведущими представителями интернет-индустрии [12]. В настоящее время вопросами кибербезопасности детей занимается Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России.

Проведённый анализ позволяет предложить авторскую трёхуровневую типологию международных механизмов защиты детей в киберпространстве. По критерию нормативной обязательности выделяются механизмы жёсткого права (КПР, Лансарот, Будапешт, Директива ЕС) и механизмы мягкого права (замечания общего порядка Комитета КПР, рекомендации Комитета министров Совета Европы, стандарты WeProtect). По критерию наличия специализированных контрольных органов– механизмы с собственными органами мониторинга (Комитет КПР, Комитет Сторон Лансаротской конвенции, Консультативный комитет Будапештской конвенции) и механизмы без специализированных контрольных органов. По критерию адаптивности к технологическим угрозам – статичные инструменты, не предусматривающие процедур обновления (Будапештская конвенция в базовой редакции, Факультативный протокол 2000 года) и динамичные механизмы с возможностью пересмотра и обновления (замечания общего порядка КПР, регуляторные инициативы ЕС).

Полученные результаты подтверждают вывод о структурном дисбалансе действующей международно-правовой системы регулирования. КПР, обладая максимальным охватом (196 государств), содержит лишь общие обязательства, не адаптированные к цифровой реальности в своём основном тексте. Лансаротская конвенция, будучи наиболее технологически актуальным инструментом, охватывает значительно меньшее число государств. Данный парадокс – широта участия и адаптивность к актуальным угрозам находятся в обратной зависимости – является одним из ключевых структурных изъянов современной системы.

Принципиально новым вызовом, кардинально меняющим природу проблемы, является использование генеративного ИИ для создания синтетических CSAM. Рост числа соответствующих репортов в NCMEC на 1325% за один год [3] свидетельствует не о постепенном, а о стремительном нарастании угрозы. Такая тенденция, на наш взгляд, подрывает базовую презумпцию всей нормативной системы – презумпцию реальной жертвы как основания для криминализации. Действующие международные конвенции, включая Лансаротскую, не содержат положений, однозначно распространяющих свои запреты на синтетические изображения, созданные без участия реального ребёнка. И.В. Павленко и В.С. Егорова ещё в 2021 году обращали внимание на то, что технология морфинга и создания виртуальных изображений ставит вопрос о том, являются ли жертвы реальными или виртуальными, а цифровой век создал потенциал для злоупотреблений в доселе невообразимых масштабах [12]. События 2023–2025 годов полностью подтвердили этот прогноз.

Оценивая соответствие российского законодательства международным стандартам в данной сфере, необходимо отметить следующее. Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [13] устанавливает классификацию информационной продукции и механизмы ограничения доступа детей к вредоносному контенту. Роскомнадзор ведёт Единый реестр доменов с противоправным контентом.

Тем не менее, как констатирует Р.В. Хисамова, ограничительные меры в отношении потребляемого детьми контента в Интернете декларированы, но фактически в интернет-пространство, включая мессенджеры и социальные сети, не интегрированы вследствие сложностей технической реализации и отсутствия у государства адекватных механизмов принуждения [2]. М.Г. Абдулмуслимова и А.М. Шахбанов указывают на ключевой структурный изъян российского законодательства: многие законы не учитывают быстрое развитие технологий и появление новых форм информационных потоков, которые могут оказывать негативное влияние на детей [14].

Кроме того, по нашему мнению, эффективной стратегией защиты от киберугроз является постоянное обучение детей. Даже современные технические средства не могут гарантировать абсолютной безопасности: мошенники совершенствуют свои методы. В этой связи системная интеграция вопросов кибербезопасности в образовательные программы представляется не менее важной, чем совершенствование законодательства. Принципиально значимым элементом такого обучения является формирование у несовершеннолетних устойчивой поведенческой модели: обратиться за помощью к родителям или близким взрослым, поскольку попытки самостоятельных переговоров с мошенниками могут только усугубить положение.

Таким образом, Россия находится в ситуации, характерной, по оценке International Centre for Missing & Exploited Children (ICMEC), для большинства государств мира: формальная правовая база создана, однако её эффективность в отношении новых цифровых угроз порой остаётся недостаточной [12]. Особую озабоченность вызывает отсутствие в российском праве специального регулирования ИИ-генерируемого CSAM – пробел, актуальный, впрочем, для абсолютного большинства юрисдикций мира.

Научный вклад исследования состоит в следующем. Во-первых, разработана авторская трёхуровневая типология международных механизмов по критериям нормативной обязательности, наличия специализированных контрольных органов и адаптивности, отсутствующая в опубликованных отечественных работах по данной тематике. Во-вторых, впервые в отечественной юридической литературе проведён интегрированный анализ международных механизмов, фиксирующих нарастание ИИ-угроз. В-третьих, положение России проанализировано одновременно с позиций международного права и национально-

го законодательства, что позволяет выявить конкретные направления развития.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие мета выводы, основанные на критическом анализе международных механизмов защиты детей в киберпространстве.

Действующая международно-правовая архитектура характеризуется структурным дисбалансом: наибольшим охватом обладает КПР – инструмент, созданный в доцифровую эпоху, тогда как Лансаротская конвенция, технологически наиболее релевантная, охватывает ограниченный круг государств.

Международные альянсы и сети горячих линий, представленные WeProtect Global Alliance и INHOPE, демонстрируют более высокую оперативную эффективность в сравнении с традиционными договорными механизмами, однако их устойчивость обусловлена добровольным участием частного сектора и уязвима перед изменением политики крупнейших платформ. Отсутствие юридически обязывающих обязательств для технологических компаний остаётся критическим структурным пробелом всей системы.

Появление генеративного ИИ как инструмента производства синтетического CSAM показало концептуальный изъян системы, построенной на презумпции реальной жертвы. Рост числа репортов об ИИ-генерируемых CSAM-материалах на 1325% за один год [3] демонстрирует, что угроза развивается принципиально быстрее институциональных механизмов реагирования. Нейтрализация данной угрозы потребует не частичной модернизации существующих конвенций, а разработки нового регулирования ответственности разработчиков генеративных систем.

Россия располагает нормативной базой в данной сфере – Федеральный закон № 436-ФЗ [13], статьи 242–242.2 Уголовного кодекса РФ [15], реестр Роскомнадзора, участие в INHOPE, – однако правоприменительная интеграция этих инструментов порой остаётся недостаточной, а в регулировании ИИ-угроз существуют проблемные аспекты.

Преодоление выявленных пробелов требует действий на нескольких уровнях одновременно. На международном уровне приоритетом должно стать распространение юрисдикции существующих конвенций на синтетический CSAM, а также выработка юридически обязывающих стандартов ответственности технологических компаний за распространение CSAM – задача, которая пока решается преимущественно в рамках добровольных механизмов.

На национальном уровне необходима не столько разработка новых законов, сколько интеграция уже принятых норм в реальные правоприменительные практики. Для Российской Федерации перспективным направлением представляется, в том числе, планомерное совершенствование национального законодательства применительно к угрозам, создаваемым генеративным ИИ.

Таким образом, защита детей в киберпространстве представляет собой один из наиболее острых вызовов современного международного права – вызов, при котором скорость технологических изменений системно опережает скорость нормативной реакции. Устойчивый ответ на эту проблему возможен лишь при условии взаимодействия между государствами, международными организациями и технологическим сектором, готовности пересматривать устоявшиеся правовые концепции и политической воли закрепить защиту детей в качестве безусловного приоритета цифровой повестки.

Литература

1. UNICEF. The State of the World's Children 2017: Children in a Digital World. – New York: UNICEF, 2017. – 215 p. – URL: https://www.unicef.org/reports/state-worlds-children-2017 (дата обращения: 18.03.2026).

2. Хисамова Р.В. Особенности защиты прав детей в интернете // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 2 (61). – С. 105–113. – DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/2/105-113.

3. WeProtect Global Alliance. Global Threat Assessment 2025. – London: WeProtect Global Alliance, 2025. – 99 p. – URL: https://www.weprotect.org/global-threat-assessment-25/ (дата обращения: 18.03.2026).

4. INHOPE. Annual Report 2023. – Dublin: INHOPE, 2024. – 58 p. – URL: https://www.inhope.org/EN/articles/inhope-annual-report-2023 (дата обращения: 18.03.2026).

5. Конвенция о правах ребёнка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 18.03.2026).

6. Комитет ООН по правам ребёнка. Замечание общего порядка № 25 о правах детей в связи с цифровой средой. CRC/C/GC/25. – Женева: ООН, 2021. – 35 с. – URL: https://www.unicef.org/bulgaria/en/media/10596/file (дата обращения: 18.03.2026).

7. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребёнка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии: принят резолюцией A/RES/54/263 ГА ООН от 25 мая 2000 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/optprot_child_sale.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

8. UN Special Rapporteur on the sale and sexual exploitation of children. Report A/HRC/49/51. – Geneva: UN Human Rights Council, 2022. – 25 p. – URL: https://undocs.org/A/HRC/49/51 (дата обращения: 20.03.2026).

9. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия (CETS № 201): заключена в г. Лансароте 25 октября 2007 г. – URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/201 (дата обращения: 20.03.2026).

10. Конвенция Совета Европы о компьютерных преступлениях (CETS № 185): заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г. – URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185 (дата обращения: 20.03.2026).

11. Directive 2011/93/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on combating the sexual abuse and sexual exploitation of children and child pornography // Official Journal of the European Union. – 2011. – L 335. – P. 1–14. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32011L0093 (дата обращения: 22.03.2026).

12. Павленко И.В., Егорова В.С. Детская порнография в сети Интернет: состояние проблемы и мировые тенденции противодействия ей // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 133–143. – DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).133-143.

13. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 13.06.2023) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 22.03.2026).

14. Абдулмуслимова М.Г., Шахбанов А.М. Проблемы правового регулирования безопасности детей в информационном пространстве в рамках законодательства РФ // Теория и практика современной науки. – 2024. – № 5 (107). – С. 10–12.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024). Статьи 242, 242.1, 242.2 // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.03.2026).

INTERNATIONAL INSTITUTIONAL MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF CHILDREN FROM VIOLENCE IN CYBERSPACE

Yarhamov K.T.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The rapid digitalisation of social life has given rise to fundamentally new forms of violence against children in cyberspace, countering which requires a coordinated international legal response. This article examines the institutional mechanisms for the protection of children from online violence established within the UN system, the Council of Europe, the European Union, and multi-stakeholder partnerships. The methodological basis of the study comprises comparative-legal, systemic-structural, and formal-legal methods. The analysis covers the UN Convention on the Rights of the Child, the Lanzarote Convention, the Budapest Convention on Cybercrime, and EU Directive 2011/93/EU, as well as the activities of the UN Committee on the Rights of the Child, the WeProtect Global Alliance, and INHOPE. The scientific novelty of the study consists in the development of an original three-tier typology of existing mechanisms based on normative bindingness, the presence of specialised monitoring bodies, and adaptability to emerging technological threats, including the use of artificial intelligence in the production of child sexual abuse material. The article separately examines the compliance of Russian legislation with international standards for the protection of children in the digital environment and identifies systemic gaps requiring legislative attention.

Keywords: online child protection; cyberspace; international law; institutional mechanisms; child sexual abuse material; Convention on the Rights of the Child; WeProtect Global Alliance.

References

1. UNICEF. The State of the World's Children 2017: Children in a Digital World. New York: UNICEF, 2017. 215 p. Available at: https://www.unicef.org/reports/state-worlds-children-2017 (accessed: 18.03.2026).

2. Khisamova R.V. Features of protection of children's rights on the Internet. Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 2 (61). Pp. 105–113. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/2/105-113. (In Russ.)

3. WeProtect Global Alliance. Global Threat Assessment 2025. London: WeProtect Global Alliance, 2025. 99 p. Available at: https://www.weprotect.org/global-threat-assessment-25/ (accessed: 18.03.2026).

4. INHOPE. Annual Report 2023. Dublin: INHOPE, 2024. 58 p. Available at: https://www.inhope.org/EN/articles/inhope-annual-report-2023 (accessed: 18.03.2026).

5. Convention on the Rights of the Child. UN GA Resolution 44/25 of 20 November 1989. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (accessed: 18.03.2026).

6. UN Committee on the Rights of the Child. General Comment № 25 on Children's Rights in Relation to the Digital Environment. CRC/C/GC/25. Geneva: UN, 2021. 35 p. Available at: https://www.unicef.org/bulgaria/en/media/10596/file (accessed: 18.03.2026).

7. Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the Sale of Children, Child Prostitution and Child Pornography. UN GA Resolution A/RES/54/263 of 25 May 2000. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/optprot_child_sale.shtml (accessed: 20.03.2026).

8. UN Special Rapporteur on the sale and sexual exploitation of children. Report A/HRC/49/51. Geneva: UN Human Rights Council, 2022. 25 p. Available at: https://undocs.org/A/HRC/49/51 (accessed: 20.03.2026).

9. Council of Europe Convention on Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse (CETS № 201). Lanzarote, 25 October 2007. Available at: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/201 (accessed: 20.03.2026).

10. Convention on Cybercrime (CETS № 185). Budapest, 23 November 2001. Available at: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185 (accessed: 20.03.2026).

11. Directive 2011/93/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on combating the sexual abuse and sexual exploitation of children. Official Journal of the European Union. 2011. L 335. Pp. 1–14. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32011L0093 (accessed: 22.03.2026).

12. Pavlenko I.V., Egorova V.S. Online child pornography: problem overview and global trends in counteraction. Russian Journal of Criminology. 2021. Vol. 15, № 1. Pp. 133–143. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).133-143. (In Russ.)

13. Federal Law № 436-FZ of 29 December 2010 «On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development» (as amended on 13.06.2023). SPS ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (accessed: 22.03.2026).

14. Abdulmuslimova M.G., Shakhbanov A.M. Problems of legal regulation of children's safety in the information space within the framework of legislation of the Russian Federation. Theory and Practice of Modern Science. 2024. № 5 (107). Pp. 10–12. (In Russ.)

15. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of 13 June 1996 (as amended on 22.04.2024). Articles 242, 242.1, 242.2. SPS ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 22.03.2026).